

СЕРИЯ  
«АРХИВ»

# ЖАНДАРМЫ РОССИИ

Издательский Дом «Нева»  
Санкт-Петербург  
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»  
Москва  
2002

ББК 63.3(2)52  
Ж 27

*Исключительное право публикации книги принадлежит Издательскому Дому «Нева». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.*

Ж 27 Жандармы России / Сост. В. С. Измозик. — СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. — 640 с.

ISBN 5-7654-2449-X  
ISBN 5-224-03963-0

Книга, подготовленная коллективом профессиональных историков и бывших работников спецслужб, является итогом их многолетнего кропотливого труда. В ней в увлекательной форме рассказывается о реальной истории политического розыска в России с XV века до 1917 года, а также дается тщательный анализ деятельности сыскных учреждений и их руководителей на протяжении пяти веков.

ББК 63.3(2)52

ISBN 5-7654-2449-X  
ISBN 5-224-03963-0

© Сост. Измозик В. С., 2002  
© Издательский Дом «Нева», 2002  
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002

## ПРЕДИСЛОВИЕ

*Наш век пройдет. Откроются архивы.  
И все, что было скрыто до сих пор,  
Все тайные истории извисты  
Покажут миру славу и позор.*

*Николай Тихонов*

История политического розыска, по сути, начинается с момента возникновения государства. Борьба за власть, стремление ее удержать, постоянная угроза дворцовых переворотов и мятежей заставляла правителей обращать особое внимание, наряду с армией, на службу государственной безопасности. Так же, очень рано, возникают и основные ее компоненты: подслушивание, подглядывание и донос как способы получения информации; пытка как самое надежное средство установления истины и другие методы деятельности, весьма далекие, в частности, от христианских заповедей, но, к сожалению, неизбежные на определенном этапе исторического развития.

Кстати, элементы политического розыска легко обнаружить и на страницах Библии. Легендарная история гибели Иисуса Христа — это тоже эпизод политического розыска в древней Палестине. Здесь присутствуют все его составляющие: проповеди молодого человека, собирающие и возбуждающие огромные толпы недовольных существующим порядком вещей; опасения местной политической элиты (фарисеев и книжников) и наместника Рима, боящихся социальных взрывов и бунтов; донос Иуды, давший необходимый материал для обвинения проповедника в государственном преступлении; арест и последующие пытки, суд, приговоривший его к смерти, исполнение приговора.

Вместе с тем, само наличие политического розыска с момента появления государства не означало немедленного возникновения специальных служб, осуществляющих эти функции. Лишь по мере развития государства и общества, усложнения их содержания, структур, задач и взаимоотношений, политический розыск приобретал все более четкие формы, становясь обязательной составляющей государственного аппарата.

Естественно, что за несколько веков своего официального существования в России органы политического розыска неоднократно трансформировались. Менялись их названия, структура, численность, но неизменной оставалась главная задача: обеспечение внутренней стабильности. Развитие цивилизации и техники вносило свои поправки в методы получения информации, но суть их сохранялась.

Кстати, для обозначения этой деятельности в русском языке существуют два термина: *сыск* и *розыск*. Согласно «Словарю русского языка» (М., 1961), слово «*сыск*» в интересующем нас плане имеет два значения: особый порядок расследования уголовных дел в древнерусском праве, а также выслеживание и розыск преступников, деятелей революционного движения в дореволюционной России. Слово «*розыск*» объясняется, во-первых,



как допрос с применением пыток до XIX в., и, во-вторых, как следственные и оперативные действия, производимые для обнаружения преступников, похищенного имущества и т. п. Так что, по сути, эти термины равнозначны. Но сегодня слово «сыск» чаще употребляется в разговорной речи. Это проявляется и в их производных: «сыскари» и «розыскники», то есть люди, выполняющие эту работу. Поэтому в настоящей работе мы, в основном, будем пользоваться термином «розыск».

Усложнение взаимоотношений государства и общества привело к формированию системы политического контроля. В России о появлении такой системы можно говорить после создания Третьего отделения в июне 1826 года. Особенно роль политического контроля возросла в XX веке. Переход от аграрного к индустриальному обществу, связанные с этим изменения в образе жизни миллионов людей, объективное включение многих из них в повседневную политическую жизнь предъявило новые требования к политическому контролю и политическому розыску как главной его составляющей. Они должны снабжать руководство страны не только сведениями о террористических и других антиправительственных группах и сообществах, о настроениях не только политической элиты и образованного общества, как ранее, но иметь объективную информацию о политических симпатиях и антипатиях широчайших масс, их реагировании на те или иные акции правительства, постоянно отслеживать изменения настроений в различных регионах, социальных, национальных и религиозных группах, создавая тем самым возможности для необходимой, своевременной и точной корректировки проводимого властью курса.

В условиях современных технологий сохраняется и даже возрастает необходимость политического контроля за различными общественно-политическими, религиозными, культурными, спортивными и другими общественными организациями, под прикрытием которых может скрываться политический экстремизм, угрожающий не только государству, но и обществу в целом. Одновременно в определенной степени меняются способы и формы взаимоотношений органов политического контроля и розыска с обществом. Общество через своих выборных представителей стремится к более жесткому контролю за действиями этих спецслужб, требует их большей открытости, в разумно допустимых рамках. С другой стороны, сами сотрудники политического розыска и контроля все чаще осознают собственную заинтересованность в законодательном оформлении своей деятельности. Исторический опыт подсказывает им, что когда действия их предшественников опирались в значительной степени на секретные инструкции, нередко противореча даже официальному законодательству, эти люди становились, особенно в кризисные периоды, заложниками политических игр и комбинаций.

Таким образом, при изучении истории политических спецслужб мы исходим из следующих определенных терминов. Политический розыск (сыск) — система, включающая выявление специальными структурами с помощью негласных методов лиц, чей образ мысли и деятельность, согласно существующему законодательству и традициям, представляют реальную или мнимую опасность для данного государственного строя и его официальных представителей, пресечение такого поведения, а также предотвращение подобных явлений в будущем. Это означает, что политический розыск, в значительной мере, является реакцией на уже произошедшее или то, что может произойти.

Политический контроль — система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций. Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения общественных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический розыск (сыск) и репрессии при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и обществу.

Политический контроль означает сотрудничество ряда государственных структур, в том числе, конечно, политических спецслужб. Не отменяя репрессий, политический контроль предполагает определенный крен в сторону аналитической, предупредительной деятельности, участия в выработке основных направлений общегосударственной политики с точки зрения того, как она скажется на социальной стабильности и устойчивости государства.

Все вышесказанное указывает на важную роль политического розыска и политического контроля в истории государства и общества, в том числе российского. Между тем, знания о собственной истории российского политического розыска до последнего времени оставались достаточно поверхностными. Конечно, образованный человек неоднократно слышал словосочетания «Тайная канцелярия», «Третье отделение», «Охранка» и, в общем, понимает их смысл. Деятельность этих учреждений — богатый материал для романистов и сценаристов.

Но до конца 80-х годов XX века количество научных и популярных работ об истории политического розыска в нашей стране было весьма ограничено. Причин здесь несколько. Во-первых, все связанное с политической полицией относилось к разряду государственных тайн, и ее архивы, в значительной степени, были недоступны историкам. Во-вторых, советская власть, особенно с начала 30-х годов, также не поощряла действительного изучения политического розыска при царях, опасаясь, не без оснований, напрашивавшихся сопоставлений прошлого и настоящего в умах исследователей и читателей. Кстати, в хорошо известном фильме «О бедном гусаре замолвите слово» по настоянию кинематографического начальства из сценария было вычеркнуто прямое упоминание о принадлежности важного чиновника Мерзляева, прибывшего в губернский город Н. для поисков тайной организации офицеров в гусарском полку, к Третьему отделению.

Поэтому монографические работы по этой тематике, в основном, датированы послереволюционными годами и последним десятилетием. С конца 80-х годов появилась реальная возможность, избегая политической ангажированности, объективно изучать эту важную главу российской истории, опираясь на весь огромный массив опубликованных и архивных источников. С конца 1997 года начал проводить ежегодные конференции по истории российских спецслужб их законный наследник — Федеральная служба безопасности России. В 1996 году подобная конференция прошла в Санкт-Петербурге. Среди активных участников этих форумов — авторы этой книги.

Вместе с тем в новых условиях в средства массовой информации хлынул мутный поток непроверенных, малодостоверных и просто ложных

фактов. К этому добавилось стремление части пишущих просто поменять вчерашние оценки на прямо противоположные, препарировав или замалчивая часть сведений. Выход в последние годы ряда серьезных работ (Анисимов Е. В. Дыба и кнут. М., 2000; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы; Перегудова З. И. Политический сыск в России. 1880—1917. М.: РОССПЭН, 2000 и др.) не отменяет необходимости иметь для широкого читателя научно-популярное издание, охватывающее всю историю политического розыска в России до 1917 года. Эта мысль нашла свое воплощение в предлагаемом читателю сборнике. В предварительных обсуждениях авторы сошлись в том, что их работа должна быть интересна и полезна и просто любителю российской истории, и специалисту. Поэтому книга построена по хронологически-тематическому принципу и содержит следующие разделы: исторические и биографические очерки, не публиковавшиеся ранее воспоминания, извлеченные из архивохранилищ, разнообразные документы. В приложениях впервые с такой полнотой воссозданы структура органов политического розыска, их наименования и руководители с конца XV века до 1917 года, биографические справки на видных деятелей этих учреждений, краткий словарь терминов политического розыска. Документы и мемуары, написанные до 1917 года, публикуются в современной орфографии с сохранением индивидуальных и стилистических особенностей. Очевидные опечатки в этих материалах исправлены без дополнительных указаний. Необходимые смысловые добавления помещены в квадратных скобках.

Том подготовлен коллективом авторов в составе доктора исторических наук Е. В. Анисимова, доктора исторических наук В. С. Измозика, кандидата исторических наук А. Г. Калмыкова, кандидата исторических наук М. М. Крома, кандидата исторических наук, полковника А. В. Куканова, писателя Ф. М. Лурье, доктора исторических наук А. П. Павлова, доктора исторических наук З. И. Перегудовой, кандидата исторических наук Ф. Л. Севастьянова, полковника в отставке А. А. Фомушкина.

Доктор исторических наук, профессор В. С. Измозик.

## РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

*Михаил Кром*

### ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА В РОССИИ (КОНЕЦ XV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI ВЕКА)

При упоминании о политическом розыске воображению представляются застенки тайной канцелярии, шпики в гороховом пальто, выслеживающие революционеров, а из сравнительно недавнего прошлого — «воронок», остановившийся у ночного подъезда... Гораздо меньше известно широкому читателю о том, как понималась и обеспечивалась государственная безопасность в Московской Руси. Между тем, хотя специальных учреждений, занимавшихся расследованием государственных преступлений, до конца XVII века не было создано, политический розыск как таковой в ту эпоху уже, несомненно, существовал.

Проследить истоки какого-либо явления — задача, как правило, весьма трудная; так обстоит дело и в данном случае: до середины XVI века свидетельства об организации политического розыска в России крайне немногочисленны. С другой стороны, до конца XV века об интересующем нас явлении говорить всерьез еще не приходится. Дело в том, что одним из важнейших условий возникновения политического розыска является централизация власти и управления, объединение страны (в эпоху удельной раздробленности розыск едва ли возможен, поскольку разыскиваемые лица легко могли найти убежище на территории соседнего княжества). Не менее важно и другое: сама организация розыска, для того чтобы быть эффективной, требует определенного развития государственного аппарата. Нужен целый штат чиновников, ведущих делопроизводство, принимающих жалобы и доносы, составляющих протоколы допросов и т. п. Невозможно себе представить систему розыска без «досье» и архивов. Наконец, существенные перемены должны были произойти в правосознании, чтобы появилось понятие *государственного преступления*, а это случилось далеко не сразу: Киевская Русь не знала такого понятия.

Все эти условия, о которых шла речь, сложились на рубеже XV—XVI веков. В правление Великого князя Московского Ивана III (1462—1505) Русь обрела государственное единство. В 1497 году был издан Судебник — свод законов, общий для всей страны. Одновременно шло строительство государственного аппарата. Ближайшими советниками «государя всея Руси», делившими с ним труды и заботы управления обширной страной, были бояре и окольничие (при Иване III их было сравнительно немного —

10—12 бояр и 5—6 окольничих, но к середине XVI века Боярская дума разрастается до нескольких десятков человек). Немалое участие в решении государственных дел принимали также дворецкие, первоначально ведавшие великокняжеским хозяйством, а в описываемое время получившие под свой контроль новоприсоединенные территории (Новгород, Тверь, позднее — Рязань и т. д.). Непосредственно канцелярской работой занимались дьяки и подьячие, число которых непрерывно росло (всего за конец XV — первую треть XVI века известно несколько сот имен представителей нарождающейся приказной бюрократии).

С конца XV века прослеживается далее уже не прерывавшаяся традиция документального учета и регламентации всех важных сторон государственной жизни. В писцовых книгах велся учет наличного фонда земель, и эти сведения являлись в основу налогообложения. Разрядные книги фиксировали назначения воевод на службу в полки. Для нашей темы важно подчеркнуть, что к описываемому времени на Руси окончательно утвердилось обязательное документальное оформление судебных дел. Составлялись протоколы судебных процессов — они назывались «судными списками». Особое внимание историка политического розыска, конечно, привлекут следственные материалы (часть из них сохранилась, начиная с первой четверти XVI века, о других есть упоминания): «*ропросные речи*» — по-нашему, протоколы допросов; «*сказки*» — так назывались любые показания, включая доносы; «*обыскные списки*» — следственные дела; «*челобития*» — прошения и т. п. Дела, имевшие политическую окраску и представлявшие особую важность в глазах правительства, хранились в государственном архиве. Об этом свидетельствует дошедшая до нас Опись Царского архива, составленная в 60—70-х годах XVI века. Из числа упомянутых там документов, имеющих отношение к политическому розыску, наиболее ранние датируются временем правления Василия III Ивановича (1505—1533).

Материалы в Царском архиве хранились в пронумерованных ящиках. Заглянем в некоторые из них.

«*Ящик 27-й*. А в нем списки о князе Иване резанском; связка Володи Кузминского; списки старца Максима и Савы Греков, и Берсенева, и Федка Жаренова; списки Петра Карпова Мухина, и Некраса Харламова, и Якова Дмитриева; и обыск Дмитрея Волынского да Ивашка Щекина...».

Документы, перечисленные в 27-м ящике, относились в основном к событиям 20-х годов XVI века: побегу в Литву последнего рязанского князя Ивана Ивановича (1521), следствию и суду по делу И. Н. Берсена Беклемишева и ученого монаха Максима Грека (1525). Эти документы частично сохранились, и ниже мы познакомимся с ними поближе.

К той же эпохе относилось и содержимое *44-го ящика*: в нем были «списки — сказка Юрья Малого, и Стефаниды резанки, и Ивана Юрьева Сабурова, и Машки кореленки, и иных немочь великие княгини Соломаниды».

За этим сухим перечнем документов скрывается весьма драматическое событие — развод великого князя Василия III со своей женой Соломонией Сабуровой (1525) «неплодия ради ее» и насильственное пострижение несчастной в монахиню. Читателю предстоит в дальнейшем убедиться в том, что данный эпизод, сопровождавшийся следствием, к которому были привлечены близкие к Соломонии лица, имел прямое отношение к истории политического розыска.

Большинство же «дел» политического характера, упомянутых в Описи 60-70-х годов XVI века, принадлежало более поздней эпохе — времени царствования Ивана Грозного.

Теперь посмотрим, как обстояло дело (выражаясь современным языком) с «*правовой базой*» политического розыска в Московской Руси. И здесь мы сразу обнаруживаем, что в законодательстве вплоть до середины XVII века понятие о государственных преступлениях и их видах оставалось слабо разработанным. «*Практика*», то есть преследование лиц, которых верховная власть считала для себя опасными, намного опережала создание соответствующих правовых норм.

Впервые в русском праве государственное преступление как таковое упоминается в памятнике XIV—XV веков — Псковской Судной грамоте, хотя там оно не отделено от иных, общеуголовных преступлений: в ст. 7 Грамоты между «*коновым татем*» (конокрадом) и «*зажигальником*» (поджигателем) назван еще один особо опасный преступник — «*переветник*» (то есть изменник, совершивший переход на сторону врага). Все персонажи этой статьи (опять-таки впервые в русском праве) подлежали смертной казни.

В Судебнике 1497 года, кодексе общерусского значения, также содержится статья (по принятой в науке нумерации — 9-я), перечислявшая особо опасные преступления, каравшиеся смертной казнью. Здесь «в компании» с холопом, убившим своего господина, церковным татем (вором) и «зажигальником» оказались также «*коромольник*», то есть бунтовщик, мятежник или заговорщик, — и загадочный «*подымщик*», в котором некоторые комментаторы усматривают подстрекателя или зачинщика, *поднимающего* народ на восстание.

В новом Судебнике 1550 года, заменившем собой свод законов 1497 года, «подымщик» уже не упоминается, зато в соответствующей статье (61-й), содержавшей перечень преступников, заслуживавших высшей меры наказания, рядом с «коромольником» появился еще один персонаж — «*градский здавец*». Имелась в виду сдача города неприятелю, причем в данном случае мы, пожалуй, можем указать эпизод, послуживший прецедентом. В июле 1535 года во время очередной войны между Россией и Великим княжеством Литовским, польско-литовская армия подошла к городку Гомелю. Тамошним наместником великого князя Московского был князь Дмитрий Щелин Оболенский, и ему надлежало оборонять город от противника. Но после того, как часть гомельского гарнизона перешла на сторону неприятеля, крепость без боя досталась литовцам, великодушно отпустившим Д. Щелина (предварительно его ограбив!) восвояси. Когда неудачливый воевода явился в Москву, его назвали «изменником» и бросили в темницу.

Итак, в середине XVI века в законодательстве имелось лишь два состава преступления, которые можно считать политическими: «*крамола*» и «*сдача города врагу*», — причем они не были выделены в какую-либо особую группу по сравнению с иными тяжкими преступлениями неполитического характера. Лишь в Соборном уложении 1649 года появилась специальная глава — «*О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать*», — специально посвященная политическим преступлениям: умыслу против жизни и здоровья государя, различным видам измены царю и государству, «*сколу и заговору*» против царя и властей. Но хотя в предшествующий период эти виды преступных деяний не были законодательно

определены и систематизированы, на практике они, как мы вскоре увидим, уже с конца XV века инкриминировались тем или иным лицам, становившимся жертвами политического розыска.

### Во времена Ивана III

От времени Ивана III (1462—1505) никаких документов по интересующей нас теме не сохранилось, и единственным источником, проливающим свет на первые шаги политического розыска, являются летописи. Так, в январе 1493 года в Москве были казнены князь Иван Лукомский, латинский толмач Матияс Лях и двое братьев-смолянян Селевиных. Летописец так передает суть предъявленных им обвинений: Селевины были казнены за то, «что они посылали з грамотами и с вестми человека своего Вольнцева к князю великому Александру Литовскому<sup>1</sup>. А князя Ивана Лукомского послал к великому князю (Ивану III. — М. К.) служить король польский Казимир, а к целованию его король привел на том, что ему великого князя убити или окормити зельем, да и зелье свое с ним послал, и то зелье у него выняли...»

За неимением документов по этому «делу» нам трудно судить о том, насколько обоснованными были эти официальные обвинения: действительно ли смолянне Селевины являлись литовскими шпионами, а князь Лукомский по заданию короля Казимира<sup>2</sup> готовил покушение на жизнь Ивана III, или казненные лица стали жертвами охватившей московский двор в разгар военного конфликта с Литвой «шпиономании»?

Как бы то ни было, приведенный эпизод представляет несомненный интерес для истории политического розыска. Прежде всего он явно свидетельствует о том, что и умысел на жизнь государя, и шпионаж (пересылка грамотами с неприятелем), квалифицированные как государственные преступления лишь в Соборном уложении 1649 года, в реальности считались таковыми еще в конце XV века (и соответственно карались). Кроме того, хотя в летописном сообщении перед нами предстает лишь финал этого драматического эпизода, но некоторые детали рассказа позволяют судить о процедуре розыска, предшествовавшего казни.

Так, в качестве вещественного доказательства фигурировало некое «зелье», изъятое у арестованного князя Ивана Лукомского. Еще одна интересная подробность: по словам летописца, Лукомский оговорил князя Федора Бельского, заявив, что тот «хотел бежати от великого князя в Литву. И князь великий (Иван III — М. К.) за то велел князя Федора изымати, да послал его в заточение в Галичь». Значит, побег в соседнее государство (в тот момент — вражеское!) рассматривался как измена, и даже само намерение бежать за рубеж считалось преступным. Примечательно и то, что одного показания арестованного оказалось достаточно, чтобы на несколько лет упрянуть заподозренное лицо за решетку: Ф. И. Бельский просидел в заточении до 1497 года. Поскольку арестован он был в декабре 1492 года, а казнь князя Лукомского и его «товарищей по несчастью» произошла 31 января 1493 года, то получается, что следствие по одному из первых известных нам политических дел продолжалось несколько месяцев.

Прошло чуть меньше четырех лет, и москвичи снова стали свидетелями казней: так ударами топора «государь всея Руси» пытался разрубить узлы, в которые запутались отношения в его собственной семье.

В монархических государствах вопрос о престолонаследии всегда был одним из важнейших; он же давал многочисленные поводы к проведению тщательнейшего розыска, причем участь обвиненных или хотя бы заподозренных нетрудно было предугадать.

До самого конца 1490-х годов вопрос о том, кто будет наследником Ивана III, оставался открытым. Смерть его старшего сына Ивана Ивановича Молодого в 1490 году породила династическую проблему. Вокруг сына покойного, Дмитрия-внука (в 1497 году, когда разыгрались описываемые ниже события, ему исполнилось 14 лет), образовалась придворная «партия», главой которой была мать мальчика — Елена Волошанка, дочь молдавского господаря Стефана Великого. Естественно, этот придворный кружок хотел бы видеть на престоле своего кандидата. Но имелся и другой претендент — сын Ивана III от второго брака (с Софьей Палеолог) Василий. Он был знаменем соперничающей группировки, душой которой была мать 18-летнего княжича, Софья.

Итак, две женщины-соперницы, две противоборствующие партии. Гром грянул в декабре 1497 года, когда великий князь Иван Васильевич «всея Руси» положил опалу на сына своего Василия — посадил его «за приставы на его же дворе», то есть, иными словами, — под домашний арест, если верить летописцу, был раскрыт целый заговор: от своего дьяка Федора Стромиллова княжич Василий узнал, что «отец его, князь великий, хочет пожаловати великим княжением Володимерским и Московским внука своего князя Дмитрея Ивановича...», после чего якобы возник дерзкий замысел, в который, помимо Ф. Стромиллова, были посвящены некоторые служилые люди — дети боярские, «а иных тайно к целованию (креста. — М. К.) приведоша на том, чтобы князю Василью от отца своего великого князя отъехати, да казна пограбити на Вологде и на Белеозере и над князем над Дмитреем израда (измену, вероломство. — М. К.) учинити». — Если такой замысел и существовал, он остался нереализованным. Мы же спустя пятьсот лет не можем, за неимением данных, проверить это летописное сообщение. — «И изведав то и обискав, — продолжает летописец, — князь великий Иван Васильевич злую их мысль, и повелел изменников казнити: и казниша их на Москве на реце (на льду. — М. К.) шестерых», а «иных многих детей боярских велел князь великий в тюрьму пометати». Опала постигла и жену Ивана III, великую княгиню Софью — мать Василия: к ней-де «приходиша бабы с зелием; обискав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москверке ношью, а с нею с тех мест нача жити в брежении».

Как видим, розыск по делу о неудавшемся заговоре (если таковой имел место в действительности) принял впечатляющие масштабы; велико было и число репрессированных лиц.

Казалось, партия Дмитрия-внука и Елены Волошанки взяла верх. Ее триумф достиг апогея, когда в феврале 1498 года состоялась торжественная церемония венчания Дмитрия Ивановича на великое княжение Московское и всея Руси. Но фортуна переменчива. Спустя год Василий был освобожден из-под стражи и, в свою очередь, тоже «наречен» великим князем: борьба за место наследника престола разгорелась с новой силой. Следить за всеми ее перипетиями мы не будем — это увело бы нас далеко от темы, сообщим лишь о финале династического кризиса: 11 апреля 1502 года Иван III «положил опалу на внука своего, великого князя Дмитрея Ивановича, и на его мать, великую княгиню Елену, за малое их прегрешение, с очей сослал и в крепости посадил и до их смерти».

В чем состояло это «малое прегрешение», летописцы не сообщают. С этого момента было запрещено величать Дмитрия-внука «великим князем» и поминать его с матерью в церковных службах. А их счастливый соперник Василий 14 апреля, то есть три дня спустя, получил отцовское благословение и был посажен на великое княжение Владимирское и Московское и провозглашен «всеа Русии самодержцем».

Так в России стало двумя политическими узниками больше. К тому времени продолжали томиться в заточении пленники Ивана III, сыновья его брата Андрея Васильевича Большого, князя углицкого, арестованные вместе с отцом в 1491 году (сам князь Андрей Большой умер в темнице в 1493 году). Еще во второй половине XVI века в Царском архиве, согласно дошедшей до нас описи, хранились какие-то документы, связанные с арестом матери Дмитрия-внука, под заголовком «опала великие княгини Волошенки», а также специальные «траты, как стерегут княз Ондреевых детей (то есть сыновей Андрея Углицкого. — М. К.) и внука». Любопытно, что само имя «внука» не называлось, словно действовал некий специальный запрет на его упоминание, и к началу XVII века подьячие, разбиравшие государственные бумаги, уже не могли понять, о ком идет речь. Этим, видимо, объясняется появление характерной пометы в Описи архива Посольского приказа 1614 года (к тому времени в Посольском приказе помимо дипломатических материалов оказалось немало документов внутривластного характера): «Тетрадка 7017-го году (то есть 1508—1509 годов. — М. К.), а в ней писано, как стеречи внука, а имени ему и чей словет, того не написано». Таким образом, существовали специальные инструкции для тюремщиков, стороживших секретного узника, само имя которого не называлось (русский аналог знаменитой «железной маски»? ). Упомянутая в описи «тетрадка» относилась к последнему году жизни Дмитрия-внука: он умер в заточении 14 февраля 1509 года.

Наш рассказ о зарождении политического розыска в России будет неполон, если не упомянуть о государственном преследовании инакомыслящих. И на Западе, и на Востоке Европы церковь издавна в борьбе с вольнодумцами-еретиками прибегала к помощи светских властей. Так было и на Руси, а с объединением русских земель в одно государство подобные мероприятия получили общероссийский масштаб.

В конце XV века в Москве и Новгороде возникли кружки вольнодумцев, оспаривавших некоторые догматы православной веры (в литературе их учение получило название «ереси жидовствующих»). Ряд церковных иерархов настаивал на радикальном искоренении ереси (в том числе наиболее активно — волоцкий игумен Иосиф Санин и новгородский архиепископ Геннадий, призывавшие последовать примеру гишпанского короля», сжигавшего еретиков на кострах), но некоторое время их усилия не имели успеха, поскольку еретикам покровительствовал сам государь. Однако в последние годы правления Ивана III, когда великий князь начал от болезни «изнемогати» и решающее влияние на ход государственных дел стал оказывать его сын и наследник Василий Иванович, с политикой терпимости по отношению к еретикам было покончено. И вот 27 декабря 1504 года в Москве запылали костры: по решению церковного собора и повелению Великих князей Ивана Васильевича и Василия Ивановича сожжены были Иван Волк Курицын и двое его товарищей-вольнодумцев. Розыск еретиков велся и по другим городам; казни (на костре) произошли также в Новгороде. Хотя подобные аутодафе, к счастью, не стали на Руси традици-

ей, но в дальнейшем на протяжении XVI—XVII веков сотрудничество светских и церковных властей в преследовании врагов ортодоксальной веры приобрело значительный размах.

### Во времена Василия III

От времени правления Василия III (1505—1533) сохранились уже некоторые документы, позволяющие более детально представить себе механизм политического розыска в тогдашней России.

Все «дела» политического характера первой трети XVI века, о которых у нас имеются сведения, можно разделить на три категории: династический вопрос и отношения внутри великокняжеской семьи; борьба с инакомыслием; «изменные» дела (чаще всего — о побеге за границу).

При Василии III пределы Русского государства еще более расширились за счет ликвидации призрачной самостоятельности Пскова (1510) и Рязани (1521) и отвоевания от Литвы Смоленска (1514). Могущество этого государя — наследника Ивана III — производило большое впечатление на иностранных наблюдателей.

Вот что писал о Василии III австрийский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн, дважды (в 1517 и 1526 годах) побывавший с дипломатической миссией в Москве: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира. Он довел до конца также и то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей и у прочей знати все крепости... Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им».

Под пером Герберштейна Василий Иванович предстает тираном, который «всех одинаково гнетет жестоким рабством», но под «всеми» в данном случае надо понимать только знать: именно ей приходилось испытывать на себе подозрительность и суровость скорого на опалу государя, что же касается рядовых подданных, то они находились на безопасном расстоянии от престола — у тогдашнего нарождающегося московского самодержавия не было возможностей (да и, похоже, стремления) контролировать повседневную жизнь простых крестьян и горожан. Зато недоверие Василия III к своим братьям подмечено австрийским путешественником совершенно справедливо.

Братьев у великого князя (при вступлении его в 1505 году на престол) было четверо: Юрий, Дмитрий, Семен и Андрей. Каждый из них владел несколькими городами на правах удела, т. е. полуавтономной территории. Беспокойство Василия III можно понять: у него самого долго (до 1530 года) не было детей, а братья представляли собой «готовых» претендентов на престол. В свою очередь, Великий князь принимал меры предосторожности: он не позволял братьям жениться, дабы они не могли основать собственных династий (лишь в январе 1533 года, когда у самого Василия III уже было двое сыновей, младшему и наиболее покладистому из братьев — Андрею — было, наконец, разрешено жениться), и следил за каждым их шагом через своих тайных агентов при удельных дворах. О том, как была поставлена система слежки за государевыми братьями, явствует из челобитной некоего Ивана Яганова, служившего Василию III осведомителем при дворе его брата Юрия Дмитровского. Челобитная была написана вскоре после смерти Великого князя Василия, в конце 1533 или

начале 1534 года, когда Яганов попал в опалу, и призвана была напомнить опекунам нового государя — юного Ивана IV о заслугах просителя. Этот документ настолько колоритен, что трудно удержаться и не привести отсюда несколько цитат<sup>3</sup>.

«Наперед сего, — писал Яганов, обращаясь к Великому князю Ивану Васильевичу, коему недавно минуло три года, — служил есми, государь, отцу твоему великому князю Василью: что слышеш о лихе и о добре, и яз государю сказывал, а которые дети боарские князь Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные (!) дела, и яз, государь, те все дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся (обещал. — М. К.) жаловати своим жалованьем... и велел ми государь своего дела везде искати...». Итак, своих информаторов сей «искатель государева дела» находил в самом окружении князя Юрия — среди дмитровских детей боярских.

Как можно понять из цитируемого документа, секретные агенты, подобные Яганову, приносили специальную присягу на имя государя: «А в записи, государь, в твоей целовальной написано, — напоминал Яганов, — слышеш о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим боаром». Но наш герой видел в доносительстве не только свой служебный долг, но и моральную обязанность: «Ино, государь, тот ли добр, которой что слышеш да не скажет?»

Как видим, слежка и доносительство с самого начала являлись основными методами политического розыска в России. Доносительство насаждалось самой верховной властью с использованием традиционных стимулов — кнута и пряника. Тот же Яганов упомянув о «жалованье», которое великий князь сулил своим верным слугам-осведомителям, ниже дает понять, что грозило государевым подданным за недонесение: «не сказали жестоких речей на Якова на Дмитриева отцу твоему (напомню, что Яганов пишет Ивану IV и имеет в виду его покойного отца, Василия III. — М. К.) Башмак Литомин да Губа Дедков, и отец твой хотел их казнити».

В чем конкретно обвинялся упомянутый выше Яков Дмитриев, мы (по недостатку документов) не знаем, но в том, что «дело» на него действительно было «заведено» (выражаясь языком нынешнего уголовно-процессуального права), можно быть уверенным: в описи Царского архива XVI века значатся некие «списки» Якова Дмитриева, а также не менее загадочные (для нас) «списки смоленские, бранья Якова Дмитриева и смольнян на Москву...»<sup>4</sup>.

Необходимым условием для процветания доносительства является освобождение доносчиков от ответственности в случае сообщения ими ложных сведений. И сам Яганов, и (судя по его челобитной) Василий III это прекрасно понимали. Прося освободить его из тюрьмы (куда он попал, как можно понять, как раз за донос), Иван Яганов подкрепляет свою просьбу «государственными резонами»: ведь если он, служа государю, «скончает свой живот» «нужною (голодною — М. К.) смертью», то «вперед, государь, кто что слышит о твоем деле, о лихе и о добре, ино сказати не мочно...». А вот покойный государь Василий, которого Яганов ставит его наследнику в пример, «какову речь кто ему скажет, будет сойдетца — и он ее ставил в дело, а будет не сойдетца на дело, и он пушал мимо уши; а хто скажет, тому пени не чинил и суда ему не давал в своем деле». Сама лексика этого документа чрезвычайно выразительна («ставил в дело», «сойдется» и т. п.) и удивительно напоминает жаргон сыскных учреждений гораздо более близких к нам времен.

Стоит ли удивляться, что при такой системе слежки Великий князь вовремя узнавал не только обо всех действиях своих удельных братьев, но даже об их намерениях. Так, в январе 1511 года, когда князь Семен Калужский «восхоте» (по словам летописи) «бежати в Литву от брата своего Великого князя Василиа Ивановича всеа Руси», «князь велики сведав то, посла к нему и велел ему у себя быти, и хоте на него опалу свою положити...» Пример Яганова показывает, каким образом государь мог «сведать» о замысле своего брата, и, хотя покаяние князя Семена и «печалование» (ходатайство) за него митрополита Симона спасло виновного в таком дерзком умысле государева брата от опалы, но сам эпизод весьма показателен.

Даже такое, казалось бы, сугубо семейное дело, как развод, если речь шла о Великом князе, приобретало государственное значение и, стало быть, могло послужить поводом к проведению политического розыска.

Первый брак Василия III — с Соломонией Сабуровой — оказался бездетным. Между тем для продолжения династии государю нужен был наследник. И вот на 20-м году супружеской жизни Василий Иванович решил развестись с женой. Решение это далось великому князю нелегко: требовалось не только преодолеть сопротивление самой Соломонии (не желающей менять великокняжеские палаты на монашескую келью) и ее родни, но и пойти против общественного мнения, ибо, по церковным канонам, бесплодие супруги не являлось достаточным основанием для развода. Но династические интересы взяли верх, и в ноябре 1525 года было начато следствие по делу Соломонии. К розыску был привлечен широкий круг лиц, включая весьма высокопоставленных. Выше мы уже упоминали о том, что в Царском архиве в специальном ящике (под № 44) хранились материалы по этому «делу». Здесь были показания («сказки») казначея Юрия Дмитриевича Траханиота (возможно, в связи с данным инцидентом попавшего в опалу), брата Соломонии Ивана Юрьевича Сабурова, а также двух ворожей — Стефаниды-рязанки и Машки-карелянки. Допрашивали их всех «про немочь великие княгини Соломаниды». Вероятно, следователям было приказано найти благовидный предлог для развода — им могла быть тяжелая болезнь («немочь») великой княгини. До наших дней сохранился протокол одного из этих допросов — показания И. Ю. Сабурова.

23 ноября 1525 года брат Великой княгини Иван Сабуров заявил на следствии, что по просьбе Соломонии разыскал и привел к ней некую «жонку» Стефаниду-рязанку, которая, осмотрев «пациентку», сказала, что детей у Великой княгини не будет, и, «заговорив» воду в рукомойнике, велела ей той водой смачиваться — чтобы ее князь Великий любил; по совету той же Стефаниды (из описи Царского архива мы знаем уже, что она тоже была подвергнута допросу) Соломония смачивала водой из «заговоренного» рукомойника платье своего мужа — Великого князя.

Под протоколом допроса Сабурова стоит его подпись: «К сей памяти яз Иван руку приложил». А на обороте документа сделана интересная канцелярская помета: «Да Иван жо говорил: а что ми, господине, говорити? (видимо, не названный по имени следователь требовал от него дальнейших подробностей. — М. К.) Того мне неиспаятовати, сколько ко мне о тех делех жонок и мужиков прихаживало».

Ситуация в общем ясна: несчастная Соломония, всеми силами пытавшая сохранить привязанность мужа, прибегла к услугам знахарей и ворожей. Но то, что нам может показаться безобидной любовной магией, в средневековую эпоху легко могло быть истолковано как стремление «испортить»



государя, околдовать его — со всеми вытекающими отсюда для виновных последствиями. Великий князь мог быть доволен результатами следствия: теперь, в случае если бы Соломония стала противиться «добровольному» пострижению в монахини, у Василия III имелись веские основания для предания жены церковному суду по обвинению в колдовстве. Но до этого дело не дошло.

28 ноября (то есть на пятый день после упомянутого выше допроса И. Ю. Сабурова) «князь великий возложи на великую княгиню Соломаниду опалу. И ноября в 29 день Великая княгиня Соломония пострижена бысть в чернице бесплодия ради у Рожества Пречистые не Рве и наречена бысть инока Софья», — сообщает летописец.

Василий III обошелся без судебного фарса: все было сделано келейно (в буквальном смысле монашеской кельи!), «по-семейному». Великая княгиня Соломония стала инокиней Софьей. Официальные летописи изображают постриг как ее добровольное решение, между тем австрийский посол С. Герберштейн, побывавший в Москве в 1526 году, когда толки по поводу развода и нового брака Великого князя<sup>5</sup> еще не улеглись, приоткрывает завесу тайны над этой семейной драмой. По его словам, в монастыре Соломония сорвала с себя поданный ей монашеский куколь и распотала его ногами. Тогда «Иоанн Шигона, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее плеткой, прибавив: «Неужели ты дерзаешь противиться воле государя? Неужели медлишь исполнить его веление?»... После этого она, упав духом, громко заявила перед всеми, что надевает куколь против воли и по принуждению и призывает Бога в мстители столь великой обиды, нанесенной ей».

Промелькнувшее выше имя Ивана Шигоны стоит запомнить: доверенное лицо Василия III, он был посвящен во все тайны придворной жизни первой трети XVI века и причастен к расследованию целого ряда особо секретных политических дел.

В феврале того же 1525 года, незадолго до описанных выше событий, в Москве велось следствие по делу ученого монаха Максима Грека и близких к нему лиц. Едва ли не впервые в отечественной истории арестованным инкриминировались не действия, а «вольные речи» — в том числе по вопросам политики.

Афонский монах Максим, прозванный на Руси «Греком», прибыл в Москву в 1518 году по приглашению великого князя для перевода греческих книг. Мудрый старец стал вскоре центром притяжения жаждущих просвещения людей, молодых и убеленных сединами. Так возник кружок, в котором обсуждались религиозные, философские и политические проблемы. В него входили, судя по сохранившимся материалам следственного дела, Иван Никитич Берсень Беклемишев (придворный, служивший еще Ивану III, а при его сыне попавший после 1517 года в опалу), Василий Михайлович Тучков, князь Андрей Иванович Холмский (В. М. Тучков и А. И. Холмский в ту пору были еще молодыми людьми), Иван Данилович Сабуров (двоюродный брат Соломонии), князь Иван Васильевич Токмак и др. Согласно показаниям келейника Максима, Афанасия, все перечисленные, кроме Берсеня Беклемишева, в разговорах с ученым греком секретных тем не касались, а «спирались (т. е. спорили. — М. К.) меж себя о книжном, и нас тогда, — говорил Афанасий, — Максим и вон не высылают; а коли к нему придет Берсень, и он нас вышлет тогда всех вон, а с Берсением сидят долго один на один».

Естественно, следователи тут же поинтересовались у Максима Грека, о чем это он беседовал с глазу на глаз с И. Н. Беклемишевым. В своих показаниях многоопытный старец постарался все крамольные речи приписать своему собеседнику Берсеню, а от себя по возможности отвести подозрения в нелояльности к государю. Он охотно и подробно изложил содержание высказываний своего друга, который, оказывается, критиковал и митрополита («яз того не ведаю, есть ли митрополит на Москве? ... учителя слова от него нет никоторого, а не печалуется ни о ком...»), и даже самого Великого князя: «добр деи был отец великого князя Васильев князь великий Иван и до людей ласков, — говорил будто бы Берсень Максиму, — ... а нынешней государь не по тому, людей мало жалует...», «государь деи упрям и встречи против себя (то есть возражений. — М. К.) не любит, кто ему встречю говорит, и он на того опалается...».

Особенное недовольство Берсеня (в передаче Максима Грека) вызвали перемена обычаев и невнимание Великого князя к советам людей старых, умудренных опытом: «...которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменил: ино на нас которого добра чаяти? ... лутче старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати; а ныне деи государь наш запершыся сам-третей (второе. — М. К.) у постели всякие дела делает». Не одобрял Берсень и внешнюю политику правительства: «ныне отвсюды брани, ни с кем нам миру нет: ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, — все нам недрузи, а наше нестроенье».

На очной ставке («поставили Берсеня с Максимом с очи на очи и прочли список, что Максим на Берсеня сказывал») Иван Беклемишев отрицал все приписанные ему старцем высказывания, но ученый грек продолжал настаивать на истинности своих показаний. «Чистосердечные» признания Максима погубили его друга Берсеня (по окончании следствия тот был казнен), но едва ли помогли ему самому.

Ученый монах, имевший собственное суждение по религиозным и политическим вопросам и приобретший в Москве большой авторитет благодаря своей энциклопедической образованности, Максим Грек стал неудобен церковным и светским властям. По словам Берсеня, сказанным на следствии, Федко Жареный (митрополитичий дьяк, приятель Ивана Беклемишева. — М. К.) говорил ему, когда они оба находились еще на свободе, «а Максима уж изымали», что «велят мне Максима клепати...». Тот же Федко признался Берсеню, что Великий князь присылал к нему троецкого игумена со словами: «толко мне солжи на Максима, и яз тебя пожалую». Таким образом, судьба святогорского старца была предрешена.

Как духовное лицо Максим Грек был предан суду церковного собора во главе с митрополитом Даниилом, но проходил этот суд в великокняжеских палатах (по крайней мере, часть заседаний) в присутствии самого Василия III, его братьев и бояр. Таким образом, инока судили как государственного преступника. В обвинениях не было недостатка: помимо отклонений в толковании некоторых канонических текстов, старцу Максиму инкриминировалось непризнание права русской Церкви на автокефалию, т. е. независимость от константинопольского патриарха, хула на государя (Максим-де называл Великого князя Василия «гонителем и мучителем нечистивым») и даже прямая измена — якобы он вместе с другим греческим монахом Саввой «посылали грамоты к турскаго пашам и к самому турскому царю (султану. — М. К.), поднимая его на благочестиваго

и христоролюбиваго государя и великаго князя Василия Ивановича и на всю его благочестивую державу».

Последнее обвинение было наиболее опасным, но для его доказательства у следователей не оказалось серьезных улик, а сами Савва и Максим упорно отрицали факт переписки с султаном и пашами. Похоже, что и судьи не приняли этого клеветнического обвинения всерьез (оно основывалось лишь на одном, не слишком определенном свидетельском показании) — в противном случае приговор, вынесенный Савве и Максиму, следовало признать необъяснимо мягким.

Некоторые пункты обвинения Максим признал (в частности, относительно неканоничности поставления митрополита в Москве) и был осужден на строгое заточение в Иосифо-Волоколамском монастыре. Участие его недавних собеседников оказалась куда суровее: Берсень Беклемишев был казнен, а Федору Жарену вырезали язык за слишком смелые речи, сказанные как-то о государе (после допросов и очных ставок Федор вынужден был сознаться, что говорил однажды о великом князе, что тот «жесток и немилостив»).

Так был разгромлен кружок, участники которого позволяли себе иметь собственное мнение о происходящем в стране, не совпадавшее с воззрениями властей предрежущих.

Но и в заточении «доброжелатели» не оставили опального монаха в покое: в Москву доносили о том, что Максим не считает себя виновным и, мало того, снова «мудрствует» и (вопреки запрету) послания пишет разным лицам. Тогда в мае 1531 года Максим Грек был доставлен в Москву и вновь предстал перед церковным судом (на этот раз светская власть лишь наблюдала за процессом, не вмешиваясь в него прямо). Там же оказался еще один строптивый инок — Вассиан (в миру — князь Василий Иванович Патрикеев). Его вместе с Максимом обвинили в умышленном искажении переводимых с греческого богослужебных книг, в хуле на русских чудотворцев и иных прегрешениях. Осужденные иноки были заточены по монастырям.

«Мудрствующим» без разрешения начальства людей в тогдашней Московии было немного, и они, подобно Максиму Греку, были все на виду: задача розыска в данном случае состояла лишь в сборе достаточного количества компрометирующих их сведений и свидетельств. Куда труднее было выявить тех, кто пытался бежать за границу: по каждому факту «измены» (включая удавшиеся и неудачные попытки побега) проводилось тщательное расследование. Таких дел было сравнительно много, а круг беглецов весьма широк.

В первую очередь в намерении бежать в Литву (а других вариантов эмиграции из России в описываемое время не было) подозревались знатные лица: удельные князья, бояре и т. д. В старину у военных слуг существовало право «отъезда»: они могли (по крайней мере, в принципе) перейти, «отъехать», от одного князя на службу к другому. С образованием единого Русского государства с этим правом было покончено: «отъезд» с великокняжеской службы куда-либо теперь расценивался как «измена». Стремясь привязать к себе своих слуг покрепче, московские государи заставляли их целовать крест в пожизненной неотступной службе, а для большей надежности требовали, чтобы по данному человеку поручились (на определенную, весьма значительную сумму) другие знатные лица и дворяне. В каждом конкретном случае об актах присяги и поручительства

составлялись специальные записи, хранившиеся в государственном архиве. Самые ранние из дошедших до нас крестоцеловальных и поручных грамот датированы 1474 годом и относятся к князю Даниле Дмитриевичу Холмскому. От XVI же века сохранились десятки подобных грамот.

Поводом к составлению таких «гарантийных» документов обычно служила опала на того или иного князя или боярина. Прощение государем опальному его вины (реальной или мнимой) обязательно сопровождалось присягой помилованного на кресте и выдачей его на поруки. Соответствующие записи оформлялись по единому образцу и содержали ряд обязательных пунктов. Чтобы не быть голословным, процитирую один из подобных документов — крестоцеловальную запись князя Ивана Федоровича Бельского от 20 сентября 1524 года.

Начинается грамота со стереотипного упоминания о некоем «проступке» князя И. Ф. Бельского<sup>6</sup>, за который он «бил челом» государю Василию Ивановичу всея Руси и, по ходатайству митрополита Даниила и других церковных иерархов (также стандартная формула. — М. К.), был прощен. Далее князь Иван Бельский принимает на себя ряд обязательств: «мне, князю Ивану, от своего государя, от великого князя Василья Ивановича всея Руси и от его детей из их земли в Литву к Жигимонту королю Польскому и великому князю Литовскому и к их детям, или кто иной государь будет на Польской земле и на Великом княжестве Литовском, никак не отъехать; также мне, князю Ивану, и ко государя своего великого князя Василья Ивановича всея Руси братье, ни инуды никуды никак не отъехать и до своего живота» (т. е. пожизненно. — М. К.). Затем он обещал никоим образом не вступать в контакт с правителем Польши и Литвы и его подданными, а своему государю Василию Ивановичу всея Руси, его жене и детям (еще не родившимся! — М. К.) — «добра... хотети везде во всем в правду, безо всякие хитрости»; «лиха» им «ни думати, ни делати никакими делы», если же князь Иван услышит или узнает что-либо о «лиходее» государевом, он обязуется доложить об этом Великому князю. Все эти обязательства Бельский скрепил присягой — целованием креста у гроба св. Петра (в Успенском соборе Кремля) — и дачей этой грамоты за подписью и печатью митрополита Даниила.

Несмотря на все эти гарантии, побег за рубеж оставались в первой половине XVI века широко распространенным явлением, а донос на кого-либо с обвинением в намерении «отъехать» в Литву — верным способом свести счеты со своими недругами.

На юго-западной окраине Русского государства в первой четверти XVI столетия существовали два полусамостоятельных княжества — Новгород-Северское и Стародубское. Первое из них принадлежало тезке Василия III, князю Василию Ивановичу Шемячичу, а второе — другому тезке, князю Василию Семеновичу, женатому на государевой свояченице (сестре Соломонии Сабуровой, Марии). Своjak всячески старался доказать Великому князю свою преданность, в том числе и с помощью постоянных доносов на соседа — князя Василия Шемячича (при этом, возможно, Василий Стародубский не только демонстрировал лояльность государю, но и рассчитывал при случае получить хотя бы часть владений оговоренного им соседа). Сохранившиеся документы 1517 года дают представление о мерах, принятых Василием III после получения очередного такого «сигнала».

В июле указанного года князь Василий Семенович прислал к Великому князю в Москву своего человека Иванка, а в сопроводительной грамоте



написал, что тот Иванко вернулся из литовского плена и сообщил, что слышал в Литве о гонце, присланном Шемячичем к воеводе Олбрахту Гаштольд: Шемячич-де «хочет королю служить и с городы». Сходное известие Василий III получил от князя Федора Пронского, который, ссылаясь на своего «человека», ранее служившего в уделе Шемячича, доносил, что тот сносился с королем и Гаштольдом, «да и из Литвы у него люди были от короля».

Великий князь отреагировал немедленно: на Северщину к Шемячичу и к находившимся там же государевым воеводам (уделы двух князей Василиев находились на границе с Литвой, с которой тогда шла война) были посланы специальные эмиссары Иван Юрьевич Шигона Поджогин и дьяк Иван Телешов. Им была дана подробная инструкция, согласно которой они должны были уведомить Василия Шемячича о неблагоприятных для него слухах, дошедших до государя, и убедить князя приехать без опаски в Москву. Не успели еще посланцы Василия III добраться до цели своего назначения, как в столице появился гонец от Шемячича с «речами» к государю: новгород-северский князь, прослышав о доносе на него Василия Стародубского, поспешил с ответными мерами.

«Речь» Василия Шемячича, которую зачитал его слуга Степан Рагозин, начиналась с крайнего уничижения: «холоп твой господарев Василей Иванов челом бьет», — и это говорил удельный князь, властитель обширной области с несколькими городами! Демонстрируя свое смирение и покорность, Шемячич старался в то же время убедить государя в ложности возведенных на него (как он выразился) «безлепиц», подчеркивая, что князь Василий Стародубский и прежде уже его «обговаривал», и ныне старается это сделать — по принципу: «любо деи тем брата<sup>7</sup> своего князя Василья Ивановича уморю, или сам от господаря за то в гневу буду, а одному деи тому быти уж так». Шемячич просил государя позволить ему лично прибыть в Москву и стать «с очи на очи» с тем, кто на него наговаривает; пусть Великий князь «обыщет», разберется и защитит своего верного слугу от подобных «безлепиц».

Шемячичу было послано разрешение на приезд в столицу, а Шигоне и Телешову, находившимся на Северщине, — новые инструкции. В августе Василий Шемячич прибыл в Москву и получил от великого князя заверение: «мы как наперед того безлепичным речем не потакали, так и ныне тому не потакуем, а тебя есмь слугу своего как наперед того жаловали, так и ныне жалуюм... а опытали есмь, что то речи на тебя безлепичные, и мы им и ныне не верим...». Интересно, однако, что в упомянутой выше новой инструкции Шигоне и Телешову, этим великокняжеским посланцам, предписывалось: «...ехали бы есте ко князю к Василью Семеновичу, да говорили бы есте ему от нас речь о береженье... да похвальную бы есте ему речь говорили».

Последняя деталь очень важна: она показывает, что Василий III, вопреки приведённым выше декларациям, поощрял доносы (о чем прямо писал уже известный нам Иван Яганов в своей челобитной) и что на самом деле он не питал доверия к Шемячичу. Действительно, хотя в 1517 году тому удалось выпутаться из описанной выше неприятной ситуации, и своего недруга новгород-северский князь пережил (Василий Стародубский умер в 1518 году), но в 1523 году Шемячич снова был вызван в Москву (под данные митрополитом гарантии его неприкосновенности), арестован и остаток дней провел в заточении.

Если Василия Шемячича лишь подозревали в намерении перейти на службу к королю, то последнему рязанскому князю Ивану Ивановичу действительно удалось в августе 1521 года бежать в Литву. По горячим следам было наряжено следствие (отрывок розыскного дела сохранился): лица из окружения Ивана Рязанского были подвергнуты допросу (а один из них — Дмитрий Сунбулов — и пыткам) с целью выяснения — кто был посвящен в замысел побега, где в данный момент находится князь Иван и т. п.

Но, оказывается, доносы, влекшие за собой розыск по делу о предполагаемой измене, практиковались не только в кругах высшей знати, но и в среде провинциальных служилых людей — детей боярских. В этой связи большой интерес представляет дело 1523—1524 годов о доносе Федора Крыжина на муромских детей боярских Ф. И. Каргашина, братьев Щукиных и Ивана Белого, будто бы намеревавшихся бежать в Литву.

Как только донос дошел до Великого князя, в Муром воеводе князю Б. И. Горбатову был послан приказ доставить подозреваемых в Москву. Расследование дела было поручено боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину и уже неоднократно упоминавшемуся нами Шигоне Поджогину. На следствии доносчик подтвердил свои показания, оговоренные же им лица заявили, «что их Федко Крыжин поклепал по недружбе». Так, Степана Щукина он «поклепал, потому что жил с ним в сусудстве», и у них недавно была земельная тяжба. Кроме того, Крыжин был сослуживцем подследственных и, как выяснилось, частенько «бегал» от службы, а Щукины и И. Белый докладывали об этом по начальству, в результате чего дезертира дважды с приставами приводили на службу из поместья, а когда дьяки выдавали служивым государево жалованье, то, как заявил на следствии Степан Щукин, «мы... сказывали все на того Федка (Крыжина. — М. К.) то, что он емлет жалованье, а на службу не ездит и с службе бегаёт». Когда это подтвердилось, дьяки жалованья Крыжину не дали. «И он... рнясь тому (т. е. гневаясь за то. — М. К.), да нас обговаривает», — закончил С. Щукин.

В конце концов «боаре спросили Федка Крыжина: чем их уличаешь, есть ли у тебя какой довод, что они хотели бежати в Литву? И Федко Крыжин довода у себя не сказал никакова». На этом, надо полагать, дело было закрыто, как сказали бы нынешние юристы, «за отсутствием состава преступления».

После смерти Василия III в декабре 1533 года в стране разразился затяжной политический кризис. Наследнику покойного государя, будущему грозному царю Ивану Васильевичу, было в то время три года от роду. Разгорелась яростная борьба за власть, за право управлять страной от имени юного Великого князя. Серьезные опасения опекунам Ивана IV внушали дяди мальчика, братья покойного Василия III Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий: а что если у кого-либо из них возникнет соблазн свергнуть малолетнего племянника и самому занять престол?

Старшим из оставшихся в живых братьев Василия III был Юрий, он-то и мог в первую очередь выступить в качестве претендента на трон. Велись разговоры о том, что некоторые знатные лица, в частности, князь Андрей Михайлович Шуйский, собирались перейти на службу к Юрию Дмитровскому. Пытался ли дмитровский удельный князь перебивать к себе государевых служилых людей, или инициатива такого перехода принадлежала князю А. М. Шуйскому, — сказать определенно на основе

дошедших до нас свидетельств (крайне противоречивых) нельзя. Но каковы бы ни были истинные намерения Юрия, опекуны Ивана IV не стали дожидаться дальнейшего развития событий и нанесли упреждающий удар: 11 декабря 1533 года, неделю спустя после смерти Василия III, брат покойного, князь дмитровский, был «пойман» и заключен под стражу. В 1536 году он умер в заточении.

Этот инцидент коснулся многих лиц: вместе с Юрием были арестованы его удельные бояре и дьяки; с другой стороны, в заточение на несколько лет угодили упомянутый выше князь А. М. Шуйский. Естественно, всем этим арестам предшествовали некие следственные мероприятия: следы их обнаруживаются в описи Царского архива, в одном из ящиков которого хранилась «выпись Третьяка Тишкова (дьяка князя Юрия Дмитровского. — М. К.) на князя Ондreja Шуйского». Важные указания на то, в чьих руках находились нити следствия по «дмитровскому делу», содержит уже известный нам документ — челобитная Ивана Яганова.

Как, вероятно, помнит читатель, Яганов был «ушами и глазами» Василия III при дворе его брата Юрия. «А вѣдома, государь, моа служба, — писал он юному Ивану IV, — князю Михаилу Львовичу (Глинскому. — М. К.)<sup>8</sup> да Ивану Юрьевичу Поджогиному...» Следовательно, И. Ю. Шигона Поджогин, ездивший в 1517 году с секретной миссией к Василию Шемачичу, а в 1525 году выполнявший «грязную работу» в деле насильственного пострижения Соломонии Сабуровой, «курировал» и тайное наблюдение за дмитровским двором. Из челобитной Яганова явствует, что и после смерти Василия III Шигона по существу возглавлял политический сыск, руководя действиями секретных агентов: «И ныне, — говорится в челобитной, — ... приказал ко мне княж Юрьев Иванович сын боарской Яков Мещеринов, которой наперед того некоторым делом отцу твоему (т. е. Василию III. — М. К.) служил, чтоб яз ехал к нему в деревню некоторого для твоего государева дела, и яз, государь, то сказал Ивану Юрьевичу Шигоне; и Шигона молвил: «поедь к Якову, нечто будет у него которое дело государево поновилось, и ты и сь Яковым ранее езди к Москве, и яз Якова и его службу скажу государю». И приехал есми (продолжает Яганов. — М. К.) к Якову, и Яков мне которое дело сказал, и яз, государь, часа того послал ко князю к Михаилу (Глинскому. — М. К.) и к Шигоне своего человека з грамотою, а велел тебе, государю, сказать...»

Руководящая роль Шигоны в подобного рода делах видна и из другого документа, лишь недавно опубликованного и хранящегося в том же архивном деле: вместе с челобитной Яганова находится отрывок записи, написанный (судя по почерку) его же рукой. «Был у меня на подворье оно-медни Ивашка Черной, — так начинается эта запись, — и приказал ко мне с моим человеком, сказывает: есть ему до меня великое дело великого князя; да он же ко мне приказал: «только даст мне правду (то есть, в данном случае, гарантию. — М. К.) Шигона, что меня государыни великаа княгини пожалует, и яз государыни скажу великое дело...»

Вслед за Юрием Дмитровским дошла очередь и до самого младшего из братьев Василия III, князя Андрея Старицкого: правительство, которое с 1534 года возглавляла мать Ивана IV, Елена Васильевна Глинская, не могло чувствовать себя спокойно, пока на свободе оставался хотя бы один из дядей юного государя. Андрей вел себя лояльно по отношению к великому князю и его окружению, тем не менее опекуны Ивана IV, выбрав подходящий момент (когда кончилась война с Литвой, шедшая несколь-

ко лет), спровоцировали весной 1537 года конфликт со старицким князем: его несколько раз звали в столицу, к государеву двору, а он, чувствуя что-то неладное, не ехал, оставался у себя в Старице, ссылаясь на болезнь. Москва упорно настаивала; наконец, не выдержав напряжения, князь Андрей бежал из своего удела. Не имея поначалу заранее выработанного маршрута, он в конце концов двинулся к Великому Новгороду, рассылая грамоты с призывом к тамошним помещикам переходить к нему на службу.

Тревога поднялась нешуточная, но все обошлось: правительственный отряд во главе с фаворитом Елены Глинской, князем Иваном Овчиной Оболенским, принудил Андрея Старицкого к капитуляции. Его препроводили в Москву, где он немедленно был брошен в заточение. Сразу же после подавления мятежа (к которому подтолкнуло старицкого князя само правительство) начался розыск и расправа с теми, кто примкнул к Андрею: 30 новгородских детей боярских были повешены. Подробности следствия по старицкому делу нам, к сожалению, неизвестны.

Династический кризис потерял свою остроту к началу 40-х годов XVI века, когда Иван IV стал «приходить в возраст», а все возможные претенденты на престол были физически устранены. Зато побег за границу в 30—40-х годах, как и прежде, оставались злободневной проблемой, и по каждому случаю проводилось следствие — искали сообщников беглецов.

В начале августа 1634 года со службы из Серпухова бежали в Литву знатные воеводы: князь Семен Федорович Бельский и окольный Иван Васильевич Ляцкий; их сопровождала внушительная «свита» в несколько сот дворян и детей боярских. Побег был реакцией на политическую нестабильность в стране, непримиримое соперничество в «верхах» за власть и влияние, но своим поступком беглецы подставили под удар многих лиц, оставшихся в России. В первую очередь, конечно, пострадали родственники «изменников»: схвачены были жена и дочь И. В. Ляцкого (их дальнейшая судьба неизвестна); старший брат князя С. Ф. Бельского Дмитрий попал под домашний арест (ненадолго), а другой брат — Иван Бельский, названный «советником», т. е. сообщником беглецов, был брошен в темницу. Но следствие охватило гораздо более широкий круг лиц: определенные силы в придворной среде были заинтересованы в том, чтобы скомпрометировать и устранить с политической арены как можно больше своих соперников, в первую очередь тех, кто в недавнем прошлом перешел на русскую службу из Великого княжества Литовского: князей Бельских, Глинских, Воротынских, Трубецких и других.

Как уже повелось, не обошлось и без доносов: словно смазка, они обеспечивали ход почти каждого политического «дела». Дядя самой великой княгини Елены, Михаил Глинский, был «пойман... по слову наносному от лихих людей», — так сочувственно заметил о нем летописец. Михайл закончил свои дни в темнице. Можно установить, кто были эти «лихие люди» — доносчики: в Царском архиве, согласно сохранившейся описи, в 134-м ящике находились «речи на князь Михаила Глинского и князя Володимера Воротынскова княже Михайлова человека Некрасовы, да Ивашка Домнина, да Ивашка Рязанцова». Таким образом, среди доносчиков был и слуга М. Л. Глинского Некрас, предавший своего господина.

В 30—40-е годы за границу бежали многие знатные лица: князь И. Д. Шуйский, князь М. И. Ногтев, В. А. Шамаhey-Великого и другие. В ноябре

1547 года под впечатлением от московского восстания в июне того же года, когда был убит взбунтовавшимися горожанами дядя царя по матери — князь Ю. В. Глинский, неудачную попытку бегства в Литву предприняли брат убитого, князь М. В. Глинский, и князь И. И. Турунтай Пронский. Но во всех этих случаях не сохранилось документов, проливающих свет на организацию розыска, следственные действия и т. п. Поэтому все перечисленное (включая, кстати, и само восстание в столице в июне 1547 года) не прибавляет никаких подробностей к тому, что мы знаем о политическом розыске первой половины XVI века.

В своем изложении мы добрались до 50-х годов — рубежа, за которым уже виднеется зловещая опричнина, период, когда впервые в истории страны политические репрессии приобрели массовый характер: счет жертв пошел на тысячи. В сравнении с кровавой вакханалией 1560-х — начала 1570-х годов, описанное нами на предыдущих страницах время (конец XV и первая половина XVI столетия) может показаться идиллией: за весь этот более чем полувековой период жертвами политических преследования стали «всего лишь» несколько десятков человек. Тогдашний политический розыск находился, так сказать, в младенческом состоянии. Но в облике этого «младенца» уже узнаваемы черты, знакомые нам по более позднему времени.

Уже вошел в употребление термин «*государево дело*» («великое дело великого князя» и т. п.) — прообраз печально знаменитого «*слова и дела*», которое получило широкое распространение к началу XVII века.

Поразительно рано начинает складываться система слежки и доносительства (достаточно вспомнить потрясающие откровения Ивана Яганова!); находились люди, охотно предлагавшие свои услуги в качестве осведомителей Великого князя при дворах его братьев. Еще примечательнее, что политический донос столь же рано становится средством сведения счетов в быту (дело Федора Крыжина), не говоря уж о соблазне устранить таким путем своего соперника...

Хотя никакого сыскального ведомства в рассмотренный нами период не существовало, можно, вероятно, говорить о каких-то зачатках организации: о низовом звене «искателей дела государева», подобных Яганову или Ивашке Черному, которого Яганов счел возможным рекомендовать начальству: «А наперед того тот Ивашко Черной великому князю сказан, какой он человек: у князя (Юрия Дмитровского. — М. К.) был, еще при князе хотел великому князю служить и сказывал на князя», — и находящихся в столице руководителем, к которым стекалась вся секретная информация.

Безусловно, все особо важные дела докладывались лично Великому князю, и он же принимал по ним решения. Но проведение следствия (в том числе допросов) в отношении тех или иных подозреваемых государь поручал обычно наиболее доверенным лицам. В разное время в роли следователей по политическим делам подвизались казначей Юрий Дмитриевич Траханиот, боярин Михаил Юрьевич Захарьин, а также многократно упоминавшийся выше дворецкий Иван Юрьевич Шигона Поджогин.

В лице Шигоны Малюта Скуратов имел достойного предшественника, вознесенного на вершину могущества в первую очередь благодаря усердию на поприще политического розыска и абсолютной преданности государю, проверенной не один раз в самых щекотливых обстоятельствах (вспомним хотя бы дело несчастной Соломонии).

Процессы по политическим обвинениям строились на основе доносов, свидетельских показаний, допросов обвиняемого лица. Указания на при-

менение пыток во время следствия в источниках первой половины XVI века редки. Наказание определялось исключительно волей государя, тем более что большинство преступлений, считавшихся политическими (то есть, по понятиям той эпохи, направленными против жизни, здоровья, чести государя), были никак не предусмотрены тогдашним законодательством. Неудивительно поэтому, что суровость наказаний была различной в разные царствования и даже в разные периоды одного и того же правления. Так, Иван III в последние годы своего Великого княжения часто прибегал к смертной казни осужденных (включая даже сожжение на костре). А его сын и наследник Василий III предпочитал держать опасных ему людей в заточении, которое при желании также можно было сделать орудием смерти (голод, железные оковы и т. п.). Той же методы придерживались в основном и правители государства в период несовершеннолетия Ивана IV 30—40-х годах XVI века. Кроме того, в отношении весьма многочисленных «изменных» дел (то есть о побегах за границу) власти, как можно заметить, были более суровы к знатым лицам и снисходительнее к рядовым беглецам. Так, князь Михаил Глинский, перешедший на службу к Василию III в 1508 году, а в 1514 году попытавшийся было вернуться на родину, в Великое княжество Литовское, поплатился за это более чем 12-летним тюремным заключением. Зато ничем не знаменитые дети боярские И. П. Кузминский и А. Л. Осокин, как явствует из архивного документа 1555 года, за такую же попытку бежать за рубеж провели недолгое время в тюрьме и уже вскоре были «пожалованы» — выпущены на поруки.

Вообще, в ту эпоху «искатели дела государева» мало интересовались простыми мужиками, посадскими или захудалыми служилыми людьми. Расширение сферы деятельности политического розыска, «демократизация» состава его жертв — явление, свойственное последующим столетиям.

Андрей Павлов

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК НА РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

### Особенности и отличительные черты политического розыска

При изучении истории политического розыска XVI века историки сталкиваются с рядом существенных трудностей. Главная из них связана с крайней скудостью сохранившихся источников. Подлинные материалы судебно-следственных дел XVI века в подавляющем большинстве погибли в результате опустошительных московских пожаров. До нашего времени сохранились лишь единичные документы. Уже в XVII веке документы о политических процессах XVI века, хранящиеся в архиве Посольского приказа, находились в столь плачевном состоянии, что некоторые из них пускались на составление черновиков текущей документации.

Именно в черновиках документов Посольского приказа историку Б. Н. Флоре удалось обнаружить фрагмент очень важного следственного дела времени Бориса Годунова — дела Богдана Бельского<sup>1</sup>. При изучении истории политических процессов XVI века исследователи вынуждены поднимать всю совокупность сохранившихся нарративных (повествовательных)

и документальных источников. Отчасти компенсировать утрату большей части судебно-следственных дел позволяет Опись царского архива XVI века, дающая представление о составе и кратком содержании хранившихся в Архиве политических дел. Большое значение для изучения политических процессов периода опричнины имеет Синодик опальных, составленный в 1582—1583 годах по приказу Ивана Грозного для поминовения душ «убиенных» во время репрессий 60—70-х годов XVI века. Как показал Р. Г. Скрынников, специально исследовавший памятник и реконструировавший его текст, Синодик был составлен на основе подлинных опричных архивов и достаточно полно передает сведения о составе и численности лиц, казненных по указу грозного царя<sup>2</sup>.

Богатые сведения о политических процессах содержат летописи, памятники публицистики (прежде всего, сочинения Ивана Грозного и Андрея Курбского), а также сочинения современников-иностранцев. Однако все эти литературные источники требуют весьма осторожного и критического к себе отношения. Их авторы далеко не беспристрастны в освещении событий современной им действительности. Зачастую они дают различные и даже диаметрально противоположные (знаменитая переписка Грозного и Курбского) версии происходивших событий. Следует отметить, что авторы-современники (особенно иностранцы) нередко были склонны «украшать» свои сочинения пересказом разного рода сплетен и слухов. От налета субъективности были, однако, несвободны не только повествовательные источники, но и сами документы политического розыска. На основании тогдашней судебно-следственной документации далеко не всегда можно строить надежные выводы о степени реальной виновности привлеченных к суду лиц. Дело в том, что показания во время следствия добывались, как правило, путем применения пыток, зачастую весьма изощренных. Ценность признаний, полученных *таким способом*, невелика. Кроме того, широкое распространение в годы опричнины получили явно сфабрикованные политические процессы (суд над митрополитом Филиппом Колычевым и другие).

Итак, сохранившиеся источники позволяют представить эволюцию политического розыска во второй половине XVI века лишь в самых общих чертах. О подлинных причинах и обстоятельствах возбуждения тех или иных политических дел мы можем чаще всего судить лишь предположительно. Скучные материалы источников XVI века не позволяют раскрыть в полной мере и сам механизм розыска по политическим делам в XVI веке.

Вторая трудность, с которой сталкивается исследователь, состоит в том, что в законодательных актах XVI века отсутствовали четкое определение и классификация политических преступлений.

Судебник 1550 года, хотя и упоминает о таких политических преступлениях, как «крамола» и «сдача града» неприятелю, не выделяет политические преступления из числа прочих тяжких преступлений. Впервые в русском законодательстве четкое определение и классификация политических преступлений даны лишь в Соборном уложении 1649 года. В этом правовом документе четко отделяются уголовные преступления («разбойные и татиные дела») от преступлений политических.

Согласно тексту Уложения, политическими являлись прежде всего деяния, направленные против личности государя, — умышления на «государское здоровье», желание «завладеть царством», действия «скопом и заговором», направленные против государя, а также его бояр, воевод и

приказных людей и т. д. Однако, отмечают историки права, Соборное Уложение 1649 года законодательно закрепило уже давно сложившуюся практику судопроизводства по политическим делам.

Данные источников неопровержимо свидетельствуют о том, что следствия по политическим делам были распространенным явлением уже во второй половине XVI века, а в конце XVI в крестоцеловальных и крестоприводных записях на верность службы царю Борису Годунову (1598) мы уже впервые встречаем четкую классификацию политических преступлений как преступлений, направленных против верховной монархической власти и против личности государя. В крестоцеловальных записях 1598 года также впервые четко выражается формула об ответственности за совершение данного рода преступлений. Преступления против государя и членов его семьи рассматриваются как тягчайшие преступления против государства и церкви, а сами преступники (нарушители присяги, данной государю) — как «раскольники церкви Божия и всего православного христианства мятежники и разорители закона Божия». Среди наиболее тяжких государственных (политических) преступлений называются умысел на жизнь и здоровье государя и членов его семьи (в том числе «порча» государя с помощью колдовства), измена государству (отъезд к другому государю, умысел и действия, направленные на свержение законного царя, сдача города неприятелю и т. д.), участие в заговоре и бунте<sup>3</sup>.

Таким образом, по крайней мере уже в конце XVI века в общих чертах выработались те правовые нормы, которые давали определение политическим преступлениям и устанавливали ответственность за их совершение. Подобные правовые взгляды на политические преступления строились не на пустом месте. Их выработка явилась следствием становления в России самодержавных порядков в результате длительной борьбы московских государей за утверждение «самодержавства».

Перед исследователем истории политического розыска XVI века неизбежно встает вопрос о том, когда именно произошел перелом в «юридическом сознании» и с какого момента стали утверждаться представления о политических преступлениях как об особом рода тягчайших преступлениях, направленных против личности государя и прерогатив его власти, какие обстоятельства и события способствовали становлению этих преступлений. Ясно, что историю политического розыска невозможно рассматривать в отрыве от изучения общих социально-политических процессов, происходивших в Русском государстве во второй половине XVI века.

Вторая половина XVI века — время чрезвычайно насыщенное политическими событиями. Это был поистине переломный период в истории Русского государства, когда в напряженной борьбе сторонников и противников сильной и неограниченной самодержавной власти определялись дальнейшие пути политического развития страны. Переломным этот период явился и в истории политического розыска.

#### **Политический сыск при Иване Грозном (50-е — начало 60-х годов XVI века)**

В январе 1547 года Иван IV был торжественно венчан на царство, став официально первым русским царем. Принятие царского титула, хотя и не сразу признанное за рубежом, имело огромное политическое значение,

подчеркивало высокое место, занимаемое русскими самодержцами как внутри страны, так и за ее пределами. Став Боговенчанным царем, московский государь поднимался на недостижимую высоту над своими подданными, в том числе — князьями, потомками владетельных князей Северо-Восточной и Юго-Западной Руси. Но принятие царского титула предстояло еще подкрепить реальными делами по усилению самодержавной государственности.

Происходившая в годы малолетства Ивана IV борьба за власть различных боярских группировок (так называемое «боярское правление») приводила к дестабилизации социальной и политической обстановки в стране, тормозила ход централизации государства. Необходимы были реформы, направленные на укрепление государственной власти, обеспечение стабильности в обществе.

В конце 1540-х годов вокруг царя Ивана образовался кружок реформаторов, вошедший в историографию под названием правительства «Избранной Рады». Наиболее влиятельными и деятельными членами этого кружка были царский духовник Благовещенский протопоп Сильвестр и выходец из костромских дворян Алексей Федорович Адашев. Большое влияние на молодого царя оказывал глава русской церкви митрополит Макарий<sup>4</sup>.

Особенно значительными, имевшими далеко идущие социальные и политические последствия, явились осуществленные в середине XVI века реформы в области местного управления. В 1555 году была ликвидирована старая система кормлений, а власть на местах перешла выборным органам местного самоуправления. В середине 1550-х годов была завершена губная реформа. Постепенно в ведение губных старост (губа — территориальный округ, как правило, совпадавший с территорией уезда. — А. П.), помимо розыска разбойников, переходили дела по самым разным вопросам местного управления. Выбранные из дворянской среды, губные старосты руководствовались в своей практической деятельности, прежде всего, интересами этого слоя.

В лице губных старост уездные дворяне получали орган, защищавший их сословные интересы. Права самоуправления в тот период обрели не только дворяне. Важное социальное и политическое значение имела так называемая земская реформа 1551—1556 годов, согласно которой в районах, где отсутствовало помещичье землевладение, власть переходила в руки земских старост и их помощников (земских целовальников, дьяков и других), которые выбирались крестьянами и посадскими людьми. Земские органы наделялись широкими административными, финансовыми и судебными полномочиями. Земские старосты выбирались обычно из «лучших», то есть в данном случае наиболее зажиточных крестьян и горожан. Они активно защищали на местах интересы нарождавшегося «третьего сословия», прежде всего волостной и посадской верхушки. Права самоуправления (в лице выборных «поповских старост») и большую независимость от светских властей получило в середине XVI века также и рядовое духовенство. Таким образом, в результате реформ в середине XVI века весьма четко обозначился процесс развития сословных прав и сословного самоуправления, который охватил самые различные слои русского общества — дворянство, горожан, крестьян и духовенство. Одновременно правительство предпринимало меры к тому, чтобы обеспечить права и привилегии правящей аристократической верхушки

служилого сословия. В середине XVI века конституируется положение Боярской думы как высшего правительственного органа при царе. 98-я статья Судебника 1550 года утверждала боярский приговор как необходимый элемент законодательства. Одновременно статьи Судебника повышали ответственность чиновников за совершение должностных преступлений, что способствовало укреплению законности и порядка в стране. По существу, реформы середины XVI века были направлены на достижение компромисса интересов государства и поднимавшихся сословий.

50-е годы XVI века являлись временем относительной (по крайней мере внешне) политической стабильности. Несмотря на наличие серьезных политических противоречий в правящей боярской среде (вражда Адашева и Сильвестра с царской родней — Захарьиными), недовольство Грозного поведением бояр во время так называемого «боярского мятежа» 1553 года, политические репрессии не получили в 1550-е годы широкого размаха. Конфликты разрешались, как правило, мирным путем. Однако уже именно в этот период стал завязываться узел серьезных политических противоречий между царем и его подданными, разрубить который стало возможным впоследствии только путем введения чрезвычайных мер.

В марте 1553 года царь Иван тяжело заболел. В этой обстановке остро встал вопрос о наследнике престола. Царь хотел, чтобы бояре присягнули на верность его сыну-младенцу Дмитрию, которому не исполнилось тогда и полугода. Но в среде приближенных началось брожение. Высказывались мнения в пользу кандидатуры на престол двоюродного брата царя — Старицкого удельного князя Владимира Андреевича. Наиболее подробные сведения о событиях 1553 года содержатся в знаменитых «приписках» к официальной летописи, автором или редактором которых был Иван IV. Однако «приписки», составленные много позже, задним числом, дают одностороннее, тенденциозное изображение действительности. Данный источник представляет мартовские события как «боярский мятеж», как измену законной династии в пользу удельных князей Старицких. Как сообщают авторы «приписок», лишь после «жесточкого слова», с которым больной царь обратился к боярам, те «поустрашились» и целовали крест наследнику Дмитрию.

Достоверность этой позднейшей интерпретации событий вызывает сомнения. Мы не можем с уверенностью сказать, имел ли место в действительности боярский мятеж, то есть намерение передать трон князю Владимиру Старицкому. В современной историографии справедливо отмечается, что споры «у постели» не носили характера крупномасштабного боярского заговора, хотя многие из бояр и колебались в выборе между «пеленочником» Дмитрием и князем Старицким<sup>5</sup>. Сведения о боярских разговорах дошли до царя. Серьезную тревогу у Ивана вызвало поведение самих князей Старицких, проявивших готовность в случае его смерти захватить власть в стране. Огорчала царя и позиция, которую занимали в период династического кризиса его ближайшие советники — Адашев и Сильвестр. Они высказывали опасение, что в случае воцарения малолетнего Дмитрия власть в стране захватят их недруги — бояре Захарьины.

Через год с небольшим после мартовских событий 1553 года была раскрыта измена князей Ростовских. Согласно летописному рассказу, в июле



1554 года на литовской границе был задержан и доставлен в Москву князь Никита Лобанов Ростовский. На допросе он сознался, «что его отпустил в Литву боярин князь Семен Ростовский к королю сказать про себя, что он к королю идет».

Боярин князь Семен Ростовский и его сообщники были арестованы и допрошены. Следствие по этому делу было поручено авторитетной боярской комиссии в составе бояр князя И. Ф. Мстиславского, И. В. Шереметева Большого, князя Д. И. Курлятева, М. Я. Морозова, Д. Ф. Палецкого, окольничего А. Ф. Адашева, постельничего И. М. Вешнякова, «да бояре же Данилу Романовича, Василия Михайловича Юрьевых, казначея Микиту Фуникова, дьяка Ивана Михайловича (Висковатого)». Как видно, в составе следственной комиссии были представлены различные политические группировки — первостепенные княжата (князь Мстиславский и другие), руководители правительственного кружка (А. Ф. Адашев) и царская родня (Захарьины-Юрьевы). Членам комиссии предписывалось учинить суровый допрос С. Ростовского, «а доведется и пыткой пытать».

В ходе расследования выяснилось, что С. Ростовский летом 1553 года вел тайные переговоры с польским послом Довойной, в ходе которых он выдал послу важные государственные тайны, а также пытался убедить посла отказать от заключения мира с Москвой, поскольку «царство оскудело, а Казани царю не сдержат». Изменник просил посла предоставить ему убежище в Литве. В ходе следствия вскрылись также новые подробности о поведении бояр и Старицких князей во время царской болезни 1553 года. Князь Семен Ростовский признался на допросе: «...как государь недомогал, и мы все думали о том, что только государя не станет, как нам быти. А ко мне на подворье приезжал ото княгини Офросиньи (то есть Евфросиньи, матери князя Владимира Старицкого) и от князя Володимера Ондреевича (Старицкого), чтобы я поехал ко князю Володимеру служить, да и людей презывал; да и со многими есмь думами бояре: толко нам служить царевичю Дмитрею, ино нами владети Захарьиным, и чем нам владети Захарьиным, ино лучши служитьи князю Владимиру Ондреевичу. А были в той думе многие бояре: и князь Петр Шенятев, и князь Иван Турунтай Пронской, и Куракины родом, и князь Дмитрий Немой, и князь Петр Серебряной, князь Семен Микулинский и иные многие бояре и дети боярские и княжата и дворяне с нами в той думе были». Из показаний С. Ростовского явствует, что Старицким князьям в 1553 году удалось привлечь на свою сторону значительную группу бояр и дворян, недовольных засилием при дворе царской родни — Захарьиных.

За тяжкое государственное преступление (измену в пользу иностранного государства) «царь и великий князь поговорил з бояры» предать князя Семена Ростовского и его сообщников смертной казни, и «на позор послати» (то есть придать казни публичный характер). Однако печалованием митрополита Макария и церковных властей смертная казнь была отменена, и опального боярина сослали в тюрьму на Белоозеро. Несмотря на вскрытые факты оппозиционности удельных князей и бояр, широких репрессий вслед за ссылкой С. Ростовского не последовало.

Впечатлительный царь Иван едва ли мог быть удовлетворен сложившимся положением дел, но для массовых преследований оппозиционной знати не было соответствующей «правовой базы». Царский Судебник 1550 года не выделял политические преступления из числа прочих

важных преступлений, не содержал специальных статей о защите «государской чести», как это стало закреплено в Соборном Уложении 1649 года. В допричное время правовая регламентация политических (государственных) преступлений была направлена на защиту интересов государства во всяком случае не меньше, чем на защиту личных интересов самого государя. Выдвижение на первый план защиты личности государя происходит уже в более позднее время. В середине XVI века судебные преследования по политическим делам регламентировались нормами обычного права, вековой традицией. Важными факторами, сдерживающими репрессивную политику, являлись старинное право церковных властей «печалования» пред государем о помиловании опальных, а также традиция обязательного участия в суде бояр. Обычай предусматривал наказание, прежде всего, за совершенное преступное действие, а не за умысел сам по себе. Кроме того, обвинение следовало предъявить публично. Связанный традицией, царь Иван не мог подвергнуть преследованиям бояр только за «разговоры», за то, что те высказывали сомнения относительно передачи трона «пеленочнику» Дмитрию, опасаясь усиления власти Захарьиных.

В конце концов бояре присягнули наследнику Дмитрию, царь Иван выздоровел, а удельный князь Владимир Старицкий дважды (в 1553 и 1554 году) целовал крест на верность Ивану IV, его наследникам и царице Анастасии. Казалось бы, конфликт был исчерпан. Но события 1553—1554 годов, как видно из позднейших писаний Ивана Грозного, оставили в душе царя глубокую рану. Началось охлаждение отношений Ивана IV с его советниками Адашевым и Сильвестром. Историки много писали о «психологической несовместимости» характеров царя Ивана и тогдашних правителей, о том, как Иван тяготился опекой со стороны Адашева и Сильвестра, об их вражде с царской родней Захарьиными. Но были и более глубокие причины расхождения царя со своим окружением и его отхода от прежнего курса реформ. По большому счету, реформы середины XVI века, способствовавшие развитию самоуправления сословий, намечали путь развития русской государственности как сословно-представительной монархии. Эту тенденцию развития страны впервые отметил историк Н. Е. Носов<sup>6</sup>. Ученый показал, что в условиях интенсивного экономического подъема середины XVI века и широкого развития сословного самоуправления на местах не исключался поворот Русского государства на путь развития, по которому шли страны Западной Европы, — становление сословно-представительной монархии с ограничением власти самодержца сословиями. Но именно такой путь развития не устраивал первого русского царя Ивана IV, который справедливо усматривал в данной тенденции угрозу устоям самодержавной государственности. Через все литературное творчество Ивана Грозного красной нитью проходит мысль о том, что только царь, власть которому дана от Бога, может отвечать за судьбу страны, имеет исключительное право «добрых жаловати, а лихих казнити». В своих посланиях царь едко высмеивал порядки западноевропейских государств, где правили «бояре и вельможи» и «торговые мужики», а монархи «государствами своими не владеют». Идея Богоустановленной, не ограниченной никакими земными институтами, самодержавной власти находилась в явном противоречии с тенденциями развития сословно-представительной монархии. Наиболее полно намечавшийся конфликт между самодержавными устремлениями царя и развитием

сословного строя проявился в конфликте Ивана IV с боярским окружением и государевым двором в целом. Необходимость делить власть с боярами, считаться с их советами воспринималась Иваном IV как ущемление верховной власти Боговенчанного царя.

В исторической литературе высказано мнение о том, что причиной конфликта царя с Адашевым и Сильвестром явились разногласия по вопросу о направлении внешней политики Русского государства. Последние будто бы выступали против планов войны за Ливонию и настаивали на активизации военных действий на восточном и южном направлениях против татар. Но царь Иван, как явствует из его посланий, упрекал Адашева и Сильвестра не только за «худые советы», но и за то, что те вообще считали себя вправе давать советы государю.

Окончательный разрыв царя со своими советниками произошел в 1560 году. Адашев был отстранен от власти и отправлен на воеводство (своего рода почетную ссылку) в Ливонию — сначала в Феллин (Вильян), а затем — Юрьев Ливонский. Протопоп Сильвестр был пострижен в монахи и отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь. Царь Иван не решился (не имел повода) сразу подвергнуть Адашева и Сильвестра прямой опале. Развязку ускорила смерть царицы Анастасии, последовавшая 7 августа 1560 года. Враги Адашева и Сильвестра, прежде всего родственники царицы Анастасии бояре Захарьины, стали распространять слухи, что они будто бы «счаровали» (отравили) царицу.

Это дало повод для созыва в сентябре 1560 года собора из представителей духовенства (Освященного собора) и бояр для суда над Адашевым и Сильвестром. Скупые и тенденциозные сообщения источников (о деятельности собора мы знаем, главным образом, по сочинениям Ивана Грозного и Андрея Курбского) не позволяют точно и определенно судить о ходе заседаний собора, о том, какую вину предъявили Адашеву и Сильвестру, и о том, какое решение было принято на соборе. Можно полагать, что противники Адашева и Сильвестра попытались предъявить им обвинение в отравлении царицы. Хотя властям вряд ли удалось представить достаточные улики для столь тяжкого обвинения, собор, очевидно, все же вынес обвинительный приговор.

После собора Адашев и Сильвестр были подвергнуты прямым репрессиям. Адашева взяли в Юрьеве Ливонском под стражу. Вскоре он заболел («впал в недуг огненной») и умер. По сообщению Курбского, желая окончательно дискредитировать в глазах подданных бывшего правителя, власти распространили слух о том, что Адашев, намереваясь избежать наказания за свое «злодеяние», покончил жизнь самоубийством. Это известие косвенно подтверждается документальными данными: в Описи царского архива упоминается «ящик», в котором хранились материалы обыска князя А. П. Телятевского «в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева». Следует отметить одну очень важную черту собора, созданного для суда над Адашевым и Сильвестром: обвиняемые не присутствовали на заседаниях собора, то есть суд был заочным. Заочное осуждение обвиняемых шло вразрез с традициями судопроизводства на Руси и воспринималось «ревнителями старины» как неслыханное новшество и вопиющее беззаконие. С негодованием писал по этому поводу Андрей Курбский: «И где таков суд слышав под солнцем, без очевидного вещания?»

Заочное осуждение Адашева и Сильвестра на соборе 1560 года явилось важной вехой в эволюции политического розыска, в утверждении новых

принципов судопроизводства по политическим делам. Наметился решительный отход от традиционных правовых представлений в этой области, и стало утверждаться новое понятие политического преступления как преступления, направленного прежде всего против самой личности государя и членов его семьи. Освободившись от опеки со стороны прежних советников, разорвав с традициями в области судопроизводства, царь получил свободу действий в борьбе за утверждение своего политического идеала — установление самодержавного образа правления.

С начала 1560-х годов происходит заметное усиление политических репрессий. Летом 1561 года у царя произошел какой-то конфликт со своим сородичем князем Василием Михайловичем Глинским. Возможно, он был заподозрен в намерении бежать в Литву. Однако конфликт был вскоре улажен при посредничестве митрополита Макария. Опальный князь дал на себя поручную запись в том, что не изменит впредь своему государю и не отъедет в Литву.

В январе 1562 года другой знатный князь, боярин Иван Дмитриевич Бельский был арестован по обвинению в измене в пользу Литовского государства. При аресте у князя нашли королевскую «опасную грамоту», которая гарантировала ему безопасный проезд в Литву. Несмотря на то что Бельский был не просто заподозрен, но и уличен в измене, ему удалось избежать смертной казни, полагавшейся в таких случаях. По ходатайству митрополита он был освобожден из-под стражи. По нем были взяты две поручные записи. Поручители (шестеро бояр, а затем более сотни дворян и приказных людей) давали обязательство в случае отъезда князя за рубеж уплатить в казну огромную по тем временам сумму — 10 тысяч рублей. Кроме того, и сам Бельский дал крестоцеловальную запись на верность службы царю Ивану. Царь не решился казнить виднейшего боярина, удовлетворившись тем, что связал князя крепкой порукой.

В том же 1562 году в опалу попали еще два представителя служилых князей — Михаил и Александр Ивановичи Воротыньские. Источники не позволяют определенно судить о причинах этой опалы. Русские дипломаты за рубежом объясняли ее тем, что «князь Михайло государю погубил». Возможно, власти заподозрили братьев в намерении перейти на службу к королю со своим уделом, который располагался на границе между Русским государством и Литвой. У Воротыньских были причины для недовольства политикой правительства царя Ивана. В 1562 году, незадолго до опалы на них, был принят новый закон о княжеских вотчинах, положения которого лишали их права на получение после смерти их брата Владимира выморочной части родового удела (по закону выморочный «жеребей» удела должен был перейти в казну). Поводом для осуждения князей М. И. и А. И. Воротыньских послужил, очевидно, донос княжеских холопов на своих господ. В Описи царского архива упомянут «сыскной список и распросные речи боярина князя Михаила Ивановича Воротыньского людей 71-го (то есть 1562/1563) году». Князь Михаил Воротыньский со своей семьей был сослан на Белоозеро и заключен в тюрьму.

Сохранился отрывок дела о ссылке М. И. Воротыньского, на основании которого можно представить себе, как содержались в то время в тюрьме представители высшей знати<sup>7</sup>. Деньги на «годовой обиход» высылались на Белоозеро ежегодно к 25 марта. Опальному боярину было разрешено взять с собой 12 слуг и 12 черных мужиков и «женок». На содержание сыскных отпусков ежегодно около 100 рублей (сумма по тем временам

немалая, равнявшаяся годовому окладу иного видного дворянина), и, кроме того, из Москвы им регулярно присылались шубы, кафтаны, посуда и т. д. Только за счет недодачи за 1564 год Воротынский получил в следующем году «жалованья» три ведра рейнского вина, 200 лимонов, несколько пудов изюма, 30 аршин бурской и 15 аршин венецианской тафты на платье княгини и т. д. (тафта — плотная шелковая ткань, поступавшая из Турции или Венеции).

Князь Михаил Воротынский пробыл в ссылке три с половиной года и в апреле 1566 года был помилован, возвращен на службу и получил часть родового удела. Брат Михаила, князь Александр Воротынский, пострадал меньше. Его сослали с семьей в ссылку в Галич, но через полгода освободили, выдав на поруки боярам и дворянам.

После отставки Адашева и Сильвестра «воскурилось гонение великое» на их сторонников и родственников. Осенью 1562 года опала постигла боярина князя Дмитрия Ивановича Курлятева. Официальная летопись туманно сообщает, что боярин поплатился за «изменные дела». Некоторые новые подробности относительно причин опалы на Курлятева дает Описание царского архива, в которой мы встречаем следующую запись: «Коробочка 187-я... да тут же грамота княж Дмитреева Курлятева, что ее прислал государю, а писал князь Дмитрей, что поехал не тою дорогою; да и списочек воевод смоленских, в котором году сколько с ними было людей». Понять смысл этой записи позволяет то обстоятельство, что до июля 1561 года Курлятев служил воеводой в Смоленске, городе, находящемся на границе с Литвой. Во время пребывания в Смоленске князь предпринял попытку уйти за рубеж, но был задержан и оправдывался тем, что заблудился. То обстоятельство, что он «заблудился» вместе со своими слугами, вызвало особое подозрение у правительства и послужило уликой против боярина. Эпизод задержания Курлятева на границе дал удобный повод властям, чтобы расправиться с неугодным боярином. Д. И. Курлятева насильно постригли в монахи и отправили в заточение в отдаленный Челмогорский монастырь в Каргопольском уезде, где, если верить сообщению Курбского, опальный князь-инок впоследствии был удушен. Вместе с ним были пострижены его княгиня и дети. Принудительное пострижение не только самого обвиняемого, но и членов его семьи являлось нарушением традиций судопроизводства. Ревностный поборник «старины», князь Курбский, квалифицировал подобные действия властей как «неслыханное беззаконие».

Жестоким репрессиям подверглись родственники, а также друзья и соседи Адашева и Сильвестра. По-видимому, поводом к началу гонений послужило дело об измене стародубских воевод. В 1563 году царь получил от смоленского воеводы боярина М. Я. Морозова отписку, в которой приводились показания пленного «литвина» о том, что стародубские наместник и воевода будто бы «хотят город сдать» литовским войскам. Воевод арестовали, причем особенно пострадал второй стародубский воевода Иван Федорович Шишкин-Ольгов, сородич Адашева-Ольгова. По сообщению Курбского, он был казнен вместе «с женою и детками». Опале и казни подверглись в тот период брат правителя А. Ф. Адашева окольничий Данила Федорович Адашев с сыном Тархом, тесть Данилы Адашева Петр Иванович Туров, Алексей и Андрей Постниковы Сагины, сестра которых была замужем за А. Ф. Адашевым, и другие. Преследования родственников и «знакомцев» Адашева и Сильвестра носили массовый и целенаправленный характер. По сообщению Курбского, власти составили

обширные проскрипционные списки, в которые заносили имена не только «сродников Алексеевых и Сильвестровых», но и «друзей и соседей знаемых, аще и мало знаемых». Арестованных подвергали пыткам и казням, а иных отправляли вместе с семьями в ссылку.

Одним из крупнейших политических процессов первой половины 1560-х годов явилось «изменное дело» Старицких князей. В условиях обострения внутривластной борьбы царь серьезно опасался возможного объединения оппозиционных сил вокруг удельного князя. Поводом для наступления на Старицких удельных князей послужил донос старицкого удельного дьяка Савлука Иванова на своего господина. За какие-то провинности Иванов был посажен князем Владимиром Старицким в тюрьму, откуда он сумел переслать царю «память» (записку), в которой сообщал о том, что «княгиня Офросинья и сын ее князь Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят», и что за попытку известить о том царя его (дьяка) «держат скована в тюрьме».

Не исключено, что дьяк С. Иванов являлся тайным осведомителем царя при Старицком удельном дворе. Правительство серьезно отнеслось к его доносу. Царь потребовал освободить из тюрьмы Савлука Иванова, «и по его слову многие о том (то есть измене Старицкого. — А. П.) сыски были, и те их неисpravления (то есть проступки, измены. — А. П.) сысканы». Трудно сказать, в чем именно состояли эти «неисpravления» Старицких князей. Несколько прояснить картину помогает следующее обстоятельство. Во время расследования по делу Старицких князей Иван IV затребовал к себе из архива дело десятилетней давности — об измене князя Семена Ростовского, которое, как мы видели, содержало важные материалы о связях Старицких князей с боярами во время «боярского мятежа» 1553 года. В описи царского архива упомянут «ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского». Над этой записью сверху было написано: «Взят (ящик с делом. — А. П.) ко государю во княж Володимирове деле Ондреевича 7071 (то есть 1563 г. — А. П.) июля в 20 день, взят ко государю».

Среди бояр, наиболее скомпрометированных в деле 1553 года, были сородичи княгини Евфросины Старицкой (урожденной княжны Хованской) бояре Куракины и Щенятевы. Для суда над Старицкими князьями царь созвал митрополита Макария и «весь Освященный собор». Бояре, видимо, формально не имели права участвовать в судебном разбирательстве, касающемся членов царской семьи. Согласно летописному рассказу, на соборе царь Иван известил «неисpravления и неправды» княгини Евфросиньи и Владимира Старицких, но по ходатайству митрополита и церковных властей «гнев свой им отдал» (то есть помиловал). После этого княгиня Евфросинья «била челом государю, чтобы государь поволит ей постричься, и царь и великий князь княгине Евфросинье поволит». Приняв постриг (под именем Евдокии), она «похотела» жить в основном ено Воскресенском Горицком монастыре на Белоозере. Пострижение энергичной Евфросиньи Старицкой, впрочем, едва ли было добровольным. Скорее, ее принудили принять постриг. Характерно, что для «бережения» (фактически — надзора) царь велел состоять при ней в монастыре дворянам М. И. Колычеву и А. Ф. Щепотеву и подьячему Андрею Шулепникову.

Безвольный сын Евфросиньи, князь Владимир Старицкий, после кратковременной опалы был прощен и отпущен в свой удел. Однако, чтобы



обезопасить себя от возможных происков со стороны Старицких князей, царь Иван произвел полную смену личного состава удельного двора, взяв к себе на службу бояр, дворян и приказных Владимира Старицкого и назначив на их место своих людей. Кроме того, царь вынудил князя Владимира на «мену» ряда удельных владений, выменяв у него город Вышгород с уездом и ряд богатых дворцовых волостей в Можайском уезде, отдав ему взамен город Романов на Волге.

Суд над Старицкими князьями и антиудельные мероприятия правительства способствовали укреплению самодержавной власти царя и ослаблению позиций боярской оппозиции. Но правительство не могло остановить развитие политического кризиса в стране.

31 декабря 1563 года умер митрополит Макарий, пользовавшийся большим авторитетом и влиянием как в правительственных кругах, так и в среде оппозиции. С его мнением считался и сам царь Иван. Макарий был сторонником сильной самодержавной власти, именно он в свое время выступил инициатором венчания Ивана IV на царство. В то же время митрополит всячески стремился вносить примирение в конфликты царя с его подданными, используя свое традиционное право «печалования» перед государем за опальных. Благодаря заступничеству Макария смогли избежать смертной казни князья Семен Ростовский и Иван Бельский. Царь прислушался к мнению митрополита и церковных властей, и его конфликт с удельными князьями Старицкими разрешился относительно мирно, без кровопролития.

В феврале 1564 года на митрополичий престол был возведен старец Чудова монастыря Афанасий, бывший до своего пострижения протопопом Благовещенского собора и царским духовником. Новый митрополит не обладал, однако, влиянием и авторитетом своего предшественника и был не в силах остановить рост политического противостояния в стране.

В обстановке начавшихся «гонений великих» в составе царского окружения все большее влияние приобретает группа лиц, ратовавших за ужесточение репрессий против оппозиции. Лидером этой группировки являлся Алексей Данилович Басманов-Плещеев. Со временем этим новым царским фаворитам удалось потеснить от власти бояр Захарьиных.

В конце 1563—1564 годов происходит дальнейшее усиление репрессивного курса. Суровым опалам и репрессиям подвергся в этот период ряд видных бояр и воевод. За какую-то «вину», о характере которой судить трудно, были арестованы и посажены в тюрьму Иван Васильевич Большой и Никита Васильевич Шереметевы. Иван Большой, крупный воевода, один из видных деятелей правительства «Избранной Рады», был подвергнут тяжким пыткам. Правда, вскоре он был освобожден, дав по себе поручную запись с обязательством о том, что не уедет в Литву или Крым. Более печальной была участь его брата Никиты, который был задушен в темнице.

30 января 1564 года были казнены на Москве двое видных бояр из рода князей Оболенских — Юрий Иванович Кашин и Михаил Петрович Репнин. По-видимому, царь пытался взвалить на них вину за поражение русских войск от литовских отрядов на реке Уле в январе 1564 года. По рассказу Курбского (этот сюжет широко известен благодаря балладе А. К. Толстого) князь Михайло Репнин отказался подчиниться приказу царя надеть на себя на царском пиру потешную маску и плясать вместе со скоморохами, чем гордый воевода вызвал гнев и опалу монарха. Сообщение Курбского носит, видимо, легендарный характер; однако отражает

суть тогдашних взаимоотношений царя и его подданных — любое неповиновение воле самодержавного государя стало рассматриваться как преступное, заслуживающее смерти деяние.

За оскорбление государевой чести и чести царского фаворита жестоко поплатился в тот период еще один представитель рода князей Оболенских — Дмитрий Федорович Овчинин Оболенский. По некоторым сведениям, Овчинин был казнен за то, что во время ссоры с царским фаворитом Федором Басмановым он попрекнул его за «нечистивые деяния» с царем. Опалы 1564 года затронули не только представителей рода князей Оболенских. Среди лиц, казненных в это время, мы встречаем имя знатного князя из рода Старицких князей — боярина князя Дмитрия Ивановича Хилкова.

В конце апреля 1564 года, опасаясь опалы, в Литву бежал князь Андрей Михайлович Курбский, человек некогда близкий к царю Ивану. Из-за рубежа Курбский оправил Ивану IV свое «злокосательное послание», в котором он гневно обвинял царя за пролитие «невинной христианской крови» и угрожал ему Небесным судом. В своем ответном послании царь Иван энергично обосновывал свое исконное право управлять страной самодержавно, по своему усмотрению «жаловати и казнити» своих «холопей» (подданных).

Осенью 1564 года в Литву пытался бежать князь Петр Иванович Горенский-Оболенский, но был схвачен на границе, доставлен под конвоем в Москву и казнен. Царь Иван был удручен изменой своего приближенного (нездалога перед побегом Горенский был пожалован придворным чином кравчего). Согласно официальной версии, изложенной в речах русских дипломатов за рубежом, «князь Петр, узнав свои вины, побегал в Литву, и догонили его на рубеже и ко государю привели, и государь велел ево того для казнити, что он, будучи при государе в великом приближенье, и в том приближеньи будучи, такую великую измену учинил...» Вероятно, главной причиной, заставившей царского приближенного изменить своему государю, явилось его несогласие с проводимым правительством репрессивным курсом, от которого страдали и его сородичи — князья Оболенские. Характерно, что вместе с П. И. Горенским, как явствует из записи синодика опальных, были казнены его близкие родственники князья Никита и Андрей Черные-Оболенские.

Побеги в Литву в 1560-х годах приняли широкий, невиданный прежде размах. Бегство князя Андрея Курбского и его знаменитая переписка с Иваном Грозным, безусловно, явились крупным политическим событием предопричного периода. Но при этом не следует упускать из вида и то обстоятельство, что измена Курбского была только одним из звеньев длинной цепи побегов за границу московских служилых людей.

Скудные и отрывочные данные источников не позволяют в полной мере восстановить картину побегов русских людей за рубеж в 1560-е годы, установить хронологию и последовательность этих побегов. Наиболее полно источники фиксировали сведения о побегах в Литву видных бояр и воевод. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют отметить, что за рубеж бежали не только бояре и князья, но и представители самых широких слоев служилого сословия (дворян и приказных людей). При этом выходцы из нижних чинов государева двора и уездные дворяне составляли подавляющее большинство лиц, стремившихся уйти за рубеж от царского гнева, и занимали видное место в среде русской политической эмиграции в Литве.

Ярким представителем русской эмиграции в Литве был Тимофей Иванович Пухов Тетерин, выходец из Можайских дворян, отец и дед которого служили в дьяках. Сам Тимофей Пухов Тетерин дослужился до чина стрелецкого головы и в этом качестве активно проявил себя на фронтах Ливонской войны. Но в начале 1560-х годов за какую-то вину подвергся опале, был насильно пострижен в монахи и сослан в далекий Антониев-Сийский монастырь. Около 1563 года ему удалось бежать в Литву, где монах-расстрига развернул активную антимосковскую деятельность. Из Литвы Тетерин прислал письмо наместнику Юрьева Ливонского боярину М. Я. Морозову, в котором едко высмеивал московские порядки и призывал Морозова и других бояр отъехать от царя: «А Бог, государь, у вас ум отнял, что вы над женами и над детьми своими и над вотчинниками головы кладете, а жен и детей губите, а тем им не помобите».

Позже Т. И. Тетерин принимал активное участие в военных действиях на стороне Литвы против русских войск. Измена Тетерина вызвала широкие преследования его родственников. Некоторые из них были казнены, очевидно, вскоре после побега Тимофея, а другие позже, в годы опричнины. По словам Курбского, Тетерины подверглись репрессиям «всеродно». Действительно, в Синодике опальных мы встречаем имена 17 представителей рода Тетериных, казненных в предопричное и опричное время. По делу Т. Тетерина проходили также и его сообщники. В Описи царского архива упоминается «дело Ондreja Кашкарова да Тимохина человека Тетерина Поздьячка, что они Тимохиным побегом промышляли». А. Кашкаров, так же как и Тетерин, служил в головах у стрельцов в Ливонском походе, и обоих стрелецких командиров связывали, очевидно, товарищеские отношения. После произведенного розыска по делу Т. И. Тетерина Кашкаров был казнен.

Приведенные выше факты не позволяют согласиться с традиционной точкой зрения о том, что репрессии 1560-х годов были направлены только против боярской знати. Оппозиционные настроения охватили тогда более широкие слои служилого сословия. Бегство в Литву служилого человека влекло за собой гонения на его родственников и знакомых. Это в свою очередь приводило к новым побегам. О широком размахе бегства служилых людей за рубеж может свидетельствовать факт значительного увеличения числа поручных записей в 60-е годы XVI века. Взятие поручных записей использовалось властями как важное средство в борьбе с боярскими отъездами за границу. Уличенному или заподозренному в побеге лицу государь за печалованием митрополита и церковных властей «отдавал (прощал) вину». Но во избежание повторения проступка его приводили к крестному целованию и брали на поруки с составлением особого рода документов — поручных записей, которые скреплялись подписями поручителей. Последние несли ответственность за человека, взятого на поруки.

До середины XVI века поручных записей было немного. Заметно увеличивается их число в годы царствования Ивана IV. От первой половины 1560-х годов до нас сохранилось около 10 поручных записей, но, в действительности, судя по данным Описи царского архива, их было значительно больше. Меняется и сам характер (формуляр) поручных записей — прежде всего, намного увеличилось число поручителей. Так, только в десяти дошедших поручных записях упомянуты имена почти 1000 человек поручителей. В основной своей массе это были представители

дворянства, прежде всего его верхушки, связанной с государевым двором. Посредством составления поручных записей царь пытался связать своих подданных — служилых людей — круговой порукой. Однако, как отметил С. Б. Веселовский, в условиях резкого обострения противоречий между государем и его подданными такая практика «вызывала последствия, едва ли предвиденные царем и едва ли для него желательные; она сплачивала среду, с которой Иван был в конфликте»<sup>8</sup>.

Глубокий конфликт Ивана IV со своим двором грозил тяжелыми, непредвиденными последствиями для страны. Государев двор являлся важнейшим социально-политическим институтом Русского государства — из его состава комплектовались кадры для замещения высших придворных, военных и административных должностей государства. Утратив опору в лице значительной части представителей правящего слоя, царь Иван не мог управлять страной обычными методами, руководствуясь сложившимися правовыми нормами. Выход из политического кризиса был найден им в учреждении опричнины.

### Опричнина

В декабре 1564 года Иван Грозный со своей семьей и большой вооруженной охраной неожиданно для подданных выехал из Москвы и обосновался в укрепленной Александровой слободе (в 100-км к северо-востоку от столицы). 3 января 1565 года царский гонец привез в Москву две грамоты. В первой, адресованной правящей верхушке, царь обвинял бояр, дворян и приказных людей в «изменах» — уклонении от ратной службы, расхищении казны, неповиновении своему государю. Духовенство Иван IV укорял за покрывательство виновных: «И в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотретьи, и архиепископы, и архимандриты, и игумены, сложася з бояры и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати». В заключение своего послания он заявил о своем отказе от власти, так как не желал больше «многих изменных дел терпети». Во второй грамоте, направленной «ко всему православному христианству града Москвы» (простым горожанам), царь объявил, что «гнева на них (горожан) и опал некоторых нет».

Зачитанные перед народом царские послания вызвали в Москве широкие волнения. «Черные люди» (ремесленники и купцы) заявили о своей готовности расправиться с «изменниками», только бы царь «над ними милость показал, государство не оставлял и их на расхищение волкам (боярам и чиновникам. — А. П.) не отдавал». Напуганные выступлением горожан вельможи были вынуждены обратиться к главе русской церкви, митрополиту Афанасию, чтобы тот уприсил царя остаться на престоле.

В слободу двинулась делегация представителей духовенства, бояр, дворян, а также гостей и посадских людей с изъявлением покорности и просьбой к царю вернуться в столицу. С руководителями делегации царь обошелся не как со своими покорными подданными, а как с представителями чужеземного государства — они были доставлены к государю «с приставы» (то есть под вооруженной охраной). После проведенных переговоров царь дал согласие остаться «на государстве», но при этом выговорил

себе важное условие, «что ему своих изменников, которые изменили ему, государю, и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (имущество. — А. П.) имати», то есть наказывать изменников по своему усмотрению.

На деле это означало, что царь приобретал полную свободу действий в преследовании своих политических противников. Отныне духовенство фактически лишалось своего исконного права ходатайства за опальных, узаконивалась практика заочного осуждения обвиняемых и вообще внесудебных форм расправы над лицами, подозреваемыми в изменах, а также над членами их семей.

Для обеспечения своих чрезвычайных полномочий царь Иван учреждал в стране особый политический режим — *опричнину*. Был обнародован особый указ о введении опричнины. Подлинный текст указа не сохранился, но его содержание подробно и обстоятельно передано в официальной летописи<sup>9</sup>. Согласно указу, территория страны подлежала разделу на две части — *опричнину*, своеобразный государев «удел», в котором царь был полным властелином и хозяином, и *земщину*, остальную часть страны, которая передавалась в управление земской Боярской думе. Для охраны личности государя и обеспечения проведения в жизнь политики борьбы с изменой создавался особый корпус опричников, который представлял собой личную гвардию царя. Первоначально предполагалось набрать в опричнину тысячу дворян, но впоследствии, по мере включения в состав опричнины новых территорий, опричное войско многократно увеличилось. Царь Иван сам лично участвовал в наборах («верстаниях») служилых людей в опричнину. По сообщениям современников, в нее принимали лишь тех, кто не имел родственных и дружеских связей с земскими людьми. Опричник давал клятву, что он и впредь не будет вступать ни в какие связи с земщиной. Для опричников вводились особый «знаки отличия» — собачья голова и метла. Служившие в опричнине иностранцы так трактовали значение этой символики: «они (опричники) сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее (то есть измену) из страны».

Долгое время в литературе считалось, что в опричники набирали, как правило, людей худородных, чуть ли не простых «мужиков». Специальные исследования о составе опричного двора опровергают это мнение<sup>10</sup>. Главным критерием при наборе в опричнину служило не столько происхождение, сколько личные качества служилого человека, его беззаветная преданность своему государю. Опричный корпус не представлял собой какой-то однородной массы служилых людей. В нем выделялась своя верхушка, составлявшая опричную Думу, и опричный двор. Структура опричного двора в целом была сходна со структурой доопричного двора и двора земского. Согласно летописи, передающей содержание указа об опричнине, царь «учинил себе особно» (взяв к себе в опричный двор) бояр, окольничих, дворецкого, казначеев, дьяков «и всяких приказных людей», стольников, стряпчих и жильцов, дворян и детей боярских. Опричные Дума и двор составляли своего рода «генеральный штаб» опричного войска. Во время военных походов опричные полки выступали отдельно от земских. В опричнине были и свои особые административные ведомства — приказы, существовавшие параллельно с подобными земскими приказами (опричные Разряд, Дворцовый, Казенный и другие приказы). Фактически царь заправлял делами в опричнине, советуясь лишь с небольшой группой наиболее доверенных лиц.

Образ опричника обычно ассоциируется с именем знаменитого Малюты Скуратова (полное имя — Григорий Малюта Лукьянович Скуратов-Бельский). Но Малюта выдвинулся в число руководителей опричнины лишь на позднем этапе существования этого учреждения. В первые годы у руля управления опричниной стояли Алексей Данилович и его сын Федор Алексеевич Басмановы-Плещеевы, их сородич Захарий Иванович Очин-Плещеев, князь (не слишком знатный) Афанасий Иванович Вяземский и некоторые другие.

Для обеспечения хозяйственных потребностей опричнины в состав ее территории были включены богатые города и уезды: Двина, Каргополь, Великий Устюг, Вологда, Белоозеро, Галич, Старая Русса, ряд дворцовых волостей в Подмосковье и других уездах. Кроме того, на расходы опричнины царь наложил на земщину налог в 100 тысяч рублей — огромную по тем временам сумму. В опричнину вошла часть территории Москвы. Здесь разрешалось селиться только опричникам, земские же дворяне выводились со своих дворов. Согласно указу, в опричнину включался также ряд уездов поместно-вотчинного землевладения (Можайский, Вяземский, Суздальский, Козельский и другие), которые служили базой земельного испомещения опричников. Согласно предписаниям указа об опричнине, в опричных уездах должны были оставаться лишь те дворяне, которые принимались в отряд опричников. Все прочие, земские, дворяне обязаны были в короткий срок оставить свои поместья и вотчины и переселиться в земщину. Их владения шли в раздачу опричникам. Все эти меры были призваны обеспечить службу опричников «с одново», то есть раздельно от земских.

Учредители опричнины всеми способами старались подчеркнуть ее «особность» от земщины. И само слово «*опричнина*» происходит от корня «*опричь*» — *кроме*. Термин «*опричнина*» был, однако, не новым — в удельное время им обозначались особые надельные вдовья княгинь. По своей форме опричнина Ивана Грозного действительно напоминала во многом старинные уделы, и не случайно в источниках она именуется иногда еще и как «государев удел». Однако сходство было лишь внешним. По существу опричнина представляла собой особое учреждение, призванное обеспечить чрезвычайные полномочия царя для утверждения самодержавной власти в стране и подавления любых проявлений оппозиции. С учреждением опричнины царь получал возможность по собственному усмотрению возбуждать дела политического характера, самостоятельно выносить приговоры и единолично решать вопросы о мере наказания. Дело политического розыска изымалось из компетенции традиционных органов государственной власти (Боярская дума, приказы) и целиком переходило в ведение царя и его личных слуг — опричников. По словам В. О. Ключевского, «в опричнине учреждалась высшая полиция по делам государственной измены: назначенный по уставу учреждения отряд в тысячу человек становился корпусом дозорщиков внутренней крамолы и охранителей безопасности царя и царства, а сам царь... становился верховным шефом этого корпуса»<sup>11</sup>.

В высказывании знаменитого историка содержится некоторое преувеличение — опричники занимались отнюдь не только делами политического розыска. Однако Ключевскому удалось весьма метко подчеркнуть одну из важнейших функций опричного корпуса. Именно из состава опричников формировался карательный аппарат царя по борьбе со своими

политическими противниками. Участие в розыске и преследовании «государевых изменников» было не только обязанностью, но и привилегией опричников. Наделенные большой, чрезвычайной властью, опричники нередко злоупотребляли ею — они могли безнаказанно не только подвергать преследованиям «государевых недругов», но и сводить счеты со своими личными врагами.

Как чрезвычайная мера, направленная на подавление любых форм оппозиции самодержавной царской власти, опричнина явилась особой, драматичной страницей в истории политического розыска в России. В годы опричнины размах политических репрессий приобрел невиданные прежде масштабы. Только в Синодике опальных Ивана Грозного, данные которого являются неполными, упомянуто свыше трех тысяч имен лиц, казненных по приказу или с санкции царя.

В борьбе с «изменой» использовались самые различные методы и средства — от ссылки и заключения в тюрьму до массовых казней и тайных умерщвлений. Вместе с обвиняемыми в измене нередко казнили их жен, детей и родственников. Вместе со своими господами, попавшими в опалу, в больших количествах гибли их военные холопы, а также крестьяне. Широкое распространение получили внесудебные формы преследования опальных. Это, конечно, не означает, что судебные разбирательства по политическим делам вовсе не производились. Источники свидетельствуют о том, что и в годы опричнины продолжали составляться по старым формулярам судные списки, вестись протоколы судебных заседаний, к суду привлекались бояре и представители духовенства. Однако участь обвиняемых в конечном итоге зависела не столько от результатов следствия, сколько от личной воли самого государя.

Здесь нет возможности дать полную и всестороннюю картину политических репрессий периода опричного и послеопричного правления Ивана Грозного (1565—1584). Рассмотрим лишь главные, наиболее яркие события, характеризующие особенности политического розыска этого периода.

Уже в феврале 1565 года, вскоре после обнародования указа об опричнине, состоялись первые казни. «Тоя же зимы, февралья месяца, — повествует летописец, — повеле царь и великий князь казнити смертною казнью за великие их изменные дела боярина князя Олександра Борисовича Горбатово да сына его князя Петра, да околничего Петра Петрова сына Головина, да князя Ивана княже Иванова сына Сухово-Кашина, да князя Дмитрея княже Ондреева сына Шевырева. Бояр же князя Ивана Куракина, князя Дмитрея Немово повеле в черныцы постричи». К сожалению, источники ничего определенного не говорят о причинах опалы на этих лиц, о том, в чем состояли их «великие изменные дела». Названные лица являлись видными представителями княжеско-боярской знати, и уже первые опричные казни произвели тяжелое впечатление на москвичей. Особенно ощутимый удар был нанесен по Суздальским князьям. Казнь Александра Борисовича Горбатово (видного воеводы, покорителя Казани) вместе с 17-летним сыном Петром привела к пресечению этой ветви Суздальского княжеского рода. Курбский неоднократно с негодованием писал о том, что царь Иван губил людей «всеродне». Действительно, за годы опричного и послеопричного правления Ивана Грозного пресекался целый ряд ветвей княжеских родов.

Деяния первых месяцев опричнины не ограничились боярскими казнями. Вслед за рассказом о казни и пострижении группы бояр и князей

летописец сообщает: «А дворяне и дети боярские, которые дошли до государьские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал на себя; а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детьми». Смысл этого не вполне ясного летописного рассказа позволяют в значительной мере прояснить материалы сохранившихся писцовых книг Казанского уезда. Р. Г. Скрынникову, впервые полно использовавшему данные этого источника, удалось выявить имена около 180 дворян, сосланных «на житие» в Казань в 1565 году<sup>12</sup>. Выяснилось, что среди сосланных в Казань было немало сторонников прежнего правительства «Избранной Рады» (в их числе родня А. Ф. Адашева), а также родственников и знакомых перебежчиков в Литву начала 1560-х годов. Но самым существенным является то, что большинство казанских ссыльных составляли лица, носившие княжеский титул и принадлежавшие к особым корпорациям князей Ростовских, Ярославских, Стародубских и Оболенских. Едва ли все эти князья (свыше 100 человек) были сосланы за какие-то конкретные провинности. Скорее всего, их высылка в далекий Казанский край носила характер превентивной меры, которой преследовалась цель предотвратить возможное объединение княжеско-боярской оппозиции в обстановке усилившихся гонений на знать.

Ссылка князей в Казань сопровождалась конфискациями их родовых вотчин. Взамен они получали земли в Казанском крае. Но, во-первых, новые земли они получали не в качестве вотчин, а на поместном праве, и, во-вторых, полученные наделы в «Казанской земле» были весьма незначительны по размерам и не могли компенсировать утраты прежних имений. Казанская ссылка явилась мероприятием большого социального и политического значения. Правительство Ивана IV предприняло попытку подорвать политические и экономическое могущество княжеской аристократии.

В 1566 году наметились некоторые перемены в опричной политике. В начале года царь произвел очередную «мену» землями со своим двоюродным братом удельным князем Владимиром Старицким. В результате «мены» князь Владимир лишился основной части земель старинного отцовского удела (к царю перешли Старица, Алексин, Веря и некоторые другие удельные территории), а взамен он получил новые земли (Дмитров, Звенигород, Боровск, Стародуб и другие). Обмен землями привел к окончательной потере традиционных связей Старицких князей с местными феодалами. Основная масса удельных бояр и дворян перешла на московскую службу, некоторые из них были приняты в опричники. Но вскоре после осуществления «мены» земель царь «пожаловал» князя Владимира Старицкого, велел возвратить ему старое дворовое место в Кремле (кремлевский двор был конфискован у Старицкого князя в начале опричнины) и, более того, приписать к нему территорию бывшего двора боярина князя Мстиславского. Едва ли это пожалование являлось просто жестом примирения. Царю было, очевидно, выгодно держать удельного князя в столице с тем, чтобы осуществлять более эффективный контроль над его действиями.

Антиудельные мероприятия 1566 года прошли без кровопролития. Вообще первая половина этого года была временем относительного затишья политических репрессий. В апреле 1566 года царь издал указ об амнистии казанских ссыльных. Князья стали возвращаться на московскую службу и вернули себе (по крайней мере, частично) свои прежние родовые

имения. Весной 1566 года был помилован и возвращен из ссылки знатный боярин князь Михаил Иванович Воротынский, который, как мы видели, попал в опалу еще до учреждения опричнины. Ему была возвращена часть родового удела. Впрочем, для обеспечения благонадежности князя по нем была взята поручная запись.

Политическое затишье первой половины 1566 года во многом объяснялось тем, что правительство Ивана IV, испытывая недостаток средств для ведения Ливонской войны, было вынуждено искать компромисса с земщиной с целью добиться от ее руководства согласия на введение новых налогов. Для обсуждения вопроса о продолжении войны в Ливонии в июне 1566 года на Москве был созван земский собор, на котором присутствовали представители не только духовенства, бояр и дворян, но и купечества, впервые привлеченного к участию в работе земских соборов. Характерно, что на соборе 1566 года присутствовали лишь представители земщины. Одобрение правительственного курса опричниками подразумевалось, очевидно, само собой.

Царь сумел добиться от участников собора согласия на продолжение войны. Но на этом полоса компромиссов закончилась. Именно с земским собором 1566 года было связано первое крупное и открытое выступление земской оппозиции. Большая группа земских бояр и дворян, делегатов собора, обратилась к царю с прошением о ликвидации опричнины. Участники собора, подавшие царю челобитную, рассчитывали, что дав согласие на продолжение Ливонской войны, они добьются удовлетворения своих требований. Однако результатом их выступления явилась новая вспышка репрессий.

По приказу царя челобитчики были арестованы и брошены в тюрьмы. Тогда было арестовано около 300 бояр и дворян, участников собора. 50 человек подверглось торговой казни (были публично побиты батогами), некоторым урезали языки. Трое дворян, признанных зачинщиками выступления (князь В. Ф. Рыбин-Пронский, И. Ф. Карамышев и К. С. Бундов), были казнены. Официальная версия происшедшего выражена в наказе русским послам в Литву: «...а учнут говорить (если станут в Литве спрашивать) про князя Василья Рыбина и про Карамышева, и им (послам) говорити: государь милостив, а лихих везде казнят: про тех государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел».

Ходатайство земских бояр и дворян перед царем об отмене опричнины, хотя и носило в целом верноподданнический характер, расценивалось опричными властями как покушение на честь государя и безопасность его земель. Казнь трех дворян дело не завершилось. Она явилась лишь прологом к широким репрессиям против руководства земщины. Казненные дворяне Пронский, Карамышев и Бундов не занимали видных постов в земской администрации и вряд ли могли возглавить выступление участников земского собора за отмену опричнины. Царь и его окружение понимали, что за их спиной стояли более влиятельные боярские группировки.

Главные подозрения опричных властей падали на боярина Ивана Петровича Федорова-Челяднина, являвшегося одним из наиболее авторитетных руководителей земской думы. И. П. Федоров имел высший боярский чин конюшего, который позволял ему и фактически, и формально возглавлять земскую Боярскую думу. По сообщению Григория Котошихина

некоторых других источников, на Руси существовала традиция, согласно которой в случае смерти царя власть переходила к конюшему боярину. Знатный и богатый боярин, владевший обширными вотчинами в разных уделах страны, И. П. Федоров в то же время отличался честностью. По отзывам современников, он не брал взяток.

Иван Грозный на первых порах не решился подвергнуть влиятельного и авторитетного боярина прямым репрессиям, ограничившись удалением Федорова из Москвы. Конюшего отправили на воеводство (фактически в почетную ссылку) в пограничный город Полоцк. Опытный политик, И. П. Федоров понимал, что над его головой стучатся тучи. Вспомним, что на воеводства в пограничные города были в свое время отправлены опальные Алексей Адашев и князь Андрей Курбский. Однако И. П. Федоров не пошел по стопам своего предшественника, Андрея Курбского, и не встал на путь измены Родине, хотя и имел возможность бежать в Литву. Польско-литовские власти, желая дестабилизировать внутривосточную ситуацию в России, предприняли попытку уговорить некоторых виднейших бояр перейти на службу королю. В Полоцк прибыл литовский агент, передавший Федорову королевскую грамоту. Но боярин не поддался на королевские уговоры и даже выдал лазутчика русским властям. Опричникам не удалось уличить И. П. Федорова в измене государству. Тем не менее, в обстановке усиления недовольства и брожения в земщине, влиятельный земский лидер являлся в глазах опричных властей фигурой чрезвычайно опасной.

События 1566 года показали, что царь Иван отнюдь не был склонен идти на уступки земщине. Вполне вероятно, что в кругах оппозиционного земского боярства обсуждалась мысль об устранении царя и переходе трона к двоюродному брату царя князю Владимиру Старицкому. О заговоре земских бояр в пользу Старицкого князя сообщают иностранные наблюдатели — служившие в опричнине немцы Г. Штаден и А. Шлихтинг. Об «уклонении» оппозиции к князю Владимиру Старицкому сообщает также один русский летописец неофициального происхождения. Но, судя по летописному рассказу, открытого заговора не было, а имели место лишь разговоры («словесы»), за которые и пострадали недовольные опричниной бояре («по грехом словесы своими погибоша»). Мы не можем определенно утверждать, имел ли в действительности место заговор или же дело ограничивалось неосторожными разговорами. Во всяком случае, сведения об умонастроениях земских бояр проникали в царский дворец. Опричные власти весьма серьезно отнеслись к поступающим известиям. Осенью 1567 года царь отложил свой поход в Ливонию, срочно выехал в Москву и отдал приказ о расследовании заговора в земщине. На И. П. Федорова была возложена опала, и его сослали в Коломну. Начались аресты и казни его сторонников — дворян и приказных людей. Беспощадному истреблению подверглись многочисленные вооруженные слуги конюшего. Опричники совершили несколько карательных походов в вотчины Федорова.

Данные Синодика опальных, реконструированного Р. Г. Скрынниковым, позволяют весьма наглядно представить результаты этих карательных экспедиций. Вот некоторые выдержки из Синодика: «В Коломенских Григорей Ловчиков отделал (здесь «отделал» — в значении «убил». — А. П.). Отделано Ивановых людей (то есть слуг И. П. Федорова. — А. П.) 20 человек. В Губине Оуглу отделано 30 и 9 человек. В Матвеешеве



отделано 84 человека, да оу трех человек по роуки сечено... В Ивановском большом отделано 17 человек, да оу 14 человек по роуки отсечено. В Ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да оу семи человек по роуки отделано... В Бежитцком Верху отделано Ивановых людей 65 человек, да у 12 по роуки отсече...»

От погрома боярских вотчин пострадали прежде всего вооруженные холопы Федорова, составлявшие его военную опору. В сентябре 1568 года после произведенного расследования учинили расправу над главными «заговорщиками». Были казнены И. П. Федоров, а также другие видные бояре и князья — М. И. Колычев с тремя сыновьями, князь А. И. Катырев-Ростовский, князь Ф. И. Троекуров и М. М. Лыков с племянником.

Дело о «заговоре» конюшего И. П. Федорова-Челяднина и его сторонников 1567-1568 годов явилось одним из крупнейших политических процессов периода опричнины. По данным Синодика опальных, тогда было казнено несколько бояр и окольных. Но основную массу погибших составляли дворяне, приказные люди (дьяки и подьячие), а также боярские вооруженные холопы. По данным Синодика, в общей сложности в тот период погибло до 150 дворян и приказных людей и до 300 боярских людей.

Опальных карали, как правило, без суда и следствия. Лишь виднейшие из «заговорщиков» предстали перед судом царя и бояр. Как именно происходил процесс суда над боярином И. П. Федоровым, мы точно не знаем. Согласно яркому (хотя, видимо, не вполне достоверному) рассказу А. Шлихтинга, Федорова обвинили в желании захватить царский престол. Когда опального привели во дворец, царь приказал ему надеть царское облачение и воссесть на царский трон, а затем, воздав ему почести как царю, сказал: «Как в моей власти поместить тебя на этом троне, так в той же самой власти лежит и снять тебя». После этого царь всадил нож в грудь боярина, а следующие ножевые удары нанесли опричники.

Недовольство опричниной выражали не только служилые люди, но и представители духовенства. Еще в мае 1566 года сложил с себя сан и удалился в монастырь митрополит Афанасий. Царь предложил митрополитичий престол казанскому архиепископу Герману Полеву, но тот заявил о своем несогласии с политикой опричнины и вскоре был отставлен. Новый выбор Ивана Грозного остановился на кандидатуре соловецкого игумена Филиппа Колычева. Трудно назвать конкретную причину, обусловившую этот выбор. Филипп был не из тех людей, которые способны угождать монарху. Возможно, царя привлекли его незаурядные способности. Определенную роль, вероятно, сыграло здесь и то обстоятельство, что в опричнине служили представители рода Колычевых, сородичи Филиппа. Филипп Колычев был противником опричных методов и условием своего избрания поставил отказ царя от жестокого репрессивного курса. Однако, поддавшись уговорам Ивана IV, он согласился принять митрополитичий сан и дал обязательство «не вступаться» в дела опричнины. Филипп выговорил при этом одно важное условие — возрождение старинного права митрополитов «советования» с государем (включавшего и право ходатайствования за опальных), упраздненного при учреждении опричнины.

25 июля 1566 года Филипп Колычев был поставлен в митрополиты. Развернувшиеся репрессии царя против земщины заставили митрополита нарушить свой «обет молчания» и выступить с обличениями опричной политики. В марте 1568 года на проповеди в Успенском соборе он пуб-

лично высказал свое мнение о необходимости отменить опричнину и прекратить казни. Неоднократные выступления Филиппа с осуждением жестокостей опричнины вызвали раздражение в окружении царя. Немало недоброжелателей у митрополита было и в среде духовенства. Среди них выделялись новгородский архиепископ Пимен и царский духовник, благовецкий протопоп Евстафий. Опричные власти стали искать повод, чтобы свести неугодного митрополита с престола. Для сбора компрометирующих материалов на Филиппа в сентябре 1568 года в Соловецкий монастырь была отправлена особая комиссия, в состав которой входили суздальский епископ Пафнутий, архимандрит Спасо-Андроникова монастыря Феодосий, а также опричники — князь Василий Иванович Темкин-Ростовский и дьяк Дмитрий Иванович Пивов. Они явились на Соловки в сопровождении отряда опричных дворян. С помощью подкупов и угроз члены комиссии вынудили некоторых монахов дать нужные властям показания о «порочной жизни» Филиппа Колычева в бытность его игуменом Соловецкого монастыря. Сфабрикованные обвинения против Филиппа оказались настолько сомнительными, что даже противник митрополита епископ Пафнутий отказался подписать итоговый документ расследования. Тем не менее, по возвращении комиссии с Соловков материалы расследования были представлены опричным властям.

Для суда над Филиппом Колычевым был созван церковный собор, в работе которого принимала участие также и Боярская дума. По сообщению иностранных наблюдателей, царь Иван «вызвал представителей всех духовных и светских чинов и потребовал, чтобы они отрешили от сана порочного митрополита...» Особенно ярким обвинителем Филиппа выступил новгородский архиепископ Пимен. В ход пускались клевета и лжесвидетельства. Лжесвидетели произносили на соборе свои «многословные речи» против митрополита. Филипп отверг все предъявленные обвинения, чем вызвал «многое смятение». Тем не менее 4 ноября 1568 года запуганные и введенные в заблуждение иерархи вынесли на соборе решение о низложении митрополита.

8 ноября, на праздник Михаила Архангела, митрополит Филипп должен был совершить службу в Успенском соборе. Во время литургии в храм ворвались опричники. Они объявили о свержении митрополита, сорвали с него облачение и подвергли аресту. Опального Филиппа Колычева сослали в заточение в Тверской Отроч монастырь.

Разгром земской оппозиции в 1568 году не положил конец репрессиям. В следующем году они возобновились с еще большей силой. Политические процессы второй половины 1560-х годов свидетельствовали о широком недовольстве в земщине опричным курсом, глубоком расколе в правящих верхах. Несмотря на жестокое подавление оппозиции в Москве, царь опасался возникновения новых смут в государстве. Свидетельством этому могут служить проведенные Иваном IV переговоры с английским послом о возможности предоставления ему и его семье убежища в Англии, а также строительство мощных крепостных сооружений в опричной Вологде.

Серьезную тревогу вызывало у царя положение дел в Северо-Западном крае. В начале 1569 года литовский отряд подошел к стенам Изборской крепости. Государев изменник Т. И. Пухов Тетерин, переодевшись опричником, велел страже открыть городские ворота, благодаря чему литовцам удалось захватить крепость. После освобождения города опричники

произвели розыск по делу об «изборской измене», в результате которого был казнен ряд представителей приказной администрации Изборска и близлежащих крепостей. Одновременно власти отдали распоряжение о высылке из Новгородско-Псковской земли заподозренных в неблагонадежности горожан (всего было выселено примерно 2-3 тысячи человек, включая женщин и детей).

Особенно опасался царь усиления оппозиционных настроений в самом Новгороде, втором по величине городе страны. Несмотря на то что с самостоятельностью Новгорода решительно покончил еще дед Ивана Грозного — Иван III, Новгород и в XVI веке сохранял значение важного политического центра и имел некоторые особенности управления и военной организации. Новгородские наместники имели, в частности, право самостоятельного сношения со Швецией. Новгородские дворяне составляли крупнейшую по численности дворянскую организацию России XVI века. На их плечи легла основная тяжесть Ливонской войны, но в то же время они оставались политически бесправными по сравнению с дворянами других городов, зачисленными в опричнину. В силу особенностей своей организации и структуры новгородские дворяне были слабо связаны с московским двором. В то же время они имели старинные связи со Старицкими удельными князьями. Еще в 1537 году часть новгородских дворян приняла участие в «мятеже» Андрея Старицкого. Среди новгородских дворян и приказных людей было немало лиц, которые были связаны не только со Старицким двором, но и с опальными московскими боярами. Все это не могло не вызвать у царя подозрений в «шаткости» новгородцев, побуждало его верить всякого рода доносам.

Тревоги царя многократно усилились после того, как послы принесли ему вести из Швеции о свержении шведского короля Эрика IV его братьями, которые опирались на недовольных королем дворян и горожан. Опасение переворота, подобного перевороту в Швеции, страх перед возможным объединением оппозиции вокруг Старицкого князя (подобно объединению шведской оппозиции вокруг «королевичей») заставили царя действовать решительно и нанести превентивный удар.

Поводом для начала нового витка репрессий послужил донос об «измене» новгородцев. Обвинения, выдвинутые против новгородцев, явно противоречили друг другу: с одной стороны, они якобы хотели посадить на царский престол удельного князя Владимира Старицкого, а, с другой, — отдать Новгород польско-литовскому королю. Источники не позволяют определенно судить, имели ли выдвинутые обвинения под собой реальную почву и где проходила грань между реальной изменой и подозрительностью царя. Во всяком случае, донос об изменах новгородцев послужил удобным предлогом для расправы с оппозицией.

Первый удар был нанесен по удельным князьям Старицким. Было сфабриковано дело о том, что князь Владимир Старицкий намеревался «испортить» (отравить) царя и его семью. Один из царских поваров дал показания, будто князь Владимир уговаривал его травить царя и дал ему для этой цели яд и 50 рублей денег. В конце сентября 1569 года Владимир Старицкий получил указание срочно явиться в царскую резиденцию. По дороге он был окружен отрядом опричников во главе с Малютой Скуратовым и Василием Грязным. После инсценированного разбирательства «дела» и очной ставки с доносчиком-поваром опричники учинили расправу над Старицкими, заставив князя Владимира, а также его жену и девятилетнюю

дочь выпить яд. В то же время в Горичком монастыре от рук опричников погибла мать Владимира Старицкого княгиня Евфросинья.

Вскоре после расправы над Старицкими, в конце сентября — начале декабря, царь Иван «со всей своей опричниной» выступил в поход против Новгорода. Для участия в походе царь собрал крупные военные силы. Исследователи называют различную численность выступившего в поход опричного войска — от 6-7 до 15 тысяч человек. На пути к Новгороду опричники опустошили города Клин, Тверь, Торжок и их округа. В тверском Отроче монастыре, согласно преданию, Малютой Скуратовым был задушен бывший митрополит Филипп Кольчев, отказавшийся благословить поход. 2 января 1570 года передовой отряд опричников подошел к Новгороду. Опричники опечатали имущество в монастырях, церквях и домах богатых людей, произвели аресты. Вечером 6 января к городу подошел сам царь Иван, расположившийся в предместье Новгорода, на Городище. В воскресенье 8 января царь отправился в Софийский собор к литургии. На мосту через Волхов его тожественно встретили архиепископ Пимен с духовенством. Но царь отказался принять благословение от владыки, громогласно обвинив его и новгородцев в измене, будто те «зломыслием своим» хотели «предать» Новгород польскому королю. После совершения литургии Пимен пригласил царя отобедать в архиепископские палаты. Во время трапезы Иван IV приказал опричникам арестовать архиепископа и его слуг. По городу прокатилась волна арестов. Началась эпопея Новгородского погрома, длившаяся 6 недель.

В понедельник 9 января начался суд над «изменниками» в царском лагере на Городище. Следствие велось с применением жестоких и утонченных пыток, посредством которых опричные судьи добивались нужных показаний. Опальных жгли «некоею составной мукою огненной», привязывали к саням и тащили к Волхову, сбрасывали живыми под лед. Казнили не только взрослых мужчин, но и их жен и детей. Среди обвиняемых в «измене» были прежде всего лица, принадлежавшие к верхушке новгородского общества. Репрессиям подверглись бояре и дворяне новгородского архиепископа. Часть из них была казнена на Городище, а прочие были увезены для суда в Александрову слободу. Унижениям и издевательствам подвергся и сам архиепископ Пимен, объявленный главой новгородских заговорщиков. В свое время Пимен, угождая царю, явился одним из главных обвинителей митрополита Филиппа. Теперь он сам стал жертвой царского гнева. С архиепископа сорвали клобук, обрядили в скomorшью одежду, привязали к лошади и в таком виде отправили под конвоем в Москву. Суровые репрессии обрушились на новгородских дворян и приказных, которые подозревались в связях с князьями Старицкими и опальными московскими боярами. В качестве главных обвиняемых выступали боярин В. Д. Данилов, Г. И. Вороной-Волынский, В. А. Бутурлин, представители знатных и влиятельных боярских родов. Во время суда в Новгороде были казнены главный новгородский дьяк А. В. Безсонов, новгородские дьяки А. М. Бабкин и И. Матвеев, главный псковский дьяк Ю. Сидоров и несколько десятков подьячих. Опалам и репрессиям подверглись виднейшие представители новгородского купечества — гости Сырковы, Таракановы и другие.

Пребывая в Новгороде, опричники не ограничились искоренением «измены». Одной из целей похода было пополнение опричной казны за счет богатых новгородских монастырей и посада. У всех новгородских

монастырей и церквей было конфисковано имущество. На местное духовенство была возложена крупная денежная контрибуция. Разгрому подвергся новгородский посад. Опричники грабили не только торговые помещения и склады, но и дома посадских людей. Погром не ограничился самими Новгородом, а перекинулся на его пригороды, на всю Новгородскую землю. Отряды опричников разорили Ладогу, Орешек, Ивангород, Корелу и их окрестности.

Результатом карательной экспедиции опричников против Новгорода явилось разорение и запустение богатого торгового города. В исторической литературе нет единого мнения относительно числа жертв Новгородского погрома. Назывались цифры погибших в 20–40 тысяч человек, но это явное преувеличение — все население Новгорода в то время не превышало 30 тысяч. Наиболее надежные сведения, позволяющие судить о масштабах опричных репрессий в Новгороде, дает Синодик опальных Ивана Грозного, составленный на основе документов опричного архива. В основе списка казненных по новгородскому делу, содержащегося в Синодике, лежал отчет Малюты Скуратова («Малютина скаска») о произведенных им казнях. Основываясь на показаниях Синодика и других источников, Р. Г. Скрынников называет общее число погибших во время новгородского погрома 2–3 тысячи человек<sup>13</sup>.

Расправившись с новгородцами, опричная армия двинулась на Псков. Но здесь репрессии носили более умеренный характер и коснулись прежде всего местного духовенства. Среди жертв похода были власти Псковско-Печерского монастыря игумен Корнилий и келарь Вассиан Муромцев. Последний был дружен с князем Андреем Курбским и состоял с ним в переписке. Во Пскове опричники произвели конфискацию ценностей в монастырях и соборах. Псковское дворянство и посадские люди пострадали значительно меньше, чем их новгородские собратья. Было казнено несколько десятков дворян и приказных. Следует, однако, отметить, что псковские жители подверглись массовым репрессиям еще до начала похода на Новгород, во время расследования дела об «изборской измене».

Из Пскова царь Иван вернулся в Александрову слободу, где был продолжен розыск по новгородскому делу. Сюда были доставлены несколько сотен опальных новгородских дворян и членов их семей. Арестованные новгородские «изменники» были подвергнуты в опричных застенках ужасным пыткам. В допросах принимал непосредственное участие сам царь Иван. Путем пыток опричники не только добивались от заключенных признания своей «вины», но и заставляли их давать нужные показания против неугодных лиц вообще. В ходе расследования были «получены» сведения о якобы существовавшем широком заговоре, в котором наряду с новгородцами были замешаны представители высшей московской бюрократии из земщины, а также ряд видных опричников. В числе обвиненных в «измене» были видный государственный деятель, печатник (хранитель государственной печати. — А. П.) и посольский дьяк Иван Михайлович Висковатый, казначей Никита Афанасьевич Фуников и некоторые другие видные представители земской администрации. Но особенно важным является то обстоятельство, что среди обвиненных в связях с новгородскими «изменниками» оказались видные опричники А. Д. и Ф. А. Басмановы, князь А. И. Вяземский, князь М. Т. Черкасский, стоявшие у руководства опричниной с момента ее учреждения. Басмановы и князь Вяземский обвинялись в тайных сношениях с архи-

епископом Пименом и другими «изменниками», якобы замыслившими сдачу Новгорода и Пскова польскому королю.

Само следственное дело о новгородской и псковской «измене» 1570 года не сохранилось, однако подробное его описание содержится в Описи архива Посольского приказа, составленной после московского пожара 1626 года. Данный источник дает достаточно определенное представление о составе проходивших по делу лиц, о характере выдвинутых обвинений, методах ведения следствия и способах наказания виновных. Приведем текст упомянутого описания целиком: «Столп, а в нем статейный список из сыскного изменного дела 78-го году (то есть 1569—1570 годы. — А. П.) на новгородского архиепископа на Пимина, и на новгородских дьяков, и на подьячих, и на гостей, и на владычных приказных, и на детей боярских, и на подьячих, как они ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном его с Федором, и с казначеем с Микитою с Фуниковым, и с печатником с Иваном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля, да з дьяком с Васильем Степановым, да с Ондреем Васильевым, да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новгорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Русии хотели злым умышленом извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича; и в том деле с пыток [!] многие про ту измену на новгородского архиепископа пимина и на его советников и на себя говорили (курсив мой. — А. П.), и в том деле многие казнены смертью розными казнми, а иные розосланы по тюрьмам, а до ково дело не дошло, и те свободены, а иные и пожалованы; да тут ж список ково казнити смертью и какою казнью и ково отпустить; да тут ж список, за дьячьєю пометою, хто кажен и хто куды в тюрьму послан, и хто отпущен и дан на поруки, а которово дьяка помета, и того не написано; да тут ж приговор государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и царевича Ивана о тех изменниках, ково казнити смертью; и как государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и царевич Иван Иванович выезжали в Китай город на полое место (то есть к месту казни) сами и велели тем изменником вины их вычести перед собою и их казнити; а подлинново дела, ис чево тот статейной список выписан, не сыскано, а приговор государев выезд в Китай-город и список за дьячьєю пометою, хто как кажен, ветхи и изодрались, а большоий статейной список ветх ж»<sup>14</sup>.

Как мы видим, Ивану Грозному и его окружению удалось организовать на Москве широкий судебный процесс и привлечь по делу о «новгородской измене» видных деятелей земской администрации, а также ряд руководителей опричного двора. Летом 1570 года начались расправы над «заговорщиками». Во второй половине июля опричные власти добились от церковного собора осуждения Пимена и снятия с него архиепископского сана. Опальный владыка был сослан в Веневский монастырь, где вскоре умер. Вслед за низложением Пимена царь дал приказ о казни его «сообщников» — новгородских дворян и приказных, а также нескольких видных руководителей московских приказов. Казнь состоялась 25 июля 1570 года на площади в Китай-городе, именованной в народе Поганой лужей. На площадь вывели около 300 человек осужденных, из которых 184 человека были помилованы и отданы на поруки (многих из них затем разослали по тюрьмам и городам), остальные были казнены. Мучительной казни были подвергнуты



печатник и посольский дьяк И. М. Висковатый и казначей Н. А. Фуников. Зрелища массовых жестоких казней произвели сильное впечатление на москвичей, известия о них распространились по всей Европе. Опалам и репрессиям в тот период подвергся и ряд других лиц. В их числе был видный боярин князь Петр Семенович Серебряный (по словам Курбского, «муж нарочит в воинстве и богат»), убитый опричниками.

События 1569—1570 годов явились кульминацией опричных репрессий. Особенностью этого периода был не только небывалый, невиданный прежде размах опал и казней. Репрессии впервые обрушились на головы самих опричников. В царской опале в начале 1570-х годов погибли А. Д. и Ф. А. Басмановы, З. И. Очин-Плещеев, князь А. И. Вяземский, князь М. Т. Черкасский, бояре Захарьины-Яковлевы, бывшие в свое время душой и организаторами опричнины. Иван Грозный не решился подвергнуть опальных опричников публичной казни, опасаясь распространения нежелательных толков в земщине и за рубежом. Со своими бывшими фаворитами он предпочел расправиться тайно, без шума. Если верить Курбскому, по приказу царя Федор Басманов собственноручно зарезал своего отца, но при этом не избежал опалы и умер в тюрьме. Трудно сказать, насколько справедливыми были выдвинутые против Басмановых, Вяземского и других опричников обвинения в связях с «изменниками»-новгородцами. Несомненно одно — в конце 60-х — начале 70-х годов имел место глубокий раскол не только между опричниной и земщиной, но и внутри самого опричного двора. По всей видимости, еще до начала похода на Новгород царь утратил доверие к своим прежним сподвижникам. Характерно, что ни Басмановы, ни Вяземский не приняли участия в карательном новгородском походе 1570 года.

На рубеже 60—70-х годов происходит смена руководства опричниной. На первый план выдвинулись люди новые и худородные. В отличие от прежних руководителей опричного двора, эти лица, будучи выходцами из рядов провинциального дворянства, не имели никаких связей с земской знатью и в душе ненавидели аристократию. Иван Грозный рассчитывал найти в них надежную опору в борьбе с крамолой. Самыми яркими представителями этой новой группировки были Малюта Скуратов Бельский и Василий Григорьевич Грязной, доказавшие царю свою преданность многочисленными убийствами «государевых изменников». Они и возглавили аппарат политического розыска на последнем этапе существования опричнины.

В конце 60-х — начале 70-х годов государство находилось в сложном положении. Политический кризис сочетался с кризисом экономическим. Неурожай 1569 года, вспышки эпидемий усугубляли бедственное положение народа. Весьма напряженной была и международная обстановка. В 1569 году Польша и Литва заключили унию, что привело к объединению военных сил этих государств против России. Усилилась агрессия против России со стороны Турции и ее союзника — Крымского ханства. В 1571 году орды крымского хана совершили опустошительный набег на Русь и сожгли Москву. Царь возложил вину за случившееся на земских бояр и воевод. На следствии знатнейший земский боярин князь И. Ф. Мстиславский «признался», что сам «навел» татар на Москву. Абсурдность подобного обвинения была очевидна даже самим опричникам. Характерно, что, несмотря на столь тяжкую вину (за подобного рода измену и в «старые добрые времена» обычно предавали казни), царь не только оставил

Мстиславского в живых, но и сохранил за ним место в Думе, хотя у князя и были отобраны тогда некоторые земли. Данный пример показывает, что в годы опричнины участь обвиняемого определялась не столько тяжестью самого проступка, сколько личной волей государя.

Царь Иван имел причины для недовольства не только земскими воеводами, но и своими опричниками. Сильно разросшееся за счет присоединения к опричнине новых территорий, отяжелевшее от награбленного во время карательных походов добра опричное войско утрачивало способность эффективно выполнять свою главную функцию по охране личности государя и его земли.

30 июля 1572 года совместная земско-опричная рать наголову разгромила крымского хана в битве у деревни Молоди. Это событие воочию показало, что только объединением военных сил страны можно было отстоять ее независимость перед угрозой внешней опасности.

Осенью 1572 года царь Иван отменил опричнину столь же решительно, как он ее и учредил. Даже само слово «опричнина» отныне запрещалось употреблять под страхом наказания.

В исторической науке остается спорным вопрос, действительно ли царь Иван решил покончить со своим детищем или же отмена опричнины являлась только очередным политическим маневром. Сам факт отмены опричнины не вызывает сомнений. После 1572 года прекратилось разделение страны на опричную и земскую территории. Некоторые из опальных получили амнистию и вернулись в свои старые имения. Однако, несмотря на происшедшие после 1572 года перемены, многое в политике Ивана Грозного оставалось прежним. Отмена опричнины не означала отказа царя Ивана от политики репрессий.

Одним из крупнейших политических процессов, состоявшихся после отмены опричнины, явилось дело бояр и воевод князя Михаила Ивановича Воротынского, князя Никиты Романовича Одоевского и Михаила Яковлевича Морозова, обвиненных в измене и казненных в апреле 1573 года. Источники не позволяют определенно судить о причинах опалы на этих лиц. По сообщению Курбского, Воротынский был обвинен по доносу его холопа в том, что он будто бы пытался околдовать царя. Согласно тому же источнику, Иван Грозный лично участвовал в допросах Воротынского, ведшихся с применением ужасных пыток, от которых князь впоследствии и умер.

У руководства страной оставался все тот же круг царских фаворитов и сподвижников, что и прежде, до отставки опричнины. А ведь деятели типа Малюты Скуратова, возвышенные благодаря опричнине, были кровно заинтересованы в ее продолжении. И после отмены опричнины сохранялось разделение двора на земских и царских слуг — «дворовых». При этом послеопричный особый «двор» Ивана Грозного мало отличался по своему составу от опричного двора конца 60-х — начала 70-х годов, то есть последних лет существования опричнины. Мы видим, таким образом, что царь Иван отнюдь не спешил расстаться со своим прежним окружением и прежним политическим курсом.

В середине 1570-х годов наблюдается новая вспышка репрессий. После гибели Малюты Скуратова под стенами ливонской крепости Пайда в январе 1573 года к руководству «двором» пришли новые царские фавориты — Василий Иванович Умной-Кольчев и князь Борис Давыдович Тулугов. Однако новое правительство продержалось недолго. В результате придворных интриг Бельские, Годуновы и Нагие смогли добиться отстранения от

власти Колычева и Тулупова. В августе 1575 года В. И. Умной-Колычев и князь Б. Д. Тулупов вместе с родственниками и сторонниками были казнены. Трудно сказать, какие конкретные «вины» предъявили опальным перед смертной казнью. Но это и не столь важно — поводом для этого мог послужить любой политический донос.

До нас дошла очень любопытная запись проведенного царем в январе 1574 года допроса вернувшихся из Крыма русских «полоняников», которая ярко характеризует сами методы тогдашнего следствия. Приведенных на пытку людей царь Иван грозно расспрашивал: «Хто из бояр наших нам изменяют: Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславской, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шюйский, Пронские, Хованские, Хворостинины, Микита Романов, князь Борис Серебряной?» Царь как бы сам давал «подсказку» — каких именно показаний он добивался и против кого. Естественно, что при таких методах допроса можно было получить любые нужные показания.

Казни Умно-Колычева и Тулупова послужили толчком к новому витку репрессий. В числе лиц, подвергшихся опале, оказался личный медик Ивана Грозного Елисей Бомелий. Наряду с лечением царя, этот «плотый волхв» (как прозвали его в народе) приготавливал яды для умерщвления впавших в немилость придворных, предсказывал царю судьбу по звездам, занимался придворными интригами. В конце концов, накопив крупное состояние на грязных делах, Бомелий решил бежать из России. Однако он был задержан и доставлен в Москву. Под пытками он оговорил новгородского архиепископа Леонида и других духовных лиц, а также некоторых бояр из окружения царевича Ивана Ивановича. По свидетельству английского наблюдателя Горсея, архиепископ Леонид был обвинен в том, что якобы занимался колдовством и содержал в Новгороде ведьм, и в других преступлениях. Суд вынес ему смертный приговор, но казнь была заменена заточением в темницу, где опальный владыка вскоре умер.

Казням в тот период подверглись также чудовский архимандрит Евфимий и симоновский архимандрит Иосиф. Какие-то подозрения у царя вызвали тогда сам глава русской церкви митрополит Антоний, а также крутицкий епископ Тарасий. В описи архива Посольского приказа 1626 года упомянуто «сыскное дело про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия 83-го (1547—1575 годов) и 84-го (1575—1576 годов) году». В октябре 1575 года был казнен приближенный царевича Ивана Протасий Михайлович Юрьев-Захарьин, приходившийся племянником царице Анастасии Романовне.

Столкнувшись с серьезным политическим кризисом, царь Иван осенью 1575 года в очередной раз объявил о своем отказе от престола, а на трон посадил вместо себя крещенного татарского хана Симеона Бекбулатовича. В своей «челобитной» «государю и великому князю Симеону Бекбулатовичу» он смиренно просил разрешения «людишек перебрать», то есть набрать себе новых слуг и отставить лиц неугодных. В литературе выдвигались различные объяснения этой политической акции. Но как бы то ни было, время «великого княжения» Симеона Бекбулатовича во многом напоминало былую опричнину.

Страна вновь оказалась расколотой на земщину и «государев удел». Центром «удела» становилась Старица. Помимо нее в состав «удела» вошли Псковский, Ростовский, Ржевский, Вологодский, Двинский и другие уезды. Царем была осуществлена чистка личного состава своего «двора». Реальное руководство политикой особого «двора» переходило в руки ху-

дородных думных дворян во главе с племянником Малоты Скуратова Бельского Богданом Яковлевичем Бельским. Б. Я. Бельскому принадлежало, по-видимому, и руководство политическим розыском. Вскоре после «отречения» Грозного, в ноябре 1575 года, на Москве состоялись казни. Имена казненных можно восстановить по Синодику опальных: «Князь Петра Куракина, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никитю Борисов, Василия Борисова, Дружину Володимиров, князя Даниила Друцкой, Иосифа Ильина, протопоп, подьячих три человеки, простых пять человек крестьян». Анализ состава казненных лиц показал, что среди них лишь князь Куракин принадлежал к земской знати, все же прочие бояре и дворяне являлись бывшими опричниками. В период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича широких репрессий против земщины не наблюдается.

Татарский хан сидел на российском троне меньше года. Осенью 1576 года он был сведен с престола и получил в удел город Тверь. Однако и после этого, вплоть до смерти Ивана Грозного, продолжало сохраняться разделение страны и служилого сословия на земщину и «двор». Но по размаху политических репрессий и масштабам земельных переселений послеопричное время далеко уступало опричнине. В последние годы царствования Ивана Грозного происходит заметное смягчение репрессивного режима, прекращаются массовые казни. Царь Иван проявляет заботу о «душах» казненных «изменников». Под впечатлением смерти своего сына-наследника Ивана он приказывает составить Синодик (поминальный список) всех погибших от репрессий. Списки Синодика были разосланы по разным монастырям, которые получили от царя крупные суммы денег на поминовение душ опальных. В конце царствования Грозного наблюдается возрождение некоторых правовых норм судопроизводства по политическим делам. В марте 1582 года был принят специальный приговор «о лжесвидетельстве и ложных исках», направленный на искоренение практики ложных доносов<sup>15</sup>. Согласно Приговору, особо суровому наказанию (смертной казни) подвергались лица, уличенные в ложном доносительстве по политическим преступлениям: «а называет кто кого вором, а смертного убивства, или крамолы, или рокоша на царя государя не доведет (то есть не приведет доказательств своего обвинения. — А. П.), ино того самого казнити смертью». Следует отметить, что Приговор 1582 года, в отличие от предыдущего законодательства, уже особо выделяет как наиболее тяжкие именно те преступления, которые направлены против личности государя — попытки совершения убийства царя, крамолы и «рокоша»<sup>16</sup> (восстания, бунта. — А. П.) на государя.

Последний период царствования Ивана Грозного протекал в обстановке острого экономического и социального кризиса. На фронтах Ливонской войны Россия потерпела ряд тяжелых поражений. Правительству приходилось решать насущные вопросы внутренней и внешней политики. Борьба с крамолой отодвинулась на задний план.

Иван Грозный умер 18 марта 1584 года, оставив своим наследникам разоренную страну с массой нерешенных проблем. Вслед за его кончиной развернулась острая внутривнутриполитическая борьба, приведшая к окончательной ликвидации опричных порядков. Но, несмотря на видимый крах политики Ивана Грозного, его деятельность не осталась безрезультатной и оказала глубокое влияние на дальнейший ход русской истории. В конечном счете опричная политика Ивана IV достигла основной цели —

привела к утверждению самодержавной царской власти и ее возвышению над сословиями. В результате опричнины был нанесен серьезный удар по остаткам родового княжеско-боярского землевладения и аристократической психологии боярства. Политика опричных земельных переселений способствовала разрушению традиционно сложившихся корпоративных связей дворянства. К сходным результатам привела и политика переселений из городов в Москву представителей купеческой верхушки — гостей. Все это приводило к ослаблению русских сословий, которые утрачивали способность бороться с верховной властью за свои особые политические интересы. К концу царствования Ивана Грозного происходит упадок власти сословно-представительных органов на местах. Наблюдается значительное усиление контроля центральной государственной власти над уездами — начинает утверждаться новая, воеводская форма местного управления, возрастает роль московских приказов в контроле и управлении властью. В период царствования Ивана Грозного русская государственность окончательно встала на самодержавный путь развития. Одним из важных проявлений этого стало утверждение на практике нового понимания политического преступления как преступления, направленного против личности государя.

#### Эволюция политического розыска в конце XVI века

После смерти Ивана IV обстановка в стране была весьма тревожной. Государство переживало острый политический и экономический кризис. Затяжная Ливонская война, опричные погромы, стихийные бедствия истощили ресурсы страны, хозяйство пришло в полный упадок. Широкий размах приняли побег крестьян и холопов. Участились разбои. Они принимали опасные размеры, о чем свидетельствует, например, губная грамота, выданная в 1586 году Троице-Сергиеву монастырю. В широких слоях населения уже давно зрело недовольство опричным политическим курсом. Польский король Стефан Баторий вынашивал планы вторжения в Россию. Страна находилась на пороге смуты. Кризис углублялся разногласиями в правящих верхах. После смерти Грозного вновь воспряли знатные бояре — «княжата», надеявшиеся вернуть себе утраченные позиции в государстве. Им противостояла группировка худородных опричных деятелей, которые были заинтересованы в продолжении прежнего политического курса, в сохранении тех прав и привилегий, которыми они пользовались при жизни Ивана Грозного.

Политический кризис сопровождался кризисом династическим. Старший наследник Ивана Грозного — царевич Федор Иванович — был неспособен к самостоятельному правлению, а младший — царевич Дмитрий — был совсем младенцем (в момент смерти Грозного ему не исполнилось и двух лет). Царь Иван IV, умирая, передал царский престол старшему сыну Федору, а царевичу Дмитрию завещал удел в Угличе. При Федоре Ивановиче царь Иван учинил опекунский совет, в состав которого вошли, по сообщениям разных источников, бояре И. Ф. Мстиславский, И. П. Шуйский, Н. Р. Юрьев, Борис Годунов и Б. Я. Бельский. Столкновения среди бояр начались сразу же после смерти Ивана Грозного. «Тое же ноши» (то есть в ночь с 18 на 19 марта) по смерти Грозного, сообщает летописец, в Боярской думе произошли столкновения, в ре-

зультате которых были взяты под стражу и удалены от двора родственники царевича Дмитрия — Нагие. Некоторые из них были сосланы в отдаленные казанские пригороды, еще со времен опричнины служившие местом политической ссылки. Царем был провозглашен Федор Иванович.

Однако в правительстве царя Федора, среди опекунов, огню не было согласия. Вскоре борьба в верхах развернулась с новой силой. Поводом к боярской соре послужил местнический спор между знатным земским казначеем П. И. Головиным и худородным временщиком Ивана Грозного Б. Я. Бельским. На стороне Головина выступили знатные бояре Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Романовы и Шереметевы, а на стороне Бельского — бывшие опричники Годуновы, Трубецкие, а также дьяки Щелкаловы. Устремления Б. Я. Бельского выходили далеко за рамки его местнического спора с Головиным. Источники определенно свидетельствуют о его попытке насильственно захватить власть в стране и вынудить царя Федора к сохранению опричного политического курса. Но соотношение сил сложилось не в пользу Бельского.

2 апреля в Москве произошло крупное народное восстание против временщика, что привело к его падению. В страхе перед народным восстанием противоборствующие группировки вынуждены были «помириться» и пойти на компромисс. Хотя выступление Б. Я. Бельского можно однозначно оценивать как попытку государственного переворота, никакого расследования по его делу произведено не было. Сам Бельский, несмотря на свое поражение, отделался сравнительно легко — его сослали на воеводство в Нижний Новгород (своего рода «почетная ссылка») без явных следов видимой опалы и даже с сохранением чина оружничего. Все это свидетельствует об отсутствии в начале царствования Федора Ивановича твердой государственной власти единого правительства, выступление против которого трактовалось бы как государственное преступление.

Отставка Бельского фактически означала и поражение его союзников Годуновых. Несмотря на это Годуновым не только удалось удержаться в правительстве, но и усилить свои позиции. К моменту коронации царя Федора Ивановича (31 мая 1584 года) Борис Годунов получил высший придворный чин конюшего. В Боярскую думу было пожаловано немало его родственников и сторонников. Крупным политическим успехом Годунова стало заключение политического союза с могущественным кланом Романовых. Вокруг царя Федора постепенно складывалось правительство, лидерами которого являлись близкие царские родственники: Борис Годунов приходился царю Федору шурином, а Федор Никитич Романов с братьями — двоюродными братьями по материнской линии.

Уже в конце первого года царствования Федора Ивановича Борис Годунов стал именоваться в официальных документах «правителем» государства. Сосредоточив в своих руках реальную власть, Борис Годунов начал открытую борьбу со своими политическими противниками. Первыми подверглись опалам Головины. В конце лета 1584 года правитель Борис Годунов затеял ревизию государственной казны, в ходе которой вскрылись крупные злоупотребления главного казначея П. И. Головина. Дело о «государевой краденной казне» рассматривалось в Боярской думе. Оно несомненно выходило за рамки обычного должностного злоупотребления — Казна (Казенный приказ) принадлежала к дворцовому ведомству, и речь шла о покушении на собственность государя. На заседании Боярской думы П. Головину был вынесен смертный приговор. Однако в последний

момент казнь была отменена. Бывшему казначею объявили помилование и казнь заменили ссылкой в Арзамас. Сопровождать опального было поручено Ивану Войекову, бывшему опричнику, человеку, близкому к Годунову. По дороге в ссылку П. И. Головин умер. Ходили слухи, что он был убит по приказу Бориса Годунова. На вероятность такого обвинения указывает тот факт, что спустя некоторое время Борис сделал вклад по душе П. И. Головина в Симонов монастырь. Опалам и ссылкой подверглись и другие представители рода Головиных. Спасаясь от опалы, в Литву бежал брат казначея П. И. Головина — М. И. Головин.

Расправа над Головиными явилась прологом к разгрому Годуновым боярско-княжеской оппозиции в Думе. В опалу попали знатные князья — Мстиславские, Голицыны, Куракины, Воротынские. В 1586 году произошли решительные столкновения Годунова с главными его политическими противниками — князьями Шуйскими. Весной 1586 года Шуйские, заручившись поддержкой митрополита Дионисия и крутицкого епископа Варлаама (Пушкина), а также верхушки московского посада, организовали от имени разных сословий челобитную царю Федору с просьбой о разводе с царицей Ириной Годуновой «чадородия ради». Организаторы данной акции решили использовать бесплодность царицы Ирины с тем, чтобы нанести удар по Годуновым.

В мае в Москве произошло крупное антигодуновское восстание. Толпы народа требовали выдачи Бориса. Восставшие осадили Кремль. Хотя Шуйские и подстрекали народ на выступление против Годунова, широкий размах народного восстания напугал власть имущих. Ради успокоения стихий народного бунта бояре вынуждены были помириться. От имени бояр князь Иван Петрович Шуйский выступил перед народом с заявлением, что у бояр на Бориса нет гнева и что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». Предводители восставших с горечью говорили боярину: «Помирились вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть, да и нам погибнуть». Но момент был упущен. Восстание пошло на убыль. Годунов вновь захватил инициативу и организовал расследование по делу о народном антиправительственном выступлении. Делу была придана политическая окраска.

Официальная версия событий изложена в сохранившихся посольских книгах. Русским послам в Польше в начале 1587 года было предписано говорить относительно казни посадских людей, что они «поворовали», «не в своейское дело вступились, к безделником пристали... а и везде то ведется: лихих казнят, а добрых жалуют». Следствие по делу о восстании велось с применением пыток. Предводители восставших — гости Ф. Нагай и Голуб «с товарищами» были казнены. Многие посадские люди были разосланы по тюрьмам и ссылкам. В октябре 1586 года за участие в антигодуновском движении были сведены со своих престолов митрополит Дионисий и епископ крутицкий Варлаам. Затем настала очередь князей Шуйских. Правительство следило за каждым их шагом, тщательно собирало компрометирующие сведения. Использовались доносы холопов. В одной из летописей сообщается, что Борис Годунов подучал «людей» (холопов) Шуйских (в частности Федора Старого) «дovодить измену» на своих господ.

Источники не позволяют точно сказать, какое именно обвинение послужило непосредственным поводом к опале на Шуйских. Историки не без оснований выдвигают версию о том, что в качестве главного обвинения, которое было предъявлено Шуйским, явилось обвинение в связях с

враждебными России польскими правящими кругами. Учитывая то обстоятельство, что взаимоотношения между Россией и Речью Посполитой были в то время весьма напряженными и что вплоть до конца 1586 года (до смерти короля Стефана Батория) польское правительство вынашивало планы вторжения в Россию, сношения с польскими правящими кругами могли рассматриваться как государственная «измена». У представителей первостепенных княжеско-боярских родов (Шуйских, Мстиславских, Голицыных и других) были причины симпатизировать политическим порядкам Речи Посполитой, где власть короля была ограничена в пользу могущественной аристократии. О польских симпатиях части русской знати (в том числе Шуйских) и даже о ее преданности королю недвусмысленно свидетельствуют материалы тогдашней дипломатической переписки. Уже упомянутый выше знатный московский эмигрант в Литве М. И. Головин, человек, близкий к Шуйским, прямо уверял короля, что в случае вторжения в Россию тот не встретит серьезного сопротивления и на его стороне окажутся многие бояре и жители Москвы. За деятельностью М. И. Головина в Литве русское правительство тщательно следило. Москва содержала в Литве своих платных агентов. Русским послам в Речь Посполитую предписывалось собирать сведения о связях Головина и других эмигрантов с оппозиционными боярами. Историк В. И. Корещий выдвинул весьма правдоподобное предположение о связи отставки Шуйских с возвращением из Польши русского посольства (1 октября 1586 года), когда Борис Годунов мог получить доказательства своих подозрений в сношениях Шуйских с польскими феодалами<sup>17</sup>. Действительно, примерно в это время Шуйские подверглись гонениям. Василий Шуйский, служивший воеводой в Смоленске с весны 1585 года, в последний раз упоминается там 15 сентября 1586 года, а 5 октября в Смоленске его уже не было. Согласно сообщению витебского воеводы С. Паца, «младший Шуйский, воевода Смоленский» (то есть, очевидно, В. И. Шуйский) за тайные сношения через границу с литовскими панями был вызван в Москву и вынужден был давать объяснения.

Тогда же (в начале октября) началось расследование по делу Шуйских в целом. Но они не сразу подверглись репрессиям. В январе 1587 года русские посланники Е. Л. Ржевский и дьяк З. Свизев утверждали в Польше, что самый активный из Шуйских — князь Андрей Иванович — сослан в деревню и что «опалы на него некоторые не положили». По словам тех же посланников, братья Андрея — князья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи — «находятся в Москве», а их родственник, самый видный и популярный из Шуйских — князь Иван Петрович «поехал к себе в свою отчину...» Сообщение дипломатов находит подтверждение в грамоте от 22 марта 1587 года в Суздальский Покровский девичий монастырь, из текста которого видно, что И. П. Шуйский находился в своей суздальской вотчине отнюдь не под стражей, хотя за его действиями и следили специально присланные из Москвы лица — боярин Д. И. Хворостинин и казначей Д. И. Черемисинов.

Только по прошествии ряда месяцев, когда «вину» Шуйского удалось обосновать, они подверглись прямой опале. И. П. Шуйский был сослан на Белоозеро и насильственно пострижен в монахи; в ноябре 1588 года он погиб от руки пристава И. С. Туренина, вероятно, не без ведома Бориса Годунова. Князь Андрей Шуйский был также сослан и в ссылке убит приставом С. Маматовым. В Галич и Шую были высланы братья Василий,

Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи Шуйские. «Вина» последних, видимо, не была очень значительной с точки зрения правительства, и они отделались сравнительно легко: спустя некоторое время, в самом начале 1590-х годов, Василий Шуйский и его младшие братья были возвращены из ссылки в Москву и вернули себе свои прежние чины.

Опала не затронула непосредственно знатного сородича Шуйских — боярина В. Ф. Скопина-Шуйского (отца знаменитого героя Смутного времени), который находился «на жаловании» (на кормлении) в Каргополе и не принимал участия в антигодуновских выступлениях и интригах 1586 года. Вместе с Шуйскими опалам подверглись их сторонники — Татевы, Колычевы, Быкасовы, Урусовы. Князь И. А. Татев был сослан в Астрахань, И. Ф. Крюк Колычев — в Нижний Новгород «в тюрьму каменную». Быкасовы и другие дворяне были разосланы по разным городам. Некоторые бояре, связанные с Шуйскими (князь П. И. Татев, Ф. В. Шереметев), опасаясь опалы, вынуждены были постричься в монахи. Одним из поводов для гонений на Ф. В. Шереметева послужил донос на него его племянника П. Н. Шереметева.

После разгрома Шуйских Борис Годунов стал реальным, полномочным правителем государства. Годы его правления ознаменовались некоторой стабилизацией внутри- и внешнеполитической обстановки в стране. Борис Годунов всеми мерами стремился к укреплению авторитета самодержавной царской «Богоустановленной» власти, к укреплению феодальной законности. В этом смысле он продолжал политику своего предшественника — Ивана Грозного. Любые покушения на «государеву честь» рассматривались как тяжкие государственные преступления и жестоко пресекались. При царе Федоре Ивановиче (в правление Годунова) в титулатуре русского монарха прочно закрепилось наименование «самодержец». За неправильное написание царского титула («государева имени») на приказных людях неизменно налагалась опала. Самодержавный характер царской власти подчеркивался в документах внешнеполитических сношений. Федор Иванович как самодержавный, «прирожденный» государь, власть которому дана от Бога, противопоставлялся в документах польскому выборному монарху.

В целях укрепления государственной власти, совершенствования управления и суда в правление Бориса Годунова были проведены важные преобразования органов управления в Центре и на местах. Происходило дальнейшее совершенствование и развитие системы общегосударственных приказов — органов центрального управления русского государства. В конце XVI — начале XVII веков в общих чертах сложилась та модель приказной системы, которая действовала и в дальнейшем, на протяжении XVII века. Появился ряд новых приказов. В их числе были так называемые судные приказы (Владимирский, Московский, Рязанский и Дмитровский), в которых имели право судиться представители привилегированного дворянского сословия. Создание судных приказов явилось важной вехой в развитии сословных привилегий дворянства в области суда. Новым в государственном управлении Русского государства конца XVI — начала XVII века явилось оформление территориальной структуры так называемых Четвертей — приказов, обладавших финансовой, административной и судебной властью над населением различных областей Русского государства. На рубеже XVI—XVII веков происходит оформление Новгородской, Владимирской, Костромской, Галицкой и Устюжской чет-

вертей. Это означало дальнейшую централизацию управления и суда, усиление контроля Центра над уездами.

Другим проявлением процесса централизации управления явилось усиление и развитие воеводской власти на местах. В конце XVI — начале XVII века мы встречаем воевод не только в пограничных городах, но и центральных и северных городах страны, где имели место развитые традиции самоуправления. Воеводы сосредоточили в своих руках не только военную, но и административно-судебную власть над населением. Они возглавляли на местах суд и розыск преступников. В значительной мере воеводы стояли над местными сословно-представительными органами (губными и земскими избами), подчиняли себе их деятельность.

В условиях экономического кризиса, бегства крестьян, участвовавших в разбое правительство уже не могло опереться на органы сословного самоуправления на местах. Новая форма воеводской власти в конце XVI — начале XVII века, впрочем, еще не утвердилась настолько, чтобы подчинить себе полностью местные сословно-представительные органы. Нередко воеводы делили власть с органами местного управления. Так, в конце XVI века в один из уральских городков были посланы две царские грамоты. Одна из них была адресована представителю центральной администрации А. М. Акинфову, а другая — всем посадским людям. Грамоты касались вопроса охраны интересов местного монастыря. При этом Акинфову предписывалось оберегать монастырь от «насильств» со стороны посадских людей, а посадским людям — охранять монастырь от посягательств со стороны администрации<sup>18</sup>.

Наряду с развитием приказной системы и воеводской власти на местах происходит усиление роли Боярской думы в области управления и суда. Боярская дума становится как бы координатором деятельности центральных административных учреждений. Приказные дьяки не могли выносить самостоятельных решений по спорным вопросам без «всех бояр приговору», то есть без приговора Боярской думы. Это хорошо иллюстрируется материалами одного судебного разбирательства 1598 года. Дьяк Казанского дворца Дружина Петелин вместе с дьяком Большого прихода Жданом Порошиным, мстя думному дьяку Василию Щелкалову, пытались увеличить налоги с его поместья, но эта затея провалилась. Действия Петелина и Порошина были признаны незаконными на том основании, что они пересматривали размеры податей «мимо государева указа» и «безо всяких наших бояр приговору».

Современники (в том числе и те, которые явно не симпатизировали Борису) единодушно говорят о стремлении Бориса Годунова учредить во всем государстве справедливый суд, о его борьбе со злоупотреблениями чиновников и другими общественными пороками. Эти свидетельства подтверждаются документальными материалами. Сохранились, в частности, материалы судебного дела о крупных злоупотреблениях новгородского дьяка Семена Емельянова и его подельщиков, новгородских подьячих 1593—1594 годов.

Утверждая феодальную законность, создавая видимость законного правления, Борис Годунов, однако, сам нередко шел на нарушение законов. В соответствии с духом времени, Годуновы и другие «сильные» бояре «насильством» отбирали у соседей их поместья и вотчины, сманивали в свои имения чужих крестьян, подтасовывали «разряды» (рописи служебных назначений) с тем, чтобы принизить своих местнических соперников, и т. д.



В отличие от своего предшественника Ивана Грозного, Борис Годунов не был склонен прибегать к массовым казням и кровопролитию. Совершавшимся в годы его правления и царствования опалам и репрессиям предшествовали, как правило, тщательные судебные расследования. В годы правления и царствования Годунова не совершилось ни одной публичной боярской казни.

В то же время в условиях ожесточенной борьбы за власть Борис Годунов, чтобы удержаться наверху, по-видимому, не мог действовать только законными методами. В отношении своих наиболее опасных противников он проявлял коварство и жестокость. У Годунова сложилась своя манера расправляться с политическими противниками. Его террор носил скрытый, превентивный характер. Мы видели выше, как Годунов тайно расправился с опальным казначеем П. И. Головиным. Можно с большой долей вероятности считать Бориса причастным к смерти князей Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйских. В борьбе за власть Борис Годунов руководствовался трезвым политическим расчетом, устраняя не только непосредственных, но и потенциальных соперников. Так, он лишил Тверского княжения крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича и свел его на обычную вотчину — тверское село Кушалино. С помощью своего доверенного лица — англичанина Горсея — Годунов уговорил вдову ливонского «короля» Магнуса Марию Владимировну (дочь князя Владимира Старицкого и Евдокии Нагой) вернуться в Россию. Но по возвращении на Родину она и ее малолетняя дочь угодили в монастырь.

Одним из самых загадочных и трагичных событий Русской истории конца XVI века явились события, связанные со смертью царевича Дмитрия в Угличе в мае 1591 года. Историки до сих пор спорят, что же на самом деле произошло в Угличе в тот роковой день 15 мая 1591 года: погиб ли царевич «нечаянной» смертью (поколлот себя ножом в припадке «падучей болезни» — эпилепсии) или же он пал от рук убийц, подосланных Борисом Годуновым.

Версия об убийстве царевича Дмитрия основывается на мощной литературной традиции XVII века. Уже с самого момента гибели царевича в народе широко распространились слухи о причастности Бориса Годунова к его смерти. При царе Василии Шуйском, в связи с канонизацией Дмитрия, эта версия получила официальное утверждение. Святой не мог быть самоубийцей, и власти объявили виновником его смерти Годунова. Никаких доказательств виновности Бориса предъявлено не было, зато был удачно найден «мотив преступления» — «ненасытное властолюбие», страстное желание власти. Отныне Борис Годунов объявляется царубийцей и «святоубийцей». Такой взгляд, освященный авторитетом церкви, прочно утвердился в русской литературе XVII века.

Однако С. Ф. Платонов и другие историки, проследив литературную историю «легенды» об «убиении» царевича Дмитрия, показали, что русские писатели, пережившие Смуту, «неохотно и очень осторожно говорят об участии Бориса в умерщвлении Дмитрия», а драматические подробности убийства появляются уже в позднейших сочинениях XVII века, которые нельзя считать надежными историческими источниками<sup>19</sup>. Об убийстве царевича по приказу Годунова говорят и современники-иностранцы. Но они не были очевидцами событий в Угличе и основывали свое мнение на разного рода слухах и толках, ходивших в Москве.

Значительно большую ценность для изучения событий 1591 года представляют сохранившиеся до нашего времени материалы самого Угличского следственного дела. Причем эти материалы дошли в подлиннике — случай исключительный, если учесть тот факт, что почти вся судебная следственная документация XVI века безвозвратно погибла. Перед историком открывается редкая возможность проследить ход политического процесса на основании не только нарративных (литературно-публицистических) источников, но и подлинных документов следствия.

Долгое время историки крайне скептически относились к материалам Угличского следственного дела, считая их сфальсифицированными в угоду правителю Борису Годунову. Подозрения в недобросовестности ведения Угличского следственного дела во многом объяснялись и степенью сохранности подлинника документа: не сохранилось начало дела, наблюдается некоторое нарушение порядка следования листов. Но самое главное — видны явные следы позднейшей обработки документа. Его листы были кем-то разрезаны, к ним были подклеены другие. Не является ли это свидетельством сознательной фальсификации дела? В начале XX века историк В. К. Клейн проделал скрупулезную работу по изучению и реконструкции Угличского следственного дела и установил, что путаница и переклейка листов явилась результатом не фальсификации документа (в угоду Годунову или кому-нибудь еще), а работы архивистов XVII века, которые для «удобства» использования памятника расклеили «Угличский столбец» (свиток) и переплели дело, а чтобы сделать листы равными по размеру, отрезали части одних склеек и приклеили к другим. При этом из-за спешности такой обработки в ряде случаев был нарушен порядок расположения листов. В. К. Клейн обратил внимание на наличие ржавых пятен на листах дела, возникших в результате попадания влаги в помещение, где хранился документ. По конфигурации пятен ему удалось восстановить первоначальный порядок расположения листов следственного дела. При этом Клейн сумел доказать, что в самом расположении листов дела не было фальсификации. В результате большого и тщательного исследования В. К. Клейн пришел к обоснованному выводу о том, что Угличское следственное дело дошло до нас именно в том виде (правда, без начала), в каком оно было представлено следственной комиссией на заседание Освященного собора 2 июня 1591 года<sup>20</sup>. Исследование Клейна и осуществленное им фототипическое издание реконструированного текста Угличского следственного дела (1913) способствовали возрастанию интереса и внимания историков к этому памятнику.

В поддержку версии, изложенной в Следственном деле, высказался ряд видных историков — С. Ф. Платонов, И. И. Полосин, Р. Г. Скрынников и другие<sup>21</sup>. Действительно, материалы этого Следственного дела рисуют довольно ясную и внешне правдоподобную картину «самозаклания» царевича в результате приступа «падучей» болезни (эпилепсии). Дело содержит ряд важных подробностей относительно «истории болезни» Дмитрия. Следственная комиссия выяснила, что у царевича периодически случались припадки «немочи падучей». Версия о «нечаянном самоубийстве», с точки зрения медицины, не лишена вероятности: игравший «в тычку» с ножом царевич вполне мог в припадке эпилепсии повредить на горле сонную артерию и тем самым нанести себе смертельную рану. Но сомнения относительно добросовестности ведения следственного дела не устранены и поныне.

Ряд серьезных критических замечаний в адрес источника высказали А. А. Зимин и другие исследователи<sup>22</sup>. Действительно, ввиду утраты начала дела остается неясным, каков был «зачин» Следственного дела. Спорным остается вопрос о степени искренности показаний разных лиц. Еще предстоит выяснить, включало ли дошедшее до нас Следственное дело все материалы допросов или были еще другие судные списки. Определенная тенденциозность Угличского следственного дела несомненна. Хотя главным вопросом, на который должно было ответить следствие, был вопрос о причинах гибели царевича («которым обычаем царевича Дмитрия не стало»), остальные вопросы, задаваемые следователями, как бы подводили к версии о «самозаклании» и виновности Нагих в самосуде толпы над Битяговскими. В то же время версия о причастности Бориса Годунова к смерти Димитрия практически не представлена в Следственном деле. И все же критикам Угличского следственного дела не удалось выдвинуть аргументов, которые смогли бы решительно опровергнуть выводы следственной комиссии. Состояние источников таково, что ни обвинение в адрес Бориса не доказано, ни «материалы защиты» не дают ему и дьяку Битяговскому полного «алиби».

Материалы Угличского следственного дела представляют интерес не только для установления обстоятельств смерти царевича Димитрия. Они являются чрезвычайно ценным источником для изучения самой процедуры ведения следственных дел в конце XVI века. Рассмотрим подробнее события, связанные с расследованием Угличского дела.

15 мая 1591 года в полдень на заднем дворе Угличского дворца лежал царевич Димитрий со смертельной раной в горле. На шум сбежались мать царевича царица Мария Нагая, слуги, угличане. Распространился слух, что царевич был злодейски убит. Виновниками гибели царевича посчитали дьяка Михаила Битяговского с сыном, его племянника Никиту Качалова и сына мамки царевича Осипа Волохова, которые вместе со слугами были убиты разъяренной толпой. Вести о смерти царевича и волнениях в Угличе пришли в Москву, вероятно, на другой день. Для обеспечения порядка 18 мая в Углич прибыл отряд стрельбов во главе с головой Темирем Засецким. 19 мая в Углич прибыла следственная комиссия в составе крутицкого митрополита Геласия, боярина князя Василия Ивановича Шуйского, окольниково-Андрея Петровича Клешина и дьяка Елизария Вылузгина.

А. П. Клешин и Е. Вылузгин принадлежали к числу сторонников Бориса Годунова. Видимо, к окружению правителя относился и митрополит Геласий. Однако князя Василия Шуйского, который являлся фактически главой комиссии, вряд ли можно заподозрить в симпатиях к Годунову. Историки не раз ставили недоуменный вопрос: почему Борис решил поручить расследование столь важного политического дела своему явному недоброжелателю? Однако в Думе в тот период решительно доминировали сторонники Годунова, и едва ли следует противопоставлять ее и правителя. По-видимому, Шуйский не был в то время опасной фигурой для Бориса Годунова. Потерпев в ходе борьбы 80-х годов сокрушительное поражение, Шуйские не могли выступать как самостоятельная политическая сила и склонны были идти на компромисс с победителем. Ловкий политик, князь Василий понимал, что сохранить в этой ситуации положение Шуйских при дворе возможно было только таким путем. В свою очередь, для Годунова было важно придать следственной комиссии авторитетный характер. Этой цели и могло служить назначение Шуйского.

20 мая комиссия приступила к работе. Началось следствие. Оно закончилось в субботу 29 мая, а в воскресенье 30 мая комиссия отъехала в Москву. 2 июня члены комиссии доложили о результатах своей деятельности на заседании Освященного собора и Боярской думы, и в тот же день был принят приговор собора по Угличскому делу.

Судя по материалам следственного дела, всего членами комиссии было допрошено 140 человек. Были опрошены представители самых разных общественных слоев: родня царевича — Нагие, представители угличской администрации и духовенства, разного рода дворцовые слуги (мамка царевича, кормилица, постельница, жильцы, царицыны дети боярские, конюхи, сторожа, хлебники и другие), посадские люди. Члены комиссии вели следствие весьма грамотно и умело. Глава следственной комиссии, В. И. Шуйский, имел опыт работы в Судных приказах.

Вначале были опрошены главные участники событий, очевидцы гибели царевича, а затем — прочие лица. Следствие велось системой перекрестных допросов и очных ставок. Члены комиссии добивались ответов на следующие вопросы: где находился свидетель (участник) событий в полдень 15 мая 1591 года, чем он занимался в то время, как (или от кого) он узнал о происшествии, когда он явился на место происшествия и что он увидел там собственными глазами? Следователи выясняли не только обстоятельства смерти Димитрия, они задавались также и вопросом — случались ли прежде у царевича припадки «падучей» и как они проявлялись, то есть возможно ли было «самозаклание» ребенка в припадке эпилепсии.

Вообще, материалы следствия содержат массу интересных подробностей, бытовых деталей. Писцы, составлявшие следственное дело на основе «распросных речей», предпочитали «предоставлять слово» самим свидетелям и мало что добавляли от себя. Отсюда обилие в материалах следствия живой речи, очень яркой и образной. Историков смущало то обстоятельство, что в деле наряду с звучавшими живыми голосами встречаются трафаретные фразы, многие подлинные показания переданы в пересказе, первое лицо заменяется на третье. Так, например, жилец Петрушка Колобов в своих показаниях никак не мог сказать о своей матери такими словами: «да постельница Самойлова жена Колобова Марья». Наличие штампов в следственном деле вряд ли можно объяснить только стремлением фальсифицировать дело. Возможно, писцы прибегали к трафаретным формулировкам с целью более ясного и лаконичного изложения сбивчивых и маловразумительных показаний, даваемых косноязычными свидетелями.

В основу следствия комиссия положила показания очевидцев — мамки царевича Василисы Волоховой, кормилицы Орины Тучковой, постельницы Марии Колобовой и четырех «робятюк» («жилцов»), которые играли с царевичем «в тычку» в момент его гибели. В деле, правда, отсутствуют показания такой важной свидетельницы как мать царевича Димитрия, царица Мария Нагая. Но это обстоятельство вполне объяснимо — члены Следственной комиссии едва ли имели право на допрос царицы, и она была допрошена уже в Москве в присутствии царя и патриарха.

Что же показали главные свидетели и насколько можно доверять их показаниям?

Наиболее пространное показание дала Василиса Волохова. Она рассказала, что припадки случались с царевичем и раньше. 12 мая случился очередной приступ болезни. Как только царевичу стало «маленко поলেখче», царица разрешила ему погулять во дворе. 15 мая во дворе «с царевичем

были: она, Василиса, да кормилица Орина, да маленькие ребятки жильцы, да постельница Марья — Самойлова; а играл царевич ножиком, и тут на царевича пришла опять та ж черная болезнь, и бросило его о землю, и тут царевич сам себя ножом поколол, и било его долго, да тут его не стало». Далее Волохова сообщает, что «как царевич... покололся ножом, и царица Марья забежала на двор и почала (начала) ее, Василису, царица Марья бити сама поленом, и голову ей пробилла во многих местах, и почала ей, Василисе, приговаривать, что будто сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрея зарезали». Когда на звон колокола на двор сбежался народ, царица и Михаил Нагой велели убить Михаила Битяговского и его сына, Никиту Качалова и Данилу Третьякова, объявив, что «то душегубцы царевичю». Затем посадские люди поймали и привели к царице сына Василисы Осипа Волохова. Царица и его назвала «убойцей царевичю», после чего Осип был убит.

Рассказ Волоховой о том, что «царевич сам себя ножом поколол», в целом подтверждается показаниями других свидетелей. Но была ли Василиса во всем искренней в своих показаниях? Вопрос вполне правомерен. Василиса была лицом заинтересованным — ее сына убили как одного из предполагаемых убийц царевича. Еще одна важная деталь, которую проговаривает в своей «речи» Василиса Волохова: ее сын Осип, услышав «шум великой», «прибежал к Михайлове жене Битяговского». Какая могла быть связь между сыном приближенной царицы и Битяговскими, враждовавшими с Нагими? Почему именно Василису, а не кормилицу Орину стала избивать царица (ведь обе женщины, казалось, были одинаково виноваты в том, что «не уберегли» царевича)? На эти вопросы мы не находим ответа в Угличском следственном деле. Как бы то ни было, показания Волоховой легли в основу версии следствия о «самозаклании царевича».

В отличие от показаний Волоховой, показания кормилицы Орины Тучковой и постельницы Марии Колобовой весьма немногословны. На вопрос о причинах смерти Дмитрия они ограничились краткими ответами: у царевича был «нож в руках и он ножом покололся». Р. Г. Скрынников, правда, отметил большую искренность показаний Орины Тучковой. Она искренне горевала о гибели царевича, назвала себя виновницей несчастья: «она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная, а у него в те поры был нож в руках и он ножом покололся, и она царевича взяла к себе на руки, и у нее царевича на руках и не стало».

Краткие совместные ответы на вопросы следователей дали мальчишки «жильцы». Отвечая на вопрос: «Хто в те поры за царевичем были?», они ответили, что «были за царевичем в те поры только они четыре человека да кормилица, да постельница». Относительно обстоятельств гибели царевича «жильцы» единогласно показали: «играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе, и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож». Как мы уже отмечали, показания «ребятишек» даны в Следственном деле в пересказе. Однако правдивость их слов как будто бы подтверждают показания подключников Ларионова, Иванова и Гнидина: в обеденное время они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов (был, очевидно, старшим из четырех мальчиков), а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом, и пришла деи на него немочь падучая... да в ту пору, как било, покололся ножом сам и оттого и умер». Но следует отметить,

что и показания подключников также даны в пересказе. Не могли ли следователи принудить очевидцев дать нужные им показания?

Такой вариант маловероятен. Следствие велось публично. Члены комиссии расспрашивали главных свидетелей в присутствии царицы, которая могла опротестовать ложные показания. И все же такой поворот дела нельзя полностью исключить. Главные свидетели гибели царевича Дмитрия (Тучкова и Колобова) не могли не понимать, что за любое произнесенное ими «лишнее» слово и неутвержденное властям признание не только им, но и их детям грозила бы суровая участь. Нельзя исключить и того, что следователи могли переписать показания свидетелей и вынудить их подписать заново составленный текст.

Вопрос о том, насколько объективно отражены материалы Угличского следствия реального события 1591 года, остается открытым. Но для нас важно подчеркнуть, что формально следствие велось вполне корректно, с соблюдением всех необходимых процедур ведения следствия. К чести следователей надо отметить, что они избежали применения пыток. Вместо этого они проводили тщательную и кропотливую работу по сбору и анализу свидетельских показаний. Все это свидетельствует о достаточно высокой культуре ведения следственных дел в конце XVI века.

В 20-х числах мая в Москве произошли сильные пожары. Значительная часть москвичей осталась без крова. Широко распространились слухи, что Москву подожгли Годуновы. Эти слухи просочились даже за границу. Русским послам предписывалось опровергать толки, будто «зажигали Годуновых люди», и говорить: «нехто вор, бездельник, затеев, сказывал напрасно, Годуновы бояре именитые, великие». Правительство Годунова произвело расследование причин московских пожаров. Согласно одной грамоте, отправленной на Чусовую 23 мая 1591 года, были выявлены виновники пожаров — «зажигальщики» Левка Банщик «с товарищи», которые на допросе показали, что «присылал к ним Офонасей Нагой людей своих Иванка Михайлова с товарищи, а велел им закупать многих зажигальщиков а зажигати им велел московский посад... И оне по Офонасьеву Нагова вельню... зажгли на Москве посад». Трудно сказать, действительно ли Нагие намеревались поджечь Москву и спровоцировать в столице антигодуновские выступления. Во всяком случае, полученные от Левки Банщика показания (вероятно, не без помощи пыток) на Афанасия Нагого дали Борису Годунову дополнительный повод расправиться с Нагими.

2 июня 1591 года для слушания результатов работы Угличской следственной комиссии на Москве собрался собор представителей высшего духовенства. Согласно традиции, дела, касающиеся членов царской семьи, могла судить только церковь, бояре же на заседании собора присутствовать не могли. Дума поручила зачитать Угличское дело на соборе думному дьяку Василию Щелкалову. Ознакомившись с делом, члены Освященного церковного собора выразили полное согласие с выводами Угличской следственной комиссии, квалифицировав действия Нагих и «мужиков угличан», учинивших самосуд над Битяговским и другими лицами, как «великое изменное дело», заслуживающее «всякого наказания». Мера наказания виновных, как сказано в Приговоре собора, должен был определить государь: «А то дело земское, градское, в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси; все в его царьской руке: и казнь и опала, и милость, о том государю, как Бог



известит». Из этой фразы соборного приговора ясно видно, что к концу XVI века в сознании русских людей прочно утвердилась мысль о том, что право казнить и миловать виновных всецело принадлежит царю.

По приказу царя Федора Ивановича мать царевича Дмитрия царица Мария была насильно пострижена и сослана на Белоозеро. Афанасия Нагоя и его братьев заточили в тюрьмы, а затем разослали по городам. Опалам и репрессиям подверглись восставшие уличане<sup>1</sup>. Некоторые были казнены, сотни человек отправлены в ссылку в Сибирь.

Смерть царевича Дмитрия расчистила Борису Годунову путь к власти. 7 января 1598 года царь Федор Иванович скончался, не оставив наследников. По истечении 40-дневного траура в Москве собрался земский собор, который 21 февраля избрал на царство Бориса Годунова. Избрание Бориса не обошлось без столкновений с оппозицией. Вопреки распространенному мнению, главными соперниками Бориса Годунова в борьбе за престол выступали не князья Шуйские, а бояре Романовы, состоявшие в близком родстве с угасшей династией и имевшие немало сторонников в Думе. Но, располагая реальной властью и силой, поддержкой сестры-царицы и главы церкви патриарха Иова, Борис сумел одержать верх в борьбе. 1 сентября 1598 года он торжественно венчался на царство. Важной и непростой задачей было обоснование прав Бориса на престол — это был первый опыт царского избрания в России. С этой целью была составлена соборная утвержденная грамота. Утвержденная грамота постоянно подчеркивает факт соборного («всенародного») избрания Бориса. Но, согласно общей концепции этого документа, он был не столько народным избранником, сколько избранником Божиим. Участники собора лишь «предугадали» Божественное предназначение, выдвинув кандидатуру Бориса на престол («глас народа — глас Божий»), и только в этом смысле факт земского избрания имел ценность. Это давало Годунову основание встать в один ряд с прежними «исконными» и «прирожденными» российскими государями. Не выборным земским царем, а прирожденным самодержцем, власть которому «дана от Бога от прародителей великих государей наших царей российских», представляли царя Бориса русские послы за границей. Факт соборного избрания Бориса Годунова на царство не изменил, таким образом, самого самодержавного строя в России. Утвержденная грамота содержит в себе также текст присяги на верность новому царю и новой династии и заканчивается угрозами отлучения от церкви и проклятия в адрес «ослушников»<sup>23</sup>.

Итак, мы можем четко наблюдать, что к концу XVI века наряду с утверждением самодержавных порядков в России происходит становление нового взгляда на политическое преступление как преступление, направленное против личности государя и членов его семьи. Любое покушение на жизнь, здоровье и честь царя рассматриваются в это время как тягчайшее преступление против государства и церкви. Прочно утверждаются в этот период и представления о том, что только самодержцу всецело принадлежит право карать и миловать виновных. «Смутное время» внесет в это последнее представление определенные корректировки. Но это уже другая эпоха.

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК В XVII ВЕКЕ

Седьмого января 1614 года в Белгороде у попа Ивана, священника Богоявленской церкви, по случаю Крещения собрались гости: никольский поп Тимофей, чернец (монах. — В. И.) Кирило, казак Васья Дорога, сын боярский (сын боярский, дети боярские — категория служилых людей в XV—XVII веке, стоявшая на сословной лестнице ниже дворян) Иван Забусов, отставленный вож («вож» в данном случае, видимо, проводник. Дело происходит в пограничной полосе, где постоянно была опасность нападения крымцев) Сенька Телятников и жена церковного дьячка (дьячок, псаломщик — церковнослужитель, помогающий священнику во время богослужения) Андрюши Онисимова.

Гости выпивали и закусывали, разговаривали, зашла речь о недавно, в феврале 1613 года, поставленном государе Михаиле Федоровиче Романове. И вдруг Сенька Телятников бросил зловещую фразу: «Здоров-бы-де был царь Дмитрий». От этих слов на присутствующих пахнуло многократно слышанными слухами о тайне гибели девятилетнего царевича Дмитрия в Угличе в 1591 году, о его чудесном спасении, о восшествии на престол в 1605—1606 годы и убийстве как самозванца Гришки Отрепьева, новом появлении с женой Мариной Мнишек в 1608—1610 годы и многом другом, что стало известно потомкам как «Смутное время». Первым опомнился Иван Забусов. Возможно, в этой компании он считал себя человеком наиболее близким к власти и обязанным следить за соблюдением законности. Прибывав в съезжую избу (съезжая изба, или приказная изба — присутственное место в городах, где располагались местные власти), сын боярский крикнул «Слово и дело» на Сеньку Телятникова.

Началось очередное политическое дело о «воровских речах». Как оно проходило? Что нового появилось в политическом розыске XVII века по сравнению с предыдущими десятилетиями? Что означала формула «Слово и дело»? На эти вопросы мы и постараемся ответить. Но прежде всего надо, пусть кратко, напомнить о внутривластной ситуации в России того времени.

XVII столетие русской истории принято именовать «бунтарским веком». Действительно, начиналось оно «Смутным временем»: жестокой борьбой за трон, распадом государственных связей, вмешательством иностранных авантюристов и крупных зарубежных государств (Речь Посполитая, Швеция), обстановкой многовластия или безвластия. Новые династии пытались основать Борис Годунов («зять Малюты, зять палача и сам в душе палач»), Лжедмитрий I (сын стрельца, холоп боярина Федора Романова и монах Чудова монастыря Гришка Отрепьев), Лжедмитрий II (возможно, учитель из городка Шклова), боярин Василий Шуйский («лукавый царедворец»), польский королевич Владислав, дочь самборского воеводы Марина Мнишек («гордая полячка»). Эта неумная женщина вместе с казацким атаманом Иваном Заруцким предлагала Руси «воренка» — несчастного маленького сына якобы «Дмитрия». Кроме них по тогдашней Руси бродило множество «детей» и «внуков» Ивана IV Грозного: Лжедмитрий III, Иван-Август, Климентий, Лавер, Петр Федорович, Савелий, Симеон, Федор, Гаврила, Ерошка, Матинка и другие «дети лейтенанта Шмидта».

Даже после избрания на трон в феврале 1613 года Михаила Романова стабилизация проходила крайне тяжело. Несколько лет по стране бродили разбойничьи шайки польских и казацких атаманов. Михаила Федоровича, его сына Алексея Михайловича и внука Федора Алексеевича мучили одни и те же проблемы: постоянная нехватка денег в казне, неоднократные войны с Польшей и Швецией, набеги крымского хана. Царевы люди выискивали все новые способы пополнения казны. В ход шло все: новые налоги, «порча» чеканившихся денег (уменьшение положенного количества серебра), введение государственной монополии на ряд товаров. В 30—40-е годы некоторые налоги («стрелецкая денга») выросли в семь раз, цены на соль — в два раза. Чрезвычайные сборы со стоимости имущества («пятая денга», т. е. 20 %) стали регулярными.

В результате недовольство, в той или иной мере, проявляли все группы населения. Дворяне — опора режима — требовали прочного закрепления за ними крестьян, жалуясь на невозможность в противном случае нести службу. Дети боярские и другие служилые люди — регулярной выплаты жалованья. Частновладельческие крестьяне, которых Соборное Уложение 1649 года окончательно превратило в крепостных, вспоминали правило Юрьева дня — возможность хотя бы раз в году сменить хозяина. Посадские люди — мелкие торговцы и ремесленники — жаловались на все новые поборы, на льготы, которые имели приписавшиеся к боярам и монастырям жители *слобод* (от слова «свобода»). Свободолюбивое казачество не желало расставаться с исконными вольностями и покорно исполнять распоряжения Москвы.

Наконец, затеянное в середине XVII века волей патриарха Никона исправление богослужебных книг по «греческим образцам», введение новой обрядности связывалось в сознании многих с утраченными вольностями, приходом Антихриста на грешную Русскую землю.

Все это оборачивалось многочисленными слухами и рассуждениями о царях подлинных и подменных, обращениями за помощью к ведуньям, знахарям и колдунам, неоднократными восстаниями. Особенно «урожайна» на них была середина и вторая половина века: «Соляной бунт» 1648 года в Москве и одновременные волнения в Великом Устюге, Козлове, Курске и ряде других городов, «Хлебный бунт» 1649 года в Пскове и Новгороде, «Медный бунт» 1662 года в Москве, движение Степана Разина и его атаманов в 1670—1671 годы и многие другие факты открытого неповиновения властям. В такой обстановке политическому розыску дела хватало.

Основная сложность изучения политического розыска в XVII веке заключается в том, что до-прежнему не существовало специальных учреждений, занимающихся исключительно политическими преступлениями. Суд и следствие по ним осуществлялись как местными органами власти — воеводами, так и различными приказами. Воеводы на местах имели право вести следствие по политическим преступлениям с применением всех известных в то время методов дознания, включая пытку. В наказах воеводам особо указывалась их обязанность «про шатость и измену... всяких людей расспрашивать и про них всякими сысками сыскивати... и кто в чем дойдет до пытки, тех велети и пытати». Однако приговор обычно выносился в Москве.

Приказы вели следствие по делам, которые поступали к ним непосредственно как в первую инстанцию, а также приходившим от воевод или из других приказов. В результате политическим розыском занималось около десятка приказов, или управлявших отдельными территориями (Разряд-

ный, Сибирский, Казанского дворца), или ведавших определенными категориями служилых людей (Стрелецкий, Рейтарский и другие). Например, в Разрядном приказе расследовались дела из многих областей, но чаще всего из района тогдашней южной границы («засеки»). Внутри приказов дела по политическим преступлениям попадали к разным подьячим и расследовались ими параллельно с другими делами.

Одновременно власть стремилась несколько ограничить круг лиц, имеющих право расследовать политические преступления. Такого права были лишены органы местного самоуправления (губные старосты) и церковные власти. В 1614 году стрелецкому голове Дернову, ведавшему охранной территорией Кирилло-Белозерского монастыря, был направлен наказ, в котором, в частности, говорилось, что «воровских людей» «кто доведетца до какова государева дела» отсылать для следствия к воеводе, а виновных в убийствах и воровстве к губным старостам.

В 1630 году игумен Переяславль-Залесского Никитского монастыря Афанасий был обвинен в порицании политики правительства, «доброхотству Литве». Хотя по своему положению он был подведомствен церковным властям, его дело разбирал в Костроме воевода П. Волконский. Затем собранные материалы были отправлены в Разрядный приказ. Приговор же выносил царь Михаил Федорович. Через шесть лет был осужден новгородский митрополит Афоний. Он обвинялся в том, что сжег подброшенное в собор «подметное письмо», не сообщив об этом представителям властей, и, кроме того, скрыл «воровские непристойные слова» архимандрита Феодорита о наследнике престола Алексее Михайловиче. Дело также рассматривалось исключительно светскими властями.

Расследование политических дел воеводами находилось под постоянным присмотром Москвы. Из приказов на места посылались подробнейшие инструкции, как вести следствие. Воеводы же должны были регулярно докладывать о его ходе в столицу. Если дело оказывалось запутанным или особенно важным, всех причастных к нему лиц перевозили для следствия в Москву. Приказные чиновники, в свою очередь, постоянно докладывали о ходе следствия Боярской думе и государю. Иногда Дума и царь сами вели допросы и выносили приговоры.

Важным рубежом в развитии политического розыска в России стало принятие Земским собором в 1649 году Уложения — нового уголовного и гражданского кодекса. Он состоял из 25 глав и насчитывал около 1000 статей. Здесь впервые в русском законодательстве появилась специальная глава — «О государственной чести и как его государское здорovie оберегать» — специально посвященная политическим преступлениям: умыслу против жизни и здоровья государя, различным видам измены царю и государству, «скопу и заговору» против царя и властей. Лица, виновные в такого рода действиях или просто замышлявшие их, должны были караться смертной казнью с конфискацией всего имущества. Одновременно Уложение обязывало всех подданных Московского Государя доносить властям о политических преступлениях. Те же, кто «про такое дело ведал, а не извещил», тоже карались смертной казнью. Доносить о политических преступлениях должны были и крепостные крестьяне, которые вообще-то не имели права жаловаться на своих владельцев. Правда, для них существовало требование подтвердить свой извет доказательствами.

Следует иметь в виду, что и Соборное Уложение 1649 года при всем его значении отнюдь не охватывало всю классификацию политических

преступлений. Ничего не говорилось о наказаниях за самый распространенный вид политических преступлений — «непристойные слова» о государе, его семье, предках, его распоряжениях, грамотах, царском гербе и титуле. Не упоминались как подлежащие наказанию ошибки в произношении и написании титула царя, отказ присоединиться к здравнице в его честь, непроизнесение молитвы за здоровье государя и пожелание ему «долгих лет» и другие деяния, считавшиеся на практике столь же опасными государственными преступлениями. Отсутствие этих статей вовсе не освобождало нарушивших их от наказания. В данном случае письменные законы заменялись прецедентом, то есть судебной практикой, которая с лихвой доказывала подданным опасность совершения всех этих действий.

Началом политического расследования, начиная с первых Романовых, обычно служила знаменитая формула «*Слово и дело государево*». Каждый, произнеся эту волшебную фразу, мог заставить окружающих — собравшихся гостей, посетителей кабака, случайных прохожих, губного старосту или даже воеводу — сделать все, чтобы донос дошел до властей и самого царя. Выкрикнутая тюремным «сидельцем» или приговоренным к смерти преступником, даже на эшафоте, — она автоматически вела к перемене участи, хотя бы временной. Произнесший эти слова и те, на кого он показал, часто вызывались в Москву. Правда, в полном виде («*Слово и дело*») эта формула в делах встречается крайне редко. Обычно в документах записан один из ее элементов: или «*слово*», или «*дело*».

Законодательное определение того, что именно является «государевым делом» и требует немедленного доношения властям, и содержалось в Соборном уложении 1649 года. В первые же годы царствования Романовых существовало весьма расширительное понимание «*Слова и дела*». Нередко ее произнесение служило возможностью сообщить о злоупотреблениях местных властей. О коррупции воевод в это время известно очень много. В понимании же высшей власти и населения эти злоупотребления были близки к политическому преступлению, ибо воеводы присваивали себе не полагающиеся им права. Поэтому политический извет мог играть роль скрытой челобитной.

Как же проходила процедура следствия по формуле «*Слово и дело*?» Определенный порядок производства арестов и последующих допросов вырабатывался постепенно на протяжении десятилетий. В XVII веке само сочетание «*Слово и дело*» подчеркивала, что произносящий ее готов сообщить нечто важное и секретное, касающееся особы Государя и государства, то, что при всех объявить нельзя. Нередко изветчик заявлял, что он вообще готов рассказать свое дело только лично царю. Но на деле, судя по материалам сотен сохранившихся политических дел, никто из доносчиков такой личной беседы не добился. Да и сама формула «*Государь указал*», часто встречающаяся в розыскных делах, вовсе не служит автоматическим доказательством непосредственного вмешательства царя в ход следствия и вынесение приговора.

Сам выкрик «*Слово и дело государево*» свободным человеком часто сопровождался, особенно в небольших городах, битьем в колокол. На его звон сбегались любопытствующие и, по обязанности, представители местной власти. Им-то изветчик и говорил о своем решении сообщить информацию государственного значения. После этого доносчик подлежал задержанию. Сообщение о случившемся местные власти отправляли в Москву, в тот приказ, которому они подчинялись. Начиналось оно «офи-

циальной формулой того времени: «Государь царь и Великий Князь Михаил Федорович холоп твой Петрушка Волконский (князь и воевода. — *В. И.*) челом бьет», информируя далее о том, что произошло.

После возбуждения дела расследование могло идти по разным вариантам. Во-первых, известив Москву о возбуждении «Слова и дела», местное начальство могло просто ожидать «государева указа». Во-вторых, на месте могли проявить инициативу: арестовать оговоренных лиц, выявить свидетелей и начать «роспросы» под пыткой. Если же «слово и дело» обвиняло воеводу, то он был обязан сдать дела своему товарищу (заместителю. — *В. И.*) и терпеливо ожидать конца следствия. Сразу заметим, что последний пункт выполнялся далеко не всегда.

В Москве, узнав об извете, также могли поступить по-разному: передать расследование воеводам других городов (если дело касалось местной власти), послать на место специальных следователей с широкими полномочиями, поручить новым воеводам, приказав доставить арестованного и других проходящих по делу непосредственно в столицу, велеть местным властям самим провести следствие с информированием московских приказных людей. Иногда к расследованию подключалась церковь. В частности, в Сибири она в XVII веке сохраняла определенные функции контроля за светской властью.

Если дело начиналось по инициативе центральной власти и дело шло о поимке важного преступника, то служилым людям давались подробнейшие указания о порядке производства ареста, проведении обыска и доставке задержанного в Москву. Например, во время подавления восстания С. Разина из Разрядного приказа (приказа, ведавший служилыми людьми, военным управлением, пограничной службой, назначением воевод. — *В. И.*) в ноябре 1671 года была вручена такая «памятка» стрелецкому сотнику И. Озерову и подьячему И. Костоусову. В ней, в частности, говорилось: «Ведомо Великому Государю царю и Великому князю Алексею Михайловичу учинилось, что... пришел в Холков монастырь [мужской монастырь в Яблосковском уезде, недалеко от города Корочи, на южной границе тогдашней Руси] с Дону из Черкасского городка [центр движения Разина. — *В. И.*] черной поп [монах] Феодосий и в том монастыре ныне строителем».

Далее сотнику и подьячему предлагалось «схати с Москвы в Яблоков, не мешкая нигде..., а приехав, взять в Яблокове... к московским стрельцам, которые с ними посланы, в прибавку яблоковских стрельцов... и с теми людьми ехать в Холков монастырь, и в том монастыре взять того черного попа Феодосия... А взяв того попа, сковать руки и ноги, и скванна весть к Москве с великим береженьем... чтоб он з дороги не ушел и над собою какова дурна не учинил... От Яблокова до Москвы в городах у воевод и приказных людей имати (братъ. — *В. И.*) от города до города провожатых служилых людей с ружьем к московским стрельцам в прибавку... А в дороге и на станах (стоянках. — *В. И.*) никого к тому старцу не припускать (не допускать. — *В. И.*) и говорить с ним не велесть».

Тут же напоминалось о порядке производства обыска, чтобы не упустить ценных улик: «А в монастыре и в келье того черного попа животы (имущество. — *В. И.*), деньги и всякую рухлядь (вещи) и все что ни есть, переписать при нем, черном попе..., а переписав..., привезть к Москве с собою ж». Указывалось и куда доставить арестованного: «В Москве доложить и все сдать в Разрядный приказ думному дьяку (*думный дьяк* — высокопоставленный

начальник канцелярии одного из центральных органов управления до XVIII века. — В. И.) Семену Титову и Василию Семенову да Петру Ковелину».

Когда окончательное решение о месте расследования и о ведущих его было принято, начинались допросы. Как и во всех средневековых обществах, они велись с почти обязательным использованием пыток. Их применение в XVII веке имело достаточно четко расписанную регламентацию, которая постоянно уточнялась.

Впервые пытка как метод расследования на Руси была зафиксирована официально в Судебнике Ивана III 1497 года. Пытка должна была проходить в особых помещениях в присутствии судей и «судных мужей», то есть принявших присягу понятых. Но, конечно, на политические дела наличие понятых не распространялось. «Пыточные речи» записывал дьяк. Протокол допроса скреплялся подписями следователей.

Порядок пыток и их количество вырабатывались постепенно. В 1626 году «тюремный сиделец» в Можайске Васька Ларионов крикнул «Слово и дело» на тюремного сторожа Ваську Ермолина. Заключенный обвинил служителя тюрьмы в «непотребных словах» о матери Государя Михаила Федоровича Марфе Ивановне, которая якобы своему сыну «не велит на Хлоповой жениться». (Брак с Марией Ивановной Хлоповой предполагался в 1616 году. Но в окружении Михаила Федоровича ее обвинили в слабом здоровье, что, по понятиям того времени, для царицы было государственным преступлением. Боярская дума вынесла заключение: «царева невеста к государевой радости не прочна [не пригодна]». Девушку сослали в Тобольск, затем в Верхотурье, а в 1621 году перевели в Нижний Новгород. В 1626 году у Михаила была уже вторая жена, Евдокия Лукьяновна Стрешнева. Но из дела видно, что о Хлоповой продолжали помнить. — В. И.).

Из Москвы князю Петру Андреевичу Волконскому пришел приказ: «Про такие воровские дела сыскать ... накрепко, ... и пытать велеть без пощады, чтоб допытаться подлинно», по какому он умышлению ... такие воровские непригожие слова говорил, от кого такие ... слова слышал или собою (сам) затеял, для чего затеял». Предлагалось также провести очные ставки. Воевода доложил, что сторожа пытали четыре раза и клещами жгли, но «сторож Васька все одни речи сказал», отрицая свою вину. После этого еще большему количеству пыток подвергли доносчика. В ходе четвертой пытки «разжегши клещи жгли и у ног персты жгли». Поскольку он отказался от первоначальных показаний, признав свой донос клеветой, то его пытали и в пятый раз.

Впоследствии сложился обычай пытать не более трех раз с недельными промежутками между ними для восстановления сил обвиняемого. Показания, данные под пыткой, считались «несомнительными», если они подтверждались в ходе всех трех пыток. Если обвиняемый, оговорив кого-либо с двух пыток, отказывался от своих показаний на третьей пытке или идя на казнь, то такому «оговору» веры не было. Не было полной веры, если обвинение давалось лишь с третьей пытки или по пути на казнь, а также после длительного сидения в тюрьме. Полагалось не доверять и в том случае, если арестованный обвинял того, кто передал его судебной власти. Боярский приговор 1656 года предлагал «верить тем вора, которые будут с трех пыток и с огня прежние свои распросы и пыточные лживить (отрицать. — В. И.)». Таким образом, обвиняемый мог надеяться на полное освобождение, если, отказавшись от прежних показаний, он переносил новые пытки, подтверждая свою невиновность. Если дело было

очень важным и доказательства были налицо, достаточно считалось одной пытки.

Сама пытка в России в это время была не столь сложна и не так упорочно-жестока, как в Европе. Можно, по документам того времени и рассказам современников, в том числе заезжих иностранцев, выделить различные виды пыток. В ходе их чаще всего применялся кнут. Кнут был не только орудием пыток, но и средством наказания. Применение кнута в России было запрещено лишь в 1845 году. Сам кнут состоял из короткой, толстой деревянной рукоятки, длиной около пол-аршина (примерно 35 см — В. И.), к которой прикреплялся плетеный кожаный столбец (столбец — вид длинной ленты), длиной около аршина (71,12 см), с медным колечком на конце. К колечку ремешком привязывался хвост, около аршина длиной, сделанный из широкого ремня толстой сыромятной кожи, выделанного желобком и на конце загнутого ногтем. Удары наносились этим хвостом. Тяжесть удара зависела от силы бьющего и способа нанесения. Один из авторов отмечал, что опытный палач мог первыми тремя ударами перебить человеку позвоночник. Различалось битие простое и нещадное.

Подьячий Григорий Котошихин, бежавший в середине XVII века в Швецию и опубликовавший там свои записки о России, отмечал, что кнутабойничанье требовало большого напряжения сил от исполнителя. По его словам, в час «бывает ударов 30 или 40».

Лучшим средством для излечения ран от кнута считалась теплая шкура только что убитой овцы, которую клали на спину пытаемому или наказанному.

Самой распространенной пыткой с применением кнута было поднятие на «дыбу». Это было что-то вроде виселицы, на которую подвешивали обвиняемого. Руки при этом выходили из суставов. Затем палач бил кнутом, а члены следственной комиссии в промежутках между ударами задавали вопросы. Боярский приговор 1673 года регламентировал количество ударов в ходе пыток. «Ворам и разбойникам, которые сначала вьются, а потом станут речи свои лживить», предлагалось в первой пытке давать до 80 ударов, во второй — до 120 и в третьей — до 150. Прочим же «приводным людям» (арестованным. — В. И.) разрешалось давать соответственно 50, 80 и 100 ударов. Это значит, что пытка могла продолжаться фактически непрерывно около восьми-девяти часов. Конечно, на самом деле эти ограничения соблюдались далеко не всегда. По некоторым сведениям, бывали случаи нанесения до 300 ударов. После спуска допрашиваемого с дыбы палач быстрым рассчитанным движением вправлял ему руки в суставы.

В менее важных случаях применялась «виска». Это означало, что человека поднимали на «дыбу», но кнутом не били. Другой вид пытки на дыбе назывался «стряска», то есть поднятого встряхивали, дергая за веревку, доставляя ему дополнительные мучения. Еще одним средством усиления пытки являлся прием с возложением бревна. На связанные ремнем ноги вздернутого на дыбу клали бревно, на которое становился палач. Пытка огнем заключалась в поджаривании спины. Иногда пытку огнем соединяли с дыбою. В этом случае под ногами пытаемого разводили костер или палач зажженным веником водил по спине поднятого на дыбу.

Кроме этих самых распространенных видов пытки известны и другие приемы, применявшиеся, чтобы сломить человека, выбить из него

показания (они могли быть подлинными или ложными). Среди них ломание ребер раскаленными железными клещами, ломание пяток, вколачивание деревянных гвоздей и вырезание мяса из-под ногтей, прижигание раскаленным железом или растравление солью ран, причиненных кнутом, выливание по капле холодной воды на обритую голову подсудимого, кормление соленой пищей с последующим помещением в жарко натопленную баню без воды.

Для битья, кроме кнута, применяли также батоги. Батог или батожье представлял из себя палку, прут с обрезанным концом. Это считалось менее тяжелым испытанием. Человека могли также посадить в «колоду». Она представляла четырехугольник из брусьев, в котором имелось четыре отверстия. В средние отверстия человек просовывал ноги, в боковые — руки. При этом ноги были приподняты от земли, корпус тела согнут под острым углом, а руки притянуты на одну линию с ногами. В результате человек не мог пошевелиться и испытывал колоссальные страдания.

В XVIII веке появились новые приемы пыток. В частности, большие пальцы рук и ног заключались в железные тиски и затем сдавливались. Другая новинка заключалась в том, что на голову надевали веревку и, «просунув кляп», поворачивали его, закручивая веревку, отчего, как сказано в одном из документов, допрашиваемый «весьма изумленным бывает».

Петровское время характерно усилением регламентации пыток, столь любимой царем. По воинскому артикулу 1716 года пытку полагалось применять лишь в невызывающих сомнения преступлениях, в важных делах, если подозреваемый при допросе «смутится, изменится в лице или оробет». При равных подозрениях полагалось пытать сына ранее отца и жену — ранее мужа. Правда, за злоупотребление пыткой, ее применение без достаточных оснований или сверх меры судьям угрожало наказание вплоть до смертной казни. Отягчающим обстоятельством служила смерть обвиняемого под пыткой или доказанная злонамеренность судьи. От пытки освобождались дворяне, старики свыше 70 лет, недоросли (подростки до 15 лет. — *В. И.*) и беременные женщины. Это правило, однако, не распространялось на дела об убийстве и интересующих нас государственных преступлениях.

Лишь с середины XVIII века постепенно начинается смягчение пыток и их применения. При Елизавете Петровне были отменены пытки для виновных в описке титула императрицы и для детей до 12 лет. Причем при обсуждении вопроса Сенат в 1742 году высказался за неприменение пыток для молодых людей до 17 лет, зато Синод (орган, управлявший русской церковью с 1721 года. — *В. И.*) считал возможным применение пыток с 12 лет, ссылаясь на приведение к присяге новому императору именно с этого возраста.

Еще дальше по пути гуманизации пошел Петр III, издав указ о производстве допросов, «сколько возможно без пыток». Тем же правилом руководствовалась просвещенная императрица Екатерина II, ограничивая и запрещающая пытки. Наконец, полностью запретил пытки либеральный мечтатель Александр I. Но, как всегда, законы оставались скорее пожеланиями, чем неукоснительно соблюдаемыми требованиями правительства. В 1834 году при расследовании дела о поджогах и волнениях в Москве выяснилось, что подозреваемых ради быстрого расследования вешали вниз головой, били нагайками, перетягивали руки и вешали за веревку на гвоздь.

«... Практика пыток породила немало поговорок, рожденных в застенках. Выражение «узнуть всю подноготную» напоминает о забивании деревянных спиц или гвоздей под ногти. Профессор Московского университета И. М. Снегирев в 30-е годы XIX века отмечал, что несостоятельный должник нередко говорит своему кредитору: «Хоть в уголь сожги меня, а мне негде взять!» Первая часть фразы связана с пыткой, когда истязаемого мучили огнем, а он, не зная за собой вины, пел: «Ведать не ведаю, знать не знаю, хоть в уголь сожги».

Понимание того, что нередко признание вины было связано с невозможностью перенести пытку, отразилось в поговорке «На деле прав, а на бумаге виноват». В новых условиях XIX века она несколько трансформировалась: «На деле прав, а на бумаге виноват». По словам того же И. М. Снегирева, в Костромской губернии бытовало выражение «Ужо его склячат», означавшее скорое избитие преступника. Оно напоминало о пытке «клячить голову», то есть сжать ее закручиваемой палкой. Но даже под пыткой некоторые наиболее мужественные и стойкие не теряли присутствия духа и своеобразного чувства юмора. Как гласит одно из преданий, когда после пытки обвиняемого, изувеченного и окровавленного, волокли из застенка, навстречу ему на подобный допрос вели новую жертву. Между ними произошел следующий обмен репликами: «Какова баня?» — «Еще остались веники».

Но вернемся в XVII век. «Изветы» затрагивали, как правило, темы, наиболее волновавшие население и власть. Повышенное внимание властей, особенно после окончания Смуты, привлекали доносы об упоминании других претендентов на престол. Выше мы уже рассказывали, чем закончилось для Сеньки Телятниковца воспоминание о «царе Дмитрие». Вообще, как видно из следственных дел, память о «Дмитрии», «о Тушинском воре», сомнения в его гибели сохранялись в народной памяти многие годы.

В январе 1624 года крестьянин Ивашка Семенов подал «извет» на пушкаря Андрея Дубенца. В присутствии девяти человек тот пожелал здоровья Дмитрию Ивановичу, «Государю князю всея Руси». В 1625 году в Коломне в кабаке крикнул «Государево слово» крестьянин Ивашка Ларионов. Доставленный в съезжую избу, он рассказывал, что за три года до этого слышал от двух крестьян, некоего рязанца по прозвищу «Приезжий» и Парфенки Филатова по прозвищу «Батрак», разговоры о том, что «Тушинский вор, который назывался царевичем Дмитрием, жив». Из этого первый обвиняемый делал вывод, что «Михаилу Федоровичу нельзя жениться», а второй пророчил «войну великую». На логичный вопрос в Разрядном приказе, куда его доставили, почему молчал несколько лет, отвечал, что сообщал об этом своему господину Темке Кондыреву, князю Федору Волконскому и попу Ивану, но они ему не поверили. Кондырев же, «привязав к коновязи», бил его кнутом. Завязалось дело, по которому было привлечено более полусотни свидетелей. В конце концов следствие пришло к выводу, что доносчик все сочинил, ибо и в прошлом «в хмелю сбродит с ума и с людьми дерется». Для всех сторон дело кончилось достаточно благополучно. Ивашку отдали его хозяину Темке Кондыреву. Последний дал обязательство «ему его, Ивашку, до смерти не убить, руки и ноги не переломить, и ни в чем не изувечить». Подобные дела происходили и позже.

Столь же строго власть относилась обычно к непочтительному упоминанию царского титула или, как тогда говорили, к «непотребным словам»



В марте 1616 года в городе Боровске поссорились два казака: Познячко Семенов и Андриюшка Хода. При двух свидетелях Андриюшка не только «лаял матерно» своего противника, но и того «кому он служит», то есть, по логике тех понятий самого царя. Андриюшка в оправдание ссылался лишь на свое пьяное состояние и беспамятство. В результате уже через неделю после доноса бояре приговорили Андриюшку Ходу за то, что «он говорил непригожие слова, бить на козле кнутом» и после наказания освободить.

Вообще-то битье кнутом и заключение в тюрьму на короткий срок (неделю, месяц) было достаточно обычным наказанием за говорение «непотребных слов» без злого умысла. Так, в 1628 году в Курске на пиру у Якова Непочатого сын боярский Исайко Семенов, видимо разгоряченный угощением, похвастался тем, что один из его приятелей на Москве стал ему «хорошее государя». Результат: «бить кнутом и посадить в тюрьму на месяц, чтоб впредь иным неповадно было так воровать и непригожих слов говорить».

Преследовались «непристойные слова» не только относительно личности самого царя, но и какое-либо обсуждение его семейных дел, его родственников и близкого окружения. В апреле 1633 года в Курске был посажен в тюрьму некий Стенька Фарафонов. Через девять дней он «сказал за собой государево слово». При допросе Стенька «вспомнил», что несколько недель назад «черная старица (монашка. — В. И.) Марфа Жилина» на рынке вела следующие речи: «глупые мужики, которые быков припушают к коровам» смолоду и «те коровы рожают быков», а если бы «припушали об исходе [в зрелом возрасте]», то коровы рожали бы «телиц». После этого «зоотехнического» совета монашка в доказательство его верности привела такой довод: «государь де царь женился об исходе, и государыня де царица рождает царевны, а как де бы государь... женился молоду, и государыня... рожала бы все царевичи». Михаил Федорович женился впервые в 28 лет в 1624 году на Марии Владимировне Долгоруковой. Вскоре она умерла, и в 1626 году царь женился на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. К 1633 году в семье был один сын — Алексей, будущий Государь, — и три дочери. Наличие сына Марфа объясняла в свете вышесказанного так: «Алексей Михайлович де царевич подменный». В заключение монашка сообщила слушателям, что государь «хотел царицу постричь в черницы».

В результате донос оказался ложным, изветчик был «бит кнутом нещадно» и брошен в тюрьму. Но в данном случае важен сам факт подобных речей. Ясно, что Стенька не сочинил их сам, а где-то слышал.

Сталкиваясь с какими-то вольными речами на политические темы, следствие очень часто искало «иноземный след». Особое подозрение вызывала возможность контактов с подданными Речи Посполитой. В 1634 году были арестованы за «непотребные слова» два жителя Комарицкой волости: поп Кондратий и дьячок Гаврилка. (Комарицкая волость считалась местом крайне беспокойным. Здесь в 1604 году первыми признали Лжедмитрия за подлинного царя. — В. И.). Поэтому в данном случае воевода велел их «пытать накрепко и огнем жечь», добываясь узнать, «по чьему наученью и умышленно такое неподобное слово говорили» и «не по засылке ли чей, нет ли у них ... какой ссылки с литовскими людьми». В данном случае оказалось, что от границы они «живут далеко, верст с 100» и «ссылки у них с литовскими людьми никакой не бывало».

Особый раздел политического розыска в XVII веке составляли дела о колдовстве. По обычным представлениям средневековья эти люди, связанные с «нечистой силой», могли нанести вред не только отдельным лицам, но и жителям целой страны. Причины болезней, семейных неурядиц, неудачи в делах, неурожаи легче всего объяснялись напусканием «порчи», «заговорами» и тому подобными обрядами. Впрочем, колдуны и ворожеи могли не только вредить, но и спасать от тех же несчастий. Поэтому к их услугам нередко прибегали в повседневной жизни, о чем будет рассказано ниже. В глазах же официальной церкви и государства колдовство в любом случае было связано с участием дьявола и подлежало строжайшему наказанию. Особенно опасным казалось использование колдовства в политических целях. Совсем диковинные плоды давало соединение в обыденном сознании образов «внешнего врага» и «нечистой силы».

В 1601—1603 годы Московскую Русь постигло страшное бедствие — трехлетний неурожай, ставший реальным началом Смуты. Голод уносил десятки тысяч жизней. По словам летописца, «на Москве... ели конину, и псы, и кошки, и людей ели». В этой обстановке в 1603 году подал свой «извет» Милютка Федоров сын Бегичев. Отсидевший в тюрьме города Галича пять лет и выпущенный на волю в 1602 году, он, возможно, остался без средств к существованию и решил обратить на себя внимание высоких властей.

В своем доносе он утверждал, что страшный голод — дело рук иноземных колдунов. По его словам, некие Иванко Лопенин да жена его Офросеньица («Лопенин» — житель Кольского полуострова. В данном случае, видимо, подразумевалась тайная связь с еще одним давним внешнеполитическим противником Руси — Швецией. — В. И.) — главные виновники происходящего. Изветчик не только называл имена «вредителей», но и раскрывал механизм их деятельности. Оказывается, приехав в Москву, колдуны «добыли на Москве мужнюю женку и имали у ней от груди женское молоко. Да то молоко в кость в гусину наливали да печатали [запечатывали] да вкапывали ... ту кость в землю на Москве». То же самое они проделали с кобыльим молоком. После этого они напустили на Русскую землю «дождь да стужу да хлебной недород» и «на лошади и на всякую животину падеж». В доказательство правдивости доносчик ссылался на рассказ товарища по заключению, Треньки Онуфриева, умершего в галичской тюрьме, и даже указывал примерный адрес колдунов в столице: «на Сретенской али на Рождественской улице».

Надо сказать, что власти крайне серьезно отнеслись к этой версии. Следствие вел окольничий И. Ф. Басманов, один из крупнейших государственных деятелей того времени. Было опрошено 86 человек в Галиче и 338 — в уезде. Правда, колдунов в данном случае найти не удалось и не было добыто бесспорных доказательств их «деятельности». Сам руководитель розыска, И. Ф. Басманов, через несколько месяцев погиб под Москвой в сражении с восставшими отрядами Хлопка Косолапа, реальным, а не выдуманном социальным последствием голода.

Самое большое внимание обращалось на дела о колдовстве, связанные с царской семьей. Страх перед колдовством отразился уже в текстах присяг Борису Годунову и Василию Шуйскому. Они содержали обязательство подданных не применять «колдовства и других практик», которые могли повредить Государю и членам его семьи. При Алексее Михайловиче в 1653 году последовал запрет «держат отреченные еретическая и гадательныя книги, письма и заговоры, коренья и отраву и ходить к колдунам».

и ворожеям». Но еще до этого указа колдуны и ворожеи на Москве и в других местностях Руси находились, говоря современным языком, «на полуправильном положении». Едва возникало малейшее подозрение в напущении ими «порчи», их без всякого милосердия отправляли в «пыточную».

В отношении «нечистой силы» царь считался столь же уязвимым, как и все его подданные. Поэтому бытовая жизнь Двора была полна ритуалами, призванными не допустить проникновения этой опасности. Боялись прежде всего наведения «порчи» на государя, царицу и их детей.

Огромное значение придавалось выбору невесты государя, ибо ее главным официальным назначением было родить здоровых крепких сыновей — будущих наследников, поэтому при необходимости царю жениться объявлялось о проведении в Москве смотрин, на которые могли приехать желающие девицы из боярских и дворянских семей.

Выбор невесты также становился почвой для политических комбинаций и злоупотреблений. В 1670 году царь Алексей Михайлович после смерти первой жены, М. И. Милославской, решил жениться вновь. Были объявлены смотрины. После первого тура, когда отобранные для дальнейшего конкурса должны были пройти медицинский контроль, поступил «извет» доктора Стефана на некоего Ивана Шихарева. По словам врача, тот специально с ним встретился и жаловался, что боярин Б. М. Хитрово, спесивец его племянницу, нашел, что у нее «руки худы». Поэтому Шихарев просил доктора в ходе предстоящего освидетельствования помочь делу и признать руки родственницы достаточно полными. На слова Стефана, что девушки он не знает, Иван отвечал: «Как руки у нее станешь посмотреть, и она де перстом за руку придавит, потому ее и узнаешь». Тем более необходимо было предостеречься от возможного ведовства и колдовства.

Из нескольких дел XVII века, возбужденных в связи с подозрением, что была попытка околдовать царя или членов его семьи, расскажем более подробно о деле придворной мастерицы Дарьи Ламановой. Важность этого процесса подтверждается тем, что о деле было действительно доложено самому царю, он интересовался его ходом до самого конца и сам принимал решения «в своем государевом деле». Розыск по указанию государя вели окольный Василий Иванович Стрешнев и дьяк С. Тараканов (Тороканов). В один из моментов следствия у Стрешнева с Таракановым возникли подозрения, что дело на самом деле является литовским заговором. Это подозрение не подтвердилось, но оно свидетельствует о том, какую тревогу вызвал случай колдовства в самом центре власти и тем более возможность его исполнения враждебными внешними силами.

Началось же дело с того, что 16 ноября 1638 года придворные мастерицы «Иванова жена Словоцова да Степанида Арапка» донесли на свою коллегу Дарью Ламанову. Для людей того времени рассказ звучал действительно жутко: когда государь был в отъезде, «без него приходила вверх к мастерице к Дарье Ламановой неведомо какая жонка... Дарья остатки государевых деланых скатертей дала... неведомо для чего», а когда Михаил Федорович вернулся из поездки, «на след государыни царицы и великия княгини Евдокии Лукьяновны (Евдокия Лукьяновна Стрешнева — вторая жена Михаила Федоровича, родившая ему 10 детей — в том числе семь девочек и три мальчика. — В. И.) мастерица Дарья Ламанова сыпала песок». Позже оказалось, что Дарья использовала не песок, а пепел специально сожженного «ворота» своей рубахи. Обсыпала же она всю лестницу, потому что на камне следов государя и государыни, конечно, не было видно.

Дело необыкновенно четко описывает поведение допрашиваемых в ходе розыска со всеми подробностями, которых обычно не хватает в делах того времени. Окольный Василий Иванович Стрешнев да дьяк Сурьянин Тороканов «говорили оной мастерице Дарье Ламановой с пригрозою», что если она «вины своей к государю и государыне царице ... правды не скажет, и ее огнем жечь. И мастерица Дарья Ламанова, постоя немного, заплакала, и учала виниться». Арестованная, однако, призналась не в «порче», а только в том, что обращалась за советом к некоей Настасье, которая «Иванова дочь, родом черниговка». К ней Дарья пошла по рекомендации другой мастерицы «с солью и мылом». На очной ставке Дарья, обращаясь к Настасье, говорила: «И ты велела мне тот пепел сыпать на государской след», уверяя, что государю и царице от этого «кручины не будет, а ближние люди учнут любить, а мылом велела мне умываться с мужем, а соль велела давати ему же в питье и в естве, так де у мужа моево сердце и ревность отойдет».

Вообще это дело, по которому было привлечено около 15 человек и тянулось оно десять месяцев, воссоздает многие бытовые подробности реальной повседневности того времени. Мастериц при царском дворе волнуют болезни своих близких, отношения с мужьями. Надежду дает лишь обращение к ворожее, но это дело запретное, опасное. Но желание получить помощь оказывается сильнее государственных указов. Признаваться же в этом тоже страшно. Еще страшнее признать занятие ворожбой. Поэтому следствие не только грозит, но и пытается. После двух попыток и жжения огнем Настасья назвала новое имя — Манку Козлиху, «которая живет у Покрова» и учила ее «колдовству».

И потянулась цепочка... Три попытки потребовалось, чтобы Манка, в свою очередь, рассказала о своих потайных занятиях и назвала еще трех известных ей московских ворожей: Ульянку слепую, Дунку слепую и Феклицу, жену стрельца. Все они были разысканы, арестованы и подверглись пыткам. Точно также поступали и со свидетелями — мастерицами и сторожами. Результатом было обнаружение различных семейных тайн и методов лечения путем наговоров. Оказалось, что у многих, как говорит английская пословица, «в шкафу спрятан свой скелет». Мастерица Овдольта Ярышкина обращалась к Настасье, потому что у дочери «падучая болезнь» (эпилепсия) и «чтоб ее любил муж». Прасковья Суровцева хотела, чтобы ее зять, «сотник стрелецкий... добр был до дочери ея». Еще одна мастерица повинилась, что ходила к ворожее, так как муж «до нее лих».

Но даже после неоднократных пыток ворожеи признавались лишь в стремлении помочь страждущим: «горшки на брюхо наметьвает», изгоняют жаб, «у кого прилучится во рте», «уговаривают» грыжи, лечат детей, ставят диагнозы («посмотря на сердце узнает, потому что у него сердце трепещет»), способствуют восстановлению согласия в семьях. Лечение проводилось с использованием соли, мыла, вина, чеснока, уксуса, воды и других продуктов, зеркала и вещей обращавшихся. В ходу были специальные наговоры. Например, на соль, мыло и зеркало они звучали следующим образом: «...как соль люди в естве любят, так бы муж жену любил, сколь скоро мыло с лица смоеется, столь бы скоро муж жену полюбил, как смотрятца в зеркало да не насмотрятца, так бы де муж на жену не насмотрелся». При лечении детей произносилась фраза: «Ангел хранитель утиши во младенце сем, у кого объявитца болезнь сия». При сжигании рубашечного ворота ворожея заклинала: «Какова де бела рубашка на теле, таков бы де муж до жены был».

Ворожея Ульяна после очередного допроса, когда было велено ее «пытати накрепко и огнем жечь», созналась в необычном, экономическом колдовстве. Оказывается она помогала торговцам, имевшим залежавшийся товар. Обращавшимся к ней в этом случае предлагалось умытья медом, а Ульяна приговаривала: «Как де пчелы ярыя роядца да слетаютца, так бы де к тем торговым людям для их товаров купцы сходились».

Но все это мало интересовало следствие. Гораздо важнее было выявить не было ли здесь умысла иностранных спецслужб. Дело в том, что в ходе допросов колдуньи Настасьи выяснилось, что муж ее — «литвин, Янка Павлов». Поэтому в ходе пыток, среди других, ворожею задавали вопрос: «от польского и от литовского короля к мужу ея литвину Янке присылка или заказ, что ей государя или государыню царицу испортить был ли». Но даже после новой пытки Настасья утверждала, что «муж ее об этом не ведает». Красивая версия об иностранном заговоре отпала. Это, однако, не означало оправдания арестованных.

Следствие доказывало, что действия, совершенные мастерицей Дарьей Ламановой по наущению черниговки Настасьи, нанесли тяжелый ущерб царской семье. Был сделан следующий вывод: «И после того их воровства, как та мастерица Дашка Ламанова на след государыни царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновны сыпала ведовской рубашечной пепел, учала государыня царица и великая княгиня Евдокия Лукьяновна недомогать и быть печальна, да после того ж вскоре грех учинился государя царевича князя Ивана Михайловича не стало (Иван Михайлович 1633—10.01.1639 года. — *В. И.*), и после тое же скорби вскоре государыня царица и великая княгиня родила государя царевича князя Василья Михайловича больна, и после ея государских родин и тово государя царевича князя Василья Михайловича не стало вскоре ж (младенец умер 25.03.1639 года — *В. И.*), и ныне государыня царица перед прежним скорбна ж и меж их государей в их государском здоровье стало не попрежнему, ито знатно, каковы с того времени, как она Дашка по ведовству жонки колдуньи Настьки Черниговки на след государыни царицы сыпала пепел и от того времени и до сих меж их государей скорбь и в их государском здоровье помешка». Таким образом, подследственных обвинили в смерти двух царских сыновей, Ивана и Василия, ухудшении здоровья царицы и в нанесении, говоря сегодняшним языком, «морального ущерба».

В ходе допросов две ворожеи, Настасья и Ульяна, умерли. 15 сентября 1640 года последовало решение Государя Михаила Федоровича: Дарью Ламанову с мужем сослали в Западную Сибирь, в город Пелым, ворожею Манку Козлиху — в Соликамск, Феклицу с мужем — на Вятку, мастерицу Овдотью Ярышкину с мужем и детьми — в город Каргополь. Арестованных свидетелей-мужчин было приказано бить кнутом и батогами. Все подруги Дарьи Ламановой были уволены от «государевой службы».

Тот же мотив «порчи» царицы в несколько измененной форме присутствовал в розыском деле 1642—1643 годов. «Тюремный сиделец» Даниил Рябицкий выкрикнул «государево верхнее дело» на другого заключенного, Афанасия Кацменка. Тот признался в разговоре с Даниилом, что умеет «привораживать жонков», и дал рецепт «приворота»: «возьми лягушку самца да самку и клади в муравейник, и приговаривай: «сколько тем лягушкам в муравейнике, столь бы толико было (страдать. — *В. И.*) той жонке по нем, Афоньке». Возможно, несчастный просто хотел похвастаться своими любовными победами, но в результате дело приняло для него пе-

вый оборот. Под пыткой он признался, что хотел царицу Евдокию «уморить до смерти, а дать ей в питье траву, имя ей целебока, растет на реке Оке и на Москва-реке».

Политические дела были связаны и с экономическими проблемами того времени. Государь считался рачительным хозяином, который должен был всерьез интересоваться каждым случаем нанесения ущерба государственной экономике. По сути, хорошо известной по сталинским временам фигура политического преступника — «вредителя», пытающегося ослабить социалистическую экономику, не была новинкой уже и в XVII веке. Политический извет и следовавший за ним розыск часто связывали воедино нанесение ущерба государевым интересам и злоупотребления по службе. Сибирский воевода, присваивавший себе часть ясака, который местные народы («иногородцы») платили «белому царю» соболями, не просто занимался недозволенной деятельностью, но наносил ущерб «государевой казне», а это уже было политическим преступлением. Оттенок измены имели нелегальные торговые контакты с недавно покоренными подданными или соседями.

К тому же такой донос нередко был средством борьбы местного населения против распоясавшегося воеводы, не просто бравшего взятки, но доводившего их до невыносимого предела. Из-под такого доноса нередко проступала еще одна грань: конфликт интересов различных групп служилых и торговых людей. Яркими примерами могут служить дела, разыгравшиеся в Восточной Сибири и найденные в архиве историком Н. Н. Покровским. В августе 1626 года к тобольским властям обратились со взаимными обвинениями жители города Енисейска и тамошний воевода Андрей Ошанин. Первым объявил «Слово и дело государево» казак Иван Обухов, требовавший отправить его в Москву. После уговоров он изложил суть дела тобольскому архиепископу Макарию. По его словам, воевода вел запрещенную личную торговлю с «ясашными людьми» (народы Сибири и Севера, платившие налог пушшиной).

В 1626 году воевода с доверенными торговыми людьми отправил в тайгу товаров на 600 рублей для обмена на пушнину. По тем временам это была весьма крупная сумма. Когда торговый караван вернулся, воевода приказал доставить груз прямо на свой двор. Это означало неуплату десятой части в виде таможенной пошлины. Енисейские служилые люди силой остановили разгрузку судна. К воеводе отправилась депутация во главе с казачьим атаманом Василием Алексеевым. Там в это время Андрей Ошанин отмечал с торговцами удачное завершение выгодного похода. Пир был прерван появлением служилых людей, зачитавших указы государя, которые воевода нарушил. Закончилось все дракой и стрельбой. Один человек был убит и несколько ранено. Воевода сумел со своими людьми доставить пушнину к себе на двор, а ночью отправил в Туруханск.

Одновременно в Тобольск поступили групповые «изветы» на енисейского воеводу. Промысловые люди обвиняли его в том, что он освобождает от податей тех, кто помогает ему в незаконной торговле, зато на других накладывает дополнительные налоги и тяготы. Стрельцы сообщали о конфискации лошадей и жилья для проведения тайных торговых операций. Был и «политический» аспект жалоб: воевода использовал принуждение «ясашных людей», а это было причиной их «шатости» (ненадежности, склонности к восстаниям). Пришла бумага и от «ясашных людей». Они писали, что им вместо хлебного жалованья выдают мякину.

В свою очередь, воевода подал «извет» на енисейский служилый мир, обвиняя его в бунте и измене. По версии воеводы отряд, отправленный в поход, напал на «верных ясаших тунгусов», разграбил пушнину, пригтовленную для ясака.

Следствие начали вести в Тобольске. Первичные материалы были отправлены в Казанский приказ. Туда они поступили в середине ноября. Москва одобрила меры тобольских властей (направление в Енисейск специального уполномоченного для сыска), приказала пытать казака И. Обухова, если он по-прежнему будет проситься для полного извета в столицу. В результате енисейский воевода был смещен. Это, конечно, не означало исчезновения взяток, коррупции и других экономических преступлений.

Через 14 лет, там же, в Тобольске, началось дело, связанное с «извещениями» подьячего Савина Кляпикова. Этот человек тридцать лет работал в различных органах воеводского управления, знал все хитрости приумножения доходов и сам ими пользовался. Но к 1640 году по каким-то причинам оказался за пределами узкого круга доверенных лиц. Скорее всего, в силу оскорбленного самолюбия, он начал писать, изготвив несколько десятков доносов. Кляпиков утверждал, что в городе сложился преступный союз воевод с казачьими атаманами. Поскольку знал подьячий много, то он не только приводил факты, но и раскрывал механику экономической преступности и коррупции.

Среди важнейших: фальсификация отчетных финансовых документов, составление подложных денежных ведомостей на подставных лиц, хищение казенного вина (тащили «скляницами и туесами», пили в самом государевом погребе «по дважды и по трижды на всякий день»), прием хлеба, круп, муки, соли в государевы амбары при помощи нормальных гирь, а отпуск — облегченными. Проверка последнего обвинения специальной комиссией обнаружила в двух четырехпудовых гирях и одной двухпудовой недостачу веса в 6,75 %. Оказалось, что эталонные гири были присланы с железными дугами. В Тобольске наловчились их снимать и надевать. Это давало доход до 10 % принимаемых продуктов. В результате, как говорилось в «изветах», правители города строят себе «обширные хоромы», амбары для награбленного.

Обвинения в экономических преступлениях усиливались политическими. Например, хищение вина вело к оскорблению «государевой чести» — одного из самых серьезных преступлений. Дело было в следующем. По торжественным датам полагалась раздача государева вина служилым людям. Количество чарок зависело от сословного статуса. Получавший чарку был обязан принять ее бережно и произнести пожелания здоровья и многолетия царю. В результате же краж в Тобольске вино при раздаче было «смешано вполы с водою». А это уже было политическим делом, ибо тост был уже не полноценный. С Кляпиков приводил и другой пример политического недомыслия, а может и похуже, воеводы князя П. И. Пронского. Тот арестовал казака по «пустому делу» в день царских именин и четыре часа держал его «в железках». В результате этот казак не смог порадоваться государеву празднику.

Бывало и так, что изветчик не просто сообщал о нанесении ущерба фискальным и хозяйственным интересам государства, но отмечал, что это сопровождалось «непристойными словами» или даже жестами, что указывало на «злой умысел».

Сочетание непристойных слов с поступками против фискальных интересов государя находятся также в делах, касающихся так называемых

«заповедных товаров», то есть товаров, производство и торговля которыми являлась государственной монополией. Например, одним из важнейших сюжетов «государевых дел» XVII века была звонкая монета. Естественно, что ее самостоятельное производство (фальшивомонетничество) считалось преступным и было предметом политического извета. Конечно, нельзя все розыскные дела о «заповедных товарах» называть политическими. Критерием здесь может служить применение формулы «Слово и дело» или сочетание с другими нарушениями, которые в глазах современников явно выступали как политические.

Здесь уместно поставить вопрос: кто были доносчики? Каковы были мотивы их поведения? Как всегда бывает в реальной жизни, подачу доноса определяли разные мотивы. Обращает внимание, что среди выликовавших «Слово и дело» было много заключенных. Причину этого откровенно объяснил в 1623 году некий Федька Овсянников, обвиненный в разбое: «сизу де я в Белеве в тюрьме ... в напраснине пятый год ... и я ... затеял за собою государево слово, для того, чтобы Государь велел меня взят к Москве». Не случайно здесь так много было ложных «изветов».

Следующая группа — доносы на родственников. Они нередко связаны с экономическими интересами, обычной завистью и другими конфликтами в семье. Например, вскоре после июньского восстания 1648 года в Москве дворянин Порфирий Иванович Колтовский подал донос в Разрядный приказ на своего племянника Семена, имевшего поместье в Каширском уезде. В качестве доказательства дядя передал полученное от племянника письмо. В нем, в частности, были такие строчки: «Государю моему дядюшке... Сенька Колтовский челом бьет... Слышал я, государь дядюшка, что ты... хочешь их (крестьян, принадлежавших Семени. — В. И.) за себя вывесть, и нынеча Государь милостив, сильных из царства выводит, сильных побивают ослопьем («ослоп» — дубина, утыканная на одном конце гвоздями. — В. И.) да камнями, и ты государь насильства не заводи». Мотив дядюшкиного доноса вполне понятен. Семена сослали в монастырь с запрещением писать, иметь бумагу и чернила, а дядя Порфирий, наверно, вывез к себе крестьян из имения племянника или полностью прибрал его себе.

Примерно в это же время, в 1649 году, в городе Ливны некий Кондрашка Кожухов крикнул «Слово и дело» на брата своего Ваську. Доносчик утверждал, что часть имущества брата приобретена у беглых людей князя Якова Черкасского. При обыске у Васьки были изъяты «сабля булатная, шапка бархатная с лисицей, рукавицы теплые под вишневым сукном, портки льняные с тесьмами, да чекмень зеленого сукна («чекмень» — мужской суконный полукафтан со сборками сзади. — В. И.)». Но в данном случае обвиняемый сумел отвергнуть обвинение в связях с беглыми и доказать, что вещи приобретены законным путем. В конечном счете сам Кондрашка признал свою ложь: «Про рухлядь сказал с пьянства и с безумства». Решено было доносчика «бить батоги нещадно» и после этого освободить, а «рухлядь ... отдать Ваське».

Мощной основой доносительства являлись, конечно, служебные интересы. Стремление напомнить верховной власти о своем усердии, «подставить» соперника или начальника, вернуться из опалы — все эти мотивы весьма прозрачно просматриваются во многих следственных делах. В 1630 году таким образом возникло одно из самых громких политических дел XVII века. Донос подал Андрей Иванович Голубовский. Незадолго до

этого на посту костромского воеводы его сменил князь Петр Федорович Волконский. Ему, видимо, хотелось вернуть себе прежнее положение. Обвинил он не какую-нибудь мелкую сошку, а игумена Переяславль-Залеского Никитского монастыря Афанасия.

По версии Голубовского, Афанасий, заехав к нему в гости, в ходе доверительной беседы резко критиковал внешнюю политику царя Михаила Федоровича. В частности, игумен якобы утверждал, что Государь «посылает разорять острожки польские и литовские», тратит средства на подкуп турецкого султана и шведского короля, добываясь их нападения на Речь Посполитую, а гонца польского посла по приказу властей избили плетью в Вязьме. Получалось, что русское правительство ведет неразумную политику, стремясь к войне с Польшей, в то время как польский король Владислав получает помощь «от немцев и Венеции».

Опрошенные свидетели подтвердили лишь, что игумен действительно за обедом рассказал про избиение литовского гонца в Вязьме, сопроводив это словами: «отдадут королевич и поляки позор свой бордзо (с лихвой)». О других эпизодах они ничего сказать не могли, сообщив, что Голубовский и игумен после трапезы остались наедине. Игумен решительно отвергал эти грозные обвинения.

В результате личный допрос игумена провел отец Михаила Федоровича и его соправитель, патриарх Филарет. Это объяснялось тем, что обвинялся один из чинов высшей церковной иерархии, а речи игумена затрагивали и самого патриарха. В результате Филарет объявил Афанасию «великую милость»: «впредь с таким бездельником с Андреем Голубовским и с иными не водитесь, ехать в монастырь, но шесть недель не служить». Патриарх подчеркнул, что наказывает игумена наедине. Все это означало, что Филарет не имел полного доверия ни к доносу, ни к оправданиям Афанасия, решив, что дыма без огня не бывает.

Гораздо чаще такие столкновения происходили на уровне местных властей. Осенью 1670 года венецкий стрелецкий и казачий голова Трофим Мезенцев обвинил воеводу Дорофея Солнцева, который «твоего Великий Государь указу не слушает, держит на Веневе черкес и цыган с заповедным воровским товаром, с табаком и... велит торговать для своей бездельной корысти». Трофим писал об этом в Стелецкий приказ, но последствий это дело не получило. Тогда изобретательный голова подкрепил донос политическим изветом. Согласно ему воевода не только наносил экономический ущерб интересам казны, торгуя контрабандным товаром, но и находился в прямой связи с «бунтовщиком» Стенькой Разиным. Воевода велел «многим приказным людям» читать «прелестные грамоты» Разина, где упоминался и сын царя Алексей Алексеевич (Алексей умер в 1670 году шестнадцатилетним. Разинцы распространяли слухи, что царевич идет с ними на Москву. — В. И.).

Такое же обвинение подал стрелецкий голова города Карачева Сенька Коржавин на воеводу Ивана Шепелева. В «извете» утверждалось, что воевода освобождает «лихих людей», взяв с них «откуп», ведет переписку с «вором Стенькой Разиным» и хочет сдать ему город. В доказательство стрелецкий голова ссылался на сведения приказного человека Семена Шишкина, а также на то, что воевода ездит за город с пищалью «неведомо для каких дел». Розыск, судя по всему, закончился для Ивана Шепелева благополучно. На допросе он объяснил возникновение «государева слова» тем, что главный свидетель, Семен Шишкин, растратил 70 руб

денег (сумму, по тем временам, достаточно крупную. Это около 1000 руб. конца XIX века. — В. И.) и искал выход из этого положения.

Наконец, масса доносов возникала в результате ссор, частных конфликтов и тому подобных эпизодов повседневной жизни. Пожалуй, меньше всего доносов связано с глубокими политическими убеждениями.

Во всей массе доносов государя и часть его окружения прежде всего интересовали собственные политические мотивы: стремление удержать власть, желание выявить опасных политических противников и конкурентов и не допустить чего-либо подобного впредь.

В этом отношении великий час политического розыска настал в ходе народных восстаний и после них. Как уже говорилось выше, возможностей для этого XVII век давал предостаточно. Особенно много следственных дел связано с восстанием Степана Разина. Причем, кроме сыска непосредственных участников движения, власти прибегали и к допросам их родственников. Так козловский воевода С. Хрушев докладывал в Разрядный приказ в начале 1671 года о деле детей боярских братьев Филимона и Лазаря Щетининых, перешедших на сторону восставших. Поскольку братья скрылись, были взяты их жены Агашка и Фимка, приведены в Козлов, «допрашиваны и пытаны». Хотя несчастные женщины уверяли, что «воровства и измены мужей своих не ведали», их «посадили за приставы» (в тюрьму), а затем отправили в Москву для дальнейших допросов.

Особый интерес вызывала возможность связи восставших с кем-либо из настоящего или бывшего окружения царя.

Не случайно, среди десятка вопросов, которые царь Алексей Михайлович лично составил перед допросом С. Разина Боярской Думой, был вопрос о бывшем патриархе: «За что Никона хвалили, а нынешнева бесчестил?». Можно напомнить, что Никон был патриархом русской церкви в 1652—1658 годы, проведя реформу богослужебных книг и стремясь поставить в политическом плане церковь наравне с царской властью. Вынужденный удалиться в монастырь, он еще долгие восемь лет отказывался добровольно сложить с себя сан патриарха. Лишь в 1666—1667 годы церковный собор с участием восточных патриархов, сохранив реформы, низложил Никона. Естественно, в глазах Алексея Михайловича он оставался опасной политической фигурой. Уже через пять лет после казни Разина всплыли показания о том, что якобы лагерь вождя восставших посетил в свое время специальный посланец Никона. В результате в 1676 году состоялось решение о переводе Никона из Ферапонтова в Кирилло-Белозерский монастырь, хотя Никон, конечно, эти обвинения отверг.

Хорошо известно, что шестого июня 1671 года, в момент казни Степана Разина, его младший брат Фрол, чья очередь была следующей, закричал «Слово и дело». Казнь Фрола отложили. Восьмого июня его допрашивали в Приказе Тайных дел. Он дал показания о кладе Степана, якобы закопанном на одном из островов в урочище реки Дон под вербою, «кривою посредине». Поиски продолжались несколько лет. И дело, видимо, было не в деньгах, а в том, что, по словам Фрола, в спрятанном кувшине находились «воровские письма», которые получал в ходе восстания его старший брат.

Наконец, много лет спустя, в 1684 и 1690 годы заводились специальные дела о пасынке Степана Разина — Афанасии. В июле 1690 года в Москву сообщили из Нижнего Новгорода о показаниях драгуна В. Таркова, побывавшего на Дону и упоминавшего о пасынке Разина. Из столицы



последовало распоряжение: «Ваську Таркова пытать накрепко... А чтоб... то дело было тайно, ведал бы он (воевода. — *В. И.*) с товарищи, да один старой доброй подьячей, а иные б никто не ведали».

Несмотря на обилие дел политического розыска в «бунташном» XVII веке в Русском государстве того времени так и не появилось единого органа его проведения. Лихие романисты нередко любят изображать в качестве такого приказа Тайных дел или Тайный приказ, созданный при Алексее Михайловиче в 1650 году. На самом деле политические преступления по-прежнему оставались в ведении городских воевод и приказов. Продолжала принимать участие в разборе наиболее важных дел Боярская дума.

В 1671 году члены Думы лично допрашивали Степана Разина. В полном составе в 1674 году Дума вела розыск о самозванце Воробьеве и вынесла ему смертный приговор. Во время восстания 1650 года в Пскове к обсуждению вопроса об «измене» псковичей привлекался Земский собор.

И все же приказ Тайных дел действительно сыграл определенную роль в развитии политического розыска. Он был создан как собственная канцелярия царя, которая управляла царскими вотчинами и куда, кроме того, поступали из других приказов дела разнообразного содержания, почему-либо заинтересовавшие царя. Дела политического сыска брались в Тайный приказ как из других приказов, так и из Боярской думы по особому распоряжению Алексея Михайловича. В результате приказ Тайных дел выступал скорее как своеобразный орган надзора, пользовавшийся правом пересмотра и нового решения дел.

Однако надзор со стороны Тайного приказа за работой других учреждений в области политического розыска проводился нерегулярно. Определенной системы делопроизводства не существовало, а политические дела поступали сюда в силу иногда совершенно случайного стечения обстоятельств. Создание приказа Тайных дел практически не отразилось на правах других приказов. И все же сам факт появления надзорного органа, пусть и не систематического, свидетельствовал о понимании представителями власти, что старая практика политического розыска нуждается в изменении.

С сороковых годов XVII века обычно политические дела расследовались специальными временными следственными комиссиями. Это не было новшеством. Они существовали еще в XV—XVI веках, но теперь их число резко возросло. По сравнению с громоздкими, обремененными множеством дел приказами, для которых политический розыск был все же побочным делом, следственные комиссии были более гибкими и оперативными органами. Обычно возглавлялись они близкими к царю людьми, работавшими с ним в прямом контакте. Государю было удобнее контролировать их деятельность и осуществлять через них свою политику.

Как правило, следственные комиссии по политическим преступлениям включали двух-трех человек: боярина, окольного или стольника (в помощь которому иногда назначался товарищ) и дьяка. Для ведения делопроизводства к ним прикреплялись подьячие. Следственные комиссии создавали как по указу царя, так и по приговору Боярской думы. Действовали они или при приказах или самостоятельно. Их число иногда доходило до нескольких десятков. Особенно оно возрастало во время массовых народных движений, когда надо было быстро провести следствие и суд. Например, во время городских волнений 1648 года сыск в Курске проводил стольник В. В. Бутурлин, в Козлове — Е. И. Бутурлин. При известии о вос-

стании в Великом Устюге Алексей Михайлович «указал послать сыскивать ие Посольского приказу думному дьяку Михайлу Волошанинову с товарищи, князь Ивана княж Григорьева сына Ромоданавского».

Полномочия таких комиссий были весьма широки. Они проводили следствие, вершили суд, выносили приговор и осуществляли его исполнение. Так В. В. Бутурлин в Курске приговорил к смертной казни пятерых арестованных, а многих других распорядился подвергнуть телесным наказаниям и заключить в тюрьму.

Следственные комиссии создавались также и в тех случаях, когда дело привлекало особое внимание правительства, считавшего необходимым поручить следствие доверенным лицам. Например, в 1660 году особая комиссия расследовала дело холопа Сумарокова, который, стреляя по галкам из пищали, попал пулей в царские хоромы. По приговору комиссии виновному отсекали правую ногу и левую руку.

И все-таки во второй половине XVII века появляются люди, целенаправленно занимавшиеся политическим розыском. Из документов того времени мы знаем, например, о дьяке Дементии Башмакове. С начала 60-х годов он ведал делами Тайного приказа, пользуясь огромным влиянием в качестве царского секретаря и доверенного лица Алексея Михайловича. Именно он в мае 1666 года руководил отправкой духовного лидера старообрядцев Аввакума и его сподвижника дьякона Федора в Николо-Угренский монастырь. Ссылка эта проходила с большой тайнственностью: Аввакуму и Федору окутали головы рогожей и епанчей, чтобы их невозможно было опознать.

Аввакум впоследствии так отозвался об этом человеке: «От тайных дел шиш (разбойник. — *В. И.*) антихристов». Столь же высоко оценивал роль Башмакова в тайных делах главный противник Аввакума патриарх Никон, который также был сослан после ссоры с Алексеем Михайловичем. Опальный патриарх, жалуясь на свое положение, писал: «Это все делает Дементий Башмаков и без государева указа». Сам же Дементий Минич Башмаков обращался к царю со словами: «убогий холоп твой». Именно он с 1667—1668 года заведовал вновь образованным Сыскным приказом.

Таким образом, к концу XVII века растущее понимание необходимости глубоких преобразований в сфере государственного управления относилось и к вопросам политического розыска. Но действительное создание специализированных учреждений для его ведения произошло уже при Петре Первом.

*Евгений Анисимов*

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК И ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ В XVIII ВЕКЕ

### Организация политического розыска и самодержавие

Понятия «Государево слово», «Государево дело», «Наше государево дело», «Верхнее государево дело», употребляемые в документах XVII—XVIII веков говорят об особой важности политических дел, о принадлежности их к исключительной компетенции российского самодержавца. На этом основании политический розыск в это время строил всю свою работу и, сколько

бы ни становились значительны права местных и центральных учреждений при расследовании политических преступлений, окончательное решение по ним все же выносил самодержец. Кричанье «*Государева слова и дела!*» — особого выражения, призывающего власть, тотчас выводило доносчика-изветчика из обычных отношений, делало его причастным к «*верховому*», «*великому*», «*тайному*» (позже — «*секретному*») полю, сакральной сфере власти государя.

Вообще понятие «*тайный*» находится в прямой непосредственной связи с прерогативами самодержавия. Оно отмечает принадлежность слова, действия, документа, учреждения к исключительной компетенции высшей власти, им обозначали свойство, особенность того, что должно быть ведомо только государю. Если у подданных самодержца было что-то тайное, то оно было законно только в связи с возможным преступлением — никаких тайн от государя у подданных не могло и не должно быть никогда. В системе запретной, преступной тайны находилась темнота. Люди, собиравшиеся по ночам, уже только этим фактом вызывали у власти подозрения и опасения. Андрея Хрущева, как и других приятелей Артемия Вольтского, подолгу засиживавшегося у кабинет-министра, спрашивали в Тайной канцелярии: что они «таким необычайным и подозрительным ночным временем, уходя от света, исправляли и делали?»

«*Тайное*» всегда было принадлежностью высшего, «*верхнее государево дело*». С таким толкованием связано и название «*Тайный приказ*», и название органов политического сыска в XVIII веке. Поэтому мы так часто встречаемся с заявлениями изветчиков, что «*Государево слово и дело*» они могут сообщить тайно, один на один, только самому государю. Известно, что Петр I лично выслушивал некоторых из изветчиков — тех, кто особенно настаивал на этом. Царь допрашивал Родиона Семенова — крепостного князя Хилкова, который, даже под пыткой, отказывался открыть Ромодановскому «*Слово и дело*» на своего помещика и хотел это сделать в личной беседе с царем, которой он-таки и добился. В 1719 году поляк Григорий Носович донес на русского посланника в Польше князя Г. Ф. Долгорукого по делу об измене, «которого никому, кроме самого Его царского величества, объявить не хотел, о чем и перед Сенатом спрашиван и по допросу ничего не показал» и, в итоге, удостоился встречи с царем.

21 апреля 1721 года царь выслушал донос Акима Иванова на помещика Скобелева и через кабинет-секретаря А. В. Макарова распорядился А. И. Ушакову принять Иванова в Тайной канцелярии и разобраться с ним. В 1726 году арестованный по делу Феодосия Яновского обер-секретарь Синода Герасим Семенов потребовал встречи с императрицей Екатериной I, чтобы «донести самоустно подлежащее яко верный патриот предостерегательство». В 1731 году Савва Дугин написал доношение, в котором утверждал, что «имеет он за собою великие и многие, и важные государевы дела, которые де надлежит объявить только самой Ея и.в.», но на пытках показал, что «то затеял, вымыслия собою». При расследовании дела Артемия Вольтского в 1740 году главный доносчик на кабинет-министра, его дворецкий Василий Кубанец, заявил, что имеет нечто объявить, «но не может иначе, как лично самой императрице». В тот же день ему зачитали именной указ, чтобы изветчик изложил свое «объявление» письменно и запечатал в отдельном конверте для передачи лично государыне. Так поступали и цари XVII века в ответ на отписку уездных воевод о том, что изветчик молчит и лишь требует, чтобы его везли в Москву, к самому царю. Указ государя воеводе в таком случае

гласит: выдать доносчику бумагу и перо, пусть он напишет извет своею рукою, «чтоб того дела никто не ведал», и, за своей печатью, перешлет его государю в Москву через воеводу. Это упоминание о печати кажется весьма забавным, ибо «Слово и дело» часто кричали разбойники или воры, сидевшие годами в тюрьме и у них, если и имелись печати, то только на лбу или на щеках в виде позорных клейм типа «ВОР».

В 1743 году перед императрицей Елизаветой Петровной предстали доносчики на Ивана Лопухина, которых она выслушала и потом распорядилась о начале арестов по этому делу. Известны и другие попытки доносчиков связаться с Елизаветой Петровной. Дворовый человек статского советника Ивана Бахметева послал письмо придворной даме Корф, требуя, чтобы «она, госпожа Корфова, представила его скоро всемилостивейшей государыне, что-де он имеет объявить тайный секрет Ея величеству, а именно-де о смертном злодействе, токмо-де никому и верным объявить не изволите». Оказалось, что некий подпоручик передал ему два письма в пакете, на котором стояла надпись: «Секрет, тайно Ея и. в. единой про себя прочесть не давать синклиту», а в самих письмах шла речь о некоем «подозрительном злодействе на здоровье Ея и. в. и наследника Ея и. в.» В 1747 году добивалась свидания с императрицей увлеченная спиритизмом майорша Элеонора Делувизе. Она хотела объявить государыне «тайное, важное дело». В Тайной канцелярии ограничились допросом майорши, а потом прочитали императрице ее показания.

Этим, освященным традицией и принятым с древности обычаем предстать перед государем, чтобы сказать повелителю нечто важнейшее — тайное дело — некоторые авантюристы пытались воспользоваться и позже. В 1762 году беглый дворовый человек Никиты Новикова Ласков, пойманный своим помещиком, кричал «Слово и дело», как потом сказал, «боясь побои». Но на допросе он заявил, что знает за своим помещиком «точно по первому пункту о злом умысле», но «о том он в Тайной конторе (дело было в Москве. — Е. А.) не объявил, а объявит-де о том самому Его и. в. и для того б представлен он был пред Его и. в.». Несмотря на угрозы и угрозы «с прещением о точном важности показании», Ласков стоял на своем, вероятно, до тех пор, пока сам Петр III не умер, как сообщалось в манифесте, якобы от «геморроидальных коллик».

В 1764 году Григорий Теплов убеждал казначея ростовского монастыря Иллариона открыть государыне причины, почему он не сразу донес на обвиненного в государственном преступлении архимандрита Геннадия. Чтобы Илларион был уверен в сохранении тайны, Теплов предлагал Иллариону написать письмо, положить в пакет, «и тот пакет запечатайте собственною вашего печатию с надписанием на нем сих слов: «К собственному Ея в. [величеству] распечатыванию... и черного [черновика] у себя не оставляя, извольте вручить подателю сего». В 1774 году в разгар восстания Пугачева, некий купец Астафий Долгополов сумел заморочить голову не только Г. Г. Орлову, поднятому ради него посредине ночи, но и самой Екатерине II, с которой Орлов ему устроил встречу. Он наобещал государыне поймать и доставить властям «злодея» Пугачева. Императрица приняла его в своих покоях (случай невиданный для простолюдина) и благословила на благородное дело, а Орлов снабдил удалыа мешком денег и сам подписал ему пропуск. Авантюрист, добравшись до Пугачева, все открыл мятежникам и, вероятно, не без юмора, передавал «амператору Петру Федоровичу» привет от «его супруги». Потом, когда стали вылавливать

сподвижников Пугачева, императрица очень боялась, как бы Долгополова, под горячую руку (без должного следствия и наказания за его «продерзость»), не повесили бы среди прочих мятежников.

В октябре 1774 года древней привилегией изветчика предстать с «верхним секретом» перед государыней пытался воспользоваться и сам Пугачев. Охранявший его в пути из Симбирска в Москву майор П. С. Рунич впоследствии вспоминал, что когда в дороге Пугачев вдруг серьезно занемог, он подозвал Рунича и «прерывчивым голосом, со вздохом, сказал мне: «Если не умру в сию ночь или в дороге, то объявлю вам, чтобы доведено было до Ея и. в. государыни императрицы, что имею ей одной открыть такая тайныя дела, кои, кроме Ея в., никто другой ведать не должен, но чтоб был к ней представлен в приличном одеянии донского казака, а не так, как теперь одет». Однако Екатерина II благоразумно уклонилась от встречи с «супругом», предоставив назначенным ею следователям вытянуть из него все, что было ей нужно.

Любопытную подробность сообщает неизвестный поляк-конфедерат, сосланный в 1769 году в Сибирь. Когда он с товарищами, оказался в ссылке в Тобольске, то решил пожаловаться на злоупотребления местных властей. Кто-то из местных доброхотов посоветовал полякам положить письмо на имя государыни перед ее портретом и подобием трона, находившимся в Тобольской судебной палате, после чего якобы по давней традиции прошение «немедленно препровождалось в Петербург». Поляки так и сделали — их жалоба очень быстро дошла до Екатерины II.

### Политический розыск в эпоху Петра I

Важнейшей особенностью истории русской государственности во времена Петра I стало то, что развитие права в жизни России XVIII века очень слабо соотносилось с правовым оформлением статуса самодержавия, находилось фактически за пределами правового поля. В итоге, существовало право, записанное и утвержденное в указах, уставах, Уложениях и одновременно царила воля самодержца, пределов которой право не устанавливало, а проявления которой и были собственно самодержавным правом. Можно привести много примеров, подтверждающих это, как из времен Петра I, так и послепетровского периода. Нагляднее всего примеры из царствования Екатерины II — законодателя знающего и опытного, для которого законность как неперменное следование утвержденным им же самим благим законам, не оставалась пустым звуком.

В 1772 году началось дело о поддельвателях ассигнаций братьях Пушкиных. Екатерина II сама занималась этим делом. В деле оказался замешан вице-президент Коммерц-коллегии Федор Сукин, который, несмотря на свою очевидную вину, чем-то был симпатичен императрице и смягчил ее сердце. Она писала о Сукине князю П. Н. Волконскому: «Прикажете выдать жене его тысячу рублей, чтобы ей пока было чем жить, и велите ей сказать, чтоб она надеялась на мое правосудие и человеколюбие и поупокойте их; а что [с ним] будет, право сама еще не знаю и сказать не могу. А законы ему, кажется, противны, разве я помогу». 2 апреля 1772 года Екатерина II снова писала в Сенат о Сукине: *«Теперь к его облегчению то единственно служить может и то не по законам, но из милосердия»*. О главном преступнике по этому делу — Сергее Пушкине, в письме импе-

риатрицы сказано иначе! «Сенат поступит по законам и для того я уже в сенат не мешаюсь». В дневнике от 15 апреля 1789 года Храповицкий записал: «Назван умницей за то, что вместо ссылки на поселение по мнению Сената написал того 24-летнего преступника в матросы». Казалось бы, как хорошо, что у императрицы есть такой гуманный статс-секретарь, который смягчил наказание преступника. Между тем, он, тем самым, самовольно изменил приговор Сената как высшего судебного органа империи, то есть с точки зрения тогдашнего права нарушил закон. А уж о привычке самодержавного монарха менять приговоры и законы много и говорить не приходится — закон ему не был писан вовсе.

Именно эта внезаконная, в нарушение изданным самой же самодержавной властью законам, возможность «мешаться» или «немешаться» в любое дело и составляло суть проявления самодержавия, его ведущую роль в существовании политического розыска и тайной полиции, в существовании юридически неопределенного, но фактически реального понятия «опала», которая, как дамоклов меч, висела над каждым подданным.

Многие из подобных дел позволяют утверждать, что во всех случаях начала крупных политических процессов источником их была ясно выраженная воля самодержца, который подчас исходил при этом не из реальной вины данного человека, а из собственных соображений, подозрений или капризов. Приведенный выше принцип властвования, выраженный Иваном Грозным в емких словах «Жаловать есь мы своих холопов вольны, а и казнить вольны же», виден и в не менее афористичном высказывании императрицы Анны Ивановны, знаменитой переписки Грозного и Курбского не читавшей, но мыслившей в 1734 году так же, как и ее дальний предшественник на троне: «А кого хочу я пожаловать, в том я вольна». В этом же ряду стоит и высказывание Екатерины II, «мывшей голову» одному из своих сановников: «Подобное положение, не доложась мне, не подобает делать, понеже о том, что мне угодно или не угодно, никто знать не может».

Все самодержцы и самодержицы XVIII века были причастны к политическому розыску, все занимались его делами. Даже от имени двухмесячного императора Ивана Антоновича, «правившего» Россией чуть больше года, издавались указы и манифесты по делам «розыска». В этом можно видеть традицию, уходившую к истокам самодержавия, к исключительному праву самодержца разбирать такие дела. Бывал на допросах государственных преступников и «думал думу с бояры» о тайных делах основатель династии Романовых дед Петра Великого царь Михаил Федорович. Отец Петра I царь Алексей Михайлович также присутствовал на допросах и пытках по «непристойным словам». В 1670 году он был в застенке, где пытали слугителя боярина А. С. Матвеева Кирюшку — автора подметного письма, после чего вынес свой приговор о ссылке преступника. О работе царя с сыскными делами позволяют говорить и материалы созданного им Тайного приказа. В него забирали наиболее важные политические дела, которые докладывали царю.

Обстоятельства личной жизни и характер Петра I сделали из него настоящего розыскного следователя. Интерес царя к розыску объясняется как личными пристрастиями царя, так и острой борьбой за власть, которую выдержал молодой Петр I со своими опасными противниками в 1680—1690-х годах. Этих врагов, «старину» для Петра символизировали стрельцы, бояре, старообрядцы, все, кто был недоволен его режимом, кто пытался бороться с ним оружием, подметными письмами, проповедями

В этой борьбе Петр I рано проявил решительность и жестокость. Недоверчивый и подозрительный, он был убежден, что только страх и насилие могут удерживать подданных в узде.

Первые уроки розыскного дела Петр I получил, скорее всего, в Троице-Сергиевой лавре, когда там, в августе 1689 года под руководством боярина Т. Н. Стрешнева, жестоко допрашивали, а потом и казнили одного из злейших врагов Петра I — Федора Шакловитого. В те дни Петр I (кстати, вместе с матерью царицей Натальей Кирилловной) «при боярех» допрашивал стрельцов, связанных с Шакловитым и другими. Легенда, переданная Якобом Штелиным, связывает имя молодого царя и с разоблачением заговора Ивана Цыклера: в 1697 году царь получил донос об этом заговоре и собственной персоной нагрянул в дом Цыклера, застав заговорщиков во время совещания. Обычно, пока не открыты достоверные факты, подтверждающие анекдоты Штелина и подобных ему авторов, верить этим легендам не принято. Но анекдот о Петре I и Цыклере похож на правду. Петр I вполне мог так поступить — тому есть пример. 7 декабря 1718 года царь получил донос о ночных тайных литургиях, которые служил у чудотворной иконы (надо думать — Тихвинской Божией Матери) архимандрит Тихвинского монастыря Рувим, а затем сам нагрянул ночью на Тихвинское монастырское подворье в Петербурге как раз в тот момент, когда архимандрит Рувим по просьбе подосланного царем человека служил молебен. Как записано в деле Тайной канцелярии, царь «вышеписанный образ пресвятой Богородицы на квартире ево (Рувима. — Е. А.) взял, и оного архимандрита и при нем служителей указал забрать, которые забраны и присланы в Канцелярию тайных розыскных дел, и указал Его ц. в. о вышеписанных чудотворениях для чего оные разглашал и певал молебны тайно по ночам, а не явно, исследовать и разыскать в Канцелярии...» 8 декабря в присутствии царя допрашивали в застенке стряпчего Петра Шпилькина о тех, кто приезжал по ночам к Рувиму на молебны.

Помазанник Божий хорошо знал дорогу в застенки. Исследователи розыскной деятельности Петра пишут о непосредственном участии Петра I в Стрелецком розыске 1698 года. М. М. Богословский сообщает, что с началом 17 сентября розыска, Петр сам допрашивал стрельцов, и это занятие, как пишет Богословский, явно его увлекло, захватило целиком. Один из важнейших документов розыска — «Вопросные статьи» от 19 сентября 1698 года, которые определили весь ход Стрелецкого розыска, продиктовал сам царь и они, по мнению М. М. Богословского, «носят отпечаток его слога».

Петр I часто бывал на пытках и раз даже пригласил своего друга Патрика Гордона посмотреть в пыточной камере на мучения, которым подвергали приближенных женщин царевен Софьи и Марфы. Кроме того, царь лично допрашивал в Новодевичьем монастыре царевну Софью, а потом в селе Покровском дважды вел допрос другой своей сестры, царевны Марфы. В делопроизводственных бумагах Преображенского приказа можно видеть, что с 1700 по 1705 годы Петр рассмотрел в приказе и вынес резолюции по *пятидесяти* следственным делам.

О работе царя с делами розыска в 1700-х годах сохранилось немало свидетельств. В 1705—1706 годы особое беспокойство Петра вызывал Астраханский бунт. Занятый борьбой со шведами в Польше, а потом отступлением своей армии через Белоруссию и Украину, он, тем не менее, не забывал, даже в походе, о розыскных делах. 25 ноября 1705 года царь

писал Ромодановскому из Гродно: «*Медведь белой, воры астраханские и мятеежи вчера все дошло целости*». «Воры» — это главные «заводчики» мятеежа, и царь получал их из Москвы вместе с медведем (предназначенным кому-то в подарок) и токарными станками, без которых царь прожить не мог дня. Астраханские же «воры» требовались ему, скорее всего, для личных допросов. Из Люблина 9 июня 1707 года он послал Ромодановскому указ о том, как лучше поступить с участниками к тому уже времени подавленного Астраханского мятеежа, причем царь советовал проявлять осторожность, осмотрительность при аресте главарей восставших.

Позже, в 1708—1709 годы, продолжал заниматься Астраханским делом, выписывая нужных ему для допросов колодников туда, где он находился. Так, 2 марта 1709 года Петр писал князь-кесарю из Воронежа: «*Sire! Понеже вор Голой и протчия все говорят на Зернищкова, того ради изволь оного Зернищкова и протчих, по влаженной росписи выслать сюды за крепким караулом немедленно. Piter*».

В делах розыска для Петра не было мелочей, многое в этой работе было под его постоянным контролем. 31 декабря 1720 года начальник Тайной канцелярии П. А. Толстой писал кабинет-секретарю А. В. Макарову: «Третьего дня, когда мазор Норов вел от вас ко мне колодников и в то время на улице увидал их Царское величество, и с ними изволил говорить, а вчерашнего числа, ввечеру, изволил мне приказать, чтоб их сего числа распросить... Того ради, ежели у вашей милости есть об них какое ведение, пожалуй, изволь ко мне прислать, чтоб иметь начало, с чего их спрашивать».

Судить о том, насколько опытным следователем был Петр, трудно. Можно лишь сказать, что он оставался сыном своего века, когда признание на пытке считалось высшим и бесспорным доказательством виновности человека. Решенные царем дела не позволяют утверждать, что он отличался какой-то особой кровожадностью. Однако иногда Петр распорядился запятать упрямого подследственного до смерти. В 1718 году П. А. Толстой писал дьяку Тайной канцелярии Палехину по поводу колодника Костромитинова, что его надо пытать до смерти, «ибо памятно, как Ц. в. изволил о нем говорить, когда изволил быть в Тайной канцелярии». В 1720 году подобное же распоряжение царь дал и об одном упорствующем в своих «заблуждениях» старообрядце. В делах розыска, как и во многом другом, Петр I часто проявлял свой неуравновешенный характер, им подчас двигали не хладнокровный расчет, а импульсы его необузданной природы. Поэтому он нередко ошибался в людях, что особенно заметно в деле Мазепы.

Петр I безусловно доверял гетману и был глух ко всем доносам, многие из которых имели под собой реальное основание: гетман давно встал на путь измены русскому царю. Доносчиков на Мазепу выдавали гетману, который их казнил. 11 марта 1708 года, то есть еще до ареста Кочубея, царь писал гетману так, как будто дело Кочубея уже полностью «исследовано» и что оно выявило бесспорную клевету на «верного Ивана Степановича»: «Вас, вернаго нашего подданнаго, нашею Царскаго величества милостию обладаем, что таким клеветникам, на вас ложно наветующим, никакая вера от нас не дается, но паче оные, купно с наустителями, восприимут, по делам своим, достойную казнь». Естественно, что после таких заявлений, расследование дела Кочубея и полковника Искры могло двигаться только в одном, крайне неблагоприятном для доносчиков, направлении. Согласно легенде, единственным выводом Петра I, попавшего

с этой историей впросак, была знаменитая сентенция: «Снявши голову, по волосам не плачут». Впоследствии, когда императрица Екатерина II в разговоре с потомком Искры выразила сочувствие судьбе его несчастного предка, то потомок полковника дерзновенно ответил государыне, что, мол, монарху надобно думать перед вынесением приговора, ибо голова — не карниз, заново не приставишь.

Занятия государя в застенке, особенно во время Стрелецкого розыска 1698 году и по делу царевича Алексея Петровича в 1718 году, принесли ему дурную славу. В 1698 году в Преображенском приказе велось дело одной помещицы и ее крепостного, говоривших о царе: «Без того-де он жить не может, чтоб ему некоторый день крови не пить». Как бы в подтверждение этой мысли как помещицу, так и ее холопа казнили. Мнение о царе-кровопийце жило в общественном мнении и позже. В 1701 году Петр приказал бить кнутом, урезать язык и сослать в монастырь посадскую девку Евдокию Часовникову, которая сказала: «Которого-де дня Великий государь и стольник князь Федор Юрьевич Ромодановский крови изопьют, того-де дни, в те часы они веселы, а которого дни они крови не изопьют и того дни им и хлеб не есца».

В 1699 году полковник Иван Канищев донес на азовского губернатора князя А. П. Прозоровского — человека осведомленного и близкого ко двору, о том, что губернатор при гостях говорил следующие «непристойные слова»: государь людей «казнит же и своими руками изволит выстегать, как ему, государю, [у]годно». Колодник А. В. Кучумов был сослан в 1702 году на каторгу за слова: «Государь с молодых лет бараны рубил, а ныне руку ту натвердил над стрельцами». Тогда же ссыльная жонка Ани-сья Васильева рассказывала, что когда ее пороли в Преображенском приказе, то «в то время Великий государь был и полы затыкал, будто-де он палач». По-видимому, грозный царь был страшен для клиентов Тайной канцелярии только своим видом в палаческом застенке. В 1724 году камергер Виллим Монс, приведенный на допрос к царю, упал в обморок, встретившись взглядом с государем.

Возможно, что слухи о кровожадности царя были порождены жуткой и кощунственной обстановкой розысков и массовых казней в Москве осенью и зимой 1698 года, когда царь и его приближенные то участвовали в кровавых казнях и страшных пытках, то пировали с безудержным весельем на шумных и безобразных попойках. Все это напоминало времена опричного террора Ивана Грозного. Еще более страшное обвинение в сыноубийстве повисло над Петром I после приговора к смертной казни и таинственной кончины летом 1718 года царевича Алексея Петровича. Вскоре после его смерти люди повсеместно говорили об этом происшествии и осуждали царя, которому якобы «царевича не жаль, уморил-де его в тюрьме... и не стыдно ль-де ему о том будет». Других же арестовали за слова, что «Великий государь царевича Алексея Петровича потребил своими руками» или это дело рук Меншикова, действовавшего по указу царя. Взятый по доносу солдата капитан Выродов якобы говорил: «Какой он царь, что сына своего царевича Алексея Петровича казнил и кнутом бил?» Мнение народа об этом было самое неблагоприятное: «Какой он царь! сына своего, блаженной памяти царевича Алексея Петровича, заведши в мызу, пытал из своих рук».

Один из клиентов Тайной канцелярии показал: «А что и государя весь народ бранит, и то он говорил, а слышал на Обжорном рынке, стояли в

куче неведомо кто, всякие люди и меж собой переговаривали про кончи-~~ку~~ царевича и в том разговоре его, государя, бранили и говорили, и весь народ его, государя, за царевича бранит». Другой подследственный говорил: «Когда государя-царевича не стало, и в то время государь на радости вырядил в флаги фрегат и вышел перед Летний дворец». В 1725 году Василий Селезнев был арестован за слова: «Естли б-де он был наш царь и он бы-де сына своего, царевича до смерти из своих рук не убил». Некто Борщов в 1730 году вспоминал о великом царе: «Кто перед ним в чем погрешит, за вину изволил сам наказывать, из своих рук кнутом, на дыбе». Даже спустя более десяти лет после смерти грозного царя, в 1736 году воронежские однодворцы говорили между собой: «Наш-де император вывел роту и велел сына своего ротою расстреливать, и рота-де не стала расстреливать, палили все в землю».

Особенно много сведений об участии Петра I в сыскных делах сохранили источники из образованной в 1718 году Тайной канцелярии и подобных ей розыскных учреждений. Для работы в Тайной канцелярии Петр даже выделил особый день в своем, тесно занятом важнейшими государственными делами, расписании. Указ об этом царь передал в Тайную канцелярию через Макарова 25 ноября 1718 года. Таким днем работы в сыске царь назначил понедельник. В этот день Петр I приезжал в Петропавловскую крепость, служившую следственной тюрьмой, слушал и читал доклады, выписки и приговоры по текущим делам, являя собой в одном лице и следователя, и судью. К приезду царя-следователя и судьи в Канцелярии заранее готовились экстракты и писали проекты приговоров, которые он либо утверждал традиционной фразой «*Учинить по сему*», либо вносил в них поправки, а некоторые даже заново переписывал. Но часто бывало, что он сам детально вникал в обстоятельства дела, читал показания на следствии, записи очных ставок, вел допросы и присутствовал на розысках в застенке. Иван Орлов в 1718 года писал в своей челобитной по поводу эпизода очной ставки с Марией Гамильтон: «Когда при Царском величестве был розыск и она меня в ту пору оговорила...» Резолюции царя на делах показывают глубокое знание им нюансов розыскного процесса и дел, которые его чем-то особо привлекали.

Не всегда произведенные розыски фиксировались на бумаге, как было в деле Виллима Монса в 1724 году. Царь был свободен в выборе самых разных решений: арестовать, допросить, пытать, расстричь, выпустить из тюрьмы. Он мог отменить уже утвержденный им же приговор, направить дело на исследование или приговорить преступника к казни. При этом он подчас руководствовался не нормами тогдашнего права, а какими-то собственными, оставшимися для потомков неизвестными, соображениями. Впрочем, ссылки на законы не были обязательны — традиция и право позволяли самодержцу выносить любой приговор по своему усмотрению. В феврале 1720 года нижегородский старообрядческий дьякон Александр передал Петру I свою челобитную. Накануне нижегородский архиепископ Питириим сумел вынудить старообрядческих старцев заключить с ним соглашение о вере. Во встрече с представителем официальной церкви участвовал и дьякон Александр. Потом, мучимый раскаянием, что он предал старую веру, Александр двинулся в Петербург, чтобы подать самодержцу челобитную-протест против соглашения. Цели своей Александр достиг — его арестовали, и допрос вел сам царь. После этого дьякона под конвоем отправили в крепость с сопроводительной запиской А. В. Макарова



к А. И. Ушакову. Вскоре сам Петр I написал указ Ушакову о дьяконе и его арестованном тогда же сообщнике старце Ионе: «Дьякона пытать, к кому он сюда приехал и приставал, и кого здесь знает своего мнения потаенных; а по важных пытках, послать с добрым офицером и солдаты от гвардии в Нижний, и там казнить его за воровство, что мимо выбранного старца воровски учинил. Другого, Иону, пытать до обращения или до смерти, ежели чего к розыску не явится».

Эти материалы выразительно показывают, как понимался царем весь розыскной процесс: еще до следствия вина арестованного кажется Петру I несомненной, требовалось лишь узнать о его сообщниках-раскольниках в Петербурге, а потом отвезти преступника в место совершения преступления и казнить за нарушение прежней договоренности старцев с Питиримом. Сообщника же дьякона нужно было пытать до смерти, если тот не откажется от своей «ереси» и не вернется в лоно православной церкви. Петр I, как мы видим, вполне оценил намерение Александра «пострадать за старую веру» и предоставил ему эту возможность.

Право самодержца поступать с подданным так, как ему заблагорассудится, является прямым следствием самодержавной идеи Петра I и его представлений о своем месте как вершителя судеб подданных. Это право особенно хорошо прослеживается в деле бывшего фискала Санина. В начале Петр I вынес резолюцию о казни Санина, потом, через Толстого, распорядился, чтобы казнь Санина «умедлить для того, что Его величество изволил иметь тогда намерение сам его Санина видеть». Затем царь встретился с Саниным, выслушал его... и повелел ужесточить казнь: вместо простого отсечения головы он предписал колесовать преступника. Нужно согласиться с историком начала XX века Н. И. Веретенниковым, который писал, что в подобных случаях «личная воля монарха является высшей и в данном случае единственной нормой».

Было бы ошибкой думать, что в России XVIII века существовало некое единое учреждение, которое меняя названия, сосредотачивало бы в себе весь тогдашний политический розыск. Установить непрерывную цепочку преемственности розыскных органов (Преображенский приказ 1690—1729) — Первая Тайная канцелярия (1718—1726) — Вторая Тайная канцелярия (1731—1762) — Тайная экспедиция (1762—1801) не удастся. Дело в том, что на государственные институты XVIII века нельзя переносить представления о «правильном» государственном аппарате, выработанные государствоведами XIX века и развитые в современной теории управления.

Естественно, что при Петре I заметны тенденции к систематизации, унификации и специализации всей системы управления. Наиболее ярко они проявились в государственной реформе Петра I 1717-1724 годов, когда новый аппарат власти создавался на основе учения камерализма [о системе управления государством бюрократией] и иных западноевропейских бюрократических концепций. Вместе с тем, эта реформа не изменила сути проявлений самодержавия, той власти, которая никогда не терпела в отношении себя ни систематизации, ни регламентации, ни унификации функций, ни, тем более, делегирования своих полномочий какому-либо учреждению или группе лиц, ибо это с неизбежностью вело бы к гибели самодержавия — неподконтрольного никаким уставам, законам, регламентам режима личной власти.

В основе работы многих государственных институтов самодержавия, несмотря на общую для государства бюрократическую унификацию, лежа-

ли принципы поручений (или, как их называли в XVIII веке — «комиссия»), которые самодержец на время (или постоянно), давал кому-нибудь из своих доверенных подданных. Такие дела назывались «Его, Государя, дело». На принципах порученчества, а не делегирования части полномочий монарха учреждению или человеку и строилось, во многом, государственное управление и в XVII и в XVIII веке. По этому принципу работал и подконтрольный только самодержцу политический розыск. При этом работа порученцев-следователей сочеталась с сыскной работой различных высших правительственных учреждений — Боярской думы, Сената, Синода, Верховного тайного совета (1726—1730), Кабинета министров (1731—1741), а также центральных учреждений, ориентированных на политический розыск (Преображенский приказ, Первая Канцелярия тайных розыскных дел, Вторая Канцелярия тайных розыскных дел, Тайная экспедиция).

В отдельные моменты какое-либо из этих учреждений получало в деле розыска преимущество, но потом — опять же по воле государя — отходило на задний план. Преемственность политического розыска выражалась не в преемственности учреждений, которые занимались этим делом, а в преемственности и неизменности власти самодержца. Именно эта власть порождала политический розыск, давала ему постоянные импульсы к существованию и развитию в самых разнообразных организационных формах, контролировала и направляла его деятельность.

В принципе, в системе власти самодержца ни одно государственное дело не должно было миновать самодержца. Однако государь был физически не в состоянии рассмотреть все представленные ему государственные (в том числе розыскные) дела и на практике происходила их неизбежная сортировка. В обычных делах критерием служил закон, их предполагалось решать «по законам» в обычном порядке. Тогда же когда подходящего закона не было, дела поступали на рассмотрение государя. Такова была схема распределения дел, которую довольно последовательно Петр I проводил в системе власти.

Эта схема действовала, в целом, и при решении дел политического розыска. Все они подлежали рассмотрению государя. Но и это, как показано выше, оказалось практически невозможным для одного человека, даже такого гениального, как Петр Великий. Поэтому, кроме общего отделения наиболее существенных политических дел по «двум первым пунктам» от прочих, менее важных, сложилась устойчивая рабочая классификация и решения дел по степени их важности.

Трудно установить, когда в служебном языке политического розыска появилось определение «важность», которое использовали в классификации дел. «Важность» — это обобщенная оценка значимости политического дела, это и общее определение преступления как перспективного для расследования в сыске, а также достойного внимания государя: «Вымышленные им (преступником. — Е. А.) важные непристойные слова», «Важные их вины», «Важные письма», «Затейные важные непристойные слова», «Дела важные...». Иные преступления и дела считались незначительными, «неважными», «посредственными»: «Из распросных ево речей важности никакой не явилось...»; «По тем письмам важности не касается»; «По оному к тайным делам важности не явилось». «Сказал, что имеет... великую важность по первому пункту, а роспросом такой важности не показал», «То дело Его и.в. изволит считать за неважное», «Здесь вновь важных дел нет, а имеются посредственные».

Одновременно, «важность» — это еще и конкретные преступные действия или «непристойные слова», криминальная суть, существо расследуемого политического дела: «Чтоб вы при себе окончили самую важность». «Важность» соседствовала с «тайным», «секретным», доступным только розыску и государю. Дела «по важности» почти всегда «секретные», «тайные». В 1723 году Тайная канцелярия отчитывала членов Главного магистрата за то, что они, исследуя какое дело по извету, совершили продерзость и «самую важность открыли, чего весьма чинить им не надлежало».

Только знающие суть различий «важного» дела от «неважного» руководители розыска могли точно определить, какие дела следует подносить государю, а какие к «важности не касаются» и могут быть решены в самом розыском ведомстве по формуле «По указу Его (или Ея) Царского (Императорского) величества...». Вот как раз поток таких, несодержащих «важность» дел (а речь идет о тысячах их) и шел, минуя государя, через постоянные розыские органы XVIII века (Преображенский приказ, Тайные канцелярии и Тайную экспедицию). Поэтому для политического розыска разбор «маловажных», «посредственных» дел о пьяной болтовне, непристойностях, ложном кричании «Слова и дела» быстро стал рутинной. Розыское ведомство являет собой некий конвейер по порке и сылке «болтунов» по «маловажным» делам. Как писал П. А. Толстому, оставшийся за старшего в Тайной канцелярии А. И. Ушаков, «в Канцелярии здесь вновь важных дел нет, а имеются посредственные, по которым також, яко и прежде, я доносил, что кнутом плутов иссекаем, да на волю выпускаем».

Впрочем, эта рутинная работа могла быть резко прервана. В любой момент самодержец мог взять к рассмотрению любое из розыских дел, в том числе имеющих для приговора твердую законодательную основу, делопроизводственную традицию и решить его так, как ему заблагорассудится, даже вопреки закону и традиции. И тогда, в какой-то неясный для нас момент, казалось бы второстепенное, типично «неважное» дело вдруг становилось по воле разгневанного государя «важным», сверхважным и некую «бабу Акулину», сказавшую в 1721 году в гостях нечто «непристойное» о государе (что именно — нам так и не известно), искали по всей стране многие месяцы. Поймав же, ее, как и не донесших на нее слушателей «непристойных слов» этой государственной преступницы, страшно пытали, заботливо лечили, чтобы опять пытаться, хотя никакой измены, скопа, покушения или другого, угрожающего целостности России и власти самодержца, преступления за бабой Акулиной Ивановой явно не числилось. Но именно в таком повороте дела, придании ему «важности» и проявлялась воля самодержца и страшная сила политического розыска — орудия самодержавия.

На протяжении XVII и XVIII веков поручения по расследованию многих политических дел традиционно проводили назначенные государем порученцы — доверенные люди. Можно выделить два вида таких комиссий. Одни из них были боярскими комиссиями и назывались в документах «бояре», «бояре, и окольничии, и думные дворяне», другие представляли собой временные центральные учреждения («сысканой приказ», «розысканой приказ»). В последнем случае порученцы образовывали особые временные розыские приказы, которые могли довольно долго существовать, имели бюрократический аппарат подъячих, помещение, делопроизводство и иные атрибуты государственного учреждения. Таких сысканых (розысканых) приказов-комиссий в XVII веке было много, и они рассле-

довали дела о злоупотреблениях, измене, порче, городских восстаниях и миссках. В продолжение традиций создания сысканых, следственных приказов в 1689 году по делу сподвижника царевны Софьи Ф. Л. Шакловитого, был организован Приказ розысканых дел боярина Т. Н. Стрешнева, который работал до 1694 года.

С началом в октябре 1698 года Стрелецкого розыска Петр создал десять (!) следственных комиссий, во главе которых стояли бояре (князья М. А. Черкасский, В. Д. Долгорукий, П. И. Прозоровский, Б. А. Голицын, Ю. Ф. Щербатов, И. Б. Троекуров, а также Т. Н. Стрешнев, А. С. Шеин) и двое близких к царю влиятельных людей — думный дьяк Н. М. Зотов и комнатный стольник князь Ф. Ю. Ромодановский. Последний был тогда судьей Преображенского приказа, на базе которого и работали эти следственные боярские комиссии. Из материалов Стрелецкого сыска вытекает, что эти следственные комиссии являлись, в сущности, филиалами главной комиссии Ромодановского и их работу координировали сам Петр I и Ромодановский.

В петровскую эпоху мы видим сочетание всех видов организованного порученчества и возникавших на его основе временных учреждений. При этом за разнообразие организационных форм сыска, в конечном счете, стояло сысканое поручение государя. В особо важных случаях самодержец поручал расследование всему «синклиту», всем «начальствующим», высшим должностным лицам. Так возникали временные следственные комиссии из сенаторов, членов Синода, президентов коллегий и др.

В 1710 году дело Венедикта Данилова против изветчицы Акилины Пушкиной рассматривали «министры» — начальники приказов и канцелярий. Из дела царевича Алексея Петровича видно, что допросы и некоторые решения по расследованию дела принимали члены Сената, которые собирались в Тайной канцелярии. Как отмечалось в журнале Канцелярии, «слушав, вышписанные выписки...», сенаторы выносили свой приговор. Так было 19 ноября 1718 года, а 5 июня в записной книге Санкт-Петербургской крепости записано, что в Тайную канцелярию «съехали... господа сенаторы и министры». В 1722 году монах Варлаам Левин дал показания против главы Синода архиепископа Рязанского Стефана Яворского, причем Левин, несмотря на попытки, упорно обвинял первосвященника в соучастии своим преступным замыслом. В ответ на запрос Ушакова, допрашивать ли Стефана и где, Петр I отвечал: «Когда важность касаться будет, тогда Сенату придти в Синод и там допрашивать, и следовать, чему подлежит». Однако и руководством Тайной канцелярии, и Сенат оказались в весьма щекотливом положении, хотя они уже имели опыт допросов даже опального наследника престола. Сенаторы все же не хотели доводить дело до допросов высшего церковного иерарха в Тайной канцелярии. 5 июля 1722 года все сенаторы во главе с канцлером Г. И. Головкиным приехали к Левину в Преображенское и «увещевали его многими словами, дабы он показал самую истину, что на рязанского архиерея он показал и то правдали или он напрасно те слова на него, архиерея, показал?».

Потом Левина перевели в застенок и сенаторы присутствовали при его пытке, требуя подтверждения кровью сказанного им ранее. Левин и пытку выдержал. На следующий день сенаторы снова приехали в пыточную палату, где на дыбу подвесили Машкаринина — келейника Стефана. Сенаторы спрашивали у него: «Не оставался ли приходивший к Стефану Варлаам Левин один на один с архиереем?», как показывал накануне Левин.

Машкарин сказал, что да, Левин и Стефан оставались одни, но не более четверти часа — пока он, Машкарин, относил, по приказанию архиепископа, челобитную Левина секретарю Кублицкому. У сенатской комиссии уже не оставалось иного выхода, как допросить архиепископа Стефана. Все сенаторы и члены Синода отправились в дом Яворского («ради его болезни») и там допрашивали архиепископа в течение шести дней! Стефан каждый раз подписывался под протоколами допроса, а потом, 6 июня 1722 года и под протоколом очной ставки с Левиным. И только через неделю Левин сознался, что ложно оговорил Стефана как и многих других людей с тем, чтобы они, как и он, также пострадали перед смертью и, тем самым, очистились бы от земной скверны.

Работа подобного рода следственных комиссий, составленных из первых лиц государства, опиралась на постоянные органы-учреждения, которые специализировались на розыске. Самым главным из таких учреждений долгое время был Преображенский приказ.

История появления Преображенского приказа достаточно хорошо изучена Н. Б. Голиковой. Созданный как обычный дворцовый приказ, он претерпел эволюцию и с начала XVIII века стал единственным центральным учреждением, который ведал политическим розыском. Эту эволюцию определили несколько общих важнейших моментов развития государственного аппарата и политической обстановки того времени.

Во-первых, приказ возник в Преображенском — дворцовом селе, которое с 1682 года стало главной резиденцией Петра, ненавидевшего Москву и Кремль. Приказ вырос из типичного дворцового органа управления — съезжей избы, и, благодаря особому вниманию Петра I к Преображенскому, стал примерно с 1695 года одним из важнейших центральных учреждений России. В ведении приказа (точнее — трех его частей: Генерального двора, Потешного двора и Главной канцелярии) оказались самые различные отрасли управления и, прежде всего, формирование, комплектование, финансирование гвардейских полков, а также судебные функции в отношении гвардейцев. Ведал приказ и организацией новой регулярной армии, приемом даточных, вольных и рекрут. Одновременно приказ занимался массой типичных для учреждений приказной системы разнородных дел по подготовке Азовских походов 1695 и 1696 годов. После ликвидации Стрелецкого приказа в конце XVII века, к нему перешли полицейские функции по Москве. Из старых дворцовых дел к его ведомству относилось управление и налогообложение нескольких дворцовых сел, а из новых поручений — табачная торговля.

Во-вторых, начиная с 1698 года, Преображенский приказ стал центром грандиозного Стрелецкого розыска. Осенью 1698 года сюда, в загородную резиденцию царя, стали свозить из монастырских тюрем сотни стрельцов четырех мятежных полков, разбитых накануне правительственными войсками под Новым Иерусалимом. Этот розыск затянулся на несколько лет и постепенно розыскные функции Преображенского приказа стали заметно выделяться из других его обязанностей. В этом учреждении, имевшим опытных в делах розыска приказных, заплочных мастеров, пыточные камеры и тюрьму стали сосредотачиваться розыскные дела по многим государственным преступлениям, которые ранее поступали, без всякой системы, в различные приказы.

Наконец, Петр именным постановлением 25 сентября 1702 года закрепил за Преображенским приказом исключительное право ведения следствия

и судья по изветам «Слова и дела». Отныне все приказные судьи, воеводы и пачаги, монастырские власти и помещики обязывались «таких людей, которые учнут за собой сказывать «Государево слово и дело», присылать к Москве, не спрашивая...», в Преображенский приказ, к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому». Сосредоточение розыскных функций в одном учреждении оказалось очень удобным Петру, который не доверял старой администрации и с началом реформ и Северной войны (1700—1721) хотел держать политический розыск под контролем своего доверенного человека. Им-то и стал князь Ф. Ю. Ромодановский.

Именно благодаря Ромодановскому, Преображенский приказ и занял столь важное место в системе власти и государственных учреждений. До этого сам Ромодановский занимал сравнительно скромное положение в иерархии чинов, служил по разряду комнатных стольников. (Стольник — придворный чин в XIII—XVII веках. Обслуживал князя (царя) во время тожественных трапез, сопровождал его в поездках. В XVI—XVII назначались на различные государственные посты.) Но к середине 1690-х годов он заметно выдвинулся благодаря особому расположению к нему молодого царя. На время отъезда Петра с Великим посольством (1697—1698) Ромодановскому, как и еще нескольким боярам, царь поручил управлением страной, о чем свидетельствует переписка царя с Ромодановским.

Трудно понять истоки необыкновенного доверия Петра I к Ромодановскому. По-видимому, многое переплелось в их судьбах. В самые опасные для царя годы его юности в Преображенском во времена первых воинских «потех» под Москвой Ромодановский доказал свою безусловную преданность молодому царю. И за это Петр постоянно отличал Федора Юрьевича, как писал князь Б. И. Куракин, «для самой конфиденции к своей персоне». По отзывам современников, Ромодановский производил пугающее впечатление на людей, имел нрав злобного пьяницы и кровопийцы. Всю свою жизнь рядом с Петром I судья страшного Преображенского приказа играл шутовскую роль «царя Прешбурского», «князь-кесаря Всепьянейшего шубора». Царь демонстративно отбивал ему поклоны, именовал своего подданного «государем», называл его в письмах-донесениях и «челобитных» «Sir» и подобострастно благодарил за награды. Ромодановский был предводителем всех пирушек, маскарадов и грандиозных попоек с участием Петра I. Он входил в тот узкий круг особо доверенных людей, сподвижников-субультников, среди которых царь отдыхал. Ромодановский нес свои шутовские обязанности всю свою жизнь, он обладал чувством юмора, но этот юмор весьма специфичен. Как-то, узнав, что старец Авраамий добровольно подал царю осуждающие его правление «Тетради», судья Преображенского приказа мрачно пошутил: «Люди-де отсед[а] бегают, а старец-де сам, добровольно, лезет в струб», то есть на крестер.

Шутовские обязанности не мешали Ромодановскому, как и другому шуту — «князь-папе» Н. М. Зотову, занимать высокие места в системе управления. Думаю, что в карьере Ромодановского особую роль сыграл Стрелецкий розыск 1698 года, когда он сумел хорошо организовать следствие и получить важные сведения о замыслах стрельцов, о их связях с царевной Софьей. Достичь этого удалось благодаря открывшемуся пыточному таланту Ромодановского — человека более жестокого и беспощадного, чем сам Петр I. Царь даже выражал (возможно — показное) возмущение кровопийством Ромодановского. И все же в Стрелецком розыске

1698 года Ромодановский превзошел себя. Возможно, особая жестокость Ромодановского имела под собой расчет — в какой-то момент стрелецкого мятежа 1698 года Ромодановский дрогнул. Он не виден среди карателей и после разгрома мятежников под Воскресенским монастырем. Первоначальный розыск вел боярин А. С. Шеин, а не Ромодановский, что вызвало недоумение Петра I. Он писал в Москву, что получил известие о подавлении бунта, «зело радуемся, только зело мне печально и досадно на тебя, для чего сего дела в розыске не вступил. Бог тебя судит! Не так было говорено на загородном дворе в сенях». Из последней фразы вытекает, что при отъезде за границу политический розыск был поручен исключительно ведению Ромодановского и это поручение он не выполнил и в какой-то момент стрелецкого мятежа дрогнул (Петр I пишет: «Я не знаю, откуда на вас такой страх бабей») и решил остаться в стороне.

Зато потом, с окончательным подавлением восстания и возвращением Петра I в Россию, Ромодановский лез из кожи, чтобы делами опровергнуть свою странную растерянность. Тем не менее подозрения у царя сразу рассеяны не были. В начале июля 1698 года он пишет Ромодановскому о деле стрельца Ивашки Ошихлина, которого Ромодановский запытал до смерти. Царь заподозрил, что Ромодановский неслучайно отправил свидетеля туда, где царит вечное молчание: «И в том суди тебя Бог, что ты, не боясь его, хочешь воровство это замаять». Ромодановский отвечал, что обвинения в «норовлении воровству» не основательны и что он всегда оставался верным рабом и прочее. Возможно, что Ромодановский был честен перед царем и, «испив крови», погорячился, однако знание, что его подозревают в неверности, придавало ему служебного рвения, что последнему, собственно, и было нужно.

Несмотря на сосредоточение в Преображенском приказе розыскных дел, чиновники ведомства Ромодановского по-прежнему занимались массой и других дел — до самого своего закрытия в 1729 году приказ ведал обеспечением гвардейских полков, а также дворцовым управлением. И хотя в середине 1710-х годов приказ перестал быть единственным органом розыска (часть розыскных функций у него отбирали «майорские канцелярии» и, прежде всего, Тайная канцелярия) Ф. Ю. Ромодановский до самой своей смерти в 1717 году ведал б управлением. И хотя в середине 1710-х годов приказ перестал быть единственным окла острая проблема размежевания созданной Юстиц-коллегии и старого Преображенского приказа, чей судья по-прежнему, тянул на себя многие дела. Однако в разгар межведомственных распрей Ромодановский умер, в приказе его сменил сын — князь Иван, который, по служебной традиции тех времен уже много лет работал с отцом и после его смерти подал царю челобитную, в которой «со всегорестными слезами о конечном сиротстве» просил его не оставить милостива, а главное — баюшкиным служебным «наследством». Петр I отметив в одном из своих писем поразительное внешнее сходство старого и нового хозяина Преображенского приказа, внял челобитной «сироты» и утвердил Ивана Ромодановского на должности начальника Преображенской канцелярии — так стал называться приказ в 1720-е годы.

Но Ромодановскому-младшему не повезло — во время его управления в государственном аппарате шли непрерывные реорганизации, у кормила власти постоянно менялись люди и в 1728 году под предлогом болезни он ушел в отставку, а в 1729 году сам Преображенский приказ был распу-

щен. Помещение же его использовали еще 80 лет под пыточные и колодезные палаты Тайной канцелярии императриц Анны и Елизаветы, а потом Тайной экспедиции Екатерины II. Н. М. Карамзин в 1803 году еще видел остатки этого зловещего здания.

Во второй половине 1710-х годов важное место в организационной системе политического розыска заняли так называемые розыскные канцелярии, которые именовались «маюрскими канцеляриями», так как во главе большинства из них стояли майоры гвардии. Эти канцелярии были созданы и «вручены» майорам (выражение документов) для ведения поначалу какого-либо конкретного розыскного дела — личного поручения царя. Петр I вообще часто привлекал гвардейцев для разных государственных поручений и доверял им. Канцелярии майоров по своей сути являлись временными следственными комиссиями, похожими на сыскные приказы XVII века. В. И. Веретенников насчитывал не менее 12 подобных канцелярий, которые работали в 1710-х — начале 1720-х годов. Подчас они, начав с одного дела, быстро разрастались в целое учреждение со штатом приказных и обширным делопроизводством. Начало образованию таких канцелярий было положено в 1713 году, когда царь послал майора гвардии И. И. Дмитриева-Мамонова в Вологду для расследования воровства при вывозе пеньки и юфти через Архангельск за границу. Потом ему же царь поручил «изучить» доносы о взятках местных сборщиков рекрутов. Кроме того, Мамонову разрешили принимать изветы с указанием: «*Против которых вам розыскивать и, кто приличны будут — тех пытать*». Так написано в именном указе царя Мамонову. Затем к этим делам новообразованной канцелярии царь присоединил расследование по доносам фискалов и, наконец, несколько лет подряд Канцелярия Дмитриева-Мамонова «выводила на чистую воду» очень крупную «рыбу» — одного из влиятельнейших людей петровского окружения, губернатора Сибири князя М. П. Гагарина, обвиненного в огромных хищениях и злоупотреблении властью. Итогом кропотливой работы канцелярии Дмитриева-Мамонова стало разоблачение губернатора как взяточника. Гагарина судили и повесили. Примерно по такому же принципу возникали и другие канцелярии.

Работа в розыскных канцеляриях позволяла их начальникам, отличившись в розыском деле, выдвинуться по службе. Именно на расследовании рекрутских дел сделал карьеру майор гвардии А. И. Ушаков, который по указу Петра (не позже 1718 года) создал Канцелярию «на Потешном дворе» в Преображенском. В ней он ведал дела о нанесении ущерба интересам государства (т. н. «*интересные дела*»). В итоге, Ушаков приобрел большой опыт в розыском деле и превратился в доверенного человека Петра I.

Царь создавал и другие канцелярии «одного сыскного дела». В 1717 году он поручил князю Григорию Юсупову «исследовать» так называемое «Бахмутское дело» о воровстве при снабжении армии. Такими же канцелярскими командами гвардейцы С. А. Салтыков и князь Михаил Волконский. Первый расследовал злоупотребления Азовского вице-губернатора Степана Колычева, а второй — воровство Архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова и махинации русских торговых консулов в Голландии купцов братьев Соловьевых. «Канцелярией розыскных дел» ведал в 1719 году Богдан Скорняков-Писарев, которого царь послал в Астрахань, чтобы разобраться со злоупотреблениями местных администраторов. В 1717 году царь распорядился, чтобы князь П. М. Голицын

заялся самыми крупными взяточниками, на которых накопился большой материал, и организовал для ведения их дел особую розыскную канцелярию. В ней завели пять крупных дел, в том числе против А. Д. Меншикова. Масштабы воровства последнего оказались так внушительны, что преступлениями светлейшего начала занимается также и Канцелярия князя В. В. Долгорукого, который своими вездальными расследованиями попортил Меншикову много крови и сильно подорвал доверие Петра I к «верному Алексашке».

Обзор деятельности майорских канцелярий показывает, что они занимались, преимущественно, делами по «третьему пункту» («кража государственного интереса», «похищения казны»), а также другими должностными преступлениями. Но этим их работа не ограничивалась — царь передавал в майорские канцелярии розыскные политические дела. Возможно, поручения этих дел майорам объясняется большой загруженностью Преображенского приказа, его удаленностью от Петербурга, в котором в это время постоянно жил царь. Так, часть розысков по делу царевича Алексея (о сообщниках его) в апреле 1718 года велась в Канцелярии князя Голицына, хотя до этого ее «профилем» были, как сказано выше, преимущественно, высокопоставленные взяточники. Зато она находилась в Петербурге, и это было удобно для следствия.

Майорским канцеляриям предоставлялись значительные права проводить расследования (допросы, очные ставки, пытки) и готовить проекты приговоров. Об этом ясно сказано в указе Петра от 9 декабря 1717 года полковнику Герасиму Кочелеву, которому предстояло «исследовать» несколько фискальских доносов о злоупотреблениях по подрядным делам: *«О врученных делах прежде не доносить, пока все розыскано будет и на всякой пункт преступления подписан будет приговор, чему кто достоин, тогда доносить, а самому без доклада никаких дел не кончать и экзекуции не чинить... К сему розыску в ассесоры, также приказных людей, сколько надобно брать указа в Сенате, где без препятствий оные указы не письмом (в смысле — на бумаге. — Е. А.) только, но и делом исправлять под опасением жестокого ответу. Петр».*

Царь был в курсе дел канцелярий майоров гвардии — они подчинялись ему непосредственно. Петр регулярно принимал их доклады, читал или слушал экстракты («экстракт» — краткое изложение сути документа), распросные и пыточные речи, давал распоряжения по конкретным делам и вообще — направлял весь ход расследования в каждой канцелярии, не забывая при этом о важных для него мелочах и деталях. К 1724 году Петр, завершая государственную реформу, решил ликвидировать ставшие уже ненужными «маюрские канцелярии». Указ о их закрытии и рассылке дел канцелярий в преобразованный Сенат и розданные коллегии по принципу, «где которому быть пристойно», а Петр издал 22 января 1724 год. Чуть раньше Петр I решил прикрыть и самую известную из таких канцелярий — Канцелярию тайных розыскных дел.

Первая «Канцелярия тайных розыскных дел», более известная как «Тайная канцелярия», возникла в начале расследования дела царевича Алексея Петровича, хотя указа об ее образовании так и не обнаружено. Сразу же после отречения царевича от наследования престола 4 февраля 1718 года Петр I продиктовал П. А. Толстому «пункты» для первого допроса сына-преступника. Именно к Петру Андреевичу Толстому и стала сходить вся информация по начатому розыску. Вокруг Толстого — ти-

личного петровского порученца, сложился штат приказных новой, но весьма похожей на майорские, розыскной канцелярии, хотя до самого переезда царя в Петербург, куда в марте 1718 года перевезли царевича и все бумаги по его делу, ведомство Толстого канцелярией не называлось. Иначе говоря, розыск по делу царевича Алексея поначалу был личным поручением Толстого, точно также, как по личному поручению Петра I, переданному в начале февраля из Москвы в Петербург, А. Д. Меншиков вел Кикинское дело — составную часть общего следствия по делу Алексея. Тогда, выполняя волю Петра, Меншиков провел аресты живших в Петербурге сообщников царевича (А. В. Кикина и других), а потом допрашивал и пытал их, сообщая результаты расследования Петру в Москву.

Выбор Толстого на роль руководителя розыска по делу царевича можно объяснить тем, что Толстой до этого блестяще провел довольно сложную и тонкую операцию по возвращению в Россию из-за границы заблудшего царского сына. По некоторым данным, Толстой, желая выслужиться, сам напросился на это поручение царя. В Италии, где Толстой достиг белого царевича, он сумел уговорить Алексея Петровича вернуться домой. Сделал это Толстой не без обмана. Неслучайно, проходивший по делу царевича Иван Нарышкин Толстого «называл Иудой, он де царевича обманул и выманил». После же возвращения царевича в Россию, царь поручил Толстому и расследовать начатое розыскное дело царевича и его сообщников.

До всей истории с бегством царевича в 1716 году за границу Петр Андреевич Толстой не входил в круг ближайших сподвижников Петра. Дело в том, что в молодости он принадлежал к враждебной Петру группировке Милославских, но потом сумел заслужить доверие царя и добиться для себя ответственных поручений. Путь этот оказался непростым и нелегким — Петр I был недоверчив, и никто из родственников и сторонников Милославских — заклятых врагов молодого царя в его долгое царствование не сделал карьеры. Один Толстой сумел преодолеть инерцию недоверия царя. Человек уже немолодой (родился или в 1653 или в 1654 году), в начале 1697 года Толстой отправился, вместе с недорослями, учиться морскому делу в Италию, чем особенно угодил государю-shipперу. В 1701 году его назначили первым постоянным дипломатическим представителем России в Стамбуле. Пост этот в то время оказался очень важным для России — посланнику царя предстояло, во что бы то ни стало, удерживать турок от нападения на занятую тяжелой войной со Швецией Россию. Эту тяжелую работу Толстой много лет и с успехом делал. И только с началом русско-турецкой войны 1711 года он оказался бессильен в своих интригах при султанском дворе и более года просидел в знаменитой стамбульской тюрьме — «Семибашенном замке», куда султан имел обыкновение отправлять дипломатов тех государств, с которыми Османская империя воевала.

Вернувшись в 1714 году в Россию, Толстой стал служить в Посольской канцелярии и неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы не бегство царевича Алексея и последующие за этим события. По роду своих занятий и склонностям П. А. Толстой был более всего дипломатом, но, как многие другие сподвижники Петра I, он мог заниматься и самыми разными государственными делами: управлять коммерцией, вести розыскные дела.

Личность Толстого не вызывала восторгов у его современников. О нем и его брате Иване, который долго был губернатором Азовской губернии,



граф А. А. Матвеев выразился весьма сурово, отмечая их мрачную злобность, «великое пронырство» и склонность к интриганству. Есть свидетельства того, что Петр не особенно доверял Толстому, но при этом царь умел по достоинству ценить незаурядные способности Толстого — ловкого дипломата, а также его ум и рвение в служебных делах. Толстой постоянно выказывал свою преданность Петру, мог выполнить любое его задание, не задумываясь над моральной стороной дела.

И хотя главным следователем по делу царевича являлся все же сам царь, роль Толстого при расследовании была велика. Толстой не только помогал Петру вести допросы царевича, но много времени посвящал «ответвлениям» главного дела — занимался делами причастных к царевичу людей. Заслуги Толстого и других следователей Петр позже оценил весьма высоко. По окончании дела Толстой стал графом, тайным советником, президентом Коммерц-коллегии, сенатором, владельцем обширных вотчин, конфискованных у сообщников царевича Алексея Петровича.

Первая Тайная канцелярия, оформление которой как учреждения относится к тому моменту, когда царевича и арестованных по нему доставили в Петропавловскую крепость, была типичной временной розыскной комиссией. Заняв под канцелярию дом губернатора в крепости и разместив колодничьи палаты в гарнизонной гауптвахте, Толстой быстро составил штат своего учреждения из подьячих разных приказов и канцелярий. Подьячим обещали, что работа их в новообразованной канцелярии будет временной, до «скончания дела». Поначалу в Первой Тайной канцелярии сидел дьяк Тимофей Палехин и 8 подьячих, а также примерно столько же низших служащих. В 1723 году в канцелярии числились один секретарь и шесть подьячих. По своему внутреннему устройству, канцелярия была похожа на приказное учреждение с повьятиями — отделениями, которыми руководили старые подьячие. В их ведении находилось производство какой-нибудь группы дел, не обязательно схожих по содержанию.

Вместе с Толстым, в качестве его помощников, которых позже, в связи с государственной реформой, стали называть «ассессорами», за судейским столом Тайной канцелярии слушали дела старшие гвардейские офицеры — А. И. Ушаков, Г. Г. Скорняков-Писарев и И. И. Бутурлин, которые, впрочем, постоянно отвлекались на другие срочные задания царя. Никаких регламентов, инструкций о работе Канцелярии не сохранилось, да их, вероятно, и не существовало. В принципе, закрытие Тайной канцелярии было предпринято смертью царевича Алексея 26 июня 1718 года. Через несколько дней после этого события Толстой и Бутурлин постановили отправить обратно в Москву, на прежнюю работу в московской Канцелярии рекрутных дел дьяка Тимофея Палехина. Об этом просил коллег по Тайной канцелярии А. И. Ушаков, который тогда находился в Москве. Он писал Толстому, что Палехин на время был «взят к тайным розыскным делам, к вашему благородию, которые дела ныне произошли к окончанию», поэтому надлежит его опустить из Петербурга.

Однако, как часто бывало с подобными временными учреждениями при Петре I, Тайная канцелярия не смогла быстро завершить свою работу, сдать дела и после этого распустить служащих. Во-первых, предстояло закончить многие незавершенные дела, которые могли тянуться месяцами и даже годами. Следователи подчас не успели вовремя провести полный цикл необходимых розыскных «исследований» (допросы, пытки, очные ставки) или они не получили нужные для расследования справки и

выписки из других учреждений, не нашли свидетелей и т. д. Во-вторых, кроме дел по розыску царевича Алексея и его сообщников, Петр I начал передавать в Тайную канцелярию для расследования и другие политические и уголовные дела. Делал это он до 1724 года, мало считаясь с тем, что главным занятием Канцелярии — дело Алексея, закончено. При этом царь настаивал на их срочном расследовании. Почти половина новых дел, переданных в Канцелярию лично Петром I или через его кабинет-секретаря Макарова, относились к преступлениям «по первому и второму пунктам», то есть к делам об оскорблении Его и. в., начатым, в большинстве своем, по доносам. Остальные дела были самые разные. Так Толстому довелось вникать в преступления фрейлины Марии Гамильтон, задушившей своих новорожденных детей, а также вести дела о раскольниках.

Тайная канцелярия находилась под боком, и Петр, получив очередной важный донос или столкнувшись с каким-нибудь особенно настырным извечником, приказывал охране его арестовать, отправить в «город», а Макарову указывал написать Толстому об «исследовании» этого очередного дела. 8 августа 1718 года с борта корабля, находившегося при мысе Гангут, царь писал Толстому: «Мой господин! Понеже явились в краже магазейнов ниже именованные, того ради, сыскав их, возьми за караул». И далее следовал список предполагаемых ревельских воров. Так, вероятно, по чьему-то доносу, началось Ревельское адмиралтейское дело, которое закончилось суровыми приговорами только через несколько лет. Подобным же образом возникали и другие дела — всего их к 1726 году оказалось 256! Итак, с весны 1718 года в Петербурге образовалось дублировавшее Преображенский приказ сыскное учреждение, занимавшееся такими же, как и ведомство князей Ф. Ю. и И. Ф. Ромодановского, делами по политическому розыску. Петр I стремился как-то распределить дела между новым и старым учреждением. 28 апреля 1722 года царь предписал присылать «дела против двух пунктов» не только в Преображенский приказ, но и в Тайную канцелярию. По верному замечанию историка Тайной канцелярии В. И. Веретенникова, это разделение намечилось давно и «было только чисто географическое» — колодников по Петербургу и окрестностям велели присылать в Тайную, а из Москвы и центральных губерний России — в Преображенскую канцелярию.

В 1718 году в Москве А. И. Ушаков создал, по заданию Петра, филиал Тайной канцелярии — ее Кантору, которая разместилась на Потешном дворе в Преображенском. Это место — священное для политического розыска России. Старший чиновник Канторы, секретарь Василий Казаринов, имел большие права в предварительном расследовании розыскных дел, хотя во всем руководствовался «повелительными ордерами» из Петербурга. Сохранившиеся рапорта Казаринова свидетельствуют, что он докладывал в Петербург о ходе всех важных дел, спрашивал у Толстого и Ушакова разрешение на новые пытки: «И буде, государь, оная Акулина с тех розысков в означенных своих словах устоит, то упомянутоя Авдотью розыскивать-ли? О том требуем от вашего превосходительства повелительного ордера. Вашего превосходительства премилостиваго моего государя, всепокорный и верный раб Василий Казаринов»

Деление сыска на два ведомства (в Петербурге и в Москве) оказалось временным. В это время Петр I проводил грандиозную государственную реформу — создавал коллегии, преобразовывал Сенат, функции и структура которого менялись в соответствии с коллежской реформой. Как уже

было сказано выше, 22 января 1724 года император приписал закрыть все «мазорские канцелярии», а дела их распределить по коллегиям и другим учреждениям. За неделю до этого — 15 января, царь указал: «Следующие в Тайной розыскной канцелярии дела важные решить, а вновь, подобно прежде бышим, колодникам и дел, присылаемых ни откуда не примать, понеже оставшиеся за решением дела отослать в Правительствующий Сенат и с подьячими, а секретарю Топильскому (он заменил в Тайной Палехина. — Е. А.) быть при прежних рекрутных делах, откуда он был взят».

Почему было решено сдать дела в Сенат, а не в Преображенскую канцелярию, становится ясно из документов, открывающих намерения Петра I преобразовать «сыскной сектор» государственного аппарата. Преображенский приказ, подобно другим приказам, уже называвшимся к тому времени канцеляриями, предстояло, в рамках реформы, либо ликвидировать, либо преобразовать в коллегию. Однако в 1723—1724 годы Петр I, который ранее намеревался сделать все управление коллегиальным, понял, что ввести, сверх уже действующих, несколько новых коллегий невозможно: расходов на новые учреждения финансы государства уже не выдержали бы. Поэтому царь пошел по другому, менее дорогостоящему пути — он увеличил число сенатских контор и в 1724 году превратил в контору Сената открытую как самостоятельное учреждение Ревизион-коллегию. Подобным же образом предполагалось поступить и с розыскным ведомством. В. И. Веретенников опубликовал запись именного указа Петра I Сенату, непосредственно говорящего об этом: «О конторе при Сенате Тайной канцелярии и мазорских. Чтоб при Сенате учинить Кантору розыскных дел, также особливую палату, где для случающихся дел чрезвычайных, и первое, когда какой розыск будет в Сенате, то дела оныя там будут, а другое место — для таких дел, как Шафирово случилось, но сему месту быть без служителей, но когда случай позовет, тогда на время брать». Из этих, типичных для Петра I, сбивчивых указаний вытекает, что дела Тайной и других майорский канцелярий отныне передаются в ведение особой сенатской «Конторы розыскных дел» и что, кроме того, отводится два помещения для срочных расследований: одно — по розыскным делам, а другое — по делам о дисциплинарных нарушениях, подобных громкому делу Шафирова-Скорнякова 1723 года. Возможно, это было связано с намерением царя усилить в Москве значение филиала Сената — Московской Сенатской конторы. Она воспроизводила структуру «большого» Сената в Петербурге, и Преображенская канцелярия должна была, по примеру Тайной канцелярии, передать дела в Контору розыскных дел Московской конторы Сената. Так это и случилось позже, когда в начале 1728 года весь Сенат, вместе с императором Петром II, Синодом и Верховным тайным советом перебрался в Москву, и все считали, что этот переезд окончательный. Именно тогда дела ведомства Ромодановского отошли в Сенат и в Верховный тайный совет, что и привело к закрытию знаменитого приказа в 1729 году.

Однако, возвращаясь к судьбе Тайной канцелярии, отметим, что реорганизацию розыска по плану царя, провозглашенному в указе 15 января 1724 года до его смерти в 1725 году так и не провели. Думаю, что в неисполнении указа царя виноваты сами сенаторы, которые тянули с приемом бумаг от Тайной канцелярии и явно не желали взваливать на свои плечи новое и очень сложное поручение. Петр I же, занятый другими делами, их, по своему обыкновению, не понукал, да к тому же и сам был непоследователен. В сентябре 1724 года вопреки изданному ранее указу о закрытии

Тайной канцелярии он приказал Толстому принять колодника Шапошникова в свое ведомство и «при случае об нем Его величеству доложить».

## Политический розыск от Екатерины I до Екатерины II

После того как в январе 1725 года умер Петр Великий и на престоле оказалась императрица Екатерина I, Первая Тайная канцелярия еще продолжала существовать. И хотя ее начальник отказывался принимать от местных властей новые дела и колодников, это, тем не менее, происходило по личным указам императрицы.

Весьма крупным в 1725 году стало дело монаха Самуила Выморочкова, которого за «непристойные слова» приговорили к смертной казни. Экстракт из его дела Екатерина I слушала вместе с двумя другими делами из уст майора Ушакова 30 июля 1725 года. Государыня одобрила предложения Тайной канцелярии о наказаниях Выморочкова и других преступников. Тем же летом 1725 года Екатерина I слушала доклады по делу архиепископа Новгородского Феодосия Яновского, расследование которого вели П. А. Толстой и А. И. Ушаков. В декабре 1726 года по своему ведомству докладывал императрице дела и князь Иван Ромодановский. Тогда же он составил проект приговора по делу Феофана Прокоповича и Маркела Родышевского.

И все же в истории петровской Тайной канцелярии была поставлена точка. Это произошло 28 мая 1726 года, когда появился указ Екатерины I на имя П. А. Толстого об окончательной ликвидации Тайной канцелярии на том основании, что она «учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел и, хотя тому подобные дела и ныне случаются, однако не так важные и больше бывають такие дела у тайного действительного советника господина князя Ромодановского». «Того для — предписывалось в резолютивной части указа, — по получении сего нашего указу вышепомянутую Тайную канцелярию, которая и ныне еще в вашем ведении, с делами и с приказными служителями отдайте в ведение помянутому... князю Ромодановскому». На практике же, когда стали разбирать «вершенные» и «невершенные» дела, то оказалось, что посылать в Москву и нечего — законченные дела запечатали в сундуки и отдали в архив Коллегии иностранных дел, а некоторые незаконченные дела отослали в Адмиралтейскую и Военную коллегии по служебной принадлежности проходивших по этим делам преступников. Конфискованные же вещи и деньги передали в Соляную контору.

В феврале 1726 году «при боку» (так отмечалось в именном указе) Екатерины I возник Верховный тайный совет, составленный из «первейших» вельмож того времени: А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина, П. А. Толстого и других. С самого начала наделенный широкими полномочиями, Верховный тайный совет стал «стягивать» к себе власть, в том числе и в делах политического розыска, которых, действительно, как сказано в указе о ликвидации Первой тайной канцелярии, было сравнительно немного. Согласно указу о создании Совета, все дела, приговоры по которым вели к смерти, поступали от верховников на утверждение императрицы.

В делах политического розыска члены Совета — верховники, выполняли роль одновременно следователей и судей: на своих заседаниях они

выслушивали записи допросов, экстракты по делам розыска, выносили приговоры. Они заслушивают доклады И. Ф. Ромодановского, хотя позже — с мая 1726 до начала мая 1727 года в этой роли выступает генерал А. И. Ушаков. В мае 1727 года Ушаков, вместе со своим бывшим начальником по Тайной канцелярии П. А. Толстым и другими сановниками попал в немилость и был выслан в Ревель.

После смерти Екатерины I (7 мая 1727 года) и с восшествием на престол 12-летнего Петра II, некоторое время сыскными делами ведал фактический правитель России А. Д. Меншиков. Он распоряжался, как расследовать дело П. А. Толстого и его сообщников, которые пытались весной 1727 года воспрепятствовать резкому усилению власти Меншикова. Светлейший как раз тогда задумал женить наследника престола великого князя Петра Алексеевича на своей дочери Марии. По указу Меншикова кабинет-секретарь А. В. Макаров и секретарь самого Меншикова Андрей Яковлев вели обыск и потом выслали из Петербурга княгиню А. П. Волконскую и ее друзей. Предположительно, причиной ссылки Волконской и ее кружка стало то, что Волконская — придворная дама, узнала и сообщила Толстому о намерении Меншикова выдать замуж свою дочь за великого князя. Ко времени краткого правления Меншикова относится указ, который восстановил прежнюю систему географического распределения дел сысканого ведомства. Указом 22 мая 1727 года дела по обвинению в оскорблении Величества, в измене, возмущении и бунте «из ближних к С.-Петербургу мест» (Прибалтика, Новгород) предписывалось посылать в Петербург и «доносить в Сенат[е]», а «из дальних губерний и провинций в Москву — к действительному тайному советнику и генерал-губернатору князю Ромодановскому».

После падения Меншикова осенью 1727 года расследование и управление политическим розыском в наиболее важных делах полностью перешло к Верховному тайному совету, который стал следственным органом первой инстанции. Этот вывод подтверждается многочисленными документами — верховники не только сами вели допросы и очные ставки, но иногда присутствовали и при пытках. Обычно же они отряжали для этого тайного советника Василия Степанова или Анисима Маслова. Из Совета руководили следственным делом Меншикова, там же составлялись инструкции и указы офицерам гвардии, которые допрашивали светлейшего, заслушивали рапорта и экстракты о ходе следствия по его делу.

В 1728 году верховники, уже обжившиеся в Москве, куда в начале года переехал двор, занимались делом упомянутой выше княгини Аграфены Волконской и ее приятелей Абрама Ганнибала, Егора Пашкова, Исаака Веселовского и других. Тут же выносились и приговоры по иным, рассмотренным ими делам: «Июля 2 дня 1729 году вышеписанный колодник... пред собранием Верховного тайного совета распрашиван секретно, а по распросу... того ради рассуждено: за сказывание его такого важного дела, которое он за собою объявил в Переславле-Рязанском ложно, учинить наказанье: бить кнутом и послать в ссылку в Сибирь». Из Совета рассылались указы-приговоры по вершенным делам, сюда же приходили доклады от порученцев и местных властей, причем Верховный тайный совет явно стремился сосредоточить у себя по преимуществу важные дела. В его указе Сенату, который, в ряду других учреждений, докладывал верховникам о сыскных делах, говорится, что Сенат должен «не в важных делах чинить решение по указам... а о важных — со мнением доклады-

... Верховному тайному совету». По некоторым материалам видно, что у Верховного тайного совета была своя тюрьма, куда свозили колодников из полиции и местных учреждений. В этом смысле, так как высшая власть находилась в коллективном органе — Верховном тайном совете, то туда сместился и центр политического розыска — им всегда ведал тот, у кого была реальная власть в стране.

Только один раз делами розыска занимался малолетний царь Петр II. В тот день, в ноябре 1727 года решалась судьба Меншикова. Тогда возникла подброшенная русским посланником в Швеции Николаем Головиным «золотая», но обычная для политического розыска идея обвинить Меншикова в сговоре со шведами и в измене Родине, что позволило бы отправить всем ненавистного временщика на эшафот. Для утверждения нового направления в расследовании потребовался мальчик-царь. Он пришел на заседание Совета, выслушал доклады о якобы существовавших преступных связях Меншикова со шведами и потом «изволил рассуждать» в том смысле, что «сии его, князя Меншикова, поступки за измену почестья могут». Произнесенного слова «измена» было достаточно, чтобы внести в протокол следующую запись: «И, по довольному о том рассуждении, определено послать к нему (Меншикову в Ранненбург. — Е. А.) какую нарочную особу, которая бы могла о том о всем, також и о взятии денег его допросить и с принуждением, и угрозами, что ежели он подлинно о том о всем, что у него происходило не объявит, то с ним иначе поступлено будет».

В других случаях, царя, занятого охотой и развлечениями, верховники делами «не утруждали», а все решали сами. Судя по делу Волконской основная тяжесть розыскной работы лежала на А. И. Остермане и князе Алексее Долгоруком, занявшем первое место у трона и в Верховном тайном совете благодаря своему сыну князю Ивану — любимцу юного царя. Текущие, «маловажные» дела после ликвидации Преображенского приказа в 1729 году сосредоточили в Сенате. Однако в начале марта 1730 года сам Верховный тайный совет прекратил свое существование.

В царствование императрицы Анны Ивановны (1730—1740) для сыскных дел использовались все известные ранее организационные формы: и постоянные учреждения, и временные комиссии, и розыскные поручения отдельным чиновникам. Сразу же после ликвидации Верховного тайного совета ведение политического розыска перешло к Сенату. Именно о нем, как о месте, куда надлежит доносить извечникам сказано в указе 10 апреля 1730 года. Однако так продолжалось недолго — 24 марта 1731 года появился именной указ об образовании новой Тайной канцелярии. Точнее сказать, ее создание весьма напоминает создание «маэорских канцелярий» и Первой Тайной канцелярии П. А. Толстого.

В указе отмечается, что Сенат чрезвычайно загружен делами, и чтобы сенатором не было «помешательства... в прочих государственных делах», все «важные дела», которые ранее ведали Преображенский приказ, Верховный тайный совет и, наконец, Сенат, передаются в руки генерала А. И. Ушакова. Все необходимое для работы (дела, служащих и др.) он мог брать из Сената. Трудно сказать, так ли уж был загружен Сенат, что ему пришлось передавать Ушакову важнейшие розыскные дела, но можно утверждать, что Анне Ивановне, столкнувшейся при своем вступлении на престол с мощным сопротивлением дворянства, требовалось взять под контроль политический розыск — ведь к этому времени она смогла полностью восстановить самодержавную форму правления после событий

1730 года. К тому же в Сенате сидели бывшие верховники. Поэтому императрица и поручила, как ранее Петр I Ромодановскому, сыскные дела своему доверенному человеку — генералу А. И. Ушакову.

31 марта 1731 года Сенат исполнил повеление императрицы. Он передал Ушакову ему все розыскные дела и колодников и распорядился: «Для отправления оных дел канцелярии быть в Преображенском на Генеральном дворе и именовать оную канцелярию Тайных розыскных дел». Новое учреждение не только въехало в те же пыточные застенки, в которых многие годы трудился князь Ромодановский, но и получила такой же, как и Преображенский приказ, статус центрального учреждения, а ее начальник Ушаков, как некогда князь Ф. Ю. Ромодановский, мог теперь штрафовать местные власти за «неисправности» по розыскным делам. Наконец, указ Сената утверждал штат новой, теперь уже Второй Тайной канцелярии, состоявший из секретаря, нескольких подьячих, сторожей, двух заплочных дел мастеров, одного капрала, одного сержанта и 30 солдат. На нужды Канцелярии отпустили из казны 3360 рублей — ту самую сумму денег, «которая положена была по штату на бывший Преображенский приказ». Именно на такие ничтожные деньги из бюджета в 6—8 миллионов рублей содержала Россия в 1731 году свой политический розыск! В этом можно усмотреть преемственность органов политического розыска, как и в том, что «Тайная» — так в просторечье стали называть Тайную канцелярию, постоянно пользовалась архивом закрытого Преображенского приказа, обращаясь туда за справками.

В начале 1732 года двор вернулся в Петербург и вместе с ним и Ушаков со своей канцелярией, которая, в связи с объявленным «походом» государыни из Москвы в Петербург, получила название «Походная канцелярия тайных розыскных дел». Сразу же после переезда в северную столицу Ушаков потребовал у главного начальника Петербурга Б. Х. Миниха выделить ему старое помещение Тайной канцелярии в Петропавловской крепости. Оно оказалось занятым. Пришлось очистить под канцелярию другие казармы, куда и переехал Ушаков со своими людьми. Летом 1732 года, когда стало ясно, что «поход» императрицы затянулся и столицей вновь станет Петербург, последовал указ 12 августа 1732 года: «Тайную канцелярию взять из Москвы в С.-Петербург и от оной Канцелярии оставить контору и быть в дирекции... генерал-адъютанта Семена Андреевича Салтыкова». В сентябре того же года было решено Канцелярию «Походной» уже не называть, а «именовать ее просто Канцелярией Тайных розыскных дел».

Создание Тайной канцелярии стало настоящим триумфом Андрея Ивановича Ушакова, резким поворотом его карьеры. К 1731 году он сумел преодолеть обидный провал в своей карьере, когда в мае 1727 года его втянули в дело П. А. Толстого, да еще обвинили в недонесении, то есть по статье, которую — ирония судьбы! — Ушаков за свою жизнь в розыске предъявил множеству людей. В указе о нем было сказано: отправить из столицы за то, что он, «слыша такие («непристойные» — Е. А.) слова от Григорья Скорнякова-Писарева, ...о том по своей присяжной должности где надлежит, не доносил».

До этой неудачи 1727 года его карьера шла вполне успешно. Он родился в 1670 году в бедной и незнатной дворянской семье. Согласно легенде, он был сыном новгородского дворянина и до тридцатилетнего возраста жил в деревне с тремя своими братьями, деля доходы с единственного крестьян-

ского двора, которым они сообща владели. Ушаков ходил в лаптях с девками по грибы и «отличаясь большою телесною силою, перенашивал деревенских красавиц через грязь и лужи, за что и слыл детиною». В 30 лет, в 1700 году, он оказался в Новгороде на смотре недорослей и был записан в преображенцы. По другим данным, это явление Ильи Муромца политического розыска произошло в 1704 году, когда ему было уже 34 года.

Как бы то ни было, Ушаков довольно быстро, благодаря своим способностям и усердию, сумел выслужиться. Поворотным моментом в его карьере стало расследование дел участников восстания Кондратия Булавина в 1707-1708 годах. Как раз в это время его ближе узнает Петр I, который с тех пор и начал заметно выделять среди прочих скромного и немолодого гвардейского офицера. К середине 1710-х годов Ушаков уже входит в элиту гвардии, в своеобразную «гвардию гвардии». Он стал одним из десятка тех гвардейских майоров (И. И. Дмитриев-Мамонов. И. И. Бутурлин, М. И. Матюшкин, князь М. И. Волконский и др.) — особо надежных и многократно проверенных на разных «скользких» делах порученцев, которым царь часто давал самые ответственные военные и административные задания. С середины 1710-х годов Петр I, как сказано выше, стал поручать им расследования по многочисленным злоупотреблениям чиновников, бороться с которыми царь тогда решил самыми крутыми мерами. Среди этих гвардейских майоров — людей честных, инициативных, решительных и бесконечно преданных своему Полковнику, Ушаков выделялся тем, что в свое время помогло Ф. Ю. Ромодановскому сделать карьеру: как и страшный князь, Ушаков любил и умел вести розыскные дела.

В мае 1714 года Ушаков по указу Петра I создал свою «маюрскую канцелярию» и занялся запущенными рекрутскими делами и «исследованием» доносов фискалов. В том же 1714 году Петр поручает Ушакову «проведать тайно» (по-видимому, по доносам) о кражах в подрядах, о воровстве в Военной канцелярии и в Ратуше, а также об утайке дворов от переписи. Такие деликатные задания Петр давал не каждому майору гвардии — для их выполнения недостаточно рвения и честности, нужны были какие-то особые способности в розыском деле. Ими, вероятно, Ушаков и обладал.

Неслучайно, что-из всех руководителей майорских канцелярий именно Ушакова царь поставил заместителем к П. А. Толстому в образованную в марте 1718 года Канцелярию тайных розыскных дел. В отличие от других ее ассессоров — Г. Г. Скорнякова-Писарева и И. И. Бутурлина, Ушаков показал себя настоящим профессионалом розыска. Он много и с усердием работал в застенке и даже ночевал на работе. Интересная черточка характера Ушакова видна из дела баронессы Степаниды Соловьевой. Она показала, что в июне 1735 года была в гостях у Ушакова и за обедом жаловалась на своего зятя Василия Степанова. Баронесса сказала, что зять «ее разорил и ограбил и при том объявила словесно, что в доме того зятя ее имеетца важное письмо». Хозяин сразу насторожился и спросил: «По двум ли первым пунктам?» И хотя Соловьева уклонилась от ответа, в Тайной канцелярии вскоре начали дело об этом. Как видим, начальник Тайной канцелярии и в дружеском кругу, за обеденным столом оставался начальником политического сыска.

В награду за расследование дела царевича Алексея Ушаков в 1719 году получил чин бригадира и 200 дворов из конфискованных владений князя

В. В. Долгорукого и других преступников по делу царевича Алексея Петровича. С успехом он заменял и самого Толстого, который, завершив дело царевича, тяготился обязанностями начальника Тайной канцелярии, часто сопровождал Петра I в походах, сидел в Сенате и многие розыскные дела перепоручал Ушакову, который делал все тщательно и толково. К середине 1720-х годов Ушаков сумел укрепить свои служебные позиции и даже потеснил начальника Преображеского приказа, князя И. Ф. Ромодановского, который не был так опытен и инициативен, а главное — влиятелен при дворе, как его покойный отец. Ушаков, который по-прежнему имел свою Рекрутскую канцелярию на Потешном дворе в Москве, стал докладчиком у Екатерины I по делам розыска.

Гроза, которая в конце апреля — начале мая 1727 года разразилась, по милости Меншикова, над головой Толстого, А. М. Девьера и других, лишь отчасти затронула Ушакова — он не угодил, как Толстой, на Соловки, или, как Девьер, в Сибирь, и даже не лишился своих чинов. Его лишь, как армейского генерал-лейтенанта, послали в «другую команду», в Ревель, в распоряжение генерала Бона. Во время бурных событий начала 1730 года, когда дворянство сочиняло проекты об ограничении монархии, Ушаков был в тени, но, тем не менее, он поставил свою подпись под проектами, авторы которых ратовали за восстановление самодержавия. Возможно, в тот момент Ушаков угадал, за кем нужно идти. Позже, когда Анне Ивановне удалось восстановить самодержавную власть, лояльность бывшего заместителя П. А. Толстого по Первой Тайной канцелярии отметили — в 1731 году императрица поручила ему ведать политическим розыском.

Ушаков, несомненно, вызывал у окружающих страх. Его боялись не потому, что он был страшен внешне, кровожаден, угрюм. Современники пишут о нем, как человеке светском, вежливом, обходительном. Люди боялись не Ушакова, а системы, которую он представляет, ощущали безжалостную мощь той машины, которая стояла за его спиной. «Он, Шетардий — рапортовали члены комиссии по выдворению из России французского посланника в 1744 году, — сколь скоро генерала Ушакова увидел, то он в лице переменялся. При чтении экстракта столь конфузлен был, что ни слова во оправдание свое сказать или что-либо прекословить не мог». Следя за карьерой Ушакова, нельзя не удивляться его поразительной «политической непотопляемости». В этом с ним мог сравниться только кабинет-министр князь А. М. Черкасский, который как и Ушаков, несмотря на непрерывные перевороты и смены властителей, сумел не только умереть в собственной постели, но и прожить всю жизнь в почете и богатстве при *шести* государях! При этом, вероятно, ни тот, ни другой, не имели душевного покоя — так резко менялась в те времена ситуация в стране, а главное — при дворе. На пресловутых крутых поворотах истории в послепетровское время легко теряли не только чины, должности, свободу, но и голову. Вместе с Артемием Волынским Ушаков судил князей Долгоруких, а вскоре, по воле Бирона, он пытал уже Артемия Волынского. Потом Ушаков же допрашивал самого Бирона, свергнутого фельдмаршалом Минихом, еще через несколько месяцев начальник Тайной канцелярии уличал во лжи на допросах уже Миниха и других сановников, признанных новой императрицей Елизаветой Петровной врагами отечества. Вместе с любимцем императрицы Лестоком в 1743 году Ушаков пытал обвиненного в заговоре Ивана Лопухина, и если бы Ушаков дожил до 1748 года (дата его смерти — 1747 год), то, несомненно,

он бы дал приказ поднять на дыбу и самого Лестока, внезапно попавшего в опалу и оказавшегося в застенке. И все эти бурные годы Ушаков неизменно руководил Тайной канцелярией.

Ушаков сумел стать человеком незаменимым, неприступным хранителем высших государственных тайн, стоящим как бы над людскими страстями и борьбой партий. Одновременно, он был ловок и «пронзлив», обладал каким-то обаянием, мог найти общий язык с разными людьми. Вежливый и обходительный, он обращался за советом к людям в данный момент «сильным», хотя, вероятно, лучше их знал свое дело. Так, с Андреем Ивановичем Остерманом, который также был настоящим политическим долгожителем, он составлял доклады для императрицы Анны по наиболее важным делам — тезки прекрасно дополняли друг друга, хотя по сохранившимся делам Тайной канцелярии видно, что доклады и одного Ушакова императрицам были не хуже коллективных, отличались деловитостью, краткостью и тактом.

Тут нельзя не отметить, что между самодержцами (самодержицами) и руководителями политического розыска всегда возникала довольно тесная и очень своеобразная деловая и идейная связь. Из допросов и пыточных речей им одним становились известны страшные, неведомые и простым смертным, и высокопоставленным особам, тайны, грязные закулисные дела. Оба они глубоко проникали в интимную жизнь подданных. Благодаря доносам, пыточным речам они одни знали, чем думают и говорят в своем узком кругу люди, как они обделывают свои делишки. Там, где иные наблюдатели видели кусочек подчас неприглядной картины в жизни отдельного человека или общества в целом, им одним открывалось грандиозное зрелище человечества, погрязшего в грехах. И все это — благодаря особому «секретному зрению» тайной полиции. Только между государем и главным инквизитором не было тайн и «непристойные слова» не облекались, как в манифестах, в эвфемизмы. И эта определенная всей системой самодержавной власти связь накладывала особый отпечаток на отношения этих двух людей. Она делала обоих похожими на сообщников, соучастников не всегда чистого дела политики — ведь и сама политика не существует без тайн, полученных розыском с помощью пыток, изветов и донесений агентов. Все вышесказанное касается Петра I и Ф. Ю. Ромодановского и П. А. Толстого; Анны Ивановны и А. И. Ушакова; Елизаветы Петровны и Ушакова, а также А. И. Шувалова, или, наконец, Екатерины II и А. А. Вяземского с С. И. Шешковским.

Иначе невозможно объяснить, как смог Ушаков — этот верный сыскной песь императрицы Анны Ивановны, сохранить при ее антипode — императрице Елизавете Петровне, — такое влияние и пользоваться так же, как при Анне, правом личного доклада у государыни, совсем не расположенной заниматься какими-либо делами вообще. Исполнительный, спокойный, толковый, Ушаков не был таким страшным палачом-монстром, как князь Ромодановский, он оставался службистом, знающим свое место. Ушаков не рвался на политический Олимп, умел быть для всех правителей, начиная с Петра I и кончая Елизаветой Петровной, нужным в своем грязном, но столь важном для самодержавия деле. В этом-то и состояла причина его политической «непотопляемости» и долговечности.

Как и ее предшественники, придя к власти, императрица Анна Ивановна не была равнодушна к розыску. В. И. Веретенников, детально изучивший историю Второй тайной канцелярии 1731—1762 годов как государственного



учреждения, пришел к выводу, подтверждаемому и моими наблюдениями, что ни с одним учреждением, как писал Веретенников, «кроме Кабинета; у Анны не было таких тесных отношений, в дела никакого другого учреждения не входила сама императрица так близко, так непосредственно». Появление генерала Ушакова в личных апартаментах императрицы с докладом о делах розыска вошло в обычай с самого начала работы Второй тайной канцелярии. Ушаков либо докладывал государыне устно по принесенным им выпискам о делах, находящихся в производстве или законченных «исследованием», либо оставлял у нее письменные доклады — экстракты дела с приложенными к нему проекту указа. На них императрица писала свою резолюцию: «*Быть по сему докладу*» или — в зависимости от своих пристрастий — меняла предложенный ей проект приговора: «*Вместо кнута быть плетьюми, а в прочем быть по вашему мнению. Анна*». Записи именных указов в Канцелярии свидетельствуют, что императрица и сама занималась розыском: давала распоряжения об арестах, обысках, лично допрашивала некоторых колодников, «соизволив... спрашивать перед собой». Резолюции типа: «*Что по следствию явится, доложить Ея и. в.*» показывает, что она следила за ходом иного расследования и интересовалась его деталями. Особенно это заметно в делах «важных», к которым оказывались причастны известные люди.

Из дела Смоленского губернатора князя А. А. Черкасского 1734 года видно, что императрица допросила преступника и приняла его слезное раскаяние и потом смягчила ему наказание. В 1735 году Анна Ивановна слушала доклады Ушакова по делу княжны Юсуповой, которую императрица мстительно и жестоко преследовала. 29 ноября 1736 года Анна Ивановна открыла и первое заседание Вышнего суда, выполнявшего роль следственной комиссии по делу князя Д. М. Голицына, а потом бывала и на других его заседаниях. 14 декабря того же года императрица (через Артемия Волынского) указывала, как вести допрос этого бывшего руководителя верховников.

Когда весной 1740 года пришел черед заниматься делом уже самого А. П. Волынского и его конфиденентов, Анна также не осталась в стороне. Она лично допрашивала замешанного в деле князя А. М. Черкасского, постоянно получала от Ушакова, Остермана и сенатора Ивана Неплюева отчеты о ходе следствия, читала журналы и экстракты допросов в Тайной канцелярии. 21 мая, выслушав очередной доклад, Анна Ивановна «изволила рассуждать: Волынский в злодейственных своих сочинениях, рассуждениях и злоумышленных делах явно виновен явился и, сверх того, с явною злобою высочайшую Ея в. особу и правительство злыми и вредительными словами дерзнул оскорблять, и многим о том злодейски разглашал... то разыскивать его, допросить, и Смирнова против показания Гладкова, и взять Эйлера в крепость». Это был указ о попытке вчерашнего любимца, доклады которого так ей нравились еще совсем недавно.

Наконец, недовольная работой следователей, она сама взялась за перо и составила список вопросов, по которым надлежало допрашивать Волынского в застенке и при этом стремилась узнать подробности о планах прожектеров в 1730 году. В конце списка, императрица указала забрать «*во все письма и концентты* (выписки. — Е. А.), *что касаетца до етова дела и не исотрал ли их в какое время*».

В анненское царствование в системе политического розыска видное место занял Кабинет министров — высший правительственный орган,

созданный в 1731 году подобно некогда Верховному тайному совету в помощь императрице. По многим, особенно — «неважным», делам А. И. Ушаков обращался в Кабинет, где заседали влиятельнейшие сановники А. И. Остерман, кн. А. М. Черкасский, потом П. И. Ягужинский и А. П. Волынский. Думаю, что неправ В. И. Веретенников, пытавшийся в правительственной переписке усмотреть некую ведомственную борьбу между Тайной канцелярией и Кабинетом министров. Ушаков был достаточно опытен, чтобы не ввязываться в межведомственные распри. И, кроме того, с годами сложилась практика (и не только в сфере розыска), что по наиболее важным или чем-то особо интересовавшим императрицу делам начальник Тайной канцелярии докладывал непосредственно государыне, а по делам обычным, «маловажным», но требовавшим формального одобрения, Ушаков, подобно другим начальникам центральных учреждений, сносился с кабинет-министрами, так как, согласно указу императрицы, их подписи под постановлением Кабинета приравнивались к ее именованному указу. Кроме того, по важным делам совет кабинет-министров и особенно А. И. Остермана был всегда нужен осторожному Ушакову.

Из некоторых протоколов высшего правительственного учреждения видно, что Ушаков работал рука об руку с кабинет-министрами. В решении по делу архиепископа Георгия Дашкова говорится: «Декабря 2-го числа 1735 года господа министры, да генерал и кавалер Ушаков, слушали внесенное из Тайной канцелярии дело...». В ряде случаев Ушаков стремился сделать так, чтобы решение по делу вынесли сами кабинет-министры, которые также не хотели брать на себя ответственность за последствия таких решений. Недовольство Ушакова этим положением прорвалось во время допроса Волынского 17 апреля 1740 года, когда начальник Тайной канцелярии говорил, не без раздражения, Волынскому: «По делам Тайной канцелярии что надлежало, о том не токмо графу Остерману, но князю Черкасскому, и тебе непрестанно говаривал, чтоб те дела слушать, а от вас говаривано, что времени нет».

Переезд в 1732 году двора и правительства Анны из Москвы в Петербург вынудил перестроить структуру розыска. Дело в том, что перенос Петром I столицы на берега Невы вообще поставил перед властью серьезные управленческие проблемы. Москва оставалась естественным центром России и приходилось, наряду с размещенными в Петербурге центральными и высшими учреждениями, создавать в старой столице дублирующие их конторы, что усложняло управление. После перевода Тайной канцелярии в Петербург императрица Анна Ивановна написала оставленному ей в Москве С. А. Салтыкову: «*Указали мы генералу нашему Ушакову Тайную канцелярию из Москвы взять в Петербург, а в Москве оставить контору, которую повелеваем быть в дирекции вашей и иметь вам прилежное смотрение, чтобы дела в ней отправляли в надлежащей тайности и порядке*».

Семен Салтыков был не только родственником императрицы Анны Ивановны, но одним из ее преданных сторонников, благодаря усилиям которых в феврале 1730 года императрице удалось восстановить самодержавие. Уезжая в Петербург, она поручила Москву, свою главную «вотчину», именно надежному Салтыкову. Он стал главнокомандующим Москвы и сосредоточил в своих руках всю власть в старой столице, заправляя при этом Сенатской и коллежскими московскими конторами, а также

всей обширной Московской губернией. Естественно, что и сыскной орган — Контора Тайной канцелярии оказался в его ведении. В этом-то и состояла отмеченная выше перестройка системы розыска. Начиная с 1731 года Московский главнокомандующий был руководителем Московского ведомства и подчинялся непосредственно государыне. В 1732 году в Московском конторе, кроме секретаря Василия Казаринова, числились: протоколист, канцелярист, два подканцеляриста, восемь копиистов, сторож и два заплочных мастера, всего — 16 человек.

Попытку создать такую систему розыска предприняли еще в 1725—1726 гг., когда Екатерина I назначила князя И. Ф. Ромодановского — начальника Преображенского приказа, генерал-губернатором Московской губернии, и тогда он мог непосредственно докладывать государыне по всем, в том числе розыскным, делам. Теперь, при Анне, главное командование Москвы соединилось с руководством розыска по Москве и губернии. Московскую контору Тайной канцелярии, расположенную на старом месте — в Генеральном дворе села Преображенского, поручили ведать, по выбору Ушакова, секретарю Казаринову.

Старый коллега Ушакова по работе еще в Рекрутской канцелярии, он имел большой административный опыт. С образованием в 1718 году Первой Канцелярии тайных розыскных дел, Казаринов служил в ее Московском отделении до самой ликвидации Канцелярии в 1726 году. Однако, сразу после вступления Салтыкова в должность, Казаринов впал в немилость, и под арестом его привезли в Петербург. Что он натворил, — неизвестно, но императрица Анна Ивановна предписала Салтыкову *«на место его определить доброга и надежнаго и к тем делам способнаго секретаря»*, всех же других служителей Конторы заново аттестовывать и *«которые из них, по усмотрению твердости, к тем делам явятся неспособные, оных переменить другими, выбрав достойных»*. Кроме того, Салтыкову предписывалось *«за оною канцеляриею иметь вам прилежное смотрение, чтоб дела отправлять, и колодники содержаны были как надлежит — с добрым и крепким порядком, без всякаго послабления»*. Думаю, что какие-то послабления (возможно — за взятки) и стали причиной гонений на Казаринова. На его место назначили секретаря Камер-коллегии Федора Антонова, но вскоре и этого чиновника заменили другим — сенатским секретарем Степаном Патакиным.

При Анне Ивановне было организовано четыре Следственные комиссии по делам политического розыска — по делу смоленского губернатора князя А. А. Черкасского (1734), бывшего главы верховников князя Д. М. Голицына (1736), фаворитов Петра II князей Долгоруких (1738) и кабинет-министра А. П. Волынского (1740).

Позже, в короткое правление Анны Леопольдовны, действовали две Следственные комиссии (одна из них называлась Генеральская комиссия) по делу регента Э. И. Бирона и его сподвижника А. П. Бестужева-Рюмина (1740—1741). С приходом к власти 25 ноября 1741 года Елизаветы Петровны была создана Следственная комиссия по делу свергнутых ею Остермана, Миниха, Левенвольде и других. В 1743 году существовала Следственная комиссия по делу Лопухиных, в 1749 году — Комиссия о преступлениях Лестока, а в 1758—1759 годах — Следственная комиссия по делу бывшего канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

Все эти комиссии учреждались по именному указу, среди членов им определенных, обязательно находился начальник Тайной канцелярии,

который, в сущности, и направлял деятельность комиссии, ибо настоящее «исследование» велось не на заседаниях таких комиссий, а в самой Тайной канцелярии. Закончив работу (как правило, весьма непродолжительную) Следственная комиссия, на основе допросов подследственных, составляла экстракт (иногда — «Краткий», иногда — «Обстоятельный») на имя государыни и «сентенцию» — приговор, который верховная власть «апробировала», то есть одобряла. Во многих случаях этот приговор выдерживался в духе прямых указаний государыни или ее, известных членам Комиссии, пожеланий.

Вот два характерных примера работы следственных комиссий: один — по делу Черкасского, другой — по делу Волынского. 24 марта 1734 года Следственная комиссия по делу Черкасского (он обвинялся в сношениях с принцем Голштинии, будущим Петром III) доложила результаты своей работы императрице Анне Ивановне: «По доношению доносителя Федора Миклашевича на бывшего Смоленского губернатора князь Александра Черкасского и из ответов его, Черкасского, и о прилучившихся по тому же делу, кои были в розысках, и о прочих, что по следствию в оной комиссии явилось, о том о всем Ея. и. в. помянутая комиссия приносит при сем экстракт и всеподданнейше у В. и. в. помянутая комиссия просит о всемилостивейшем указе по тому делу, что В. и. в. повелите чинить». К экстракту был приложен доклад самой Комиссии, в котором императрице предлагали два варианта приговора.

С одной стороны, допросы показали, что и изветчик и ответчик дали «переменные речи» и поэтому, считала Комиссия, нужно продолжать расследование «розыском», то есть подвергнуть Миклашевича и Черкасского пыткам. С другой же стороны, «ежели В. и. в. того чинить повелеть не соизволит, то учрежденная Комиссия мнение свое представляет следующее: по всем обстоятельствам и исследованиям и по розыскам о том деле...» и далее следуют выводы Комиссии о деле, которые, в целом, клонились к тому, что Комиссия, несмотря на установленный ею факт несомненной вины бывшего губернатора, тем не менее, не настаивала на первом — жестком, варианте: «Комиссия не усмотрела, что до какого глубокого следования [замысла] дошло, но токмо тот злой умысел происходил от него, Черкасского, с ним, Миклашевичем, в словах и на письмах и тако упомянутая комиссия В. и. в. по присяжной должности представляет, что оный Черкасский не токмо в собственноручных нескольких своих повинных, без всякого принуждения, по собственному своему желанию написанных, також и в допросех показал, но и пред В. и. в. изустно вину свою приносил...».

Между тем известно по материалам розыска, что лишь обнаружение розыском злого умысла «в словах и письмах» быстро вело других людей к эшафоту. Здесь же Комиссия оказалась необыкновенно мягка к явному изменнику и заговорщику. Мягкость эта объясняется исключительно тем, что государыня, по ходатайству родственников Черкасского, уже в ходе следствия простила бывшему губернатору его самые страшные прегрешения и решила не отправлять его на эшафот, а ограничиться ссылкой его в Сибирь, что и до составления экстракта было известно членам Следственной комиссии. В ходе своего расследования Комиссия уже изначально исходила из этих милостивых намерений государыни, которая, по-видимому, настолько смягчилась, что даже вернула потом Черкасского и из ссылки.

Совершенно иначе завершила свою работу Следственная комиссия 1740 года по делу кабинет-министра А. П. Волынского. Созданная указом 13 апреля, она состояла из трех полных генералов, трех генерал-поручиков, двух тайных советников и одного генерал-майора. В учредительном указе отмечалось, что Следственной комиссии необходимо допросить Волынского о письме, которое он подал летом 1739 года самой императрице и в котором он жаловался, в весьма туманных выражениях, на своих недоброжелателей и, прежде всего, на вице-канцлера А. И. Остермана. Это письмо было расценено как оскорбительное для императрицы: *«Дерзнул нам, своей самодержавной императрице и государыни, — сказано в указе, — якобы нам в учение и наставление некоторое важное, и в генеральных многом, толкованию подлежащих, терминах сочиненное письмо подать»*. Кроме того, Следственной комиссии предписывалось разобраться с инцидентом, который произошел в приемной Бирона. Волынский, как-то раз придя с докладом к Бирону, увидел среди челобитчиков, толпившихся в приемной временщика, известного поэта В. К. Тредиаковского, которого кабинет-министр как раз накануне избил за непослушание и который, к неудовольствию министра, пришел теперь жаловаться на него Бирону. Немного думая, Волынский выгнал Тредиаковского из приемной палкой. Наконец, Комиссии предстояло разобрать «многие другие в управлении дел наших немалые подозрительства в непорядочных его поступках».

Из дела Волынского видно, что он поначалу не понял всей грозившей ему опасности и полагал, что Комиссия будет заниматься его многочисленными злоупотреблениями по службе и не станет готовить политическую расправу над ним. К 1740 году Волынский мог считать себя настоящим ветераном такого рода комиссий. В те времена образование комиссий по расследованию должностных злоупотреблений было делом обычным — мало кто из чиновников не воровал и не попадался на лихоимствах и прочих «неправдах». Редкий чиновник высшего ранга в России XVIII века, особенно в первой его половине, не просиживал томительные часы перед членами таких комиссий, которые сами были нередко его сослуживцами и хорошими знакомыми, и не давал показания. Допросы эти нередко тянулись из года в год.

Эти служебные расследования, как правило, ни к чему не приводили — судьбы любого чиновника, как вора, так и порядочного человека, решалась «наверху», при дворе, многое зависело от реального политического веса подследственного сановника, его влияния при дворе, общего состояния «конъюнктуры». Известно, что А. Д. Меншиков с середины 1710-х годов не выходил из-под следствия, а все новые злоупотребления светлейшего давали повод создавать новые комиссии и пополнять досье старых. Однако значение Меншикова в государственной жизни оставалось таким же значительным, как и раньше, а его давние дружеские отношения с Петром I столь прочны, что каждый раз заслуги и государственные достоинства светлейшего перевешивали все самые серьезные обвинения в его адрес всех вместе взятых следственных комиссий и канцелярий. Так их работа, в конечном счете, шла впустую.

Так было и с Волынским, всем хорошо известным взяточником и самодуром, за которым, где бы он ни служил, тянулась полоса должностных преступлений. Однако родство с царской семьей (Волынский был женат на Нарышкиной), близость его жены с Екатериной I, а при Анне Ивановне — огромное влияние при дворе его дяди, упомянутого выше

А. Салтыкова — все это позволяло Волынскому каждый раз выходить из воды, оставляя комиссии о его «неправдах» без работы.

Когда по указу 13 марта 1740 года образовалась Следственная Комиссия, Волынский поначалу думал, что это очередное служебное расследование, которых он на своем веку повидал немало. Поэтому, уходя после первого дня заседания Комиссии, еще не отстраненный от службы и занятый по горло государственными делами, Волынский бросил ее членам: *«Пожалуйте, кончайте скорее!»* Но он жестоко ошибся — Комиссия стала началом большого политического розыска. В Петропавловской крепости в это время допрашивали дворецкого Волынского Кубанца, собирали челобитные на злоупотребления кабинет-министра, а все протоколы заседаний Комиссии, записанные на них ответы Волынского доставлялись во дворец. С ними знакомились императрица, Бирон и привлеченный для расследования дела А. И. Остерман.

Через три дня начались аресты приятелей Волынского. Чуть позже Волынский понял, что расследование его «предерзостного» письма императрице и избития Тредиаковского в приемной Бирона — лишь повод для начала большого опального дела. Волынский, опытный в придворных интригах человек, сам — член подобных следственных комиссий и судов, через два дня работы Комиссии понял, что работа Комиссии управляется из дворца, а инициаторами начатого расследования являются его враги — Остерман и Бирон. Поэтому, уже на третий день, 17 апреля 1740 года Волынский резко изменил свое поведение: на коленях он просил прощения, каялся, что дал повод врагам «нанести» на него: *«Вот, беда, сам на себя наврал, надеялся на свое перо, что писать горазд, а все на то горячесть меня привела»*. Ясно, что он рассчитывал так умиловать незримо присутствовавшую на следствии государыню. Но запущенная машина уже работала вовсю — пошли аресты, допросы в Тайной канцелярии, по этим допросам составлялись новые вопросы Волынскому, их тон становился все суровее и суровее, вопросы касались уже не каким-то образом пропавших из подчиненного Волынскому конюшенного ведомства 500 рублей, а тяжких государственных преступлений: заговора, измены, а потом и намерения захватить престол.

И тут Следственная комиссия, выполнив поставленную перед ней задачу, как бы растворилась, ушла на задний план, и все дело сосредоточилось в Тайной канцелярии, где начались допросы, пытки и очные ставки в застенке. Из девяти человек Следственной комиссии при деле Волынского остаются только двое — начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков и сенатор И. И. Неплюев. Как и в Следственной комиссии, всем делом производством расследования ведает ассессор Тайной канцелярии Петр Хрущов. Именно Неплюев и Ушаков, получив 6 июня 1740 года именным указом: *«Более розысков не производить, но из того, что открыто, сделать обстоятельное изображение и доложить»*, сделали доклад, в котором, опираясь на материалы, добытые следствием, обвинили бывшего кабинет-министра не только в написании «предерзостного плутовского письма», «нарушении безопасности Государственных палат (где жил Бирон. — Е. А.) причинением побоев Тредьяковскому», но и в оскорблении государыни, в сочинении «разных злодейских рассуждений», а также в намерении посадить на престол своих потомков.

Так было раздуть с помощью Следственной комиссии дело Артемия Волынского, которое привело бывшего кабинет-министра и нескольких

его приятелей на эшафот и вызвало панику в высших слоях Петербурга. Здесь же важно отметить, что, в отличие от Комиссии по делу Черкасского, Комиссия по делу Волынского изначально имела другую задачу и руководствуясь негласными указаниям верховной власти, послушно направила дело по худшему для подследственного сановника варианту, несмотря на то, что Волынский не был (в отличие от Смоленского губернатора Черкасского) государственным изменником и тем более не помышлял о занятии престола.

Многие факты из истории Следственных комиссий убеждают, что такие комиссии были фиктивными органами расследования, они, в сущности, лишь подбирали материал для репрессий и утверждали то, что им предписывалось заранее свыше. Даже вопросы подследственным, как и приговоры по их делам, готовились не в Комиссии, а при дворе. Членам комиссии строго предписывалось вести допрос, не уклоняясь от предложенных пунктов. Начиная в 1736 года дело против князя Д. М. Голицына, императрица Анна Ивановна вначале предписала найти обличающие отставного сановника материалы по ведомству Камер-коллегии, первым президентом которой (еще при Петре II) являлся Голицын. Для этого было решено допросить сына Д. М. Голицына князя Алексея, а также старых чиновников Камер-коллегии. Вопросы к Голицыну, его сыну и сослуживцам Голицына подготовили заранее. Императрица в своем указе С. А. Салтыкову, ведшему это дело, расписала весь порядок следствия: *«Во время их допросов весьма смотреть, чтобы не подать им причины чего излишняго вымышлять и в тех допросах неприлично говорить, для того: кого из них начнете допрашивать, то, когда первый вопросный пункт прочтен будет, на том велеть и ответствовать, а других, следующих за тем пунктов, пока на первой ответа своего не окончат, не объявлять и так поступать до окончания и отнюдь ничьих просьб за них не слушать, и не принимать».*

Обычно Следственные комиссии созывались поспешно, входившие в их сановники и генералы слабо представляли себе не только суть дела, но и не помнили всех вопросов, по которому они должны были допрашивать преступников. В январе 1741 года назначенная правительницей Анной Леопольдовной Следственная комиссия генерала Г. П. Чернышева, которой поручили допросить сподвижника Бирона, А. П. Бестужева-Рюмина, получила из Кабинета министров (за подписью Б. Х. Миниха, А. И. Остермана, А. М. Черкасского и М. Г. Головкина) не только «учиненные для допросу Алексея Бестужева-Рюмина пункты», но и указ-предупреждение о том, чтобы при допросе преступника Комиссия не принимала «у него притом других никаких посторонних и излишних показательств».

Члены Комиссии призывались действовать согласованно: *«Имеете вы все собраться в нашей Тайной канцелярии и... сами, прослушав те пункты в какой силе оные состоят, в твердой памяти иметь, почему б могли вы при допросе его единогласно поступать, дабы иногда, от разных между вами разговоров, каким-либо образом к закрытию надлежащего или в чем ко отговорке его, причины ему не подать. А ежели в тех допросных пунктах что не довольно ясно показаться вам может, то о том представить в Кабинет наш словесно для получения на то подробного изъяснения... И сие содержать секретно».*

Это предупреждение было своевременно, потому, что предыдущая Генералитетская комиссия Г. П. Чернышова, по-видимому, неудачно допросила самого Бирона. Она была создана по указу правительницы Анны Леопольдовны

21 ноября 1741 года и члены ее тотчас отправилась в Шлиссельбург допрашивать бывшего регента. Из вопросов, которые Чернышов поставил в Шлиссельбург и указов по делу видно, что истинной целью Комиссии являлось совсем не выявление каких-либо новых преступлений Бирона. Как сказано в сопроводительном указе для Комиссии, «многочисленные его (Бирона. — Е. А.) против Бога, государя и всего государства важные и тяжкие погрешения и преступления» были достаточно известны. Комиссии поручалось, с помощью привезенных из Петербурга вопросов, лишь «пространнее доказать» преступления регента и действовать «для приведения его в надлежащее чюствование и для явного его обличения».

Комиссия эта с заданием не справилась. Правда после переворота Елизаветы Петровны в ноябре 1741 года наступила очередь приводить в «надлежащее чюствование», тех, кто посылал с этой целью Чернышова к Бирону в Шлиссельбург, а именно: Миниха, Остермана, Головкина и других сановников свергнутой правительницы. По именному указу Елизаветы в конце 1741 года образовали новую Следственную комиссию. Она быстро обнаружила, что Генералитетская комиссия, как и вообще деятели прежнего правительства Анны Леопольдовны, занятые расследованием грехов Бирона, сами «явились во многих важных, а особливо против собственной нашей персоны и общего государства покоя преступлениях». Елизаветинская Следственная комиссия «разобралась» с этими преступлениями, допросила Миниха и других опальных вельмож, составила экстракт из допросов и передала его в созданный 13 января 1742 года суд, который приговорил их к смерти.

Заметим, что в этой Комиссии, как и во всех предыдущих и последующих, участвовал Андрей Иванович Ушаков — начальник Второй Тайной канцелярии. Комиссия по делу Лестока (1748) включала в свой состав нового начальника Второй Тайной канцелярии А. И. Шувалова. Он же вместе с А. Б. Бутурлиным и Н. Ю. Трубецким, вошел и в Комиссию об А. П. Бестужева в 1758—1759 годах.

В правление Елизаветы Петровны (1741—1761) в работе розыска не произошло никаких принципиальных изменений. В Тайной канцелярии, в отличие от других учреждений, даже люди не сменились. А. И. Ушаков — верный слуга так называемых «немецких временщиков» и «душитель патриотов», вроде Волынского, продолжал свою работу и при дочери Петра Великого. Тайная канцелярия занимала очень важное место в системе власти времен Елизаветы. Ушаков, как уже сказано выше, сохранил право прямых личных докладов у новой императрицы, выслушивал и записывал ее решения, представлял государыне экстракты и проекты приговоров

Вот отрывок из подобного документа за 1745 год: «Невского пехотного полку сержант Алексей Ерославов — в произношении непристойных слов и в брани В. и. в., також и генералов всех и с тем, кто их жаловал, и в брани ж всех, кто на свете есть, и в говорении, будто бы Дмитрий Шепелев хотел В. в. окормить, а Андрей Ушаков и Александр Румянцев хотели В. в. с престола свергнуть, чтобы быть по-прежнему на престоле принцу Ионну, а Александр Бутурлин хотел В. в. срубить, и в кричании им, Ерославовым, неоднократно “Слова и дела”. А в роспросе, також и в застенке, с подъему он, Ерославов, показал, что-де ничего не помнит, что был безмерно пьян и трезвой-де ни от кого о том не слышал, и злого умыслу никакова за собою и за другими не показал, и об оном ево безмерном в то время пьянстве по свидетельству явилось».

Предложение Тайной канцелярии сводилось к следующему: «Хотя подлежателен был розыскам, а потом и жестокому наказанию кнутом, но, вместо того, за безмерным тогда ево пьянством и что он молод — гонять спицрутен и написать в солдаты». Елизавета утвердила проект приговора. Особенно пристрастно императрица занималась делом Остермана, Миниха и других в 1742 году. Она присутствовала при работе назначенной для следствия Комиссии, но при этом, невидимая для преступников, сидела за ширмой (так в свое время поступала и Анна Ивановна). И впоследствии Елизавета требовала подробных отчетов об узниках, интересовалась всеми мелочами следствия. Получив рапорт В. Ф. Салтыкова об отправке Брауншвейгской фамилии из Ранненбурга на Соловки, она оказалась им недовольна: *«И когда по указу нашему по местам принцессу с детьми и мужем сажали (в экипажи. — Е. А.), и каковы они при том явились: печальны ли или сердиты, или довольны, того не пишете»*.

С увлечением расследовала государыня и дело Лопухиных в 1743 году. Кроме общего стремления обвинить Лопухиных в государственной измене, на материалах следствия лежит отпечаток личных антипатий Елизаветы Петровны к тем светским дамам, которых на эшафот привели их длинные языки, одна из которых — Наталья Лопухина, пыталась конкурировать с императрицей в бальных туалетах. Кроме того, Елизавета в 1743 году, как самодержица начинающая, может быть, впервые из следственных бумаг Тайной канцелярии узнала о том, что о ней болтают в гостиных Петербурга, и эти сведения, полученные нередко под пытками, оказались особенно болезненны для самовлюбленной, хотя и незлой императрицы.

Елизавета не только выслушивала доноскиков, распоряжалась об арестах и отвозе арестантов в Петропавловскую крепость, но, как и ее предшественница, участвовала в расследовании дела Лопухиных, хотя формально этим занималась Следственная комиссия, состоявшая из И. Г. Лестока, князя Н. Ю. Трубецкого и А. И. Ушакова. Протоколы допросов прямо из Следственной комиссии отвозили к императрице, которая их читала и давала, через Лестока и Ушакова, новые указания об «изучении» тех или иных эпизодов дела. По-распоряжению императрицы и составленным ею же вопросам 29 июня 1743 года привели в застенок и пытали Ивана Лопухина, допрашивали там же беременную Софью Лилиенфельд.

По этому делу Елизавета сама никого не допрашивала, но сохранились сведения о том, что по другим делам такие допросы она все-таки вела. В 1745 году из экстракта Тайной канцелярии Елизавета узнала, что некий дворянин Андриан Беклемишев и поручик Евстафий Зимнинский восхищаются правлением Анны Леопольдовны и ругают ее — правящую императрицу. Оба дворянина были доставлены к допросу самой императрицы. Затем императрица Елизавета, уже с участием Ушакова и А. И. Шувалова, вновь допрашивала извечника по этому делу и даже делала какие-то записки в виде протокола допроса.

В роли следователя выступила Елизавета Петровна и в 1746 году, когда допрашивала княжну Ирину Долгорукую, обвиненную в отступничестве от православия. Императрица, недовольная ответами Долгорукой, распорядилась, чтобы Синод с ней «не слабо поступал». Особенно пристрастно наблюдала Елизавета за Брауншвейгской фамилией, сидевшей сначала под Ригой, потом в Ранненбурге и, наконец, в Холмогорах. Каждый их шаг был известен императрице из донесений Тайной канцелярии.

В 1748 году императрица следила за розыском Лестока, собственно-

тно дополнила вопросные пункты своими заметками в которых не сдержала своих эмоций и упрекала неблагодарного Лестока в предательстве и неверности. Потом, читая ответы Лестока, Елизавета делала ремарки на полях бумаги из сыска. В 1758 году, когда вскрылся заговор с участием А. П. Бестужева-Рюмина и великой княгини Екатерины Алексеевны, императрица лично допрашивала жену наследника престола.

К этому времени уже десять лет начальником Тайной канцелярии был Александр Иванович Шувалов, родной брат влиятельного Петра Шувалова и двоюродный брат фаворита императрицы И. И. Шувалова. А. И. Шувалов — один из ближайших друзей молодой цесаревны Елизаветы, и с ее воцарением занял место, весьма близкое к трону. Шувалов пользовался с давних пор особым доверием Елизаветы и уже с 1742 году ему поручали дела розыска своего свойства. Он арестовывал попавшего в опалу принца Людвиг Гессен-Гамбургского, вместе с А. И. Ушаковым расследовал дело лейб-компанца Петра Грюнштейна. По-видимому, работа с опытным Ушаковым стала для Шувалова хорошей школой политического розыска и в 1746 году он заменил часто болевшего в это время Ушакова на его ответственном посту. Когда Ушаков в 1747 году умер и Шувалов стал начальником Тайной канцелярии, в розыском ведомстве все осталось по-прежнему — налаженная Ушаковым машина продолжала исправно работать. Правда, новый начальник Тайной канцелярии не был так галантен, как Ушаков, и даже внушал окружающим страх странным подергиванием своего лица. Как писала в своих записках Екатерина II, *«Александр Шувалов не сам по себе, а по должности которую занимал, был грозой всего двора, города и всей империи, он был начальником инквизиционного суда, который звали тогда Тайной канцелярией. Его занятие вызывало, как говорили, у его род судорожного движения, которое делалось у него на всей правой стороне лица от глаза до подбородка всякий раз, как он был взволнован радостью, гневом, страхом или боязнью»*.

Шувалов не был, как Ушаков, фанатиком розыска, дней и ночей напролет в Канцелярии не проводил. Дело в том, что с началом в 1749 года фавора у императрицы их молодого родственника Ивана Шувалова, перешед Шуваловыми открылись большие возможности для обогащения. Как и старший брат Петр, А. И. Шувалов увлекся коммерцией и промышленным строительством. Много времени у Шувалова отнимали и придворные дела — с 1754 года он стал гофмейстером двора Великого князя Петра Федоровича. И хотя Шувалов вел себя с наследником предупредительно и осторожно, сам факт, что гофмейстером его двора стал шеф тайной полиции, не позволял Шувалову добиться расположения ни самого Петра Федоровича, ни его жены Екатерины Алексеевны. Последняя писала в своих записках, что встречала Шувалова всякий раз «с чувством невольного отвращения». Это чувство, которое разделял и ее супруг, не могло не отразиться на карьере начальника Тайной канцелярии после смерти 25 декабря 1761 года императрицы Елизаветы Петровны и прихода к власти Петра III. Новый император сразу же уволил Шувалова от его должности.

Одно только упоминание Тайной канцелярии пугало подданных Елизаветы. Это видно из дел сыска и даже из «Записок» Екатерины II, которая сообщает, что *«тогда эта Тайная канцелярия наводила ужас и трепет на всю Россию»* и что любой человек, ставший причастным к ее тайнам *«умирал от страху, чтобы каким-нибудь неосторожным словом не привлекли его к делу»*. Екатерина вспоминает, что Елизавета, недовольная своим



племянником, наследником престола Петром Федоровичем, не раз угрожала ему «крепостью» и это вызывало трепет у молодого человека. Угрозы подданных друг другу отвести в Тайную канцелярию рассматривались законом, как уже сказано выше, государственным преступлением и вели шантажиста в лоно самой Тайной канцелярии.

Краткое царствование Петра III стало важным событием в истории политического розыска. Именно тогда отменили роковой призыв доносчиков «Слово и дело!» и была ликвидирована Вторая Канцелярия тайных розыскных дел, работавшая с 1731 года. Решения пришедшего в власти 25 декабря 1761 года императора оказались подготовлены всей предшествующей историей Российской империи. К 1762 году стали заметны перемены в психологии людей, их мировоззрении, многие идеи Просвещения превращались в общепризнанные нормы поведения и политики, они отражались в этике и праве. На свирепые пытки, мучительные казни, нечеловеческое отношение к заключенным стали теперь смотреть как на проявление «невежества» прежней эпохи, «грубых нравов» отцов, время, когда «свет разума» не озарял еще пути человечества к счастью. Огромную роль в перемене отношения к формам сыска сыграло двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны, которая фактически запретила смертную казнь. Более того, власть начинает отчасти признавать общественное мнение как один из факторов политики и государь теперь уже не мог его игнорировать. Наконец, даже для многих твердых приверженцев кнута стала очевидной архаичность прежних принципов работы политического розыска. Это отразилось в проекте главы Уложения о государственных преступлениях, который подготовили в недрах Второй тайной канцелярии в середине 1750-х годов.

Опубликованный 22 февраля 1762 года знаменитый манифест о запрещении «Слова и дела» и закрытии Тайной канцелярии был выдержан в стиле, характерном для тогдашней идеологии и явился, несомненно, шагом власти навстречу общественному мнению, людям, выросшим под угрозой пасть жертвой «Слова и дела». В указе откровенно признавалось, что институт «Слова и дела» *служит не благу людей, а их вреду*. Уже сама по себе такая постановка вопроса была новой, хотя никто не собирался отменять институт доноса и преследования за произнесение «непристойных слов». Прочитав полностью этот, один из важнейших документов XVIII века:

«Всем известно, что к учреждению Тайных розыскных канцелярий, сколько разных имен им не было, побудили вселюбезнейшего нашего деда, государя императора Петра Великого, монарха великодушного и человеколюбивого, тогдашних времен обстоятельства и неисправленные еще в народе нравы. С того времени, час от часу, становилось меньше надобности в помянутых канцеляриях, [но], как Тайная канцелярия оставалась в своей силе, то злым, подлым и бездельным людям подавался способ или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же злостнейшими клеветами обносить своих начальников и неприятелей. Вышеупомянутая Тайных розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда, а дела оной имеют быть взяты в Сенат, но за печатью к вечному забвению в архив положатся.

Ненавистное выражение, а именно «Слово и дело» не долженствует отныне значить ничего, и мы запрещаем: не употреблять оно никому, о сем, кто отныне оно употребит, в пьянстве или в драке, или, избегая

побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как от помещика наказываются озорники и бесчинники. Напротив того, буде кто имеет действительно и по самой правде донести об умысле по первому и второму пункту, такой должен тотчас в ближайшее судебное место или к ближайшему воинскому командиру немедленно явиться и донос свой на письме подать или донести словесно, если кто не умеет грамоте. Все в воровстве, смертоубийстве и в других смертных преступлениях пойманные, осужденные и в ссылки, также на каторги сосланные колодники, ни о каких делах доносителями быть не могут.

Если явится доноситель по первым двум пунктам, то его немедленно под караул взять и спрашивать, знает ли он силу помянутых двух пунктов и, если найдет, что не знает и важным делом почел другое, так тотчас отпустить без наказания. Если же найдет, что доноситель прямое содержание двух первых пунктов знает, такого спрашивать тотчас, в чем самое дело состоит, когда же дело свое доноситель объявит, а к доказательству не свидетелей, ниже чего-либо достоверного на письме не имеет, такого увещать, не напрасно ли на кого затеял? Если доноситель не отречется от своего доношения, то посадить на два дня под крепкий караул и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сие время на размышление; по прошествии же сих дней, паки спрашивать, со увещанием, истинен ли его донос, и, буде и тогда утвердится, в таком случае, под крепким караулом, отсылать, буде близко от Санкт-Петербурга или Москвы, то — в Сенат или в Сенатскую контору, буде же нет — то в ближайшую губернскую канцелярию, а того или тех, на кого он, без свидетеля или писменных документов, доносит, под караул не брать, ниже подозрительными не считать до того времени, пока дело в вышнем месте надлежаще рассмотрено будет, и об тех, на кого донесено, указ последует» (*Полное Собрание Законов, т. 15, СПб, 1830, № 11445*).

Прочитав этот манифест, читатель несомненно обратит внимание на то, что большая часть документа посвящена пояснениям, как теперь, в условиях отмены «Слова и дела», нужно доносить властям об умысле в преступлениях «по первому и второму пункту» и как этим властям следует поступать в новой обстановке. Уже это наводит на мысль, что мы имеем дело не с коренными преобразованиями, а лишь с модернизацией, совершенствованием политического розыска. Из текста манифеста вытекает, что все прежние дела по сыску запечатываются государственными печатями, предаются забвению и сдаются в архив Сената. Только из последнего раздела манифеста можно догадаться, что Сенат и его Московская контора становятся не только местом хранения старых сыскных бумаг, но учреждением, где будут вестись вновь заведенные политические дела.

Однако манифест все-таки очень невразумительно говорит о том, как же теперь будут вестись дела по политическому розыску. Все становится ясно, когда мы обращаемся к конкретным документам, связанным с ликвидацией Второй тайной канцелярии. В. И. Самойлов установил, что существовал указ Петра III от 7 февраля 1762 года, составленный в Сенате и гласящий, что император «всемилоостивейше указать соизволил Канцелярию тайных розыскных дел уничтожить и [отныне] оной не быть, а уч[редить] при Сенате особую экспедицию на тако[м же] основании, как было при государе императоре [Петре] Втором, о чем, учиня с обстоятельством[ми] публичному указу формуляр, поднести к высочайшей Его и. в. конфирмации, [во] исполнение Его и. в. всевысочайшего указа

Правительствующий Сенат приказал: учиня о том из указов выписку, предложить к рассуждению немедленно». 16 февраля император утвердил указ, а еще через шесть дней появился манифест об уничтожении Второй тайной канцелярии.

Согласно указу 16 февраля все служащие ликвидированной Второй Тайной канцелярии во главе с ее ассессором С. И. Шешковским переведены в Сенат, а указом 25 февраля 1762 года предписывалось «быть на том же жаловании, как ныне они получают, а именно: здешним — при Сенате, а московским — при Сенатской конторе». Из сенатских бумаг следовало также, что Московская контора ликвидированной Второй Тайной канцелярии сохранялась по-прежнему в Преображенском.

Как видно из указа 7 февраля, за образец организации розыска в виде Экспедиции взята схема, которую не успел осуществить в конце своего царствования Петр I, а именно: сыскное ведомство — это одна из контор Сената. Из вышеизложенного известно, что эта схема не была реализована во второй половине 1720-х годов в связи с господством Верховного тайного совета. Теперь же, в 1762 году, идеи Петра I было решено осуществлять на практике.

По смете 1765 года на все ведомство политического розыска выделялось 2000 рублей в год. Эти небольшие деньги шли на жалованье чиновников. Реально же на розыск тратилось гораздо больше. Петропавловская крепость с ее казематами и строениями, охрана арестантов оплачивались из сумм, шедших на гарнизон Петербурга, все остальные траты на розыск включались в смету расходов по Канцелярии Сената.

Окончательно статус Тайной экспедиции был утвержден уже указом Екатерины II 19 октября 1762 года, а также в ходе начавшейся в 1763 года реформы Сената. Тайная экспедиция вошла в его 1-й департамент, где велись самые важные «государственные и политические дела». Хотя фактически Тайная экспедиция — часть Сената, оказалась независима от него. Во главе Экспедиции был поставлен один из обер-секретарей Сената С. - И. Шешковский, который поддерживал связь по делам своего ведомства непосредственно с генерал-прокурором и государыней.

Пришедшая к власти в июне 1762 года Екатерина II и ее ближайшие сподвижники понимали важность политического розыска и тайной полиции вообще. О необходимости иметь их для сохранения власти говорила императрице вся предшествующая история Российского государства, а также ее собственная история вступления на трон. Весной и летом 1762 года, когда началась реформа розыскного ведомства, на какое-то время розыск оказался ослаблен — А. И. Шувалова, как сказано выше, от должности уволили, а нового главу сыска не назначили. Между тем, сторонники императрицы почти в открытую готовили путч в ее пользу, а в это время Петр III не располагал никакими точными сведениями о надвигающейся опасности. По этой же причине он не знал многого о заговоре и только отмахивался от слухов и предупреждений разных людей на этот счет.

Император был убежден, что его власть прочна как никогда. Думаю, что не следует переоценивать инфантильность и легкомысленность Петра III. Если бы работала Тайная канцелярия, даже в том виде, в котором она была в 1761 году, то один из активных участников заговора Петр Пассек, арестованный 26 июня 1762 года и посаженный в полковую гауптвахту по вполне основательному доносу, был бы доставлен в Петропавловскую крепость, где его пристрастно допросили бы Шешковский с А. И. Шуваловым. Учитывая,

что Пассек был личностью ничтожной, склонной к пьянству и гульбе, то расспросы с пристрастием быстро развязали бы ему язык и заговор Орловых — Екатерины стал бы уже предметом серьезного следствия, и от него Петр III уже не мог отмахнуться. Известно, что арест Пассека вызвал панику у заговорщиков и толкнул их к решительным действиям. Возможно, что тогда события стали бы развиваться по иному сценарию.

Словом, пришедшая к власти Екатерина II сделала многое для усиления институтов политического розыска. Тайная экспедиция сразу же заняла важное место в системе власти при ней. В сущности, эта сенатская Экспедиция получила все права самостоятельного государственного учреждения, ее переписку запретили вскрывать чиновникам Сената из других экспедиций. Это видно из доклада Н. И. Панина и А. А. Вяземского от 18 декабря 1766 года об ошибке, сделанной Оренбургской губернской канцелярией. Оказалось, что там разбирали дело казака Федора Каменщикова, который «между многими продерзостями, чинил некоторыя непристойные разглашения, кои принадлежат до сведения Тайной экспедиции». Иначе говоря, как и раньше, во времена Тайной канцелярии, дела о «непристойных разглашениях» выделялись в секретное делопроизводство и сосредотачивались в новом ведомстве Шешковского. Ошибка оренбургских чиновников состояла в том, что «как на объявленном экстракте и копии в заглавии не означено было, что то о секретном деле, то сии [бумаги] вступили в публичное место, то есть во 2-й департамент, где о том знать не подлежало», хотя им надлежало на конверте писать «*О секретном деле*».

Система политического розыска при Екатерине II (1762-96) многое унаследовала от старой системы, но, в то же время, эта система существенно отличалась от старой системы. Эти отличия были обусловлены как изменениями в идеологии самодержавия, так и переменами в некоторых принципах работы политического розыска. Эпоха просвещенного абсолютизма, которую в России справедливо связывают с именем Екатерины II, предполагала известную открытость общества, либерализм в политике, ознаменовалась важными социальными реформами. Эти реформы вели к созданию и упрочению сословного строя, а он был немислим без системы привилегий. Они же, в свою очередь, приходили в противоречие с режимом самодержавной власти и всеми ее институтами, в том числе и розыском.

Как известно, основой социальных преобразований Екатерины стало оформление статуса сословия дворянства. В своей записке для созданной весной 1763 года Комиссии о правах и преимуществах русского дворянства, Екатерина затронула важный вопрос о соотношении прав дворянства и «прав» розыска. В принципе, по ее мнению, дворянские привилегии не уничтожали основополагающих начал законодательства о розыске. Система преступлений по «первым двум пунктам», «подозрение», извет и другие его атрибуты сохранялись, но, применительно к привилегированному классу, их действие предполагалось существенно смягчить. Было выражено намерение утвердить закон о том, что дворянин не может быть подвергнут наказанию по «какому доносу или подозрению... , *покуда перед судом изобличен и виновен не явится*», причем доказательства его вины «*требуются явщие, нежели противу недворянина*». «*В отличность разночинцам*» он освобождался и «*от всякого телесного истязания*». Дворянин получал право на представление его интересов в судебном процессе другим дворянином, имение дворянина — государственного преступника не отбирали в казну, а лишь отдавали «в наследство» родственникам преступника.

Идеологической основой подобного отношения к дворянину-преступнику являлось убеждение, что образованный дворянин потенциально менее склонен к преступлениям, чем не попавший под лучи Просвещения простолудин. Соответственно, для доказательства вины дворянина и нужны более серьезные основания. Однако практика политического розыска показывала, что угроза верховной власти, исходящая от дворянина, как и любого другого подданного, всякий раз перевешивала данные дворянскому сословию права и преимущества — лишить дворянства, титула и звания, а потом пытать и бить можно было любого — даже из Рюриковичей или Гедеминовичей!

Концепция государственной безопасности времен Екатерины II во многом воспроизводила ту, которая сложилась еще при ее предшественнице. Так, официальной целью царствования Екатерины II было провозглашено всемерное поддержание «покоя и тишины» как неперемennого залога благополучия государства и его подданных. Эта мысль была выражена уже в манифестах Елизаветы Петровны. В рамках такой концепции целью розыска становилось не только прежнее грубое подавление врагов режима и инакомыслящих, «примерное» наказание их в стиле средневековья или петровского регулярного государства, но стремление лучше узнать общественные настроения и различными средствами направить их в нужное власти русло.

Средства эти подчас далеко выходили за рамки даже тогдашней законности и очень напоминали (или просто копировали) те осуждаемые просвещенным абсолютизмом методы насилия и жестокости, к которым прибегала императрица Анна Ивановна или Елизавета Петровна. Это неслучайно — природа самодержавия, по существу, не менялась, характерные для второй половины XVIII века проявления либерализма, просвещенности и гуманности отражали во многом стиль правления лично императрицы Екатерины II Алексеевны, умной, гуманной, образованной. Когда она умерла и на престол вступил ее сын Павел I, самовластие опять утратило те благообразные черты, к которому привыкли за три десятилетия правления «государыни-матушки», и все услышали «рев Норда сиповатый», увидели, что никакие утвержденные привилегии и вкоренившиеся в сознание принципы Просвещения не спасают от самовластия и самодурства самодержца.

Впрочем, сохранившиеся материалы розыска, письма и бумаги Екатерины II позволяют утверждать, что при всей своей нелюбви к насилию, она переступала грань тех моральных норм, которые в юности усвоила из трудов философов и которые считала для себя образцовыми. Несмотря на многое, что она сделала для установления в России законности, для реформы правосудия, императрица так и не смогла осуществить свои мечты о справедливом и независимом суде. Так получилось не только потому, что в реальных условиях следовать взятым из книг благим мечтам без кровопролития затруднительно, но и в том, что идеи либерализма, терпимости и законности постоянно приходили в противоречие с традициями и режимом неограниченной личной власти. А сохранение этой власти оставалось всегда главным целью всех самодержцев, как бы они гуманными лично не оставались. Поэтому и при Екатерине II оказались возможны, допустимы многие неприглядные и «непросвещенные» методы розыска и репрессий, начиная с бесстыдного чтения чужих писем и кончая замуравыванием заживо преступника в крепостном каземате по личному указу императрицы-философа.

Как и все ее предшественники, Екатерина II признавала политический розыск своей первейшей государственной «работой», которой она много занималась, проявляя порой увлеченность и страстность, вредившую декларируемой же ею объективности. В сравнении с Екатериной II императрица Елизавета Петровна кажется жалкой дилетанткой, которая выслушивала почтительные и очень краткие доклады генерала Ушакова во время туалета между закончившимся балом и предстоящим театральным представлением. Екатерина же знала толк в розыске и оставалась, на протяжении всего своего царствования, его подлинным руководителем, вникала во все тонкости того, «что до Тайной касается». Стиль ее работы хорошо иллюстрирует указ 13 декабря 1778 года о том, как подготовить для доклада ей довольно пространное и запутанное следственное дело. Она потребовала, чтобы «для лучшего объяснения доставили нам краткий, но ясный экстракт всего производства с показанием осу[ж]денных, оговоренных и прочих к делу сему привязанных и с выражением причин окончанию препятствующих».

Императрица сама возбуждала розыскные дела, писала, исправляла или утверждала допросные пункты к допросам государственных преступников, ведала всем ходом расследования наиболее важных из них, выносила приговоры или одобряла приговоры «сентенции» различных судебных инстанций. Подобно своим предшественникам на троне, Екатерина II лично допрашивала подозреваемых и свидетелей. Когда в мае 1763 года началось дело камер-юнкера Федора Хитрово, то императрица не только требовала от следователей «как часто возможно» рапортов о ходе расследования, не только сочиняла «вопросные пункты», но и сама допрашивала Хитрово. По-видимому, допрашивала она в 1763 году и Арсения Мациевича. Сохранилась записка императрицы к Глебову на этот счет: «Нынешнюю ночь привели в раю (так она называла Мациевича. — Е. А.), которого исповедовать должно, приезжайте ужко ко мне, он здесь во дворце будет».

Под постоянным контролем императрицы прошло в 1764 году расследование дела Василия Мировича, а в 1775 году дела самозванки — так называемой «княжны Таракановой» (это прозвище появилось в литературе уже много лет спустя после закрытия этого дела). Екатерина, которая называла узницу Петропавловской крепости «бродяжкой-самозванкой», жила в это время в Москве и переписывалась о деле с главным следователем князем А. М. Голицыным. Екатерина II внимательно читала протоколы допросов самозванки и делал на них пометы, составляла дополнительные вопросы и 29 июня 1775 года послала в Петербург особые «Доказательные статьи», в которых «совершенно уничтожила все ее [самозванки] ложные выдумки». В письмах следователю она давала подробные инструкции о том, как допрашивать самозванку, особо настаивая, чтобы та искренне сказала «кто ей посоветовал принять эту роль, откуда родом и давно ли она выдумала эту проделку». В противном случае она предписывала Голицыну передать самозванке: «Если она не послушает наших монарших слов и будет и впредь продолжать пустые бредни, мы отдадим ее в распоряжение установленного суда, в котором решит дело справедливость и суровость, управляемые государственными законами».

О важной роли императрицы при расследовании дела Емельяна Пугачева и его сообщников в 1774—1775 годах будет сказано особо, но здесь отметим, что Екатерина II усиленно навязывала следствию свою концепцию мятежа и требовала результатов в «исследовании» именно ее версии.

Самым известным политическим розыскным делом, которое было начато исключительно по инициативе Екатерины II, оказалось дело о книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Это, изданное анонимно, произведение попало в руки императрицы весной 1790 года и вызвало ее особый гнев. Не касаясь здесь причин этого гнева, отметим, что Екатерина распорядилась найти и арестовать автора, даже не прочитав и нескольких десятков страниц книги. В дневнике статс-секретаря императрицы А. В. Храповицкого от 26 июня 1790 года есть запись: «Говорено о книге «Путешествие от Петербурга до Москвы», тут рассеивание французской заразы, отвращение от начальства, автор — мартирист, я прочла 30 страниц. Открывается подозрение на Радищева. Посылка за Рылеевым». Ober-полицейстеру Рылееву обычно поручались аресты. Из записи Храповицкого от 2 июля 1790 года видно, что императрица еще работала над своими замечаниями по тексту книги Радищева, а сам автор был уже «препоручен Шешковскому и сидит в крепости».

Вопросы к автору «Путешествия» не были изложены в виде традиционных для сыска «вопросных пунктов», которые императрица не раз сама составляла по другим делам. Начальнику Тайной экспедиции С. И. Шешковскому из дворца прислали постраничные замечания императрицы-читательницы, по которым (и в духе которых) Шешковский сочинил розыскные вопросы для допроса Радищева. Следила императрица и за всем последующим ходом расследования и суда.

Через два года Екатерина руководила организацией дела Н. И. Новикова. Она дала указания об арестах, обысках, сама сочинила пространную «Записку» о том, что надо спрашивать у преступника и его сообщников, а потом вносила уточнения к списку вопросов. Возможно, что ей принадлежат явно неодобрительные «возражения» по каждому письменному ответу Новикова на вопросы Тайной экспедиции. Наконец, не прибегая к процедуре суда, она сама приговорила Новикова к 15-летнему заточению в Шлиссельбургской крепости. Постоянно получала императрица и какие-то агентурные сведения. В одной из записок генерал-прокурору она писала: *«Выправься по Тайной, за что мною сему человеку приказано дать и для чего не выдано?»*

Екатерина II использовала все способы розыскной организации, которые придумали еще до нее. В основе этой организации лежало все тоже поручение, точнее — сочетание персональных поручений доверенным лицам, временным следственным комиссиям и рутинной работы постоянных органов политического розыска. «Сенатская концепция» организации сыска получает свое развитие и закрепление в ходе проведенной в 1763—1764 годы сенатской реформы.

В новом Сенате его генерал-прокурор был руководителем розыскного ведомства. Ему непосредственно подчинялась Тайная экспедиция — часть Первого департамента Правительствующего Сената. Должность генерал-прокурора после реформы Сената стала ключевой в системе управления, и императрица постаралась назначить на него не просто опытного чиновника, а своего, доверенного человека. В начале 1760-х годов на должности генерал-прокурора находился А. И. Глебов, который, по разным причинам, не годился на эту роль, но заменить его другим Екатерина II сразу после вступления своего на престол не решалась. Поэтому избрали промежуточный, временный вариант. 2 октября 1762 года Екатерина II послала А. И. Глебову указ: *«Александр Иванович! По делам важным, кои ка-*

*саяются до первых двух пунктов и кои принадлежат до Тайной канцелярии, а вступают из разных мест в Сенат, оные распечатывать и определения чинить по оным, с ведома нашего, вам обще с тайным советником Никитой Ивановичем Паниным и дела, кои между тем явятся маловажные — оные жечь, не делая на все то сенатских определений».*

Н. И. Панин — тогдашний воспитатель наследника престола, великого князя Павла Петровича, вельможа влиятельный и умный. Отношения его с Екатериной II, как известно, были сложны, однако, в начале екатерининского царствования, когда требовалось упрочить взятую власть (и, тем самым, обеспечить права на престол великого князя — воспитанника Панина), они с Екатериной II тесно сотрудничали. Панин был одним из ближайших советников молодой императрицы, в том числе и по делам политического розыска (например, в деле Мировича). Короче, совместное назначение Панина и Глебова ведасть политический розыск объяснялось желанием императрицы держать под контролем действия генерал-прокурора, которому она доверяла меньше, чем Панину.

В 1764 году императрица нашла замену Глебову в лице генерал-квартирмейстера князя А. А. Вяземского. При вступлении на пост генерал-прокурора Вяземский получил пространное наставление императрицы о ведении дел, в нем есть и такие выразительные слова: *«Совершенно надейтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мне поведение, вас не выдам».*

Сразу же после назначения нового генерал-прокурора в феврале 1764 года императрица распорядилась, чтобы «тайные дела», отныне ведал только Вяземский. Так Панина отодвинули от сыска. Почти три десятка лет Вяземский оставался доверенным порученцем императрицы в Сенате, и Екатерина II была им неизменно довольна — он оказался одним из лучших исполнителей ее воли, хотя и вызывал недовольство многих людей.

При Екатерине II была восстановлена старая система розыска по Москве. Летом 1763 года Екатерина написала Глебову о подчинении Московского отделения Тайной экспедиции не Сенатской конторе, то есть Глебову, а главнокомандующему Москвы П. С. Салтыкову. Салтыков, в свою очередь, непосредственно подчинялся императрице, так что в руках императрицы через генерал-прокурора в Петербурге и главнокомандующего Москвы, сходились все нити политического розыска. Как некогда императрица Анна Ивановна писала записочки в Москву С. А. Салтыкову с указанием выполнить какое-нибудь конфиденциальное задание, так и Екатерина II обращалась с такими же указами к его сыну П. С. Салтыкову, а потом — к его преемнику с 1771 года князю М. Н. Волконскому. Последний вообще пользовался особым доверием государыни.

Сразу после вступления на эту должность Волконский получил указ императрицы: *«В бытность в Москве главным командором нашего генерал-фельдмаршала графа Салтыкова тайные дела по тамошним местам поручены были в смотрение и производство ему, как ныне в Москве главная команда от нас поручена вам, то и случающиеся по Тайной экспедиции дела и состоящих там при оной чинов, препоручаем вам в единственное ваше ведение и смотрение, повелеваем об иных доносить нам с своим мнением особыми реляциями и ожидать нашего решения. Екатерина».* Позже эту же роль играл главнокомандующий князь А. А. Барятинский, отличившийся в начале 1790-х годов выявлением и преследованием масонов.

Расследования различных политических дел императрица возлагала и на главнокомандующего Петербурга А. М. Голицына (дело самозванки

«Таракановой», привезенной из Ливорно в 1775 году) и на его преемника графа Якова Брюса (дело Радищева, 1790 год), других доверенных чиновников и генералов, действовавших как в одиночку, так и в комиссиях. Дело Василия Мировича 1764 года она предписала рассматривать генералу Веймарну, дело Петра Хрушова и братьев Гурьевых поручила, как сказано в указе 24 октября 1762 года, «нашей гвардии трем штаб-офицерам, а именно: гетману графу Разумовскому, и генерал-порученцам Суворову и Ватковскому», которым следовало «сие дело секретно исследовать без розысков». Для В. И. Суворова это было уже не первое поручение или, как тогда говорили, «комиссия». 26 мая 1763 года Екатерина II доверила расследовать ему дело камер-юнкера Федора Хитрово, предоставив для этого довольно большие полномочия: «*Естьли где вам понадобится команда гвардии..., вы можете оных требовать по поверенной к вам комиссии*».

29 мая императрица с удовлетворением писала Суворову: «*Василий Иванович! Из письма вашего я усмотрела произвожение вам порученной комиссии и весьма вашим поведением довольна*». Комиссия из трех сенаторов разбирала дело «о дерзостных и вымышленных словах» отставного бригадира Федора Аша в 1777 году.

Особым доверием Екатерины II пользовались А. И. Бибиков и П. С. Потемкин. Бибиков был послан осенью 1762 года в Холмогоры, чтобы уговорить сидевшего в тюрьме принца Антона Ульриха уехать за границу, а с началом восстания Емельяна Пугачева получил поручение провести организацию расследования причин мятежа. 29 ноября 1773 года Екатерина II предписала А. И. Бибикову учредить, под его же ведением, в Казани Секретную следственную комиссию. Комиссия состояла из нескольких гвардейских офицеров и приказных, на помощь которым из Петербурга прислали секретаря Тайной экспедиции, опытного специалиста политического розыска Ивана Зряхова. Он играл важную роль и при самом расследовании — тщательно собирал и записывал сведения о начале мятежа, о первых шагах самозванца, чем особенно интересовалась императрица. В мае 1771 года в Оренбурге образовалась вторая Секретная комиссия капитана А. М. Лунина и капитана-поручика С. И. Маврина. Секретные комиссии подчинялись генералу Бибинову, а когда он неожиданно умер, — другому специальному представителю императрицы — генерал-майору П. С. Потемкину. Работа Следственных комиссий шла под постоянным надзором Петербурга, экстракты по делам колодников присылались в Тайную экспедицию и Екатерина читала их, как и другие документы политического розыска. Это стало для нее привычкой — в одном из писем А. И. Бибинову Екатерина писала: «*Двенадцать лет Тайная экспедиция под моими глазами*». Слова эти написаны были в 1774 году. И потом еще более двадцати лет главное сыскное ведомство оставалось «под глазами» императрицы.

### Политический розыск от Екатерины II до Павла I

Степан Иванович Шешковский, руководивший Тайной экспедицией более тридцати лет (1762—1794) стал, благодаря этому личностью весьма знаменитой в русской истории. Еще при жизни Шешковского имя его окружало немало легенд, в которых он предстает в роли искусного, жестокого и проницательного следователя-психолога. В исторических рассказах П. Ф. Карабанова, где упоминается Шешковский, много явных

выдумок, но, вместе с тем, как и в других подобных источниках, основанных на старинных семейных легендах и рассказах, в них есть немало и правды. След действительных событий подчас угадывается в анекдотах, они кажутся правдоподобными как по обстоятельствам дела, ситуации, так и по поведению исторических личностей. Иногда подлинность анекдота находит прямое подтверждение в других, несомненно достоверных, источниках.

Самый известный рассказ Карабанова о Шешковском повествует о нем, как о скромном канцелярском служащем шуваловской Тайной канцелярии, где к началу 1760-х годов его заметили и выдвинули. После ликвидации в 1762 году Второй тайной канцелярии он на некоторое время оказался не у дел, но потом новая императрица Екатерина II, якобы не желая возобновлять этой канцелярии, «увидела необходимость иметь ее, чтобы следить за духом народным, за образом мыслей людей выдающихся вперед, за поступками тех, которые были нерасположены к новому царствованию». Императрица обратила внимание на Шешковского и поручила ему действовать «в духе прежней канцелярии», избегая тех крайностей, которыми прославилось это ведомство в прошлом.

Сведения о службе Шешковского проверяются по другим источникам. Он начал работать во Второй тайной канцелярии в 1740-х годах, проявил себя как исполнительный чиновник, вероятно, не без задатков и интереса к розыску. Интересен один, касающийся этого обстоятельства, эпизод из его карьеры. Шешковский родился в 1727 году в семье приказного московской Ямской конторы и ставшего в конце жизни полицмейстером в Коломне. Одиннадцатилетний мальчик был пристроен отцом в 1738 году в Сибирский приказ. В 1740 году Шешковского взяли на время к «делам Тайной канцелярии», а потом, как это было принято в таких случаях, вскоре вернули в Сибирский приказ, точнее — в подведомственную приказу Канцелярию сбора драгунских лошадей. Вообще такие «покармочные» места высоко ценились среди приказных, как и сам расположенный в Москве, но тесно связанный с Тобольском, Сибирский приказ. Учреждение это считалось настоящей «серебряной копыю» для умелых крючкотворов. Но Шешковский совершил неожиданный для нормального карьериста-подьячего поступок — в феврале 1743 года он, без спроса начальства, уехал в Петербург. Начальство канцелярии объявило розыск беглеца, но он вернулся из северной столицы с указом Сената о переводе его в Московскую контору Тайной канцелярии. Неизвестно, как этого ему удалось добиться, но без ведома А. И. Ушакова такое определение 16-летнего юноши кажется невозможным. Допустимо, что причиной перевода Шешковского стали не только отцовские связи в Сенате, но и какие-то профессиональные задатки молодого человека, на которые Ушаков обратил внимание. Шешковский понравился и преемнику Ушакова, А. И. Шувалову, а в 1748 году он числился уже подканцеляристом и его начальник высоко ценил 21-летнего подьячего: «*Писать способен и не пьянствует и при делах быть годен*».

Потом Шешковский продолжил карьеру в Петербурге, заняв должность архивариуса второй Тайной канцелярии, то есть по старым приказным меркам он являлся старшим подьячим, что было весьма почетно. Затем его назначили протоколистом. Это свидетельствовало о несомненных бюрократических способностях Шешковского — работа протоколиста требовала особого дара точно и сжато излагать в протоколе суть пространных допросов, путанных показаний и очных ставок, пыточных речей, а также точно



фиксировать заседания судейского присутствия, наконец, составлять подаваемые «наверх» экстракты и проекты приговоров.

Если учесть, что граф А. И. Шувалов был придворным, светским человеком и предпринимателем, то многое по делам Канцелярии он поручал своим подчиненным, среди которых Шешковский явно выделялся. С Шуваловым у него были тесные связи — известно, что, приехав в Петербург в 1752 году, Шешковский жил в доме Шувалова, выполнял, вероятно, обязанности приживалки и секретаря. Благодаря поддержке своего начальника, после 1754 года он занял ключевой пост секретаря, которому подчинялся весь, хотя и небольшой, штат сысского ведомства. Назначение это стало наградой «за добрые и порядочные его при важных делах поступки и примерные труды». К моменту реорганизации сыска в начале 1762 года Шешковский, не достигнув и тридцати пяти лет, уже имел огромный опыт сысской работы и служил ассессором Тайной канцелярии, фактически — вторым лицом в Тайной канцелярии.

Приведенное в анекдоте утверждение, что Шешковский на какое-то время после ликвидации Тайной канцелярии, оказался без работы, — вымысел. Как мы видели выше, через две недели после этого события была создана Тайная экспедиция, и Шешковского тогда же перевели в штат Сената. Это произошло по указу Петра III 16 февраля, то есть в тот же день, как в Сенате получили указ о ликвидации Тайной канцелярии. В этом указе было предписано «ассессора Шешковского, переименовав того же ранга сенатским секретарем, ныне же действительно и определить в учреждаемую для того при Сенате экспедицию», а заодно дать отчет об израсходованных деньгах.

В составленном в 1764 году генеральном штате (подобие бюджета того времени) на 1765 год он упомянут как сенатский секретарь, «находящийся по некоторым порученным от В. и. в. делам при сенаторе, действительном тайном советнике и кавалере Никите Ивановича Панине и генерал-прокуроре Глебове». Под началом Панина и Глебова Шешковский проработал недолго — с 1764 года он служил в подчинении генерал-прокурора князя А. А. Вяземского. И так продолжалось почти тридцать лет. Шешковский умер в 1794 году в чине тайного советника «при особых порученных от Ея и.в. делах».

К моменту назначения Вяземского Шешковский был уже известен Екатерине II. В 1763 году он занимался делом Арсения Мациевича и, по видимому, весьма успешно. Затем, в 1764 году не менее удачно Шешковский занимался делом Миновича, после чего он и стал обер-секретарем Сената. В 1767 году Шешковский — уже коллежский советник, и тогда же его выбирают депутатом в Комиссию по составлению Уложения от Второй Адмиралтейской части Санкт-Петербурга, что свидетельствовало о высоком общественном статусе и известности Шешковского.

Несомненно, он пользовался доверием императрицы. Чаще всего связь с ней Шешковский поддерживал через Вяземского или ее статс-секретарей, но известно, что Шешковский и лично участвовал в тайных заседаниях у государыни по делам политического розыска. Примерно к 1764 году относится записка Екатерины к Вяземскому и Всеволоду Всеволожскому о том, чтобы им быть «сегодня [в]вечеру, в десятоом часу» и при этом указывается: «И привезите Шешковского с собою». Императрица заботится о тайне посещения ее апартаментов начальником политического розыска и поэтому пишет: «Его провести можно сквозь графские (то есть Григория Орлова. — Е. А.) покои в мой кабинет».

Шешковскому поручались срочные, не терпящие отлагательств дела. 28 июля 1791 года Екатерина указала Шешковскому и Храповицкому заняться секретарем Коллегии иностранных дел Л. И. Вистом, которого подозревали в шпионаже — русский посланник сообщил из Парижа, что, по ставшей известной ему выписке расходов департамента французского министерства иностранных дел, на имя Виста в течение нескольких лет перечислялись большие суммы денег. Всю ночь 29 июля следователи допрашивали Виста в Петропавловской крепости и утром 30-го они подали протокол допроса императрице, которая сказала, что «это стоит повального обыска». «Отвергая заpiresательство — пишет Храповицкий, — мне приказано Виста вновь допросить и дать ему сутки на размышление». Храповицкий и Шешковский написали общий рапорт и 1 августа «с Шешковским поднесли привезенные бумаги» императрице, которая указала сослать Виста в Пензу.

По некоторым другим материалам видно, что императрица консультировалась с Шешковским, слушала его доклады («Имел я счастье всеподданейше докладывать Ея и.в.» — из его записей). В 1771 году она посылает Вяземскому пришедшую к ней от главнокомандующего Москвы П. С. Салтыкова какую-то подметную тетрадь и предписывает: «Прикажете Шешковскому прочесть большую тетрадь при рапорте графа Петра Семеновича Салтыкова и существо оных сумасбродств пусть он нам с тобою расскажет, для чего вы можете его завтра или послезавтра ко мне привести». Тут же дается задание для размышления: «Мне нуще всего знать хочется, не поощряет ли кто подобных фанатиков. Екатерина».

В 1775 году она пишет главнокомандующему Петербурга Якову Брюсу о том, что она поручила Шешковскому разобраться в запутанных личных делах Натальи Пассек (кстати, дела эти не относились к политическому розыску) и, как пишет императрица, «он подал мне приложенную выпись» и советовал сдать дело в архив и более им не заниматься, что императрица и сделала. В другой раз она пишет Якову Брюсу по поводу уничтожения неизвестной книги: «Мне о книге говорил Шешковский, что ее жечь сумнительно, понеже в ней государские имена и о Боге написано и так довольно будет, отобрав в Сенат, истребить не палачом», то есть публично.

Екатерина II ценила деловые качества Шешковского. Когда ей осенью 1774 года стало известно, что пойманного Емельяна Пугачева везут в Москву, то для допросов его она выслала именно Шешковского, которому поручила найти ответ на волновавший ее вопрос об истоках самозванства Пугачева и его возможных покровителей. В рескрипте главнокомандующему Москвой М. Н. Волконскому от 27 сентября 1774 года она писала: «Отправляю к вам отсель Тайной экспедиции обер-секретаря Шешковского, дабы вы в состоянии нашлись дело сего злодея привести в ясности и досконально узнать все кроющиеся плутни: от кого родились и кем производились и вымышлены были». В тот же день она сообщала П. С. Потемкину о посылке Шешковского и характеризовала его: «Шешковский..., которой особливой дар имеет с простыми людьми (разговаривать. — Е. А.) и всегда весьма удачно разбирал и до точности давал труднейшие разбирательства». Шешковский несколько дней, по много часов подряд, допрашивал Пугачева и для этого фактически поселился возле его камеры в Старом монетном дворе, где содержали Пугачева. Как сообщал императрице 8 ноября 1774 года М. Н. Волконский: «Шешковский... пишет день и ночь злодеев историю».

Высокую оценку своих способностей Шешковский оправдывал многие годы. Его считали самым крупным специалистом по выживанию сведений у «трудных», упрямых арестантов. Он знал, как нужно их убеждать, уговаривать (по терминологии тех времен — «увещевать»), запугивать. В указе сенатору В. И. Суворову Екатерина II пишет о подследственных по делу Гурьевых и Хрущова, которые упорствовали и отказывались «вспомнить», от кого они слышали «непотребные слова». Императрица настаивает, что нужно дать им два дня на воспоминания и при этом отмечает: «А нехудо, между тем, Шешковского еще послать к ним для увещевания: авось он их приведет в признание». Известно, что дело Гурьевых и Хрущова кончилось эшафотом на Красной площади, поэтому Шешковский, по-видимому, помог арестантам «вспомнить» имена их информаторов.

Главнокомандующий Москвы князь А. А. Прозоровский, писавший Шешковскому льстивые письма, сообщал 4 мая 1792 года по поводу дела арестованного Н. И. Новикова: «Жду от Ея и. в. высочайшаго повеления и сердечно желаю, чтоб вы ко мне приехали, а один с ним не слажу. Экова плута тонкаго мало я видал. И так бы мы его допросили, у меня много материи, о чем его допрашивать». Как видим, Прозоровский признает авторитет Шешковского в сыском деле. Отправляя, по указу императрицы Новикова в Петербург, Прозоровский 13 мая писал Шешковскому: «Птицу Новикова к вам отправил, правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок». По-видимому, Шешковский был согласен с Прозоровским, который в письме 14 августа отвечал Степану Ивановичу: «Верю, что вы замучались, я немного с ним имел дела, да по полету уже приметил, какова сия птичка, как о том и Е. в. донес». Понятно, из чего проистекали трудности «работы» с одним из умнейших и образованнейших людей того времени Новиковым у не блиставшего талантами Прозоровского, так и у малообразованного Шешковского — уличить Новикова в преступлениях оказалось весьма непросто да и задание императрицы оказалось для них чрезвычайно сложным. Студент Невзоров, проходивший по делу Новикова, вспоминал, как в Алексеевском равелине Шешковский расспрашивал его товарища Колокольцева «от чего произошла французская революция, сие чудовищное произведение кровопийственной философской просвещенной политики» и какое участие в этом принимали масоны.

В письме 15 марта 1774 года к генералу А. И. Бибикову — руководителю Следственной комиссии в Казани, Екатерина ставила деятельность руководимой Шешковским Тайной экспедиции в пример Бибикову, возражая против расспросов «с пристрастием»: «При расспросах какая нужда сечь? Двенадцать лет Тайная экспедиция под моими глазами ни одного человека при допросах не секла ничем, а всякое дело начисто разобрано было и всегда более выходило, нежели мы желали знать».

И здесь мы возвращаемся к легендам о Шешковском. Из них неясно: были ли пытки в Тайной канцелярии или их все-таки не было? Екатерина II, как мы видим, писала, что пытки в ведомстве Шешковского не допускались, сын же А. Н. Радищева — не самый, конечно, беспристрастный в этом деле человек, сообщал, что Шешковский «исполнял свою должность с ужасною акуратностию и суровостию. Он действовал с отвратительным самовластием и суровостию, без малейшего снисхождения и сострадания. Шешковский сам хвалился, что знает средства вынуждать признания, а

иногда он начинал тем, что допрашиваемое лицо хватит палкой под самым подбородок, так что зубы затрещат, а иногда и повыскакивают. Ни один обвиняемый при таком допросе не смел защищаться под опасением смертной казни. Всего замечательнее то, что Шешковский обращался таким образом только со знатными особами, ибо простолюдины были отдаваемы на расправу его подчиненным. Таким образом вынуждал Шешковский признания. Наказания знатных особ он исполнял своевольно. Розгами и плетью он сек часто. Кнутом он сек с необыкновенной ловкостью, приобретенною частым упражнением».

Сын Радищева Шешковского никогда не видел, и начальник Тайной экспедиции представлялся ему садистом, могучим кнубойцей, каким он, на самом деле, не был. Наоборот, «как теперь помню, — говорил один ветеран екатерининских времен другому, — его небольшую мозглявую фигурку, одетую в серый сюртучок, скромно застегнутый на все пуговицы и с заложенными в карманы руками». Думаю, что Шешковский был страшен тем, чем страшны были людям XVIII века отец и сын Ромодановские, П. А. Толстой, А. И. Ушаков, А. И. Шувалов. Он, как и они, олицетворял Государственный страх. Точно известно, что самого сочинителя «Путешествия из Петербурга в Москву» ни плеть, ни кнут не коснулись, но, по рассказам сына, он упал в обморок, как только узнал, что за ним приехал человек от Шешковского. Когда читаешь письменные признания Радищева, его покаянные послания Шешковскому, наконец, написанное в крепости завещание детям, то этому веришь — Радищевым в Петропавловской крепости, владели страх, подчас истерическая паника. Вероятно, свои ощущения от встреч с Шешковским он и передал сыну.

При этом, вполне возможно, что Радищев не был трусом и истериком. «Увещевая» узника, попавшего к нему, Шешковский грубил, угрожал, унижал, а, возможно, и давал легкие тумачи или, действительно, тыкал тростью в подбородок, как описал это сын Радищева. Для людей небитых (а А. Н. Радищев уже взрос под защитой сословных привилегий и выучился за границей) такого обращения было достаточно, чтобы перепугать их, заставить каяться и порываться, прощаясь с жизнью, писать детям завещание.

Нельзя исключить и того, что Шешковский, который через тяжкий и унижительный канцелярский труд вышел из подъячих Сибирского приказа в тайные советники, который обладал такой могущественной властью над людьми и пользовался доверием государыни, не без наслаждения измывался над оробевшими столбовыми дворянами, либералами, «нашавшимися» светскими повесами, писателями, от которых, как считали в сыске, всегда — «один вред и разврат». Эти нежные, избалованные люди никогда до этого не нюхали воздуха казематов Петропавловской крепости и после недельного сидения в каземате представляли перед Шешковским с отросшей бородой и со спадающими штанами — как их принимали в крепости, будет сказано ниже, и «мозглявый» начальник Тайной экспедиции казался им могущественным исчадьем ада, символом той страшной для частного человека силы государства, которая, слепая и неумолимая, может сделать с любым человеком все, что угодно.

Шешковский был человеком очень информированным. В анекдоте Карабанова сказано, что «он везде бывал, часто его встречали там, где и не ожидали. Имея, сверх того, тайных лазутчиков, он знал все, что происходило в столице: не только преступные замыслы или действия, но и

даже вольные и неосторожные разговоры». В этом рассказе нет ничего выдуманного или преувеличенного. — информация через добровольных и тайных агентов, приходила в политический розыск всегда. Наверняка Шешковский ею пользовался и передавал сведения императрице. Иначе трудно объяснить, откуда государыня была так прекрасно осведомлена о личных делах многих придворных, чем объяснить ее обширные знания того, что говорят в столице, в народе, в высшем свете. Конечно, сведения об этом она получала от придворных сплетников, статс-секретарей, прислуги, но также и от Шешковского.

Могущественная власть Шешковского опиралась на зловещую тайну, окружавшую его ведомство, благорасположение государыни а также непомерные амбиции выходца из низов, дослужившегося до тайного советника. Его боялись, и мало кто старался выступать против его воли.

Г. Р. Державин описывает свою стычку с Шешковским по одному из сенатских дел, на полях которого были проставлены пометы рукой Шешковского. «Шешковский был в отличной доверенности у императрицы и у Вяземского по делам Тайной канцелярии. Как и сие дело следовало прежде Сената в страшном оном судилище..., то, взяв на себя важный присвоенный им, как всем известно, таинственный, грозный тон, начал придираться к мелочам...» «Слушай, Степан Иванович, — сказал ему неустрашимо Державин, — ты меня не собьешь с пути мнимою тобою чрезвычайною к тебе доверенностью императрицы и будто она желает по известным тебе одному причинам осудить невиновного. Нет, ты лучше мне скажи, какую ты и от кого имел власть выставлять своею рукою примечания, которые на деле видны, осуждающая строже, нежели существо дела и законы обвиняемого и тем, соврашая сенаторов с стези истинной, замешал так дело, что несколько лет им занимались и поднесли к императрице нерешенным?» Шешковский затрясся, побледнел и замолчал, а потом был вынужден уступить Державину. Отрывок хорошо передает черты характера Шешковского и то, что для оспаривания его мнения Державину потребовалась неустрашимость — свойство личности воина, шедшего в бой.

Легенды приписывают Шешковскому также роль иезуитствующего ханжи, своеобразного палача-морализатора, который допрашивал подсудимых в палате с образами и лампадками, говорил ейейно, сладко, но в тоже время зловеще: «Провинившихся он, обыкновенно, приглашал к себе: никто не смел не явиться по его требованию. Одним он внушал правила осторожности, другим делал выговоры, более виновных подвергал домашнему наказанию». То, что Шешковский приглашал к себе домой для внушений — было, по тем временам, дело обычное — многие сановники, особенно генерал-прокурор и высшие чины полиции, несмотря на официальный запрет Генерального регламента, «вершили дела» дома, в том числе и розыскные. Известно, что в 1777 году солдата Ивана Андреева — «Голштинского герцога» — допрашивали в доме генерал-прокурора. Там же вели расследование и о «непристойных словах» бригадира Федора Аша, Федора Кречетова.

Подтверждаются и сведения анекдотов о ханжеских нравоучениях Шешковского, которые снискали ему среди жителей Петербурга кличку «духовник». Книгопродавец Г. К. Зотов, привлеченный к следствию по делу Радищева, на допросе 6 июля 1790 года показал, что после первого допроса в Тайной экспедиции, «приходили к нему многие незнакомые люди и спрашивали его: «Был ли ты у духовника?» Он, Зотов, спрашивал:

«У какого?» Они ответствовали: «У Шешковского». Я-де им говорил, что никогда не бывал и его не знаю, а они ему на сие говорили: «Врешь ты, дурак. Мы знаем, что был».

Одна из легенд рассказывает о том, что императрица Екатерина II, размушенная невоздержанностью» генеральши М. Д. Кожинной, предписала Шешковскому высечь проказницу: «Она всякое воскресенье бывает в дубахном маскараде, поезжайте сами, взяв ее оттуда в Тайную экспедицию, слегка телесно накажите и обратно туда доставьте со всякою благопристойностью». Узнать наверняка, было ли такое происшествие на одном из петербургских балов, мы не можем. Но знаем, что Шешковский имел дела с дамами света — выше упомянуто дело Натальи Пассек, для встречи с которой был послан в Москву Шешковский. Главнокомандующий Москвы П. Н. Волковский писал императрице 13 октября 1774 года: «Обыкновенно здесь, всемилостивейшая государыня, всякое дело (слухи. — Е. А.) больше умножают, как оно в самом деле есть, а по большей части барыни. Я уже многим принужден был мораль толковать; кажется поосторожнее стали в болтаньях своих».

Известно также, что весьма гуманная и терпимая к проделкам своих подданных Екатерина II, следовавшая девизу: «Будем жить и дадим жить другим!», иногда вдруг взрывалась и вела себя как суровый хранитель нравственности в стране, как истинный глава церкви, уподобляясь своим мелочным предшественницам: «помещице Ивановне» — императрице Анне Ивановне или «тетушке» Елизавете Петровне. В этом проявлялись и традиции полицейского государства, которому есть дело до всего, чем заняты его подданные, и традиции патерналистической самодержавной власти, носитель которой выступал в роли Отца (или Матери) Отечества, заботливого, но строгого воспитателя подчас неразумных детей — подданных, и просто ханжество, каприз, плохое настроение государыни.

Сохранились письма императрицы разным людям, которым Екатерина, по ее же словам, «мыла голову» и предупреждала с нешуточным гневом самодержицы Всероссийской, что за продолжение подобных действий или разговоров она может употребить свою власть самодержицы и заслать ослушника и «враля», куда Макар телят не гонял. Известно, как сурово обошлась императрица с графом Апраксиным, который увез из дворца фрейлину Елизавету Разумовскую и тайно с ней обвенчался, за что был сослан «под начало» в монастырь. Воспитывала она и других своих подданных: поэта А. П. Сумарокова, тайного действительного советника Андрея Бестужева-Рюмина и других.

При Екатерине II следили за нравственностью жителей столиц, как из высшего света, так и из низов. В Тайной экспедиции и полиции об этом собирали сведения. Из дела Винского следует, что при выяснении одной банковской аферы в 1779 году по всему Петербургу стали забирать в Петропавловскую крепость (в качестве подозреваемых) молодых людей, соривших деньгами и ведших «рассеянную жизнь». Сведения о таких поведении, по-видимому, были уже известны перед их арестами Шешковскому. Не случайно, что первое, о чем подумал один из участников дела Григорий Винский, попав в крепостной каземат и почувствовав, что его начинают раздевать, был страх: сейчас будут сечь.

Опасения Винского были небезосновательны: наибольшую известность в обществе Шешковскому принесли его сеансы «домашнего наказания». Легенда гласит: «В кабинете Шешковского находилось кресло особого

устройства. Приглашенного он просил сесть в это кресло и как скоро тот усаживался, одна сторона, где ручка, по прикосновению хозяина, вдруг раздвигалась, соединялась с другой стороной кресел и замыкала гостя так, что он не мог ни освободиться, ни предполагать того, что ему готовилось. Тогда, по знаку Шешковского, люк с креслом опускался под пол. Только голова и плечи виновного оставались наверху, а все прочее тело висело под полом. Там отнимали кресло, обнажали наказываемые части и секли. Исполнители не видели, кого наказывали. Потом гость приводим был в прежний порядок и с креслом поднимался из-под пола. Все оканчивалось без шума и огласки. Но, несмотря на эту тайну, молва разнесла имя Шешковского и еще увеличивала действия его ложными прибавлениями. Во все царствование Екатерины II он был для всех страшным человеком: одно напоминание о нем многих приводило в ужас».

Сама техническая идея опускающегося под пол кресла была известна задолго до Шешковского — подъемные столы использовались для поздних ужинов без прислуги при Елизавете Петровне. Так что у Шешковского могло быть такое кресло. Вспомним, что изобретатель Кулибин придумывал механизмы и послужное. А вот записок тех, кого «воспитывал» так Шешковский, не сохранилось. Правда, есть одно воспоминание выпускника Пажеского корпуса А. Н. Соковнина, в котором можно усмотреть намек на то, что мемуарист прошел такую процедуру. В одной беседе он сказал: «Страшный человек был этот Шешковский, бывало подойдет так вежливо, так ласково попросит приехать к себе объясниться... да уж и объяснится!»

Способности Шешковского исправлять таким своеобразным образом нравы подданных видны и из истории, записанной А. Ф. Багговутом о подавшем челобитную Екатерине II крестьянине, которого якобы преследовала убитая им же помещица. Крестьянин, отсидев срок в сумасшедшем доме, надоедал властям просьбами наказать его так, чтобы помещица оставила его преследовать. Порка, заданная ему, по его же слезной просьбе, местным начальством, не помогла — призрак убиенной не давал ему покоя. Екатерина II вызвала Шешковского и дала ему прочитать челобитную крестьянина. Степан Иванович якобы сказал: «Позвольте мне, Ваше величество, взять крестьянина с собою, он навсегда забудет свою барыню». На это якобы гуманная государыня одобрения не дала. Зато она дала одобрение на допрос Шешковским человека интеллигентнейшего, драматурга Якова Княжнина. Как пишет Д. Бантыш-Каменский, Княжнин «был допрашиван Шешковским в исходе 1790 года, впал в жестокую болезнь и скончался 14 января 1791 года». Сам Шешковский умер в 1794 году и достойной ему замены не нашлось, но учреждение его работало исправно и даже справлялось с резким притоком «клиентов» в конце XVIII века. Этому способствовал ее новый начальник А. К. Макаров, который с трудом привел в порядок расстроенные дела одряхлевшего Шешковского и особенно развернулся при императоре Павле I.

### Местные органы власти и политический розыск

Роль местных органов власти в ведении политических дел была весьма значительна, так как центральное розыскное ведомство не имело (до создания корпуса жандармов при Николае I) своих филиалов в губерниях, и

местная администрация стояла у начала многих сыскных дел. Она принимала доносы, арестовывала преступников, вела первые допросы. В XVII веке воеводы в уездах имели весьма обширные права в расследовании дел по «Слову и делу». Извetchика, а также указанных им людей воевода «вкидывал» в тюрьму, проводил допросы, а потом посылал в Москву (в приказ или государю) отписку о сути дела.

Через некоторое время московские власти — «бояре» или судья приказа, отвечали воеводе, требуя либо выслать колодника в Москву (причем следовало вести его «бережно, чтоб он с дороги не ушел и дурна какого над собою не учинил», либо (это случалось чаще) провести расследование с допросами и пытками на месте, а о результатах сообщить в Москву, куда надлежало послать вместе с итоговым документом — отпиской, и «роспросные и пыточные речи». На основании этих бумаг бояре или сам царь заочно выносили приговор: «Велено... за его воровство, разнестав, бить батоги нещадно, чтоб... и впредь таких непригожих слов неповадно было говорить». Такая практика решения политических дел сохранялась до начала XVIII века. Из наказов воеводам самого конца XVII века видно, что из Москвы им предписывали вести дела даже по самым тяжким преступлениям: «Про шатость и измену роспрашивать и сыскивать всякими сыски накрепко, да будет кто по роспросу и сыску в изменном деле дойдут до пытки и их велеть и пытать, да что они в роспросе и с пыток учнут говорить, и о том всем писать к Великому государю подлинно с нарочитыми гонцы». В отдельных случаях воеводам разрешалось самостоятельно выносить и приговоры: «А буде писать за причиною скорого того изменного дела не успеть, и о том указ чинить по Уложению и по статьям».

Однако с 25 сентября 1702 года все эти положения наказов утратили силу. В тот день появился именной указ, по которому все дела о государственных преступлениях передавались в исключительное ведение Преображенского приказа, а извetchиков, «не роспрашивая», надлежало отсылать в Москву к князю Ф. Ю. Ромодановскому. Сосредоточение политических дел в руках такого доверенного человека, каким был судья Преображенского приказа, как уже сказано выше, было крайне важно для Петра I в то время, когда велась, причем — не особенно удачно, Северная война и положение в стране складывалось весьма тревожное. На протяжении полутора десятков лет Ромодановский держал дела розыска в своих руках и очень ревниво относился к попыткам и центральных, и местных властей расследовать, как в старину, то или иное политическое дело. В своих указах Ромодановский строго предупреждал воевод и губернаторов о том, чтобы они не смели лезть туда, куда им «не надлежало», посылал им выговоры за превышение полномочий.

Исключительные права Преображенского приказа в расследовании политических дел позже оспорили «мазорские» канцелярии. Но и они, как Преображенский приказ, твердо отстаивали у местных и даже центральных учреждений свое исключительное право заниматься розыском. В 1722 году Тайная канцелярия сделала взыскание Синоду за то, что он вступил в подробный расспрос государственного преступника и, вопреки законам, не передал его в распоряжение Толстого. В 1723 году Тайная канцелярия осудила как «предерзость» действия Главного магистрата, который вел допрос по политическому извету и при этом члены магистрата на допросе «самую важность открыли, чего весьма им чинить не подлежало».

Какая же роль в этой ситуации отводилась местным учреждениям? Уже в 1702 году, в дополнение к указу 25 сентября, появился еще один именной указ, который предписывал местным начальникам допрашивать каждого, кто кричал «Слово и дело» только о том, что за извет он хочет сделать, о чем он намерен донести. Если в ходе такого неглубокого допроса выяснялось, что речь идет о преступлениях, которые позже стали называться преступлениями «по двум первым пунктам», то таких изветчиков надлежало, «не распрашивая, оковав им руки и ноги, присылать к Москве, в Преображенский приказ немедленно». Так происходило и впоследствии. О допросе в 1722 году подьячего Ивана Завесина, сказавшего в пьяном виде «непристойное слово» (назвал себя «холопом государя своего Алексея Петровича»), воронежский воевода Измаилов писал: «Я допрашивал Завесина не в обстоятельстве показанного на него дела, а токмо для того, что не имеются ли в помянутом же деле других ему единомышленников, которых немедленно надо бы было арестовать». Воевода поступил правильно, строго следуя указу 27 июня 1722 года, в котором, в подтверждение прежних постановлений, говорится: *«Где в городах, селах и деревнях злодеи с злыми словами явятся, и их, в самой скорости, провозжать в город к правителям, а тем правителям заковывать их в ручья и ножныя железа, не спрашивая, затем вместе с изветчиками, присылать либо в Тайную канцелярию, либо в Преображенский приказ».*

К этому времени сложилось устойчивое производство таких дел в местных учреждениях. В июне 1729 года Переславль-Залесская провинциальная канцелярия рапортовала в Преображенский приказ: «1729-го июня в 5 день в Переславской провинции Залеского, в канцелярию воеводского правления той же канцелярии капрал Федор Крылов доносил словесно: колодник, тюремной сиделец Афанасий Киличевской на тюремном дворе кричал за собою «Слово и дело Его и. в.» и чтоб ево взять в канцелярию пред судящих, по которому его капральскому извету оной колодник взят в канцелярию того ж числа и секретно пред судящими распрашиван. А в роспросе сказал...», далее следует изложение сути дела. Материалы допроса в виде доношения провинциальной канцелярии были высланы в Преображенский приказ.

Примерно так же велись политические дела и в центральных учреждениях и в их отделениях. 22 февраля 1738 года в Счетной комиссии Канцелярии от строений караульный сержант Алексей Кошаев подал рапорт о том, что содержащийся в Комиссии под арестом копиист Петр Струнин кричал «Слово и дело». Далее, согласно доношению уже Счетной комиссии в Тайную канцелярию: «Сего ж числа в Комиссию [Струнин] пред присутствующими (членами. — Е. А.) спрашиван, по которому пункту знает и в какой силе состоит первой и второй, о чем он объявил, что «Ея и. в. слова и дела» по первому и второму пунктам, как за собою, так и ни за кем, он не ведает, а говорил те слова в пьянстве, когда ево караульной сержант бил палкою, в чем и подписался (в смысле — расписался в своем показании. — Е. А.)».

Так возникли три первых документа начала сыского дела — рапорт сержанта (в данном случае он выступает как изветчик на изветчика, то есть заявляет о знании им «Слова и дела» не за собой, а за другим человеком), запись первого, предварительного показания изветчика, а также протокол заседания учреждения об этом допросе. Затем уже, на основе протокола Комиссии составляли доношение в Тайную канцелярию, куда под караулом отправлялся и арестант

Итак, полномочия местных (как и центральных) властей можно условно назвать «полномочиями фильтрации». От руководителей учреждений требовалось, не добываясь от изветчика полной информации о самом государственном преступлении («не выпрашивая о важности подлинно»), установить — действительно ли изветчик имеет серьезные основания для извета или извет его «бездельный», вызванный иными, далекими от защиты чести государя и государственной безопасности, соображениями. После этого местные начальники могли произвести необходимые по делу аресты. В 1729 году колодник Матвей Собинский, сидевший в Архангелогородской канцелярии, «вспросясь в канцелярию, просил, чтоб ево, по касающемуся до него делу, выслать в Москву, а при том говорил, долго ль ему быть под караулом, а буде ево не вышлют, то есть за ним «Его и. в. слово и дело». Собинского тотчас допросили и в доношении губернской канцелярии в Преображенский приказ об этом говорилось: «И того же числа в роспросе сказал «Его и. в. слово и дело» подлинно за ним есть по второму и по третьему пунктам, а в какой силе те пункты состоят, того он не знает, а «Слово и дело» приличествует к противности Его и. в. имянным указам, о чем донесет на словах, где указом повелено будет».

Подозревая, что извет утомленного своим долгим сидением под стражей Собинского «бездельный», Преображенский приказ в своем ответе в Архангелогородскую канцелярию велел: «Означенного Собинского роспросить с подлинною очискою, секретно: какое за ним «Его и. в. слово и дело» по второму и по третьему пунктам именно есть, понеже он. Собинской, в Архангелогородской губернской канцелярии в роспросе сказал, что в какой силе те пункты состоят, того де, он не знает, а показал [что] приличествует оное слово к противности Е. и. в. имянным указом и то «слово и дело» к какой подлинно противности имянным указам приличествует и к каким имянным указом подлинно, и за кем он такую противность знает, и давно ль о том уведомился, чтоб о том о всем показал имянно».

Завершался указ требованием: «Буде он, Собинской, о том о всем докажет и с чего буде покажется к важности, которое надлежит к следствию Преображенскому приказу, и его, Собинского, не выпрашивая о важности подлинно, прислать за крепким караулом в Преображенский приказ, а буде того ничего за ним не явитца, а покажет о других делах, и о том в Преображенской приказ писать немедленно».

И, тем не менее, к концу петровского царствования местные органы власти (особенно по ходу реформы местного управления) стали получать несколько больше, чем раньше, возможности в расследовании некоторых, особенно «маловажных», политических преступлений. Руководитель центрального сыского ведомства, в зависимости от сути дела, направлял указ, требуя либо вывезти взятых по этому делу в столицу, либо уточнить обстоятельства извета, либо силами местным начальников довести расследование до конца и наказать виновных, либо, наконец, закрыть дело. 16 февраля 1724 года Архангелогородская губернская канцелярия получила указ из Первой тайной канцелярии о происшедшем застольном скандале с участием сосланного по делу царевича Алексея Петровича царевича Василия Алексеевича [потомка хана Кучума], который в застолье посорился из-за своего титула с подполковником Стражиным.

В указе Тайной канцелярии говорилось, что государь «указал, по именованному своего величества указу, по присланной Архангелогородской губернии от вице-губернатора Петра Лодыжинского о словах Сибирского



царевича Василья Алексеевича отписке не следовать, понеже те слова были в такой компании, в которой изветчики и ответчик были все шумны, где было и подполковнику Стражину, при таком шумном случае, неприлично многолетия упоминать не надлежало, чего и предъ таких продерзостных слов при компаниях изветчикам и ответчику весьма опасатца».

Существенную роль в регулировании отношений розыска и местных учреждений сыграл указ императрицы Анны Ивановны от 2 февраля 1730 года. Согласно ему на донос изветчику отводилось всего от одного до трех дней. Доносчиков, явившихся в течение этого срока в местные учреждения, надлежало «распрашивать секретно» самим губернаторам и воеводам. И если изветчики скажут, «*что знают и доказать могут по 1-му пункту, то их самих, и на кого они доносят и единомышленников их брать, и под крепким караулом, присылать немедленно к Москве, в Наш Правительствующий Сенат*». Ничего нового в законодательство внесено не было — власть вернулась к практике, утвержденной указом 1702 года.

Зато в расследовании преступлений по 2-му пункту (*о бунте и измене*) новизна указа 1730 года очевидна: отныне губернаторы и провинциальные воеводы приобрели право «*не допуская вдаль, разыскивать немедленно*» такие дела, а также проводить аресты и даже пытки, регулярно извещая о ходе дела Сенат. В целом, закон 1730 года не остался на бумаге. Местные власти получили некоторый доступ к «важным», секретным делам.

В 1735 году сидевший под караулом в Вологодском Каменном монастыре схизмонах [монах, наложивший на себя дополнительные тяжелые ограничения] Гедеон (известный опальный церковный деятель Георгий Дашков) сказал караульному, что «имеет за собою Государево дело и хочет о том объявить приехавшему на Вологду губернатору или воеводе, или кто от них прислан будет поверенный, а в Синоде и Вологодскому епископу о том доносить он не может для того, что за Синодом и Вологодским преосвященным имеет немалое подозрение». Получивший рапорты караула вологодский епископ Афанасий послал отчет о происшедшем в Синод, из которого вскоре получил выговор за нарушение законов о розыске. Оказывается, что он, получив сообщение о извете Дашкова, был обязан «в самой краткой скорости» (т. е. немедленно. — *Е. А.*), в присутствии «знатных персон» секретно «допросить письменно, со обстоятельством, со всякою подлинною очискою» (то есть с составлением подробного, достоверного протокола. — *Е. А.*) изветчика «какое он, Гедеон, за Святейшим Синодом и Вологодским епископом имел немалое подозрение и о прочем, к тому надлежащем».

Для записи того допроса Афанасию требовалось иметь при себе «секретаря доброго, который бы оной допрос произвесть мог порядочно и по произведении, и по написании того допросу, велеть тому Гедеону к нему приложить руку, и при том же подписаться своеручно» как самому, так и трем назначенным к слушанию архимандритам, а также секретарю. В указе Синода говорилось, что Афанасий мог не считаться с отводом Гедеона как надуманным и, независимо от поведения заключенного, составить «обыкновенную, обстоятельную, с ясным показанием записку», которую, за подписями всех следователей, надлежало послать в Петербург.

Конечно, не будем преувеличивать самостоятельность местных властей в расследовании политических дел. Как и в петровское время, вести допросы о «непристойных словах» им надлежало очень «окуратно». Когда в 1735 году начальник Сибирских заводов В. Н. Татищев стал рьяно рас-

следовать дело ссыльного Егора Столетова о сказанных им и другими людьми «непристойных словах», то из Тайной канцелярии его одернули и потребовали отчета, почему он без указа в розыски важных дел вступил, в которые б вступать... не надлежало?» Татищев тотчас сообщил, что на допросах Столетова он запрещал преступнику говорить «именно непристойные слова» об императрице, а лишь записывал сам преступный факт произнесения таких слов: «О Вашем императорском величестве поносно говорил, котораго я в распросе точно писать не мог и ему говорить запретил». Труднее всего Татищеву далось сочинение экстракта о деле: предстояло писать так, чтобы чего «не проронить», но и «излишняго не писать и ясно истину донести».

Из дел Столетова, (а потом и возбужденного Татищевым дела Давыдова) видно, что инициатива Татищева явно не поощрялась Ушаковым. И вообще большинство дел, начатых в провинции людьми несравненно менее влиятельными, чем Татищев, расследовались, как повелось при Петре I: арест изветчика, первоначальный, поверхностный его допрос, арест названных им людей и рапорт-отчет в Тайную канцелярию.

Типичным для 1730—1750-х годов является дело беглого солдата Афанасия Смородова. В апреле 1732 года Тайная канцелярия получила доношение из Псковской провинциальной канцелярии о том, что содержащийся в той канцелярии колодник Алексей Смородов «сказал за собою Государево слово и дело и в распросе он. Смородов. показал, что знает он по первому пункту за тюремным целовальником Афанасием Курносовым, о котором-де и доказать подлинно может, в чем показал свидетелей тюремных караульчиков: Илью Копылова, да Силу (отчества и прозвища не показал), да подьяческую жену Мяхкову (имяни ж и отчества оной Смородов не показал же) и, по приводе в застенок он, Смородов, в распросе и с пытки утверждался, что означенное за помянутым целовальником Курносовым знает».

Получив этот рапорт из Пскова, Тайная канцелярия распорядилась: «Вышепоказанных изветчика Смородова и целовальника Курносова и свидетелей взять в Походную Тайную канцелярию и о присылке их в немедленном времени в Псковскую провинциальную канцелярию послать указ, а как присланы будут, и оных Смородова и Курносова распросить обстоятельно, а против оного Смородова показания и означенных свидетелей распросить же по заповеди Святаго Евангелия и под страхом смертной казни, и, буде между ними в чем учинитца с кем спор, и в том дать им очные ставки».

Мысль о предоставлении больших прав местным властям в расследовании некоторых политических дел не нашла отражения и в проекте разделов нового Уложения 1750-х годов о государственных преступлениях. Авторами этих разделов, как уже отмечалось выше, являлись сами инквизиторы, которые считали, что нужно сохранить прежний «фильтрационный режим» расследований на местах и если губернаторам и воеводам, что «покажетца из дел что-либо сумнительное» то им «лучше, не чиня решения, для резолюции и решения... в Тайную канцелярию обстоятельно писать». При нарушениях этих предписаний местных администраторов предупреждали, что с ними поступят, как с преступниками.

Поэтому «несмелые», на первый взгляд, действия псковского и иных местных воевод можно понять. Местных начальников, которые начинали расследование важных государственных преступлений, угнетала страшная ответственность. Они боялись допустить какую-нибудь роковую для

их карьеры ошибку — узнать больше, чем им, скромным чиновникам, положено знать о «важности» дела. Одновременно, они опасались и доноса на них самих как на тайных покровителей колоднику. Воевода, комендант или командир полка никогда не упускали из виду, что за неповоротливое исполнение следственных обязанностей, за необъяснимую затяжку дела их могли также наказать.

Этих и других опасностей возникало немало, поэтому воеводе казалось проще и безопаснее для себя арестовать извечника, «окуратно», под битьем батогами, его допросить, есть ли у него что сказать в Тайной канцелярии (не узнавая при этом содержания доноса), затем сообщить об этом в столицу, и смиренно ждать указаний из Тайной канцелярии. Как производились эти допросы, видно из дела копииста Григория Порошина, начатое в Глухове в 1755 году. После объявления Порошиным «Слова и дела», глуховский комендант Делатур его секретно допросил. Порошин «сказал, что он, Порошин, Государево слово и дело за означенными грендерами и солдатом заплотинно знает по первому пункту, в чем он под пристрастным троекратным роспросом, под битьем батоги утвердился».

Даже в екатерининские времена, когда уже не было «Слова и дела», а права губернаторов в расследовании государственных и иных преступлений значительно расширились, местные власти инициативы в расследовании не проявляли, требуя подробных пояснений и инструкций от центральной власти и ее представителей. Так было во время восстания Пугачева, так было и раньше.

В 1767 году в Архангелогородской губернской канцелярии началось, под общим контролем Петербурга, следственное дело по доносу монаха Никольского Карельского монастыря Филарета Батогова на Арсения Мациевича, который сидел под арестом в этом монастыре и позволил себе, в присутствии монахов и охраны, неуважительно высказываться об императрице. Все допросы участников дела губернская канцелярия свела в два экстракта — «под литерой „А“ и „Б“», причем в экстракт «Б» внесли показания, в которых содержалась «большая наиважность в рассуждении прописанных в них важнейших противных слов».

Этот экстракт, как его черновик, так и беловик, писал, не доверяя канцеляристам, сам губернский прокурор Нарышкин. Перебелять экстракт ему помогали другие высокопоставленные «подьячие» — товарищи по губернскому присутствию. Собственно из губернской канцелярии к делу допустили только губернского секретаря, который ведал как раз секретными делами.

По-видимому, дело Мациевича для архангелогородских губернских руководителей оказалось непривычным, они явно «сробели» и в доношении на имя императрицы писали, что «далее по сему делу, как оно в великой важности состоит, к следствию губернская канцелярия не имеет смелости приступить без высочайшего Ея и. в. повеления» и что «губернаторские товарищи и прокурор, по рабской своей должности и присяге, во изыскании по сему секретнейшему делу истины и в скором и порядочном онаго производстве и окончания, столько от всего своего рабского усердия, денно и ночью старались, сколько их сил и разуму доставало... Если же в письме тех допросов и экстрактов или во всем производстве, при высочайшем Ея и. в. рассмотрении, усмотреть соизволите каковыя ошибки и неисправности, в том Архангелогородская губернская канцелярия просит милосердного прощения».

## Православная церковь и политический розыск

История взаимоотношений церковных и сыскных органов — тема отдельной книги. Во многом эти взаимоотношения отражали то положение, в котором находилась церковь в самодержавной России со времен Московской Руси. А эти взаимоотношения сводились к полному подчинению церкви светскому государству. Сам процесс такого подчинения — характернейшая черта в развитии многих народов и стран. Но в России он приобрел особо уродливые черты, превратившие церковь в государственную контору, полностью подчиненную и зависимую от воли самодержца. Священник рассматривался властью как должностное лицо, который служит государству и наряду с другими чиновниками обязан принимать изветы. В указе 1737 года о доносах на возможных поджигателей сельский священник назван в одном ряду с дворцовыми и иными приказчиками, которым деревенский извечник должен был в первую очередь сообщить о своих подозрениях.

Священники были непременно участниками сыскного процесса. Они как помощники следователей увещевали упорствующих подследственных, принимали от умирающих от пыток колодников исповеди и потом тщательно отчитывались о последних словах доверившегося ему духовного сына. Обычно роль следователей в ярысе исполняли проверенные и надежные попы из Петропавловского собора. Даже в 1773 году для «увещевания и исповеди» в Казанскую секретную комиссию о восстании Пугачева был откомандирован протопоп Петропавловского собора Андрей Федоров.

О том, что священнослужители становились подследственными (извечниками, ответчиками, свидетелями) и пытаемыми в сыске, известно не позже середины XVII века, и было, возможно, еще раньше. В 1646 году монах Кирилова монастыря Никодим донес на своих товарищей в оказывании «непристойных слов» о царе и власти. Извечники и ответчики были доставлены в Приказ тайных дел, где их допрашивали, но пыткам не подвергали и в приговоре о них было сказано, что преступники, хотя и достойны смертной казни, но «для иноческого образа» помилованы и сосланы на смирение в монастырь. Уже из этого приговора видно, как светская власть свободно судила церковнослужителей, грубо вторгаясь в сферу компетенции церкви. Позже это стало нормой.

Когда в 1703 году были арестованы дьякон Иисей Шоша и монах Симонова монастыря Петр Конархист за сочинение «непристойной тетради», то Ф. Ю. Ромодановский отослал преступников в Духовный приказ с указанием расстричь их и наказать. Стефан Яворский признал вину Конархиста не столь большой и отпустил его в Симонов монастырь, а более виноватого Шошу сослал на покаяние на Соловки на время. Узнав об этом мягком, на его взгляд приговоре, Ромодановский распорядился пересмотреть решение местоблюстителя патриаршего престола и сослать Шошу не просто на покаяние, а в «монастырские жестокие труды» на Соловки, а для Конархиста избрал не менее суровое место заточения — Кириллов монастырь.

Монашество, яresa, клобук, епископский посох, преклонные года и ореол святости не спасли даже высших церковников от дыбы и тюрьмы. В 1763 году императрица Екатерина II, возмущенная просьбами о прощении Арсения Мациевича, вставшего на защиту церковной собственности, не без раздражения писала А. П. Бестужеву-Рюмину, который просил

государыню снизить к сединам и сану Арсения: «Не знаю, какую я б причину подала сомневаться о моем милосердии и человеколюбии. Прежде сего и без всякой церемонии и формы не по столь еще важным делам преосвященным головы секали, и не знаю, как бы я могла содержать и укреплять тишину и благоденствие народа (умолча о защищении и сохранении мне от Бога данной власти), есть ли б возмутители не были б наказаны. Екатерина».

В этом выражена главная идея самодержавия в отношении церкви и ее деятелей, с которыми расправлялись как с прочими государевыми рабами. В сыские органы попадались священники и архимандриты, которые не поминали в церкви имя государей или ошибались при возглашениях, забывали помянуть Синод, не служили в установленные государством «календарные дни», не проводили присяги, не признавали отмены древнего сана «митрополит», выражали сомнения в отмене патриаршества, вели разговоры об избрании нового патриарха, осуждали церковную политику и т. д. Сыск не считался с высоким саном церковнослужителя даже если на него был заведомо ложный, «бездельный» донос. В 1725 году офицер гвардии при таких же обстоятельствах посадил в тюрьму архимандрита Иону Салникоева. Синод вступился за него и писал Екатерине I, что «знатней духовные персоны арестуются иногда по подозрениям и доносам людей, незаслуживающих доверия, от чего не только бывает им немалая тягость, но здравую и чести повреждение» Такие просьбы были и позже.

Расследования дел о государственных преступлениях церковников вели светские следователи. Одновременно посланные на места для расследования злоупотреблений в церковных делах следователи заседали совместно со светскими ревизорами. Единственной уступкой служителям культа было соблюдение правила, согласно которому попытать священнослужителя было запрещено. Но для сыска это было затруднение легко преодолимое. Тайная канцелярия просила Синод прислать священника для расстрижения (или «обнажения от монашества»), что делалось очень быстро и с этого момента священник или монах, у которого срезали волосы и обрили лицо, становился «распопом», «расдьяконом», «расстригой», причем монах терял свое священное имя, ему возвращалось прежнее — мирское. С этого момента отправить человека в застенок было уже нетрудно: «О нем объявить в Синоде... и когда с него то [сан] сымут, указал Е. в. накрепко пытать». Так распорядился Петр I об архимандрите Гедеоне. Так после расстрижения пытали уже не священнослужителя, а обыкновенного подданного-бельца: «И вышеозначенной монах Иоаким по Его и. в. указу в Святейшем Правительствующем Синоде монашеского сана обнажен, а при обнажении сказал, что в бельцах было имя ему Иаков Ведеников сын».

Приговоры сыских и иных органов государства о лишении сана и наказании церковников подлежали обязательному исполнению Синодом. 6 февраля 1722 года Тайная канцелярия приговорила: «Вышеозначенного ростригу Якова Веденикова за вышепоказанные ево непристойные слова... сослать в заточение в дальний монастырь, в которой Святейший Синод определит и для той посылки отослать ево, Веденикова, в Синод при доношении». 13 декабря 1738 года по делу тверского архиепископа Феофилакта было вынесено решение кабинета министров, который слушал экстракт Тайной канцелярии и приговорил церковного деятеля к лишению «архиерейства и всего священного и монашеского чина и за надле-

ющим караулом послать его в Выборг и содержать там в замке, называемом Герман, до смерти его некуда неисходно, под крепким караулом».

Можно было считать милостью, если государь позволял наказать преступника, не расстригая его, и отдавал его в руки церковного суда. Так, в 1765 году Екатерина II рассмотрела решение Синода о лишении архимандрита Геннадия его чина, иеромонашества и о предании его гражданскому суду. Императрица постановила: «Быть по сему, а от гражданского суда его освобождаем, повелевая его сослать в монастырь Соловецкий и содержать под караулом, не выпуская никуда, кроме церкви». Также милостиво была решена судьба главного недоброжелателя государыни Арсения Мациевича: «По старости его лет, монашеский только чин оставить, от гражданского суда и истязания мы, по человеколюбию, его освобождаем, повелеваем нашему Синоду послать его в отдаленный монастырь под смотрение разумного начальника с таким определением, чтоб там невозможно было ему развращать ни письменно, ни словесно слабых и простых людей».

Церковников включали в суды над важными государственными преступниками, которых приговаривали к лютым наказаниям. И только в этом пункте церковь была непреклонна: ни в деле царевича Алексея Петровича (1718), ни в деле Мировича (1764), ни при осуждении Пугачева и его товарищей (1774—1775) включенные в суды иерархи церкви не подписали смертных приговоров, ссылаясь на запрет церковных соборов выносить приговоры в светских судах.

Светская власть не считалась со статусом монастырей и относилась к ним как к тюрьмам, ссылая туда в заключение и в работы светских преступников, часто больных и искалеченных на пытках. Подобное пренебрежение к иночеству вызывало протест терпеливых ко многим унижениям своего статуса членов Синода, которые жаловались, что от этого «монашескому чину напрасная тщета происходит». За покорность церковников светская власть возвращала сторицей — без ее гигантской силы и могущества официальная церковь никогда бы не справилась со старообрядчеством. А именно старообрядцы признавались церковью как заклятые враги, недостойные пощады.

Горделивое утверждение некоторых историков о том, что в России XVII—XVIII веков не было ужасов инквизиции Западной Европы, требует значительных корректив. Действительно, церковных судов, подобных инквизиции католической церкви, у нас не было, но их роль исправно исполняли органы политического розыска, как и все государство, взявшее на себя функции защиты православной веры в ее единственной официальной версии. В этом очерке нет возможности подробно рассматривать весь многосложный инквизиторский процесс, который велся над старообрядцами, но он был полностью скопирован со светского политического процесса, был так же пристрастен. Светские, а еще больше духовные инквизиторы были весьма жестоки с религиозными противниками церкви. Это объяснялось необыкновенным упорством старообрядцев, их нежеланием подчиниться официальной церкви. Нераскаявшихся раскольников сжигали, подвергали всем позорным казням и ссылали на каторгу.

В России не было такого количества костров для еретиков, как в Западной Европе, но их заменяли «тари»<sup>1</sup>, к которым своими грубыми, бесчеловечными методами официальная церковь и власти понуждали старообрядцев. Законодательство о старообрядцах имело неуклонную тенденцию к

ужесточению, что видно по принятым законам конца XVII — первой половины XVIII веков, так и по проекту Соборного уложения 1700-1703 годов. Сохранились многочисленные свидетельства массовых облав старообрядцев, как диких зверей, воинскими командами. Конец XVII — первая половина XVIII века прошли под знаком — без преувеличения — тотального преследования старообрядцев. Своей бескомпромиссностью, жестокостью в многолетней борьбе с «расколом» официальная церковь способствовала, в сущности, подлинному расколу русского общества, превращению его части в париев и, одновременно, к отторжению от официальной церкви верующих народных масс, втайне всегда симпатизировавших старообрядческому мученикам. Одновременно наступление на раскольников как врагов веры и государства способствовало усилению фанатизма старообрядчества, вело старообрядцев к идейному застою, окрашенному эсхатологическими цветами ожидания конца света.

Действительно, старообрядцы были поставлены за грань человеческого и гражданского сообщества. Признавался только тот раскольник, который отрекался от своей веры и приносил унижительное покаяние. Остальные подвергались разнообразным репрессиям, их принуждали нести двойные повинности и налоги, им запрещали заниматься торговлей и другими видами деятельности. Старообрядцам не разрешали занимать мирские должности, свидетельствовать в суде, приводить к присяге, им не давали издавать, переписывать, хранить книги, читать и писать. Мужчинам предписывали носить на спине платья специальные красные четырехугольники — «kozyри», а женщинам — позорные шапки с рогами.

Особо зловещую роль в преследовании старообрядцев сыграли три церковных иерарха: архиепископ Нижегородский Питирим, а также Феофан Прокопович и Феодосий Яновский — руководители образованного в 1721 году Священного Синода. Они особенно тесно сотрудничали с политическим розыском. Питирим был настоящим фанатиком борьбы с расколом. Он пытался одолеть старообрядческих старцев в религиозной дискуссии, которая сочеталась с шантажом и угрозами, умело вносил смуту в их среду, вылавливал наиболее авторитетных старцев, отправлял их в Петербург на допросы в Тайной канцелярии и Синоде.

Почти с первого дня своей работы Синод стал фактически филиалом Тайной канцелярии. Феодосий был близким приятелем П. А. Толстого и А. И. Ушакова. И они очень часто прибегали к помощи Феодосия. Для содержания узников Синод имел свою тюрьму с колодничьими палатами, где людей содержали так же сурово, как в Петропавловской крепости: в оковах, в голоде, темноте и холоде.

Была тюрьма и в Александро-Невском монастыре. Сюда, в эту подлинную вотчину Феодосия, привозили церковников, заявивших «Слово и дело» или обвиненных в «непристойных словах». Здесь их Феодосий и его подчиненные допрашивали, а потом передавали в Тайную канцелярию. Одновременно из Тайной канцелярии к Феодосию присылали пытаных в застенке и раскаявшихся раскольников. Феодосий должен был установить, насколько искренним было раскаяние не выдержавших мучений людей и затем посоветовать приятелям, как с ними поступить.

В деле 1720 года священника Якова Семенова сохранилось мнение Феодосия, которое он объявил «в бытность в Канцелярии тайных розыскных дел» 2 декабря 1720 года: «Он, поп, в бытность в Москве, будучи в

тюрьме, действовал по старопечатным книгам в избе..., и за такое его отречение, ежели не касается до него какое государственное дело, надлежит его, с наказанием сослать в Соловецкий монастырь в земляную тюрьму для покаяния и быть ему до кончины жизни неисходно». Тайная канцелярия так бы и поступила, если бы колодник вскоре не умер в заточении.

После ссылки и заточения самого Феодосия в 1725 году, к чему приложил свою руку Феофан Прокопович, последний занял место не только главы Синода, но и главного сподвижника А. И. Ушакова в делах веры. До самой своей смерти в 1736 году Феофан тесно работал с начальником политического розыска. Он давал отзывы на старообрядческие письма и сочинения, участвовал в допросах, писал доносы, советовал Ушакову по разным вопросам, увещевал «замерзлых раскольников». В 1734 году Феофан долго увещевал старца Пафнутия, читая ему священные книги и пытаясь вступить с ним в беседу, но Пафнутий «наложил на свои уста печать молчания, не отвечал ни слова и только по временам изображал на себе крест сложением большого с двумя меньшими перстами. При этом важно, что увещевание проходило в присутствии секретаря Тайной канцелярии Хрущова и Пафнутию задавались вопросы чисто сыского свойства — о местах поселения старообрядцев, о конкретных людях. Не достигнув цели, Феофан рекомендовал Ушакову поручить беседу со старцем архиепископу Питириму, но и этот опытный проповедник цели не достиг — Пафнутия увезли вновь в Тайную канцелярию и после допросов приговорили в 1736 году к битью кнутом и ссылке в монастырь, но потом приговор переменяли и преступника сослали на каторгу.

Как и Феодосий, Феофан не только боролся рука об руку с Толстым и Ушаковым за чистоту веры, но и использовал могучую силу сыска и государства вообще для расправы со своими конкурентами и врагами в управлении церковью. Жизнь великого грешника Феофана проходила в писании доносов, ответов на контрдоносы. Для этого достаточно посмотреть книгу И. Чистовича «Феофан Прокопович и его время». Феофан был умнее, изворотливее и удачливее Феодосия и кончил жизнь свою не как Феодосий в запечатанной камере, а в собственном доме в Петербурге.

И хотя после смерти Феофана в церкви не было таких умных, жестоких инквизиторов, как Феофан, дело, которое было начато Никоном, продолжено Питиримом, Феодосием и Феофаном, продолжили чиновники специального Сыского приказа, который к середине XVIII века выполнял роль инквизиторского филиала Тайной канцелярии. В Сыском приказе упорствующих в своих убеждениях старообрядцев передавали из Тайной канцелярии «для изыскания истины пытками». Как свидетельствуют материалы Сыского приказа, в нем была отлажена целая система мучений людей. Пройдя через нее старообрядец либо там погибал, либо выходил калеккой. При этом следует отметить, что пытки эти были очень жестокие. Приведу несколько примеров. Дмитрий Белов был пытан 13 апреля 1752 года (50 ударов), 6 ноября 1752 года (35 ударов), 18 января 1753 года «за необращение к Святой церкви» еще раз, получив 35 ударов. Во время пытки у дыбы стоял священник и увещевал вернуться к церкви. Так было с 60-летним каменщиком Яковом Куприяновым, которого в 1752 году пытали и дали 90 ударов кнута, а на второй раз 70 ударов. На третью пытку пришел священник, когда несчастному было дано 100 ударов, но Куприянов был упорен и за свои преступления был приговорен к

сожжению, но кнута и сослан в Рогервик — раскольников в Сибирь не ссылали, боясь их побегов. Упорствующий в расколе дворцовый 70-летний крестьянин Полуехт Никитин был настоящим борцом за то, что теперь назвали «свободой совести». В 1747 году он выдержал две пытки, на которых получил 73 удара кнута, но по-прежнему утверждал: «Будь-де воля Божия, а до души моей никому дела нет и никто отвечать не будет». Лишь со времен Петра III и Екатерины II можно говорить об ослаблении репрессий государства и церкви против старообрядцев. Оба эти института (и государство, и церковь) устремились на борьбу с хлыстами — новой и очень влиятельной сектой.

### Методы и приемы работы тайной полиции в XVIII веке

Как происходило задержание политического преступника и как в этих условиях действовала тайная полиция? Обычно, если речь шла о «маловажных» делах, начальник сысского ведомства, выслушивал извetchика и, приказывал внести содержание извета в журнал входящих бумаг. Потом он вызывал дежурного офицера и отдавал ему распоряжение взять солдат и отправиться за ответчиком и свидетелями, указанными в доносе извetchика. Резолюция об этом в журнале Тайной канцелярии записывалась по принятой форме: «Показанных людей сыскать и распросить с обстоятельности по указу». Арест же человека известного, стоящего на высокой ступени правительственной иерархии, но попавшего в опалу, заподозренного в государственном преступлении, оказывался порой делом непростым. Однако и при аресте преступника заведомо мелкого, какого-нибудь пьяного крикуна или ругателя власти, возникали довольно сложные проблемы, о которых будет сказано ниже.

Опала становилась часто исходным толчком для возбуждения политического дела. В этот термин вкладывается два смысла. Во-первых, это гнев, немилость, нерасположение государя к своему подданному, преимущественно служилому человеку. С юридической точки зрения по своей сути опала есть, как писал историк права Н. Д. Сергеевский, «общая угроза в неопределенной санкции». Кажется, что в отрывке из комментария В. Н. Татищева к Судебнику 1550 года дано определение этого понятия и с указанием основных санкций: «Опала есть гнев государев, по достоинству людей и преступлений различествовало, яко: 1. Знатному не велят ко двору ездить; 2. Не велят со двора съезжать и, как скоро кому объявят, обыкновенно черное платье надевали; 3. В деревню жить. 4. Писали по городу во дворяне, отняв чины. 5. В тюрьму». Такое определение опалы распространимо не только на середину XVI века, но и на первую половину XVIII века, время жизни самого Татищева, да и после него. Проявление самодержавной воли, а часто и произвола императора в течение нескольких веков русской истории становилось истинной причиной гонений, репрессий и даже террора. Недаром существовала выразительная поговорка «Царев гнев — посол смерти».

Во-вторых, опала — родовое понятие наказания служилого человека, хотя, в принципе, опала могла быть наложена на любого подданного без учета его социального и служебного положения. Классификацию наказаний опальных, данную Татищевым, нужно дополнить и другими наказаниями, в том числе смертной казнью.

Как же вели себя люди накануне ареста, что они чувствовали и о чем думали? О простолоудинах, не оставивших воспоминаний об этом, сказать что-либо определенное довольно трудно. Конечно, эти люди боялись ареста после того, как становились участниками или свидетелями разговора, в котором прозвучали «непристойные слова». Страх давил всех и каждого. Человек маялся в ожидании ареста, но для многих будущих узников сыска арест становился полной неожиданностью, они, действительно, говорили «непристойные слова» без задней мысли, «спроста», «неподумав» в кругу близких людей и не предполагали, что уже есть на них извет и пришел их час.

О том, какие чувства испытывали и что делали накануне опалы люди из верхов, мы знаем довольно много. Опале предшествовали различного рода события, которые свидетельствовали о ее приближении. Конечно, случались и внезапные опалы, аресты, о которых люди заранее не догадывались. По описанию неизвестного автора «Черниговской летописи», арест черниговского полковника Ивана Полуботка, который замещал умершего гетмана Ивана Скоропадского, произошел при следующих обстоятельствах. В 1723 году Полуботок, вместе со старшиной, был вызван в Петербург, где украинцы подали Петру I челобитную. Они пытались добиться восстановления условий Переяславского договора 1654 года между Россией и Украиной. У императора же каждая попытка напомнить ему о прежних вольностях Украины вызывала гнев. Он прорвался в тот день, когда была «прислана з Украины от полковника Миргородского Даниила Апостола и от всего войска Малороссийского, за подписом рук всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчукового и значкового, другая челобитная с Коломаку, чрез канцеляриста Ивана Романовича в Питербурх, которие, когда тот канцелярист подал до рук самому Императорскому Величеству, з церкви Святой Троицы по служби Божой идучому, ноебря 10 числа». А далее произошло то, что называется «наложить опалу»: царь, прочитав челобитную, «того ж моменту изволил приказать своими устами генерал-мазору и гвардии Преображенского полку мазору Андрею Ивановичу Ушакову, з великим гневом и яростию, взять под караул полковника Павла Полуботка, судию енерального Ивана Чарниша, Семена Савича, писаря енерального, там же, при Кофейном доме стоявших, и всех, кто с ними ассистовал, от которых и от всех, отвязавши своими руками шабли (сабли. — Е. А.), тот же енерал Ушаков велел всех попровадити в замок мурований Питербургский, где с первого часу порознь были все за караулом посажени». Полуботок, обвиненный в измене, умер в крепости 18 декабря 1724 года.

В 1724 году в церкви в день его рождения к Петру I подошел серпуховский купец Шапошников и подарил государю два калача. Растроганный простодушным подарком суровый царь пригласил купца во дворец к себе на обед. И когда за царским столом осмелевший Шапошников начал порицать нюханье табака, царь разгневался и, вылезая из-за стола, приказал арестовать Шапошникова и «при случае об нем... доложить». С тех пор случай не представился и арестованный купец просидел в тюрьме до 1727 года, причем после смерти Петра в 1725 году никто не знал, за что он сидит.

Но все же чаще опала надвигалась медленно, и многие ее, особенно из числа опытных царедворцев, предчувствовали. Для высокопоставленных служилых о приближении опалы свидетельствовало запрещение приезжать ко двору. Это был старинный обычай запрещать государеву холопу,



вызвавшему гнев государя, «видеть государевы очи». Нарушение этого запрета считалось оскорблением чести государя. Летом 1725 года архиепископ Феодосий повел себя дерзко и капризно в императорском дворце, а после этого демонстративно отказался ехать на прием к императрице Екатерине I. Ранее, в конце XVII века, таких ослушников насильно доставляли на дворцовое (Постельное) крыльцо и там им публично объявляли о государевой воле. Феодосию же запретили приезжать ко двору. Но упрямый архиепископ не послушался и по своей воле явился на спуск корабля «Не тронь меня» в Адмиралтейство, где присутствовала императрица Екатерина I, чем усугубил свою вину.

В 1740 году с запрета ездить ко двору началась опала А. П. Волынского. В дом кабинет-министра явился А. И. Ушаков и именем императрицы объявил запрещение ездить ко двору. При этом Волынский мог посещать Кабинет министров. С запрета входить в ранее открытые для него всегда апартаменты императрицы Елизаветы Петровны началась опала и И. Г. Лестока. Это произошло 22 декабря 1748 года, а через два дня генерал С. Ф. Апраксин со 150 солдатами приехал в дом к Лестоку и объявил ему домашний арест.

Судьба попавших в немилость людей была, в принципе, решена еще тогда, когда они даже не знали об опале. Обычно для гонений на сановника тайно от него искали повод. Было несколько предлогов, поводов, чтобы начать «опальное дело». Как правило, опальные служили и именно по службе находили промахи, ошибки и даже незамеченные ранее проступки, чтобы начать с них дело. Князя В. В. Голицына — фаворита царевны Софьи, обвинили в провале Крымских походов 1687 и 1689 годов, хотя ясно, что он пал жертвой в борьбе за власть. Обвинение (подчас голословное) в измене, попытке связаться с заграничной служило весьма надежным поводом для опалы. Как известно, им часто пользовался Иван Грозный в своих репрессиях против влиятельных служилых людей. К этому поводу для опалы прибегали и позже. Так, чтобы окончательно «утопить» сосланного в свое имение, но еще опасного для верховников Меншикова, на заседании Верховного тайного совета в конце 1727 — начале 1728 года обсуждали депешу давнего врага Меншикова Николая Головина — российского посла в Стокгольме. Он сообщил, что, по слухам, Меншиков якобы вошел в тайную сделку с враждебными России силами в верхах Швеции и собирается вернуть шведам завоевания Петра I. Тотчас об этом было наряжено следствие, и Меншикова начали допрашивать.

И в случае с Артемием Волынским запрет ездить ко двору сочетался с поисками компрометирующих кабинет-министра материалов. По именному указу, подсказанному императрице ее окружением, подняли, как уже сказано выше, дела закрытой в 1731 году комиссии о злоупотреблениях Волынского. Известно, что А. П. Волынский был отъявленный вор, самодур и взяточник, но в 1731 году императрица Анна Ивановна простила ему все, «от него самого объявленные» взятки. Теперь, в 1740 году, старые дела пригодились сыску. Кроме того, на свет извлекли и чью-то жалобу на дворецкого Волынского Василий Кубанца, взявшего из конюшенного ведомства на нужды своего господина 500 рублей. Арестованный Кубанец сразу же начал писать доносы на Волынского, обвиняя его в таких государственных преступлениях, что о злосчастных 500 рублях уже никто не вспоминал. Донос являлся также удачным поводом для опалы, о чем сказано выше.

Для опалы и высылки из России братьев Массон в конце 1796 года воспользовались перлюстрацией одного частного письма. Н. П. Архаров,

тогдашний генерал-директор полиции, устроил Массону-старшему допрос и очную ставку с неким графом Пиаченца, служившим в Кадетском корпусе. Держа в руках перехваченное и перлюстрированное на почте письмо итальянца, он, именем императора, допрашивал Пиаченца и Массона о том, почему граф в своем письме приятелю пишет, что полковник Массон шутил о запрете императором Павлом I круглых французских шляп? Дрожавший от страха итальянец также показал, что, читая в компании немецкие газеты, полковник Массон восхвалял французов и Бонапарта. Но когда Массон сказал, что граф Пиаченца не мог понять сказанного в разговоре, так как не знает немецкого языка, Пиаченца отвечал: «Я, однако же, хорошо в нем понял слова „революция“ и „Бонапарт“ и уразумел, что речь шла о войне и политике». Тогда Архаров объявил, что для него дело разъяснилось, чем и закончил «свой премудрый допрос».

Человек, почувствовавший приближение опалы, увидевший ее несомненные симптомы, оказывался в ужасном, неестественном для себя положении. Мир вокруг него сразу менялся. Как не вспомнить А. С. Пушкина:

«Не смерть страшна. Страшна твоя немилость...»!

Извещенный о запрете ездить ко двору А. П. Волынский впал в уныние. Его обычно многочисленные гости стали избегать гостеприимный дом кабинет-министра. По городу поползли слухи, что на друзей Волынского «кладены были метки». Верными остались только несколько друзей, которые стремились как-то приободрить опального. Массон-младший, который много лет жил и служил в России, был в конце 1796 года выслан за границу вместе с братом — полковником русской армии. В своих мемуарах, написанных в 1800 году по горячим следам этого потрясшего его происшествия, Массон подробно описывает то страшное состояние приближения опалы, в котором внезапно оказался он — вчера еще благополучный, даже преуспевающий 37-летний майор, секретарь наследника престола великого князя Александра Павловича. Массон был свой человек при дворе, водил знакомства с первейшими вельможами империи, имел много влиятельных друзей и покровителей. Дома его ждала молодая, красивая жена и новорожденная дочь.

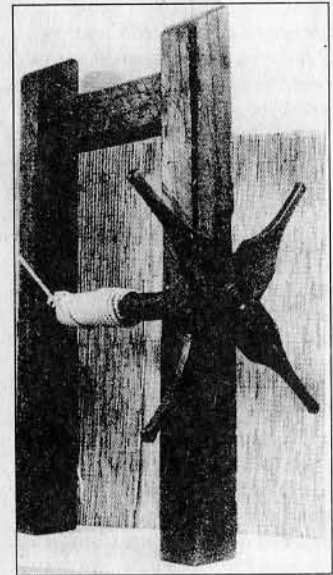
И вдруг все переменялось. Конечно, перемены эти готовились давно, но Массон и не подозревал о том, что новый, пришедший к власти осенью 1796 года император Павел I имел устойчивое предубеждение против секретаря своего сына и, пересматривая списки штаба великого князя, не включил туда майора Массона. Это огорчило Массона, но до своего нового определения он регулярно ездил в Зимний, не зная, что над его головой уже сгустились тучи. 13 декабря 1796 года утром он собирался во дворец, где его ждал с делами великий князь. Но, не успев выйти из дома, как к нему внезапно приехал гвардейский офицер и пригласил следовать за ним к генерал-директору полиции Н. П. Архарову. И далее не чалось то, что часто описывают люди, становившиеся жертвами бессудных расправ: причину вызова к начальнику полиции ему не объяснили, в приемной Архарова вскоре оказались брат мемуариста полковник Массон, а также неизвестный им однофамилец, который не менее братьев был смущен этим внезапным приглашением. Архарова не было на месте, дежурный офицер не выпускал их, никаких пояснений не давал. Так, в тревоге и томлении они просидели до позднего вечера. Когда, наконец, явился из дворца Архаров, на недоуменные вопросы братьев он отделался какими-то общими фразами, ссылаясь на волю императора и приказал братьям явиться завтра...

Попав в подобное странное положение, человек начинал метаться и искать содействия у друзей, знакомых, сослуживцев. В 1727 году А. Д. Меншиков, почувствовав близость своего падения, пытался предупредить свою гибель. Он безуспешно искал встречи с императором Петром II, писал дружественно-просительные письма вице-канцлеру А. И. Остерману (который втайне и подготовил крушение «полудержавного властелина»). Когда же 8 сентября 1727 года ему объявили домашний арест, то сочинил жалобную челобитную царю, прося его освободить из-под ареста «памятую речение Христа-спасителя: да не зайдет солнце во гневе Вашем». Потом он послал во дворец вымаливать ему пощаду свою дочь Марию — невесту царя, а также жену, написал послания сестре царя великой княгине Наталье Алексеевне, своим коллегам по Верховному тайному совету. Да и потом, после высылки 10 сентября 1727 года в Ранненбург и до самой ссылки в Сибирь в апреле 1728 года он неустанно посылал различным деятелям письма с просьбой о помощи и содействии, заставлял свою жену и дочерей писать к женам и дочерям этих сановников. Стоит ли говорить, что никто ему не помог. Получив, в начале апреля 1740 года запрет ездить ко двору, устремился по «благодетелям» и кабинет-министр Артемий Волинский. Временщик Бирон — главный его погубитель, кабинет-министра не принял, а фельдмаршал Миних в помощи Волинскому отказал. Вот и Массон в отчаянии поехал к своему давнему знакомому, Алексею Аракчееву, который некогда служил под командой его брата Массона-старшего и был с ним в хороших отношениях. Но на просьбу замолвить словечко у государя входивший тогда в силу временщик сказал, что взял себе за правило не мешаться в чужие дела и, зевая, удалился почивать. В этом также состояла логика опалы. Каждый думал о себе и все, как прокаженного, сторонились вчерашнего счастливого. «Куда девались искатели и друзья? — вспоминала в своих мемуарах Н. Б. Долгорукая первые дни опалы семьи Долгоруких в 1730 году. — Все спрятались и ближние, отдалече меня сташа, все меня оставили в угодность новым фаворитам, все стали уже меня боятца чтоб встречу с кем не попала, всем подозрительно. Лутше б тому человеку не родитца на свете, кому на время быть велику, а после прийти в несчастье: все станут презирать, никто говорить не хочет!» Поддерживать опального человека, ходатайствовать за него и даже ездить к нему считалось крайне опасным. Для этого требовалось большое мужество и даже самопожертвование, на которое царедворцы, в большинстве своем, способны не были. К опальному Волинскому по-прежнему ездил только граф Платон Мусин-Пушкин. Потом, в Тайной канцелярии его с пристрастием допрашивали, зачем он, зная об опале кабинет-министра, к нему все-таки ездил.

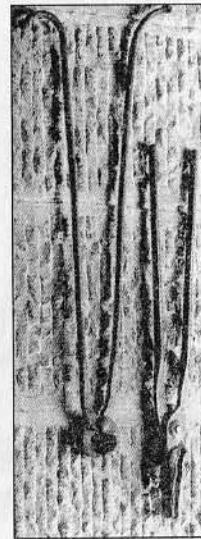
Почувствовав приближение опалы, сам человек стремился избежать встреч и разговоров, которые могли бы бросить на него тень и усугубить гнев государыни. Екатерина II вспоминала об обстоятельствах, предшествовавших опале Лестока в 1748 году. «По вечерам императрица собирала двор у себя в своих внутренних апартаментах, и происходила большая игра. Однажды, войдя в эти покои Е. в., я подошла к графу Лестоку и обратилась к нему с несколькими словами. Он мне сказал: «Не подходите ко мне!» Я приняла это за шутку с его стороны, намекая на то, как со мной обращались, он часто говорил мне: «Шарлотта! Держитесь прямо!» Я хотела ему ответить этим изречением, но он сказал: «Я не шучу, отойдите от меня!» Это меня несколько задело, и я ему сказала: «И вы тоже



*Опричник на коне*



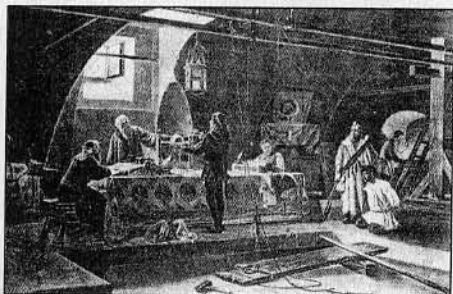
*Дыба*



*Раскаленные щипцы  
и клещи*



*Изображение опричных казней*



*Застенок*



*Наказание плетью  
в Тайной канцелярии*



*Посаждение на кол*



*Колесование*



*Ф. Ю. Ромодановский*



*П. А. Толстой*





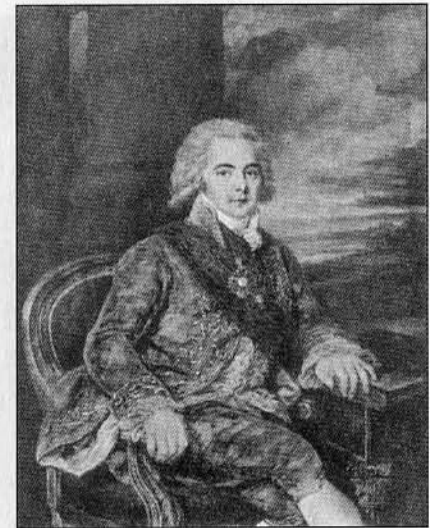
*А. И. Ушаков*



*С. И. Шейковский*



*А. А. Вяземский*



*А. Б. Куракин*



*А. Д. Балашов*



*П. В. Лопухин*



*А. Х. Бенкендорф*



*М. Я. фон Фок*





*А. Ф. Орлов*



*Л. В. Дубельт*



*П. А. Шувалов*



*В. А. Долгоруков*



*А. Л. Потанов*



*Н. В. Мезенцев*



*Н. Д. Селиверстов*



*А. Р. Дрентельн*



*М. Т. Лорис-Меликов*



*Н. П. Игнатьев*



*И. Н. Дурново*



*Д. А. Толстой*

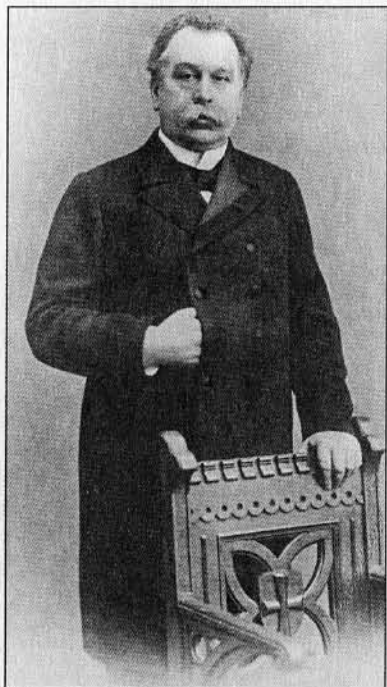


*И. Л. Горемькин*



*Д. С. Сипягин*





*В. К. Плеве*



*П. А. Столыпин*



*А. А. Макаров*



*А. Н. Хвостов*



*Б. В. Штурмер*



*А. Д. Протопопов*

избегаете меня". Он возразил мне: "Я говорю вам, оставьте меня в покое". Я покинула его, несколько встревоженная его видом и речами. Два дня спустя, в воскресенье, причесывая меня, мой камердинер Евреинов сказал мне: "Вчера вечером граф Лесток был арестован и, говорят, посажен в крепость". Тогда одно только название этого места уже внушало Ужас».

Тревожные мысли терзали человека, над головой которого нависла гроза царского гнева. Он напряженно вспоминал все обстоятельства своей жизни за последнее время, думал о тех, кто мог бы ему навредить. Массон, подумав, что все дело возникло из-за неосторожных высказываний старшего брата (вспомните допрос Архарова) и что ему лично ничего не угрожает, устремился во дворец к своему покровителю, графу Н. И. Салтыкову. Массон был дружен с его сыновьями. Вельможа, выслушав Массона, сразу же сказал, что положение молодого человека неважное: «Не заблуждайтесь на этот счет, — сказал мне граф, — я нынешним вечером был зван два раза к императору, собственно по поводу вас. Он вас считает человеком опасным, и дело вашего брата тут ни при чем: оно не делает разницы во мнении императора». «Но какое же преступление мое? В чем я обвиняюсь?» — воскликнул Массон. Салтыков отвечал словами, которые применимы к большинству известных случаев государевой опалы: «Достаточно того, что император вас подозревает и не доверяет вам, а я при этом не могу поручиться за ваши политические мнения».

Между тем состояние «подозрения» было видом государственного преступления, а человек, ставший «подозрительным», преследовался как преступник, причем он мог и не знать, в чем же состоит причина недоверия к нему самодержца. Массон и его брат, как и другие люди, попавшие в их положение, без конца и на все лады перебирали различные причины высочайшего неудовольствия. Они вспоминали каждое свое неосторожно сказанное слово, подозревали окружающих в интригах, но могли так до конца своей жизни и не узнать истинную причину государева гнева. «Я был осужден, — пишет Массон, — не бывши обвиненным и даже допрошенным: меня оставили в полнейшей неизвестности о причинах моего задержания, так что уже сам я вынужден был искать их или в разборе собственных, совершенно невинных поступков, или предполагать эти причины в необъяснимом предубеждении императора. Был ли я жертвою политической его подозрительности по отношению к его сыну или простого каприза? Этого я не знал, да и не знаю и до сих пор». Через несколько дней после высылки мужа жена Массона подстерегла Павла I возле Зимнего дворца и со словами «Правосудия, государь! Молю о правосудии мужу, не о помиловании!», бросилась наперерез императору, сидевшему на лошади. И все равно ничего в судьбе ее мужа не прояснилось. «Ваш муж и его брат виноваты — отвечал Павел I, — а я люблю порядок у себя в империи. Отойдите прочь, если не хотите попасть под ноги моей лошади». Императора не разжалобило даже то, что несчастная женщина ухватилась за узду лошади, а потом упала в обморок.

«Размышления эти, — пишет Массон о первых днях опалы, — не давали мне покоя, так что я вдруг вскочил с постели перебирать свои бумаги, чтобы уничтожить из них все, какие могли бы показаться подозрительными и повредить мне или моим друзьям...» Массон давно жил в России, поэтому поступал совершенно правильно. Особенно тщательно он изорвал свой дневник, в который заносил заметки и наблюдения о



жизни двора. Дневниковые записи, рукописи записок и книг, а также письма обычно становились самыми опасными уликами при разоблачении государственных преступников.

За 56 лет до этого также поспешно жег бумаги перед арестом Артемий Волинский. На вопрос следователей, почему он сжег черновики своего проекта и какое их содержание, Волинский отвечал, «что мне более не были нужны», но потом признался, что опасался неприятностей, если его черновики кому-то попадут на глаза и ему «причтется». Дело в том, что в них было немало черновых отрывков проекта о «поправлении государства». Поэтому Волинский опасался, что неудачно выраженная в отрывках мысль может при следствии ему повредить. Тогда же он сжег и перевод с латыни книги Юста Липсия, которую считал для себя «опасной». И это правильно — внимание следователей привлекали все заметки на полях прочитанных преступником книг, все выписки. Подследственного начинали спрашивать, зачем он читал эти книги, зачем конспектировал и в чем смысл каждого значка и пометы на полях. В 1748 году по ночам свои бумаги перебирал и почувствовавший близость опалы Лесток. Часть бумаг он уничтожил, а часть передал знакомому дипломату. Жег бумаги или передавал их друзьям накануне ареста в 1757 году и погубивший ранее Лестока канцлер России А. П. Бестужев-Рюмин. Нет сомнения, что избавлялись от архива все, кто ждал ареста, ибо потом, на следствии, каждая строка письма, записки, черновика тщательно изучались в поисках «подозрительного» и как уже сказано выше, на все следовало дать полный, «чистосердечный» ответ. Как подозрительную поняли следователи строчку из письма адъютанта Лукьяна Камынина, который писал из Рижского гарнизона, куда его «задвинули» своему приятелю в Петербург. Камынин назвал себя «пропавшим, скукой мучимый человек». Невинные, личные записки становились уликой, вели людей к смерти на эшафоте и каторге.

Много тяжелых минут пережил до рокового стука в дверь попавший в Петропавловскую крепость в 1779 году по обвинению в банковской афере Г. С. Винский. Его воспоминания передают нарастающее напряжение, которое предшествовало аресту. Винский пишет, что сначала он, stolичный шалопай, прожигавший жизнь на деньги, полученные из банка под залог, пропускал мимо ушей все разговоры и слухи о начавшемся следствии по этому делу. В августе приятель Соколов рассказал ему, что комиссия под руководством А. И. Терского — обер-секретаря Сената и доверенного человека генерал-прокурора А. А. Вяземского, открыла свою работу в Петропавловской крепости и что «в равелине Св. Иоанна, в казематах, с великою поспешностью строят много чуланов, что, кроме Кашинцова (обвиненного в банковском подлоге поручика. — Е. А.) и его товарищей, взято уже в комиссию еще несколько людей, касательно банка. Обо всем я слушал весьма равнодушно. В сентябре глухо начали поговаривать о сей комиссии в городе; догадывались, что открыт важный разговор, ибо по строгости не другое что могли заключить. К концу сентября и в начале октября стали люди видимо пропадать: иной, поехавши в гости, остался там навсегда; другой, позванный к своему генералу, исчез невидимо, из гвардейских полков многие — в неизвестную команду [отправлены]».

8 октября Соколов рассказал Винскому, «что в крепость уже множество натаскано», чем слегка настрожил беззаботного гуляку. На следую-

щий день его уже как следует напугал слуга соседа — офицера Брецинского, прибежавший к Винскому с рассказом о том, что утром за его баринном приехал аудитор от командира генерала Салтыкова и барин не вернулся не только к обеду, но и к вечеру и что нет его и до сих пор. Слуга бегал к генералу на дом, побывал у всех знакомых Брецинского — «Нигде не видали и не слышали». «Ах, сударь, — плакал слуга, — наведайтесь вы, не узнаете чего-нибудь?» — «Хорошо, мой друг, я иду со двора, постараюсь». А между тем сам думаю: «Черт возьми наведыванье, как бы самого не зацепили, не лучше ли от этого штурму куда-нибудь уклониться? Но как оставить жену? Куда ехать? И с чем ехать? Невольное раздумье и глупое надеяние удерживали меня в моей беспечности».

Через три дня Винский рано утром отправился к Соколову «наведаться о дальнейших движениях комиссии» и — «нашел весь его дом в слезах и сетовании — он в ту ночь был взят и увезен. Болтнувши несколько слов скорбящим во утешение, я поторопился оставить сие плачевное место и, идучи с сжатым сердцем обратно в город, рассуждал: «Соколова взяли, по одному наименованию берут, не мудрено и мне быть взяту». Размышления молодого человека были основательны — поколения русских людей, знавших почерк политического сыска, видели в арестах достаточно четкую схему: брали людей «одного наименования», т. е. рода занятий, службы, одного круга общения, увлечений. В деле Винского «наименованием» стала «золотая молодежь», гулявшая по кабакам на взятые в банке под залог деньги. Эти повесы были знакомы между собой, что, для завсегдаев значных мест, вполне естественно.

Однако чаще всего схемы при арестах никакой не было — следователи, получив одобрение верховной власти, арестовывали главных «злодеев», допрашивали их, и дальше хватили всех, кого называли на допросах и с пыток подследственные. Так и возникала схема. В ней была своя логика, которая основывалась на двух главных положениях. Во-первых, при расследовании политических дел действовал принцип, выраженный в инструкции императрицы Анны Ивановны А. И. Ушакову: «До самого кореня достигнуть». Во-вторых, следствие признавало, что всякое преступление против государства невозможно без «причастников» и задача следователей — выявить их круг, обнаружить преступное сообщество. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В итоге, когда начинались большие процессы, город замирал в ожидании арестов и репрессий. Секретарь саксонского посольства Пецольд писал 4 июня 1740 года по поводу расследования дела Волинского: «У одних замешан враг, у других родственник, у третьих приятель, и почти из каждой семьи кто-нибудь прикосновен к делу Волинского, невозможно изобразить чувства радости и огорчения, надежды и страха, которые борются теперь между собою и держат всех в общем напряжении». Такая же паника охватила столичный свет и в 1718 году, когда начали брать людей по делу царевича Алексея Петровича и в 1743 году, когда город жил слухами об арестах по делу Лопухина.

Но вернемся к Винскому. Он решил бежать из столицы, срочно уехать в Лифляндию, но денег на дорогу не было, а взять их в долг у свояка не удалось. «Мучимый нежностью к жене, оставленной мною без всякого призрения, страхом быть захваченным в крепость, нетерпением исполнить задуманное путешествие и неизвестностью успеха, я в сей день сумрачный бродил по улицам, никуда не заходя и ничего не евши». Примечательно,

что здесь речь идет о человеке, который не чувствовал за собой вины, никогда не знал ни самого Кашинцова, ни его товарищей. Лишь потом выяснится, что Кашинцова знал Соколов, а Соколов был приятелем Винского и этого оказалось достаточно для подозрений и ареста.

Вернувшись вечером домой, Винский поразил жену своим мрачным видом и, против обыкновения, не отправился в трактир. Жена его, также против обыкновения, домоводству супруга не обрадовалась, а, наоборот, тоже нечто предчувствуя, как писал Винский, «старалась меня уговорить выйти из дому. Но я упорно оставался, сидел, грустил, как ожидая приговору, словом час мой ударил: ковшик горечи поднесли, надобно было выпить. Вскоре он услышал шум и увидел как в темноте передней блестящими форменными пуговицами...». Массона в 1796 году взяла после бессонной ночи, под утро, когда он только что сжег свой дневник и другие бумаги: «Управившись с этими предохранительными мерами и вида, что еще не рассвело, я собирался опять лечь в постель, но вслед за тем послышался стук в двери — то пришли за мной». Обычно к этому времени указ об аресте уже был подписан. Документ этот обычно произволен по форме, но ясен по содержанию: «Указ нашим генералу Ушакову, действительным тайным советникам князю Трубецкому и Лестоку. Сего числа доносили нам словесно поручик Бергер, да майор Фалькенберг на подполковника Ивана Степанова сына Лопухина в некоторых важных делах, касающихся против нас и государства; того ради — повелеваем вам упомянутого Лопухина тотчас арестовать, а у Бергера и Фалькенберга о тех делах спросить о том, в чем доносят на письме, по тому исследовать и что по допросам Лопухина касаться будет до других кого, то, несмотря на персону, в Комиссию свою забирать, исследовать и что по следствию явится, доносить нам». Это — указ императрицы Елизаветы Петровны от 21 июня 1743 года, по которому началось знаменитое дело Лопухиных.

Следующей стадией опалы обычно становился домашний арест, о чем уже отчасти сказано выше. «Графу Михаилу Бестужеву объявить Ея и. в. указ, чтоб он со двора до указа не выезжал», — таким был указ о домашнем аресте в 1743 году одного из участников дела Лопухиных. Бестужева дома не оказалось. Он отдыхал на приморской даче, где его взяли и предписали продолжать «отдых» уже не выходя из комнат, под охраной. Указ о домашнем аресте означал, что к дому опального наряжался караул, который не разрешал хозяину ни выходить из дома, ни принимать в нем гостей. Указ о домашнем аресте Меншикову последовал 8 сентября 1727 года. Его объявил приехавший к светлейшему генерал С. А. Салтыков, который именем императора запретил Меншикову покидать дворец.

Как содержали людей под домашним арестом, видно из инструкции подпоручику гвардии Каковинскому, приставленному 16 апреля 1740 года к дому А. П. Волынского. Ему предстояло заколотить все окна в доме, запереть и опечатать все комнаты, кроме одной. В ней и следовало содержать опального кабинет-министра как в камере «без выпуску», постоянно. Все это делалось, согласно инструкции, для того, чтобы арестант «отнюдь ни с кем сообщения иметь или тайных тому способов сыскать не мог и для того горнице его быть безотлучно и безвыходно двум солдатам с ружьем попеременно, клетям приставить особый караул».

Дети Волынского содержались в том же доме отдельно от отца. Согласно указу Елизаветы Петровны от 13 ноября 1748 года о домашнем аресте Лестока, опального вельможу держали отдельно от жены, «а людей

его никого, кто у него в доме живет, никуда до указа с двора не пускать, також и посторонних никого в тот двор ни для чего не допускать, а письма, какие у него есть, также и пожитки его, Лестоковы, собрав в особые покои, запечатать и по тому же приставить караул».

Посаженного под домашний арест человека содержали в собственном доме, как в тюрьме, — под постоянным контролем. Француз Мессельер писал в 1758 году, что посаженного под домашний арест А. П. Бестужева-Рюмина «по обыкновению... раздели донага и отняли у него бритвы, ножички, ножи, ножницы, иголки и булавки... Четыре гренадера с примкнутыми штыками стояли безотходно у его кровати, которой завесы были открыты».

В одних случаях домашний арест оказывался недолгим — Лестока отвезли в Петропавловскую крепость через два дня после того, как объявили домашний арест. А. П. Бестужев-Рюмин же маялся под непрерывным присмотром четырех гренадеров целых 14 месяцев. Долго держали в Москве под домашним арестом бывшего кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова и, как он жаловался в 1737 году императрице Анне Ивановне, все его «движимые и немые и пожитки запечатаны, и он к ним не допускается», хотя ему нужна одежда и другие вещи, которые, запертые в других комнатах портятся и гниют. 20 сентября 1737 года Анна указала «его, Макарова, арест таким образом облегчить, чтоб ему в церковь Божию ехать и прочие домашние нужды исправлять позволено было; только б в прочем по компаниям никуда не ездил, толь меньше из Москвы съезжать дерзнул, и в том его обязать надлежащим реверсом, также и к запечатанным пожиткам его допустить и их ему в деспозицию отдать», а также взять «по описи реверс, что ничего не продаст и отдаст на сторону». На стадии домашнего ареста следователи могли приезжать в дом арестованного и допрашивали его, что и было в деле Волынского 1740 года, Лопухиных 1743 года, Бестужева 1758 года и других. Но не всегда домашний арест смягчали так, как это произошло в случае с Макаровым. Наоборот, после домашнего ареста чаще всего следовала ссылка или перевод в крепость, в тюрьму. Впрочем, попадали туда и без «прохождения» стадии домашнего ареста.

Теперь коснемся различных аспектов работы розыска при аресте государственного преступника, жившего вдали от столицы. Чтобы изловить преступника, особенно когда он жил в провинции, из сыского ведомства посылали нарочного (как правило, гвардейского сержанта или офицера). В Тайной канцелярии он получал деньги на прогоны. При Петре I они были из расчета копейка — полкопейки на версту на лошадь, о чем делалась запись в расходной книге: «Поручику и генеральному адъютанту господину Дохтурову, который послан был из С.Петербурга из Канцелярии тайных розыскных дел в Ревель для сыску и взятия в оную Канцелярию Якова Лопухина, от С.Петербурга до Нарвы на 180 верст по деньге на версту на лошадь, а на две 1 руб. 26 алт. 4 деньга, от Нарвы до Ревеля на 197 верст по 2 деньга на версту на лошадь, а на две 3 руб. 31 алт. 2 деньга, итого до Ревеля на 377 верст 5 руб. 24 алт. 4 деньга, а от Ревеля до С.Петербурга толикое ж число, всего ему на оба пути на 2 подводы 11 рублей 16 алтын с распискою».

Посланному гвардейцу давали подробную инструкцию (в XVII веке она называлась «наказная память»). Такие инструкции (а их сохранилось немало), как и рапорты нарочных по завершению операции, позволяют

воссоздать типичную сцену ареста в провинции. В своем рапорте от 15 октября 1738 года на имя В. Н. Татищева полковник Андрей Телевкеев описывает, как он, действуя строго по инструкции Татищева, брал обвиненного в произнесении «непристойных слов» полковника С. Д. Давыдова: «По данному мне от вашего превосходительства ордеру сего числа пополудни во 2-м часу полковника Давыдова изъехал (т. е. нашел. — Е. А.) я в деревне Царевшине и, поставя кругом двора и у дверей в квартире ево караул, вшел к нему в избу, выслав всех, арест ему объявил, и сперва он не противился, потом, немного погодя, говорил, чтоб я объявил ему подлинной указ, по которому арестовывать его велено, но я ему повторне объявил, что указа показать ему не должно, но он, противясь есче, закричал: “Люди! Караул”, на что я ему объявил, что того чинить весьма непристойно, представляя о том указы Ея и. в., и по оному уже едва шпагу из рук своих отдал; письма ево сколько нашлось, все осматривал и партикулярныя [в том числе], собрав, особо запечатав, и деньги под расписку отдал прапорщику Тарбееву; другие же, касающиеся до ево комис[с]ии, отданы бывшим при нем подьячим, по ордеру же вашего превосходительства велено, по изъезде ево, того ж часу в путь выслать, но за неимением к переправе порому чрез реку Волгу на несколько часов принужден удержатъ, пока пором сделают, которой здешним мужикам тотчас делать приказал и для понуждения людей своих послал, а по сделании, отправя при себе за реку, возвращающа...» Кроме того, Телевкеев сообщал: «По осмотру же моему в имеющемся при нем подголовнике, между другими, найдено в бумашке мышьяку злотника с два, которой взял с собой».

В этом описании есть несколько важных моментов. Во-первых, Давыдова арестовали, согласно данной Татищевым инструкции, внезапно, а дом, где находился Давыдов, предварительно окружили цепью солдат. Так делалось всегда, чтобы предотвратить возможную, как тогда говорили, «утечку» преступника. Во-вторых, при аресте у Давыдова Телевкеев забрал и опечатал все письма и бумаги Давыдова, как официальные, так и личные. Опечатывание производилось, как правило, личной печатью руководителя ареста. Это было другое обязательное правило при аресте — не дать преступнику уничтожить улики.

В-третьих, арестованного Давыдова немедленно повезли в Петербург. Доставить преступника как можно быстрее в Тайную канцелярию являлось важной обязанностью посланного. Правда, при аресте Давыдова было нарушено важное правило, соблюдение которого, применительно к персонам высокого ранга, считалось обязательным — Телевкеев не предъявил Давыдову именной указ о его аресте, после чего Давыдов, не без оснований, стал звать на помощь людей и поначалу отказывался отдавать свою шпагу. Потом Тайная канцелярия сурово спросила организатора ареста Татищева: зная, «что о именных И. в. указах, не имея оногo собою, употреблять никому не подобает и дело немалое, то для чего помянутому Давыдову объявить вы велели, что якобы по именному Ея и. в. указу повелено его арестовав и под караул в Санкт-Питербурх прислать, не имея о том имянного Ея. и. в. указу?» Татищев оправдывался: он хотел как лучше, чтобы «оной Давыдов не дознался для чего арестуетца, дабы не надумался в говоренных ему, Татищеву, словах к выкрутке себе что показывать». По-своему Татищев был прав — инструкции об аресте государственного преступника обычно предписывали старшему при аресте сделать все возможное, чтобы арестуемый не узнал о готовящемся аресте.

Обычно, приехав в провинциальный или уездный город, нарочный гвардеец являлся к местному воеводе или коменданту, предъявлял ему свои полномочия в форме именного указа или ордера и узнавал от него, где может находиться преступник. Именной указ местному начальнику мог быть персональным, а мог быть общим ко всем властям, независимо от их уровня. В XVII веке такой документ назывался «*проезжая грамота с прочетом*». Смысл ее сводился к тому, что все власти обязывались, под угрозой жестокого наказания, содействовать посланцу сысского ведомства людьми, лошадьми, постоем, деньгами и прочим. Для исполнения именного указа он получал от воеводы в помощь отряд гарнизонных солдат, подьячих и проводников, С этим воинством посланец из столицы и проводил операцию захвата преступников. В 1734 году из Тайной канцелярии на Олонец прибыл каптенармус Степан Горенкин, посланный для ареста старообрядческого старца Павла. Горенкин пришел прямо к местному воеводе Болтину, предъявил ему именной указ и, согласно полученной им инструкции, «*секретно, дабы никто не мог уведать*», спросил воеводу, есть ли скит старца Павла в указанном изветчиком месте, а именно «*Близ Кунса-озера в лесах, расстоянием от онаго озера в пяти верстах*».

В инструкции Горенкину предусматривался также «запасной» вариант действий: «И буде, паче чаяния, оной воевода о том за подлинно хотя и не ведает, но (спросить его. — Е. А.) не обноситца ль о том какова известия (т. е. нет ли слуха. — Е. А.)». Если же воевода ничего не знал об этом деле, то Горенкину надлежало «требовать у него солдат пристойное число, из которых бы хотя один знал означенныя места», соблюдая при этом предосторожности: «И того солдата велеть содержать ему, посланному, уже при себе, чтоб от него не могло ни о чем открыться, и потом ехать в Олонецкой уезд, в дворцовую деревню Кунса-озеро и, приехав, взять той деревни крестьянина Якова (которому по делу отчества и прозвища не показано), и спросить ево про вышеписанного старца Павла, секретно, где он имеетца? И чтоб оной Яков указал место, где оной старец в показанных лесах живет или куда отлучился».

Если же Яков начнет «запираться», то Горенкову можно было действовать жестко и решительно: «Велеть секретно ж спросить, под битьем батогами, и как оной Яков о жительстве того старца покажет, то с тем Яковом, не отпуская его от себя никуда, по указанью его ехать того ж часа секретно ж, и по приезде (на место. — Е. А.), как оногo старца» и всех, кто с ним жил «взять под крепкий караул, и обыскать при них, и где они жительство имеют, писем и книг, и тетрадей, и что по обыску явится, не смотря [самому] того, положить в удобное место и запечатать, токмо велеть смотреть накрепко, чтоб при взятъе означенной старец и живущие с ним не учинили над собою какова повреждения». Посланец из столицы мог арестовывать по своему усмотрению и других людей. Главное — найти место, в котором укрывался старообрядческий старец. При полной неудаче поиска старца, Горенкин ни в коем случае не имел права отпускать допрошенных, а обязан был везти их, прямо с семьями, в Петербург. Но у каптенармуса при аресте старца никаких проблем не возникло, и задание он выполнил хорошо: быстро нашел крестьянина Якова, который без принуждения и побоев отвел отряд в лес, к старцу в келье, где тот жил со своими единоверцами. Солдаты сразу же повязали всех старообрядцев, а книги и письма, найденные в келье, описали и опечатали, а затем, вместе со старцем и его людьми, срочно повезли в столицу.

Аресты не всегда производились в присутствии доносчика, а часто только на основе его описаний. Боясь упустить нужного им человека, посланные захватывали в указанном доме всех подряд его жителей и гостей, чтобы уже потом определить, кто им нужен. Если по указанному извetchиком адресу нужного человека не находили, то нарочный арестовывал и отправлял в тюрьму всех его домашних, дом же опечатывался, а у дверей ставили караул. Иногда же в доме оставляли засаду, чтобы хватать всех, кто приходил и спрашивал хозяина.

Когда допрошенный извetchик точно не знал имен людей, на которых он доносил или не помнил, где они живут, то, как правило, обещал узнать их в лицо, так как «с. рожей их знает». В этом случае прибегали к довольно страшной для нашего времени процедуре — извetchика, которого в этом случае называли «языком», под усиленной охраной, проводили или провозили по указанным им улицам, чтобы он мог точно показать место или причастных к делу людей. Когда появилась эта процедура, точно установить не удалось. В 1642 году стрелецкий голова Степан Аладыков с сотней стрельцов был послан «по гуляшаго человека по Фомку на Ваганьково», на которого при допросе сослался ворожей Афонька Науменок. В деле сказано, что «для опазныванья [Фомки] с ними ж посылан Афонька Науменок», который Фомку не узнал, но показал на другого, знакомого ему человека, которого он признал в толпе.

3 октября 1698 года на допросе в Преображенском приказе (шел Стрелецкий розыск) малолетний стрелец Матюшка Берестов сказал, что он знает бабу, которая передавала стрельцу Ваське Туме секретное письмо от царевны Софьи и что он сможет показать и бабу и двор, где она живет в слободе Чубарова полка. Берестова тотчас повезли в слободу и вскоре указанная им женщина была арестована, причем при аресте выяснилось, что Берестов спутал весьма похожих друг на друга мать и дочь. Но охрана взяла и привезла в Преображенское обеих женщин. Благодаря «языку» Берестову Стрелецкий розыск получил новое продолжение.

В 1713 году доносчика Никиту Кириллова, как «языка», водили по московским улицам, и он указал в толпе на знакомого, но, как потом выяснилось, непричастного к делу человека. Так же 19 августа 1721 года по указу губернатора А. Д. Меншикова, полиция водила по улицам Петербурга арестанта — солдата Антипа Селезнева для опознания мужчин и женщин, обвиненных им «в разглашении непристойных слов разных чинов людям». Сохранился «Реестр, кого солдат Селезнев опознал». В нем учтено 14 человек. «Языка» водили там, где он наслушался «непристойных слов» — преимущественно по притонам и публичным домам (так называемым «вольным домам») на Адмиралтейском острове, в районе Почтового двора и «в Большой Морской улице». Записи допросов жильцов и хозяев, по-видимому, делались на месте: «На дворе торгового иноземца Меэрта никого не опознал и сказал он, Селезнев, что той бабы нет, а он, Меэрт, сказал, что, кроме тех людей, других никаких нет и такой бабы, про которую он, Селезнев, говорил, не бывало. На дворе торгового иноземца Вулфа опознал жену ево Маргету Дреянову. На дворе государева денщика Орлова, в котором живет иноземец Иван Рен, опознал чухонку Анну Степанову... На дворе иноземки Варвары Михайловой, в котором вольный дом, опознал чухонку Марью Петрову дочь... На дворе морского флота капитан-поручика Андрея Петрова сына Допера, в котором вольный дом, опознал жену его капитанскую Агафью Иванову дочь, да серебряного дела подмастерья Николая Иванова».

В 1742 году сдавшийся полиции известный вор Ванька Каин, вместе с отрядом гарнизонных солдат, ходил по Москве и указывал на улицах и в притонах своих бывших сообщников по воровскому делу. В 1750 году, когда Каина окончательно разоблачили как оборотня — официального «доносителя» и одновременно — главу шайки воров и бандитов, то он указал на двоих своих сообщников — купцов из епанечного ряда. Других сведений о них Каин представить не смог, но обещался опознать купцов. В инструкции полицейскому офицеру, которому поручалось вести Каина-«языка», говорилось: Каин «в пыточных речах сказал, что их самих в лицо узнать и лавки показать может, того ради, тебе..., взяв оного вора Каина и за ним команды своей подлежащей безопасной караул, [и] итти в означенной епанечный ряд [епанча — старинная верхняя одежда, т. е. «епанечный ряд» — место, где продавалась одежда. — Е. А.] кого в том ряду он, Каин, купцов, дву человек укажет, то тех при том поверенном взять и до разговоров с Каином не допускать». Из документов политического розыска неясно, как устраивали такой провоз (или провод) извetchика по городским улицам. Наверняка, «язык» был в оковах. Каина одевали в солдатский плащ, чтобы он не отличался от сопровождающих его солдат. Впрочем, сохранилась легенда (отразившаяся в романе Ивана Лажечникова «Ледяной дом»), что на голову извetchику надевали мешок с прорезью для глаз и появление такого человека с конвоем на улицах города тотчас вызывало панику среди прохожих и уличных торговцев — ведь на любого из них мог показать «язык».

«Языков» водили по улицам русских городов весь XVIII век и даже в XIX веке. В своих записках Д. И. Рославлев вспоминает об этом: «Вы, читатель, конечно слышали, что в былые времена по улицам Петербурга водили так называемые языки, то есть каких-либо преступников для того якобы, чтобы указать благодетельному правительству те дома, в которых они привитали или тех людей, которые были их товарищами или пособниками. Завидевши издали приближение таких языков, жители богоспаемого Петрограда сами спасались от грозившей им опасности, бегали в соседние улицы, скрывались в ближайших домах, словом, всячески старались не встречаться с процессиею, потому развозимый язык часто, ни с того, ни с сего, указывал как на своих приятелей, так и на людей, которые и не видавали его».

Провинция в этом отношении не отставала от столицы. С пойманным разбойником доброе начальство — в виде исправников, стряпчих, заседателей земского суда — отправлялось разгуливать по уезду. Настоящих своих милостивцев разбойник, разумеется, не указывал, надеясь, что они еще будут ему полезны впоследствии, зато мстил своим врагам, обзывая их как своих укывателей. Если же у самого развозимого языка не было особенно им нелюбимых людей, то опять тогдашнее начальство принимало на себя труд подсказывать ему имена тех лиц, которых следовало обвинить в пристанодержательстве; для этого, разумеется, избирались достаточные жители, которых начальство хотело поучить. Чтобы дать правдоподобие своим оговорам в обоих случаях, разбойник обыкновенно говорил, что он или знает дом своего приятеля, но не знает его имени, или не знает ни дома, ни имени, но помнит его лицо. В первом случае, проезжая деревню, он указывал на тот или другой дом, что — вот, где много раз проживал и куда отдавал краденые вещи на сохранение или для сбывта. Другой маневр состоял в том, что разбойник никак не мог припомнить

дома, а надеялся узнать хозяина, и вот собирали весь люд-людской деревни. Разбойник внимательно рассматривал всех предстоявших и дрожащих и указывал на своего благодетеля... Во всяком случае обвиненное разбойником лицо арестовывалось». Далее Рославлев рассказывает как оговоренные «языком» давали взятку начальнику и самому злодею.

Доставленного в сыское учреждение преступника или подозреваемого опознавали. Задолго до эпохи Петра I, в деле волшебника Афоньки Науменка (1642—1643) есть описание следственного действия, которое в современной криминалистике называется «опознание». Во время допросов Науменок показал на некоего Никитку Крестенника, о котором говорил как о своем сообщнике. Срочно в Москве отыскали двоих людей, которых звали Никитка Крестенник. Один оказался стрелец, другой — пушкарь. И далее в деле сказано: «И стрелец Никитка Крестенник, и пушкарь Никитка ж Крестенник во многих людех (т. е. среди других людей. — Е. А.) Афоньке Науменку казаны, и Афонька, их смотря неодинова [не раз], а сказал, что того Никитки, у кого для порчи покупал коренье, не опознал и тут его нет. И стрелец Никитка и пушкарь Никитка ж даны на поруки потому, что их Афонька не знает».

Через некоторое время снова провели подобное же опознание — Афонька показал на Сеньку — человека Федора Карпова. По описанию внешности, данному Афонькой, стрельцы начали опрашивать жителей (преимущественно — священников) в указанных преступником частях города. Стрельцы ходили по дворам и говорили жителям: «У Льва, да у Федора Карповых людей зовут Сеньками. Чьи они дети и каков которой Сенька рожаем? и бороды бреют ли или не бреют? и лице у всех ли у них ямковато или нет? и они их знают ли? и где они ныне? видал ли их кто у Федора или не видал? и будет видали, и сколь давно?»

Священники сыску не помогли, но «Иванов, человек Несвицкаго, шел мимоходом... [и] сказал, что-де он знает у Федора Карпова (человека. — Е. А.) зовут Сенькою Прокофьев, бородка невелика, руса, другой Сенька Петров сын Тюхин молод ни уса, ни бороды, и лица у них не ямковаты, а инога Сеньки у него нет». Вскоре оба Сеньки были доставлены в Константиновскую башню Кремля, где находился застенок, «и те люди Федора Карпова в башне в людех поставлены и казаны Афоньке Науменку, и Афонька тех людей не опознал, а сказал, что такого человека, Сеньки, тут нет». Этот метод опознания использовался и позже. Во время Стрелецкого розыска осенью 1698 года так изветчица опознала из нескольких поставленных перед ней придворных служительниц тех, кто передавал секретные письма царевны Софьи взбунтовавшимся стрельцам.

Идентификация имела особое значение при уличении самозванца. После того, как в 1775 году Емельяна Пугачева поймали, власть стремилась убедить возможно большие массы народа в том, что он — не государь, не император Петр III, а самозванец, простой казак. Для этого его везли в Москву в клетке, а по дороге, в Симбирске, скованного Пугачева вывели на запруженную народом площадь. Перед именитыми гражданами Симбирска и толпой народа граф П. И. Панин публично допрашивал «злодея». Надо думать, что вопросы касались самозванства. Когда Пугачев стал дерзить своему высокопоставленному следователю, то Панин избил его. 1 октября 1774 года Панин писал своему брату Никите Ивановичу: «Отведал он от распаленной на его злодеянии моей крови несколько пощечин, а борода, которую он Российское государство жаловал, — до-

вольного дранья. Он принужден был пасть пред всем народом скованной на колени и велегласно на мои вопросы извещать и признаваться во своем злодеянии».

То, что царский генерал таскал за бороду и бил по «харе» (а так в правительственных документах того времени называли физиономию Пугачева) «анператора» должно было убедить сотни собравшихся на площади зрителей в том, что перед ними не настоящий государь, а самозванец, которого, наконец, поймали. П. С. Потемкин намеревался провести нечто подобное и в Казани, чтобы, как он писал Екатерине II, «обличить его перед народом злодейство», однако из Петербурга пришел указ везти Пугачева прямо в Москву. Тогда Потемкин устроил сожжение портрета самозванца в присутствии народа, и вторая же

а Пугачева громогласно подтверждала, что изображенный на портрете Пугачев — ее, дочери яицкого казака, муж. Во время казни 1775 года в Москве на Болоте обер-полицмейстер Н. П. Архаров потребовал, чтобы Пугачев подтвердил свое «подлое» происхождение и самозванство.

Стремясь не допустить «утечки» будущего арестанта, уничтожения им улики, а также намерений предупредить сообщников, политический розыск прибегал к различным уловкам и обману. Ниже мы их и рассмотрим. Самым главным при аресте почиталась внезапность, с которой проводилось задержание. Преступника надо было ошеломить, деморализовать, не дать ему времени подготовиться к аресту и последующим испытаниям на следствии. На внезапности было построено задание, которое Петр I дал Г. Г. Скорнякову-Писареву 10 февраля 1718 года. Посланцу царя предстояло нагрянуть в суздальский Спасо-Покровский монастырь, зайти в келью бывшей царицы Евдокии Федоровны (старичицы Елены) и, арестовав ее, произвести обыск, чтобы захватить все ее бумаги и письма. Точно также были арестованы и другие участники дела царевича Алексея Петровича. А. Д. Меншиков так рапортовал об аресте А. В. Кикина согласно полученному из Москвы указу Петра I: «Получено чрез Софонова февраля в 6 день, в 11 часу по полудни и того ж часу светлейший князь, призвав к себе генерала-маюра Голицына и маеора Салтыкова с преображенскими солдатами, ездил с ними по Александра Кикина и оного застал на дворе в шлафроке и, взяв, привезли во дворец и, посадя на цепь и железа, отослали в город за караулом».

В июне 1744 года из России был выслан французский посланник маркиз Шетарди, против которого провел успешную интригу канцлер А. П. Бестужев-Рюмин. Как известно, по его приказу перлюстрировались все письма посланника, некоторые из них были изъяты и из них был составлен экстракт наиболее резких и неприятных высказываний Шетарди о нравах и характере императрицы Елизаветы Петровны. Между тем, маркиз, способствовавший успешному перевороту 25 ноября 1741 года, принадлежал к кругу близких императрице людей и пользовался ее доверием и расположением. К тому же, он не удосужился предъявить свои верительные грамоты, полагая, что в виде частного лица, бригадира французской армии, он успешнее исполнит поручение своего короля и добьется усиления французского влияния при русском дворе.

Бестужев-Рюмин умело использовал промахи Шетарди. Он предъявил экстракт из депеш посланника императрице, которая была вне себя от ярости и приказала выслать своего бывшего друга из России за 24 часа. Накануне операции Бестужев-Рюмин волновался, как бы его замысел не



провалился — ведь он имел дело с опытным дипломатом. Но благодаря внезапности проведенной операции, замысел коварного вице-канцлера полностью удался. Вот цитата из донесения начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова, князя Петра Голицына, Веселовского и Неплюева о происшедшем 6 июня 1744 года: «По силе высочайшего Ея и. в. повеления нижеподписавшиеся приехали французских войск [к] бригадиру марки[зу] де ла Шетардию в дом полшеста часа по утра (замечим характерное для сыска время — перед рассветом. — Е. А.). И пришел в передню, вошел к ним один служитель, который сказал, что господин его Шетардий болен и всю ночь не спал, но по повторении, чтоб всеконечно о приходе их сказал, с полчетверти часа вышел он, Шетардий, в поруке (парике. — Е. А.) и в полушляфоре (халате. — Е. А.)... При происшествии всего вышесказанного явно было, что он Шетардий, сколь скоро генерала Ушакова увидел, то он в лице переменился».

Думаю, что Шетарди наверняка подумал, что его сейчас арестуют, посадят в крепость и отправят в Сибирь — появление в столь ранний час самого начальника Тайной канцелярии с солдатами обычно это и означало. Опасения Шетарди были весьма серьезны и небезосновательны. Когда в ноябре 1748 года стало известно об аресте лейб-медика Лестока, его близкий друг прусский посланник Финкельштейн, замешанный в интригах при русском дворе, подошел к канцлеру Бестужеву на придворном вечере и заявил, что король его прислал отзывную грамоту и что он срочно покидает Петербург. Тогда Бестужев писал императрице: «Крайне сожальтельно, что сим отъездом избегнет он от путешествия в Сибирь». Отправить Шетарди ловить соболей можно было без затруднений — он, в отличие от Финкельштейна, имел статус частного человека. А как поступают с частным человеком в России, маркиз знал хорошо!

Но сценарий на этот раз был другой: «И тогда генерал Ушаков объявил ему, что прислан к нему в дом по Ея и. в. указу для некоторого объявления, почему тотчас секретарь Курбатов начал читать заготовленную декларацию, по окончании которой он, Шетардий, говорил, что слышит в чем состоит Ея в. соизволение, а желает видеть те доказательства, на которых помянутая декларация учреждена. Секретарь Курбатов потому читал все экстракты из его, Шетардиевых писем, а он Шетардий за ним смотрел и ничего не оспорил ниже оригиналов смотреть хотел, хотя его подпись к последнему письму к Дютейлю (министр иностранных дел. — Е. А.) ему показана была». После этого Шетарди потребовал копий с прочитанных документов, в чем ему было отказано. Тут же Шетарди был представлен подпоручик Семеновского полка Измайлов и Шетарди объявили, что коляски и телеги для его отправки готовы. На это Шетарди сказал, что хотя он сожалеет о принятой Ея величеством об нем резолюции, но когда она принята, то он с благодарением чувствует ту милость, с каковою Ея величество ему соизволение свое объявить повелеть соизволила». В этих словах Бестужев увидел намек на то, что Шетарди был не на шутку испуган появлением Ушакова и опасался оказаться в Петропавловской крепости («и последними своими словами показал, что вящего над собою ожидал»).

Я цитирую письмо Бестужева его заместителю вице-канцлеру (и давнему приятелю Шетарди) М. И. Воронцову. Бестужев с торжеством писал: «Поистине доношу, что такой в Шетардии конфузии и торопкости никогда не ожидали. Вместо того, чтоб светлым умом своим при сем случае действовать, сам опутался собственным признанием, что характе-

ром в кармане пользоваться не может.» Канцлер как раз и опасался, что Шетарди быстро опомнится и покажет Ушакову свои верительные грамоты и потом заявит официальный протест по поводу нарушения русскими властями норм международного права, проявившихся во вторжении вооруженных людей на территорию французского посольства. Кроме того, Шетарди мог отказаться от показанных ему документов, потребовать официальных объяснений Коллегии иностранных дел и канцлера. Словом, была угроза, что начнется международный скандал и тогда уже поступать так бесцеремонно с французским посланником, как с частным человеком, будет очень трудно.

Но внезапность появления русских ошеломила Шетарди. Бестужев пишет: «Конфузия его была велика: не опомнился, ни сесть попотчивал, ниже что малейшее во оправдание свое принести, стоял, потупя нос и все время сопел, жалуюсь немалым кашлем, которым и подлинно не может. По всему видно, что он никогда не чаял, дабы столько противу его доказательств было собрано и когда оныя услышал, то еще больше при-смирел, а оригиналы когда показаны, то своею рукою закрыл и отвернул, глядеть не хотел».

Так внезапность решила дело в пользу Бестужева, отношения с Францией прервались на десятилетие. Фактор внезапности постоянно учитывали при арестах и позже. Внезапно был арестован Ростовский архиепископ Арсений Мациевич в 1762 году, во двор которого нагрянули гвардейцы. 13 апреля 1795 года Екатерина II написала секретный указ главнокомандующему Москвы князю А. А. Прозоровскому о появлении в Москве старообрядческих книг. Она сообщила: «Наипаче же имеем причину подозревать в сем деле известного вам Николая Новикова, который, как слышно, сверх типографии, имеющейся у него в Москве, завел такую и в подмосковной его деревне» (Авдотьиной). Далее императрица указала: «Повелеваем вам, выбрав одного из советников Уголовной или другой какой палаты и одного или двух из заседателей Верхнего земского суда, людей верных, надежных и исправных, послать их нечаянно (неожиданно. — Е. А.) к помянутому Новикову как в московский его дом, так и в деревню, и в обоих сих местах приказать им прилежно обыскать, не найдется ли у него таковая книга, либо другия ей подобныя, или же по крайней мере литеры церковныя. И то и другое будет служить достаточным обличением, что издание помянутой книги есть его дело». Так началось знаменитое дело Николая Новикова.

Были и другие виды внезапного ареста. Один из них описывает в мемуарах Григорий Винский. Мемуарист сидел дома, когда «в 9 вечера слышался стук в передней». «Я, — пишет Винский, — сидя против отворенной зальной двери, где не было огня, и, увидев блеснувшие пуговицы, пошел осведомиться, кто тут? Человек, стоявший в тени, берет мою руку и говорит тихо: “Чтоб не испугать Елеонору Карловну (жена Винского. — Е. А.), я скажу, что заехал звать тебя на вечеринку — потом громко, — А я тебя везде искал, был в двух трактирах, да вздумал и сюда заехать, чтоб взять тебя к Ульрихше” — так назывался известный петербургский трактир». Оказалось, что за Винским приехал знакомый полицейский офицер Лихтенберг, иногда бывавший у Винских в гостях.

«Жена моя — продолжает Винский, — встревоженная, удерживает меня: “Как, теперь поздно извощика не найдешь?”. Офицер отвечает: “У меня карета, пожалуй, проворнее поедем” — “Надобно одеваться?” — “Что за

одеванье? Довольно сюртука!». И так торопливо накинувши сюртук, обнявши милую невинность, вышел я на улицу, где увидел карету, четвернею запряженную и двух верховых. Спрашивать было не о чем...».

Описанный выше «обманный» прием ареста под видом приглашения в гости, на дружескую пирушку, а также под видом («под протекстом») срочного вызова на службу, отправки в командировку не был новостью для екатерининского времени. Чтобы арестовать донесших на гетмана Мазепу Василия Кочубея и Ивана Искру весной 1708 года устроили настоящий спектакль с участием самого царя Петра I и канцлера Г. И. Головкина. В письме царя гетману от 1 марта 1708 года излагался план захвата людей, преступление которых было уже классифицировано до следствия: «Вам сие, яко верному человеку объявляю, чтоб каким образом оных воров поймать (ибо я чаю в сем деле великому их быть воровству и неприятельской факции). К поиманию же их такое свое мнение объявляю, что мы их присланных (с доносом. — *Е. А.*) отпустим, яко бы веря им в том, чтоб оныя Кочубей и прочия, быдто бы ради лучшего ведения в том деле, сами к Нам приехали, ибо, ежели б явно послать по ним, то б, чаю, конечно, ушли, но сим подлогом чаем их приманить... а пока оныя попадутся, извольте о сем деле тихо держать, яко бы не ведаете о сем». И вскоре канцлер Головкин писал Мазепе из Бешенковичей, что «воры, Кочубей и Искра, приехали добровольно в Смоленск и оных велели мы за крепким караулом привести сюда».

В 1725 году сыском были арестованы синодские секретари Дудин и Тишин. Утром 18 августа в Синод пришел гвардейский унтер-офицер Хрущов и объявил секретарям, что их вызывают в Сенат. Как только они вышли на улицу, Хрущов арестовал Дудина и Тишина и отвез в Петропавловскую крепость. Обеспокоенные члены Синода послали архимандрита Афанасия Кондоиди в Тайную канцелярию чтобы узнать «о причине такого самовольного обманного захвата его чиновников». Из сыска довольно грубо ответили: «Какое до синодальные секретарей касается дело, о том знать Святейшему Синоду не надлежит».

Крестник Петра I Абрам Ганнибал, попавший весной 1727 года под подозрение всесильного А. Д. Меншикова, внезапно получил из Военной коллегии указ о срочной командировке в Казань, якобы по инженерным делам, куда ему надлежало отбыть немедленно. Не успел он приехать в Казань, как там его ждал новый указ из Петербурга: отправиться немедленно в командировку в Тобольск. Одновременно сибирскому губернатору князю М. В. Долгорукому ушел указ, чтобы прибывшего Ганнибала отослать в Селенгинск, да еще присматривать за ним, чтобы он, случаем не сбежал в Китай. Довольно быстро Ганнибал понял, что все эти, удаляющие его от столицы, командировки — форма опалы. С дороги он принялся писать жалобные челобитные, письма к благодетелям, но ему уже ничего не помогло — в Селенгинске его арестовали, а потом исключили из гвардии и написали майором Тобольского гарнизона.

Весьма тонко и коварно действовал в Березове в 1738 году капитан гвардии Федор Ушаков, посланный для расследования доноса таможенно-го подьячего Тишина на князей Долгоруких. Прибыв в Березов, он скрыл ото всех цель своего приезда (а она, согласно инструкции, была такой: «Секретно собрать подтвердительные сведения о дерзких... словах» Долгоруких), сблизился со ссыльными и местной администрацией, увидел собственными глазами всю обстановку в Березове и потом, дружески распро-

навшись с березовцами, вернулся с докладом в Петербург. Там он получил полномочия для ведения следствия, и в сентябре 1738 года около 30 человек (по другим данным — 60): Долгорукие, начальник охраны ссыльных майор Петров, священники и другие жители Березова были внезапно арестованы приехавшим, на этот раз с конвоем, Ушаковым, доставлены в Тобольск, где и началось кровавое следствие.

Канцлера А. П. Бестужева-Рюмина арестовали по обвинению в заговоре внезапно 25 февраля 1758 года. В этот момент он болел, но, именем императрицы, ему предписали прибыть во дворец. Как описывает далее французский посланник де ла Мессельер, «приближаясь к подъезду дворца, он изумился, когда увидел, что гвардейский караул (обыкновенно отдававший ему честь) окружил его карету посредством движения, сделанного им направо и налево. Майор гвардии арестовал его как государственного преступника и сел с ним в карету, чтобы отвести его домой под стражею. Каково было его удивление, когда, возвратившись туда, он увидел дом свой занятый четырьмя батальонами (думаю, что это преувеличение. — *Е. А.*), часовых у дверей своего кабинета, жену и семейство в оковах, а на бумагах своих печати».

Прибегал сыск и к обманным вызовам из-за границы. В 1690 году сыск выманил из Польши в Великие Луки главного свидетеля по делу Сильвестра Медведева поляка Дмитрия Сплина, что позволило отправить ученого монаха на плаху. Знаменита и история задержания «принцессы Владимирской» («Таракановой»). По указу Екатерины II ее обманом вывез из Италии находившийся в Ливерно с эскадрой А. Г. Орлов. Для успешного исполнения указа государыни Орлов прикинулся влюбленным в девицу и увлек ее — а мужчина он был видный и красивый. Позже, в отчете о происшедшем он писал: «Она ко мне казалась быть благоклонною, чего для я и старался пред нею быть очень страстен. Наконец, я ее уверил, что я бы с охотой и женился на ней и в доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь более, поверила. Признаюсь, милостивая государыня, что я оное исполнил бы, лишь только достиг бы до того, чтобы волю В. в. исполнить». 21 февраля 1776 года Орлов заманил самозванку и ее свиту на русский флагманский корабль «Три иерарха», стоявший в гавани Ливерно и на борту корабля ее арестовали, а затем отвезли в Петербург. При этом Орлов продолжал ломать комедию. Он послал ей якобы тайную записку, из которой следовало, что и его также арестовали, просил возлюбленную терпеть, обещал при случае освободить из узилыща. Все это было сделано для того, чтобы доставить самозванку в целости и сохранности в Россию, а для этого «манить» ее несбыточными надеждами. После ухода корабля Орлов вернулся на берег и написал Екатерине, что самозванка «по сие время все еще верит, что не я ее арестовал».

Намерение сыскных чиновников выманить, обмануть жертву можно объяснить их желанием не поднимать лишнего шума, не создавать паники среди родных и соседей. Опасались посланные и сопротивления, которое может оказать арестованный. В 1722 году капитан Цей, посланный арестовать нарымского коменданта Ф. Ф. Пушкина, встретил с его стороны вооруженное сопротивление и в стычке даже пролилась кровь. В 1739 году при аресте белгородского губернского секретаря Семена Муратова он не дался схватить себя, заперся в доме и «людям своим кричал, чтобы били в колокола и то знатно имел некакое умышление». В 1740 году при аресте оказали отчаянное сопротивление герцогу Бирон и его брат Густав.

Солдатам пришлось «успокаивать» их прикладами и связывать. Когда в 1752 году одоевский воевода Иван Языков, приняв донос Алексея Проина, решил арестовать таможенного голову И. Г. Торубеева, на дворе уже темнело. Посоветовавшись с подчиненными, воевода отложил акцию, опасаясь, что люди Торубеева «дадут бой» солдатам и преступник сумеет в темноте «учинить утечку». Не хотел сыск при аресте тревожить, без надобности, общество. Распоряжаясь в марте 1772 года об аресте фальшивомонетчика Сергея Пушкина, Екатерина II писала князю М. Н. Волконскому: «При сем старайтесь всего того отдалить, чтоб в публике казаться могло насилием». Кроме того, существовала еще одна, весьма важная причина для внезапности ареста — о происшедшем, как возможно дольше, не должны были узнать возможные (неизвестные еще следствию) сообщники преступника. Нельзя было допустить и того, чтобы арестуемый предупредил их об опасности. Не всегда доверяли и тем, кто проводил арест.

При задержании секретарей Сенатской конторы в Москве Ивана Богданова и Семена Молчанова, а также камерира Камер-коллегии Алексея Оленева из Петербурга в Москву был послан прапорщик Алексей Ильин. Инструкцию ему дал А. И. Ушаков в запечатанном виде. По особому именному указу от 30 июля 1738 года главнокомандующему Москвы С. А. Салтыкову предстояло присутствовать при вскрытии конверта с инструкцией «для лучшего содержания секрета, чтоб он (Ильин. — Е. А.) о той порученной ему комиссии прежде времени ведать не мог». Прочитав инструкцию, Салтыков должен был отдать Ильину приказ: «Арестование вышеписанных секретарей и камер[ира] учинить незапно, без малейшего разглашения, чтоб те секретари и камер[ир] о том прежде уведать и скрыться не могли, и для того имеете вы тотчас и, не выпуская его от себя, дать ему потребное число солдат с унтер-офицеры, с которыми б он ту комиссию немедленно и без всякаго помешательства исправить мог».

Внезапность ареста, суровое обращение при этом, быстрый и такой же суровый допрос, да еще перед высокими начальниками, а то и государем, выбивали людей из седла, и они терялись. Позже такой допрос стали называть «моментом истины». Так, в 1718 году известный генерал петровской поры князь В. В. Долгорукий был внезапно арестован по делу царевича Алексея и в своей челобитной Петру I после допросов так объясняет свои явно неудачные для него показания: «Как взять я из С.Петербурга нечаянно и повезен в Москву окован, от чего был в великой desperation (отчаянии. — Е. А.) беспамятстве и привезен в Преображенское и отдан под крепкий арест и потом приведен на Генеральный двор пред Царское величество и был в том же страхе; и в то время, как спрашивай я против письма царевича пред Царским величеством, ответствовал в страхе, видя слова, написанныя на меня царевичем приняты[ми] за великую противность и в то время, боясь розыску, о тех словах не сказал».

Следует подробнее остановиться еще на одной обстоятельной инструкции по задержанию преступников, которую против обыкновения получил от императрицы Анны Ивановны сам начальник Тайной канцелярии генерал А. И. Ушаков. В 1733 году, как уже сказано выше, в Петербурге получили извет дворянина Федора Красного-Милашевича на смоленского губернатора князя А. А. Черкасского, которого изветчик обвинял в государственной измене. Дело было настолько важное, секретное и срочное, что арест высокопоставленного чиновника императрица пору-

чила А. И. Ушакову. Ему же вручили особую инструкцию, которая интересна для нас тем, что в ней предусматриваются все тонкости предстоящей операции.

Ушаков приехал в Смоленск якобы проездом в Польшу по делам службы — в это время шла русско-польская война. Прибыв в город, генерал был обязан сразу явиться прямо к губернатору и тотчас «оного купно всем своим домом и служителями взять под крепчайший караул». Одновременно люди Ушакова захватывали всех возможных сторонников Черкасского, но так, чтобы они были взяты, «сколько возможно в одно время, дабы друг про друга не сведали и уйти не могли». Письма и бумаги всех арестованных надлежало собрать вместе и опечатать в мешки. Везти задержанных в крепость следовало ночью, чтобы не привлечь ничего интереса. При этом, арестанты не могли находиться вместе ни одной минуты, «чтоб друг с другом не говорили, также и никого говорить с ними не допускать; ни пера, ни бумаги не давать и в прочем все те же предосторожности взять, как с такими крамольниками принадлежит».

В этой инструкции отражены все те принципы ареста политических преступников, о которых шла речь выше (внезапность, секретность, одновременность арестов, особое внимание к уликам, осторожность при конвоировании и т. д.) Однако в инструкции Ушакову есть разделы, которых мы обычно не встречаем в типовых, выданных гвардейскому прапорщику или сержанту, указаниях об аресте. Неординарность инструкции Ушакову в том, что ему предлагалось сразу же после захвата Черкасского и его сообщников, не мешкая, прямо на месте начать расследование преступления. Весь расчет немедленных допросов строился на внезапности и демонстративной строгости ареста, что должно, по замыслу авторов инструкции, смутить преступника и облегчить его разоблачение. Черкасского следовало сразу же начать допрашивать по положениям извета Миклашевича, а также на основе захваченных при аресте документов.

В инструкции Ушакову конкретно сказано, что нужно искать в бумагах губернатора, а именно — присланное на его имя из-за границы письмо доносчика Миклашевича (о котором властям стало известно из доноса). Дело в том, что Черкасский послал Миклашевича за границу для установления связи с внуком Петра I, сыном его дочери Анны Голштинским принцем Карлом-Петером-Ульрихом (будущим Петром III). Миклашевич должен был с дороги сообщать Черкасскому о том, как проходит его поездка. По мнению авторов инструкции, это письмо являлось наиболее сильной уликой против губернатора при обвинении его в измене. Ушакову предписывалось, обнаружив это письмо Миклашевича в бумагах губернатора, начать сразу же допрашивать Черкасского о его преступной переписке с границей. При этом Ушаков не должен был говорить Черкасскому ни слова, что Миклашевич подал на него извет, что доносчик находится в России и даже привезен Ушаковым в Смоленск. «Ежели — отмечено в инструкции, — он в том винится, то тотчас требовать от оного, чтоб он, без всякой утайки, объявил всех тех, которые в сем злодейском деле причастны, кои о том хотя только ведают и, ежели объявит, то тотчас надлежащая меры взять, чтоб они, без разглашения, пойманы и за караул взяты были...»

Столичные власти особенно тревожили возможные связи Черкасского с Украиной, о чем сообщил им изветчик. В инструкции Ушакову сказано об этом: «Особливо его, губернатора, спрашивать к кому он, по письму

герцога Голштинского, в Украину писал и о чем он писал, и какой ответ получил, и где те письма, и какое согласие и намерение с ними имел, и, если что важно в том откроется, то того же часу послать нарочного на Украину (к командующему русскими войсками на Украине генералу Вейсбаху. — Е. А.)... и велеть ему тамошних причинных по тому же немедленно арестовать». В столице Украины Глухове при гетмане находился генерал Семен Нарышкин, которому как родственнику герцога Голштинского императрица Анна Ивановна не доверяла. Поэтому здесь Ушакову предписывалось «смотреть, не найдется ли за ним какой след».

Опасения мятежа в военное время в пограничной Смоленской губернии казались столь велики, что Ушакову было указано содержать арестованных «в наивысшем секрете, чтоб прежде времени отнюдь в народе не разгласилось». Ему же следовало внимательно наблюдать за настроениями смоленской шляхты, которую подозревали в симпатиях к только что избранному против воли России польскому королю Станиславу Лещинскому. Ушаков не должен был допустить попыток мятежа смолян и с этой целью начальнику Тайной канцелярии, на время операции, были переподчинены воинские части, стоявшие в Великих Луках и в Торопце.

Инструкцию составляли люди (думаю, что среди них был А. И. Остерман), которые стремились предусмотреть все возможные случайности. Они надеялись на то, что высокопоставленный порученец будет действовать быстро и неожиданно для преступников. Так, в случае «упрямства» Черкасского на допросах, ему приготовили следственный «сюрприз» — очную ставку с доносчиком Милашевичем, которому Черкасский доверял как близкому человеку и через которого он хотел поддерживать связь с герцогом Голштинским. По расчетам Черкасского Милашевич должен был находиться в это время в Германии, в Киле, у герцога. Эффект незапного появления извечника, тайно привезенного Ушаковым в Смоленск, предстояло усилить очной ставкой губернатора со служителем, через которого Милашевичу было передано письмо Черкасского, а также с его личным секретарем, знавшим тайные дела начальника. При этом Ушакову разрешалось подготовить секретаря к очной ставке с его шефом: «По жесточае поступать, дабы подлинную правду из него выведать» «По жесточае» — означало провести допрос жестко, с угрозами, запугиванием, хотя и без пытки.

Методы, примененные Ушаковым, достигли полного успеха — арест Черкасского в Смоленске прошел быстро и гладко. Губернатор, деморализованный внезапным появлением в городе начальника страшной Тайной канцелярии, сразу же признал свою вину, дал подробные показания, написал жалостливую челобитную на имя императрицы и, вместе с другими колодниками, был благополучно доставлен в Петропавловскую крепость.

Допрос сразу же после ареста применил и обер-прокурор Сената В. А. Всеволожский, приехавший в 1769 году в Устюжну-Железнопольскую расследовать дело корнета Ивана Батюшкова, который говорил о себе как о сыне английского короля и Елизаветы Петровны. Как писал в отчете Всеволожский, при встрече с Батюшковым он «хотел первое смятение чувств его употребить себе в пользу к открытию дела, мне порученного, и для того объявил данное мне высочайшее повеление об исследовании над ним, Батюшковым, по показанию Опочинина, не сказав, однако же кто на него доносит. После сего я увещевал его и, приводя к чистосердечному покаянию, спрашивал у него по заготовленным статьям».

Сочинением инструкций нарочным подготовка к аресту политическое преступника не ограничивалась. В ряде случаев нам известно, что до ареста за подозреваемым велось наружное наблюдение. Об этом писал голландский дипломат де Би, переписка которого с Гаагой летом 1718 года во время дела царевича Алексея Петровича, подверглась перлюстрации, а за самим дипломатом следили. Он сообщал в Гаагу: «Я узнал от слуг моих, что... в течение трех недель, с самого раннего утра, безотлучно находилось в саду моем неизвестное лицо, которое записывало всех, приходивших ко мне... , я ни разу не выходил из дому без того, чтобы за мною не следили издали двое солдат, чтобы видеть, с кем я буду разговаривать дорогою». Позже вице-канцлер П. П. Шафиров подтвердил дипломату, что за ним следили — русскому правительству не нравились его депеши в Голландию и поэтому решили проследить, откуда он для них черпает материал. По этому же делу еще до ареста была установлена слежка и за близким к царевичу Алексею Петровичу А. В. Кикиным. Петр I писал из Москвы в Петербург А. Д. Меншикову, что еще до отъезда в Москву на расследования «вам я приказывал при отъезде, чтоб на него око имели и стерегли, чтоб не ушел».

Шпионаж за иностранцами и собственными подданными был делом обычным в России с незапамятных времен. Речь идет не о добровольных или вынужденных доносчиках, а о службе более-менее профессиональной. Адам Олеарий описывает как в Москве XVII века боролись с матерщиной: «Назначенные тайно лица должны были по временам на переулках и рынках мешаться в толпу народа, а отряженные им в помощь стрельцы и палачи должны были хватать ругателей и на месте же, для публичного позорища, наказывать их». Шпионами были, как правило, люди из полиции, переодетые солдаты, мелкие чиновники, торговцы, преступники, которых поймали с поличным, но выпустили, чтобы они «отрабатывали» свою вину. Дело 1740-х годов о Ваньке Каине показывает, как это происходило в жизни.

Ванька Каин, крупный московский вор и грабитель, «покаялся» перед властями, выдал несколько десятков своих товарищей и стал официальным «доносителем» Сыскаго приказа. При этом он, как сказано выше, взялся за старое дело, сочетая сыскную и доносительскую работу с ремеслом вора и грабителя. Когда впоследствии Каина спросили, почему он не выдал целую банду уличных воришек, снимавших на улицах с людей шапки, то Каин отвечал, что все они работали на него: если требовалось найти какую-нибудь ворованную вещь или пропавшего человека, они рассыпались по Москве, по всему ее «дну», и находили то, что нужно было Ваньке и его клиенту. Этими же средствами пользовалась и тайная полиция для добывания различных сведений.

В документах XVIII века часто употребляется выражение «Под рукой», что означает тайные действия, секретный сбор материалов и сведений. Такие задания часто давала главнокомандующему Москвой С. А. Салтыкову императрица Анна Ивановна, которая писала ему: «Как возможно тайным образом истину проведать и к нам немедленно написать». С помощью шпионов, которые в 1740 году по выражению людей тех лет, «лежали на ухе» у регента империи герцога Бирона, он узнавал многие придворные тайны и мнения и жителей Петербурга о его правлении. Впрочем, помогло это ему, как известно мало — вскоре Бирона сверг Миних.

За цесаревной Елизаветой Петровной, которую императрица Анна Ивановна, а потом и правительница Анна Леопольдовна опасались как

возможную конкурентку в борьбе за престол, в 1730 — начале 1740-х годов был установлен постоянный тайный присмотр. В 1742 году, после того, как Елизавета оправдала все-таки опасения своих предшественниц и стала императрицей, Миниха обвинили в том, что он шпионил за цесаревной. В оправдание он говорил, что организовать слезку за цесаревной приказала ему, еще в 1731 году сама императрица Анна Ивановна, «понеже-де (Елизавета. — Е. А.) по ночам ездит, и народ к ней кричит, показуя свою горячность, кто к ней в дом ездит». Возле дворца цесаревны учредили особый тайный пост — «безвестный караул», при котором долгое время, «бесменно для присматривания», находился урядник Щегловитов.

В январе 1741 года на этом посту стояли аудитор Барановский и сержант Оберучев. Тем самым они исполняли именной указ правительницы Анны Леопольдовны, которая через гвардейского майора Альбрехта предписала Барановскому: «На том безвестном карауле имеет он смотреть во дворце... Елизавет Петровны: какия персоны мужеска и женска полу приезжают, також и Ея высочество... куда изволит съезжать и как изволит возвращаться, о том бы повсядневно подавать записки по утрам ему, майору Альбрехту», что тот и делал. Для этого Барановскому отвели специальную квартиру в соседнем с дворцом доме, из которой, по-видимому, и велось наблюдение за всеми посетителями дворца Елизаветы. Квартира-пост была строго засекречена и о сохранении тайны ее помощника Барановского сержанта Оберучева предупреждали под страхом смерти. Утренние записки-отчеты шпионов сразу попадали к мужу правительницы, принцу Антону-Ульриху.

Брауншвейгскую фамилию, стоявшую тогда у власти, беспокоили, в первую очередь, тайные связи Елизаветы с гвардейцами, а также с французским послом маркизом Шетарди, о приезде которого к Елизавете предписывалось рапортовать немедленно по начальству. Позже, на следствии по делу Миниха в 1742 году, Оберучев показал, что «Альбрехт, бывало спрашивал, что не ходят ли к государыне Преображенского полку грендиры? и он, Оберучев, на то отвечивал, что не видно, когда б они ходили». Из допроса еще одного шпиона — Щегловитого, видно, что Миних приказывал ему нанимать извозчиков и ездить по городу вслед за экипажем Елизаветы Петровны.

Когда весной 1741 года возникла опасность сговора Елизаветы с Минихом, то и за домом фельдмаршала установили тайный надзор. По личному указу принца Антона-Ульриха секунд-майор Василий Чичерин с урядником и десятком гренадеров «не в солдатском платье, но в шубах и в серых кафтанах» следили за домом Миниха. Они имели инструкцию (в верности которой их заставили присягнуть), «что ежели оный фельдмаршал граф Миних поедет из двора инкогнито, не в своем платье, то б его поймать и привести во дворец».

Из позднейшего допроса Чичерина на следствии 1742 года видно, что гренадеры следили за домом Миниха по ночам и делали это поспешно, а гренадеры к тому же показали, что сам Чичерин «за ними смотрел, чтоб они всегда ходили и их бранивал, ежели не пойдут». Чичерин возмущался не без основания: каждый гренадер-шпион получал за работу огромные тогда деньги — 20 рублей, а капрал — 40 рублей. По-видимому, власти внедрили «надежных людей» (так это называлось в документах) и в число слуг цесаревны, с чем связан внезапный арест в 1735 году регента хора цесаревны Петрова, причем у него сразу же забрали тексты подозритель-

ных пьес, которые из Тайной канцелярии передали на экспертизу Феофану Прокоповичу.

Следует отметить, что к 25 ноября 1741 года, когда Елизавета совершила государственный переворот, сведения о подготовке путча правительство Анны Леопольдовны получило из самых различных источников, как из-за границы (через Стокгольм, Лондон, Бреславль), так и в самом Петербурге — через доносы и наружное наблюдение. Ни одно тайное свидание заговорщиков не проходило мимо тайных агентов. Данные о заговоре Елизаветы и ее сторонников отличались полнотой и с несомненностью свидетельствовали об угрозе государственной безопасности. Однако Анна Леопольдовна не использовала их по назначению, а, наоборот, даже проговорила о своих подозрениях цесаревне в личной беседе, чем и подтолкнула последнюю к решительным действиям в ночь на 25 ноября 1741 года.

Услугами шпионов постоянно пользовались и другие правители для самых различных тайных целей: как для подготовки арестов, так и для сбора секретной информации. Шпионов посылали в кабаки выведать мнение народа и хватать для острастки всякого, кто позволит себе высказать критику в адрес властей. О том, что правительственные шпионы проводили время в кабаках, известно из разных источников. Сразу после установления регентства Бирона Шетарди писал: «Кабаки, закрытые в продолжении многих дней, открыты. Шпионы, которых там держат, хватают и уводят в темницу всех, кто, забывшись или в опьянении осмелится произнести малейший намек» о правлении Бирона. В 1773 году генерал А. И. Бибиков по доносу Гавриила Державина о готовящемся бунте двинутого в Поволжье Владимирского гренадерского полка, «писал секретно... к губернаторам Новгородскому, Тверскому, Московскому, Володимирскому и Нижегородскому, чтоб они, во время проходу полков в Казань мимо их губерний, а особливо гренадерского Владимирского, по дорожным кабакам приставили надежных людей, которые бы подслушивали, что служивые между собою говорят во время их покоек. Сие распоряжение имело свой успех, ибо по приезде в Казань получил он донесение от Нижегородского губернатора Ступишина, что действительно между рядовыми солдатами существует заговор положить во время сражения пред бунтовщиками ружья, из которых главные схвачены, суждены и тогда же жестоко наказаны». Недаром Екатерина II требовала от В. И. Суворова в 1762 году иметь по полкам «уши и глаза».

В ноябре 1748 года лейб-медик Елизаветы Петровны Иоганн-Герман Лесток узнал от слуг, что возле дома постоянно болтаются какие-то «незнаемые» люди. Они прохаживались то поодиночке, то вдвоем, одеты были в солдатские плащи или в серое ливрейное платье. Некоторые из них расспрашивали слуг об их барине, узнавали дома ли он, куда ездит, кто к нему приезжает. Из дела Лестока видно, что указ о слежке за лейб-медиком дала сама императрица, а начальник Тайной канцелярии А. И. Шувалов поручил наблюдение капралу Семеновского полка С. Каменеву и его солдатам. Приятель Лестока капитан Александр Шапизо также заметил, что при виде саней Лестока или его, Шапизо, эти люди прячутся или бегут за саними, чтобы узнать, куда направились сани. 9 ноября слуги Лестока одного из «шпигов» захватили, и Лесток, угрожая ему батожем, сумел добиться признания, что слежку он ведет по указу начальства. Лесток понял, что его дни на свободе сочтены. Это стало началом опалы влиятельнейшего сановника императрицы. Вскоре его арестовали.



Екатерина II часто требовала, чтобы Московский главнокомандующий А. А. Вяземский представлял ей сведения, собрав их «без огласки». Шпионской сетью в Петербурге ведал начальник столичной полиции, а в старой столице — московский обер-полицмейстер Николай Архаров. Именно Архарову императрица предписала навести «под рукой» справки о благонадежности некоторых людей, об их высказываниях, требовала установить за некоторыми подданными постоянный тайный надзор, наказывала выловить распространителей слухов. В начале сентября 1773 года она велела учредить надзор за генералом П. И. Паниным, не одобрявшим политику правительства. 9 сентября Волконский писал Екатерине, что он получил письмо императрицы о посылке в деревню Панина, где он жил, «одного надежного человека выслушать его дерзкия болтанья. На оное сим всеподданейше доношу: подлинно, что сей тшеславный самохвал много и дерзко болтает и до меня несколько доходило, но все оное состояло в том, что все и всех критикует, однако такого не слышно, чтоб клонилось к какому бы дерзкому предприятию. Я хотя всегда за ним мое примечание имел, а таперь еще удвою оное и употребил разные каналы его слова сведать, когда что уведаю, то тогда В. и. в. донесу».

По-видимому, Панин понял, что за ним следят и несколько умерил свои критические высказывания о властях: «Примечательно есть, — пишет Волконский, — что он, Панин, с некоторого времени гораздо утих, в своем болтаньи несколько скромнее стал. Не знаю, происходит ли сия скромность от страха или для закрытия каких видов». 30 сентября 1773 года он сообщал императрице: «Я употребил надежных людей присматривать за Паниным (который на сих днях из деревни в Москву переехал), через оных известился, что он, как я и прежде доносил, стал гораздо в болтаньях своих скромнее...»

Екатерининское время примечательно тем, что агентам тайной полиции поручали наблюдать и за общественными настроениями. В этом состоял не только личный интерес императрицы, хотевшей знать, что о ней и ее правлении думают люди, но и новые представления о том, что мнение общества нужно учитывать в политике и, более того, нужно контролировать, обрабатывать и направлять в нужную власти сторону.

Одним из первых постановлений о наблюдении за общественными настроениями стал указ регента Бирона 1740 года. Регент известен тем, что он засылал агентов на улицы Петербурга, чтобы послушать толки народа о «политическом моменте». 26 октября 1740 года он предписал главнокомандующему Москвы Салтыкову «в самом секрете...», чтоб вы под рукою, искусным образом осведомиться старались, что в Москве между народом и прочими людьми о таком нынешнем определении (т. е. указ о его регентстве. — Е. А.) говорят и не приходят ли иногда от кого о том непристойныя рассуждения и толкования». При появлении таких толкований, Салтыков должен был немедленно сообщить в Петербург, «а между тем оное, без отлагательства и запущения, надлежащим образом пресечь и прекратить».

Однако только при Екатерине II этой деятельности розыска стали уделять особое внимание, что мы можем видеть из переписки императрицы с Н. И. Паниным после убийства в Шлиссельбурге Ивана Антоновича в августе 1764 года и особенно во время восстания Пугачева. В декабре 1773 года, когда восстание вызвало волну слухов, М. Н. Вяземский сообщал, что он распорядился послать «надежных людей для подслушивания раз-

говоров публики в публичных соборищах, как-то в радах [торговых рядах], банях и кабаках, что уже и исполняется, а между дворянством также всякие разговоры примечаются».

Тогда, как и позже, сыск собирал слухи, а потом их обобщал в своих докладах. Впрочем, уже тогда проявилась характерная для тайных служб черта. Под видом сбалансированности и взвешенности выводов, руководству представлялась приукрашенная информация. Чем выше по иерархической лестнице власти поднималась информация о том, что «одна баба на базаре сказала», тем существеннее она подправлялась чиновниками.

В конце 1773—1774 годов, когда восстание Пугачева взбудоражило русское общество, главнокомандующий Москвы князь Волконский послал государыне вполне успокаивающие сводки о состоянии умов в старой столице, выпячивая патристические, верноподданические настроения ее жителей: «Болтанье теперь больше в том состоит, а паче между простым народом (как я прежде доносил) относительно до генерал-майора Кара (потерпевшего поражение от войска Пугачева. — Е. А.), которого народ бранит, называя его трусом и говорят: “Какой он генерал, что не мог с таким бездельником управиться и сам суды ушел! Его бы надо повесить!” Я радуюсь, всемиловитейшая государыня, сей народной ревности и усердию». 7 января 1774 года он сообщал о реакции народа на объявление манифеста о Пугачеве: «Я велел примечать при публикации народного положение, которое и примечено, что народ с жадностью слушал оное объявление и после большая часть народа кляли и бранили бунтовщика и самозванца, а другие говорили с презрением и смехом: “Вот какой, вздумал государем быть!”. Здесь, всемиловитейшая государыня, все тихо и смиренно и через все дни праздника никаких не порядков не было, и врак гораздо меньше стало».

Можно сомневаться в точности «анализа» Волконским настроений жителей города, за безопасность которого, он как главнокомандующий, отвечал головой. Поэтому Волконский, как каждый начальник, стремился, чтобы картина общественного мнения во вверенной его попечению Москве выглядела для верховной власти как можно более симпатичной. Традиция подобной обработки агентурных сведений была, как известно, продолжена и в XIX веке.

Думаю, что императрица не особенно доверяла оптимистическим рапортам Волконского. Иначе бы летом 1774 года, когда восстание Пугачева достигло пика и стали распространяться слухи о его походе «чтоб тряхнуть матушкой Москвой», она бы не предупредила Волконского «держатъ ухо востро», чтобы «хитрый злодей государственный не нашалил в вашем месте и нечаянно посереде города». Тогда Екатерина II сделала и серьезную попытку повлиять на общественные настроения. Императрица, совершившая государственный переворот, обвиняемая народом в убийстве собственного мужа, который вдруг «воскрес» на Яике, нуждалась в благоприятном к ней общественном мнении, хотя, в глубине души, она явно не имела иллюзий относительно народа, которого называла «неблагодарным».

Поощряя занятия Волконского в розыске, императрица писала ему, что «как по умоначертанию нашего народа по теперешним обстоятельствам более надлежит ожидать умножение вралей, нежели уменьшение врак», то она обеспокоена частыми поездками московского главнокомандующего в Контору Тайной экспедиции, и полагала, что всякая такая поездка «может

быть в легкомысленных людях, а особенно в развращенных политиках, произвесть новые вредные толки: во избежание чего» она запретила Вяземскому самому ездить в застенки, а послала для этого в Москву двух офицеров гвардии, которые и должны были заняться розыском.

Влияние на общественное мнение заключалось как в сокрытии от него (впрочем — тщетном) фактов и событий, так и «пусканием благоприятных слухов», которые должны были противостоять слухам, исходящим от «вралей», а также в выявлении и примерном наказании самих болтунов. 29 июля 1774 года Вяземский сообщал: «Здесь, всемилостивейшая государыня, все тихо и, паче чаяния моего, в простом народе гораздо меньше вранья, как прежде было, что могу приписать строгому смотрению полиции: как обер-полицмейстер, так и подчиненные его офицеры, наиприимнейшим образом должность свою исполняют и не только безпрестанные по городу патрули делают, но и неприметным образом о всем разведывают, где только собрания народныя бывают». В письме 1 августа 1774 года Вяземский эту тему продолжил: «Здесь тихо, но в уезде есть разглашения, что будто злодей Пугачев, называя его Петром Третиим, сюда идет, от чего многие в страх пришли. Я послал в разныя места партии казакия таких вредных разгласителей ловить и стараюсь тот страх из головы у слабых людей выбить». По городам губернии разослали указ о «ловлении разгласителей».

Беспокоил власти и высший свет, и простые дворяне. Петербургскими «вралями» занимался С. И. Шешковский, а в Москве это дело императрица поручила Вяземскому. По его наблюдениям, причиной слухов являлись «по большей части барыни», с которыми он уже проводил «разъяснительные» беседы: «Я уже многим принужден был мораль толковать, кажется, поосторожней стали в болтаньях своих». И позже императрица не упускала возможности выведать и наказать распространителей слухов и пасквилей о ней: «Старайтесь через обер-полицмейстера — пишет она 1 ноября 1777 года о каком-то пасквиле Вяземскому, — узнать фабрику и фабриканта таковых дерзостей, дабы возмездие по мере преступления учинить можно было».

В нескольких случаях мы имеем дело с очевидными провокационными действиями сыска, хотя принято считать, что провокация — детище Департамента полиции второй половины XIX века. Впрочем, П. Е. Щеголев считал первым провокатором Ипполита Завалишина, создавшего из молодых офицеров в 1826 году в Оренбурге тайное революционное общество, чтобы потом выдать его участникам властям. Выше уже говорилось о личном участии Петра I в аресте государственных преступников. Обстоятельства этого ареста интересны как раз тем, что власти использовали провокацию. Напомню, что 9 декабря 1718 года Петру I стало известно, что приехавший в Петербург тихвинский архимандрит на монастырском подворье по ночам «певал молебны тайно» перед чудотворным образом Богородицы (надо понимать — знаменитой Тихвинской Божией матери). Царь приказал доносчику на архимандрита гардемарину Каблукову пойти к святому отцу и просить его, чтобы он «пред помянутым образом Пресвятыя Богородицы отпеть ему молебен тайно ж». И когда архимандрит начал ночную службу, гут-то и нагрянул сам царь, который забрал образ и архимандрита с его людьми в Тайную канцелярию.

В 1713 году Стефан Яворский пытался уличить Д. Е. Тверитинова в еретичестве. Для этого Леонтий Магницкий и вице-губернатор Москвы

В. Ершов пригласили в гости Тверитинова и фискала Михаила Косого, который также высказывал нетрадиционные мысли о церкви и устроили дискуссию. Застолье продолжалось одиннадцать часов, но Тверитинов, хотя «в лице зело испал и почернел», но ловко уходил от расставленных сетей. И в новом застолье он, по рассказам провокаторов, говорил «осторожно и вежливо». Поэтому, чтобы расправиться с Тверитиновым, пришлось искать другие пути для доноса на хитреца.

В 1733 году Феофан Прокопович подослал в вологодский Спасокаменный монастырь, куда отправили как простого монаха его давнего недруга архиепископа Георгия Дашкова, обер-секретаря Синода Дудина. В инструкции Феофана говорилось: «Как бы ненароком заверни в Каменный монастырь и разведай всячески о Дашкове: живет ли он как монах или поднимает паки роги по-прежнему злomu обычаю гордости своей». Дугин задание Феофана выполнил: он виделся с Георгием и даже спровоцировал (как он писал в отчете — «для испытания») бывшего архиепископа дать ему благословение, совершать которое лишённому пастырства монаху в схизме запрещалось. Это позволило Феофану ужесточить преследования Дашкова, которого сослали под строгий присмотр в нерчинский Успенский монастырь, где он и умер.

Когда в 1743 году извечники по делу Ивана Лопухина поручик Бергер и майор Фалькенберг поспешили с доносом к императрице, то Елизавета Петровна, выслушав извет, указала им «повыведывать еще от Лопухина о той близкое перемене» (перевороте в пользу Ивана Антоновича), на которую он уже дважды намекал Бергеру. Последний встретился с Лопухиным и, играя роль сочувствующего возможному заговору, начал «повыведывать еще» и, в частности, узнал, что покровителем всего заговора является австрийский посланник маркиз де-Ботта. Этот факт, возможно, без провокации, и не стал бы известен Тайной канцелярии, но он сразу же изменил весь ход начавшегося вскоре следствия в худшую для его участников сторону — в деле запало государственной изменой. Если исходить из буквы закона, Бергер и Фалькенберг вели очень опасную игру — они, провоцируя Лопухина на «непристойные слова», сами эти слова произносили, что видно из материалов следствия, и, тем самым, становились преступниками. Окажись Лопухин стоек на допросах, то провокация могла повернуться против самих провокаторов.

#### Захват с поличным

Очень важным моментом ареста являлся захват государственного преступника с поличным. При аресте старообрядцев и других религиозных противников официальной церкви власти стремились, прежде всего, захватить старинные рукописные книги и «тетрадки». Они служили самой надежной уликой для обвинения в расколе. Точно также, при аресте колдунов забирали все подозрительные предметы: сушеные травы, кости, «малорослые коренья», «тетрадки гадательные», «неведомые письма» и т. д.

Особо важным поличным в то время считались письма, записки, деловые бумаги. Смертельно опасно было хранить различные «причинные письма»: запрещенные бумаги и листовки, «прелестные письма» с призывом к сопротивлению, бунту. Поданные многократно предупреждались «от прелестных писем иметь осторожность». При изъятии их сразу же

начинались допросы. «Где они [их] взяли и для чего у себя держали?» Можно сказать, что в XVIII веке было небезопасно вообще что-либо писать и, тем более, переписываться, — за письмами шла настоящая охота. Переписке, как улике, придавалось в то время уже очень большое значение. Написанные на бумаге «непристойные слова», в которых усматривали оскорбление чести государя, безусловно приравнивались к их публичному произнесению. Тяжким преступлением считалось, как отмечено выше, сочинение и распространение воззваний, подметных писем с призывами к непослушанию или бунту. Кроме того, переписка всегда вызвала подозрение власти, так как могла использоваться в шпионских целях, для связи с противниками России.

Порой паника начиналась по каждому пустяковому случаю. Осенью 1718 года Петру I донесли, что в Ржеву Володимирскую из Петербурга послано некое зашифрованное письмо, а в том письме имеется «важность», т. е. состав государственного преступления. Адресат письма был сразу же задержан, а посланное письмо допрашивали в Тайной канцелярии о смысле зашифрованного текста. Вскоре паника улеглась. Выяснилось, что это — деловая переписка о торговых делах и «важности» в ней не было. Тем не менее, в расследовании этого дела принимал участие сам царь. С изъятия писем бывшей царицы Евдокии Федоровной, посланным в Спасо-Ефимьевский монастырь Г. Г. Скорняковым-Писаревым, началось знаменитое Суздальское дело 1718 года. Посланник царя захватил два письма «касающихся к подозрению», копии с которых немедленно выслал Петру I. В 1718 году били кнутом и сослали на каторгу Федора Рязанова «за непристойные в письмах... слова».

Обычно при аресте письма не разбирали. Это делали чиновники Тайной канцелярии, сортируя «важные», «причинные» от тех, в которых «важности к Тайной канцелярии не явилось». По окончании составлялся протокол: «Августа в 26 день в Канцелярию... взят под караул водошного дела мастер Иван Посошков, а сын его малолетний Николай в доме его, Ивановом, под караулом же, и письма ис того дому взятые в помянутую Канцелярию и розбираны, при взятии писем были канцелярист Семен Шурлов, лейб-гвардии Преображенского полку караульной первой роты капрал Яков Яновской, солдат четыре человека... Андрей Ушаков. Секретарь Иван Топильской». Так началось дело знаменитого публициста и мыслителя Ивана Посошкова.

Первое, что сделал кабинет-секретарь Екатерины I А. В. Макаров, посланный 8 мая 1727 года арестовывать княгиню А. П. Волконскую, так это тотчас же арестовал всю ее переписку. Позже, в 1728 году после доноса на нее слуг в имение Дедово, где она жила, нагрянул посланный верховниками преображенский сержант Леонид Воронов, который постарался сразу же захватить переписку Волконской. На детальном изучении писем Волконской и ее друзей строилось в мае 1728 года все расследование дела в Верховном тайном совете. Особым криминалом верховники признали принесенное доносчиками письмо брата Волконской А. П. Бестужева-Рюмина к Абраму Ганнибалу, «писанное цифирью», т. е. зашифрованное. В Сибирь немедленно направили указ, чтобы губернатор тотчас послал к жившему в это время в Селенгинске А. П. Ганнибалу нарочного офицера. Ему надлежало явиться на квартиру Ганнибалы ночью и «незапно» обыскать его комнату, забрать все бумаги приятеля Волконской и выслать их в Москву. Заметим также, что каралась всякая попытка

писать письма шифром, а также эти шифры («цифирную азбуку») придумывать и вести переписку между собой. Взятые письма и прочие улики пронумеровывали, укладывали в ящики и мешки и их опечатывали.

С петровских времен существовала перлюстрация почты, в том числе дипломатической. В июле 1718 года голландского резидента барона Якова де Би вызвали в Коллегию иностранных дел и, под угрозой ареста, фактически допросили канцлер Г. И. Головкин и вице-канцлер П. П. Шафиров о содержании отправленных им в Гаагу депеш, касавшихся обстоятельств смерти царевича Алексея Петровича, а также и об источниках секретных сведений голландского дипломата. Его депеши в Голландию вскрывались на петербургской почте и переводились. В то время, как де Би допрашивали в коллегии, секретарь Федор Веселовский, во главе отряда солдат, приехал в дом голландского дипломата и изъясил все его бумаги, для чего приказал солдатам взломать замки в дверях кабинета и секретера голландского дипломата.

Перлюстрация и обыски иностранных дипломатов вообще не были редкостью в России, как, впрочем, и в других странах. Перлюстрация активно использовалась в политической борьбе. В 1744 году, как сказано выше, депеши противника канцлера Бестужева французского посла Шетарди вскрывали и копировали на почте, а затем их дешифровывал в Петербургской Академии наук академик Гольдбах. А затем эти материалы были использованы для высылки Шетарди за границу. К перлюстрации, в том числе дипломатической почты, прибегали и во времена Екатерины II. Императрица с большим интересом читала все, что о ней думают посланники при ее дворе. Более сорока лет почту вскрывал петербургский почт-директор барон Фридрих Юрьевич Аш. Императрица Екатерина II писала ему благосклонные письма и сочувствовала его глазным болезням, возникшим, надо полагать, от профессионального занятия почт-директора — ведь к помощи этого перлюстратора прибегали все государи 20-х — начала 60-х годов XVIII века. Впрочем, его уволили от почты не по болезни, а в связи с денежными недочетами.

Судя по указам императрицы Екатерины II Ашу, почт-директор не имел права по своему усмотрению распечатывать все письма подряд, а мог вскрывать только те, на которые ему указывала императрица. После этого Аш задерживал письмо, доставлял его, «куда следует», или перед этим снимал с него копию. Так было принято давно. По ходу следствия дела Лопухиных в 1743 году Аш получил личное распоряжение императрицы Елизаветы Петровны: письма, приходившие на имя людей, перечисленных в приложенном к указу списке, следует «поворачивать» — пересылать в Тайную канцелярию. Таковую работу вел он с дипломатическими посланиями, только пересылал их уже в Коллегию иностранных дел.

Впрочем, почтовые чиновники постоянно вскрывали почту и не дожидаясь особого именного указа. Л. Н. Энгельгардт вспоминает, что в 1792 году почтмейстер Шклова стал подозревать остановившегося в городе французского эмигранта морского офицера графа де-Монтегю, который был нанят на русский Черноморский флот. Монтегю остановился в городе и стал получать из Риги иностранную почту. Почтмейстер распечатал его корреспонденцию и «осматривая с прилежанием, заметил, что на одном листке между строк шероховато, а когда поднес к огню, оказалось написанное и открылось, что Монтегю был якобинец и ему было поручено сжечь наш черноморский флот. Сего Монтегю отправили за караулом в С.Петербург; впоследствии на эшафоте изломали над ним

шпагу и сослан он был в Сибирь, в работу». Надо полагать, что почтмейстер был отмечен начальством за свое самоуправство, а Черноморский флот, благодаря бдительности безвестного шкловского почтмейстера, избежал страшной опасности и не стал жертвой коварного графа-якобинца.

Если свободно распечатывали дипломатическую почту и обыскивали дипломатов, то естественно, что с собственными подданными церемонились еще меньше. Отметим, что интерес к переписке подданных был обусловлен не только заботой о государственной безопасности. В 1735 году по делу баронессы Соловьевой был составлен экстракт из всех писем, которые сыск захватил в ее доме. Ни одно из этих личных писем не имело «важности», но, тем не менее, все они были тщательно скопированы и переданы императрице, любившей совать нос в интимные тайны своих верных подданных. Такой же интерес питала к переписке своих подданных и Елизавета Петровна. Не только ради заботы о государственной безопасности, но и из любопытства читала чужую переписку Екатерина II.

Зная роль документов как серьезнейших улики «для изыскания истины» (принятая официальная формула), люди, как уже сказано выше, стремились, при первой же опасности, уничтожить даже самую невинную переписку, что не всегда удавалось. При упомянутом выше обыске в доме Волконской в 1727 году арестованная Макаровым хозяйка успела-таки незаметно откинуть ногой в сторону письмо своего брата А. П. Бестужева, написанное шифром, и передать его служанке, которая потом шантажировала этим письмом свою хозяйку, требуя от нее вольной. Дворецкий А. П. Волынского Василий Кубанец в своих показаниях 1740 года упоминал, что накануне ареста его хозяин пересматривал и жег в камине какие-то бумаги и письма. Волынского об этом тотчас допросили и даже у малолетней дочери кабинет-министра пытались узнать, что же жег в камине ее отец.

По каждому непонятному следователям слову, а тем более — шутке, выражению, какому-то значку на полях письма, автору или адресату приходилось давать обстоятельные пояснения. Адъютант Конной гвардии Камынин, состоявший в охране Брауншвейгской фамилии в Дюнамюнде, был тщательно допрошен в 1743 году по поводу одного места из своего письма. Жалуясь на свою жизнь в Риге, он писал приятелю в Петербург: «Прости, дорогой братец, ах как дурно живу! Потерял век, не тот теперь как был, научили бездельники, как жить». Следователи вопрошали молодого человека: «Оное в какой силе от тебя писано и кто бездельники, и в чем?» Камынин стремился успокоить следствия, ссылаясь на скучную жизнь в Риге, несравнимую со столичной и т. д.

Тщательно изучались отобранные при обыске конспекты даже разрешенных к чтению и хранению дома книг с тем, чтобы узнать «на какой конец выписывал ты пункты из книги “О государственном правлении”, клонящиеся более к вреду, нежели к пользе?» Так спрашивали в 1793 году арестованного сочинителя Федора Кречетова. Ранее такие же вопросы задавали в Тайной канцелярии другому большому книголюбу Артемию Волынскому — обладателю большой библиотеки исторических сочинений.

Тяжела была участь тех, кто сохранял письма преступников, даже если в ней ничего преступного и не содержалось. В 1721 году сурово наказали Семена Игнатьева — брата бывшего духовника царевича Алексея расстриги Якова Игнатьева, за то, что Семен взял «письма царевичевы (Алексея Петровича. — Е. А.) и держал их у себя». И только потому, что преступнику не исполнилось восемнадцати лет, его лишь высекли батогами и сослали в Сибирь.

Местные власти были обязаны, под страхом наказания, оказывать всяческое содействие конвою и предоставлять ему жилье, лошадей и при необходимости — деньги. Об этом все знали и без указов, но начальник конвоя снабжался открытым указом («откровенным указом»), обращенным ко всем гражданским и военным начальникам, которые были обязаны помогать конвою в исполнении его секретной для них миссии.

### Арест, сопровождение, заключение

В столицах с доставкой «куда следует» арестованных преступников особых проблем не вставало — как уже сказано выше, за нужным человеком из Тайной канцелярии посылали на извозчике гвардейского или гарнизонного офицера с двумя-тремя солдатами, которые и привозили новоиспеченного арестанта в крепость. Почти также поступали с людьми познатнее, только для них нанимали закрытую карету, да усиливали конвой. Все остальное было по-будничному просто. Выше процитировано описание Винского, как он, в «дружеской в компании» с полицейским офицером вышел на улицу, где их ждала карета с двумя всадниками. Арестованного привезли сначала в полицию, потом в офицерскую караульную, где он просидел всю ночь. Наутро арестанта привели к обер-полицеймейстеру Петербурга князю П. В. Лопухину, который, как пишет Винский, «коль скоро я показался, сказал: “Пойдем!” Он вперед, а я за ним следом, за мною еще несколько, и так на улицу, к Мойке, там — в ожидающую наш шлюпку. Коль скоро мы поместились, “Отваливай!” — сказано, — “Как и вчера!”. Мойкою, выбравшись в Неву, шлюпка прямо начала держать к крепости и пристали к Невским воротам». Описанный вид ареста назывался «честным», то есть не был сопряжен с унижением арестованного, которого не заклепывали в цепи и с которым обращались не как с преступником, а как с временно задержанным.

Намного сложнее было доставить арестанта из провинции. Упомянутые выше (да и другие просмотренные мною) инструкции предусматривали исполнение охраной нескольких важных условий. Везти арестанта нужно было быстро («с великою борзостью»), тайно от посторонних, нельзя было допустить контакты арестанта с окружающими, требовалось предупредить переписку, побег, самоубийства, перехват арестанта сторонниками и соучастниками. Обычно инструкция предписывала сразу же заковать арестанта в кандалы и везти в столицу «под крепким караулом». Наиболее надежным средством от «утечки» арестантов в дороге считались «колоды» или «колодки» (отсюда столь распространенное название узников тогдашних тюрем — «колодники»). В документах об отправке арестованных тогда записывали: «Посланы... с начальными людьми, и с провожатыми в колодах». При отправке арестованного Пугачева в Яицкий городок его «заклепали в колодки». Однако колоды были очень неудобны и тяжелы, поэтому чаще применяли ручные и ножные кандалы. Везли обычно либо в открытых телегах, либо в специальных закрытых возках. Для перевозки людей знатных использовали вместительные кареты — берлины, а также возки. Малолетнего Ивана Антоновича перевозили в 1744 году в Холмогоры в закрытой коляске, а для Арсения Мациевича в 1767 году была сделана особая кибитка: на санях был установлен железный каркас и обшит рогожами. На руках начальника конвоя была подорожная —

непременный документ каждого, кто ехал по русским дорогам: «По указу Е. в. Петра Великого... и прочая, и прочая. От Санкт Питер Бурха до первой подставы до Лахты почтовые и от той подставы до Заводов что на Сестре-реке подставные и назад до Санкт Питер бурха давать посланным ис канцелярии тайных дел лейб-гвардии Преобр. полку сержанту Дементию Мордвинову и при нем солдатом двум человеком, да колоднику три подводы с проводником без всякаго задержания имая повестные деньги по Его и. в. указу, а имьянно по две деньги на версту на каждую лошадь дан в Санкт-Петер-Бурхе марта седьмого на десять дня 1723 году. Подлинная подорожная за рукою дьяка Семена Черкасова».

Доставку знатных арестантов организовывали, естественно, тщательнее, нередко окружали особой секретностью. Так, в полной тайне везли в 1744 году Брауншвейгскую фамилию из Раненбурга (ныне г. Чаплыгин Липецкой области) на Север, вначале, предположительно, на Соловки. Императрица Елизавета опасалась заговора в гвардии, и поэтому весь караул, состоявший из гвардейцев, был заменен на солдат и офицеров армейских полков. Четырехлетний мальчик — бывший император Иван, перед выездом из Раненбурга был отобран у родителей. Майору Миллеру, согласно данной ему инструкции, предстояло везти мальчика в закрытой коляске, «именем его назвать Григорий» и «о имени при себе младенца никогда и никому не объявлять и его никому, ниже подвощикам, не показывать, имея всегда коляску закрытую... и ни на какие вопросы никому не отвечать».

Вообще ночь, секретность и безымянность всегда были любимы политическим сыском, особенно когда шла речь об аресте и доставке арестованных. Ведавший отправкой семьи Ивана Антоновича на север Николай Корф получил указ императрицы, в котором предписывалось отправить членов Брауншвейгского семейства обязательно ночью и «по прибытии в монастырь арестантов ввести туда и разместить ночью, чтобы их никто не видел». Приехав в Архангельск, Миллер должен был сесть с мальчиком на судно «ночью, чтобы никто не видал», а прибыв на Соловки ночью же, «закрыв, пронести в четыре покоя и тут с ним жить там, чтобы, кроме его, Миллера, солдата его и слуги, никто онаго Григория не видал». Также в 1756 году о доставке из Холмогор колодницы Бины Менгден Никита Панин предписал конвою: «По приезде в Москву в ночное время, а не днем, явиться наутро у меня и о том отрепортовать». Капрал Ханыков в 1735 году приехал и арестовал княжну Прасковью Юсупову ночью. С арестом Ростовского архиепископа Арсения Мациевича связана легенда. В ночь перед арестом Мациевич сказал келейнику: «Не запирай ворот на ночь — гости будут ко мне в полночь». В 2 часа ночи 25 мая 1776 года из Кронштадта в Петропавловскую крепость была привезена капитаном гвардии А. М. Толстым «Тараканова», причем накануне Толстой поклялся на кресте в том, что исполнит указ о доставке арестантки в точности.

Естественно, что никто из арестантов не должен был знать, куда его переправляют. О конечном пункте не всегда знала даже охрана. В 1767 году из Архангельска под конвоем был вывезен Арсений Мациевич. Охрана даже не ведала, куда его везут. Начальник конвоя знал, что в Вологде он должен передать арестанта под расписку другой команде, для которой узник был скрыт, по указу Екатерины II, «под именем Андрея Вралья». Начальник этой команды получил указ доставить арестанта в Ревель. Было приказано везти арестанта секретно «и никому его не показывать и

для того везти его, закрывши в саях, кои и имеете купить. Вам и команде вашей разговоров никаких с ним не иметь, тако ж о имени и о состоянии его; ни под каким видом, не спрашивать и писем писать колоднику не давать».

Брауншвейгское семейство везли на Север в 1744 году под таким глубоким секретом, что в инструкции предписывалось встречавшиеся в пути города объезжать по проселкам. Взятюго в плен русскими войсками в Литве Фаддея Костюшко привезли в Петербург в конце 1794 года. Согласно секретному ордеру 4 ноября 1794 года конвой вез бунтовщика под именем некоего генерала Милашевича — на эту фамилию была выдана подорожная. В инструкции начальнику конвоя предписывались все обычные в этих случаях меры изоляции. Он же предупреждался: «Словом, чтобы до С.Петербурга никто, ни под каким видом, не знал кого вы везете, под наистрожайшим на вас и свиту вашу взысканием». Когда конвой приблизился к Петербургу, то было указано въехать «в город в темноту уже ночи, а не прежде». Въезд в город под покровом темноты был принят издавна — ночью привезли в 1739 году из Выборгской крепости в Петропавловскую Феофилакта Лопатинского.

Привез арестанта в Петербург, начальник конвоя сразу же сдавал его либо коменданту Петропавловской крепости, либо в Тайную канцелярию под расписку. После этого, как гласит инструкция В. Н. Татищева прапорщику Тарбееву, привезшему арестованного полковника Давыдова, «как онаго полковника примут, то его письма и достальные деньги (т. е. оставшиеся от расходов в пути. — Е.А.) в ту ж канцелярию объявить и требовать себе с солдатами возвратно отпуска».

Если арестант по дороге умирал, то о его смерти и похоронах конвойные делали запись в специальном документе. Когда нижегородский вице-губернатор князь Юрий Ржевский отправил в декабре 1718 года Петербург большую группу раскольников, то он дал начальнику конвоя капралу Кондратию Дьякову особую инструкцию, в которой сказано, что если арестанты «станут... мереть и тебе их записывать именно». Сохранился и такой именной список: «1718 года, декабря в 10 день, Кондратий Нефедьев умер в Нижегородском уезде в Стрелицком стане, разных помещиков в деревне Карповке, и в той деревне свидетельствовали: староста Федоров, староста Филип Иванов и вышеписанным старостам оный умерший отдан схоронить в той же деревне». Из 22 колодников капрал в живых довез до Петербурга только 11 человек

Благополучная доставка арестанта до столицы лежала на совести начальника охраны — при побеге арестанта его ждали, нередко, разжалование, пытки и каторга. В инструкции 1713 года нарочному, посланному из Преображенского приказа в Тверской уезд для ареста свидетелей, говорилось: «Дорогой везти с опасением, чтоб в дороге и с ночлегу не ушли и над собою и над караульщиками какого дурна не учинили, а будет они караульщики, для какой бездельной корысти или оглошкой, тех колодников упустят, за то им караульщикам быть в смертной казни».

Командиру конвоя майору Тулзакову, который в 1767 году вез из Архангельска в Ревель секретного арестанта (Арсения Мациевича) запрещалось вообще разговаривать с колодником, но при этом нужно было записывать все, что он говорил «причинного». В инструкции Тулзакову генерал-прокурор Сената, А. А. Вяземский писал: «Что же услышано вами



или командою вашею будет (от арестанта. — Е. А.), то оное содержать до окончины живота секретно, а по приезде в Москву о том его вранье имете вы объявить мне». В инструкции конвою арестанта — бывшего казанского митрополита Сильвестра и его охранника, на которого Сильвестр донес в 1732 году, было сказано, чтобы колодники между собой никаких разговоров не имели «а ежели, паче чаяния в дороге из оных колодников учнет кто говорить непотребное... клепать им рот». О насильственном затыкании рта арестанту говорится во многих инструкциях охране. При доставке раскольников из Петербурга в разные тверские монастыри в 1750 году конвойные должны были также «класть в рот кляпья» особо разговорчивым колодникам и «вынимать тогда, когда имеет быть давана им пища». Такой предмет применяли к узникам в Западной Европе, и он назывался «Ошейник немого». Его использовали также при мучительных казнях, чтобы казнимый не кричал. С таким кляпом, снабженным еще двумя острыми шипами, погиб на костре посредине римской Площади Цветов Джордано Бруно в 1600 году.

В других подобных инструкциях предписывалось везти арестантов раздельно, не давать им бумаги и чернил, острых предметов, не допускать к ним посторонних. Когда в 1718 году из Москвы в Ладого повезли бывшую царицу Евдокию — старицу Елену, то конвойный офицер был обязан арестовывать всех, кто попытается передать колоднице письма или деньги. Еду для колодников следовало предварительно пробовать конвоирам (или, как сказано в инструкции 1732 года «на пищу давать им хлеб, переламывая в малые куски»). Арестантам не давали ножей, вилок, смотрели, дабы даже в мясе и рыбе не попадалось острых костей и «другого вредительного орудия», чтобы себя чем не умертвили». В ордере генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна поручику Тарханову 1788 года о доставке из Риги в Петербург самозванца «императора Ивана Антоновича» — купца Тимофея Курдилова, сказано, что нужно не только смотреть «бодрственным оком, дабы арестант не сделал утечки», но и «равно наблюдать за конвойными служителями, чтобы он не сделал иногда покушения к уговору их об отпуске его».

Особые опасения властей вызывала возможность побега или спасения конвоируемого колодника кем-то из его сообщников. Для начальника конвоя Пугачева и его сообщников, которых везли из Яицкого городка в Симбирск, А. В. Суворов 17 сентября 1774 года составил инструкцию. В ней повторялись многие из условий доставки арестантов, о которых сказано выше, но при этом Суворов требовал, чтобы на привал вставляли лагерь посредине чистого поля, а не в перелесках. При этом привал арестантов следовало окружать двойной цепью солдат. В деревнях арестантов можно было держать только на улице, а не в избах. Особенно тревожной для конвоя была ночь. Чтобы никто не покушался освободить Пугачева, конвой имел на вооружении три малых пушки, двигаться же ночью можно только с зажженными фонарями, два из которых следовало держать возле Пугачева. Арестанта нужно было не только доставить в срок, не дать ему сбежать, но и привезти здоровым, «в невредном сохранении». И при этом охране требовалось заботиться об узнике, думать о его здоровье, удобствах, еде, и даже настроении.

Об одном узнике, которого везли из Пруссии в 1757 году, А. П. Бестужев-Рюмин писал М. И. Воронцову: «Опасательно, чтоб он, при нынешней по ночам довольно холодной погоде, в колодке и в железах живучи, от раны не умер». Конвой должен был особо внимательно следить, чтобы не было ника-

ких попыток самоубийства. В инструкции 1727 года об аресте старообрядцев говорилось: при аресте «обобрав у них поясы и гонтяны<sup>2</sup>, и ножи им в руки не давать, чтоб оные раскольщики, по обыкности своей раскольнической, себя не умертвили». В инструкции капитану А. П. Галахову, командовавшему охраной Пугачева в Симбирске, обращалось внимание на то, чтобы Пугачев «никоим образом себя умертвить не мог». Также при доставке Ивана Зарубина для казни в Уфу из Москвы конвой следил, чтобы у преступника не оказалось в руках ни ножа, ни яда. Зная, что их ждут в пыточной палате страшные муки, иные арестанты пытались покончить с собой еще по дороге в сыскное ведомство. За 27 января 1699 года в материалах Преображенского приказа сохранилась запись: «А Васки-де Тумы племянник Андриюшка Сергеев не пытан для того, что, сидя в саях, сам себя порезал в брюхо».

В январе 1700 года пятидесятник Чубарова полка Яков Алексеев дал показания о предотвращенной его охраной попытке самоубийства: «И как сидел в Преображенском в приказе и после пытки и огнем зженья ножишка, которой вынят у меня в епонче ис подоплеки..., взял я в Преображенском приказе после денежных мастеров... А тот нож держал для себя, чтоб зарезатца». В экстракте Преображенского приказа об Астраханском розыске 1705-1707 года сказано, что стрелец Стенька Москвитянин был «для очных ставок... везен из Новоспасского монастыря под караулом, порезал себе брюхо и вынят у него из саней от ножа обломок. А в распросе он, Стенка, сказал, [что] тем обломком порезал себя, едучи дорогою тайно от караульных солдат, боясь розыску, а взял тот обломок кражею тому недели с две, будучи в Новоспасском монастыре в тюрьме своей братьи, а умыслил себя зарезать до смерти, чтоб ему в розысках не быть». В 1739 году брат князя И. А. Долгорукого Александр пытался бритвой вспороть себе живот, но охрана увидела это вовремя и рану зашили. Во время Тарского розыска 1720-х годах старообрядцу Петру Байгичеву удалось подкупить судью Л. Верещагина, и он дал возможность узнику зарезаться.

Могли арестованные по дороге о себе подать весточку, что им, естественно, категорически запрещалось делать. 30 августа 1757 года на 13 версте по Петергофскому шоссе мимо дома, у которого стояли двое купцов — иностранцев, проехала коляска с каким-то человеком и двумя грендерами, сидевшими спереди и сзади от арестанта. Человек, которого они везли, приподняв кожаной фартук коляски, выбросил на дорогу клочки драной бумаги и среди них написанную красным карандашом записку на французском языке: «Я — прусский капитан де Ламбер, я в оковах. Ради Бога, будьте милосердны и известите [об этом] мою супругу в Данциге у английского консула». Как сказано в официальном документе о происшедшем (купцы, конечно, сдали записку куда следует), «помянутая персона часто выглядывала, яко бы дая знать, приметили ли они те бумаги». После этого командир конвоя поручик Чехненко получил выговор за «слабое смотрение» арестанта и был предупрежден о категорическом запрете выдавать ему бумагу и карандаш.

Не без оснований авторы инструкции предупреждали посланных для ареста, чтобы они действовали внезапно, не позволили преступникам бежать накануне ареста или с дороги. Естественной реакцией людей, которые узнавали о предстоящем аресте, чувствовали его приближение или уже были схвачены, было желание бежать как можно дальше, скрыться от сыска. Когда в феврале 1718 года капитан-поручик Г. Г. Скорняков-Писарев (сам через десять лет — ссыльный в Сибири), нагрянул внезапно к бывшей

царице Евдокии в суздальский Покровский монастырь, запер ворота монастыря и стал хватать всех находившихся там людей, то, как отмечается в позднейшем приговоре Тайной канцелярии, суздальского собора протодьякон Дмитрий Федоров «как тот монастырь заперли и [он] и з женою чрез ограду ушел». Можно догадаться, какая нечеловеческая сила перебрала протодьякона с его протодьяконицей через высокую каменную стену Покровского монастыря! Этой силой были Великий Государственный страх, ужас оказаться в застенке Преображенского приказа.

Когда присланные из сыска солдаты не обнаруживали преступника, то они забирали всех, кого находили в его доме и везли в тюрьму, чтобы выяснить, куда он сбежал. Из дела Никиты Данилова, ведшегося в середине 1710-х годов в Преображенской канцелярии, следует, что вместо беглых преступников в Преображенское попали их жены. Женщин держали до тех пор, пока не находили мужей или пока они добровольно не сдавались властям. И, хотя других примеров такого явного заложничества обнаружить не удалось, по некоторым признакам можно утверждать, что оно все-таки было распространено. Кроме того, арестовывать родню позволяло право, построенное на признании вины родственников за побег их близкого человека. Им предстояло, как уже отмечалось выше, доказать свою невинность и непричастность к побегу. В 1724 году неизвестные люди отбили солдатскую жонку Марью Никитину, которую везли из Алатыря в Преображенский приказ. Зимой 1733 года по дороге в Калязинский монастырь на конвой старообрядческого старца Антония было совершено внезапное нападение. Как показали свидетели, «версты за полторы» до подмонастырской Калязина монастыря Никольской слободы, «часу в другом ночи нагнали их со стороны незнаемо какие люди, три человека, в двойке, в одних санях, захватили у них вперед дорогу и, скача, с саней один с дубиною и ударил крестьянина, с которым ехал Антоний, от чего крестьянин упал, а другого, рогатину держа, над ним говорил: «Ужели-де станешь кричать, то-де заколю!», а старца Антония, выняв из саней, посадили они в сани к себе скованного и повезли в сторону, а куда — неизвестно». Доехав до ближайшей монастырской Никольской слободы, охранники подняли тревогу, монастырские слуги и крестьяне гнались по всем дорогам от слободы «верст по сороку, только ничего не нашли», старец Антоний навсегда ускользнул от инквизиции. В 1755 году из Отроча Успенского монастыря бежал «жестарец Арсений, который сидел в хлебе под караулом, но ночью 5 февраля «пошел для телесной своей нужды и отголе бежал, незнаемо куда». Все поиски также оказались тщетными. Любопытно, что при побеге прибегали к различным ухищрениям и чтобы кандалы не звенели, обвязывали их тряпками.

Можно не сомневаться, что многие из таких побегов были загодя тщательно спланированы, а в нужных местах расставлены подставы сменных лошадей. Так в декабре 1736 года подготовили удавшийся побег из Тобольского кремля, где находилась тюрьма, старообрядческого старца Ефрема Сибиряка. В тот момент, когда его вели по Кремлю, он вырвался от охранника, прямо в ножных и ручных кандалах, влез в заранее отрытую, но тщательно замаскированную его сообщниками бойницу и затем скатился по снегу с высокого кремлевского холма в то место, где его уже ждали сани, тотчас умчавшие беглеца из Тобольска.

Несмотря на все строжайшие предупреждения, доставка арестантов походила гладко только на бумаге. Длинная и трудная дорога подчас

спланивала охрану и арестантов. Бывало, что арестанты угощали конвоиров в кабаках, ссуживали их деньгами на прогоны, а те, в свою очередь, не следуя строго букве инструкции, давали своим подопечным послабления. Так, перевоза из Брянска в 1733 году в Петербург арестованных, начальник конвоя сержант Прокофий Чижов расковал в Гдове преступника Совета Юшкова, «для того, что те кандалы были ему, Юшкову, тесны». Там же сделали новые, более просторные оковы. Следовательно, какое-то время преступник в дороге находился без кандалов, что категорически запрещалось всеми инструкциями. Допустивший это нарушение сержант попал в пыточную палату, а потом его разжаловали в солдаты.

Егор Столетов, доставленный с Урала в Петербург в 1735 году, жаловался на конвойных, которые везли его и других арестантов из Нерчинска в Екатеринбург. Оказывается, они всю дорогу пьянствовали, обирали местных жителей, при переправе через реки сажали в одну лодку с арестантами посторонних. Так было часто, особенно когда конвоировали заключенных в Сибирь и другие отдаленные места.

«Вольности» и нарушения инструкций начинались сразу же после того, как исчезал вдали очередной город, а вместе с ним и начальство. Как вспоминал бывший арестант В. П. Колесников, как-то раз на этапе каторжники стали выбирать для себя наручники, прикрепленные к общему для всей партии железному пруту, пошире, чтобы в дороге не так сильно натирало руку. Унтер-офицер, увидав это, шепнул: «Пожалуйста, оденьте (наручники. — Е. А.) поуже — видите, начальник наш смотрит, выйдем за город, наша буде воля!» И на десятой версте от города он освободил арестантов от прута.

За деньги у охраны можно было получить водку, освобождение от пешего похода, тяжелых оков, даже испытать приключения в женской казарме на этапе. Тот же Колесников описывает, что во время обыска артельные деньги он хранил у... одного из своих конвойных. Вообще же взятки давались всем: начальнику конвоя — чтобы не мучал долгами пешими переходами и прутом, простым солдатам — чтобы не били, принесли еду, пересылали письма, пускали к узнику родственников и проституток, кузнецам — чтобы не ковали в тесные кандалы, цирюльнику — чтобы не брил голову тупой бритвой и т. д. Примечательно, что не всегда арестанты давали взятку конвойным. Если каторжник имел свои деньги, то он попросту не брал у конвоя положенные ему по закону «порционные», которые солдаты присваивали себе и были поэтому лояльны к своим подопечным.

Неудивительно, что арестантам удавалось «утечь» именно с дороги, воспользовавшись малочисленностью конвоя, усталостью, беззаботностью и корыстолюбием конвойных солдат. На ночлегах по дороге обычно царил суеда, и колодники этим умело пользовались. Солдат-охранник Анофрий Карпов, сопровождавший партию арестантов из Нижнего в Петербург, так описывает побег двух колодников во время стоянки партии в Химках под Москвой: «В ночи перед светом... стали убираться, чтобы ехать, тогда все солдаты, также и колодники, вышли все на двор для впрягания лошадей, а помянутые два человека в то время и ушли, и усмотреть за теснотою в том дворе было невозможно и для сыску оных послал он, Онуфрий, двух человек солдат — Тимофея и Петра (а чьи дети и как прозванием того он, Ануфрий, не знает), которые також ушли и с ружьем, а он, Ануфрий, собрав в той деревне крестьян, искал тех колодников, которые сбежали, также и солдат, в гумнах и близко в той деревни по лесам, а

на дорогу за ними в погоню не ездил и никого не посылал для того, что по той дороге [людей], которые попадались во время того иску навстречу спрашивал, которые сказывали, что не видали, а след был со двора на дорогу». (После этого понятно, почему Суворов требовал от конвоя устраивать привалы для Пугачева в чистом поле).

На следующий день на мосту у села Медное исчез еще один колодник, Федор Харитонов. Его товарищ по партии арестантов потом показал начальнику охраны, что накануне Харитонов ему говорил: «Либо-де удавлюсь, либо утоплюсь, а уж-де у меня мочи нет от трудного пути», и [он] человек уже старый и потому может быть, что в воду разве не бросился ли».

О частых побегах арестантов говорилось и в докладе Сената 1726 года императрице Екатерине I. Сенаторы писали, что заявившие «Слово и дело» воры и разбойники, при перевозке их в столицу на доследование, «в пути от сданных с ними уходят и отбиваются». Как это происходило, видно из описания 1752 года о побеге арестанта из партии, следовавшей в Калугу. Каждый из преступников, как отмечается в рапорте конвоя в Сенат, был скован «в кондолы». однако один из арестантов, «не доезжая города Торшка за 15 верст, на большой дороге, в лесу, с роспусков, разобувшись, скинув потихоньку кандалы, и, [со]скопча с телеги, ушел в лес, а часовой не видал, понеже он сидел к нему спиною с обнаженною шпагою».

Поиски беглого государственного преступника были довольно хорошо отлажены. Во все местные учреждения рассылали из центра так называемые «заказные грамоты» с описанием примет преступника и требованием его задержать. Кроме того, поимкой преступников занимались особые агенты — сыщики. Для поисков бежавшего перед арестом московского проповедника и сочинителя антипетровских «прелестных тетрадей» Григория Талицкого летом 1700 года из Преображенского приказа таких сыщиков разослали по всей стране. Поймавшего Талицкого сыщика ждала колоссальная, по тем временам награда — 500 рублей. Надо думать, что в поисках политического преступника сыщики Преображенского приказа опирались на обширный опыт ловли беглых крестьян, холопов, посадских. Этот институт существовал со времен утверждения крепостничества и был весьма действенен. На вооружении сыщиков были известные и опробованные методы и приемы ловли беглых. Главное внимание уделялось коммуникациям, возможному направлению побега. Сразу же после побега предписывалось «заказ учинить крепкой и по большим, и по проселочным дорогам, и по малым стешкам, и на реках, и на мостах, и на перевозех, и в ыных приличных местах поставить заставы накрепко с великим подтверждением, чтоб они тех людей» ловили. В наказах сыщикам отмечалось, где скорее всего нужно искать утеклца: «По городам, и по селам, и по монастырям, и по приходским церквям, и по пустыням, и по рыбным ловлям, и на пристанях, и на ладьях, и на кораблях, и на карбусах, и на мелких судах, и во всяких местах, во всяких чинах, и в работных людях того вора сыскивать всякими мерами». При этом важно было проследить, в каком направлении движется схожий по описаниям человек и затем перехватить его на одной из переправ.

В рассылаемых на места памятях и в наказах (или «погонных грамотах») отмечались главные приметы преступника: рост («высок», «низмян», «ростом средняя»), полнота («толст», «тонок»), цвет глаз («карие», «серые», «черные»), волос на голове и в бороде («русые», «светлорусые», «темнорусые», «чермен», «седые» и др.), форма и величина бороды («кли-

нушком», «круглая», «продолговатая», «велика», «редкая»), форма носа («широковат», «продолговат», «остр»), форма и цвет лица («брусом», «лицем бел»), общий вид («плечист», «кренаст», «нахмурен», «сутул»), особые приметы: следы от перенесенных болезней и анатомические особенности («у правой ноги в лодыжке опухло»), манера говорить («говорит остро, скоровато», «толстовато», «говорит тихо», заикается), примерный возраст («около 45-ти»), вид и цвет одежды, за кого себя выдает, с кем едет, на какой лошади и т. д.

В заказной грамоте о пойме Ивана Шура дано такое описание беглеца: «А тот мужик Ивашко Шур ростом не велик, кренаст, глаза кары, волосы — голова руса, борода — светло-руса, кругла, невелика, платье на нем шубенка баранья нагольная, шапка овчинная, выбойчатая, штаны суконные красные, сапоги телятинные, литовские, прямые, скобы серебряные. А чаять его, Ивашкова побегу в литовскую сторону, на Вязьму или на Калугу или, будет укрываясь, и на иные дороги пойдет».

О бежавшем в 1754 году за границу секретаре Дмитрие Волкове сообщалось всем представителям России за границей: «Оной секретарь Волков приметами: роста среднего, тонок, немного сутоловат, около двадцати шести лет, лицом весьма моложав и продолговат, борода самая редкая и малая, волосы темнорусые и носил их обыкновенно в косе, брови того же цвета, глаза серые, в речах гнусит, иногда гораздо заикается, голос толстоватый, говорит по-французски и по-немецки, а на обоих сих языках пишет весьма изрядною рукою». А вот другой пример: «Таскающийся по миру бродяга Кондратей, сказывающейся Киевским затворником росту средняго, лицом бел, нос острый, волосы светлорусые, пустобород, отроду ему около тридцати пяти лет, острижен по-крестьянски и ходит в обыкновенном крестьянском одеянии, а притом он и скопец» — таким был в 1775 году словесный портрет знаменитого основателя скопческого движения Кондратия Селиванова. По этим и подобным им довольно выразительно указанным приметам поймать беглого преступника было вполне возможно. Знаменитая сцена в корчме на литовской границе из «Бориса Годунова» кажется вполне историчной.

Талицкого, как и многих подобных «утеклых» преступников, поймали уже через два месяца. Больше пришлось повозиться с поисками другого беглого преступника — стрельца Тимофея Волоха. Его никак не могли поймать. Необыкновенную энергию в поисках Волоха проявил сам судья Преображенского приказа князь Ромодановский. Видно, что всеильный Ромодановский был уязвлен побегом Волоха. Он делал все, чтобы найти беглеца: многократно допрашивал его родственников, давал указы о его поимке во все места, где бывал раньше Волох и куда он мог вернуться, рассылаз заказные грамоты с описанием примет преступника по многим городам страны, сам осматривал всех задержанных подозрительных людей. И, в конце концов, через два года, Ромодановский все-таки поймал Волоха. Его удалось захватить на Волге, в Саратове.

Скрыться в городе (кроме Москвы, изобиловавшей притонами) или в деревне беглецу было довольно сложно. В сельской местности царил довольно закрытая от посторонних общинная система. Появление каждого нового человека в общине становилось заметным событием, чужак сразу попадал на заметку. К тому же пришлый, как правило, был человеком православным, а поэтому не мог миновать церкви и, тем самым, становился известен приходскому священнику, который считался почти штатным

доносчиком. В людных городах была своя система контроля. В Петербурге каждый домохозяин обязывался сообщать в полицию о своих постояльцах. По ночам всякое движение в городе было невозможно из-за «рогаточных караулов» и постов. В Москве известны свои методы вылавливания беглых и подозрительных — выше уже сказано о «методе» Ваньки Каина.

Конечно, беглец мог скрыться во владениях помещиков, принимавших беглых людей. Но не каждый помещик рисковал принять в холопы или посадить на землю подозрительного беглеца, да еще без семьи — слишком велики стали при Петре I штрафы для укрывателей беглых, слишком много было вокруг доносчиков. К тому же, если такой беглый числился государственным преступником и его искали, то держателю его грозила пытка в Тайной канцелярии.

«Записные», то есть учтенные в подушных книгах двойного оклада, старообрядцы стремились, по возможности, жить в мире с властями и всех без разбору беглых не принимали. Они оказывали помощь прежде всего своим братьям — гонимым единоверцам, которых власти преследовали особо жестоко.

В петровское время внутри страны установился довольно жесткий полицейский режим. С 1724 года запрещалось выезжать без паспорта из своей деревни дальше, чем на 30 верст. Паспорт подписывал местный воевода или помещик. Все заставы и стоявшие по деревням солдаты тотчас хватали «беспашпортного» человека. Действовать так им предписывали инструкции. В каждом беглом подозревали преступника. А если у задержанного находили «знаки» — последствие казни кнутом, клеймами или щипцами, разговор с ним был короток, что бы тот ни говорил в свое оправдание. Из допроса пугаческого атамана Хлопуши видно, что едва его, бежавшего с каторги преступника, поймали на дороге к Екатеринбург без паспорта, то, сразу же, как «человека подозрительного» (у него были рваны ноздри и сечена спина), наказали кнутом, заново рвали ноздри, клеймили и отправили на каторгу.

Бежать на Урал и в Сибирь в одиночку было очень трудно. Как показывают исследования о старообрядцах, их переселения в Сибирь и другие места являлись целым событием, к которому они долго готовились, засылали разведчиков, устраивали промежуточные перевалочные базы и явки. Нередко о таком переезде власти узнавали заранее и стремились их предупредить. В 1724 году Петру I стало известно, что повенецкие старообрядцы надумали уйти в Сибирь. В своем указе царь предписал их «предостеречь... ежели так станут делат[ь], то как беглецы будут казнены». Для успешного побега «в Камень» нужен был опытный проводник. По дороге в Сибирь местные и центральные власти зорко следили за беглыми и гулящими. В воротах городов и острогов стояла стража, проверяя каждого пешего и конного. Почти всюду дотягивались длинные руки власти. Одним словом, велика Россия, а бежать некуда!

Достичь беглецу западных (польской или шведской) границ и перейти их было также непросто. Ему предстояло быстро, не мешкая, опережая разосланные во все концы заказные грамоты с описанием его примет, доехать до границы и пересечь ее, что сделать без подорожной для передвижения внутри страны и без заграничного паспорта было почти невозможно — даже сам царь — Петр Михайлов (под этим именем Петр I ездил за границу в 1697 году), при выезде из столицы получал подорожную. Поэтому власти, послав сыщиков и нарочных с заказными грамотами (позже — указами) о его поимке, успевали предупредить местные власти,

пограничную стражу и даже — с помощью особых циркуляров — посольства России за границей о конкретном беглеце. Из дела 1755 года старообрядческого монаха Исакия видно, что надумавшие бежать за границу старообрядцы предварительно запаслись у знакомого московского «гридоровального» мастера Василия Кудрявцева фальшивыми паспортами с фальшивыми же печатями Яицкого войска — иначе до границы добрать-ся им было невозможно. У того же московского умельца старообрядцы купили еще сто бланков паспортов, чтобы отвезти их на Ветку — известное поселение старообрядцев в Белоруссии, на границе с Россией, «дабы — как показали пойманные вскоре беглецы, — снабжать ими тамошних раскольников, у которых будут здесь (то есть в России. — Е. А.) какие-нибудь нужды». Добыть же паспорт беглецу без связей было нереально.

С начала XVIII века побег крестьян за границу и на Дон резко увеличились, власти постоянно усиливали наблюдение на границе, как за разрешенными выездом и въездом, так и за нелегальным переходом границы, который, как уже сказано, считался изменой. Вдоль польской границы, куда бежали сотни тысяч людей, властям приходилось размещать целые полки, устанавливая густую цепь застав.

За каждым отъезжающим и приезжающим тщательно следили и на границе устраивали обыски, явные и тайные. По делу фальшивомонетчика Сергея Пушкина Екатерина II секретно предписала московскому и рижскому губернаторам «под видом контрабанд осматривать с приложением его экипаж и пожитки». 6 февраля 1792 года Екатерина II сообщила рижскому генерал-губернатору Броуну, что ей стало известно о приезде двух студентов — Василия Колокольцева и Михаила Невзорова, которых подозревали в тайной масонской деятельности и видели в них сообщников Н. И. Новикова. «Имея подозрение в ложных правилах их учения и в намерении распространить семена зла сего в России, — писала императрица, — повелеваем вам секретнейшим образом принять меры острожности, дабы в случае проезда сих людей чрез Ригу, под видом таможенного осмотра, отобранные были все имеющиеся у них бумаги и письма и по освидетельствовании оных известным способом в рижском почтамте, буде в них ничего сумнительного и подозрение утверждающего не найдется, доставя на списки (то есть сняв копии. — Е. А.) подлинные им возвратить и самих их отпустить в путь им надлежащий, а в противном случае все таковые бумаги и письма оригинальные нам представить с нарочным, а путешественников под предлогом или утайки вещей или же провоза законами запрещенных, задержите там впредь до указа». Задержав студентов с тетрадами конспектов по латыни, Броун отослал бумаги, за незнанием латыни, на экспертизу в Академию наук. 27 февраля 1792 года Екатерина распорядилась Колокольцева и Невзорова «для объяснения некоторых бумаг... отправить сюда под присмотром пристава».

Чтобы нелегально перейти границу (обычно — в ночное время) нужно было хорошо знать местность или брать с собой проводников из приграничных жителей, которые за провод через границу требовали денег, и немалых, а иногда и выдавали беглеца пограничной страже. Жители приграничных районов сотрудничали с пограничными властями, получая от них разные льготы и послабления, невозможные для чужих людей. Поэтому неудивительно, что в 1710 году за Смоленском бежавших из Москвы пятерых шведских пленных «признали мужики, что они иноземцы» и начали их ловить. В завязавшейся стычке шведы применили оружие, погибло

трое крестьян. Беглецов задержали и по приговору царя трое из них были казнены, а двое сосланы в Сибирь.

Бежать на юг или юго-восток, к донским, яицким казакам приходилось по рекам, нужно было пользоваться бродами и перевозами, где кишели шпионы или по открытым степным местам, на которых беглец легко попадался на глаза разрездам пограничной стражи. Поэтому-то беглые на Дон стремились пристроиться к возвращающимся из России с хлебом или другими припасами казакам — в одиночку пересечь или обойти все заставы было непросто. Опасность для беглеца представляли и кочевники — в степи его могли легко поймать кубанские татары, башкиры, калмыки. Они оставляли пленного у себя как раба с подрезанными поджилками, или отправляли его в цепях на продажу в Кафу (Феодосию) или Стамбул. Могли кочевники предложить пленника за выкуп и воеводе или коменданту ближайшего города или крепости на «линии».

Даже оказавшись за границей беглец, особенно знатный, не мог быть спокоен. Русские агенты всюду его разыскивали, а русское правительство рассылало ноты о выдаче беглого подданного. В это время в России «домашки запечатывали», а «деревенишки отбирали». Особенно хорошо принципы работы русской агентуры видны в деле царевича Алексея Петровича, который инкогнито бежал в 1717 году в Австрию по дороге из России в Данию, а во владениях австрийского императора был тщательно укрыт в альпийском замке, а потом увезен в Неаполь. И все равно он был найден русскими агентами. Знатный беглец не без основания опасался не только официальных демаршей русского правительства, которое требовало (нередко с угрозами) его выдачи, но и покушений к похищению или убийству. Поэтому понятно поведение русских дипломатов — братьев Авраама и Федора Веселовских, которые в 1719 году, опасаясь быть замешанными в деле царевича Алексея, остались за границей и постарались там исчезнуть. В 1720 году Федор Веселовский, русский дипломатический представитель в Англии, получил указ о немедленной явке в Копенгаген к русскому посланнику М. П. Бестужеву-Рюмину. Но в Данию он не поехал и из Марбурга писал Бестужеву: «Очевидно вижу я, что отзыв мой от сего двора (английского. — *Е. А.*) и посылка в Копенгаген ни для какой причины, ниже в иное намерение чинится токмо для моего брата Авраама, за которого определен быть страдателем, и вижу явно, что намерение положено по прибытии моем в Копенгаген бросить меня на корабль и отвезти в С.Петербург и чрез жестокое и страдательное истязание о брате моем, хотя сведом или не сведом, спрашивать. Ныне, государь мой, откровенно объявляю, что страх сей видимой и бесконечной моей беды привел меня в такое крайнее отчаяние, что я, отрекшись от всех благополучей сего миру, принял резолюцию ретироваться в такой край света, где обо мне ни памяти, ни слуху не будет, и таким образом dokonчаю последние бешастные дни живота моего, хотя в крайнем убожестве и мизерии, но спокойною совестью и без страдания».

Федор Веселовский — опытный дипломат и он знал, о чем говорил. Накануне, весной 1720 года канцлер Г. И. Головкин писал русскому посланнику в Гааге князю Б. И. Куракину, чтобы тот (со слов Куракина) «об Авраме Веселовском, как он скрылся и пропал безвестно и чтоб мне об нем, Веселовском, проводить и, ежели где уведает, трудиться, каким способом его, Веселовского, яко изменника, поймать и за арест отдать, а потом ко двору Его ц. в., оковав, прислать». История Авраама напугала Кура-

кина и он просил убрать от него брата беглеца Федора, «чтоб ему при мне не быть, понеже сия болезнь прилипчивая... Изволь, государь милостивой, рассудить, ежели какое дело секретное наружу выйдет, может быть чрез его секретную корреспонденцию с его братом, то все ляжет на моей шее, кроме всяких других опасных случаев, так что мне день и ночь спать будет нельзя». После этого Федора Веселовского перевели в Англию и затем он, как и брат Авраам, бежал под крыло английских властей.

Тем временем, Петр I рвал и метал. Он требовал, чтоб братьев достали хоть из-под земли и привезли в Россию! Когда это оказалось невозможным, то новый русский посланник в Лондоне сделал все, чтобы Авраам Веселовский не получил английского гражданства. Федор вернулся в Россию лишь при Елизавете Петровне в 1747 году. Авраам же не вернулся никогда. Для его поимки была создана группа нанятых для этой миссии людей, которой командовал русский агент Ю. И. Гагарин (Вольский), который подчинился П. И. Ягужинскому, находившемуся в качестве посланника в Вене. Вольский сумел выследить «бездельного крещеного жида» под Франкфуртом-на-Майне и «вести» его до Гессен-Касселя. При этом о деле знал Петр I, и он рекомендовал захватить Веселовского так, чтобы не вызвать подозрение немецких властей, использовав для этого обвинение Веселовского якобы в неуплате им крупного долга. Но Веселовский счастливо избежал ловушки и укрылся в Швейцарии. Согласно легенде, уже став глубоким стариком (он умер в 1785 году), он не мог без страха проходить мимо висевшего на стене портрета Петра Великого, длина рук которого была ему хорошо известна: царевича Алексея так запугали, что сам, по собственной воле, вернулся, чтобы погибнуть в застенке. Войнаровского — племянника гетмана Мазепы, поймали на улице Гамбурга и привезли в Петербург. О том, как в 1778 году А. Г. Орлов обманом заманил на русский корабль, стоявший на рейде Ливорно, самозванку, выдававшую себя за дочь Елизаветы Петровны, уже сказано выше. Словом, пути этих людей, как бы они ни были далеки от России, кончались в Петропавловской крепости — этой русской Бастилии.

*Федор Севастьянов*

## РАЗВИТИЕ «ВЫСШЕЙ ПОЛИЦИИ» ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I

### Законность и молодой император

«Дней alexандровых прекрасное начало» — эти пушкинские слова прочно вошли как в историческую литературу, так и в сознание каждого человека, став чем-то вроде своеобразного исторического штампа, емко и четко определившего самую суть первых лет XIX столетия. 12 марта 1801 года было встречено в Петербурге как праздник: люди поздравляли друг друга, целовались «как в день Воскресения Христова», не сговариваясь нарушали все запреты покойного императора: выходили на улицу в одежде, недозволенного Павлом I фасона, выезжали в запрещенных экипажах, давали волю языку, не боясь произносить исключенные Павлом I из русской речи слова, подолгу вечером не гасили свет в домах. Рассказывали даже, что по одному из петербургских тротуаров в то утро скакал гусар,



сметая на скаку прохожих с криками: «Ура! Теперь все можно!» Здесь необходимо заметить, что специальным повелением Павла I было запрещено скакать по тротуарам.

Эйфория вседозволенности витала в воздухе: наступило новое царствование, и молодой император Александр I, воспитанник республиканца Лагарпа, уже обещал, что при нем все будет «как при бабушке». Правда, он имел в виду не широкие возможности для казнокрадства и дворянского тунеядства, распространенных в последние годы царствования Екатерины II, а совсем другое — атмосферу уверенности общества в том, что павловский деспотизм не повторится, и верховная власть будет, хотя бы в общих чертах, действовать по изданным ею же самой законам. Еще дореволюционные историки отмечали, что в первые годы царствования «принцип, в силу которого он (Александр I. — Ф. С.) хотел и старался действовать, был принцип законности». А сочетание законности с деятельностью служб политического розыска всегда было «узким местом» для всех правительств, в том числе — русского самодержавного. Первая четверть XIX века — это время, когда повсеместно в Европе, в том числе и в сознании многих деятелей, принадлежавших к русской правящей элите, утверждалось новое понимание идеи законности.

Для Павла I воплощением законности была его воля — воля самодержавного монарха. Хорошо известен описанный еще Н. К. Шильдером случай, когда, в ответ на упоминание о законе раздраженный император ударил себя в грудь, воскликнув: «Здесь ваш закон!». «Романтический император» таким образом не просто хотел указать на то, что все русские законы персонифицированы в его священной монаршей особе. Государство представлялось Павлу I вполне в духе средневековых традиций: как большая семья, строгим но справедливым главой которой он себя мнил. И в этом свете Павлу I было очевидно, что веление сердца отца-императора во сто крат важнее каких-то формальных юридических норм, ибо оно подсказывает самое «человеческое» отношение к его детям-подданным. На практике такая, вызванная из средневекового небытия, идея законности обернулась мелочным полицейским регламентированием всех сторон жизни русских подданных, прежде всего — столичных жителей. Александр I и его соратники понимали законность уже по-другому: примерно так, как сегодня это понятие определяется в политологии. В современной политической науке «законность» означает право данного правительства на управление государством, которое воспринято таковым в умах и представлениях граждан этого государства». Такое понимание законности не лишено оснований: история знает немало примеров, когда именно падение авторитета власти приводило к свержению правящего режима. История свержения отца Александра I — Павла I тоже подтверждает справедливость такого толкования понятия законности. И именно о таком понимании законности свидетельствуют и действия, предпринятые Александром I в самом начале своего царствования. Часто говорят, что основной их смысл выражают три слова: «отменить», «простить», «возвратить». Это не совсем верно. Новый император не просто отменял и прощал — он руководствовался как буквой закона, которая изрядно натерпелась от Павла I, так и духом: то есть пытался добиться безусловного общественного признания своего права на управление Российской империей.

Уже 13 марта, на следующий день после вступления на престол, Александр распорядился выдать указы об отставке чиновникам, исключен-

ными из военной службы. 15 марта действие этого указа распространилось и на гражданских чиновников. Этими указами устранялись последствия одного из самых тяжелых павловских беззаконий — знаменитой «выключки». Это исключение из службы не считалось отставкой, не давало преимуществ отставки и по самой сути своей было незаконно. Теперь все «выключенные» приравнивались к отставленным: император возвращал дело на законные основания. Следование букве закона объяснялись почти все меры правительства в те годы: от восстановления екатерининских учреждений до объявления монарших милостей.

«В течение времени, — говорилось, например, в указе о восстановлении Жалованной грамоты городам, — по соображениям обстоятельности, сие государственное постановление во многих частях его изменилось и в силе своей ослабло». Ослабло, но законно отменено не было! Такой же характер носил и указ 15 марта 1801 года, гласящий: «Хотя (при Павле I. — Ф. С.) городская полиция в Санкт-Петербурге была поручена в ведение гражданского губернатора, но ныне мы повелеваем быть ей на точном основании Устава столичного города Санкт-Петербурга». А 19 марта через санкт-петербургского генерал-губернатора Палена еще раз было обращено внимание полицейских чинов, чтобы они «во всяком встретившемся случае действовали по предписанным каждому правилам (курсив наш. — Ф. С.)». Нежелание Александра I показаться в обществе нарушителем закона, очевидно, было так велико, что даже всемилостивейший манифест, облегчавший участь узников Тайной экспедиции, содержал формулировку: «Не ослабляя общей силы закона, восхотели мы на сей раз облегчить действие его».

Известно, что Павел I, как, наверное, никакой другой русский император, вносил произвольные правки в судебные приговоры при их утверждении, исходя из собственных представлений о нравственности и законе. Поэтому и попытка Александра I разобраться с этими произвольными приговорами тоже была предпринята под флагом законности. 15 сентября 1801 года (в день коронации) царь учредил специальную Комиссию для пересмотра прежних уголовных дел. Согласно указу, Комиссии надлежало разыскивать таких осужденных, «коих вины не умысленны, и более относятся ко времени и образу мыслей того времени, нежели к делам бесчестным и действительно государству вред наносящим». Вскоре компетенция комиссии была конкретизирована: в указе Александра I говорилось: «Нахожу, что обязанность ее <Комиссии> простирается на людей всякого рода и звания, а по сему и дела сужденных по военной части должны войти в ее рассмотрение», одновременно в состав Комиссии вводился генерал-аудитор князь Салагов. Этим решением Александр I вновь продемонстрировал свою приверженность идее законности, как бы давая понять, что закон один для всех, как, в прочем, и беззаконие.

Вместе с тем, интересной чертой Комиссии является тот факт, что в силу данного ей наставления, она могла лишь ходатайствовать перед императором о смягчении участи осужденных, понесших более строгое наказание, чем было положено по закону. Это делало невозможным сосредоточение деятельности Комиссии именно на упорядочивании приговоров, приведении их в полное соответствие с законом: ведь Павел I по своему произволу не только отягчал, но и смягчал наказание. Среди решений, выносившихся Комиссией по различным делам, встречаются, например, такие: «Вместо следующего ему по законам большего наказания, послан на поселение без лишения его чинов и дворянства, следовательно, за силою

данного Комиссии наставления, по облегчению участи его... ничего положить не может».

Восстановлением законности мотивировалась и отмена пытки, также последовавшая в сентябре 1801 года. Сделать этот шаг побудил Александра один дошедший до него случай из судебной практики. В указе говорилось: «Взят был по подозрению в зажигательстве один... гражданин под стражу, был допрошен и не признался; но пытками и мучениями исторгнуто у него признание и он предан суду». Он был осужден и казнен хотя неопровержимых доказательств его вины найдено не было. Это происшествие характеризовалось как «жестокость толико вопиющая, злоупотребление власти столь притеснительное и нарушение законов (курсив наш. — Ф. С.) в предмете толико существенном и важном». Но о каком-то совершенно невиданном беззаконии здесь говорить не приходится: ни для кого не было секретом, что получение признания под пыткой было явлением вполне обычным. Но Александр I, очевидно, просто интуитивно чувствовал то, что сказал бы ему сегодня советник-политолог: отмена пытки, безусловно, увеличивала законность его правления.

Таким образом, в первые дни нового царствования ликвидация наследия павловского деспотизма имела в качестве идеологической основы в значительной степени именно принцип законности, которым оправдывали предпринимаемые изменения. И принцип этот понимался не просто как следование букве закона, а как такие действия власти, которые повышают ее престиж в глазах общества, а значит порождают признание со стороны этого общества права управлять им.

### Наследство Павла I

В этой связи важнейшим вопросом для Александра I стал вопрос об организации политического розыска или, как тогда говорили, — «высшей, или государственной полиции». Интересно, что и сам принцип законности был окончательно сформулирован в манифесте 2 апреля 1801 года об упразднении Тайной экспедиции. Стиль этого манифеста — торжественный, даже напыщенный — оказался чрезвычайно характерен для всех последующих документов, провозглашавших реформы органов политического розыска. Существование Тайной экспедиции, конечно же, объяснялось в указе особенностями времени: «*Нравы века и особенные обстоятельства времен протекших побудили Государей Предков наших между прочими временными постановлениями учредить Тайную розыскных дел Канцелярию*». Далее выражалось сожаление, что «*судилище сие, установленному в России образу Правления несвойственное*» существовало так долго, и что при Екатерине II лишь «*имя сей канцелярии было уже в положениях закона изглажено, между тем однако же по уважению обстоятельств признано было нужным продолжать ее действие под названием Тайной Экспедиции*». Заканчивался манифест эффектно и многообещающе: «*Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить... рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона*». В этой формулировке, конечно, отразились либеральные убеждения Александра I, в свете которых, сам факт существования особого органа высшей полиции, особо охранявшего безопасность

государя и государства, казался императору чем-то совершенно ненормальным. Не случайно в исторической литературе отмечено, что характерной чертой организации политического розыска в александровскую эпоху была секретность создававшихся учреждений — правительство как бы стеснялось того, что государственные преступления «общая сила закона» никак не объемлет...

Правда, Александру и его «молодым друзьям» некоторое время, очевидно, все-таки казалось, что задачу обеспечения государственной безопасности можно решать, основываясь лишь на «общей силе закона». Поэтому остававшиеся нерешенными дела Тайной экспедиции были переданы для решения в 1-й и 5-й департаменты Сената, а затем, уже окончательно на общих основаниях, — в 3-й и 4-й. Таким образом Россия на несколько лет осталась без общеимперского органа политического розыска. Но долго так продолжаться не могло: обеспечение своей безопасности является насущной задачей любого государства.

Нашему современнику, конечно, трудно судить, в чем, по мнению Александра I, заключалось «самое действие» Тайной экспедиции, но, кажется, молодой император лукавил, декларируя его полное и немедленное уничтожение. Еще при Павле I, 6 ноября 1800 года, была учреждена Тайная полицейская экспедиция при петербургском военном губернаторе (не путать с уже упоминавшейся Тайной экспедицией при Сенате. — Ф. С.). Она не только не была упразднена в рамках своеобразной «кампании по борьбе с павловскими беззакониями», описанной выше, но и продолжала действовать, оставаясь *terra incognita* даже для большинства высших сановников империи. Это обнаружилось вскоре, когда в 1802 году Россия вступила в полосу знаменитых александровских реформ, обычно связываемых с именем М. М. Сперанского.

8 сентября 1802 года был обнародован разработанный Сперанским Манифест об учреждении министерств, а уже через неделю, 15 сентября назначенный министром внутренних дел один из «молодых друзей» императора Александра В. П. Кочубей направил секретное отношение санкт-петербургскому военному губернатору графу Каменскому «в дополнение к открытому отношению, каковое по должности министра внутренних дел относительно состояния полиции в здешней Столице» уже было сделано.

В этом дополнительном секретном отношении министр писал: «Зная, что сверх полиции на общих правилах действующей, существует здесь особенная часть, под именем тайной полиции известная, я считаю обязанностью моею иметь сведения» о деятельности этой тайной структуры. Круг вопросов, интересовавших В. П. Кочубея, свидетельствует о том, что работа Тайной полицейской экспедиции при генерал-губернаторе столицы была окутана полной тайной. Министр внутренних дел интересовался «кто именно суть чиновники..., каких наций и чинов», которые служат в экспедиции, «существует ли какая-нибудь инструкция, Начальнику ея данная», «над какими наиболее людьми и в каких особенно местах имеет наблюдение» эта тайная служба, какие сведения прежде всего должны добываться и «какими средствами и путями... достигают сих сведений», «какие замечательные открытия на протяжении двух лет (деятельности Тайной полицейской экспедиции. — Ф. С.) были... сделаны, обличены и доказаны», «сколько и какие именно люди и по каким причинам ныне состоят... на особенном содержании» тайной полицейской экспедиции. Большой интерес проявил Кочубей и к финансовой стороне деятельности

столичной тайной полицией. Здесь министр был тоже малоосведомлен: он не знал ни о размерах жалования отдельных чиновников экспедиции, ни о том «какая сумма назначена вообще на действие сей части».

Ответ графа Каменского на секретное отношение В. П. Кочубея не отличался подробностью. Особенно напирал граф на тот факт, что учреждена была столичная тайная полиция еще до его вступления в должность военного губернатора. По сему Каменский ограничился лишь пересылкой новоназначенному министру нескольких бумаг, составленных неким надворным советником Гагельстромом, «определенным к управлению в Петербурге тайной полицией». В их числе — ценнейший документ: составленное самим Гагельстромом и утвержденное Павлом I «Учреждение Тайной полицейской экспедиции».

В «Учреждении» Гагельстром так определял задачи замысленной им тайной службы: «Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению Самодержавной Власти и безопасности Правления. Как то: словесные или письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища... Одним словом Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, относящиеся к здоровью Государя, его Императорской Фамилии, к безопасности его Самодержавия и продовольствию дешевому жителей оного и к безопасности управления и управляемых». Далее в пятнадцати статьях эти положения конкретизировались. Говорилось, что Тайная полицейская экспедиция «старается иметь точные и непрерывные сведения о мнениях и суждениях народных», «надзирает за всеми должностями: как они себя ведут в звании своем», «ведает о всех приезжих иностранных людях», «открывает тщательно поддельвателей фальшивой монеты, ложных пашпортов и тому подобного», «открывает перекупателей съестных и жизненных припасов», а кроме того борется с контрабандой, скупкой краденого и даже собственно кражами. Таким образом, в круг обязанностей этой структуры входили и борьба с коррупцией, и контрразведка, и даже просто уголовные преступления, неизвестно по какому критерию отбираемые для Экспедиции. Вообще же Гагельстром попытался выставить Тайную полицейскую экспедицию едва ли не главной защитницей всех обездоленных и несправедно претерпевших обиды, что, конечно, должно было импонировать Павлу I.

Тайная полицейская экспедиция была теснейшим образом связана с петербургским военным губернатором. Ее начальник назначался императором по совету «хозяина столицы», а все остальные сотрудники губернатором непосредственно. Более того, все добытые экспедицией сведения передавались не императору, а «своему начальнику — военному губернатору, для донесения государю». Если учесть, что военным губернатором в Санкт-Петербурге был тогда небезызвестный граф Пален — вдохновитель дворцового переворота 11 марта 1801 года, — можно только догадываться: каков сведения и в каком виде получал от него Павел I.

Экспедиция была не только органом политического розыска и контроля. Она добывала сведения и из области внешней политики. Проще говоря, шпионаж был одной из задач этой тайной структуры. «Учреждение Тайной полицейской экспедиции» предоставляло ее управляющему право «иметь безвозбранно вход в дома иностранных министров (то есть, в данном случае — дипломатических представителей. — Ф. С.)», в структуре расходов экспедиции предусматривались «пенсии швейцарам у ино-

странных министров и другие непредвиденные расходы». Начальника экспедиции, упомянутого Гагельстрома, Павел I предписал «наградить... тем, что он потребует, естлиб скрал цыфры у какова иностранного министра» (то есть завладел шифрованной перепиской или самим шифром).

Все это стало известно лишь в ходе принятия дел вновь назначенным министром внутренних дел В. П. Кочубеем...

В ходе министерской реформы была изменена и юрисдикция Тайной полицейской экспедиции. Как явствует из сохранившейся финансовой переписки по делам экспедиции, это тайное ведомство было передано в ведение Санкт-Петербургского обер-полицмейстера Ф. Ф. Эртеля: именно он отчитывался перед министром внутренних дел В. П. Кочубеем в расходе средств, отпускаемых на ее содержание. При отчете за 1802 год, Эртель особо отмечал, что траты в январе, феврале и марте производились «в бытие (в должности начальника Тайной полицейской экспедиции. — Ф. С.) надворного советника Гагельстрома». Но учитывая, что в сентябре 1802 года столичный военный губернатор граф Каменский говорил о Гагельстроме как о действующем шефе тайной полиции в Петербурге, а первый финансовый документ за подписью Эртеля датирован октябрём того же года, можно сделать вывод, что именно вступление в должность министра внутренних дел В. П. Кочубея стало для Гагельстрома роковым: он был заменен столичным обер-полицмейстером, а сама руководимая им структура попала в подчинение МВД. 26 октября 1802 года Александр I отдал распоряжение министру финансов Гурьеву: «Сумму, отпускаемую на содержание секретной экспедиции, при Санкт-Петербургском военном губернаторе учрежденной, по тысяче рублей на месяц, которые конфирмациею на докладе Вашем от 12-го сентября велено было отпускать фельдмаршалу графу Каменскому, повелеваю впредь выдавать министру внутренних дел графу Кочубею по его запискам».

Объем финансирования тайной полиции был сохранен в прежнем объеме — по тысяче рублей в месяц, при том, что штат экспедиции состоял всего из нескольких человек. Однако порядок их выдачи был весьма запутанным. Каждый месяц Эртель направлял отношение к Кочубею с просьбой о выдаче денег на очередной месяц. Тот, в свою очередь, требовал эти деньги у министра финансов Гурьева. В марте 1803 года Ф. Ф. Эртель предложил: «Для пресечения лишних переписок... не благоудно будет приказать, так как уже на оное (тайное полицейское дело. — Ф. С.) сумма ассигнована в год 12000, единожды завсегда их в один раз получать, а по окончании валовой счет вашему сиятельству доставить». Однако такой порядок финансирования одобрен не был, очевидно, во избежание бесконтрольного расходования средств.

В финансовой переписке сохранился и один из отчетов Эртеля по сверхштатным расходам. Этот любопытнейший документ — своего рода «палитра» деятельности Тайной полицейской экспедиции. Там фигурируют вознаграждения «за открытие фальшивую сделанного свидетельства на 200 душ», за донесение о намерениях разных «господских людей» выйти незаконными способами из крепостной зависимости, «за открытие фальшивой печати» и даже — ложного банкротства. Все это — безусловно особо опасные преступления, но о расследовании каких-либо преступлений, которые традиционно относятся к ведению служб высшей полиции в отчетах сведений нет. Кроме того, «сданные мне (Эртелю. — Ф. С.) два человека от предшественника моего, не состоящие нигде» получали по 25 рублей в месяц, что также списывалось как экстраординарные расходы.

Другой высшей полицейской структурой, доставшейся веку XIX в наследство от века XVIII, было «Сообщество лон-лакеев» — своеобразное агентурное полицейское подразделение. О времени возникновения Сообщества судить сложно. Эти агенты, сеть которых была создана очевидно еще во второй половине XVIII века по прусскому образцу, в целях лучшего управления были объединены в корпорацию, официально называвшуюся в документах «Сообществом лон-лакеев». Позже, в 1811 году, министр полиции А. Д. Балашов писал о нем: «Учреждение сие без сомнения должно почитать вспомогательным орудием в руках полиции по наблюдению за наезжающими в столицу иностранными посетителями». Более подробную информацию о должностных обязанностях лон-лакея дают сохранившиеся в архивных делах Особенной канцелярии министра полиции «Правила для лон-лакеев». Правила представляют собой изданную типографским способом небольшую книжку, являвшуюся одновременно и удостоверением лон-лакея. Согласно первому пункту «Правил», «лон-лакей различается от просто свободных лакеев в том, что он принадлежит к особому сообществу, снабжен особым документом, и что он исключительно у приезжих нанимается право имеет».

Правила требовали от лон-лакеев знания географии Петербурга, свободного владения иностранным языком, послушания и учтивости в отношении хозяина и т. п. Вместе с тем, такие лакеи должны были приглядывать за своими приезжими нанимателями, сообщая полиции о любых подозрительных действиях иностранцев. Полицейские власти, в свою очередь, гарантировали, что только члены лон-лакейского сообщества смогут получить работу слуги у иностранного гостя. Использование приезжим самовольно нанятого лакея каралось штрафом в размере двух рублей за каждые сутки использования самозванца. Штрафовался и сам лакей, не принадлежавший к корпорации. То есть надзор за иностранными приезжими не только не был тайной, но даже и обязанности по содержанию согладатаев возлагались на самих иностранцев.

Также как и Тайная полицейская экспедиция при санкт-петербургском военном губернаторе, Сообщество лон-лакеев не только не было упразднено, но, после создания в 1810 году министерства полиции органично вошло в его структуру. В 1811 году сообщество было реформировано. Суть лон-лакейской реформы заключалась, главным образом, в том, чтобы «спустить слух в отелях и в публике, якобы общество лон-лакеев рушилось», ибо тайный надзор будет гораздо эффективнее гласного.

### Министерская реформа и высшая полиция

Вообще, предпринятая Александром I в 1802 году министерская реформа не могла не сказаться и на судьбе российского политического розыска и контроля — российской «высшей полиции». По-новому обустроенная все части государственного управления, сам император и вдохновитель реформ в России начала XIX века — М. М. Сперанский — не могли не думать и об обеспечении безопасности государства. Однако самая мысль об учреждении некоего аналога Тайной экспедиции, видимо, все еще пугала императора Александра, в свете его понимания идеи законности. Поэтому, пока что, никакого специального органа для борьбы с государственными преступлениями не учреждалось.

Манифест об учреждении министерств 8 сентября 1802 года был всего лишь началом министерской реформы. Там очерчивались лишь общие контуры будущей исполнительной власти, а потому многое в конкретном устройстве отдельных министерств и полномочиях отдельных министров оставалось весьма неопределенно. Так, очевидно, что, например, министр юстиции, по тому, как замыслилась его должность, должен был иметь касательство к расследованию преступлений против государя и государства, но в манифесте об обязанностях этого сановника было сказано лишь: «Должность министра юстиции особенно определена быть имеет при издании сочиняемого уложения законов». Нет нужды напоминать, что из-за последовавшей перед Отечественной войной опалы М. М. Сперанского, это Уложение так никогда и не было создано.

По замыслу реформы 1802 года полицейская часть, в основном, должна была войти в компетенцию министра внутренних дел. Кроме всевозможных хозяйственных функций, «должность министра внутренних дел, — говорилось в манифесте, — обязывает его пеюись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи». Кроме того, министр «должен стараться всеми мерами об отвращении недостатка в жизненных припасах и во всем, что принадлежит к необходимым надобностям в общежитии». Необходимо отметить, что последнюю функцию в то время часто относили к полицейским. Она была свойственна, например, Тайной полицейской экспедиции, о которой речь шла выше.

В 1803 году М. М. Сперанский представил Александру I «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». Начитанный советник молодого императора обобщил в этом документе воззрения многих философов-просветителей теоретиков государства и права на устройство различных государственных учреждений, в том числе и полиции. Определив, что «безопасность общественная не что другое есть, как сохранение вещей в том порядке, в каком они поставлены законом», Сперанский логично разделил угрозу этой безопасности на внутреннюю и внешнюю. Исходя из этого он выделил «четыре главных предмета всякого правительства: 1) полиция; 2) суд; 3) войско; 4) внешние сношения». Поставив полицию на первое место среди четырех «главных предметов», Сперанский отметил, что «некоторые разделяют полицию на государственную (высшую) и гражданскую (низшую); первой приписывают соблюдение государственной тишины от тайных замыслов; второй подчиняют маловажные преступления от закона и порядка».

Но сам великий русский реформатор придерживался другой классификации, которую и обосновывал в своей «Записке». Считая, что «есть три разные способа удержать закон в непрерывном его действии»: восстановить после нарушения, пресечь насилие и предупредить возможные преступления, он выделил, соответственно, полицию трех родов. Первая — «полиция исполнительная». Круг ее обязанностей для современного читателя может представляться весьма странным. «Полиция исполнительная», по Сперанскому, должна обнаруживать и приводить в исполнение законы, «иметь в распоряжении своем силу понудительную» (какого рода, для чего — не уточняется) и, наконец, «иметь в точном ведении и подчинении себе всех граждан, яко обывателей известного места». Вторая — «полиция смирительная», должна была заниматься тем, чем собственно и занимается сегодня полиция. Отыскивать преступников, «отсылать виновных к суду», возвращать украденное и т. п. Третья же — «полиция

предохранительная или благочиния» имела в своем ведении, в соответствии с планом Сперанского, цензуру всех родов, в том числе даже и «пресечение и опровержение вредным правительству слухов и толкований», дороги и другие коммуникации, «гражданскую стражу» (т. е. патрульную службу, охрану правительственных учреждений и тюрем) и «продовольствие и народное здравие». Последний пункт включал, в частности, «а) сведения о состоянии всякого рода запасов, б) умеренность торговых цен на предметы первой необходимости».

Современному читателю этот проект организации полиции может показаться чисто умозрительным. Но это видно лишь нашему современнику с высоты как минимум двухсот—трехсот лет экспериментов в этой области. Сперанский же стоял практически в самом начале этих экспериментов, и его проект, как будет показано ниже, оказал свое влияние на практические преобразования полиции, которые были проведены Александром I в преддверии войн с Наполеоном. Отчасти, видимо, это произошло потому, что М. М. Сперанский был в то время чрезвычайно близок к императору, отчасти — потому, что записка Сперанского являлась изложением общеизвестных идей тогдашних авторитетнейших теоретиков государства и права.

Здесь необходимо заметить также, что в литературе существует расхожее мнение, будто уже на первом этапе министерской реформы в созданное в 1802 году министерство внутренних дел был скрытно «вмонтирован» орган политического сыска — 2-я экспедиция. Но стоит взглянуть на высочайше утвержденный 20 апреля 1806 года доклад министра внутренних дел, посвященный устройству 2-й экспедиции и обобщавший, по замечанию самого министра, почти четырехлетний опыт работы, как это впечатление сразу исчезнет. Среди вопросов отнесенных к ведению 1-го отделения экспедиции были, конечно, «дела раскольничьи, переписка по цензуре книг, благочинию зрелищ и публичных собраний», а 2-е отделение целиком посвящало свою деятельность разбору различных жалоб, в том числе и о «насилии и самоуправстве личном» всевозможных чиновников, что можно вне всякого сомнения отнести к функциям высшей полиции. Но все эти функции были сильно «разбавлены» такими, как «дела по приказам общественного призрения», «дела о починке и содержании дорог, мостов и перевозов», «часть строительная» и т. п. Таким образом, 2-я экспедиция МВД хоть и ведала многими задачами высшей полиции, но лишь *наряду с другими* полицейскими задачами. Создание 2-й экспедиции министерства внутренних дел являло собой характерный пример попытки разбирать и наказывать все преступления на основе «общей силы закона». Тем не менее, многие важные задачи, которые должен был бы решать особый орган «высшей полиции», не попали в сферу деятельности 2-й экспедиции. Например, поимка иностранных агентов и вообще наблюдение за подозрительными иностранцами.

### Противоборствуя с Наполеоном

Но несмотря на явные сомнения Александра I в возможности и в законности (принцип, которому он следовал в начале своего царствования) создать в России особую службу высшей полиции, само внешне и внутриполитическое положение Российской империи требовало создать в стране такую службу.

Дело медленно, но верно шло к войне с Наполеоном. В обстановке острой франко-русской конфронтации государство должно было получить надежную защиту от шпионов наполеоновской Франции, тем более, что последняя активно вела работу по созданию и совершенствованию собственных полицейских структур. В том числе и тех, которые тогда причислялись к категории «высшей полиции», то есть — службы государственной безопасности. Правда, в начале XIX столетия еще не существовало единственно верного и проверенного временем рецепта создания такой полиции. Отчасти поэтому, а отчасти и потому, что подозрительный Наполеон не хотел доверять полностью одному источнику информации, во Франции, полицейская организация которой стала в скором времени образцовой, имелись четыре независимые друг от друга полицейские структуры, ежедневно снабжавшие Наполеона информацией о положении в стране.

Эту черту в первой четверти XIX века переняла от Франции и Россия. Сложно указать причину этого. Однако, хорошо известно, что пройденная Александром I в ранней юности школа придворного угождения одновременно отцу и бабке навеки приучила его к двуличию, а его пренебрежительные высказывания о людской порядочности любят цитировать многочисленные биографы «Северного сфинкса». Таким образом, Александр I сам был, наверное, одним из самых подозрительных монархов современной ему Европы.

Вместе с тем, русский император, видимо, очень опасался активизации вражеских агентов. Уезжая в 1805 году в армию, царь сказал своему генерал-адъютанту графу Е. Ф. Комаровскому: *«Я желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы пока еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах. Для составления правил оной назначен будет комитет из кн. Лопухина, (тогда министр юстиции. — Ф. С.) гр. Кочубея (тогда министр внутренних дел. — Ф. С.) и тебя»*. Как уже отмечалось, единственно верных, проверенных временем рецептов создания такой полиции XIX век еще не знал. Русский опыт Преображенского приказа, Тайной канцелярии и экспедиции не только не казался молодым соратникам Александра наилучшим, но и прямо их отталкивал воспоминаниями о павловском произволе. Поэтому граф Комаровский взялся изучать опыт иноземный с присущими государственным деятелям того времени в подобных вопросах добросовестностью и основательностью. После описанного разговора Е. Ф. Комаровский побывал у «благодетеля своего» графа Н. П. Румянцева, который сказал ему: *«У меня есть много книг касательно сей полиции, и мы вместе, если хочешь, станем делать выписки об образовании оной»*. Далее Комаровский пишет: *«Мы, действительно, сими выписками несколько времени занимались, комитет сей однако же не состоялся, и мне никогда не была известна сему причина»*.

Возможно, причина заключалась в том, что еще за несколько дней до описанного разговора Александр I конфирмовал посвященную организацию высшей полиции записку одного из своих ближайших советников — Н. Н. Новосильцева, которому на протяжении александровского царствования вообще давались особо важные с точки зрения монарха поручения. Прежде всего, в области составления различных проектов новых государственных учреждений. Уже после окончания наполеоновских войн Новосильцев напишет конституцию для присоединенного к России «Царства Польского», затем подготовит проект и «Государственной Уставной



Грамоты Российской империи». Но, как видим, конституционными проектами законотворческая деятельность Новосильцева не ограничивалась: в 1805-1807 годы он также сыграл особую роль в создании русской политической полиции...

Рецепт, предложенный Новосильцевым, примирял либеральные убеждения царя, его опасения создать новое ведомство-монстр, подобное Тайной экспедиции, с объективной необходимостью поставить заслон на пути действий вражеских шпионов.

В высочайше подтвержденной 5 сентября 1805 года записке предполагалось на время отъезда Александра I в действующую армию учреждение принципиально нового органа «высшей полиции» — межведомственного комитета, который в делопроизводстве называли либо «Комитетом по делам высшей полиции», либо, по дате создания — «Комитетом 5 сентября 1805 года». В его состав должны были войти министры военно-сухопутных сил, юстиции и внутренних дел. Нужно заметить, что военный министр С. К. Вязмитинов был тогда и главнокомандующим в столице. Предусматривалось, что «Комитет должен получать немедленно и исправно сведения посредством обер-полицеймейстера: 1-е. о проживающих в Столице подозрительных людях, о коих вовсе неизвестно, каким делом они занимаются. 2-е. о приезжающих в Столицу из-за границы или из внутри государства таких же подозрительных людях. 3-е. о различных в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих. 4-е. о источниках, откуда такие разглашения происходят. 5-е. о скопищах и собраниях подозрительных». Также, «через сношение с Дирекцией почт. Комитет должен получить немедленные и верные сведения о подозрительных переписках». Как видим, это положение фактически санкционировало запрещенную в России законом перлюстрацию, необходимую, впрочем, по мнению властей, для эффективного политического контроля за населением империи.

Применение чрезвычайных карательных мер не планировалось. Отмечалось, что «буде Комитет усмотрит, что спокойствие общественное невозможно быть может, приемлет разумные меры к восстановлению безопасности». Например, если бы по Петербургу поползли разные неблагоприятные для правительства слухи, Комитет должен был бы, не вызывая в обществе подозрений, распространить доброкачественную информацию. Министр внутренних дел, которому были подчинены все губернаторы, должен был снабжать членов Комитета и сведениями о настроениях в губерниях. В случае же обнаружения преступлений, заслуживающих внимания Комитета, его членам предписывалось действовать на основании норм «Устава благочиния». Кроме того, выражалась уверенность, что «опытность и проницание особ, составляющих Комитет, покажет им разность между маловажными и обычными слухами, кои внимания не заслуживают, и теми, которые проистекают от Злых Намерений и вредными впечатлениями угрожают».

Таким образом, по своему замыслу «Комитет высшей полиции» был не столько органом политического розыска, сколько органом политического контроля: он должен был не столько карать, сколько бдительно следить за настроением общества как в столице, так и во всей империи и благотворно влиять на него. Кроме всего перечисленного, в обязанность Комитету 5-го сентября вменялась забота об «отращении недостатка и дороговизны жизненных припасов в Столице». Нужно отметить, что борьба с дороговизной была задачей крайне актуальной: с 1805 года Россия всту-

пал в период практически непрерывных войн, что естественно сказало на состоянии русской финансовой системы: начался период резкого падения курса русских бумажных денег. С 1806 по 1808 год курс бумажного рубля упал, соответственно, с 78 до 48 копеек. Между тем, и сам государственный бюджет находился, мягко говоря, в расстроеном состоянии. Например, в 1807 году в бюджете Российской империи расходы превышали доход в полтора раза. Заметим, что все эти необычные, с нашей современной точки зрения, задачи Комитета вытекали из представлений о компетенции «полиции предохранительной», о которой говорилось в уже упомянутой записке М. М. Сперанского.

На первый взгляд, Комитет выглядел довольно безобидно: лишь абзац, в тексте которого фактически санкционировалась перлюстрация, Александр I при чтении проекта задумчиво отчеркнул карандашом. Тем не менее, ни у императора, ни у его ближайшего советника не было уверенности, что общество адекватно воспримет их нововведение: память о Тайной экспедиции была еще слишком свежа. Поэтому заканчивалась записка Новосильцева следующим образом: «Само собою разумеется, что существование сего Комитета, равно и советования его по вышеуказанным предметам и сношения с полициею и Дирекцией почт, должны сохраняться быть в совершенной тайне: дабы не возродить в обществе напрасного опасения, что предстоит какое зло, и через то не нарушить его спокойствия. А по сему для производства, по делам в Комитете производящимся не назначать особых чиновников и исправлять оные в департаменте министерства внутренних дел». Кроме того уточнялось, что «все предписания, которые Комитет за нужное признает сделать, даются от лица того министра, до которого оно касается будет, по вверенным управлению их делам». Остается, однако, загадкой: как при таком характере делопроизводства должен был директор почт или обер-полицеймейстер понять, сколь важный орган отдаст ему распоряжение. Тем более, если это предписание могло требовать от подчиненных прямого нарушения закона, например, при осуществлении перлюстрации.

Очевидно, что проект Н. Н. Новосильцева пришелся подозрительному и ревниво относившемуся к своей самодержавной власти Александру I по душе. Очевидно хорошо знавший своего августейшего друга, Новосильцев учел все особенности его характера. Во-первых, Комитет высшей полиции был временным органом, учреждавшимся лишь на период отсутствия в Петербурге императора, уезжавшего в действующую армию. Во-вторых, статья восьмая «Наставления» Комитету высшей полиции гласила: «О том, что заслуживает внимания ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА или требует ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения. Комитет немедленно доносит ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ». Эту статью, читая записку Новосильцева, Александр I тоже отчеркнул карандашом.

Таким образом, особого высочайшего внимания удостоились лишь два положения новосильцевского проекта: одно, подчеркивавшее неизбежность монарших прерогатив при разрешении всех вопросов «до высшей полиции относящихся», и второе, — санкционированное перлюстрацию — прямое нарушение закона. С этим фактом «законолюбивый» Александр I, очевидно, решил все-таки примириться. Уже тогда роль перлюстрации в политическом контроле была высоко оценена. Несколько лет спустя, граф А. Х. Бенкендорф, создавший прекрасно функционировавший многие годы аппарат политического розыска в России, напишет о перлюстрации:

*«Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи».*

Естественно, что при предписанном «Наставлении» Комитету 5 сентября 1805 года способе делопроизводства он не мог оставить в архивах заметные следы своей деятельности, даже если бы эта деятельность была активной. Это обстоятельство и дало, по-видимому, основание многим историкам утверждать, что Комитет высшей полиции так никогда и не приступал к работе. При ближайшем же рассмотрении вопрос не представляется столь ясным.

В 1816 году Комитет охранения общей безопасности, учрежденный взамен Комитета высшей полиции, составлял список «секретных арестантов», содержащихся в разных губерниях Российской империи. И вот что интересно: в Суздальском Покровском женском монастыре находились две арестантки — Кузьмина и Онуфриева, «коих определением министров военных сухопутных сил, юстиции и внутренних дел (то есть состава Комитета 5 сентября 1805 года. — Ф. С.) 27 ноября 1805 года положено: за рассеивание Владимирской губернии Александровской округе в экономическом селе Нушпове купческой ереси заключить в Суздальский женский Покровский монастырь. О перемене участи их доньше ничего неизвестно». Сохранились и два архивных дела, в самих названиях которых содержится указание на Комитет 5 сентября 1805 года.

Эти данные позволяют с уверенностью утверждать, что задуманный Новосильцевым и одобренный Александром I план межведомственной координации деятельности высшей полиции был приведен в исполнение. Вместе с тем, деятельность Комитета 5 сентября 1805 года была, очевидно, довольно вялой, если не оставила более заметных следов. К 1807 году Комитет уже полностью бездействовал, что видно из отношения военного министра, главнокомандующего в столице С. К. Вязмитинова к министру юстиции князю П. В. Лопухину. Из документа явствует, что министры-члены Комитета давно уже не собирались, да и с самой инструкцией, написанной когда-то Н. Н. Новосильцевым, министр не знал, что делать. Поэтому он, получив указ о создании Комитета охранения общей безопасности — фактического преемника Комитета высшей полиции, с радостью сдал секретную инструкцию в его архив.

Так что вряд ли справедливы утверждения некоторых историков, будто «5 сентября 1805 года перед отъездом в армию, он (Александра — Ф. С.) фактически восстановил Тайную экспедицию, которая с такой помпой была упразднена в первый же месяц его царствования». Комитет высшей полиции не являлся особым ведомством, а лишь межведомственным координационным совещанием. Его также, очевидно, не приходится равнять с Тайной экспедицией по активности деятельности. И, наконец, о применении пытки при допросах уже не могло быть и речи, да и бороться созданный в 1805 году орган высшей полиции должен был прежде всего с иностранными агентами, а не с болтунами, произносившими «предерзостные слова» в адрес императора.

Вместе с тем внешнеполитическая напряженность нарастала день ото дня. С известием о каждом новом поражении, полученном от Наполеона, в России все больше и больше опасались французских шпионов. Правительство готово было видеть вражеского агента едва ли не в каждом пересекавшем границу иностранце. В этой обстановке исключительную важ-

ность для русского правительства приобрел политический контроль, главным образом — за иностранцами. Инициатором совершенствования системы политического контроля за иностранными подданными стал человек, имевший весьма отдаленное отношение к вопросам организации высшей полиции, — министр иностранных дел барон А. Я. Будберг. 30 сентября 1806 года, он направил отношение министру внутренних дел В. П. Кочубею, в котором доводит до него свое высочайше одобренное мнение об усилении наказаний для французских шпионов. Кратко осветив состояние отношений с Францией, Будберг предостерег об «известной системе тамошнего правительства употреблять везде лазутчиков, проiski которых и доставляемые от них сведения, оно с такою деятельностью обращает к своим выгодам». Далее министр иностранных дел выступил с конкретными предложениями по усилению наказания для лиц, уличенных в шпионаже. «Ограничить при нынешних обстоятельствах, — писал он, — наказание людей, уличенных в таком преступлении, только высылкой за границу мне кажется недостаточным. У злодеев, употребляемых правительством, которое не знает ничего священного и которое почитает все дозволенным, дабы успеть только в своих замыслах, должно отнять все способы быть вредными, для сего полагаю я, чтобы людей, которые изобличены будут в шпионстве или сношениях с французским правительством, наказывать впредь ссылкой в отдаленные места империи, где иметь за ними бдительнейшее наблюдение, дабы они не могли вредить пользам государственным».

В ответном отношении министр внутренних дел отмечал, что успех работы по обезвреживанию агентов врага зависит не только от бдительности полиции, но и «большею частию от пересмотра бумаг по департаменту иностранных дел входящих». Действительно, именно в руках Будберга сосредотачивались добытые легальными и полулегальными агентами министерства иностранных дел сведения о шпионских заданиях, полученных от наполеоновского правительства теми или иными выезжающими в Россию иностранцами. Поэтому именно от министра иностранных дел Кочубей потребовал предоставления информации о пересекających границу шпионах. «Каждый раз, когда буду я получать от вашего высокопревосходительства о сих людях сведения, что они в шпионстве достаточно изобличены, по сыску их полициею, я буду испрашивать высочайшего назначения, куда именно их сослать признано будет нужным».

Однако, не надеясь только на информаторов МИДа, В. П. Кочубей привел в действие все имевшиеся у него силы для борьбы с предполагаемым «нашествием» вражеских агентов. Главными регионами, где по мнению министра внутренних дел следовало усилить бдительность полиции, были определены Петербург и приграничные губернии, включавшие в свой состав земли с польским населением. Последнее обстоятельство неудивительно: память о восстании Костюшко была еще свежа, а Наполеон весьма активно разыгрывал польскую карту в своей внешнеполитической игре. Специальные отношения были в этой связи направлены «главноуправляющему в столице» С. К. Вязмитинову, а также виленскому военному губернатору Римскому-Корсакову и киевскому Голенищеву-Кутузову. В стереотипных отношениях, отправленных в Вильну и Киев, Кочубей выражал уверенность, что «в настоящем положении дел французское правительство не оставит... покушаться действовать над расположением умов в приграничных польских губерниях распространением неблагоприятных нам слухов, разнесением

лазутчиков и всеми способами обольщения и ложных надежд». Посему военным губернаторам предписывалось «всеми способами городской и земской полиции» установить надзор за подозрительными иностранцами. Соответствующие предписания были отправлены и всем гражданским губернаторам, находившимся под властью Римского-Корсакова и Голенищева-Кутузова. Министр внутренних дел особо подчеркивал, что вопрос взят на контроль императором: «В случае, если бы кто из эмиссаров был открыт... государь император предоставил попечению вашему (то есть, военных губернаторов. — Ф. С.) не только схватить и задержать такого, но и прислать сюда» со всеми его бумагами и другими обличительными документами.

Для выполнения этой задачи специальным отношением виленскому почт-директору А. С. Лавинскому (а, очевидно, и его киевскому коллеге) было предписано, чтобы сообщаемы были ему, господину военному губернатору, все сведения, какие по обыкновенному наблюдению над перепискою (курсив наш. — Ф. С.) в литовском почтамте открыться могут». Данные перлюстрации в очередной раз были востребованы для осуществления политического контроля. Таким образом, в течение октября 1806 года в действие была приведена машина политического контроля, деталями механизма которой являлись, как видим, не столько высшие полицейские структуры империи, сколько местные начальники.

Кампания возымела действие. По существовавшей тогда делопроизводственной традиции, губернаторы обязательно должны были уведомить В. П. Кочубея о получении его отношений и о мерах, принятых во исполнение указаний министра. В большинстве ответных отношений гражданских губернаторов содержится лишь уверения в служебном рвении и описание абсолютной тишины и спокойствия, царящих во вверенных их попечению губерниях. Это — малоинтересные отписки объемом не более двух рукописных страниц. Такой отпиской ограничился даже киевский военный губернатор Голенищев-Кутузов. Но нашлись среди гражданских губернаторов и исполнители, отнесшиеся со всей возможной серьезностью к предостережениям из Петербурга. Они направляли на имя министра внутренних дел настоящие сводки о настроениях в губерниях. Особо проявил себя могилевский гражданский губернатор Бакунин.

9 ноября 1806 года он направил в Петербург довольно подробную сводку, где, в числе прочего отмечал: «О разбитии прусских войск объявлено через польские варшавские газеты. Такое известие сделало некоторое влияние», но «из природных здешних обывателей склонных к каким-нибудь мечтаньям... мало». При сборе информации Бакунин пользовался какой-то «приобретенной за пять лет пребывания в должности здешнего губернатора» собственной агентурой, о которой он писал не без некоторой гордости. Частью этой агентуры были купцы-евреи. Они располагали обширными торговыми связями в Лейпциге, Берлине и Кенигсберге. Через своих приказчиков в Германии эти коммерсанты снабжали Бакунина необходимой ему информацией из-за границы, в частности и о положении дел на театре военных действий. Правда, нужно отметить, что и сами евреи были для правительства головной болью: серьезно опасались, что они могут перейти на сторону французов, ожидая от Наполеона улучшения своего социального положения. Поэтому в своих сводках могилевский губернатор особо отмечал, что «сколько заметить можно, все зажиточные евреи привержены к России и весьма недовольны всем, случившимся в Пруссии».

Активность Бакунина не знала границ. Желая наладить у себя в губернии «полицию предохранительную», то есть распространять, борясь со слухами, «доброкачественную» информацию о ходе военных действий, могилевский губернатор писал в Вильну М. А. Римскому-Корсакову: «Лаская себя милостивым расположением Вашего Высокопревосходительства, осмеливаюсь утруждать покорнейшею моею просьбою. В следствие войны Пруссии с Франциею рассеиваются многие известия: некоторые довольно приятны, а другие совсем тому противны. По занимаемому мною месту нужно мне знать о успехах или неудачах наших союзников...» В последующем Бакунин стал своего рода «постоянным корреспондентом» МВД, сообщая, что «некоторые помещики, топя в слитки, серебряную посуду зарывают» или что один из местных дворян говорил своему арендатору: «За Польшей лучше было... и надо Богу молиться, чтобы Польша восстановлена была». Нужно заметить, что в министерстве проявляли к этим донесениям огромное внимание. В. П. Кочубей требовал от губернатора суровых наказаний для тех людей, поступки которых, по мнению самого Бакунина, «обнаруживали более робость, нежели худое какое намерение». Кроме того, многие губернаторы в своих отношениях выражали недовольство по поводу передислокации войск, отмечая, что это вызывает нежелательные толки, не позволяет должным образом охранять местные арсеналы и даже вовсе оголяет границы империи, делая их доступными для контрабандистов. Ни один подобный «сигнал» не оставался без внимания министра внутренних дел.

В самый разгар этой «шпионской тревоги» А. Я. Будберг вновь направил отношение к В. П. Кочубею, сообщая, что «по дошедшим сюда сведениям открывается, что с некоторого времени французское правительство употребляет лазутчиками не столько природных французов, сколько уроженцев других земель, над которыми оно распространило свое влияние и известно, что в успехах сего рода наипаче отличаются испанцы и немцы, а потому и надзор в сем отношении не должно ограничивать над одними только французами». В результате на свет появился указ 28 ноября 1806 года «О высылке из России всех подданных французских». Необходимо отметить, что под французскими подданными понимались не только уроженцы Франции, не перешедшие в русское подданство, но и выходцы из завоеванных Наполеоном Италии, Голландии, некоторых германских государств и прочих стран.

Разумеется о *действительной высылке* всех французов без разбора из страны, буквально наводненной бежавшими от ужасов революции и войны иммигрантами, не могло быть и речи. Поэтому статья 5 указа предписывала высылать лишь тех, кто не согласится принести присягу следующего содержания: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь перед всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием в том, что в продолжение настоящей с Франциею войны не буду я ни посредственно, ни не посредственно, ни с подданными Франции, ни областей ей подвластных и в указе 28 ноября поименованных, ни с областями сими иметь никакого сношения, равно и вообще с подданными тех держав, подвергаясь в противном случае не только всем тем наказаниям, которые по законам российским на нарушителей присяги и людей в измене обличенных постановлены, но и страшному Суду Божию. Во удостоверение чего целую слова и крест Спасителя моего».

Принесший такую присягу регистрировался в специальной книге, согласно приложенной форме, и получал соответствующее свидетельство,

позволявшее проживать в России и дальше. Для допуска к присяге от купцов требовался стаж торговли на бирже, от губернаторов и учителей аттестат о добром поведении, а от прочих — объяснение: какими способами они добывают средства к существованию.

О том, какое значение придавало правительство приведению к присяге проживающих на территории империи иностранцев, свидетельствует сохранившаяся переписка министра внутренних дел с губернаторами. Каждый губернатор представлял подробнейший отчет с указанием, сколько французов проживает в губернии, когда и при каких обстоятельствах эти люди приведены к присяге. Малейшее отступление от установленных указом правил вызывало резкую реакцию центральных властей. В связи с этим не обошлось и без анекдотических случаев. Так, в Ярославской губернии, среди прочих, оказалась разбитая параличом француженка Аделаида Тюрсин. Она не могла ни писать, ни говорить, и это делало невозможным ее приведение к присяге. Губернатор донес об этом министру внутренних дел, а тот, в свою очередь, в течение длительного времени не забывая запрашивать Ярославль о состоянии здоровья «уклонявшейся» от присяги иностранки. Губернатор приставил к постели парализованной специальных чиновников, которые должны были, в случае если здоровье больной улучшится, немедленно исполнить требование указа 28 ноября. Однако Тюрсин умерла, так и не дав требуемой клятвы, о чем было составлено подробное донесение в Петербург.

В рамках идеологической обработки населения Российской империи, в целях дискредитации наполеоновского режима, 1806 года по церквам был разослан особый циркуляр Синода, который следовало зачитывать каждое воскресенье и каждый праздник после литургии. Там, в частности, говорилось: *«Во времена богопротивной революции... отложился он (Наполеон. — Ф. С.) от Христианской веры. В Египте приобщился он к гонителям церкви Христовой, проповедовал алкоран Магомедов, объявил себя защитником... мусульман и торжественно показывал презрение свое к Пастырям Святыя церкви Христовой. Наконец, к взицему посрамленню оной, созвал во Франции Иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин Еврейский... и теперь помышляет соединить Иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемесии в лице Наполеона».* Это идеологическое мероприятие правительства стало своего рода «палкой о двух концах». С одной стороны, как видим, разыгрывалась беспроегрешная антисемитская карта. Но с другой, хотя авторы циркуляра не опускались до откровенного вранья, полностью лишённого опоры на реальные жизненные факты, перечень злодеяний Наполеона был так внушителен, что не приходится удивляться появлению в 1806—1812 годах самых фантастических слухов об императоре французов, иногда и весьма нежелательного для правительства содержания.

#### По пути межведомственной координации

Несмотря на то, что деятельность Комитета высшей полиции была далеко не активной, эксперимент в этой области, видимо, показался Александру I и Н. Н. Новосильцеву достаточно интересными для того, чтобы

продолжить его. В самом начале 1807 года, когда не за горами было уже новое поражение в войне с Наполеоном, на стол Александру I легла новая записка его советника. Там излагался проект создания новой, на сей раз уже постоянно действующей, межведомственной структуры, которая должна была сосредоточить в своих руках координацию и надзор за политическим розыском во всей Российской империи.

Новосильцев вновь предлагал не создавать особого *ведомства* политического розыска, ограничившись созданием нового межведомственного комитета. В тексте подтвержденной 2 января 1807 года записки он именуется «Комитетом охранения общей безопасности», но, в соответствии с традицией тогдашней русской бюрократии, его именовали также по дате учреждения «Комитетом 13 января 1807 года». При формировании этого комитета были исправлены некоторые недостатки, которые негативно повлияли на работу его предшественника — учрежденного 5 сентября 1805 года Комитета высшей полиции. Во-первых, новый орган должен был действовать гласно, от своего имени. Указ о его создании был официально опубликован 13 января 1807 года. Видимо, для Новосильцева уже стала очевидной мысль, высказанная позднее А. Х. Бенкендорфом: «Тайная полиция почти немыслима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею». Во-вторых, Комитет не был просто совещанием «силовых», как мы бы сегодня их назвали, министров. В состав Комитета входил лишь министр юстиции князь П. В. Лопухин, в основном и осуществлявший руководство его деятельностью на первом этапе. Но кроме него в Комитет были определены два особых постоянных члена: тайные советники и сенаторы Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров. Первый был автором плана создания новой структуры. Второй — являлся на тот момент, наверное, лучшим специалистом в области высшей полиции.

В самом конце царствования Екатерины II А. С. Макаров стал обер-секретарем Тайной экспедиции, и занимал этот пост в течение всего павловского царствования. Интересно, что на этом посту он не стяжал себе славы отъявленного злодея. Так, известный своей желчностью генерал А. П. Ермолов характеризовал его как «благороднейшего и честнейшего человека». Такими эпитетами руководителей тайной полиции награждают редко. Еще один пример. Лифляндский пастор Зейдер в связи с хранением запрещенных Павлом I книг попал в Тайную экспедицию. Там-то и произошла его встреча с сенатором Макаровым. «Макаров человек весьма добрый и приветливый, — пишет Зейдер, — с первого взгляда я почувствовал к нему большое доверие. Он сел возле меня и ласково сообщил причину моего ареста». И хотя несчастный пастор был сослан в Сибирь, избежав телесного наказания лишь по милости палачей, даже через сибирскую ссылку он пронес чувство признательности к своему тюремщику.

Кроме того, «когда нужда того потребует» в заседания Комитета должны были приглашаться министры военно-сухопутных сил, внутренних дел и главнокомандующий в столице. На практике эти сановники присутствовали в Комитете довольно часто. Поскольку в разное время эти должности занимали разные люди, а кроме того в состав совещаний особыми указами вводились и другие государственные деятели, то членами Комитета 13 января были Н. И. Салтыков, В. П. Кочубей, А. Б. Куракин, А. Д. Балашов, А. А. Аракчеев, И. И. Дмитриев и другие известные сановники. Им было доверено обеспечивать безопасность империи от вражеских агентов.

В основополагающих документах Комитета прямо указывалось на то, что основная задача нового органа «высшей полиции» — борьба с французскими шпионами: «Государь император, признавая сколь много во время настоящей войны общественное спокойствие и личная безопасность каждого зависят от деятельных и благоразумных мер, какие по части высшей полиции приняты быть могут для предупреждения пагубных замыслов внешних врагов государства и для точнейшего изыскания и открытия способов и лиц, которые могут быть ими употребляемы» учреждает настоящий Комитет. «Коварное правительство Франции, — говорилось далее, — достигая всеми средствами пагубной цели своей повсеместных разрушений и дезорганизацию (так в тексте. — Ф. С.), между прочим, как известно, покровительствует рассеянным во всех землях остаткам тайных обществ под названием илломинатов, мартинистов и тому подобных, и через то имеет во всех европейских государствах, исключая тех зловерных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют французскому правительству...»

Обрисовав такую мрачную картину тотального французского шпионажа и подрывной деятельности, Новосильцев в своем проекте предполагал, что создаваемый Комитет будет, во-первых, «предусматривать все то, что могут произвести враги государства и противодействовать их вредоносной деятельности «сообразными обстоятельствам мерами» и, во-вторых, предписывать порядок следствия и наблюдать за производством по делам сего рода (то есть относящимся к высшей полиции. — Ф. С.)». В указе же об учреждении Комитета говорилось еще более неопределенно, что в его компетенцию входят «все дела по важным преступлениям, в коих подозреваются люди зловерные или измена противу общего спокойствия и безопасности».

Исходя из этого, Комитету охраны общей безопасности были фактически подчинены все полицейские структуры империи, которым этот орган имел право давать «нужные секретные предписания, как им поступать во всех вышеуказанных случаях (то есть отнесенных к ведению Комитета. — Ф. С.)». Санкт-Петербургский обер-полицмейстер, министр внутренних дел, получавший донесения от губернаторов и материалы перлюстрации, должны были информировать Комитет о всех «важных преступлениях». Основной задачей Комитета после получения соответствующей информации было «предписывать... кому следует порядок, как им поступать при задержании подозреваемых людей, при изыскании соучастников и открытии всех отношений и связей преступления», надзирать за ходом следствия и проводить его ревизию, поскольку «всякая погрешность и упущение производителей (следствия. — Ф. С.) обратиться может или к притеснению невинности, или к сокрытию преступления».

Но Комитет 13 января имел и следственные полномочия. Пункт шестой новосильцевской инструкции гласил: «Вообще все дела, касающиеся до измены государству и тайных заговоров противу общей безопасности, которые должны быть сохраняемы в величайшей тайне, поступают при самом их начале в сей Комитет и оным производятся».

Таким образом, 13 января 1807 года в России вновь, после упразднения Тайной экспедиции, появился особый орган политического розыска — «высшей полиции», распространявший свою деятельность на всю империю. Характерными его чертами являлись следующие особенности. Во-

первых, это было не ведомство, а межведомственный комитет. Во-вторых, круг его полномочий, характер и способ производства дел были крайне неопределенны. В-третьих, Комитет охраны общей безопасности был, с одной стороны, следственным, а с другой — контрольно-надзорным органом.

Создание Комитета приветствовали люди, придерживающиеся охранительных убеждений, такие, как, например, известный мемуарист С. П. Жихарев. Он записал в дневнике в январе 1807 года: «Между тем на сих днях учрежден особый комитет для рассмотрения дел, касающихся до нарушения общественного спокойствия. Слава Богу, пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных; может быть иные врут и по глупости, находясь под влиянием французов; но и глупца унять должно, когда он вреден. А сверх того, не надобно забывать, что нет глупца, который бы не имел своих подражателей... Следовательно, учреждение комитета как раз вовремя». Действительно, чем же занялся новоучрежденный орган: обезвреживанием вражеских шпионов или «болтовней людей неблагонамеренных»?

Как было показано выше, высшая полиция представлялась Александру I во время как некая надстройка над полицией обыкновенной, призванная координировать и контролировать ее деятельность по расследованию «важных преступлений», прежде всего — шпионажа. Неудивительно потому, что первым же делом, которое принял к рассмотрению Комитет 13 января 1807 года в день своего создания, стало дело «О гувернере и библиотекаре иностранце Андрее Филиберте Стадлере», заподозренном в «шпионстве» и измене присяге, о которой шла речь выше. Следствие было начато на основе полуустного доноса, по сути дела не содержавшего никакой компрометирующей Стадлера информации: все, в чем можно было упрекнуть этого иностранца, состояло в том, что жил он тихо и уединенно, а, переезжая с квартиры на квартиру, два дня подряд перевозил свои вещи поздними вечерами. Оканчивался донос следующей фразой: «Что было лично между мною и им о том имел честь донести подробно вчерашнего числа словесно». Что «донес словесно» министру юстиции князю Лопухину анонимный доброжелатель, не ясно даже из журнала заседания Комитета, но на основании этого полуустного доноса Стадлер был посажен под арест, полиция опечатала его имущество и отобрала все его бумаги, среди которых, в основном, были личные письма и документы.

Через некоторое время Стадлеру было предъявлено обвинение «в шпионстве и запрещенной переписке с неприятелем Российской империи». Никаких прямых доказательств этого преступления Комитет получить так и не смог: многократное предъявление обвиняемому опросных листов не дало желаемых результатов — Стадлер все отрицал. Единственное, что все-таки удалось доказать — факт измены Стадлером присяге, установленной указом 28 ноября 1806 года. Как стало ясно в ходе следствия, покидая свою родину, этот иностранец дал присягу на верность революционному режиму (без этого не выдавали паспорта, и было невозможно выехать за границу). Посетив Францию после ноября 1806 года Стадлер принес присягу на верность уже бонапартистскому правительству (без этого опять, как и в России, нельзя было преодолеть какие-то бюрократические формальности). Ухватившись за эту ниточку, следствие попыталось «раскрутить» Стадлера. Но, как ни пытался Комитет из первого же своего дела сделать сенсацию, — ничего не вышло. После десятимесячного следствия все отрицавший иностранец вышел на свободу, но дал



подписку «что в комитете происходило, и какие объяснения были требованы, никогда никому не объявлять».

Справедливости ради надо сказать, что совсем не всегда шпионы оказывались «липовыми», а пребывание под следствием в Комитете заканчивалось для подозреваемого также безоблачно, как для Стадлера. А в некоторых случаях власти принимали и превентивные меры против вражеских агентов. Так, в 1807 году от заграничных агентов была получена информация, что некая француженка Дьедонне, желающая въехать в пределы империи, имеет шпионские задания от наполеоновского правительства. По поручению министра внутренних дел об этой иностранке были наведены все возможные справки. Прямых улик против нее найдено не было, но в разрешении на въезд в Россию Дьедонне все-таки отказали.

Однако не менее важной, чем борьба со шпионажем, сферой деятельности Комитета стала, по укоренившейся в России традиции, борьба с различными слухами. Причем, в отличие от Комитета высшей полиции, Комитет 13 января боролся не с *распространением*, а с *распространителями* слухов. Сбывались мечты С. П. Жихарева: болтовней занялись всерьез. Слухи могли быть самыми нелепыми, но традиционно в России правительство относилось к распространению любых политических слухов как к преступлению, вне зависимости от их содержания. Еще в 1772 году при императрице Екатерине II был издан соответствующий указ, которым и руководствовались члены Комитета. Этот указ основывался на двух ранее изданных указах по тому же вопросу в 1757 и 1763 годов. Общий смысл всех этих документов состоит в том, что (и с этим нельзя не согласиться) некомпетентные в политических вопросах простые люди «толкуют и пропускают несбыточные слухи как о нынешних военных, так и о политических делах». «И хотя таковые зловредные истолкования, — говорится далее в указе, — праведно заслуживают достойную себе казнь, яко спокойствию ее императорского величества и всеобщему вредные, но ее императорское величество... всех таковых, зараженных неспокойными мыслями, матерински увещевает удалиться от всяких вредных расуждений... прилежя единственно званию своему и препровождая время не в праздности или невежестве и в буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнении на пользу себя и ближнего».

Излюбленным героем разных сплетен накануне Отечественной войны был, конечно, Наполеон. Все распространители слухов о нем попадали под действие вышеописанного указа, вне зависимости от их политической благонадежности. В этой связи характерно, например, дело 1807 года «О двух крепостных живописцах», которые обсуждали между собой военно-политическую ситуацию в Европе. К Бонапарту оба относились плохо, в его возможном вторжении в Россию видели бедствие и всячески осуждали действия французского завоевателя. Однако оба оказались в Комитете, где были допрашиваемы о том, откуда стали им известны обсуждаемые факты. В заключение, бедолаги дали подписку по обещанию впредь «быть воздержаннее» и были выпущены под надзор полиции.

Целое дело явилось следствием разговора двух вполне благонадежных подданных. А что ожидало людей, отзывавшихся о Наполеоне с некоторой симпатией! Так, кучер надворного советника Тузова Алексей Корнилов пострадал за невинное вроде бы замечание, что коли придет Бонапарт, так он «своему хозяину без денег служить не будет, а коли даст денег, — так и будет»... Довольно серьезное наказание постигло торговца из Апраксина двора Михаила Шебалкина, харчевника Логина Иванова и погребщика Вла-

димира Воротилова, обсуждавших явную нелепицу, будто «Наполеон есть побочный сын императрицы Екатерины II и идет присвоить себе корону всероссийскую по наследству после брата законно ему принадлежащую».

Заметим, что появлению различных сплетен, героем которых был Наполеон, правительство невольно способствовало само. После описанных выше пропагандистских церковных чтений не приходится удивляться распространению самых фантастических слухов о французском императоре.

Однако не обходилось и без слухов сугубо «внутриполитического» свойства: традиционно наказуемых в России, так называемых, «предерзостных слов». Правда, нельзя не отметить той мягкости, с которой подходили к расследованию и наказанию таких преступлений в начале царствования Александра I. В XVIII столетии это была едва ли не самая многочисленная категория политических преступлений, пресекавшихся различными органами русского тайного розыска: тогда за самое ничтожное замечание по поводу особы императора можно было оказаться на каторге или даже на эшафоте. Нельзя сказать, что в начале царствования Александра I полиция совершенно прекратила преследование излишне «длинноязыких», но наказания за совершенные ими преступления отличались в этот период исключительной мягкостью.

Еще один из дореволюционных биографов Александра I — М. И. Богданович — свидетельствовал: «В особенности же было беспредельно милосердие государя в делах об оскорблении его самого дерзкими словами». Но это было именно *милосердие*. Произнесшим «предерзостные слова» выносились жесточайшие приговоры на основании архаичных законов, царь же использовал свое право милловать таковых преступников. Так, в 1819 году царское помилование спасло, например, осужденного на основании Артикула воинского за произнесение в пьяном виде «неизвестно почему» хулы в адрес императора крестьянина Тверской губернии Ермолаева от следующего приговора: «Наказать его кнутом, дав 40 ударов, вырвать ноздри, поставить повеленные знаки и сослать в каторжную работу».

Впрочем, в александровское царствование не только император, но и органы высшей полиции проявляли большую лояльность к такого рода преступникам.

Так, в 1807 году прапорщица Баскакова «подала московскому викарному архиерею письмо, в коем, рассуждая о качествах, нужных государю, и правилах, коими он, по ее мнению, следовать обязан, осмелилась предложить способы к ограничению власти монаршей в России распространением прав Синода и духовенства». Налицо — состав преступления: посягательство на полноту самодержавия, которое со времен Соборного Уложения царя Алексея Михайловича каравшееся в системе русского права жесточайшим образом. Однако после проведенного по делу этой несостоявшейся реформаторши следствия ее всего-навсего признали умалишенной, поскольку кроме откровенных нелепиц, содержащихся в упомянутой записке, Баскакова еще и «беспокойным нравом своим расстроила мужа своего, который от огорчения начал пить», а также жестоко обращалась с крестьянами. А посему пытавшаяся стяжать лавры государственной деятельницы прапорщица была послана в суздальский Покровский монастырь «впредь до исправления». О возможном же приходе ее в здравый ум власти в Петербурге должно было уведомить местное церковное начальство.

Если раньше узникам застенков Тайной канцелярии и экспедиции часто приходилось доказывать свою невменяемость под пыткой, то теперь о

раскаленные щипца и дыбе не могло быть и речи. Более того, для освидетельствования сумасшедших подследственных прибегали к услугам врачей. При помощи такой медицинской экспертизы удалось, например, избежать ответственности отставному генерал-майору Миницкому. В поле зрения высшей полиции он попал как автор ложных доносов на двух своих знакомых, которых он обвинил в произнесении разных нелепостей о Новосильцеве, Кочубее и даже о самом Александре I и цесаревиче Константине Павловиче. На следствии Миницкий объяснил, что после тяжелого ранения под Аустерлицем он одержим тяжелыми припадками помешательства, которые усугубляются тяжелым материальным положением его семьи. Видимо, поэтому его периодически помутнения рассудка приобрели ярко выраженный меркантильный характер. «Особливо вообразилось ему, — записано в одном из следственных документов по делу Миницкого, — что он, будучи повсюду преследуем несправедливыми оклеветаниями, лишился монаршей милости в награждении полным пенсионом», однако указывалось, что отставной генерал-майор «освобождаясь от болезни, пришел ныне в совершенный рассудок». Этот диагноз был подтвержден специально приглашенным доктором. В результате герой Аустерлица не только не понес наказания как сочинитель ложных доносов, но и получил от Александра I столь желанную полную пенсию.

У следователей александровского времени «проходили» даже довольно простые отговорки. Так, малороссийский мещанин Варламов обвинялся в том, что присутствуя при публичном наказании плетьюми, сказал: «Государь не справедливо делает: нас наказывает, а других не наказывает». Однако ему удалось отделаться лишь предупреждением «впредь быть осмотрительнее», поскольку он убедил столичных следователей, что говорил не о самом императоре, а о судьях, от имени императора выносивших приговор.

Во всех перечисленных делах последнее слово оставалось за Александром I: все они, в конце концов, были переданы на высочайшее рассмотрение. Но если вышеперечисленные болтуны получили царское прощение, то была категория «предерзостных слов», произнесение которых Александр I не прощал никому. Император терпеть не мог, когда кто-то напоминал ему о судьбе его покойного отца или положительно высказывался о Наполеоне. Конечно, таких вольнодумцев не подвергали четвертованию, как это могло бы быть в былые времена, но и не прощали. В 1808 году петербургским военным губернатором был получен донос от немки служанки Ангельн на свою бывшую хозяйку генеральшу Турчанинову. Последняя будто бы «сказывала, что должна быть скоро совершенная революция... Уверяла, что революция последует в Крещение, и только ожидают, чтоб вышел манифест, а какой не объяснила». В доказательство правоты своих слов Турчанинова говорила, что правление Александра I уже подошло к концу, «и это также точно известно, как и в конце царствования императора Павла» (!). По делу были проведены очные ставки самим сенатором А. С. Макаровым, бывшим обер-секретарем Тайной экспедиции, но они «кроме взаимной ненависти, которая простиралась до явной брани, ничего существенного к... делу принадлежащего не открыли». Вообще же скорее всего нужно предположить, что генеральша стала жертвой обычного оговора, но высочайше утвержденное решение Комитета охранения общей безопасности, проводившего следствие было неутишительным. В приговоре отмечалось, что «произведенное по сему извету следствие и не представляет ничего такого, что бы совершенно обли-



*На рапорте у начальника штаба  
Отдельного корпуса жандармов*



*Жандармские офицеры*



*Командир корпуса жандармов в своем кабинете*



*В штабе корпуса*



*Жандармский полковник*



*Жандармский подполковник*



*Жандармский ротмистр*



*Жандармский  
унтер-офицер*

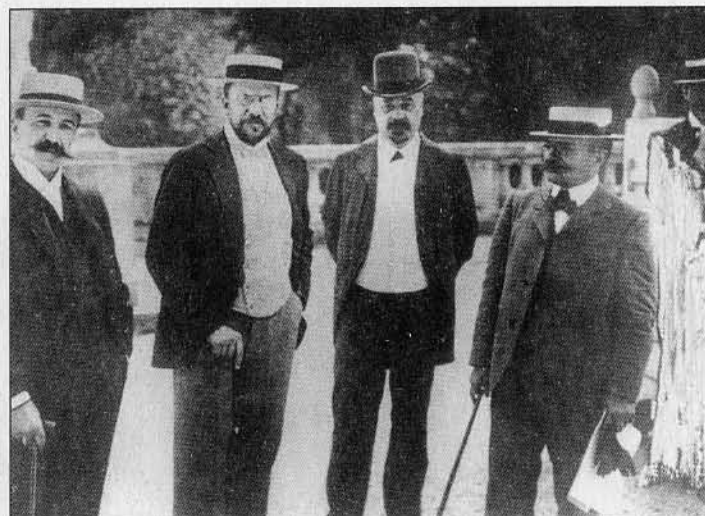




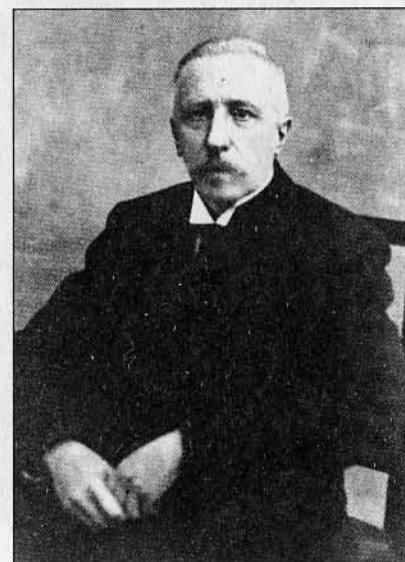
*Г. П. Судейкин*



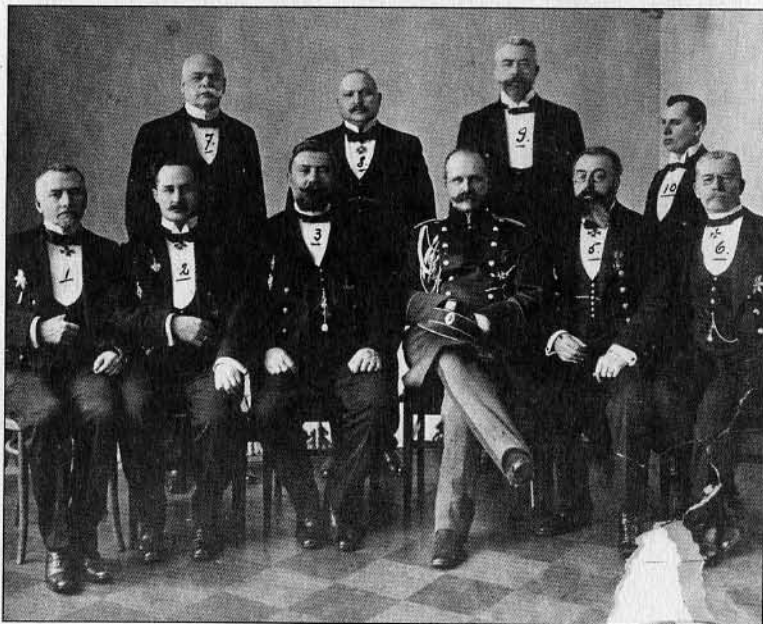
*С. В. Зубатов*



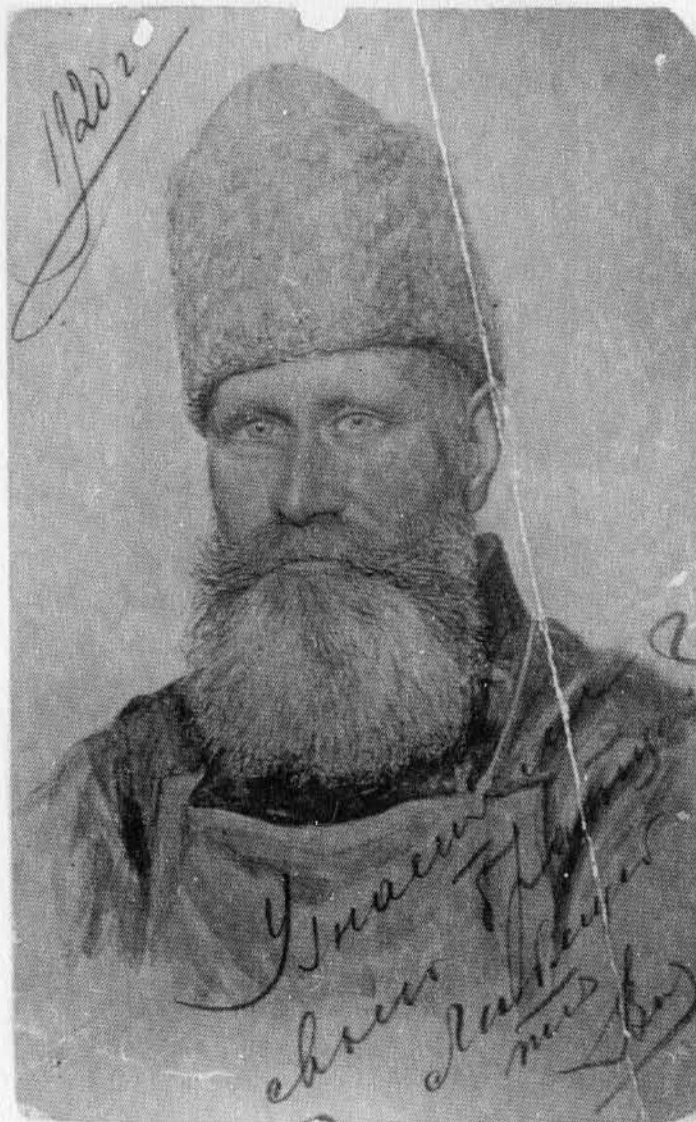
*П. И. Рачковский (третий слева)*



*П. Г. Курлов*



*В. Ф. Джунковский среди служащих  
Департамента полиции*



*В. Ф. Джунковский*





*С. П. Белецкий*



*Е. К. Климович*



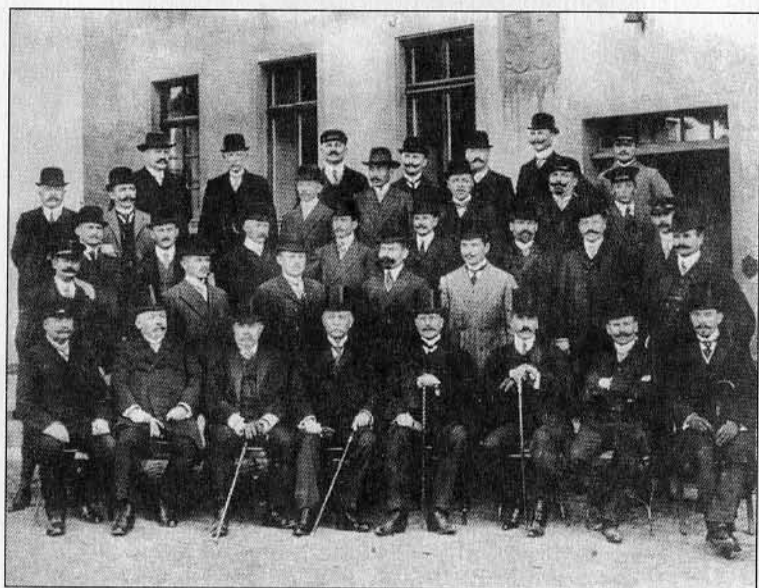
*К. И. Глобачев*



*А. П. Мартынов с женой*



*А. М. Гартинг с семьей*



*Групповой снимок членов дворцовой охраны, агентов  
заграничной агентуры Департамента полиции,  
немецкой полиции, принимавших участие в охране  
царской семьи во время ее приезда в Дармштадт*



*Е. П. Медников*



*Филер П. И. Федорова*



Филеры Крылов, Воеводин, Куликов



Филер

М. В. Д.  
 ЗАВЕДУЮЩИЙ  
 ОСОБНЫМ ОТДЕЛОМ  
 ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ  
 12 Июля 1938 года  
 № 2998

Секретно.  
 А. И. Ч. и с.  
 Милостивый Государь  
 Алексей Федорович!

Административно-исполняя в Турханский Край  
 Иосиф Виссарионович Дуглавил-Сталин, судим  
 восточный в 1906 году, как Начальнику Турхан-  
 ского Г.И.Исправления цинки агентурный следствия.  
 В 1906 году И-м Вагиского Окраинного Следствия  
 получает от Сталина ряд сведений, а затем, по  
 прибытия Сталина в Петербург, Сталин, стало  
 вится агентом Петербургского Окраинного О. и  
 К. и И.

Работа Сталина отличалась точностью, но была  
 отрицательная.

После избрания Сталина в Центральный Комитет  
 Партии в г. Ленин, Сталин, по возвращении из  
 Петербурга, ставя в явную оппозицию Превосхо-  
 дителю и совершенно прекратил связь с Окраин-  
 ным Следствием.

Начальнику  
 на предмет дачи отсрочки при ведении Ва-  
 гиского Следствия.

Примите уверение в совершенном мне ува-  
 жении к личности Милостивого Государя  
 А. Ф. Федорова.

С. Ерминов

Так называемое  
 «Письмо Еремина»

ЗАВЕДУЮЩИЙ  
 ОСОБНЫМ ОТДЕЛОМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ  
 10 Июля 1938 года  
 № 58192

Приложение № 3  
 14 июля 1938  
 582  
 264  
 Директору Департамента Полиции.

РАПОРТЪ.

При непрерывной работѣ ежедневно до 3-4 часовъ  
 ночи, не имея отдыха даже въ праздничные дни, я  
 настоятельно прошу Вас, что нуждается въ продолжи-  
 тельномъ отдыхѣ.

Докладывая о семъ, нѣко честву прошу разрѣшенія  
 Вашего Превосходительства воспользоваться мнѣ дву-  
 мѣсячнымъ отпускомъ съ 1-го наступающаго Іюня.

На оному нѣко честву прошу доложить, что въ наступающій го-  
 ду я отпускомъ не пользовался.

Полковникъ С. Ерминовъ

М. В. Д.

Прошение Еремина об отпуске



585  
Министерство Финансов  
24 Января 1918  
№ 585  
Именем Финансов  
Министерства  
Министр  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Мною замечено, что некоторые из Г.Г. офицеров, Начальников Отделов и из Новожилов, вопреки моему распоряжению, не подписывают отрывков постановки или изданных бумаг, вследствие чего некоторые затруднение в порядковом исполнении таких бумаг.

Ввиду напоминания об этом, прошу Г.Г. офицеров, Начальников Отделов и из Новожилов обязательно подписывать свои документы на всех отрывках изданных бумаг, при чем подписи должны производиться обязательно чернилами, а не карандашом.

Г. Заваляшкин Кандидат в депутаты, не являясь подпиской, возвращается подписывать членом для подписки, не подписав без всякой изъяснения, в случае возникновения на этой почве каких либо недоразумения - доказывать мне.

Для памяти.  
20/6  
24.1.18. 24.1.18.

10  
При расследовании фактов в отношении 23-х.  
А.Г.Еремин отдала свои в отрывки  
фин. и канцелярии постановки, не  
подписывая в отрывках постановки.  
Доказывая о себе, и тем самым явилась  
предоставить Министру Финансов  
доказательства или подтверждения  
иных фактов от не подписанных бумаг.  
К чему явилась сама выходящая, и  
в отрывках постановки и  
подписи отрывки от постановки  
Иван Иванович Еремин  
Ваше

Подпись  
Подпись  
Подпись  
Подпись

Слева — подписанный  
Ереминым документ.

Вверху — образцы  
подписи Еремина на  
документах, хранящихся  
в финских архивах

584  
№ 584  
1918  
№ 584

Ввиду вышедших агитурных сообщений, что  
20 сего дня около 9 часов вечера в горо-  
дской части "Лесная" соборная церковь  
ограждена рабочими городского района, для объеди-  
нения работников о перемещении и перестройки,  
в названном месте была совершена беспорядочная  
погромы.

При получении сведений о пути  
перемещения рабочих, прибыли три революцион-  
ных агитатора, не пришедших на работу, и  
составили, вместе с числ. около ста рабо-  
чих, расформировали.

Объездив церковь, вместе с числ. около ста рабочих  
присоединяются.

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Его Превосходительству  
Уважаемому Директору Департамента Полицейского

Образцы  
документов,  
подписанных  
Ереминым

1918  
№ 584  
1918  
№ 584

Министру Финансов  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Министру Финансов  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

На основании Введенного приказа, что сего  
было введено в действие с 1 января 1918  
года на службе по Финансовому Министерству  
Еремин, что было сего 24 января 1918  
года. Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Иван Иванович Еремин  
Секретарь  
Иван Иванович Еремин  
Секретарь

Прошение  
В. Н. Руссиянова

УНТЕР-ОФИЦЕРЪ

ХАРЬКОВСКАГО  
Губернскаго жандармскаго  
управленія.

1867 г.  
№ 50-й.

Въ первыхъ числахъ прошедшаго Мая явился въ село Пашово Старобельскаго уезда, прибавъ вновь назначенный народный учитель Макарь Петровъ. Пашовое, село до сихъ поръ, 26 человекъ. Съ первыхъ дней прибытія въ Пашово Постниковъ, шло, приписываетъ всѣ ядра къ тому, чтобы сойтись ближе съ крестьянами, въ чемъ является и углубляетъ. Въ настоящее время его почти каждый вечеръ посещаютъ крестьяне: Иванъ Поповъ, Сидоръ Спиридоновъ, Андрей Мироновичъ, Петръ Андреевичъ, и Михаилъ Зубовъ, всѣ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ.

Начальные крестьяне, поименованные съ Постниковымъ, остались посѣщать церковь, но

всѣмъ церковь, обряды стали относиться съ пренебреженіемъ, по отношенію къ старому порядку, а равно сельской полиціи промалываютъ полное поученіе. Работе ничего подобающаго по условамъ крестьянами не замѣчается. — Пашовый районо въселома разн. у Постникова, крестьянина Петра Пашова, въ разговорѣ со мною, некому пришло въ голову, что Постниковъ, будучи съ крестьянами, всѣ церковные обряды замыкаетъ «лучшею», а священно-церковно служителей и всѣхъ чиновниковъ — «дарюбиданъ», жалуются на счетъ крестьянъ. Объявлено, доводу на усмотрѣніе Вашего Высочайшаго города.

Унтер-офицеръ. Павелъ Куратовъ.

УНТЕР-ОФИЦЕРЪ

ХАРЬКОВСКАГО  
Губернскаго жандармскаго  
управленія.

1867 г.  
№ 51-й.

Опавший въ предѣлахъ Вашего Высочайшаго города 3-го сего Іюня на № 95, поименованный Петръ Павловъ Соборный прибавъ въ г. Славянскъ 12 сего Іюня и поселился въ доль ибланица Слонова. Имена знакомыхъ Сохлина въ г. Славянскъ находится, прибавки слова къ концы, прошедшаго Мая въ своихъ родныхъ, студента Харьковского университета. Павелъ Зобинъ и Акимъ Петровъ, которые вечера 12 и 16 сего Іюня провели вѣсѣтъ съ Сохлиннымъ, у него въ квартирѣ. Объявлено, доводу на усмотрѣніе Вашего Высочайшаго города.

Унтер-офицеръ. Осипъ Куровъ.

Помощнику Начальника Харьковского Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Изюмскомъ уездѣ.

### Образцы донесеній жандармскихъ унтер-офицеровъ

чало г-жу Турчанинову», но тем не менее генеральша была выслана из столицы в ост-зейские губернии.

Еще одной интересной чертой организации российской высшей полиции, проявившейся именно в описываемый период, стала своеобразная страусиная позиция Александра I. Зачастую, санкционируя de facto создание какой-либо региональной агентурной сети, мини-спецслужбы, император отказывался формализовать ее деятельность, признать ее de jure. Весьма характерным здесь можно считать пример Москвы. Любопытный проект организации тайной полицейской службы во второй столице Российской империи сохранился в фонде Особенной канцелярии министра полиции.

История создания этого документа ясна из приложенного к делу отношения московского военного губернатора Тутолмина к министру внутренних дел Кочубею от 4 февраля 1807 года «По возвращении моем из Санкт-Петербурга, — говорится в документе, — я принял меры к учреждению Сокровенной в Москве полиции... Но как способ заимствования надобных на издержки по сей части денег от несостояния полного по штату комплекта, подчинясь общим порядком форме публичного отчета, покажет неизбежно путь к догадкам во вред действию полиции сокровенной, а незанятие мест полицейских сберегая на секретное употребление сумму, попрепятствует повсеместному открытому наружной полиции надзору, то и нашелся я в необходимости... сделать примерное о полицейской секретной экспедиции положение, которое представляя у сего, Ваше Сиятельство покорнейше прошу: поднести оное на высочайшее Государя Императора Благоусмотрение, и испросить особую на сие употребление сумму».

Упомянутый в тексте проект учреждения в Москве «Полицейской особенной экспедиции» был написан тогдашним обер-полицмейстером Первопрестольной А.Д. Балашовым. Проект этот настолько интересен, что мог бы стать темой отдельного сюжета. С уверенностью можно утверждать, что по продуманности, четкости постановки задач, логичности и внутренней стройности этот проект превосходил оба новосильцевских замысла межведомственных координационных комитетов, а также знаменитый «Проект об устройстве высшей полиции» А.Х. Бенкендорфа 1826 года. Здесь же заметим, что подобная легализация высшей полицейской деятельности показалась Александру I совершенно излишней. 17 мая 1807 года министр внутренних дел сообщил Тутолмину: «Его Императорское Величество, приняв в уважение, что всякое место штатом установленное, не может быть без огласки... признавать изволил удобнейшим, чтоб сумма вами... на сей предмет исчисленная, отпускаема была из казначейства с надлежащими отчетами, без всякого формального и штатного положения». Однако это финансирование совсем не было бесперебойным. Так, после Отечественной войны оно, очевидно, прекратилось, и добиться его возобновления московскому главнокомандующему оказалось непросто. 26 ноября 1814 года министр финансов граф Гурьев прямо писал управляющему министерством полиции Вязмитинову: «А мне неизвестны ни надобности, по уважению которых отпуск суммы сей возобновить следует, ни самые предметы для которых она требуется и употребляема быть должна,» — почему и отказывался произвести отпуск средств. В результате чего Комитет министров решил финансировать московскую тайную полицию из средств Адрес-конторы, по сути лишив этих денег московскую Городскую думу.



## Министерство полиции

Как уже отмечалось выше, подозрительный Александр I никогда не довольствовался учреждением *одного* всеобъемлющего и всепроницающего ведомства по делам высшей полиции, предпочитая, подобно Наполеону, получать сведения «о преступлениях важных» из разных независимых (а лучше — конкурирующих) источников. Эта черта характера императора в полной мере проявилась при учреждении министерства полиции.

Это ведомство являлось детищем знаменитого русского юриста и государственного деятеля М. М. Сперанского, к услугам которого Александр I стал вновь активно прибегать после заключения Россией Тильзитского мира с наполеоновской Францией. Тогда российский император вновь почувствовал необходимость укрепления своей власти. Ставший одним из ближайших советников Александра I уже в первые годы его царствования, Сперанский был вдохновителем всех государственных преобразований тех лет. Этот, по выражению одного из историков, «ангел российской бюрократии» был буквально одержим маниакальным стремлением к упорядочиванию всего порядка течения государственных дел в Российской империи. За то время, пока Александр I был увлечен внешнеполитической игрой с Наполеоном и не занимался внутренними преобразованиями (то есть с 1805 по 1807 годы), Сперанский порядком истосковался по настоящей работе. Кроме того, он видел массу недостатков в сложившейся в результате начатых, но неоконченных реформ структуре государственного аппарата. Его критические замечания касались, в том числе, и полицейской части.

В 1809 году Сперанским было закончено «Введение к Уложению государственных законов» — знаменитый план неосуществленных реформ, полной перестройки всей государственной машины Российской империи. Большой раздел этого труда был посвящен и предполагаемому устройству полиции. Отметив неточность и несоразмерность в разделении дел по министерствам, Сперанский особое внимание уделил устройству министерства внутренних дел, которое он замыслил как министерство, в основном, хозяйственное. Сперанский с неудовлетворением констатировал: «В министерстве внутренних дел к народной промышленности отнесены 1) полиция, 2) часть финансов — соль. Отсюда произошло смешение и несвязность дел: соль, фабрики и полиция мало имеют общего». Более того, Сперанский отметил, что «внутренняя государственная безопасность есть столько же предмет уважительный и обширный» как и все другие части государственного управления». Но для Сперанского полиция была прежде всего службой, обеспечивающей безопасность и незыблемость частной собственности. Это ясно из контекста документа, изобилующего фразами типа: «должно оградить лицо и стяжание каждого безопасностью» или «часть сия (полиция. — Ф. С.) должна служить всем другим внутренним частям утверждением и некоторым ручательством в успехе их предприятий». Обосновлять высшую полицию в плане Сперанского не планировалось. Его проект был выдержан в духе уже неоднократно цитировавшегося александровского Манифеста об упразднении Тайной Экспедиции, где отмечалось, что «в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общию силою закона».

Но по сравнению с 1803 годом воззрения великого русского реформатора на полицию несколько изменились. Он разделял теперь полицию на «учредительную» и «исполнительную». Ко второй были отнесены «разные

учреждения смирительные, рабочие, темничные и пр.» К первой же — «все учреждения, коими предупреждается нарушение безопасности. Одни публичные...: паспорта, надзор зрелищ, публичных собраний и проч., другие — сокровенные...: неприметный надзор за иностранными и все те меры наблюдения за движением общественного духа, кои известны под именем высшей полиции».

Бросается в глаза проходящее через все «Введение к уложению государственных законов» желание Сперанского понравиться и угодить своими предложениями Александру I. Зная трогательную заботу царя о народном просвещении, Сперанский старательно обосновывает необходимость иметь отдельное министерство народного просвещения, которое, однако, никак не вписывалось в предложенную самим реформатором и описанную в самом начале документа систему разделения государственного управления на части. Уловив опасения императора по поводу деятельности в России вражеских шпионов, законотворец замысливает «полицию учредительную» с неопределенным, можно даже сказать — туманным, кругом обязанностей, среди которых четко читается только одна — борьба с иностранными агентами. При этом, именно идею создания министерства полиции Сперанский почему-то отстаивал с особым жаром. Дело в том, что по поводу учреждения министерства полиции в петербургском обществе «наперед известно было, что государь назначал... Балашова». Этот человек сыграл едва ли не главную роль в последовавшей вскоре отставке и ссылке Сперанского. Видимо, Сперанский просто не мог себе представить, что он своими руками дает неограниченные возможности для интриг против себя.

Так или иначе, идеи «Введения к уложению...» вскоре начали воплощаться в жизнь.

5 июля 1810 года был издан манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означенном предметов, каждому управлению прилежащих». Декларировав необходимость «в разделении дел государственных внести более соразмерности», манифест параграфом шестым превращал МВД в чисто хозяйственное ведомство, а параграфом третьим объявлял, что «для общего соображения и главного управления всех предметов, принадлежащих к государственной полиции..., восстанавливается прежде существовавшее звание генерал-полицейстера, под именем министра полиции». Идя на выделение полиции (хоть и не только высшей, а всей) в особое ведомство, Александр I все же хотел показать, что лишь восстанавливает, — и что особенно важно, старое установление, очевидно для того, чтобы как и раньше «не возродить в обществе напрасного опасения, что предстоит какое зло»... Высшая полиция вновь оказалась слита с другими административными делами. «Дела медицинские, карантинные» и пр. были объединены с цензурой и т. д. Но окончательно структура нового ведомства была определена лишь год спустя.

25 июня 1811 года были обнародованы «Общее учреждение министерств», завершившее начатую в 1802 году министерскую реформу, а также «Учреждение министерства полиции». Параграфом четырнадцатым первого законодательного акта к ведению министерства полиции относились «все учреждения к охранению внутренней безопасности относящиеся». А в «Учреждении» нового министерства высшая полиция выделялась особо. В «Общем учреждении...» для ряда «силовых», как сказали бы мы сегодня, министерств (иностранных дел, военного, морского и полиции) предусматривалась

особая организация канцелярий. Поэтому в министерстве полиции и была создана, кроме общей, особенная канцелярия. К ее ведению относились все дела, связанные с иностранцами: их въезд в Россию, выезд из империи и все перемещения внутри страны, все дела по цензуре, и, наконец, «дела особенные...», кои министр полиции сочтет нужным предоставить собственному его сведению и разрешению». Но, как уже было показано, характерной чертой всех учреждавшихся в довоенный период царствования Александра I высших полицейских структур являлась крайняя неопределенность круга их деятельности. Комитет 13 января 1807 года, например, в результате этого захлебывался от потока разнообразных дел, которые направлялись туда всеми губернаторами: на местах не могли четко определить, что такое «важные преступления, совершенные людьми зловердными», и о каком из них надо непременно сообщать в Петербург, а о каком — нет.

Таким образом, если не все, то большинство высших полицейских функций были впервые после упразднения Тайной экспедиции открыто сосредоточены в подразделении особого ведомства, а не некоего межведомственного координационного совещания. Для исполнения возложенных на него задач министр полиции получал самые широкие полномочия. Так, он имел право, для получения необходимых сведений непосредственно сноситься с чиновниками других ведомств через головы их начальников, а иногда и в совершенной тайне. Министерство полиции стало своеобразным зародышем, развитие которого в будущем предугадать было невозможно: во что превратится это ведомство зависело лишь от способностей и наклонностей конкретного министра полиции. В руках у этого сановника сосредотачивались невиданные доселе возможности: колоссальные, предоставленные законом полномочия, канцелярский и следственный аппараты и многое другое. Но, как показала практика, ни один из двух руководителей александровского полицейского министерства не проявил себя на данном ответственном посту достойно. Больше того, их деятельность, в итоге, скомпрометировала саму идею Министерства полиции, которое не пережило даже учредившего его императора и было упразднено в 1819 году.

Первоначально во главе новоучрежденного ведомства был поставлен А. Д. Балашов. Этот человек попал на полицейское поприще, как это обычно тогда бывало с известными людьми, в значительной мере случайно. Е. Ф. Комаровский так описывал эту историю, происшедшую в 1804 году: «В одно воскресенье; во время спектакля в Эрмитаже, граф Кочубей, бывший тогда министром внутренних дел, говорит мне: "...Не знаете ли вы кого-нибудь из ваших сослуживцев, которого можно было бы назначить в московские обер-полицеймейстеры?" Я отвечал ему, что сию минуту никого не знаю, но чтобы граф позволил мне подумать». Каково же было удивление Комаровского, когда на следующий день он встретил на одном званом вечере своего давнего знакомого и однополчанина — А. Д. Балашова *во фраке*, что являлось верным признаком отставки. Давно не видавшись с бывшим сослуживцем и ничего толком не зная о развитии его карьеры Комаровский стал расспрашивать его об обстоятельствах, которые заставили его покинуть службу. Балашов так объяснил причину своего теперешнего состояния: «Я был ревельским военным губернатором и имел там весьма важное поручение, которое исполнил, кажется, нельзя лучше; вместо награды я лишился места и состоял по армии; вдруг получаю приказ, что Преображенского полка полковник За-

польский назначается шефом первого в армии полка, Екатеринославского гренадерского, а я вместе с ним получаю Троицкий полк, который расположен по Кавказской линии». Обиженный Балашов оставил службу, решив, что его «иметь в оной более не желают». Обход выгодным назначением слишком больно резанул по его честолюбию.

Хорошо знавший своего друга Е. Ф. Комаровский тут же смекнул, что честолюбивому Балашову необычайно хочется вернуться на службу. Однако возвращение в армию для него в настоящее время, учитывая обстоятельство выхода в отставку, немыслимо. И он начал убеждать его принять должность московского обер-полицеймейстера, мотивируя это тем, что «есть должности, в которых можно быть полезным Отечеству и кроме военной службы». По некоторым раздумьям Балашов дал такой ответ: «Хотя и трудно быть разжалованным из попов в диаконы, ибо, как военный губернатор, я имел в команде у себя полицеймейстера и всю полицию, а тут сам буду под командой; но я бы должность сию принял, — и добавил кокетливо, — только я уверен, что меня не определят».

Однако Балашов ошибся. При встрече Александр I объяснил своему генерал-адъютанту, что его бывший сослуживец совсем не был «обойден» почетным назначением. Дело в том, что сам император одно время, еще при бабушке, был шефом Екатеринославского полка, и назначение полковника Запольского готовил давно. Балашов же, совершенно без «задней мысли» был назначен шефом «первого вакантного полка». Так что должность московского обер-полицеймейстера была получена генералом без всяких проблем. Очевидно, служба Балашова на этом посту удовлетворила Александра I: за недолгое руководство московской полицией он получил два ордена и четыре тысячи рублей аренды. Более того, в 1806 года после открытия в армии вопиющих злоупотреблений, Александр I переместил новоиспеченного блюстителя закона на должность генерал-критс-комиссара. А 23 марта 1808 года А. Д. Балашов был назначен санкт-петербургским обер-полицеймейстером, сменив на этом посту Ф. Ф. Эртеля. Менее года пребывания в этой должности принесли Балашову орден святой Анны 1-й степени и табакерку с портретом государя, усыпанную бриллиантами.

Сочетание Балашовым талантов царедворца, опыта пребывания на различных высоких постах с успешной полицейской службой сыграло решающую роль при выборе кандидатуры министра полиции. Хотя, повторимся, оказался-то он на этой службе совершенно случайно...

Но даже сосредоточив всю полицейскую власть империи в одном ведомстве, подозрительный Александр I умудрился не отдать ее в одни руки: в один из декабрьских дней 1811 года правитель Особенной канцелярии министра полиции Я. И. де Санглен, по его словам, получил от императора личное и секретное приглашение приехать в Зимний дворец... Император принял де Санглена очень ласково и даже потчевал его чаем с сухарями, долго беседовал с ним о разном и, наконец, отпустил со словами: «До свидания, теперь мы часто будем видеться».

И действительно, тонкий мастер придворных интриг еще в ранней юности в совершенстве постигший эту хитрую науку, Александр I сумел сделать так, чтобы информация о работе Особенной канцелярии министра полиции притекала к нему из двух независимых источников. С одной стороны, по должности подобные доклады должен был представлять государю сам министр полиции А. Д. Балашов. С другой — Балашова царь всегда мог проверить во время доверительных и тайных бесед с начальником

его Особенной канцелярии Я. И. де Сангленом, начинавшихся под вечер и заканчивавшихся часто поздно ночью. Естественно, до поры до времени Александр I держал от Балашова в совершенной тайне эти ночные посиделки. Однако не забывал и делать министру некоторые намеки, а начальнику канцелярии рассказывать разные гадости о его шефе. Таким путем подозрительный «сфинкс» вбивал между двумя сановниками клин, дабы они не «спелись», и информировали его о деятельности высшей полиции действительно независимо друг от друга.

Апогея эта система взаимной слежки достигла во время печально известной травли и последовавшей вскоре затем отставки М. М. Сперанского. К 1812 году этому государственному деятелю удалось практически окончить работу по укреплению аппарата исполнительной власти: была завершена министерская реформа (породившая на свет и пост, давший столь большую власть Балашову) и учрежден Государственный совет.

Сперанский приступил к разработке гражданского законодательства, которое считал основой основ государственной системы. При выполнении этой задачи им был взят за основу знаменитый «Кодекс Наполеона», который сам император французов называл величайшей из своих побед. Это «галломанство» вызвало резкую антипатию различных ура-патриотов, вроде небезызвестного графа Ростопчина. Не было такого преступления, в котором не обвиняли бы Сперанского его недруги! Подозрительный Александр I, видевший даже в учреждении министерств угрозу своей самодержавной власти, чутко ловил каждую сплетню о своем недавнем любимце, и уже решился про себя принести отслужившего свое реформатора в жертву галлофобам.

А. Д. Балашов, имевший необычайную склонность к интригам, тонко чувствовавший, как и полагается царедворцу, малейшее изменение настроения монарха, стал активно интриговать против Сперанского — своего благодетеля, используя для этого все возможности, предоставленные законом министру полиции. Для начала он обвинил Сперанского не больше не меньше как... в чернокнижии. Когда эта «утка» успеха у Александра не возымела, Балашов представил императору якобы перехваченное его службой письмо к Сперанскому с вложением многотысячной взятки. (Заметим в скобках, что в мздоимстве Сперанского никогда не упрекали даже злейшие враги). Правда о нахождении в конверте огромной суммы можно было судить лишь по надписи на нем: самих денег Балашов не представил, хотя Александр I требовал этого довольно настойчиво...

Запутавшись в балашовских уловках, Александр I стал все чаще прибегать к услугам своего «агента влияния» в министерстве полиции — Я. И. де Санглена. Де Санглен, носивший французскую фамилию, но считавший себя совершенно русским (однажды он даже едва не подрался на дуэли с французским офицером, пренебрежительно отзывавшемся о России и русских) в вопросах следствия проявлял просто-таки немецкую щепетильность. Отказавшись выполнить августейшую просьбу «познакомиться» со Сперанским поближе (то есть шпионить за ним), Санглен, в то же время, совершенно отказался верить в сказки о его занятиях чернокнижничеством. И вообще он даже отстаивал перед Александром I полезность всякого рода мистических обществ. «Слова *«иллюминат»*, *«франк-масон»* обратились у нас как будто в брань, — говорил он императору во время очередной ночной беседы, — но в корне своем ложи не иное что, как школа духовного развития и возвышения человека. О злоупотребле-

ниях молчу: где их нет?» Но упрямый Александр I настаивал на том, что для полной безопасности «надобно чтобы тайных лож от правительства не было, а ложа Сперанского... должна обратить на себя внимание полиции». Отставка и ссылка Сперанского была уже неотвратима, и Александр I настоял на том, чтобы во время высылки и опечатывания бумаг опального реформатора де Санглен неотлучно находился при Балашове, а потом выслушивал рассказ об этих событиях из уст министра и начальника его особенной канцелярии по отдельности. Царь не доверял не только Сперанскому, но и тому человеку, который последние несколько месяцев только и делал, что под Сперанского «копал».

Таким образом, не успев возникнуть, министерство полиции тут же превратилось с одной стороны, в объект пристального и ревнивого внимания императора, а с другой — в орудие и одновременно предмет различных интриг. Ни то, ни другое не способствовало усилению этого ведомства. Эти обстоятельства, в значительной мере, предопределили и последовавший уже после окончания Наполеоновских войн его крах.

Вообще же к началу Отечественной войны Россия подходила с чрезвычайно запутанной структурой высших полицейских учреждений, что не могло не сказаться на качестве их деятельности. Окончание же наполеоновских войн означало новый этап в развитии высшей полиции в России: ведь до войны основной задачей, ставившейся перед высшими полицейскими структурами, была борьба с агентами наполеоновской империи. Послевоенная обстановка потребовала новых структур высшей полиции.

#### «Гроза 12-го года»

Отечественная война 1812 года — вообще эпохальное событие в истории России — оказала большое влияние и на развитие российской высшей полиции. Большая часть тех структур, о которых речь шла выше, создавались именно в период противостояния с наполеоновской Францией. А значит завершение этого противостояния должно было определяющим образом сказаться и на судьбе этих служб. Кроме того, Отечественная война привела к ряду кадровых перестановок по части высшей полиции. С 1812 года А. Д. Балашов, формально оставаясь министром полиции, отходит от фактического управления этим ведомством. Туда назначается управляющий — С. К. Вязмитинов. О том, какое влияние имела эта рокировка на работу главного полицейского ведомства Российской империи, будет сказано ниже. Выходит в отставку и Я. И. де Санглен. Правда, и после отставки, бывшему начальнику и подчиненному довелось встретиться и посоперничать на поприще обезвреживания наполеоновских агентов.

В начале 1812 года Я. И. де Санглен вышел в отставку, так как выполнение разных конфиденциальных поручений императора по министерству полиции окончательно превратило министра А. Д. Балашова в его злейшего врага. 14 апреля 1812 года де Санглен уже был в Вильне и был назначен Барклаем де Толли на должность директора военной полиции 1-й армии при военном министре. Сам де Санглен так описывал свои труды по организации этой службы: «До приезда государя старался я учредить свою канцелярию, хватать писарей, не зная никого, мог ли я сделать выбор? Кое-как все это учредилось, и я занялся особенно городскую

полицию. Сделан был список всем жителям, обозначены те, которым не слишком можно доверяться».

Как видим, военная полиция в значительной степени выполняла функции полиции высшей. Это было продиктовано особенностями момента. Готовясь к отражению наполеоновской армии, Барклай де Толли, вообще уделявший много внимания развитию русских спецслужб, стремился полностью обезопасить свои расквартированные в Вильне войска от подрывной деятельности французов. Тем более, что французского шпионажа военный министр мог опасаться не без оснований. Сам Я. И. де Санглен в своих мемуарах приводит несколько интересных случаев.

Так, получив от берлинского обер-полицейстера информацию, что в данный момент в Вильне действует группа французских шпионов, Александр I поручил их поиск, как он это делал и раньше, А. Д. Балашову (как министру полиции) и Я. И. де Санглену (как директору военной полиции) сепаратно. Санглен взялся за дело с присущей ему основательностью. «Я поручил трем моим чиновникам, — вспоминал он, — ходить каждый день по разным трактирам, там обедать, все рассматривать, выглядывать, и мне о том докладывать; виленскому же полицеймейстеру Вейсу поручил строгое должное наблюдение за приезжими из Польши». В результате агенты де Санглена обнаружили «развязного поляка, со всею наружностью фронтовика, который не жалел шампанского и бранил Наполеона направо», представляясь, однако, сугубо штатским человеком, якобы никогда не служившим в армии.

Сделав обыск на квартире не в меру разговорчивого кутилы, сотрудники военной полиции обнаружили в тайнике данные ему французским командованием инструкции, патент на чин поручика за подписью Наполеона, довольно большую сумму денег и статистические записки о стоящих в Вильне русских войсках. В этот момент де Санглену сообщили, что Балашов тоже нашел шпионов и уже представил их государю. Туда же поспешил и де Санглен. Немало озадаченный «удвоением» шпионов Александр I провел проверку, в результате которой выяснилось, что под видом шпионов желавший опередить соперника Балашов, представил императору нескольких обедневших польских шляхтичей-бродяг, «Это обыкновенная полицейская штука, — констатировал Санглен, — схватить первых бродяг, выдать их за шпионов и отправить подальше, чтобы молчали».

В другой раз директору военной полиции пришлось «обслуживать» визит специального посланника Наполеона, якобы ехавшего с особой миссией поздравить Александра I с прибытием в Вильну. Организовав его проезд до Вильны проселками, чтобы «дипломат» не мог ознакомиться с русскими артиллерийскими парками и расположением войск, де Санглен окружил его кучерами и лакеями из числа офицеров виленской полиции. А «когда Нарбон (так звали наполеоновского эмиссара. — Ф. С.), по приглашению императора, был в театре в его ложе, перепили приехавших с ним французов, увезли его шкатулку, открыли ее в присутствии императора, списали инструкцию, данную самим Наполеоном, и представили государю». Как видим, в условиях ожидавшегося французского нападения любопытство Александром I взяло верх даже над приличиями: император не просто пользовался данными разведки, но и сам стал участником «оперативной разработки» Нарбона.

Приходилось выполнять и функции личной охраны императора. Так, однажды Александр I попросил де Санглена проверить дошедший до него

слух. Генерал и флигель-адъютанты императора собирались дать в его честь бал, с каковой целью и строилась по их поручению временная деревянная зала. Императору сообщили, что конструкция этой залы весьма ненадежна, и при танцах это хлипкое строение развалится, задавив обломками танцующих. Санглен отправился на место, где убедился в том, что зала уже рухнула. Причем нельзя было полностью исключить и возможность диверсии: все попытки директора военной полиции найти архитектора, производившего работы, не увенчались успехом. Незадачливый строитель скрылся, симулировав мнимое утопление.

В этих заботах Я. И. де Санглен, А. Д. Балашов и Александр I и встретили начало наполеоновского нашествия. Отечественная война удалила от забот по устройству высшей полиции и Балашова, передавшего управление министерством полиции С. К. Вязмитинову, и де Санглена, вновь (в который уже раз за время своей карьеры) вышедшего в отставку. Поимка шпионов и прочих внутренних врагов стала прежде всего делом военных полицейских структур. Правда, некоторые местные администраторы активно занялись вопросами идеологической работы во вверенных их управлению губерниях. На языке того времени эту работу можно назвать «полицией предохранительной»: ведь основная цель обработки умов заключалась в том, чтобы предотвратить возможные преступления против государя и государства, инспирированные наполеоновскими лазутчиками, а также на предотвращение массовых беспорядков. Так, напомним, что еще во время «шпионской тревоги» 1806 года могилевский гражданский губернатор Бакунин почитал своим долгом распространять доброкачественную информацию о положении на театре военных действий для предотвращения разного рода ложных слухов. Среди же «работников идеологического фронта» времен Отечественной войны на первое место следует без сомнения поставить Московского губернатора графа Ростопчина, известного ура-патриота и галлофоба. Наверное каждому человеку, хоть сколько-нибудь знакомому с русской классической литературой, имя Ростопчина известно по роману Льва Толстого «Война и мир». На страницах эпопеи автор знаменитых «афишек» предстает эдаким забавным маразматиком, хотя в действительности организованная им в рамках контроля за настроением москвичей в тяжелые военные дни пропаганда — яркий пример опасно-беззастенчивого манипулирования общественным мнением. Частью агитационные афишки Ростопчина следует и вовсе признать явно неудачными. Так же, как и уже упоминавшийся антинаполеоновский циркуляр Синода, некоторые афиши сообщали москвичам такие сведения о Наполеоне, которые были способны лишь породить новые слухи. Так, в одном из агитационных листовок читаем: *«Берегитесь одного: пьяниц да дураков, они, распустья уши, шатаются, да и другим в уши в распах надуют. Иной вздумает, что Наполеон за добром идет, а его дело кожу драть: обещает все, а выйdet ничего. Солдатм сулит фельдмаршалство, нищим золотые горы, народу свободу, а всех ловит за виски, да в тиски, и пошлет на смерть»*. Не знаю, как у читателя, а у автора этих строк в результате такой агитации возникло острое желание послушать, «распустья уши» еще о том, что несет Наполеон России...

В первые дни Отечественной войны, по выражению историка М. И. Богдановича, народ «видел во всяком нерусском врага и подозревал всех иностранцев в измене, либо, по крайней мере, в злорадстве». В такой обстановке Ростопчин находил возможным подогревать «квасной» патриотизм

и ксенофобские настроения. «*Два немца пришли деньги менять, — сообщал в очередном листке московский губернатор, — а народ их катать; один чуть ли не умер. Вздумали, что будто шпионы, а для этого допросить должно, это мое дело... И что за диковинка ста человекам прибить костянова француза или в парике окуренова немца! Охота руки марать!*» Едва ли тон этой афишки мог усмирить ксенофобию москвичей. А накануне сдачи первопрестольной столицы губернатор фактически подстрекает горожан к погромам: «*Вы не смотрите на то, что присутственные места закрыли, дела прибрать надобно, а мы своим судом с злодеем разберемся!*» Жертвой такой горе-агитации стал не шпион и не лазутчик, а несчастный купеческий сын Верещагин, виновный лишь в том, что перевел из какой-то немецкой газеты одно из наполеоновских воззваний. Он был растерзан толпой в обстановке инспирированной Ростопчиным всеобщей шпиономании.

Окончание Отечественной войны 1812 года — важная веха в истории России. Ее окончание оказалось судьбоносным и для развития высшей полиции в нашей стране. Общим местом в исторической литературе стало упоминание того факта, что после падения Наполеона Александр I все больше внимания уделял внешней политике: работе по делам своего любимого послевоенного детища — «Священного Союза». На управление же непосредственно делами империи времени у Александра I оставалось все меньше: участие в конгрессах «Священного Союза» требовало постоянных разъездов, и страна, по выражению одного из историков, в буквальном смысле слова «управлялась с почтовой коляски». И не случайно послевоенные годы стали называть «аракчеевщиной»: желая посвящать всего себя делам Европы, «победитель Наполеона» вынужден был фактически передоверить своему новому любимцу дела управления необъятной страной. Это изменение стиля управления империей должно было оказать влияние на самые разные государственные учреждения. В том числе, — и на такую важную структуру, как высшая полиция. Вместе с тем, озабоченный тем, чтобы дать новое устройство всей Европе, Александр I перестает опасаться вражеских шпионов, засылаемых внешними врагами. А ведь все создававшиеся в эпоху острой франко-русской конфронтации органы высшей полиции были ориентированы прежде всего на поимку и обезвреживание французских шпионов. С утратой актуальности этой задачи как бы выхолащивался и сам смысл существования созданных в довоенные годы органов борьбы с государственными преступлениями.

### Политический розыск после войны

Все эти обстоятельства: и появление у власти нового временщика, и исчезновение первопричины, породившей все органы высшей полиции до Отечественной войны привели к их быстрому отмиранию в послевоенный период. Хотя формально все основные органы высшей полиции пережили войну и продолжали действовать.

Одним из них был Комитет охранения общей безопасности. Созданный в 1807 году Комитет охранения общей безопасности замыслился не как новое ведомство, а как высшее межведомственное и даже «надведомственное» совещание по делам высшей полиции.

Предполагалось, что этот межведомственный орган будет выполнять в первую очередь надзорно-контрольные, а не следственные функции.

Поначалу он работал довольно активно, хотя деятельность его и нельзя назвать полностью успешной. Вопреки распространенному в литературе мнению, Комитет не имел следственного аппарата, хотя при нем и была учреждена канцелярия.

Необходимость в подобной структуре стала ясна членам Комитета 13 января уже через месяц после начала его заседаний. Еще 19 февраля 1807 года они подали прошение императору об учреждении при Комитете канцелярии с приложением предполагаемого штата. Обосновывалась просьба тем, что «из разных мест во множестве» начинают поступать дела, отнесенные к ведению Комитета. Штат, состоявший из 23-х человек, общая сумма на содержание которых составляла 9520 рублей в год, был утвержден. Он состоял из правителя и секретаря канцелярии, двух переводчиков (ведь основная задача первоначально — борьба со шпионами), двух лона начальников и трех писцов. Туда включены были даже смотритель дома, унтер-офицер и двенадцать (!) инвалидов: для выполнения разных хозяйственных работ по обслуживанию приобретенного для заседаний Комитета дома. При рассмотрении штата канцелярии бросается в глаза, что все должности канцелярские или хозяйственные — ни одной следственной.

Вместе с тем, контрольно-надзорные функции Комитета охранения общей безопасности на практике переродились в процедуру самостоятельного производства следствия по делу: с допросами обвиняемых, очными ставками, опросами свидетелей и т. п. Но поскольку канцелярия Комитета была предназначена лишь для бесконечного переписывания разных бумаг, то возникла парадоксальная ситуация: высокопоставленные государственные деятели, представители высшей российской бюрократии — министры и сенаторы — собирались на заседание для того, чтобы обсудить опросные пункты, которые надо предъявить очередному обвиняемому, или сообщая постановить, что остаток в несколько сот или тысяч рублей необходимо зачислить в приход будущего года. То есть собрание, состоявшее из нескольких сановников, выполняло обязанности уровня какого-то чиновника далеко не самого высокого ранга, каких под началом каждого из них были сотни по всей России. Министры и сенаторы превращались в простых следователей.

При этом Комитет 13 января был лишен права выносить приговор: формально он оставался лишь контрольно-надзорным органом, следившим за тем, чтобы разрозненные русские сыскные службы не упустили каких-либо важных преступников. Этот порядок был закреплен при рассмотрении уже упоминавшегося дела кучера Корнилова, ожидавшего от возможного нашествия Бонапарта улучшения своего материального положения. Комитет, «не видя в действиях его злого умысла, а видя одно невежество и тупость», постановил высечь крепостного кучера «через управу благочиния». Александр I, утвердив решение Комитета, не забыл напомнить, что тот судебных полномочий не имеет. В последующем Комитет лишь указывал в своем журнале: какое наказание считает надлежащим за данное преступление, да и то не всегда.

Таким образом, в положении простого следователя попадал и сам царь: утверждая комитетские журналы он должен был вникать во все подробности разнообразных преступлений и выносить по ним окончательное решение. Часто преступления эти совсем не заслуживали внимания главы огромной империи. Вместе с тем Александр I проявлял к деятельности Комитета большой интерес, особенно в первые годы его существования: между подписанием журнала заседаний членами Комитета и его апробацией



проходило 7—10 дней не более. Но в послевоенный период, как уже отмечалось, интерес Александра I к рутинным делам управлению империей вообще и к делам высшей полиции в частности заметно ослабевает, а значит ослабевает и активность Комитета 13 января 1807 года.

Между тем, чем меньше активности проявлял сам Комитет, тем более насыщенной жизнью жила созданная при нем канцелярия. Напомним, что создание канцелярии мотивировалось крайне большим количеством дел, поступающих в Комитет. Но только тогда, когда работы у канцелярии практически не стало — Комитет редко собирался, рассматривая лишь по 1-2 дела в год — смог по-настоящему «развернуться» ее управляющий Лавров. Сохранившиеся приходно-расходные книги Комитета раскрывают пред исследователем потрясающую панораму хозяйственной деятельности канцелярии в 1807—1811 и 1812—1821 годах. Как использовались средства, выделяемые Комитету 13 января, в последние годы его существования можно только догадываться (за этот период его финансовая документация не сохранилась), тем более, что государственный контроль за финансовой деятельностью этого органа был достаточно слаб. Так, в конце 1818 года государственный контролер направил министру юстиции, князю Лопухину запрос об использовании средств, отпускаемых Комитету 13 января 1807 года. П. В. Лопухин на требование отчета отвечал: «Отчеты по сему Комитету, согласно высочайшей воле, последовавшей при утверждении штата оному, представляются прямо императору на высочайшее его величества благоусмотрение». Необходимо заметить, что ранее Комитет все-таки предоставлял финансовые отчеты Государственной Экспедиции.

Уже в самом начале своей деятельности Комитет показал, что он является довольно «прожорливой» бюрократической структурой: для его деятельности необходима была не только канцелярия, но и дом, который, судя по тому, какие расходы производил Комитет, был приобретен. Так уже 29 марта 1807 года закупается мебель: «три стола красного дерева, два комода, один шкаф и пара зеркал, полдюжины кресел и столько же стульев также красного дерева с алыми сафьяновыми подушками, часы столовые английские, один стол и четыре стула простого дерева, два замка с задвижками к дверям, чернильницы с подсвечниками, ножик и прочие мелочи». (Заметим в скобках, что «часы английские столовые», обошедшиеся в 140 рублей оказались прибором крайне ненадежным: они дважды ломались — в сентябре 1807 и летом 1812 года, а в мае 1814 их, наконец, сменили на новые, приплатив еще 200 рублей.)

В целом, все расходы Комитета можно разделить на три группы. Прежде всего, это расходы на следственную деятельность: оплата провоза до столицы и обратно арестантов и свидетелей, их проживание в Петербурге, рассылка писем и циркуляров и т. п. Вторая группа — жалование чиновникам канцелярии. Третья — разнообразные хозяйственные расходы: от покупки сургуча и бумаги до, например, починки часов

Естественно, что жалование составляет главную статью расходов. Расходы же на следствие, со временем составляли все меньшую долю в расходах Комитета. Бывали годы, когда собственно на следствие не было потрачено ни копейки (например, 1814 или 1821), а жалование исправно выплачивалось. Канцелярия жила полнокровной жизнью. Среди хозяйственных расходов появлялись новые статьи, иногда весьма необычные. Если неожиданные покупки Комитетом Уложения, Воинского устава,

Учреждения о губерниях и других законов или карт «Средней Европы» и «Почтовой российской» в 1812 году или географического словаря в 1815 году, а также сдачу этих книг в переплет, как-то можно объяснить, то возникновение некоторых статей расхода с трудом поддается объяснению. Так, до 1812 года денег на покупку дров, судя по документам, не отпускалось вообще, а с осени 1814 года дрова начинают покупать не обычные, а березовые (естественно, дороже). С 1818 года вдруг начинают вставлять зимние рамы, отпуская на это деньги. В 1817 году — вовсе необъяснимое явление: «Заплачено за мытье полов 5 рублей». Ранее таких расходов не было, хотя трудно предположить, что за десять первых лет работы Комитета охранения общей безопасности никто так ни разу и не прибрался в его доме. Не забывали канцелярские служащие и «поправить» мебель, печи, рамы и полы, приобрести новые чернильницы, щипцы, щетки и даже ушат для воды — и это в те годы, когда два-три заседания в год для Комитета 13 января являлись нормой!

Больше того, мы не можем проверить: действительно ли дрова стали березовыми, вставлены ли были зимние рамы, а полы вымыты, хотя напрашивается естественный вопрос: почему все эти работы не делали инвалиды, которых по штату полагалось в канцелярии 12 человек, и которые исправно получали жалование? Конечно, этих косвенных свидетельств недостаточно, чтобы доказать, что в канцелярии Комитета процветало казнокрадство, но вопрос такой поставить можно.

Таким образом, чем реже собирался сам Комитет, тем полнокровнее была жизнь его канцелярии. Можно сказать, что Комитет 13 января 1807 года явно не оправдал возложенных на него ожиданий: не сумел сосредоточить в своих руках все нити управления русским политическим розыском. Все показатели активности Комитета (количество дел и заседаний за год, доля расходов на следствие в общей структуре расходов) свидетельствуют, что, успешно действуя в период до Отечественной войны, после ее окончания Комитет охранения общей безопасности почти прекратил свою деятельность, хотя формально существовал до 1829 года, то есть даже и после учреждения III Отделения собственной его императорского величества канцелярии.

19 января 1829 года Комитет был наконец закрыт. В указе назывались следующие причины его закрытия: «В непрременном желании нашем сохранить благосостояние наших верноподданных известным и неколебимым действием наших законов, повелеваем закрыть особый Комитет, учрежденный указом 13 января 1807 года, а дела, поступавшие в его рассмотрение, наравне с другими делами преступлений, к обыкновенному законному рассмотрению и решению судебных мест, общими государственными постановлениями учрежденных». Заметим, что слова этого указа прямо перекликаются с манифестом 2 апреля 1801 года об упразднении Тайной экспедиции, где отмечалось, что «в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общесоюбою силою закона»..

Еще более печальный конец ожидал министерство полиции. С марта 1812 года, после того, как А. Д. Балашова Александр I стал употреблять для особо важных поручений в действующей армии, управление министерством было возложено на С. К. Вязмитинова. Много добрых слов можно прочесть о деятельности Вязмитинова на посту министра военно-сухопутных сил с 1802 по 1808 года. Там он проявил себя талантливым администратором,

проведшим много организационных преобразований, существенно укрепивших русскую армию перед Отечественной войной. С. К. Вязмитинов, насколько можно судить, пользовался большим доверием императора, фактически возложившего на него обязанности по управлению столицей под названиями то «главнокомандующего», то «главноуправляющего». Однако на посту управляющего министерством полиции Вязмитинов проявил себя далеко не так блестяще.

Одна из причин этого в некоторой двойственности положения Вязмитинова, который являлся *управляющим* министерством полиции при существовавшем, но отошедшем от дел *министре*. Вследствие этого он не был ни полновластным хозяином во вверенном ему ведомстве, ни даже не был посвящен в некоторые наиболее деликатные дела. Так, например, история с финансированием тайной полиции в Москве (см. выше) показывает, что Вязмитинов, вероятно, попросту не знал о существовании этой службы. Не менее показательна и судьба бывшего шефа Петербургской тайной полиции — надворного советника Ивана Гагельстрема.

Получив отставку вскоре после воцарения Александра I, Гагельстром жил в своем имении под Могилевом. Вторжение Наполеона в Россию заставило власти выслать его на жительство в Оренбург, причем местный губернатор получил от министра полиции А. Д. Балашова специальное отношение, в котором тот писал: «По высочайшему Его Императорского Величества повелению препровождается при сем бывший некогда в Российской службе надворным советником Гагельстром, с тем, чтобы за поведением, знакомством, связями и особенно за перепискою его было неослабное смотрение и наблюдение». Как видим, о причине ссылки «бывшего некогда в Российской службе» министр не считал нужным уведомлять местное начальство.

Письма Гагельстрема действительно перлюстрировали и отсылали в Петербург в министерство полиции. Многие из них приложены к сохранившемуся архивному делу о наблюдении за бывшим шефом Тайной полицейской экспедиции. Это частная переписка, в основном — с женой. Иногда в них обсуждались некоторые хозяйственные вопросы. Очевидно, именно регулярная присылка из Оренбурга этих писем и заставила принявшего от Балашова управление министерством полиции С. К. Вязмитинова осведомиться у местных властей о причине ссылки Гагельстрема. 16 июля 1813 года он направил оренбургскому военному губернатору документ следующего содержания: «Прошу вас, милостивый государь мой, меня уведомить от кого прислан в Оренбург под надзором и за какое преступление надворный советник Гагельстром, а также как давно он к вам доставлен». В ответе Оренбургского губернатора не было ни слова о *причине* ареста. Тогда Вязмитинов попытался избавиться от опеки над высланным по неизвестной ему причине чиновником. 28 августа 1813 года он писал Балашову: «Узнав от г. оренбургского военного губернатора, что бывший в нашей службе надворным советником Гагельстром прислан к нему по высочайшей воле при секретном отношении вашего превосходительства... честь имею препроводить при сем на усмотрение вашего превосходительства три письма». Однако от Балашова управляющий министерством полиции получил предписание «письма Гагельстрема и письма к нему рассматривать впредь вам самим». Правда, это предписание не прояснило для Вязмитинова вопрос, что же за важный преступник находится под столь бдительным надзором в оренбургской ссылке.

Положение Гагельстрема стало угрожающим: те начальники, от которых зависело его будущее — оренбургский военный губернатор и управляющий министерством полиции — даже не были осведомлены о причинах его высылки, пребывание в Оренбурге грозило стать бессрочным. Лишь весной или летом 1814 года жене Гагельстрема Амелии удалось получить резолюцию императора Александра I в отношении мужа: «*Возвратить на жительство в Могилев с запрещением въезда в обе столицы*».

Однако на этом злоключения Гагельстрема не закончились. Вернувшись в имение он никак не мог привести в порядок свои дела. Будучи кредитором разных лиц на общую сумму свыше семидесяти шести тысяч рублей (!), он не мог получить долга, ибо местные власти отказывали ему в разрешении на выезд в местный административный центр — Ригу, мотивируя это тем, что в резолюции Александра I говорилось о «возвращении на жительство», а под такой формулировкой обычно подразумевалась ссылка.

Напрасно Гагельстром доказывал, что если бы императору было угодно именно *выслать* его в имение, то не было бы смысла специально воспрещать въезд в обе столицы: ссылкеному и без того никуда нельзя выезжать. Разрешение на выезд в Ригу Гагельstromу удалось получить лишь в декабре 1815 года, но еще и в начале 20-х годов дела его не были до конца устроены. И не последней причиной всех этих злоключений, как видим, было то обстоятельство, что С. К. Вязмитинов просто не был как следует информирован о делах управляемого им ведомства. Стоит ли говорить, что при Вязмитинове значение министерства полиции как органа политического розыска постепенно падает. 5 сентября 1819 года С. К. Вязмитинов умирает. К руководству министерством снова приходит А. Д. Балашов, но на сей раз он выполняет уже функции «могильщика» главного полицейского ведомства Российской империи. Уже 4 ноября 1819 года Александр I распорядился: «*Признав нужным для лучшего распределения дел, министерство полиции присоединить к министерству внутренних дел, повелеваем: департамент мануфактур и внутренней торговли причислить к министерству финансов; почтовому же департаменту оставаться впредь до повеления под нынешним начальством*». Необходимо отметить, что важнейшую из структур министерства полиции — Особенную канцелярию — передали в полном составе в ведение МВД, где она и продолжала вести политическим розыском под руководством позже прославившегося своей деятельностью в III Отделении М. Я. фон Фока, унаследовавшего этот пост от Я. И. де Санглена.

Происшедшая ревизия отрасли, управлявшейся упраздненным министерством, показала не самое лучшее ее состояние. В некоторых полицейских частях при проверке дела обнаруживали даже на заднем дворе в навозе, а в одном из острогов арестанты преспокойно занимались... изготовлением фальшивых ассигнаций! Что же касается части «высшей полиции», то здесь, по словам принимавшего часть дел министерства В. П. Кочубея, министерство полиции давно превратилось в «министерство шпионства». В направленной Александру I записке он обрисовывал следующее безрадостное положение дел в столице: «Город закипел шпионами всякого рода: тут были и иностранные, и русские шпионы, состоявшие на жалованьи, шпионы добровольные, практиковалось постоянное переодевание полицейских офицеров, уверяют даже, что сам министр прибегал к переодеванию». Особенное возмущение министра внутренних дел вызывал тот факт,

что «эти агенты не ограничивались тем, что собирали известия и доставляли правительству возможность предупреждения преступления, они старались *возбуждать* преступления и подозрения. Они входили в доверенность к лицам разных слоев общества, выражали неудовольствие на Ваше Величество, порицая правительственные мероприятия, прибежали к выдумкам, чтобы вызвать откровенность со стороны этих лиц или услышать от них жалобы». Такого рода деятельность, по мнению Кочубея, даже граничила с преступлением: шутка ли «выражать неудовольствие на Его Величество»! Однако не стоит забывать, что за уничижительными характеристиками Министерства полиции со стороны министра внутренних дел, стоит в числе прочего элементарная бюрократическая «ревность».

Исчезновение первопричины, породившей все вышеперечисленные органы, привело к тому, что в последний период их деятельности все чаще и чаще предметом пристального внимания этих высших полицейских структур становились печально знаменитые «предерзостные» слова. Болтуны, конечно, никогда не исчезали из поля зрения русского политического розыска, но в послевоенный период стали практически единственным объектом внимания в этой области. Всерьез обсуждались известия самого маразматического характера.

Так, в 1822 году в Комитет охранения общей безопасности поступило дело «О Красноярском мещанине Иване Васильеве Старцеве», донесшему что проживающий в селениях Сухобузимской волости Красноярского уезда Томской губернии переселенец Афанасий Петрович Петров «имеет у себя на крыльцах между лопатками возложенный крест, которого из подданных никто иметь не может, и потому должен быть император Павел I». Любопытно, что Старцев совершил донос единственно с желанием осчастливить Александра I нежданной встречей с его приснопамятным родителем, которого все в России считали умершим... Старцев и Петров были привезены в Петербург. В ходе разбирательства стало ясно, что сам доносчик никогда не видел упомянутого им креста, да и предполагаемого императора (Петрова. — Ф. С.) вблизи увидел только на очной ставке в Петербурге. Сам же Петров о себе подобных слухов никогда не распространял. Оба отделались довольно легко: Старцева выпустили под надзор полиции, а Петрова по высочайшему повелению для прекращения слухов выслали на родину, «где он каждому лично известен». Такого рода болтуны почти полностью вытеснили из сферы внимания высшей полиции шпионов, фальшивомонетчиков и прочих весьма нешуточных врагов государства.

#### «К чему служит шпионство?»

Болтуны, чем дальше, тем больше занимали внимание властей предрержащих. Не опасаясь более деятельности вражеских агентов, Александр I, увлеченный борьбой с различными европейскими карбонариями, видел в политическом вольномыслии угрозу революционного пожара в России. Общим местом в литературе стало описание вольнодумства гвардейского офицерства в послевоенный период. Действительно, в среде блестящей гвардейской молодежи установилась своеобразная мода на политические беседы. Интересно, что именно как моду воспринимали это явление многие сановники весьма охранительных убеждений. Вот что

писал командир гвардейского корпуса И. В. Васильчиков генерал-адъютанту П. М. Волконскому по поводу нравов тогдашнего молодого поколения: «Что касается до сравнения, которое вы делаете, между нашим образом мыслей и взглядами теперешней молодежи, то причину такого явления надо искать в различии времени: из нас никто не читал газет, никто не говорил о политике, мы утро проводили на службе, а вечером веселились, теперь же Петербург превратился в монастырь, который... очень скучен для молодежи. Куда же убить ей целый день? Очень естественно, что она ищет себе занятия во всем том, что происходит вокруг нее. От этого являются политические размышления, идеи о конституции, которые не имеют никакого смысла...» Однако Александр I склонен был рассматривать такого рода «развлечения» гвардейских офицеров, как времяпрепровождение весьма опасное. Не склонны были недооценивать «болтовню» своих подчиненных и многие командиры гвардейского корпуса. В том числе сам И. В. Васильчиков и тогдашний начальник гвардейского штаба А. Х. Бенкендорф.

Катализирующим фактором в процессе усиления политического контроля за настроениями гвардейцев стали события, происшедшие в Семеновском полку осенью 1820 года. Неповиновение солдат лучшего полка гвардии, шефом которого являлся сам император, шокировало и гвардейское командование, и, конечно, Александра I. Находившийся в это время на конгрессе Священного Союза в Троппау и Лайбахе, царь не счел возможным прервать свое участие в заседаниях международного форума и вернуться в Россию, чтобы лично разобраться в «Семеновской истории». Однако, в письмах из-за границы он выразил свой взгляд на причины бунта, во многом предопределивший характер расследования и наказания. Общеизвестно, что Александр I обвинил в подготовке выступления солдат своего любимого полка некое тайное офицерское общество, которое, по его мнению, обязательно должно было существовать. Эта «версия» не подтвердилась в процессе следствия, но способствовала усилению контроля за поведением офицеров гвардии со стороны их командиров. Командование желало иметь в своих руках действенный инструмент политического розыска и контроля. Брожение умов в гвардии, на фоне прокатывавшейся по Европе двадцатых годов волне «военных революций», представлялось не просто потенциальной причиной возможных армейских волнений, но и зародышем европейской «революционной заразы» в России.

Командование гвардейского корпуса осознавало свое полное бессилие в вопросах политического контроля. В конце ноября 1820 года И. В. Васильчиков писал П. М. Волконскому: «Я далек от того, чтобы попускать офицерские толки, но прежде нужно собрать сведения самые верные о том, что говорится, дабы решиться действовать, а средств к этому у нас нет: мало ли что говорят, но как только подойдете к источнику, так никто не захочет сознаться... и розыски, делаемые в подобных случаях, компрометируют нас в глазах войска. Вот почему хорошо организованная секретная полиция при гвардейском корпусе... вещь необходимая. Не могу вам описать, до какой степени мне противна такая мера, но обстоятельства таковы, что нужно заставить молчать совесть и удвоить средства надзора». В исторической литературе сложилась тенденция иронизировать над последними словами Васильчикова. Однако вряд ли любой из нас согласился бы оказаться на его месте. Все его существо, как любого воспитанного по канонам того

времени дворянина, восставало против шпионства за своими сослуживцами. Но то же самое воспитание требовало от генерала, прежде всего, хорошо исполнять свой долг перед государем, а для этого было необходимо организовывать разветвленную агентурную сеть в подведомственном ему гвардейском корпусе...

Сходными взглядами на сложившуюся ситуацию отличался и А. Х. Бенкендорф. Так, одному из гвардейских полковых командиров, полковнику Пирху, начальник штаба корпуса говорил (со слов Васильчикова), «что необходимо всем начальникам полков знать более или менее те общества, в которых бывают их офицеры, и что если Пирх нуждается в его помощи, то он готов ему служить: пусть только пришлет список или словесно скажет имена офицеров, за которыми он считает нужным присмотреть». Это невинное предложение дало начало целому скандалу. Решив, что ему предлагают шпионить за офицерами своего полка, Пирх обиделся. Сам же Бенкендорф был еще далек от идеи создания системы всеобщего шпионажа и всего лишь предлагал полковнику проявить бдительность, чтобы не проглядеть случайно зародыш революционной организации. Следует отметить, что когда Бенкендорф и Пирх наконец объяснились, то конфликт был исчерпан. Это говорит о том, что с мыслью о неодолимости политического контроля за не в меру разговорчивыми гвардейскими офицерами руководство корпуса смирилось, хотя мысль о возможности тотального шпионажа за своими боевыми товарищами коробила даже наиболее благонамеренных генералов.

Так, 17 декабря 1820 года И. В. Васильчиков направил П. М. Волконскому, для передачи императору, составленный им план учреждения секретной военной полиции. Там он с пренебрежением писал: «Вы найдете сумму немного великой, но вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, необходимо им хорошо платить, тяжело быть вынужденным прибегать к такой мере, но при настоящих обстоятельствах необходимо заставить умолкнуть все предубеждения. Необходимо отметить, что едва ли не главным условием существования этой полиции Васильчиков считал полную тайну. Наверное, заслуженный генерал в равной мере опасался косых взглядов своих подчиненных и сомневался в доброкачественности той информации, которую будут собирать гласно действующие агенты. Поэтому командир гвардейского корпуса просил даже «самые деньги (на расходы по содержанию новой службы. — Ф. С.) вручить таким образом, чтобы не дать ни малейшего подозрения на счет существования этой полиции».

Здесь, несколько отвлекаясь от «магистральной» сюжетной линии, следует сказать два слова о престиже высшей полицейской службы в описываемый период. Необычайно интересен в этом отношении известный «Проект об устройстве высшей полиции» А. Х. Бенкендорфа. Сам он хоть и был поднесен уже новому императору Николаю I в 1826 году, но изложенные в нем мысли вне всякого сомнения были сформулированы автором гораздо ранее. Бенкендорф признавал то обстоятельство, что общественный престиж полицейской службы в первой четверти XIX века находится не на надлежащем уровне и подробно развивал мысль о способах повышения престижа полиции и полицейской службы. Примечательно, что к разным категориям сотрудников подход Бенкендорфа различался. Четко выделяется офицерский корпус (необходимо «заместить на эти места людей честных и способных, которые часто презрывают ролью тайных шпи-

онов, но, нося мундир как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность»). Обособлялись чиновники канцелярии уже не заслуживавшие полного доверия («правитель канцелярии... не должен знать всех... агентов»). Последняя категория — агенты-осведомители («чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды, но для тайных агентов не имеют такого значения, и они нередко служат шпионами за и против правительства»). Как видим, презрения к ним не скрывается. То есть офицер представлялся Бенкендорфу чем-то вроде мозга, сердца и чести полиции. Статский полицейский чиновник — фигура рангом ниже. Очевидно, вследствие вообще приоритета для дворянина военной службы. Что же касается агентов — это орудие, которым необходимо пользоваться. И именно в свете такого понимания сути вопроса необходимо воспринимать все приведенные цитаты из И. В. Васильчикова.

Планировалось, что содержание секретной «гвардейской» полиции обойдется в 40 тысяч рублей в год. Кроме того, Васильчиков сверх этой суммы было выдано еще пять тысяч, поскольку он приступил к организации полицейской службы, не дожидаясь высочайшего утверждения проекта, и издержал на это свои личные деньги. Установленный штат новоучрежденной службы совсем не кажется излишне раздутым. Предполагалось иметь девятых «смотрителей», которым вменялось в обязанность надзирать за нижними чинами гвардии во всех возможных местах. Еще трое согладатаев должны были осуществлять такой же надзор за офицерами. Вся эта структура венчалась одним управляющим, который подчинялся непосредственно И. В. Васильчикову. На роль этого управляющего был приглашен библиотекарь гвардейского корпуса Грибовский, позднее проявивший себя на избранном поприще доносами на будущих декабристов. 4 января 1821 года Александр I утвердил проект Васильчикова и предложенную им кандидатуру управляющего секретной военной полицией.

Организация специальной секретной военной полиции была «в штыхы» встречена гражданскими коллегами новой службы. Как уже отмечалось выше, при расформировании министерства полиции его Особенная канцелярия была сохранена и включена в состав министерства внутренних дел. Канцелярия осуществляла политический контроль самостоятельно, ее агентура систематически снабжала полученными данными В. П. Кочубея. Многие из этих агентурных отчетов сохранились в личном архиве Кочубея в Диканьке, его родовом имении: так же, как и многие государственные деятели его времени, В. П. Кочубей имел обыкновение хранить служебные бумаги дома. Документы этого архива после революции были введены в научный оборот и развертывают перед нами занимательную картину деятельности гражданской высшей полиции в период всеобщей подозрительности 20-х годов. Сразу же бросается в глаза, что министр внутренних дел уделял большое внимание политическому контролю в столице: с данными агентурной разработки Кочубей знакомился лично. Поражает широта охвата агентурной сетью Петербурга. Агенты доносили министру о настроении в клубах и трактирах, среди гвардейских солдат и офицеров, на бирже и в барской прихожей. По стилю доносов ясно, что среди информаторов были как достаточно образованные люди, так и представители простонародья.

Эта огромная агентура с тревогой поглядывала на своих конкурентов из штаба Гвардейского корпуса. Хотя И. В. Васильчиков и полагал главным

условием успешной деятельности своей тайной полиции совершенную тайну, но от бдительного ока своих гражданских коллег подопечные Васильчиковы укрыться не смогли. Заметив деятельность конкурентов, многие из агентов МВД стали бить тревогу, забрасывая своего шефа различными «сигналами», пытаясь отметить недобросовестность в работе секретной военной полиции. Так, 3 ноября 1821 года агент Лешковский доносил Кочубею: «В кругу военной полиции, которая теперь слишком много тревожит, беспокоится о каком-то заговоре... Военная полиция вдруг хочет устроиться и тем беспокоит дух солдат, которые начинают жаловаться, что за ними похода наблюдают». Едва ли это замечание было несправедливо. Однако, его можно было отнестись и к деятельности агентов Особенной канцелярии МВД: ведь они продолжали информировать своего министра о толках по поводу «Семеновской истории» спустя год после окончания бунта! Конечно, эти сообщения были более чем натянутыми.

Но в главном Лешковский был прав: не только у гвардейских солдат, но и у прочих столичных жителей складывалось мнение, что *«за ними похода наблюдают»*. В эти дни будущий декабрист Н. И. Тургенев, заметив, что стал объектом пристального внимания полиции, записывает в своем дневнике замечательную по абсурдности фразу: «В клубе говорить не с кем громко. К тому же все говорили не менее меня». То есть, с одной стороны — говорить не с кем, всех опасаются, но с другой — все равно вольнодумствуют, правда, не в полный голос... Чуть позже другая запись: «Вообще слышно, что различные места занимаются разведыванием, что говорят, как говорят и проч... Этим ли можно исправить дело, и какая прибыль знать, что и как говорят, и кто вообще говорить может? Вместо того, чтобы делать дело, они занимают-ся знанием сплетней, разговоров, суждений и проч.»

Действительно, всевозможные тайные агенты обращали большое внимание на болтовню, мало заботясь о том, чтобы узнать, стоят ли за этими антиправительственными *словами* какие-нибудь *дела*. Позднее А. И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Шпионство было у нас очень велико. Например, в Петербурге была тройная полиция: одна в министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора, а третья у графа Аракчеева... К чему служит шпионство? В армиях было оно также очень велико; говорят, что примечали и за нами, генералами, что знали, чем мы занимаемся, играем ли в карты и тому подобный вздор».

Михайловский-Данилевский очень верно уловил одну из сторон проблемы. Другую отразил в своем донесении В. П. Кочубею агент Лешковский. Каждая из занимавшихся политическим сыском структур желала показать себя перед начальством с лучшей стороны. А начальство, убежденное в наличии в России заговорщических тайных обществ, требовало от агентов соответствующих сведений. Едва ли были бы удовлетворены и Кочубей, и Васильчиков донесениями, где отмечалось бы, что в данном месте все спокойно: крамольные мысли не высказываются, и оснований для беспокойства нет. Секретные агенты умели угождать начальству. Рассуждая по принципу: «Раз сюда послали, значит, здесь что-то неблагополучно», полицейские шпионы всеми силами пытались найти хоть что-нибудь существенное для составляемого ими доноса. В основном — это была разная болтовня. Так что, с одной стороны, в обществе складывалось ощущение тотального «шпионства», а с другой деятельность тайных агентур была весьма мало эффективна. Часто в силу своей малой образованности агент вообще не мог адекватно оценить важность собранной им информации.

Правда, были среди агентов и другие — образованные люди. Таков был уже упоминавшийся библиотекарь гвардейского корпуса Грибовский. Не менее знаменит В. Н. Каразин, выполнявший в течение долгого времени функции личного агента министра внутренних дел Кочубея и снабжавший конфиденциальной информацией самого Александра I. Круг шпионских интересов Каразина был очень широк. Так, в доносе от 27 марта 1820 года он обращал внимание В. П. Кочубея на излишний либерализм цензуры, пропустившей сочинение Германа «Статистическое обозрение». В этом обозрении, в частности говорилось, что «в России народонаселение *не может уже увеличиваться* (выделено Каразинным. — Ф. С.), а сие по той причине, что земледелие дошло до высшей степени. Со времен же Петра Великого-де, население от того возрастало, что к нам в Россию начали входить иностранные капиталы». Но Каразин был не только чрезвычайно бдительным информатором министра внутренних дел. Пользуясь положением личного осведомителя В. П. Кочубея, он не стеснялся сводить личные счета, донося на личных недругов или тех, кто был ему попросту мало симпатичен. Правда, Каразин не опускался до безосновательных доносов. Так, например, его жертвой стал Н. И. Тургенев, обвиненный им перед министром в «либерализме».

Однако вся эта сложная и разветвленная агентура так и не смогла по сути дела решить главной задачи: открыть существование тайных декабристских обществ. Александр I был убежден в их существовании. В 1824 году император записал для себя: «*Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или по крайней мере разливается между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том миссионеров для распространения своей партии... из генералов, полковников, полковых командиров, сверх сего большая сеть разных штаб- и обер-офицеров*». Двумя годами ранее — 1 августа 1822 года Александр I рескриптом, данным В. П. Кочубею, запретил в России все тайные общества и масонские ложи, причем со всех гражданских и военных чинов отбиралась подписка, о том, что они не принадлежат к таковым организациям. И несмотря на эту фанатичную убежденность императора в том, что даже «Семеновская история» была делом рук тайных карбонариев, целая армия доносчиков не смогла обнаружить следов тайных организаций декабристов вплоть до 1825 года! Лишь благодаря случайным удачам, приобретению таких идейных приверженцев шпионажа как И. В. Шервуд, А. И. Майборода, А. К. Бошняк и других, Александру I удалось незадолго до своей смерти получить сведения о планах заговорщиков.

И дело тут не только в неумении агентов тайной полиции добывать информацию. Когда «управляемая с почтовой коляски» империя была вверена Александром I своим многочисленным сановникам, то они, с недоверием относясь друг к другу, самостоятельно и сепаратно организовывали каждый свою высшую полицию. Михайловский-Данилевский писал о «тройной» полиции в Петербурге. Возможно, что сановники, содержавшие своих личных тайных агентов и пытавшихся с их помощью отслеживать настроения в обществе, было еще больше. Деятельность создаваемых ими квази-спецслужб протекала в обстановке острой конкурентной борьбы. Часто силы тратились не на то, чтобы обнаружить действительных тайных врагов государства, а чтобы шпионить друг за другом. И Александру I следовало благословлять судьбу за то, что среди его



подданных все же нашлись те, агенты и провокаторы, которые сумели «взять след» декабристских тайных обществ. Однако, как бы распорядился, говоря словами А. С. Пушкина, «*властитель слабый и лукавый*» добытой информацией мы уже не узнаем: 19 ноября 1825 года в Таганроге жизнь Александра I оборвалась на сорок восьмом году.

Восстание на Сенатской площади стало для его брата и наследника Николая I своего рода вакциной от нравственных метаний, которые сопровождали Александра I в вопросах об организации высшей полиции с начала и до конца его царствования. В начале 1826 года А. Х. Бенкендорф, проявлявший, как мы видели, и раньше склонность к занятию политическим розыском, подал новому императору проект «Об устройстве высшей полиции». Там он подводил безрадостный итог четвертьвековым экспериментам старшего из братьев «Павловичей» в этой области: «*События 14-го декабря и страшный заговор, подготовлявший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожество нашей полиции и необходимость организовать новую полицейскую власть*».

Завершая рассказ об истории российской «высшей полиции» первой четверти XIX в., переворачивая последнюю страницу тайной и явной истории александровских спецслужб, необходимо подвести некоторые итоги.

Как уже неоднократно было показано, Александр I в течение почти всего периода своего царствования проявлял исключительное внимание к вопросам организации и деятельности служб «высшей полиции» в Российской империи. Именно он сам был вдохновителем всех правительственных мероприятий в этом вопросе, руководствуясь воспринятыми им к тому времени мировоззренческими ценностями. Однако взгляды императора на желательное устройство государства не оставались неизменными в течение всей его жизни. Они изменялись как под влиянием различных субъективных причин, так и объективных внешне- и внутривнутриполитических обстоятельств. Вследствие этого, в развитии российской «высшей полиции» в первой четверти XIX века целесообразно выделить следующие периоды.

Первый — продолжавшийся с 1801 по 1805 год. В это время Александр и его советники руководствовались в значительной мере своими идеальными представлениями о справедливом устройстве государства и законности. В этот период была упразднена Тайная экспедиция, а некоторые местные органы высшей полиции, например — петербургская Тайная полицейская экспедиция, были переподчинены и в значительной степени поставлены под личный контроль императора.

Второй период — с 1805 по 1812 год. Лейтмотивом этого периода было изменение политики власти в области организации высшей полиции, происшедшее под влиянием конкретных политических обстоятельств — участия России в Наполеоновских войнах и связанных с этим опасений по поводу стабильности внутривнутриполитической ситуации. Однако, этот поворот произошел не сразу. В 1805 году Александр I и Н. Н. Новосильцев опробуют новую, межведомственную, организацию высшей полиции в Петербурге, в 1807 году пытаются повторить этот эксперимент во всероссийском масштабе, и лишь в 1810—1811 годах создается общеимперский орган высшей полиции, действовавший на принципе министерского единоначалия — Особенная канцелярия министра полиции.

Последний, третий, период охватывает 1812—1825 годы. Этот период, характеризовавшийся в истории России вообще переориентацией Александра I с внутренней политики на внешнюю, привел к ослаблению

влияния или полному прекращению деятельности органов высшей полиции, созданных в довоенный период, как выполнивших свою задачу. Вместо них или параллельно с ними каждым из влиятельных сановников империи создавались свои, иногда — «карликовые», службы «высшей» полиции. Именно в этот период наглядно обнаружилось, говоря словами А. Х. Бенкендорфа, «ничтожество нашей полиции и необходимость по-новому организовать полицейскую власть». Неэффективность работы александровской высшей полиции со всей убедительностью показала история восстания декабристов.

Необходимо отметить, что на протяжении всех трех периодов обнаруживаются общие черты в деятельности всех создававшихся органов. Это секретность, дублирование и отсутствие местного аппарата. Многие создававшиеся при Александре I органы борьбы с государственными преступлениями имели секретный характер. Правда, это были в основном, такие структуры как «Сообщество лон-лакеев» или столичная Тайная полицейская экспедиция, то есть службы, для которых секретность была необходимым условием успешной деятельности. Думается, возможно говорить, что к исходу первой четверти XIX века в сознании правящих кругов уже произошел перелом, позволявший открыто создавать высшие полицейские структуры, не боясь шокировать этим общество.

Тем не менее деятельность большинства из них дублировалась. Так, например, перед началом Отечественной войны параллельно действовали Особенная канцелярия министра полиции, Комитет 13 января 1807 года и тайные полицейские экспедиции при военных губернаторах обеих столиц. Дублирование усиливалось и тем, что, опасаясь за свою власть, император руководил деятельностью Особенной канцелярии министра полиции как через самого министра, так и через правителя канцелярии непосредственно.

Наконец, ослабляло александровскую высшую полицию отсутствие специальных исполнителей на местах. Все решения высших и центральных органов, в задачу которых входила борьба с преступлениями против государя и государства, реализовывались губернаторами и подчиненными им в общем порядке структурами.

Таким образом, в ходе почти четвертьвековых экспериментов в области организации высшей полиции Александр I и его советники от полного отрицания необходимости особой службы для борьбы с преступлениями против государя и государства под влиянием наполеоновской угрозы пришли к пониманию ее необходимости. Однако необходимой формы организации такой службы найдено не было. Начавшаяся же у императора в послевоенные годы апатия по отношению к внутривнутриполитическим делам привела к краху единой государственной политики в такой важнейшей области, как организация борьбы с преступлениями против государя и государства.

Основным направлением деятельности высшей полиции в указанный период следует считать политический контроль за настроением населения в тесной связи с опасениями правительства в отношении возможных подрывных действий внешних врагов. Это привело к тому, что проживавшие в России иностранцы всегда находились под бдительным надзором высшей полиции. Однако, объектом пристального наблюдения становились не только иностранные, но и русские подданные, причем функции контроля понимались весьма примитивно.

Другим важным направлением деятельности высшей полиции стала борьба с «болтунами». Под этой категорией преступников понимались не только лица, произнесшие «предерзостные слова» в адрес императора, но и распространители разнообразных политических слухов. Думается, что высокое внимание к такого рода деяниям явилось, от части, наследием практики предшествовавших органов тайного розыска, от части же — предопределялось требованиями действовавших в то время законов, изданных еще в XVIII веке.

В целом, необходимо сказать, что первая четверть XIX века представляется своего рода переходным этапом в развитии российской высшей полиции. Именно в этот период произошло отрицание предшествующего опыта организации тайного сыска в России, как с одной стороны неэффективного, борющегося, в основном, не с реальными, а с мнимыми преступлениями, а с другой — действовавшего совершенно «беззаконно». Однако конкретно-исторические обстоятельства — антинаполеоновские войны, Отечественная война 1812 года, эпоха революций 20-х годов в Западной Европе — привели российские правящие круги к осознанию необходимости защиты государственных интересов при помощи создания специальных служб. Отсутствие опыта такой организации привело к копированию иностранных образцов (например — французских) причем — не всегда удачному. Однако, не вызывает сомнения, что анализируя допущенные в описываемый период ошибки, российское правительство пришло к такой форме организации «высшей полиции», как III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии, которое осуществляло поставленные перед ним задачи по борьбе с преступлениям против государя и государства в течение около полувека.

*Владлен Измозик*

### ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК ВЕДЕТ ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ (1826—1880 ГОДЫ)

В 1841 году в очередной раз высылаемый из Петербурга М. Ю. Лермонтов написал:

«Прощай, немытая Россия,  
Страна рабов, страна господ,  
И вы, мундиры голубые,  
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа  
Сокроюсь от твоих пашей,  
От их всевидящего глаза,  
От их всеслышащих ушей».

В этих строчках поэта, которому не хватало лишь одного — свободы, символика политического розыска самодержавной России XIX века. 1826 год стал важным рубежом в его развитии. 14 декабря 1825 года на трон вступил третий из сыновей Павла I, 29-летний Николай I. Первый день

его царствования прошел под аккомпанемент ружейных и орудийных залпов на Сенатской площади. Восстание, организованное офицерами-дворянами под предлогом защиты прав на престол Константина Павловича, принципиально отличалось от дворцовых переворотов XVIII века. Недовольная часть образованного общества впервые в России взяла в свои руки оружие не ради защиты или расширения своих привилегий, а для коренного изменения политического строя. На ее стороне был исторический опыт Западной Европы, размышления многих крупнейших мыслителей и сочувствие значительной части образованного российского юношества. Дворцовые перевороты проходили под покровом ночи. В этом можно углядеть символ того, что совершавшие их люди подсознательно ощущали отсутствие благородства в своих действиях. Декабристы, будучи убеждены в своей исторической правоте, выступили при свете дня. Это был уже голос не одиночек-авантюристов, не отдельных сумасбродных мечтателей, а той части общества, которая требовала скорейшей модернизации страны, отражая назревшие объективные потребности.

Самодержавная власть, желавшая сохранить все бразды правления в своих руках, была не просто напугана этим днем и размахом, открывшейся перед ней в ходе следствия, деятельности тайных обществ. Она сознавала необходимость реорганизации политического розыска, задачей которого теперь становилось не только недопущение и раскрытие «злумышленных» намерений и дел, но и выяснение настроений подданных. Таким образом, речь шла о переходе от политического розыска к системе политического контроля.

Днем ее оформления можно считать 3 июля 1826 года. В этот день Николай I подписал указ «О присоединении Особенной канцелярии Министерства внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии».

Выше уже говорилось, что его основой стал проект А. Х. Бенкендорфа нового образования, получившего название III Отделения. Он же стал и первым его начальником. Оно создавалось, конечно, не на пустом месте. В него вошли Особенная канцелярия министерства внутренних дел во главе с многолетним руководителем ее М. Я. фон Фоком и жандармерия. Слово «жандармы» с этого момента станет синонимом тайной политической полиции.

Впервые жандармы (от французского слова *gendarmes* — люди) появились во Франции в 1791 году. Через год в Гатчине у наследника престола Павла Петровича появилась воинская команда, именовавшаяся то кирасирским, то жандармским полком. После воцарения Павла I в 1796 году ее включили в лейб-гвардии Конный полк. Слово «жандармы» в России вновь появилось во время последней войны с Наполеоном. 10 июня 1815 года главнокомандующий Барклай де Толли предписал избрать в каждом кавалерийском полку по одному благонадежному офицеру и по пять рядовых, на коих возложить наблюдение за порядком на марше, bivуаках и кантонир-квартирах, отвод раненых во время сражения на перевязочные пункты, поимку мародеров и т. п. Чины эти были наименованы жандармами и подчинены корпусным командирам.

Уже 27 августа того же года была проведена первая реорганизация жандармской службы. Отдельные жандармские команды были ликвидированы, а полицейская служба при войсках возложена на Борисоглебский драгунский полк, переименованный в жандармский. Отдельные его отряды прикомандировывались к армейским корпусам и штабам. Для

пополнения жандармского полка было приказано отбирать «*нижних чинов, расторопных, отличного поведения и вообще способных исполнять военно-полицейскую службу, требующую особых качеств*». Таким образом, жандармы были, по сути, военной полицией.

Параллельно, с 1810 года, в стране имелся корпус внутренней стражи, созданный для обучения рекрутов и содействия гражданским властям «при поимке воров и разбойников, в случае неповиновения властям, при взыскании податей и недоимок». В 1817 году в составе этого корпуса были образованы жандармские части (дивизионы), размещенные по губернским городам, в крупных портах и вблизи важных пограничных пунктов. Управление ими было децентрализовано и не имело единого статуса: одни подчинялись местным обер-полицмейстерам, другие — начальникам гарнизонов. К 1826 году насчитывалось в общей сложности около 60 жандармских подразделений.

Эту структуру и предложил в своем проекте о создании «высшей полиции» использовать граф А. Ф. Бенкендорф. По его мнению, это давало возможность получать «*сведения от всех жандармов, рассеянных во всех городах России и во всех частях войск*». Идея получила одобрение императора. 25 июля 1826 года А. Х. Бенкендорф получил сразу три должности: начальник III Отделения, шеф жандармов и командующий императорской главной квартирой. С этих пор до 1880 года должности начальника III Отделения и шефа жандармов занимал один и тот же человек, что обеспечивало возможность тесной координации деятельности этих учреждений.

Следует, правда, заметить, что на деле организационная четкость и ясность в построении нового учреждения появилась далеко не сразу. Может, дело было в сложных внутренних законах бюрократической системы: ведь соединение гражданского учреждения (III Отделение) с военной организацией (жандармы) нарушало многолетние традиции управления и разделения сфер влияния сановников империи. Возможно, дело было в чьих-то личных амбициях. Во всяком случае, в первое время жандармы оставались в прежнем подчинении, а Бенкендорф ведал ими лишь «в инспекторском отношении».

28 апреля 1827 года появился указ Николая I о создании корпуса жандармов (с 1836 года — Отдельный корпус жандармов). Из состава внутренней стражи жандармские подразделения были выведены лишь в 1836 году. Через 13 лет после создания III Отделения, в 1839 году, были объединены должности управляющего III Отделением и начальника штаба корпуса жандармов. Для бюрократической системы это был, конечно, смелый шаг. Теперь, занимавший эту должность состоял одновременно на военной и гражданской службе. Наконец, в 1842 году в полное подчинение начальнику III Отделения был передан Борисоглебский полк. Таким образом, превращение жандармов в тайную политическую полицию потребовало 16 лет.

Управление корпусом жандармов осуществлялось из Петербурга. С 1835 года здесь (с конца XIX века на ул. Фурштатской, 40) размещался штаб корпуса. Территория империи была поделена на жандармские округа. В каждый округ входило от пяти до восьми губерний. Округов сначала было пять, затем их стало восемь: Виленский, Кавказский, Казанский, Московский, Петербургский, Полтавский, Тобольский, Царства Польского. Охватывались прежде всего национальные районы. Во главе каждого ок-

руга стоял жандармский генерал. При нем имелась канцелярия, именовавшаяся окружным дежурством. Впоследствии появились управления округов. Округ делился на несколько отделений, которые возглавляли жандармские штаб-офицеры, то есть офицеры в чине от полковника и выше. С течением времени штаб-офицеров стали назначать в каждую губернию. Появились управления и в окружных отделениях. Когда во второй половине XIX века в России развернулось строительство железных дорог, в 1867 году на главных магистралях были созданы специальные жандармские управления.

Численность корпуса жандармов для огромной империи была невелика. На первом году своего существования в 1827 году он насчитывал 4278 человек. В 1880 году в нем служили 6808 человек, то есть за 55 лет он вырос на 60%! Число офицеров было сравнительно небольшим. В 1827 году в корпусе имелось три генерала, 41 штаб-офицер, 160 обер-офицеров, 3617 нижних чинов, 457 нестроевых.

С самого начала власть стремилась к созданию в лице жандармов особо отборного соединения. В корпус направлялись наиболее развитые и годные к службе солдаты. 25 марта 1835 года Николай I подписал специальный указ «О нижних чинах, выбираемых в жандармы». Здесь, в частности, указывалось, что эти люди должны быть «*здорового телосложения, роста не менее 2 аршин 4 вершков (около 160 см. — В. И.) и благовидной наружности, неукоризненной нравственности, сметливы и расторопны*».

Еще более строгий отбор проходили кандидаты на офицерские должности. Ими могли быть офицеры с 25 лет, трезвого поведения, не имеющие долгов, принадлежавшие к дворянскому сословию. Важнейшим условием, конечно, была политическая благонадежность. Не допускались в офицеры корпуса жандармов лица, женатые на католичках, и крещеные евреи. Дополнительную проверку проходили поляки. Благоприятные перспективы имели те, кто имел сильную протекцию или отличные рекомендации. Обязательной была подписка о непринадлежности к тайным обществам.

Впоследствии для офицеров, поступающих в корпус жандармов, были организованы специальные курсы. Кандидаты сдавали предварительно экзамены по праву, истории и географии России, всеобщей истории, истории русской литературы. Экзамены были устные и письменные.

На протяжении ряда десятилетий недостатка в желающих поступить в жандармы никогда не было. В 1871 году прошения о переводе в корпус жандармов подали 142 армейских офицера. Из них было отобрано 21 человек, а к занятиям допустили всего шестерых. Высокий престиж жандармской службы объяснялся несколькими причинами. Во-первых, молва называла их доверенными людьми императора. В провинции они занимали независимое положение, не подчиняясь местным властям. Во-вторых, немалую роль играло их материальное положение. Армейские офицеры в России в XIX веке получали достаточно скудное жалованье. В начале XX века младший офицер имел около 50 руб. в месяц, а начинающий жандармский офицер почти в три раза больше! Вместе с тем в обществе, в том числе среди части офицеров было достаточно широко распространено презрительное отношение к жандармам как людям, занимающимся делом недостойным порядочных людей.

Третье отделение всю свою историю оставалось гражданским учреждением. Первоначально оно располагалось в доме на углу набережной

реки Мойки и Гороховой улицы. Девятого мая 1838 года казна приобрела у княгини Марии Васильевны Кочубей за 500 тысяч рублей ассигнациями ее дом на набережной реки Фонтанки. Здесь когда-то находился дом российского дипломата, правителя Коллегии иностранных дел, канцлера российской империи, графа Ивана Андреевича Остермана. В 1806—1816 годы графские покои перешли Военно-сиротскому дому, и там разместилось отделение для девочек. В 1816—1819 годы строением владел князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский. С 1819 года до своей смерти в 1834 году здесь жил известный государственный деятель, князь Виктор Павлович Кочубей, министр внутренних дел, председатель Государственного совета и Комитета министров с 1827 года.

С мая 1838 года дом № 16 на Фонтанке стал главным центром политического розыска в Российской империи. Поскольку штат чиновников и объем бумаг постепенно нарастал, со временем началось здесь же возведение новых построек. В 1851 году по проекту известного архитектора Садовникова стали возводить трехэтажное здание архива III Отделения. Через семь лет для типографии и размещения нижних чинов были отпущены средства на сооружение пятиэтажного, так называемого «писарского флигеля». Сегодня по этому адресу (набережная реки Фонтанки, дом № 16) находится городской суд Санкт-Петербурга.

Любопытно, что материальное положение гражданских чиновников нового учреждения политического розыска — III отделения — уступало их военным коллегам. Первоначально штат III Отделения насчитывал всего 16 человек! Они делились на четыре экспедиции. Каждая из них имела свой определенный круг вопросов. Первая экспедиция занималась «предметами высшей полиции и сведениями о лицах, состоящих под полицейским надзором». Вторая экспедиция ведала раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, должностными преступлениями и делами об убийствах, а также прошениями и жалобами. Сюда же относились места заточения политических преступников: Секретный дом Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, Шлиссельбургская крепость, Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь. Третья экспедиция следила за проживавшими в России иностранцами. Четвертой экспедиции был поручен крестьянский вопрос, сбор сведений о «всех вообще происшествиях» на территории империи, вопросы личного состава, пожалований. В 1828 году III Отделение стало заниматься театральной цензурой. Для управления ею в 1842 году была создана пятая экспедиция.

В каждой экспедиции имелось всего три человека: экспедитор и два его помощника: старший и младший. В штат также входили экзекутор (в дословном переводе с латыни — *исполнитель*, в дореволюционной России чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения и наблюдавший за порядком в канцелярии), казначей и его помощник, который одновременно выполнял обязанности журналиста, то есть готовил проекты общих отчетов учреждения, докладных записок и т. п. Сверх штата состояли управляющий и четыре чиновника особых поручений. В 1828 году добавили двух человек: цензора и его помощника. Экспедиторы и часть чиновников особых поручений являлись статскими советниками, то есть имели V класс по «Табелю о рангах». Их жалованье составляло 2000 рублей в год. Самый низший здесь классный чин, X-й, коллежского секретаря, — имел чиновник, трудившийся помощником экзекутора и

журналистом. Жалованье его было минимальным — 515 рублей в год, то есть немногим более 40 рублей в месяц.

В последующие годы штаты постепенно росли, а руководители новой бюрократической структуры, естественно, добивались повышения окладов своим подчиненным. В апреле 1829 года граф А. Х. Бенкендорф направил Николаю I докладную записку. В ней говорилось, что «с момента учреждения III отделения оно не получило штата, приличного своему званию и соразмерного с трудами... чиновников. Ходатайство о таком штате было отложено в намерении: во-первых, удостовериться, действительно ли предполагаемая многосложность дел будет соответствовать назначенному числу чиновников, и, во-вторых, узнать по опыту меру их деятельности и способностей». В результате количество младших чиновников выросло на два человека и незначительно увеличилось жалованье. В конце 1835 года на 50 % выросло содержание старших чиновников, получавших 2000 рублей в год.

В июне 1850 года тогдашний главноуправляющий III Отделением и шеф Корпуса жандармов граф А. Ф. Орлов просил императора дополнить штат шестью чиновниками для письма, ссылаясь на постоянный рост числа дел и бумаг. Например, если по первой экспедиции в 1826 году было заведено 120 дел, то в 1849 году их было уже 567. Николай I разрешил подыскать нужных чиновников «из молодых людей еще неиспорченной нравственности». Здесь возникло некоторое затруднение. Подходившие А. Ф. Орлову кандидаты только закончили высшие учебные заведения и не имели трехлетнего стажа работы, необходимого для поступления на службу в III Отделение. Граф объяснил Николаю I, что чиновников он хочет найти «из числа молодых людей, которые не были в других службах, не извели там канцелярских злоупотреблений и еще сохранили всю чистоту нравственности». В результате последовало милостивое согласие на зачисление шести новых чиновников сверх штата со всеми правами по службе и содержанием наравне со штатными младшими чиновниками.

Новый штат III Отделения был утвержден в августе 1862 года. В основной состав были включены все сверхштатные дополнения, начальство получало право по своему усмотрению замещать вакансии младших чиновников чиновниками для письма. Добавочное содержание предлагалось выплачивать не из сумм на секретные расходы, а из денег, получаемых от печатания в типографии штаба Отдельного корпуса жандармов бланков заграничных паспортов. Всего на этот момент штатное расписание включало 36 человек.

В 1865 году Драматическая цензура перешла из III Отделения в Главное управление по делам печати, но должности по бывшей пятой экспедиции остались. К числу временных экспериментов можно отнести разделение третьей экспедиции в 1866 году на два отдела. Но в 1869 году они вновь объединились. В 1871 году были разъединены обязанности управляющего III Отделением и начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, соединенные в 1839 году. В штат III Отделения была внесена должность управляющего с отнесением ее к IV классу (действительного статского советника) и жалованьем 7000 рублей в год. В 1873 году была упразднена четвертая экспедиция, а штатное расписание выросло до 58 человек. Такой значительный рост был связан с резким увеличением числа чиновников для письма. Это говорило прежде всего о нарастающем потоке бумаг. Штатное расписание оставалось неизменным до ликвидации III Отделения в 1880 году. Со сверхштатными чиновниками общее число на тот момент составляло 72 человека.

Главной задачей III Отделения, как и корпуса жандармов, была борьба с любого рода инакомыслием, злоупотреблениями, имевшими политическую составляющую. Последнее понималось весьма широко. После поражения декабристов власть сознавала необходимость в противовес их программе ограничения или ликвидации самодержавной монархии и отмены крепостного права сформулировать свое понимание национальной идеи. Таким идеологическим ответом стала выдвинутая в 1833 году министром народного просвещения графом С. С. Уваровым теория «официальной народности». Здесь подчеркивалось, что в силу огромных географических просторов, разноплеменного состава российское государство может быть по политическому строю только абсолютной монархией. Монарх, согласно этой теории, — тот обруч, который скрепляет воедино эту разноликую массу. Духовной основой жизни объявлялось православие, способное защитить Россию от «гнилого Запада», заражающего все вокруг нравственными болезнями. Наконец, принцип народности провозглашал «единение Государя и народа». Но в силу неизбежных обстоятельств между монархом и народом находится бюрократия. В идеале чиновники обязаны в неискаженном виде доносить до самого низа указы и распоряжения императора, пекущегося о благосостоянии своего народа, и доводить до него подлинные нужды и чаяния преданного ему населения. Но поскольку чиновники подвержены казнокрадству, взяточничеству, лихоимству и прочим нравственным «недугам», задача не в изменении идеальной для России формы правления, а в наказании нерадивых, награждении добродетельных и защите подданных от произвола местных властей. Ведь не случайно Николай I аплодировал на премьере «Ревизора» в 1836 году!

Поэтому весьма правдоподобно выглядит рассказ о том, как Бенкендорф после своего назначения попросил Государя объяснить главные задачи созданного ведомства. На это, якобы, Николай I протянул ему белоснежный платок со словами: «Вот тебе инструкция. Чем больше утрешь слез этим платком, тем лучше». Сохранились утверждения, что эта реликвия хранилась под стеклянным колпаком в архиве III Отделения. В свою очередь, граф напутствуя вновь принятых на службу жандармских офицеров, повторял слова о платке, которым они должны утирать слезы вдовам и сиротам. Эта мысль получила официальное подтверждение в инструкции, напоминавшей о высоком предназначении жандармов. *«В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту Государя императора».* Конечно, не случайно для жандармских мундиров был избран голубой цвет — цвет милосердия и любви к ближнему.

Кто же были те люди, которым предлагалось не только покончить с «крамолой», но и усовершенствовать всю систему государственного управления? Первым руководителем ведомства до сентября 1844 года был граф Александр Христофорович Бенкендорф, боевой генерал. Первые пять лет его ближайшим помощником был Максим Яковлевич фон Фок. Известный пушкинист Б. Л. Модзалевский писал о нем: «Душою, главным деятелем и важнейшею пружиной всего сложного полицейского аппарата был неутомимый фон Фок, сосредоточивший в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Его деятельность была поразительно обширна, он отдавался ей, по-видимому, с любовью, даже со страстью, в буквальном смысле слова не покладая рук. ... Человек ум-

ный, хорошо образованный и воспитанный (бывший военный), он обладал знанием русского, французского, немецкого (ему родного) и польского языков и владел ими совершенно свободно. Своим большим образованием и кипучею деятельностью он как бы дополнял Бенкендорфа..., их отношения были самые дружественные, хотя Фок в своих письменных отношениях с «шефом» никогда не терял тона почтительного уважения». Он умер летом 1831 года в возрасте 54 лет.

Другой крупнейшей фигурой III Отделения стал Леонтий Васильевич Дубельт (1792—1862). Его дед, лифляндский дворянин, поступил на русскую службу в середине XVIII века. Отец был участником войн с Турцией и Швецией. Семейное предание утверждало, что будущую жену, принцессу испанского королевского дома, он похитил. Документы же утверждают, что она была лифляндской дворянкой, опрокидывая эту романтическую версию. Леонтий начал военную службу, как и многие дворяне, в 15 лет. Участник войн с Францией, он был близок к прославленным генералам Д. С. Дохтурову и Н. Н. Раевскому. В 20-е годы командовал пехотным полком. Интересовался литературой, много читал и представлял в цензуру свои переводы с французского стихов и прозы В. Скотта. Прошел через увлечение масонством, будучи наместным мастером ложи «Соединенных славян» в Киеве. Его близкими знакомыми были будущие декабристы М. Ф. Орлов, С. Г. Волконский и другие, но членом тайных обществ он не стал.

В 1828 году полковник Дубельт вышел в отставку из-за столкновения с непосредственным начальством. Нужно было искать новое место. По рекомендации одного из руководителей III Отделения, А. Н. Мордвинова его приняли в Корпус жандармов. Жена его, племянница адмирала Н. С. Мордвинова, одного из самых нравственно чистых государственных деятелей начала XIX века, боялась, что муж замарает свое имя и честь жандармской службой. В ответ он писал ей: «Ежели я, вступая в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе мое имя, конечно, будет запятнано. Но ежели напротив, я, не мешаясь в дела, относящиеся до внутренней полиции, буду опорой бедных, защитой несчастных, ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжбным делам прямое и справедливое направление, — тогда чем назовешь ты меня?» Трудно сказать, насколько искренен перед собой был здесь Леонтий Васильевич, но именно делами «внутренней полиции» он занимался затем многие годы.

В 1835 году Дубельт был уже начальником штаба Корпуса. В 1839—1856 годы он соединял этот пост с управлением III Отделением. Кстати, заняв новую должность в 1839 году, он продолжал получать жалованье только по штабу Корпуса. Чиновники III Отделения подали Бенкендорфу записку с ходатайством об оплате Дубельту должности управляющего. Шеф жандармов собирался обратиться к императору, но помешал Дубельт. На записке чиновников он оставил следующую резолюцию: *«Хранить сию записку в нашей канцелярии. Пусть преимики наши читают! Не постыжусь сказать, что, читая эту записку, я прослезился! Моя преданность, уважение и благодарность к моим сослуживцам за их усердие и честную службу еще бы увеличились, если бы это было можно, так тронул меня их благородный порыв и их ко мне внимание. Но согласиться на их желание не могу, как потому, что, имея хорошее состояние, благодаря доброй жене, мне отродно служить государю, не обременяя казны, так и по той причине, что*



при вступлении в управление III Отделением, Его Величество не соизволил на назначение мне по этой должности жалования, — а воля нашего царя всегда была и будет мне священна!». Как начальник штаба Корпуса жандармов Дубельт в это время получал 3900 рублей в год.

Письмо жене и резолюция на прошении чиновников рисуют Леонтия Дубельта человеком сентиментальным, заботящимся о своей нравственной репутации. Правда, добросовестный историк не может пренебречь вопросом о степени искренности подобных высказываний. Дело в том, что о Дубельте в литературе существуют весьма различные отзывы людей, сталкивавшихся с ним, в том числе в качестве подследственных. Ф. М. Достоевский, привлеченный по делу петрашевцев, называл его «преприятным человеком». Известный революционер Зигмунд Сераковский, капитан генерального штаба, один из руководителей восстания в Польше и Литве в 1863—1864 годы, впервые был арестован в молодости и познакомился с Дубельтом. Перед заключением в крепость он писал ему: «Генерал! Счастливы юноши, что Вы стражем порядка. Вы старик, но с верующую, неугасящую душу. Я уже решил! Выслушайте меня сами, зайдите ко мне сами, генерал. Богу помолюсь за Вас!»

В то же время А. И. Герцен, имевший беседы с ним в 40-е годы, писал впоследствии: «Дубельт — лицо оригинальное, он наверно умнее всех трех отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттопченное длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно рытвины на щеках и на лбу ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил или, лучше, накрыл все, что там было. Черты его имели что-то волчье и даже лисье, т. е. выражали тонкую смысленность хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость».

Зато и Дубельт, судя по воспоминаниям, с ненавистью относился к самому имени Герцена. И все же все сходится, что Дубельт был человек незаурядный. Видимо, во многом, его влияние можно объяснить формирование типа «благородного жандарма», учтивого и любезного в своих внешних проявлениях. Но эти приятные качества не отменяли сути служителей политического розыска. Недаром в светском обществе фамилию Дубельта превратили в каламбур — «Le General Double» (в переводе с французского — «лукавый генерал»).

После смерти Николая I в 1855 году настали новые времена. И хотя Александр II предлагал Дубельту занять пост шефа жандармов, тот отказался и предпочел уйти в отставку.

Двенадцать лет, с 1844 по 1856 годы, начальником III Отделения и шефом Отдельного корпуса жандармов был Алексей Федорович Орлов. В момент назначения ему было уже 60 лет. Служивший в армии с 18 лет, он был боевым офицером во время войн с Наполеоном. В 33 года, в 1819 году стал командиром лейб-гвардии Конного полка. Через год был произведен в генерал-адъютанты императора Александра I. 14 декабря 1825 года его полк был первой воинской частью, присягнувшей Николаю I. Об этом император не забывал никогда. А. Ф. Орлов стал графом и спас от сурового наказания своего младшего брата, генерал-майора Михаила Орлова, одного из активнейших деятелей тайных обществ. Хотя он на протяжении всего царствования Николая I и в первые годы правления Александра II занимал много высоких должностей, современники не очень высоко оценивали его государственные способности, но отдавали должное его энергии и решительности. Все сходится на том, что на протяже-

нии времени его управления политическим розыском главную роль продолжал играть Л. В. Дубельт.

Из руководителей III Отделения при Александре II безусловно выделялся граф Петр Андреевич Шувалов. На службу политического розыска он попал в 1861 году, заняв кресло начальника штаба Отдельного корпуса жандармов и управляющего III Отделением. Несмотря на молодой возраст (ему было всего 35 лет), он уже побывал обер-полицмейстером Петербурга и директором департамента МВД. Но пребывание там оказалось в тот момент весьма кратким. Снова он вернулся в III Отделение в апреле 1866 года после выстрела Дмитрия Каракозова в Александра II у ворот Летнего сада. Теперь Петр Андреевич стал начальником III Отделения и шефом жандармов.

Эту должность Шувалов занимал на протяжении весьма беспокойных восьми лет. Это были годы распространения идей революционного народничества, активного создания подпольных кружков, нелегальных типографий, требовавших от служб политического розыска реформирования методов своей деятельности. Новая политическая ситуация означала рост влияния III отделения и его руководителей. Отражением этого мнения стали знаменитые строки Ф. И. Тютчева о Шувалове: «Над Россией распростертой встал внезапно грозой Петр, по прозвищу четвертый, Аракчеев же второй». Таким образом, поэт сравнивает шефа жандармов с императором и графом А. А. Аракчеевым, имевшим огромное влияние при Павле I и Александре I. И все-таки влияние графа Шувалова не было безбрежным. В 1874 году, когда Петр Андреевич посмел предложить Александру II проект созыва Земского собора, он тотчас был отправлен послом в Лондон.

Новый глава III Отделения, Александр Львович Потапов, за короткое, двухгодичное, время руководства делами политического розыска прославился больше стремлением подменять существовавшие законы секретными инструкциями и историческими анекдотами. Он не был новичком в делах подчиненного ему учреждения. В 1861—1864 годы бывший руководитель московской и варшавской полиции занимал должность управляющего III Отделением и начальника штаба Корпуса жандармов. Став главой III Отделения, Потапов не приобрел здесь особой славы. Государственный секретарь Е. А. Перетц в своем дневнике 18 мая 1882 года сообщал такую подробность: «...покойный Государь, увольняя Потапова..., хотел назначить его, по принятому порядку, членом Государственного совета. Против этого восстал великий князь Константин Николаевич, который доложил Его Величеству, что у Потапова чуть не размягчение мозга и что таких людей в Совет сажать нельзя». Рассказывали даже, что, находясь уже в отставке, Александр Львович, посещая Европу, специально наезжал в Майнц, чтобы показать язык памятнику изобретателю книгопечатания Гутенбергу.

Гораздо более трагичной стала судьба его преемника Николая Васильевича Мезенцева. Николай Владимирович был внуком А. В. Суворова. Свою карьеру начал в 18 лет унтер-офицером гвардейского Преображенского полка. Участвовал в Крымской войне. В 37 лет, в 1864 году был назначен управляющим III Отделения и начальником Штаба Отдельного корпуса жандармов. С этого времени он служил здесь до конца жизни. Мезенцов управлял политическим розыском тоже менее двух лет, но причиной этого стал террористический акт.

30 января 1878 года в Одессе полиция ворвалась в одну из конспиративных квартир народников. Бывшие там восемь человек оказали ожесточенное вооруженное сопротивление. Пятеро жандармов и полицейских было ранено. Одесский военно-окружной суд приговорил одного из революционеров, Ивана Ковальского, к смертной казни. После дела Д. В. Каракозова (1866 года) это был второй в России смертный приговор по политическому делу. Второго августа 1878 года Ковальский был расстрелян. Через два дня, 4 августа, во время прогулки на Манежной площади в Петербурге шеф жандармов был убит ударом кинжала. Террорист, Сергей Кравчинский (будущий писатель С. М. Степняк-Кравчинский), скрылся. Его унесла пролетка, влекомая знаменитым рысаком «Варваром». Любопытно, что незадолго до этого начальник Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий предупреждал начальство, что возможно ожидать покушений на руководителей III Отделения. На это Мезенцов отвечал, что «власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосягаема, обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти намерения стоит отнести к области фантазий и бабьих сплетен, а не к действительности».

Не избежал покушения и последний начальник III Отделения, генерал от инфантерии Александр Романович Дрентельн. В него 13 марта 1879 года стрелял, впрочем неудачно, Леон Мирский.

Как любое учреждение, III Отделение было сильно не столько начальниками, сколько обычными чиновниками, составлявшими его костяк. Многие служили здесь по несколько десятилетий. Кроме потомственных дворян, были выходцы из солдатских детей и других низших сословий. Усердной службой они добывали чины и ордена. В службу политического розыска они попадали разными путями. Александр Галлер в 1836 году закончил Петербургский университет и начал службу в департаменте разных податей и сборов. Через два года его перевели в III Отделение «по высочайшему повелению за благородный поступок». Говоря языком официальных бумаг, «он открыл преступное намерение бывшего учителя Александра, который покушался на жизнь отставного штаб-ротмистра Яковлева и на домогательство миллиона рублей от отца его». К тому же, Галлер отказался от 10 тысяч рублей, которые пытался предложить ему отец Яковлева «в изъявлении благодарности». Через одиннадцать лет он стал первым начальником архива III Отделения.

Двадцать четыре года прослужил в III Отделении чиновником для особых поручений Адам Александрович Сагтынский. Знаток ряда иностранных языков, он специализировался в основном по делам политического розыска за границей. В 1838 году его направляют в Париж для «ознакомления с французской прессой», в 1840 году — в Берлин, через год — в Палермо и т. д. В 1832 году был причислен к III Отделению Николай Андреевич Кошинцев для наблюдения за всеми выходящими в Москве периодическими изданиями. Любопытно, как этот ответственный чиновник понимал цели и задачи политической полиции и допустимые методы работы агентов. В одном из отчетов он писал: «Вопреки толкам многих в публике наблюдение благородное никогда не унижается до шпионства: тут все доводится до света, там — мрак сомнения, пристрастия, пороков. Наблюдение необходимо, а шпионство — верное зло: это — подкуп, следовательно, порча нравов, поколебание правил, шаткость обязанностей».

Эти строки показывают, что сами чиновники III Отделения в немалой степени разделяли господствовавшее в обществе презрительное отноше-

ние к доносчикам, хотя и нуждались в их услугах. Сохранился ряд рассказов, подтверждающих эту мысль. Например, говорили, что Дубельт выплачивал таким добровольным помощникам денежные суммы, кратные трем, — «в память тридцати сребренников». В другой истории речь шла о студенте, сделавшем донос на запрещенную религиозную секту. Когда дело было завершено, Леонтий Васильевич сказал доносчику: «Вот вам триста рублей, но, согласно воле Государя императора, оставьте университет и — милости просим к нам — юнкером в жандармский дивизион».

В плане этих рассказов интересна история А. М. Петрова, студента Киевского университета. В марте 1847 года он подал донос попечителю Киевского учебного округа генералу А. С. Траскину о существовании Кирилло-Мефодиевского братства. Это было тайное политическое общество украинской интеллигенции, ставившее целью создание славянской федерации и осуществление идеалов христианского социализма. Среди его участников были поэт Тарас Шевченко, историк Николай Костомаров и другие. Следствие велось в Петербурге в глубокой тайне. Участников братства без суда подвергли различным наказаниям в административном порядке: ссылка и заключение. Известно, что Шевченко был отправлен рядовым в Оренбургский корпус с запрещением писать и рисовать сроком на десять лет.

Доносчик получил досрочно свидетельство об окончании университета, 500 рублей серебром и был зачислен в штат III Отделения младшим чиновником. Дубельт предлагал ограничиться только денежной наградой, но А. Ф. Орлов напомнил, что на определение Петрова было «монаршее соизволение». Но товарищи по службе «его чуждались». Через некоторое время он оказался в центре нового скандала, уже внутри III Отделения. По городской почте на имя Николая I поступил конверт с вырезками из всеподданнейших докладов Орлова с резолюциями императора. В анонимной записке говорилось, что в III Отделении за деньги можно получить даже автограф царя.

В результате для расследования была создана специальная комиссия. Она обнаружила причастность к этому делу А. М. Петрова. Его же и обвинили в распродаже секретных бумаг. По утверждению следствия, «оставаясь дежурить по вечерам, Петров проникал в I-ю экспедицию (она вела политический розыск. — В. И.), брал там секретные бумаги, а также расширял некоторые дела архива для передачи частным лицам». Таким установленным частным лицом оказался служивший в Варшаве гвардейский капитан П. К. Меньков (впоследствии генерал-майор, с 1859 года редактор «Военного сборника», официального издания Военного министерства). Меньков просил «о выдаче ему тех фактов, которые, не составляя секрета, могут прояснить пробелы исторические». В результате Петров просидел более полутора лет в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а затем был отправлен в ссылку в Олонецкую губернию (Карелия. — В. И.). Там он служил секретарем в суде. Секретный надзор был снят с него в 1856 году. В последующие годы неоднократно обращался в III Отделение с прошениями о выдаче пособий и получал денежные переводы. Таким образом, узкий корпоративный круг чиновников III Отделения не жаловал «чужаков».

И все же высокомерное отношение к доносчикам не отменяли главного: необходимости их иметь для выполнения задач, поставленных высшей властью перед III Отделением. Фон Фок предпочитал осведомителей из дворянско-чиновничьих кругов. В июле 1826 года, в самом начале

деятельности III Отделения, в письме к Бенкендорфу он так характеризовал новых агентов: «Господин Нефедьев имеет деревню под Москвой... Это очень благоприятно для нашего дела. С этим господином не знаешь никаких затруднений: ни жалованья, ни расходов. Услуги, которые он может оказать нам, будут очень важны вследствие его связей в высшем и среднем обществах Москвы. Это будет ходячая энциклопедия, к которой всегда удобно обращаться за сведениями относительно всего, что касается надзора... статский советник,... он честолобив и жаждет почестей... Граф Лев Соллогуб... может принести нам большую пользу в Москву... С этим человеком также никакого жалованья, никаких расходов... Предложение его — действовать заодно с «надзором», цель же быть покровительствуемым во всем, что касается ведения интересующего его дела».

Немало подобных добровольцев находилось и среди литераторов. Уже тогда было хорошо известно о сотрудничестве с III Отделением популярных писателей, издателей газеты «Северная пчела» Николая Ивановича Греча и Фаддея Венедиктовича Булгарина. В 1830 году Пушкин пишет эпиграмму на Булгарина, заканчивавшуюся словами «беда, что ты Видок Фиглярин» (Видок — известный французский сыщик и доносчик начала XIX века. — *В. И.*).

Правда, как заметил историк И. М. Троицкий, «жандармы понимали, что Булгарин и Греч руководятся не только верноподданическими чувствами, но под шумок сводят счеты со своими конкурентами и литературными противниками». Поэтому, например, один из доносов Булгарина на издателя журнала «Отечественные записки» А. А. Краевского, по распоряжению Дубельта, был подвергнут тщательному разбору. Чиновники III Отделения в результате сделали вывод, что в основе доноса недобросовестно подобранные цитаты: «Г-н Булгарин хорошо знает, что нет книги в свете, не исключая и самого Евангелия, из которых нельзя было бы извлечь отдельных фраз и мыслей, которые отдельно должны казаться предосудительными». В результате выговоры получали не только литераторы либерального образа мыслей, но и Греч, Булгарин и им подобные. Это было даже полезно для популярности власти в мнении общества.

Несмотря на достаточное количество добровольных и платных осведомителей, III Отделение за большую часть своей истории не могло похвастаться хорошо налаженной работой с агентурой. Может быть, во многом это объяснялось высокомерным отношением руководителей, в основном, военных, к людям, собиравшим слухи и слухи. До 70-х годов не уделялось должного внимания организации справочной службы. В отчете за 1828 год Бенкендорф сообщал: «За все три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы... русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение». На деле же в большом личном алфавите III Отделения имелись только те фамилии, на которые были заведены специальные дела. Обычно управляющий III Отделением запрашивал архив о новом подследственном или просителе. И если он не являлся главным «фигурантом» по предыдущим делам, то архивисты с чистой совестью отвечали, что на такового сведений у них не имеется. Лишь в 70-х годах справочный аппарат стал учитывать и содержание дел.

Особое внимание на секретную агентуру и правильное ведение архива обратил лишь П. А. Шувалов. При нем кроме общего архива III Отделения

был создан Секретный архив, где хранились дела о политических преступлениях и материалы перлюстрации. Была налажена картотека «Алфавит лиц, политически неблагонадежных», и альбомы с их фотографиями. В 1871 году начальникам губернских жандармских управлений был направлен секретный циркуляр, требовавший присылать в III Отделение фотографии «всех вообще лиц, которые почему-либо обращают на себя внимание». В 1879 году новый циркуляр предписывал направлять в Петербург по пять фотографий каждого государственного преступника.

Безжалостную характеристику агентуры к концу 60-х годов дал руководитель 3-й экспедиции с 1869 года К. Ф. Филиппиус. В записке П. А. Шувалову он писал: «1 апреля мне впервые были вручены суммы, и вслед за тем представились мне господа агенты, а именно: один убогий писака, которого обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он... выписывал из газет, а последние сам выдумывал, кроме того, ко мне явились один граф, идиот и безграмотный, один сапожник с Выборгской стороны, — писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не понимал и с его слов записать не мог, двое пьяниц, из коих один обыкновенно пропадал первую половину каждого месяца, а другого я не видел без фонарей под глазами или царпин на физиономии, одна замужняя женщина, не столько агента сама по себе, сколько любовница и сподручница одного из агентов, одна вдовствовавшая, хронически беременная полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента. Вот состав агентуры, которую я принял при вступлении в управление третьей экспедицией».

Видимо, не следует воспринимать эту характеристику как безоговорочно верную. Не забудем, что новый руководитель дает оценку того, что творилось при его предшественниках. Чтобы его все же не упрекнули в предвзятости, он добавляет еще одну осторожную фразу: «Полагаю, что мне не были переданы те лица, которые сами не пожелали сделаться известными новому начальнику агентуры». И все же, наверно, в его словах, хотя бы частично отражено реальное положение дел.

Естественно, что такой ситуацией при одновременном повышенном внимании власти к любым проявлениям политического недовольства стремились воспользоваться авантюристы и проходимцы. В 1835 году поступил донос Луковского, прибывшего из Англии. Он сообщал о своем участии сразу в двух тайных обществах, существующих на Британских островах — русском и польском. По его словам, «злоумышленники» действуют в контакте и собираются организовать пропаганду своих идей в Российской империи. С этой целью печатается «подрывная» литература, которую будут переправлять в Россию по маршруту Индия — Персия — Грузия — Астрахань. Однако ни одной фамилии доносчик не назвал, но зато просил денег для дальнейшей полезной деятельности. Расчет доносчика был очевиден: мысль о том, что «англичанка нам гадит», была достаточно распространена в определенной части русского общества. Все же в данном случае Николай I сразу заподозрил обман и на соответствующем докладе наложил резолюцию: «*Все это очень неясно, нет ни одного положительного указания, во всем этом правда только ненависть к нам англичан*», но все же приписал: «*Впрочем, в наш век ничего нельзя оставлять без внимания*».

С этой идеей «ничего не оставлять без внимания» связана и деятельность двух знаменитых провокаторов того времени: Романа Медокса и Джона (Ивана) Шервуда-Верного. Их головокружительные предприятия

можно объяснить только особым психическим складом личности, ибо никакие падения не могли остановить их стремления к новым авантюрам. Первый «подвиг» Медокса был совершен во время Отечественной войны 1812 года. Семнадцатилетний юноша сфабриковал документы на имя адъютанта министра полиции, поручика конной гвардии, флигель-адъютанта императора, а также предписания об оказании содействия за подписями министров военного и финансов. С этими бумагами он в начале 1813 года появился на Кавказе, где приступил к «ревизии» на предмет оборонительной готовности против возможного неприятеля. Попутно он получил 10 тысяч рублей. Закончилось это 13-ю годами заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Но даже такое фиаско не остановило тяги Медокса к новым приключениям.

В 1829 году в чине рядового он оказался в Иркутске. Городничим здесь был А. Н. Муравьев, проходивший по делу декабристов и помилованный. Понятно, что такой человек оставался у властей под сильным подозрением. Своим человеком в гостеприимном доме иркутского городничего стал Медокс. Поводом было ухаживание за сестрой жены Муравьева. Проведав, что его новые знакомые поддерживают отношения с осужденными декабристами, заключенными в Петровском заводе, он поспешил сообщить об этом в III Отделение. Но обычное доноситељство не устраивало авантюриста. И если осужденные и им сочувствующие никаких грандиозных планов уже не строили, то за них решил потрудиться Медокс.

В 1832 году он сообщил в Петербург о раскрытии тайны огромной государственной важности. По его словам, в доме Муравьева ему в руки попали зашифрованные письма. Из них обнаружилось, что в Москве и Петербурге создано разветвленное тайное общество «Союз великого дела». Его участники собираются продолжить дело декабристов и имеют постоянную связь с Петровским заводом. В доказательство Медокс представил зашифрованное письмо бывшего генерала, одного из руководителей «Южного общества» Александра Петровича Юшневского. Надо ли объяснять, что и шифр, и все остальное было делом рук неутомимого Медокса.

В результате в Иркутск прискакал из Петербурга ротмистр Вохин. Медоксу была организована поездка в Петровский завод. Используя знакомство с женой Юшневского, Марией Казимировной, приехавшей к мужу, агент должен был проникнуть в среду «заговорщиков». Конечно, операцию он провел блестяще. По возвращении Медокс предъявил Вохину не только подробный дневник, но и специальный «купон», выданный ему как принятому в «Союз великого дела». Естественно, что после этого последовал переезд в Петербург, личная встреча с Бенкендорфом.

Решено было начать глубокую разработку «заговорщиков». Медокс оказался в Москве, где должен был при помощи самодельного «купона» войти в доверие к Е. Ф. Муравьевой, матери братьев Александра и Никиты. В Москве Медокс успел выгодно жениться, с деньгами жены постранировать по провинции, «поиздержаться». В конечном счете, III Отделение поняло, что его обманывают, и Медокс снова отправился в Шлиссельбургскую крепость.

Пожалуй, еще более богата приключениями история Шервуда. Сын английского механика, приехавшего в Россию в 1800 году, он в 1819 году, в возрасте 21 года, вступил на военную службу. В июне 1825 года унтер-офицер Шервуд подал донос о существовании тайного общества. В данном случае наш герой не лгал: он действительно был близко знаком с

прапорщиком Ф. Ф. Вадковским, который принял его в Южное общество. Результатом стало свидание с графом А. А. Аракчеевым и аудиенция у Александра I. Доносчику были поручены дальнейшие розыски. И хотя предотвратить восстание ни ему, ни другим доносчикам не удалось, за свои заслуги Джон (теперь он назывался Иван Васильев сын) Шервуд стал гвардейским офицером, дворянином и получил прибавку к фамилии — Верный. Казалось, карьера состоялась.

В январе 1827 года он вместе с жандармским полковником Бибиковым отправляется в командировку по южным губерниям для выяснения направления «умов вообще», отношения «всех сословий к законной власти», обнаружения злоупотреблений и других опасных нарушений законов империи. Через два года собирает сведения в Киеве. Но «хлестаковщина» так и рвалась у него наружу. В итоге — многочисленные доношения и доносы о неподобающем поведении секретного агента. Один из жандармских офицеров отмечал, что «Шервуд склонен к коварству и хвастовству». На этой записке сохранилась резолюция Бенкендорфа: «Точная чума этот Шервуд». Но на этом его «подвиги» не закончились.

В 1831 году Шервуд — активный помощник князя А. Б. Голицына, «благонамереннейшего, но необычайно путанного человека». Князь донес военному министру А. И. Чернышеву о существовании огромного заговора «иллюминатов», которые проникли во все поры государственного аппарата. Среди них — крупнейшие чиновники М. А. Балугьянский (начальник Второго отделения императорской канцелярии), М. А. Корф (управляющий делами Комитета министров), М. М. Сперанский (в 1839 году пожалованный титулом графа) и, наконец, сам М. Я. Фок, управляющий III Отделением. Именно последний, по словам доносчика, «всю цепь держит». В качестве «неподкупного эксперта» князь предлагал Шервуда-Верного.

Донос был настолько нелеп, что в одном из мест, где говорилось о том, как Фок покрикивает на Бенкендорфа, император надписал: «Совершенная и наглая ложь». Экспертом был приглашен знаменитый в свое время Яков де Санглен. В результате Голицын попал в крепость, но Шервуд не пострадал. В это время русская армия подавляла восстание в Польше. Шервуд также принял участие в кампании. Получил чин капитана, два ордена: Святого Станислава 3-й и Святого Владимира 4-й степени. Но размеренная служба не была уделом снedaемого страстями человека. Да и материальное положение русского офицера всегда было достаточно скромным. Попытка разбогатеть мгновенно, получив огромные владения наследника многомиллионного состояния И. А. Баташева, не удалась. В 1834 году Шервуда отправили в отставку в чине подполковника.

Через восемь лет он начал просить о направлении его на Кавказ, где его «наблюдения как в политическом взгляде, равно и в отношении моральных сил государства принесли бы Государю императору явную пользу». За Шервуда ходатайствовали люди влиятельные, и вопрос был уже в стадии разрешения. Но тут последовала новая оплошность. Оказавшись в Петербурге, Шервуд решил заодно ограбить чиновника Дероша, у которого хранились векселя, выданные подругой нашего героя, обедневшей графиней Струтинской. В результате — арест и, из уважения к его прошлому, высылка в собственное имение в Смоленской губернии.

Это падение, видимо, переполнило чашу терпения пройдохи, и он подымает меч на своих бывших благодетелей — на III Отделение. 20 августа 1843 года Шервуд со своего нового места жительства отправляет своему

бывшему покровителю, Великому князю Михаилу Павловичу донос на нескольких десятках страниц. В самом темном свете изображалось положение дел во всех сферах государственного управления. «Судопроизводство... сделалось просто ремеслом грабить», «злоупотребления по опекам и сиротским судам превосходят всякую меру», «Москва от действий полиции... стонет», «воровство дошло до высшей степени... целыми магазинами», в «земской полиции... научают мошенников... оговаривать невинных людей», «ни одна благонамеренная цель правительства не исполняется». Все это связано с тем, что «созревшее зло все было скрыто до сих пор от Государя императора». В результате «никогда Россия не находилась в таком состоянии», «врагам царя» открывается «обширное поле для их действия». Главными врагами Отечества изображались поляки, раскольники, профессор. В число злонамеренных элементов попали не только родственники декабристов, но и московский митрополит Филарет. Но главную вину, по словам Шервуда, несет, конечно, III Отделение, которое «должно было все не видеть, а «предвидеть». Причина — генерал Дубельт, «человек всегда бывший против правительства» и берущий огромные взятки.

По иронии судьбы, первым внимательным читателем этого труда оказался как раз Леонтий Васильевич Дубельт! Именно здесь, в III Отделении, был составлен подробный разбор сочинения Шервуда. Это было сделано по всем законам бюрократического жанра. Там, в частности, говорилось, «столь преувеличенное описание злоупотреблений само собой обнаруживает неосновательность доноса», «благонамеренные люди более довольны настоящим положением вещей и спокойно ожидают улучшений в будущем времени», а всем недовольны одни те, которые, «по своему беспокойному характеру или неблагоприятию, будут недовольны при всяком положении дел».

В январе 1844 года Шервуд обрел пристанище в Шлиссельбургской крепости. Вышел он оттуда в апреле 1851 года. Он еще делал попытки вернуться к активной деятельности. В 1858 году в письме к Великому князю Константину Николаевичу жаловался на то, что все его беды происходят из-за интриг родственников декабристов, и просил всего лишь «казачий полк в Грузии». Ответом стало пожалование 200 рублей серебром. Это, конечно, удовлетворить его не могло. К писанию прошений была подключена бывшая графиня Струтинская, ставшая его законной супругой.

Третьего ноября 1858 года она обращается к Александру II с прочувствованными словами: «Ваше Императорское Величество! Государь надежда! Преклони ухо Твое и услыши глас рабы Твоей в день скорби ее вопиющей к тебе,... нет человека, Государь, без греха, но тот кто спас Отечество от безначалия, тот, который предохранил Александра Благословенного от посягательства на жизнь Его (чему служит доказательством высочайший герб, ему выданный), тот — говорю я, — раба Твоя, через гонение и месть семь лет страдал как преступник, в четырех стенах в заточении, тот не имеет теперь ни хлеба, ни службы 60-ти лет. Этот человек есть муж мой Шервуд-Верный, а потому, повергаясь пред престолом Твоим, прошу устроить его: или пенсию, или службой по милосердию Вашему. Крайность до того велика, что на квартире, где жили, все вещи удержаны и вынуждены переехать в номер». Как видно, здесь просьбы уже гораздо скромнее.

Правительство предпочитало теперь отделяться денежными подачками. На это и еще несколько прошений по Высочайшему соизволению выдавались суммы от 150 до 200 рублей. С 1862 года просить начал 18-летний сын Шервуда — Эммануил. Но черная полоса жизни Шервуда-Верного продолжалась. Умерла жена, «расстроился в уме» и скончался сын. Герой авантюры сопротивлялся ударам судьбы. В 1864 году он женился в третий раз. В январе 1866 года направил Александру II проект о принятии Государем титула «царя славян». Но власть теперь смотрела на верного слугу как на докучного просителя. В ноябре 1867 года Шервуд-Верный скончался.

Если авантюристы типа Медокса и Шервуда, возносясь в своих мечтаниях крайне высоко, могли при случае укусить и руку кормящего, то другие знаменитые агенты III Отделения всегда помнили о субординации. Тридцать лет, с 1826 по 1856 годы, доставлял в III Отделение текущую информацию и аналитические обзоры о состоянии российской словесности Фаддей Венедиктович Булгарин. Нападая на своих литературных соперников и критиков, он одновременно любил петь дифирамбы власти и ее «охранителям». Например, в одном из писем 40-х годов Булгарин сообщает, что его за прямодушие и преданность назвали «Фаддеем Дубельтовичем».

О характере информации, которую с помощью столь разнообразной агентуры собирало III отделение, можно судить по его ежегодным отчетам. Во-первых, внимание Николая I обращалось на злоупотребления чиновников. Отчет за 1827 год давал им такую характеристику: «Хищения, подлость, превратное толкование законов — вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, а не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им известны все тонкости бюрократической системы». В ежегодном докладе за 1829 год указывалось, что Адмиралтейство обманывает императора, сообщая о высоком качестве судостроительных работ, ибо «моряки считают, что корабли построены плохо, без соблюдения правильных размеров, но никто не осмеливается сказать об этом Государю».

При этом составители обзора не щадили даже весьма высокопоставленных особ. В том же докладе о министре финансов Егоре Францевиче Канкрине говорилось, что он «человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый, он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают». Министр внутренних дел А. А. Закревский «деятелен и враг хищений, но он совершенный невежа». Министр народного просвещения К. А. Ливен был назван «обскурантом», то есть человеком, крайне враждебно относящимся к науке и просвещению. О военном министре графе А. И. Чернышеве говорилось, что он «пользуется печальной репутацией: это предмет ненависти публики, всех классов без исключения». Морской министр адмирал А. В. Моллер просто обвинялся в воровстве.

Резкой критике подвергалось и поведение российских чиновников во вновь присоединенных национальных районах. В отчете за 1828 год Бенкендорф так писал о положении в Царстве Польском: «Власть продолжает там оставаться в руках презренных субъектов, возвысившихся путем лихоимства и ценою несчастья населения. Все государственные чиновники, начиная со служащих канцелярии генерал-губернатора, продают правосудие с аукциона». Восстание в Польше 1830—1831 годов показало справедливость этих предупреждений.



Во-вторых, отчеты давали характеристику настроений различных социальных слоев. В отчете за 1827 год сотрудники III Отделения различали «двор», «высшее общество», «средний класс», чиновничество, армию, крестьянство и духовенство. Ко Двору относятся «круг лиц, из которых собственно составляется придворное общество». Здесь информаторы выделяли две группы: сторонников императора и «партию» вдовствующей императрицы Марии Федоровны. С точки зрения III отделения, «мнение двора не представляет значения для правительства, так как оно [мнение] не играет никакой роли в обществе». «Высшее общество» обзор делил на «довольных» и «недовольных». «Недовольные», в свою очередь, тоже разделялись на две группы: «Первая состоит из так называемых русских патриотов, столпом коих является Н. С. Мордвинов (о нем мы уже упоминали выше. — В. И.). Во вторую входят лица, считающие себя оскорбленными в своих честолюбивых замыслах и порицающие не столько самые мероприятия правительства, сколько тех, на ком остановился выбор императора. Душой этой партии, которая высказывается против злоупотреблений исключительно лишь потому, что сама лишена возможности принимать в них участие, является князь А. Б. Куракин (Куракин Алексей Борисович, умерший в июле 1829 года, был министром внутренних дел в 1807—1810 годы. — В. И.) Но реальной опасности никто из них не представляет, ограничиваясь «ворчанием».

К среднему классу были отнесены «помещики, живущие в столицах и других городах, неслужащие дворяне, купцы первой гильдии, образованные люди и литераторы». Роль его оценивалась следующим образом: «Этот многочисленный класс, разнородные элементы коего спаяны в одно целое, составляет, так сказать, душу империи».

Любопытно здесь нарушение официального сословного деления. Чины политического розыска видят процесс формирования реальной общественной силы выходцами из различных сословий. Обзор указывал на недовольство помещиков и купцов тяжестью налогов, но в целом считал «средний класс» надежнейшей опорой правительства.

Исключение, по мнению III Отделения, составляла интеллигентная дворянская молодежь. Именно отсюда, как полагали авторы, исходила основная опасность: «Молодежь, то есть дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающиеся в разные формы и чаще всего прикрывающиеся маской русского патриотизма. Тенденции, незаметно внедряемые в них старшинами, иногда даже их собственными отцами, превращают этих людей в настоящих карбонариев. (Карбонарии — члены революционных тайных обществ в Италии в первой половине XIX века. Само слово стало в России после восстаний 1820—1821 годов на Сицилии и в Пьемонте символом революционера, «смутьяна». У А. С. Грибоедова, в комедии «Горе от ума» Фамусов, слушая речи Чацкого, восклицает: «Ах! Боже мой! Он карбонари!» — В. И.). Все это несчастье происходит от дурного воспитания. Экзальтированная молодежь, не имеющая никакого представления ни о положении России, ни об общем ее состоянии, мечтает о возможности русской конституции, уничтожении рангов, достигнуть коих у них не хватает терпения, и о свободе, которой они совершенно не понимают, но которую полагают в отсутствии подчинения. В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Радищева и только страх быть обнару-

женными удерживает их от образования тайных обществ». В таком контексте и «ворчание» аристократических стариков становилось уже делом государственной важности.

Чиновничество «морально наиболее развращено», но зато не внушает опасений в смысле политических воззрений. Армия «вполне спокойна и прекрасно настроена».

Новым для политического розыска был интерес к настроениям нижних сословий и нарождающегося слоя пролетариев. Характеризуя крепостное крестьянство, III Отделение отмечало: «Среди этого класса встречается гораздо больше рассуждающих голосов, чем это можно было предположить с первого взгляда. Приходя в соприкосновение с казенными крестьянами и живя с согласия своих господ в городах, крепостные невольно учатся ценить те преимущества, коими пользуются свободные сословия». Далее сообщалось, что в деревнях ходят толки о некоем «атамане Метелкине», который завершит дело Пугачева: «Пугачев *попугал* господ, а Метелкин *пометет* их». Составитель делал вывод, что «так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства».

В последующие годы «крестьянский вопрос» также неоднократно упоминался в докладах III отделения. Например, в «нравственно-политическом отчете» за 1839 год отмечалось что «*весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению*» и «*крепостное состояние есть пороховой погреб под государством*». В результате чиновники политического контроля подчеркивали «настоятельность мер переходных, подготовительных» для смягчения положения крепостных и реагирования власти в случаях «жестокого обращения со стороны помещиков».

Через много лет, в юбилейном обзоре 50-летнего существования III отделения, подчеркивались заслуги учреждения в проведении крестьянской реформы 1861 года. Там, в частности, говорилось: «*Исследуя все стороны народной жизни, отделение обращало особенное внимание на те вопросы, которые имели преобладающее значение... Между этими вопросами в течение многих лет первенствующее место занимало положение крепостного населения. Третье отделение обстоятельно изучало его бытовые условия. Внимательно следило за всеми ненормальными проявлениями крепостных отношений и пришло к убеждению в необходимости, даже неизбежности отмены крепостного состояния*».

В 30-е годы Третье отделение впервые обратилось к «рабочему вопросу». В докладе за 1837 год указывалось, что «на горных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастеровые заводские ... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворения вольности между крепостными крестьянами». Далее приводился текст обнаруженной прокламации. В ней критиковалось «иго рабства в России», которое в будущем «будет еще несноснейшим». Со ссылкой на исторический опыт подчеркивалось, что «причина величия государств есть свобода граждан», а поэтому Россия при сохранении рабства «никогда не взойдет на степен величия». Предлагалось брать пример с «граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя полное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами». В конце «благородные сограждане» призывались ниспровергнуть «соединенными силами невольничество», восстановить свободу и заслужить «благодарность потомства».

Преследуя «рабочих-смутьянов», чины политического сыска понимали необходимость и здесь определенной «социальной профилактики». В том же юбилейном отчете 1876 года отмечалось, что «в 1841 г. была учреждена под председательством генерал-майора Корпуса жандармов графа Буксгевдена особая комиссия для исследования быта рабочих людей и ремесленников в С.-Петербурге. Представленные ею сведения были сообщены подлежащим министрам и вызвали некоторые административные меры, содействовавшие улучшению положения столичного рабочего населения. Между прочим, на основании предположений комиссии, по инициативе III Отделения, была устроена в С.-Петербурге постоянная больница для чернорабочих, послужившая образцом подобному же учреждению в Москве».

Забата «о правильном направлении умов», естественно, требовала от политического розыска и политического контроля уделять большое внимание литературе и журналистике. Еще во время следствия над декабристами каждый из арестованных отвечал на вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, то есть от общества ли, или от внушения других, или от чтения книг и сочинений в рукописях, и каких именно?» Кроме иностранной литературы и личного знакомства с образом жизни европейских стран, подследственные называли вольнодумные стихи Пушкина, Рыльева, Языкова и других. Воспитатель наследника Цесаревича Александра поэт В. А. Жуковский писал ссыльному Пушкину в Михайловское: «... в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством». Николай I отдал приказ «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». В одном случае царское повеление выполнить оказалось невозможным. Стихотворение Пушкина «Кинжал», которое по требованию следователей прочел наизусть декабрист Громнитский, оказалось записано на двух смежных страницах, оборотные стороны которых были заполнены важными текстами допроса. Тогда председатель Следственной комиссии, тогдашний военный министр А. И. Татищев вымарал текст пушкинских стихов, оговорив это «высочайшим соизволением».

Общим результатом стал новый закон о цензуре 1826 года, прозванный «чугунным». Один из цензоров заметил, что руководствуясь этими правилами, «можно и «Отче Наш» истолковать якобинским наречием». «Чугунный устав» на практике оказался практически неприемлемым и был скорректирован двумя годами позже. По закону 1828 года создавалось два цензурных комитета: по отечественным и зарубежным изданиям. Но кроме цензурных комитетов литературой занималось и III отделение. В служебных инструкциях цензорам предлагалось в случае, если на их рассмотрение попадут «книга или художественное произведение, клонящиеся к распространению безбожия или обнаруживающие в сочинителе или художнике нарушителя обязанностей верноподданного, то о сем немедленно извещать высшее начальство для учреждения за виновным надзора или же и предания его суду по законам». Таким образом, верховная власть требовала установления постоянных деловых связей между цензурой и органами политического розыска. К тому же, III отделение фиксировало промахи и ошибки цензуры, особенно относившиеся к пропуску «вредных сочинений» и докладывало об этом непосредственно императору.

Например, в 1837 году «Санкт-Петербургские ведомости» напечатали статью о покушении на французского короля Луи Филиппа. Граф А. Х. Бен-

кендорф направил министру народного просвещения служебную записку, что считает «неприличным помещением подобных известий в ведомостях, особенно правительством издаваемых, которые расходятся в столь большом количестве между средним классом людей».

Особенно громким было дело П. Я. Чаадаева. Осенью 1836 года в 15-й книжке московского журнала «Телескоп» по недосмотру цензора, ректора Московского университета А. Н. Болдырева (он был увлечен игрой в карты, когда ему принесли статью на просмотр), было опубликовано первое из восьми «Философических писем» бывшего гусара и крупного русского мыслителя. Болдырев был уволен и лишен пенсии за недосмотр, редактор журнала И. И. Надеждин отправился в ссылку в Усть-Сысольск (Сыктывкар). В отношении Чаадаева руководствовались резолюцией Николая I: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...»

В результате граф Бенкендорф направил московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну следующее отношение: «В... № 15 журнала «Телескоп» помещена статья..., коей сочинитель есть живущий в Москве г. Чеодаев. Статья сия, конечно, уже Вашему сиятельству известная, возбудила в жителях московских всеобщее удивление. В ней говорится о России, о народе русском, его понятиях, вере и истории с таким презрением, что непонятно даже, каким образом русский мог унижить себя до такой степени, чтоб нечто подобное писать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающиеся чистым, здравым смыслом и будучи преисполнены чувством достоинства русского народа, тотчас постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественником их, сохранившим полный свой рассудок, и потому, как дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодования против г. Чеодаева, но, напротив, изъявляют искреннее сожаление свое о постигшем его расстройстве ума, которое одно могло быть причиною написания подобных нелепостей. Здесь получены сведения, что чувство сострадания о несчастном положении г. Чеодаева единодушно разделяется всею московскою публикой. Вследствие сего государю Императору угодно, чтобы Ваше Сиятельство... приняли надлежащие меры к оказанию г. Чеодаеву всевозможных попечений и медицинских пособий. Его Величество повелевает, дабы Вы поручили лечение его искусному медику, вменив сему последнему в обязанность непременно каждое утро посещать г. Чеодаева, и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чеодаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха, одним словом, чтобы были употреблены все средства к восстановлению его здоровья, — Государю Императору угодно, чтобы Ваше сиятельство о положении Чеодаева каждодневно доносили его Величеству». Таким образом, под маской заботы был вынесен высочайший приговор о сумасшествии выдающегося русского философа, а сам он, по сути, был помещен под домашний арест.

В результате многие цензоры искали скрытый смысл в самых невинных сочинениях. Печально известный своим обскурантизмом, нелепыми придирками цензор Красовский однажды не пропустил в печать стихотворения поэта Олина «Стансы к Элизе». О строчке, где лирический герой мечтает быть всегда с любимой и «улыбку уст ее небесную ловить», цензор откомментировал следующими словами: «Слишком сильно сказано! Женщина недостойна того, чтобы улыбку ее называть небесною». Двустигшие «Что в мненьи мне людей!» Один твой нежный взгляд дороже для меня вниманья

всей вселенной» заслужило следующее глубокомысленное рассуждение: «Сильно сказано, к тому же во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно». «Сверх сего, — писал бдительный цензор, — к блаженству можно приучаться только близ Евангелия, а не женщины».

Правда, «проколы» случались и в самом III Отделении. В 1839 году в свет вышел первый том сборника «Сто русских литераторов». Здесь были опубликованы три произведения Александра Бестужева. Осужденный по делу декабристов, он в 1829 году был отправлен рядовым на Кавказ. Ему, известному литератору, в виде особой милости было разрешено печататься под псевдонимом «Марлинский» и другими. В июне 1837 года прапорщик Бестужев погиб в стычке с горцами у мыса Адлер. И вот в сборнике были указаны его подлинная фамилия, а также приложен его портрет. Последовал экстренный запрос: «Кто разрешил пропустить портрет Бестужева?» В результате выяснилось, что допустил подобный шаг сам управляющий III Отделением А. Н. Мордвинов! В результате сановника уволили, а его место занял Л. В. Дубельт.

III Отделение занималось организацией контрпропаганды. В 1846 году в газете Булгарина «Северная пчела» была напечатана баллада графини Евдокии Ростопчиной «Насильный брак». Рассказ о судьбе молодой жены барона-деспота подразумевал угнетение Польши русским самодержавием. Николай I был разгневан. Номер газеты был изъят. Булгарину пришлось за свой недосмотр давать объяснения. По заказу III Отделения появились литературные ответы Нестора Кукольника («Ответ вассалов») и Е. Рудыковского («Ты прав во всем, наш повелитель...») с призывом к «барону» покарать дерзкую «жену».

После появления во Франции книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», главной мыслью которой были слова, что «в России есть все, нет только свободы», был напечатан целый ряд работ, стремившихся доказать, как благоденствует империя под управлением Николая I. Когда же Николай Греч в одной из статей проговорился, что свой ответ Кюстину готовит по заказу правительства, он получил выговор от Дубельта за излишнюю болтливость.

Вообще же общественному мнению Западной Европы придавалось особое значение. В 30-е годы и позже в Австрию, Пруссию и Францию выезжали специальные чиновники «с целью опровергать посредством умных и дельных статей грубые нелепости, печатаемые за границей о России и ее монархе, и вообще стараться противодействовать революционному духу, овладевшему журналистикой». Один из деятельных помощников III Отделения за границей, Яков Толстой начинал свою деятельность защитой русского самодержавия в зарубежной печати.

Контролируя собственных сочинителей и «давая отпор» зарубежным «клеветникам», III отделение, исполняя «высочайшую волю», одновременно заботилось о недопущении в пределы империи иностранной «заразы». В юбилейном отчете за 1876 год по этому поводу, в частности, говорилось следующее: «В видах охранения нашего Отечества от наглых разрушительных теорий, волновавших Западную Европу, высочайше повелено было принять решительные и энергические меры, большая часть коих была возложена на III отделение: последовало распоряжение о строжайшем наблюдении за всеми иностранцами, в особенности же за французами, проживающими в пределах империи, запрещен был въезд в Рос-

сию первоначально французам, а вскоре и прочим европейцам, за весьма незначительными исключениями, русским подданным выезд за границу разрешался не иначе как по особо важным, исключительным причинам, тем же, которые находились уже за границей, сделано было приглашение возвратиться в Отечество, ввоз иностранных книг был подвергнут новым правилам, лишавшим книгопродавцев возможности с прежней легкостью распространять запрещенные сочинения, произведены были обыски во многих книжных магазинах С.-Петербурга, Москвы, Риги и Дерпта [Гарту], причем найденные в значительном числе недозволенные цензурой книги были конфискованы, а виновные книгопродавцы преданы суду, усилено наблюдение за ходом воспитания в России, за литературой и особенно за журналистикой».

Борьба с любым политическим инакомыслием и опасностью его проникновения и распространения в Российской империи естественно предполагала и интерес политического розыска к политической эмиграции. Отказались вернуться домой после 14 декабря 1825 года некоторые участники тайных обществ: Николай Иванович Тургенев и Яков Николаевич Толстой. В 40-е годы покинули Россию Александр Герцен и Николай Огарев, Иван Головин и другие. После польского восстания 1830—1831 годов в Европу перебрались сотни тысяч беженцев. Среди них — друг Александра I князь Адам Чарторыйский, поэт Адам Мицкевич, композитор Фридерик Шопен.

Уже в 1834 году между Россией, Австрией и Пруссией было заключено соглашение о сотрудничестве в сборе сведений о политических эмигрантах и совместном воздействии на революционную прессу. Первым руководителем заграничной агентуры III Отделения был барон К. Ф. Швейцер. Он создал группу агентов из местных жителей. Но довольно скоро выяснилось, что новые сотрудники любили получать деньги, не желая утруждать себя работой. Они сочиняли небывлицы, оформляли их в виде отчетов, отправляли в Петербург и получали за это приличное вознаграждение. Когда обман выяснился, III Отделение перешло в основном к использованию своих проверенных агентов. Одним из первых в этом ряду был уже упомянутый выше Яков Толстой. Член «Союза благоденствия», приятель молодого Пушкина, он после восстания декабристов остался в Европе. Но скоро стал молить о прощении и выказал готовность заслужить его делами. Человек образованный, наблюдательный и умный, Яков Толстой тридцать лет верой и правдой служил III Отделению. Формально он состоял «корреспондентом министерства народного просвещения».

Постепенно число таких агентов росло. Например, в конце 1861 года в Европу прибыл 30-летний дворянин Виленской губернии Александр Фабрианович Балашевич. Бывший подпоручик, литератор, коллекционер археологических древностей и собиратель антиквариата, поступил на службу в III Отделение. «Легенду» ему разрабатывали с помощью Якова Толстого. Опытный агент писал осенью 1861 года: «Полезнее г-ну Балашевичу сноситься с польскими выходцами под предлогом исторических занятий, — предмет ему совершенно знакомый, — и под видом ученого археолога осведомляться о всем происходящем в возмутительных комитетах и между главнейшими коноводами эмиграции».

В Париж он приехал с документами графа Альберта Потоцкого. Затем поселился в Лондоне. Главной задачей было изучать деятельность и связи А. И. Герцена и Н. П. Огарева, польской революционной эмиграции, их

контакты между собой и с другими радикальными политиками Европы (Джузеппе Гарибальди, например). Официальным прикрытием был его собственный антикварный магазин. Кстати, после того как Герцен весной 1865 года перебрался из Англии в Швейцарию, начальство предложило Балашевичу последовать за ним. Но агент, видимо, уже привыкший к упорядоченной жизни, просил разрешить ему остаться в Лондоне. Просьбу удовлетворили, но урезали жалованье вдвое, с 40 до 20 фунтов стерлингов в месяц.

В конце 60-х годов одной из главных забот агентуры III Отделения за границей стал розыск Нечаева. Напомним суть дела. Осенью 1869 года Сергей Геннадьевич Нечаев 22 лет, бывший преподаватель Закона Божьего в приходских училищах, организовал в Москве подпольный кружок «Народная расправа» на основе строжайшего повиновения его членов своему руководителю. Через два с половиной месяца, 21 ноября в парке Петровской сельскохозяйственной академии Нечаев с группой товарищей убил студента академии Ивана Иванова, который начал подозревать вождя в мистификаторстве. Преступление было раскрыто через несколько дней, начались аресты. Сам Нечаев в середине декабря перешел границу и укрылся в Швейцарии. III Отделение и министерство внутренних дел разослали циркуляры о розыске Нечаева с приложением примет преступника. Министерство иностранных дел России уведомило своих дипломатов в Европе о необходимости оказывать содействие тайной полиции в поимке Нечаева. До лета 1871 года Сергей Геннадьевич странствовал из Женевы в Лион, оттуда в Париж, в Лондон.

Балашевич также докладывал начальству те слухи о местонахождении Нечаева, которые ему удалось раздобыть. Например, в мае 1870 года он сообщал: «Из всех источников, сколько нам удалось узнать, Нечаев находится в Лондоне. Здешние демократы потеряли его след...» Через некоторое время агент сообщает новую информацию: «По всем справкам, принятым через польских эмигрантов, Нечаев не находится в Лондоне, но его ожидают». В 1871 году Балашевич доложил, что даже видел Нечаева в ресторане и описал его внешность. Надо признать, что эта информация не помогла в розысках Нечаева. Известный исследователь этой темы Ф. М. Лурье даже считает, что русская политическая полиция достаточно долго просто не была заинтересована в поимке Нечаева, ибо считала, что он своими призывами и действиями приносит пользу, раскалывая революционную эмиграцию и внося смуту в революционные организации в России. Арестовали Сергея Геннадьевича 2 августа 1872 года в Цюрихе, а 19 октября доставили в Петербург. После суда в Москве, приговорившего его к 20 годам каторжных работ, он до конца жизни, до 21 ноября 1882 года, находился в Секретном доме Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Само его пребывание там — пощечина управляющему III Отделением генералу А. Л. Потапову, сближение с солдатами охраны, подготовка побега — тема особого рассказа.

Между тем главным объектом внимания Балашевича до его отъезда из Лондона в 1875 году стал Генеральный совет I Интернационала. Агент сумел лично познакомиться с целым рядом известных деятелей европейского революционного движения: бывшим преподавателем Артиллерийской академии, одним из идеологов русского революционного народничества Петром Лавровым, активным участником польского восстания 1863—1864 годов, генералом Парижской Коммуны 1871 года, членом Генсовета

I Интернационала Валерием Врублевским и получал через них ценную информацию о планах польской и русской эмиграции. Это, кстати, было отмечено повышением жалованья: с 20 до 30 фунтов стерлингов в месяц.

III Отделение интересовалось и фигурой фактического руководителя I Интернационала, Карлом Марксом. Осенью 1872 года Балашевич переправил в Петербург фотографию Маркса, подаренную ему лично. Агент этим очень гордился, подчеркивая, что это доказывает «насколько они в нас нуждаются». Доверие к Балашевичу со стороны руководителей I Интернационала объяснялось его активным участием в деятельности революционных организаций. Летом 1872 года он, не без хвастовства, докладывал начальству: «По предложению Врублевского и прочих меня избрали полномочным делегатом для образования унии между Лондонским, Парижским и Брюссельским польскими комитетами. Дело это конфиденциальное, и мне поручено действовать весьма осторожно. Из 3-х кандидатов на меня пал жребий, чему я очень рад, ибо приму надлежащие меры, дабы разрушить их планы. Поездку и прочие расходы я взял на свой счет, что более всего содействовало моему выбору». С этим поручением связано было и посещение квартиры агента III отделения К. Марксом и В. Врублевским, которые советовали ему «употребить все усилия, дабы соединить все общества эмиграции с Лондонским комитетом». В результате Балашевич после поездки на европейский континент отчитывался перед Петербургом: «Предприятие мое увенчалось, слияние обществ невозможно. ...Здешние демократы будут недовольны., но я действовал так осторожно, что они не доберутся [до] источника».

Если Я. Толстой и А. Балашевич-Потоцкий были постоянными зарубежными агентами, то существовала и форма временных командировок. Например, летом 1869 года в Швейцарию выехал агент Карл-Арвид Романн. У него были документы на имя отставного подполковника Николая Васильевича Постникова. Он получил два задания. Первое исходило из уст самого Александра II: «добыть» архив умершего в августе 1868 года князя Петра Владимировича Долгорукого. Известный историк, генеалог, имевший доступ ко многим семейным архивам аристократических родов, он собрал огромную коллекцию устных преданий и документов, компрометировавших ряд российских государей из династии Романовых. Живший с 1859 года за границей, он сотрудничал в газете «Колокол», издавал собственные литературные произведения и собирался написать «интимную хронику российского Императорского Двора и главных семейств и лиц, причастных к истории последних десяти царствований». Вторым заданием, полученным позднее, был розыск все того же Нечаева.

В Женеве в течение месяца Романн познакомился и сблизился с Огаревым и Бакуниным. Он убедил их, что хочет купить и издать за свой счет секретные бумаги князя Долгорукова. Уже в сентябре он сообщил, что сумел просмотреть «Список бумагам князя П. В. Долгорукова», который насчитывал 56 страниц. Агент сумел произвести благоприятное впечатление даже на Герцена, славившегося своим умением распознавать подозрительных личностей. Весь процесс переговоров докладывался в Петербург. Оттуда шли запросы в Крым, в Ливадию, где в это время находились Александр II и шеф жандармов Петр Шувалов. В результате к ноябрю 1869 года сундук с рукописями за 6500 рублей оказался в руках агента III Отделения. Затем бумаги были доставлены в Петербург. Через много лет основную часть этого архива разыскал в Ленинграде известный историк и

писатель Н. Я. Эйдельман. Он хранился в рукописном собрании библиотеки Зимнего дворца. Сам же секретный агент еще некоторое время в розысках Нечаева продолжал поддерживать знакомство с Герценом, путешествовать вместе с Бакуниным в 1870 году по охваченной революционными волнениями Франции и даже с разрешения начальства издал в Женеве наиболее безобидные бумаги из собрания Долгорукова.

В царствование Александра II деятельность политического розыска и контроля осложнилась новыми непривычными законами: ослаблением цензуры печатных изданий, судебной реформой 1864 года с ее гласностью и состязательностью судебного процесса. Поэтому в официально публикуемых документах указывалось, что чины корпуса жандармов должны уважать законы, не могут расследовать дела, которыми уже занимаются судебные следователи. Но в целом государство оставалось неправовым. Поэтому одновременно граф П. А. Шувалов требовал от своих подчиненных руководствоваться секретными инструкциями, которые по-прежнему ориентировали жандармов «наблюдать за нравственным направлением духовенства ... обращать особое внимание на дух школ», «доводить до сведения начальства о всяком покушении взволновать умы изустными проповедями с помощью речей», следить за офицерами, если они будут «давать подчиненным литературные вечера или участвовать в оных». Политические дела, по возможности, предлагалось расследовать собственными силами.

Но только секретными инструкциями в новых условиях было не обойтись. Закон от 19 мая 1871 года, учитывая сложившиеся реалии, одновременно расширил полномочия жандармов. При расследовании политических преступлений чины политического розыска должны были проводить предварительное дознание. Сбор улик находился под контролем прокурора судебной палаты. Но новый закон впервые официально закрепил за жандармерией роль не только «наблюдателей», но и «полицейских». Они получили право задерживать подозреваемых, как по политическим, так и по уголовным делам. Железнодорожная жандармерия получила все права уголовной полиции.

По закону от 7 июня 1872 года дела о политических преступлениях рассматривались Сенатом — высшим судебным учреждением империи. С этого времени, вплоть до 1917 года, большую часть политических процессов проводило специально созданное Особое присутствие правительствующего Сената. За окружными судами остались лишь обвинения в хранении нелегальной литературы, и то только в том случае, если не был доказан факт ее распространения. Многие же арестованные по политическим делам просто не выводились на суд. Их судьбу решало в административном порядке Особое совещание. Оно было образовано при министре внутренних дел в 1864 году и имело право назначать наказания в виде ссылки в отдаленные районы империи.

Единственный раз, когда власть решилась в подобной ситуации обратиться к суду присяжных, случился в 1878 году. 24 января 1878 года в доме № 2 по Гороховой улице градоначальник Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов принимал посетителей. Очередная просительница, молодая женщина около 30 лет, левой рукой протянула ему прошение о месте домашней учительницы. В тот момент, когда градоначальник собирался его взять, девушка выстрелила в него из револьвера системы «Бульдог». Федор Федорович был легко ранен. Стрелявшая схвачена. Ею оказалась дворянка Вера Ивановна Засулич. С 19 лет она участвовала в различ-

ных молодежных кружках. В 20 лет была арестована и без малого два года провела в заключении в Литовском замке и в Петропавловской крепости. Затем ссылка, новый арест и новая высылка. Перед покушением работала в подпольной типографии организации «Земля и воля».

Причину покушения она объяснила ясно и кратко: «За Боголюбова». История эта была известна читающей публике. Незадолго до этого Трепов посетил Дом предварительного заключения на Шпалерной улице. Здесь ему на глаза попался арестант, не снявший шапку перед градоначальником, как полагалось по тюремным правилам. Рассерженный Трепов лично сшиб шапку с нарушителя порядка, топал ногами и ругался, а потом велел выпороть провинившегося розгами. Жертвой начальственного гнева оказался студент Архип Боголюбов, арестованный за участие в первой политической демонстрации, проходившей в декабре 1876 года у Казанского собора. Событие стало достоянием газет. Опротестовать действия Трепова законным порядком не было возможности. И девушка, оскорбленная до глубины души за незнакомого ей, но родного по духу юношу, решила на месть.

Александр II распорядился: «Судить как воровку с Апраксина рынка!» Под председательством известного юриста А. Ф. Кони суд состоялся 31 марта 1878 года. Среди публики были князь А. М. Горчаков, канцлер Российской империи, писатель Ф. М. Достоевский, другие известные люди. Защитник Александров подчеркивал, что это был шаг отчаяния в защиту оскорбленного человеческого достоинства. В зале пересказывали гулявшую по городу эпиграмму: «Грянул выстрел-отомститель! Оступился божий бич, и упал градоправитель, как подстреленная дичь!»

Присяжные оправдали подсудимую. В зале раздались аплодисменты. Конвойный офицер скомандовал жандармам: «Щапки в ножны!» и снял караул. Судья А. Ф. Кони, следуя закону, тут же освободил арестованную. Когда жандармы получили новое распоряжение об аресте Веры Засулич, она уже скрылась. Это была публичная пощечина общества правительству. В последующие сорок лет ни одно политическое дело не рассматривалось в суде присяжных.

Хотя III Отделение и Корпус жандармов были по закону монополистами в области политического розыска, им все же приходилось, особенно в первые годы, сталкиваться с конкурентами. Уже 20 июля 1826 года Фок докладывал Бенкендорфу: «Уверяют, что городская полиция, заметив, что существует деятельный надзор, собирается развернуть все находящиеся в ее распоряжении средства, дабы первой узнавать все, что делается...» Через три недели, 10 августа, Фок вновь сообщал своему начальству: «Полиция отдала приказание следить за моими действиями и за действиями органов надзора. Полицейские чиновники, переодетые во фраки, бродят около маленького домика, занимаемого мною, и наблюдают за теми, кто ко мне приходит. ...из этого вытекает большое зло: надзор, делаясь сам предметом надзора, вопреки всякому смыслу и справедливости, — непременно должен потерять в том уважении, какое ему обязаны оказывать в интересах успеха его действий. ...Ко всему этому следует прибавить, что Фогель (крупный полицейский чиновник. — В. И.) и его сподвижники составляют и ежедневно представляют военному губернатору рапортчики о том, что делают и говорят некоторые из моих агентов».

Особенно амбициозные претензии министерства внутренних дел, стремление его чиновников «подставить ножку» III Отделению проявились в



деле петрашевцев. Началось это самое громкое дело периода царствования Николая I весной 1848 года с донесения действительного статского советника И. П. Липранди министру внутренних дел Л. А. Перовскому о собраниях по пятницам на квартире кандидата права, выпускника Лицея, переводчика министерства иностранных дел М. В. Буташевича-Петрашевского. У этого молодого человека (в 1848 году ему было 27 лет) с 1844 года регулярно собирались его сверстники. Они обсуждали политические события в России и Европе, вопросы переустройства общества для устранения несправедливости. Отдельные из них уже задумывались о создании тайных кружков для перехода к более решительным действиям. Но, по большей части, дело все же ограничивалось теоретическими спорами, чтением запрещенной литературы, в том числе распространяемого в списках письма В. Г. Белинского Н. В. Гоголю с критикой книги последнего «Выбранные места из переписки с друзьями».

Липранди не был обычным чиновником. После вступления русской армии в Париж в марте 1814 года он руководил военной агентурой. После возвращения на родину служил в военной разведке Южной армии. Здесь в Кишиневе в 1821—1824 годы Липранди притворяется с Пушкиным, входит к нему в доверие. В одном из писем к Петру Вяземскому в Москву поэт писал: «Липранди берется доставить тебе мою прозу... Он мне добрый приятель и (верная порука за честь и ум) не любим нашим правительством и в свою очередь не любит его». После перевода в Одессу Пушкин спрашивал их общего знакомого: «Где и что Липранди? Мне брюхом хочется видеть его». Через несколько лет, в декабре 1826 года поэт в письме одному из кишиневских приятелей писал: «Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь». В последней фразе содержался намек на то, что по делу декабристов Липранди был доставлен с фельдгерем в столицу для допроса. Пушкин не догадывался, что в Кишиневе его приятель осведомлял правительство. А поездка в Петербург закончилась для Ивана Петровича выдачей наградных.

Именно Липранди, действительному статскому советнику, служившему в тот момент чиновником по особым поручениям МВД, было поручено заняться Петрашевским и его гостями. Розыск начался с засылки секретного агента в окружение Петрашевского. Им оказался 23-летний студент Петербургского университета П. Д. Антонелли, сын академика живописи. С мая 1848 года от него стали поступать донесения. Желавший отличиться агент не просто занимался осведомительством, а был провокатором, то есть своими действиями подстрекал Петрашевского и его друзей к более активным действиям. Это находило полную поддержку у начальства. Липранди подсказал Антонелли версию, что тот якобы имеет связи с горцами Кавказа, которые уже несколько десятков лет сражались с русскими войсками. Была даже организована встреча Петрашевского с черкесами из царского конвоя.

Одновременно Антонелли стремился раздуть масштабы «заговора». В одном из его донесений были такие строчки: «Сколь я могу знать из знакомства с известным лицом (Петрашевским. — В. И.), связи его огромны и не ограничиваются одним Петербургом. Из этого, по моему разумению, я заключаю, что действовать должно очень осторожно и вовсе не торопясь».

Достаточно быстро о назревавшем деле Петрашевского узнало и III Отделение. Поскольку ведение дела Николай I поручил министерству внутренних дел, то жандармы вовсе не были заинтересованы в успехе

своих соперников и выступали против раздувания значимости сборищ на квартире скромного чиновника. Но время было тревожное: бушевали революции в Европе, 26 апреля было объявлено о вступлении русской армии по просьбе австрийского императора в пределы Австрийской империи для подавления восстания в Венгрии.

В результате по приказу Николая I в ночь на 23 апреля (5 мая) 1849 года начались аресты. Из 123 подследственных 50 человек прошло через Петропавловку. Трое заключенных потеряли рассудок во время следствия, один психически заболел после освобождения из крепости. Секретная следственная комиссия пришла к выводу, что «какого-либо организованного тайного общества, имеющего разные отрасли в разных слоях народа» не существовало. Тем не менее военный суд приговорил 21 человека, в том числе Ф. М. Достоевского, к расстрелу. В последний момент, уже на плацу, когда первая партия приговоренных ожидала казни, им милосердие объявили о замене приговора каторгой и арестантскими ротами.

Липранди также не был удовлетворен. Он получил в награду всего лишь тысячу рублей и писал впоследствии: «Для меня дело Петрашевского было пагубно, оно положило предел всей моей службе и было причиной совершенного разорения».

Деятельность III Отделения и корпуса жандармов в этот период требует ответа на несколько вопросов: в какой мере можно доверять материалам политического розыска? Насколько осведомители и их руководители были заинтересованы освещать истинное положение дел? В какой степени донесения учитывали пожелания верховной власти?

Конечно, среди чинов политического розыска было немало людей профессиональных, озбоченных судьбами государства. Их обзоры и информация, предназначенные для узкого круга посвященных, в силу этого, содержали более полную и объективную информацию, чем в официальных отчетах. В этом ценность материалов политического розыска.

Но одновременно следует видеть и другие стороны проблемы. Политический розыск — одна из составляющих государственного аппарата со своими специфическими клановыми интересами. Одна из самых насущных постоянных забот — бесперебойное и растущее финансирование. Для этого в глазах верховной власти любая чиновная структура должна выглядеть абсолютно необходимой и надежной. В результате политический розыск объективно заинтересован в постоянном наличии «врагов государства», с которыми успешно бороться может только он. Другая забота любого чиновника — убедить верховную власть, что при отдельных недостатках дела идут все лучше и лучше. Поэтому даже после убийства в центре столицы руководителя III Отделения Н. В. Мезенцева исполнявший его обязанности генерал Н. Д. Селиванов докладывал императору «В городе спокойно, розыски продолжают энергично, но все-таки не столь успешно, как бы желалось». Правда, в данном случае раздраженный Александр II начертал: «Пока не вижу никакого результата». Но подобные выволочки тоже входят в правила бюрократической игры.

Поэтому принимать за чистую монету все материалы политического розыска, как и любые документы, конечно, недопустимо. Их надо сравнивать, сопоставлять с другими данными. Да и сама верховная власть вовсе не собиралась слепо доверять донесениям III Отделения. Выше приводились резкие характеристики ряда министров, данные в докладе за 1827 год. Тем не менее, Егор Канкрин оставался министром финансов

еще 17 лет, военный министр Александр Чернышев — 25 лет, морской министр Антон Моллер — 9 лет.

В своем проекте «Об устройстве высшей полиции» А. Х. Бенкендорф доказывал, что результатом осуществления его предложений станет появление «бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления», далекой от доносов и интриг. Через несколько десятков лет оказалось, что III Отделение породило страх, враждебность значительной части общества при одновременном бессилии уничтожить оппозиционные режиму политические силы. Доносы и интриги стали одной из неотъемлемых составляющих деятельности политического розыска времен Николая I и Александра II.

*Зинаида Перегудова*

### ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И МЕСТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА (1880—1917)

К концу 70-х годов XIX века Александр II и его окружение проявляли все большее недовольство результатами деятельности Третьего отделения. Руководство политического розыска просило все больше денег на борьбу со злоумышленниками, представляло впечатляющие ответы о количестве лиц, находившихся под негласным надзором, но руководство «Народной воли» оставалось неуловимым. Террористические акции следовали одна за другой.

26 августа 1879 года в пригороде столицы, в Лесном, исполком «Народной воли» вынес «смертный приговор» Александру II. Началась целенаправленная «охота» кучки людей на главу огромной империи. В ноябре 1879 года было сделано две попытки — в районе города Александровска и под Москвой — взорвать царский поезд на пути из Крыма в Петербург. 5 февраля 1880 года за несколько мгновений до начала парадного обеда в честь принца Александра Гессенского содрогнулся от взрыва Зимний дворец. Одиннадцать человек было убито и пятьдесят шесть ранено. В основном пострадали солдаты лейб-гвардии Финляндского полка, находившиеся в караульном помещении, расположенном под царской столовой. Центром взрыва была каморка члена «Народной воли» Степана Халтурина. Сам он, накопивший в своем жилище около 40 кг динамита, благополучно скрылся. Это событие, пощадив членов императорской фамилии, стало началом конца Третьего отделения.

Через неделю, 12 февраля 1880 года, появился указ о создании Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Ее главным начальником стал боевой генерал и талантливый администратор М. Т. Лорис-Меликов. Прибывший из Астрахани, где он решительными мерами подавлял чуму, Михаил Таризелович теперь должен был покончить с покушениями «на государственной и общественной строй». Несмотря на сопротивление бюрократических структур, 3 мая ему было подчинено Третье отделение, а 4 мая — Корпус жандармов.

Следующим логическим шагом со стороны нового начальника стало проведение ревизии деятельности Третьего отделения. Она началась ле-

том того же года. Проводил ее сенатор И. И. Шамшин, член Верховной распорядительной комиссии. Он обнаружил там множество беспорядков во всех отношениях. Оказалось, что многие розыскные дела велись «односторонним расспросом двух-трех человек, иногда даже почти не знавших обвиняемого». В результате в ссылку часто отправляли невинных людей. Сами дела хранились часто без «весьма важных бумаг, на которых было основано все производство». В результате розыска их нередко обнаруживали: «иногда... на дому у того или иного чиновника, иногда в ящиках столов канцелярии, раз случилось даже, что какое-то важное производство отыскано было за шкафом».

Положение финансовых дел наводило на мысль о значительных злоупотреблениях. Выражаясь современным языком, огромные суммы расходовались не по назначению. Дело в том, что сами имена тайных агентов были неизвестны даже шефу жандармов, чтобы не допустить расшифровки этих лиц. В результате выписывавшиеся им деньги чиновники могли израсходовать на свои надобности. В августе 1878 года Третьему отделению было отпущено дополнительно 300 тысяч рублей на «противодействие пропаганде». Оказалось, что около половины этих денег ушло на составление «какого-то особого капитала Третьего отделения». Остальное делилось на две части, из которых одна шла на выдачу наград и пособий чиновникам, а другая — агентам, наблюдавшим преимущественно за высокопоставленными лицами».

В результате, лучше всего политический розыск был осведомлен о частной жизни высших сановников. «Шефу жандармов было в точности известно, с кем знаком тот или другой правительственный деятель, какой ведет образ жизни, у кого бывает, не имеет ли любовницы и т. д. Обо все этом... постоянно докладывалось государю».

Такие выводы ревизии предопределили судьбу Третьего отделения. Шестого августа 1880 года Александр II подписал указ «О закрытии Верховной распорядительной Комиссии и упразднении Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии». Дела Третьего отделения предлагалось передать «в ведение Министерства внутренних дел, образовав особь, для заведования ими в составе Министерства... Департамент Государственной Полиции». Права шефа жандармов также передавались министру внутренних дел.

После создания Департамента государственной полиции продолжается работа по объединению полицейских учреждений. Лорис-Меликов предлагает передать Департаменту государственной полиции часть функций Департамента полиции исполнительной, которые носили «строго полицейский характер».

Достаточно затяжным оказался вопрос о личном составе нового учреждения. Это был непростой вопрос. Он касался и оплаты сотрудников двух фактически сливаемых учреждений (Третьего отделения и Департамента полиции исполнительной), и количественного состава нового учреждения. По этому поводу Лорис-Меликов писал: «...руководствуясь убеждением о необходимости возможного ограничений числа служащих... Я признавал бы соответственным образом Департамент из меньшего числа чиновников, даже сравнительно с действительным составом каждого из отдельных учреждений ныне соединяемых». В бывшем Третьем отделении число чиновников в последнее время доходило до 71, в «Департаменте полиции исполнительной» до 57 человек. В проектируемом штате число

чиновников определяется 52 лицами, такое сокращение представляется возможным посредством сосредоточения делопроизводства в руках опытных и способных должностных лиц, доказавших усердие и знание дела».

И далее Лорис-Меликов писал, что в результате «исключительности нового учреждения» можно допустить «в штате Департамента некоторые отступления от общих для других департаментов Министерства внутренних дел норм, как по классам должностей, так и содержанию». Касаясь характеристики личного состава нового учреждения, он считал, что «делопроизводство в оном может быть вверено только таким лицам, которые обладая необходимыми для службы в высшем правительственном учреждении познаниями и способностями, вполне заслуживают доверия по своим нравственным качествам, выдержанности характера и политической благонадежности. Для таких лиц необходимо должно быть обеспечено приличное служебное положение». Одновременно говорилось о том, что штаты Департамента в качественном отношении должны соответствовать тем требованиям, которые были поставлены перед учреждением, призванным охранять безопасность существующего строя.

Старые кадры не подходили по своим профессиональным качествам, Лорис-Меликов предполагал, чтобы новое учреждение состояло из гражданских лиц с хорошей юридической подготовкой — «законников». В течение августа—ноября шло формирование штатов нового учреждения. Из старых сотрудников было принят 21 человек. При отборе приоритет отдавался чиновникам особых поручений, архивистам и канцелярским служащим. В их числе оказался и внештатный «чиновник для письма», тайный агент «Народной воли» Н. В. Клеточников.

Указом от 15 ноября 1880 года Департамент полиции исполнительной был присоединен к Департаменту государственной полиции. В этом Указе было точно определено штатное расписание Департамента государственной полиции: директор Департамента, вице-директор, чиновники особых поручений — 3, секретарь — 1, журналист — 1, делопроизводители — 3, старшие помощники делопроизводителей — 10, младшие помощники делопроизводителей — 9, казначей — 1, помощник казначея — 1, начальник архива — 1, помощники начальника архива — 2, чиновники для письма — 18.

Штат самого Департамента полиции на протяжении многих лет оставался по-прежнему весьма скромным. Даже в 1914 году в нем числилось официально 92 человека. Правда, на деле, за счет сверхштатных сотрудников в Департаменте трудилось около 300 человек. Но даже последняя цифра, безусловно, являлась небольшой для огромной Российской империи.

Первоначально Департамент состоял из трех структурных частей, которые назывались делопроизводствами: распорядительного, законодательного и секретного. Первые были общеполицейскими, третье считалось политическим. Оно было секретным и занималось наблюдением за благонадежными элементами, как в России, так и за границей. Это означало контроль за перепиской, связями этих людей, за их организациями и распространением нелегальной литературы. Здесь же ведали внутренней и заграничной агентурой, охраной царя и других высокопоставленных лиц. В таком виде это подразделение просуществовало до 1898 года.

18 февраля 1883 года к Департаменту государственной полиции был присоединен Судебный отдел Министерства внутренних дел. С этого момента Департамент государственной полиции получает свое окончатель-

ное название Департамент полиции. А в его структуре появляются еще два новых подразделения — делопроизводства: четвертое, которое получило название «наблюдательного» и пятое — «исполнительное», основной задачей которого была подготовка материалов к Особому совещанию на предмет административной ссылки лиц, заподозренных в революционной деятельности. Этим завершился первый этап формирования центрального учреждения политического розыска России, главной задачей которого официально являлось «предупреждение и пресечение преступлений и охрана общественной безопасности и порядка».

Итак, непосредственным главой Департамента являлся директор. В повседневной работе он подчинялся одному из товарищей министра, который, как правило, был и командиром Отдельного корпуса жандармов. Общее же руководство осуществлял министр внутренних дел, являвшийся теперь и шефом жандармов. На Департамент возлагалось руководство как общей, так и политической полицией.

На местах «охранительно-розыскную» работу политического розыска вели губернские и областные жандармские управления (ГЖУ и ОЖУ), жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж. д.), розыскные пункты, охранные отделения, районные охранные отделения (в период с 1907 по 1914 годы). Все они в своей оперативно-розыскной и наблюдательной деятельности подчинялись Департаменту, а по строевой, хозяйственной, инспекторской — Отдельному корпусу жандармов.

Первые годы были трудным испытанием для нового органа политического розыска. «Народная воля» продолжала действовать. Правда, уже к началу 1881 года политический розыск смог доложить о ряде успешных операций. Были арестованы члены Исполнительного комитета таинственной организации Александр Михайлов, Андрей Пресняков, Александр Баранников, Арон Зунделевич, Николай Морозов. Дали откровенные показания два активных террориста: Григорий Гольденберг и Иван Окладский. Последний через пару месяцев после ареста стал постоянным тайным агентом и оставался им до самого 1917 года. 27 февраля 1881 года в меблированных комнатах на Невском проспекте полиция задержала Михаила Тригоны и Андрея Желябова. Утром первого марта 1881 года петербургский градоначальник генерал Федоров, собрав полицмейстеров и участковых приставов, объявил им, что для окончания борьбы с крамолой остается задержать еще двух-трех человек. Но в 13 часов того же дня на набережной Екатерининского канала бомбой Игнатия Гриневицкого был смертельно ранен Александр II.

В правящих сферах в эти дни возникли паника и замешательство. Многие сановники ожидали новых покушений. Не догадываясь о том, что силы «Народной воли» практически исчерпаны и почти все ее активисты действительно арестованы, они уже не верили в действенность официальных органов политического розыска.

По инициативе начальника охраны Александра III графа И. И. Воронцова-Дашкова, полковника лейб-гвардии гусарского полка графа П. П. Шувалова и других представителей высшего света в августе 1881 года была создана «Священная дружина» (другие названия — «Святая дружина», «Золотая дружина», «Добровольная охрана», «Охранная дружина», «Общество борьбы против террора»). Члены организации («ратники») вербовались преимущественно из придворных кругов и высшей администрации. К концу 1882 года она насчитывала 729 постоянных членов и 14 672 добровольных охранника.

Первоначально ячейки «Дружины» возникли в Петербурге и Москве. Позднее филиалы были созданы за рубежом, в Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде и других городах империи. Постепенно определилась структура общества. Подражая, возможно, С. Г. Нечаеву — этому Мефистофелю революционного движения, аристократы также строили свою организацию на основе «пятерок». Высшим органом был Совет первых старших членов, состоявший из «отцов-основателей». Кроме этого были созданы Центральный, Организационный и Исполнительный комитеты. Членов Центрального комитета назначал Совет старшин. Организационный и Исполнительный комитеты подчинялись Центральному комитету. В ведении Центрального комитета находилось также общество «Добровольная охрана», образованное для охраны царя и его семьи.

«Священная дружина», по замыслу ее организаторов, должна была осуществлять личную охрану царя и заниматься общественной деятельностью. Личная охрана царя понималась весьма широко. Под ней подразумевалась не только обеспечение безопасности царя во время его поездок, но и внутренняя охрана. Последняя подразумевала уже политический розыск и «литературную» борьбу с революционным движением. Было решено издавать газеты, которые должны были «дискредитировать в революционных сферах народофильское учение». Две газеты — «Вольное слово» и «Правда» — издавались за границей, третья, «Московский телеграф», выходила легально. Реализовать свои цели они собирались путем провокации. Например, газета «Правда» должна была излагать программу народофильцев, доводя ее до нелепостей. «Вольное слово», в свою очередь, критиковала народофильцев с «умеренно-революционных позиций». Таким путем предполагалось породить разногласия между членами народофильческих кружков.

Одновременно летом и осенью 1881 годов руководители «Священной дружины» даже планировали убийство известного русского революционера князя П. А. Кропоткина, жившего во Франции, и его друга Анри Рошфора. Активное участие в деятельности организации на первых порах принимал 30-летний Сергей Витте, будущий министр финансов России и первый председатель Совета Министров. В своих мемуарах Витте утверждал, что именно он, будучи в то время начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог, направил из Киева письмо своему дяде, генералу Р. А. Фаддееву с предложением о создании подобного сообщества. Но, по его же словам, в скором времени «Священная дружина» превратилась в «смешное, если не постыдное учреждение» и он поспешил из нее выйти.

Недовольство обществом росло и в Министерстве внутренних дел. В первый момент после убийства Александра II, когда новый император Александр III благосклонно принял инициативу своего окружения о создании тайного «братства», товарищ министра внутренних дел вошел в члены центрального комитета «Священной дружины», а столичный обер-полицейстер — в исполнительный комитет. Но ведомственные интересы очень быстро дали о себе знать. Тем более что аппетиты руководителей «Священной дружины» росли. И. И. Воронцов-Дашков, ставший в августе 1881 года министром Императорского Двора, порекомендовал своему преемнику, генералу П. А. Черевину, добиваться соединения двух постов: руководства охраной императора и Департамента полиции. Естественно, это не могло понравиться министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву. Атаку на

свое ведомство ему удалось отбить. Наступление на «Дружину» продолжил новый министр внутренних дел граф Дмитрий Андреевич Толстой, занявший этот пост в конце мая 1882 года. Пользуясь тем, что «сановники-конспираторы» никакими реальными успехами в борьбе с «крамолой» похвастаться не могли, он в ноябре 1882 года добился роспуска этой организации.

Сделать это было тем легче, что Департамент полиции к этому времени мог доложить о почти полном разгроме «Народной воли» и других революционных организаций. Достичь этого удалось в результате применения новых законодательных, административных и розыскных мероприятий. 14 августа 1881 года было принято Положение о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия. Отдельные местности могли переводиться на режим усиленной или чрезвычайной охраны. В этих районах губернаторы, жандармы и полиция получали дополнительные полномочия «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания», высылать неугодных лиц, проводить задержание на срок до двух недель «всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновении к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам». Особое совещание при министре внутренних дел могло в административном порядке, без суда, ссылать арестованных на срок от одного года до пяти лет. Хотя Положение считалось временным, но каждые три года оно продлевалось, вплоть до 1917 года. Первоначально усиленная охрана вводилась на территории 10 губерний и в двух — частично.

Успехи же политического розыска в эти годы больше всего были связаны, как с деятельностью Департамента полиции, так и с работой инспектора Петербургского охранного отделения Георгия Порфирьевича Судейкина. Его сын станет прославленным русским художником, а отец был мастером ткать узоры политической провокации, завлекать в свои сети молодых революционеров, воздействуя на слабые стороны человеческой натуры. К тридцати годам он отличился при разгроме народнических кружков на юге России. Весной 1881 года жандармского капитана перевели в Петербург. Здесь он вскоре завербовал арестованного народофильца Меркулова, получив от него весьма ценные сведения. Новый министр внутренних дел Д. А. Толстой сделал Судейкина инспектором секретной полиции. Должность эта не предусматривалась ни одним штатным расписанием. В подчинении Георгия Порфирьевича оказалась вся полицейская агентура страны. Он лично допрашивал многих арестованных по политическим делам, отправленных в Петербург из многих городов России.

Воспоминания рисуют его человеком высокого роста, атлетического сложения, с красивым лицом, быстрыми черными глазами, обладавшим отличной памятью и огромным тщеславием. В отличие от многих тогдашних деятелей политического розыска он был в курсе новейших революционных и естественно-научных идей. Мог в ходе допросов цитировать Ч. Дарвина, Ч. Ломброзо и К. Маркса.

Судейкин был инициатором ряда новшеств в работе политического розыска. Он требовал не торопиться с арестом, а тщательно установить круг связей обнаруженного революционера с тем, чтобы ликвидировать целые организации. В соседние с арестованными камеры нередко подсаживали теперь завербованных агентов. Последние, называя себя фамилиями других революционеров, в ходе перестукивания получали нужные

полицейские сведения. Например, завербованный в октябре 1880 года Иван Окладский в ходе судебного процесса над ним в 1925 году говорил: «Меня Судейкин подсаживал, он меня заставлял называться Тихоновым. Самому мне где же было додуматься?» Именно методы Судейкина взял на вооружение его последователь П. И. Рачковский.

Судейкин активно использовал метод вербовки секретной агентуры. Весной 1882 года он добился самого крупного успеха на этом поприще, добившись согласия сотрудничать от Сергея Петровича Дегаева.

Отставной штабс-капитан, организатор революционных кружков в Михайловской артиллерийской академии и Константиновском военном училище, участник работ на Малой Садовой по закладке мины под трассу проезда Александра II, Дегаев, после массовых арестов в марте-апреле 1881 года, оставался одним из немногих известных и активных деятелей «Народной воли». В ночь на 5 июня 1882 года в Петербурге при его содействии Судейкин провел небывалую по тем временам облаву: одновременно было арестовано 120 человек. Была захвачена динамитная мастерская. При обыске обнаружили плоскую бомбу, при помощи которой народоволка П. Я. Осмоловская, давшая за пару месяцев до этого согласие на сотрудничество с Судейкиным, собиралась убить своего искусителя.

После этой операции Дегаев стал одним из руководителей остатков «Народной воли». В последующие месяцы по его «наводкам» произошли аресты на Кавказе и в Одессе. В феврале 1883 года была арестована Вера Фигнер — последний член Исполнительного комитета «Народной воли» в России. Перед арестом она передала все явки и полномочия на ведение революционной работы Сергею Дегаеву. В результате провокатор оказался практически полноправным руководителем оставшихся кружков самой страшной для правительства революционной организации.

Казалось, Г. П. Судейкин добился поставленных целей. Но в душе этого человека жила бешеная жажда карьеры. Ему казалось оскорбительным, что плодами его талантов пользуются высокие сановники, а он остается всего лишь жандармским подполковником. По словам народовольца М. Р. Попова, он говорил арестованному: «Я, господа, не идеалист и на все смотрю с точки зрения выгоды. Располагай русская революционная партия такими же средствами для вознаграждения, я так же верно служил бы ей».

Имеющиеся материалы показывают, что в мозгу Судейкина возник фантастический план грандиозной провокации, рассчитанной на ряд лет. С помощью Дегаева он собирался держать «под колпаком» революционные организации, не ликвидировав их до конца. Наоборот, допуская их пополнение, уничтожение конкурентов из Департамента полиции и высшей администрации, этот Мефистофель политического розыска и провокации надеялся быть необходимым Двору и стать по меньшей мере министром внутренних дел. Существовали даже проекты ранения Судейкина Дегаевым с тем, чтобы во время лечения подполковника убить министра внутренних дел графа Д. А. Толстого. Была и идея добровольного выхода в отставку, после которой должен был произойти ряд опасных террористических актов. В любом случае, согласно этому плану Александр III должен был обратиться к Судейкину как единственному спасителю Отечества.

Но этим планам не суждено было сбыться. Не выдержал Дегаев. Уже заподозренный рядом товарищей в России, он, боясь и Судейкина, и революционеров, 14 сентября 1883 года в Женеве признался в предательстве

члену исполкома «Народной воли» Льву Тихомирову. От имени организации последний предложил Дегаеву сделку: провокатор прекращает сотрудничество с Департаментом полиции, помогает организовать его убийство а взамен народовольцы позволят ему скрыться и сохранить свою жизнь. Через три месяца, 16 декабря 1883 года на квартире Дегаева (Невский проспект, д. 63, кв. 13) члены «Народной воли» Василий Конашевич и Николай Стародворский убили Судейкина и тяжело ранили его племянника — казначея Петербургского охранного отделения Н. Д. Судовского.

Дегаев, с помощью организации, бежал за границу. Затем с женой оказался в Южной Америке. Оттуда они перебрались в США. Там бывший офицер, революционер и предатель сумел закончить университет, стал под именем Александра Пелла преподавателем математики, профессором и деканом университета в штате Южная Дакота. Там он и умер в 1920 году.

Последующие 15 лет были сравнительно спокойными для Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. Революционное народничество, в основном, было разгромлено. Отдельные попытки создания новых подпольных организаций, конечно, не прекращались, но просуществовать незамеченными им удавалось весьма недолго. Попытка подготовки покушения на Александра III весной 1887 года группой Александра Ульянова была пресечена до попытки его совершить.

Относительно тихая жизнь закончилась в конце XIX века. Нарастающий переход от аграрного к индустриальному обществу обострял старые и порождал новые социальные противоречия и конфликты. Формирование новых социальных слоев — предпринимателей и промышленного пролетариата, интеллигенции, разрушение прежних ведущих сословий — дворянства и крестьянства — подрывало сословную систему общественной жизни, требовало все более глубоких перемен в политической сфере. Экономическое развитие стимулировало рост местного сепаратизма, национального самосознания многих народностей Российской империи. Попытка высшей власти ответить на эти объективные проблемы отказом обсуждать «бессмысленные мечтания» об изменении политического строя, наступление на частичную автономию Великого княжества Финляндского, политика «русификации» национальных окраин (Царства Польского, Прибалтики, Закавказья), сохранение и ужесточение юридических ограничений гражданских прав шестимиллионного еврейского населения («черта оседлости», «процентная норма» при поступлении в средние и высшие учебные заведения, запрет на определенные профессии и т. д.) наткнулись на все большее недовольство части образованного общества.

Жажда перемен распространялась все шире. Политическая полиция по-своему отвечает на те изменения, которые происходят в обществе. В Департаменте полиции в 1894 году создается новая структура — 6-е делопроизводство, которое стало заниматься разработкой основ фабричного законодательства. В ее обязанности входил контроль за изготовлением, хранением взрывчатых веществ, соблюдением постановлений, определяющих положение еврейского населения. Постепенно к этой структуре добавляются обязанности контроля, связанные с таким явлением как бродяжничество, подделка денежных знаков, контроль за применением уставов о частной золотопромышленности и частном нефтяном промысле. Функции этой структуры за все время ее существования часто менялись.



Развитие студенческого и рабочего движения к концу столетия, появление социал-демократических организаций также заставили провести определенную реорганизацию внутри Департамента полиции. Секретный его отдел — 3-е делопроизводство — уже не справлялось с наплывом переписки политического характера. В январе 1898 года из секретного делопроизводства выделяется его подразделение Особый отдел, который становится самостоятельной структурой. 3-е делопроизводство с этого момента теряет свои политические функции.

Тогда же были утверждены «Предметы занятий» этого Отдела. Главными считались «заведывание заграничной и внутренней агентурой», наблюдение за «корреспонденцией частных лиц», надзор за политическими настроениями учащейся молодежи и рабочих, розыск по политическим делам, регистрация произведений нелегальной печати, рассмотрение поступающих в Департамент вещественных доказательств по дозням, выемка из них книг, брошюр, газет, воззваний, листов противоправительственного содержания, ведение дел о всех появляющихся произведениях подпольной печати, конфискация различных «преступных изданий», составление обзоров и разбор поступающих в департамент шифрованных документов.

Таким образом, Особый отдел получил очень широкие полномочия, он ведал политическим розыском в стране в самом широком смысле этого слова, сосредоточивая в своих руках все организационное руководство им. «Особый отдел несет самые важные функции Департамента полиции», — говорилось в одной из докладных записок директора Департамента.

В обязанности отдела входил также контроль за деятельностью полицейских учреждений, руководство всей оперативной деятельностью губернских жандармских управлений, а впоследствии и охранных отделений, руководство заграничной агентурой. В распоряжение Особого отдела перешла библиотека революционных изданий — 5000 экземпляров, которая постоянно пополнялась за счет литературы, взятой при обысках и при перехвате посылок, коллекция фотографий — до 20 000 штук. Все обязанности отдела по самому существу своему были строго конспиративными и в них можно было посвящать, согласно официальным документам Департамента, «лишь самых испытанных и доказавших свою преданность делу лиц».

Как было сказано выше, в Департаменте служили гражданские чиновники, многие из них занимали должности руководителей подразделений назывались делопроизводителями. Они, как правило, имели высшее юридическое образование. Но были и исключения, которые касались самого главного подразделения Департамента — Особого отдела. Здесь ценился опыт борьбы с революционным движением. Как ни странно, но именно в Особом отделе юристов в руководстве было немного. Так, первый заведующий Отделом Л. А. Ратаев, достаточно способный и талантливый человек, увлекающийся театрал, автор нескольких пьес, шедших в театре, занимавшийся в свободное время переводами французских пьес, закончил кавалерийское училище. Сменивший его С. В. Зубатов, бывший начальник Московского охранного отделения, не закончил даже курс гимназии. Правда, это не говорит о недостатке его образования, так как он как вольнослушатель посетил университет и отличался большой начитанностью. Один из более поздних начальников Московского охранного отделе-

ния П. П. Заварзин в своих воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, писал: «Зубатов был одним из немногих правительственных агентов, который знал революционное движение и технику розыска. В то время политический розыск в Империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствием умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в Империи по образцу западно-европейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.д.». Работая в Московском охранном отделении с розыскными офицерами, прошедшими курсы Штаба корпуса жандармов и знавшими систему розыскной работы, Зубатов, переведенный в Департамент полиции, почувствовал большую разницу между чиновниками Департамента и его прежними сослуживцами, порой их беспомощность в решении ряда вопросов, требовавших оперативного решения.

Видные представители политического розыска — П. И. Рачковский, С. В. Зубатов и Г. М. Трутков, зная положение дел в революционных кругах, стремились к реорганизации и усилению Особого отдела. Зубатов считал большим недостатком, что в Особом отделе, да и во всем Департаменте работают в основном юристы, «законники», имеющие слабое представление о революционном движении и методах борьбы с ним.

При Зубатове впервые в Департаменте появились жандармские офицеры (Терещенков, Комиссаров, Мец), «проваленные» секретные сотрудники (Гуревич, Панкратьев), работе которых он придавал большое значение. Однако с уходом Зубатова из Департамента дальнейшая реорганизация Особого отдела была приостановлена. До революции 1905 года Департамент полиции и его Особый отдел скорее были наблюдательными и регистрирующими, чем руководящими органами. Те качественные изменения, которые произошли в оппозиционном и революционном движении за 1898—1904 годы, не были достаточно оценены в Департаменте, который по-прежнему нацеливал своих подопечных на раскрытие «заговоров», а не на борьбу с набирающим силу массовым движением.

Революция 1905—1907 годов выявила слабость полицейской службы в России, вызвала замешательство в высоких сферах. В период революции возникает масса легальных и нелегальных организаций, кружков, групп, широкий размах приобретает профсоюзное движение, ширятся кооперативное и женское движения. Все это усложняло работу Департамента полиции и его Особого отдела. Департамент претерпевает ряд внутренних реорганизаций, главный упор делается на усиление политического розыска, широкое использование специалистов.

К июлю 1905 года в структуре Департамента полиции было уже семь делопроизводств (1, 2, 3, 5, 6, 7<sup>1</sup>, Особый отдел). Три из этих структурных частей носили политический характер: 5, 7, Особый отдел. Руководство Департамента полиции придавало большое значение деятельности этих отделов, и из их состава в июле 1905 года создается «политическая часть». Ее заведующим на правах вице-директора Департамента полиции становится П. И. Рачковский, ему даются широкие полномочия. По высочайшему повелению ему присваивается право именоваться «заведующим политической частью Департамента полиции».

По инициативе Рачковского осенью 1905 года происходит реорганизация Особого отдела, меняется его структура. На первый план выдвигаются

задачи борьбы с общественным движением, усиление политического розыска не посредством наружного наблюдения, а секретной агентуры, усиливается внимание к перлюстрации. Служба наружного наблюдения практически передается в ведение Петербургского охранного отделения.

Однако эта реорганизация мало что изменила в Департаменте полиции. В Особом отделе возникает большая неразбериха, накапливается масса неисполненных документов, на места идут циркуляры, которые в спешке забываются местными властями, сами же сотрудники Особого отдела (скорее «теоретики», чем практики) часто не могут квалифицированно ответить на конкретные вопросы с мест.

В декабре 1905 года заведующий Особым отделом А. Н. Тимофеев подал докладную записку о положении дел в отделе, трудностях в работе с предложением его реорганизации.

О неустойчивости всего полицейского аппарата, растерянности властей перед поднявшейся волной революционного движения свидетельствует и такой факт: с марта 1905 по июнь 1906 годов сменилось пять директоров Департамента полиции (А. А. Лопухин, С. Г. Коваленский, Э. И. Вуич, М. И. Трусевич). Впоследствии, касаясь событий 1905 года, бывший директор Департамента полиции, а затем товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий писал: «События 1905 года — результат непринятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами».

Департамент полиции начинает спешно принимать меры уже в ходе революции. Один за другим издаются циркуляры, которые вводят руководителей политического розыска на местах в суть создавшейся обстановки, знакомят с новыми общественными организациями, их программами. О значении, которое придается этому направлению борьбы, свидетельствует циркуляр № 10950 от 24 августа 1905 года «О революционных партиях», в котором, в частности говорится: «Противоправительственное движение, органами борьбы с которым являются, главным образом, жандармские управления и охранные отделения, получило за последнее время весьма широкое развитие, выразившееся в образовании целого ряда самостоятельных революционных партий и организаций, действующих каждая по собственной программе и системе. Ближайшее знакомство с характером, целями и способами действий тайных организаций несомненно должно составлять первейшую обязанность офицеров Отдельного корпуса жандармов, призванных к непосредственной борьбе с ними, так как только полная в этом отношении осведомленность может дать розыскным органам правительства правильный взгляд на дело и содействовать выработке целесообразных приемов борьбы, которые в противном случае будут сводиться к временному, часто случайному изъятию из преступной среды отдельных ее представителей... Между тем, опыт показывает, что некоторые представители жандармского надзора на местах не проявляют надлежащего интереса к теоретическому ознакомлению с программами и тактикой отдельных революционных организаций, не имеют по сему ясного представления о характере противоправительственного движения во вверенных им районах».

За подписью Рачковского начальника ГЖУ, охранных отделений, в пограничные пункты срочно рассылаются циркуляры о том, что необхо-

димо усилить наблюдение за членами революционных партий — эмигранты устремились в Россию, чтобы «встать в ряды бойцов за достижение своих конечных целей». В циркулярах упоминались В. И. Ульянов (Ленин), Ю. И. Цедербаум (Мартов), В. Л. Бурцев и другие.

В ряде циркуляров говорится о плохой осведомленности властей, их неподготовленности к «беспорядкам», в результате чего, «будучи застигнуты врасплох, действовали без всякого определенного, заранее намеченного плана...»

В апреле 1906 года новый министр внутренних дел П. А. Столыпин издал циркуляр, который явился программой действий для местных властей. В нем говорилось: «Угрожающий фазис народных волнений вызывает необходимость немедленной подготовки правительственной власти к отпору описанным замыслам, причем в этом отношении я считаю целесообразным осведомить местные органы с некоторыми общими соображениями, основанными на поступающих в Департамент полиции агентурных указаниях...»

В циркуляре обращалось внимание на необходимость широкой осведомленности полиции по таким вопросам, как агитация в крестьянской среде, пропаганда в войсках, настроения среди интеллигенции, программные документы революционных организаций, линия поведения профессиональных союзов, организаций учащихся, печать. Особо подчеркивалась необходимость строжайших мер против не санкционированных властями собраний. Довольно интересна фраза о том, что существенную услугу местным органам могут оказать патриотические и монархические общества. Столыпин не забывает сказать в циркуляре и о междуведомственных разногласиях, затруднениях в борьбе с силами революции. Для того чтобы реализовать новые установки, Столыпин меняет руководство в Департаменте полиции и ставит во главе его «своего» человека, известного ему правоведа М. И. Трусевича, с которым он был знаком по работе в Саратовской губернии. С его назначением начинаются более серьезные реорганизации в структуре Департамента полиции. Они коснулись почти всех делопроизводств, но в первую очередь Особого отдела, роль которого еще более возрастает.

Были приняты специальные меры по упорядочению документации, поступающей в Особый отдел. Одновременно те направления, которые были поставлены во главу угла при предыдущей реорганизации — борьба с партиями и общественным движением, еще более усиливаются, под них подводится «профессиональная» база. Особый отдел делится на два совершенно независимых друг от друга отделения, даже с разными вице-директорами, курирующими эти отделения. Появляются Особый отдел «А» и Особый отдел «Б».

Особый отдел «А» занимался вопросами политического розыска и в первую очередь наблюдением за партиями и другими «тайными организациями». Ему также вменялось в обязанность руководство деятельностью местных розыскных органов, разработка агентурных сведений и данных наружного наблюдения, издание розыскных циркуляров, формирование библиотеки революционных изданий и переписка с ней, заграничная агентура, наблюдение за революционной пропагандой в войсках, ведение отделом фотографий. Здесь же сосредоточивается отделение по расшифровке материалов, составление «всеподданнейших записок».

В ведение Особого отдела «Б» передаются вопросы наблюдения за общественным движением. В перечне организаций, подлежащих наблюдению,

на первом месте стоят «профессиональные союзы, имеющие политический характер и не имеющие такового», причем особо выделялись профсоюзы железнодорожных служащих, телеграфистов. В отделе составлялись также отчеты о стачках, забастовках, различного рода волнениях, о нелегальных съездах общественных организаций, дислокации войск.

Сушественные изменения проводятся и в других делопроизводствах Департамента полиции. Они были направлены прежде всего на включение в сферу его влияния «частной полиции», учрежденной к этому времени на многих предприятиях и в поместьях. В период революции были разгромлены и сожжены многие усадьбы, поместья, заводы в сельской местности, которые общая полиция, в силу своей малочисленности, не могла отстоять от натиска порой совершенно неорганизованной стихийной массы. Поэтому наиболее обеспеченные владельцы имений, фабриканты на свои средства создавали «частную» полицию для охраны своих владений. В большинстве случаев в нее входили терские и донские казаки. Создание этой полиции получило официальное разрешение, но Департамент надзирал за этой полицией, чтобы она не превышала свои полномочия и действовала в строго определенных рамках. Усиливаются меры по охране «высочайших путешествий», проверке благонадежности лиц, поступающих на государственную службу. Особое внимание уделяется контролю за перевозкой и хранением оружия, в том числе охотничьих ружей, мерам по предотвращению хищений казенного оружия. Расширяется подразделение, ведавшее вопросами административной высылки участников революционного движения.

Как видим, революция диктовала свои «правила игры» и Департамент полиции вынужден срочно, на ходу приспосабливаться к ним.

Новый директор Департамента активно взялся за дело. Издаются один за другим циркуляры, порой несколько в один день. Так, 1 июля 1906 года было издано два циркуляра — № 10408 и № 10490 «На случай вооруженного восстания» и «О возможном выступлении». В них говорилось, что те, кто распространяет воззвания с призывом к восстанию, действуют по «обдуманному плану, задавшись целью вызвать беспорядки одновременно в разных местах империи». Подчеркивалась необходимость предотвращения или подавления таковых путем совместных и согласных действий с прочими властями «с полным самообладанием и твердостью».

Более глубоко вникнув в организацию работы Департамента полиции и Особого отдела и те задачи, которые перед ним встали, в условиях революции, Трусевич подал министру внутренних дел записку «о реорганизации политического розыска в связи с усилением революционного движения в России». Развитие революционного движения последних лет, пишет он, привело его к выводу, что «образование противоправительственных центров стоит в несомненной зависимости от степени успешности борьбы с крамолой со стороны тех или других местных розыскных органов власти, причем революционеры избирают пунктами сосредоточения руководящих организаций обыкновенно те местности, в которых жандармские и полицейские учреждения высказывают более или менее постоянную неумелость или небрежность по выполнению своих обязанностей». Он предлагал «сушественно изменить постановку политического расследования сообразно революционных фракций», создать несколько центральных розыскных органов и произвести изменения в организации Особого отдела, работа которого проводилась «по районам географического значения», что мешало

отделу «иметь ясное представление о деятельности партий». Он ставит также вопрос об укреплении кадров Департамента полиции, усилении внутренней агентуры и наружного наблюдения. Намечаемая им программа действий с благословения Столыпина начала проводиться в жизнь.

В декабре 1906 года — феврале 1907 года происходят наиболее сушественные за годы революции реорганизации в системе Департамента полиции и политического розыска в целом.

С января 1907 года вводится в действие новая инструкция об обязанностях «делопроизводства» Департамента полиции, которая внесла определенные изменения в деятельность его структурных подразделений. На базе Особого отдела «Б» создается новая структура — 4-е делопроизводство. Рост общественных организаций, каждая из которых имела свою специфику, заставляет Департамент выделить данное направление в самостоятельную структуру. Согласно приказу по реорганизации, в функции 4-го делопроизводства входит наблюдение за рабочим, общественным, крестьянским движением, волнениями в учебных заведениях, пропагандой и брожением в войсках, перепиской о прессе, массовыми волнениями — демонстрациями, митингами. Объектами наблюдения становятся также легальная печать, легальные общества, союзы.

Волнения в армии и на флоте в годы революции заставляют правительство следить за политической благонадежностью новобранцев. Департамент вменяет в обязанность 4-го делопроизводства проверку их еще до призыва в армию. В зависимости от отзывов негативных отзывов их направляют в менее привилегированные части, которые не связаны с охраной высочайших особ, ни в коем случае не направляют в гвардейские экипажи и подразделения, чтобы не заносить революционное настроение в армию.

При разработке номенклатуры дел 4-го делопроизводства особое внимание было обращено на разного рода настроения в губерниях, в связи с чем на каждую губернию заводятся специальные дела.

Исключительно важные изменения претерпевает другая структурная часть Департамента — 6-е делопроизводство, основным направлением деятельности которого становится проверка политической благонадежности государственных и земских служащих, выдача свидетельств о политической благонадежности по прошениям частных лиц. Вызвано это было прежде всего тем, что многие правительственные и земские чиновники принимали активное участие в революционных событиях, забастовках, сочувствовали и помогали революционерам. В результате правительственный аппарат становился ненадежным. Недаром еще в сентябре Столыпин проводит через Совет министров циркуляр, в котором отмечалось, что в «возникшей... политической борьбе партий и в открытой критике правительства, подчас даже в противогосударственной агитации, заметное участие приняли у нас не только частные лица, но и служащие государственных учреждений», и что «обнаружившееся у нас противодействие правительству со стороны самих его агентов представляет собою такое вопиющее зло, которое в большей или меньшей степени присуще самым разнообразным отраслям государственной службы».

Через несколько дней Департаментом было издано разъяснение к этому циркуляру, в котором настаивалось на проведении решительной борьбы с противоправительственной агитацией служащих в правительственных учреждениях. В последнем пункте этого разъяснительного циркуляра было сказано: «Ввиду того, что подобная агитация недопустима и для служащих

в общественных земских, городских и сословных учреждениях, то главным местным административным начальствам надлежит принимать меры к установлению неослабного надзора за ними, чтобы служащие в подобных учреждениях лица не вели противоправительственной агитации, причем изблеченные в ней вольнонаемные лица подлежат немедленному удалению со службы, а занимающие выборные должности, сопряженные с правами государственной службы, должны быть привлекаемы к дисциплинарной ответственности указанным порядком». Проблема сохранения лояльности государственных и земских служащих продолжала и дальше волновать власти. Особо тщательно проверке стали подвергаться учителя земских школ и поступающие в придворное ведомство.

В ходе реорганизации делается попытка еще более расширить и ускорить сбор оперативной информации о лицах, в той или иной мере причастных к революционной деятельности, и особенно о профессиональных революционерах. В этих целях создается специальный вспомогательный «Регистрационный отдел с Центральным справочным аппаратом». Это был шаг, приведший к образованию единой алфавитной картотеки для всего Департамента. В ЦСА были переданы все картотеки, которые ранее велись по отдельным делопроизводствам. Как указывают документы, после этой реорганизации за 3—4 минуты можно было установить, есть ли материалы на то или другое лицо, проходило ли оно ранее по политическим делам, процессам, арестовывалось, судилось, административно сылалось или просто за ним устанавливалось наблюдение. Чиновники Департамента писали о ЦСА, что его создание «принесло огромную пользу в смысле скорости наведения справки». Регистрационный отдел просуществовал до марта 1910 года, когда была организована секретарская часть Департамента, и, когда переименованный в Центральный справочный алфавит, он вошел в секретарскую часть.

Эта картотека немного пострадала в февральские дни 1917 года. Кто-то из работников Департамента полиции, проживавший на территории, где находился Департамент (Фонтанка, дом 16), пытался ее уничтожить. Несколько пострадали ящики с алфавитными карточками на букву А. Картотека сохранилась до наших дней. Она является ключом к материалам Департамента полиции и облегчает работу по поиску документов на многих лиц, проходивших по этому фонду. Картотека находится в Государственном архиве Российской Федерации, как и материалы Департамента полиции, в тех же картотечных ящиках и шкафах. Она активно используется как сотрудниками архива в своей работе, так и исследователями, которые работают в читальном зале архива. Картотека насчитывает 2,5 млн. карточек на 2 млн. человек. На некоторых лиц заведено несколько именных карточек. Много карточек на П. А. Кропоткина, П. Н. Милюкова, А. В. Луначарского, Б. В. Савинкова, В. И. Ульянова и т. д.

Самые серьезные изменения, произведенные в ходе реорганизации 1907 года, коснулись Особого отдела. Как уже было сказано, на основе Особого отдела «Б» было создано 4-е делопроизводство. На базе Особого отдела «А» продолжает работать Особый отдел. Меняется и его структура. Учитывая огромную роль, которую играли партии в революции и, в первую очередь, социал-демократы, эсеры, анархисты, в Особом отделе осуществляется специализация, нацеленная на борьбу против партий, партийных организаций. Тем самым вносится серьезное изменение в работу Особого отдела, поскольку ранее его деятельность, судя по воз-

лагавшимся на него функциям, а также по его структуре, по номенклатуре заведенных в нем дел, была направлена на борьбу не столько с политическими партиями, как таковыми, сколько с различными проявлениями их революционной активности и активности других общественно-политических организаций. С января 1907 года вся структура в Департаменте полиции главным образом и особенно в его Особом отделе приводится в соответствие с этой главной, стратегической целью Департамента.

В Особом отделе создаются специальные отделения, каждому из которых вменяется в обязанность наблюдение, розыск, разработка агентурных сведений по определенным партиям и организациям. Всего было создано четыре отделения.

Общее руководство отделом сосредоточивается в руках 1-го отделения во главе с заведующим. В его обязанность входит: общее руководство деятельностью начальников трех других отделений, всех розыскных органов империи, учреждение новых розыскных органов, ассигнование средств на их нужды. В его подчинении сосредоточиваются заведование секретами секретов Департамента полиции — фотографической частью, листовым архивом, химическим кабинетом, шифровальной частью. Здесь же сосредоточиваются материалы перлюстрации, которые впоследствии выделяются в самостоятельное отделение.

2-е отделение специализировалось на наблюдении за эсеровскими организациями — самой партией эсеров, крестьянскими организациями эсеров, максималистами, а также организациями партий анархистов-коммунистов и другими организациями, широко применявшими террористические методы борьбы.

3-е отделение специализировалось по борьбе с РСДРП, а также такими организациями, как Спилка, Бунд, Поалей-Цион, социалисты-сионисты и «другие социал-демократические организации», как было сказано в «Инструкции».

4-е отделение вело наблюдение и розыск по железнодорожному союзу, почтово-телеграфному союзу, польской социалистической партии и всем национальным партиям, кроме социал-демократических.

В 1907 году было введено «Положение об Особом отделе», в котором закреплялись описанные выше функции, структура, а также порядок руководства отделом.

Однако реорганизация Департамента 1907 года не удовлетворила ее инициаторов, может быть, потому, что она не коснулась самих основ деятельности полицейской машины царизма, сформировавшихся в предшествующую эпоху. Поэтому вопрос о совершенствовании структуры Департамента полиции и всего полицейского аппарата приобрел в этот момент все большую остроту.

По заданию министерства внутренних дел директор Департамента полиции М. И. Трусевич выезжает в Европу для ознакомления с постановкой полицейской службы в Англии, Германии, Франции. Его задачи — определить пути модернизации российской полиции и ее центрального аппарата с тем, чтоб сделать его более гибким и эффективным в борьбе с политическим врагом. Большой интерес вызывают у него и вопросы организации местной полицейской службы, подготовки кадров. Весь собранный им материал (положения, уставы и т. д.) поступил в комиссию сенатора Макарова по реформе полиции, членом которой он был. Названная Комиссия

начала свою работу в конце 1906 года. Ее основной задачей была подготовка законопроекта о реформе полиции. Комиссия должна была пересмотреть действующее законодательство, определяющее «условия службы и порядок деятельности чинов полиции», «упорядочить» полицию безопасности, выработать соответствующие времени проекты преобразования полиции. В процессе работы вставал вопрос о доверии населения полиции, об улучшении ее материального положения. Несмотря на огромное количество конкретных предложений и мер, призванных повысить эффективность полиции, проведение выработанного проекта в жизнь натолкнулось на серьезные препятствия. Проект несколько раз перерабатывался и пересматривался с приходом нового министра и товарища министра, заведующего полицией. Работа комиссии затянулась на многие годы.

Возвращаясь к деятельности Департамента полиции, надо сказать, что перед комиссией стояли вопросы, решение которых требовало времени, Трусевич в начале 1908 года ходатайствовал перед министром внутренних дел о создании в Департаменте полиции еще двух структурных частей, необходимых, с его точки зрения, для упорядочения полицейского аппарата: Инспекторского отдела и уголовно-сыскной части.

Создание Инспекторского отдела было мотивировано тем, что после подавления революции работа органов политического розыска на местах несколько ослабла, снизилась исполнительская дисциплина. Проведенные под руководством Особого отдела ревизии местных ГЖУ и охранных отделений показали, что и те, и другие часто игнорируют распоряжения, предписания, циркуляры, которые направляет им Департамент. Новый отдел был призван навести порядок и поставить деятельность местных органов под более эффективный контроль, так как Особый отдел не имел на это ни соответствующих полномочий, ни кадров.

12 марта 1908 года был издан приказ о создании Инспекторского отдела. Основная задача отдела, как указывалось в приказе, была «обревизование ... учреждений и отдельных чинов», а также принятие мер по таким ревизиям, вплоть до удаления со службы с санкции директора Департамента некоторых категорий чиновников, наложение дисциплинарных взысканий, исполнение поручений министра.

Инспекторский отдел должен был работать под руководством директора Департамента, заведывание этим отделом возлагалось на старшего вице-директора. Ревизии назначались по распоряжению директора, в них включались некоторые чиновники отдела. По особым приказаниям министра внутренних дел во главе командированных для ревизии лиц иногда ставился член совета министра. Отдел просуществовал четыре года, в 1912 году он был ликвидирован ввиду его недостаточной эффективности. Так, в декабре 1911 года исполняющий обязанности вице-директора Харитонов, поднимая вопрос о деятельности Инспекторского отдела, писал: «С течением времени (командировки чинов полиции. — З. П.) утратили систематический характер и приобрели характер случайный, в зависимости от поступающих в Департамент полиции сведений о неудовлетворительном составе полиции в той или другой местности». Деятельность Инспекторского отдела иногда совершенно прекращалась. Некоторое время он занимался выдачей пособий чинам полиции или ходатайствами об увеличении окладов, но с переходом этих функций в ноябре 1911 года в 1-е делопроизводство он «фактически почти совершенно перестал функционировать».

Что касается уголовно-сыскной части, то после революции 1905-1907 годов в категорию уголовных преступников были зачислены и некоторые участники крестьянских волнений, принимавшие участие в погроме помещичьих усадеб, в порубке господского леса. Занимаясь вопросами политической сыска, власти на местах, да и в центре приходили к выводу о необходимости реорганизовать и централизовать общеуголовный сыск.

Директор Департамента Трусевич неоднократно беседовал со Столыпиным по этому вопросу, оба они считали, что в России нет «должного порядка» в борьбе с уголовной преступностью. В результате еще в декабре 1907 года была подготовлена секретная записка за подписью Столыпина, скрепленная Трусевичем, «Об организации сыскной части». В ней указывалось, что только в столицах и нескольких наиболее крупных центрах России учреждены сыскные отделения, «специально... оборудованные для раскрытия преступлений». «Вся остальная Россия с целым рядом крупных и весьма бойких пунктов и со всеми мелкими городами и внегородскими поселениями совершенно лишена всякой обеспеченности в деле борьбы с уголовно-наказуемыми преступлениями», и что именно по этим преступлениям имеется наиболее высокий процент нераскрытых дел. Правительство признало неотложным приступить к упорядочению вопроса об уголовных преступлениях, предлагая расширить сеть сыскных отделений, увеличить средства на эту работу. В некоторых российских губерниях на эту уголовную отпускалось от двух до трех рублей в месяц!

После ряда подготовительных мероприятий 12 марта 1908 года издаётся приказ об образовании в Департаменте полиции отделения по уголовно-сыскной части, которое стало называться 8-м делопроизводством Департамента полиции. В обязанности этого делопроизводства входило: наблюдение за деятельностью сыскных отделений на местах, координация их деятельности в целях успешного розыска; связь с иностранными полициями по вопросам общеуголовного характера; составление инструкций, правил по сыскной части; заведывание школой инструкторов, фотографией Департамента полиции. Впоследствии при этом делопроизводстве был создан криминалистический музей.

С подачи Департамента полиции такие музеи стали создаваться в целом ряде сыскных отделений. Особенно интересными были экспонаты музеев Московской сыскной полиции, Варшавского, Самарского, Рижского сыскных отделений. Они получили высокую оценку на Международной выставке в Дрездене в декабре 1909 года.

Музей Департамента полиции стал как бы наглядным учебным классом для курсов подготовки специалистов при Штабе корпуса жандармов. Руководитель 8-го делопроизводства В. И. Лебедев был одним из организаторов этого музея. Одновременно он преподавал на подготовительных курсах, организованных при Департаменте полиции для новых руководителей сыскных отделений.

С 3 января 1915 года делопроизводство стало заниматься не только наблюдением за деятельностью сыскных отделений, но и участвовало в их организации. К сожалению, материал этой структуры сохранился очень плохо. Основная часть документов была уничтожена в февральские дни 1917 года при попытке поджечь Департамент полиции. Одновременно практически были утрачены экспонаты музея. Однако сохранилась часть донесений губернаторов, начальников ГЖУ, охранных и сыскных отделений об уголовных преступлениях в губерниях, материалы на шумевшего в



свое время дела о «банде» Савицкого, о «кукольниках», деятельности некоторых сыскных отделений, а также о краже в Успенском соборе. Материалы о церковных кражах, в зависимости от ценности и значения украденных вещей, имеются и в других структурах Департамента полиции. В 1904 году в Особом отделе Департамента было заведено два тома переписки о событии, произошедшем в Казани, когда из женского монастыря была похищена российская святыня — Образ Чудотворной иконы Казанской Божьей Матери, не найденной до сих пор.

В марте 1910 года, уже после ухода Трусевича с поста директора, при его преемнике и по инициативе последнего, в составе Департамента полиции образуется «особое управление» — секретарская часть. В отличие от Трусевича новый директор Департамента Н. П. Зуев все свое внимание направил на упорядочение делопроизводства, дисциплину сотрудников, экономию средств и т. п. вопросы. Непосредственное заведывание секретарской частью поручалось секретарю при директоре Департамента, которому присваивались права и обязанности вице-директора.

В секретарской части сосредотачиваются дела, касающиеся личного состава Департамента: назначения, перемещения по службе, награждения, увольнения служащих, ведение кандидатских списков — все эти кадровые вопросы ранее находились в ведении 1-го делопроизводства. Директор Департамента стремился сосредоточить в своих руках наиболее секретные дела, касающиеся кадров, переписки, с тем, чтобы они не выходили за узкий круг исполнителей. В секретарской части сосредотачивается переписка по уничтожению старых шифров, введению новых, разбор поступающих в Департамент шифрованных телеграмм. Шифровка исходящих депеш по всему Департаменту (исключая Особый отдел); личная переписка директора Департамента; производство дел и переписок, которые, хотя и входят в компетенцию других делопроизводств, носят «особый характер»; заведывание общей журнальной частью. Этим же приказом (от 26 марта 1910 года) регистрационный отдел переименовывается в Центральный справочный алфавит и передается в ведение секретарской части. Заведывание секретарской частью возлагается на статского советника Веригина.

Многие изменения, которые происходили внутри Департамента более всего касались деятельности Особого отдела. Этот, руководивший политическим розыском империи, орган находился под особо пристальным вниманием и, в зависимости от обстановки в стране, в нем производились те или иные изменения. В годы, когда возрастает роль внутренней агентуры, в отделе создается специальная агентурная часть, где сосредотачивается сугубо секретный материал, связанный с агентурой российских и зарубежных розыскных органов: о личном составе секретной агентуры, денежная отчетность по агентуре, зашифровка служебных телеграмм, а также дела о лицах, за которыми велось особо секретное наблюдение. Одновременно вводилась должность заведующего центральной агентурой в империи, который руководил всей агентурой России через начальников ГЖУ и охранных отделений. В отдел поступало огромное количество документов с мест, получаемых в результате деятельности секретной агентуры и филерского наблюдения, отчетов и сводок о деятельности различных партий и организаций, шла разработка перлюстрационного материала. Вся эта документация весьма профессионально систематизировалась в результате четко разработанной номенклатуры дел.

Одной из причин создания агентурного отдела явилась утечка информации из Департамента полиции, разоблачение целого ряда секретных сотрудников и нашумевшее дело Е. Ф. Азефа, многолетнего секретного сотрудника Департамента полиции. В марте 1893 года он предложил свои услуги Департаменту полиции, будучи студентом политехникума в г. Карлсруэ. Его сотрудничество с политической полицией продолжалось 16 лет. Возглавляя боевую группу партии эсеров, организовывая террористические акты этой партией, он настолько хитро и умело вел свою игру и с товарищами по партии, и со своими руководителями в полиции, что долго оставался вне подозрения. Разоблачение В. Л. Бурцевым Азефа и целого ряда других секретных сотрудников породили недоверие к чиновникам Департамента.

Требования, предъявляемые к Особому отделу как руководителю и организатору политического сыска в империи, привели к значительному росту исходивших от него руководящих материалов. За 1910 год отделом было подготовлено и отправлено 855 разных указаний в местные учреждения, которые по тематике распределялись следующим образом: по ведению внутренней агентуры (176), по ведению наружного наблюдения (144), о неправильном расходовании агентурного аванса (98), о неправильной отчетности (299), об отчетности по расходованию средств (112), указания общего характера по ведению розыска (126).

Было подготовлено 329 проектов руководящих циркуляров, которые следующим образом распределялись по отделениям:

Отделения	Руководящие	Общ. характера	Итого
I отделение	10	104	114
II отделение	22	75	97
III отделение	20	55	75
IV отделение	4	14	18
V отделение	—	—	—
Инструкторская часть	25	—	25
Итого:	81	248	329

Основная часть руководящих циркуляров касалась деятельности секретной агентуры, контактов с ней, смены кличек агентов, денежной отчетности, сотрудников-шантажистов, филерской службы. Среди них встречаются довольно интересные циркуляры: «О поступлении в число сотрудников революционеров с целью разоблачения деятельности розыскных органов»; «О секретной агентуре в войсках».

Особый отдел в это время стал одним из самых крупных подразделений Департамента полиции по количеству работающих чиновников. На март 1911 года штатное расписание составлялось на 59 человек вместе с прикомандированными сотрудниками.

Наряду с проведением структурных перемен руководство политического розыска постоянно стремилось повысить его результативность путем улучшения кадрового состава и самого Департамента и подведомственных ему учреждений. Еще до революции 1905—1907 годов в Особый отдел Департамента приглашались Зубатовым жандармские офицеры, имевшие относительно высокий уровень профессиональной подготовки и большой опыт розыскной деятельности. В дальнейшем, и особенно после революции, линия на более глубокую профессионализацию политической

полиции продолжается. Проведенная в 1907 году реорганизация, при которой на первое место была поставлена борьба с партиями и партийными организациями, потребовала от сотрудников отдела специальных знаний и подготовки. Начальникам вновь созданных отделений вменялось в обязанность хорошее, четкое знание положения революционного движения в стране, программ партий, выпускаемой ими литературы. Перед Департаментом встал вопрос об укомплектовании Особого отдела специалистами по политическому розыску, о приглашении имеющих опыт такой работы офицеров из Отдельного корпуса жандармов.

Нужда в специалистах-практиках в тот период становится острой не только в самом Департаменте полиции, но и во вновь созданных охранных отделениях. Директор Департамента полиции при поддержке Столыпина развил кипучую деятельность в подборе кадров. Он присматривается к зарекомендовавшим себя успешной работой по политическому розыску начальникам губернских жандармских управлений и их помощникам, начальникам жандармских управлений и начальникам жандармско-полицейских управлений железных дорог. Рассылаются запросы с просьбой сообщить о лицах, желающих служить в охранных отделениях и способных «к делу политического розыска».

В какой-то мере здесь Трусевич шел по стопам Зубатова, который в свое время стремился преобразовать Департамент полиции во «Всероссийскую охранку».

Трусевич не только покрывает Россию сетью охранных отделений, но, как и Зубатов, вводит в Департамент полиции жандармских офицеров, подбирая тех, кто имеет склонность к политическому розыску, может обобщить опыт и возглавить эту работу. В Особый отдел были приглашены полковник В. А. Беклемишев и подполковник А. М. Еремин. Оба офицера имели большой опыт работы в охранных отделениях и жандармских управлениях.

Привлечен был к работе и бывший в то время начальником Петербургского охранного отделения подполковник А. В. Герасимов. По прибытии в Департамент полиции Беклемишеву и Еремину было приказано объехать все центральные губернии, Туркестанское генерал-губернаторство и ряд других местностей для ознакомления с положением дел на местах.

С марта 1907 года по январь 1908 года были проведены обследования Нижегородского, Киевского охранных отделений, Воронежского, Вологодского, Ярославского, Владимирского ГЖУ, Воронежской городской и уездной полиции. Отчеты по командировкам констатировали: отсутствие агентуры, неумение ее подобрать, плохую работу с агентурой; в некоторых губерниях была отмечена открытая вражда и взаимонепонимание между общей и политической полицией. Результатом поездок Еремина и Беклемишева было издание ряда инструкций и циркуляров, предназначенных для укрепления сыскной службы на местах.

В 1908 году впервые в истории Департамента полиции во главе Особого отдела стал жандармский офицер Е. К. Климович. Он обратил на себя внимание Департамента еще в 1904 году, когда проверялась работа с секретной агентурой в Виленском охранном отделении, которое он возглавлял.

Наиболее серьезные изменения в работе в Особом отделе происходят в 1910 году и связаны они с возвращением в Отдел теперь уже полковни-

ка А. М. Еремина, который в 1908—1909 годы заведывал Кавказским районным охранным отделением и одновременно являлся начальником Тифлисского губернского жандармского управления. Большое внимание деятельности Особого отдела уделяет вице-директор Департамента С. Е. Виссарионов, приглашенный Трусевичем в начале 1908 года из прокурорского надзора. В отдел приглашаются еще 6 офицеров штаба Корпуса жандармов. Ереминым и Виссарионовым разрабатываются мероприятия по более четкой организации работы отдела. В их числе создание теоретической группы и группы практиков розыскного дела. «Теоретики» должны были изучать все явления в жизни партий, доклады с мест и вносить свои рекомендации. Вторая часть сотрудников должна была осуществлять практическое руководство деятельностью местных розыскных органов: сопоставлять сведения, поступающие от агентуры, знакомиться с ее работой на местах, давать ей практические указания, инструктировать местные учреждения в деле розыска.

Точка зрения некоторых полицейских чинов о том, что «бороться с разросшимся движением одними полицейскими и карательными мерами невозможно, что правительству необходимо широкое ознакомление с движением, чтобы своевременно творческой работой в области назревших реформ пойти навстречу некоторым справедливым пожеланиям и тем самым ослабить нападки на власть», не получила поддержки.

В целях повышения профессиональной подготовки сотрудников Департаментом ставится вопрос о создании наряду с существовавшими при Штабе корпуса жандармов курсами повторных курсов при Департаменте.

В октябре 1912 года было разработано «Положение о повторных курсах», их целью было «повысить познания в области розыска» офицеров Корпуса жандармов, предназначенных к службе в розыскных учреждениях в должности помощника начальника ГЖУ и уездных жандармских управлений. Курсы были рассчитаны на два-три месяца. На них приглашались те, кто показал лучшие успехи на курсах при штабе Корпуса жандармов по розыску и истории революционного движения. На повторных курсах предполагалось углубить знания по этим предметам. В истории революционного движения основной упор делался на события 1905—1907 годов, подробно изучались две партии: социал-демократов и эсеров, состав организаций, программа, устав, издания, заграничные организации, местные партийные организации. Особое внимание уделялось внутривнутрипартийным разногласиям между большевиками, меньшевиками, отзовистами, ликвидаторами, ультиматистами. Менее подробно изучались национальные партии.

Важное значение придавалось партийным изданиям. Обязательным было ознакомление с газетами «Пролетарий», «Вперед», «Голос социал-демократа».

Как для нужд преподавания, так и «самообразования» руководство Департамента полиции все настойчивее говорит о необходимости иметь «надлежащую в справедливом освещении составленную фактическую историю революционного движения в Империи». В этих целях создается ряд пособий и изысканий, авторами которых явились известные жандармские чины (Е. К. Климович, Ф. С. Рожанов, А. И. Спиридович).

Проявляя заботу о «повышении квалификации» жандармских кадров, Департамент полиции регулярно рассылал на места не только учебные пособия, но и оригинальные документы. Были заведены специальные дела

«О рассылке Департаментом полиции нелегальных изданий начальникам охранных отделений и другим начальствующим лицам». Судя по этим документам, в разное время жандармами запрашивались различные нелегальные издания: работы Ленина, Мартова, газеты «Искра», журнал «Освобождение» и т. д. Периодически Департамент полиции высылал своим подопечным выписки из нелегальных газет с наиболее важными сведениями о жизни той или иной партии. Направляя в июне 1914 года циркуляр начальникам ГЖУ, охранных отделений и офицерам ОКЖ, ведающим розыском, директор Департамента полиции писал: «Всемерно озабочиваясь недопущением развития преступной работы революционных партий и, в частности, подобной категории организаций на местах, Департамент полиции просит Вас всесторонне знакомиться с содержанием газет социал-демократического и социально-революционного направления с целью их изучения».

Несмотря на серьезные усилия, предпринимавшиеся для повышения профессиональной подготовки кадров политической полиции, в своей основной массе уровень их квалификации оставался, с точки зрения руководства Департамента, весьма низким.

В 1910-1912 годы Особым отделом проводилось инспектирование («обозрение») ряда розыскных органов Сибири, западных областей, юга России, Московского охранного отделения, Московского губернского жандармского управления. И опять отмечалась «слабая или недостаточная подготовка руководителей политического розыска на местах, злоупотребления, подлог». Не лучше обстояло дело в жандармско-полицейских управлениях железных дорог. Как сообщалось в одном из отчетов, проверки «привели к самым грустным выводам»: *«офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно-сознательно относились к нему»*<sup>2</sup>.

Одной из причин упадка политического розыска, как считали в Департаменте полиции и Министерстве внутренних дел, было несоответствие многих начальников ГЖУ своим должностям. В большинстве они достигли преклонного возраста, утратили энергию. Новые приемы розыска требовали «живого, подвижного исполнения, физически им это уже было не под силу». В ряде случаев они даже приносили вред государственным интересам, так как «не освещали в должный момент действительного положения вещей».

По результатам этих проверок применялись весьма суровые меры, вплоть до увольнения или отчисления от должности. Вопрос о кадрах вызывал много нареканий. Виссарионов в октябре 1911 года писал: «Опыт более чем трехлетнего ознакомления с деятельностью охранных отделений, ГЖУ и предыдущая пятилетняя служба в политическом прокурорском надзоре привели к заключению о крайней слабости и явной неспособности весьма многих чинов жандармского надзора к розыску». Он считал, что 50% чинов жандармского надзора не пригодны к службе и предлагал «освежение личного состава»: «все недостаточное, слабое, старое должно быть изъято из действующих кадров и не путем зачисления в резерв, а путем увольнения в отставку». Некоторые чины — поборники усиления борьбы с революционным движением — свои неудачи прямо объясняли слабой подготовкой кадров, требовали «очистить атмосферу», поставить в розыскные отделения людей интеллигентных и образованных.

В течение 1911—1912 годов были уволены со службы по инициативе Департамента, как признанные неспособными к «руководительству розыскными органами» 14 начальников губернских жандармских управлений; два начальника ГЖУ были отчислены от должности «по несоответствию», 13 намечены к увольнению и четыре перемещены на другие должности. В это время меняется почти 1/3 руководителей политического розыска. Однако коренного обновления кадрового состава учреждений политического сыска не произошло, не давали ожидаемого эффекта и проведенные реорганизации.

В феврале 1912 года в условиях нараставшего революционного подъема директором Департамента назначается известный деятель политического розыска С. П. Белецкий. Им тут же ставится вопрос о перераспределении обязанностей между делопроизводствами Департамента. По его инициативе в 1-м делопроизводстве сосредоточиваются записки всех подразделений Департамента об их работе и «соображения» о желательности изменений компетенции каждого. К этому времени прошло уже пять лет с момента последнего распределения обязанностей делопроизводств, обстановка в стране резко изменилась. Некоторые делопроизводства были перегружены, некоторые стали дублировать друг друга. В то же время у ряда структурных подразделений появились новые обязанности, отвлекавшие их от выполнения основных функций. Некоторые же структуры, такие как Инспекторский отдел, — бездействовали.

На 5 июля 1912 года было назначено общее присутствие Департамента полиции с рассмотрением таких вопросов: 1) распределение предметов ведомства, реформирование 4-го и 6-го делопроизводств; 2) установление порядка деятельности Инспекторского отдела; 3) составление общего списка циркуляров Департамента полиции; 4) сокращение и упрощение канцелярского производства; 5) составление инструкции регистраторам департамента; 6) предоставление отчетности о движении дел по делопроизводствам.

В результате принятых после совещания решений в 5-м делопроизводстве были объединены все дела, связанные с административной высылкой. Часть подобных дел перешла туда из 6-го делопроизводства. Мотивировалось это решение сокращением политической ссылки. 6-е делопроизводство было реорганизовано в Центральный справочный орган Департамента, где сосредоточивалась вся переписка по наведению справок о политической благонадежности населения в местах пребывания императора и высших должностных лиц; был ликвидирован Инспекторский отдел.

Через год Белецкий предлагает провести новую реорганизацию, которая должна была в основном касаться 4-го и 7-го делопроизводств и Особого отдела. Его явно не устраивало поведение заведующего Особым отделом полковника Еремина, который на правах вице-директора держался слишком независимо. Белецкий предлагал переименовать Особый отдел в 9-е делопроизводство «для якобы внутреннего объединения и сплочения Департамента». «При теперешнем наименовании отделения, ведающего розыскными делами, — указывал он, — создается представление о будто бы привилегированном положении чинов этого отделения, нарушающее ценный для каждого учреждения принцип сплоченности и солидарности всех служащих в нем. С точки зрения дисциплины желательно, чтобы часть эта, как и прочие отделные части, называлась делопроизводством». Одновременно Белецкий стремится поднять значение 4-го делопроизводства:

передать ему агентуру по общественному движению, а равно и особо секретные сведения по этому движению.

В связи с начавшейся вскоре войной задуманная Белецким реорганизация так и не была проведена в жизнь. Но и в случае, если бы ему удалось реализовать свои планы, вряд ли это существенным образом сказалось на деятельности Департамента. Ничего принципиально нового в них не было, и они, как и производившиеся в предшествующие годы изменения, лишь подправляли и развивали то, что было сделано в 1906—1907 годы Трусевичем. Это отметила и Чрезвычайная следственная комиссия в 1917 году, давая характеристику своим подследственным, назвала Трусевича «специалистом и докой» по политическому розыску, завершившему «создание системы (теории и практики) политического розыска в России, дожившей до 1917 г.»

Как было сказано выше, подведомственными Департаменту полиции местными учреждениями были: **губернские жандармские управления, областные жандармские управления, жандармско-полицейские управления железных дорог, розыскные пункты** (переименованные впоследствии в охранные отделения). Первые **губернские жандармские управления** были созданы в 1867 году. Их предназначением был политический розыск, производство дознаний по государственным преступлениям. С организацией же охранных отделений их функции меняются и за ними остается главным образом производство дознаний по политическим делам.

Жандармско-полицейские управления железных дорог, созданные в 1861 году, были призваны обеспечить порядок на железнодорожном транспорте. В обязанности ЖПУ железных дорог входило: охранение внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районе действия ЖПУ железной дороги.

Они должны были исполнять все обязанности общей полиции, пользуясь всеми присвоенными ей правами. Район действия ЖПУ железной дороги простирался на все пространство земли, отчужденное под железные дороги, на все находившиеся на этой полосе постройки и сооружения. Во главе ЖПУ железной дороги стояли начальники на правах командиров полков в чине генерал-майоров или полковников. Начальники управлений назначались приказами по Отдельному корпусу жандармов. Вплоть до 1906 года они, однако, были отстранены от политической деятельности вообще и непосредственно не принимали участия ни в производстве дознаний по государственным преступлениям, ни в политическом розыске и наблюдении. Бурное развитие революционных выступлений пролетариата в 1905 году, активная роль, которую сыграли выступления железнодорожников в придании октябрьской стачке всероссийского, всеобщего характера, заставили правительство принять срочные меры. Правительство привлекает ЖПУ железной дороги к деятельности, направленной на борьбу с революционными выступлениями. На чинах ЖПУ железных дорог приказом по Отдельному корпусу жандармов от 28 июля 1906 года были возложены обязанности производства дознаний о всех «преступных действиях» политического характера, совершенных в полосе отчуждения железных дорог». При производстве дознаний начальники отделений подчинялись начальникам местных ГЖУ. В результате ЖПУ железных дорог стали выполнять функции политической полиции. На железных дорогах был создан также секретно-агентурный надзор, что обязывало ЖПУ железных дорог иметь собственную секретную агентуру.

Главным звеном политического розыска России являлись **охранные отделения** и специальные **розыскные пункты**, число которых постоянно росло. До 1902 года в России действовали три охранные отделения: Петербургское, созданное в 1866 году, Московское (с 1881 года) и Варшавское (с 1900 года). В 1902 году в связи с ростом революционного движения в местах, где оно особенно было развито, создаются розыскные отделения в Вильно, Екаринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе, Харькове. В течение октября 1902 года создаются еще три отделения: в Перми, Симферополе (Таврическое) и в Нижнем Новгороде. На эти учреждения возлагалась обязанность осуществления политического розыска на вверенной им территории, ведения наружного наблюдения и руководство секретной агентурой.

В том же году циркулярно рассылается «Свод правил» для начальников охранных отделений. В них говорилось, что задачей этих отделений является розыск по политическим делам, который производится через секретную агентуру и филерское наблюдение. В обязанности начальников розыскных отделений вменялась вербовка внутренней агентуры. Они должны были хорошо знать историю революционного движения, следить за революционной литературой, а также, по возможности, знакомить с ней своих секретных сотрудников, развивая в последних «сознательное отношение к делу службы». Подчинялись начальники розыскных отделений непосредственно Департаменту полиции, который давал общее направление деятельности, распоряжался всем личным составом отделений. В 1903 г. некоторые розыскные пункты были переименованы в охранные отделения. К февралю 1907 года в России функционировало уже 25 охранных отделений, в декабре их было 27. Созданы Красноярское, Иркутское, Рижское охранные отделения (последнее просуществовало недолго, до 1911 года).

9 февраля 1907 года Столыпиным утверждается «Положение об охранных отделениях». Оно состояло из 45 пунктов. В положении подробно расписывалась подчиненность охранных отделений, порядок назначения руководящего состава, особо указывалось, что секретные сотрудники «не могут быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях». В положение вошли и пункты, касающиеся взаимоотношений с ГЖУ и об обмене информацией с другими охранными отделениями. В «интересах розыска начальники охранных отделений, кроме данных агентуры и наблюдения, пользуются всеми имеющимися в ГЖУ сведениями и с их разрешения могут обзирать дела (в порядке положения 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, положения об охране и по негласному розыску)». Все получаемые сведения рекомендуются тщательно проверять и основательно подтверждать наружным наблюдением. Особо оговаривалось, что розыскные органы должны руководить секретной агентурой, а не наоборот.

В 1906—1907 годы в ряде городов создаются охранные пункты. Особенно это касалось местностей, отдаленных от центра, и тех, где в этот период наблюдался рост «боевых» настроений. Первые охранные пункты были учреждены: в Благовещенске, Хабаровске, Никольск-Уссурийске, Пензе, Гомеле, Ковно, Владикавказе, Батуми, Екатеринодаре, Житомире, Костроме, Полтаве, Курске, Минске, Витебске, Либаве. Они создавались циркулярами с большой легкостью и также быстро ликвидировались.

Одновременно с работой по укреплению охранных отделений, созданию охранных пунктов по предложению Трусевича согласно его докладной записке 14 декабря 1906 года создаются районные охранные отделения. Организованы они были, как указывалось в переписке, в «целях успешной борьбы

с настоящим революционным движением, непрерывно продолжающимися террористическими актами, аграрными беспорядками, усиленной пропагандой среди крестьян, в войсках и во флоте». Положением о районных охранных отделениях на них возлагалась задача объединения всех функционирующих в пределах района органов политического розыска, охватывающих несколько губерний. Введение районных охранных отделений, с одной стороны, децентрализовало систему политического розыска, с другой стороны, по мысли их создателей, должно было централизовать, объединить и направить эту деятельность в определенном регионе. Большое внимание придавалось знанию обстановки на местах, принятию быстрых решений, дружной совместной работе охранных отделений и жандармских управлений, «чтобы деятельность носила более живой и «планомерный характер». В одной из своих записок в 1913 году директор Департамента полиции назвал районные охранные отделения «филиальными отделениями» Департамента полиции. Необходимо отметить, что районные отделения организовывались так, чтобы сфера их деятельности совпадала (или почти совпадала) с районами действия окружных партийных комитетов РСДРП и других революционных партий. То есть была попытка согласовать географические границы деятельности политической полиции с соответствующей территорией революционных организаций — областных и окружных партийных комитетов.

В циркуляре № 207 от 8 января 1907 года за подписью Столыпина о создании районных охранных отделений говорилось: «В видах усиления деятельности органов власти, ведающих розыском по делам о государственных преступлениях, мною признано необходимым существенно изменить постановку политического расследования и создать в Империи несколько центральных розыскных учреждений, предоставив им сосредоточение в своих руках данных агентурного и наружного наблюдения по крупным административным районам, и руководство работой местных учреждений, причем объединяющим и направляющим центром явится, по-прежнему, Департамент полиции».

Первоначально было создано 8 районных охранных отделений. Однако вскоре их число возросло до 14 и продолжало расширяться в дальнейшем.

Во главе районных охранных отделений стояли начальники РОО. В некоторых губерниях должность начальника местного охранного отделения совмещалась с должностью начальника районного охранного отделения. Так было в целом ряде городов: Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе, Вильно, Риге, Самаре. Начальники местных охранных отделений непосредственно подчинялись начальнику районного отделения. Губернские, уездные ЖУ и ЖПУ железных дорог в вопросах розыска должны были руководствоваться указаниями начальника районного охранного отделения.

Основной задачей районных охранных отделений являлось организация центральной внутренней агентуры для слежки за местными партийными организациями и руководство деятельностью агентуры и розыска жандармских управлений. С этой целью начальники районных охранных отделений имели право созывать совещания офицеров, непосредственно ведущих политический розыск. Они также должны были информировать высшие розыскные учреждения о положении дел в революционном движении района, помогать в деле политического розыска соответствующим

учреждениям других регионов. Требования начальника районного охранного отделения о производстве обысков и арестов были обязательными для железнодорожных управлений, охранных отделений и органов общей полиции. Офицеры РОО могли пользоваться всеми следственными и агентурными материалами жандармских управлений и охранных отделений. В случае необходимости им должны были быть известны и секретные сотрудники — агенты, находящиеся в ведении того или иного офицера жандармского управления и охранного отделения.

Охранные отделения и ГЖУ должны были представлять в РОО все агентурные сведения, по которым в РОО составлялись общие обзоры и сведения для Департамента полиции. Если агентурные сведения выходили за рамки района, охранные отделения и жандармские управления должны были их сообщать одновременно и другому району, и в Департамент полиции. Районные охранные отделения призваны были не заменить местные органы, а направить их деятельность. Но в то же время они не должны были подменять и сам Департамент полиции, обеспечивая лишь более оперативное ведение розыскного дела.

В основном начальниками районных охранных отделений назначались молодые офицеры, прошедшие подготовку в деле политического розыска. Поскольку было очевидно, что эти назначения не вызовут большого энтузиазма у старых кадров — начальников ГЖУ и ЖПУ железных дорог, почти каждому начальнику ГЖУ из Департамента полиции шло письмо с личным обращением за подписью Трусевича. Как бы оправдывая свои действия, директор писал: «В силу особых условий последнего времени и постепенного усовершенствования розыскного дела, события выдвинули из подведомственных Департаменту учреждений целый ряд лиц, которые, специализировавшись в своих обязанностях, сделались ныне в силу обстоятельств, а отчасти и личных своих качеств, несомненно наиболее сведущими и опытными в сфере розыска и потому призваны теперь к занятию должностей начальников районных охранных отделений, невзирая на некоторое, быть может, несоответствие их чинов этому служебному положению... Каждое преданное престолу и отечеству **правительственное лицо должно забыть свои вытекающие из таблицы о рангах преимущества в тех случаях, когда существеннейшие интересы России вызывают необходимость принимать к руководству указания служебного опыта лиц, хотя и ниже стоящих в чинах, но специально подготовленных в данном деле.** Рутинная и спорная из-за формальных условий дела ныне неуместны и должны уступить место живой работе и простору для способностей и энергии».

В феврале 1907 года в районные охранные отделения были направлены инструкции по организации наружного наблюдения — инструкции филерам, материалы о фотографировании лиц, ведении внутреннего агентурного наблюдения — и предписывалось «немедленно с получением настоящего приложения» приступить к работе.

Важно отметить, что вслед за изменениями в партийных организациях и комитетах, как правило, шла перестройка в работе соответствующих районных охранных отделений. В одном из циркуляров Департамента за 1910 год говорилось: «При введении районных охранных отделений распределение губерний между ними было приноровлено к тогдашнему делению областей, принятому революционными организациями, в настоящее время это не отвечает создавшемуся положению». Подобные «несоответствия» служили основанием для перераспределения территории,



входящих в сферу их деятельности. Неоднократные распоряжения о них обычно отдавались товарищем министра внутренних дел.

На первоначальном этапе своей деятельности районные охранные отделения сыграли немалую роль в координации деятельности розыскных служб на местах, разгроме партийных организаций, партийных комитетов. Их успехи создали иллюзию возможного разгрома революционных организаций. Однако по мере роста их вмешательства в деятельность местных полицейских властей, их взаимоотношения с работниками ГЖУ стали все более осложняться. Не помогали и периодически издаваемые Департаментом циркуляры с напоминанием о необходимости совместных усилий в борьбе с силами революции и о взаимной информации. Чиновники районных охранных отделений порой не проявляли тактичности в отношении своих коллег. Жалобы и недовольство часто приводили к конфликтам и кляузам, которые шли в Департамент полиции. Циркуляром от 13 июня 1909 года Департамент полиции предписывал: «... вновь настоятельно напоминаем командируемым на места офицерам и чиновникам районных охранных отделений, что они не являются инспекторами местных органов, а лишь инструкторами, обязанными всеми мерами способствовать правильной постановке политического розыска в слабых местах районов...»

С 1909 года деятельность районных охранных отделений ослабевает, это связано, видимо, и с состоянием революционных организаций, и с загишем в их деятельности.

Циркуляры Департамента полиции в отношении районных охранных отделений становятся все более суровыми. Департамент полиции явно недоволен ими. Начальники районных охранных отделений по-прежнему сплошь и рядом превышают свои полномочия, чем вызывают еще большие нарекания. Недовольство ими вызывалось и тем, что в условиях нового революционного подъема они не смогли предотвратить роста активности находившихся в подполье революционных организаций. 22 февраля 1914 года районные охранные отделения были упразднены, кроме Туркестанского, Кавказского и Восточно-Сибирского. До 1917 года действовало только Туркестанское районное охранные отделение. Все дела ликвидированных учреждений были переданы «по принадлежности» в местные губернские жандармские управления. Одновременно шло упразднение охранных отделений.

Ликвидация районных охранных отделений были произведена по циркуляру товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, который был одним из ярых их противников. В своих записках, относящихся к 1914 году, он писал, что создание РОО отвечало желаниям «части офицерства Корпуса жандармов, ведавших розыском и хотевших занять совершенно обособленное положение, вдали от всякого контроля... Будучи еще губернатором в Москве, — продолжает он, — я всегда отрицательно относился к этим, возникшим на моих глазах, районным охранным отделениям, вообще, и, в частности, к таковому Московского центрального района, наблюдая все отрицательные стороны этого новшества... В бытность мною в Нижнем, я окончательно в этом убедился, и не мог не обратить внимания на ненормальность существования самостоятельного охранных отделения рядом с ГЖУ, ведавшим, по закону, розыском... Это отделение не вызывалось никакой необходимостью, тем более, что находившееся там жандармское управление было прекрасно поставлено... Все

эти районные и самостоятельные охранные отделения были только рассадником провокации; та небольшая польза, которую они, быть может, смогли бы принести, совершенно затухала тем колоссальным вредом, который они сеяли в течение этих нескольких лет». Частичный успех, которого добились РОО в годы реакции, был перечеркнут в годы нового революционного подъема, когда уже никакие ухищрения и никакая специализация не могли предотвратить распространения «противоправительственной» деятельности революционных организаций. И именно эта несостоятельность РОО, их неспособность выполнить возложенные на них задачи, а также дух соперничества с ГЖУ и старыми кадрами явились причиной их упразднения.

С упразднением охранных отделений (остались и существовали до 1917 года только три: Варшавское, Московское, Петербургское) и районных охранных отделений центральным звеном политического розыска на местах в большинстве губерний стали, как и ранее (до 1902 года) губернские жандармские отделения.

В годы революции в структуре охранных отделений все чаще начинают действовать временно создаваемые **регистрационные бюро**. Обычно они занимались обеспечением личной безопасности «высочайших особ» в городах, в местах их отдыха, временного пребывания. Они учреждались Департаментом полиции. В их задачу входила проверка жителей в местах «высочайшего проезда», выяснение личностей, их благонадежности и благонадежности лиц, приезжающих в ту или иную местность на жительство, где в данное время пребывал Двор. Опыт этих регистрационных бюро было решено использовать в местностях интенсивного развития революционного движения. При охранных отделениях создаются подразделения, которые используют опыт работы и методы деятельности временных регистрационных бюро. Так, в Петербурге в конце 1905 года (по инициативе петербургского градоначальника Дедюлина) при Петербургском охранных отделении организован «особый отдел» для наблюдения за лицами, приезжавшими в столицу. Отдел просуществовал до середины 1906 года.

В 1907 году в Москве был усилен контроль за приезжими. Основной причиной было появление большого количества сфабрикованных документов. В ходе проверки были обнаружены не только подложные паспорта, но и оружие, взрывчатые вещества. Ежедневно проверялось от 6 тысяч до 12 тысяч паспортов. В последующие два-три года эта деятельность ослабевает. Однако с началом нового революционного подъема все чаще встает вопрос об организации регистрационных бюро на более продолжительные сроки.

В конце 1910 года товарищ министра внутренних дел П. Г. Курлов получил сведения, что эсерами готовятся террористические акты против царя. В связи с этим он срочно обращается к начальникам некоторых охранных отделений с призывом «безотлагательно установить самое бдительное наблюдение за всеми приезжими лицами, в особенности же за теми из них, которые останавливаются в гостиницах и меблированных комнатах». 20 декабря 1910 года было издано циркулярное письмо товарища министра внутренних дел и директора Департамента полиции о необходимости организации «фактического наблюдения за всеми» прибывающими в города и местности, за вокзалами, регистрации всех приезжающих. В связи с этим предписывалось в случае необходимости создавать регистрационные бюро. В первую очередь они были созданы в столицах.

С этого момента стала вестись тщательная проверка всех приезжающих в столицы, просмотр и проверка их паспортов. Наводятся справки по русским паспортам в местах их выдачи, осуществляется наблюдение за русскими и иностранными подданными, цель приезда которых точно не установлена. Наблюдение ведется за вокзалами, гостиницами, меблированными комнатами, частными квартирами. Для этого выделялся целый штат полицейских надзирателей и филеров. К этой работе привлекались конторщики, паспортистки, дворники, швейцары и различные служащие гостиниц и меблированных комнат. И в Московском, и в Петербургском охранных отделениях готовятся материалы и указания по работе бюро. Уже спустя шесть дней после издания упомянутого циркулярного письма (26 декабря 1910 года) начальник Московского охранного отделения подписывает «Руководящие указания регистрационному бюро по наблюдению за лицами, приезжающими в город Москву». Одновременно идет разработка инструкций и в Петербургском охранном отделении. Там подготовлена «Временная инструкция чинам регистрационного отдела», включавшая 47 пунктов, и специальная разработка чинам регистрационного бюро при наблюдении за паспортами.

На каждом из вокзалов учреждается непрерывное дежурство полицейских надзирателей и филеров, находившихся в непосредственном ведении полицейских надзирателей, которые в свою очередь выбирались из числа опытейших и осведомленнейших людей политического розыска. Надзиратели не только должны были знать в лицо широкий круг революционных деятелей, проходивших по наблюдению, но и иметь «навык распознавать революционера на основании специальных особенностей последнего». Лицам, ведущим наблюдение, напоминалось, что при наблюдении необходимо обращать внимание буквально на все: какие газеты читает наблюдаемый, приметы его одежды, «мозолистые или выхоленные» у него руки. Напоминалось, что наблюдать необходимо везде: в буфетах, парикмахерских, туалетах, особо обращая внимание на встречи, переодевания, смены костюма и т. д.

Помимо Петербурга и Москвы регистрационные бюро создаются и в ряде других мест, и в первую очередь там, где велико число приезжающих, где останавливаются высокопоставленные лица.

Заведующим регистрационным бюро назначался офицер Отдельного корпуса жандармов, который утверждался градоначальником по соглашению с директором Департамента полиции. В Петербургском регистрационном бюро работало 35 гостиничных агентов, из которых один был старший. Канцелярия бюро состояла из письмоводителя и четырех писцов. В связи с определенными сложностями в штатном отношении почти все агенты зачислялись околоточными надзирателями столичной полиции. Заведующий бюро, согласно Положению, находился в прямом подчинении начальника охранного отделения. Все связи, вся отчетность, которую он вел и представлял в Департамент полиции, все шло через начальника охранного отделения.

Состав Московского регистрационного бюро был более солидный. К бюро было прикомандировано 48 околоточных надзирателей, освобожденных от обязанностей по участку. Кроме того, в помощь к ним была организована «статская команда» в 100 человек из городских (по два от участка). Все эти лица были инструктированы в охранном отделении, знали свои обязанности и по работе регистрационного бюро, и по охране высокопоставленных лиц, приезжавших в Москву.

Довольно интересен отчет Московского регистрационного бюро за первые четыре месяца его деятельности. Почти полмиллиона (467 490) лиц было проверено только по общему архиву Московского охранного отделения. Число же проверенных паспортов и их владельцев примерно в два раза больше. Согласно отчету, из числа проверенных по делам отделения ранее проходило по документам 1664 человека. Из них по партии социал-демократов 239 человек, эсеров — 167, по студенческому движению — 163, по партии анархистов-коммунистов — 13, сионистов — 4, по Бунду — 1, грабителей — 11. Отделом упоминались 17 человек, срок ссылки которых закончился, и 1048 человек, партийная принадлежность которых не установлена.

На работе регистрационных бюро серьезно сказывалась вражда между политической и общей полицией, что особенно ярко проявилось в деятельности петербургского регистрационного бюро. Периодически возникала перепалка об огромных расходах на содержание бюро и их малую эффективность (так на содержание петербургского регистрационного бюро ежегодно уходило 100 000 рублей). Департамент полиции даже указывал на то, что как учреждение политического розыска регистрационные бюро себя не оправдали и в январе 1912 года было предложено начальнику Петербургского охранного отделения представить свои соображения о возможных сокращениях личного состава и даже упразднению. В октябре 1913 года по поводу деятельности петербургского регистрационного бюро состоялось совещание, на котором присутствовал вице-директор Департамента Виссарионов. Последний в своем выступлении отметил, что регистрационный отдел «не оправдал возлагаемых на него надежд и обнаружил очень мало нелегальных политических, а между тем при учреждении его преследовались главным образом задачи борьбы с революционными организациями...» Тем не менее, созданные на временной основе, регистрационные бюро были сохранены и просуществовали вплоть до 1917 года.

Хотя Департамент полиции и органы политического розыска, в принципе, достаточно дееспособны, их ориентация на проведение жесткой, чисто репрессивной политике подавления антиправительственных сил, оппозиционного, общественного движения, включая и либеральное, приводила лишь к нарастанию накала борьбы и растущей изоляции от основной части общества. В результате справиться с поставленными в условиях резко нараставших оппозиционных движений и настроений они оказались не в состоянии. Устранение Зубатова, его дискредитация и последующее ужесточение методов борьбы, исключало возможность мирной эволюции политического режима.

По своим профессиональным качествам, работоспособности центральный аппарат российской полиции, его кадры на протяжении большей части истории Департамента были в состоянии осуществлять достаточно эффективное руководство политическим розыском России.

Но сколь бы большое значение не имели усилия по совершенствованию профессионализации и рационализации отдельных видов государственного управления, добиться даже минимальных успехов здесь невозможно, если эта деятельность не является органической частью общих усилий по совершенствованию и «осовремениванию» (в самом широком смысле этого слова) всей системы государственной власти.

Естественно, что особое внимание органы политического розыска уделяли вооруженным силам империи — главному гаранту стабильности и

прочности власти. Революционным народникам в конце 70-х — начале 80-х годов удалось создать в Петербурге, Кронштадте и ряде других городов военные кружки. В общей сложности, в них участвовало до 200 офицеров армии и флота, от прапорщика до подполковника. Увлеченные идеями сокрушения монархии, преобразования России на основе политической свободы, равенства граждан, эти люди вели пропаганду среди своих сослуживцев, содействовали побегам политических узников, готовились к вооруженному восстанию.

В последующие десятилетия, вплоть до начала XX века, таких крупных тайных организаций в армии не существовало. Может быть, поэтому вплоть до 1917 года власть так и не удосужилась организовать в войсках специальные структуры политического розыска, наподобие Особых отделов, созданных большевиками в декабре 1918 года. Но дело было, конечно, не только в этом. Сказывалась корпоративность военных и достаточно брезгливое отношение большинства офицерского корпуса к полицейским чиновникам и людям в голубых мундирах.

Показательны в этом плане, написанные уже в эмиграции, мемуары генерал-лейтенанта А. С. Лукомского. Он немало страниц посвящает рассказу о своем тесте, одном из самобытнейших военачальников русской армии того времени, М. И. Драгомирове (1830—1905). Генерал от инфантерии, видный военный теоретик, Михаил Иванович занимал высокие посты в армии: начальник Академии Генштаба, командующий войсками Киевского военного округа в 1889—1903 годы, одновременно с 1898 года Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор. По словам Лукомского, в период пребывания в Киеве не было у Драгомирова «более рьяного и упорного врага», чем начальник Киевского губернского жандармского управления В. Д. Новицкий.

Убежденный монархист, Михаил Иванович, как рассказывает мемуарист, не был согласен с самой системой жандармского сыска, поощрявшего провокацию, создание дутых дел, наличие «двойных» агентов и другие подобные приемы борьбы со «смутьянами». В результате Драгомиров считал, что отвечать за поддержание порядка и недопущение в частях революционной пропаганды должны строевые командиры. Он требовал, чтобы жандармы «не совали носа в войска».

В свою очередь, руководители Корпуса жандармов предлагали иметь в каждой войсковой части своего агента, который по возможности оставался бы неизвестным даже командиру части. Он должен был бы создать сеть осведомителей в подразделениях, собирая необходимую информацию. Эти данные поступали бы из жандармских управлений военному командованию, которое и проводило бы расследование. Но военным такую идею отвергли. Лишь в 1909 году, когда военным министром стал В. А. Сухомлинов, было создано специальное жандармское подразделение для ведения наблюдательной работы в армии. Ее руководителем стал полковник С. Н. Мясоедов — авантюрист и взяточник, ставший сам в 1915 году жертвой «шпиономании» и политических интриг. Обвиненный без должных оснований в шпионаже в пользу Германии, он был казнен по приговору военного суда.

Особое внимание Департамент полиции и корпус жандармов обращали на флот, где размах революционной пропаганды был значительно выше, чем в армии. В 1904 году было учреждено Кронштадтское жандармское управление, в марте 1906 года жандармское управление в Севастополе.

По поводу создания последнего министр внутренних дел П. Н. Дурново писал во всеподданнейшем докладе: «Прискорбные события последнего времени указывают, что центром противоправительственного движения в Крыму является город Севастополь, откуда преступные организации распространяют свою деятельность на весь этот край, направляя при этом все усилия на поддержание мятежного духа среди чинов флота и войсковых частей». В июле 1906 года в Севастополе Департамент полиции учредил розыскной пункт с распространением сферы его деятельности на города Ялту, Керчь, Феодосию и Евпаторию с уездами.

Внимание к политическим настроениям военнослужащих не ослабевало и в последующие годы. Вице-директор Департамента полиции С. Е. Виссарионов 8 ноября 1910 года направил предписание начальнику Финляндского жандармского управления усилить агентурное наблюдение и осведомление в Гельсингфорсе (Хельсинки) ввиду того, что, по сообщенной морскими властями дислокации флота на предстоящую зиму, большое количество кораблей будет стоять на рейде Свеаборга (г. Суоменлинна). Аналогичные циркуляры получили и начальники жандармских управлений Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Кронштадта. Важное значение придавалось постоянной связи органов розыска с военно-морским начальством. И все же количество агентуры явно не соответствовало политической ситуации. Как показали списки секретных сотрудников, обнаруженные в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1917 году, на больших кораблях Балтийского флота имелось всего лишь от трех до пяти агентов, а на весь дивизион эсминцев — не более двух. Конечно, с помощью штатных и добровольных осведомителей на многих кораблях в эти годы были ликвидированы многие революционные организации.

Например, в 1910 году были проведены аресты нескольких десятков матросов на судах учебно-минного отряда в Кронштадте. Летом того же года линкор «Слава» в составе отряда военных кораблей был направлен с официальным визитом в Черногорию. В Средиземном море на судне вышли из строя котлы. На буксире линкор отвели во французский порт Тулон, где проводился длительный капитальный ремонт. Из России были присланы 75 рабочих, которых разместили в матросских кубриках. Один из матросов, машинист 2 статьи А. К. Самсон осенью 1910 года связался с В. И. Лениным, жившим тогда в Париже. В результате на корабле возникла подпольная социал-демократическая организация с участием матросов и рабочих. В конечном счете, в марте 1911 года 19 человек были арестованы и на учебном судне «Океан» доставлены на родину. Помощник начальника Кронштадтского жандармского управления 6 января 1912 года сообщал в Департамент полиции о раскрытии «Военно-морской боевой организации» на линкоре «Слава» и ее полном разгроме. Еще более широкие аресты были проведены на кораблях Балтийского флота в июне 1912 года.

Отсутствие вплоть до 1917 года в вооруженных силах России специальных органов политического розыска облегчало распространение антиправительственной пропаганды. Одновременно такая ситуация не останавливала любителей создавать дутые дела из карьеристских или каких-то иных соображений. Показательна в этом плане история, разыгравшаяся в 1916 году на крейсере «Аскольд». Корабль в январе того года встал на ремонт во французском порту Тулоне. Работы затянулись на много месяцев. Командир крейсера капитан I ранга С. А. Иванов 6-й сообщал в

Петроград об упадке дисциплины, объясняя это долговременной стоянкой и общением матросов с мастеровыми. В это время в Тулоне появился авантюрист и провокатор Л. Д. Виндинг. Дворянин Полтавской губернии, он, не имея серьезных убеждений, в годы первой русской революции принял участие в антиправительственном движении. Был осужден и лишен всех прав и состояния. В апреле 1913 года в связи с амнистией его освободили. Желая устроить свои дела, обратился к начальнику Московской охранки с предложением своих услуг. Одновременно направил просьбу в Департамент полиции о зачислении в заграничную агентуру. В просьбе ему отказали, но порекомендовали самому отправиться в Париж и там предложить свои услуги руководству русской заграничной охранки.

Лев Виндинг прибыл во Францию, вступив добровольцем во французскую армию. Войдя в доверие матросов, вел среди них политическую агитацию, проводил тайные собрания на берегу, распространял нелегальную литературу. Под предлогом покупки граммофона провели сбор денег. Седьмого июня один из матросов донес командованию корабля, что «некоторые нижние чины кочегарской команды получают и имеют нелегальную литературу, ...собираются на берегу на сходки» и, якобы, купили на берегу оружие, чтобы «произвести на крейсере возмущение». В кочегарках и некоторых кубриках был проведен обыск. Обнаружили 13 разрозненных экземпляров журнала «Былое», издававшегося известным политическим эмигрантом В. Л. Бурцевым в Париже до 1914 года, и 2 записные книжки с разрезанными половинками листов, как квитанций, с номерами и суммами внесенных матросами денежных взносов. Страницы ряда журналов были еще не разрезаны, что говорило о том, что их не читали. Оружие найдено не было.

Спустя пару дней на корабль приехал Виндинг. В беседе с командиром крейсера он представился агентом Московского охранного отделения, сообщив, что уже два месяца ведет слежку и знает главнейшего заговора. В доказательство были представлены четыре письма одного из матросов и револьвер, якобы переданный Виндингу этим человеком на хранение. С. А. Иванов 13 июня направил телеграмму в Петроград, кратко докладывая о происшедшем и прося командировать следователя и двух агентов сыскной полиции.

На крейсер прибыл военно-морской следователь подполковник Найденев. К этому моменту предварительное расследование по поручению командира провел инженер-механик старший лейтенант Петерсен. В беседе с ним глава русского зарубежного розыска А. А. Красильников заявил, что Виндинг на службе в охранном отделении не состоит, и дал ему отрицательную характеристику. Виндинг же в письме Петерсену просил о выдаче ему вознаграждения за раскрытие «заговора». В результате Найденев, рассмотрев материалы дела, заключил, что хотя и имеются отдельные признаки подготовки матросами открытого восстания и 69 человек подследственных могут быть преданы суду, но все-таки «явного восстания или подготовки к восстанию на военном корабле не было». Остановившись на личности Виндинга, следователь отметил, что тот мог бы быть главным свидетелем, но проверка показала, что этот человек — типичный провокатор, создавший данное дело из личных видов, чтобы быть принятым на службу в заграничную секретную полицию.

Тем не менее 29 июля командир крейсера С. А. Иванов списал с судна около 20 человек, «наиболее нежелательных на корабле, ввиду имевшихся в деле данных о сношениях с подозрительными лицами, хранении ими нелегальной литературы или же подговоров на сборы». Матросы были

расписаны по пехотным частям французской армии и отправлены на фронт. Но дело на этом не закончилось. Трагедия была впереди.

В ночь с 19 на 20 августа 1916 года в кормовом погребе под офицерским помещением произошел взрыв 75-мм патрона, не причинивший крейсеру и команде никакого вреда. Взрыв был небольшой, напоминающий по звуку револьверный выстрел. Тревоги при этом не объявлялось, и команда узнала о происшедшем после побудки. За день до взрыва, по распоряжению старшего офицера крейсера Быстроумова, из погреба был выгружен весь запас дымного пороха, чрезвычайно чувствительного к взрывам и легко воспламеняющегося.

Утром были взяты под стражу 28 матросов по списку, переданному командиру корабля Петерсеном. Следствие вели Петерсен и лейтенант Лансберг. 26 августа арестованные матросы были переведены на берег в военно-морскую тюрьму. 28 августа еще 77 человек из экипажа передали в Тулон под охрану союзников. Военно-полевому суду было предано восемь матросов. Он проходил 10—12 сентября в составе капитана II ранга Пашкова, старшего лейтенанта Петерсена и подполковника Найденова. На заседании суда, вызванный в качестве эксперта комендор Гудзенко заявил, что, по его мнению, подобный локализованный взрыв, не нанесший никаких серьезных повреждений, могли устроить только опытные артиллеристы при участии офицеров. Тем не менее четверо человек — гальванер Ф. И. Бешенцев, командор А. А. Бирюков, матросы Д. Г. Захаров и Е. Г. Шестаков — были приговорены к расстрелу.

В этот момент сменился командир крейсера. С. А. Иванов был отозван и 7 сентября на смену ему прибыл К. Ф. Кетлинский (отец будущей известной советской писательницы В. К. Кетлинской). 10 сентября он вступил в командование кораблем и 12 сентября утвердил приговор, одновременно отправив телеграмму в Петроград. Начальство молчало, и приговор был приведен в исполнение рано утром 15 сентября 1916 года командой из 40 матросов с крейсера. В тот же день из Морского генштаба поступил ответ: «Задержите исполнение приговора».

Все писавшие об этом деле сходились в оценке Виндинга, старшего лейтенанта Петерсена и того, что происходило до 20 августа. Зато обо всем, связанным со взрывом и последующими событиями, можно найти в литературе полярные суждения. Одни считали происшедшее грубой провокацией ряда офицеров, возлагали значительную вину на К. Ф. Кетлинского. Другие защищали нового командира корабля, указывая на то, что «никаких материалов о революционной деятельности 4 расстрелянных матросов в документальных материалах суда и следствия, а также в секретной переписке по «Аскольду» не обнаружено», и судили их за действия, которые могли привести к гибели крейсера. Они обращали внимание на то, что после свержения царизма общее собрание команды «Аскольда» после длительного обсуждения выразило доверие командиру. Следственная комиссия Временного правительства также не стала привлекать Казимира Филипповича Кетлинского к ответственности. До сих пор окончательного ответа нет и события на крейсере «Аскольд» остаются «темным делом», как была названа статья об этом в журнале «Былое» в 1923 году<sup>3</sup>.

В целом же, политическому розыску, несмотря на многочисленные аресты, не удалось оградить армию от революционной и антиправительственной пропаганды, удержать ее под контролем власти, что и стало одним из факторов крушения царизма в феврале 1917 года.

### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ ЗА РУБЕЖОМ (ЗАГРАНИЧНАЯ ОХРАНКА 1883—1917 ГОДОВ)

С ростом революционной эмиграции, с созданием русских революционных колоний за рубежом перед органами политического розыска встает задача создания эффективной службы наблюдения за деятельностью российских революционеров в целом ряде стран Европы и США.

Третье отделение в свое время посылало своих агентов за рубеж для наблюдения за отдельными лицами. Оно также дало большие полномочия начальнику Варшавского жандармского округа по налаживанию службы и контролю за эмигрантами в пограничных районах. Ему переводились средства на организацию и оплату этой работы.

Определенное время I отделение, а затем Департамент полиции пользовались информацией русских консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне, Бухаресте, Нью-Йорке. Однако такого рода разрозненная информация чем дальше, тем меньше устраивала власти.

На необходимость создать специальную службу наблюдения за русской политической эмиграцией за рубежом указывал и Лорис-Меликов. В апреле 1880 года им были командированы за рубеж сотрудники Верховной распорядительной комиссии (ВРК) М. Н. Баранов (во Францию) и В. М. Юзефович (в Пруссию). Им было дано задание собрать сведения о русской политической эмиграции, проверить работу агентов Третьего отделения, составить проект ее реорганизации, ознакомиться с деятельностью местной полиции.

Результаты проверки показали убогость, примитивность, малоэффективность деятельности агентов русской полиции. Их сведения были «порой отрывочны, противоречивы, лживы». Тогда же были предприняты попытки создать русскую секретную службу при парижской префектуре. Но это начинание было неудачным. Иностранцы, не зная русского языка, давали некоторые сведения о личной жизни политической эмиграции, а не об их замыслах и разговорах.

Как пишет историк И. В. Оржеховский в своей книге «Самодержавие против революционной России» (М., 1982): «В начале 80-х годов XIX века центр русской заграничной агентуры в Париже переместился на улицу Гренель в помещении русского посольства, а общее руководство и наблюдение за организацией политического сыска во Франции было возложено на русского посланника в Париже князя Н. А. Орлова...»

Однако наладить эту службу и централизовать ее было нелегко.

После убийства Александра II группа монархистов — высокопоставленных лиц, не надеясь на возможности государственной полиции (как было указано выше), организовала свою службу, которая вошла в историю как «Священная дружина» (или «Священная лига»). Ее руководителями был разработан Устав организации и «Положение о Добровольной охране». Цель этой организации — борьба с революционным движением и его лидерами. В связи с чем предусматривалось оказание помощи полиции, забота о монархии. Организация имела агентуру за рубежом. Однако представители «Священной лиги» часто не столько помогали полиции, сколько мешали ей. Они активно занимались провокационной деятельностью, иногда конспирировались, и государственная полиция вела за

ними наблюдение. Государственная полиция и «Священная лига» мешали друг другу и дезориентировали друг друга.

В июле 1883 года директор Департамента полиции В. К. Плеве и товарищ министра внутренних дел П. В. Оржевский, стремясь поставить розыск за границы на должную высоту, изучив материалы и опыт предшественников, посылают в Париж для организации политического розыска во Франции надворного советника П. В. Корвин-Круковского.

Хотя в свое время Корвин-Круковский в течение двух лет служил агентом в Болгарии, Румынии, Бухаресте в распоряжении генерал-адъютанта Дрентельна, навыками, необходимыми для руководителя политического розыска не обладал.

С назначением Корвин-Круковского за рубежом в Париже было создано специальное подразделение Департамента полиции — заграничная агентура, которая вошла в историю как «Заграничная охранка».

Статус Корвин-Круковского был определен удостоверением, выданным директором Департамента Плеве, в нем указывалось, что он «облечен доверием Департамента полиции и дружественным России державам предлагается оказывать ему содействие при исполнении им своего поручения».

С созданием заграничной агентуры Департамента выявились все неудобства существования за рубежом «Священной дружины», которая была расформирована, а часть ее агентов была принята в заграничную охранку.

Состав агентуры был небольшим. В качестве секретных сотрудников работали русские, которые входили в эмигрантские круги и освещали их деятельность. Служба же наружного наблюдения состояла из иностранцев: Барлэ, Риан, Росси, Бинт.

Первое время руководство этой службой было поручено французу Александру Барлэ. Последний был известен товарищу министра внутренних дел Оржевскому, и при организации заграничной агентуры он предлагал пригласить его на службу для заведования агентами центральной парижской агентуры.

Несколько позднее во главе наружного наблюдения становится коллежский регистратор В. Милевский. С этого времени к службе наружного наблюдения стали привлекаться русские филеры.

Корвин-Круковский обосновался в Париже в помещении Российского посольства на улице Гренель, 79. Несмотря на определенные неудобства нахождения политической полиции в дипломатическом учреждении этот адрес Заграничной охраны продолжал оставаться до ее ликвидации в 1917 году после Февральской революции.

В. Агафонов, член партии эсеров, принимавший участие в работе Комиссии по разбору архива Парижского бюро Заграничной агентуры в 1917 году, писал о своих впечатлениях от посещения «Штаба» заграничной охраны:

«Заграничная агентура помещалась в нижнем этаже русского консульства в Париже и состояла из двух небольших комнат. Одна — в два окна, другая имела одно окно, за решетками. Первая комната — канцелярия: вдоль ее стен стояли высокие, до самого потолка, шкафы с делами, здесь же находились две шифоньерки с каталогами, шкаф со старыми делами, агентурными листками, альбомами фотографий революционеров. Альбомы были большие и маленькие. Часть альбомов, видимо, предназначалась для надобностей самой заграничной агентуры, в них было помещено



несколько сот фотографий революционеров. А маленькие альбомчики, так называемые карманные, предназначались для агентов наружного наблюдения. В них было 20—30 фото революционеров, главным образом, террористов. В комнате стояли три письменных стола с пишущими машинками на них и массивный нескороаемый шкаф.

Вторая комната была кабинетом. Великолепный письменный стол красного дерева с роскошными бронзовыми канделябрами и другими украшениями, диван, кресло, стулья красного сафьяна и два больших портрета царя и наследника... Вот он, тот центр, — пишет Агафонов, — откуда невидимая рука направляла свои удары в самое сердце русской политической эмиграции; здесь плелась паутина, окутывающая нас и наших товарищей тысячами тонких, но крепких нитей; здесь... совершались сатанинские искушения, и слабые или уже развращенные становились окончательно предателями...»

С именами В. Агафонова и С. Сватикова, комиссара Временного правительства, связаны первые исследования по истории Заграничной охраны с использованием ее архива. В течение нескольких месяцев они с другими членами Комиссии разбирали и исследовали материалы. В 1918 году Комиссия прекратила работу, а архив остался в распоряжении последнего российского посла в Париже В. А. Маклакова. В 1926 году он тайно вывез документы в США и передал их на хранение в Стэндфордский университет. При сдаче документов были оговорены условия передачи и хранения материалов. Согласно контракту, подписанному с Гуверовским институтом, Маклаков передавал материалы в 16 опечатанных деревянных ящиках. Так они должны были храниться. Их можно было вскрыть и сделать достоянием гласности только спустя три месяца после смерти Маклакова. Перед отправкой документов в США Маклаков подписал документ, в котором говорилось, что материалы «Заграничной охраны» им сожжены.

В июле 1957 года после установленного Маклаковым срока было сообщено общественности о месте хранения архива заграничной агентуры. Появление документов стало сенсацией в архивном мире.

Стоит отметить, что определенная часть этих документов имеется в подлиннике и в фонде Департамента полиции ГАРФа. Объясняется это тем, что в Парижском бюро оставались вторые экземпляры и черновики документов. Первые же экземпляры, как правило, направлялись в Департамент полиции, где они и хранились наряду со всеми другими материалами. Историкам, очевидно, интересно знать, что в настоящее время ГАРФ располагает также копиями фонда, хранящегося в Гувере. Документы Гувера интересны прежде всего теми первичными материалами, которые служили основой для составления докладов и отчетов, направлявшихся в Департамент. К числу таких документов относятся агентурные листки со сведениями, получаемыми от секретной агентуры наружного наблюдения, финансовая отчетность, расписки в получении денег. Большой интерес представляют личные дела служащих Заграничной агентуры.

Заграничная агентура была непосредственно связана с 3-м делопроизводством Департамента полиции, а после 1898 года — с Особым отделом. Вся отчетность, переписка Заграничной агентуры направлялась в указанную структуру. Отсюда же получали инструктивные письма, предписания, сведения о финансировании.

В этих структурах Департамента полиции и отложились документы, связанные с историей Заграничной агентуры. Дела сформированы по го-

родим и странам, откуда поступала информация, а также, в исключительных случаях, по адресатам.

Так же как организация самого Департамента, становление службы Заграничной агентуры заняло несколько лет.

Корвин-Круковский не был удачной фигурой для такой должности. Посланный в 1884 году за рубеж сотрудник 3-го делопроизводства Департамента К. Г. Семякин по возвращении составил доклад, в котором указывал, что Круковский делом не интересуется, не понимает его и даже не дает себе труда разбирать письма, доставляемые ему Барлэ, заваливая всяким хламом Департамент. Кроме того, были отмечены и финансовые нарушения. Семякин предлагал провести реорганизацию в 3-м делопроизводстве и в Заграничной агентуре.

Летом 1884 года с большими трудностями и сложностями удалось отстранить Корвин-Круковского от работы. На освободившуюся должность был приглашен П. И. Рачковский, находившийся в это время в распоряжении Департамента полиции и выполнявший отдельные его поручения.

С этого момента Рачковский становится заметной фигурой в российском политическом розыске. Выученик Судейкина, человек хитрый, умный, беспардонный, он насаждает свои методы розыска. И это все сходит ему с рук: его авторитет, зарплата, награды неуклонно поднимаются.

Помимо Парижского бюро информации о зарубежных организациях продолжала поступать от российских консулов в Париже, Вене, Берлине, Лондоне, Бухаресте, Нью-Йорке прямо в Департамент полиции. Постепенно, по мере организации отделений Заграничной агентуры, сведения начинают поступать непосредственно от них или из Парижа от Рачковского.

Некоторые агенты, находившиеся на службе Департамента в разных странах Европы и Америки, предпочитали в первые годы сноситься с Департаментом самостоятельно. Часть из них просто боялась посредничества. К таким лицам можно отнести давнишнего знакомого Департамента секретного сотрудника Эваленко (Еваленко) Александра (Канона) Марковича.

Первое время Рачковский активно берется за налаживание работы. Он резко увеличивает состав секретной агентуры, работавшей в эмигрантских кругах в Париже, Швейцарии, Италии, стремится сосредоточить руководство зарубежной агентурой в своих руках, расширить сеть пунктов за рубежом. Подобная централизация, однако, выдерживалась последовательно не всегда, так как во многих случаях было удобнее и целесообразнее иметь прямые связи с Департаментом полиции. Определенную самостоятельность в своей деятельности сохраняла Заграничная агентура в Лондоне. Напрямую давал сведения об эмигрантах и особенно об анархистах генеральный консул России в США Оларовский.

В 1889 году при Рачковском начала действовать агентура на Балканском полуострове. Ее деятельность распространялась на Румынию, Болгарию, Сербию, Австро-Венгрию. Долгое время Балканской агентурой управлял Александр Моисеевич Вейсман, бывший секретный сотрудник жандармского управления Одессы (впоследствии его сменил Тржецяк). Вейсман все свои донесения и материалы направлял в Департамент. Исходя из того, что в этот период в Болгарии, Сербии, Румынии находилась большая группа народовольцев, Вейсман считал, что в интересах дела целесообразно иметь «горячую линию» между ним и Департаментом. В Департамент от него поступают перлюстрированные письма Е. Лазарева,

А. Теплова, В. Дебогория-Мокриевича, Ф. Волховского, Степанова, Н. Чайковского, Л. Гольденберга и др. к И. Кашинцеву, проживавшему в Болгарии. Одновременно идут донесения и информация о болгарских революционерах Димитре Благоеве и И. Загубанском. Кроме того, в Департамент поступали сведения и из российского консульства в Софии.

Вейсман достаточно долго проработал на Балканах, имея большое влияние как в политических, так и в дипломатических кругах. Однако нарушения финансовой отчетности, организация фиктивного покушения на жизнь болгарского князя Фердинанда (из карьерных соображений) стоили ему должности.

В 1884 году была организована агентура в Галиции, а несколько позже, в 1900 году — в Берлине.

Имея навыки журналистской работы, Рачковский быстро сошелся с парижскими журналистскими кругами, с помощью которых начал помещать в парижской прессе статьи, направленные против российской революционной эмиграции. В борьбе с нею он применяет явно провокационные методы, заимствованные у своего учителя Судейкина.

Известны проведенные Рачковским провокации, связанные с разгромом народных типографий в Женеве. Чтобы еще более утвердить свое положение и дать возможность сблизиться России с Францией, был задуман и осуществлен чудовищный план мнимого покушения на Александра III. На средства, данные Рачковским, его секретным сотрудником Ландезеном была устроена лаборатория по изготовлению бомб. Когда работа наладилась, сведения о мастерской были сообщены французской полиции. Ландезен скрылся, и его осудили заочно. Его «товарищи» были осуждены и понесли наказание.

«Открытие» полицией мастерской дало повод французским властям в 1890 году организовать шумный процесс по делу русских террористов. В. Агафонов в своей книге «Заграничная охранка» (Пг., 1918) пишет: «Этой провокацией Рачковский не только возвысил свой авторитет в Министерстве внутренних дел и избавился от личных беспокоивших его парижских эмигрантов, но и сумел завязать солидные связи в политических кругах Парижа».

К этому времени относится его знакомство, перешедшее позже в дружбу, с французский президентом Лубэ.

Ландезен был давнишним секретным сотрудником. Еще в годы студенчества, во время учебы в Петербургском горном институте он стал секретным сотрудником Петербургского охранного отделения по освещению студенческого движения. Тогда он носил фамилию Геккельман. Однако его поведение вызвало подозрение у сокурсников, и ему срочно пришлось выехать в Ригу, где он поступил в Политехнический институт. Но и здесь ему не повезло, он опять попал под подозрение. В 1884 году он едет в Швейцарию и поступает в Цюрихский политехникум. За рубежом он живет под фамилией Ландезен.

Вскоре он знакомится с Рачковским и становится его сотрудником. Однако он снова меняет фамилию, принимает православие и сотрудничает с Рачковским как Гартинг Аркадий Михайлович. Между Рачковским и Гартингом полное взаимопонимание. Вскоре он становится ближайшим помощником Рачковского, его правой рукой.

В 1900 году Рачковский добивается согласия немецких властей на присутствие в Берлине российской полиции, он ставит во главе Берлинской агентуры Гартинга.

Рачковский активно налаживает связи с иностранной полицией и обслугой домов, где живут эмигранты. В числе его доверенных лиц оказываются почтальоны, консьержи.

«Энергии и изворотливости Рачковского, казалось, не было предела, — пишет В. Агафонов. — Это был природный сыщик, комбинатор и авантюрист».

В последние годы перед отставкой Рачковский все больше втягивается в политику и интриги, занимаясь вопросами, которые не входили в его компетенцию. В то же время до выполнения непосредственных служебных обязанностей не всегда доходили руки. Он добился того, что получаемое им жалование было выше, чем у директора Департамента полиции (соответственно 12 и 10 тысяч рублей).

В июне 1902 года Рачковский был отправлен в отставку, а его место, как было сказано выше, занял Л. А. Ратаев. Причиной отставки послужили участвовавшие служебные упущения, а также резко отрицательный отзыв о Вашо, французе, лечившем императрицу Александру Федоровну.

Несмотря на проявленное усердие, Ратаеву не удастся приобрести столь же широкий круг знакомств, который был у Рачковского. Он стремился расширить секретную агентуру в городах, где наблюдался приток русской эмиграции.

22 декабря 1902 года Ратаев писал А. А. Лопухину, директору Департамента, и делился своими планами: «По части секретных сотрудников я полагаю не придерживаться строго рамок Лондона, Парижа и Швейцарии, а предполагаю раскинуть сеть несколько шире. Уже мною лично приобретено трое сотрудников: один добавочный для Парижа (специально для наблюдения за русской столовой), одного — для Мюнхена и одного я полагаю послать в Бельгию, где в Брюсселе и Льеже образовалось порядочное гнездо. Из числа прежних сотрудников не все еще перешли ко мне, но перейдут с отъездом П. И. [Рачковского. — З. Л.] из Парижа...»

Более чем через месяц Ратаев в своем донесении в Департамент (28 января 1903 года) не только сообщает о своих планах, но и о тех трудностях, с которыми он столкнулся в результате упущений своего предшественника:

«По приезде в Париж, — пишет он, — я попал в очень тяжелое положение. По моей долголетней службе я сразу понял, что способы ведения дела моим предместником значительно устарели и совершенно не способны к современным требованиям Департамента. Как я уже писал, наиболее слабым пунктом оказалась Швейцария, а между тем я застал момент, когда центр и, можно сказать, пульс революционной деятельности перенесен именно туда...»

Что касается самой агентуры, то Ратаев считает, что она «также весьма и весьма нуждается в реорганизации и освежении. Во-первых, она сильно распущена и набалована... Я убедительно просил и прошу на первый год оставить неприкосновенной ту сумму, которая отпускалась П. И. Рачковскому. Будьте уверены, что я ее расходую с надлежащей экономией...»

Одновременно он считает, что центр революционной эмиграции, как указано было выше, перемещается в Бельгию и Швейцарию. Поэтому можно ликвидировать Балканскую и Берлинскую агентуры.

Возможно, что эти агентуры действительно уже утратили свое значение, возможно, что здесь присутствовали и личные мотивы. (Заведующим Берлинской агентурой оставался Гартинг, ставленник Рачковского.)

Ратаев явился инициатором подготовки и заключения русско-германского полицейского протокола он 14 марта 1904 года о мерах борьбы с анархизмом. Он имел слишком мало времени, чтобы укрепить свои позиции в заграничной охране. С возвращением Рачковского в систему политического розыска (в июле 1905 года) была восстановлена Берлинская агентура, а Ратаев был смещен со своего поста.

Заведующим заграничной агентурой в августе 1905 года был назначен А. М. Гартинг.

Период руководства заграничной агентурой Гартингом был временем, когда политическая эмиграция увеличилась за счет отъезда за рубеж большого числа руководящего состава как социал-демократического, так и эсеровского движения. Все съезды, конференции, совещания освещались как секретной агентурой, выезжавшей в качестве делегатов, так и заграничной секретной агентурой и службой наружного наблюдения. О том, как удавалось заграничной агентуре доставать партийные документы, может свидетельствовать эпизод из истории V съезда РСДРП.

В списке среди делегатов значился секретный сотрудник заграничной агентуры Житомирский. Он был избран в протокольную часть съезда. О первых днях съезда он информировал Гартинга. Съезд открылся 30 апреля, а 4 мая заведующий Заграничной агентурой Гартинг уже дает в Департамент первое сообщение о съезде и пишет о необходимости выезда его самого в Лондон для «помощи агентуре». Съезд закончил свою работу 19 мая, а 26 мая Гартинг представляет в Департамент полиции подробный отчет на 100 страницах (!) о пятом съезде РСДРП, описывая организацию съезда, открытие съезда, останавливаясь на работе каждого дня, дает краткую характеристику выступающим, коротко излагая содержание выступлений. К отчету прилагался список членов ЦК, кандидатов в члены ЦК *на случай провала*, список установленных участников съезда (на 163 человека), финансовый отчет ЦК, отчет об издательской деятельности ЦК и даже секретный отчет об расходовании полученных от Саввы Морозова 100 000 рублей, а также принятые съездом и отклоненные рекомендации. Направляя эти материалы, Гартинг писал, что отчет составлен сотрудником, который «много потрудился в период этого съезда» и оказал «весьма серьезные услуги во время своей последней поездки в Россию». Основываясь на этом, Гартинг просит для него награду в размере 1500 рублей. По моим предположениям, этим сотрудником являлся Житомирский, который, имея доступ ко всем документам съезда, после его окончания в течение одной ночи скопировал все документы.

Серия разоблачений секретной агентуры, проведенных Бурцевым, задела и работников Заграничной охраны.

Все ближе подбирался Бурцев к фигуре Гартинга. В немецкой газете «День» от 7 июля 1909 года появилась статья, в которой доказывалось, что Геккельман, Ландезен и А. М. Гартинг — одно и то же лицо. Это разоблачение вызвало большой шум в Российской и зарубежной прессе. Во французском парламенте разразился скандал. Клемансо на запрос социалистов ответил, что во Франции нет иностранной полиции. Перед органами политического розыска России встал вопрос о правомочности дальнейшего существования Секретного заграничного бюро в Париже. Российскому правительству надо было срочно что-то делать, чтобы не подводить своих друзей из французской полиции и правительства и по-

стараться все оставить на своих местах. Сложность ситуации была также в том, что некоторые агенты наружного наблюдения не вызывали доверия.

После разоблачения Гартинг исчез из Парижа. Его обязанности временно исполняли Андреев и Долгов.

В ноябре 1909 года в Париж приехал статский советник Александр Александрович Красильников, ставленный товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова и его многолетний компаньон. В его задачу входило осуществлять общее руководство работой заграничного бюро и контроль за деятельностью офицеров, служивших в Парижском бюро. Старшим из них был подполковник В. Э. Эргардт, непосредственно руководивший секретной агентурой. Полученные Красильниковым полномочия правительства стремилось законспирировать. В официальных документах указывалось, что он командирован «*Министерством внутренних дел за границу для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами*».

Изучив постановку розыскной работы, Красильников разрабатывает предложения по реорганизации службы наружного наблюдения. В лояльности секретной агентуры Красильников был уверен. Это в основном были русские подданные, часть которых прошла службу в качестве секретных сотрудников еще в России. Некоторые из них имели революционное прошлое и в случае их своеволия могли быть привлечены к уголовной ответственности. Часть сотрудников сами изъявили желание работать и материально были заинтересованы в своей службе. Вопрос о необходимости расширить круг секретной агентуры его не беспокоил.

Намного сложнее было с иностранцами, служившими в качестве филеров — агентов наружного наблюдения. С активизацией деятельности В. Л. Бурцева по разоблачению секретной агентуры они стали присматриваться, а не продать ли повыгоднее имеющуюся у них информацию?! Такие случаи стали не единичными. Перешел на сторону Бурцева агент наружного наблюдения итальянец Леоне. Предлагал Бурцеву документы другой агент — Жоливе.

В свое время были предприняты шаги по конспирации российской заграничной службы. Была организована «Розыскная контора Битгара-Монена», которая в действительности являлась филерской службой заграничной охраны. В эту «контору» механически перешли все агенты, ранее состоявшие на службе в заграничной охране России. Они все знали, что в действительности все это камуфляж. И в случае дезертирства или задержания они объявляли, что находятся на службе российского правительства.

В числе первых мер, предпринятых Красильниковым, было запрещение пропускать филеров в здание посольства, что практиковалось ранее. Он потребовал от агентуры прекращения посылки всяких донесений и корреспонденции на адрес посольства, сообщив, что «*Императорское посольство как дипломатическое учреждение полицейским делом и розыском не занимается и никаких агентов не содержит*».

В своем докладе, направленном в Департамент, Красильников писал: «Агенты наружного наблюдения, отлично осведомленные о том положении, в которое поставлена агентура, далеко не являются людьми, верными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборот, большинство из них, за малым исключением, к числу которых следует отнести, главным образом, англичан, готовы эксплуатировать в личных интересах не только все то, что им могло сделаться известно, но и самый факт нахождения их на службе у русского правительства».

...Агенты наружного наблюдения находятся на службе Департамента полиции, хорошо Департаментом оплачиваются, а между тем, в силу существующих условий, приходится с ними считаться, постоянно имея в виду, что каждый из них не только может, но и вполне способен при первом случае поднять шум, вызвать инцидент, поставить заграничную агентуру в затруднительное положение».

Далее Красильников пишет, что ему постоянно приходится считаться «с риском вызвать неприятную историю в случае неповиновения или мести провинившегося агента, являющегося, как и все его товарищи, носителем служебных тайн и личным участником нелегальной деятельности заграничной агентуры».

Красильников предложил создать частное розыскное бюро на средства Департамента полиции, во главе которого поставить достаточно проверенных доверенных лиц. Как писал Красильников, частное бюро по закону может исполнять какие-либо поручения российского правительства и, таким образом, к России не будет никаких претензий в связи с тем, что во Франции функционирует русская полиция.

В Департаменте полиции заводится дело «О реорганизации Парижского бюро заграничной агентуры». Предложения Красильникова рассматриваются, решаются все удобства и неудобства реорганизации, финансовые возможности, степень доверия к лицам, которые останутся на службе.

В связи со сменой директоров Департамента, товарищей министров, заведующих полицией, решение вопроса затягивается.

Одновременно Департамент проявляет большую озабоченность положением дел в Заграничной агентуре и со своей стороны предпринимает меры, направленные на укрепление состава секретной агентуры за рубежом. Так, заведующий Особым отделом Еремин в своей докладной записке, направленной 29 октября 1911 года товарищу министра внутренних дел, писал:

«...Для успеха политического розыска и, в частности, для достижения большей осведомленности розыскных органов необходима дружная совместная работа Департамента полиции, местных розыскных учреждений и заграничной агентуры». Указывая на то, что последние разоблачения лишили Департамент полиции «ценной агентуры» и «возбудили в наличных сотрудниках недоверие к розыскным органам», Еремин особо обращает внимание на партию эсеров, боясь новых террористических актов.

«При современном положении партии социалистов-революционеров, — пишет он, — на местах в подавляющем большинстве работа приостановилась; известны лишь лица или ранее работавшие по партии социалистов-революционеров или готовые вступить на эту работу при удобном моменте, но не проявляющие активной деятельности...»

Усиление Заграничной агентуры путем перевода с места не может быть сделано быстро, — пишет далее Еремин, — одновременно с нескольких пунктов, так как форсированный наплыв из России эмигрантов и стремление их проникнуть вглубь не пройдут незамеченными: их проследят и при малейшей неосмотрительности их провалят. Следовательно, работа в этом направлении должна производиться медленным осторожным темпом. В этом отношении Департаментом уже сделано несколько шагов: мы можем насчитать до 5 лиц, направленных за границу...

Вторым средством к усилению Заграничной агентуры, — добавляет Еремин, — служит приобретение за границей сотрудников, но за последние годы этот способ встречает значительные затруднения. Опыты в этом направлении

дали отрицательные результаты и, кроме того, при частном повторении могут вызывать запрос в Палате депутатов. Тем не менее подполковнику Эргардту рекомендовано мною разобраться о более осведомленных эмигрантах социалистах-революционерах и о намеченных лицах [2—3] донести Департаменту, указав, представляется ли возможность войти с ними в единение местными средствами или потребуются командирование кого-либо для этой цели из России. Кроме того, тому же штаб-офицеру предложено озаботиться проведением в заграничную делегацию имеющейся в его распоряжении боковой агентуры по партии социалистов-революционеров. С целью достижения большей осведомленности о деятельности группы Савинкова, Климовой и отдельных социалистов-революционеров с боевыми наклонностями учреждено в широких размерах наружное наблюдение за ними, заведена цензура за их перепиской наряду с боковым агентурным освещением».

В заключение Еремин писал:

«К изложенному имею честь присовокупить, что Департаментом более года тому назад было сделано обращение к розыскным органам о направлении агентуры за границу, но на этот клич отзывались весьма немногие, большинство же, видимо, опасались расстаться с ценной агентурой. Необходимо повторить призыв, но надо заинтересовать лиц, расстающихся с агентурой, иначе отклика не последует, самое же водворение агентуры продолжать вести под контролем Департамента».

Как видим, работа по усилению заграничной агентуры продолжалась, и, однако, все более серьезным препятствием являлась разоблачительная деятельность Бурцева и его агентов, создание им особой Следственной комиссии. Его разоблачения были настолько ощутимы, что поиск агента Бурцева, который доставлял ему сведения, шел активно. Даже заподозрен был сотрудник парижского Бюро, заведующий канцелярией Сушков.

Красильников в своем докладе на имя директора Департамента полиции уже в 1913 году сообщал:

«Жизнь заграничной агентуры ознаменовалась рядом провалов, являвшихся результатом не оплошности самих сотрудников или лиц, ведущих с ними сношения, а изменой лица или лиц, коим доступны, по их служебному положению, дела и документы, относящиеся к личному составу агентуры вообще и заграничной в особенности. Обращает на себя еще внимание то обстоятельство, что в начале года имели место только единичные случаи таких провалов...

С осени провалы усилились, и в настоящее время они приняли эпидемический характер».

В сентябре—октябре 1913 года заведующий Особым отделом Департамента М. Е. Броецкий находился в Париже по поручению товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского. В связи с предстоящей реорганизацией он должен был проверить эффективность, знания, опыт секретной агентуры Заграничного бюро. По результатам проверки им был составлен достаточно объемный доклад почти на 100 страницах с характеристикой каждого сотрудника, который состоял на службе, и был ему представлен. Он ознакомился с личным составом работников Бюро и делопроизводством Заграничной агентуры.

Доклад Броецкого — исключительно интересный документ, до сих пор почти неостребованный историками. Учитывая эти обстоятельства, я сочла целесообразным включить в текст главы довольно пространные его фрагменты.

В этот период в Заграничной охранке числилось 23 секретных сотрудника. По партии эсеров — 11 чел., анархистов-коммунистов — 4 чел., Бунду — 1, социал-демократии Латгшского края — 1, Дашнакцутюн — 1 чел., специально за Бурцевым наблюдали 2 человека.

Все они жили вне Парижа, и для беседы с Броецким были вызваны в Париж. После 1884 года это был, по видимости, второй случай, когда представитель центрального учреждения высшего ранга приехал с инспекторской проверкой. В данном случае решалась судьба каждого секретного сотрудника.

По результатам этой проверки были даны оценки и рекомендации — далее пользоваться этим сотрудником или расстаться в связи с некомпетентией и малой эффективностью. В своем докладе Броецкий в видах конспирации давал только охранные клички секретных сотрудников, указав при этом, что «действительные фамилии их мной не записаны».

Большое впечатление на него произвели несколько сотрудников, которым он дал высокие оценки. Сотрудника «Шарни» Броецкий назвал «выдающимся». Стаж сотрудника — 12 лет. «Посильная денежная помощь сотрудника членом партии, — писал Броецкий, — а также некоторая материальная поддержка по изданию партийного органа «Знамя труда» дают «Шарни» возможность быть в курсе положения всех дел в партии и ее предположений, а давнее пребывание в рядах партии — умственное развитие, зрелый возраст, твердый характер создали ему уважение членом партии». Броецкий сообщает, что их беседа длилась два часа.

«Шарни» является вполне осведомленным и правдивым сотрудником, стоящим весьма близко к лицам, руководящим партией, и может быть отнесен к разряду выдающейся агентуры». Вознаграждение «Шарни» — 2500 франков в месяц.

«Происходит «Шарни», по-видимому, из интеллигентной, благовоспитанной семьи; замечается некоторая тяжесть неудачной супружеской жизни».

Под этой кличкой скрывалась Мария Алексеевна Загорская. Она действительно пользовалась уважением и авторитетом в организации эсеров, которые не подозревали о ее двойной жизни. Руководил ею сам заведующий Заграничной агентурой Красильников, который был, к тому же, ее большим другом.

Броецкий отметил также деятельность другого секретного сотрудника в партии эсеров — «Жермена», считая его «весьма серьезным, опытным и развитым». (под этой кличкой работал И. Л. Абрамов. — З. П.) «Как сотрудник, — пишет он, — «Жермен», несомненно, представляет крупную величину... Он отлично образован и прекрасно говорит».

В докладе дается характеристика также секретного сотрудника, работающего под кличкой «Николь». Это был Масс Александр Михайлович (Тодарисович). Он показался ему «весьма серьезным партийным деятелем», несмотря на «сравнительной молодой» возраст. Броецкий добавляет: «Как революционер «Николь» является партийным карьеристом, стремящимся занять возможно высокое положение в революционной среде, а как сотрудник имеет превратное представление о своей роли...»

«Николь» может быть признан весьма полезным сотрудником, но требующим, во избежание провокационной деятельности, зоркого наблюдения и твердого руководства».

Хорошее впечатление на него произвел и сотрудник «Корбо» (Якобсон Герш Нухимович), но, в связи с павшим на последнего подозрением

в партийных кругах, он временно отошел от работы. Здесь же Броецкий сообщает о достаточно интересной проверке, которую устроили эсеры «Корбо» по предложению Бурцева. По договоренности с Бартольдом — крупным представителем эсеровской партии, с которым «Корбо» был в близких отношениях, было решено «послать на какие-либо инициалы письмо, в которое вложить два волоска и затем поручить «Корбо» получить это письмо и доставить» Бартольду. При доставлении письма Бартольду волосков не оказалось, т. к. «Корбо» его предварительно перлюстрировал.

Но не все сотрудники произвели должное впечатление на Броецкого. О сотруднике «Мон», который также находился около Бартольда, Броецкий сообщал: «...какими-либо серьезными сведениями «Мон» не располагает, с партийной жизнью, по-видимому, не знаком, связями не обладает и служит лишним балластом для заграничного бюро». Считает, что от этого сотрудника надо избавиться. Это была достаточно авантюрная личность. Его знали как Высоцкого Михаила Сергеевича. Жил он по паспорту Савнори Петра Францевича. Настоящая же его фамилия была Куранов Михаил Сергеевич.

Еще «более бесполезным», с его точки зрения, и «притом лживым» оказался секретный сотрудник «Лежен».

«Весьма выгодное впечатление произвел секретный сотрудник «Скос», — пишет Броецкий. Под его кличкой скрывался Андрей Гаврилович Деметрашвили, который был хорошо знаком с членами местных эсеровских групп и анархистами, знаком с Бурцевым и даже предлагал «похитить» его архив, в чем охранка не нуждалась, так как около Бурцева были другие лица.

При проверке состава секретной агентуры Броецкий убедился, что в своей основе состав секретных сотрудников очень сильный, люди убежденные и преданные своей работе, многие из них имеют не одно высшее образование. Так, работавший по партии анархистов-коммунистов «Космополит» — развит, осведомлен «в революционном отношении», владеет семью (!) языками, «должен быть причислен к выдающимся сотрудникам».

Другой сотрудник по этой организации «Шарль» тоже заслужил положительную оценку: «Полная его осведомленность об их деятельности (анархисты-коммунисты. — З. П.) и планах и правдивость должны служить основанием для того, чтобы признать его весьма полезным и ценным секретным сотрудником». Иной отзыв был дан об Альберте Михайловиче Цугармане (Орлове), кличка «Сименс». Броецкий его назвал не секретным сотрудником, а «простым осведомителем» с сомнительной правдивостью.

Из секретных сотрудников, освещающих Российскую социал-демократическую рабочую партию, Броецкий выделил «Доде». Под этой кличкой скрывался старейший член партии еще с искровского периода Яков Абрамович Житомирский. Он начал оказывать услуги политическому розыску с 1901 года, «будучи указан» Гартингу Берлинской полицией как лицо, «знакомое с членами Берлинской эмигрантской группы». Эта группа вела активную революционную деятельность, Берлинские власти выселили из города всех членов этой группы, в том числе и Житомирского. Он переехал в Париж и примкнул к Парижской группе социал-демократов большевиков. Как объяснил «Доде» в разговоре с Броецким, «в настоящее время состоит председателем этой группы, все дела группы разрешаются по его указаниям и согласно его советам».



«Деятельность группы проявляется в чтении рефератов, в устройстве балов для сбора средств на издание и распространение подпольной литературы...» По словам «Доде», члены Государственной думы, входящие в состав социал-демократической фракции, являются в революционном отношении довольно ограниченными личностями, коих необходимо еще образовывать, дабы возможно было надлежащее использование их партией в качестве легальных возможностей. Во всяком случае, названные члены Государственной думы приносят партии некоторую пользу тем, что издадут газеты и благодаря этому проповедуют социал-демократические идеи... Наконец, они содержат квартиры, представляющие собою место явок прибывающих в столицу политических деятелей. Что касается группы Ленина, находящейся в Кракове, указывает Броецкий со слов «Доде», то таковая имеет постоянное общение с Парижской группой, причем Ленин весьма часто обращается в Парижскую группу за материальной помощью для дела организации транспортировки в Россию нелегальной литературы, водворяемой преимущественно контрабандистами. «Доде» известен, между прочим, тем, что в 1908 году имел в своем распоряжении около двух десятков пятисотрублевых кредитных билетов из числа ограбленных революционерами в Тифлисе на Эриванской площади во время перевозки почтового транспорта. Деньги эти были даны ему лицами, причастными к этому грабежу, для обмена на другие денежные знаки. Выполнение этого поручения представляло собою большие затруднения, так как номера ограбленных кредитных билетов были сообщены во все кредитные учреждения Европы, которые этих денег для размена не принимали. Воспользовавшись тем обстоятельством, что один из кредитных билетов удалось разменять в банке одного из незначительных курортных городов Германии, в коем «Доде» прожил несколько месяцев и был известен там как врач, каковой, однако, билет банк, заметив свою ошибку, возвратил ему при особой переписке, «Доде» передал эти билеты бывшему вице-директору Департамента полиции действительному статскому советнику Виссарионову в бытность его превосходительством» в 1909-году в Париже, причем представил группе весьма правдоподобное объяснение, указав, что, опасаясь, в виду неудачного размена билета, преследований полиции, сжег их; в подтверждение этого «Доде» вручил группе отрезанные будто бы им от кредитных билетов уголки, которые в действительности были высланы Департаментом полиции, когда в группе возник об этих деньгах вопрос.

Этот случай дал группе основание заподозрить «Доде» в присвоении указанных денег, ввиду чего для разрешения сего вопроса была составлена особая комиссия, реабилитировавшая «Доде». Несмотря на это, Бурцев считает «Доде» подозрительным человеком, чувствует, что дело о кредитных билетах носит какой-то «провокационный» характер, но в чем именно заключается предательство со стороны «Доде», не может уяснить себе и потому опасается открыто обвинять «Доде» в партийной измене, тем более, что «Доде» снискал себе полное доверие со стороны Парижской группы большевиков, является вполне независимым человеком как издатель имеющего широкое распространение медицинского журнала и представляющий в редакции этого журнала многим бедным партийным деятелям честный труд.

Ввиду указанного выше партийного положения «Доде», — пишет Броецкий, — осведомленности, связей и знания партийной жизни его надле-

жит отнести к разряду весьма ценных и выдающихся сотрудников, вполне заслуживающего того вознаграждения в размере 2000 франков, которое он получает».

«Продолжительное время служит помощью в деле розыска и секретный сотрудник “Ней”», — отмечает Броецкий. Под этой кличкой скрывался Гудин Василий Григорьевич, бывший студент Петербургского технологического института. С 1901 по 1905 год он являлся сотрудником Петербургского охранного отделения. Затем был передан заграничной агентуре и поселился в городе Льеже. «Среди революционных деятелей, — пишет Броецкий, — “Ней” выдает себя за социал-демократа большевика, в действительности же является убежденным монархистом. По его словам, в Льеже существует эмигрантская колония, насчитывающая в своих рядах около 2000 человек и разделяющаяся на группы социал-демократов, социалистов-революционеров, анархистов и польской социалистической партии. Состоя секретарем и библиотекарем группы социал-демократов, “Ней” сплотил возле себя членов этой группы и приобрел известность не только среди них, но и во всей эмигрантской колонии как лицо, у которого каждый вновь прибывший эмигрант может собрать нужные ему сведения и получить руководящие указания... По своему положению в революционной среде, осведомленности, правдивости “Ней” может быть отнесен к разряду вполне удовлетворительных и полезных секретных сотрудников. Доставляя уже 12 лет сведения по розыску, “Ней”, очевидно, тяготится своим положением и указывает на то тяжелое состояние духа, которое он испытывает в силу необходимости мыслить, как монархист, одно, а высказывать, как искусственный революционный деятель, другое. Несмотря на это, “Ней” далек от отказа в сотрудничестве, считая таковое делом безусловно полезным для родины. По происхождению “Ней” русский, получает он за свой труд вознаграждение в размере 400 франков».

Как было сказано выше, около Бурцева находились два секретных сотрудника заграничной агентуры. Один из них носил кличку «Матис» (Зиновьев Александр).

В своем докладе Броецкий очень подробно описывает внедрение последних в революционную среду.

«Матис» ранее состоял секретным сотрудником отделения. Для укрепления своего положения в партии и «создания более прочного революционного положения» он в это время был привлечен к политическому дознанию по сфабрикованному полицией делу. До рассмотрения дела в судебном порядке полицией же был организован его побег из тюрьмы и из России. Прибыв за границу, он поселился в Париже, вошел в состав заграничной агентуры. Заведенное на него дело в городе Москве было прекращено. Как сообщил в беседе с Броецким «Матис», поскольку он является дальним родственником революционера Павла Крякова, состоявшего во время студенчества в дружеских отношениях, с одной стороны — с Бурцевым, а с другой — с Азефом, то он, «Матис», по прибытии в Париж был подвергнут всестороннему допросу Бурцевым, Агафоновым, Гнатовским и Юделевским для определения, не соединено ли его появление в Париже с какими-либо провокационными целями. Ввиду того, что ничего подозрительного в отношении «Матиса» выяснено не было, Бурцев приблизил его к себе и стал давать ему разные поручения по обнаружению в Париже русских розыскных органов и выяснению личного состава секретной агентуры. Прекрасно инструктируемый руководящим им

подполковником Эргардтом и весьма преданный последнему, «Матис» предварительно доклада Бурцеву о выполнении поручений сообщает об этом подполковнику Эргардту и поступает согласно его указаниям.

Таким образом, предварительно доставления Бурцеву передаваемых им по приказанию сего последнего писем некоторых лиц, интересующих названного эмигранта, письма эти доставляются подполковнику Эргардту. Затем, например, когда «Матис» по приказанию Бурцева вел наблюдение за подполковником Эргардтом, то об этом последний был своевременно осведомлен, и наблюдение никаких результатов не дало. Когда подполковнику Эргардту, в период слежки за ним, настоятельно было необходимо вывезти вещи из своей квартиры, за которой по приказанию Бурцева усиленно наблюдал Леруа (бывший филер заграничной агентуры, перешедший к Бурцеву. — 3. II.), то «Матис» пришел на помощь тем, что в день перевозки вещей отвлек Леруа по какому-то делу в другую часть города, и новая квартира семьи подполковника Эргардта осталась невыясненной. «Матис» свидетельствует, что Бурцев в настоящее время страдает полным отсутствием средств, но надеется в скором времени получить 10 тысяч франков, которые обещал ему какой-то профессор из Санкт-Петербурга. Общение с Бурцевым «Матис» имеет почти ежедневно если не лично, то по телефону, причем при полном отсутствии денег у Бурцева, старается к нему не заходить, так как Бурцев бесцеремонно достает у него из кармана кошелек и берет деньги, которых затем не отдает. «Ввиду приносимой пользы в специальном вопросе по освещению деятельности Бурцева, осведомленности, развитию и правдивости, «Матиса» надлежит отнести к разряду весьма полезных секретных сотрудников; получаемое вознаграждение в сумме 500 франков «Матис» вполне заслуживает».

Вторым лицом, представленным к Бурцеву, был секретный сотрудник «Бернард» (Верецкий Н. Н.). В беседе с Броецким он не дал никаких определенных сведений о своей фамилии и своем прошлом, не указал это и подполковнику Эргардту при поступлении на службу. Предложил свои услуги «Бернард» сам. Сведения он начал давать с февраля 1913 года. По его объяснению, он находится за границей уже четыре года, знаком с Бурцевым и последний год «занимается у него тем, что переписывает написанные Бурцевым неразборчивым почерком его статьи, предназначенные для печатания в газете «Будущее», помогает Бурцеву в наведении справок по его личному архиву. Архив Бурцева представляет собой большой книжный шкаф, наполненный разного рода переписками». Но наиболее ценные материалы, как сообщил «Бернард», «Бурцев хранит в квартире какого-то француза». В последнее время «Бернард» дал сведения о том, что Бурцева посетила какая-то дама, которая была у него впервые. Заключает это «Бернард» из того, что когда он, «Бернард», на ее звонок вышел в переднюю отворить дверь, то дама спросила его, он ли Бурцев. Услыхав женский голос, Бурцев вышел в переднюю и, поздоровавшись с дамой, увел ее в отдельную комнату, закрыв за собою дверь. Из отрывочных слов разговора дамы с Бурцевым, услышанных из другой комнаты, «Бернард» заключил, что она доставила Бурцеву письмо, которое служило дополнением к письму, полученному Бурцевым ранее от ее мужа. Так как присланное мужем дамы письмо послужило содержанием написанной Бурцевым для очередного номера «Будущего» статьи о... товарище министра внутренних дел генерал-майоре Джунковском, то доставление дамой дополнительного письма послужило основанием к задержанию

выпуска названной газеты [так в тексте] вследствие необходимости в выполнении указанной статьи. Насколько «Бернард» мог заключить из разговора Бурцева с упомянутой посетительницей, последняя стоит близко к лицам, служащим или в Департаменте полиции, или в Петербургском отделении по охранению общественной безопасности и порядка, или, наконец, вы ведомстве Дворцового коменданта...»

По мнению «Бернарда», Бурцев «находится в сношениях с кем-либо из служащих Департамента полиции или Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столице, так как получает сведения, которые затем облекаются в действительность».

«Как лицо, специально дающее сведения о деятельности Бурцева, — пишет Броецкий, — и значительно осведомленное о таковой, «Бернард» может быть признан вполне удовлетворительным секретным сотрудником. Получает он вознаграждение в сумме 500 франков и таковое вполне заслуживает».

Сообщение «Бернарда» о некоей даме, посетившей Бурцева, насторожило Департамент полиции. Кто бы мог это быть? Стали проверять, кто из представителей политического розыска мог быть в это время в Париже? Оказалось, что выезжал А. В. Герасимов, бывший начальник Петербургского охранного отделения вместе со своей супругой. Жили они в Париже инкогнито по паспорту на другое имя. Заподозрили их. Даже попытались через петербургскую полицию проникнуть в квартиру Герасимова, чтобы заполучить фотографию его жены. Но предположения не подтвердились.

В своем докладе Броецкий отмечал, что непосредственные руководители секретной агентуры подполковник Эрхард и ротмистр Люстих правильно организуют работу агентов. Все секретные сотрудники, за исключением воспитанников высших учебных заведений, «заняты каким-либо специальным трудом, доставляющим им средства к жизни, и не живут исключительно на те деньги, которые получают за доставление сведений. Что касается отношений к агентуре лиц, руководящих ею, то таковые вполне нормальны благодаря этому у агентуры развита откровенность, правдивость, а также преданность к лицам, отбирающим от нее сведения. Отношения между лицами, ведущими агентуру, также во всех отношениях прекрасны.

Для свидания с некоторыми только сотрудниками, преимущественно служащими весьма продолжительное время, существует конспиративная квартира... В ней также «происходят встречи по делам службы коллежского советника Красильникова и подполковника Эргардта».

Проверкой, проведенной Броецким, практически было дано добро на реорганизацию заграничной агентуры.

Красильников остается официальным лицом, представителем министерства внутренних дел, присланным для связи с местными властями и российскими посольствами. Предполагалось, что его руководство работой заграничной агентурой будет осуществляться через подполковника Эргардта. Однако в то же время, судя по отчетности, он продолжал «вести» «Шарни»-Загорскую, очевидно, в связи с их личными отношениями.

В непосредственном его распоряжении также оставались агенты для охраны высокопоставленных лиц, пребывающих за границу. Положение Красильникова в Париже было легализовано.

Что касается службы наружного наблюдения, заведующим которой был Битар-Монен, то, как и предполагал ранее Красильников, она упраздняялась.

Всем агентам было сообщено о ее ликвидации, им были выданы пособия, взяты расписки, что они не имеют претензий к своим руководителям. Биттар-Монен оставался на службе в качестве чиновника «для исполнения разного рода отдельных поручений по отношениям с чинами французской полиции, по текущим делам».

Однако некоторые из уволенных не удовлетворялись выданными пособиями и продолжали искать подходы к российским полицейским властям, требуя помощи и содействия. В этой связи представляет интерес письмо агента наружного наблюдения, работавшего в Италии. Поскольку в этом письме содержится не только просьба о материальной помощи, но раскрывается и облик агента, есть смысл частично его привести.

«Ваше превосходительство!

Имею честь изложить Вашему Превосходительству нижеследующее: я поступил на службу в русскую полицию два года тому назад. Причины, заставившие меня вступить на этот путь и покинуть мое весьма выгодное коммерческое положение, были постоянные ко мне обращенные просьбы и также хорошие условия вознаграждения... Я убежден, что Ваше Превосходительство не захочет покинуть верного служащего, посвятившего Вам все свои силы и, повторяю, свою честность, и найдите возможность дать мне в какой найдете лучшей форме справедливое вознаграждение и помочь уехать в Южную Америку, чтобы трудом своим создать себе новое положение. Давая мне вознаграждение, Вы, я надеюсь, учтете значительную стоимость дорожных расходов и что мне будет стоить начать новую работу в стране, где я человек чужой.

Прошу Ваше Превосходительство принять выражение моей горячей благодарности и глубокого уважения.

Артур Фрументо».

Службу наружного наблюдения решили организовать на иных началах. На средства Департамента полиции было создано частное розыскное бюро, называвшееся по имени его «владельцев» — «Бинт и Самбэн».

Генрих Бинт и Альберт Самбэн — бывшие агенты наружного наблюдения. Бюро вполне легально могло заниматься розыскной деятельностью, принимая заказы как от отдельных лиц, так и государственных учреждений. Деятельность бюро осуществлялась под контролем А. А. Красильникова. Связь с Красильниковым и встречи на конспиративных квартирах осуществлялись только этими двумя лицами. Агенты бюро не должны были предполагать даже, что они находятся на службе российского правительства.

Число агентов службы наружного наблюдения было сокращено. Были приняты в бюро «Бинт и Самбэн» немногим более половины прежнего состава. Вместе с руководителями их было 18 человек, достаточно испытанных и доказавших свою преданность российскому правительству.

Сам Генрих Бит был «старослужащим» заграничной агентуры. Первоначально с 1878 года он служил инспектором парижской полиции. В 1881 году поступил на службу в качестве наблюдательного агента в «Святую лигу» («Священную дружину»). По упразднении ее он перешел на службу в заграничную агентуру в период ее становления.

Красильников, рекомендуя Департаменту полиции Г. Бинта и А. Самбэна, писал:

«32-летняя служба Бинта в заграничной агентуре дает основание отнестись с доверием как к личной его честности и порядочности, так и к его розыскному опыту, созданному многолетней практикой не только во

Франции, но и в других государствах Европы: Германии, Италии, Австрии. Кроме того, по натуре своей несколько тщеславный, Бинт наиболее подходит к предстоящей ему роли».

В качестве компаньона Красильников предлагает Альберта Самбэна (Самбена) «на порядочность, скромность и честность которого тоже вполне можно положиться».

Стоит отметить, что опыт Бинта использовался при наблюдении и охране членов царской семьи Романовых, высокопоставленных российских деятелей во время их пребывания за рубежом. Бинт участвовал в охране совместно с агентами российской, французской, немецкой полиции во время поездки за рубеж Николая II, Великого князя Владимира Александровича, Великого князя Николая Николаевича (младшего). В материалах его фонда, хранящегося в ГА РФ, сохранилась переписка с германской полицией об охране Столыпина и его семьи во время их поездки в Германию. Как и в России, так и за рубежом охрана высокопоставленных лиц осуществлялась службой наружного наблюдения, а с 1906 года ее осуществляли еще и филеры Дворцовой охраны.

Однако были ситуации, когда за членами царской фамилии устанавливалась не только охрана, но и наблюдение. Так, сохранились документы, свидетельствовавшие о наблюдении в Париже за княгиней Е. М. Юрьевской, морганатической женой Александра II.

Особо тщательное наблюдение было установлено осенью 1912 года за Великим князем Михаилом Александровичем. Связано это было с ухудшением состояния здоровья наследника Алексея во время пребывания царской семьи в Спале, в случае смерти которого Великий князь Михаил становился наследником престола. Узнав об этом, Великий князь и его гражданская жена Н. С. Вульферт поспешили оформить свои отношения. Они знали, что в России им обвенчаться не удастся и срочно выехали за рубеж. Специально для наблюдения за ними был послан за границу генерал А. В. Герасимов с широкими полномочиями вплоть до ареста Великого князя!

Впоследствии в своей книге воспоминаний, написанной за рубежом, Герасимов сообщает:

«В мое распоряжение поступило 4 или 5 филеров нашего Парижского отделения во главе со старым испытанным работником последнего Г. Бинтом. Я дал им соответствующие инструкции. За Великим князем удалось установить точное наблюдение... При всех поездках и выездах Великого князя сопровождали агенты. Особенно обязаны они были следить за посещением Великим князем церкви. Если бы в церковь отправились одновременно и Великий князь, и госпожа Вульферт, агенты должны были немедленно сообщать об этом мне, и я должен был мчаться для того, чтобы выполнить высочайшую волю относительно ареста Великого князя». Однако миссия Герасимова не увенчалась успехом. Дезориентированный нанятой им прислугой в доме Великого князя, он выехал в Ниццу, в то время как Великий князь с Вульферт выехал в Вену, где обвенчался в сербской церкви.

В целом же Бинт вполне оправдал оказанное ему доверие. В фонде Г. Бинта, поступившем в Советский Союз после его смерти в 1929 году, и в составе Пражского архива из Чехословакии имеются списки русских поданных, живших в Париже, за которыми велись наблюдение, обзоры деятельности русской и польской эмиграции за 1915, 1916 годы, материалы

филерского наблюдения за В. И. Лениным, М. М. Литвиновым, Д. З. Мануильским, Ю. О. Мартовым, Л. Д. Троцким. Сохранились записные книжки Бинта с его пометками и донесения его агентов. Здесь же документы, связанные с наблюдением за Великим князем Михаилом Александровичем и Н. Вульфферт, и их фотографии, выполненные агентами.

Будучи одним из самых старых сотрудников заграничной агентуры, он имел тесные связи и достаточно хорошие контакты со всеми ее руководителями уже после их отставки. После октября 1917 года Г. Бинт работал на Советскую Россию вплоть до 1925 года.

В период Первой мировой войны деятельность заграничной агентуры приобрела несколько иное направление. Специальным распоряжением министра внутренних дел А. Д. Протопопова по просьбе графа Н. А. Игнатъева (начальника русской контрразведки в Париже) Красильникову было дано поручение заняться некоторыми вопросами, связанными с военной контрразведкой. В связи с военным временем приходилось выполнять обязанности военной цензуры. Вся эта работа проводилась заметно сузившимся кругом секретных сотрудников, так как большая часть из них была призвана в армию.

Чем дальше, тем больше заграничная охранка требовала к себе внимания. В то же время руководство Департамента, перегруженное массой других дел, не находило времени на руководство ею. В этой связи представляют интерес показания одного из последних руководителей Департамента полиции Климовича, данные им в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК) 19 марта 1917 года:

«...Это совершенно бесполозное, дорогостоящее и съедающее наш бюджет учреждение, — говорил он, предполагая, что охранка стоила 150 000 рублей в год (один только Красильников получал около 14 тысяч), — Красильников представлял по существу, на мой взгляд, пустое место, он плохо разбирался в получаемых им сведениях... иногда Департамент полиции страшно озадачивал своими донесениями. Видно было, что человек присылает целую кипу сведений, в которых он разобраться не может, которые нас волнуют и тревожат, и пугают, и мы должны посылать ему запросы, выяснять обстоятельства дела. У меня было желание его сместить...»

Рассматривая донесения и материалы заграничной охранки последних лет ее существования, нельзя сказать, что она не справлялась с поставленными перед ней задачами. Многое зависело от организации работы и тех лиц, которые ее возглавляли. И надо помнить, что в период войны круг деятельности ее несколько сузился в плане борьбы с революционным движением и принял несколько иное направление. Красильников действительно давал в Департамент большой фактический материал без аналитических записок, подробно описывая деятельность и жизнь российской эмиграции и, очевидно, считая, что отбором и анализом посылаемой документации должен заниматься Департамент полиции. Но в словах Климовича, сказанных о заграничной охранке, сквозит и еще определенное недоброжелательство к Красильникову, ставленнику товарища министра внутренних дел Курлова. Да и оклад Красильникова был «бельмом» на глазу Департамента. Никто из бывших руководителей заграничной охранки не получал такого оклада, который превышал на 4 тысячи рублей оклад директора Департамента (его начальника)!

Владлен Измолик

## «ЧЕРНЫЕ КАБИНЕТЫ» В РОССИИ (XVIII — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

### Первые шаги

С конца XIX века в российском Министерстве внутренних дел существовала довольно странная, для непосвященных, традиция. На следующий день после назначения министра внутренних дел в его приемной появлялся чиновник в мундире почтового ведомства. В руках у него был большой белый конверт с надписью «Его Сиятельству» и красной сургучной печатью на обороте. Он сообщал секретарю, что просит о приеме старший цензор Цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте. Как правило, его тут же просили пройти в кабинет. Представившись, старший цензор вручал господину министру Высочайше утвержденный секретный доклад от 5 января 1895 года статс-секретаря Ивана Николаевича Дурново. Текст начинался словами: «Секретно. О перлюстрации». Считалось, что только в этот момент новый министр узнавал, во всяком случае, официально, о существовании в Империи службы перлюстрации и знакомился с ее руководителем. С этого дня ежедневно рано утром в канцелярию министра внутренних дел доставлялся большой толстый конверт листового формата, запечатанный сургучной печатью с гербом без инициалов. На нем типографским способом было напечатано «Его Высочайшему Сверхсудительству» и далее указывались имя, отчество и фамилия очередного министра. Секретарь знал, что вскрывать этот конверт нельзя, и клал его на стол своего патрона. На самом деле конверт был двойным, и оба пакета были опечатаны в целях большей конспирации. Таким образом министр внутренних дел знакомился с очередной порцией перлюстрации.

Что же обуславливало такую повышенную секретность? Что вообще означает слово «перлюстрация»? Перлюстрация (от латинского «perlustro» — обозрение) — вскрытие писем без ведома пишущих — возникла в Европе еще в XV веке. Сначала это был прежде всего инструмент внешней политики. Особо доверенные почтовые чиновники вскрывали, стараясь не оставлять следов, переписку дипломатов иностранных держав и копировали ее. По мысли организаторов перлюстрации это позволяло проникнуть в их планы.

Считается, что в 1628 году известный всем любителям истории кардинал Ришелье велел создать в помещении парижского почтамта специальную комнату для тайного просмотра писем. Так возникло выражение «черный кабинет». Этим словом стали называть помещение, где проводилась перлюстрация. Еще одной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась в нарушение официального законодательства. Секретные инструкции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда отрицало существование перлюстрации, иначе она теряла свой смысл. Поэтому перлюстрация и все, что было с ней связано, всегда считалось одной из важнейших государственных тайн.

В России существование постоянной перлюстрации прослеживается с середины XVIII века. Эпоха дворцовых переворотов усиливала недоверие государей к окружающим. При Дворе шла «подковерная» борьба различных

политических групп. Неудивительно, что 20 июня 1745 года вице-канцлер М. И. Воронцов получил от императрицы Елизаветы Петровны следующую записку: «Друг мой Михайла Ларивонович. Прикажите... накрепчайше смотреть письма Принцессины (будущей Екатерины II. — В. И.) и Брюмеров (Брюмер — обергофмаршал Великого князя Петра Федоровича, будущего Петра III. — В. И.), также и Королевского Высочества Шведского, какие они интриги имеют». Из перлюстрированных писем Елизавете стало известно, что мать Екатерины, княгиня Иоганна Елизавета, приехавшая в 1744 году с дочерью в Россию, согласилась быть осведомителем короля Пруссии Фридриха II. В результате принцессе Ангальт-Цербстской, в православии Екатерине Алексеевне, удалось оправдаться, а матушку ее выпроводили домой.

Еще одной громкой историей, основанной на перлюстрации, стало дело маркиза Шетарди. Французский посланник в России считался личным другом императрицы. Он поддерживал Елизавету, когда она, дочь Петра Великого, жила под страхом опалы при Дворе сначала Анны Иоанновны, а затем младенца Ивана Антоновича. Реальная претендентка на престол могла бояться ссылки, насильного пострижения в монахини или заключения. Именно Шетарди наряду со шведским послом Нолькеном с конца 1740 года через личного врача цесаревны Иоганна Лестока вступил в переговоры с Елизаветой, обещая ей поддержку в случае восшествия на престол. И хотя переговоры эти были не слишком результативными, а переворот вообще оказался для французского посланника неожиданным, Шетарди поспешил представить себя чуть ли ни душой заговора. До своего отъезда из Петербурга осенью 1742 года он действительно стал «своим человеком» в Зимнем дворце. В декабре 1743 года маркиз вновь появился в столице России в качестве чрезвычайного посланника. Ему было поручено добиваться заключения союза с Россией против Австрии. Главное препятствие он усматривал в позиции руководителя внешней политики России А. П. Бестужева-Рюмина. С помощью Лестока и уже упомянутого Брюмера Шетарди стал плести интриги против российского канцлера. Но в результате в эти сети попал он сам.

Оказалось, что с января 1744 года все донесения Шетарди в Париж тщательно перлюстрировались. Не спасли даже шифры. Как пишет исследователь истории шифровой службы Т. А. Соболева, ученый-математик Х. Гольдбах уже 20 марта 1744 года докладывал А. П. Бестужеву-Рюмину: «... я в состоянии буду вашему сиятельству..., как скоро вы мне токмо приказать изволите, и цифирный ключ вручить, способом которого каждому, который по-французски разумеет, все инья той же цифири пиесы (письма. — В. И.) дешифровать весьма легко будет». Всего Гольдбах дешифровал около 70 донесений и ответов на них.

Но трудность была не только в дешифровке. Дипломаты свои письма обычно пересылали в конвертах, которые прошивались ниткой и опечатывались. Письмо могло содержаться и в двойном конверте, также прошитом и опечатанном. О трудностях перлюстрации можно судить по письму петербургского почт-директора Ф. Аша А. П. Бестужеву-Рюмину, подробно излагавшего процесс перлюстрации трех пакетов, посланных прусским посланником бароном Мардефельдом в Берлин, секретарем посольства Варендорфом в Кенигсберг и сотрудником посольства Латдорфом к брату в Ангальтбернбург. Руководитель перлюстрации докладывал: «...Последние два письма без трудности распечатать было можно, чего ради и копии с

них при сем прилагаются. Так же де конверт в придворный почтовый амт в Берлин легко было распечатать, однако ж два в оном письме, то есть к королю и в кабинет, такого состояния были, что, хотя всякое... старание прилагалось, однако ж... отворить невозможно было...: конверты не токмо по углам, но и везде клеим заклеены, и тем клеим обвязанная под конвертом крестом на письмах нитка таким образом утверждена была, что оный клей от пара кипятка, над чем письма я несколько часов держал, никак распуститься и отстать не мог. Да и тот клей, который под печатями находился (кои я хотя искусно снял), однако ж не распустился. Следовательно же, я к превеликому моему соболезнованию никакой возможности не нашел оных писем распечатать без совершенного разодрания конвертов».

Кроме умения вскрыть конверты, не повредив их, требовалось после снятия копий придать им первоначальный вид: заклеить, прошить ниткой и опечатать такими же печатями, чтобы не навлечь подозрения адресата. Поскольку дипломаты пользовались множеством печатей (личных и государственных), то нужен был мастер по изготовлению поддельных печатей. В эти годы им был некий Купи. От него требовали высокого профессионализма. Например, в марте 1744 года А. П. Бестужев-Рюмин в связи с получением от Ф. Аша образца, изготовленной Купи, печати австрийского посла в России барона Нейгауза, указывал: «Рекомендуя ... резчику Купи оные печати вырезывать с лучшим прилежанием, ибо нынешняя нейгаузова не весьма хорошего мастерства».

Между тем Шетарди, видимо, был настолько уверен в своем положении и невозможности прочесть шифр, что ничего подозрительного не замечал. В донесениях своих в Париж он, раздосадованный отсутствием каких-либо успехов своей миссии, начал все чаще критически отзываться о Елизавете Петровне, ее привычках и образе жизни. В одном из них он писал: «...любовь [к] самая безделицы, услаждение туалета четырежды или пятью на день, повторенное и увеселение в своих внутренних покоях всяким сбродом... все ея упражнение сочиняют (составляют. — В. И.)...».

Накопив подобный «компромат», А. П. Бестужев-Рюмин в начале июня 1744 года представил императрице доклад о поведении маркиза, сопроводив его подробными выписками из перехваченных донесений. Расчет оказался точным. Оскорбленная Елизавета тут же подписала уже подготовленный указ главе Тайной канцелярии А. И. Ушакову: «...повелеваем вам к французскому бригадиру маркизу Шетардию немедленно поехать и ему именем нашим объявить, чтобы он из нашей столицы... в сутки выехал». Алексей Петрович ликовал. В письме М. И. Воронцову он так описывал поведение Шетарди в момент предъявления ему обвинения и указа императрицы: «По всему видно, что он никогда не чаял, дабы столько противу его доказательств было собрано, а когда он оныя услышал, то еще больше присмирел, а оригиналы, когда показаны, то своею рукою закрыл и отвернул, глядеть не хотел». Победа А. П. Бестужева-Рюмина была полной.

Но было бы нечестным умолчать об одной немаловажной детали. Историк В. А. Бильбасов, в конце XIX века сравнивший перлюстрированные копии донесений Шетарди, которые поднес Алексей Петрович Елизавете Петровне, с подлинниками этих же писем в Парижском государственном архиве, утверждал, что «в дешифрованных депешах выбрасывались сведения, не подходившие для очернения Шетарди, а сам перевод депеш не всегда верен». Как тут не вспомнить о «хвосте, который вертит собакой».



При «просвещенной государыне» Екатерине II практика перлюстрации успешно продолжалась и развивалась. Дневник ее личного секретаря А. В. Храповицкого полон заметок о чтении императрицей перлюстрированных писем. Кроме переписки иностранных дипломатов Екатерина II внимательно следила за корреспонденцией фрондирующих аристократов и, конечно, своего любимого сына Павла Петровича. Например, 27 февраля 1787 года Храповицкий отмечал, что были «показаваны» письмо Цесаревича к графу Чернышеву. Нередко чтение перлюстрации сопровождалось замечаниями императрицы. 31 августа 1788 года государыня «отдали письмо с замечанием, что пребывающий здесь датский министр... врет много по делам финансовым и тем внушить может Двору своему ложное мнение». В другой раз просмотр донесения того же датского посла встревожил Екатерину II. Оказалось, что дипломат знает о ее инструкциях графу Мусину-Пушкину, русскому послу в Швеции. Подозрение пало «на комнатных лакеев».

Весьма эмоционально реагировала императрица, если обнаруживала в перлюстрации высказывания, недоброжелательные к ней лично или к управляемой ею стране. Прочитав в донесении австрийского посла в России принца де Линя, посетившего Яссы во время русско-турецкой войны, что русские армии «многочисленны только больными и ранеными», Екатерина II оценила это как злобу «к нам принца». В январе 1789 года она сделала собственноручную надпись на перлюстрированном донесении французского посла: «*Никогда еще не попадались депеши, кои более доказывают злостное расположение Франции противу России*».

С именем Екатерины II связано и учреждение постоянной службы перлюстрации в Российской империи. Этой датой можно считать 1779 год, когда императрица повелела доставлять ей с Санкт-Петербургского почтамта секретно вскрытую корреспонденцию. Постепенно все более расширялся круг лиц, чья переписка попадала под наблюдение. Этому способствовали и события в Европе. В 1789-1794 годы общее внимание было приковано к революции во Франции. Свержение монархии, арест и казнь королевской четы, кровавый террор под аккомпанемент непрерывно работавшей гильотины, разорение католических храмов, бегство тысяч дворян за границу вызывали ужас, страх и ненависть у всех монархически настроенных и консервативных людей. В России это усиливалось памятью о «пугачевщине» и боязнью ее повторения. Поэтому под подозрение попадало все, казавшееся необычным и таинственным.

Таким, в частности, оказалось дело московских масонов. На протяжении нескольких лет, в 1790—1792 годы, переписка участников кружка А. М. Кутузова, И. В. Лопухина, князя Н. Н. Трубецкого и их идейного главы, выдающегося русского мыслителя и журналиста, Н. И. Новикова подвергалась постоянной перлюстрации на Московском почтамте. Московский почт-директор И. Б. Пестель (отец будущего декабриста) доносил московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому: «Совершенно удостовериться могу, что ничего замечания достойного чрез вверенный моей дирекции почтамт... пройти не может». С каждого письма наблюдаемых снимались две копии. Одна направлялась князю А. А. Прозоровскому, другая — в Петербург графу А. А. Безбородко, главному директору почт и одновременно докладчику императрицы в эти годы. Наиболее интересные письма докладывались Государыне.

Но то ли квалификация перлюстраторов оказалась низкой, то ли участники переписки знали об интересе к их корреспонденции, но они ста-

ли открыто выражать свое недовольство действиями почтовых чиновников. А. М. Кутузов писал князю Н. Н. Трубецкому из Берлина в апреле 1791 года: «Я не смею говорить откровенно, ибо письма подвержены любопытству подлецов, жаждущих читать оные». В тот же день в письме другому товарищу, И. В. Лопухину, он объяснял свою боязнь писать, что бы хотелось, тем, что «завелись гнусные и подлые бездельники, старающиеся читать, что мы с друг другом говорим».

Едва ли И. Б. Пестелю и его помощникам было приятно читать такие слова. Но гораздо больше волновала их реакция начальства. Оказывалось, что тайна перлюстрации уже и не тайна для тех, за кем следят. Поэтому чиновник И. Б. Пестель старался оправдаться. В лучших традициях бюрократии почт-директор доказывал, что московский почтамт тут ни при чем. Он писал А. Прозоровскому: «Ваше Сиятельство из письма Кутузова усмотреть изволите, что он крайне недоволен, что его письма весьма неосторожно распечатываются... Я начинаю сомневаться, не распечатываются ли там (в Берлине. — В. И.) сии письма столь неискусным образом, ибо клеим подлеплять не есть способ, употребляемый в России. Хотя и после меня рижский почтмейстер свидетельствует письма, но я уверен, что он свое искусство знает и не подает сомнения корреспондентам. Сверх того служит доказательством, что не здешние места тому виною, что корреспонденты московские г. Кутузова подобного неудовольствия не обнаруживают». Говоря о клее, И. Пестель имел в виду фразу из письма А. Кутузова в мае 1791 года Н. Н. Трубецкому: «Последнее ваше письмо распечатано было и бесстыдным образом замазано клейстером».

Знание о наличии перлюстрации многими из тех, чьей перепиской интересовалось правительство, создавало своеобразную ситуацию. Дипломаты подчас составляли ложные донесения, а подлинную информацию зашифровывали или отправляли частным путем. Частные лица вставляли в свои письма мысли, которые, как они надеялись, дойдут до высшей власти путем перлюстрации. Один из московских масонов, будущий сенатор И. В. Лопухин вспоминал впоследствии: «В письме... к приятелю моему повторил я сказанное мною некогда графу Брюсу, что и государи могут ошибаться, и что ежели Государыня, не имея прямого понятия о какой-нибудь доброй вещи, дурных о ней мыслей, то никак нет долга соображаться с таким ее заключением... Я написал сие точно для того, чтобы она прочитала». Уже упоминавшийся нами князь Н. Н. Трубецкой отвечал на негодование А. М. Кутузова вскрытием писем словами: «А впрочем пусть нашу переписку читают. Мы с тобою, мой друг, в политические дела государей и государств не входим, и ведая, что всякая власть есть от Бога, мы повинемся оной без роптания». Это не значит, конечно, что власть доверчиво относилась к подобным уверениям. Дело тех же московских масонов закончилось обысками, ссылками ряда из них, арестом и заключением в Шлиссельбургскую крепость Н. И. Новикова, сожжением по приказу духовной цензуры 18 656 экземпляров «вредных» книг.

В царствование Павла I перлюстрация иногда приводила к комическим ситуациям. В начале 1801 года было перехвачено письмо из Москвы, содержавшее фразу: «Я был также у нашего Цинцината в его имении». (Цинцинат — римский патриций, которого предание считало образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу. — В. И.). Любимец Павла I, умный и циничный граф Федор Ростопчин решил использовать это

для очередной политической интриги. Заменяя имена, он представил Павлу дело так, что автором письма был выдающийся государственный деятель 30-летний граф Никита Петрович Панин. Дело в том, что осенью 1799 года молодой дипломат стал вице-президентом коллегии иностранных дел, заместителем Ф. В. Ростопчина. При взбалмошном императоре всякое возможно и «сумасшедший Федька», как называла Ростопчина Екатерина II, начинает игру против возможного соперника. Осенью 1800 года Панину объявлено «царское неблаговоление». Ему предписано поселиться в селе Петровско-Разумовском, под Москвой. Но Ростопчин помнит немало случаев, когда Павел I внезапно менял свои решения и опала мгновенно сменилась фавором. Он хочет «утопить» Панина окончательно.

Итак, по версии Ростопчина, автор письма — Н. П. Панин. А «Цинциннат» — князь Н. В. Репнин, генерал-фельдмаршал, один из главных русских полководцев. А раз опальный дипломат и отставной фельдмаршал встречаются, то уж видится пугающий заговор. В таких случаях император скор на решения. 29 января 1801 года Павел I пишет московскому военному губернатору графу И. П. Салтыкову: *«Открыл я, Иван Петрович, переписку... Панина, в которой титулет он князя Репнина Цинциннатом, пишет о некоторой мнимой тетке своей (которой у него однако же здесь никакой нет), которая одна только из всех нас на свете душу и сердце токмо и имеет, и тому подобныя глупости. А как из сего я вижу, что он все тот же, то и прошу мне его сократить, отослав подале, да... чтобы он вперед ни языком, ни пером не врал. Прочтите ему сие и исполните все»*. Изумленный Панин заявил Салтыкову, что ничего подобного не писал. Московский губернатор доложил Государю. Через неделю, 7 февраля 1801 года взбешенный Павел I вновь пишет Салтыкову: *«В улику... посылаю к вам копии с перлустрированных Панина писем, которыми извольте его уличить. И, как я уже дал вам и без того над ним волю, то и поступите... как со лжецом и обманщиком»*.

Между тем слухи об этой истории пошли гулять по Москве. И тогда скромный чиновник коллегии иностранных дел Петр Иванович Приклонский обратился к другому любимцу императора — графу Ивану Кутайсову, бывшему бробрю и камердинеру Павла I. Чиновник объяснял, что автор крамольного письма — он, а Цинциннатом назвал именно Н. П. Панина, поскольку многие называли графа «римлянином». Кутайсов, не питавший особой любви к другому фавориту — Ростопчину, доложил императору. Московская почта подтвердила, что письмо писано не рукою Панина. Разразился скандал. За три недели до гибели Павла I в опалу попал Федор Ростопчин. Теперь его выслали в Москву. Казалось, эта история была специально разыграна, чтобы служить иллюстрацией пословицы «Не рой другому яму...». Если же говорить всерьез, она вновь показывала опасность использования перлюстрации в собственных целях людьми, неразборчивыми в средствах.

### Служба перлюстрации в XIX веке

В ночь на 12 марта 1801 года Павел I был убит. На престол взошел Александр I. Началась «либеральная весна», которая коснулась и ведения перлюстрации. Уже 12 апреля Главный директор почт Д. П. Трошинский сообщил московскому почт-директору Ф. П. Ключареву, что согласно

распоряжению нового императора «*внутренняя корреспонденция, производимая между собою частными людьми и особливо обитателями Империи здешней была отнюдь неприкосновенна и изъята от всякого осмотра и открытия, а что лежит до внешней переписки, в перлюстрации оной поступать по прежним предписаниям и правилам без отмены*». Итак, перлюстрация сохранилась для дипломатической и частной зарубежной переписки.

Каковы же были к этому времени правила перлюстрации? Где она проводилась? Вернемся на несколько лет назад. В 1795 году в царствие Екатерины II между Россией, Австрией и Пруссией был проведен третий раздел Польши. До 1918 года Речь Посполитая перестала существовать как самостоятельное государство. В состав Российской империи вошли обширные области с миллионами жителей. Власть не испытывала доверия к новым подданым. По предписанию князя А. А. Безбородко 25 июня 1795 года учреждались «секретные экспедиции» в губернских городах Минске и Изяславле (сейчас город в Хмельницкой области. — В. И.). Сюда были направлены четыре чиновника, «знающие искусство перлюстрации», а также «отпущены из С.-Петербургского почтамта нужные для сего дела инструменты и материалы». Главные указания состояли в следующем: пакеты, идущие в Петербург, «отправлять в тамошний почтамт, не касаясь к оным», прочие же письма следовало перлюстрировать, «сняв с них копии или же сочиня Экстракты, и те копии и Экстракты доставлять правившему должность генерал-губернатора». Под «Экстрактами» понималось краткое изложение содержания, говоря по-сегодняшнему, конспекты. Наиболее важный материал следовало направлять «*Главному Директору почт для донесения Ее Императорскому Величеству*». В 1796 году такие же тайные экспедиции были организованы при пограничных почтовых конторах в Бресте, Гродно, Радзивилове (с 1940 года г. Червоноармейск в Ровенской обл.), а также в Вильно. Зато «яко уже не нужные» были ликвидированы службы перлюстрации в Минске и Изяславле.

При просмотре корреспонденции требовалось обращать внимание на дела о контрабанде, финансовые операции («ввоз ассигнаций»), а также и о всем том, что вредно узаконениям и государству вообще и частно», дабы «могли быть взяты надлежащие меры». Таким образом, к началу XIX века служба перлюстрации существовала в Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Бресте, Вильно, Гродно и Радзивилове. Всего в семи пунктах империи.

Между тем, несмотря на либеральные мечтания Александра I, государственные интересы самодержавной монархии требовали как можно более полных сведений о настроениях обывателей, особенно в неспокойных районах империи. Уже в декабре 1803 года было потребовано «*иметь крайнее наблюдение*» за перепиской с границей жителей западных губерний, перлюстрируя «*все иностранные письма*». Подозрительным должно было считать «*все те, которые заключают в себе какое-либо свободное и непозволительное суждение на счет Правительства, изъявляемое на него неудовольствие, возмущенные сношения с иностранцами, условия или соглашения к скопам (возмущениям. — В. И.) потаенных партий, словом все то, что имеет вид склонности к возмущению тишины и безопасности государственной*». В результате секретные экспедиции появились в Белостокской и Подольской почтовых конторах. В июле 1809 года Александр I своим указом министру внутренних дел князю А. Б. Куракину предписал восстановить перлюстрацию в Минской губернской почтовой конторе, «*обратив меру сию особенно на тех жителей губернии, кои наиболее привлекают на себя примечание Правительства*».

В ходе русско-турецкой войны 1806—1812 годов, когда русская армия вошла на территорию Дунайских княжеств, в сентябре 1810 года, по указу Александра I была учреждена секретная почтовая экспедиция в Яссах. Надо сказать, что по примеру своих предшественников Александр I занимался делами перлюстрации сам. Лишь на время своего отсутствия в столице он указал новому министру внутренних дел О. П. Козодавлеву в марте 1812 года передавать копии перлюстрированных писем председателю Комитета министров.

Война с Наполеоном, последующий поход русской армии в Европу, огромный рост международного авторитета России не только не остановили дела перлюстрации, но, напротив, способствовали его расширению. Хотя формально либеральный указ о запрещении читать переписку внутри страны не был отменен, на деле в нем появились различные изъятия. 28 декабря 1813 года министр внутренних дел О. П. Козодавлев в секретном послании управляющему Московским почтамтом, напоминая о неприкосновенности внутренней частной корреспонденции, тут же продолжал: «Из внутренней переписки... подлежат перлюстрации письма только тех лиц, о коих до сего были особые предписания от предместников моих и от меня, или впредь будут».

Власть теперь, главным образом, интересовала суждения и слухи «о правительстве и лицах в оном находящихся», факты злоупотреблений и притеснения частных лиц. Таким образом, перлюстрация приобретала некий благородный оттенок. В условиях, когда воровство чиновников было обыденным делом, когда в салонах пересказывали фразу Н. М. Карамзина «Воруют-с!», люди, вскрывавшие чужие письма, могли успокаивать свою совесть сознанием нужности этого занятия.

Министр также вновь напоминал о сугубой секретности перлюстрации. «Надобно, — писал он, — чтоб никто не боялся сообщать через почту мысли свои откровенным образом, дабы в противном случае почта не лишилась доверия, а правительство сего верного средства к узнанию тайны». Для этого предлагалось все задержанные письма, копии и выписки, а также «рапорты по оным», когда надобность в них исчезнет, уничтожать, «так чтобы и следов сих дел не оставалось».

В последующие несколько лет весьма любопытна сохранившаяся переписка по делам перлюстрации министра внутренних дел с управляющим московским почтамтом Д. П. Руничем. Особенно прекрасна здесь некая патриархальность поведения двух высоких чиновников. Министр не то что требует от подчиненного ему чиновника большого объема сведений, а вызывает к его опыту и дружеским чувствам. В одном из первых из них министр восклицал: «Неужели и любезный мой Дмитрий Павлович не может по соображениям своим обратить внимание на чью-нибудь переписку?.. Я бы желал, чтобы вы... обратили на сие самое строжайшее и деятельнейшее внимание». Через пару лет он опять просил «любезного Дмитрия Павловича «обратить самое живейшее внимание» на перлюстрацию. Сановника особенно интересовало в тот момент, что и как говорят в Москве о иезуитах (за три недели до этого был издан указ Александра I о высылке иезуитов из обеих столиц. — В. И.), а «также и о других разглагольствованиях».

Тут же почтмейстеру протягивался «пряник» в виде обещания показать его письмо вместе с перлюстрацией Александру I, ибо, подчеркивал министр, «мое правило есть все подобное доводить» до его сведения. А далее Осип Петрович «отворяет» подчиненному свое сердце, преиспол-

ненное любви к императору: «Сверх того, что я ему предан и люблю его от всего сердца, почитаю я для него нужным все знать, что говорят и как рассуждают». Как тут не вспомнить, что О. П. Козодавлев был не только важным чиновником, но и довольно известным литератором.

В свою очередь, Д. П. Рунич жаловался начальнику на трудности выполнения «деликатной работы». Тут и осторожность многих москвичей, не доверяющих почте, и пересылка в огромном пакете на имя кого-либо из чиновников ряда писем разным людям, необходимость «снимать несколько оберток и делать слепки со многих печатей» и невозможность долго задерживать корреспонденцию на почте, а в результате «малейшее остается на перлюстрацию время». Тем не менее Рунич заверял своего «покровителя», что не оставит «всех усилий» своих, чтобы «соответствовать... желаниям вашего превосходительства».

Таким образом, перлюстрация все больше становилась инструментом политического розыска и политического контроля. Правительство желало знать, о чем действительно думают его подданные. Поэтому первой заботой было сохранение тайны этого предприятия. В такой ситуации даже высокие сановники нередко были вынуждены, получив в подчиненное дело перлюстрации, выяснять у своих подчиненных правовые основы этого секретного занятия. Например, личный друг Александра I князь А. Н. Голицын, добавив к своим многочисленным постам должность Главноуправляющего Почтовым департаментом, просил литовского почт-директора сообщить ему «с которого времени, по каким предписаниям и на каком основании и правилах» перлюстрация производится в подведомственных тому учреждениях. Подобное же донесение составил для князя Санкт-петербургский почт-директор.

При новом императоре Николае I внимание к перлюстрации не уменьшается. Правда, количество секретных экспедиций сократилось. Они были закрыты в Гродно, Минске, Белостоке, Изяславле и продолжали свою деятельность в обеих столицах, в Вильно, Бресте и Радзивилове. Но зато штат их был увеличен. Служащие перлюстрации теперь разделялись на три категории: цензора, переводчики и служащие почтовой экспедиции. Было решено «чиновников, по секретной части употребляемых», использовать в будущем «под другими наименованиями гласных должностей». Всего их теперь насчитывалось 33 человека, из них 17 — в Санкт-Петербурге. Руководить перлюстрацией было поручено директору Почтового департамента. Определился вопрос и с жалованьем. Чиновники перлюстрации теперь получали жалованье «по гласным своим должностям» и из секретных сумм, отпускавшихся на перлюстрацию. Перлюстрация дипломатических депеш оставалась в ведении министра иностранных дел. В МИДе три секретные экспедиции — шифровальная, дешифровальная и газетная (служба перлюстрации) — в 1828 году были объединены в Департамент внешних сношений. Еще через 18 лет секретные службы в министерстве иностранных дел получили название «Особая канцелярия министерства», а ее управление непосредственно подчинилось канцлеру.

В условиях перлюстрации того времени возникло непреодолимое препятствие между ее целями и возможностями. Секретных чиновников прежде всего интересовала переписка людей известных, общественно значимых. Но сохранить от них тайну «черных кабинетов» было практически почти невозможно. К светскому обществу вполне применима фраза «круг тесен, потому что слой тонок». Таким его делало переплетение родственных

и дружеских связей. Два родных брата, Александр и Константин Яковлевичи Булгаковы, московский и петербургский почт-директора, в 20-е годы руководившие перлюстрацией, поддаваясь искушению, иногда делились с близкими знакомыми секретами, почерпнутыми из перехваченных писем. Особенно славился своей любовью к чтению чужих писем московский почт-директор.

В результате в октябре 1823 года князь П. М. Волконский, покинувший перед этим пост начальника Главного штаба русской армии, писал из Парижа генерал-адъютанту, финляндскому генерал-губернатору А. А. Закревскому: «Прощайте, любезный друг, пишите ко мне почаще, через Булгакова, или по оказии, ибо, наверное, наши письма распечатывают на почте, хотя Булгаков нам и приятель, но обязанность его и, вероятно, приказание сие делать заставляют».

Казалось бы, перлюстрация становилась делом почти бесполезным. Но это далеко не так. Желание высказаться, эмоциональное возбуждение нередко брали верх. Известно, что весной 1824 года было перехвачено письмо Александра Пушкина из Одессы своему лицейскому товарищу Вильгельму Кюхельбекеру. Поэт, в частности, писал: «Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма (атеизма. — В. И.). Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, что не может быть существа разумного, творца и правителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но к несчастью более всего правдоподобная». Это послужило одной из причин ссылки Пушкина из Одессы в семейное поместье — село Михайловское.

Письма великого поэта перлюстрировались и в последующие годы. Широкою огласку получила история с письмом Пушкина жене в апреле 1834 года, посланного им из Петербурга в Москву, куда отправилась Наталья Николаевна. Судя по дальнейшему ходу дела, его содержание было доложено Николаю I. Скорее всего, внимание Государя обратили следующие строчки: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку, второй меня не жаловал, третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю, от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка (сын поэта. — В. И.) будет ладить с порфирородным своим тезкой (будущим Александром II. — В. И.), с моим тезкой (Александром I. — В. И.) я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями!»

О перлюстрации Пушкин узнал от Николая I. Убеденный в своем предназначении быть Отцом своих подданных, император сделал замечание поэту по поводу письма к Наталье Николаевне. Пушкин был взбешен и не скрывал своего гнева. 16 мая он писал жене о беседе с домашним врачом по поводу ее здоровья, замечая, что тот «входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции... На днях получишь письма по оказии (частным образом. — В. И.)».

Случившееся не забывалось. Через две недели, 29 мая, поэт вновь замечал: «Лучше бы ты о себе писала, чем о Соллогуб (графиня Н. Л. Соллогуб, к которой Наталья Николаевна ревновала мужа. — В. И.), о которой забираешь в голову всякий вздор — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма».

В следующем письме жене, 3 июня 1834 года, Пушкин посвятил случившемуся целый абзац, явно рассчитывая, что его мысли узнают в Зимнем дворце: «Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство буквально. Без политической свободы жить очень можно, без семейственной неприкосновенности... невозможно: каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя». Наконец, заканчивая большое письмо Наталье Николаевне 11 июня, поэт вновь упоминает об этой истории: «На того (Николая I. — В. И.) я перестал сердиться, потому что, в сущности говоря, не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкаешь к .., и вонь его тебе не будет противна, даром что джентльмен».

Вообще этой истории Пушкин стремился придать наиболее возможное в тех условиях общественное звучание. Он не скрывал происшедшего от своих друзей. В январе 1836 года, то есть через полтора года после истории с перлюстрацией, Александр Сергеевич писал П. В. Нащокину: «Я не писал тебе потому, что в споре с московскою почтою». Но, конечно, гнев поэта ничего не изменил в деятельности «черных кабинетов».

Наоборот, в обстановке, когда общественная мысль билась над коренными вопросами русской жизни, рождая размышления Чаадаева, славянофилов и западников, не забывая декабристов, верховная власть нуждалась во всеобъемлющей, простой и понятной государственной идеологии. Ею стала знаменитая формула: *самодержавие, православие и народность*. Она объединяла монарха и народ в единое целое. И перлюстрация находила здесь не только свое оправдание, но и предназначение.

30 ноября 1841 года Николай I ознакомился с докладом А. Н. Голицына, управлявшего Почтовым департаментом 23 года. В соответствии с идеологическими потребностями времени здесь содержался настоящий панегирик секретной службе почтовых чиновников: «перлюстрация имеет... целью доводить до сведения Вашего Императорского Величества о злоупотреблениях, совершаемых в разных частях государственного управления, как подчиненными, так и начальственными лицами, о полезном или вредном влиянии распоряжений министров, о хороших или дурных качествах чиновников, находящихся в составе разных ведомств. ...тайна перлюстрации есть исключительная принадлежность Царствующего. Она освещает Императору предметы там, где формы законов потемняют, а страсти и пристрастия совершенно затмевают истину. Ни во что не вмешиваясь, она все открывает, никем не видимая, на все смотрит, чрез нее Государь узнает сокровенные чувства подданных и нужды их, слышит и вопль невинного и замыслы злодея». Как в любой важной чиновничьей бумаге, здесь был еще скрытый подтекст. Восхваление перлюстрации тут же содержало мысль, что для успеха ее она «должна действовать свободно, безбоязненно, следовательно быть отделена от других министерств». Пакеты с перлюстрированной перепиской по-прежнему Главнотайничеству над почтовым департаментом представлял императору.

Перлюстрации придавалось настолько важное значение, что соучаствовать в этом деле приходилось и другим ведомствам. Один любопытный пример. С 1836 по 1853 годы в столице Османской империи Стамбуле имелась при российском посольстве почтовая экспедиция. Здесь скапливались письма как для отправки в Россию, так и пришедшие из нее для отправки в другие страны. Создание почтовой экспедиции было связано

с редким пароходным сообщением между Стамбулом и Одессой. Но в результате крайне осложнилась работа «черного кабинета» в Одессе. При подходе парохода к порту у одесского почтамта уже выстраивалась очередь клиентов и задержка в выдаче корреспонденции выглядела малооправданной и подозрительной. В результате в Стамбул был направлен под видом сотрудника министерства иностранных дел цензор Санкт-Петербургского почтамта Франц Иванович Маснер. Глава внешнеполитического ведомства канцлер К. В. Нессельроде распорядился, чтобы российский представитель лично отбирал для перлюстрации почтовые отправления в соответствии с инструкциями МВД. Маснер вскрывал отобранные письма, посол их читал и определял их дальнейшую судьбу. Если необходимо был переводчик, то его разрешалось брать только из надежных сотрудников посольства. К чести российского представителя Аполинария Петровича Бутенева, имевшего ранг чрезвычайного посланника и полномочного министра, он первоначально попытался под разными предлогами переложить эти обязанности на кого-либо из своих сотрудников. Но петербургское начальство этого не разрешило. Пожалуй, это единственный известный нам случай прямого участия российских послов в службе перлюстрации.

В феврале 1855 года скоропостижно ушел из жизни Николай I. На престол взошел Александр II. Началось, как писали современники и историки, время «оттепели», гласности, «Великих реформ». Но «черные кабинеты» свою деятельность не прекращали. Наоборот дело перлюстрации продолжалось и разрасталось. Во-первых, шел процесс централизации. В январе 1867 года Александр II утвердил предложение министра почт и телеграфов графа И. М. Толстого о передаче перлюстрации в Варшаве, находившейся «в полном распоряжении наместника в Царстве Польском», в ведение министерства, чтобы усилить наблюдение «за проявлениями общественного мнения относительно последних коренных реформ в Царстве». С 1870 года в связи с передачей почтового ведомства в состав министерства внутренних дел «черные кабинеты» окончательно, вплоть до 1917 года, оказались в прямом подчинении министра внутренних дел. На протяжении многих лет ими непосредственно управлял почт-директор Санкт-Петербургского почтамта. В 1886 году управление Цензурой иностранных газет и журналов во всей Империи было впервые возложено на старшего цензора Цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте Карла Карловича Вейсмана.

Одновременно государственные интересы требовали расширения контроля за частной перепиской. Начавшийся процесс превращения аграрного общества в раннеиндустриальное, рост городов, строительство железных дорог, открытие все новых учебных заведений повышали температуру общественной жизни. Проблески будущих социальных землетрясений уже слышались в российском обществе. Почтово-телеграфная связь в новых условиях была важнейшим средством общения членов нелегальных организаций. В конце 1875 года начальник III Отделения и шеф Корпуса жандармов А. Л. Потапов обратился к министру внутренних дел, указывая «на крайнюю необходимость в быстром и своевременном задержании на почте корреспонденции лиц, привлекаемых к делам политического характера, так как эта корреспонденция часто служит единственным вещественным доказательством преступных замыслов ее авторов и указывает их соучастников».

По докладу министра А. Е. Тимашева 3 января 1876 года Александр II разрешил Главному управляющему III Отделением указывать лиц, за перепиской которых «иметь в перлюстрационных пунктах самое строгое секретное наблюдение», а выписки сообщать через министра внутренних дел. Сведения «о подозрительных телеграфных сношениях» было предписано собирать через директора Телеграфов от начальников станций «без объяснения причин».

Экономическое развитие страны меняло географию перлюстрационных пунктов. Еще в 1839 году «черный кабинет» из Радзивилова был перемещен в Житомир, «как место стоявшее тогда на пути из южных губерний в Варшаву». К концу 70-х годов «вследствие неблагоприятного для него направления железных дорог» город потерял свое значение. В июне 1878 года с дозволения Александра II было решено перевести «занимающегося там чиновника» в Киев, так как «там необходимо усилить надзор за местною частною корреспонденцией». Одновременно «вследствие особенного возбуждения умов преимущественно в университетских центрах» возникла необходимость образовать перлюстрацию в Харькове. В 1886 году ряд месяцев из-за отсутствия денег не работал перлюстрационный пункт в Тифлисе, созданный в 1840 году. Но поскольку «рациональное секретное наблюдение за стремлениями народонаселения» в этом крае было признано крайне важным, необходимые суммы все же нашлись. В октябре 1889 года возник перлюстрационный пункт еще в одном университетском городе — Казани. В связи с проведением Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде Александр III в мае 1894 года дал согласие «на открытие временной перлюстрации в этом городе».

К началу XX века «черные кабинеты» оставались в восьми городах империи: Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Казани, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе. Осенью 1905 года из-за боязни захвата секретных документов революционными массами был закрыт перлюстрационный пункт в Тифлисе. Его удалось восстановить лишь с января 1909 года на сугобо секретном положении. В Тифлис был направлен «для изучения восточных языков» коллежский секретарь В. К. Карпинский. Молодой, энергичный Владимир Константинович с апреля 1903 года служил в Цензуре иностранных газет и журналов, занимаясь перлюстрацией в Киеве и Одессе. После решения восстановить «черный кабинет» в Тифлисе была разработана многоходовая комбинация. Чиновник В. К. Карпинский официально, по прошению, был уволен от занимаемой должности. Затем на основании секретной переписки его причислили к Министерству народного просвещения без содержания. А уже затем направили в командировку в Тифлис. Там Карпинский при содействии руководителей местного жандармского управления подыскал квартиру недалеко от почтамта, подобрал надежных помощников из почтово-телеграфных служителей и приступил «к полезной и нужной работе».

Перемены на троне требовали вводить в курс секретных дел нового императора. Поэтому сохранились доклады о деле перлюстрации в империи, датированные июнем 1882 и январем 1895 годов. Они рисуют задачи столь деликатного дела, его организацию и роль в поддержании политической стабильности в империи. В докладе от 5 июня 1882 года, в частности, говорилось: «Учреждение перлюстрации, или тайного досмотра частной корреспонденции, пересылаемой по почте, имеет целью представление государю Императору таких сведений о происшествиях, таких



заявлений общественного мнения относительно хода дел в империи, и такой оценки действий влиятельных лиц, какие официальным путем не могли бы дойти до Его Величества. Достижение этой цели обуславливается полною независимостью перлюстрационной деятельности от каких бы то ни было властей, кроме императорской, ибо в предоставлении государю копий или выписок из корреспонденции, согласно Высочайшей воле, не стесняются *никаким лицом*, как бы ни было оно высоко поставлено, и как бы оно ни было близко Особе Его Величества. ...Производство перлюстрации... поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны: 1) безграничная преданность Особе Государя, 2) безусловное сочувствие и повиновение установленному образу правления, 3) полное беспристрастие к родственным или общественным связям, 4) постоянная готовность к труду и к совершенному отчуждению себя не только от светских развлечений, но даже и от всякого общежития (общения. — *В. И.*), если служба того требует, 5) скромность, необходимая для ограждения перлюстрации от всякого оглашения перед лицами, непосвященными в тайну ее существования, составляющую тайну *Царствующего* и, наконец, 6) нравственность, умственное развитие и образование, соответственные важной обязанности освещать перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям государственных властей и отдельных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества». (Курсив документа. — *В. И.*)

21 октября 1894 года на престол вступил последний российский император — Николай II. Через два с половиной месяца, 5 января 1895 года он заслушал доклад министра внутренних дел И. Н. Дурново «О перлюстрации». В основном, текст был переписан с доклада 1882 года. Из новых моментов указывалось, что «на обязанности перлюстрационной части лежит также задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоправительственного и революционного содержания, а равно старание раскрывать деятельность и замыслы революционеров и других подозрительных в политическом отношении личностей, и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России». В этот же день министр внутренних дел получил от Государя следующую резолюцию: «*Иван Николаевич. Повелеваю Вам принять из Главного казначейства сто семь тысяч рублей на известное мне употребление. Пребываю к вам навсегда благосклонным Николай*».

Любое дело, как известно, требует денег, денег и еще раз денег. Секретное дело, как известно, требует денег еще больше. Не были исключением и «черные кабинеты». Расходы на перлюстрацию состояли из нескольких частей. Во-первых, на содержание личного состава и различные канцелярские расходы. Во-вторых, на поощрение чиновников в столь нужной государству деятельности. До 1882 года на «негласное жалованье» и небольшие канцелярские расходы отпускалось 92 тысяч рублей в год. Александр III утвердил секретный бюджет в 107 тысяч. С 1894 года Высочайшим соизволением на перлюстрацию пошло еще 8 тысяч рублей «из секретных сумм, отпускаемых департаменту полиции». С 1910 года секретная сумма из средств департамента полиции выросла до 28 тысяч. Как никак дело было общее, и Департамент полиции денег на чтение частной корреспонденции российских подданных старался не жалеть. К концу 1915 года общие учтенные расходы на перлюстрацию равнялись 163 338 рублей в год. Из них 108 376

рублей на содержание личного состава и на канцелярско-почтовые затраты, 24914 рублей на вознаграждение косвенных участников (почтово-телеграфных служащих), 9000 рублей на премиальные служащим перлюстрации по итогам года, 10300 рублей полагалось раздать в конце года косвенно причастным и еще 10746 рублей шли на секретные добавочные пенсии, пособия вдовам и сиротам участников этой секретной службы.

Общее число чиновников перлюстрации к 1913 году было сравнительно небольшим, около 45 человек. Установить их всех персонально достаточно сложно. Дело в том, что все они состояли на официальной службе в цензуре иностранных газет и журналов, входившей с мая 1896 года в состав Главного управления почт и телеграфов министерства внутренних дел. При этом часть чиновников цензуры действительно занималась своими прямыми обязанностями — цензурой иностранных газет и журналов — и перлюстрации не касалась. Другая же, большая часть, в основном занималась перлюстрацией и по совместительству — цензурой. Тем не менее известно, что в Варшаве перлюстрацией занималось восемь чиновников, в Киеве — три, в Москве — восемь, в Одессе — шесть, в Санкт-Петербурге — четырнадцать, в Тифлисе (Тбилиси) — три. Нам удалось установить фамилии сорока одного перлюстратора<sup>1</sup>.

Общее руководство перлюстрацией до 80-х годов XIX века осуществлял почт-директор Санкт-Петербургского почтамта. Но у него было много других обязанностей. Поэтому с 1886 года эту роль выполнял старший цензор Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов, который формально именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов и одновременно напрямую подчинялся министру внутренних дел. Эту должность в течение сорока лет, с 1886 по 1917 годы, занимали три человека: тайные советники К. К. Вейсман, А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев.

Карл Карлович Вейсман представлял целую династию почтовых служащих. Его прадед начал службу в почтовом ведомстве в середине XVIII века. Дед и отец были почтмейстерами в г. Перново (Пярну). Карлуша закончил в возрасте 18 лет Перновское высшее уездное училище, а в 20 лет уже состоял чиновником, знающим иностранные языки, в Санкт-Петербургской цензуре иностранных газет и журналов. Чиновником он, видимо, был весьма добросовестным и через 17 лет стал старшим цензором. К концу службы грудь его украшало множество орденов (Св. Анны трех степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степени, Св. Владимира 3-й степени, ордена Пруссии и Австрии). Он имел чин тайного советника. По «Табелю о рангах» это был чин третьего класса, равнявшийся генерал-лейтенанту. С 1887 года под его началом служил и единственный, из пятерых детей, сын Отто. В ноябре 1891 года К. К. Вейсман подал прошение об увольнении от службы «по расстроенному здоровью». Ему была пожалована пенсия 3310 рублей в год. Умер он в 1912 году, 75 лет от роду.

Через две недели после подачи прошения К. К. Вейсмана старший цензор А. Д. Фомин получил секретное предписание министра внутренних дел И. Н. Дурново: «*Предлагаю Вашему Превосходительству ... принять на себя управление почтовой цензурой и секретною частью не только в Санкт-Петербурге, но и над всеми подобными учреждениями в империи, по каковым делам Вы будете иметь непосредственно со мною сношения*». Александр Дмитриевич Фомин, сын дворянина и генерала, закончивший привилегированное Училище правоведения, пришел в цензуру почти в 40 лет, в конце 1884 года. Но зато уже через семь лет возглавил службу

перлюстрации. Нес он службу весьма добросовестно, особенно лет 20-25. Достаточно сказать, что за первые 15 лет в цензуре иностранных газет и журналов, по 1898 год, он только дважды брал отпуск: в 1885 году на 14 дней и в 1889 году на два месяца. Лишь с 1899 года он регулярно (раз в два года) отдыхал в течение двух месяцев за границей и в империи. Всего на государственной службе прослужил он 50 лет и 16 дней. Второго июня 1914 года его по болезни уволили в отставку с присвоением чина действительного тайного советника. Это соответствовало генералу от инфантерии и предполагало обращение к Александру Дмитриевичу: «*Ваше Высочайшее превосходительство*». Распоряжением Николая II этому старому холостяку была установлена пенсия 5 тысяч рублей в год. Видимо, с Фоминым связана легенда о старичке, который на протяжении нескольких царствований, являлся к новому императору с докладом о перлюстрации в империи. На самом деле, эту миссию выполнял очередной старший цензор, докладывавший министру внутренних дел.

Реальное руководство делом перлюстрации в последние несколько лет еще до отставки Фомина осуществлял Михаил Георгиевич Мардарьев. Подобно Вейсману, он прошел в службе перлюстрации все ступеньки служебной лестницы, начав в 23 года, в 1881 году с чиновника, знающего иностранные языки. По словам самого Михаила Георгиевича, первые три года службы в отделении цензуры иностранных газет и журналов при Санкт-Петербургском почтамте он «ничего не знал» о существовании Секретного отдела, ибо «в эти две комнаты никто из лиц, не посвященных в тайны перлюстрации, не имел доступа».

После отставки Фомина в сентябре 1914 года министр внутренних дел Н. А. Маклаков направил Мардарьеву распоряжение: «*Предлагаю Вам принять управлению цензурой иностранных газет и журналов и особою при ней частью в империи*». Именно ему пришлось давать показания в июне-августе 1917 года по делам перлюстрации в Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством.

В популярной литературе существуют мифы о поголовном высшем образовании цензоров и их «весьма почтенном возрасте». На самом деле к 1914 году ни один из перлюстраторов не имел законченного университетского образования. Большинство имело за плечами различные училища или гимназии. Почти половина чиновников была в возрасте от 40 до 50 лет. Решающую роль при приеме на службу играли два обстоятельства: знание иностранных языков и политическая благонадежность кандидата. В одной из докладных записок Мардарьев отмечал, что «*для службы по цензуре... и по Особой части при ней знание хотя бы трех европейских языков необходимо*». Среди цензоров были настоящие полиглоты. Особенно выделялся Владимир Иванович Кривош. В одном из документов он писал: «Я владею французским, немецким, английским, итальянским, шведским, мадьярским (венгерским). — *В. И.*), румынским, армянским, всеми славянскими, воляпюк (язык, подобный эсперанто. — *В. И.*) и эсперанто языками, читаю стенограммы всех главнейших стенографических систем на разных языках». В другом случае Кривош сообщал о владении им 24 языками!

Еще более важным обстоятельством была политическая благонадежность. На допросе в Ленинградском ОГПУ в ноябре 1929 года сын архитектора Роберт Швейер рассказывал: «Секретные чиновники в «черный кабинет» принимались исключительно старшим цензором и обязательно по рекомендации и под поручительство одного из чиновников кабинета...

Я поступил по рекомендации бывшего старшего цензора Вейсмана Карла Карловича, который лично знал меня и мою семью... В редких случаях сотрудники в «кабинет» принимались из наиболее надежных и проверенных цензоров гласной цензуры».

Например, Мардарьев, не имевший человека, готового поручиться за него сразу, вспоминал, что лишь после трехлетней службы в цензуре он «снискал к себе полное доверие почт-директора Шора (Владимир Федорович Шор был первоначально старшим цензором, а затем почт-директором Санкт-Петербургского почтамта и до 1886 года непосредственно отвечал за всю перлюстрационную службу в империи. — *В. И.*) и старшего цензора Вейсмана и, по приглашению Шора, принял участие в особом секретном отделе, занимавшемся перлюстрацией». Переход в особый отдел был обставлен целым рядом особых правил. «По принятии меня в число сотрудников, — рассказывал Михаил Георгиевич, — я, как и все другие, вновь поступавшие, дал клятву Вейсману хранить в совершенной тайне все мне известное о перлюстрации» и «по распоряжению Вейсмана... тогда же представлялся министру внутренних дел», который в частности сказал новому сотруднику: «*Тайна перлюстрации есть государственная тайна*». Стоит подчеркнуть, что поскольку это была государственная тайна, то внешне в служебном формуляре это никак не отражалось.

К началу XX века возникают настоящие «трудовые династии» на nive перлюстрации. О. К. Вейсман, Н. В. Яблочков и Э. К. Зиверт — чиновники «черных кабинетов» начала XX века — были соответственно сыновьями старшего цензора Санкт-Петербургского почтамта К. К. Вейсмана, руководителей московской и киевской цензуры В. М. Яблочкова и К. Ф. Зиверта. Ставший сам старшим цензором и служивший в Москве и Одессе, действительный статский советник Ф. Б. Гольмблат шел по стопам отца, действительного статского советника, старшего цензора петербургской цензуры в 70-е годы XIX века Б. Р. Гольмבלата. Цензор Л. Х. Гамберг был племянником жены К. К. Вейсмана. Брат Михаила Мардарьева Николай также служил по перлюстрации в Вильно, Казани и Киеве.

Знакомство с архивными материалами создает впечатление, что в реальной жизни при всех строгих инструкциях родственные связи иногда играли более важную роль, чем хорошее знание иностранных языков. Например, в аттестате Эриха Зиверта об окончании Киевского реального училища по английскому, немецкому и французскому языкам стоит оценка «удовлетворительно», а попытка продолжить обучение в Киевском политехническом институте закончилась через полгода.

До 1902 года секретные чиновники сами занимались и отбором писем, подлежащих перлюстрации. Расширение масштабов работы потребовало привлечения особо надежных почтово-телеграфных служащих. К концу 1915 года таких косвенных участников по всем перлюстрационным пунктам насчитывалось около 60 человек. Из них около половины — в Петербурге. Занимавшийся подбором этих сотрудников в столице Иван Иванович Кудряшов говорил чекистам в 1929 году с некоторой гордостью, что «отказов от этой работы ни от одного из замеченных не было». Но, конечно, у каждого из привлеченных также бралась подписка о неразглашении.

Кроме официальной перлюстрации на местах процветала «местная самодеятельность». Руководители жандармских управлений, охранных отделений и розыскных пунктов привлекали к сотрудничеству начальников местных почтово-телеграфных контор для просмотра корреспонденции

«неблагонадежных» и подозрительных лиц. Начальник Воронежского ГЖУ в 1910 году просил о награждении почтового чиновника Соловьева «при посредстве которого получают секретно для просмотра письма, идущие по указанным ему заранее адресам и чрез него же ведется наблюдение за лицами почтового ведомства». Начальник Нижегородского охранного отделения в ноябре 1908 года обращался к директору Департамента полиции М. И. Трусевичу: «Вступив в исполнение должности в феврале сего года, я тогда же обратился с просьбой об оказании мне содействия в деле политического розыска к начальнику местной почтово-телеграфной конторы... Сергею Петровичу Орлову, который... оказывает мне весьма ценные услуги, как по перлюстрации, так и по выяснению других секретных сведений». Примеров подобных докладных можно было бы приводить достаточно много.

Пора рассказать теперь о том, как проходил процесс перлюстрации. Прежде всего, чьи письма отбирались для вскрытия? Согласно секретным правилам, безусловно нельзя было вскрывать письма двух человек в Российской империи: Государя императора и министра внутренних дел. По словам некоторых цензоров, в этом кратком списке был и директор Департамента полиции. Корреспонденция всех остальных лиц, в том числе членов императорской фамилии, при необходимости могла быть прочитана. Известно, что в некоторых случаях новый министр внутренних дел обнаруживал в делах копии своих собственных писем предыдущих лет. О перлюстрации своих писем в начале XX века упоминал Великий князь Николай Михайлович, известный русский историк. По утверждению С. П. Белецкого, Николай II распорядился перлюстрировать корреспонденцию своего брата Михаила, находившегося в тот момент за границей. В период Первой мировой войны дополнительные средства были специально выделены пункту в Тифлисе для перлюстрации писем дяди царя, Великого князя Николая Николаевича, командовавшего в то время Кавказским фронтом.

Это приводило к любопытным казусам. Не возражая против самой практики перлюстрации своих писем, товарищ министра внутренних дел и командир Корпуса жандармов П. Г. Курлов, директор Департамента полиции в тот момент С. П. Белецкий жаловались Фомину и Мардарьеву на небрежное обращение с конвертами. В частности, П. Г. Курлов просил лишь об одном, «чтоб они не носили явных признаков вскрытия». В такой ситуации перлюстрация довольно широко использовалась в личных целях. По воспоминаниям государственного секретаря С. Е. Крыжановского, П. А. Столыпин распорядился распространить перлюстрацию «на членов... семьи, особенно брата Александра (Александр Столыпин — известный журналист. — В. И.) и брата жены, Алексея Нейгардта». Эта история имела свое продолжение. После гибели Столыпина в сентябре 1911 года Крыжановский и директор Департамента общих дел МВД Арбузов вместе с Александром Столыпиным и Алексеем Нейгардтом разбирали в кабинете покойного его бумаги. Внезапно в одном из ящиков письменного стола Крыжановский увидел кипу списков с писем шурина премьер-министра. Ситуация складывалась крайне неловкая, но государственному секретарю вместе с Арбузовым удалось незаметно сунуть «компромат» в кучу бумаг, подлежащих возвращению в МВД.

Вся перлюстрация делилась на «алфавит» и случайную выборку. «Алфавит» означал список лиц, чья корреспонденция подлежала обязательному просмотру. «Алфавит» составлялся, в основном, министром внут-

ренних дел и особым отделом Департамента полиции. По стране он, в разные годы, насчитывал от 300 до 1000 фамилий и адресов. В него входили деятели революционных, либеральных и монархических партий, редакторы газет и общественные деятели, депутаты Государственной думы, члены Государственного совета, придворные и т. д.

При случайном отборе опытные почтовые работники обращали внимание на объем письма, почерк, адрес корреспондента и отправителя. Особый интерес вызывали письма, направленные в центры зарубежной революционной эмиграции (Женева, Париж), адресованные «До востребования», написанные т. н. «интеллигентным почерком» или на пишущей машинке. Существовало понятие «нюха», приобретаемого годами практики.

Как уже говорилось, до 1902 года письма отбирали сами сотрудники «черных кабинетов». Когда этим стали заниматься почтово-телеграфные служащие, они передавали их в «черные кабинеты» или через доверенных сторожей, или через одного из отборщиков. Особая ситуация на протяжении ряда лет была в Петербурге. Здесь отобранные письма сосредотачивались в экспедиции международной корреспонденции. Рядом с ней находилась небольшая комната, куда несколько раз в день в определенное время приходил дежурный по «черному кабинету». В капитальную стену, разделявшую эти помещения, был встроены особый шкаф. Он открывался при помощи специального железного кнута, расположенного у самого пола, и выходившего в оба помещения. В условленное время шкаф открывался с обеих сторон. В одну половину клали письма, передаваемые для перлюстрации, в другую — корреспонденцию, уже обработанную в цензуре. За несколько лет до революции экспедиция переехала в другое помещение и обмен теперь проходил особыми пакетами, которые носили сторожа цензуры.

Сам «черный кабинет» в столице располагался в главном здании Санкт-Петербургского почтамта. Здесь на третьем этаже находилась официально цензура иностранных газет и журналов. Ее помещение делилось на две части. В первой половине из шести комнат, прихожей и кухни занимались цензурой иностранных газет и журналов. Отсюда можно было войти в кабинет главного цензора. За его спиной имелся встроены в стену большой шкаф казенного типа. Это и был замаскированный проход в секретную часть цензуры. Она состояла из четырех комнат, где работало в начале XX века 12—14 чиновников-перлюстраторов. Другой вход в секретную половину был возможен через кухню, где также имелся в стене подобный шкаф и постоянно дежурило несколько сторожей.

Каждый день в «черных кабинетах» вскрывалось от 100 до 500 писем при почтамтах Варшавы, Киева, Москвы, Одессы, Харькова, Тифлиса, и от 2000 до 3000 писем в Петербурге. Поступившую корреспонденцию надо было вскрыть, прочитать, при необходимости сделать выписки (так называемый «меморандум»), сфотографировать, проявить скрытый «химический» текст, расшифровать (если текст был зашифрован), вернуть в конверт, заклеить и вернуть на почтамт для дальнейшего следования по назначению. Вся эта работа предполагала теснейшее сотрудничество с особым отделом Департамента полиции. Разделение обязанностей не зависело от официальных чинов, а определялось приобретенной квалификацией. Например, Роберт Швейер и барон Федор Тизенгаузен специализировались на вскрытии и заклеивке корреспонденции.

Конверты вскрывались особыми косточками, отпаривались паром, отмачивались в ванночках. В начале века два важных изобретения в технике

перлюстрации сделал упоминавшийся выше Владимир Кривош. Во-первых, он предложил новый способ вскрытия писем с помощью специального аппарата наподобие электрического чайника. Теперь цензор в левой руке держал конверт над струей пара, а в правой тонкую иглу, которой осторожно отгибал клапаны. Кстати, поссорившись с непосредственным начальством и будучи вынужденным в конце 1911 года уйти со службы, он поучал одну из своих знакомых, как избежать перлюстрации: «Письма заделывайте покрепче. ...приклейте синтетиконом бумажки под клапаны конверта внутри, а снаружи на конверте черным карандашом напишите свой адрес на карманах клапанов, от пара карандаш посинеет, можно скорее избежать вскрытия письма». Парадокс заключался в том, что данное письмо было перлюстрировано, а данная выписка стала дополнительной уликой против Кривоша, которого подозревали в передаче сведений о перлюстрации в прессу.

Но пока Кривош служил, он рационализировал также технику изготовления состава для печатей, которые наносились особенно на дипломатическую почту. Все тот же барон Ф. Г. Тизенгаузен, считавшийся лучшим специалистом по вскрытию дипломатической почты, вспоминал, что «до 1908 года при манипуляциях с подделками печатей практиковался состав серебряной амальгамы, а после по предложению Кривоша была введена медная амальгама, которая была и удобнее, и дешевле». За эти новации в 1908 году Кривош получил орден св. Владимира 4-й степени «за выдающиеся отличия». При этом он умудрился снять и сохранить у себя фотокопию с подлинника всеподданейшего доклада о своем награждении. Между тем, по словам А. Д. Фомина, там было «неосторожно упомянуто о способах вскрытия корреспонденции» и, кроме того, имелась собственноручная помета Николая II «согласен».

Большинство писем после вскрытия задерживалось в «черном кабинете» не более двух часов. Содержавшие интересные сведения откладывались для снятия копий отмеченных мест. Такие копии назывались «меморандумы». Просмотренные письма заклеивались и в одном из уголков или на ребре ставился условный знак — точка (так называемая «мушка»), для того чтобы не подвергать письма вторичной перлюстрации. Письма с химическим текстом или с шифром фотографировались или отправлялись в Особый отдел Департамента полиции. Например, 5 февраля 1913 года в Департамент полиции было отправлено письмо с химическим текстом — четыре, шифрованное письмо — одно, подозрительных выписок и копий — одиннадцать, подлинников подозрительных писем — девять.

После 1905 года особое внимание уделялось секретности пересылки материалов из провинции в Санкт-Петербург, Фомину или Мардарьеву. Копии и выписки вкладывались в конверт с надписью «Его Превосходительству С. В. Соколову». Этот конверт вкладывался во второй конверт с печатным адресом «В отдел доставки высочайшей корреспонденции» и отправлялся в Санкт-Петербург обычно от имени начальника местной почтовой конторы. Были даже указания отправлять секретные материалы в трех конвертах, представлявших своеобразную «матрешку». В этом случае, на самом верхнем конверте имелась надпись «В канцелярию С.-Петербургского почт-директора», второй пакет адресовывался в цензуру иностранных газет и журналов и лишь на третьем конверте предлагалось надписывать фамилию адресата. При этом второй и третий пакеты надлежало запечатывать лично печатью местного старшего цензора.

Подобные же меры предосторожности принимались при доставке выписок в министерство внутренних дел. Один из секретарей министра внутренних дел рассказывал: «Ежедневно в кабинет министра подавался мною большой толстый конверт листового формата, запечатанный сургучной печатью с неизвестным мне гербом без инициалов. Сам я приходил на службу в девятом часу утра и уже находил этот пакет у себя на столе». На этом конверте типографской краской была напечатана фамилия министра. Секретарь был предупрежден, что вскрывать этот конверт он не имеет права. На деле внутри первого конверта имелся еще один с короткой надписью «Его Сиятельству».

Перлюстрационные пункты с начала XX века трудились одновременно на несколько ведомств. На первом месте стоял Департамент полиции МВД, но получателями информации также выступали министерство иностранных дел, военное и морское. Этим заказчиков больше всего интересовала дипломатическая корреспонденция. Для вскрытия дипломатических баулов и пакетов из военного министерства были присланы копии ключей. С важных документов делались фотографические снимки.

Именно с дипломатической почтой был связан один из казусных случаев. Однажды чиновник, производивший перлюстрацию, уронил в дипломатический баул золотую запонку, не заметив этого. Почта была вновь запечатана поддельными печатями и отправлена по назначению. Каково же было удивление чиновника, когда через некоторое время опять вскрыв этот баул, следовавший в обратном направлении, он обнаружил свою запонку в целости и сохранности. Возможно, получатели корреспонденции решили, что запонку потерял один из дипломатов, отправлявший почту. Перлюстратор с облегчением и удовольствием вернул драгоценный предмет на законное его место и поставил на баул новые поддельные печати.

Насколько полезна была перлюстрация для целей политического розыска? В докладах и памятных записках напоминалось о ряде крупных дел, открытие которых начиналось с прочтения частной корреспонденции. Уже в эмиграции бывший начальник Киевского губернского жандармского управления генерал В. Д. Новицкий вспоминал, как в 1883 году была задержана корреспонденция на имя одного из арестованных. С ее внимательного прочтения началось дело польской нелегальной марксистской организации «Пролетариат». Благодаря прочитанному на санкт-петербургском почтамте письму студента П. Андреюшкина своему приятелю в Харьков была арестована группа Александра Ульянова и сорвано готовившееся ими покушение на Александра III в марте 1887 года. Цензор Григорий Люби на протяжении 18 лет, вплоть до своей смерти в 1905 году, получал особые награды в сумме 400 рублей в год.

Но поскольку перлюстрация была делом абсолютно секретным, следствие никогда не ссылалось на перехваченную корреспонденцию. Даже охранные отделения и жандармские управления на местах получали из Департамента полиции полученную с помощью перлюстрации информацию с пометкой «агентурные данные». Иногда это даже мешало привлечь к ответственности инакомыслящих, чтобы не раскрыть источник сведений. Характерна в этом плане история капитана пограничной стражи Иванова.

В августе 1872 года Александру II была представлена выписка из письма Иванова петербургскому приятелю, штаб-капитану Шебанову. Офицер не щадил ни правительство, ни местные власти. О императорской фамилии он писал в следующих словах: «Россия отдана на разграбление

громадной шайке мошенников, облеченных властью. Солидарность всех членов этой разбойничьей банды покоится на соблюдении династических интересов». Одесскую полицию капитан именовал шайкой «воров и грабителей», поощряемой «жандармами и министром внутренних дел». По распоряжению Государя был направлен запрос, без указания причины, начальнику Одесского жандармского управления с просьбой дать сведения о Иванове и его отзыве о одесской полиции.

Оказалось, что неблагонадежный корреспондент — сын жандармского подполковника, а его родной брат — помощник начальника Курского ГЖУ. Сам Иванов — человек характера «вспыльчивого и довольно заносчивого». Но его характеристика одесских блюстителей порядка ничего необычного не представляет, ибо «сама полиция, — по словам начальника Одесского ГЖУ, — дает повод подобным образом отзываться о ней... всем живущим в Одессе». В результате императору доложили, что за Ивановым установлен «негласный надзор».

В конце ноября 1872 года было перехвачено новое письмо капитана с еще более резкими выражениями. Он, в частности, писал: «Мы, русские, настоящие тесто: нас месят и мнут, как угодно, а мы только кряхтим и постесываемся... Пусть нам дадут свободу, пусть церковь не вмешивается в гражданский быт общества и пусть самоуправление получит возможность вести дело без вмешательства со стороны администрации, пусть, наконец, дадут, нам свободу мнения и слова». К меморандуму имеется приписка командира корпуса жандармов Н. В. Левашева: «Высочайше повелено сообщить министру финансов (корпус пограничной стражи подчинился министерству финансов. — *В. И.*) об удалении его (Иванова. — *В. И.*) из этой местности». В результате «злосыкий» офицер был отчислен от должности, ему прекратили выплату жалованья и предупредили о скорой отставке без объяснения подлинной причины, но из Одессы удалить не решились.

Но Иванов не унимался. Через год было перлюстрировано еще два его письма. В одном из них была фраза о «глупом и близоруком» правительстве, а в другом он писал своему адресату: «Я нисколько не сомневаюсь, что у нас на почте вскрывают письма. ...Правительство наше или лучше сказать, та воровская шайка, которая захватила власть в свои руки, способно на все гадкое». Резолюция Александра II на этой выписке явно отражала раздражение и даже некоторую усталость императора от неутомного офицера: «Опять от известного нам Иванова? Придется выслать его куда-нибудь подальше».

История службы перлюстрации императорской России закончилась в дни второй российской революции, в конце февраля 1917 года. Первое время после свержения режима цензоры по привычке еще приходили на службу, но указаний от нового правительства не было. Уже в марте в провинции новая революционная власть вела допросы чинов перлюстрации. 19 июня 1917 года следователь Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством, начал первый допрос М. Г. Мардарьева. Приказом по Министерству почт и телеграфов от 10 июля 1917 года цензура иностранных газет и журналов была упразднена, а 38 ее служащих с 16 марта 1917 года были оставлены «за штатом». Новое правительство России хотело придать перлюстрации исключительно законный характер. Но это стремление оказалось очень кратковременным. 25 октября 1917 года в результате очередного политического кризиса власть взяли большевики. После нескольких месяцев ведомственной неразберихи перлюстрация была поставлена на службу новой власти. Это была уже другая глава в ее истории.

Анатолий Фомушкин

## СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФИЛЕРСКОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ (1880—1917 ГОДЫ)

*Разведчик — это разведывающий что-либо, посланный на разведку, лазутчик, соглядатай, сыщик.*  
(Словарь В. И. Даля)

Полицейская профессия агента наружного наблюдения относится к категории древнейших, она неразрывно связана с историей самой государственности, уходит своими корнями в далекое прошлое. И всегда на службе государства находились люди, посвятившие себя добыванию тайным способом сведений о поведении отдельного лица (группы лиц), заподозренных в антигосударственной деятельности. По-разному называли этих людей, несущих свою нелегкую и опасную службу и днем и ночью, и в жару и холод, скрытно наблюдая за перемещениями наблюдаемых.

На Руси в XVII—XVIII веках их именовали лазутчиками (соглядатаями), позднее в России в XIX веке пришли на смену иностранные слова «агент», «шпион», «филер», еще позднее — «шпик». Этот ярлык был намертво прикреплен к полицейскому разведчику в дореволюционной России как презрительно-унизительная кличка, как ответная реакция наблюдаемых на крадущуюся «тень филера за спиной», на неотвязную и опасную полицейскую ищейку. И до сих пор в кино, на телеэкране мы встречаем образы неких субъектов в «гороховом пальто» (по выражению великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина), неумело идущих по пятам за обязательно умным и ловким революционером, который чуть ли не поминутно их обманывает. В действительности же, как свидетельствует история борьбы царской охранки с революционным движением, подобная картина, мягко говоря, не вполне соответствует истине.

По нашему убеждению, филеры — «неусыпное око государево», несмотря на противоречивые морально-этические их характеристики, недостаточную «интеллигентность» и прочее, что единодушно отмечали современники, их деятельность, тем не менее, заслуживала более глубокого осмысления.

Рассматривая вопросы эффективности службы наружного наблюдения, вполне уместно сослаться на мнение такого маститого руководителя розыска, как Спиридович.

В своей книге «История большевизма в России от возникновения до захвата власти» (1883—1903—1917) он писал: «Разъездные агенты и доверенные лица ЦК ездили по России, посещали наиболее интересные для партии пункты, но от поездок этих для партии было больше вреда, чем пользы. Почти всегда путешествующий в это время агент ЦК сопровождался наблюдением за ним «филерами» какого-либо крупного розыска органа, что вело к раскрытию и мест и лиц, которые разъездной агент должен был посетить, с которыми должен был повидаться...»

При всем критическом отношении к позиции заинтересованности автора этих строк в защите чести жандармского мундира, при всей очевидной категоричности его выводов, нельзя не согласиться с тем, что филеры представляли собой значительную силу в отлаженном полицейском механизме.



Вообще о работе интересующей нас части этого механизма следует сказать, и не только с позиции противоборствующей охранке стороны, а и увидеть результаты таковой глазами нейтральных исследователей.

В составе «Комиссий по охране, перевозке и разработке политических архивов», созданных в марте 1917 года, находились историки, юристы, журналисты.

Именно благодаря остроте их восприятия и литературному мастерству мы можем слышать теперь их голоса издали, их образное повествование об ошеломляющем, шоковом впечатлении от знакомства с жандармскими архивами.

Вот, например, как пишет об этом один из членов упомянутой выше комиссии: «И только теперь — на раскопках погибшей империи абсолютизма видишь, под каким стеклянным колпаком и под каким зорким глазом всевидящего Аргуса протекала в те годы наша жизнь...

...Жандармы во всякую минуту знали, где мы находимся и с кем встречаемся и в кого мы веруем...

...Вы испытываете смешанное чувство подавленности и восхищения, какое испытывает человек, стоя перед стальной машиной, перед хитрым, точным и во всех частях целесообразным механизмом. Какое это было великолепное и стройное учреждение в неуклюжей и громоздкой бывшей империи российской, — учреждение совсем не бюрократическое, хотя убивающее жизнь, хотя и мертвящее, но само по себе совсем не мертвое, и как это ни странно звучит, по-своему творческое».

Таких точных и метких оценок «охранного» труда можно было бы приводить не мало, но мы ограничимся еще лишь одной из статьи В. Крайфельда, опубликованной в журнале «Былое». Интересна эта статья, прежде всего, потому, что посвящена памяти В. Яковлева-Богучарского, бывшего народовольца, участника революционных кружков, одного из первых редакторов журнала, на которого в 3-м Делопроизводстве департамента полиции было заведено дело № 497 об отставном поручике Василии Яковлеве. Кроме того, в статье приводятся данные о филерском наблюдении.

В. Крайфельд, ознакомившись с делом, пишет: «Какое пристальное внимание к человеку! Куда Яковлев поехал; к кому заходил; что сказал; о чем написал в своем частном письме; что ему ответили на это письмо; какие у него существуют предположения и намерения — обо всем этом у департамента полиции имеются самые точные сведения, расположенные в образцовом хронологическом порядке».

Как историк я не могу не оценить этого архивного богатства и той кропотливой и усердной тщательности, с какой она коллекционировалась и группировалась. Но, как гражданин... я с содроганием ощущаю человеческие слезы и человеческую кровь, которыми пропитаны плоды этого департаментского творчества...

Какие, наконец, огромные суммы из государственной казны тратились на добывание этих материалов, когда, например, одна только поездка больного Яковлева-Богучарского из Москвы в Минеральные воды летом 1895 года вызвала командировку по следам наблюдаемого шести филеров под командованием седьмого, опытного агента охранника Медникова».

Видимо, большое значение придавала охранка наблюдаемому, если был выделен для поездки такой усиленный филерский наряд, во главе с самим Е. П. Медниковым.

В вышеупомянутой статье есть и другой примечательный эпизод филерской слежки за Яковлевым-Богучарским во время его приезда в Воронеж.

Из дневника филера: «25 августа 1895 года Яковлев (кличка «Борода») отправился на извозчике на квартиру Крайфельда; через полчаса Яковлев вышел отсюда с запасным рядовым из купеческих детей Михаилом Ивановичем Гуровичем и поехал с ним в гостиницу «Гранд-Отель». ...Затем Гурович вышел проводить Яковлева», причем добросовестный филер не преминул отметить, что расставаясь с Яковлевым, «Гурович остановился и проводил его долгим и пристальным взглядом».

Интересно, что именно этот штрих вместе с некоторыми другими подробностями позволили Крайфельду придти к выводу, что Гурович — агент царской охранки «Харьковец».

«Тайные розыски, или шпионство, есть надежнее и почти, можно сказать, единственное средство; для тайного розыска или шпионства употреблять людей хорошей нравственности, имена коих ни под каким видом или предлогом не должны быть известны; оные люди должны получать хорошее жалованье».

Так излагал свою точку зрения выдающийся организатор и теоретик декабризма полковник П. И. Пестель в «Записках о государственном правлении».

Характер исполнения тайных полицейских функций органами МВД России за 115 лет своего существования (1802—1917) изменялся в соответствии с меняющейся политической и оперативной обстановкой, с учетом имеющихся средств. Однако на протяжении всей истории царской полиции практика использования наружного наблюдения, начиная от первичных, несовершенных его форм и методов в дореформенный период (до 1861 года) и кончая наивысшим развитием системы филерской слежки в конце 90-х и начале 900-х годов, сохранялась неизменной.

В дореформенный период наружное наблюдение, преследуя узкие цели, применялось эпизодически, не существовало еще профессионально организованной и четко отлаженной оперативной слежки за подозреваемыми в антиправительственной деятельности. Об этом свидетельствуют, например, исследования историка И. Троцкого, который считает, что полицейское наблюдение в «центральной шпионской конторе» (так называл III отделение А. И. Герцен) вообще было поставлено примитивно. При этом автор констатирует ведущую роль наружного наблюдения в общей системе сыска, обращая одновременно внимание на «низкий уровень отчетов...», их донесения не выходили из пределов данных наружного наблюдения или сообщений о «толках» и «слухах». Никакой внутренней агентуры, дававшей впоследствии столько ценных для охранки сведений, не существовало.

Подобную точку зрения разделяет исследователь Н. П. Ерошкин: «за годы борьбы с революционным движением совершенствовалась деятельность органов политического сыска. Ведущая роль в розыскных мероприятиях отводилась филерской службе» (правда, агентов наружного наблюдения тогда так еще не называли. — А. Ф.). Филеры выслеживали революционеров, устанавливали места их жительства, явки, связи, а затем, совместно с полицией, осуществляли мероприятия по провокации и аресту.

В книге «Революционеры 1870-х годов» так, например, выглядит описание провала конспиративной квартиры народников-«землевольцев» в городе Саратове в 1874 году.

...22 мая Саратовское жандармское управление получило из Ярославля телеграмму с просьбой проследить, не появятся ли в Саратове два лица, распространявшие в Ярославле запрещенные книги. В Саратове в мае 1874 года под видом сапожной мастерской была устроена брошювальня, доставлявшая из московской типографии И. Мышкина отпечатанных листов пропагандистских книг. Эта же мастерская служила главной явкой для приезжающих столичных революционеров.

...После получения телеграммы жандармы стали следить за обитателями дома. Последние, кстати, обращали на себя внимание тем, что были мало похожи на сапожников. Первое же появление полиции в мастерской с целью проверки паспортов привело к провалу, была найдена книга Бакунина «Государственность и анархия». В приведенном сообщении конкретно не указаны методы слежки за «сапожниками», проводившейся жандармами. Однако из других источников известно, что с этой целью использовались жандармские унтер-офицеры, переодевавшиеся в штатское платье и пригодные для слежки по своим личным качествам. Об этом, кстати, вскользь говорит генерал А. Спиридович, не упоминая, когда именно «штатские филеры» заменили жандармских унтер-офицеров, эпизодически участвующих в наружном наблюдении. Косвенным доказательством факта использования унтер-офицеров для слежки, а также при арестах и обысках может служить, как нам кажется, известная картина Репина «Арест пропагандиста». Один из его участников — молодой человек в костюме с галстуком-«бабочкой» — по своему облику и манере поведения несомненно относится к категории первых филеров в российской провинции.

Из воспоминаний старых революционеров-подпольщиков известно, что практика использования жандармских унтер-офицеров для наблюдения имела место не только в 70-е, но и позднее, в 90-е годы. Правда, по-прежнему, при этом сохранялся в провинции принцип своеобразной конспирации — идти по линии наименьшего сопротивления. Вот как описывается такая практика Ц. Зеликсон-Бобровской, которая после своего ареста в Харькове (1899) и почти годичного содержания в тюрьме, высылается на родину (г. Велиж, Витебской губернии) и попадает под негласный полицейских надзор.

«...Пропадавшие до тех пор в Велиже от безделья, два жандарма-унтера очень, видно, мне обрадовались. Поочередно стали сидеть на лавочке возле дома родителей. Как ни трогательны были унтеры моего родного города в своей первобытной простоте, уйти при таких условиях незаметно было все же трудно. Исчезновение мое было бы связано с большими неприятностями для родных».

Однако посмотрим как обстояли дела в рассматриваемый период с полицейским наблюдением в столице империи.

В воспоминаниях активных революционеров того времени мы не увидим слова «филер», зато часто встречаются «шпионы», «шпики». Вот два наиболее характерные в этом отношении эпизода из описанной Г. В. Плехановым политической демонстрации 1877 года у Казанского собора. В первом примере говорится о крестьянине Потапове — знаменосце на демонстрации, который был вынужден скрываться от полиции.

«...Потапов сел в конку, считая себя уже в безопасности. Но за ним следили шпионы. Пока он был не один, они держались на почтительном расстоянии, а когда спутники его удалились, шпионы бросились за конкой и, остановив ее, арестовали Потапова».

Во втором примере Г. В. Плеханов делится своими мыслями о конспирации в революционном движении и, в частности, о методах ухода от наружного наблюдения.

«...Проследить же на улице кого-либо из этих потрясателей [так автор здесь называет революционеров, потрясавших основы паризма. — А. Ф.] было не так-то легко, потому что они на сей конец прибегали к особым мерам в виде проходных дворов, извозчика, внезапно взятого в таком месте, где другого извозчика не было, и где, таким образом, следовавший за потрясателем пеший шпион по необходимости должен был отстать от него, и пр., и пр.»

Рассказывает на интересующую нас тему известный своими анархистскими взглядами князь П. А. Кропоткин: «К концу 1873 года аресты участились... Мы потеряли Перовскую, Синегуба и двух других товарищей... Жандармы стали очень бдительными и сразу замечают появление студента в рабочем квартале. Среди рабочих шныряли шпионы и зорко следили за нами».

Представляет интерес и другой эпизод из воспоминаний П. А. Кропоткина.

«...Я знал, что за моей квартирой (на Малой Морской) следят, но рассчитывал, что полиция явится с визитом поздно ночью и что поэтому, в сумерках, под вечер, мне удастся выбраться незаметно. Стемнело, и когда я собирался уходить, одна из горничных шепнула мне: “Вы бы лучше вышли по черной лестнице”. Я понял ее, быстро спустился вниз и выбрался из дома. У ворот стоял только один извозчик. Я вскочил на дрожки, и мы поехали по направлению к Невскому проспекту. В начале за мной не было погони, и уже думал, что все обстоит благополучно, но вдруг, уже на Невском, около Думы, я заметил другого извозчика, который гнался за мной вскачь и вскоре стал обгонять нас. К великому изумлению, я увидел на дрожках одного из арестованных ткачей, а рядом с ним какого-то неизвестного мне господина».

Далее следует описание ареста Кропоткина.

Конечно, у нас могут возникнуть вопросы по поводу этого последнего фрагмента воспоминаний. Например, случайна ли подсказка горничной о выходе через черный ход? И какова ее истинная роль? Случайно ли на улице стоял одинокий извозчик?

Ведь полиции был хорошо известен князь Кропоткин и его революционный опыт, чтобы не закрыть наблюдением запасной выход из квартиры.

Так или иначе, но мы видим из вышеизложенного, что в начале 70-х годов в Петербурге в отличие от провинции существовало активное противостояние революционных сил и профессионально уже сложившегося филерского аппарата III Отделения. К началу 90-х годов особенно успешно работали филеры в Москве. Именно опыт московской филерской службы, ее успехи убедили руководство Департамента полиции в необходимости укрепления, дальнейшего расширения и совершенствования службы наружного наблюдения в империи. Так, созданный в 1894 году при Московском охранном отделении так называемый «летучий отряд» из 30 наблюдательных агентов действовал весьма успешно на доброй половине территории страны. В 1901 году численность отряда была увеличена до 50 человек, на их содержание отпускалось 31 800 рублей. Причем большая часть его сотрудников была откомандирована во вновь организованные в разных городах охранные отделения, а 20 человек вошли в состав летучего отряда при Департаменте полиции.

Вскоре, однако, выявились недостатки постановки розыскного дела, т. к. командированные филеры «нередко делались предметом для установления их личности со стороны местных властей и иногда даже подвергались задержанию». Встал даже вопрос о расформировании «летучего отряда». Но министру внутренних дел П. Н. Дурново был представлен мотивированный доклад против этого шага. Отмечалась целесообразность спешной посылки в условиях революционного подъема опытных и никому неизвестных наблюдательных агентов в местности, где нет охранных отделений. Подчеркивалось при этом, что там жандармские унтер-офицеры ведут дела наблюдения в то время, как они хорошо известны местному населению. Указывалось далее, что при отсутствии летучего отряда в указанных выше случаях приходится прибегать к услугам агентов из других охранных отделений, что, во-первых, ослабляет работу этих отделений, а во-вторых, «охранное отделение в собственных интересах старается посылать людей худшего сорта и малонадежных, хотя серьезное обстоятельство в таких случаях требует именно лучших сил».

В докладе превозносились особо ценные личные качества филеров бывшего летучего отряда — люди давно служащие (некоторые служили более 20 лет), прошедшие хорошую школу, дисциплинированные, хорошо знающие многих революционных деятелей и могущие вести наблюдение самостоятельно.

Наконец, обосновывались затраты на повышенное финансирование летучего отряда вышеприведенными свойствами филеров и «необходимостью хорошей оплаты их полезного и опасного труда». В результате, «летучий отряд» был сохранен и теперь официально прикомандирован к петербургскому охранному отделению.

К началу XX века наружное наблюдение уступило свой приоритет в розыскной работе внутреннему (агентурному) проникновению в революционные круги. Тем не менее масштабы филерской работы продолжали расти. Применялась массивная слежка, дававшая неплохие результаты. Вместе с тем, ряд исследователей отмечает снижение эффективности наружного наблюдения, что стало особенно заметно к концу первого десятилетия XX века.

Произошло это по ряду причин. Прежде всего, не могла не сказаться смена руководства службы, в связи с уходом в отставку знаменитого «заведующего наблюдением всей империи» Е. П. Медникова.

Не могла остаться бесследной и громкая огласка методов и приемов филерской слежки в результате ознакомления с «Инструкцией», опубликованной В. Бурцевым в своем журнале «Былое» в 1909 году. Эта «Инструкция» эсерами была широко тиражирована (стоимость одного экземпляра копии — 20 копеек) еще в 1908 году.

Значительно возросло противоборство революционеров с охранкой на основе применения более совершенных способов выявления наружного наблюдения и отрыва от слежки. Как нам кажется, мозаика из хорошо обкатанных приемов ее ведения, приносивших неизменный успех в прошлом, исчерпала себя к тому времени.

Наконец, сказывался низкий общеобразовательный и культурный уровень («неинтеллигентность») значительной части филеров, карьера которых в значительной мере зависела от врожденных качеств личности, а к такой категории можно было отнести немногих. Нельзя отрицать и таких явлений, как пьянство, пристрастие к разным азартным играм и сомни-

тельным удовольствиям. Недаром в воспоминаниях бывшего охранника мы находим следующую исповедь: «Как в среде писцов, так и в среде филеров наблюдалась целая вереница людских качеств, начиная от откровенной подлости и кончая полным в нравственном отношении безличием».

И тем не менее, несмотря на все эти издержки, добываемые филерами сведения представляли для Департамента полиции большую ценность. Штат агентов наружного наблюдения неуклонно возрастал.

В 1906 году, как говорил начальник Петербургского охранного отделения А. Герасимов, в его штате было 600—700 человек, из них — более 200 филеров.

Эти цифры однако не подтверждаются историками. Например, З. И. Перегудова указывает, что наибольшее число филеров было в столицах и городах с рабочим населением и студенчеством: в Баку — 12 человек, Вильно — 15, Екатеринославе — 15, Енисейском охранном отделении — 12, Иркутском — 30, Киевском — 25, Лифляндском — 24, Минском — 12, Нижегородском — 12, Одесском — 15, Пермском — 12, Саратовском — 15, Тифлисском — 30, Томском — 20, Финляндском — 20, Харьковском — 15, Эстляндском — 16. В случае необходимости к работе по наружному наблюдению привлекались жандармские унтер-офицеры, хотя это и не рекомендовалось.

По данным С. А. Воронцова, общее число агентов наружного наблюдения не превышало 1000 человек на всю империю.

Дальнейшее качественное совершенствование уровня филерской работы находилось в прямой зависимости от создания современной технической базы и вооружения филеров новейшими техническими мобильными средствами наблюдения, оповещения и связи. В 1915 году на совещании под председательством товарища министра внутренних дел И. М. Золотарева рассматривались вопросы «о современном положении политического розыска, о причинах его упадка и способах поднятия на надлежащую высоту». Однако времени на эти мероприятия история уже не оставила. 27 февраля 1917 года стало днем падения самодержавия в России. 10 марта 1917 года Временное правительство упразднило институт филеров.

Кто же становился филерами до 1917 года? Каковы бил их обязанности, материальное обеспечение, приемы деятельности, методы обучения? На все эти вопросы мы и постараемся ответить.

*«Запоминайте лица, костюмы, походку людей, которые будут приходить в эту квартиру. Людей, похожих друг на друга, — нет, каждый имеет что-нибудь свое, вы должны сразу поймать это свое в человеке — в его глазах, в голосе, в том как он держит руки на ходу, как, здороваясь, снимает шапку. Эта служба прежде всего требует хорошей памяти.*

*(Из первых советов опытного филера своему молодому напарнику)*

Слово «филер» происходит от французского *filleur* — *выслеживать* — агент тайной полиции, ведущий наблюдение за каким-либо лицом или лицами. (БСЭ, т. 45, изд. 2-е). К этой полицейской профессии, как известно, издавна сложилось негативное отношение со стороны большей части интеллигенции и рабочих в дореволюционной России. При одном только слове «филер» сразу же возникали ассоциации с презрительным «штик».

Приложили свою руку к очернению образа филера и писатели, которым эта профессия казалась аморальной, а сами филеры рисовались сплошным

скопищем тупых исполнителей, хамов, пьяниц и вообще деградированных личностей. Так, М. Горький в одной из своих повестей изобразил главного героя, Евсея Климкова, предавшего двоюродного брата, любимую девушку, в кругу себе подобных ущербных личностей и, в конце концов, довел процесс его морального падения до самоубийства.

В. Каверин также рисует, как сейчас говорят, мерзопакостную картину филерской работы и даже их внешнего облика: «За подпольщиками охотились филеры — так назывались сыщики, служившие в охранном отделе министерства внутренних дел. Зимой, в лютый мороз они часами топтались на месте, подсматривая в окна и отмечая в своих записных книжках, что такой-то пришел к такому-то в таком-то часу. Некоторых филеров знали в городе, и мне казалось, что, несмотря на приличный вид — котелок и длинное пальто, — они все-таки готовы к тому, что кто-нибудь может плюнуть им в лицо или толкнуть, не извинившись». Особую же ненависть к филерству питали, по вполне понятным причинам, революционеры-подпольщики, которые непосредственно испытывали за собой постоянную, неотступную, неотвязную слежку. А «тень филера за спиной», конечно же, предвещала близкий арест, тюрьму, каторгу, ссылку.

Функциональные обязанности филеров регламентировал § 10 «Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения»: «Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Вследствие этого недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснить лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних».

В § 14 Инструкции содержится и некоторые уточнения обязанностей филера: «При посещении наблюдаемых домов, следует указывать, помимо улиц, еще номер владения и фамилию владельца, если нет №, а равно, по возможности и квартиру (ход, этаж, флигель, балкон и т. д.)». Добавим к этому еще и то, что филеру нужно было хорошо запомнить и записать в дневнике приметы каждого встретившегося знакомого наблюдаемого, описать точно места этих встреч, указать время, всего происходящего на объекте наблюдения и прочее. И все это нужно было делать скрытно от посторонних взоров независимо от времени суток и погоды, и в людных местах, где с одной стороны удобно следить, но также легко и потерять наблюдаемого, и в малоллюдных переулках и тупиках на городских окраинах, где каждый встречный как на ладони.

Кроме всех прочих буднично-бытовых, лично неприятных для всякого нормального человека невзгод и лишений филерская профессия, в определенном смысле, являлась откровенно опасной. Известно, что в период революционных событий 1905 года филерам впервые выдавали личное огнестрельное оружие.

Известен, например, случай из практики ведения наружного наблюдения заведующим этой службы одного из охранных отделений — Райским. Он удачно загримировался под старика-продавца яблок, выстоял в воротах одного дома три месяца и выследил квартиру боевиков. В момент ликвидации группы произошла перестрелка, в которой было убито 5 человек, из них 2 филера. Райский благополучно уцелел, спасшись тем, что во время стрельбы тихо пролежал под пулями на земле.

Учитывая, что «даже российские верноподданные всегда относились к сыску с брезгливостью» и настроение толпы, опознавшей филеров, стало обычно резко агрессивным по отношению к ним, последние

часто избегали посещения рабочих кварталов, в особенности расположенных за заставой.

Как пишет Т. Владимирцев: «Обыкновенно они доводили наблюдаемого до заставы и, грустно поглядев ему в след, поворачивали обратно... Но в городе, в интеллигентной буржуазной толпе главных улиц, филеры чувствовали себя гораздо свободнее». Об одном из нападений на филера, начавшего наблюдение в районе знаменитой своей историей Смоленской школы за Невской Заставой, сообщает революционер из рабочих И. В. Попов: «...Однажды в школе появился немолодой долговязый тип. Он пытался заводить разговоры с учениками, но его никто не знал, и разговоры не клеились...»

Далее автор воспоминаний говорит, что в этом «типе» опознают шпиика, который вчера увязался за слесарем Александровского завода дядей Васей, и тот еле ушел от него дворами и переулками. Молодежь решила проучить шпиика и, дождавшись окончания вечерних занятий в школе, находившейся в глубине темного двора, трое учеников устроили засаду за дощатым сараем. «...Когда шпиик поравнялся с сараем, Коля из-за угла ловко накрыл его пиджаком, двое «проводжатых» скрутили руки, а мы заткнули рот, чтобы не шумел...» Ну а что последовало потом, можно себе представить и, как пишет автор, шпиик больше не появлялся.

В связи с изложенным следует привести и такой отрывок из воспоминаний начальника Петербургского охранного отделения А. Герасимова: «... Летом 1906 года один из филеров был убит на окраине города революционерами. Остальные пытались устроить совещание и выработать требования, чтобы их не заставляли ходить в рабочие предместья, особенно по ночам... Дело едва не дошло до стачки филеров. Конечно, я со всей решительностью добился тогда полного подчинения, и больше разговоров о таких требованиях не возникало».

В общем, филерская служба была, что называется, не сахар, и особенно тогда, если наблюдаемый не вел регулярный образ жизни, а, например, целый день, рыская по городу, отдыхал и обедал у знакомых. Вот тогда бедные филеры (обычный наряд 2 человека), изголодавшиеся и измученные беготней и длительными стоянками в неудобных для наблюдения местах, в конце концов нарушали медниковскую заповедь: оставляли объект без наблюдения и уходили в трактир обедать.

Представим себе будни губернского охранного отделения, в штате которого, скажем, не считая городских, исполнявших роль служителей, насчитывалось около 120 сотрудников, из них филеров около 60 человек и писцов-канцеляристов — 40—50 человек, остальные — офицеры и чиновники.

Как свидетельствовал М. Ширяев, сын полицейского, попавший в архив охранного отделения в качестве писца после окончания городского училища по протекции дяди-жандарма, его коллеги часто половину дня бездельничали, даже коротали время за игрой в карты. Но по его же свидетельству филеры никогда не отдыхали, им всегда, говорил он, находили работу, даже если она была совершенно бесполезна. И за это даже сами писцы платили им презрением:

— Собачья ваша служба, — говорили они.

— Верно, собачья, как есть собачья, — соглашался усталый, измученный филер, проглатывая в полицейском буфете рюмку водки.

## Другие функциональные обязанности филера

Филер нередко привлекался в качестве свидетеля на суде по делам участников революционных митингов, демонстраций.

При этом часто встречались в судебных документах такие формулировки: «*Такой-то по показанию задержавшего его офицера кричал «Ура!» или «находился в группе лиц, окружавших флагиносца»* и т. д., но всегда со ссылкой: «*по показанию филера такого-то»*.

По поводу допросов филеров в судах имеется немало свидетельств. Так, например, жандармский подполковник Порошин с согласия Московского охранного отделения допрашивал в качестве свидетеля в 1894 году агента наружного наблюдения Терентия Бибика: «Можно предположить, что это была вынужденная мера, ибо для создания «перспективного дела», кроме данных агентуры, были необходимы и другие установленные законом сведения. Во время этого допроса, который производился в присутствии товарища прокурора Московского окружного суда А. А. Лопухина, следователь в графе протокола допроса «*Звание мое»* отметил: «*Вольнонаемный филер Московского охранного отделения»*. Одной из функциональных обязанностей филера являлось участие в аресте кого-нибудь «*без шума и в укромном месте»*, то есть в негласном задержании.

Вместе с тем, филер часто привлекался к производству арестов и обысков. Это, несомненно, было наиболее опасным делом для филеров, даже во времена политического затишья. Дело заключалось в том, что довольно много имелось фактов вооруженного сопротивления при арестах.

Об одном из таких случаев вспоминает начальник Киевского охранного отделения А. Спиридович:

«Однажды вечером пришедшие с наблюдения филеры доложили, что в квартиру наблюдаемого политехника [то есть студента политехнического института] проведен был с каким-то свертком, по-видимому, студент, которого затем потеряли, что сам политехник много ходил по городу и, зайдя под вечер в один из аптекарских магазинов, вынес оттуда довольно большой пакет чего-то. С ним он отправился домой, прокрутив предварительно по улицам, где ему совершенно не надо было идти. Пакет он нес свободно, точно сахар. В ворота к себе он зашел не оглядываясь, но минут через пять вышел без шапки и долго стоял, куря, видимо, проверяя. Уйдя затем к себе, политехник снова вышел и снова проверил, нет ли чего подозрительного. Но, кроме дремавшего извозчика да лотышника со спичками и папиросами, никого видно не было... Их-то он и не узнал. Эти данные были очень серьезны, политехник конспирировал больше, чем когда-либо. Он очень нервничал. Его покупка в аптеке и усиленное замечание затем следа наводили на размышление. Затем он два раза выходил проверять. Значит, он боится чего-то, значит, у него происходит что-то особенно важное, не как всегда. Переспросили филеров, и они признали, что есть что-то особенно «деловое» в поведении политехника. Извозчик, который водил его целый день, особенно настаивал на этом.

Часа через два наряд полиции с нашим офицером бесшумно проник во двор, где жил политехник. Офицер стучится в дверь политехника — молчание. Стук повторяется — опять молчание. Отдается приказ работать слесарю. Раз, два, здоровый напор — и дверь вскрыта мгновенно. Наряд быстро проникает в комнату.

Кинувшийся навстречу с парабеллумом в руке белокурый студент без пиджака сбит с ног бросившимся ему под ноги филером. Он обезоружен, его держат. Два заряженных парабеллума переданы офицеру. Начался обыск».

Надо подчеркнуть, что опасность, подстерегавшая филера как во время производства обысков, так и особенно при арестах на улицах с поличным, всегда им сопутствовала: поэтому в охранном отделении предпочитали посылать на это именно филеров как бывших солдат.

О количестве привлекаемых филеров к арестам и обыскам свидетельствует следующий пример, приводимый участницей революционного движения Е. Штейман:

«...10 апреля 1903 года в доме № 7 по Апраксину переулку была арестована нелегальная типография, принадлежащая Петербургскому комитету «Искры»... Вся свора шпииков, полицейских и жандармов во главе с Статковским вошла в типографию.

— Э, да тут целая мастерская! — воскликнул Статковский.

Всех нас рассадили по углам, приставив к каждому по шпику» (всего было задержано 5 человек — А. Ф.).

Об участии филеров в арестах в Москве в 1906—1908 годах упоминает и такой известный революционер-большевик, как О. Пятницкий:

«...только открыл дверь, как ворвались пристав, шпики, околоточные городовые, дворники».

Автор этих записок приводит и другой факт участия филера в своем аресте: «...Перед третьим звонком в вагон вошел шпик, который, как я уже заметил, следил за мной. За несколько часов до отхода поезда я его встретил в городе, но отделался от него. Знал ли он, что я еду в тот день, или случайно очутился на вокзале, где он меня увидел, осталось для меня неясным. Вслед за шпииком в вагон вошел жандарм. Последний прямо направился ко мне...» О. Пятницкий допускает, как видно из текста, «случайность» в нахождении наблюдавшего за ним филера на вокзале. Это вызывает сомнение, скорее всего, филер после утери наблюдаемого предпринял меры для его розыска.

Кроме участия филеров в арестах, им порой поручалось, казалось бы, осуществление и совсем уж несвойственных функций. Об этом, например, мы узнаем из повести об известном петербургском потомственном путилевце-большевике И. Газа. Указывается такой эпизод, относившийся по времени к 1912 году: «Листовки появились в новомеханической мастерской. Начальство переполошилось. Переодетый под рабочего шпик бежал по цеху, рылся под верстаками».

Любопытны записки молодого жандармского офицера П. Заварзина, прикомандированного в 1899 году к Киевскому жандармскому управлению о своем первом участии в обыске политического поднадзорного. Ему довелось участвовать в массовой операции (137 обысков) по ликвидации революционных групп в канун подготовки революционерами уличной демонстрации.

Обратим особое внимание на роль и количество филеров в операции и поведение одного из них.

«...Было собрано около 100 городовых, все жандармские унтер-офицеры Управления и 10 человек филеров из местного Управления, переодетых городовыми.

В операции участвовали также 12 филеров из «летучего отряда» Медникова».



«...Ко мне подошел городской (на обыск назначался наряд из 3—4 человек) и сказал, что он — московский филер, назначенный, чтобы указать мне студента, указанного в ордере без фамилии (кличка “Хмурый”), за которым он вел наблюдение. Фамилию студента не удалось выяснить, так как он проживал в квартире, где жили еще 4 студента.

...02 часа ночи... Дворник оказался расторопным, знающим хорошо всех жильцов. Об интересующем нас человеке он сказал: “Стало быть Лебедев вам нужен. К нему постоянно всякая шушера ходит, блондин косоглазый он”. Филер подтвердил эти приметы.

Филер быстрым движением приподнял тюфяк у ног спящего на постели человека и вынул оттуда револьвер; жандарм так же быстро провел рукой под изголовьем, посадил Лебедева на кровать. Многие революционеры на случай обыска, сбираясь оказать сопротивление, держали заряженный револьвер под матрасом у ног своих, в том расчете, что при внезапном пробуждении, человек приподнимается и ему удобнее протянуть руку к ногам, нежели к изголовью».

Как видно, профессия филера была трудна и опасна. Поэтому особое внимание обращалось на подбор кадров.

### Кадры филеров

*Наш брат должен смотреть и лбом и затылком, а то получишь по хорошему щелчку и спереди и сзади.*

*(Совет старого филера молодому)*

Эти вопросы регламентировались «Инструкцией начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» и «Инструкцией по организации наружного (филерского) наблюдения» 1907 года. Так, в п. 1-м указано: «Для несения наружной (филерской) службы выбираются строгие запасные нижние чины, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше тридцати лет. Премущество при удовлетворении условиям, изложенным ниже, отдается окончившим военную службу в год поступления на филерскую службу, а также кавалеристам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена.»

В п. 2-м: «Филер должен быть политически нравственно благонадежным, твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям, крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такую внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устранила бы запоминание его наблюдаемыми.»

В п. 3-м: «Филерами не могут быть лица польской и еврейской национальности...»

Этот принцип комплектования кадров наглядно иллюстрируется при ознакомлении со списком нижних чинов Московского охранного отделения (март 1917 года). Эти сотрудники в соответствии с опубликованным оповещением новой власти добровольно явились в городскую думу, где и были арестованы. Впрочем, большинство из них было освобождено от

какой-либо ответственности. Лица, подлежащие по возрасту воинской службе, направлялись в распоряжение военных комиссаров.

В указанном выше списке значится 73 человека: писцы, участковые полицейские надзиратели, их вокзальные помощники, казначеи, делопроизводители и более 30 филеров.

Срок службы последних исчисляется от нескольких месяцев до 10 лет.

Были и ветераны, например, Третьюхин М. С., 40 лет, служил 13 лет извозчиком-филером; Осьмин Н. Е., 37 лет, был филером 9 лет и 10 месяцев и т. д. Что касается графы «национальность», то она такова: большинство русские, 2 украинца, 2 белоруса, 1 татарин и 1 ...еврей (?) — Фрейер Иосиф Иосифович, 36 лет, служил 1 год и 6 месяцев филером.

Объяснение этому исключительному факту нарушения строжайшей инструкции объяснялось просто — Фрейер 8 лет работал в полицейском буфете (!).

### Как им платили за работу?

Некоторые данные по этому поводу уже упоминались. В дополнение можно сообщить следующее. Обычное жалованье филера составляло около 50 рублей в месяц. Прослужившим более одного года полагалась надбавка от 10 до 20 рублей. Наиболее опытные агенты внешнего наблюдения (знание иностранных языков, опыт работы по наиболее видным деятелям революционного движения, старшие филеры) получали от 100 до 120 рублей. Доставались, хотя и редко, награды за успешное выполнение служебных обязанностей. Сумма таковых не превышала 100—120 рублей, в исключительных случаях — 500 рублей.

Командировочные расходы при иногородних поездках оплачивались из расчета 2 руб. 50 коп. — 3 руб. в сутки. Если учесть при этом право бесплатного проезда, то ездить было выгодно. Именно это обстоятельство во многих охранных отделениях было причиной установления очередности таких поездок. Конечно, в этом порядке (небескорыстно, как правило) участвовал сам заведующий наружным наблюдением.

Как уже указывалось, филеру возмещались расходы на транспорт при выполнении им своих «проследок». Сохранился, например, документ, свидетельствующий о понесенных транспортных расходах двух филеров, которые вели наблюдение за Г. Распутиным. На их донесении значилась приписка: «Бычков, 60 коп. трамвай и 90 коп. извозчик. Осминин, 60 коп. трамвай, 50 коп. извозчик.» Если сравнивать уровень материальной обеспеченности филеров с современными параметрами «Продовольственной корзины», то можно признать, что этот уровень был вполне достаточный.

Для иллюстрации данного утверждения, можно привести цены на промышленные и продовольственные товары и услуги, существовавшие в Санкт-Петербурге в 1899 году:

Костюм хорошего качества — 8 руб.

Пальто — 11 руб.

Часы швейцарского производства — 10 руб.

Обед в трактире — 20 коп.

Суп с вермишелью — 09 коп.

Мясо тушеное с картофелем — 08 коп.

Каша гречневая — 02 коп.

Однако вопросы вознаграждения филеров за их ответственную и ставшую все более опасной работу в условиях усилившейся революционной ситуации в стране не могли не волновать Департамент полиции. Указывалось на факты тревожного положения с филерской службой на местах, одной из причин которых являлась слабая заинтересованность сотрудников в дальнейшем прохождении службы. В частности, отмечалось, что данные ревизий и сообщений из местных охранных и жандармских подразделений свидетельствуют об уходе опытных филеров со службы именно из-за возросшей опасности их профессии и остававшимся прежним уровнем вознаграждения. Филеры как вольнонаемные служащие не пользовались никакими служебными правами, не обеспечивались никак и их семьи в случае потери кормильца. Существовавшая же 20 % льгота для агентов наружного наблюдения при посещении ими публичного дома, разумеется, была слабым утешением.

Особую заботу о повышении статуса филеров с целью закрепления их на службе и привлечения в их ряды вполне благонадежных в нравственном отношении лиц проявил директор Департамента полиции М. И. Трусевич. В докладной записке от 16 ноября 1906 года на имя Министра внутренних дел он полагал целесообразным зачислить наиболее опытных и преданных своему делу филеров на государственную службу, что кроме всего прочего позволит оказывать на них дисциплинарное воздействие.

Учитывая сложившуюся до этого времени практику зачисления филеров на должности околоточных надзирателей, городовых, урядников, стражников в ряде охранных подразделений, министр разрешил эту проблему. В результате уже в первой половине 1907 года приказом московского градоначальника Рейнбота в резерв московской городской полиции поступило 237 старших и младших филеров с выплатой содержания из сумм Департамента полиции. При этом, разумеется, филеры несли только им присущие обязанности, формы не надевали, в списках полицейской стражи не значились.

Что же касается сумм Департамента полиции, идущих на содержание филеров из указанной выше категории, то эти средства черпались из пятиллионного фонда, за счет которого содержались охранные отделения и другие учреждения Департамента, а также дворцовая агентура, охраняющая царя во время его поездок. Этот фонд и порядок расходования сумм по § 5 (секретные расходы), на «известные его императорскому величеству потребности», не подлежали оглашению. Они подлежали только контролю царя.

Эти суммы выдавались директору Департамента авансом. Отчет об указанных суммах представлялся ежемесячно министру внутренних дел для утверждения. Государственный контроль к этому никак отношений не имел. У министра также имелся в безотчетном распоряжении денежный фонд в 54 тысяч рублей. И, наконец, существовал, так называемый «рептильный» фонд (150 тысяч рублей), из которого Департамент оплачивал расходы и на зарубежную прессу в целях формирования благоприятного общественного мнения в Европе (опубликование статей о значении 300-летия дома Романовых, о поездках царя, о важных событиях в России и пр.)

На руки филерам как агентам наружного наблюдения выдавались особые именные билеты с фотокарточкой. Как правило, предъявитель документа был снят в костюме, белой рубашке, с галстуком «бабочкой». Хотя не исключались и другие варианты экипировки. Эти билеты предъявля-

лись филерами при необходимости чинам наружной полиции, если требовалось содействие последних при аресте наблюдаемого. При себе у филера имелась и «Памятная книжка» (дневник) для записей действий, поведения поднадзорных лиц по ходу слежки. Образец приводимой ниже «Памятной книжки» принадлежал филеру Орловского охранного отделения в 1894 году.

Памятная книжка для записывания лиц, состоящих под надзором полиции с 14-го июня 1894 года.

Внешний вид подлинника представляет небольшую тетрадку в 1/16 листа писчей бумаги, напоминающую тетрадки школьников. По всей видимости, она была переплетена, но переплет оборван с целью, вероятно, носить книжку в кармане. Записи сделаны тщательно, канцелярским почерком, чисто и разборчиво, но, как увидит читатель, совершенно безграмотно.

Всего в списке значится 11 человек поднадзорных.

Вот одна из его записей (стиль и орфография сохранены): «7 августа. В 6 часов утра к квартире Ивана Петровича Белоконовского были поданы пара лошадей в 8 часов утра Белоконовский выехал в деревню, того же числа в 11 часов дня возвратился обратно в г. Орел, от Подводчика я узнал, что Белоконовский ездил в Плещеевскую волость где пробыл не более двух часов».

Можно, конечно, отметить невысокую грамотность филера, но гораздо важнее для него было умение заводить знакомства с лицами, окружающими поднадзорного, получая от него сведения, аккуратность и неутомимость.

#### О филерских псевдонимах (кличках) наблюдаемых

По неписаной традиции филер, давая кличку наблюдаемому при первом с ним знакомстве, являлся как бы его «крестным отцом». Он ведь ориентировался при этом на внешний вид своего подопечного, на выражение его лица, на походку, на места проживания, излюбленного посещения и прочее.

В целях лучшего запоминания филерами кличек группы наблюдаемых, принадлежащих к определенной профессии, организации или к одной и той же социальной группе, именовались всегда «родственными» псевдонимами. Так, например, лицо, принадлежащее к профессиональному союзу булочников, могло именоваться: «Жареный», «Пареный», «Сухарь» и т. д.

Учитывая, что филер не имел права знать имени и фамилии наблюдаемого, кличка последнего должна, как уже указывалось, быть наиболее подходящей для данного лица и, как некоторые говорили, прилипла бы к нему, как банный лист. С введением в действие Инструкции в 1908 году практика присвоения кличек наблюдаемым стала регламентироваться пунктами 16, 17, 18, 19.

Обобщая требования этих пунктов Инструкции, можно сформулировать следующее: кличку каждому лицу, вошедшему в наблюдение, давать краткую (из одного слова) и чтобы по ней можно было судить, относится она к мужчине или женщине. Каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, характеризующую его внешность или выражающую впечатление от нее. Вот несколько образцов филерских кличек, которые даны весьма известным лицам:

Григорий Распутин — «Темный»;  
 агент-provokator Евно Азеф — «Филлиповский» (от названия кондитерской поставщика императорского двора Филлипова);  
 А. Ф. Керенский — «Скорый» (по походке);  
 Е. Д. Стасова — «Длинная» (по росту);  
 редактор журнала «Былое» В. Я. Бурцев — «Кашинский» (по месту жительства в доме Кашина);  
 редактор журнала «Голос минувшего» С. Мельгунов — «Плисовый» (по одежде);  
 М. Горький — «Миндаль»;  
 С. Есенин — «Набор»;  
 миллионер П. П. Рябушкинский — «Кошелек»;  
 Б. В. Савинков — «Театральный»;  
 В. Н. Фигнер — «Березовая» и так далее...

### Экипировка филера

*Будь незаметен  
 (Эпикур)*

*«Ты должен достать и сшить себе костюм, нельзя долго ходить в одном. Ты должен всех замечать, тебя — никто».  
 (Из наставлений опытного филера молодому напарнику)*

В художественной литературе и кинофильмах внешний вид филера обычно укладывается в бытующее до сих пор расхожее мнение о его одежде — длинное пальто, котелок и ...тросточка. Правда, писатели-классики демонстрируют при этом действительное знание того, о чем пишут. Так, М. Горький в упоминавшейся нами ранее повести описывает эпизод перевоплощения одного из опытных филеров: «...Он оделся в черное пальто, барашковую шапку, взял в руки портфель, сделался похожим на чиновника... человек в поддевке, в картузе, надвинутым на лоб, с рыжей бородкой (он же в другой ситуации)».

Об одежде филера говорится в общих чертах в Инструкции:

п. 8 «Одеваться филер должен согласуясь с условием службы, обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом вообще и отдельными его частями (так же ботинки) в частности из общей массы жителей». Инструкция предписывает также в целях конспирации использовать различные виды форменной одежды.

п. 24 «Во избежание провалов, и вообще для конспиративного наблюдения рекомендуется иногда одевать филеров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т. п., смотря по местности и надобности».

В инструкции достаточно подробно регламентирована деятельность конного филера. По поводу его одежды говорится лишь в общих чертах: «Филер-извозчик по внешности, костюму, равно как и его экипаж, ничем не должен отличаться от извозчиков-профессионалов или кучеров собственных экипажей».

Определенные сведения об одежде агентов наружного наблюдения можно почерпнуть из воспоминаний старых революционеров-подполь-

щиков. Так, например, в одном из них можно прочесть следующее: «Судя по костюму, шпика зарабатывали достаточно прилично. Одежда их состояла зимой из хорошего пальто с каракулевым воротником и такой же шапки, лаковые сапоги с высокими галошами и обязательно перчатки...»

О спецгардеробе филеров документальных данных на обнаружено, некоторые сведения об этом получены из художественной литературы. Так, писатель Ю. В. Давыдов упоминает о «выворотных» пальто и двойных кепках, идея применения которых, как утверждает автор, принадлежит чинам французской полиции.

В книге эта информация передается от лица «главного стража» «Народной воли» А. Д. Михайлова: «А я на том бульваре (речь идет об адмиралтейском здании, где квартировали в 80-е годы филеры) другую особь видел... Седой, высокий, усы тоже седые... Котелок, пальто с иголочки. Некая французская знаменитость... наставником его выписали из Парижа: наших доморощенных учить. Говорят, старается, шельма. Велел на запасные фуражки раскошелиться и на пальто двойного покроя. Юркнул в подворотню, вскочил в подъезд, пальтишко вывернул, шапчонку переменял — извольте-с: я не я. Ловко?»

Об использовании гримов в инструкции нет никаких упоминаний. Возможно, поэтому в провинциальных охранных отделениях в 1908—1910 годах к гриму филеры прибегали редко. Так, в известных нам записках охранника, читаем следующее: «В N-ской охранке употребление накладных усов и бороды давно уже было заброшено. Наблюдаемые, из более осторожных, оглядываясь, прежде всего обращали внимание на шедших за ними бородатых людей, и филер имел гораздо более филерский вид, если был гладко выбрит». Прервем здесь эти рассуждения, чтобы продолжить дискуссию о целесообразности применения накладной бороды, которая менее соответствует «филерскому виду». Сошлемся на мнение по этому поводу другого автора из числа поднадзорных, который стал объектом наблюдения в поезде. Внешность филера здесь рисуется так: «Небольшой по росту мужчина, в котелке, с козлиной бороденкой».

Что касается головного убора — котелка, то, как уже отмечалось, он часто встречается при описании внешности филера. Однако, заметим, что этот вид головного убора в свое время был весьма распространен среди определенной (состоятельной) части населения и не жаловался рабочими, а автор упомянутых выше слов принадлежал к революционерам из рабочих. Что же касается «козлиной» бороды, то она, конечно, была заметной, броской приметой.

Продолжим теперь повествование Т. Владимирцева о применении грима в N-ском охранном отделении: «Грим заменили более совершенные приемы слежки: филеры вместе с женами и детьми, имели вид зажиточного прогуливающегося семейства, надевали разного рода форму, в рабочих кварталах меняли мягкие шляпы на запасные засаленные картузы, для придания себе интеллигентности носили пенсне с простыми стеклами и т. д.».

Некоторое представление о возможных формах экипировки дает групповая фотография, где каждый филер (Крылов, Воеводин, Куликов) одет в соответствии с характером полученного наряда.

«...В редких случаях, при назначении филера на неподвижный пост, т. е. к воротам дома, в приемную банка (посыльный), на угол улицы употребляли театральный грим. Подкрашивая филера и придавая ему соответствующий случаю вид, но всяких волосяных украшений избегали».

Несмотря на приведенные выше мнения автора записок, грим, судя по отрывочным данным, использовался достаточно активно в столичной филерской службе. Иначе и быть не могло, ибо, применение грима в сыском деле в России восходит к весьма ранним временам. Именно об этом можно составить определенное мнение, прочитав статью Л. Халютина о делах знаменитого на всю страну в 30—40-е годы XIX века московского сыщика Яковлева.

Вот несколько интересных, на наш взгляд, авторских характеристик своего героя:

«...Яковлев был удостоен всех орденских знаков, какие можно было иметь в его чине... Он от природы был щедро наделен особенной способностью, или шестым, так сказать, чувством, для преследования преступников, распознавания их в толпе по одной наружности и поимке их...

Яковлев был наделен не только особенными способностями, но и крепким здоровьем, необходимым сыщику. Для него не только не было тяжело, но даже составляло приятное занятие переодеваться в разное платье, а иногда в рубище, в парике и с подвязанной бородой часто обходить в ночное время отвратительные убежища нищеты, разгула и преступлений...»

Сохранилась еще одна интересная запись о применении филерами грима, принадлежащая П. Заварзину во время прохождения им службы в Кишиневе в 1903 году. Речь идет о Иване Онуфриевиче Головине, лет 40, среднего роста, шатене, с большой шевелюрой, небольшими усами, без бороды — бывшем филере Петербургского охранного отделения. Он теперь был вне филерского дела, являлся хозяином конспиративной квартиры, где принималась особо ценная агентура самим начальником охранного отделения. В свое время, Головин наблюдал за видными революционерами: Савинковым, Гершуни, Засулич, Лениным. А теперь он ходит «на работу в город», как он выражается, редко, преимущественно для выяснения лиц и «разговоров» с дворниками и обывателями. Представлявший Заварзину этого человека, сдававший ему дела Левендаль, заметил при этом: «Головин любит переодеваться и изображать Лекока. И хотя это уже в политическом розыске рекомендуется только в исключительных случаях, тем не менее такая работа иногда полезна». Обратите внимание на эту фразу: «...это уже в политическом розыске рекомендуется только в исключительных случаях...». Вспомним, что в Инструкции, вышедшей несколько лет спустя после описываемого эпизода, не было регламентаций по гримированию и подробностей по использованию спецгардероба. Теперь становится понятным, что этим занимались только высокопрофессиональные филеры. Головин принадлежал к ним, и, несмотря на то, что он не занят филерской работой непосредственно, он бережно хранит свой прежний реквизит.

У Головина в открытом шкафу висела различная одежда: обмундирование жандарма, полицейского, почтальона, железнодорожника, местного крестьянина, рабочего, торговца и лохмотья нищего. В сундуке имелись: костьли и маленькая платформа на колесиках, на которую усаживался Головин, изображая безногого бедняка. Наконец, в коробке было несколько тщательно разглаженных париков и бород.

— Жена моя, Марья Капитоновна, — сказал Головин, — подчас одевается торговкой и с корзиной овощей или каких-либо пустяков ходит с черного хода на квартиры и заводит знакомства с прислугой интересующих нас лиц».

Это знакомство с семейным филерским подрядом произвело на Заварзина большое впечатление. Он пишет: «Впоследствии мне пришлось убедиться, что Головин был сыщиком-фанатиком, предприимчивым и опытным знатоком своей профессии. Он принадлежал к разряду тех людей, которые делают все хорошо, обдуманно и законченно, но которых утомляет однообразная, будничная работа. Я настолько ценил его, что позднее перевел его вслед за собою в Варшаву, а затем в Москву, где его и его жены деятельность была шире и где они работали уже с помощниками».

Об искусстве перевоплощения филеров, выработанном долгим опытом охранки, говорит и следующий пример.

Когда небезызвестный монах Илиодор был сослан в Новосильский монастырь, охрана его была поручена московскому охранному отделению под личную ответственность его начальника — П. Заварзина. Он отправил туда лучших филеров. Однако толпа поклонниц монаха видела во всяком новом лице шпиона и ревниво охраняла своего «батюшку». И в этих условиях через 2—3 дня Илиодор сам под руку ввел в храм одного из филеров и, представив его своим поклонницам, просил не обижать его своими неосновательными подозрениями. Но, несмотря на ловкость филеров, Илиодор обманул наблюдение и скрылся в Царицыне, а Заварзину пришлось расстаться со своим местом.

О высоком профессионализме филеров неоднократно вспоминали известные руководители полицейского сыска А. Герасимов и А. Спиридович. Конечно, нужно учитывать при этом их ведомственную заинтересованность. Любопытны воспоминания генерала Герасимова о своем первом знакомстве с Евно Азефом, который впоследствии оказал своему новому шефу неоценимые услуги в качестве секретного сотрудника.

«...Когда мы начали искать настойчиво следы людей, готовивших покушение на Дурново, мы знали, что за его домом ведут наблюдение террористы, переодетые извозчиками... и политическая полиция давно вела наблюдение за постоянными дворами, где жили извозчики. Содержатели этих дворов должны были постоянно информировать полицию о всех извозчиках, которые по своему образу жизни, по внешнему виду, по поведению бросаются в глаза и кажутся подозрительными. В результате тщательного наблюдения, один из филеров заметил такого “странного” извозчика, который останавливался неподалеку от дома, где жил Дурново и весьма упорно оставался на этом дежурном пункте. Через некоторое время удалось установить еще двух “извозчиков”, наблюдавших за Дурново и сносившихся между собой.

Над этими тремя наблюдателями мы установили свое контр-наблюдение, которое обнаружило, что все эти три “извозчика” поддерживают связь с четвертым лицом, которое явно играет роль руководителя всей группы.

...Один из старых филеров, руководивший наблюдением за этой группой террористов, постоянно называл в своих ежедневных рапортах этого четвертого — “наш Филипповский”. Я вызвал его для объяснения и тот мне доложил, что знает четвертого из наблюдаемых давно. Лет 5—6 назад ему показал того в Москве Е. Медников в кондитерской Н. Д. Филиппова (отсюда и имя “Филипповский”). По словам Медникова, этот наблюдательный — один из самых важных и ценных секретных сотрудников.

Поразительное известие. И необъяснимый случай: Департамент полиции ничего не знает о нем. Но в то же время, показания опытного и преданного филера игнорировать абсолютно невозможно. И я решил взять быка за

рога и выяснить вопрос в личном объяснении с самим «Филипповским». Я отдал приказ немедленно арестовать его, но так, чтобы этот факт остался незамеченным для других террористов и вообще не получил огласки, — и доставить его ко мне. В охранном отделении доставленный туда в закрытой пролетке арестованный предъявил паспорт на имя инженера Черкеса и весьма был возмущен его задержанием, грозя прессой и ссылаясь на именитых друзей. Я дал ему выговориться, а затем коротко сказал:

— Все это пустяки. Я знаю, вы раньше работали в качестве нашего секретного сотрудника. Не хотите ли поговорить откровенно?

«Филипповский-Черкес» был чрезвычайно поражен:

— О чем вы говорите? Как это пришло Вам в голову?

— Это безразлично, — ответил я, — Скажите: да или нет?

— Нет, — сказал он, но это «нет» прозвучало неуверенно...»

Далее Герасимов описывает дальнейший ход развития событий. Он приказал водворить «Филипповского» в одну из одиночных камер охранного отделения. После 2 суток содержания на скудном арестантском пайке арестованный запросил свидание и признался в сотрудничестве. Однако подробности согласился рассказать в присутствии Петра Ивановича Рачковского, своего прежнего начальника. (Рачковский прежде заведовал заграничной полицией, а в то время был советником начальника Департамента полиции. — А. Ф.). «Филипповский» согласился продолжать сотрудничество с полицией, запросив жалованье в 5000 рублей за несколько месяцев после утраты связи с Рачковским. В дальнейшем «Филипповский» ежемесячно получал 1000 рублей. Он сообщил первый об убийстве Рутенбергом и рабочими попа Гапона на одной из дач в Озерках, где после месячных поисков был найден его труп.

О своей дальнейшей работе с этим выдающимся провокатором Герасимов пишет так: «Азеф оказался моим лучшим сотрудником в течение ряда лет. С его помощью мне удалось в значительной мере парализовать деятельность террористов».

Действительно, трудно даже сейчас оценить смертельную игру на два фронта этого выдающегося агента тайной полиции России и одновременно руководителя Боевой организации эсеров, члена ЦК этой партии. Азеф непосредственно руководил убийством министра внутренних дел Плеве и Великого князя Сергея Александровича, брата царя Александра III. Загадка Азефа до сих пор служит предметом изучения специалистов и во многом содержит неоднозначные оценки.

О высоком профессионализме старшего филера Телепова из Московского охранного отделения, выполнявшего ответственное задание по наблюдению в сложных условиях пригородной местности, свидетельствует следующий пример. В 1911 году охранное отделение частично ликвидировало опасную анархическую группу Савельева. Был арестован бывший военный моряк Филиппов, сознавший, что принимал участие в убийстве трех морских офицеров во время восстания на броненосце «Потемкин», в дальнейшем совершил ряд крупных ограблений и убийств помещиков. Было установлено, что главная квартира группы находилась в Брянске у приятеля Филиппова, проживающего в небольшом собственном доме на окраине, где он имел бондарную мастерскую, а его жена занималась приусадебным огородом. В Брянск были посланы четыре опытных филера, которые должны были приспособиться к местным условиям, поступить на работу на один из заводов и постараться поселиться вблизи бондаря. Наблюдение

за ним предполагалось вести после работы и по праздничным дням. Имелось в виду и систематическое посещение трактира, где бывает бондарь и где, следовательно, могут иметь место интересные встречи.

Самая ответственная задача ставилась Телепову. Он должен был изображать беглого солдата, поступить куда-нибудь на поденную работу и, посещая трактир, постараться познакомиться с бондарем. Телепову это вскоре удалось, и он выяснил, что бондарь во хмелю разговорчив. Знакомство их укрепилось, когда бондарь узнал о «беглом солдате». В трактире была зафиксирована и первая встреча бондаря (им оказался Иван Малив) с молодой женщиной, передавшей ему синий платок, в который были завернуты какие-то вещи. При этом Малив, уходя, на ходу, поздоровался с Телеповым, которому удалось передать женщину в наблюдение своему филеру. Местожительство женщины было установлено, а сама она, судя по приметам (вздернутый нос), была похожа на разыскиваемую «Курносую Таню».

Знакомство Телепова с Маливым продолжало развиваться, что дало возможность старшему филеру в полной мере проявить свою проницательность и наблюдательность. Он пишет начальнику охранного отделения: «Хотя Малив уверяет, что он постоянно живет в Брянске и уже много лет никуда не выезжал, но я этому не верю, так как полагаю, что Малив — прибежавший с Дальнего Востока матрос. Я полагаю так потому, что однажды, сидя в трактире, Малив случайно обнажил правую руку, на которой я заметил татуировку дракона, которые себе обыкновенно делают матросы, плавающие в китайских водах. Затем, походка бондаря «морская» и он сутулится, шляпу носит как моряк — назад. И, наконец, когда бондарь курит, то выбрасывают слюну далеко от себя, что привыкают делать курящие моряки, чтобы не плевать на палубу, а за борт».

Далее содержится описание ареста и обыска Малива и его сожительницы «Курносой Тани», у которых были обнаружены закопанные в землю на огороде и в погребе все необходимые компоненты для изготовления бомб и нелегальная литература.

Успех обысков стал возможен благодаря участию знаменитой полицейской собаки Треф со своим дрессировщиком из охранного отделения, чиновником Дмитриевым, и опять-таки с помощью старшего филера Телепова.

А дело было так. Доберман-пинчер получив пробу запаха жены Малива, в течение 2 часов безрезультатно вел поиск в огороде. Тогда в дело вступил Телепов, вспомнив, что однажды в трактире он увидел испачканные землей руки Малива, значит, нужно дать Трефу пробу запаха самого Малива. Последний был доставлен к месту обыска, и собака быстро нашла зарытый в землю бочонок и затем в погребе спрятанные вещи и ценности убитой помещицы.

Что же касается ранее сообщенных предположений Телеповым о действительной профессии Малива, то они полностью подтвердились. Под именем бондаря скрывался военный моряк Куличенко, бежавший из Владивостокской тюрьмы.

Подобных примером можно было приводить много. Поэтому бесспорным является заключение о высокопрофессиональной работе филеров по важным делам. В этих случаях наблюдение велось усиленными нарядами, с различными ухищрениями, чтобы скрыть сам его факт от наблюдаемого.

Филеры хорошо знали устоявшиеся в многолетней практике правила конспирации. Например, то, что два человека всегда вызывают меньше



подозрений, чем одиночка. Поэтому в филерском наряде бывали и женщины, иногда даже бравшие с собой детей. Парным бывал и конный пост филеров. Для закрытых постов снимались комнаты.

На вокзалах дежурили филеры, знавшие наблюдаемых в лицо. Причем один из филеров, как правило, переодевался в жандармскую форму и дежурил около билетной кассы и т. д. Применялось и негласное фотографирование с использованием фотоаппарата в виде свертка-покупки.

В частности, тайное фотографирование производила, например, филерша Хомутова в 1906 году в Ростове-на-Дону. Во всяком случае, когда наблюдаемые были искушены в вопросах конспирации и часто проверялись, филеры были предельно внимательны и демонстрировали тонкую, продуманную работу, чаще менялись (пункт 35 Инструкции).

Обращают на себя внимание и факты частого упоминания в дневниках об утере объекта. Объясняется это тем, что п. 35 Инструкции разрешал оставлять объекта без наблюдения, если создавалась угроза провала, когда наблюдаемый замечал даже «осторожное наблюдение». Именно поэтому филеры не рисковали, не утрачивая при этом свой «имидж».

### Обучение филеров

Основные элементы филерской «политучебы» изложены в п. 3 Инструкции.

*«Вновь поступающему филеру должно быть разъяснено: что такое государственное преступление, что такое революционер; как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей; несостоятельность учений революционных партий; — задача филера — наблюдение и связь его с внутренней агентурой; — серьезность принятых филером на себя обязанностей и необходимость безусловно — правдивого отношения к службе вообще, а к даваемым сведениям в особенности; вред от утайки, преувеличения и вообще ложных показаний, причем ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемых сведений ведет к успеху наблюдения, тогда как искажение истины в докладах и стремление скрыть неудачи в его работе, наводят на ложный след и лишают филера, наверное, возможности отличиться».*

О ритуале приведения филеров к присяге гласит п. 4:

*«Когда молодых филеров наберется несколько, попросит в отделение священника и приведет их к присяге на верность службе».*

В Инструкции в п. 5, особо подчеркивается необходимость тщательного отбора филерских кадров:

*«Принимать филеров надо с большой осторожностью, при сомнении новичка испытать, выдержав его при отделении недели две без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер, на основании данных общения его с другими служащими. При всех достоинствах чрезмерная нежность к семье или слабость к женищинам — качества филерской службой несовместимы и вредно отражаются на службе. Ему в первый же день службы должно быть внушено, что все, что он слышал в отделении, составляет служебную тайну и не может быть известно кому бы то ни было».* Далее в этом пункте предлагается система изучения филером своего города с ежедневным письменным докладом о результатах этого ознакомления: *«Во время испытания новичка нужно посылать для детального*

*изучения города: знать проходные дворы, трактиры, пивные, сады, скверы с их входами: отход и приход поездов, пути трамвая, место стоянки извозчиков, таксу их; учебные и другие заведения, время занятий; фабрики и заводы; время, начало и окончание работы; формы чиновников и учащихся и т. п. Полученные в этой области филерами познания он должен представлять ежедневно в письменном виде заведывающему наблюдением, для суждения о степени пригодности его к филерской службе».*

О том, как реализовывались на практике эти наставления, наглядно отображено в уже упоминавшейся книге Т. Владимирцева.

«В филеры шли раньше простые рядовые, потом, когда предложение со стороны охраны понизилось, — запасные унтера. Первый месяц службы молодой филер торчал в сборной, ничего не делая, и прислушивался к докладам старых служаков. В это же время он яростно, до седьмого пота, изучал «Инструкцию наружного наблюдения».

— *«Если наблюдаемый свернул за угол, необходимо высчитать, сколько он может пройти шагов до того времени, когда дойдет до угла филер, и если за углом его не видно — взять в наблюдение обе линии домов, на расстоянии, равном высчитанному»...* — зубрил недавний солдат.

Или, вернувшись к началу, опять начинал:

— *«Филеру с первых дней его службы должно быть внушено, что он призван на защиту престола и отечества и что его священный долг не жалеть всех своих сил для охранения общественного спокойствия и государственной безопасности...»*

Иным это казалось гораздо труднее воинской словесности, и они утешались только тем, что, по уверению сослуживцев, все это потом легко свободно забыть».

По прошествии месяца филера уже выпускали на улицу под руководством одного из наиболее опытных товарищей, и через полгода новый филер приобретал и знания, и привычки. Т. Владимирцев в своих записках указывает о следующих рекомендациях по запоминанию внешнего вида наблюдаемого в процессе внешкольного обучения — *«необходимо запомнить облик наблюдаемого, на мновение закрыть глаза, представить наблюдаемого в своем воображении, потом, открыв их, проверить, сходен ли этот воображаемый облик с действительным и, если не сходен, — проделать это несколько раз до полного запоминания, а если сходен, — запомнить одну часть туалета наблюдаемого, лучше всех выдающуюся, и следовать за ним, не выпуская из глаз, в густой толпе различая его фигуру по замеченной части туалета»...*

Упомянутые рекомендации соответствуют изложению в несколько иной редакции в п.п. 11, 12 Инструкции:

п. 11 *«Дабы приобрести навыки быстро (с первого взгляда) запоминать наблюдаемого, надо пользоваться всякими удобными случаями для практики в запоминании на лицах из наблюдаемых. Посмотрев на таковые, филер, отвернувшись в другую сторону или закрыв на минуту глаза, должен представить себе все приметы этого лица и проверить, таким ли является лицо в действительности.»*

п. 12 *«Приметы должны быть замечаемы в следующем порядке: лета, рост, телосложение, лицо (глаза, нос, уши, рот и лоб), растительность на голове и прочее, цвет, длина волос, и особенности в одежде, походке или манерах. Для более точного определения цвета волос, филерам показать пример на живых лицах».*

Возвращаясь к вопросу обучения филеров, необходимо подчеркнуть, что руководство Департамента полиции, понимая первостепенную важность сведений, получаемых от внутренней агентуры, не считало возможным урезать достоинства данных наружного наблюдения. Напротив, прилагало все время серьезные усилия, чтоб расширить круг деятельности филеров, настаивая, что *«именно благодаря наружному наблюдению, умело поставленному, оно могло во многих случаях достигнуть весьма успешных результатов в своей борьбе с различными революционными организациями; наружным наблюдением без содействия даже иногда внутренней агентуры раскрывались опаснейшие предприятия революционных кружков, излавливались пропагандисты противоправительственных учений, накрывались тайные типографии, захватывались транспорты революционной литературы, фабрики взрывчатых веществ, в корне подрывались террористические акты и т. п.»*. Однако, наряду с достоинствами, Департамент находил в агентах наружного наблюдения и довольно много существенных недостатков, в том числе и у руководителей филерской службы.

Так, например, в рапорте генерала А. В. Герасимова о результатах его инспекторской проверки Киевского охранного отделения в 1903 году сказано, что «господа офицеры совершенно не занимаются агентурной работой, а ее ведет начальник отделения и ст. филер Демидюк». Далее маститый инспектор сообщает, как он экзаменовал этого руководителя, задавая вопросы по знанию им партийных уставов и, не слыша ответов правильных, спросил: «— А что такое анархия? И когда Демидюк ответил: “Не знаю”, генерал приказал «уйти вон».

Руководство Департамента поэтому кроме обстоятельной инструкции, признавало необходимым озаботиться серьезным обучением и воспитанием филеров. Особенно внимательно отнесся к этому вопросу Департамент полиции во времена Столыпина, когда появилась даже идея основания специальной школы для филеров.

В связи с этим заведующий особым отделом Департамента полиции обратился 5 июля 1907 года к начальникам охранных отделений с циркуляром, в котором содержалась просьба сообщить *«наиболее интересные и поучительные примеры успешного проведения филерами наблюдения»*.

Циркуляр обязывал начальников отделений одновременно сообщить свое мнение о постановке дела обучения филеров, «в коих благодаря проявленной филерами личной инициативы и сообразительности, наблюдение, несмотря на особую трудность обстановки, достигало намеченных целей, а равно и примеры отрицательного характера, где наблюдение проваливалось от неумения филера уйти от рутинных приемов и применить тот или другой чисто сыскной прием. Интересны также случаи и приемы задержания филерами выдающихся преступников, их находчивости при вооруженных сопротивлениях, во время производства обысков и т. п....

... Вместе с сим, не изволите ли признать возможным со своей стороны не отказать сообщить Ваши соображения о том, как должно быть поставлено дело обучения филеров, чтобы они не ограничивались рутинными приемами неотступного наблюдения, а сделались настоящими филерами, которые, пользуясь тонкими нитями наружного наблюдения, умели бы найтись во всякой обстановке и не останавливались в случае надобности и перед чисто сыскными приемами»<sup>1</sup>.

Этот циркуляр вызвал со стороны начальников охранных отделений целый ряд сообщений, с большими подробностями характеризующих служ-

бу филеров и полицейских надзирателей по наружному наблюдению. Начальники отделений иногда обстоятельно развивали свои соображения об организации подготовки филеров, характеризовали свою собственную практику и порой приводили рассказы самих филеров. Перед нами развертывается яркая картина тех усилий, которые прилагались по всей России к установлению сложной системы наружного наблюдения. Особенно в этом отношении важными являются сообщения начальника Московского охранного отделения полковника фон-Коттена, (впоследствии — генерал), который с достоинством признает, что его отделение было «школой для филеров», так что его ученики разбирались нарасхват другими охранными отделениями.

«При выборе людей, — докладывает фон-Коттен, — я обращал внимание на умственное развитие; затем обращал внимание на: 1) возраст, выбирая по возможности людей не старше 30 лет; 2) рост, безусловно не принимая людей высокого роста и отдавая предпочтение лицам ниже среднего роста; 3) зрение, выбирая людей с хорошим зрением (практика показала, что гоняться за особенно острым зрением бесполезно, так как и из лиц, обладающих довольно слабым зрением, выходили прекрасные филеры), 4) отсутствие каких-либо явных заметных физических недостатков, как например, хромота, горбатость и т. п., как показала практика, лучшие филеры вырабатывались из казаков, мелких торговцев, приказчиков и тюремных надзирателей».

Набранных таким образом людей фон-Коттен тренировал сперва в так называемом «комнатном обучении», которое он описывает:

«Теоретическое обучение начиналось с заучивания того порядка, в котором мною требовалось изложение примет, дабы не было беспорядочного изложения примет, в роде следующего: «шатен, в резиновой накидке, среднего роста, с бородой, в руках палка, лет 27, носит пенсне, худошавый». С этой целью я требовал, чтобы приметы излагались в следующем порядке: пол, лета, рост, телосложение, цвет волос, национальность; в дальнейшем я требовал изложения, начиная сверху вниз, сначала физические приметы, затем приметы одежды, а именно: длина и волнистость волос, лоб, брови, глаза, нос, усы, подбородок или борода, особые приметы, как то: сутуловатость, горбатость, хромота, кособокость, беременность и т. д.; одежда — головной убор, верхнее платье, брюки, ботинки или галоши; особые приметы, пенсне, палка, зонтик, муфта, сумочка и пр.

Для облегчения запоминания мною была изготовлена большого формата таблица, на которой вышеприведенный порядок был изображен с помощью наклеенных букв, а для облегчения усвоения — таблицы с характерными носами и ушами. При этом обучаемым параллельно объяснялась примерная терминология, которой следует придерживаться при описании примет; так, например, я требовал обозначения цвета волос словами: брюнет, шатен, блондин, рыжий, седой, и не допускать употребления слов: каштановый, темно-русый, светло-русый и т. п.; обозначения роста словами: высокий, средний, малый, не допускать большой, низкий и пр.

Далее я последовательно вызывал каждого из обучаемых на середину комнаты и заставлял остальных описывать письменно его приметы, причем добивался однообразия в оценке отдельных примет, т. е. того, чтобы, если вызванный был, например, шатен, выше среднего роста, то чтобы все обучаемые обозначали его приметы именно этими терминами, а не называли его темным блондином, среднего роста или высокого роста. После

некоторой практики в письменном изложении примет я вызывал двух из обучаемых и заставлял одного из них словесно описывать приметы другого, а затем предлагал кому-нибудь из остальных обучаемых указать на ошибки в сделанном описании. Этот прием вызывал всегда очень живое и внимательное отношение к делу обучаемых. Далее я заставлял описывать приметы кого-либо из отсутствующих лиц, принадеждавших к составу Отдела, и теми же приемами добивался точного описания его примет.

Затем я переходил к ознакомлению обучаемых с различными формами одежды, наиболее часто встречающимися при ведении филерского наблюдения, особенно с формами учащихся в высших учебных заведениях, с какой целью у меня были изготовлены особые картонные таблицы, на которых были прикреплены отличительные части каждой формы, а именно: значки на фуражке, петлицы, наплечные знаки, пуговицы, а далее на той же таблице были написаны цвета околышей, цвета воротников, брюк и кантов.

Наконец, я приступал к обучению так называемому “взятию по приметам”. С этой целью я вызывал двух-трех человек в соседнюю комнату и приказывал им описать приметы того или другого из оставшихся в сборной комнате их товарищей (каждому — разного). Составленные ими описания я приносил в сборную (оставляя писавших в другой комнате) и, прочтя какое-либо описание, предлагал одному из обучаемых решить, чьи приметы описаны. Кстати заметить, что при этом приеме обучения я иногда ограничивался описанием лишь физических примет, не допуская описания одежды как примет переменных. Если вызванный пытался “угадать” по двум-трем первым приметам, я доводил его до такой приметы, которая резко не подходила к названному им лицу, и этим заставлял признать ошибочность ответа. Первое время дело продвигалось слабо, но через пять-шесть занятий некоторые из обучаемых стали безошибочно определять лицо, чьи приметы им были прочитаны. Тогда я перешел к описанию таким же образом примет лиц, служащих в Отделе, но в данное время отсутствующих, не говоря, здесь ли это лицо или нет и вскоре добился того же результата. Иногда решения бывали очень оригинальными: отвечающий говорил, что, “по-видимому”, хотели описать такого-то, но в такой-то примете ошиблись».

Рядом с «комнатным обучением» шла, по терминологии фон-Коттена, «практическая подготовка», которая тоже представляется весьма любопытной по своим подробностям.

«Практическую подготовку, — рассказывает фон-Коттен, — я вел, посылая обучаемых наблюдать за мною или за кем-либо из опытных филеров, причем последнему внушалось первое время ходить спокойно по улицам, делая лишь изредка так называемые “проверки”, т. е. внезапно поворачиваясь в обратную сторону, делая остановки за углами, и т. п. После того, как обучаемые приучались ходить, не напирая на наблюдаемого, последнему приказывалось замешиваться в толпу, переходить с конки на конку, ездить на пароходах, курсирующих вдоль реки и каналов, пользоваться проходными дворами и проч., постепенно усложняя применяемые для «сбрасывания наблюдения» приемы.

Все это проходило лишь в общих чертах, преследуя цель только ознакомить обучаемых с наиболее характерными приемами наблюдения, а затем обучаемые посылались уже и в настоящее наблюдение на вокзалы. При вечерних докладах, каковые я принимал всегда лично, обучаемым разъяснялось, правильно ли они поступали в том или ином случае; объяснялись при-

знаки, по которым можно было догадываться о месте жительства наблюдаемого и о том, приезжий ли он или постоянный столичный житель; как определить, случайная ли встреча произошла у него или заранее условленная; тяжел ли сверток, несомый наблюдаемым или легкий; в каких случаях можно бросить своего наблюдаемого, и когда филер обязан сделать это; как поступать в случае потери наблюдаемого. Независимо от того мною производилась проверка на постах лично или через заведующего наблюдением и опытных филеров и наблюдение старых филеров за молодыми без ведома последних (это имело значение и для контроля над представляемыми счетами)... Кроме того, так как мои надзиратели ежедневно обходили все свои гостиницы и меблированные комнаты, проходя таким образом по весьма большому числу улиц, то мною был установлен порядок, что каждый из них при ежедневном приходе в Отдел, давал справку, кого из филеров и где он видел и при каких обстоятельствах, т. е. стоящими на месте, идущими, или едущими, что также служило и для проверки денежных счетов.

Для поддержания интереса к занятиям мною широко практиковалась система мелких наград в 1—5 рублей, а иногда и штрафы.

Понятно, что все вышеперечисленные приемы обучения применялись не строго в такой последовательности, как описано: комнатное обучение чередовалось с практическими, и кроме того, к каждому последующему вопросу программы я старался переходить естественным путем, по мере встречи на практике того или иного вопроса, хотя бы этим и нарушалась вышеприведенная последовательность».

Столь же сложная система педагогических приемов применялась и при обучении второй категории агентов наружного наблюдения, полицейских надзирателей; эту отрасль охранной педагогики фон-Коттен поручил своему помощнику, Загоровскому, который, по его аттестации, являлся «в полном смысле мастером этого дела».

Как видно из записки, фон-Коттен все свое внимание сосредотачивает на чисто деловой стороне сыска, на обучении филеров таким приемам, при помощи которых они с большим успехом могли бы обнаружить те или иные проекты действий «революционных организаций».

Ряд начальников охранных отделений видел главный элемент в обучении филеров в практических занятиях, которые один из руководителей прямо называл «натаскиванием».

Без этого натаскивания обойтись, по мнению охранных педагогов, невозможно, так как филеры в большинстве случаев не отличаются интеллигентностью и служат из-за материальных выгод.

Некоторые начальники охранных отделений утверждали, что центральное управление не может подготовить людей, пригодных для всяких местных условий, и скорее приучит своих филеров к известным рутинным и шаблонным приемам. С особенной категоричностью восстал против специальной филерской школы начальник Рижского охранного отделения, Балабин, который писал Департаменту: «Воспитание и выучка филера должны лежать исключительно на заведующем наружным наблюдением, — конечно, если последний на своем месте. Учреждение особой школы для филеров нахожу совершенно излишним. Обучение филеров может быть только практическое, показом на месте... Я положительно убежден, что школа филеров, кроме вреда, ничего не принесет, теоретическое преподавание серьезной подготовки не может дать, но воспитает в людях привычку к шаблону и даст почву для непослушания старшим (ответы: “нас так учили”»).

Придавая такую высокую ценность выучке практического свойства, некоторые из охранных педагогов останавливались на вопросе о моральном воспитании филеров и с пафосом говорили о возвышенном предназначении филеров и о тех прекрасных нравственных свойствах, которыми должны обладать эти «гороховые пальто». Так, начальник Харьковского охранного отделения Попов писал: «Относительно общей постановки дела обучения филеров считаю нужным высказать свое мнение, что помимо сноровки и способов наблюдения крайне желательны занятия с филерами на тему о нравственной подкладке их службы, необходимо им внушать, что служба их вовсе не позорна, как многие из них думают, а наоборот, спасает жизнь многих людей, предотвращает злодеяния преступных лиц; в особенности это необходимо оттенять, когда будут при ликвидации взяты бомбы, оружие и другие предметы для террористической деятельности революционеров, и таким образом воспитать в сознании филеров чувство долга, полезности их деятельности, а не только материальные соображения, по которым ныне большинство из них служит...

...Кроме этого необходимо доказать филеру, что он полезен для страны, и вообще вести разговоры на эти темы. Прежде в этом, может быть, и не было особой надобности, но теперь, когда везде говорят о политических делах, нужно, чтобы филер служил сознательно, чтобы никакой агитатор не мог сбить его, чтобы филер знал, что он приносит пользу государству, а не вред, и в чем эта польза заключается; чтобы филер знал, что скрывает свою профессию только для пользы службы, а не из-за стыда за профессию, и первый долг развивать в филере честность и откровенность и не допускать лжи и строго поддерживать дисциплину. Принимать в филеры нужно с большим разбором, чтобы увольнять как можно реже. Прослуживший непродолжительное время и уволенный, узнав технику наблюдения, может разгласить, тогда как прослуживший долгое время секретов не продаст, так как проникнут преданностью делу и дисциплиной. Вновь принятое лицо в филеры необходимо оставить на некоторое время при отделении по поручениям, но отнюдь не возлагать обязанности служителя при канцелярии, так как прислужники, как показал опыт, всегда выходят хуже в служебных отношениях не прислуживающих. Кроме того, обязанность прислуги и обращение к нему не только начальствующих лиц, но и канцелярских служащих по имени, унижает нравственно. Если скажут: «нужно выработать филера, частная же его жизнь и нравственные качества не при чем» — ошибаются, так как человек безнравственный и плохой в частной жизни будет и плохим филером. Филера нужно приохотить к делу, чтобы он рвался к делу и исполнял свои обязанности разумно и охотно, так как только разумной настойчивостью он может достичь благоприятных результатов».

Начальники охранных отделений помимо высказанных мнений по поводу организации учебы с филерами сообщили немало примеров их умелой и находчивой работы. Почти все руководители заявили, что проектируемый сборник примеров Департамента полиции принесет большую пользу. Особо обстоятельным в этом плане было мнение начальника саратовского охранного отделения Мартынова, который писал: «Составление сборника "Исторических примеров" из практики филерского наблюдения нельзя, конечно, не признать отвечающим самой настоящей в том необходимости; молодой филер, из правильно сгруппированных, по соответствующим группам фактов, конечно, легче всего усвоит те

«известные» уже приемы наблюдения, которые иначе он будет выработать самоучкой, доходя до необходимости применения их в собственном опыте, что поведет к различным частичным неудачам. С той стороны сборник, конечно, принесет свою и большую пользу. В настоящее время роль этого сборника выполняется, так сказать, изустной передачей, в разговорах, общих обсуждениях, рассказах старших филеров, заведующего наружным наблюдением и других старших и начальствующих лиц».

Что касается примеров филерских «проследок», то их авторами были и такие старые опытные служаки, как Сачков.

«В конце 1891 года, в город Кострому, — рассказывал Сачков, — были командированы филеры Московского охранного отделения для поимки известного государственного преступника Сабунаева, который в то время вел усиленную пропаганду по всему Поволжью. Поимка его была тем выдающаяся, что он более двух лет вел пропаганду на берегах Волги и был неуловим. В Костроме он жил в глухой местности, дом стоял в середине сада, окруженный забором, и проживал не в доме, а на чердаке этого дома; чердак имел четыре слуховых окна, выходящих в сад, изнутри чердак закрывался люком; идти к нему на обыск полицией, мало было шансов застать его дома, поэтому была устроена засада из четырех филеров, так как Сабунаев получал обед или чай из другой квартиры. С темной вечера сели в засаду, около 7 часов вечера горничная другой квартиры пронесла два стакана чаю, где жил Сабунаев, т. е. на чердак, а через некоторое время пришла и забрала их порожними. Этим мы воспользовались и прошли на чердак, где было совершенно темно и невозможно было двигаться вперед, но Сабунаев до того растерялся, что никакого сопротивления не сделал; с Сабунаевым был другой мужчина, который впоследствии оказался чиновником губернского правления, он тоже проживал вместе с Сабунаевым. Тут же мы их обоих обыскали, нашли в сундуке пять париков, два револьвера, после чего один из филеров дал знать в жандармское управление, и через 30 мин. приехал наряд полиции. В эту ночь было сделано шестнадцать обысков и все с хорошими результатами. Всем наблюдением руководил Медников».

Письмоводитель Саратовского охранного отделения вспоминал:

«В бытность мою полицейским надзирателем Московского охранного отделения мне было поручено (приблизительно в 1900 г. в марте) задержать на улице нелегального еврея, по указанию филеров, когда он выйдет со сходки (у Мясницких ворот). В 12 ч. ночи упомянутый еврей вышел отсюда и направился к Сретенке, усиливая с каждой минутой шаг и постоянно оглядываясь по сторонам и назад. Медлить было нечего, надо было арестовать, чтобы не упустить, но этого я сделать не мог, так как начальником было сделано приказание вывести его в безлюдное место и тогда лишь только задержать — боялись, что публика может отбить его. Нелегальный шел все быстрее и быстрее, и мы с филером стали отставать. Тогда мы решили, во что бы то ни стало, арестовать его, не допустить до Сретенки и, быстро догнав его, взяли за руки, сказав ему, что приказано доставить в охранное отделение; еврей оказал сопротивление, вырываясь от нас; быстро собралась толпа. Еврей стал кричать, что его ни за что ташат сыщики в охранку; просил публику, в которой было 2-3 студента, помочь ему отбиться, но в это время он уже был втискан нами в сани нашего извозчика. Толпа обступила нас, требуя дать ей объяснение, по какому поводу задерживаем «ученика». Тогда я обратился к публике со

словами: «Господа, оставьте нас ради Бога в покое, разве вы не видите, что он помещанный и бредит сыщиками? Ведь он — сын нашего хозяина, и мы его ищем 4 дня. Мать и отец в отчаянии». Из публички послышалось разного рода комментарии, извозчик же наш, улучив минуту, погнался, и мы благополучно доставили его в отделение».

Начальник Рижского охранного отделения Балабин сообщал: «8 января 1906 года были получены сведения о том, что несколько членов рижской боевой организации собираются ограбить транспортную контору «Надежда». Двум филерам приказано было вести наблюдение и своевременно дать знать воинской части, находившейся в засаде в ближайшем доме. В шестом часу вечера, 9 января, к дому, в котором расположена контора «Надежда», явились восемь молодых людей и стали ходить взад и вперед. Местные условия были чрезвычайно невыгодны для наблюдения, и филерам только и оставалось гулять вместе с боевиками. Последние скоро обратили внимание на филеров и стали за ними наблюдать, затем окружили филеров с разных сторон, так что им уже не было возможности уйти. В это время проходила по тротуару какая-то девица. Филеры сделали вид, что именно ее они и ожидали. Как только она подошла к дверям конторы, филеры остановили ее и стали дружески с нею беседовать. Этот маневр был так удачно исполнен, что боевики сразу успокоились и перестали обращать внимание на филеров, а затем в 8 час. 30 мин. вечера один за другим вошли в контору. Вслед за ними туда вошла, по условному знаку филеров, воинская часть, и 4 боевика были задержаны, прежде чем они успели проникнуть в контору. У них были отобраны топор, пистолет и свеча. Остальные четыре успели убежать и, преследуемые филерами и солдатами, вскочили во двор синагоги, где трое было задержано, а четвертый, пытавшийся бежать, застрелен».

Начальник Ярославского охранного отделения Гинсбург писал о случае, «когда филерами была проявлена особая сообразительность и обдуманная осторожность»: «В конце мая 1907 г. мною были получены агентурные сведения о нахождении в селе Балабанове, в 13 верстах от Рыбинска, тайной типографии рыбинской организации Р.С.Д.Р.П., типография должна была помещаться в особом подполье в церковном доме, занимаемом дьяконом Восторговым. Для разработки этих сведений, а частью и для проверки их мною командированы были два филера отделения, которые, почти не показываясь днем на улицах села и объяснив любопытным о цели своего прибытия в село Балабаново закупкой хлеба для хозяина-подрядчика, в течение почти двухнедельного срока, по ночам из-за изгороди огородов наблюдали за домом дьякона Восторгова. Несколько раз наблюдению удалось заметить проезд на лодках к селу молодых людей со свертками, а также подозрительный свет в светелке дома, который появлялся в неурочное ночное время, и, наконец, ими было обращено также внимание на промелькнувший раза два огонек в нижних отдушниках дома. Все эти мелочные данные в связи с указаниями агентуры и дали мне возможность ликвидировать в ночь на 6 июня типографию названной выше организации».

Начальник Варшавского отделения Варшавского жандармского управления железных дорог Тржецяк привел такой эпизод: «В 1905 году, летом получены были от местной заграничной агентуры указания на то, что какая-то слушательница С.-Петербургских женских курсов выехала в Москву в целью организовать убийство б. московского градоначальника барона Медема, и других начальствующих лиц, причем имелось лишь указание на

то, что личность эта будет жить в Петровском парке. Собранными справками установлено было несколько курсисток, проживающих в Петровском парке, причем учрежденное за ними наблюдение вполне точно указало, что личности эти не имеют никакого отношения к местным революционным организациям. По прошествии шести недель от Департамента полиции получены были указания на то, что полученные сведения могут относиться к известной революционерке Коноплянниковой. В числе наблюдаемых лиц, действительно, оказалось лицо, соответствующее приметам Коноплянниковой, и имевшее кличку наблюдения «Семейная». Дальнейшее наблюдение за Семейной не дало положительных результатов и дало лишь установить, что Семейная умышленно конспирирует свое пребывание в Москве и проживает по чужому паспорту. Вскоре наблюдаемая из Петровского парка переехала в Москву и в течение 2 недель переменяла шесть квартир. В виду этого наблюдение за Семейной было усилено. Вскоре она выехала в г. Саратов. Выехавшими агентами было между прочим установлено, что по приезде в Саратов она поселилась у студента Морозова, у которого безвыходно пробыла двое суток. На третий день одним из агентов наблюдения замечен был рано утром, на рассвете, студент Морозов, выходящий из своей квартиры. По местным условиям и во избежание провала наблюдавший за ним агент не мог сопровождать Морозова и вынужден был находиться от него на весьма значительном расстоянии. Выйдя за город, Морозов отправился в близлежащий лес, и наблюдающий агент вскоре вполне отчетливо слышал вдали звук от какого-то взрыва. Эти результаты наружного наблюдения дали уже вполне точные указания на то, что Морозов производил опыты со взрывчатыми веществами, и что Семейная прибыла к нему за получением таковых. Вскоре Семейная, с корзиною в руках выехала из Саратова в Москву. В виду этого приступили к ликвидации всех результатов наблюдения и произведены были одновременно аресты и обыски по всей группе, причем в Саратове у студента Морозова в квартире обнаружена была полная мастерская взрывчатых снарядов. Так как по приезде в Москву Семейная, посетив некоторых серьезно наблюдаемых лиц, выехала немедленно в Смоленск, то арест ее был осуществлен в подезде, причем при ней обнаружена была корзина, привезенная из Саратова, в которой находились в разобранном виде метательные снаряды. Одновременно с этим были арестованы в Москве и Саратове все лица, с коими имели сношения Семейная и Морозов».

5 июля 1907 года заведующий особым отделом предложил в ближайшее время организовать специальные курсы подготовки филеров. Известно, что созданная по этому поводу особая комиссия по реорганизации наружного наблюдения под председательством руководителя Петербургского охранного отделения А. Герасимова рассматривала эти вопросы. Однако в ноябре 1909 года предложение о создании школы филеров было отклонено. Вместе с тем в целях дальнейшего совершенствования филерской службы было выработано пять инструкций по наружному наблюдению.

Работа филеров становилась все сложнее и потому, что их подопечные также совершенствовали свое искусство уходить от наблюдения. Между агентами наружного наблюдения и революционерами шел бесконечный поединок, в котором победы одной из сторон сменялись поражениями и неудачами.

В связи с этим уместно вспомнить, что верный страж «Народной воли» А. Д. Михайлов брал уроки конспирации у староверов-бегунов, в частности,



по организации конспиративных квартир («пристаней»). Эти самые «при- стани» содержались и в домах под лестницами, и в двойных кровлях, иногда в каморах за двойной стенкой в избе...

...Есть деревни, где все дома соединены потайными ходами, и последний дом имеет подземный ход в сады, перелесок, овраг... Особое внимание в деле совершенствования навыков конспирации революционерами-подпольщиками уделялось противоборству службы наружного наблюдения.

Известно также, что Ф. Э. Дзержинский, проживая в начале 900-х годов в Кракове под именем Доманского («Юзеф»), систематически проводил занятия с партийными функционерами по борьбе с охранкой. При этом каждый раз подчеркивалось, что «конспирировать надо уметь не во имя революцион- ных романтизмов, а для того, чтобы обезопасить от провалов товарищей»...

На этих занятиях использовался дневник слежки детективов из част- ного агентства Пинкертон за русским писателем В. Г. Короленко, когда тот был в Америке.

На примере этого дневника Дзержинский разбирал действия филеров, знакомил слушателей с принципами слежки, ставил практические зада- чи. Так, функционерам, транспортирующим нелегальную литературу в Варшаву, предлагалось продумать пути «отрыва» от филеров. Вырабаты- вались традиции контрнаблюдения.

«Гляди влево, гляди вправо, оглядывайся назад, не поворачивая голо- вы», — это правило подпольщиков наряду с другими неизменно присут- ствовало в их жизни.

В числе других правил конспирации были и такие: «Особенная остро- рожность нужна на улице. Никогда не оглядывайся... Даже если чувству- ешь, что явная опасность, если «сели на хвост» — ни в коем случае не проявляй беспокойства... Заметил — затирай след срочно.

...Есть множество способов замести след: затесаться в толпу, воспользо- ваться дворовыми лазейками и проходными дворами, вскочить на ходу в трамвай, в конку или на извозчика, а потом на ходу же спрыгнуть. Хорошо уходить через черный ход чайной или трактира... Поэтому город надо знать так, чтобы ориентироваться в нем с закрытыми глазами...

Многие из подпольщиков и легальных революционеров владели ис- кусством ухода от наружного наблюдения. Вот эпизод из жизни депутата Государственной думы А. Е. Бадаева.

...Ранним утром он вышел из дома. Оглянулся, идя по улице, — ну, конечно, под стенами крались две тени...

Пошел он совсем в другую сторону, пробежал через пару проходных дво- ров, несколько остановок. Проехал, вскочив на ходу, трамваем. Спрыгнул тоже на ходу, увидев между домами холодно блеснувшую гладь Невы. Вот и берег... Глянул еще раз через плечо: размытые утренним туманом из-за угла амбара выскочили две фигуры — метрах в ста пятидесяти. А вот и то, что он искал: наполовину выгащенная на берег одинокая лодчанка. И весла лежат на дне. Бадаев столкнул лодку на воду, вскочил в нее и вставил весла в уклю- чины. Сел на скамейку и мощными гребками направил лодчанку к противо- положному берегу. За спиной между кучами мусора металась две фигуры...

Руководители политической полиции всегда воздавали должное мас- терству конспирации в деятельности профессиональных революционе- ров, выделяя, в частности, стремление обнаружить за собой установлен- ное наружное наблюдение и методы отрыва от него. Среди последних видное место занимал Н. Э. Бауман, агент «Искры», делегат II съезда

РСДРП. Вот один из эпизодов его противодействия филерам 9 января 1902 года в Воронеже, куда наблюдаемый прибыл в 11 часов 10 м. Киев- ским поездом (о его приезде охранка знала). Опустим некоторые подроб- ности поведения Н. Баумана на самом вокзале, не представляющие осо- бого профессионального интереса, а последуем за Николаем Эрнестови- чем при выходе его с вокзала,

«...отойдя от вокзала шагов 20, он остановился и незаметно бросил взгляд назад, на выходящих с вокзала.

Ничего подозрительного не заметил. Мимо него вереницей проезжали извозчики. Остановил одного из них. Разместившись в пол-оборота, что- бы можно было наблюдать за ехавшими сзади, указал вознице маршрут следования. Не доезжая метров сто до губернской управы, Бауман отпу- стил извозчика.

Затем дважды прошел по улице взад и вперед, проверяя нет ли за ним «хвоста». Убедившись в полной безопасности, быстро направился к зем- ской управе, где у «искровцев» была одна из конспиративных явок.

(Вряд ли автор этого текста мог достаточно аргументировать «полную безопасность» Н. Баумана только после того, как тот лишь дважды про- шелся по улице! — А. Ф.)

Выйдя из управы, Бауман заметил подозрительного человека (значит наше недоумение, высказанное выше, было справедливым. — А. Ф.). Ка- кая-то непонятная тревога охватила его. Долго не раздумывая, он пошел по 2-й Острогожской улице. Невдалеке показалась конка. Когда она по- правнялась с ним, он на ходу вскочил в вагон. Проехал немного, потом больше часа, на всякий случай, заметал следы, бродя по самым глухим и малолюдным улицам города.

На Верхне-Стрелецкой улице проходным двором вышел в какой-то пере- улоч... («Какой-то переулок» «бродил по самым глухим улицам» — это сви- детельство, что Н. Бауман не знал хорошо этот чужой для него город, а зна- чит, наблюдавшие за ним филеры имели перед ним преимущество. — А. Ф.).

В распоряжении Баумана в Воронеже был еще один надежный кон- спиративный адрес на Б. Дворянской улице. Туда он и направился. Подхо- дя к нужному дому, взглянул на часы — стрелки показывали ровно четы- ре. (Напомним, что он приехал в 11 ч. 10 м. — А. Ф.).

Прежде чем войти в подъезд, Николай Эрнестович решил еще раз осмотреться. Впереди ничего подозрительного. Сзади же вновь мелькну- ла знакомая фигура. Стало ясно — за ним следят... На этот раз оторваться от преследователей ему удалось не скоро. Пять часов блуждал он по ули- цам Воронежа, и все это время, словно тень, за ним следовали филеры, попеременно сменяя друг друга.

Вконец измотанный Бауман предпринял отчаянный шаг. В одном из проходных дворов он незаметно юркнул в дверь какого-то строения. Это оказалась оранжерея. Пришлось обратиться за помощью к находившему- ся там дворнику, который не без личной корысти укрыл его от шпииков (пришлось отдать часы и 5 рублей).

...филеры виновато доложили своему начальству, что Бауман в 9 часов вечера у кадетских корпусов утерян».

Далее автор текста указывает, что Бауман решил немедленно оставить Воронеж, но он, конечно, не отправился на вокзал, где его безусловно ждут потерявшие объекта наблюдения филеры. Он уезжает в расположен- ный недалеко г. Задонск.

Однако вскоре Бауман был арестован.

Таким образом, на этот раз «дуэль» с филерами не была им окончательно выиграна. Основная причина этого в том, что агент охраны предупредил о его приезде, а киевские филеры сопровождали его до Воронежа, ну и отобранный наряд опытных филеров, находясь в хорошо изученном, своем городе, сделал все-таки свое дело.

О том, что Департамент полиции придавал большое значение аресту Баумана, свидетельствует переписка между особым отделом и Воронежским губернским жандармским управлением: «...этот господин первостепенной важности. Берегите — крепко».

Возвращаясь к вопросу о высоком профессионализме Н. Баумана как революционера-подпольщика, следует отметить, что в своем родном городе — Москве — удача в поединке с филерами чаще сопутствовала ему. И это при том, что называется, игра велась неравная, так как полиция заранее знала о нелегальном приезде Баумана и фамилию владельца его подложного паспорта, некоего коммерсанта Земпфегга.

Последний 24 декабря 1903 года остановился в гостинице «Париж», и филеры дали ему кличку «Парижский». В этот день усердно отработывали свой хлеб четверо сотрудников полиции. Письменный отчет их круглосуточного наблюдения за Бауманом вряд ли мог удовлетворить начальство... Слишком осторожным, а точнее опытным, оказался подпольщик...

Удалось проследить лишь, что «Парижский» в 11 ч. дня вышел из гостиницы и направился в Коммерческий пер., где встретился с неизвестной барышней. Вместе они пошли по Петровке, на Селезневскую улицу, затем постояли минут 5 и вскоре простились.

Оставшись один, Бауман направился по 2-му Мариинскому переулку в Александровский переулок, отсюда в Екатерининский парк. На Садовой улице сел в конку, доехал до Сухаревской башни. Здесь и был утерян.

Всего около часа находился он под наблюдением, а затем сумел оторваться от «хвоста».

Годы подпольной работы и строжайшей конспирации выработали в Баумане обостренную наблюдательность и особую осторожность. Поэтому он быстро сумел заметить слежку. Рисковать не имело смысла, поэтому он решил сменить местожительство.

25 декабря 1903 года оставались считанные дни до прихода Нового года. Филеры в этот день с точностью до минуты отметили время выхода Баумана из гостиницы. Затем проследили, как у церкви Козьмы и Дамиана он взял извозчика, доехал до дома Берга и остановился. Через проходной двор вошел в «парадную № 28—43 указанного дома по Петроверигскому переулку, откуда взят не был». По свидетельству филеров, накануне наблюдаемый имел встречу с неизвестной барышней. Оказалось, что это была гражданская жена А. М. Горького — Мария Федоровна Андреева, укрывавшая Баумана несколько дней на квартире действительного статского советника Желябужского — ее бывшего мужа. В упомянутую квартиру приходил с визитом обер-полицеймейстер Трепов, и вряд ли кто из полицейских мог предположить, что там скрывается опасный политический преступник. Затем М. А. Андреева прятала Баумана на квартире у своего друга В. И. Качалова — актера Художественного театра. Позднее Бауман был перепрятан стараниями М. Ф. Андреевой в еще более безопасное место — подмосковное имение фабриканта С. Т. Морозова.

В связи с ожидаемым приездом из-за границы жены Баумана — К. П. Медведевой — охранное отделение приняло все меры, чтобы через нее установить места укрытия скрывшегося от наблюдения Баумана. За представительницей слабого пола следовало семь полицейских, поочередно сменявших друг друга. В докладных «сохранились» для истории и их фамилии, это были: Яковлев, Князев, Бойков, Коченов, Линев, Спиридонов, Храмко.

Упомянутые филеры во 2-й день пребывания Медведевой в Москве (19 января 1904 года) зафиксировали после ее посещения часовни Иверской божьей матери (по-видимому, здесь находилась конспиративная явка социал-демократов) дома Надеждина в 1-м Зачатьевском пер., дома Толмачева в Коммерческом пер., дома Мазинга в Мало-Знаменском пер. (кв. связанного «искровцев» В. П. Ногина) и дома Серебряковой в Богословском пер. Именно там и был в этот день Н. Э. Бауман. Но на этот раз он опять ускользнул от наблюдения. За ним теперь пошла настоящая охота. 22 января филеры проследили появление Баумана в доме Селиной во 2-м Благовещенском пер. в Хамовниках. Теперь он получил кличку «Селинский». Летом 1904 года Н. Бауман проводил в Москве огромную подпольную работу... Во избежание ареста ему приходилось постоянно менять явки, имена, конспиративные адреса.

Сохранившиеся дневники филеров об этом свидетельствуют. Вот некоторые записки из них. 12 июня 1904 года: «В дом Тоболкина по Царскому проезду в 5 ч. 45 м. дня пришла Длинная (Е. Д. Стасова) со свертком в трубку и вслед за ней приехал неизвестный господин. В 6 ч. 30 м. вечера на Царском проезде встречен Бауман и трамваем доехал до Садовой. Пошел в Колокольников пер. в дом Сорокина в парадное 23—27, откуда через 5 м. вышел. У Сухаревой башни сел в конку, доехал до Церкви Троица Капельки, пошел проходным двором, где утерян».

Однако долго уходить от этой охоты Бауман не мог, он вместе с женой в июне 1904 года был арестован. 8 октября 1905 г. Бауман был освобожден из Таганской тюрьмы с подпиской о невыезде из города. Конечно, сразу после выхода из тюрьмы он был взят под наружное наблюдение, которое, как известно, было поручено опытному филеру.

Любопытно, что при этом, в ходе инструктажа этого филера, в порядке исключения из существующего железного правила — незнания филером настоящей фамилии наблюдаемого — ему сообщили ее («чтобы знал, с кем придется иметь дело»).

О тяжелом чувстве ощущения постоянного преследования свидетельствуют следующие строки из воспоминаний известного революционера-подпольщика Е. Д. Стасовой:

«...Кочевье из города в город. Явки. Меблированные комнаты. Ночевки в квартирах товарищей. Или в квартирах незнакомых людей, куда тебя определили на ночлег. Прием не всегда радушный. Иногда отчужденно-вежливый, а бывает, и недружелюбный, когда хозяин всем своим видом показывает, что постоялец ему в тягость. Питание всегда всухомятку, беготня по незнакомым улицам в незнакомых городах, стук в чужие двери, звонок в неизвестную квартиру... И все время в напряжении: как бы не привести за собой “хвоста”, не возбудить интерес к своей персоне...»

О том, как велось постоянное наблюдение, дают представление материалы обеих сторон. Вот, например, отрывок из дневника наблюдения летом 1904 года за Л. Книпович:

«29 июля — “Смоляная” (кличка дана по имени улицы, где впервые была обнаружена наблюдаемая) вышла из квартиры Широких в 12 часов дня и поехала в город (кв-ра Широких на Шлиссельбургском пр., д. 8). Зайдя в помещение страхового об-ва Компании “Надежда”. Вышла оттуда через час. После чего отправилась на Сампсониевский пр., но у д. 50 повернула назад и пошла в д. 27 по Саратовской ул. Как негласно известно, она посетила кв. 10, в которой проживает Тена Яков Видеман, 32 лет, слесарь на 3-де Леснера, известный как участник рабочих кружков Выборгского р-на. Пробыв в квартире 20 мин., наблюдаемая поехала за Невскую заставу и снова осталась ночевать в кв. Широких, причем перед посещением Видемана и после того вела себя весьма осторожно»; «...30 июля — “Смоляная” ... выбыла по Варшавской железной дороге на ст. Преображенская. В 6-ти верстах от станции на даче Байкова “Смоляная” осталась ночевать. На означенной даче проживают: жена надворного советника Аполинария Ив. Книпович, вдова коллежского советника Елизавета Вас. Крупская и дочь действительного статского советника Лидия Мих. Книпович... Так как вести наблюдение за дачей Байкова по условиям места было невозможно, то наблюдение за появлением неизвестной велось в 2-х местах: у кв. Широких и на Варшавском вокзале».

Обратим внимание на скудную запись: «...вела себя весьма осторожно», — однако филеры свою задачу выполнили.

А наружное наблюдение, как подчеркивали многие из революционеров, постоянно, из года в год усиливалось.

Участник трех революций, депутат IV Государственной думы Ф. И. Самойлов вспоминал, что «бдительное око» охраны сопровождало его повсюду. Куда бы он ни ездил, ему неизменно сопутствовал пара «телохранителей», следовавшая за ним подобно тени...

О том, насколько сложным делом являлось освобождение революционера от этих «телохранителей», говорит следующий пример из практики, работавшей в военной организации большевиков («военке») В. Владимировой в 1908 году.

«...Слежка продолжается 2—3 дня, пришлось никуда не ездить, а, часами путешествуя «с конвоем», возвращаться домой. На 3-й день слежки я решила от нее избавиться во что бы то ни стало. Особенно трудно это было сделать с неотступно дежурившим при мне все 3 дня юрким черненьким филером.

От всех шпииков, кроме черненького, я после долгих поездок в этот день избавлялась. Стою, дожидаясь трамвая, он тоже. Трамвай подходит, все кидаются к нему. Я резко поворачиваю и вскакиваю в трамвай, идущий в противоположную сторону. Осмотрела все: вагон, площадки — шпиика нет. Вагон несется с колоссальной скоростью. Вышла на переднюю площадку, нагнулась, смотрю — он висит, так скорчившись на лесенке, что его и не видно. В этот миг я было отчаялась от него избавиться. Показала его кондуктору, тот хотел его арестовать за незаконное местопребывание, я же скорее бежать... Смотрю — через два квартала он меня догоняет. Так я проходила весь день. Под вечер я зашла к двум Марусям (бестужевкам, жившим в угловом доме, с несколькими ходами в разные улицы). Дом служил гостиницей... Тут я пробыла до глубокой ночи и потом ушла, выйдя в другую улицу. Так я избавилась от слежки».

О жестоком прессинге агентов наружного наблюдения вспоминал и известный эсеровский террорист, писатель Б. В. Савинков. Он, в частно-

сти, описывал такой случай: «Я приехал в Петербург утром. Я не знал, следят ли за мной или мне удалось скрыться от наблюдения. До вечера я не замечал за собой филеров. Вечером же, около 7 часов, я, выходя из Зоологического сада, заметил извозчика-лихача, который, не предлагая мне сесть, медленно тронулся за мной. Я прошел на Зверинскую улицу, он поехал за мной вслед, я свернул в Мыгнинский переулок, он немедленно свернул за мной. Так следил он около часа. На Церковной я круто повернул назад и пошел ему прямо навстречу. Он на моих глазах повернул лошадь и, усмехнувшись, сказал: “Ну что же, барин, смотрите...” Я понял, что меня арестуют. Я вышел на Большой проспект Петербургской стороны, тот, обогнав меня, поехал по направлению к Введенской улице. Я взял извозчика и велел ему ехать на Большой проспект Васильевского острова. Я помнил, что посредине его есть бульвар, и решил воспользоваться им, чтобы скрыться. На Тучковом мосту я услышал за собой крупную рысь. Я обернулся. Мой лихач догнал меня. На Большом проспекте я на ходу выскочил с извозчика и, перебежав бульвар, скрылся в Днепровском переулке. Весь расчет у меня был в том, что лихач с лошадью не может пересечь бульвар, а должен его обогнуть. Таким образом я выиграл несколько минут. Я свернул в Академический переулок, прижался к стене какого-то дома и ждал. Прошло полчаса. Кругом не было ни души... На Большом проспекте Петербургской стороны живет мой товарищ по гимназии. Я позвонил ему и попросился на ночлег. Однако утром, как оказалось, дом был окружен полицией. Было ясно, что меня все-таки проследили».

Ознакомление с упомянутым эпизодом из жизни известного террориста вызывает, конечно, ряд вопросов. Во-первых, почему «извозчик» вел сопровождающее жесткое наблюдение. Во-вторых, почему вел его вопреки установленному правилу сам, без помощи филера. Впрочем, последнее Савинков мог и не заметить.

Нередко воспоминания революционеров свидетельствуют о непонимании ими задач наружного наблюдения. В мемуарах известного большевика Иосифа Пятницкого есть такой эпизод. В 1905 году он находился в Берлине. Слежка велась, видимо, силами русской заграничной агентуры.

«...Для того чтобы вернее и быстрее отделаться от шпииков, я зашел к одному товарищу, вместе с которым отправился в национальную картинную галерею. Выходя оттуда, я увидел длинного человека, прятаясь за деревом и беспокойно кого-то высматривающего. Я сразу обратил на него внимание. Мы с товарищем направлялись по Унтер-ден-линден (лучшая улица Берлина). Высокий тип шел за нами. Подходим к Тиргартену и там вскакиваем в первый попавшийся трамвай с передней площадки. Тогда я уловил момент, когда он брал трамвайный билет, и благополучно соскочил на полном ходу с трамвая, после чего перебежал по менее людным улицам. Я был уверен, что освободился от длинного шпиика, но ошибся: он выскочил вслед за мной, и ноги у него оказались не менее пряткими, чем у меня. Шпик был несколькими головами выше меня и шел рядом со мной, как самый лучший друг. Он всматривался в мое лицо и смеялся... Я продолжал быстро двигаться, он со мной. Тогда я зашел в ресторан. Он и там меня не покинул. Наконец я решил пойти пешком к моему зубному врачу, хотя это очень далеко. Всю дорогу шпик шел рядом со мной. Я чуть не лопнул от досады. Зубному врачу я рассказал о нахальном шпиике и попросил помочь мне незаметно выбраться

от него... После долгих поисков врач нашел ход в соседний двор, откуда мог уже спокойно двинуться, куда мне было нужно...

Должен сказать, что немало слежек я пережил на своем веку, но не могу вспомнить без содрогания того длинного шпики, который путешествовал рядом со мной через весь Берлин. До сих пор я вижу его желтое, нагло смеющееся лицо».

Что же, это сопровождающее, скывывающее наблюдение достигло цели: психологический прессинг здесь налицо. Известно также, что О. Пятницкий опоздал на свою очередную конспиративную встречу. Обратите внимание, автор этого эпизода, эмоционально описанного в 20 строках, пять раз упоминает слово «длинный» применительно к филеру. Что же, кадровая служба так неудачно подобрала по росту подобного кандидата? Нет, конечно. Это, скорее всего, тот «брандер» (по выражению А. Герасимова), который специально служит для проведения подобных «силовых» наблюдений. «Для этой цели у нас имелись особые специалисты, настоящие Михрютки: ходит за кем-нибудь прямо, можно сказать, носом ему в зад упирается. Разве только слепой не заметит. Уважающий себя филер на такую работу не пойдет никогда, да и нельзя его послать: и испортится и себя кому не надо покажет».

Эффемизм охранки «пускать брандера» означал использование, во-первых, тактики «отпугивания» молодых участников кружков и организаций от революционной работы, тактики своеобразной профилактики лиц, не представлявших интереса для дальнейшего розыска.

Во-вторых, подобный «силовой» филерский прессинг приклеивался, как мы видим, и к опытным подпольщикам, если необходимо было сковать их деятельность на определенном этапе.

Среди указанной выше категории особо выделяются своими нелюбимыми воспоминаниями о встречах с филерами лица с относительно небольшим революционным опытом и недостаточными навыками конспирации. Некоторые из них при этом не без самодовольства пишут в своих мемуарах, как они «раскусывали» полицейскую слежку. Это, по нашему мнению, нуждается в комментариях.

Вот одно из таких воспоминаний.

Большевик В. В. Рябиков (псевдоним — Младенец-старший), описывая свой первый этап подпольной работы в городе Симбирске, якобы всегда замечал наличие за собой слежки, особенно около своего дома. Вместе с тем он допускает явный примитивизм в отображении эпизодов ухода от наружного наблюдения.

Те же оценки превалируют и при описании периода его нелегальной деятельности в Самаре.

По словам автора, он часто выигрывал психологические «дуэли» с филерами. Использовался при этом один и тот же прием — внезапное приближение к филеру, идущему сзади (за углом перекрестка, в проходном дворе) и лобовой вопрос: «Кто ты такой? Почему за мной следишь?»

Правда, в дальнейшем, при описании своего подполья в Казани, он вынужден констатировать: «Шпики казанские оказались много умнее симбирских, и борьба с ними была труднее. Они держались вдалеке, иногда за целый квартал, так что не всегда можно было заметить и, кроме того, часто менялись».

Во-первых, «шпики симбирские», конечно, не были «умнее шпики казанских». Именно потому, что главными филерами в службах наружно-

го наблюдения при охранных отделениях этих городов были одни и те же вышколенные «птенцы гнезды Евстратия Павловича Медникова» — бывшие филеры «летучего отряда». Они знали свое дело досконально и не позволили бы халтурить своим подопечным во процессе слежки.

Во-вторых, Рябиков неправильно оценил ситуацию, так как в Симбирске охрана имела дело, как он сам говорит, с начинающим подпольщиком. В этом случае обычно использовалась тактика отпугивания, устрашения. Это, если угодно, был элемент своеобразной профилактики. А вот в Казани, когда подпольная деятельность этого революционера вступила в новую фазу, здесь уже имела место другая тактика в ведении слежки.

Откровенное признание своего поражения в столкновении с филерами присутствует в воспоминаниях активной революционерки-подпольщицы И. Зеликсон-Бобровской.

Находясь в Ярославле в 1903 году на нелегальном положении, она решила срочно покинуть город, обнаружив за собой слежку. Забрав с собой кроме своего поддельного паспорта еще три таких же других, могущих пригодиться, она так описывает свой успешный отъезд в Питер:

«До вокзала из квартиры Дидрикуль (где проживала) шла разными проходными путями и как будто дошла благополучно. На всякий случай села поближе к двери, чтобы в случае надобности выскочить, если замечу кого-нибудь подозрительного из соседей. Стала присматриваться. В моем купе вагона 2-го класса положительно все физиономии были доброкачественные, и я как-то сразу успокоилась.

По пути непринужденно принимала участие в разных дорожных разговорах.

Между прочим, разговаривала с одним пассажиром, на вид лет 50, похожим на купца. Он то и дело извлекал из тяжелого домашнего чемодана котлеты, пирожки, всякую домашнюю снедь, которую уплетал за обе щеки. В промежутках между едой и разговорами почитывал газету «Русские ведомости».

Каково же было мое удивление, когда по приезде в Питер, села в вагон конки и передо мной в соседнем вагоне вдруг мелькнула физиономия этого господина.

Это обстоятельство сразу взволновало меня. Когда у Садовой улицы сошла, чтобы проверить свои опасения, то услышала, что кто-то меня догоняет и над моим ухом шепчет: «Барышня, барышня, пожалуйста в охранное отделение».

Перечень примеров, иллюстрирующих постоянную бескомпромиссную и жестокую борьбу революционеров с полицейской службой наружного наблюдения, можно было бы продолжать еще долго.

Далеко не всегда выигрыш в этих ежедневных, ежечасных «дуэлях» был за наблюдаемыми, ибо перевес сил, конечно, был на стороне филеров. Однако, как известно, одними полицейскими мерами было невозможно претворить гибель царского режима, обреченного в силу сложившихся социально-экономических и политических условий развития общества и государства.

## ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ СЕКРЕТНОЙ АГЕНТУРЫ

Использование секретной агентуры в общественном и революционном движении было одним из важнейших средств российской полиции в борьбе с теми, кто покушался на устои самодержавия. Политическая полиция придавала огромное значение приобретению, использованию и сохранению секретной агентуры. Однако, по сравнению с организацией службы наружного наблюдения, постановка службы внутреннего наблюдения отличалась значительно большей сложностью. Может быть, отчасти поэтому вплоть до возникновения массового революционного движения ведущее место в политическом розыске играла служба наружного наблюдения и перлюстрация.

Появление на рубеже веков и особенно в период первой русской революции влиятельных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций потребовало от полиции перенести главный акцент своей деятельности на службу внутреннего наблюдения.

И нет ничего удивительного в том, что наиболее дальновидные представители политического розыска, хорошо знавшие революционную среду и революционное движение, а именно начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов, заведующий заграничной агентурой П. И. Рачковский, сотрудник Московского охранного отделения, а затем Департамента полиции Г. М. Трутков считали необходимым обратить особое внимание на развитие секретной агентуры. В своих донесениях и записках они указывали на сложность получения информации от околопартийной среды в силу конспиративности партийных организаций.

П. И. Рачковский в записке «Об условиях деятельности русской политической полиции», составленной в 1902 году, отводил секретной агентуре «первенствующее место», считая, что при правильной постановке ее она будет не только сообщать те сведения, что происходят в революционных организациях, но и «влиять на них в желательном смысле». Он доказывал, что «во всех смыслах» это важное и нужное дело, что и при производстве дознаний его результаты будут более продуктивными, когда дело «внутренней агентуры станет на надлежащую высоту». Он писал, что надо немедленно приступить к «правильной организации внутренней агентуры, чтобы этим способом учредить рациональный и вполне достигающий своей цели надзор за всеми оппозиционными элементами в столицах и во всех выдающихся культурных центрах империи». «Таким образом, — подытоживал он, — Департамент полиции будет получать точные и всесторонние сведения о положении революционного движения из всех пунктов, и розыскная деятельность не будет основана только на удаче, как до сих пор, но приобретет строгую систему...»

В сентябре 1903 года обоснованию этой же идеи была посвящена докладная записка другого видного, но менее известного деятеля политического розыска царской России Г. М. Труткова. Говоря о сложностях политического розыска, он писал: «Русская социал-демократия, революционная по своим средствам и целям, выставила стройную и сплоченную конспиративную организацию и выдвинула во многих городах целый ряд самоотверженных борцов, часто фанатиков революционного социализма». Автор говорил о трудностях проникновения в эту организацию, о том, что «революционная среда оказалась прочно организованной, действовавшей в полном согласии

со своими центральными органами». «Необходимо, — заявлял он, — создать систему борьбы с противоправительственным течением, при которой органы политического розыска могли бы подняться не только до уровня, выставляемого противоправительственным движением, но стать выше этого уровня». В связи с этим ставилась задача «найти критерий оценки этого уровня», выяснить силы противника и найти, «что дает ему такую мощь и жизнеспособность, несмотря на постоянные преследования...»

Губернские жандармские управления, которые по своему служебному долгу обязаны были работать с секретной агентурой, часто пренебрегали этой работой. Во всяком случае, проводимые ревизии довольно часто констатировали, что работа губернских жандармских управлений по политическому розыску находилась не на должном уровне. Офицеры ГЖУ без особого желания относились к работе с секретной агентурой, смотрели на эту работу свысока, с пренебрежением. У некоторых офицеров не хватало не только желания, но не было и достаточного опыта.

Интересны результаты ревизии Тифлисского ГЖУ, проведенного в 1902 году жандармским офицером А. И. Спиридовичем. В своем отчете он писал: «...Агентурные силы управления составляют два постоянных сотрудника, освещающих круг железнодорожных рабочих, и полунинтеллигент, вращающийся в городской среде. Кроме того, есть еще рабочий и женщина-интеллигентка, работающая по мере надобности, отдельно... В качественном отношении агентура, даже по словам заведующего таковой, не может быть названа хорошей».

«И действительно, продолжает автор донесения, помимо недостатков в доставляемых сведениях, на основании которых дан подобный отзыв, пришлось узнать следующие характерные факты, едва ли известные заведующему: один сотрудник, работая на управление, дает в то же время сведения железнодорожным жандармам. Другой ведет себя крайне неосторожно, одевается слишком хорошо для рабочего и считает возможным раскланиваться на гулянье в саду с жандармским офицером».

Лучше была поставлена работа в Петербургском, Московском и Варшавском охранных отделениях.

Московское охранное отделение по сравнению с Петербургским и Варшавским было более деятельным и активным. Во многом это определялось кадровым составом сотрудников, той методикой, по которой они действовали. У них была собственная, основанная на более богатом опыте и профессионализме школа. Заметными фигурами в этой школе были начальник Московского охранного отделения Н. С. Бердяев и его ученик С. В. Зубатов.

Уже упоминаемый А. И. Спиридович, начавший свою службу в Московском охранном отделении, отмечал, что «Московское охранное отделение того времени занимало исключительное положение среди розыскных органов России». Он особенно подчеркивал, что «успехи по преследованию революционеров были достигнуты... через тех членов революционных организаций, которые по тем или иным побуждениям давали политической полиции сведения о деятельности своих организаций и их отдельных членов. [Они] назывались у политической полиции «сотрудниками», у своих же шли под именем «провокаторов»».

Несмотря на то, что Департамент полиции также постепенно обзаводился агентурой, он не имел достаточного опыта и навыков для руководства ею.

Примером профессионализма московской полиции может служить «Дело о Лахтинской типографии» народовольцев, организованной в 1894



году в Петербурге, а затем переведенной в дачный поселок Лахту. Она была выдана известным секретным сотрудником Департамента полиции М. И. Гуровичем. 3 июля 1896 года С. Зволянский, директор Департамента, в письме к Зубатову сообщает: «Вполне удачная ликвидация народо-вольческой типографской группы в С.-Петербурге находится, в значительной мере, в зависимости от умелого и внимательного руководства деятельностью секретного агента Департамента, который большую часть времени находился под вашим непосредственным воздействием».

Широко известна деятельность другого сотрудника Московского охранного отделения А. Е. Серебряковой, которая имела охранные клички «Субботина», «Дама Туз». В среде охранников, между собой ее звали «Мамочка». Ее стаж сотрудничества с Московским охранным отделением насчитывал 24 года. Более пятнадцати лет сотрудничала по идейным сообщениям с политическим розыском России З. Ф. Жученко-Гернгросс, служба которой также началась в Москве.

Организация работы с секретной агентурой была возложена на Особый отдел Департамента полиции. На местах эти задачи решались сначала ГЖУ, а затем розыскными частями и охранными отделениями.

В период революции 1905—1907 годов вопрос о приобретении агентыры во всех слоях общества встает с особой остротой. В изданных в этот период циркулярах даются рекомендации по приобретению агентуры и по «заагентуриванию» арестованных.

Все мероприятия, которые были проведены с этой целью, начиная с лета 1905 года и особенно весны 1906 года, были рассчитаны не только на сиюминутный эффект, но и на то, чтобы заложить основы политического розыска на будущее. 18 и 25 июля 1906 года циркулярно всем ГЖУ была разослана телеграмма, касающаяся срочного приобретения секретной агентуры. Только с января по июль 1906 года расходы на секретную агентуру в 31 губерниях России достигли 69 655 руб. 35 коп. На оплату ее труда охранка не скупилась.

Особенно крупные суммы получали агенты заграничной агентуры. Предательство Я. А. Житомирского оценивалось в 250—2500 марок, Л. Д. Бейтнера — до 750 руб. Московские агенты получали следующие суммы: Брядинский — от 100 до 630 руб., Лобов — от 100 до 750 руб., Малиновский — до 500 руб. и выше, Поскребухин — до 200 руб. Но таких высокооплачиваемых агентов было не более трех десятков, около 50 человек получали плату в среднем 60—150 рублей. Остальные — от трех до 60 рублей.

Часть сумм, которые правительство выделяло Министерству внутренних дел, могла им расходоваться безотчетно и не подлежала оглашению.

В этот же период Штаб корпуса жандармов и Департамент полиции издают целый ряд циркуляров об усилении наблюдения за жизнью железнодорожных служащих и рабочих, их бытом, разговорами, появлением среди них агитаторов. В циркуляре за № 9489 говорилось о том, что вследствие усиленной революционной пропаганды среди железнодорожных служащих и живущих в полосе отчуждения, признается необходимым привлечь к борьбе с революционным движением также и жандармскую железнодорожную полицию в целях организации совершенно секретного агентурного наблюдения и своевременного обнаружения террористических групп и прекращения агитации среди железнодорожных служащих и расположенных в черте отчуждения войск, снабжать «агентурными кредитами в размере соответственно их деятельности».

Приказом по корпусу № 145 на начальников ЖПУ железной дороги возлагалась работа по политическому розыску, давались указания о порядке его ведения. Первым пунктом приказа было: «Каждый начальник, безусловно, обязан иметь в своем распоряжении секретных сотрудников или вспомогательных агентов». Далее указывалось, что «через секретного сотрудника в полной мере осуществляется политический розыск и наблюдение в районе отделения...»

Крестьянские выступления заставили Департамент полиции обратить внимание на насаждение агентуры в сельской местности.

В апреле 1906 года директор Департамента в деловой переписке указывал на усиливающуюся пропаганду среди крестьян и о «малоуспешности» борьбы с этим видом революционной деятельности, а также о том, что местные власти «часто бывают не в достаточной степени осведомлены о действительном положении агитации в сельских местностях». В этом же документе он писал о необходимости создания внутренней агентуры среди крестьян. Более 40 начальников губернских жандармских управлений получили из Департамента полиции в июле 1906 года предписание «безотлагательно» доставить в Департамент сведения о том, «какие меры приняты для организации в целях надлежащей осведомленности о революционном движении среди крестьян, какими способами пользуются для получения сведений об этой среде, о положении с агентурой».

Многие начальники ГЖУ в своих донесениях отмечали сложность этой работы, которая усугублялась тем, что односельчане хорошо знают друг друга, и новое лицо с определенными обязанностями сразу себя сможет обнаружить. Некоторые начальники ГЖУ предлагали для работы по розыску увеличить число доверенных лиц среди крестьян, организовать систему мелких торговцев в виде книгонош, коробейников.

Обеспокоенный слабым исполнением июльского циркуляра, директор Департамента в сентябре 1906 года заготавливает еще одно циркулярное письмо для рассылки начальникам ГЖУ. В нем говорилось: «Я просил... озаботиться приобретением серьезных сотрудников среди крестьян, войска и террористов, открыв Вам на сей предмет усиленный денежный кредит... прошу сообщить для доклада министру, что принято...»

Об огромном значении, которое придавалось вопросу приобретения секретных сотрудников в этот период говорит тот факт, что обобщающий циркуляр об усилении розыскной деятельности издается никем иным, как министром внутренних дел П. А. Столыпиным. В нем была изложена целая программа борьбы с силами революции. Один из ключевых моментов циркуляра было указание на необходимость приобретения секретных сотрудников не только в революционных организациях и профессиональных союзах, но и в «крестьянских поселениях», учебных заведениях, благотворительных организациях, редакциях газет, журналов, в книгоиздательствах. Особое внимание уделялось «заагентуриванию руководящих деятелей революционных организаций».

Начальникам только что созданных районных охранных отделений 10 февраля 1907 года был послан целый комплекс нормативных материалов и в их числе — «Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения».

Это был первый обобщающий нормативный документ, который затрагивал всю совокупность вопросов, связанных с деятельностью органов

политического сыска. Инструкция по организации и ведению внутреннего секретного наблюдения состояла из 41 пункта. В Инструкции подробно указывалось, какими качествами должен обладать заведующий политическим розыском и определялись его взаимоотношения с секретным сотрудником. В ней также говорилось о необходимости знать положение дел в революционном движении, программы революционных партий, напоминалось о недопустимости провокационных приемов, ставились задачи структурирования секретных сотрудников. «Искусство ведения успешного политического розыска, — говорилось в Инструкции, — достигается только “безусловно частным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за отличиями, открытием и арестом отдельных средств пропаганды...”». Указывалось, что «секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения), или по крайней мере тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, так как только тогда сведения их будут ценны.

В Инструкции разъяснялись вопросы оплаты секретных сотрудников, способы их приобретения, говорилось о необходимости иметь их в каждой партийной организации, причем не одного (для проверки достоверности их сведений), о хранении в строгой тайне и с соблюдением особой осторожности сведений, даваемых сотрудниками, о проверке этих сведений. Между секретным сотрудником и ведущим его офицером исключалась «официальность и сухость». Сотрудник должен был быть расположен к своему руководителю и доверять ему. Подробно указывалось, как поступать в случае ареста членов организации и самого сотрудника, о необходимости согласования с последним своих действий. На случай, если по тем или иным причинам сотрудник переставал работать, в Инструкции говорилось: «Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем, не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями».

Инструкция 1907 года подвергла коренной ревизии пункт 10 «Временного положения об охранных отделениях» 1904 года, который гласил: «Более важные секретные агенты должны быть известны директору Департамента полиции. Об их приобретении начальники отделений представляют директору Департамента частными письмами, без чиновников и занесения в журнал отделения, сообщая при этом имена, отчества и фамилии агентов, а равно сведения о их звании и общественном положении, с указанием избранных для агентов псевдонимов, под каковыми они затем и могут быть упоминаемы в официальной секретной переписке с Департаментом, если для упоминания об агенте встретится особая надобность».

Это было большим просчетом авторов «Положения» и привело к тому, что при вскрытии переписки директора Департамента с пометкой «лично» (что практиковалось в некоторых отделениях) имена части секретных сотрудников становились известны работникам канцелярий. Это нередко способствовало «раскрытию» секретной агентуры и даже ее провалом. Примером могут служить сведения, обнародованные бывшими сотрудниками Московского и Варшавского охранных отделений М. Бакаем и Л. Меньшиковым.

В Инструкции 1907 года данный пункт был изложен в следующей редакции: «Никто, кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников. Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные

же чины учреждения, ведущего розыск, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего». В другом параграфе Инструкции (18) говорилось: «Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою “провал” обоих и даже убийство одного из них».

С этого времени руководители политического розыска при подписании документа вписывали от руки или впечатывали на своей машинке (в уже подготовленное сообщение) кличку секретного сотрудника или давали ее шифром. Однако нарушения были, в связи с чем уже несколько позднее вышел циркуляр за подписью вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова, в котором напоминалось: «Многие розыскные органы, представляя в Департамент полиции данные о действительном имени, отчестве, фамилии, звании секретных сотрудников, обозначают таковые обыкновенным способом на пишущей машинке, вследствие чего эти сведения становятся известными всем служащим канцелярии названных органов. Находя означенный способ сообщения упомянутых сведений хотя бы и в Департамент полиции нарушением основных требований конспирации, Департамент полиции просит вас, Милостивый Государь, в будущем во всем случаях, когда упоминаются действительные сведения о личности секретного сотрудника, таковые обозначались бы лично шифром». И это было отнюдь не дежурное напоминание.

Если проследить переписку местных учреждений политического розыска с Департаментом полиции, то выясняется, что такую ошибку практически допускали только представители с окраин. Что касается столичных учреждений и, безусловно, самого Департамента полиции, то такого они себе не позволяли.

Инструкция о работе с внутренней агентурой, о которой речь шла выше, впервые была опубликована в 1941 году под грифом «Для служебного пользования» в книге «Заграничная агентура Департамента полиции» (М., 1941). В публикации не было ссылки на источник и предполагалось, что Инструкция была создана до 1911 года. Что касается авторства, то публикаторы писали: «Некоторые особенности дела, в котором она хранится, дают основание говорить, что в ее разработке принимал участие Рачковский...» В ходе работы над статьей «Царская охранка и провокация» автору этой статьи совместно с Ф. М. Лурье удалось установить точную дату документа — 1907 год.

Располагая черновиками по подготовке Инструкции и вышеназванных Положений, мы смогли также установить их авторов. Работа над документами велась под руководством директора Департамента полиции М. И. Трусевича. К рецензированию материалов был привлечен начальник Московского охранных отделений Е. К. Климович, который внес много поправок и дополнений. Одним из основных разработчиков был А. М. Еремин, прикомандированный в то время к Департаменту полиции.

Казалось бы, Инструкция и Положения в достаточной степени вводили представителей политического розыска в курс их работы. Однако жизнь подбрасывала новые и новые сюжеты и заставляла уточнять и дополнять некоторые положения, приводить их в соответствии с накапливавшимся

опытом. Основным инструментом, при помощи которого велась разъяснительная и руководящая работа Департамента, были циркуляры.

Для контроля за деятельностью руководителей политического розыска на местах по работе с секретной агентурой в 1907 году был издан циркуляр № 2567, в котором им предписывалось один раз в три месяца представлять заведующему Особым отделом Департамента сведения об агентуре. Теперь требовалось указывать только псевдоним агента, размер вознаграждения, время приступления к исполнению обязанностей, в какой организации состоит, какое положение занимает, с приложением копий дневников с агентурными сведениями. Впоследствии, когда пошла волна разоблачений секретных сотрудников, эти требования были несколько изменены. Департамент уже просил сообщить более краткие сведения, так как подробные сообщения, плюс диалог, описание встреч, — все это в случае потери донесения могло привести к разоблачению сотрудника.

В циркуляре Департамента полиции от 4 октября 1907 года давались весьма специфические указания относительно способов приобретения секретных сотрудников. «Пользуясь разногласиями и колебаниями в партийных организациях, начальники различных учреждений должны ныне же принять самые энергичные меры к приобретению новых сотрудников, стремиться заручиться содействием серьезных представителей, а не мелких кружковых деятелей, а вместе с тем использовать означенное переходное состояние в том смысле, чтобы продвинуть своих сотрудников ближе к центрам организаций».

О «правильном использовании» имеющейся агентуры писал в циркуляре 30 октября 1907 года № 136287 Курлов, указывая на недопустимость использования секретных сотрудников в качестве наблюдательных агентов, что частенько практиковалось особенно в провинциальных ГЖУ и охранных отделениях, и что могло привести к провалу сотрудника. В циркуляре говорилось, что «Департамент полиции просит... принять к точному и неуклонному руководству вышеуказанное соображение, имея постоянную заботу о сохранении на возможно более продолжительное время секретных сотрудников, приобретение которых всегда сопряжено с большими трудностями».

В циркуляре от 16 мая 1908 года за № 131395 называется круг лиц, из которого могут вербоваться сотрудники. «Лучшим» элементом для «вспомогательной агентуры» являются содержатели чайных и колониальных лавок: они отлично знают, что делается кругом на 20—30 верст, и, получая небольшое постоянное вознаграждение, могут быть очень полезны, особенно для установок. Вторым подходящим элементом будут крестьяне-лентяи, проводящие все время в чайных. Вообще содержание таких вспомогательных агентов обойдется недорого — 5—10 рублей в месяц, а пользу они могут принести, особенно в виде опорных пунктов для командированных филеров... Могут быть полезны волостные и сельские писаря, но содержание их обойдется дороже, да и население относится к ним не с полным доверием и много от них скрывает.

Несмотря на все принимавшиеся меры, материалы Департамента полиции свидетельствуют о серьезнейших трудностях с приобретением секретных сотрудников. Это подтверждают, в частности, периодически проводившиеся Департаментом полиции ревизии охранных отделений и ГЖУ.

Так, в отчете о ревизиях ряда губерний в 1907—1908 году его автор ротмистр Васильев писал об инертности руководителей политического

розыска, их неумелости, желании вести спокойную жизнь. В отчете по проверке агентуры в Вологодской губернии говорилось: «Как оказалось, никакой секретной агентуры ни у начальника местного ГЖУ, ни у местной полиции совершенно не имеется. Полковник Ламзин объяснил, что, приняв управление около года тому назад, он не получил от предшественника своего ни одного секретного сотрудника». Автор говорит о том, что в губернии 2000 высланных, 500 человек — в Вологде, но колония ссыльных «весьма сплоченная, строго законспирированная и заагентурить кого-либо просто невозможно».

Подобное повторялось и при последующих проверках и ревизиях, и эта ситуация потребовала от Департамента новой серии циркуляров. В одном из них говорится: «...бывали случаи, что господа жандармские офицеры не могли представить сведения о количестве имеющихся в распоряжении их (секретных. — З. П.) сотрудников, кличек и положении последних в партии. В виду сего Департамент полиции считает себя вынужденным обратить внимание... на подобное печальное явление и рекомендовать на будущее время иметь свидания со всеми сотрудниками...»

Особенно избегали работы с секретной агентурой в ЖПУ железных дорог. Некоторые из них так и не смогли привыкнуть к обязанности иметь секретную агентуру. В циркуляре, подписанном товарищем министра внутренних дел Курловым, в связи с этим констатировалось: «Опыт показал, что гг. начальники отделений сначала относились к новому для них делу, в сущности составляющему главнейшую их обязанность, чисто формально, стараясь держать одного-двух сотрудников “для вида”, а затем постепенно дошло до того, что в настоящее время агентура, не только партийная, но и вспомогательная, у начальников отделений — явление исключительное».

Курлов вновь требовал от начальников ЖПУ железной дороги приобретения агентуры «под личную ответственность». При этом Департамент полиции не гнушается прямыми угрозами в адрес недостаточно активных чинов. Так, в циркуляре от 16 июня 1912 года за подписью директора Департамента полиции С. П. Белецкого и заведующего Особым отделом А. М. Еремина указывалось: «...если в каких-либо жандармских отделениях вовсе не будет... агентуры или агентура эта окажется недостаточно удовлетворительной, то Департамент полиции будет входить к министру внутренних дел с докладами о несоответствии таких начальников отделений с занимаемыми должностями».

Следует отметить, что в отличие от губернского жандармского управления в районных охранных отделениях подобное «небрежение» было скорее исключением, а не правилом. Однако число секретных сотрудников распределялось очень неравномерно и зависело, в основном, от усердия руководства и от политической ситуации в регионе.

Наибольшее число секретных сотрудников было в Московском охранном отделении, слабее дело было поставлено в Петербурге. Московская агентура также отличалась солидным стажем работы, она давала серьезную информацию, Департамент полиции буквально «выезжал» на сведениях из Москвы.

Со временем характер циркуляров по поводу приобретения и использования секретных сотрудников меняется, и они становятся более целенаправленными. Настаивая на активизации работы с ними, Департамент полиции требовал установить наблюдение за теми или иными конкретными

партийными организациями, определенными лицами, предстоящими съездами, конференциями, их делегатами.

Серия разоблачений секретных сотрудников, проведенная в 1908—1909 годах В. Л. Бурцевым, поставила органы политического розыска в довольно сложное положение: многие секретные сотрудники, боясь раскрытия, стали менее активны, некоторые на время уходили от работы, обвиняя своих руководителей в плохом хранении тайн сотрудничества.

Ярким документом, характеризующим положение с розыском, в этот период явился циркуляр Департамента от 5 февраля 1909 года за № 123244, в котором указывалось: «Последовавшим благодаря известным условиям разоблачения услуг, оказанных делу розыска инженеров Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников. Ввиду сего Департамент считает необходимым прежде всего разъяснить, что правильно поставленная внутренняя агентура является одним из самых сильных средств борьбы с революционными выступлениями и предприятиями, а потому дальнейшее ее сохранение и развитие представляется необходимым. В случаях же замеченных колебаний в сотрудниках ввиду раскрытия роли Азефа надлежит указать сомневающимся сотрудникам, что розыскные органы сумели сохранить втайне работу Азефа в течение 16 лет, и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства, и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников...»

В целях сохранения агентуры в циркуляре напоминалось о необходимости строго внушить сотрудникам недопустимость проявления или инициативы в революционных предприятиях и о вовлечении ими в таковые своих единомышленников (имелась в виду тактика провокации).

Вопрос о «провокациях», о провокационной деятельности секретной агентуры настолько сложен, что требует специальных изысканий. Здесь же можно лишь сказать, что позиция Департамента полиции и министерства внутренних дел по этому вопросу не оставалась неизменной. Не было и единства взглядов по отношению к провокационному внутри Департамента и министерства внутренних дел. (Эти разногласия существенно влияли на постановку всей розыскной работы Департамента, что, в частности, признавалось, в свидетельских показаниях деятелей ДП на допросах в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК).

Одновременно Департаментом издается ряд циркуляров, напутствующих руководителей политического розыска на устройство судьбы разоблаченных сотрудников, на характер отношений с ними. Содержит просьба не направлять расконспирированного сотрудника в Департамент, а попытаться устроить его в другое ГЖУ или охранное отделение, а в случае тяжелого положения постараться, исходя из его заслуг, содержать несколько месяцев.

Для повышения эффективности розыскной работы Департамент полиции предпринимает ряд мер по укреплению кадрового состава ведущих сотрудников как в самом Департаменте полиции, так и в учреждениях, подотчетных ему. Все чаще начальниками охранных и районных охранных отделений, розыскных пунктов назначаются молодые, только что окончившие жандармские курсы офицеры, «рвущиеся в бой». Именно они выступали в качестве главной ударной силы в борьбе с революционными организациями после отката революции 1905—1907 года. «Обска-

кав» генералов-руководителей ГЖУ по премиям и наградам, они в то же время стали основной мишенью для покушений со стороны террористов.

В 1910 году по инициативе Еремина в Особом отделе создается секретная агентурная часть, которая призвана была специально заниматься работой с секретной агентурой. Еремин пытается выяснить пути поступления к В. Л. Бурцеву информации о секретных сотрудниках. Но Бурцев был достаточно конспиративен. 28 февраля 1910 года Департамент полиции рассылает начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и жандармско-полицейских управлений железных дорог циркуляр: «В Департамент полиции поступают указания, что в основанную эмигрантом Бурцевым “Следственную Комиссию” все чаще и чаще доставляются сведения о состоящих у разных розыскных органов секретных сотрудниках, причем в распоряжении этой Комиссии пересылаются подлинники или копии с документов сотрудников. Сообщая об изложенном и находя, что подобное явление дезорганизует дело политического розыска и подвергает жизнь многих секретных сотрудников опасности со стороны революционеров, Департамент полиции просит сосредоточить все внимание на служащих во вверенном Вам розыскном пункте с целью выяснения лиц, передающих документы». Однако перехитрить Бурцева Департаменту полиции так и не удалось.

С приходом Еремина розыскная деятельность Департамента, по крайней мере на уровне самого Департамента, резко активизировалась.

Помимо засылки секретных сотрудников местные жандармы начинают применять метод дискредитации наиболее сильных и активных деятелей, распуская о них ложные слухи и выводя из игры ценные партийные кадры. Одним из тех, кто оказался жертвой такого рода тактики, явился видный функционер РСДРП В. И. Орловский. Даже спустя несколько лет после того, как он был заподозрен в связи с охранкой и был выслан в Иркутскую губернию, один из ссыльных — социал-демократ, бывший член Государственной думы А. В. Калинин писал члену Государственной думы большевику Шагову: «Пусто, холодно кругом, нечем заполнить пустоты душевной. Ссылка измучила, местами даже загрызнулась. Нервозность на почве безработицы и недоедания повышена до невероятности. Кроме этого, политическая ссылка кроет в себе массу лиц или имеющих, или имевших соприкосновение с охранным отделением. С месяц тому назад, например, наша Тулуновская ссылка открыла еще одного ссыльного провокатора, некоего Орловского, работавшего в революционных организациях под кличкой «Никифора» и провалившего целый ряд организаций». На основании изучения материалов Департамента полиции, Московского охранного отделения автору удалось доказать, что все обвинения против Орловского не имели под собой никаких оснований. К сожалению, дальнейшая судьба Орловского после ссылки мне неизвестна.

Подобный же случай произошел на Кавказе, когда, оберегая своего сотрудника, местная полиция делала все, чтобы избежать его провала. В результате подозрение пало не на настоящего секретного сотрудника, а на находившегося с ним в дружеских отношениях Виссариона Мгеладзе. Жизнь последнего находилась в опасности, так как товарищам по организации было вынесено решение его устранить. Только по счастливой случайности вскоре выяснилось, что подозрение это не имело под собой никаких оснований.

Интересен случай с секретным сотрудником заграничной агентуры Л. М. Эваленко (Еваленко). «Американский Азеф» — так окрестили его

журналисты. Долгие годы проживая в Америке, он имел тесную связь с политическим розыском России, освещая приезд русских революционеров в Америку, деятельность российской революционной эмиграции. Для утверждения своего положения он предпринял (не без участия Департамента полиции) переиздание в Нью-Йорке на русском языке «Капитала» К. Маркса. Исследовательница этого вопроса А. В. Уроева в своей книге пишет: «Это издание представляло собой точную копию издания Полякова за исключением мелких типографских деталей. Титульный лист книги воспроизведен точно, сохранена и дата издания — 1872 год. Перепечатка была сделана в тот период, когда издание 1872 года стало уже библиографической редкостью... Однако из всего тиража было распространено лишь незначительное количество экземпляров, вероятно несколько десятков». Несмотря на эту маскировку, Эваленко все же через несколько лет был разоблачен как секретный сотрудник.

Руководствуясь инструкциями и циркулярами Департамента полиции, власти на местах порой также издавали свои циркуляры и разработки по политическому розыску. Так, начальник Московского охранного отделения М. Ф. фон Коттен издал целый ряд циркуляров, которые развивали отдельные положения инструкции и циркуляров Департамента полиции. В одном из них, в частности, настоятельно указывалось на необходимость приобретения вспомогательных секретных сотрудников. В циркуляре от 17 мая 1908 года подчеркивалось, что в отличии от основных секретных сотрудников, вспомогательные сотрудники должны «приискиваться из благонадежной части населения»...

Его преемник на этом посту П. П. Заварзин пошел значительно дальше и стал инициатором подготовки и издания инструкции Московского охранного отделения по организации и ведению внутренней агентуры. Инструкция была составлена с использованием основных положений департаментской инструкции 1907 года. Но в отличии от нее Московская инструкция давала больше конкретных советов для работы и общения с секретными сотрудниками, направлению их деятельности. Она состояла из пяти разделов.

В марте 1911 года инструкция оказалась в руках министерства внутренних дел, затем была передана заведующему Особым отделом Департамента полиции Еремину. Инициатива не была одобрена. Резолюция Еремина гласила: «Доложено 14 марта. [Господин] Директор приказал уведомить полковника Заварзина, что до сведения Его превосходительства дошло, что им издана литографированная путем инструкцией по организации и ведению внутренней агентуры, представляющая из себя с незначительной [перепарафразировкой] копию изданной [Департаментом] [полиции] в 1907 г. инструкции по организации и ведению внутреннего [агентурного] наблюдения, с которой при рассылке было воспрещено снимать копии и которая была послана лишь начальникам РОО для личного руководства при разъяснении оснований ведения внутренней агентуры. Ввиду этого [Департамент] [полиции] предлагает представить объяснения, на каком основании полковник Заварзин позволил себе без ведома и разрешения ДП составлять и распространять означенную инструкцию и [составить] подробный отчет о том, сколько экземпляров ее было отпечатано и кому именно разослано».

Как мне представляется, создание инструкции было ответом на возникшие в ходе работы вопросы, требовавшие разъяснения, и составлена она была профессионально. Однако Еремина как службиста и человека военного возмутила «самодеятельность» подчиненного. Сыграло роль,

видимо, и то, что он опасался рассекречивания такого рода документации в случае, если бы эта практика получила распространение.

Следует отметить, что все попытки Департамента полиции добиться в 1907—1910 годах укрепления секретной агентурной сети путем более щедрого финансирования и повышения требовательности к руководителям розыска сыграли определенную роль только на короткий период.

Ревизия розыскных органов, проведенная в октябре 1911 года под руководством вице-директора Департамента С. Е. Виссарионова, констатировала «упадок агентуры». Составленный им доклад так и назывался «Об упадке агентуры и о способах к поднятию политического сыска». 29 октября 1911 года доклад был направлен товарищу министра внутренних дел. В докладе Виссарионов указывал, что розыскная работа переживает кризис и выдвигал целый ряд причин, которые тормозят ее развитие. Автор детально останавливался на кадровом составе работников, как на местах, так и в центре. Причем, одной из причин «упадка» он считал «переживаемый политический момент», когда разоблачения агентуры, а также деятельность бывших служащих Департамента и охранных отделений — Меньщикова, Бакая, Гагмана «нанесли непоправимый вред», возбудили в «наличных сотрудниках недоверие к розыскным органам, неуверенность в тех лицах, которым оказывали услуги».

Но и сам Департамент полиции не всегда был на высоте, ставя порой в сложные условия своих подопечных — начальников РОО и ГЖУ.

Стремясь держать в поле зрения деятельность активных партийных центров и используя для этой цели секретную агентуру, Департамент идет на нарушение им же созданных инструкций, подталкивает своих секретных сотрудников на активное участие в революционной деятельности. Примеры тому — Малиновский, Романов, Бряндинский, которым вследствие этого удалось приблизиться к «партийным верхам».

О «вольном» отношении собственного предписания свидетельствует и то, что при создании в 1907 году РОО и новых охранных отделений все инструкции были посланы только руководителям этих структур. В то же время часть начальников ГЖУ в тех районах, где не было розыскных пунктов, продолжала заниматься розыскной деятельностью, не имея в руках основных руководящих документов, получая порой от Департамента полиции лишь циркуляры в развитие незнакомой им инструкции.

Хотя вопрос о состоянии политического розыска был основным в работе Департамента полиции, реакция министерства на доклад Виссарионова была неспешной. Только в конце ноября-декабря 1912 года в Петербурге состоялся съезд руководителей политического розыска. На этом совещании рассматривалось много вопросов, в очередной раз осуждались провокационные приемы, применяемые в розыске. Основное внимание было уделено пересмотру приемов розыска. Было высказано много нареканий на несоответствие ряда утвердившихся приемов изменившимся «формам проявления революционного движения». В связи со всем этим было принято решение усовершенствовать имеющиеся инструкции, пересмотреть все циркуляры, издававшиеся Департаментом полиции с 1881 года и действовавшие до сих пор. По подсчетам Департамента полиции их было не менее 250.

Под руководством вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова создается группа по рассмотрению накопившихся вопросов в целях переработки и совершенствования указанных нормативных документов. Однако приход к руководству всей системы политического розыска в



январе 1913 года В. Ф. Джунковского, занявшего пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, привел к фактической приостановке работы Комиссии. Исходя из своих представлений об этике розыскной работы, В. Ф. Джунковский настоял на ликвидации секретной агентуры в средних учебных заведениях и в армии. Другие полицейские чины считали, что этим был нанесен удар по делу политического розыска. Как отчаялось выше, им же был поставлен вопрос об упразднении охранных и районных охранных отделений.

В связи с этим реорганизациями всем ГЖУ возвращались целиком их функции по политическому розыску. Поэтому встал вопрос о пересмотре введенных в действие в 1907 году Положений о районных охранных отделениях и об охранных отделениях и действующей инструкции по работе с секретной агентурой.

Очевидно, наиболее подходящей кандидатурой для составления пересмотра инструкций был бы Еремин, но его осложнившиеся отношения с директором Департамента С. П. Белецким привели к переходу Еремина в июне 1913 года на должность заведующего жандармским управлением в Финляндии. Новый заведующий Особым отделом М. Е. Броецкий пишет директору: «...эту ответственную работу, в интересах всесторонней и широкой разработки столь необходимого руководящего материала представлялось бы необходимым поручить одному из гг. жандармских офицеров, основательно практически знакомому с постановкой розыска на местах и обладающему положительными теоретическими знаниями о строении и деятельности современных революционных партий и организаций...» Кроме систематизации имеющегося материала надо было разработать новое Положение об оставшихся районных охранных отделениях, их отношениях с Департаментом полиции, ГЖУ и розыскными пунктами.

В конце концов эта работа была поручена подполковнику В. Э. Энгбрехту, состоявшему в резерве при Петроградском ГЖУ. В декабре 1914 года данная работа была им закончена и представлена в Департамент полиции. Это был довольно большой материал, состоящий из трех инструкций, указателей, списка циркуляров, предлагавшихся к отмене. Самыми важными документами были следующие инструкции:

«Инструкция Департамента полиции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»; «Инструкция Департамента полиции по организации и ведению наружного наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях»; «Свод правил на ведение политического розыска и отчетности по розыску в жандармских и розыскных учреждениях».

Материал был дан под общим заголовком «Наказ по ведению политического сыска».

Вся представленная документация была послана на заключение полковнику П. К. Попову, который в это время переходил с должности начальника Петербургского охранного отделения на должность штаб-офицера для поручений при министре внутренних дел.

Приходится констатировать, что судьба этих документов до сих пор остается неясной. Подполковник Энгбрехт, назначенный на новую должность, к этой работе больше не вернулся, не удалось разыскать заключение Попова. На требование вернуть материалы в Департамент в телефонном разговоре со служащим Департамента в январе 1915 года Попов ответил, что документы возвращены директору ДП. В ГАРФе имеются

черновики работы Энгбрехта, а также неполная машинописная копия той части «Наказа», выполненная в 1952 году, которая озаглавлена «Инструкция Департамента полиции по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях».

Возможно, что инструкция была разослана для обсуждения и не была утверждена. Вполне возможно также, что инициативу по созданию документа перехватил П. К. Попов, считавший себя (да так считал и не он один) крупным специалистом в деле политического розыска. Практически весь подготовленный Энгбрехтом материал перешел к нему. В сентябре 1916 года министерство внутренних дел, исходя из необходимости «вести во всех розыскных органах министерства внутренних дел единообразные приемы розыскной работы и отчетности по розыску», поручило Попову подготовить соответствующий проект «Наказа». Наказ был подготовлен, он состоял из 15 глав, называвшихся отделами, которые, в свою очередь, делились на разделы и параграфы. Вместе с таблицами и формами отчетности «Наказ» содержал 268 страниц машинописного текста и касался всех нюансов работы политической полиции, отдельная глава была посвящена организации работы с секретной агентурой.

Бросается в глаза, что в сравнении с предыдущими инструкциями в «Наказе» Попова существенно расширяется круг организаций и лиц, подлежащих наблюдению. Кроме участников революционного движения упоминаются воинские части, сельская администрация, железнодорожные и почтовые служащие, просветительские общества, учащиеся средних и высших учебных заведений, мasons, сектанты и т. д. Пожалуй, самой важной частью «Наказа» был Отдел VI — «Организация и ведение внутреннего наблюдения». В общей части раздела давалась характеристика различных категорий секретной агентуры: секретные сотрудники, вспомогательные агенты, осведомители, шпунчики, розыскные агенты (цензурщики, установщики, справщики). Здесь же говорилось о приобретении агентуры и о ее видах — сельская, ученическая, железнодорожная, воздухоплавательная и т. д. Совершенно новыми главами документа были VIII — «Охрана лиц от покушений» и IX — «Работа розыскных учреждений по делам военного шпионажа».

28 ноября 1916 года проект «Наказа» был представлен товарищу министра внутренних дел. В конце представленного материала Попов давал список использованных им источников. Наряду с документами 1907 года были упомянуты материалы совещания 1912 года, циркуляры последних лет. Одновременно Попов упоминает «Свод правил по политическому розыску», составленный в Департаменте полиции в 1913 году. Очевидно, Попов имеет в виду материалы, представленные в свое время Энгбрехтом. То ли умышленно, то ли по незнанию он упоминает 1913, а не 1914 год. Эта оговорка, как кажется, лишний раз доказывает, что материалы Энгбрехта не имели распространения и едва ли были использованы в розыскной работе.

Вопрос о судьбе инструкций 1914 и 1916 годов, составленных Энгбрехтом и Поповым, не так прост, как может показаться. В свое время П. Е. Щеголев, возглавлявший Комиссию по разбору дел Департамента полиции, после Февраля 1917 года досконально просмотрел материалы Департамента по политическому сыску и опубликовал целый ряд работ по этим материалам. Он пришел к следующему заключению: «Все руководящие указания Департамента полиции по производству розыска и дознаний были собраны генерал-майором Отдельного корпуса жандармов Петром Ксенофонтовичем Поповым и подготовлены им к печати. К сожалению,

для исследователей истории политического розыска этот труд Попова не дошел до нас ни в одном экземпляре».

Мне удалось найти тезисы «Наказа» Попова, подписанные им самим, и полный экземпляр «Наказа». В настоящее время этот материал стал доступен исследователям.

Подводя итог сказанному о деятельности Департамента полиции по организации работы с секретной агентурой, следует констатировать, что политический розыск не развивался по восходящей линии: подъемы чередовались спадами. И решающими факторами здесь являлись изменения в кадровом составе работников и политическая обстановка в стране и отдельных регионах.

Этот вывод подтверждается запиской последнего заведующего Особым отделом Департамента полиции И. П. Васильева. Арестованный в мартовские дни 1917 года Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, он представил 21 марта в ЧСК записку, озаглавленную «О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей». Давая общую оценку деятельности Департамента полиции, Васильев писал: «Быть может, здесь уместно будет сказать, что дело политического розыска после революции 1906—1907 годов пришло в значительный упадок... Исключение составляет время заведывания Департаментом Трусевичем и Курловым... Окончательно розыск захирел, — продолжает Васильев, — благодаря отмене при генерале Джунковском агентуры в войсках, но с подъемом общественного движения в 1915—1917 годах... розыск «оживился» вследствие того, что движение происходило не при прежней конспиративной обстановке, вышло из подполья, каковое обстоятельство дало возможность даже мелкой агентуре быть в курсе течения событий».

Несмотря на предвзятый характер некоторых оценок, содержащихся в записке, в целом его выводы достаточно адекватны.

## ПРИМЕЧАНИЯ

### *М. Кром. Зарождение политического розыска в России (конец XV — первая половина XVI века)*

<sup>1</sup> Московия находилась в тот момент в состоянии войны с Литвой. Смоленск тогда (вплоть до 1514 года) входил в состав Великого княжества Литовского.

<sup>2</sup> Казимир IV Ягеллон — великий князь Литовский (1440—1492) и польский король (с 1447 года). Ему наследовал на литовском престоле сын Александр (1492—1506).

<sup>3</sup> Полностью челобитная Ивана Яганова приведена ниже в документальном Приложении (см. с. 566—567).

<sup>4</sup> Эта запись дает лишь основание предположить, что Яков Дмитриев был арестован в Смоленске (вместе с некоторыми тамошними жителями) и доставлен в Москву.

<sup>5</sup> Уже в январе 1526 года, спустя два месяца после пострижения Соломонии, Василий III женился второй раз: его избранницей стала княжна Елена Васильевна Глинская.

<sup>6</sup> Можно предполагать, что в данном случае вина И. Ф. Бельского заключалась в провале похода на Казань в 1524 году, за который он как один из главных воевод нес ответственность.

<sup>7</sup> Князья В. И. Шемячич и В. С. Стародубский приходились друг другу четвероюродными братьями.

<sup>8</sup> Князь М. Л. Глинский — дядя матери Ивана IV, Елены Глинской, и один из его опекунов в 1533—1534 годы.

### *А. Павлов. Политический розыск на Руси во второй половине XVI века*

<sup>1</sup> Флоря Б. Н. Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 302—306.

<sup>2</sup> Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 10—18.

<sup>3</sup> Утвержденная грамота об избрании на царство Бориса Годунова // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 16—54.

<sup>4</sup> Вопрос о существовании особого правительства «Избранной Рады» является спорным в исторической науке (см.: Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и Избранная Рада).

<sup>5</sup> Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999 (Серия «Жизнь замечательных людей»). С. 71.

<sup>6</sup> Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.

<sup>7</sup> Акты исторические, сборные и изданные Археографической экспедицией. СПб., 1841. Т. I. С. 334—335; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 151.

<sup>8</sup> Веселовский С. Б. Исследования по истории Oprичнины. М., 1963. С. 124.

<sup>9</sup> Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XIII. С. 394—395.

<sup>10</sup> Кобрин В. Б. Состав oprичного двора Ивана Грозного // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 16—91.

<sup>11</sup> Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 179.

<sup>12</sup> См.: Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 238—265.

<sup>13</sup> См.: Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 102—105; ср.: Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1969. С. 80—83.

<sup>14</sup> Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. I. С. 257—258.

<sup>15</sup> Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 60.

<sup>16</sup> Рокош — бунт, смута.

<sup>17</sup> Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI века из собрания С. О. Долгова // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 199.

<sup>18</sup> Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 246.

<sup>19</sup> Платонов С. Ф. Борис Годунов // Академик С. Ф. Платонов. Сочинения по русской истории. СПб., 1994. Т. 2. С. 174—176.

<sup>20</sup> Клейн В. К. Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия. М., 1913.

<sup>21</sup> Платонов С. Ф. Борис Годунов. С. 172—182; Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVI в. М., 1963. С. 218—245; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 67—84.

<sup>22</sup> Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 153—182.

<sup>23</sup> См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Археографическая экспедиция Имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 2. С. 16—54.

*Е. Анисимов. Политический розыск и тайная полиция в XVIII веке*

<sup>1</sup> «Гари» — здесь: самосожжения староверов.

<sup>2</sup> Гонтяны — шнурки от нательных крестов.

### *3. Перегудова. Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880—1917)*

<sup>1</sup> Делопроизводство было создано в 1902 году на базе 4-го делопроизводства, которое было ликвидировано. Все его функции перешли к новому подразделению. На эту структуру были возложены функции контроля (наблюдения) за производящимися при ГЖУ формальными дознаниями. Кроме того, это делопроизводство составляло справки для следственных органов на лиц, ранее привлекавшихся к политическим делам: позднее переписку по тюремному ведомству, готовит розыскные циркуляры. В этой структуре отложились очень интересные документы, связанные с политическими процессами, происходившими по всей России. Широка география революционных выступлений: Барнаул, Красноярск, Кострома, Курск, Москва, Нижний Новгород и т. д.

<sup>2</sup> См. в сборнике весьма характерные признания подобного рода в мемуарах жандарма А. Полякова с. 482—543. (*Примеч. ред.*)

<sup>3</sup> См.: Бжезинский В. Л., Тарасов В. В. Из истории революционного движения на крейсере «Аскольд» // Судостроение. 1976. № 11. С. 49—51; Заславский Д. Темное дело // Былое. 1923. № 22. С. 185—204; Кетлинская В. К. Вечер. Окна. Люди // Новый мир. 1972. № 5; Лукашевич С. П. Политический сыск и провокаторы в царском флоте // Красный флот. 1922. № 3—4. С. 138—146; Он же. Провокационный взрыв на крейсере «Аскольд» в Тулоне (Франция) в 1916 году // Красный флот. 1923. № 1—2. С. 117—128.

*В. Измозик. «Черные кабинеты» в России (XVIII — начало XX веков)*

<sup>1</sup> См.: Измозик В. С. Российские чиновники «Черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в начале XIX—XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб.: Д. Буланин, 1998. С. 218—226.

### *А. Фомушкин. Страницы истории филерской службы политической полиции (1880—1917 годы)*

<sup>1</sup> По всей вероятности, самый циркуляр был результатом следующего распоряжения М. И. Трусевича, директора Департамента, от 6 июня 1906 года: «Надо немедленно заняться организацией курсов для филеров и полицейских надзирателей. По этому предмету обсудить следующие вопросы:

1) Где удобнее устроить курсы: СПб или Москве? 2) Нельзя ли привлечь к инструктированию Медникова и других старых опытных работников, устаревших для несения активной службы, вроде Сачкова, Продеуса и др.? 3) Каким образом организовать обучение филеров и полицейских надзирателей сыскному делу, чтобы они не оставались узкими рутинерами? 4) Наметить программу занятий: 5) Как установить вознаграждение тем, кто поступает на курсы? — Поручая это подп. Беклемишеву и В. И. Лебелеву, которых прошу выяснять путем подлежащих сношений, тех лиц, которые могут быть привлечены в качестве инструкторов».

## РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

*Федор Севастьянов*

### **АЛЕКСАНДР ХРИСТОФОРОВИЧ БЕНКЕНДОРФ**

Пожалуй, что по степени мифологизированности личность знаменитого Николаевского шефа жандармов и начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Х. Бенкендорфа может сравниться лишь с деятелями, возглавлявшими органы государственной безопасности советского времени. Тому немало причин. Для историков 20-х — 30-х годов XX века, по сути дела открывших для нас тему истории декабристов и революционного движения, Бенкендорф был основателем системы царского политического розыска, столь успешно осуществлявшего борьбу с этим самым движением на протяжении десятилетий. Поэтому-то генералом в голубом мундире, преследовавшим Пушкина, пугали детей на школьных уроках литературы. Чуть позже фигуру творца совершенной системы политического розыска, советские диссиденты избрали для производства недвусмысленных аналогий и прозрачных намеков. Историческая реальность, равно как и личные качества шефа жандармов стояли для них на последнем месте: Бенкендорф был для них всего лишь символом ненавидимой ими современной политической полиции. Здесь, естественно, не обходилось без перегибов. Кинорежиссер Э. Рязанов рассказывал, что первый вариант сценария его фильма «О бедном гусаре замолвите слово» подвергся критике за «очернение III Отделения». Именно после этого жандармский офицер Мерзляев «превратился» в статского чиновника.

Этот презентизм — желание мерить людей и события прошлого на наш современный аршин — не прошел даром: по пальцам можно перечестать авторов, которые за 150 лет, прошедших со дня смерти А. Х. Бенкендорфа, пытались не то чтобы более или менее объективно подвести итог его жизни и деятельности, но хотя бы давали себе труд объяснить его действия. Все получилось по закономерности, открытой известным французским историком М. Блоком, писавшим, что «к несчастью, привычка судить отбивает охоту объяснять. Когда отблески страстей прошлого смешиваются с пристрастиями настоящего, реальная человеческая жизнь превращается в черно-белую картину».

А между тем судьба генерала А. Х. Бенкендорфа таит в себе немало занимательного, а для человека, находящегося во власти изложенных историографических штампов, и загадочного. Частенько автору этих строк приходилось замечать удивление увидевших портрет начальника III Отделения в галерее героев 1812 года Зимнего дворца. И в самом деле, как же боевой

генерал, известный в русской армии своим бесстрашием, превратился в жандарма? Ведь полицейская служба вообще считалась в то время среди офицерства службой «второго сорта». Почему близкий в послевоенное время к декабристским кругам, друживший с некоторыми из главных героев событий 14 декабря он не встал с ними бок о бок на Сенатской площади? Для того чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к истории жизни генерал-адъютанта, графа Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Он родился в 1783 году в семье, по замечанию одного из его биографов, «довольно обыкновенного генерала времен Павла I». Родители обеспечили сыну весьма противоречивые стартовые условия для начала карьеры. С одной стороны — отец генерал, с другой — мать, приехавшая в Россию из Вюртемберга вместе с императрицей Марией Федоровной, пользовавшаяся ее расположением, и потому ненавидимая ее августейшим супругом. Образование А. Х. Бенкендорф получил в иезуитском пансионе аббата Николя, где в то время воспитывались многие отпрыски знатнейших родов, а четырнадцати лет от роду вступил унтер-офицером в лейб-гвардии Семеновский полк. Начало вне всякого сомнения удачно: шефом полка был цесаревич Александр Павлович, будущий Александр I. Менее чем через год службы — 31 декабря 1798 года он был произведен в прапорщики и назначен флигель-адъютантом.

С началом Александровского царствования для Бенкендорфа началась боевая армейская служба. В 1803 году он был командирован в Грузию, в отряд князя Цицианова, где принимал участие во многих боевых операциях, например, — во взятии Гянджи. Кавказ был тогда блестящей школой войны для многих русских офицеров. Не стал исключением и А. Х. Бенкендорф, получивший примерно за год тамошней службы два ордена св. Анны и св. Владимира 4-й степени. Отлично зарекомендовавший себя молодой офицер был в 1804 году послан на остров Корфу с заданием, которое могло бы стать сюжетом для исторического авантюрного романа. Ему надлежало организовать из местных жителей воинское формирование для борьбы с французами. Задача была выполнена, и легион численностью около 1000 человек создан. Таким образом, пребывание на Корфу показало не только личную храбрость и бесстрашие, но и блестящие организаторские способности нашего героя.

С вступлением России в войны антинаполеоновской коалиции, Бенкендорф — в Европе. Он участвует в кампаниях 1806—1807 годов и за сражение при Прейсиш-Эйлау получает орден св. Анны 2-й степени и чин капитана, а спустя две недели становится полковником. После Тильзитского мира попроще будущего шефа жандармов изменяется: в составе русского посольства графа П. А. Толстого он отправляется в Париж. Участие в этом посольстве, видимо, сыграло большую роль в формировании столь хорошо известного интереса А. Х. Бенкендорфа к устройству «высшей полиции», то есть — органов государственной безопасности. С. Г. Волконский вспоминал: «Бенкендорф вернулся из Парижа при посольстве и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какую пользу оказывала жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленных, введение этой отрасли соглядатаев может быть полезно и царю, и отечеству, приготовил проект о составлении этого управления и пригласил нас, многих своих товарищей, вступать в эту когорту, как он называл, добромыслящих, и меня в их числе; проект был представлен, но не утвержден».

В самом деле: организация полиции наполеоновской Франции считалась в тогдашней Европе едва ли не образцовой. Ее создатель — министр полиции Ж. Фуше, несмотря на свою природную склонность к интриганству, был незаменим для Наполеона, и остался незаменим и для Бурбонов после реставрации! Его русский коллега А. Д. Балашов, с благословения Александра I, готов был в то время заплатить «любые деньги» тому агенту, который доставит рукопись, достаточно подробно объясняющую механизм действия французской высшей полиции.

Уже в 1809 году Бенкендорф на турецком театре военных действий. Затяжная война с турками началась еще в 1806 году и была настоящей головной болью для русского правительства в преддверии решающего столкновения с Наполеоном. И на этом фронте он показал себя достойно. За умелое руководство контрактакой легкой кавалерии под Руцукком он был пожалован орденом св. Георгия 4-й степени. С началом же Отечественной войны бесстрашная натура Бенкендорфа развернулась во всю. Один из его биографов тонко подметил, что если человек во время отступления командует арьергардом, а во время наступления авангардом, это не может не внушать уважения. Именно так и выглядит послужной список А. Х. Бенкендорфа времен наполеоновского нашествия. С началом военных действий он командовал авангардом войск генерала Винценгероде и за сражение при Велиже (27 июля 1812 года) был произведен в генерал-майоры.

Новоиспеченному генералу было дано задание, требовавшее отчаянной смелости, — с восьмьюдесятью казаками предпринять рейд и установить сообщение с корпусом графа Витгенштейна, прикрывавшим петербургское направление. Поставленная задача не просто была выполнена. Отряд Бенкендорфа взял в плен свыше пятисот французов! Напомним читателю, что речь идет не об осени 1812 года, когда взять в плен целый полк голодных и замерзших солдат «Великой армии» не составляло большого труда. Пятьсот наполеоновских солдат, захваченных во время рейда, были вполне боеспособны и пришли в Россию не сдаваться, а побеждать.

С началом отступления А. Х. Бенкендорф, по какому-то одному ему ведомому правилу — всегда быть, в гуще боевых событий, принимает командование арьергардом. Здесь он также показывает себя весьма достойно. Так, в операции под Волоколамском им было пленено 8 тысяч французов! После занятия оставленной Наполеоном Москвы нашими войсками Бенкендорф назначается ее комендантом, а при преследовании отступающего неприятеля он находится в отряде известнейшего полководца первой половины XIX века П. В. Голенищева-Кутузова, славные действия которого в этот период хорошо известны и неоднократно описывались в литературе.

В 1813 году во время заграничных походов, генерал Бенкендорф во главе отдельного летучего отряда действовал между Берлином и Франкфуртом-на-Одере, за что получил орден св. Георгия 3-й степени. Вообще же заграничная кампания принесла ему, кроме нескольких иностранных наград, ордена св. Анны 1-й степени (чуть позже ему были пожалованы алмазные знаки этого ордена), св. Владимира 2-й степени и золотую шпагу с бриллиантами. Описание предшествовавшего боевого пути нашего героя не должно оставить у читателя сомнения в их заслуженности.

9 апреля 1816 года А. Х. Бенкендорф был назначен командиром драгунской дивизии, а в 1819 году — начальником штаба гвардейского корпуса (на этом посту вскоре он был пожалован в генерал-адъютанты). А 20 сентября 1821 года он получил чин генерал-лейтенанта и, спустя несколько

месяцев, назначен командиром 1-й кирасирской дивизии. Вполне типично-удачная послевоенная карьера. Но уже на посту начальника гвардейского штаба заслуженный боевой генерал начал активно проявлять шокировавший многих его товарищей интерес к тайной полицейской службе. Об этом — чуть позже. А пока остановимся на первых годах послевоенной жизни будущего начальника III Отделения.

Личное мужество, организаторский и полководческий таланты, достаточно живой и быстрый, по свидетельствам многих современников, ум не могли не снискать Бенкендорфу заслуженного уважения в среде русского офицерства. В тот период он, как принято говорить, был вхож в круг будущих декабристов, дружен с известными впоследствии деятелями декабристских организаций: С. Г. Волконским, М. С. Луниным, М. Ф. Орловым. С 1816 по 1818 годы он состоял в масонской ложе «Соединенных друзей», где его «братьями» были А. С. Грибоедов, П. И. Пестель и даже П. Я. Чаадаев. Известнейший исследователь декабристов академик М. В. Нечкина предполагала что будущий член Следственного комитета по делу декабристов был одно время сам членом одной ранней декабристской организации. Дело в том, что Н. Тургенев упоминал среди «приверженцев» одного из таких тайных обществ некоего «флигель-адъютанта Б.» М. В. Нечкина выражала уверенность, что «в этом случае можно подразумевать не кого иного, как А. Х. Бенкендорфа». Конечно, это только предположение, но... Почему бы, собственно, блестящему генералу, герою войны, «человеку мыслящему и впечатлительному» не поискать общества таких же мыслящих людей? В первые послевоенные годы между Бенкендорфом и, скажем, Чаадаевым в самом деле могло быть много общего: и тот, и другой искренне желали блага.

Но много лет спустя их позиции окажутся диаметрально противоположными. Знаменита цитата из одного из «Философических писем» Чаадаева: «Прошлое ее (России. — Ф. С.) бесполезно, настоящее — тщетно, а будущего никакого у нее нет». Но это будет написано только в 1836 году, когда Бенкендорф и впрямь будет полным антитезой Чаадаева, полагая, что «прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение».

Точкой отсчета этого размежевания был совсем не декабрь 1825 года. «Первый звоночек», сигнал о том, что не все благополучно в империи, сокрушившей наполеоновского колосса, прозвучал в 1820 году. Неповиновение Семеновского полка, одного из старейших и уважаемых полков гвардии, шефом которого был сам Александр I, произвело на правительственные круги тягостнейшее впечатление. Однако, выводы были сделаны не вполне верные. Историками доказано, что декабристские организации не оказали никакого влияния на само «возмущение» полка и даже не пытались воспользоваться выгодным случаем. Тем не менее Александр I был убежден в обратном. На повестку дня для большинства мыслящих людей эпохи встал вопрос: могут ли преобразования в России быть проведены вооруженной силой, революционным путем, пусть даже и не по французскому, а по пьемонтскому или испанскому сценарию относительно бескровных «военных революций». Для Бенкендорфа ответ был очевиден.

Именно тогда, в 1820 году, будучи начальником штаба Гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорф вновь вспомнил о том, «какую пользу оказывала жандармерия во Франции». То что будущие декабристы «вывезли» из

заграничных походов конституционные мечтания — ответит, пожалуй, каждый школьник. Но мысль о том, что из тех же самых походов можно было вывезти и мечту о создании в России совершенной полицейской организации почему-то кажется многим дикой. А так ли уж она странна?

Пока что планы организации общеимперской службы «высшей полиции» были отложены. А. Х. Бенкендорф просто выполнял долг командира, в своем понимании. В условиях распространившейся в гвардии моды на тайные общества, он как начальник штаба корпуса неоднократно обращал внимание полковых командиров на необходимость знать, какие общества посещают офицеры их полков и чем они там занимаются. Так, полковнику Пирху, начальник штаба корпуса говорил (со слов командующего корпусом И. В. Васильчикова), «что необходимо всем начальникам полков знать более или менее те общества, в которых бывают их офицеры, и что если Пирх нуждается в его помощи, то он готов ему служить: пусть только пришлет список или словесно скажет имена офицеров, за которыми он считает нужным присмотреть». Это невинное предложение дало начало целому скандалу. Решив, что ему предлагают шпионить за офицерами своего полка, Пирх обиделся. Но следует отметить, что когда Бенкендорф и Пирх наконец объяснились, то конфликт был исчерпан. Это говорит о том, что в самой мысли о необходимости контроля за настроениями офицеров руководство корпуса не видело ничего недостойного.

В 1821 году А. Х. Бенкендорф, продолжая идти по избранной стезе, представил Александру I записку о «Союзе благоденствия», основанную на данных, полученных через библиотекаря штаба гвардейского корпуса и руководителя тайной «гвардейской» полиции Грибовского. В записке давался довольно подробный и толковый разбор деятельности ранних декабристских организаций, характеризовался и сам «Союз благоденствия». Кроме того, автор советовал императору обратить внимание на продвижение по службе членов этого тайного общества, о членах которого Бенкендорф, в прочем, отзывался весьма иронично. «Слабый умственный желудок их, — писал он, — не имея предварительных оснований в вспомогательных науках, не сваривал сочинений лучших писателей, от чего и все их просвещение было мишурное». Давались в записке и советы общего характера по борьбе с вольнодумством. «Между прочим, весьма не худо бы казалось, — писал Бенкендорф, — чтобы офицеры, как люди, до поступления еще на службу совершенно приговорившиеся, перестали посещать частно преподаваемые курсы, особенно политических наук, поверхностное изучение которых... наносит величайший вред».

Для пропаганды такого рода охранительных идей были кроме прочих, у Бенкендорфа и совершенно объективные основания. Мы сегодня зачастую забываем о возрастных различиях исторических деятелей. Но ведь когда во Франции свирепствовал якобинский террор, П. И. Пестель и П. Я. Чаадаев были еще младенцами, а А. Х. Бенкендорфу было уже 10 лет. Весьма уважительная разница в возрасте, чтобы не разделять радикальных убеждений своих боевых, но, все же, младших товарищей.

Однако, не следует думать, что герой и боевой генерал постепенно превращался в шпиона и соглядатая, оставив в прошлом готовность подвергнуть себя опасности во имя достижения намеченной цели. Показателен в этом смысле случай, происшедший во время знаменитого наводнения 24 ноября 1824 года. Наблюдавший, как известно, с балкона Зимнего дворца



за бушующей стихией император дал распоряжение Бенкендорфу послать на помощь утопающим 18-весельный катер Гвардейского морского экипажа, дежуривший по обыкновению у дворца. «Генерал сей, — вспоминал один из очевидцев, — для поощрения морской команды, подвергавшейся явной опасности, сам перешел через набережную, где вода доходила ему до плеч, сел не без труда в катер... и на опаснейшем плавании, продолжавшемся до трех часов ночи, имел счастье спасти множество людей от явной смерти». Этот случай описан многими очевидцами (среди которых, например, А. С. Грибоедов), так что сомневаться в его подлинности оснований нет. Как видим, готовность подвергать себя опасности наравне с простым солдатом всего лишь для его «поощрения» не была забыта.

После этого, самого страшного за всю историю Петербурга наводнения, в наиболее пострадавшие от стихийного бедствия районы северной столицы были назначены временные военные губернаторы. А. Х. Бенкендорф стал военным губернатором Васильевского острова. Именно это назначение и дало ему возможность оказаться в гуще событий 14 декабря. Если бы не оно, то в день восстания на Сенатской площади Бенкендорф, скорее всего, оказался бы довольно далеко от столицы — в расположении своих войск. Весь день восстания наш герой провел рядом с Николаем I. Не следует, однако, думать, что таким образом он пытался снискать расположение нового императора. Николай и Бенкендорф были дружны еще задолго до того, как в наступающих сумерках декабрьского дня возле памятника Петру I стали рваться карточные снаряды. Правда, дружба эта была несколько необычной — Великий князь Николай Павлович пользовался славой грубияна и «военного балетомана»-муштровщика, и в гвардии его не любили. И тем не менее в день переприсяги А. Х. Бенкендорф выполнял не только долг верноподданного (о существовании этого долга современные поклонники декабристов часто попросту забывают), но и долг друга. Здесь очень наглядно проявилась одна особенность его характера, подмеченная декабристом А. В. Поджио, писавшим, что «Александр Христофорович Бенкендорф — плоть и кость династическая не способен был отделять долг привязанности личной от долга к родине, хотя для него и чужой».

Последовавшие после подавления восстания события стали для генерала Бенкендорфа хорошей жандармско-полицейской школой. Вечером 14 декабря он во главе конного отряда разъезжал по вверенному ему управлению Васильевскому острову, отлавливая пытавшихся скрыться участников восстания, а затем был назначен членом Следственного комитета по делу декабристов. Именно он и граф Чернышев выполняли там основную «черную» работу: готовили очные ставки, составляли опросные пункты, анализировали ответы на них и пр. Конечно, этот опыт не мог исчезнуть бесследно.

Правда, справедливости ради, надо отметить, что многие декабристы давали в своих воспоминаниях совершенно беззлые отзвывы о Бенкендорфе-следователе. Так, Н. В. Басаргин вспоминал, как грустно поглядывал на него будущий глава русской политической полиции, когда тот подпсал показания, фактически уличавшие его в республиканских симпатиях, а значит отягощавшие его вину. В. И. Штейнгель, — что тот заставил его переписать одно из показаний, «выпустив все оскорбительное» для императора. Н. Р. Цебриков свидетельствовал, что при одновременном допросе его Бенкендорфом и Чернышевым «первый был очень тих... а последний — как змия, так бы кажется и бросился...» Правда, может быть, что

два члена Следственного комитета просто разыгрывали старый, как мир, прием «злой следователь — добрый следователь»? Бог весть! Хотя, конечно, в III Отделении техника допроса находилась на надлежащей высоте, а научиться ей его шефу, кроме как во время следствия по делу «о бывших злоумышленных тайных обществах» было больше негде.

Заметим также, что некоторые декабристы все же воспринимали вопросы Бенкендорфа как совершенно неприличные. Именно так, например, отнесся С. П. Трубецкой к желанию будущего шефа жандармов знать: посвящал ли он жену в планы тайного общества.

Бессспорно тут только одно: А. Х. Бенкендорфа никак нельзя упрекнуть в том, что он был предвзят настроен по отношению к декабристам и всячески желал их погибели. Напротив, можно сказать, что он, в определенной степени, пытался облегчить их участь: ведь как законопослушный верноподданный он знал, что преступление каждого из 126-и осужденных по российским законам карается смертью... Ведь судили-то декабристов в том числе и по Соборному Уложению царя Алексея Михайловича — своду законов почти двухсотлетней давности! Характерно, что среди декабристов ходил слух, будто именно Бенкендорф всеми силами оттягивал казнь пятерых внеразрядников, с минуты на минуту ожидая царского помилования. Известно и что во время самой «эзекуции» он, «чтоб не видеть этого зрелища, лежал ничком на шее своей лошади».

Страшные события 1825-1826 годов, когда долг верноподданного потребовал от Бенкендорфа заседать в судилище над бывшими приятелями и однополчанами, не только научили его вести допросы и проводить очные ставки. Они заронили в его душу желание *предупредить* преступление, вместо того, чтобы *наказывать* за него. Именно эти две мысли: повысить престиж полицейской службы и не допускать преступлений, чтобы не допускать и наказаний за них, красной нитью проходят через два основополагающих документа III Отделения, вышедших из под пера его первого начальника. Обратимся к их анализу.

Первый из этих документов — «Проект об устройстве высшей полиции» является изложением общих принципов, на которых, по мнению Бенкендорфа, следовало организовать высшую полицейскую службу в России. Справедливо отметив «ничтожество нашей полиции», генерал в качестве одной из основных причин этого ничтожества указывает низкий авторитет полиции вообще. Действительно, служба «по полиции» считалась при Александре I службой «второго сорта»: туда шли отставные, бесперспективные, а также больные или искалеченные офицеры. С этой практикой Бенкендорф решительно предлагал расстаться. Прежде всего, по его мнению, необходимо поднять престиж полиции, возведя ее начальника в звание министра полиции. «Одно это звание, — пишет он, — дало бы ему возможность пользоваться мнениями честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости». Резидентами высшей полиции на местах должны были быть жандармские офицеры. «Это, — по Бенкендорфу, — дало бы возможность заместить эти места людьми честными и способными, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но нося мундир как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность».

Здесь Бенкендорф бил, пожалуй, в самое слабое место политического розыска времен Александра I. В течение всего четвертьвекового царствования «Благословенного» правительство как бы стеснялось того, что является

естественной функцией любого государства — стремления обеспечить свою безопасность. Была создана абсолютно децентрализованная и малоэффективная система совершенно секретных и полусекретных органов политического розыска. Людей же, служивших по этой части, общественное мнение весьма не одобряло. Так, например, цесаревич Константин Павлович не видел большого греха в том, что служивший «по секретной части» титулярный советник Фогель был уличен в произвольном завышении своего жалования, то есть — присвоении казенных средств, «ибо полагать надобно, что и вообще почти люди в сей должности употребляемые уже конечно не с правилами истинной честности». От услуг платных агентов Бенкендорф отказываться не планировал и к продажным доносчикам относился с не большим уважением, чем многие другие. Он лишь хотел, чтобы человек, борющийся с врагом внутренним (взяточником ли, заговорщиком ли) по идейным соображениям, а не за «тридцать серебряников», мог с такой же гордостью носить мундир и получать заслуженные чины и награды, как и воин, защищающий государство от врага внешнего.

Как уже отмечалось выше, восстание декабристов, суд и расправа над ними посеяли в душе создателя русской политической полиции нелюбовь к громким процессам. Не доводить дела до наказания за преступление по закону, предотвращать преступление — вот чего он требовал от своих подчиненных, став начальником III Отделения и шефом корпуса жандармов. И в этом смысле очень важен другой документ — «Инструкция чиновнику III Отделения». Она была отпечатана и распространялась среди подопечных Бенкендорфа. Есть все основания полагать, что он и был автором этого документа. В отличие от «Проекта», пафос которого направлен на повышение престижа службы, в «Инструкции» речь идет как раз о предупреждении преступлений. «Прежде, нежели приступить к обнаруживанию встретившихся беспорядок, — поучает шеф подчиненных, — вы можете лично сноситься и даже предварять начальников... тех властей или... те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки, и тогда уже доносить мне, когда ваши домогательства будут тщетны; ибо цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение от всякого зла. Например, дойдут до вашего сведения слухи, о худой нравственности и дурных поступках молодых людей, предварите о том родителей». Пример, который привел Бенкендорф, потрясает своей наивностью, но, кто знает, возможно, он был вызван сожалением о страшном конце декабристов, родители которых вовремя не «отстранили» своих детей от «зла»...

25 июля 1826 года А. Х. Бенкендорф был назначен главным начальником III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (созданного вместо предлагавшегося Бенкендорфом министерства полиции), шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой. Теперь Александр Христофорович мог воплощать в жизнь все свои идеи «о пользе жандармерии». О деловых качествах новоиспеченного руководителя высшей полиции Российской империи существует масса негативных отзывов. Многие современники отмечали, что он «был чужд производству дел». Само по себе это не очень удивительно: вряд ли канцелярская среда, наполненная бесконечным переписыванием бумаг и составлением разного рода «отношений» могла стать родной для человека, привыкшего личным примером увлекать за собой солдат на поле боя в гущу схватки. Рассказывали, будто слушая однажды речь в Государственном Совете, Бенкендорф через сорок минут повернулся к своему

соседу и воскликнул по-французски: «Черт возьми, какая речь!» На недолгое замечание, что речь эта направлена против предложений шефа жандармов и восхищаться ей, следовательно, нечего, Александр Христофорович поднялся с места и, бросив собеседнику: «Прощай, мне пора к государю,» — покинул заседание.

Что это? Неумение вести дела? Глупость? М. А. Корф вспоминал, что много раз бывав на заседаниях Комитета министров с участием Бенкендорфа и почти никогда не слышал его голоса. Да и нужно ли было сотрясать воздух на многочасовых заседаниях человеку, обличенному полным доверием императора? Думается, что со всей солдатской прямоотой Бенкендорф мог ответить: «Нет!» Ведь конечной инстанцией в решении всех дел все равно оставался сам Николай I. С ним *tete-a-tete* мог шеф жандармов решать все свои вопросы.

Хотя отметим, что про рассеянность А. Х. Бенкендорфа при его жизни ходили легенды. Рассказывали, что «граф пошел пешком отдать визит посланнику, но его не было дома. Граф хотел отдать визитную карточку, но не нашел ее в кармане. Тогда граф говорит швейцару: “Запиши меня. Ты меня знаешь?” Швейцар был новый, отвечал: “Не могу знать! Как прикажете записать?” Граф вспоминал, вспоминал и никак не мог вспомнить своей фамилии. Досадую на себя, пошел домой, обещая прислать карточку. По дороге встретил его граф Орлов и, сидя на дрожках, закричал: “Граф Бенкендорф!” Последний обрадовался, будто что-то нашел, махнул рукой Орлову и, повторяя про себя, “граф Бенкендорф”, вернулся к посланнику и записался». Конечно, приведенный анекдот если и имел в основе своей какой-то жизненный случай, все же явился плодом творчества людей, явно не симпатизировавших начальнику III Отделения. Так же, наверное, рассказывали и о кресле, под воздействием неведомого механизма переносившем в подвал «в руки дюжих жандармов» вызванного для беседы с Бенкендорфом, и о том, что знаменитый платок для утирания слез невинно обиженных, выданный шефу жандармов Николаем I вместо письменных инструкций, подшит к делам III Отделения, и прочие небывшие.

Но вот один бесспорный недостаток у Бенкендорфа-администратора все-таки был. М. А. Корф так сформулировал его: «Бенкендорф... был в сущности отрицательно-добрым человеком, под именем которого совершалось, наряду со многим добром, и немало самоуправства и зла. Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особенно беспамятством и вечною рассеянностью... наконец, без меры преданный женщинам, он никогда не был ни деловым, ни дельным человеком». Восьма возможно, что известный историк был прав. Не всегда военачальник может превратиться в столоначальника, солдат — в министра. И одно дело — придумать, на каких принципах должна быть построена система политического розыска, а совсем другое — окунувшись с головой в канцелярщину, претворять свои проекты в жизнь. Хорошо известно, что все конкретные дела в III Отделении при Бенкендорфе решали М. Я. фон Фок и Л. В. Дубельт.

Тем не менее нельзя не упомянуть и о бесспорно положительных моментах в деятельности А. Х. Бенкендорфа. Сидя у ора своего тяжело больного друга, император Николай I однажды сказал: «В течение одиннадцати лет он меня ни с кем не поссорил, а со многими примирил». И, в общем, это была правда. Хорошо известно каким вспльчивым, взрывным нравом отличался Николай I. Шеф жандармов выполнял по отношению к царю функцию своеобразного «амортизатора». Так, в 1831 году, во время подавления

польского восстания Бенкендорф не исполнил часть высочайше утвержденных приговоров, мотивировав свои действия следующим образом: «Зачем ожесточать людей? Зачем возбуждать напрасный ропот? Ненавистников у Вас, Государь, и без того слишком много». Николаю I ничего не оставалось, кроме как признать правоту такого суждения. Необходимо сказать, что император не просто мирился с таким поведением начальника III Отделения. Он чрезвычайно ценил эти его дипломатические качества. Именно Бенкендорфу было поручено однажды побеседовать с великим князем Михаилом Павловичем, чтобы убедить его умерить свой совершенно необузданный, поистине отцовский, темперамент.

Интересно, что многие из тех, кто далеко не может считаться нами единомышленниками Бенкендорфа, признавали, что, встав во главе русского политического розыска, он хотел стране добра. С. Г. Волконский писал, что шеф жандармов осуществил свой проект создания высшей полиции «в полном убеждении, в том я уверен, что действия оной будут для охранения от притеснений, для охранения вовремя от заблуждений. Чистая его душа, светлый его ум имели это в виду». Интересное заявление от бывшего декабриста!

Правда, с годами Александр Христофорович все больше отходил от непосредственного управления III Отделением, пользуясь, тем не менее, по-прежнему благорасположением и дружбой императора. В 1828 году А. Х. Бенкендорф сопровождал Николая I на турецкую войну. За участие в кампании он в 1829 году был произведен в генералы от кавалерии и пожалован орденом св. Владимира 1-й степени. Примерно тогда же он был назначен и в члены Государственного Совета 10 ноября 1832 года Бенкендорф был удостоен главного отличия для представителей тогдашней высшей бюрократии: он был возведен в графское Российской империи достоинство, а 22 апреля 1834 года пожалован высшим орденом России — св. Андрея Первозванного.

Умер А. Х. Бенкендорф 23 сентября 1844 года. Он не услышал Севастопольских залпов, не догадывался о грядущем позоре Крымской войны и не успел увидеть заката николаевской системы, созданию которой он способствовал и которой он верой и правдой служил всю свою жизнь.

*Анатолий Фомушкин*

## ГЛАВНЫЙ ФИЛЕР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Е. П. МЕДНИКОВ

*Нет ничего тайного, что  
Не сделалось бы явным, и ничего  
Не бывает потаенного, что  
Не вышло бы наружу.*

*Евангелие от Марка*

Удивительна судьба этого незаурядного человека: самородка, прошедшего тернистый путь от самых низов полицейского сыска и достигшего высочайшей вершины на жандармском небосклоне. Его головокружительная карьера на поприще наружного наблюдения являлась постоян-

ным предметом зависти многих высокопоставленных чинов Департамента полиции. Вместе с тем столь же многим он внушал уважение своим высочайшим профессионализмом.

Евстрагий Павлович, по имеющимся данным, родился в декабре 1856 года. Он происходил из ярославских торговцев, отличавшихся смекалкой, проницательностью и хитростью.

Степенный и трезвый образ его жизни определялся принадлежностью к старообрядцам, не допускавшим употребления вина и табака. Но на протяжении нескольких десятилетий ничто не предвещало его будущей поистине всероссийской известности, пусть в узком кругу специалистов политического розыска.

После солдатской службы, которую он закончил унтер-офицером, Евстрат обосновался в Москве. Служил городовым, полицейским надзирателем, имел свой домик и приусадебное хозяйство. Все как у сотен и тысяч подобных ему. В конце 80-х годов XIX века Медников был принят на службу в Московское охранное отделение рядовым филером. Опять же ничего необычного здесь не было. Агентами наружного наблюдения охотно брали бывших солдат.

Но здесь произошла его встреча с Зубатовым. Бывший участник революционных кружков, Сергей в возрасте 22 лет был завербован тогдашним начальником Московского охранного отделения ротмистром Н. С. Бердяевым как платный агент внутреннего наблюдения. Уже через три года, в 1889 году агент стал легальным чиновником Департамента полиции и помощником Бердяева. В 32 года, в 1896 году Сергей Васильевич Зубатов был назначен начальником Московского охранного отделения. У нового руководителя было множество свежих идей по реформированию политического розыска, в том числе и наружного наблюдения. Вскоре после своего назначения Зубатов создает «Особый отряд наблюдательных агентов» (летучий отряд филеров) для осуществления слежки и производства арестов не только в Москве, но и в Одессе, Петербурге и Харькове. Руководителем этого подразделения и стал Е. П. Медников. Талант руководителя позволил Зубатову не обращать внимания на формальные помехи: низшее образование, малый чин и тому подобные препоны.

Выбор оказался исключительно удачным. Уже в самом начале своей деятельности «летучий отряд» провел ряд успешных операций, сделавших имя Медникова известным в кругах Департамента полиции. Так, 24 июня 1896 года в одном из пригородов Петербурга была ликвидирована нелегальная типография. Операция предшествовало плотное наружное наблюдение. Его осуществляли 15 опытных филеров — половина состава «летучего отряда». Ради истины заметим, что Зубатов распорядился направить в столицу такие силы лишь после получения от провокатора Гуровича достоверных сведений о существовании типографии.

Будущий жандармский генерал А. И. Спиридович так описывал свою первую встречу с Медниковым в помещении Московского охранного отделения (Гнездиковский пер., 5): «Навстречу поднимается упитанный, среднего роста штатский, полное здоровое румяное лицо, борода, усики, длинные русые волосы назад, голубые спокойные глаза... Голос спокойный, певучий, немного простоватый». Знавшие Медникова сходились на том, что своим выдвижением он обязан природному уму, сметке, хитрости, трудоспособности и настойчивости. К наружному наблюдению он относился как к работе, которую следовало выполнять добросовестно,

используя навыки торговца, солдата и охотника. Для рядовых филеров он был своим, понятным для них человеком, умевшим разговаривать на их языке. В результате Медников создал свою, как говорили тогда, «Евстраткину» школу.

Филеры знали, что их начальнику невозможно «вешать лапшу на уши». И если он при проверке финансовых отчетов говорил спокойно: «Скидай полтинник: больно дорого платишь извозчику», то агент «скидал», зная, что, во-первых, Евстратий Павлович прав, а во-вторых, все равно всякие споры бесполезны. Вот как передавал тот же мемуарист сцену приема Медниковым сообщений от филеров: «Двенадцать часов ночи. Огромная низкая комната с большим дубовым столом посередине полна филеров. Молодые, пожилые и старые, с обветренными лицами, они стоят крутом по стенам в обычной позе — расставив ноги и заложив руки назад.

Каждый по очереди докладывает Медникову данные наблюдения и подает затем записку, где сказанное отмечено по часам и минутам, с пометкой израсходованных по службе денег. — А что же Волк? — спрашивает Медников одного из филеров. — Волк, Евстратий Павлович, — отвечает тот, — очень осторожен. Выход проверяет: заходя куда-либо, также проверку делает, и опять-таки и на поворотах, за углами тоже иногда. Тертый. — Заклепка, — докладывает другой, — как заяц, бегаёт, ничего не видит, никакой конспирации, совсем глупый...

Медников внимательно выслушивает доклады про всех этих Заклепок, Волков, Умных, Быстрых и Галок... Он делает заключения, то одобрительно кивает головой, то высказывает недовольство. Вот он подошел к филеру, любящему, по-видимому, выпить. Вид у того сконфуженный, молчит, точно чувствует, что провинился. — Ну что же, докладывай! — говорит иронически Медников. Пугаясь и заикаясь, начинает филер объяснять, как он наблюдал с другим филером Аксеновым за «Куликом», как «Кулик» зашел на «Козинский переулок, дом № 3, да так и не вышел оттуда, не дождался его».

— Так-таки и не вышел, — продолжает иронизировать Медников.

— Не вышел, Евстратий Павлович.

— А долго ты ждал его?

— Долго, Евстратий Павлович.

— А до каких пор?

— До одиннадцати, Евстратий Павлович.

Тут Медников уже не выдерживает больше. Он уже знает от старшего, что филеры ушли с поста около 7 часов, не дождавись выхода наблюдаемого, почему он и не был проведен дальше. А у «Кулика» должно было состояться вечером интересное свидание с «приезжим» в Москву революционером, которого надо было установить. Теперь этот неизвестный «приезжий» упущен.

Побагровев, Медников сгребает рукой физиономию филера и начинает спокойно давать зуботычины. Тот только мычит и, высвободившись, наконец, головой, вскрипывает: «Евстратий Павлович, простите, виноват». «Виноват, мерзавец, так и говори, что виноват, говори прямо, а не ври! Молод ты, чтоб мне врать. Понял, мо-лод ты! — с расстановкой отчеканил Медников. — Дур-р-рак! — и ткнув еще раз, больше для виду, Медников, уже овладевший собой, говорит спокойно: по пятерке штрафу обоим! А на следующий раз — вон, прямо вон, не ври! На нашей службе врать нельзя. Не доделал — винись, кайся, а не ври!» В этой сценке весь Медников: с его уровнем образования и воспитания, с его понятиями о долге и службе.

В 1902 году покровитель Медникова С. В. Зубатов был переведен в Петербург и вскоре стал заведующим особым отделением Департамента полиции. Видимо, не без помощи последнего Евстратий Павлович также перебрался в столицу и был назначен «заведующим наружного наблюдения всей России». По высочайшему повелению бывший унтер-офицер был удостоен личного дворянства (стал надворным советником — чин седьмого класса). Его оклад составлял 6000 рублей в год, что превышало жалованье многих чиновников гораздо более высокого звания.

Вслед за Медниковым стали делать карьеру и многие из его сотрудников и учеников. С организацией в 1902 году новых охранных отделений (розыскных пунктов) по всей стране часть филеров Московского отряда была откомандирована в эти подразделения руководителями службы наружного наблюдения. Около 20 человек были переведены в столицу и вошли в состав «летучего отряда» при Департаменте полиции.

Сохранилась переписка Медникова этого периода с рядом руководителей местных охранных подразделений и заведующими служб наружного наблюдения. Она свидетельствует о небывало возросшем авторитете Евстратия Павловича. Бывшие его филеры сохраняли верность своему учителю и в своих подробных донесениях сообщали не только о своем участии работы, но и вообще о всем, что делалось по розыскной части на местах. В результате создалась своеобразная ситуация, когда начальники охранных отделений и розыскных пунктов нередко подпадали под бдительный контроль и надзор Медникова. В результате они тоже предпочитали вести с ним частную переписку. Направляя доклад директору Департамента полиции, эти люди одновременно посылали письмо Медникову.

Кроме чувства определенной зависимости, было и другое: уважение к профессионализму. Об этом в эмиграции вспоминал жандармский генерал П. П. Заварзин. Прослуживший в корпусе жандармов 20 лет, руководивший в свое время Гомельским и Одесским розыскными пунктами, Кишиневским, Варшавским, Донским и Московским охранными отделениями, он впервые познакомился с Медниковым в 1903 году по случаю назначения на должность начальника Кишиневского охранного отделения. Почти через 30 лет Заварзин так описывал Медникова: «Совершенно неинтеллигентный человек, малограмотный, бывший филер из унтер-офицеров, употреблявший простонародные выражения, вынесенные из родной деревни... С первых же слов и объяснений о технике филерского наблюдения мне стало ясно, что это чрезвычайно тонкий и наблюдательный человек, мастер своего дела, воспитавший целое поколение филеров, отборных и втянутых в работу».

Руководители розыска на местах в письмах Медникову сообщали о своих успехах, просили совета и поддержки. Например, уже не раз упоминавшийся А. И. Спиридович 12 апреля 1903 года (он был в это время начальником Киевского охранного отделения) телеграфировал Медникову: «Ночью на 11-е в Бердичеве обыскано 32 квартиры, арестовано 30 чел., у восьми поличное...». Подробности полковник сообщал письмом: «Дорогой Евстратий Павлович! На 11-е произведена в Бердичеве ликвидация... филеры очень трудную работу, по отзывам Игнатия Николаевича [один из его помощников. — А. Ф.], выполняли отменно хорошо».

О работе филеров и вообще о деятельности Саратовского охранного отделения после Первого мая 1903 года писал Медникову его начальник Бобров: «Глубокоуважаемый Евстратий Павлович! Позволяю себе обратиться

к вам с покорнейшей просьбой. Дорогие моему и вашему сердцу филеры радуются, что не взирая на трудности розыскной службы в г. Саратове, осложняющейся отсутствием дворников, скверною постановкою дела ведения домовых книг и привычкою местных жителей выстраивать по несколько десятков флигелей во дворе чужого дома, имеющего с флигелями одну и ту же нумерацию, но различные книги, — нам удалось таки вырвать как главных руководителей революционного движения, так равно и предупредить подготовку являющуюся на 1-е Мая демонстрацию».

Далее автор подробно перечислял населенные пункты, где происходили «ликвидации», упомянул конкретные успехи филеров Чебанова, Курдюкова, задержавших 30 апреля «главного агитатора среди рабочих А. Куреева». Последний нес на себе воззвания, призывающие к празднованию 1-го Мая. При выходе из дома он начал подтягивать брюки, оборачиваться и тем самым «дал возможность решить, что он вынес все оттуда». В письме также выделены филеры Широков, Егоров, Гудушкин (конный агент наружного наблюдения), захватившие с воззваниями столяра А. Филиппова, который «намеревался убить каждого, кто посмеет к нему подойти». При обыске у Филиппова изъяли револьвер «Смит и Весон» с пятью боевыми патронами. Применить оружие он не успел из-за филера Гудушкина, перерезавшего ему дорогу.

Характерным для того времени и среды общения является конец письма. «Изложенные результаты, в связи с прежней деятельностью чинов отделения, дают мне смелость обратиться к вам, дорогой Евстратий Павлович с ходатайством о поощрении «начальническим способом» [перечисляются названные выше филеры], так равно и остальных чинов отделения, в равной мере потрудившихся на пользу нашей трудной деятельности. Позволяю себе рассчитывать, что об изложенном вы доложите как его превосходительству 2-му директору Департамента, так и глубокоуважаемому Сергею Васильевичу [Зубатову], перед которым и поддержите мое ходатайство».

Письма самого Медникова руководителям наружного наблюдения также весьма ярко свидетельствуют о его недюжинных деловых и хозяйственных качествах. Вот что он, в частности, писал своему давнему знакомому, заведующему наружным наблюдением Одесского охранного отделения Никите Тимофеевичу Сотинкову (стиль, орфография и синтаксис нами сохранены. — А. Ф.).

«Тимофеевич, т. к. за наружное наблюдение отвечает департамент, то и организацию наружного наблюдения взяли на себя, для чего наметили достойных людей заведывать названным наблюдением в розыскных отделениях, т. е. старших филеров, которые ведут наблюдение, черновые дневники, пишут согласно правил дневники, заведующему наружным наблюдением в империи, то и старшим вменяется в обязанность и выбирать на службу в свое отделение людей, а также распределять им жалованье, а также проверять счета расходным деньгам, израсходованным по делам службы».

Примерно на Одесское отделение полагается 25 человек наблюдательных агентов (теперь филерами не называют), которые получают жалованье 1500, т. е. на округ по 50 р. в месяц, да еще полагается 4500 на 25 ч. на расходы, т. е. по 15 р. в месяц. Эта сумма отпущена на 25 ч., но надо сообразоваться, всем жалованья по 50 р. равно тратить нельзя, то надо делать так: тебе сто, следовательно уже 10 чел. получают по 45, Байкову 60 р., еще двоим 45 р.; Я думаю, надо принимать сперва на 30 р., потом добавлять лучшим по 5 р. в полугодие, но держать цифру всегда с остаткой, эконо-

номья от жалованья. По моему надо так: 5 ч. на 30 р., 5 на 35 р., 5 на 40 р., 5 на 45 р., а остальные на большем содержании, а лучшим надо тотчас добавлять. Из 25 двоих держи для справок по городу, вроде полицейских надзирателей, но всецело в твоём распоряжении, т. е. работают по установкам и под твоим руководством, и кроме этого ничего не должно быть».

Теперь расходы полагаются по 15 р. на каждого, но не надо так делать, чтобы эти 15 р. и давать офицерам на руки, а пусть они делают так, как мы в Москве. При приеме на сведениях пишут, сколько кто затратил в течение дня, и в итоге не должно превышать 15 р. на каждого, т. е. у кого будет 7 р., у кого 15 р., а у кого и 25 р., но у кого и совсем будет мало».

Вот этот расход надо вести равномерно и аккуратно, в каждом месяце тратится не более 375 р., т. е. ежедневно 12 р. 50 к.

Так сделай список на каждый день и отмечай ежедневно графы, ты будешь иметь итоги и будешь знать, сколько у тебя остается экономии. Когда много будь поторопее, а когда в обрез, тогда поспеет, и всегда у тебя должен быть запас экономии рублей в 100 для экстренных надобностей, или в усиленное время подольше давать на расходы».

А жалованье у тебя в год полагается 1250 р., то ты сделай список людям и веди на эту сумму жалованье, т. е. как сказано выше по расчету, дабы хватило и с остатком рублей 20 до 1250 р. В таком роде ты всегда будешь в курсе своих денег, будешь лавировать превосходно, даже из остатка от экономии можно выдавать хотя к Рождеству награды людям».

Людей представляй начальству к зачислению молодых, красивых, развитых, умных и прямо из военной службы, т. е. самых дисциплинированных; если будут хороши, то и на первое время должен дать не 30 р., а 35 р., как лучшему. Будут хорошие филеры — будешь сам лучше работать, значит по заслугам и награда».

Из этого письма видно, что Медников, заботясь о делах службы, умел при этом не забывать и о своих личных интересах. Поэтому не будем скрывать, что разные люди по-разному отзывались о Евстратии Павловиче. Некий чиновник, скрывавшийся под псевдонимом А. П., писал: «Медников ранее был содержателем трактира, затем простым городским и наконец, филером... Нажил на службе большое состояние. Сожительствовал с бывшей сотрудницей Екатериной Григорьевной».

Даже А. И. Спиридович, так восхищавшийся Медниковым, не удержался от критических слов по поводу его хозяйственно-финансовых дел: «В ведении Медникова находился и извозчий филерский двор, где было несколько выездов... У Медникова на руках была касса... Все расчеты у него... Работая за десятерых и проводя нередко ночь в отделении на кожаном диване, он в то же время не упускал своих частных интересов. Под Москвой у него было меньше с бычками, коровками и уточками, был и домик, было все. Рабочие руки были даровые, — делай, что хочешь». Видимо, в этих суждениях была тоже своя доля истины».

Любопытно также, что после смещения Зубатова в 1903 году Медников продолжал нести свою службу при нескольких министрах: Плеве, князе Святополк-Мирском, Булыгине, Дурново и Столыпине».

Звездная карьера Евстратия Павловича оборвалась в 1909 году. Он заболел душевной болезнью. Такое необычное заболевание для человека его происхождения и биографии некоторые авторы связывают с историей Л. П. Меньщикова. Леонид Петрович ряд лет был близким Евстратием Павловичу человеком. Он прослужил в охранке 20 лет. Арестованный в 1887 году как участник одной из революционных организаций. Леонид



дал откровенные показания. Его освободили и вскоре по ходатайству все того же Зубатова зачислили филером в Московское охранное отделение.

Вскоре выяснилось, что новый сотрудник обладает «бойким пером» и его перевели в канцелярию. Здесь он занимался анализом агентурных донесений, составлял обзоры и доклады для Департамента полиции. В 1905 году Леонид Петрович идет на решительный шаг: в анонимном письме руководству партии социалистов-революционеров он сообщил о провокаторской деятельности Азефа и Татарова. Эсеры в тот момент не поверили этому. В 1906 году Л. П. Меньшиков вышел в отставку, с пенсией 1300 рублей в год. Но душевная ломка продолжалась. В 1909 году он покинул Россию, встретился с В. Л. Бурцевым — знаменитым «охотником» за провокаторами, и расшифровал 275 тайных агентов охранки. Скандал был грандиозный.

Это было тяжелым потрясением для Медникова. В связи с болезнью его уволили на пенсию. Но прожил он после этого недолго и умер в одной из психиатрических клиник Петербурга.

*Анатолий Куканов*

### СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЗУБАТОВ

С. В. Зубатов в истории политического розыска дореволюционной России — фигура примечательная во многих отношениях. С одной стороны, он по праву отнесен к числу наиболее ярких, самобытных и влиятельных охранных деятелей, «столпов политического сыска»<sup>1</sup>, с другой — ему отведена не менее «весомая» роль в развитии системы полицейской провокации («сверхпровокация»), а в рабочем движении — тактики «поллицейского социализма», вошедшей в историю под названием «зубатовщины»<sup>2</sup>. Вот почему, на наш взгляд, представить объективные, исчерпывающие характеристики «многоликого» Зубатова весьма сложно.

Зубатов, действительно, был фигурой неординарной. Выходец из «обер-офицерских детей»<sup>3</sup>, не имея связи в обществе, он своим упорством, умом завоевал авторитет и положение, пройдя путь от канцелярского служащего («коллежского регистратора») до надворного советника<sup>4</sup>.

В ранней молодости Зубатову не чужды были социалистические увлечения<sup>5</sup>. Гимназистом он принимал участие в нелегальных кружках учащейся молодежи<sup>6</sup>, а в 1882 году был даже исключен из седьмого класса 5-й Московской гимназии за неблагонадежность<sup>7</sup>. Эта близость к революционным кругам сыграла большую роль в его дальнейшей карьере.

Недоучившийся гимназист Зубатов устроился на работу в качестве библиотекаря в известную на всю Москву частную библиотеку А. Н. Михиной. Библиотека находилась на Тверском бульваре и пользовалась большой популярностью среди интеллигентной молодежи<sup>8</sup>. В 1883 году Зубатов женится на владелице библиотеки, дочери отставного полковника Александре Николаевне Михиной<sup>9</sup>, вместе с которой создает благоприятные условия для занятий «московских вольнодумцев». Зная его в тот период отзывались о нем, как о человеке умном, интеллигентном, энергичном, бескорыстном и обаятельном.

Сам Зубатов считал себя «писаревцем», «культурником-идеалистом», а свою библиотечную деятельность — сугубо «реформаторской»<sup>10</sup>. Непосред-

ственно в народовольческих кружках он не состоял, но некоторые услуги им оказывал. Поскольку за молодежь, посещавшей библиотеку, сотрудниками Московского охранного отделения осуществлялось наблюдение, то вскоре была зафиксирована и «посредническая» роль Зубатова. Уже в конце 1883 году он впервые был арестован, а затем выпущен под залог.

В 1885 году начальник Московского охранного отделения жандармский ротмистр Н. С. Бердяев, под угрозой высылки, склонил Зубатова к сотрудничеству в качестве негласного осведомителя. А уже в следующем — 1886 году — его официально оформляют как платного агента внутреннего наблюдения охранного отделения. В этом же году Зубатов был перемещен полицией на должность телеграфиста 3-го разряда на Московскую центральную телеграфную станцию, а затем работал на станциях «Славянский базар» и «Окружной суд»<sup>11</sup>.

О точной дате своего сотрудничества с охранным отделением, как и мотивах, побудивших к нему, Зубатов длительное время не высказывался. Лишь спустя 20 лет, в письме к В. Л. Бурцеву, он впервые напишет, что его визит в охранное отделение состоялся 13 июня 1886 года. Именно там ему, якобы, «раскрыли глаза», каким образом «революционерами-читателями» была превращена библиотека «в очаг конспирации» (как утверждал Зубатов, в тайне от него самого. — А. К.). Со стороны Зубатова последовали соответствующие «ответные» действия. «Я, — пишет Зубатов, — дал себе клятву бороться впредь всеми силами с этой вредной категорией людей, отвечая на их конспирацию контр-конспирацией, зуб за зуб... Охранное отделение тут же предложило мне и практический способ осуществления моих намерений. Он показался мне чересчур исключительным, но, обсуждая зрело этот план, я нашел его вполне достигающим цели и открывающим даже широкие перспективы для положительной деятельности»<sup>12</sup>.

В личном фонде Зубатова сохранилась записка, в которой мотивация к сотрудничеству объясняется уже не «мстительностью», а вполне зрелыми, устойчивыми идейными его соображениями. «Летом 1886 года, — пишет Зубатов, — я был вызван в Московское охранное отделение, где начальником последнего было предложено мне поступить в сотрудники отделения. Прежде чем дать согласие, у нас было с ним подробнейшее объяснение как относительно моих, так и его действий... Начальник отделения был крайне удивлен, что я целям революционеров никогда не сочувствовал и не сочувствую, с большинством посещавших библиотеку не знаком... а потому я был очень рад доказать фактически, что я стоял на стороне существующего порядка и никогда не был противоправительственным человеком, почему и согласился быть сотрудником отделения...»<sup>13</sup>.

Работа Зубатова в качестве секретного сотрудника продолжалась около трех лет<sup>14</sup>. Известный деятель освободительного движения, один из основателей партии социалистов-революционеров М. Р. Гоц сложившуюся ситуацию в революционном движении в эти годы характеризовал следующим образом: «Это было вообще ужасное время. «Народная воля», истекшая кровью, несомненно шла быстрыми шагами к своему окончательному разложению, но это еще не вошло в сознание действующих революционеров. Им казалось, что все дело только в новой концентрации сил при старых организационных принципах и тактических приемах. Однако сил становилось все меньше и меньше, а наряду с громадными провалами 1884 года, страшную разрушительную работу совершила полчищающая начало от «дегаевщины» деморализация в революционных рядах.

В одной Москве за 1884—1885 годы насчитывалось несколько крупных провокаторов... Я думаю, это время захватило и Зубатова»<sup>15</sup>.

По свидетельству М. Р. Гоца, первой крупной выдачей Зубатова был арест весной 1886 года. Соломона Пика и Софьи Гуревич, возглавлявших один из народовольческих кружков в Москве<sup>16</sup>. В октябре 1886 года «стараниями» Зубатова за решеткой оказались уже сам М. Р. Гоц и М. И. Фондаминский. Через некоторое время Зубатову посредством своих близких связей с М. Л. Соломоновым, удалось «выудить» таких крупных «нелегалов», представлявших остаток тогдашней народовольческой организации, как В. Богораз, В. Данилов, С. Коган. Чтобы скрыть источник постоянных арестов, Зубатов вскоре был вынужден отдать в руки полиции и самого Соломонова.

5 февраля 1887 года был арестован шестнадцатилетний Леонид Меньщиков, впоследствии крупный чиновник Департамента полиции. В 1911 году, находясь в эмиграции, он опубликовал открытое письмо министру внутренних дел П. А. Столыпину, в котором, вспоминая свой арест, писал: «С самого начала моего сидения в тюрьме в мою душу закралось подозрение, что я сделался жертвою доноса. Очень скоро выяснилось, что я и многие другие были арестованы вследствие предательства одного молодого человека... Это был С. В. Зубатов»<sup>17</sup>.

2 мая 1887 года московская полиция арестовала около 200 молодых людей<sup>18</sup>. Эта грандиозная облава, опять же, производилась не без помощи Зубатова. В декабре этого же года Зубатов «раскручивает» очередное дело — группа студентов Московского университета занималась распространением повести Л. Н. Толстого «Николай Палкин». Текст повести без ведома Толстого попал к М. А. Новоселову (известному ученику писателя. — А. К.), был им нелегально оттектографирован. На основании агентурных указаний Зубатова последовал арест Новоселова, М. Тимерина, Л. Н. Маресса и еще нескольких человек<sup>19</sup>. Лишь вследствие непосредственного вмешательства Толстого, Новоселов в феврале 1888 года был освобожден под гласный надзор полиции<sup>20</sup>. Однако и сам Зубатов в данном деле попадает в весьма деликатную ситуацию — как члена «нелегального кружка» (в который он вошел по указанию охранного отделения. — А. К.), его вместе с другими арестованными привлекают к дознанию при московском губернском жандармском управлении и вызывают на допрос. Между директором Департамента полиции и московским генерал-губернатором идет переписка о том, чтобы в ходе процесса ни в коем случае не допустить разглашения подлинной роли Зубатова. К тому же необходимо было решить вопрос его дальнейшей службы, так как в связи с привлечением к дознанию, с телеграфа Зубатов был уволен<sup>21</sup>.

27 ноября 1888 года Зубатов подает прошение министру внутренних дел с ходатайством об определении на государственную службу с причислением к МВД и откомандированием в распоряжение московского обер-полицмейстера. В январе 1889 года он был официально зачислен в штат Московского охранного отделения. «Роль революционера мною сыграна, — резюмировал итоги своей «деятельности» Зубатов, — Цель достигнута...»<sup>22</sup>. Несколько иначе эти итоги обобщает М. Р. Гоц: «Зубатов был самым обычным агентом-провокатором, только более ловким и интеллигентным, чем другие»<sup>23</sup>.

Благодаря исключительным способностям, огромной работоспособности Зубатов быстро продвигался по службе: простой филер — чиновник особых поручений — с 1894 года помощник начальника Московско-

го охранного отделения, а с 1896 года — ее начальник<sup>24</sup>. Обычно бывших «секретных сотрудников» на высокие официальные посты в политической полиции не назначали. Начальником же охранного отделения Зубатов стал и вовсе «вне правил», так как он не был жандармским офицером!

Несмотря на повседневную занятость, Зубатов много читал специальной, общеобразовательной и революционной литературы, выходящей как в России, так и вне ее. Коллега Зубатова П. П. Заварзин писал: «Зубатов был одним из немногих правительственных агентов, который знал революционное движение и технику розыска. В то время политический розыск в Империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в Империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.п.»<sup>25</sup>.

По мнению А. В. Герасимова, Зубатов навсегда остался в жандармской среде «белой вороной», хотя внутренне, как редко кто, сроднился с ее деятельностью и наложил на нее глубокий отпечаток<sup>26</sup>. Отдает должное Зубатову в этом вопросе и Б. П. Козьмин: «Конечно, выдающимися знаниями и блестящим образованием он не отличался; его умственный кругозор не был широк. Однако, его начитанность и наличность у него интереса к книге, столь редкие в людях его профессии, стоят вне сомнения»<sup>27</sup>.

Виртуозно владея тактикой и техникой розыска, Зубатов сумел нанести ряд ощутимых ударов «противоправительственным» организациям не только в Москве, но и за ее пределами. Он превратил Московское охранное отделение в «академию», «кузницу кадров». Молодые офицеры, поступавшие под его начало, проходили великолепную школу практического профессионального обучения, более эффективную, чем курсы министерства внутренних дел. Многие из учеников Зубатова (А. И. Спиридович, П. П. Заварзин, Н. Н. Апличеев и др.) стали впоследствии видными деятелями политической полиции.

Зубатов ввел много нового в технику политического розыска — фотографирование всех арестованных, дактилоскопию, разработал системы наружного и внутреннего наблюдения. Основой розыска он считал «внутреннюю» агентуру. Как отмечает Л. П. Меньщиков, агентура была его «Символом Веры». По мнению Л. А. Ратаева, Москва (т. е. Московское охранное отделение. — А. К.) в те времена считалась школой секретной агентуры и наружного наблюдения<sup>28</sup>.

Хрестоматийной в буквальном смысле стала формула работы с агентурой, сформулированная Зубатовым: «Вы, господа (внушал он своим подчиненным офицерам отделения. — А. К.), должны смотреть на сотрудника, как на любимую женщину, с которой находитесь в тайной связи. Берегите ее, как зеницу ока. Один неосторожный шаг и вы ее опозорите...»<sup>29</sup>. Не изменились взгляды Зубатова в этих вопросах и в дальнейшем. В своем письме к В. Л. Бурцеву в марте 1908 года он пишет: «...агентурный вопрос (шпионский — по терминологии других) для меня святое святых... сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание. Больное и трудное это дело, но как же при этом оно и нежно»<sup>30</sup>.

Самым трудным делом — вербовкой агентуры — непосредственно занимался сам Зубатов. Организуя массовые аресты, он старался получить в свои руки «живой материал для обработки». Вот как описывает зубатовскую

«технологии» вербовочной работы с арестованными Б. Фрумкин: «Зубатов действовал на них тем, что вел беседы на самые различные темы в непринужденном тоне, далеком от тона допроса. Искусно разыгрываемым увлечением, заражающей искренностью он вовлекал в беседу и собеседника. Многим арестованным... казалось, что тут происходит просто столкновение двух мирозерцаний, и они горячо отстаивали свою точку зрения и роковым образом приходили к тому, что излагали все, что касалось их личной революционной деятельности. Обыкновенно эти беседы велись свободно и не протоколировались, но когда договаривались до исповеди, Зубатов оказывал ушатом холодной воды, предлагая изложить эти показания письменно, причем давал обещание, что никаких карательных последствий эти показания иметь не будут»<sup>31</sup>.

Жертвами обаяния «зубатовского красноречия» стали многие революционеры. Однако, достаточно серьезные «поражения» на этом фронте терпел и Зубатов. В апреле 1900 года были осуществлены массовые аресты членов «Партии политического освобождения России». В ходе допросов, Зубатова особенно подкупило «искренностью и серьезностью» письменное «признание» Григория Гершуни. Последний был освобожден, но в последующем именно он стал «грозным» руководителем Боевой организации партии социалистов-революционеров. Вот уж действительно, «талантливый революционер искусно обманул талантливого охранника»<sup>32</sup>.

Значительная роль в деятельности московской охранки принадлежала наружному наблюдению, которым руководил друг Зубатова — Е. П. Медников<sup>33</sup>. Талантливый самоучка, выходец из крестьян, Медников сумел воспитать целое поколение филеров-профессионалов. Филеры «медниковской школы» ценились очень высоко. В Москве появились пешие и конные филеры, извозчий филерский двор. По инициативе Зубатова в 1896 г. был создан «особый отряд наблюдательных агентов» («летучий отряд филеров»), во главе с Медниковым. Выполняя задания Департамента полиции и непосредственно Зубатова, филеры отряда преследовали революционеров практически по всей стране<sup>34</sup>.

Говоря о заслугах Зубатова перед охранкой, вместе с тем нельзя не отметить, что именно при нем в политический розыск прочно вошли провокаторские приемы. Широко используя агентуру, Зубатов как начальник Московского охранного отделения, планировал и проводил в жизнь любые, удобные ему варианты «разрешения» мероприятий революционеров: либо давал подпольной организации «спокойно» развиваться, выжидая пока «изготовят метательный снаряд» или «поставят» типографию, либо с помощью своих «сотрудников» активно подталкивал к «действиям». «Что касается его планов в отношении революционеров, — писал А. В. Герасимов, — то тут Зубатов, наряду с задачей перетягивания на сторону своих идей отдельных улавливаемых душ из революционной среды и вербовки их на роль тайных агентов, стремился наиболее непримиримых революционеров, не подававшихся его увещаниям, толкать влево, в радикализм, террор, рассчитывая таким образом их скорее и легче обезвредить и ликвидировать»<sup>35</sup>.

Так, в 1895 году Зубатов при непосредственном участии своей сотрудницы З. Ф. Гернграсс-Жученко, фактически спровоцировал дело «московского террористического кружка» И. С. Распутина, якобы готовившего покушение на Николая II<sup>36</sup>. За это Зубатов получил, «вне правил», орден святого Владимира. Суть зубатовской системы наиболее ярко выражена в телеграмме, посланной в апреле 1894 года им и Н. С. Бердяевым руководителю загра-

ничной агентуры П. И. Рачковскому в Париж («друзья») спешили поделиться своей радостью с коллегой по поводу ликвидации крупной подпольной организации. — А. К.): «Вчера взята типография, несколько тысяч изданий и 52 члена партии “Народного права”. Немного оставлено “на разводку”»<sup>37</sup>. Именно к этому стремился Зубатов — ликвидируя революционные организации, всегда оставляя несколько человек «на разводку», сохранять «розыскной эмбрион», дабы иметь возможность снова и снова организовать провокации и зарабатывать себе новые награды и отличия.

Осенью 1899 года в московском охранном отделении под руководством Зубатова прошел стажировку один из крупнейших провокаторов Е. Ф. Азеф, в ходе которой он, по свидетельству А. Л. Ратаева, «познакомился на деле с некоторыми тонкостями техники наружной службы и практическими вопросами агентурной деятельности»<sup>38</sup>. В этом же году Зубатов внедрил Азефа в Северный союз социалистов-революционеров, что позволило вскрыть полностью состав и связи Союза, а в 1901 году ликвидировать его типографию в Томске<sup>39</sup>.

Весьма красноречив пример отношений Зубатова и Азефа, описанный Л. Меньшиковым: «30 апреля 1901 г. я (Меньшиков. — А. К.) был приглашен в кабинет начальника охранного отделения; там, кроме Зубатова, был и его “котик” (Медников — А. К.). “Сфабрикуйте, пожалуйста, нам документик, я плохо знаю эти формальности”, — сказал Зубатов и подал паспортную книжку с готовым штампом и подписью пристава 2-го участка Тверской части. Под диктовку начальства я заполнил чистые страницы бланка, и фальшивый вид на жительство, на имя инженера Азефа, ратника ополчения второго разряда, скоро был готов. Азеф, не имевший права жительства в столице, получал таковое. С помощью поддельного документа полиция соблюдала требование закона»<sup>40</sup>.

Некоторое время в подчинении у Зубатова работала и другой крупный провокатор — А. Е. Серебрякова<sup>41</sup>. В 1898 году Зубатов направил ее в революционный «Красный Крест», благодаря чему в апреле 1903 года была разгромлена социал-демократическая группа «Южный рабочий»<sup>42</sup>.

Как известно, начало XX века ознаменовалось в России подъемом революционного движения. К тому времени Департамент полиции в основном расправился с остатками народофильских кружков и сосредоточил свое внимание на «грозной и могущественной социал-демократической организации. С возникновением РСДРП борьба с революционным движением становится особенно трудной»<sup>43</sup>. Дополнительно осложнило борьбу с антиправительственным движением выход на широкую политическую арену партии социалистов-революционеров. Покушение 2 апреля 1902 года на министра внутренних дел Д. С. Сипягина вызвало в буквальном смысле смятение в правительственных кругах, накалив и без того сложную внутривластную обстановку<sup>44</sup>. «Впечатление, произведенное в рядах правительства выстрелом Балмашева, — писал А. И. Спиридович, — было потрясающим. Власть в полном смысле слова не знали, что, как, откуда и почему»<sup>45</sup>.

По мнению Зубатова, в этой обстановке местные органы политического розыска были «бессильны противостоят нарастающему движению». Вот почему Зубатов одним из первых поднял вопрос о необходимости реформирования системы политического розыска в масштабе всей России. В архивном деле «О профессиональном рабочем движении» в Москве имеется записка от 16 августа 1901 года относительно создания наблюдательных пунктов. Ее автором признан Зубатов<sup>46</sup>. В записке отмечалось,

что жандармская сила в составе более 200 филеров и 1200 вахмистров и унтер-офицеров «должна была быть организована сообразно задачам розыска». Для этого следовало отказаться от командировок Летучего отряда филеров в целях наблюдения за революционерами и в местностях с развитым революционным движением учредить «постоянные наблюдательные посты» во главе с жандармским офицером. Зубатов хотел, в отличие от охранных отделений, которые превратились «как бы в городские жандармские управления с многочисленными административными функциями», создать органы, способствующие «живому боевому делу»<sup>47</sup>.

Новый министр внутренних дел, В. К. Плеве, после своего назначения отправился на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Туда же он вызвал и Зубатова, чтобы обсудить с ним, как наиболее авторитетным руководителем охранных отделений, предстоящую реформу розыскных органов, расстановку кадров и выбор городов, где предполагалось эти органы непосредственно учредить. В дальнейшем Зубатов представил В. К. Плеве специальную записку по этим вопросам<sup>48</sup>. «Зубатов, — пишет в своих воспоминаниях А. В. Герасимов, — настаивал на образовании в крупнейших пунктах особых охранных отделений, совершенно не подчиненных жандармским управлениям. Раньше эти последние концентрировали в себе все функции: наблюдение, арест, дознание, расследование после ареста и пр. По плану Зубатова, наиболее ответственная часть этой работы — все дело политического розыска до момента ареста революционеров включительно — изымалось из ведения жандармского управления под тем предлогом, что и люди его, и методы работы консервативные, отсталые, не идущие в ногу с требованиями времени. Весь этот розыск передавался в ведение охранных отделений, руководить которыми должны были молодые жандармские офицеры из числа учеников Зубатова, согласно его теориям и директивам»<sup>49</sup>.

Активность Зубатова в разработке реформы проявилась и в вопросе подготовки проекта «Инструкции членам, состоящим в распоряжении директора Департамента полиции, по заведыванию охранными пунктами». Инструкция состояла из 17 параграфов с подробной регламентацией организации и деятельности пунктов. Зубатов включил туда пункт, согласно которому полиция, наблюдая за рабочими и крестьянами, должна содействовать «изысканию законных средств к устранению в их среде каких-либо недоразумений, могущих вызвать нарушение общественной безопасности и порядка»<sup>50</sup>. То есть, он пытался провести в жизнь идею установления «попечительства» полиции, подготавливая базу для легализации общественного движения в широких масштабах. Но эта инструкция была отклонена. Причину следует искать не в каком-то ее «несовершенстве». Дело в том, что Зубатов старался решить прежде всего розыскные задачи. Плеве же желал не только усилить политический розыск, но и укрепить административную власть.

В августе 1902 года по инициативе директора Департамента полиции А. А. Лопухина, Зубатов назначается чиновником особых поручений 6-го класса сверх штата Министерства внутренних дел, а в октябре этого же года (после перевода Л. А. Ратаева на должность руководителя зарубежной агентуры) — заведующим Особым отделом Департамента полиции.

Как известно, Ратаев не любил Зубатова, но и он не преминул поздравить его с новым назначением. 18/31 октября 1902 года он писал Зубатову из Парижа: «Дорогой Сергей Васильевич. Вчера я получил известие, которое меня и поразило, и сильно обрадовало. Поразило потому, что по

положению вещей оно было совершенно неожиданно, а обрадовало, так как осуществилось то, что я признавал безусловно необходимым и естественным...» Далее шла приписка: «Вы с Евстратом (Медниковым. — А. К.) окрылите Особый отдел выше облака ходячего. Давай Вам Бог...»<sup>51</sup>

Авторитет Зубатова в глазах Плеве был очень высок. В беседе с С. Ю. Витте он заявил, что «полицейское спокойствие государства в руках Зубатова, на которого можно всегда положиться»<sup>52</sup>. Приняв руководство отделом, Зубатов объявил, что намерен превратить Департамент полиции во «всероссийскую охранку»<sup>53</sup>. Следует признать, что во многих отношениях эта цель была достигнута.

В августе 1902 года было утверждено «Положение о начальниках розыскных отделений». Они были наделены административными правами (Зубатов отводил им роль «неофициального должностного лица», несущего службу «конспиративного характера»). «Положение» определяло общую направленность организации и деятельности розыскных отделений, значительно расширив полномочия их начальников. На основании циркуляра Департамента полиции № 5200 от 13 августа 1902 года в Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе и Харькове были учреждены розыскные отделения.

К февралю 1903 года в России существовало три охранных и 14 розыскных отделений. Помимо восьми розыскных отделений, учрежденных в августе 1902 года, такие органы возникли в Симферополе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Полтаве, Кишиневе и Житомире. Большое внимание уделялось организации внутреннего и наружного наблюдения. При непосредственном участии Зубатова были разработаны две инструкции: «О ведении секретной агентуры» и «Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений»<sup>54</sup>. А. И. Спиридович отмечал, что до 1902 года таких специальных инструкций вообще не было, а работа с агентами строилась на основании «охранного обычая»<sup>55</sup>.

По инициативе Зубатова был значительно обновлен кадровый состав Особого отдела. Познакомившись вплотную с работой Департамента полиции, он пришел к выводу, что одними чиновниками-«законниками» — юристами, которые работали в Особом отделе, справиться с задачей постановки политического розыска не удастся. При нем, впервые в качестве сотрудников, в Особом отделе появились жандармские офицеры. Часть из них уже приобрела опыт розыскной работы в Москве<sup>56</sup>. Уместно отметить, что подчиненные боготворили Зубатова, испытывали к нему глубочайшее уважение. Его любили, абсолютно доверяли и, даже когда поддержание каких бы то ни было отношений с ним могло стоить карьеры, друзья и бывшие подчиненные, как правило, не рвали с ним связи.

Зубатов завершил начатую еще Ратаевым реорганизацию Особого отдела: были дополнительно созданы два подразделения — «столы», которые отвечали за работу охранных отделений и службу наружного наблюдения. Заведовали этими «столами» Л. П. Меньшиков и Е. П. Медников<sup>57</sup>. В эти годы Особый отдел, как по значению поставленных перед ним задач, так и по объему делопроизводства и числу сотрудников, становится главным структурным подразделением Департамента полиции.

По мнению бывшего чиновника Варшавского охранного отделения М. Е. Бакая, с Зубатовым был связан и резкий рост объема перлюстрации переписки. «Начиная с 1902 года, — пишет он, — когда дело политического розыска по всей России перешло к Зубатову, перлюстрированных

писем начало поступать так много, что стало необходимо завести для успешного ведения дела целый штат чиновников»<sup>58</sup>.

Кроме официальных рычагов управления охранными отделениями, Департамент полиции в эти годы имел и неофициальные: «Руководящие директивы по розыску, — вспоминал впоследствии А.И. Спиридович, — шли по Зубатову, филерская же служба практиковалась по Медникову... Начальники отделений фактически попадали под самый бдительный надзор и контроль Медникова (через его связь со старшими филерами на местах. — А. К.). Они должны были обо всем писать ему частными письмами. Доклад директору — письмо Медникову, а кто знал хорошо Зубатова, то писал и ему. Свообразно, но впервые Департамент полиции взял в свои руки все нити политического розыска в стране...»<sup>59</sup> Оценивая деятельность охранных отделений за год (с осени 1902 по сентябрь 1903 года) чиновник Департамента полиции Трутков Г. М. писал, что прошедший год по добытым новыми розыскными органами результатам должен быть по справедливости назван «самым блестящим в истории розыска»<sup>60</sup>.

Являясь принципиальным сторонником и защитником российского самодержавия, Зубатов постоянно искал пути и средства сохранения монархии перед лицом надвигающейся опасности. Он понимал, что репрессивные меры уже не достигают цели в применении к массовому революционному движению. Зубатов приступает к выработке новой тактики борьбы, вылившейся в своеобразную систему русского «полицейского социализма».

Основы этой тактики были сформулированы в докладной записке, поданной 8 апреля 1898 года на имя обер-полицмейстера Москвы Д. Ф. Трепова. Для обоснования своих взглядов Зубатов использовал идеи тред-юнизма, «легального» марксизма, «экономизма» (Э. Бернштейна, П. Б. Струве, В. Кулемана, П. Рузье, Г. Геркнера, В. Зомбарта и др.). Суть записки выражалась в том, что Зубатов предлагал рабочим решать все вопросы через монарха и правительство, развивать профсоюзное движение, избегать участия в политической деятельности. Задача первостепенной важности состояла, по его мнению, в том, чтобы фактами попечительства вырвать народ из-под влияния революционеров, завоевать его доверие, изолировать рабочий класс от интеллигенции, как носительницы просвещения и передовых взглядов. «Его умственному взору, — писал А. В. Герасимов, — рисовалась перспектива “социальной монархии”, соединения царя с рабочим народом — при котором революционная пропаганда теряла под собой всякую почву»<sup>61</sup>.

Зубатов надеялся, что для достижения поставленной цели достаточно на средства МВД создать сеть легальных рабочих организаций, напоминающих западноевропейские профсоюзы, и назначить в них лидеров — людей, преданных монархическому строю и Департаменту полиции. «Настоящий момент, — писал Зубатов, — настолько тревожен, деятельность революционеров настолько интенсивна, что для борьбы со злом требуется дружная систематическая работа сопричастных движению ведомств. Принцип разложения и разъединения правительственных органов в то время, когда боевой лозунг революционеров — объединение... никоим образом не может гарантировать безусловной скорой победы над социальной демократией»<sup>62</sup>.

Получив одобрение и поддержку московских властей в лице генерал-губернатора Вел. кн. Сергея Александровича и обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова, Зубатов приступил к реализации своих идей. С теоретическим их обоснованием и пропагандой в одиночку он справиться не

мог, поэтому решил обратиться к редактору «Московских ведомостей» Л. А. Тихомирову, бывшему народовольцу<sup>63</sup>. Одновременно были организованы воскресные «чтения» для рабочих в Историческом музее, в которых участвовали профессор и доценты Московского университета, а также практики-кооператоры И. Х. Озеров, А. Э. Ворс, В. Э. Дэн, А. А. Мануйлов, В. И. Анфурьев, Н. Ф. Егерский и др. В лекциях излагались теория и история профсоюзов Великобритании, практика фабричного законодательства зарубежных стран, деятельность касс взаимопомощи.

В 1901—1902 годы под контролем Зубатова в Москве были созданы «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», «Совет рабочих механического производства Москвы», «Общество взаимной помощи текстильщикам» и др. общей численностью около 2000 человек. Во главе движения Зубатов поставил М. А. Афанасьева, Ф. А. Слепова, Н. Т. Красивского<sup>64</sup> — завербованных им бывших членов социал-демократической организации «Московский рабочий союз» (разгромленной в 1896 году. — А. К.). По инициативе и под руководством Зубатова аналогичные объединения рабочих были созданы в Одессе, Киеве, Минске, Николаеве, Харькове<sup>65</sup>.

Используя завербованных в 1898—1900 годы членов Бунда, Зубатов для борьбы с ним в июне 1901 г. инспирировал создание «Независимой еврейской рабочей партии». «Независимовцы» действовали в Минске, Вильно, Ковно, Киеве, Екатеринославе, Одессе, их возглавляли агенты Зубатова Г. И. Шаевич, М. В. Вильбушевич, доктор философии писатель Ю. Н. Волин<sup>66</sup>.

К работе в своих организациях Зубатов привлек архиепископа Можайского Парфения, архимандрита Афанасия, настоятеля Казанского собора в Петербурге протоирея Ф. Н. Орнатского, выступавших с промонархическими проповедями.

Перебравшись в Петербург, Зубатов не терял надежды осуществить свой замысел по легализации рабочего движения<sup>67</sup>. Именно здесь, в Петербурге, при создании своей самой известной рабочей организации — «С.-Петербургского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» — Зубатов впервые начинает непосредственно сотрудничать со священником церкви Петербургской пересыльной тюрьмы Г. А. Гапоном. Сохранились записи Зубатова, из которых следует, что Гапон был завербован не им, а навязан ему в качестве соглядатая подполковником Я. Г. Сазоновым из Особого отдела Департамента полиции и лишь волею судеб оказался одним из подручных Зубатова по формированию легальных рабочих организаций<sup>68</sup>. Как известно, пути Зубатова и Гапона в дальнейшем разойдутся, по инициативе последнего будет создано общество «Собрание русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге»<sup>69</sup>. События 9 января 1905 года — ознаменуют не только трагический конец деятельности Гапоновского «Собрания», но и в целом всей тактики «полицейского социализма» в российском рабочем движении.

В. К. Плева не понимал зубатовских нововведений и не верил в них. Для него, как сторонника жесткой репрессивной политики, зубатовские теории были чрезмерно тонки. Еще более прямолинейными были признания ряда коллег Зубатова по охранке. Так, начальник киевского ГЖУ генерал В. Д. Новицкий, узнав о зубатовской идее создания контролируемых рабочих кружков, совершенно искренне зачислил Зубатова в ряды «тайных революционеров»<sup>70</sup>.



Деятельность Зубатова среди рабочих вызвала протесты предпринимателей, что привело к конфликту между министерством финансов и МВД. С. Ю. Витте заявлял о своей решительной поддержке фабричной инспекции, однако и он как министр финансов вследствие мощной защиты Зубатова со стороны вел. кн. Сергея Александровича и Д. Ф. Трепова, «ничего существенного к уничтожению этой затеи сделать не мог»<sup>71</sup>. Создание Зубатовым рабочих союзов не совпадало также и с интересами губернской бюрократии, что вызвало существенное противодействие им со стороны местной власти<sup>72</sup>. Крупные московские предприниматели на встрече в Москве 26 июля 1902 г. также не поддержали Зубатова. Они открыто заявили, что не понимают обеспокоенность Департамента полиции положением в рабочем движении, так как рабочие на тот период составляли всего лишь 1% от населения России<sup>73</sup>.

Летом 1903 года в Одессе началась забастовка, в которой активно участвовали рабочие из зубатовской организации. Забастовка распространилась на весь юг России. В июле руководитель забастовки, агент Зубатова Г. Шавевич, был арестован, другие зубатовские активисты не удержали рабочих от выступлений с политическими требованиями. История эта дошла до Зимнего дворца и вызвала неудовольствие монарха. Почувствовав опасность, Зубатов в поисках защиты обратился к С. Ю. Витте и пытался уговорить последнего повлиять на Плеве, ибо «мракобесная политика» министра внутренних дел тяжело скажется на судьбе всей России<sup>74</sup>. Витте конфликтовал с Плеве, но, видимо, в тот момент не пожелал обострять отношения.

Тогда Зубатов обратился к редактору газеты «Гражданин» кн. В. П. Мещерскому, который в свое время поддерживал кандидатуру Плеве на пост министра и вел на этот счет переписку с царем. Однако Мещерский, явившись к Плеве, рассказал ему о заговоре Зубатова и его визите к Витте. После этого Плеве искал только предлог, чтобы расправиться с «зарвавшимся» подчиненным, и случай не замедлил представиться: Зубатов рассказал в частном письме о разговоре царя с одесским градоначальником. Ведавший перлюстрацией при Плеве А. С. Скандраков препроводил письмо министру. Интрига с Плеве послужила главной причиной устранения Зубатова из Департамента полиции: Зубатов был обвинен в попустительстве стачечному движению на юге России и в Закавказье, а также в разглашении государственной тайны<sup>75</sup>.

Расправа последовала в исключительно грубой форме: Плеве вызвал Зубатова к себе и в присутствии командира Отдельного корпуса жандармов В. В. фон Валя назвал его действия «предосудительными». Состоялось бурное объяснение, Зубатов отвечал очень резко. «Орел», как в Департамента полиции негласно величали Плеве подчиненные, был взбешен. Зубатова отстранили от должности и арестовали. Выпущенный из-под стражи, он отправился к Мещерскому, рассказал о случившемся и, тыча в себя пальцем, сказал: «Вот так делают Балмашевых»<sup>76</sup>.

Зубатову были даны сутки на сборы и передачу дел. Он был выслан из Петербурга и отправлен в двухмесячный отпуск. С 20 августа 1903 года, несмотря на категорический запрет, Зубатов установил связи с бывшими сотрудниками и агентами, за что в октябре 1903 года был выслан во Владимир, а 17 ноября этого же года высочайшим приказом по гражданскому ведомству — уволен со службы, «согласно прошению», с запрещением участвовать в политической деятельности, жить в столицах и столичных губерниях<sup>77</sup>. Впоследствии Зубатов писал: «Выдержать 15 лет охранной

службы при постоянных знаках внимания со стороны начальства, при громких проклятиях со стороны врагов, не без опасности для собственной жизни: и в итоге получить полицейский надзор — это ли не беспримерно возмутительный случай служебной несправедливости»<sup>78</sup>.

Наблюдатели за Зубатовым свидетельствовали, что он ведет замкнутый образ жизни, «предан царю и престолу». 30 ноября 1904 года с него были сняты все ограничения в выборе места жительства и увеличена пенсия до 5000 рублей в год. Друзья приветствовали его с этой монаршей милостью. Он живет периодически во Владимире и в Москве<sup>79</sup>. В письме к В. Л. Бурцеву, Зубатов сообщает: «Живу я здесь (во Владимире. — А. К.) анахоретом, абсолютно не имея знакомых в городе, зарывшись в книги и газеты и переживая таким образом “вторую молодость”». Кроме близких родных, никто ко мне не езжает. При всем том я почтительно отклонил лестные для меня приглашения возвратиться к делам, сделанные мне по очереди князем П. Д. Святополк-Мирским, Д. Ф. Треповым, и графом С. Ю. Витте»<sup>80</sup>.

Находясь в отставке, Зубатов активно переписывается со своими близкими друзьями. Преданным ему остается Е. П. Медников и другие бывшие сослуживцы (среди них Д. Ф. Трепов, А. И. Спиридович. — А. К.). Его письма-реплики периодически появляются в «Гражданине» кн. В. П. Мещерского<sup>81</sup>. Письма со всей очевидностью свидетельствуют о том, что Зубатов продолжал придерживаться своих убеждений. Символичен в этом отношении некий «жизненный итог», сформулированный Зубатовым в одном из своих писем: «Моя продолжительная и бессменная служебная деятельность, с массою людских встреч и предложений, привела меня к убеждению, что вся политическая борьба носит какое-то печальное, но тяжелое недоразумение, не замечаемое борющимися сторонами. Люди отчасти не могут, а отчасти не хотят понять друг друга и в силу этого тузят один другого без милосердия. Между тем и с той, и с другой стороны в большинстве встречаются прекрасные личности»<sup>82</sup>.

После Февральской революции представители новой власти захватили архив Московского охранного отделения, с соответствующими документами, уличающими и непосредственно Зубатова. Он понимал, что суда в этом случае ему не избежать. Укрыться в Европе он также не мог — вряд ли эмигранты «простили» бы ему «охранные заслуги». События, можно сказать, загнали его в угол. Зубатов покончил с собой (застрелился. — А. К.) в марте 1917 года сразу же после получения сведений об отречении Николая II от престола.

*Анатолий Куканов*

#### А. А. ЛОПУХИН — ЖЕРТВА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ДИССИДЕНТ?

18 января (1 февраля) 1909 года в Петербурге произошло событие, ошеломившее многих не только в России, но и в других европейских странах: по обвинению в принадлежности к революционному сообществу был арестован и препровожден в тюрьму «Кресты» Алексей Александрович Лопухин, занимавший с 9 мая 1902 года по 4 марта 1905 года пост директора Департамента полиции<sup>1</sup>. В специальном правительственном

сообщении от 19 января указывалось, что Лопухин привлечен в качестве обвиняемого и заключен под стражу на основании результатов расследования, которые свидетельствовали о предоставлении им партии социалистов-революционеров доказательств против Е. Ф. Азефа как секретного агента Департамента полиции, «известные Лопухину исключительно по прежней его службе в означенной должности»<sup>2</sup>. Кадетская «Речь» в этой связи писала: «Заключение в тюрьму лица, которое еще недавно занимало столь ответственный и столь политический пост, как должность высшего руководителя государственной полиции, не имеет за собой прецедентов в новейшей русской истории...»<sup>3</sup>

Правая печать посчитала поступок Лопухина «предательством», либеральная и буржуазно-демократическая — ценным обличием порочных провокационных методов деятельности политической полиции, неожиданно смелым для бывшего главного полицейского чиновника. Предположений по поводу истинных мотивов поведения Лопухина, как и обобщающих оценок его службы в Департаменте полиции в то время было высказано немало<sup>4</sup>. Не снижается интерес к «загадке» Лопухина и у современных исследователей политического розыска дореволюционной России<sup>5</sup>.

Вместе с тем, обобщая столь внушительный информационный массив, трудно не согласиться с выводом исследователя К. Н. Морозова о том, что мотивы поведения Лопухина, «сдавшего» Азефа, и для современников, и для историков так и остались достаточно темными<sup>6</sup>.

На наш взгляд, «дело Лопухина» это своего рода апогей в постепенном развитии глубокого противоречия между Лопухиным как личностью, с одной стороны, и системой политического розыска, ее корпоративной моралью — с другой. Не случайно, отдельные наши современники относят Лопухина к числу первых диссидентов в рядах охраны<sup>7</sup>.

А. А. Лопухин (1864—1928) происходил из старинного дворянского рода, который вел свое начало от легендарного косоожского князя Редеди, жившего на рубеже X—XI веков. Из этого же рода вышла дочь боярина Федора Лопухина Евдокия, ставшая женой Петра I<sup>8</sup>. Несомненный интерес вызывают материалы исследования родственных связей А. А. Лопухина, осуществленного историком А. В. Островским. В них представлены не только именитые сановники, но и лидеры либеральной оппозиции, а также известные деятели революционного движения<sup>9</sup>.

Отец будущего директора Департамента полиции — Александр Алексеевич сделал стремительную карьеру по судейскому ведомству. Начал он мировым судьей первого призыва, затем в столице последовательно занимал должности председателя окружного суда, а с декабря 1877 года — прокурора Петербургской судебной палаты. На последнем посту он впал в немилость, так как по мнению властей не справился с задачей обвинения по одному из самых громких судебных процессов того времени — по делу В. И. Засулич (31 марта 1878 года)<sup>10</sup>. После этой «неудачи» он был направлен в Варшаву председателем судебной палаты, но вскоре ушел в отставку и занялся адвокатурой.

Архивные документы свидетельствуют о постепенном имущественном оскудении рода Лопухиных. В формулярном списке А. А. Лопухина при назначении его на должность директора Департамента полиции значилось, что у его родителей имеется во Владимирском уезде 600 десятин, в Орловском уезде 150 десятин земли и дом в городе Орле стоимостью около десяти тысяч рублей. Если бы он и унаследовал какую-то часть

этих земель (в семье, кроме него, было еще четыре сына), то все равно стал бы лишь мелкопоместным дворянином.

Женитьбой на княжне Екатерине Дмитриевне Урусовой (сестре князя Сергея Дмитриевича Урусова, Бессарабского и Тверского губернатора, товарища министра внутренних дел, впоследствии члена I Государственной думы) Лопухин своего имущественного положения не укрепил. Лопухины имели двух дочерей: Варвару и Марию, родившихся соответственно 24 августа 1889 года и 9 августа 1895 года. В окружении Лопухиных отмечали исключительную порядочность Екатерины Дмитриевны, которая позитивно влияла и оказывала моральную поддержку мужу. С. Д. Урусова и его сестру знали как людей прогрессивных взглядов. Они оказали значительное влияние на формирование у Лопухина умеренно-либеральных взглядов, во многом способствовали его продвижению по службе<sup>11</sup>. Должную принципиальность Екатерина Дмитриевна проявила и в вопросе публичного разоблачения Азефа<sup>12</sup>.

Вместе с тем, к «оскудевшим» по способностям, по уму, по воле к житейской борьбе Лопухиных, конечно же, нельзя было отнести. Все они отличались большой долей честолюбия, в особенности Алексей Александрович. После учебы в орловской гимназии (где он, кстати, учился вместе с П. А. Столыпиным<sup>13</sup>), Лопухин в двадцать два года закончил юридический факультет Московского университета и с 1886 года был зачислен на службу по ведомству министерства юстиции. За 16 лет непрерывной службы он сделал головокружительную карьеру — от кандидата на судебные должности при Тульском окружном суде до прокурора Харьковской судебной палаты, от коллежского секретаря — до действительного статского советника. Должности Лопухина чередовались с завидной быстротой и последовательностью: с декабря 1890 года — товарищ прокурора в Рязанском окружном суде; с ноября 1893 года — аналогичная должность в Московском окружном суде (здесь он впервые близко сходит с С. В. Зубатовым); с октября 1896 года — прокурор Тверского окружного суда, а в июне 1899 года перемещен прокурором Московского окружного суда. И наконец, в апреле 1900 года он назначается прокурором Санкт-Петербургского окружного суда. В связи со вспышкой крестьянских волнений в Полтавской и Харьковской губерниях и необходимостью рассмотрения большого количества политических дел, Лопухин в феврале 1902 года назначается исправляющим должность прокурора Харьковской судебной палаты<sup>14</sup>.

За годы службы в судебных органах и органах прокурорского надзора Лопухин зарекомендовал себя высокопрофессиональным юристом, прогрессистом и либеральным законником. За отличия в службе он имел ордена: святой Анны 2-й и 3-й степени и святого Станислава 2-й степени; болгарский орден «За гражданские заслуги» 1-й степени; Большой Офицерский крест итальянского Ордена Короны; сербский орден Святого Саввы 1-й степени<sup>15</sup>.

В 1901 году от министра внутренних дел Д. С. Сипягина поступает первое предложение Лопухину оставить министерство юстиции и стать вице-директором Департамента полиции. Лопухин отвечает решительным отказом, так как не приемлет сугубо полицейские методы тогдашнего директора С. Э. Зволянского. Поворотным пунктом в карьере Лопухина стал май 1902 года, когда он неожиданно для своего ближайшего окружения принимает предложение только что назначенного министра внутренних дел В. К. Плеве занять пост уже директора Департамента полиции<sup>16</sup>.

Сей «странный союз» радикала и либерала в то время объяснялся многими двойственно. С одной стороны, назначение Лопухина расценивалось в чиновничьих кругах как «заигрывание» Плева с либералами, своеобразный жест примирения с ними. С другой — определенной политической наивностью Лопухина, искренней убежденностью в том, что Плева не только на словах, но и на практике поддержит предложенную им программу реформирования системы политического розыска в стране.

Министр внутренних дел неоднократно публично заявлял, что от Лопухина он ожидает прежде всего реальных шагов по обеспечению в деятельности полицейского ведомства более строгого соблюдения закона. Сам же Лопухин, обосновывая свое решение, позднее писал: «Хотя я по существу и не считал себя пригодным для руководительства политическим розыском, но принял эту должность потому, что министр указывал на необходимость целого ряда реформ, вытекающих, по его мнению, из недостатков существующей системы розыска политического, которые, по его мнению, сводились к упразднению охранного отделения, реформе полиции и к передаче политических дел на рассмотрение суда»<sup>17</sup>.

В качестве важнейших фигурировали следующие меры: 1) уменьшить количество местных охранных отделений в целях усиления роли Департамента по непосредственному руководству деятельностью секретных сотрудников (агентов); 2) ограничить процедуры политических расследований строгими рамками закона; 3) положить конец односторонним «административным» мерам воздействия, подвергая задержанных лишь наказаниям, предусмотренным законодательством.

Лопухин утверждал, что в соответствии с этими изменениями Плева также обещал отменить «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года, предоставлявшее «особые» полномочия местным властям при задержании подозреваемых революционеров и расследовании их дел»<sup>18</sup>.

Однако, как показали уже близящиеся месяцы совместной работы Плева и Лопухина, их союзу была уготована «печальная участь». И если Плева занял позицию открытого игнорирования обещанной им поддержки программы реформ Лопухина<sup>19</sup>, подкрепляя ее время от времени заявлениями о своих личных ошибках в новом директоре Департамента полиции, то последний откровенно заявил князю С. Д. Урусову о том, что «Плева предал»<sup>20</sup>.

Таким образом, согласие Лопухина возглавить Департамент полиции было глубоко ошибочным и имело для него роковые последствия. В данном случае карьера действительно «перевесила» убеждения, а личное честолюбие явилось определяющим аргументом<sup>21</sup>.

Личная неприязнь между Плева и Лопухиным усугублялась и объективным характером накопившихся к этому времени «полицейских проблем». В стране надвигалась революция, однако полицейское ведомство явно не послевало за динамичной развития революционного движения. С особой наглядностью это проявилось в снижении эффективности «Положения» от 14 августа 1881 года, которое вводилось властью на три года как «печальная необходимость». Однако задача «водворения полного спокойствия и исключения крамолы» в реальности так и осталась неисполнимой.

В организационном отношении политическая полиция также находилась в «половинчатом» состоянии. Дело в том, что Отдельный корпус жандармов был и остался воинским формированием, плохо вписавшимся

в невоенное в основе своей министерство внутренних дел. Несмотря на то, что жандармерия и Департамент полиции были объединены подчинением одному лицу — товарищу министра, заведующему полицией, а на Департамент полиции было возложено руководство жандармерией по обнаружению и расследованию преступлений, корпус в значительной мере оставался независимым.

Лопухин по этому поводу писал: «Организация и воздействие на личный состав принадлежат командиру корпуса и его штабу, а руководство деятельностью — Департаменту полиции; первым присвоена вся власть без права вмешательства в существо деятельности жандармов, вторым — направление этой деятельности без власти»<sup>22</sup>.

12 августа 1902 года Плева утвердил «Положение о начальниках розыскных отделений», которое преследовало цель не только усилить политический розыск, но и укрепить административную власть. «Положение» определяло общую направленность организации и деятельности розыскных отделений, расширив полномочия их начальников, включая право ознакомления со следственными материалами губернских жандармских управлений, а в чрезвычайных ситуациях — право самостоятельно принимать решения.

13 августа Департамент полиции направил начальникам ГЖУ циркуляр № 5200, на основании которого в Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе и Харькове были учреждены розыскные отделения<sup>23</sup>. 26 и 27 сентября 1902 года в Департаменте полиции под председательством Лопухина прошло совещание начальников вновь созданных учреждений, на котором был разработан «Свод правил, выработанных в развитие утвержденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года “Положения о начальниках розыскных отделений”»<sup>24</sup>.

По мнению Лопухина учреждение охранных отделений было вызвано тем, что согласно «Положению» от 14 августа 1881 года, общей полиции был предоставлено право ареста «по основательному подозрению» наравне с жандармами. Вследствие этого полиция «нуждалась в специальных органах, каковыми и стали охранные отделения». Лопухин считал, что если бы полиция в деле преследования государственных преступлений была подчинена жандармерии, местная административная власть, вследствие независимого положения жандармов, несмотря на ответственность за положение в губернии, не смогла бы влиять на полицию. Поэтому охранные отделения «должны были явиться коррективами... к исключительному положению корпуса жандармов среди местных учреждений».

Начальники отделений находились теперь в непосредственных сношениях с губернаторами и градоначальниками, что значительно повышало их административную роль. Расширялась и осведомительная база розыскных отделений: губернаторы и градоначальники обязывались информировать начальников отделений обо всех революционных явлениях, а те, в свою очередь, информировали губернаторов и градоначальников о ходе розыска.

Создание охранных отделений сильно поколебало принцип жандармской исключительности. Не подчинявшиеся раньше никому, кроме штаба и командира корпуса, начальники губернских жандармских управлений обязаны были выполнять требования начальников охранных отделений и даже допускать их к своей переписке. О том, как относились жандармы к охранникам, можно судить по воспоминаниям начальника

киевского губернского жандармского управления генерала В. Д. Новицкого: «Злоба не только начальников жандармских управлений, но и вообще офицеров корпуса дошла до ужасающих пределов ненависти к своему шефу и Департаменту полиции, образовавшему филиальные жандармские управления в губерниях в лице ненавистных отделений...»<sup>25</sup>

В течение двух лет, сотрудничая с Плеве, Лопухин волей-неволей участвовал в осуществлении реакционного курса внутренней политики, что сказалось на его репутации в кругах либеральных деятелей. После ареста Лопухина в некоторых газетах говорилось о его прямой или косвенной ответственности за репрессивные акции Плеве. Однако многие газеты в то время, а позже ряд мемуаристов отмечали его попытки изменить методы деятельности Департамента полиции.

Прежде всего, нельзя не отметить неослабное стремление Лопухина искоренить провокацию как метод деятельности полиции. Позднее Лопухин говорил: «В России, при существовании революционных организаций, полиции обойтись без агентуры совершенно невозможно. Для меня весь вопрос сводился к тем границам, в которых агентура может существовать и действовать»<sup>26</sup>. В одной из своих директив начальникам охранных отделений он предписывал уделить особое внимание тому, чтобы агенты не участвовали в политических преступлениях.

Неоднозначно были оценены и кадровые изменения, осуществляемые по инициативе Лопухина. Л. А. Ратаев, бывший глава Особого отдела Департамента полиции, назначенный Лопухиным вместо П. И. Рачковского заведующим заграничной агентурой, утверждал, что проведенные Лопухиным перестановки в кадровом составе были губительны для организации в целом. Большой ошибкой, по его мнению, стал перевод С. В. Зубатова и Е. П. Медникова в Петербург (в Департамент полиции), это повлекло значительное ослабление Московского охранного отделения<sup>27</sup>.

Как известно, в 1903 году прошли крупные рабочие стачки в Одессе, Киеве, Николаеве. Лопухин лично посетил эти города и составил докладные записки, в которых обвинял местные власти в небрежности и некомпетентности, а хозяев заводов — в полном безразличии к насущным нуждам рабочих<sup>28</sup>.

Особая позиция Лопухина не могла не раздражать Плеве. Кадетская «Речь» писала: «Плеве был недоволен тем, что Лопухин не мог навести должного порядка в деятельности заграничной агентуры». Но все-таки главная причина — упорное стремление Лопухина провести в различных докладных записках мысль об опасной с точки зрения верхов предреволюционной обстановке в стране. Слишком дорога была для Плеве «честь мундира», ибо, как свидетельствует С. Ю. Витте, он «готов был задушить всякого, кого он мог заподозрить в способствовании его уходу с министерского поста»<sup>29</sup>.

Кратковременное пребывание после убийства Плеве на посту министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского во многом было связано с особенностями «правительственной весны». Лопухин посоветовал новому министру подать царю докладную записку о действительном положении в стране, но Святополк-Мирский уклонился от подобного шага. Тогда Лопухин представил в Комитет министров «Докладную записку» от своего имени, которая в январе 1905 года и была рассмотрена на заседании Комитета<sup>30</sup>.

В своей записке Лопухин с тревогой отмечал, что правительство в борьбе с революционным движением встало на путь беззакония и произвола. В этой связи, недовольство охватило такие слои населения, которые были всегда опорой порядка и власти. «На почве этого недовольства, — писал Лопухин, — самые ужасные проявления революционной деятельности подпольных кружков перестали вызывать хотя бы слабую реакцию. Общество, чуть ли не с одобрением, стало относиться к убийству тех, в лице коих, в его глазах, воплощались и чиновничье безразличие к насущным потребностям государства и народа и господство власти над законом, власти сильной только для преследования и бессильной для созидания, начавшей терять меру справедливости»<sup>31</sup>.

Падение Святополк-Мирского в определенной степени предопределило и падение Лопухина. Убийство боевиками-эсерами Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича в придворных кругах связывали с упущениями директора Департамента полиции. Огромное впечатление на власти и общество произвела смерть В. К. Плеве. «Строго посещает нас Господь гневом своим», — писал Николай II<sup>32</sup>. Д. Ф. Трепов, получив телеграмму об убийстве 4 февраля 1905 года великого князя Сергея Александровича, ворвался в кабинет директора Департамента полиции А. А. Лопухина и, бросив ему в лицо: «Убийца!», хлопнул дверью<sup>33</sup> (в свое время Лопухин отказался ассигновать дополнительно тридцать тысяч рублей, которые Трепов просил у него на организацию охраны великого князя). Ничего подобного в истории этого учреждения ранее не бывало.

4 марта 1905 года Лопухин был перемещен на должность эстляндского губернатора, что считалось оскорбительным понижением. 24 мая 1905 года Лопухин передал дела Д. Ф. Трепову, получившему при А. Г. Булыгине пост товарища министра внутренних дел, заведующего всеми политическими делами империи, командира корпуса жандармов. Многие современники отмечали личную неприязнь во взаимоотношениях между Лопухиным и Треповым, поэтому резкое служебное повышение последнего создавало реальную опасность для Лопухина. «Я знал, — отмечал А. В. Герасимов, — что у него (Лопухина. — А. К.) были конфликты с Д. Треповым и П. Рачковским, а затем и со Столыпиным, и я находил, что по отношению к нему правительство поступило нелояльно. Он был единственным директором Департамента полиции, за которым даже не сохранили оклада. Он был, естественно, огорчен и обижен, и все это делало понятным враждебное направление его мыслей»<sup>34</sup>.

15 октября 1905 года в Ревеле (Таллин) вспыхнул погром. Лопухин, не надеясь на войска и полицию, решился на отчаянный поступок: он предложил создать народную милицию из рабочих. На переговорах представители рабочих выдвинули встречное предложение — освободить из тюрьмы своих товарищей, арестованных в первые дни погрома. Лопухин, прекрасно осознавая факт превышения своих полномочий, а также его последствия, все-таки пошел на выполнение этого требования.

Подобными мерами Лопухин сумел избежать массовых беспорядков, однако, в Петербурге такие действия сочли недопустимыми для губернатора. По высочайшему повелению в конце октября 1905 года Лопухина уволили «по прошению», но без указания каких-либо причин. Увольнение не было окончательным — до 1 августа 1906 года Лопухин состоял еще «причисленным» к министерству внутренних дел и получал денежное содержание по 500 рублей в месяц<sup>35</sup>.

Жизнь Лопухина в отставке, как правило, не привлекает внимание исследователей, хотя была достаточно разнообразна. Вот лишь несколько примеров. В конце 1905 — начале 1906 годов С. Ю. Витте пытался использовать его для переговоров с «центральными еврейскими организациями», чтобы «добиться от них воздействия на еврейские массы в смысле воздержания последних от участия в революционном движении»<sup>36</sup>. Кроме того, в этот же период Лопухин, по свидетельству С. Ю. Витте, рассматривался даже в качестве кандидата на пост министра юстиции<sup>37</sup>. Тогда же Лопухин принял личное участие в громком и публичном разоблачении деятельности Департамента полиции, связанной с печатаньем погромных листовок<sup>38</sup>.

Оказавшись не у дел, Лопухин просился в адвокатуру, но по понятным причинам не был принят<sup>39</sup>, затем пытался наладить контакты с кадетами и даже предлагал им свои услуги по организации своеобразного партийного «департамента полиции». Опасаясь провокаций, кадеты от его услуг отказались<sup>40</sup>. Имеются также сведения, дающие основания предполагать, что в начале 1908 года он совместно с В. П. Обнинским и С. Д. Урусовым участвовал в попытках создания «Междупартии», которая должна была бы объединить революционные и оппозиционные силы (от мирнообновленцев до социал-демократов)<sup>41</sup>. Не позднее 1908 года Лопухин получил приглашение на службу от известного московского банкира Лазаря Полякова и выполнял отдельные его поручения<sup>42</sup>.

Моральные соображения и уязвленное отставкой самолюбие толкали Лопухина в объятия противников монархии. Таковы объяснения некоторых поступков бывшего директора Департамента полиции, в том числе согласие на знакомство с Бурцевым, состоявшееся в 1906 г., когда Лопухин посетил редакцию журнала «Былое» под предлогом переговоров о публикации в журнале воспоминаний князя С. Д. Урусова. Затем бывшие народоволец и директор Департамента полиции встречались еще несколько раз. Встречи проходили под знаком настойчивого желания Бурцева узнать от Лопухина настоящую фамилию провокатора Раскина (агентурная кличка Азефа. — А. К.). Лопухин каждый раз уклонялся от ответа, и лишь весной 1908 года во время очередной встречи с Бурцевым в Териоках (Зеленогорске) впервые «дрогнул» и дал понять о возможности такой информации в ходе специальной встречи в Европе.

Эта встреча, состоявшаяся в поезде Кельн—Берлин (сентябрь 1908 года), подробно описана Бурцевым; главный ее результат — в ответ на сообщение Бурцева о том, что именно Азеф организовал покушение на Плеве и великого князя Сергея Александровича (а это и явилось причиной увольнения Лопухина) обида взяла верх, и Лопухин все рассказал об Азефе<sup>43</sup>. Позднее (10 декабря 1908 года. — А. К.), несмотря на личные уговоры Азефа<sup>44</sup>, а также на официальное предупреждение начальника С.-Петербургского охранного отделения генерала А. В. Герасимова об ответственности за разглашение подобных сведений<sup>45</sup>, Лопухин подтвердил свои сообщения об Азефе во время встречи в Лондоне с членами «третейского суда» партии социалистов-революционеров А. А. Аргуновым, В. М. Черновым и Б. В. Савинковым<sup>46</sup>.

Лопухин, конечно же, не мог предполагать, что по инициативе Столыпина он скоро будет привлечен к суду Особого присутствия Правительствующего сената как государственный преступник, как человек, якобы вступивший в сговор с тайной революционной организацией.

До конца следствия Лопухин надеялся, что в действиях его не будет обнаружено состава преступления. «Я был уверен, — писал он, — что

дело обо мне будет прекращено, если не по заключению Прокурорского надзора, то Судебной палатой...»<sup>47</sup> Однако, минуя Петербургскую судебную палату, Сенат 2 апреля 1909 года принял решение о предании Лопухина суду Особого присутствия на основе повеления императора от 23 февраля по ст. 102, п.п. 1 и 3 Уголовного уложения.

Суд, состоявшийся с 28 по 30 апреля 1909 года был «скорым и кратким». Судьи единодушно признали Лопухина виновным и вынесли приговор — пять лет каторги, с лишением прав<sup>48</sup>. После апелляции Лопухина отдел кассаций сената смягчил приговор — каторга была заменена ссылкой на тот же срок с лишением прав.

«В судебном заседании, — пишет П. Г. Курлов, — в деянии Лопухина ярко выразилось отсутствие состава преступления. Обвинение было предъявлено по 102-й статье Уголовного уложения, для применения которой необходима была принадлежность подсудимого к тайному преступному сообществу, что, конечно, не имело ни малейших фактических оснований. Тем не менее Лопухин был осужден и сослан в Сибирь на поселение. Такой приговор оказал правительству дурную услугу, дав левым партиям возможность не без основания обрушиться на власть за превращение суда в орудие политической борьбы»<sup>49</sup>.

После четырех лет ссылки, которую он отбывал сначала в Минусинске, а с 1911 года — в Красноярске, Лопухин 21 апреля 1913 года был помилован царем по прошению его брата полковника Д. А. Лопухина. Вернувшись из Сибири, Лопухин поселился в Москве. Некоторое время он занимался адвокатурой, но потом посвятил себя банковской деятельности. С 1913 года Лопухин — вице-директор Сибирского торгового банка в Москве. Переехав в Петроград, он в 1916 году стал членом правления Международного коммерческого банка. Похоже, что именно как поверенный в финансово-предпринимательской сфере Лопухин и нашел себя. Его способности на этом поприще еще до его ареста засвидетельствовала такая авторитетная газета, как «Биржевые ведомости»: «У А. А. Лопухина имеются прекрасные связи в Лондоне, среди местных финансистов он славится умом, практической сметкой, безукоризненной деловой корректностью»<sup>50</sup>.

В 1917 году Лопухин участвовал в деятельности межбанковских организаций: Комиссий для предварительной разработки вопроса о хлебозаготовочных операциях в условиях хлебной монополии и по вопросу об участии банков в финансировании лесной промышленности<sup>51</sup>. После Февральской революции Лопухин наряду с другими руководителями Департамента полиции давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства<sup>52</sup>.

После Октябрьской революции 1917 года в течение пяти лет Лопухин продолжал жить в Москве (здесь он написал свои мемуары<sup>53</sup>), а затем по разрешению советского правительства выехал во Францию. Почему он не был репрессирован? Очевидно, были приняты во внимание его «громкие» разоблачения царской полиции, а также некоторая лояльность по отношению к новой власти. Монархическими кругами эмиграции он был встречен враждебно (не могли простить ему «предательское поведение»). Неприязненно был оценен и тот факт, что ему была предоставлена возможность свободного выезда из Советской России. В эмиграции Лопухин держался в стороне от ее политических центров, занимаясь исключительно деловой финансовой деятельностью.



Подводя итог жизненного пути А. А. Лопухина, вполне уместно привести оценку Е. П. Медникова, который в своем письме к С. В. Зубатову писал: «Вот судьба. Сперва сулила благие надежды, а сейчас одно горе»<sup>54</sup>.

Умер Лопухин 1 марта 1928 года в Париже от сердечного приступа<sup>55</sup>. В иностранной и русской эмигрантской печати вспоминали, что его имя одно время не сходило со страниц газет со скандальным разоблачением Азефа.

Мемуары А. А. Лопухина «Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте)» — представляют изложение его взглядов на различные стороны политической жизни России начала XX века, содержат характеристики ряда государственных деятелей, а также рассказы о Ходынской катастрофе 1896 года и расследовании ее причин, о конституционных планах правительства в 1904—1905 гг. Они неизменно пользуются популярностью как у специалистов, так и читателей, интересующихся отечественной историей.

*Александр Калмыков*

### С. П. БЕЛЕЦКИЙ — «ПОЭТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕМЕСЛА»

Звездным часом в жизни Степана Петровича Белецкого, событием, определившим всю дальнейшую служебную карьеру, стала его встреча в Ковно, центре одной из западных губерний, с П. А. Столыпиным. Тогда, в 1899 году, мало кому известный губернский предводитель дворянства высоко оценил служебное рвение, добросовестность в работе над бумагами скромного управляющего канцелярией ковенского губернатора, одновременно успевавшего работать во множестве местных административных органах и попечительских организациях.

Без ложной скромности Белецкий вспоминал: «Столыпин имел удовольствие (! — А. К.) со мной познакомиться в общей работе по комиссии народного продовольствия, где он состоял в качестве губернского предводителя дворянства...; мною был написан целый ряд записок. Это дало Столыпину возможность познакомиться с моей деятельностью и с моей работой».

В 1899 году на средства уездного попечительства о народной трезвости в Ковно был открыт первый в России народный дом. Строился он по инициативе и под наблюдением Столыпина, который как уездный предводитель дворянства возглавлял попечительство, а усердным, трудолюбивым делопроизводителем в нем работал все тот же Белецкий.

Первый опыт административной работы родившийся в 1872 году выходец из мещан Черниговской губернии получил в канцелярии киевского генерал-губернатора после окончания в 1894 году «по первому разряду» юридического факультета Киевского университета. Впрочем уже в первых шагах Белецкого по служебной лестнице можно разглядеть предвесь будущей полицейской карьеры. Молодой юрист одновременно занял должность исполняющего обязанности инспектора по надзору за типографиями и учреждениями книжной торговли.

Тринадцать лет провел Белецкий в стенах губернаторских канцелярий в Киеве, Ковно, Вильно и Гродно, во многом повторяя географию начальной карьеры Столыпина. Не имея дворянского достоинства, он смог за это время выбиться только в старшие помощники делопроизводителя.

С неожиданного назначения Столыпина в 1906 году министром внутренних дел (а через три месяца и премьер-министром) начинается крутой поворот и в судьбе Белецкого. В тридцать три года он становится Самарским вице-губернатором, а через два года, в июле 1909 года Столыпин забирает его в Департамент полиции, сразу дает ему должность исполняющего обязанности вице-директора (через полгода Белецкий освободится от приставки «и. о.») и ставит во главе законодательного отдела Департамента. «Там, — вспоминал Белецкий, — рассматривались выработанные Столыпиным вопросы по реформе Департамента: вопрос о паспортном уставе, социальные законы, по рабочему вопросу... Кроме того, я был во всех комиссиях представителем по всем законопроектам, которые представлялись. Потом я заведовал финансовым отделом Департамента».

Последнее требует особого пояснения. Только покровительством Столыпина и неутомимой работоспособностью Белецкого, готового ночи напролет готовить документы для срочных докладов своего покровителя или его заместителя А. А. Макарова, можно объяснить тот невероятный факт, что новому человеку в Департаменте полиции поручили заведовать святой святых ведомства. В его руках находились все отчеты, переписка и другие документы как об открытых кредитах, выделяемых Департаменту Государственной думой, так о секретных суммах, которые не подлежали внешнему контролю и какой-либо огласке и расходовались на тайные дела Департамента. «Это фонд, которым пользовались довольно широко, на разные дела, — признавался позже Белецкий. — Конечно, не лично на себя, а на такие дела, которые имели отдаленное отношение; например, Распутин нам очень дорого стоил». Одной из самых значительных статей секретного фонда была оплата секретных сотрудников. Малиновский, например, один из самых высокооплачиваемых таких сотрудников, в 1912—1914 он получал в месяц не меньше оклада сенатора!

Убийство Столыпина 1 сентября 1911 года не остановило быстрого продвижения Белецкого к вершинам административной власти. Преемник Столыпина, бывший товарищ министра Макаров становится новым министром, а новым директором Департамента полиции через три месяца он назначает завоевавшего к этому времени прочное уважение среди сотрудников ведомства Белецкого.

Только с этого момента Белецкий впервые непосредственно начинает заниматься политическим розыском, с этого момента он начинает выводить полицейскую провокацию, подорванную в 1908—1909 годы разоблачением Азефа, скандалом в Государственной думе и судом над бывшим директором Департамента полиции А. А. Лопухиным, на новый виток в ее развитии.

Материалы допроса Белецкого в Чрезвычайной комиссии Временного правительства в 1917 году помогают понять, как он сам оценивал использование методов провокации в политическом розыске:

*Председатель.* — ...Но как все-таки обстояло дело с законностью деятельности Департамента полиции, которым содержал лиц, совершавших формальное преступление и получавших за это плату от правительства?

*Белецкий.* — Понималось так: правительство боролось теми же путями, какими шла революция. Ведь революционные организации также имели своих лазутчиков, они также старались проникнуть и в жандармское управление, и в Департамент полиции...

*Председатель.* — Значит, вы не рассматривали этого вопроса с точки зрения соответствия с законом?

*Белецкий.* — С этой точки зрения ни я, ни кто из моих предшественников не рассматривал. ...Потому что проникнуть в партийную организацию, в особенности в партию с-р., никакими другими путями вы, конечно, не в состоянии...

*Председатель.* — Значит, иных способов политической борьбы, кроме способов безнравственных и политически незаконных, в распоряжении Департамента полиции не было?

*Белецкий.* — Я просил бы указать, какой другой способ мог быть».

«Поэт полицейского ремесла», как в те годы с иронией называли Белецкого, к работе на новой ступеньке своей стремительно взлетавшей карьеры отнесся со столь свойственным ему служебным рвением. Встав у руля российского политического розыска, он отнюдь не ограничился возрождением активного использования провокации. В период его директорства быстро развивались научные методы полицейского дела. «Все, что было нового в подпольной прессе и на русском и заграничном книжном рынке из области социальных вопросов, все выписывалось, переводилось, читалось, посылалось в форме ежемесячников розыскным офицерам», — с гордостью отмечал Белецкий. Многих из них он командировал за границу для обмена опытом с иностранными органами политического розыска, созвал первое совещание начальников сыскных отделений. Именно Белецкий положил начало использованию подслушивающих устройств в практике слежки. Первые такие «жучки», купленные за границей, были установлены в помещениях, которые в Таврическом дворце занимали большевистские депутаты.

Слежке за российскими социал-демократами Белецкий, в отличие от своих предшественников на посту директора Департамента, уделял основное внимание. После разгрома эсеровских террористических организаций именно рост активности и организованности обеих крыльев РСДРП беспокоил органы политического розыска прежде всего. «Более серьезную опасность в ту пору, — как считал сам Белецкий, — представляли меньшевики, которые обдуманно, не порывисто, сознательно и постепенно шли к намеченной ими цели, нанося незаметные, но мне ощутимые удары; в это время намечалось со стороны меньшевистской партии стремление путем уступок идти на реальное полное слияние с большевиками, и я понимал, насколько такая соединенная и сплоченная сила была опасна существовавшему строю с точки зрения будущего, поэтому этого соединения я не должен был допустить».

Пропаганда раскола в РСДРП была главной задачей многочисленных секретных сотрудников, которые наводнили как большевистские, так и меньшевистские организации.

Доходило до абсурда. Как-то случайно встретились два видных работника РСДРП: один меньшевик-примиренец А. К. Маракушев, а другой большевик, «товарищ Георгий» (А. С. Романов). Между ними состоялась обстоятельная беседа о возможности совместной работы меньшевиков и большевиков. Два социал-демократа порознь послали свои отчеты об этой встрече, но отнюдь не в Организационный комитет или ЦК РСДРП, а в Департамент полиции, где оба служили платными осведомителями под кличками «Босьяк» и «Пелагея».

В истории Департамента полиции имя Белецкого неразрывно связано с тремя громкими скандалами. Первый был прямым следствием его одержимости идеей раскола между большевистской и меньшевистской фракция-

ми РСДРП. Единство усилий Департамента полиции и лидера большевиков В. И. Ленина в этом вопросе просто поразительно, при всем различии причин их активности на этом поприще. В своем стремлении установить полный полицейский контроль за действиями леворадикальных групп, Белецкий не остановился даже перед внедрением своего агента в депутатский корпус Государственной думы. Так возникло «Дело Малиновского».

Р. В. Малиновский был завербован Московским охранным отделением в мае 1910 года при аресте по делу об организации подпольной типографии в Ярославле. Обещанием не дать делу законный ход, а также угрозой широкой огласки уголовного прошлого Малиновского жандармскому ротмистру В. Г. Иванову удалось склонить к сотрудничеству весьма популярного в рабочей среде недавнего секретаря петербургского профсоюза металлистов. Два года он, будучи чрезвычайно активным партийным агитатором и прекрасным оратором, переправлял в охранный отдел по 2—3 донесения в неделю, в которых давал полиции ценную информацию о деятельности московских социал-демократов, как большевиков, так и меньшевиков, подводя и тех и других под многочисленные аресты.

В январе 1912 года «русский Бебель», как прозвали Малиновского меньшевики, был послан в Прагу на партийную конференцию от социал-демократов, работавших в легальных рабочих организациях Москвы. Благословил его на эту поездку и Белецкий, дав через начальника охранный отделения полковника А. П. Мартынова поручение Малиновскому «войти в доверие к Ленину, остановить на себе внимание, как его, так и окружающих г. Ульянова лиц, ... и произвести своими выступлениями известное впечатление в свою пользу». Это поручение совпало с тщеславным желанием самого Малиновского занять в партии максимально видное место. Ленину и другим участникам конференции Малиновский очень понравился. На последнем заседании он был избран в ЦК РСДРП и сразу же назначен кандидатом от ЦК на баллотировку от рабочей курии в Государственную думу IV созыва.

И Мартынов, и Белецкий были очень довольны результатами пражской командировки Малиновского. Дерзкий и чреватый весьма неприятными последствиями план по внедрению полицейского агента в среду думских депутатов-радикалов одобрил и министр внутренних дел А. А. Макаров.

Ленин и его соратники, вновь, как и в вопросе о размежевании с меньшевиками, действуя неведомо для себя заодно с Белецким, обеспечили не только агитационную поддержку выдвигенцу ЦК, но и снятие амбициозными конкурентами Малиновского своих кандидатур.

Не менее сложной оказалась задача Департамента полиции. За две недели до достижения Малиновским необходимого для участия в выборах шестимесячного непрерывного стажа работы на подмосковной фабрике Фермана ему объявили о предстоящем расчете. Воспользовавшись тем, что мастер, настаивавший на расчете, уехал в Бородино на торжества по случаю 100-летия Отечественной войны 1812 года, Малиновский подкупил в его отсутствие конторщика, и тот оформил ему до расчета отпуск на необходимое для стажа время. Однако этого было мало. Вернувшись через несколько дней в Москву, мастер тут же обнаружил бы подлог. Белецкий вместе с Мартыновым не находят иного выхода помочь Малиновскому, как ...арестовать мастера М. С. Кривога под видом «выяснения его личности в связи с пребыванием государя в Бородине, чтобы этим путем в течение двух недель содержания Кривога под стражей дать возможность Малиновскому закончить свой избирательный ценз».

На этом трудности в реализации своего плана у заговорщиков не закончились. Дело в том, что закон о выборах в Государственную думу запрещал избрание в депутаты лиц, имевших в прошлом судимости. Малиновский же в 1899 году был осужден за кражу со взломом на три года и полностью отбыл это наказание. С целью обойти неожиданное препятствие, было решено, во-первых, не посвящать московского губернатора В. Ф. Джунковского, отвечавшего за ход выборов, в эти темные стороны биографии кандидата в депутаты. Во-вторых, Малиновский, с ведома Мартынова, использует полученный обманном путем отпуск для того, чтобы съездить к себе на родину в Польшу, в Плоцкую губернию, и там за новую взятку, на этот раз писарю, получить фиктивную справку о несудимости. Эта справка заменила аналогичный документ из министерства юстиции, где фигурировала бы не только судимость 1899 года за кражу со взломом, но и две предыдущие кражи Малиновского.

Так, ценой подлога, двойного подкупа, ареста и содержания под стражей заведомо невиновного человека, осенью 1912 года секретный сотрудник московского охранного отделения по кличке «Портной» становится депутатом IV Государственной думы, переезжает в Петроград, где его непосредственным полицейским «куратором» становится сам Белецкий, и получает новую кличку «Икс».

Ни один директор Департамента полиции до того не брался за такую работу, оставляя ее подчиненным. Белецкий же, ведомый утопической надеждой «руководить при посредстве Малиновского деятельностью РСДРП», регулярно выезжал на встречи со своим осведомителем, которые устраивались в заказанных на подставное лицо отдельных кабинетах второклассных и первоклассных ресторанов, имевших двойные входы. Он приходил заранее, чтобы возможная слежка, установленная за Малиновским, не могла догадаться о его присутствии. Эти тайные встречи происходили регулярно вплоть до середины 1913 года в присутствии вице-директора Департамента полиции С. Е. Виссарионова, игравшего на них роль стенографа и эксперта, а позже один на один. Нередко Белецкий отрывал от блокнота листок с записями очередного донесения Малиновского, ставил на нем свою резолюцию и передавал чинам Департамента для оперативного исполнения.

Однажды, в то время, когда архив фракции большевиков перекочевывал с место на место, переходя на сохранение каждого из шестерки большевистских депутатов, Малиновский по желанию Белецкого, доставил архив ему на квартиру, и за ночь в политическом отделении департамента из этого архива было перепечатано все, что могло представить интерес для полиции.

Наибольшей трудностью в работе с Малиновским было для Белецкого редактирование его выступлений в Думе. «Самым для меня острым моментом из всех выступлений Малиновского за мой период, — признавался он, — было выступление его в декабре... 1912 года с провозглашением декларации партии. Текст декларации мне дал Малиновский на свидании 27 ноября 1912 года; каждый пункт он отстаивал сильно, боясь с первых же шагов во фракции возбудить к себе подозрительность со стороны своих сочленов, но вместе с тем каждый пункт был неприемлем для меня... Единственным пунктом, который я отвоевал, это было то место декларации, где выставлялось требование о широком народовластии, и видоизменил его в несколько смягченной форме... я сговорился с Малиновским относительно того, чтобы он всем своим поведением на кафедре Государственной думы... вы-

вел из равновесия председателя... и вызвал нервность отношения к себе со стороны депутатов умеренных партий... М. В. Родзянко принужден был лишиться при шуме и криках депутатов правой и умеренных групп Малиновского слова, и он, не дойдя даже до оглашения одной трети декларации, под аплодисменты своей партии сошел с кафедры Государственной думы». Эта курьезная ситуация: директор Департамента полиции правит речь, написанную для его агента Лениным, — прекрасный пример тех тупиков, в которых не раз оказывались мастера политической провокации!

Белецкий активно использовал своего агента и для борьбы с большевистской «Правдой». Он понимал, что для нелегальной партии газета является одним из самых важных и прочных звеньев в цепи, которая связывала между собой партийные низы с верхами. Малиновский, работая в «Правде», держал его в курсе планов редакции, ее повседневной работы, передавал Белецкому списки подписчиков и распространителей газеты с их адресами и т. д.

По распоряжению Белецкого полиция следила за тем, чтобы до пропуска первого очередного номера цензором газета не выпускалась из типографии. Специальное постановление возлагало такую строгую личную ответственность владельцев типографий за это, что они отказывались печатать у себя «Правду». Полиция следила и за разносчиками «Правды», не допуская их, по возможности, в фабричные районы и скупая в нужных случаях номера газеты, а тех рабочих, которые сами приходили в типографию для забора номеров на фабрики, охранное отделение держало на специальном учете. Когда задерживалось судебное решение о конфискации тиража, и Белецкий не успевал вовремя передать его на места губернаторам и начальникам жандармских управлений, то специально проинструктированная на этот случай жандармская железнодорожная полиция препятствовала выдаче полученного газетного багажа адресатам.

В 1911—1913 годы полицейское ведомство, руководимое Белецким, приняло активное участие в расследовании уголовного дела, которое имело широчайший резонанс и надолго приковало к себе внимание самых разных общественных слоев не только в России, но и за рубежом. Речь идет о т. н. «деле Бейлиса», раскрученном министром юстиции И. Г. Щегловитовым с подачи крайне правых организаций.

Превращение рядового расследования в громкое дело о «ритуальном убийстве» киевскими евреями христианского мальчика пришлось на самый конец премьерства Столыпина, а после его убийства 1 сентября 1911 года перешло по наследству к следующим министрам внутренних дел: сначала Макарову, а затем Н. А. Маклакову.

Ход как расследования, так и судебного разбирательства анализировался и направлялся непосредственно министрами юстиции и внутренних дел. Живейший интерес к «делу Бейлиса» проявлял и император Николай II. Именно им делал доклады, неоднократно приезжая для этого в столицу, прокурор киевской судебной палаты Г. Г. Чаплинский, руководивший расследованием. На долю Белецкого как директора Департамента полиции ложилась общая ответственность за действия киевской полиции, проявившей себя во время расследования далеко не лучшим образом с точки зрения профессионализма.

Кроме того, Белецкий приказал начальнику киевского жандармского управления установить филерское наблюдение за всеми 23 присяжными заседателями. «Наблюдение ведите вплоть до начала слушания дела,

*инструктируйте филеров самым подробным образом, — подчеркивал он, — дабы наблюдение было проведено тонко и умело... Накануне разбора дела все подробности наблюдения донесите мне по телеграфу для доклада господину министру». Хорошо скрытая слежка за присяжными по «делу Бейлиса», понадобилась департаменту полиции отнюдь не для обеспечения их безопасности, а для того, чтобы помочь обвинению: «Желательно осветить их сношения, возможность влияния на них и все малейшие данные, могущие дать судебной власти отправную точку для суждения о настроении их». На время процесса к присяжным заседателям были даже приставлены два жандармских унтер-офицера, переодетых в форму судебных курьеров, которые прислуживали им, подавали чай и одновременно подслушивали их переговоры между собой не только в зале суда, но и в «святой святых» — совещательной комнате.*

Для оперативного получения в столице информации о ходе процесса Белецкий командировал в Киев двух сотрудников Департамента полиции — В. А. Дьяченко и П. Н. Любимова. Чиновник для особых поручений, статский советник Дьяченко каждую ночь (заседания кончались поздно вечером) слал Белецкому шифрованную телеграмму с сообщениями о событиях за истекший день. Любимов, аккредитованный на процессе как репортер «Вестника полиции», свои донесения посылал реже, но зато они имели развернутый, аналитический характер. Все добытые сведения сообщались Белецким министру внутренних дел Маклакову, а копии с донесений Дьяченко и Любимова доставлялись лично министру юстиции Щегловитову. Часто они содержали весьма неприятные для адресатов сведения о слабости аргументов обвинения, о неэффективности действий органов сыскальной полиции в Киеве, о неэффективности слежки за присяжными заседателями и т. д. Давая общую оценку завершившемуся процессу, Любимов откровенно докладывал своему шефу: *«Даже прокурор, и тот должен был сказать, что в этом деле издевательство полиции над обывателями прошло красной нитью... Нам, всей полиции брошено столько обвинений, что не реагировать на них нельзя... Процесс Бейлиса — это политическая Цусима, которую никогда не простят».*

В 1913 году служебная карьера Белецкого делает крутой зигзаг. У него появляется новый начальник, бывший московский губернатор В. Ф. Джунковский, про которого газета «Утро России» писала: «Истинно порядочный человек в частной жизни, В. Ф. Джунковский всецело перенес эту порядочность в область служебных отношений». После своего назначения на должность товарища министра внутренних дел и, соответственно, командира отдельного корпуса жандармов, он повел решительное наступление на методы провокации в политическом розыске и стал сокращать непомерно разросшуюся сеть секретных агентов.

Первыми были ликвидированы осведомители в армии и в средних учебных заведениях. Джунковский считал настоящим «развратом» действия военной агентуры, которая порой сама подпольно распространяла листовки, сообщала жандармскому офицеру, кто их взял, а производимые затем аресты создавали видимость успешной борьбы с крамолой в армии. Он страшно возмутился также, увидев однажды в списке секретных сотрудников гимназистов седьмого и шестого класса. Белецкий не спорил со своим новым начальником, но его распоряжения пытался саботировать, пользуясь в этом поддержкой вице-директора Департамента Виссарионова и начальников отделений. «Относительно Белецкого, — говорил позже Джунковский, — я определенно усматривал, что много

было таких дел, которым я дам одно направление, а потом узнаю, что им дано другое направление. ...Он считал, что я гублю розыск, что я вмешиваюсь в такие дела, в которые мне вмешиваться не нужно, а я настаивал».

Неизбежный финал таких отношений был не за горами. Сначала был уволен Виссарионов, а в конце января 1914 года покинул здание на Фонтанке, 16 и Белецкий, но, как оказалось, не надолго. В свои сорок лет он не хотел ставить крест на активной политической карьере. В почетной должности сенатора первого департамента, которое нашел для него Джунковский, чтобы без скандала расстаться с бывшим директором Департамента полиции, Белецкий просидел лишь полтора года.

Врожденный талант Белецкого быть полезным сильным мира сего помог ему найти новые связи, которые позволили в короткий срок вернуться на авансцену большой политики. Вместе с А. А. Хвостовым, одним из лидеров крайне правых в IV Государственной думе, который сам про себя говорил, что он — человек «без задерживающих центров», и также стремился к продвижению в министерские сферы, Белецкий обратился за содействием к князю М. М. Андронникову. «Я могу сказать, — писал позже Белецкий, — что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андронников не проводил кого-нибудь в министры под тем или другим предлогом». Одним из главных инструментов влияния Андронникова при дворе была его дружба с Г. Е. Распутиным, который достиг пика своего влияния при дворе именно к 1914 году. Распутин-то и стал новым покровителем Белецкого.

Произошло это, однако, не сразу, и тому были веские причины. Белецкий, в бытность директором Департамента полиции, по распоряжению министра внутренних дел отвечал за охрану Распутина. День и ночь несколько филеров одновременно и охраняли его, и следили за каждым его шагом. Ежедневные дневниковые записи филеров содержали множество фактов аморального поведения Распутина, и через Белецкого они стали известны преданному трону генералу Богдановичу, который использовал их для того, чтобы в своих очередных письмах в Зимний дворец выступить против Распутина. Эти же сведения он предоставил и великому князю Николаю Николаевичу, который из поклонника Распутина превратился к тому времени в его яростного врага. Распутин знал об источнике компромата и числил Белецкого среди своих недоброжелателей.

Тем не менее, в конце лета 1915 года, Андронников убедил преданную поклонницу Распутина и ближайшую подругу императрицы фрейлину А. А. Вырубову принять у себя Хвостова и Белецкого. Встретили они, по словам Белецкого, «доверчивый прием» и очень скоро завоевали полное ее доверие. Вырубова заверила императрицу, что только Белецкий может обеспечить надежную охрану «нашему другу», как называли между собой Распутина царская чета и она. Это была почти победа. Почва для сближения с Распутиным была готова. Оставалось лишь ждать удобного случая, и он не замедлил представиться.

1 июня 1915 года товарищ министра внутренних дел Джунковский во время личного доклада царю сообщил ему о пьяном дебоше Распутина в подмосковном ресторане «У Яра» и других похождениях любимца императрицы, которые, по мнению генерала, подрывали доверие к трону в глазах народа. Николай II поблагодарил его за службу, на несколько месяцев удалил Распутина из столицы, а в августе запиской министру внутренних дел отстранил Джунковского от должности без объяснения причин.

Как только Джунковский отбыл в действующую армию, чтобы принять командование дивизией, пробил час Белецкого. Получив назначение на место своего недруга, он не замедлил отплатить ему сторицей за свое унижение. Из секретных сумм Департамента полиции Белецкий выдал 6.5 тысячи рублей на издание брошюры, которая вобрала в себя все обвинения правых в адрес Джунковского. Автор брошюры, журналист Тихменев, упрекал его за сочувствие не только либеральному, но и освободительному движению, «проявленное им в служебных действиях, начиная с его губернаторства в Москве в 1905 году». Разумеется, не была забыта и ликвидация Джунковским полицейской агентуры в армии и другие «прегрешения» генерала. Брошюра была отпечатана в 500 экземплярах. 10 ее экземпляров были привезены в Царское село для Вырубовой, несколько брошюр досталось Распутину и дворцовому коменданту генералу Воейкову.

Одновременно с назначением Белецкого товарищем министра внутренних дел портфель министра вручают Хвостову. Начинается недолгий период их тесного сотрудничества, и одной из основных забот для обоих становится охрана их благодетеля Распутина.

Белецкий вспоминал потом, что при его первой встрече с Распутиным в присутствии Вырубовой ему «было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения». Однако очень скоро это чувство неловкости у Белецкого прошло. Готовый на все ради продолжения своей карьеры, обладающий громадной властью, знаток всех дворцовых интриг Белецкий был нужен Распутину не меньше, чем тому Распутин. Их сближению немало помог и полковник М. С. Комиссаров, поставленный Белецким для непосредственного руководства охраной Распутина и сразу вошедший в доверие к подозрительному «старцу». После того, как Комиссаров подыскал подходящую квартиру для конспиративных встреч Хвостова, Белецкого и Комиссарова с Распутиным, такие встречи стали регулярными. Во время встреч устраивались обеды, «мы, — писал позже Белецкий, — вели нужные беседы, и в свою очередь Распутин передавал нам содержание своих разговоров с высокими особами и с Вырубовой и всякий раз обращался к нам с какой-либо просьбой или прошением, его интересующим».

Зависимость от Распутина, необходимость потакать его прихотям, беспокойство за репутацию в случае огласки их тесных связей с такой одиозной личностью скоро стали тяготить приятелей. Да и связи их при дворе упрочились настолько, что они, как считали, вполне могли обходиться без Распутина в достижении своих карьерных целей.

В голове у Хвостова начинает зреть план ни много, ни мало, физического устранения Распутина. Поразмыслив, Белецкий и Комиссаров, решили в авантюре своего легкомысленного и абсолютно не способного к конспирации начальника не участвовать, но и Хвостову этого не показывать. Когда Хвостов догадался об обмане, понял, почему тормозится исполнение всех его распоряжений на этой счет, он решил прибегнуть к помощи С. М. Труфанова (бывшего иеромонаха Илиодора), однажды уже покушавшегося на жизнь Распутина. Посланец Хвостова к Труфанову, скрывавшемуся в Швеции с компрометирующими императорскую семью письмами Распутина, газетный репортер Б. М. Ржевский, оказался еще менее серьезным человеком, чем сам Хвостов. Не успев покинуть пределы России, он затеял скандал с жандармским офицером на границе в Белоострове, в ходе которого, не думая о судьбе своей деликатной миссии, стал бахвалиться своими связями с министром внутренних дел, а возвращаясь в Россию,

подчеркнул во время таможенного досмотра, что «его поездка за границу носила характер секретного, лично ему министром отданного поручения».

Получив оба донесения от заведующего пропуском через границу, Белецкий решает на открытые действия против своего шефа, понимая, что непредсказуемость поведения Хвостова и его неразборчивость в выборе своих помощников может погубить и его самого. Он арестовывает Ржевского, получает в результате его обыска и допроса доказательство заговора Хвостова и Труфанова с целью убийства Распутина и назначает следствие по этому делу. Хвостову удается на какое-то время отвести от себя обвинения Белецкого. Он отстранил его от должности товарища министра и добился назначения его на пост иркутского генерал-губернатора. Однако через Комиссарова Распутин, Вырубова, а значит и императорская чета вскоре узнали о предыдущих планах Хвостова убить Распутина. 3 марта 1916 года Хвостов также получает указ об отставке.

Белецкий не успевает выехать к новому месту службы, как 7 марта 1916 года в «Биржевых ведомостях» появляется его интервью. Очевидно бурные события последних месяцев лишили его привычной осмотрительности, и он с помощью довольно прозрачных намеков рассказал корреспонденту все основные перипетии «дела Ржевского». Поскольку до того все подробности этого дела не выходили за пределы узкого круга лиц, публичная огласка наделала немало шума и вызвала резкое недовольство Николая II. Прошло несколько дней, и неосторожность Белецкого привела к потере им и генерал-губернаторского кресла.

Последние месяцы перед Февральской революцией Белецкий как бы вновь возвращается к началу своей карьеры и работает в различных неправительственных организациях: уполномоченным Комитета великой княгини Марии Павловны по снабжению одеждой нижних чинов, в Георгиевском комитете, в Комитете великой княгини Ксении Александровны.

Временное правительство, образовавшееся в ходе революции, объявило о создании Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию преступлений свергнутого царского режима. В числе других руководителей политического розыска был арестован и Белецкий. Его показания были самыми многословными. Во время допросов он не раз плакал, а однажды с чувством воскликнул: «Я прошу верить, что во мне лично перелом произошел, что я понял многое из того, что было. Я так душевно много пережил, что хочется, ну, что ли, поисповедываться и быть полезным», — на что председатель заседания в тон ему ответил: «Вы нас этим просто обезоруживаете». Стремясь быть полезным следствию и считая, что только так может избежать смертного приговора, Белецкий по своей инициативе исписал в камере Трубецкого бастиона Петропавловской крепости столько бумаги своими дополнительными показаниями, что их хватило на отдельный том при публикации протоколов комиссии в середине 1920-х годов.

После Октябрьского переворота в числе некоторых других царских сановников Белецкий был оставлен в заключении и в 1918 году перевезен в Москву. Он все время боялся расстрела и сумел раздобыть яд, однако воспользоваться им не успел.

5 сентября 1918 года, сразу после принятия СНК РСФСР постановления о «красном терроре», Белецкого вместе с Хвостовым, Макаровым и Щегловитовым доставили на Ходынское поле и поставили у свежевырытой общей могилы. В последний момент Белецкий попытался было убежать, но его догнала пуля конвоира.



## БЫЛ ЛИ СТАЛИН АГЕНТОМ ОХРАНКИ?.. (Слухи, версии, документы)

Прошло почти полвека после смерти Сталина, но до сих пор не утихают толки вокруг его личности, в том числе — и некоторых фактах его биографии в дооктябрьский период. Особенно часто поднимается вопрос, был ли Сталин секретным сотрудником царской охранки.

Дискуссия началась с публикаций за рубежом (авторы — Исаак Дон-Левин, А. Орлов (Фельдбин), Эдуард Смит, Грегори Арансон и другие. См. подробную библиографию в этой статье). В 80-е годы этот вопрос стал подниматься и в российской печати<sup>1</sup>. О чем же говорят собранные исторические источники?..

### Джугашвили, «Фикус» и другие в Бакинской организации РСДРП

Как известно, одним из наиболее действенных методов борьбы царского правительства с революционным движением была засылка в партийные организации или вербовка в их рядах агентов — секретных сотрудников. Не всегда эта работа удавалась.

Если многие ревизии, проводимые Департаментом полиции, в ряде российских губерний после 1907 годы отмечали упадок розыскной деятельности, то этого нельзя было сказать об учреждениях политического розыска на Кавказе. В период с 1908 по 1917 годы здесь работал довольно сильный состав розыскных офицеров-профессионалов. Работа агентов была поставлена серьезно, в связи с чем были частые провалы в партийных организациях: аресты техники и руководителей организации, особенно этого касалось Баку.

Изучая материалы наблюдения за деятельностью Бакинской организации РСДРП, состав ее секретной агентуры, полностью сохранившихся материалов, мы [автор данной статьи и ее соавтор по предыдущим работам Б. И. Каптелов] пришли к выводу, что эти материалы сохранились в архиве полностью. Существующие версии о том, что И. В. Сталин убрал из архивов весь документальный материал, который якобы компрометировал его, не подтвердились. Многие из этих документов в научный оборот впервые были введены в наших статьях.

Хочу сразу отметить, что не подтверждаются и подозрения (а иногда даже утверждения) некоторых западных историков о том будто документы Департамента полиции подверглись чистке в 20—30-е годы. В этом нас убеждает не только знакомство с фондами и отдельными делами, но и свидетельства тех сотрудников архива, которые работали в тот период. С некоторыми из них я была в тесных, неформальных отношениях и полностью им доверяю. Конечно, были передачи документов на постоянное и временное хранение (в ИМЛ при ЦК КПСС, НКВД, Пушкинский дом, Музей Горького, Музей Леси Украинки и т. д.). Но эти передачи не сопровождалась чистками, а некоторые материалы со временем были возвращены. Сохранность этих документов можно проверить по оригинальным депроизводственным описям и картотекам, находящимся на открытом хранении в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

Однако, введенные нами в научный оборот документы, не получили однозначного толкования. Часть историков сочла приводимые в них факты доказательством сотрудничества Сталина с охранкой. В частности, такого рода интерпретация касалась сведений, изложенных в агентурной сводке по наблюдению за РСДРП, поступившей в Департамент полиции из Бакинского охранного отделения.

В сводке говорилось о том, что 16 марта 1910 года состоялось заседание Бакинского комитета, на котором «рассматривался ряд вопросов: 1) о партийной школе для рабочих, 2) о типографии, 3) 1-е Мая, 4) объединение большевиков и меньшевиков». Пятый пункт был о провокаторах<sup>2</sup>. На этом последнем — стоит особо остановиться и дать полностью текст этой части сводки: «Между членами Бакинского комитета Кузьмою [Сельдяков. — З. П.] и Кобою [Джугашвили. — З. П.] на личной почве (курсив мой. — З. П.) явилось обвинение друг друга в провокаторстве». Имеется в виду суждение о бывших провокаторах: Козловской, Пруссакове и Леонтьеве, а в отношении новых провокаторов решено предавать их смерти<sup>3</sup>.

Тогда же Бакинским охранным отделением были получены сведения от секретного сотрудника «Фикуса» (март 1910 года), которые тут же были сообщены в Департамент полиции: «В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться, вышло осложнение с Кузьмой. Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета (курсив мой. — З. П.) и заявил, что оставляет организацию. Между тем присланные ... 150 рублей на поставку большой техники все еще бездействующей, находятся у него и он пока отказывается их выдать. «Коба» несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая «Кобе» недоверие<sup>4</sup>.

Упоминание Джугашвили в обоих этих документах, касающихся практического одного и того же дела, послужило для некоторых историков «основанием» полагать, что, в споре «Кузьма» не просто обвинял Кобу в провокаторстве, но имел все основания для такого обвинения<sup>5</sup>. Между тем, обвинение, как следует из текста документов, было высказано в адрес ряда членов комитета. Разговор велся в запальчивых тонах. И если бы у «Кузьмы» были достаточные обоснования для обвинения, то за этим бы последовало партийное расследование.

Такового однако не случилось. И потому сослаться на данные донесения как на сотрудничество Джугашвили с охранкой оснований нет.

23 марта 1910 года в Баку Джугашвили был арестован. В сообщении о его аресте говорилось, что вести наблюдение за Джугашвили стало «невозможно», «так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались; при чем «Молочный» (такую кличку дали Джугашвили филеры, следившие за ним), успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него встречавшимся с ним товарищам, чем конечно уже явно вредил делу<sup>6</sup>. (курсив мой. — З. П.). Видимо это обстоятельство подтолкнуло местные полицейские власти поспешить с арестом. Если бы Джугашвили был секретным сотрудником бакинского охранного отделения, то едва ли бы он стал проваливать агентов наружного наблюдения «вредя делу» розыска.

Основную часть сведений о деятельности Бакинской организации местные органы политического розыска получали от секретного сотрудника «Фикуса». Это был влиятельный работник местной партийной организации, член городского и районного комитетов. Он прекрасно знал положение дел в организации. Доскональное знание ситуации в организации,

которое явствовало из сведений «Фикуса», побуждало историков Г. А. Арутюнова, Ф. Д. Волкова считать, что под кличкой секретного сотрудника «Фикуса» — скрывается И. В. Джугашвили. Можно предположить, что именно их версия легла в основу повести А. Адамовича «Дублер», опубликованной в 1988 году в журнале «Дружба народов».

В личных беседах я, кажется, смогла убедить Г. А. Арутюнова, что «Фикус» — это Николай Степанович Ериков. И основным моим посылом было то, что Бакинское охранное отделение получало сведения о жизни местной партийной организации от «Фикуса» тогда, когда Джугашвили находился в Вологодской губернии, Нарымской и Туруханской ссылках.

Действительно, под кличкой «Фикус», скрывался Ериков Николай Степанович, крестьянин Тифлисской губернии, рабочий, проживавший по паспорту Бакрадзе Давида Виссарионовича. Он состоял секретным сотрудником Бакинского охранного отделения с апреля 1909 года по 1917 год, давал сведения по РСДРП. С самого начала получал 35 рублей в месяц, затем 50 рублей. Но иногда его заработок доходил до 70—80 рублей (за особые заслуги).

Он состоял членом партии с 1897 года. С 1906 года он избирался членом комитета в одной из городских организаций. В справке, составленной в архиве, имеются сведения о том, что Ериков-Бакрадзе в 1909 году «стал членом Балаханского комитета, находился в близких сношениях с руководителем партийной организации. Сведения давал всегда ценные. Одно время был близок к технике...» В 1910-11, 1912, 1913 годы освещал всю работу Бакинского, Балаханского, Сураханского комитетов социал-демократов. В результате его сведений «работа организации СД была доведена до минимума. Точно сообщал о состоявшихся собраниях и о рассматриваемых на них вопросах, выдал адреса, по которым пересылались литературные письма, выдал видного деятеля Бабридзе, переправлявшего литературу, бомбы через границу.

Сообщал о приезде в Баку руководителя Тифлисской организации Ноя Жордания и об организации в Балахане Калининским протеста учеников, о выпуске прокламаций по поводу Ленских событий. Так же много давал сведений о деятельности отдельных известных ему лиц СД»<sup>7</sup>.

«Фикус» пользовался безграничным доверием в организации. Дело политического розыска в Бакинском охранном отделении было поставлено так, что в местной партийной организации было сомнение в отношении многих лиц (Мгеладзе, Рохлина, Ермолаева), но на него никогда не падала тень подозрения.

Как мне кажется, даже подозрительный «Коба» доверял ему. 15 марта «Фикус» передал следующие сведения в охранное отделение. «В организацию, в руки «Кобы» доставлено из Тифлиса письмо, которое привез оттуда Георгий Чхеидзе...» Копию письма «Фикус» передал в охранку»<sup>8</sup>.

В Бакинской организации РСДРП работало довольно много секретных сотрудников, в связи с чем аресты следовали один за другим. Не менее важным, чем «Фикус» был секретный сотрудник под кличкой «Дорогой», — Саркисянц Исаак Минасович<sup>9</sup>. В результате его сведений в 1912 году были арестованы Шаумян, Спандарян. В апреле 1912 года он сообщал в охранку «Арест Спандаряна в Балаханах, на втором докладе, произвел подавляющее впечатление. Организация получила из тюрьмы письма от Шаумяна и от Славы (Каспарянца) с указанием на необходимость оставления всякой партийной работы, так как очевидно существующая провокация должна погубить и жалкие остатки организации... Пол-

ное недоверие одного члена к другому, как результат постоянных провалов всяких начинаний, делает работу совершенно невозможной»<sup>10</sup>.

Саркисянц работал в Баку с 1909 года, получал 125 рублей в месяц. По его сведениям была ликвидирована типография «руководящего коллектива Бакинской организации РСДРП».

Другими секретными сотрудниками, дававшими сведения по Бакинской организации РСДРП были — «Октябрьский», кличка секретного сотрудника Дорофеева И. М., а также «Ловкий» и «Адамович». Под этими двумя последними кличками значился Мачарадзе, он же Мачкарадзе Платон Игнатьевич. Он был исключен из рядов РСДРП за растрату партийных денег, а вскоре был объявлен не заслуживающим доверия и в охранке, так как, стремясь получить жалованье побольше, стал давать вымышленные сведения<sup>11</sup>.

Но самый долгий стаж был у «Фикуса» и «Дорогого». И как было сказано выше, никто в организации не подозревал об их страшной роли. Самому секретному сотруднику «Фикусу» в партии давали задания, связанные с разоблачением секретной агентуры.

В сводке агентурных сведений за февраль 1913 года указывались: «Балахнинский комитет поручил Бакрадзе выяснить, кто действительно является виновником арестов...»<sup>12</sup>

В марте 1913 года секретный сотрудник «Слесарь» (Серегин Герасим Васильевич)<sup>13</sup> сообщал: «Деятельности Комитет никакой в настоящее время не проявляет. За исключением Бакрадзе, имеющего в партии большое значение<sup>14</sup>. Тому же Бакрадзе опять поручалось выяснение личности проволатора, так как он имеет больше свободного времени»<sup>15</sup>.

Примечательно, что примерно одни и те же сведения поступали в охранку от разных лиц, которые, однако, не знали и не должны были знать о работе друг друга в качестве секретных агентов. Таково было железное правило политического розыска.

Просмотр материалов Департамента полиции по секретной агентуре по городу Баку, изучение биографий некоторых секретных сотрудников, вышеприведенные материалы — все это указывает на то, что Джугашвили не был секретным сотрудником Бакинского охранного отделения и Бакинского губернского жандармского управления. Приводимые моими оппонентами в своих статьях ссылки на С. Шаумяна, подозревавшего Сталина в сотрудничестве, не имеют под собой почвы. Не располагая достоверными сведениями о деятельности секретной агентуры в Баку, не зная о работе настоящих секретных сотрудников, он подозревал чуть ли не всех и каждого, и не только Джугашвили. Теперь мы доподлинно знаем, что аресты Шаумяна и Спандаряна на совести секретного сотрудника Саркисянца.

Что же касается обвинений в адрес Джугашвили, то более существенное место среди них занимает выступление З. Л. Серебряковой. Поэтому есть смысл обратиться к ее аргументам и тем материалам, на которых они основаны.

#### Джугашвили и Малиновский («Иосиф» и «Портной»)

В период 1989—1994 г. З. Л. Серебрякова опубликовала серию статей: «Был ли Сталин агентом охранки?» // Родина. 1989. № 9. С. 91; ее же Сталин и царская охранка // Совершенно секретно. № 7. Дек. 1989; Иосиф и Роман (соратники по охранке) // Независимая газета. 26.12.94.

В своих статьях З. Л. Серебрякова утверждала и утверждает, что ею обнаружен документ, который якобы свидетельствует о сотрудничестве Джугашвили с охранкой.

Речь идет о донесении начальника Московского охранного отделения А. П. Мартынова от 11 ноября 1912 года в Департамент полиции на имя ее директора С. П. Белецкого.

Как пишет Серебрякова, после долгих розысков, ей, наконец, удалось получить оригинал документа в ЦГАОР СССР (ГАРФ). Попробую ответить на аргументы З. Л. Серебряковой по пунктам.

*Пункт 1.* В своих статьях З. Л. Серебрякова утверждает, что первой «открыла» этот документ в 80-х годах и что он подтверждает версию о том, что Сталин был секретным сотрудником охранки.

Должна отметить, что специалистам этот документ был известен давно. Когда в 30-х годах в архиве проходило выявление документов о революционной деятельности Сталина, это донесение с полной аннотацией было включено в перечень картотеки старых большевиков. В 1932 году копия документа была передана в Центральный партийный архив, и она хранится в фонде И. В. Сталина<sup>16</sup>, другая копия хранится в фонде Орджоникидзе<sup>17</sup>. В 1938 и 1951 году документ частично копировался для Музея Революции и Музея М. И. Калинина для экспозиции и пополнения фондов.

Записи в листе использования указывают на то, что дело, в котором хранится документ просмотрено с 1951 по 1958 годы тринадцатью исследователями. Фамилия Серебряковой стоит в этом списке последней. Моя фамилия в этом списке значится под цифрой «восемь». В действительности, с этим делом ознакомилось больше исследователей, но, к сожалению, не сохранился лист использования за более ранний период. Кроме того, после микрофильмирования дела в 1958 году исследователям выдавался только микрофильм дела, а не подлинник.

*Пункт 2.* З. Серебрякова впервые познакомилась с донесением Мартынова в копии в фонде С. Орджоникидзе. По ее версии, Орджоникидзе хранил этот материал как компромат на Сталина.

Если внимательно изучить дело, в котором находится интересующий нас документ, то можно легко убедиться в том, что Орджоникидзе собирал копии всех материалов из жандармских архивов, где имелись сведения о его революционной деятельности. В рассматриваемом донесении имеются сведения о его аресте. Предположение З. Л. Серебряковой, что Орджоникидзе собирал компрометирующие материалы о Сталине это — плод ее фантазии.

*Пункт 3.* З. Серебрякова считает и стремится подтвердить версию А. Орлова, опубликованную в журнале «Лайф»<sup>18</sup> («Сенсационный секрет. Дьявольская тайна Сталина»), что Сталин будучи сам секретным сотрудником, действовал заодно с секретным сотрудником Малиновским или через него. Обвиняя нас (З. И. Перегудову и Б. И. Каптелова) в тенденциозности цитирования документа, она ставит нам в вину, что мы, расшифровав кличку Малиновского «Портной», не указали, когда и кем от руки она вписана в текст донесения.

Судя по статьям З. Л. Серебряковой, она не владеет достаточной информацией, опытом, подготовкой для работы с жандармской документацией. Без этих навыков разобраться в такого рода документах бывает нелегко.

Стоит отметить, что руководители политического розыска очень бережно относились к своей агентуре, а особенно к той, от которой получали

ценную информацию. Они опасались ее расшифровки даже в недрах своего учреждения! Поэтому, отдавая материал на перепечатку, как правило, оставляли пустые места там, где надо было сослаться на источник информации. Подписывая документ, руководитель политического розыска сам, на своей пишущей машинке, впечатывал кличку или вписывал ее от руки. В данном случае вычислить время и автора вписанной клички совсем не сложно.

Кличка «Портной» вписана фиолетовыми чернилами А. П. Мартыновым, его же рукой сделаны пометы в тексте, приписка к донесению и подпись. Подобного рода документов довольно много и в Департаменте полиции, и в фонде Московского охранного отделения. Иногда в тексте кличка или фамилия давалась шифром.

Что касается совместной работы Малиновского и Джугашвили, то за много лет своей работы с документами политического розыска, я ни разу не столкнулась со случаем, когда два секретных сотрудника работали в одной «связке». Были два случая совместной работы супругов в качестве «вспомогательных агентов». Подобное практиковалось у агентов наружного наблюдения, что обусловлено характером их слежки.

Руководители политического розыска строили свою работу, согласно «Инструкции по ведению секретной агентуры», которая предусматривала продвижение своих сотрудников к центру организации. Это ярко проявилось на примере Малиновского. Получаемая им от Крупской, Ленина, Джугашвили и других деятелей партии письма и другая информация тут же поступала в Московское охранное отделение, а когда он стал сотрудничать с Департаментом, то сразу — в Департамент полиции. Известно, что подготовленные в партии речи для выступления Малиновского в Государственной думе потом просматривал и подправлял директор Департамента полиции С. П. Белецкий.

Что касается рассматриваемого нами донесения Мартынова, то в тексте этого донесения четко указано, что разговор между секретными сотрудниками (Малиновским и «Кобой», т. е. Джугашвили) был конфиденциальный. При этой встрече Малиновский получил достаточно ценные сведения. Совершенно ясно, что подчеркивается и в донесении, что информация, переданная Малиновскому, была связана с их совместной партийной работой, так как встретились два члена ЦК.

*Пункт 4.* В своей статье «Иосиф и Роман» («Независимая газета», 21 декабря 1944 года) Серебрякова пишет, что «отвечая на вопросы охранки» Джугашвили сообщал явно агентурные сведения. Однако же из документа этого никак не следует. Джугашвили встречался с Малиновским, (что совершенно ясно из текста), а не с офицером охранки. Ни на какие вопросы, судя по документу, он не отвечал.

Если бы «Коба» был действительно секретным сотрудником Московского охранного отделения, то зачем ему нужен Малиновский?! Он сам бы сообщил и более точно столь ценные сведения. Посредник ему не был нужен.

Но вернемся к «агентурным сведениям». Разговор между Малиновским и Джугашвили идет о лицах, избранных в состав «Северного областного бюро».

Судя по донесению, Джугашвили упомянул фамилии Калинина и Правдина. О Калинине было известно, что он участвовал в Стокгольмском съезде. Эти сведения передал и Малиновский. Малиновский будучи очень осторожным не стал уточнять у Джугашвили имя и отчество Калинина. Поэтому далее в донесении идут материалы самого охранного отделения, приводятся

сведения о двух Калининских — участниках съезда — рост, возраст, приметы. Это уже разработка полученных от Малиновского сведений самим Московским охранным отделением. И «Охранка» не знает, какой же Калинин вошел в состав бюро? Причем, сведения о Калининских взяты дважды в скобки, как лишнее доказательство того, что это сведения охранки. Скобки поставлены начальником охранного отделения Мартыновым.

И это далеко не единичный случай, когда сведения агента подвергаются дальнейшей «разработке» и в случае необходимости дополняются сведениями из других источников. Специалисту, знакомому с правилами составления такого рода документов и донесений, сразу становится ясным, что заключенная в скобки информация принадлежит не агенту, а чиновнику охранки, который разрабатывал полученные от Малиновского сведения.

Так что Джугашвили сведений о внешности членов Северного бюро не давал.

Сообщая в Петербург полученные от Малиновского сведения, Мартынов в конце донесения обращается с просьбой при использовании посланных сведений «ссылок на Москву не делать ни в коем случае». Это забота о своем сотруднике Малиновском. А что же Джугашвили?! Одновременно в Петербург посылается телеграмма о его выезде из Москвы в Питер, и через несколько дней «Коба» арестовывается.

В подтверждение своей версии З. Л. Серебрякова часто ссылается не только на статью, но и на книгу А. Орлова (Л. Фельдбина), бывшего чекиста, который, однако, пользовался порой очень сомнительными источниками и использовал слухи, исходившие от вторых и третьих лиц.

Очевидно, что к каждому документу историк должен подходить без чувства предвзятости, объективно анализировать и изучать его

#### Письмо «Еремина»<sup>19</sup>

Среди доказательств причастности Сталина к охране особое место занимает так называемое «письмо Еремина», текст которого приводится ниже.

М.В.Д.

Заведывающий особым отделом

Департамента полиции

12 июля 1913 года

№ 2898

Енисейское охранное отделение

Вх. № 152

23.VII.1913 года

Начальнику Енисейского Охранного отделения А. Ф. Железнякову

Совершенно секретно

Лично

Милостивый государь Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский Край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин будучи арестован в 1906 году, дал Начальнику Тифлисского Г. Ж. Управления ценные агентурные сведения.

В 1908 году Н-к Бакинского Охранного Отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного Отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный Комитет Партии в г. Праге Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверение в совершенном почтении.

ЕРЕМИН

Этот документ неоднократно публиковался в США и ФРГ в 1950-1980-х годах. Циркулируемые в настоящее время списки русского варианта документа являются копиями из этих изданий. Что же известно о судьбе этого документа из американских источников? Его владелец — ученый-советолог И. Дон-Левин, автор биографии Сталина, вышедшей в 1931 году, при публикации документа в 1956 году в журнале «Лайф» сообщал, что данное «письмо» он получил в 1947 году от трех лиц «безупречной репутации»: Вадима Макарова — сына известного русского адмирала, Бориса Бахметьева — бывшего русского посла в США при правительстве Керенского, Бориса Сергеевского — пионера русской авиации. Они же получили этот документ от М. П. Головачева — русского эмигранта, проживавшего в то время в Китае. Последний, в свою очередь, получил его от полковника Руссиянова — офицера, охранявшего до побега в Китай «сибирские документы охранки». «Сообщение о путешествии письма показалось мне убедительным», — добавляет И. Дон-Левин. Он приводит ряд доказательств подлинности письма, исследуя бумагу, шрифт машинки и возможность пользования такой бумагой и машинкой в России, подпись Еремина. Однако, не располагая еще одним автографом Еремина на бумажной основе, он берет за источник выгравированную надпись на подарочном серебряном кувшинчике, который представил Дон-Левину бывший жандармский генерал А. И. Спиридович. Практически Дон-Левин имел не настоящую подпись Еремина, а подпись, сделанную гравюром в подражание Еремину. И так как документ был на бумажной основе, «не фотокопия», — как пишет Дон-Левин, то он решил, что это письмо подлинное. В данном случае хочется отметить, что И. Дон-Левин стоял на правильном пути, считая, что если это письмо было подлинное, то оно пришло из Сибири и могло храниться в тех архивах на местах, куда было послано.

Но если существовал подлинник, то в архиве Департамента полиции должна была остаться копия отправленного документа. Однако все попытки обнаружить такого рода копию оказались безуспешными. И это, конечно, вызывало сомнения. После тщательного исследования данного документа вместе с Б. И. Каптеловым мы пришли к выводу, что имеем дело с *фальсификацией*.

Попытаюсь проанализировать это «письмо», обратив внимание на его реквизиты, содержание, подпись, т. е. на все, что должно представить основу экспертной оценки документа такого рода.

И здесь сразу же встает масса вопросов.

Письмо направлено начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу Железнякову. В одном этом обращении уже содержится несколько ошибок, которые не мог себе позволить такой ас политического розыска, как полковник Еремин, якобы подписавший этот документ.

Во-первых, в 1913 году Енисейского охранного отделения не существовало. Стоит отметить, что Ф. Волков в книге «Взлет и падение Сталина» М., 1992 обвиняет меня и моего соавтора в том, что отрицая существование в этот период охранного отделения в Енисейске, мы плохо знаем свои материалы. В ответ можно только заметить, что профессор Волков не знает историю учреждений политического розыска. Ему неизвестно, что розыскные пункты, охранные отделения, районные охранные отделения, губернские и уездные жандармские управления — это суть не одно и то же. Никто не отрицает существования Енисейского губернского жандармского управления, розыскного пункта. Но охранного отделения не было. Политическим розыском занимался енисейский розыскной пункт, и его заведующий имел статус помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления. Заведующим Енисейским розыскным пунктом был действительно ротмистр Железняков, но не Алексей Федорович, как указывается в документе, а Владимир Федорович. Встает вопрос: может быть, в Штабе Корпуса значилось несколько Железниковых? Однако, при проверке фамилии Железнякова по имеющимся справочникам можно убедиться, что в 1913 году в Корпусе жандармов служил один Железняков — Владимир Федорович, 1881 года рождения, ротмистр, прикомандированный к Енисейскому губернскому жандармскому управлению в октябре 1911 года<sup>20</sup>.

Обращает на себя внимание угловой штамп документа, в котором указывается первая строка «М.В.Д.», вторая «*заведывающий*», третья «*особым отделом*» и четвертая «*Департамента полиции*». В просмотренных материалах Департамента полиции — Особого отдела за 1906—1913 гг. автор не встретила ни одного штампа, который был бы идентичен приводимому по расположению строк и шрифту. Как правило, первая строка «М.В.Д.» ставилась только на полном бланке Особого отдела, в том случае, если между Особым отделом и МВД стояло название учреждения — «*Департамент полиции*». Документы с таким бланком шли за пределы Департамента полиции. Бланком же «*заведующего Особым отделом*» пользовались, как правило, для внутренней переписки: между структурами Департамента полиции на имя директора, вице-директора. Стоит уточнить еще одну деталь этого штампа. Во второй половине 1910 года в Особом отделе были заказаны новые бланки, где в штампе слово «*заведывающий*» было заменено на слово «*заведующий*» и уже в бланках второй половины 1910 года и до конца существования Департамента полиции бланки со словами «*заведывающий*» не употреблялись.

Продолжая разговор об оформлении документа, надо отметить, что некоторое сомнение вызывает и штамп входящей документации. В этот период во всех жандармских учреждениях, как правило, штампы входящей документации проставлялись с зафиксированной на каждый день датой, номерником и только сам входящий номер заполнялся от руки. Месяц и год, как правило, при печатании документа ставил «машинист» (машинистка). Дату своей рукой проставляло лица, которое подписывало документ. Номер исходящего проставляли в канцелярии при отправке документа, как правило, номерником, реже от руки. В данном случае номер исходящего проставлен на машинке, дата и номер входящей корреспонденции рукописные. Стоит обратить внимание на написание цифр в приводимом документе, особенно двойка в дате 12 июля, двойка в номере вх. 152 и в дате 23.VII. написаны очень похоже. Создается впечатление, что цифры написаны одной рукой — и отправителя, и получателя.

Еще один вопрос встает по поводу номера исходящего документа (2898 от 12 июля 1913 г.), то есть номера, который, якобы, поставил Департамент полиции, при отправке документа.

Стоит отметить, что в Департаменте полиции довольно четко велось делопроизводство. Почти все журналы входящей и исходящей корреспонденции сохранились. Поэтому не представляет большого труда выявить содержание документа, если мы располагаем датой и номером исходящей корреспонденции.

Согласно распоряжению директора в Департаменте действовала Инструкция по ведению делопроизводства, в соответствии с которой каждой структуре Департамента давался свой диапазон исходящих номеров. В упоминаемой инструкции говорилось:

«В каждой отдельной части Департамента исходящая бумага имеют особую нумерацию:

- В Секретарской Части — с 1 по 1000,
- 1 Делопроизводстве — 1001—10000,
- 2 Делопроизводстве — 10001—24000,
- 3 Делопроизводстве — 24001—46000,
- 4 Делопроизводстве — 46001—52000,
- 5 Делопроизводстве — 52000—67000,
- 6 Делопроизводстве — 67001—82000,
- 7 Делопроизводстве — 82001—87000,
- 8 Делопроизводстве — 87001—93000,
- Особом отделе — 93001<sup>21</sup> —

Так Особый отдел получает для секретной корреспонденции номера, начиная с № 93001<sup>22</sup> и далее; для совершенно секретной документации номера, начиная с № 111001<sup>23</sup> и далее. Из вышесказанного следует, что из Особого отдела не мог выйти документ с приведенным выше исходящим номером — «2998».

Разберемся теперь, что же означает указанный номер, существует ли такой исходящий в Департаменте полиции?!

Да, он есть, но проходит не по Особому отделу, а по другой структуре Департамента полиции — 1 делопроизводству, вышел из Департамента не 12 июля, а 16 марта. Вот его краткое содержание. Цитируем по журналу исходящих бумаг: «*Письмо. Управл. Екатеринослав. губ. Н. А. Татищеву, сообщение по поводу дерзкой выходки трех неизвестных злоумышленников по отношению к стоящему на посту возле силовой станции городского водопровода городскому*»<sup>24</sup>.

Вернемся теперь к самому тексту документа. Должна отметить, что согласно правилам дореволюционного правописания, в официальной переписке, как правило, отчество писалось без суффикса «ич». В просмотренных документах официального характера везде указывается Иван Иванов, Михаил Петров, Иосиф Виссарионов.

Вызывает сомнение арест Джугашвили в 1906 году, как указывается в письме. В том же журнале «Лайф» со ссылкой на Троцкого, также утверждалось, что Сталин был арестован 15 апреля 1906 года при раскрытии Авлабарской типографии в Тифлисе.

В связи с арестом Авлабарской типографии в архиве имеется несколько дел, в которых фигурирует 17 человек, арестованных в разное время с 15 апреля по 21 мая по этому делу (Ростомашвили Д. М., Андроников К. Э.,



Киквадзе Ф. Г., Каладзе Н. В., Гогуа В. Е., Иашвили Б. И., Баляшвили И. М., Олиадзе З. А., Утмелидзе С. С., Отаров Н. М., Караджев Г. А., Ванадзе М., Орхелашвили И. Д., Александер К. А., Очонаидзе А. К., Мизюрко Н. В., Мираков В. М.). Фамилия Джугашвили в этом перечне отсутствует. В документах за более позднее время арест 1906 года также никак не отражен, что вызывает сомнение в факте его ареста в 1906 году. Типография была арестована 15 апреля (ст. ст.) 1906 года. Джугашвили в это время был в Стокгольме на IV съезде РСДРП, который открылся 10 апреля (23 апреля н. ст.). Дон-Левин выдвигает версию, что он был арестован 15 апреля (*старого стиля*), а через 8 дней (23 апреля *нового стиля*) (курсив мой — З. П.) оказался на съезде, но здесь автора публикации подвел пересчет со старого стиля на новый.

Не подтверждается версия о том, будто Сталин выдал Авлабарскую типографию. Судя по документам, типография была обнаружена случайно, никаких агентурных данных о ее адресе на территории Авлабар у жандармерии не было. В донесении начальника Тифлисского ГЖУ от 17 апреля 1906 года в Департамент полиции говорится: «15 апреля рано утром были проведены повальные обыски в разных частях города Тифлиса, в тех местах, где наблюдались подозрительные лица. В числе обысков производимых на окраине города, в местности 7 участка “Авлабар” — обыск усадьбы Ростомашвили был поручен временно прикомандированному по вверенному мне управлению для производства дознаний ротмистру Юлину (начальник Батумского отделения жандармского полицейского управления железных дорог). В подвале флигеля этой усадьбы, покинутой жильцами за три дня перед тем, ротмистром Юлинцем были обнаружены семь стеклянных запалов, употребляемых для взрывания бомб и завернутых в бумаги с типографскими оттисками, *что подало ротмистру Юлину мысль о возможности нахождения в этой усадьбе тайной типографии*»<sup>25</sup> (курсив мой. — З. П.).

Примечательна и резолюция на этом донесении: «Затребовать подробные приметы и точные сведения о скрывшихся жильцах и арендаторах для последующего розыска».<sup>26</sup>

Возвращаясь к анализу документа, опубликованного в журнале «Лайф», стоит отметить, что Джугашвили в нем неоднократно называется Сталиным. Однако Департаменту полиции, судя по всему это имя было известно только как автора работ по национальному вопросу, безотносительно к Джугашвили. В материалах Департамента полиции Джугашвили фигурирует как «Коба», «Сосо», — партийные клички. «Кавказец», «Молочный» — как клички наружного наблюдения. Имеется ряд фамилий, под которыми он жил и пользовался при переписке.

Возникает еще один вопрос: мог ли Еремин, крупный специалист по политическому розыску, чрезвычайно ценимый в МВД за свой профессионализм, призванный Столыпиным в Департамент полиции еще в годы революции для поднятия работы Департамента по политическому розыску, автор ряда инструкций по ведению агентуры, в том числе и правилах переписки, так открыто без шифра писать о своем агенте, даже и в «совершенно» секретном документе?

Судя по переписке Железнякова с Департаментом полиции, такой шифр существовал.

Вызывает сомнение подпись Еремина. В его подписи чрезвычайно специфическое написание буквы «Е» и «Р». Для тех сотрудников архива,

кто часто сталкивается с материалами Еремина, его резолюциями, подписями, совершенно очевидно, что *подпись Еремина подделана*.

Почерковедческая экспертиза, проведенная кандидатом юридических наук Д. П. Поташник, крупным специалистом в этой области, доцентом кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. Ломоносова, однозначно указала, что «имеющиеся различия признаков в подлинных автографах Еремина и в подписи от имени Еремина» в письме, датированном 12 июля 1913 года указывают на то, что подпись «выполнена не Ереминым, а другим лицом». (Экспертиза была проведена по ксерокопии, сделанной с книги Исаака Дон-Левина «Великая тайна Сталина», Нью-Йорк, 1956).

О том, что Еремин не мог подписать этот документ, говорят и следующие факты: в переписке Департамента полиции сохранилось заявление А. М. Еремина на имя директора Департамента от 10 мая 1913 года с просьбой об отпуске. Приводим его текст:

Заведующий Особым Отделом Департамента Полиции  
10 мая 1913 г.

№ 99192

Директору Департамента полиции  
Рапорт

При непрерывной работе ежедневно до 3-4 часов ночи, не имея отдыха даже в праздничные дни, я настолько переутомился, что нуждаюсь в продолжительном отдыхе.

Докладывая о сем, имею честь просить разрешения Вашего превосходительства воспользоваться мне двухмесячным отпуском с 1-го наступающего июня.

К сему имею честь доложить, что в минувшем году я отпуском не пользовался.

Полковник Еремин

Стоит обратить внимание на номер исходящего документа, который лишний раз подтверждает четкое выполнение Департаментом полиции в переписке своих инструкций, а также и на угловой штамп, которым пользовался Еремин.

Документ оформлен по всем правилам. И еще один немаловажный момент — шрифт пишущей машинки, которой пользовался А. М. Еремин. Этому вопросу довольно много было посвящено времени учеными США. Изучался класс машинки, которым было отпечатано письмо Еремина, время появления таких машинок в Департаменте полиции. Осбор, исследовавший шрифт, считал, что шрифт машинки класса Ремингтон № 6, а Спиридович — Ремингтон № 7.

Эксперт по машинкам Тайтл сообщил, что машинка, на которой было напечатано письмо — класса «Адлер», изготовлена германской фирмой. Русским шрифтом эти машинки были снабжены в 1912 году. Ереминское письмо не могло быть написано в 1913 году, так как шрифт машинки был изношен, стерт, что означало «что письмо написано многими годами позже».

Сравнивая рапорт Еремина, написанный им на своей машинке и «письмо Еремина», мы видим различие этих шрифтов.

Однако с отпуском Еремину пришлось несколько задержаться. 11 июня 1913 года по приказу штаба Корпуса жандармов он переводился на другую работу — начальником Финляндского жандармского управления.

Последний документ Особого отдела им подписан 19 июня 1913 года (исх. № 101213)<sup>27</sup>.

Недавно обнаруженные документы, связанные со службой А. М. Еремина, свидетельствуют, что Еремин с 1 июля 1913 года уже находился в Финляндии, принимая дела у полковника Утгофа.

Еремин был человеком скрупулезным, исполнительным, любил точность. Он внимательно изучал финансовую и хозяйственную отчетность принимаемого учреждения. Общался с сотрудниками. В эти дни, до 25 июля, плотно работал в Жандармском управлении по приемке дел.

Только 25 июля 1913 года Еремин рапортом в штаб Отдельного корпуса жандармов сообщает: «Доношу, что Финляндское жандармское управление мною сего числа на законном основании принято как по личному составу чинов, так и по состоянию денежных сумм и казенного имущества. Вместе с сим докладываю, что претензий г.г. офицерами, чиновниками и нижними чинами заявлено не было».

Закон: ст. 12 кн. XX Св. Военных постановлений 1869 г. изд. 1907 г.

Приложение: Строевой рапорт, ведомость о состоянии денежных сумм и претензии Финляндскому жандармскому управлению<sup>28</sup>.

В связи с изложенными фактами представляется крайне малоубедительной (мягко говоря) выдвигаемая профессором Волковым в его книге версия о том, что будто Еремин мог из Финляндии на какое-то время приехать в Петербург, зайти в Департамент и на их бланке отправить это письмо. (См. Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М. 1992. С. 13—15.)

Кто же автор фальшивки?

В результате проверки всех лиц, которые имели отношение к письму и которые упоминает в публикации Дон-Левин, Руссиянов имел наиболее прямое касательство к письму Еремина. В «Списке общего состава чинов отдельного Корпуса жандармов» упоминается Руссиянов Виктор Николаевич, и действительно его служба была связана с Сибирью. Ротмистр Руссиянов В. Н. в октябре 1915 года возглавил Енисейский розыскной пункт, хотя эта его должность в публикации И. Дон-Левина не упоминается.

Из переписки Енисейского ГЖУ с Департаментом полиции выясняется, что Руссиянов вел политический розыск в Енисейском, Туруханском, Приангарском краях в 1915—1917 годы.

В. Н. Руссиянов и И. В. Джугашвили (Сталин) были ровесниками. Руссиянов родился 30 декабря 1879 года (по старому стилю). В свое время он окончил Московское реальное училище, затем Московское военное училище и с 1899 года находился на военной службе. В Корпус жандармов он перешел в 1910 году, служил во Владимирском губернском жандармском управлении (ГЖУ), был помощником начальника Пермского ГЖУ, затем работал в ряде жандармско-полицейских управлений железных дорог. В период гражданской войны Руссиянов служил у Колчака, затем эмигрировал в Китай.

В материалах Временного Сибирского правительства Руссиянов упоминается уже в чине подполковника. В марте 1919 года он ведет оперативную работу. Приказом министра внутренних дел Сибирского Временного правительства он назначается начальником Акмолинского областного управления государственной охраны. Здесь он занимается работой, связанной с агентурой.

Трудно говорить о личных качествах Руссиянова, но судя по имеющейся переписке, ему была свойственна самоуверенность и амбициоз-

ность, а также жестокость по отношению к подчиненным. Порой он превышал свои полномочия, на что ему указывали из Департамента милиции государственной охраны, требуя согласования решений особенно в кадровых вопросах. Это не был человек, скрупулезно исполнявший все формальности. Его отличала импульсивность. Учитывая все это, можно сделать вывод, что Руссиянов вполне мог пойти на изготовление фальшивки.

Судя по фальшивке, она была написана лицом, которое когда-то было связано с учреждениями политического розыска царской России, так как автор знал специфику оформления таких документов.

В данном случае автор «письма» очень понадеялся на себя, на свою память. Если сравнить материалы сибирского Временного правительства и этот документ, то он имеет больше сходства в оформлении с материалами правительства Колчака, чем с документами Департамента полиции. Речь идет об отдельных малоприметных деталях в оформлении бумаг. Переписка, связанная с Особым отделом Департамента милиции министерства внутренних дел Сибирского Временного правительства, наложила свой отпечаток на знания Руссиянова и больше ему запомнилась.

Письмо попало к его владельцу Дон-Левину в 1947 года. Почти целое десятилетие он молчал, и только после XX съезда КПСС, после известного доклада Н. С. Хрущева он опубликовал этот документ, считая, очевидно, что наступил благоприятный момент публикации — теперь поверят!

Что именно Руссиянов является автором фальшивки, у меня нет никакого сомнения. Когда Д. П. Поташик проводила экспертизу письма Еремина, то я попросила одновременно провести почерковедческую экспертизу руки Руссиянова. К тому времени я располагала несколькими подписями, резолюциями Руссиянова, но не было какого-либо текста, написанного им. Хотя концовка в подписи Руссиянова и в подписи «письма Еремина» была совершенно одинакова.

Привожу заключение эксперта. «При сравнении подписи на «письме Еремина» с образцами почерка и подписи Руссиянова В. Н. установлены совпадения ряда признаков почерка: угловатая форма соединения элементов букв «М», «И», «Н», направление движений при выполнении буквы «Р»; форма и направление движений при выполнении росчерка (все подписи Руссиянова заканчиваются буквой «Н», переходящей в росчерк в виде двух дугообразных элементов, выполненных с большим нажимом и большой протяженностью движений вниз от линии письма).

В силу краткости исследуемой подписи выявить большой объем совпадений не представляется возможным, а установленные совпадающие признаки могут служить основанием лишь для достаточно обоснованного предположения о том, что подпись от имени Еремина в исследуемом документе выполнена Руссияновым».

Несмотря на публикации, прошедшие в печати как за рубежом, так и у нас с явным доказательством того, что «письмо Еремина» — фальшивка, некоторые авторы настаивают на подлинности этого документа, даже указывая, что должен быть подлинный второй экземпляр в ГАРФе<sup>29</sup>.

На что рассчитывал Руссиянов, создавая фальшивку?! За рубежом долго распространялась версия, что материалы Департамента полиции и его Особого отдела погибли в Февральскую революцию. Ограниченный доступ к документам Департамента полиции вплоть до 50-х годов в какой-то мере эту версию поддерживал.

Профессор Ю. Хенчинов в 1997 году во время своей командировки в США увидел копию так называемого «письма Еремина» в Толстовском фонде. Не проведя никаких дополнительных исследований, он посчитал это за свое большое открытие и поторопился довести его до сведения читателей газеты «Известия»<sup>30</sup>. Ю. Фельштинский факт открытия Ю. Хенчинова немедленно опроверг<sup>31</sup>. Но версию о подлинности «письма Еремина» оба автора продолжают отстаивать и лишь упоминают о необходимости дальнейшей экспертизы<sup>32</sup>.

Сам же Исаак Дон-Левин в одной из последних книг «Свидетель истории», касаясь практически всех сюжетов своей журналистской деятельности, данного вопроса совершенно не касается<sup>33</sup>. Израильский ученый Эрик Ли, серьезно занимающийся проблемой «письма Еремина», пишет, что чем больше поднималось вопросов, тем труднее было И. Дон-Левину найти контраргументы и, можно предположить, что находившийся в глухой обороне автор устал отвечать своим оппонентам и сдался<sup>34</sup>.

### Роковая папка

В упомянутом журнале «Лайф» был опубликован еще один материал, якобы подтверждающий сотрудничество Сталина с охранкой. Это уже упоминавшаяся статья А. Орлова, который утверждал, что в 1937 году накануне ареста группы высших военачальников во главе с Тухачевским заслуживающий доверия источник, а именно его родственник, Зиновий Борисович Кацнельсон, зам. наркома внутренних дел Украины, сообщил о том, что в Советском Союзе назревает заговор высших военных против Сталина. Основной причиной заговора или, скорее, непосредственным поводом к нему явились неожиданно обнаружившиеся материалы о провокационной роли Сталина в дооктябрьский период. Обнаружил эти материалы сотрудник НКВД Штейн, которому по заданию Ягоды было поручено найти «компромат» на будущих жертв сталинских репрессий. Материалы эти, по свидетельству Штейна, находились в папке, принадлежавшей бывшему вице-директору Департамента полиции С. Е. Виссарионову. Орлов пишет о том, что помимо донесений, написанных рукой Сталина, в папке находилась анкета и фотография Сталина. Донесения относились к работе IV Государственной думы «первой половины 1913 г.»

Как пишет далее Орлов, содержание папки стало известным ряду оппозиционно настроенных военных, и было сделано несколько ее копий, после ознакомления с содержанием папки Тухачевский, Якир, Гамарник и некоторые другие военачальники решили, что Сталин не может оставаться во главе партии и государства. Заговорщики вырабатывают план действий по устранению Сталина. Для этого они планируют «убедить комиссара обороны Ворошилова ... собрать конференцию на высшем уровне в связи с военными проблемами Украины, Московского военного округа и некоторых других округов, командование которых было посвящено в конспиративный план... в определенный час или по сигналу два отборных подразделения Красной Армии преградят основные подходы к Кремлю, чтобы блокировать подход войск НКВД. В этот самый момент заговорщики объявят Сталину, что он арестован... Тухачевский и другие военачальники считали, что Сталина надо убить немедленно, после чего собрать ЦК партии и предъявить ему папку полиции.

...Косиор, Балицкий, Зиновий Кацнельсон и другие, по-видимому, невоенные члены группы хотели арестовать Сталина, а на Пленуме ЦК партии предъявить ему обвинения в его полицейском прошлом».

Я подробно цитирую это место из статьи Орлова, в частности, потому, что оно представляет собой до сих пор малоизвестную версию сталинских репрессий против высшего командования РККА. Лишь в своей пространной статье в «Московских новостях», излагая подробнейшим образом содержание статьи Орлова, ее авторы Е. Плимак, В. Антонов упоминают об этой версии<sup>35</sup>. Между тем, если признать ее достоверной, то следует заново переписать многие страницы истории сталинских репрессий 30-х годов.

Как пишет Орлов, Сталин опередил заговорщиков и уничтожил всех, кто в какой-то степени мог быть знаком с содержанием упомянутой папки.

Любопытно, что известный доклад Хрущева на XX съезде КПСС Орлов связывает с провокационным прошлым Сталина. Выступление Хрущева, с точки зрения Орлова, было попыткой упредить события. «Видимо, — пишет Орлов, — произошло нечто такое, что оставило новой олигархии единственный выход: полностью разоблачить Сталина и сделать это немедленно. Я уверен, что этим “нечто” было обнаружение неопровержимых доказательств того, что Сталин был агентом-провокатором царской секретной полиции... Я считаю, что проклятая папка была предъявлена теперешним хозяевам Кремля кем-нибудь, кто хранил ее все эти годы... Быть может, документы были переданы генералу Жукову и именно он преподнес ее своим партнерам по “коллективному руководству”, как раз в тот момент, когда Хрущев готовился провести XX съезд компартии»<sup>36</sup>. Орлов утверждает, что будучи причастными к преступлениям Сталина, Хрущев и другие руководители партии были кровно заинтересованы в том, чтобы не делать их достоянием гласности. Однако, опасения, что сведения о Сталине как провокаторе царской охранки станут достоянием гласности не оставляло им другого выбора.

Как видим, версия Орлова требует пересмотра еще одного ключевого момента советской истории. Вот почему я полагаю, что данная статья требует тщательного анализа и экспертизы.

1. Начну с предположения, что папка существовала. Но если это так, то встает вопрос, каким образом до 1936 года она оказалась никем незамеченной? И каким образом она оказалась в бывшем кабинете Менжинского? Многие историки и специалисты по истории дореволюционной России знают, что в первые дни Февральской революции по указу Временного правительства были созданы комиссии по разбору дел Департамента полиции, губернских жандармских управлений и охранных отделений по выявлению секретной агентуры, работающей в этих учреждениях. Этим же вопросом занималась Чрезвычайная следственная комиссия по разбору дел бывших министров и прочих должностных лиц. Допросу подвергались министры внутренних дел, директора и вице-директора Департамента полиции. В это время практически вскрылась вся агентура политического розыска, а с апреля 1917 года начали публиковаться в газетах списки секретной агентуры. И если некоторые материалы местных учреждений сильно пострадали в февральские дни (Московское, Петербургское охранный отделение), то фонд Департамента полиции, где дублируются материалы по секретной агентуре, в этой части остаются неприкосновенными. Именно в первые дни после Февральской революции этими комиссиями, в состав

которых входили представители различных партий, были разоблачены сотрудники, работавшие в РСДРП, партии эсеров, именно тогда стали известны имена Бриндинского, Романова, Полякова и других, а также подтвердились подозрения о провокаторстве Малиновского. Фамилия Джугашвили среди разоблаченных агентов не была обнаружена и не была названа на допросах руководителей политического сыска ни Виссарионовым, ни Золотаревым, ни Джунковским, ни Белецким. Надо отметить, что все они на допросах давали довольно откровенные показания. Многие из них хитрили, изворачивались, но эта изворотливость была нацелена на то, чтобы выгородить себя. Что касается директора Департамента полиции Белецкого, то он дал обширные письменные показания.

2. Судя по описанию папки Виссарионова, то она представляла, как бы «личное дело» Сталина. В папке имелась фотография молодого Сталина, анкета, доклады, донесения. В принципе могло ли такое быть?!

В дореволюционных учреждениях политического розыска анкеты и отдельные фотографии могли быть только в наблюдательных делах арестованных революционеров. Что касается секретных сотрудников, то дела на них, в целях конспирации, не заводились. Переписка о них, денежная отчетность с грифом «совершенно секретно» хранилась за семью печатями. За свою многолетнюю практику я встретила только трижды рукописные донесения агентов, в том числе и Азефа, собранные в деле секретного сотрудника. Во всех случаях материал касался секретной агентуры, которая работала за рубежом и была связана с Департаментом полиции «напрямую».

Если же секретный сотрудник находился в России, то он лично встречался с офицером, который его «вел», на конспиративной квартире. После такой встречи, офицер сам оформлял полученные сведения, которые могли размножаться для дальнейшей работы с этими данными, но подписывались они кличкой секретного сотрудника, как его сведения. Все было направлено на то, чтобы как можно меньше оставалось автографов секретной агентуры. Как правило, они оставались лишь в расписках агентов в получении денег. Что касается Малиновского, то он подобные расписки писал левой рукой.

3. В своей статье Орлов пишет, что Сталин знал о провокаторской роли Малиновского, завидовал его партийной и провокаторской карьере и вознамерился занять его место. Сторонницей этой версии является и З. Л. Серебрякова. С этой целью, он якобы, написал, минуя вице-директора, письмо товарищу министра внутренних дел Золотареву, в котором «нападал на Малиновского» и утверждал, что Малиновский «гораздо добросовестней служит делу большевиков, чем полиции». «Но попытка Сталина, — пишет далее Орлов, — удалить Малиновского не удалась. На полях письма Сталина была пометка тов. министра, примерно следующего содержания: «этого агента надо отправить в Сибирь надолго. Он сам напрашивается на это»».

Данный пассаж вызывает по меньшей мере два вопроса.

Во-первых, Золотарев не мог наложить резолюцию, которую приводит Орлов. Жандармы секретными сотрудникам очень дорожили и не разбрасывались даже такими, от которых получали случайные, отрывочные сведения. Могли отстранить от работы только «шантажистов», которые давали ложные сведения. Если верить документам папки Виссарионова, то Сталин был ценным секретным сотрудником и, безусловно мог быть полезным полиции и в дальнейшем. Товарищ министра не мог единолично распоряжаться судьбой

такого агента, как любого агента вообще. Отстранение от работы агента еще было связано с его денежным обеспечением, пенсией, единовременной выплатой и т. д. В данном случае, как и в случае с «анкетой», автора подводит его мышление современными ему категориями.

Во-вторых, последний арест Сталина произошел 23 февраля 1913 года. Поэтому он не мог давать сведения о деятельности Государственной думы за первую половину года. Несколько позже состоялось постановление Особого совещания (коллегиальный орган) о его административной высылке. Золотарев же покинул свой пост товарища министра 25 января 1913 года. Постановление об административной высылке мог утвердить только новый товарищ министра внутренних дел Джунковский. Так что Золотарев не имел никакого отношения к последней ссылке Сталина и не мог написать приводимую Орловым резолюцию.

4. Утверждение Орлова о совместной работе в качестве секретных сотрудников Малиновского и Сталина также лишено всяких оснований. Как было сказано выше, вместе могли работать агенты наружного наблюдения — филеры. Они наблюдали за революционерами на улице, в магазинах, в театре и передавали наблюдаемого друг другу. Что же касается внутренней секретной агентуры, то полиция действительно была заинтересована иметь в одной организации несколько сотрудников (часто так оно и бывало), но строжайшим образом запрещалось как-то даже намекать тому или другому об их связях. И в целях конспирации, и в целях их сохранения они не должны были знать о работе друг друга. При этом проверялась достоверность их информации и их «искренность» в даче сведений.

Член Государственной думы Р. В. Малиновский, окончательно разоблаченный как секретный сотрудник в апрельские дни 1917 года и расстрелянный по решению революционного трибунала в 1918 году, в своих показаниях говорил, что ему хотелось знать, кто еще был секретным сотрудником в партии. Он даже стремился наблюдать за конспиративной квартирой, на которой сам встречался с полицией. При этом одного сотрудника он вычислил (Полякова).

Если бы Сталин был секретным сотрудником и Малиновский знал об этом, то неужели он после своего разоблачения утаил бы этот факт от своих бывших «товарищей».

Возникает вопрос, являлись ли сведения, приводившиеся в статье Орлова, плодом его собственного творчества или же он был, и возможно не предумышленно, сам введен в заблуждение? В своей статье он сам, исходя из собственного богатого опыта работы в НКВД, писал, что сфабриковать «документальные доказательства» не представляло для сотрудников НКВД «большой трудности». «Фальсификация документов, — заявлял он, — была обычным делом для советской полиции».

Так что изготовить «папку Виссарионова» мог и кто-то из сотрудников НКВД. Но одновременно возникает и другой вопрос. Если папка существовала и, к тому же, была размножена, то как могло случиться, что кроме косвенного свидетельства Орлова, мы до сих пор не имеем даже упоминаний о ней из других источников?

Впрочем, нельзя исключить и того, что Орлов что-то присочинил и сам. Недаром Э. Радзинский, который, судя по всему, тщательно изучил разоблачения Орлова и его книгу «Тайная история сталинских преступлений», пишет в своей книге, что он (Орлов) «порой выдумывает». Хотя одновременно и задается вопросом: «Или заговор военных все же существовал?»

Что касается заговора военных, то не будучи специалистом, не могу об этом судить. Но что для меня предельно ясно, так это то, что «папка Виссарионова», если она и существовала (в чем я очень сомневаюсь), никакого отношения к реальности не имели.

Мой спор с Серебряковой, Волковым и другими сторонниками версии о Сталине, как о секретном сотруднике ни в коей мере не является спором об оценке личности Сталина. Речь идет о другом — о споре относительно характера и достоверности тех «доказательств», которыми мои оппоненты оперируют. Архивист первым заявит о том, что Сталин был секретным сотрудником, если будет найден документ, который с достоверностью свидетельствовал бы об этом.

*Вся совокупность документов, которая на сегодняшний день находится в распоряжении историков, не позволяет, однако, сделать такого вывода.*

## ПРИМЕЧАНИЯ

*А. Куканов. Сергей Васильевич Зубатов*

<sup>1</sup> См.: Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960; Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991; Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991; Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992; Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.-Пг., 1923; Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991; Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993; Мулукаев Р. С. Полиция в России (XIX — начало XX в.). Н. Новгород, 1993; Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718—1917 гг.). Вып. 2. М., 1992; Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917 гг.). М., 2000.

<sup>2</sup> См.: Гоц М. Р. С. В. Зубатов // Былое. 1906. № 6. С. 63—68; Терешкович К. М. Московская молодежь 80-х гг. и Сергей Зубатов // Минувшие годы. 1908. № 5—6. С. 207—215; К истории зубатовщины // Былое. 1917. № 1. С. 86—99; Штейн В. И. фон. Зубатовщина: странички из истории рабочего вопроса в России. М., 1913; Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1925; Бухбиндер Н. А. Зубатовщина и рабочее движение в России. М., 1926; Заславский Д. О. Зубатов и Маня Вильбушевич // Былое. 1918. № 3. С. 99—128; Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992; Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М., 1989 (репринт); Николаевский Б. И. История одного предателя. М., 1991; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Его же. Самоубийца // Наш следопыт. 1998. № 10; Лурье Ф. М., Перегудова З. И. Царская охранка и провокация // Из глубины времен. 1992. № 1; Лонге Ж., Зильбер Г. Террористы и охранка. М., 1991; Жухрай В. Провокаторы. М., 1993.

<sup>3</sup> Зубатов родился 26 марта 1864 г. в Москве в семье частного служащего, в прошлом офицера. Ни он сам, ни семья родовых и приобретенных имений не имела.

<sup>4</sup> Согласно Табели о рангах чин «коллежского регистратора» соответствовал 14-му классу, а надворного советника — 7-му.

<sup>5</sup> Будучи гимназистом, Зубатов с 1880 г. участвовал в религиозно-философских дебатах, содержал библиотеку самообразования, изучал труды

Дж. С. Милля, Ф. Ницше, П. Л. Лаврова, М. К. Михайловского, «теорию реализма» Д. И. Писарева.

<sup>6</sup> К. М. Терешкович в своих воспоминаниях отмечает, что гимназист Зубатов занимался изучением политической экономии в кружке вместе с М. Р. Гоцем, М. И. Фондаминским, а также старшим братом Терешковича. См.: Терешкович К. М. Указ. Соч. С. 208; М. Р. Гоц писал, что с Зубатовым он познакомился в 1882 г. при посещении единичных занятий в кружке, когда последний уже был исключен из гимназии. См.: Гоц М. Р. Указ. Соч. С. 104.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 16. Л. 9об. По поводу выхода Зубатова из гимназии имеются разноречивые сведения. Сам Зубатов в письме к В. Л. Бурцеву от 22 ноября 1906 г. объяснял, что документы из гимназии забрал отец, так как был недовольный его «опасными бунтарскими увлечениями» и гимназическими знакомствами, в том числе с народовольцем О. Г. Рубинком. См.: Козьмин Б. П. Указ. Соч. С. 54.

<sup>8</sup> К. М. Терешкович вспоминал, что в библиотеке можно было достать весь необходимый материал для самообразования, который указывался в радикальных систематических каталогах того времени. Кроме этого, группа Гоца сделала значительные вклады в библиотеку, а непосредственно М. И. Фондаминским было внесено достаточно большое количество книг. См.: Терешкович К. М. Указ. Соч. С. 208—209.

<sup>9</sup> После оформления брака с Михиной, Зубатов поселился в квартире при библиотеке, где, кроме Александры Николаевны, проживали ее родители и сестры.

<sup>10</sup> См.: Козьмин Б. П. Указ. Соч. С. 53.

<sup>11</sup> До этого Зубатов непродолжительное время исполнял обязанности канцелярского служащего в Московской дворянской опеке.

<sup>12</sup> См.: Козьмин Б. П. Указ. Соч. С. 53—54.

<sup>13</sup> ГАРФ. Ф. 1695 (Личный фонд С. В. Зубатова). Оп. 1. Д. 40. Л. 16—17.

<sup>14</sup> Зубатов называл этот «кратковременный» период своей деятельности «контрконспиративным», а его продолжительность исчислял лишь несколькими месяцами. См.: Козьмин Б. П. Указ. Соч. С. 54.

<sup>15</sup> Былое. 1906. № 9. С. 65—66.

<sup>16</sup> Там же. С. 67.

<sup>17</sup> Меньшиков Л. П. Открытое письмо П. А. Столыпину, русскому премьер-министру. Париж, 1911. С. 1.

<sup>18</sup> См.: Терешкович К. М. Указ. соч. С. 213.

<sup>19</sup> См.: Письма М. А. Новоселова к Л. Н. Толстому. Публикация Е. С. Полищука // Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб., 1994. № 15. С. 377—379; Бирюков П. И. Мои два греха // Толстой. Памятники творчества и жизнь. М., 1923. С. 50—53; Былое. 1918. № 9. С. 213—215.

<sup>20</sup> Никифоров Л. П. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой: Юбилейный сборник. М., 1929. С. 220.

<sup>21</sup> ГАРФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 16. Л. 1—1об.

<sup>22</sup> ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 20; Частично он об этом пишет в редакцию журнала «Былое». См.: Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 52—53.

<sup>23</sup> Былое. 1906. № 9. С. 68.

<sup>24</sup> Н. С. Бердяев «имел неосторожность» проиграть в Охотничьем клубе около 10 000 рублей казенных денег, за что был отправлен в отставку.

<sup>25</sup> Заварзин П. П. Работа тайной полиции. Париж, 1927. С. 69.



- <sup>26</sup> Герасимов А. В. Указ. соч. С. 17.  
<sup>27</sup> Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 3.  
<sup>28</sup> Былое. 1917. № 2. С. 195.  
<sup>29</sup> Спиридович А. И. Указ. соч. С. 50.  
<sup>30</sup> См.: Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 91.  
<sup>31</sup> Фрумкин Б. Зубатовщина и еврейское рабочее движение // Пережитое. Т. 3. 1929. С. 209.  
<sup>32</sup> См.: Заявление Григория Гершуни Зубатову // Былое. 1918. № 3. С. 129—131; С.-Петербургское охранное отделение в 1895—1901 гг. «Труд» чиновника отделения П. Статковского // Былое. 1921. № 16. С. 131.  
<sup>33</sup> Более подробно о Е. П. Медникове см.: Перегудова З. И. Главный филер царской России // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 104—114.  
<sup>34</sup> См.: Жилинский В. Г. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти // Голос минувшего. 1917. № 9—10. С. 262; Ратаев Л. А. Указ. соч. С. 148—149; Щеголев П. Е. Указ. соч. С. 273.  
<sup>35</sup> Герасимов А. В. Указ. соч. С. 19.  
<sup>36</sup> См.: Официальный отчет о деле И. Распутина // Былое. 1912. № 14. С. 183—194; Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Петроград, 1918. С. 41; Куканов А. В. Гернграсс-Жученко З. Ф.: «Сотрудники есть и будут» // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 97.  
<sup>37</sup> Цит. по: Ярмыш А. Н. Наблюдать неотступно... Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска в Украине в конце XIX — начале XX вв. Киев, 1992. С. 117.  
<sup>38</sup> См.: Ратаев Л. А. Указ. соч. С. 199.  
<sup>39</sup> См.: Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 52—55; Еремин А. И. Так начиналась партия эсеров // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 144—146.  
<sup>40</sup> Меньшиков Л. П. Охранка и революция. Ч. 3. М., 1932. С. 6.  
<sup>41</sup> Серебрякова Анна Егоровна (1857 — конец 1920-х гг.). Возглавляла революционный «Красный Крест», в течение 25 лет состояла секретным сотрудником московского охранного отделения. Разоблачена и привлечена к суду в 1925 г.  
<sup>42</sup> См.: Алексеев И. В. Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932; Чисников В. Затянувшаяся провокация С. В. Зубатова // Новый журнал. 1994. № 4. С. 168—177.  
<sup>43</sup> ГАРФ. Ф. 102.1901. Д. 1723. Л. 10.  
<sup>44</sup> См.: Дневник Половцова А. А. // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 130—131.; Дело Гершуни или о так называемой боевой организации. СПб., 1906. С. 4, 6, 11; Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 179; Лонге Ж., Зильбер Г. Указ. соч. С. 97, 100, 101, 107; Гершуни Г. А. Из недавнего прошлого. М., 1917. С. 68—69; Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998. С. 41—45.  
<sup>45</sup> Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров... С. 127.  
<sup>46</sup> См.: Овченко Ю. Ф. Полицейская реформа В. К. Плеве // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 153.  
<sup>47</sup> ГАРФ. Ф. 102.1901. Д. 801. Л. 1—3об.  
<sup>48</sup> Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 403; Красный архив. 1926. № 17. С. 193.  
<sup>49</sup> Герасимов А. В. Указ. соч. С. 19.  
<sup>50</sup> ГАРФ. Ф. 102.1902. Д. 825. Л. 21.

- <sup>51</sup> Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 32—33.  
<sup>52</sup> Витте С. Ю. Указ. соч. С. 404—405.  
<sup>53</sup> Былое. 1917. № 5—6. С. 20.  
<sup>54</sup> ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 746. Л. 80—81; Там же. Ф. 102.1902. Д. 825. Л. 114—115.  
<sup>55</sup> См. Овченко Ю. Ф. Указ. соч. С. 156.  
<sup>56</sup> Вместе с Зубатовым на службу в Департамент полиции пришли его бывшие подчиненные Е. П. Медников, Л. П. Квицинский, Л. П. Меньшиков, М. Г. Трутков, В. И. Зверев, жандармские офицеры Ж. Мец, М. С. Комиссаров и др.  
<sup>57</sup> ГАРФ. Ф. 102.1902. Д. 444. Т. 2. Л. 9—19.  
<sup>58</sup> Бакай М. Е. О черных кабинетах России // Былое. 1908. № 7. С. 122.  
<sup>59</sup> Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров... С. 127—128.  
<sup>60</sup> Цит. по: Ярмыш А. Н. Указ. соч. С. 126.  
<sup>61</sup> Герасимов А. В. Указ. соч. С. 17.  
<sup>62</sup> Былое. 1917. № 4. С. 158.  
<sup>63</sup> Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 85—86.  
<sup>64</sup> Руководители рабочих организаций регулярно получали в охранку у Зубатова по 20—100 рублей в месяц. В ответ на попытку Зубатова прекратить данные выплаты, со стороны руководителей последовало заявление: «Возлагаемые на нас охранным отделением в некоторых случаях чисто агентурные поручения нам не по силам, и мы не в состоянии выполнять их в будущем». После данного заявления оплата была возобновлена. См.: Беленький Д. М. Крушение одного опыта: Зубатов и Гапон. М., 1927. С. 11 / Подп. Н. Ростов.  
<sup>65</sup> В декабре 1912 г. Зубатов написал полемическую статью «Зубатовщина не по Морскому» в защиту своей политики в рабочем вопросе, которая была опубликована в печати уже после смерти автора. См.: Былое. 1917. № 4. С. 157—178.  
<sup>66</sup> Более подробно см.: Зубатов и Маня Вильбушевич // Былое. 1918. № 3. С. 99—128.  
<sup>67</sup> Кстати, рабочие-зубатовцы устроили Зубатову при переводе в Петербург трогательные проводы с поднесением адреса и подарков. См.: Штейн В. И. фон. Указ. соч. С. 130.  
<sup>68</sup> Былое. 1925. № 29. С. 31.  
<sup>69</sup> После увольнения Зубатова Гапон удалил из своей организации всех его ставленников и окончательно порвал с зубатовскими идеями, хотя опальному Зубатову он отправил несколько писем, в которых неизменно называл себя его учеником. См.: Былое. 1917. № 4. С. 170—171.  
<sup>70</sup> Новицкий В. Д. Указ. соч. С. 204.  
<sup>71</sup> Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 217.  
<sup>72</sup> См.: Ансимов К. Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 119—125.  
<sup>73</sup> Штейн В. И. фон. Указ. соч. С. 105.  
<sup>74</sup> Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 217.  
<sup>75</sup> А. А. Лопухин в «Воспоминаниях» выдвинул свою версию причины увольнения Зубатова, которая увязана с существовавшим коллективным заговором Витте-Мещерский-Зубатов против Плеве. См.: Лопухин А. А. Указ. соч. С. 70—75.  
<sup>76</sup> Спиридович А. И. Указ. соч. С. 105—106; Красный архив. 1923. Т. 2. С. 81—82.

<sup>77</sup> ГАРФ. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 40. Л. 106.

<sup>78</sup> Там же. Д. 3. Л. 6.

<sup>79</sup> В 1910 г. Сергей Васильевич с женой Александрой Николаевной и сыном Николаем переехал из Владимира в Москву и поселился на Пятницкой, 28.

<sup>80</sup> Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 64.

<sup>81</sup> Гражданин. 1906. № 3, 14, 82, 87; 1907. № 61—62, 69—70, 73.

<sup>82</sup> Козьмин Б. П. Указ. соч. С. 64.

*А. Куканов. А. А. Лопухин — жертва обстоятельств или сознательный диссидент?*

<sup>1</sup> См.: Формулярный список о службе А. А. Лопухина. РГИА. Ф. 1284. Оп. 52. 1902 г. Д. 91а. Л. 51—54, 65—69; Из глубины времен. СПб., 1996. № 6. С. 176—179.

<sup>2</sup> См.: Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 366; Ольденбург Ф. Ф. Царствование императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. 2. С. 41.

<sup>3</sup> Речь. 20 января 1909 г.

<sup>4</sup> См.: Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. М., 1960; Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб., 1992; Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. М., 1907; Урусов С. Д. Записки // ОР РГБ. Ф. 550. Оп. 2. Д. 3; Курлов П. Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923; Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991; Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991; Ратаев Л. А. История предательства Евна Азефа // Провокатор. Правда о революционном терроре в России. Л., 1929; Бурцев В. Л. Погоня за провокаторами. М.-Л., 1928; Аргунов А. А. Азеф — социалист-революционер // Провокатор. Правда о революционном терроре в России. Л., 1929; Савинков Б. В. Избранное. Л., 1990; Николаевский Б. И. История одного предателя. М., 1991; Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992; Письма Азефа. 1893—1917. М., 1994.

<sup>5</sup> См.: Федоров К. Г., Ярьмыш А. Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976; Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; Его же. Азеф и Лопухин // Нева. 1990. № 9; Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993; Балухев Б. Л. Дело А. А. Лопухина // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 134—143; Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. И. История одного предателя. М., 1991; Сизиков М. И., Борисов А. В., Скрипилев А. Е. История полиции России (1718—1917 гг.). Вып. 2. М., 1992; Миндлин А. «Чужие среди своих». А. А. Лопухин и С. Д. Урусов против государственного антисемитизма. М., 1997; Городницкий Р. А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М., 1998; Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. М., 1998; Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917). М., 2000.

<sup>6</sup> Морозов К. Н. Указ соч. С. 189.

<sup>7</sup> Рууд Ч., Степанов С. Указ. соч. С. 200.

<sup>8</sup> Воейков Ю. Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных во удовольствие этой знаменитой фамилии. М., 1796; РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 2894. Л. 129—130.

<sup>9</sup> Островский А. В. Родственные связи А. А. Лопухина (1864—1928) // Из глубины времен. СПб., 1996. № 6. С. 191—214.

<sup>10</sup> В своих воспоминаниях А. Ф. Кони указывает на неблагоприятную роль в данном процессе Лопухина, его необъяснимое легкомыслие и «нео-

бдуманнный взгляд на дело». См.: Кони А. Ф. Избранное. М., 1989. С. 277—420.

<sup>11</sup> См.: Лопухин В. Б. Записки директора Департамента Министерства иностранных дел. 1894—1917 гг. // РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 767. Л. 29—30.

<sup>12</sup> Аргунов А. А. Указ. соч. С. 116.

<sup>13</sup> См.: Урусов С. Д. Указ. соч. Л. 41; Курлов П. Г. Указ. соч. С. 108; Зырянов П. Н. Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 55.

<sup>14</sup> Воспроизведено по формулярному списку А. А. Лопухина.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Лопухин произвел впечатление на Плеве во время их встречи в Харькове своим глубоким знанием не только причин полтавских беспорядков, обстановки в стране в целом, но и собственным видением путей противодействия развитию революционного движения. См.: Возрождение. Париж, 4 марта 1928 г.

<sup>17</sup> Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего сената. Стенографический отчет. СПб., 1910. С. 113.

<sup>18</sup> Урусов С. Д. Указ. соч. Л. 3.

<sup>19</sup> По свидетельству Лопухина, Плеве вытребовал из архива проекты преобразования Госсовета, часть которых была составлена еще в период царствования Александра II, но последствий эти действия никаких не имели вследствие решительного сопротивления Николая II.

<sup>20</sup> Урусов С. Д. Указ. соч. Л. 42.

<sup>21</sup> См.: Лурье Ф. М. Указ. соч. С. 348; Николаевский Б. Указ. соч. С. 31.  
<sup>22</sup> Лопухин А. А. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. С. 16—17.

<sup>23</sup> ГАРФ. Ф. 102. ДПОО, 1902 г. Д. 825. ЛЛ. 26—34.

<sup>24</sup> Там же. ЛЛ. 59, 122—125.

<sup>25</sup> См.: Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. Л., 1929. С. 203.

<sup>26</sup> Дело А. А. Лопухина ... С. 114.

<sup>27</sup> Былое. 1917. № 2. С. 200—201.

<sup>28</sup> Лопухин А. А. Записка ... о стачках в июле 1903 года в Одессе, Киеве, Николаеве // Красная летопись. 1922. № 4. С. 382—395.

<sup>29</sup> См.: Лопухин В. Б. Люди и политика (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 125—126; Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1961. С. 215.

<sup>30</sup> Былое. 1909. № 9—10. С. 74—78.

<sup>31</sup> Лопухин в своих воспоминаниях отмечал, что данная записка оставила Николая II равнодушным к судьбам страны. Единственным последствием записки было то, что при дворе и в известных кругах бюрократии Лопухин был произведен в революционеры, «во всяком случае, в человека в смысле карьеры отпетого» // Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С. Ю. Витте). М.—Пг., 1923. С. 54—55.

<sup>32</sup> Цит. по: Леонов М. И. Террор и русское общество (начало XX в.) // Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. М., 1996. С. 36.

<sup>33</sup> См.: Герасимов А. В. Указ. соч. С. 126; Былое. 1917. № 5—6. С. 21.

<sup>34</sup> Герасимов А. В. Указ. соч. С. 135.

<sup>35</sup> См.: Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний... С. 80—81.

<sup>36</sup> Там же. С. 81—84.

<sup>37</sup> Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 148.

- <sup>38</sup> См.: Государственная Дума. Стенографические отчеты. Т.2. СПб., 1906. С. 1130—1132; Эренфельд Б. Тяжелый фронт. М., 1983. С. 98.
- <sup>39</sup> См.: Савинков Б. Указ. соч. С. 283; Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 367.
- <sup>40</sup> См. Аргунов А. А. Указ. соч. С. 105—106.
- <sup>41</sup> Дневник Хин-Голдовской. Записки 14, 20, 22 января 1908 г. // РГАЛИ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 15. Л. 58—61.
- <sup>42</sup> Дело Лопухина // Русское слово. М., 1909, 29 апреля (показания Л. С. Полякова и Рузского); По другим данным, после отставки Лопухин поступил на службу к «Гиндзбургу» (Русское знамя. 1909, 29 января).
- <sup>43</sup> См.: Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. С. 118—123.
- <sup>44</sup> См.: Герасимов А. В. Указ. соч. С. 133.
- <sup>45</sup> Былое. 1909. № 9—10. С. 223—224.
- <sup>46</sup> См.: Аргунов А. А. Указ. соч. С. 121—122.
- <sup>47</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 774. Л. 42.
- <sup>48</sup> «Я уверен, — заявлял Лопухин Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г., — что едва ли не главной целью моего ареста и предания суду было лишить меня возможности назвать Столыпина как покровителя Азефа». Цит. по : Николаевский Б. Указ. соч. С. 298.
- <sup>49</sup> Курлов П. Г. Указ. соч. С. 109.
- <sup>50</sup> Цит. по: Балуев Б. Л. Указ. соч. С. 142.
- <sup>51</sup> См.: Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 391—392.
- <sup>52</sup> Падение царского режима. Т. 7. М.—Л., 1927.
- <sup>53</sup> Об этом свидетельствует предисловие к опубликованным воспоминаниям Лопухина, имеющее датировку: «1923 г. Москва».
- <sup>54</sup> Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.—Л., 1928. С. 123.
- <sup>55</sup> Чуваков В. Н. Русский зарубежный некрополь. 1917—1967. М., 1967. С. 310.

#### Зинаида Перегудова. Был ли Сталин агентом охраны?..

- <sup>1</sup> Комсомолец Забайкалья. 20 ноября 1988 г.; Собеседник. № 46, ноябрь 1988; Г. А. Арутюнов, Ф. Д. Волков. Перед судом истории // Московская правда. 30 марта 1989; З. Перегудова, Б. Каптелов. Секретный агент Джугашвили // Комсомольская правда. 21.06.1989; их же. Был ли Сталин агентом охраны // Родина. № 5. 1989; их же. Был ли Сталин агентом охраны // Вопросы истории КПСС. № 4. 1989; их же. К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикуса» // Сб. Историки отвечают на вопросы. М., 1990; Колников М., Черных В., Максимова А., Шатуновская О., Шеболдин С. Версия не подтверждается // Московская правда. 2 июля 1989; Медведев Р. О Сталине и Сталинизме // Знамя. № 4. 1989; Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992 и др.
- <sup>2</sup> Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 102, 00, 1910, д. 5, ч. 7, л. Б, л. 110б.
- <sup>3</sup> ГАРФ, ф. 102, 00, 1910, д. 5, ч. 7, л. Б, л. 110б.
- <sup>4</sup> ГАРФ, ф. 102, 00, 1910, д. 5, ч. 6, л. Б, л. 260б.
- <sup>5</sup> Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 16. Давая ссылку на этот документ, профессор Ф. Д. Волков частично искажает его содержание.
- <sup>6</sup> ГАРФ, ф. 102, 00, 1910, д. 5, ч. 6, л. Б, л. 18.

- <sup>7</sup> ГАРФ, ф. 4888, оп. 5, д. 599, лл. 13—140б.
- <sup>8</sup> ГАРФ, 102, 00, 1910, 5 ч, 6 л. Б, л. 260б.
- <sup>9</sup> ГАРФ, ф. 488, оп. 5. д. 499, спр. № 9267.
- <sup>10</sup> ГАРФ, ф. 102, 00, 1912, д. 5, ч. 6, л. Б, л. 390б.
- <sup>11</sup> ГАРФ, ф. 102, 00, 1911, д. 82, вх. 90/12.
- <sup>12</sup> Там же, 1913, д. 5, ч. 6, л. Б, 130б.
- <sup>13</sup> Там же, ф. 4888, оп. 5, д. 599, спр. 9296.
- <sup>14</sup> ГАРФ, ф. 102, 00, 1913, д. 5, ч. 6, л. Б, 330б
- <sup>15</sup> Там же, ф. 102, 00, 1913, д. 5, ч. 6, л. Б, л. 310б.
- <sup>16</sup> РЦХИНДИ, ф. 558, оп. 4, д. 195.
- <sup>17</sup> РЦХИНДИ, ф. 85, оп. 3, д. 5, лл. 77—81.
- <sup>18</sup> Orlov. The Sensational Secret Behind. The Damnation of Stalin. April 23, 1958. Life.
- <sup>19</sup> Часть публикуемого ниже параграфа была опубликована мною в соавторстве с Б. И. Каптеловым. Был ли Сталин агентом охраны? // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 90—98; Родина. 1989. № 5. С. 66—69; К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикус» // Сб. Историки отвечают на вопросы. М., 1990. С. 171—184.
- <sup>20</sup> Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб, 1913. С. 40, 692.
- <sup>21</sup> ЦГАОР СССР, Ф. 102, оп. 302, д. 708, л. 25.
- <sup>22</sup> ЦГАОР СССР, Ф. 102, оп. 273. д. 53, 54, 56, 55. — Журналы исходящей корреспонденции.
- <sup>23</sup> Там же. Исходящий с/с журнал Особого отдела за 1913 г. д. 1.
- <sup>24</sup> Там же, ф. 102, оп. 273, д. 356, л. 128.
- <sup>25</sup> ЦГАОР СССР, ф. 102, 7 д-во, 1906, д. 4889, л. 10.
- <sup>26</sup> Там же.
- <sup>27</sup> Копия документа, подпись Еремина заверена делопроизводителем.
- <sup>28</sup> ГАРФ, ф. 494, оп., д. л. 27—28.
- <sup>29</sup> Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. С. 15.
- <sup>30</sup> Известия, 19 сентября 1997 г.
- <sup>31</sup> Известия, 2 октября 1997 г.
- <sup>32</sup> Хенчинов Ю. Так был ли Сталин агентом охраны? // Труд-7, 24 октября 1997 г.
- <sup>33</sup> Isaac Don Levine. Eyewitness to History. Memoirs and reflections of a Foreign Correspondent for Half a Century. New York, 1972.
- <sup>34</sup> Eric Lee. The Eremin Letter: Documentary Proof that Stalin was an okhrana spy? Paper presented to the study group on the Russian Revolution Annual Conference. Oxford, April 1992.
- <sup>35</sup> См.: Плимак Е., Антонов В. Сталин знал, что делал // Московские новости. 1996. № 10. См.: там же. Накануне страшной даты. К 60-летию процесса Тухачевского // Октябрь 1997. № 2.
- <sup>36</sup> Life, 23.04.1956.

## РАЗДЕЛ 3. МЕМОАРЫ

Александр Поляков<sup>1</sup>

### ЗАПИСКИ ЖАНДАРМСКОГО ОФИЦЕРА

В Корпус жандармов я попал совершенно случайно. Вскоре по моему возвращению с Китайской кампании<sup>2</sup> в Одессу, где я проживал, мне однажды довелось быть в Жандармском управлении по одному семейному делу. Известно, что при Николае II существовала Комиссия для принятия разных прошений, а в этой Комиссии была особая канцелярия, которой ведал жандармский офицер, специально назначенный для приема прошений о выдаче отдельных видов на жительство недовольным супругам...

Было это в 1903 году, и статистика показала, что в предыдущем, 1902 году таких отдельных видов на жительство было выдано более 82 000, в чем особенно покровительствовала тогда императрица Мария Федоровна, которая, собственно говоря, и завела упомянутую канцелярию для бедных и угнетенных жен. Таким образом, церковный брак уже тогда обращался для многих под покровительством такой особы, как Мария Федоровна, в простую фикцию.

...До случая, когда я побывал в Жандармском управлении, я понятия не имел, что такое жандармы, и, признаться, их синий мундир внушал мне, как и многим другим, даже некоторый страх. Я не знал, что в губернском Жандармском управлении ведутся дела исключительно политические, что наряду с ними были еще охранные отделения, которые для политических розысков употребляли все меры дозволенные и недозволенные, часто предосудительные настолько, что от них претило даже губернским жандармским офицерам; не знал, что железнодорожные жандармы были поставлены для порядка в полосе железных дорог, исполняя функции чисто полицейские; не знал о деятельности жандармов портовых, крепостных и других, и мне казалось, что, так как они все носят один мундир, то и дело должно быть у них тоже одно, то есть, главным образом политический розыск.

Встретили меня в Одесском управлении очень любезно, чем, как известно, при посторонних жандармы всегда отличались: любезность, корректность, выдержка, вежливость были присущими чертами всех жандармов, особенно железнодорожных, в своей же среде, как я потом убедился, они были часто грубы и невыносимы.

Покончив все дела по вопросу, по которому меня вызывали в Управление, я заинтересовался жандармской службой, обязанностями, взглядами жандармских офицеров на общество и общества на них (я только

знал, что офицерский состав Корпуса жандармов пополнялся строевыми офицерами всех родов оружия, получаемым содержанием и прочее. Увы, я тогда был льготный казачий подьесаул и получал несчастные 28 рублей в месяц, и в дальнейшем полагал окончить свою карьеру самое большое полковником. Все же благополучие тогда считал в должности сотенного командира, которые и то на службе в чине есаула получали тогда около 120 рублей в месяц, а на льготе всего на 2 рубля больше, чем подьесаулы, то есть 30 рублей — жалованье нищенское!<sup>3</sup> И вдруг я узнаю, что уже первая должность — адъютантская в самых скромных управлениях — в губернском или железнодорожном — оплачивается в 130 рублей и что, пробыв на этой должности полтора-два года, губернские адъютанты получают назначение на должность помощников начальников Управлений, а железнодорожные на должность начальников Отделений с окладами 300—500 рублей в месяц!

Всякой политики я тогда был совершенно чужд, ни о каких революционных партиях понятия не имел, был офицером, как и все: верноподанный Государя, нехорошей памяти Николая II. Тут же мне объяснили, как можно попасть в Корпус жандармов, но что личное присутствие всегда лучше устраивает дело.

Перспектива сделать карьеру, а главное получать приличное содержание после скудного жалованья армейского офицера, в каком звании я имел еще глупость тогда несчастливо жениться на барышне, которая, став моей женой, стала требовать моего ухода из Донского войска, так как по ее мнению, казачьи офицеры были просто невоспитанные и грубые дикари, то не раздумывая долго и желая угодить жене, с которой впоследствии я разошелся, собрался я и махнул в Петербург, где и явился в штаб Отдельного корпуса жандармов на Фурштатской, 40, — место известное. Это было в феврале 1902 года.

Для поступления в жандармы тогда требовались от каждого офицера высокие нравственные качества, трезвое поведение, неимение долгов. Офицеры, которые играли азартно в карты, вовсе не допускались, не допускались также «лица, женатые на католичках, и евреи, хотя бы крещеные». Принимались в расчет отношения к товарищам, к начальству, к подчиненным, к обществу и обратно. Всякие корыстные мотивы исключались. Все эти справки собирали жандармские офицеры, «не сносясь с командиром части». Кроме того, в мое время требовалось еще дворянское происхождение и окончание военного училища по 1-му разряду. Таким образом, в Корпус жандармов могли попасть всегда лучшие элементы из офицерского сословия\*. Никакие протекции значения не имели, за исключением редких случаев, которых я знаю два-три. Вступительной программы тогда еще не было,

\* Впоследствии, в так называемые «освободительные 1905 и 1906 годы», когда много жандармских офицеров было убито, и желающих перевестись в Корпус жандармов поэтому почти никого не было, то, чтобы облегчить перевод, стали принимать кого попало, чуть не с улицы: безо всяких испытаний, без курсов, не собирая сведений о качествах офицеров, — лишь бы пополнить недостающий комплект. Потому качественный уровень жандармских офицеров за эти годы сильно понизился. Впрочем, в 1913 году когда Корпус принял генерал Джунковский, офицерский состав опять повысился. Джунковский очень позаботился о поднятии офицерского престижа и очистил Корпус от многих элементов, которые грязнили его. (Здесь и далее под звездочкой примечания автора)

как впоследствии, и на приемном экзамене при штабе «испытывали офицера в степени его развития» и в наблюдательности\*.

Экзамены производились тогда раз в неделю каждый понедельник. Со мной на экзамен явилось семь офицеров, и за одного из них, помню, приехал просить какой-то жандармский генерал, желая оказать протекцию, но именно этот-то офицер и провалился, как и двое других, а четверо, в том числе и я, были приняты. Задавали мне всевозможные вопросы: о последних реформах в Финляндии, о земских, губернских и уездных управах, об их функциях и взаимоотношениях, о разнице между Комитетом Министров и Советом Министров и прочее. Ответы дал я удовлетворительные, а так как я был в форме Охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги (ныне Заамурский округ пограничной стражи), в форме очень удобной и красивой, и на мне была надета довольно родовая шашка, то начальник штаба генерал Зуев, он же председатель экзаменационной комиссии, которому очень понравилась и форма и шашка (особенно он восторгался моей шашкой) предложил мне еще несколько вопросов: о ходе Китайской компании и о моем в ней участии, на что я также дал ответы удовлетворительные\*\*.

После устных ответов мне задали написать сочинение на тему «Значение судебных реформ 1864 года Императора Александра II», с каковой темой я справился тоже удачно, вспомнив перед тем, идя на экзамен, прочитанные мною слова на здании Окружного Суда на Литейном проспекте: «и правда, и милость да царствуют в судах», каковые слова я и положил в основу моего сочинения.

Так или сяк, но экзамен я выдержал и был зачислен кандидатом для слушания лекций и перевода затем в Корпус жандармов.

## 2

Так как кандидатов для слушания лекций было слишком много, то мне обещали зачислить меня на курсы только на будущий год; весенние и осенние, по 4—5 месяцев и каждый раз их проходило около 40 офицеров. Ввиду того, что с весны будущего года я должен был, окончив льготу, идти на службу в 9-й Донской казачий полк, и должен был из Одессы переезжать в другой город, обзаводиться конем, снаряжением и прочим, на что пришлось бы израсходовать около тысячи рублей, что меня вовсе не устраивало, тем более, что по прибытии в полк я все равно скоро должен был ехать на курсы, то заручившись письмом начальника артиллерии Одесского округа, генерала Кокорина, который был моим добрым соседом в Одессе, махнул обратно в Петербург — просить о зачислении меня на осенние курсы.

Однако письмо генерала Кокорина никакого впечатления не произвело и в принятии на курсы мне было отказано. Вспомнив, что когда я еще

\* Для перевода офицеров из жандармских дивизионов и полевых жандармских эскадронов предъявлялись те же испытания.

\*\* Рассказывали, что задавали и такие вопросы: «Вы курите?» — Курю. — «Сколько спичек помещается в коробке?» Или: «В винт играете?» — «Играю». «Что написано на тузе бубен?» Если офицер не знал, ему говорили: «У Вас нет наблюдательности», и его проваливали.

держал экзамен, один офицер был принят на курсы сейчас же, так как был какого-то шефского полка и поступил на курсы по ходатайству своего шефа, кажется Великого князя Петра Николаевича (этот случай был один из тех 2—3 мне известных, когда помогла протекция), я надумал обратиться за такой же протекцией к управляющему Двором Великого князя Михаила Николаевича, которого, то есть управляющего, конечно, я знал немного по Одессе, где его дочь лечилась у моего тестя, известного в свое время профессора. Этот управляющий приходился ближайшим родственником генерала Зуева, начальника штаба Корпуса жандармов.

«Вот теперь, — думаю я, — мое дело будет в шляпе». Однако и его личная просьба не только не помогла, но чуть не ухудшила мое положение. Тогда я, добившись личной аудиенции у генерала Зуева (начальник штаба всегда больше значит, чем сам командир Корпуса), рассказал ему о предстоящем моем зачислении в полк, может быть, всего на две недели, о неудобстве переезда на это время из Одессы в какой-то Янов Люблинской губернии, где тогда стоял 9-й Донской казачий полк, о напрасной затрате на коня, о лишних расходах, и генерал Зуев, вняв моей просьбе, принял меня на курсы осенью.

На курсах нас было 42 человека — офицеров разных родов оружия. Были тут даже офицеры, окончившие академии, были и неудачники, которые срезавшись на экзаменах в академиях, предпочли пойти на службу в Корпус жандармов, чем оставаться в строю, где условия в мирное время тогда были иногда невозможны и не удовлетворяли запросам и потребностям многих офицеров. Всякий, кто мог уйти из строя, пристраивался в полицию, в акцизе, в пограничной страже, везде, где больше платили и где офицеры чувствовали себя свободнее и лучше, чем в строю. Греха нечего таить: хоть корыстная цель для поступления в жандармы официально и считалась одним из препятствий, но почти все мы шли туда ради большего содержания. Прельщала также там и большая самостоятельность, которой, когда узнал впоследствии, многие офицеры, сказать к стыду, пользовались слишком широко и ею злоупотребляли. Впрочем, об этом потом.

Уголовное право, умение вести политические дела, общие обязанности жандармских офицеров, историю революции и прочее читал нам полковник Добряков, вполне оправдавший свою фамилию: человек он был, действительно, добрейшей души и очень порядочный. Такой же добрый, хороший и порядочный человек был наш другой лектор — полковник Федоров, читавший нам железнодорожное дело, то есть Устав Российских железных дорог, мировых судей и вообще обязанности жандармской полиции на железных дорогах.

Политическому розыску учил нас один чиновник при Департаменте полиции, по имени Александр Иванович, забыл, как его фамилия, тоже недурной человек, хороший товарищ и, видимо, большой карьерист.

Курсы помещались в Петроградском Жандармском дивизионе на Кирочной, куда мы должны были являться на лекции к половине двенадцатого утра. Занятия продолжались до 14—15 часов. Занимались мы в одном из залов Собрания, лекции слушали свободно и непринужденно, сидя на стульях полукругом около лектора; сидя же отвечали. Учиться вообще было нетрудно. Одни занимались усердно, другие ленились, я был в числе последних, так как еще в корпусе и училище никогда не отличался прилежанием и усердием, а имея, когда был на курсах, 34 года от роду,



вовсе находил для себя обременительным утруждать себя науками. Курс наш был очень дружный, симпатичный, буфет находился рядом в соседней комнате, куда после лекции часто шли мы вместе обедать и засиживались до вечера, а так как все мы были в чинах от чина поручика до чина капитана и ротмистра (старше не принимались), значит народ все молодой и большей частью несемейные, а если и семейные, то без жен и детей, то почти каждый вечер у нас кончался в добрые времена где-нибудь в «Аквариуме» или иных подобных местах. Все мы считались прикомандированными к штабу Корпуса, получая жалованье из своих частей, а из штаба только квартирные по Петербургу — тогда в размере 25 рублей в месяц.

Каждый из нас должен был дежурить по штабу и у командира корпуса, которым тогда командовал известный генерал фон Валь<sup>4</sup>. По штабу за все время курсов мне пришлось дежурить почему-то только один раз, а у фон Валья — раз пять, вероятно, вот по какому случаю: однажды, кажется, на первое же мое у него дежурство, явилась к фон Валью какая-то курсистка, очень, так сказать, странного вида, назвалась в швейцарской одним именем с указанием своего адреса где-то на Фонтанке, а, поднявшись наверх в приемную, мне назвалась другим именем и адрес указала, не помню на Караванной или Конюшенной, правую же свою руку она держала все время в кармане своего платья, что, конечно, навело меня на некоторые подозрения. Доложил об этом фон Валью, последний не смутился и смело вошел к просительнице, причем сейчас же фон Валь и я относительно курсистки стали так, что, если бы она вздумала стрелять, то я всегда успел бы схватить ее за правую руку, а фон Валь мог бы схватить ее за шею. Если у нее и был какой-нибудь злой умысел, он, все равно, ей не удался бы, и наговорив какой-то чепухи, она благополучно ушла, даже не обысканная, а фон Валь обратил на меня внимание, чем, впрочем, я не только не воспользовался, а раз даже отказался быть с ним в театре, каковой мой поступок нашли тогда бестактным.

К этому времени относится мое знакомство с Мясоедовым, которого я видел только однажды в штабе. Это был высокий, статный, красивый мужчина, несомненно нравившийся женщинам. Больше орденов, как на нем, я ни у кого не видел, вся грудь, живот, даже ниже пояса, все было усеяно орденами и звездами, должно быть, в количестве пятидесяти, не было у него их только на спине, и среди них скромно выделялись только два русских ордена: Анны и Станислава 3-й степени, остальные все были иностранные, преимущественно немецкие. Вот где любителю орденов можно было позавидовать! Уже тогда носились темные слухи о его предательской деятельности и вот, чтобы не позорить Корпуса, как тогда говорили, в 1904 году его выгнали со службы, не объявив причин его увольнения. В 1914 году, когда его повесили, он уже десять лет не был жандармским офицером. Рассказывали также, что когда у него была дуэль с А. И. Гучковым, который первый изобличил его в шпионстве в пользу Германии, то Мясоедов стрелял первым, и, хотя, он был хороший стрелок, но промахнулся, Гучков же выстрелил в воздух, заявив, что стрелять в Мясоедова не будет, так как ему все равно не миновать петли. Так оно и вышло. Анекдот это или факт, утверждать не решаюсь<sup>5</sup>.

В середине декабря состоялись выпускные экзамены, а после них разбирались вакансии по баллам. При разборке вакансий одни руководились тем, где выгоднее служить, или легче сделать карьеру, другие — где

лучше и спокойнее. Руководились также личными взглядами и симпатиями к той или иной службе. Поэтому одни шли в охранки, другие — в губернские жандармские управления, третьи по железной дороге.

Из 42 слушателей я окончил довольно неважно, близко к союзу «и», но все-таки я имел 9 в среднем и кончил 32-м, а с союзом «и» кончил поручик Ерарский, хороший человек и чудесный товарищ, который впоследствии упустил из вагона при перевозке известного Беленцова, первого открытого экспроприатора, ограбившего в Москве один банк днем и забравшего 2 миллиона рублей.

В Охранное пошло тогда человек пять, в том числе некто Еремин, невидный сотник Уральского казачьего войска, который за короткое время нахватал чинов и орденов и уже, кажется, в 1910 году был генералом. Главным образом он отличился тем, что ему удалось поймать в Киеве известного революционера Гершуни<sup>6</sup>.

Мне очень хотелось выйти на железную дорогу, но так как ни одна железнодорожная вакансия до меня не дошла, то мне поневоле пришлось взять губернское Ярославское управление.

Первым кончил штабс-капитан Дроздовский, который взял Московское железнодорожное управление, считавшееся у нас вроде гвардейского, а одному офицеру удалось поступить в Военно-морской суд, впрочем, он был военный юрист.

Кроме офицеров, пошедших по охранке, первая ступень каждого офицера, начинавшего службу в Корпусе жандармов, была адъютантская должность.

В начале января 1903 года состоялся приказ о нашем переводе в Корпус жандармов, причем офицеры, имевшие пехотные или казачьи чины, были переименованы в соответствующие кавалерийские и я из подесаулов стал штаб-ротмистром, потому что Корпус жандармов считался кавалерийским соединением — «табуретной кавалерией», вероятно, потому, что в его состав входили три конных дивизиона: Петербургская, Московская, Варшавская и Одесская городская конная команда, куда нижние чины набирались из новобранцев, тогда как в прочих частях были сверхсрочные унтер-офицеры. Кроме того, в крепостной жандармской команде на 10—20 унтер-офицеров приходилось две-три лошади, которые брались из ближайших кавалерийских частей и обыкновенно от плохих всадников-жандармов всегда были запуганы и зацуканы до крайности.

Исторически когда-то жандармы относились к разряду тяжелой конницы, так же, как и кирасиры.

Получив по 100 рублей из штаба на обмундирование, причем, правду сказать, не с радостью надевал я новую для себя жандармскую форму. Она была тогда самая элегантная и красивая и после представления фон Валью, около середины января, мы разъехались по своим новым местам служения, получив каждый предварительно отпуски на 28 дней и соответствующие прогоны. Прежде всего я отправился за своими вещами в Одессу, где в казачьем полку мои товарищи офицеры встретили меня с большой завистью. Узнав от меня, как я устроился в Корпусе жандармов, некоторые сейчас же поехали в Петербург, но никому из них попасть в Корпус жандармов не удалось, даже одному такому офицеру, который на экзамене в Академии Генерального штаба срезался только по одному какому-то предмету. Отправив вещи в Ярославль и забрав своего сынишку, в начале февраля я был уже на своем новом месте служения — в Ярославском

губернском Жандармском управлении, которое было моим началом и первым этапом на службе в Корпусе жандармов.

Замечу кстати, что в обществе держалось мнение, что при поступлении в жандармы все офицеры и нижние чины будто бы должны были давать особую клятву, в которой отрекались от отца, матери, обещали, будто бы никого не шадить и прочее. Это все вздор и глупости! Новой присяги мы никакой не принимали: действительной оставалась та, которую принимали при вступлении на военную службу. Кроме того, Корпус жандармов многие считали в Министерстве внутренних дел, это тоже вздор: он всегда принадлежал Министерству военному, хотя министр внутренних дел и считался шефом Отдельного корпуса жандармов, — это объясняется тем, что все политические распоряжения Корпусу жандармов поступали из Департамента полиции.

### 3

Николай I, учредив в 1827 году Корпус жандармов, на вопрос первого шефа жандармов генерала Бенкендорфа, какие же обязанности будут нести жандармы, вынув чистый платок, ответил: «Они будут вытирать слезы сирот и обиженных». Так ли это было в начале, не знаю, но на нашей памяти, кому неизвестно, какое море слез заставили пролить жандармы современные, или вернее, недавние. Заставляли плакать и я, и сам плакал не однажды. И так, вместо того, чтобы вытирать слезы, я принялся за «внутреннюю политику», и хоть один мой сослуживец по Ярославскому управлению и посоветовал мне спрятать сердце в карман, все же бессердечным я никогда не был.

Начиная службу в жандармах, я считал, что революционные идеи у нас в России должны быть дикими, несбыточными, утопическими. Новый закон, приравнявший жандармские дознания к судебным следствиям, вышел 7-го июня 1904 года, а до того времени жандармские дознания велись негласно. Келейно, основанные большей частью на агентурных показаниях, разбирались в административном порядке и решались властью министра внутренних дел под Высочайшим флагом.

На первый обыск я пошел со страхом и трепетом и с большим любопытством. Мне было так стыдно, так чувствовал себя неловко, что тут же я решил обязательно добиваться такой службы, где не было бы политики. Сначала мне поручались самые маленькие, дела, большей частью, по оскорблению «священной особы государя», что до 1904 года предусматривалось 246 ст. Уложения о наказаниях, а после 103 ст. Уголовного Уложения, и, обыкновенно, это преступление каралось несколькими днями ареста при полиции. Потом в этом преступлении часто попадался один мещанин, всегда скромный и тихий, «искатель Бога и истины», но горячий пьяница, и когда он напивался пьяным, то царю доставалось жестоко. Отбыв наказание, он каялся, плакал, но когда напивался, снова поносил священную царскую особу — это была бесконечная история!

Особенно замечательных дел при мне в Ярославле не было, впрочем, я и жил там недолго. Надо заметить, что моим начальником Управления был полковник Александр Петрович Марков, человек уже пожилой и женатый в третий раз, имея в живых три тещи. Назовите мне того человека, который был бы доволен своей тещей? Что может быть ужаснее этих тварей? Мне пришлось страдать от одной тещи, а тут, представьте себе,

человек должен был страдать от трех тещ! Вследствие этого у Маркова явилось много отрицательных качеств, снисходя к которым, все же можно было назвать его человеком хорошим. Квартира его помещалась в верхнем этаже, а внизу находилась канцелярия. Приходя в Управление в 9 часов утра, каждый почти раз я слышал наверху звон посуды, треск и громкие, возбужденные голоса, отчего я и писари унтер-офицеры притихали, и с появлением Маркова всегда ждали грозы. Сходил он вниз всегда свирепый, редко когда в спокойном и ровном настроении, и начинал ко всему придирается. Его нервное настроение дошло до того, при постоянном подергивании у правого глаза, что однажды, когда я подавал ему на подпись бумаги, он желчно заметил мне:

— Ах, да не шелестите бумагой!

Дисциплина в Корпусе жандармов была поставлена идеально, тем не менее, чтобы подать бумагу так, чтобы она не зашелестела, сделать было трудно. Подавая вторую или третью бумагу, Марков вдруг закричал:

— Перестаньте шелестеть или я дам вам в морду!

Я ушам своим не поверил. «Что вы сказали, повторите», — переспросил я. Это было один на один. Марков вскопился:

— А, вы еще разговаривать! — и, было, на меня замахнулся.

— Господин полковник, — сказал я, — если вы меня хоть пальцем тронете, от вас только мокрое место останется. — Он был маленький, щупленький, я же — человек здоровый и настолько сильный, что когда был в полку, борол больше половины казаков в своей сотне.

— Вон! — закричал он, — уходите, я не хочу вас видеть!

Я ушел, конечно, сам возбужденный настолько, что сильно хлопнул дверью, отчего зазвенели стекла и гул пошел по всей канцелярии. Скандал получился большой. На мое ли счастье или несчастье, только около Ярославля на даче в то время жил генерал Зуев со своей семьей, к которому тотчас же Марков поехал с жалобой на меня и я, раб Божий, месяца через два после того, с позором был изгнан в Кострому, спасибо рядом, близко, так как на переезд мне дали всего около 7 рублей.

Уже когда я был в Костроме, Марков, действительно, не сдержался и после одного ужина в ресторане, дал по морде одному офицеру не своего даже управления, а железнодорожного, ротмистру Петухову, за что Марков был уволен в отставку, а Петухова перевели на другое место.

Так как дело в управлении шло, как налаженная машина, тем более, что оба помощника начальника управления, ротмистр Пападжанов и подполковник Смирнов, и писаря были люди старые и опытные, то мне, как я сказал выше, как неопытному и ничего не знающему, поручались маленькие дела по 246 ст. и «промазку» писем, которые шли из тюрьмы от политических на волю, и обратно. Письма эти просматривались в камере прокурора, а в управлении просматривались особым составом для того, чтобы между строк не было написано чего «нескромного» лимонным соком, молоком и другими средствами, чего нельзя было пропустить и что бывало самым интересным. Также просматривалась и другая переписка. На моей же обязанности было присутствовать при свиданиях в тюрьмах с политическими. В числе последних тогда находился в Ярославле студент Иван Каляев, который в 1905 году убил Великого князя Сергея Александровича, — история в свое время известная<sup>7</sup>.

Каляев, хотя и был сын полицейского пристава, но революционер был крайний. Письма его всегда было читать интересно, так как он их писал

в форме стихотворений, поэм, очень складно и удивительно остроумно. За Каляева же, впоследствии когда я был в Костромском управлении, начальник последнего, генерал Бекнев, человек недалекий, ничего не знавший и ничего не понимавший, но мнивший о себе очень высоко, обозвал все управление «сволочью»<sup>8</sup>.

Телеграмма об убийстве Сергей Александровича была получена в Костроме на другой день утром, и в тот же день в час была назначена торжественная панихида в соборе. Губернатором тогда в Костроме был милейший человек, Леонид Михайлович Князев, впоследствии Иркутский генерал-губернатор, к которому Бекнев все время лез в дружбу. Кроме официального уведомления о панихиде, Князев о том же сообщил Бекневу еще по телефону, так что Бекнев о панихиде был осведомлен вполне твердо. Тогда в Костроме устраивался Народный дом, и Бекнев с утра до ночи, забывая дела в канцелярии, насаждал там сад и цветник, на что был большой любитель\*. Увлечшись работами, он совершенно забыл про панихиду и вспомнил о ней тогда, когда она давно уже кончилась.

Прибежав в канцелярию, он прежде всего набросился на меня, почему я не напомнил, потом на писарей и на унтер-офицеров и, уйдя в свою комнату, кричал на жену, а по нашему адресу посылал: «Это сволочь, а не управление, прохвосты, как я теперь покажусь губернатору»? Придаться к этому оскорблению было нельзя, так как он ругался в своих комнатах, потому что в Корпусе жандармов начальство было всегда право, в чем мне пришлось потом убедиться не один раз.

После случая, когда Марков хотел дать мне «по морде» и до моего перевода в Кострому, что для меня было неожиданностью, так как после его извинения мы, то есть я, его помощники и сам Марков жили все-таки довольно дружно (а мой перевод в Кострому оказался неожиданным и для самого Маркова), и часто мы в компании устраивали ужины в ресторанах или завтраки на пароходах. Ротмистр Пападжанов имел удивительно красивый тенор, мягкий, сильный, звучный, задушевный, он чудесно и умело пел, так как одно время учился и хотел даже поступить на сцену и, хотя сам он был довольно некрасивый, но своим голосом прельстил одну даму настолько, что она бросила мужа, развелась с ним и вышла замуж за Пападжанова.

Однажды с этой компанией были мы на пароходе. Известно, что волжские пароходы на больших пристанях стоят по несколько часов, а то и целый день, так вот, пообедали мы на пароходе, и Пападжанов вздумал петь, сопровождая себя на пианино. Это был концерт. И если Шаляпин или Фигнер собирали платных слушателей полный театр, то здесь Пападжанов собрал огромную толпу слушателей бесплатных. Слушали все, забыв свои дела: пароходная администрация, публика, матросы, пассажиры, рабочие (их было много), огромная толпа на пристани, и все были очарованы. Когда он кончил петь, требовали еще, неистово кричали все «браво» и бесновались не хуже, чем в театре. За пение Пападжанова досталось немного оваций и нам, его товарищам, хотя мы тут были совсем уж не причем.

Тогда же в Ярославле устраивалась областная выставка, куда входили все губернии северо-восточного края России: Костромская, Вологодская,

\* Впоследствии, во время государственного переворота в 1917 году на войне я слышал от одного костромича, что этот сад изуродовала толпа только за то, что его устраивал жандармский генерал. Жаль, сад все-таки был хороший.

Архангельская и другие. Выставка показывала произведения местной культуры, все было там свое, русское, и вдруг среди нее затесался какой-то японец, по виду очень интеллигентный, с хорошими манерами и, видимо, ему было безразлично, что всякую его дрянь (веерочки, альбомчики, ножички, все то, что продает Япония у себя дома на память случайным путешественникам, красивое и никуда негодное), здесь публика вовсе не покупала и даже не обращала внимания на эти вещи. Этот японец казался мне подозрительным и, имея опыт Китайской компании, когда всякую нашу самую маленькую экспедицию непременно в стороне сопровождали японские шпионы, которые служили у нас в качестве прачек, поставщиков живого товара, мелких торговцев и прочее, когда, я помню, побил одного японца, содержателя публичного заведения, который оказался капитаном японского генерального штаба, что указывало уже тогда, в 1900 году, на то, что японцы готовятся отомстить нам за Порт-Артур, и когда я высказал все эти соображения полковнику Маркову и предложил арестовать японца, то Марков только рассмеялся. «Вот, — сказал он, — чепуха, торгует и все», а я на это ему заметил, что выставка — лучший способ для японца собрать этнографические, статистические и другие сведения о России, на что он мне опять ответил: «И это вздор». Однако события показали обратное.

Это было в сентябре 1903 года, а в конце января 1904 года разыгралась позорная для нас японская война, в которой японцы, теперь наши «милые друзья», показали себя очень знающими Россию. Оказалось, что до войны они всякими путями собирали о России самые точные сведения и описанный сейчас случай только подтверждал, что уже потом всем стало известно.

4

В Кострому я прибыл в конце сентября 1903 года и сразу же попал в оборот к знаменитому Павлу Николаевичу Масальскому-Кошуро, который был там политическим товарищем прокурора и вдохновителем всех дел при управлении<sup>9</sup>. Начальником управления был, уже вышедший в отставку, генерал Кемпе, проживавший больше в Москве и до прибытия нового начальника, которым и явился генерал Бекнев, взвалил пока все управление на меня, адъютанта. Единственный его помощник имел тогда штаб-квартиру в Кинешме и в Кострому приезжал редко. Те знания, которые я получил на курсах, оказались такими же, по крайней мере у меня, как и знания, полученные в кадетском корпусе, то есть такими, которые улетучились навсегда сейчас же по сдаче выпускных экзаменов.

В Ярославском управлении практически я тоже ничему не научился и в Костромское управление явился совершенно неподготовленным к самостоятельному производству дознаний и политическому розыску. Первым моим учителем в практическом смысле был Масальский: он научил меня допрашивать, точно, подробно и без лишних слов писать протоколы осмотра вещественных доказательств и обоснованно и логически писать постановления, что мне очень пригодилось на всю мою дальнейшую службу в Корпусе жандармов и даже тогда, когда я ушел из него. За это надо сказать спасибо Масальскому.

В Костроме у меня оказалось много дела как по канцелярии, так и по производству дознаний. Мне иногда приходилось так много писать, что

рука порою не в состоянии была уже держать перо и, приходя в управление в 9 часов утра, я уходил иногда домой только на другой день в 5—6 часов вечера.

Тут уже начиналось движение, как и везде, которое вылилось в революцию 1905 и 1906 годов. Стали устраиваться где-нибудь в лесу митинги, усиленно распространялась нелегальная литература, удавались даже уличные демонстрации с красными флагами и прочее. Помню огромную корзину с разной нелегальной литературой, которую привез в Кострому некий Санжур, чистейший хохол, фамилия его звучит по-французски, и себя он поэтому часто называл в переводе «Святой день». Долго о нем тянулось дело, сначала в прежнем келейном порядке, а потом, после закона 7 июня 1904 года, в судебном порядке. Литературы оказалось так много, что один протокол осмотра ее у меня занял более месяца. Много прошло по этому делу обвиняемых и свидетелей, и в числе последних безызвестный писатель Михеев, — автор романа «Золотые россыпи» и других<sup>10</sup>.

В апреле 1905 года я получил новое назначение на должность жандармского офицера по осмотру паспортов в Керченском порту, а дело все тянулось, и как и когда оно закончилось, я не знаю, так как его еще продолжал мой преемник. Как начальник управления генерал Бекнев был большой любитель садоводства, так и Масальский, будучи большим трусом, оказался большим любителем политических дел.

Надо заметить, что состав прокурорского надзора в то время в Костроме был довольно-таки старенький, и весь он почти в полном составе полег там на «братском кладбище». Не хотел только поддаваться Масальский, которому уже тогда было около 50 лет, что он тщательно скрывал и непременно хотел еще сделать карьеру. На политике он и выдвинулся, добившись сначала вице-губернатора в Симферополе, потом в Харькове, где он долго сатрапствовал, заставляя много о себе писать в газетах, и закончил свою карьеру на должности Омского губернатора, откуда и полетел, как и все губернаторы, во время переворота в 1917 году.

Не думаю, чтобы он был убежденный монархист, хотя этим своим званием он любил хвалиться. Несимпатичный был человек, дай Бог ему здоровья! Много испортил он мне крови и много неприятностей сделал и мне и другим. Важничал он еще больше, чем Бекнев, а в управлении он командовал, как хотел. Часто он хвастался, что происходит из рода князей Масальских, что очень возможно, так как показывал на этот счет какие-то документы, но еще чаще любил похвалиться, что он Александровский гусар, каковым он был без году неделю в звании «вольнопупа», то есть вольноопределяющегося<sup>11</sup>. Надевая пальто, он всегда говорил: «Мешают эти погоны (то есть прокуррские), то ли дело наши гусарские с бомбочками», хотя ничего гусарского в нем и в помине не было! Не любил его у нас в управлении, не любили в камере прокурора, не любили его в обществе и даже раз отказались с ним обедать в Татьянин день Московского университета, и еще больше не любили его рабочие. Зато сам он очень любил, как говорил, «faire la cherche» и при них забирал все письма, какого бы содержания они ни были, а потом без конца допрашивать, не упуская ни одного обстоятельства. Начинал он допрашивать об обстоятельствах дела всегда со отдаленных событий, чуть не со дня рождения, затем задавал вопросы, совершенно не идущие к делу и вдруг огораживал таким вопросом, от которого не могли отвертеться ни обвиняемые, ни свидетели. И последних он подозревал большею частью в при-

надлежности к той или иной «преступной организации, поставившей целью ниспровержение существующего государственного строя» и вместо предъявления обычной свидетельской 448 статьи Устава Уголовного судопроизводства давал свидетелям 722 ст., то есть когда свидетель, который допрашивается по делу, сам подозревается в соучастии в данном преступлении. Вообще, что называется, допрашивал он с пристрастием.

Хорошие были в управлении писаря Виноградов, Кучин и Иван Иванович Смирнов. Первый был просто хороший человек и кривобокий, второй — отчаянный монархист-самодержавник, третий — Иван Иванович — был горчайший пьяница, который и умер от пьянства. С Кучиным и Смирновым мы сидели в одной комнате, часто вели беседы по душам, возмущаясь Масальским и Бекневым, и устраивали Россию на свой лад.

После печального события 9-го Января 1905 года, когда народ ходил к Зимнему Дворцу просить единения с царем, за что был расстрелян, о чем подробности мы слышали от очевидцев, я страстно стал желать конституционной монархии (это при моем-то звании жандармского офицера), Кучин с пеной у рта не только отстаивал самодержавие, но даже требовал усиления его, а Иван Иванович всегда оставался при особом мнении, так он и говорил: «Остаюсь относительно образа правления при особом мнении». Оказывается, уже после его смерти, в его квартире за иконой нашли какую-то нелегальную брошюру! Жандармским чинам вообще не возбранялось иметь нелегальную литературу, и я даже стал было собирать целую библиотеку, но когда ее собралось у меня несколько пудов, и ее трудно стало перевозить, я просто ее выбросил\*, но Иван Иванович свою брошюру, не то «Хитрую механику» Плеханова, не то «Пауки и мухи» Либкнехта, особенно лелеял, и мне потом стало понятно, почему он всегда оставался «при особом мнении»<sup>12</sup>. Помню однажды (я уже был произведен в ротмистры), разбирая почту и вскрывая один пакет из Департамента Полиции, слышу Кучин мне говорит:

— Ваше благородие, смотрите, клоп!

— Где? — спрашиваю.

— А вот, из конверта выползает!

Вижу, действительно, из департаментского конверта выползает клоп, худой, слепой, в чем душа держится. Хотел было я его придавить, но Кучин заступился:

— Что вы! — говорит, — ведь это Департаментский клоп, может быть ревизор, еще отвечать будете!

Как клоп попал в департаментский пакет, шут его знает, а когда он из него вылез, то осмотрелся, поползал по столу и исчез в его щели. Клопа мы не убили из страха и уважения к Департаменту полиции.

Особенно нам досаждали две барышни, Юлия Чарская и Софья Загайная, которые непременно хотели прославиться каким-нибудь особенным выступлением. Скандалистки они были отчаянные, — это были какие-то революционерки-кликуши: обе они страстно хотели попасть в тюрьму, особенно Загайная, и последней Бекнев, после устроенного ею однажды скандала на балу в Дворянском собрании, сказал: «Загайная, успокойтесь, я вас в тюрьму все равно не посажу».

\* Один жандармский офицер, граф Подгорчани-Петрович, употребил такую литературу при переезде в качестве оберточной бумаги, за что получил выговор в приказе по Корпусу.

Помню попался на провокации один рабочий, некто Колов, который, рассказывая добровольно об одном митинге и изобличая в присутствии на нем других, сам был изобличен, как устроитель этого митинга и как оратор на нем и, так как свои показания он давал в тюремной конторе, куда он явился тоже добровольно, то мы с Масальским тут же написали постановление и засадили его в тюрьму, — это был курьезный номер!

Руководителями местных революционных организаций были: акцизный чиновник, он же сотрудник местной газеты, Василий Козлов, называвший себя по этому случаю литератором, его жена, Елена Владимировна, хитрая женщина, с которой мы впоследствии встречались в Сибири довольно сердечно и там даже я помог ей в чем-то; чиновник Гиацинтов и другие, но тайно все пружины нажимал некто Сабанев, мой товарищ по Аракчеевскому кадетскому корпусу\*, где мы с ним в 1-м классе вместе сидели на одной парте, и где он дальше первого класса не пошел, то есть за тихие успехи и громкое поведение из Корпуса был исключен.

И вот расставшись одиннадцатилетними мальчишками, мы встретились, когда нам было по 35 лет, занимая в отношении друг к другу такие крайние противоположности: он серьезный, убежденный революционер, а я — жандармский офицер, преследующий его. Антиподы! Непримиримые враги! Встреча сначала вышла неловкой, но потом воспоминания детства, то, что мы «аракчеевцы», которые по всей русской армии были известны, как лучшие товарищи, и некоторая «общность» в данном случае нас сблизили, и мы душевно расцеловались. Один раз я был у него, раз он заходил ко мне, но, чтобы не компрометировать друг друга, не ставить себя в неловкое положение и не давать повода к злословию, мы перестали видеться.

Я хорошо знал о его деятельности, Масальский много раз хотел до него добраться, но у меня не поднималась рука на него: я органически не мог пойти против Сабанеева и за 1 1/2 года моей службы в Костроме на допросе мы с ним ни разу не встречались, и он все-таки остался тогда ни разу не привлеченный. Хорошо ли я поступил, нет ли, но, кажется, Масальский понимал, что привлечение Сабанеева было бы насильем над чувством товарищества и поруганием чистых детских воспоминаний. Я же думал, что поступал по совести.

В Костроме мне жилось хорошо. Общество там было милое, любезное и хлебосольное. Принимали меня сердечно, начиная с губернатора Князева и вице-губернатора Е. Е. Извекова (вот был чудесный человек!) и кончая моими товарищами по Аракчеевскому кадетскому корпусу, которых в Костроме оказалось несколько. Вообще о Костроме у меня остались хорошие воспоминания. Было у меня там несколько романов, но об этом из скромности умолчу.

Самыми неприятными для меня людьми были Бекнев и Масальский, которые считали меня, если не революционером, то во всяком случае неблагонадежным и вот, по какому случаю: однажды там, по полученным сведениям, должна была состояться демонстрация. Бекнев и Масальский стали принимать меры, чтобы не допустить ее, я же, напротив, сказал Бекневу: «Ваше Превосходительство, пусть придут! Во-первых, это интересно, а во-вторых, от этого ведь никто не пострадает». Боже, что потом было! «Да, вы думаете, о чем говорите, вы жандармский офицер! Вы —

\* В городе Нижнем Новгороде.

сами революционер!..», — кричал Бекнев и пошел разносить меня. Каяться уже нельзя было. Эта моя реплика, должно быть, мне стоила того, что в то время, когда мои товарищи не только по курсу, но и позднейшие, стали получать высшие назначения, я в должности адъютанта в Костроме сидел еще один год.

Впрочем, одна такая демонстрация мне чуть не стоила жизни. В апреле 1905 года, как я уже говорил, я получил назначение в Керчь на должность офицера по осмотру паспортов в порту; мне уже пора было уезжать к новому месту служения, но Масальский и Бекнев, придравшись к какому-то пустому случаю, поехали производить какое-то дознание в Ветлугу, чтобы на этом заработать прогоны: Бекневу, как генералу, полагаюсь прогоны на пять или шесть лошадей. Следовало бы поехать и мне, как адъютанту, а на прогонах мы зарабатывали порядочно. Деньги мне пригодились бы на переезд в Керчь, но мой генерал и прокурор решили, что прогонные деньги полезнее получить им, чем мне, и вот, пользуясь хорошей и приятной весенней погодой, укатили они на пароходе в Ветлугу, бросив управление на меня. Оно мне стало совсем не интересным, потому что я уже считался на службе в Керчи, а в Костроме до отъезда считался к управлению прикомандированным.

За их-то отсутствие и состоялась огромная демонстрация, о которой я ничего не знал. Отправив семью и вещи в Керчь, я скучал, томился, делами почти не занимался, бродил по пристаням и однажды вышел в городской сад. Это было в воскресенье, около одиннадцати часов утра, а в двенадцать часов дня я был приглашен на завтрак к одним добрым знакомым. Ничего не подозревая, сидел я на садовой скамье с конторщиком пароходного общества «Надежда», который, помню, тогда просил меня, по моем прибытии в Керчь, если можно, устроить его на службу в одно из пароходств в Керченском порту.

Гуляющих было много, и я ни на кого не обращал внимания, но вдруг на нашу скамью сел какой-то студент, который стал злобно на меня смотреть, держа руку за бортом тужурки. Я, признаться, мало тогда обратил и на него внимания, так как было уже половина двенадцатого, то я встал, попрощался с конторщиком и пошел к своим знакомым. Ровно же в двенадцать часов дня по всему саду раздался свист, и моментально собралась огромная толпа, которая сейчас же выкинула красный флаг и с пением «Марсельезы» пошла по улицам. Стоявший у ворот сада, ни в чем неповинный городской, тут же был убит. За что, спрашивается? За то, что был городовой? Той же участи, как я узнал потом, должен был подвергнуться и я со стороны вышеназванного студента.

В это время Японская война была в разгаре. Я долго думал, идти или нет на эту войну, как ходил добровольно на Китайскую войну, но так как Японская война была непопулярна, затеяна она была из-за каких-то лесных концессий на Ялу Марией Федоровной и ее приспешниками, ничего доброго от этой войны не ожидали, ни у кого воодушевления не было, и я решил, что на войну идти не стоит, тем более, что в Маньчжурии и Японии я уже был, места, значит, были для меня не новые, да и такой кавалерийской части, куда бы я мог попасть, не было, так как кавалерии в Японской войне было вообще мало при большом количестве офицеров, а в пехоту я идти не хотел, потому что опыт Китайской войны, где мне, казачьему офицеру, дали командовать ротой Охранной стражи Китайско-



Восточной железной дороги\*, пришлось мне тогда совсем уже не по вкусу, и я на войну не пошел. Более же всего мне было жаль оставлять моего сынишку. И вдруг ни за что, ни про что, только за то, что я был жандармским офицером, в сущности безвредным, я бы мог погибнуть бесславно в какой-то Костроме, колыбели бесславного Николая Романова от руки какого-то студента! Покорнейше благодарю!

Я так рад был новому назначению, теплему югу, куда всегда стремился, как сам уроженец юга, предстоящему хорошему содержанию, а главное, тому, что у меня не будет больше ненавистного политического дела, что я ни от кого не находил нужным скрывать своей радости. Этим воспользовалась Козлова (а может быть, слух был преувеличен), но только в местной газетке втиснула следующую заметку: *«Под влиянием общественного мнения местный жандармский ротмистр Поляков, как мы слышали, оставляет свою службу. По его примеру, но уже ради страха иудейска, уходит и пристав Рождественский (кажется, так, фамилия, точно не помню)»*. Я боялся, что эта заметка испортит мне службу, однако все сошло благополучно...

Вскоре я уехал в Керчь и, помню, Бекнев, провожая меня, даже прослезился. С Масальским расстались мы холодно.

Спустя около полгода на одной из станций железной дороги при скрещении поездов, мы опять встретились с Масальским, который куда-то ездил лечить свои ревматизмы (он всегда и летом, и в сухую погоду ради своих больных ног носил калоши); радости мы не проявили. «Знаете, — сказал он, — дело-то Санжура все тянется». Я удивился, но ответил, что это мне совсем не интересно. После я узнал, что Санжур застрелился. Бедный Санжур — «Святой день»!

## 5

Прежде чем ехать в Керчь, я заехал в Симферополь представиться начальнику управления полковнику Загоскину. Это был небольшого роста, с большими усами, хотя и в летах, но еще видный мужчина, про которого рассказывали, что он большой волокита, бывший кирасир. Тогда же я познакомился с его помощником подполковником Кравченко, бывшим уланом, который был помоложе Загоскина, но качествами обладал теми же, к тому же еще он считался большим «мухобоем». Умением выпить он славился на весь Крым. Правду сказать, хотя, как уже упомянул в начале, для перевода в Корпус жандармов требовалось трезвое поведение и другие подобные качества, однако, и в Корпусе жандармов играли азартно, и за женщинами ухаживали, а главное пили жестоко и выпить хорошо умели.

Я всегда был о себе скромного мнения, даже в умении выпить. И вот Кравченко, чтобы поддержать, вероятно, свою славу, пригласил меня вместе пообедать в ресторан. Пил он все и много: водку, вино, пиво, шампанское. Я не отставал от него. То ли он был не в ударе, или слава его оказалась преувеличенной, но я легко обошел его на этом состязании и

\* Кстати замечу, что в Охранной страже я служил вместе с известными братьями Гучковыми<sup>13</sup>, которые тогда были прапорщиками и оказались большими любителями приключений; в Маньчжурию они прибыли с юга Африки, прямо с Бурской войны.

он далеко отстал от меня «за флагом». Напился он, действительно, как сапожник, я же был чист, как стеклышко, и посмеялся над ним. Это мне не прошло даром, и он впоследствии отомстил мне самым позорным образом, о чем скажу позже.

Шикарная была моя служба в Керченском порте, лучше архиерейской! Прежде всего, то, что делалось на берегу, меня совсем не касалось, не исключая и «политики». Обязанности мои были простые и несложные: бывать на рейде на иностранных пароходах или на своих пароходах дальнего плавания да изредка подписывать кое-какие бумажки. Боже мой, как я радовался, что я на юге, в Крыму, в тепле, которое я так люблю, быть всегда на горячем солнце, купаться в открытом море, даже не с берега, а по середине пролива прямо с катера, какое это было блаженство! Керчь, милая, маленькая, чистенькая, аккуратненькая, Одесса в миниатюре. Очаровательный городок с очаровательными женщинами в красивых, ярких платьях. Были у меня и здесь маленькие увлекательные романы, и как это было не похоже на Кострому, где было так холодно и где страсть заменяется простой чувственностью! В Керчи во всем отмечается страстный и горячий темперамент юга. Страсть царилла во всех проявлениях, что вовсе нельзя было назвать развратом или распушенностью: такие уж все там пылки! Какой страстной была там одна очаровательная грузиночка, имени которой я вам из скромности, конечно, не назову. Не могу умолчать и об одной местной татарочке. Кто не слышал о ялтинских красавицах, в которых наравне с татарской кровью течет много крови генуэзской, потому что Крым когда-то был генуэзской колонией. Есть такие же красавицы татарки, и очаровательные, воспитательные женщины, в которых кровь горит, а не течет. И с такой у меня был роман, бурный, горячий, страстный, увлекательный, но все это было, прошло, и теперь на ущербе дней моих, моя жизнь в Керчи представляется мне сладким воспоминанием.

В городе нас было три жандармских офицера: один городской, ротмистр Шереметов<sup>14</sup>, для производства дознаний и политических розысков в Керченском градоначальстве и Феодосийском уезде, другой — подполковник Кременецкий со своей командой в 12 человек и с двумя верховыми лошадьми обслуживал в военно-полицейском отношении Керченскую крепость; третий был я — портовый, только по осмотру паспортов на иностранных или русских дальнего плавания пароходах. Других обязанностей у меня не было. Вся моя команда состояла из четырех человек: трех унтер-офицеров, одного вахмистра Лишвиненко, известного на весь Крым охотника, без которого не обходилась ни одна крупная охота, за что он, хотя и нижний чин, был выбран членом в Крымский горный охотничий клуб. Пятый был я — начальник этой команды.

Квартиру я себе выбрал на склоне горы Митридат такую, откуда мне были видны весь рейд, пролив и на противоположном берегу вся Тамань, как на ладони. Эта гора, местная достопримечательность, известна тем, что на ней на каменном троне любил сидеть в давнишние времена Понтикапейский царь Митридат и с высоты ее любоваться морем.

Еще эта гора замечательна была тем, что в ней, на глубине трех сажней под землей, оказался засыпанным целый город. И при мне однажды при рытье канавы для фундамента, была найдена древняя греческая ваза, так хорошо сохранившаяся, что казалось, она вчера вышла из рук мастера, а ведь пролежала она в земле, вероятно, не одну тысячу лет!

Присутствие на пароходах для меня было необязательным, и один мой предшественник, подполковник Самоквасов за свою одиннадцатилетнюю службу был на рейде всего два раза. Я не пропустил ни одного дня не потому, чтобы показать свое усердие к службе, а потому что мне это нравилось. Встав утром я выходил на балкон посмотреть, есть ли на рейде пароходы, и, если есть, то сколько их и какие на них были флаги. Если между мачтами или на передней виднелся желтый флаг — я не торопился, это значило, что сперва идет карантинный досмотр. Когда же спускался желтый флаг и на задней мачте поднимался национальный, это значило, что требуется таможенный досмотр, и тогда я шел в корабельную контору, куда собирались: члены таможи, корабельный смотритель, переводчик, досмотрщики, я и унтер-офицеры.

В таможене было три катера: «Смелый», «Бойкий» и «Прыткий». На одном из них мы и ездили на рейд, причем спустя три-четыре недели по моем прибытии в Керчь, я уже научился управлять катером и настолько ловко, что ни разу у меня не было никаких аварий. В этом отношении оказались ужасно неловкими матросы с бранд-вахты, которые обслуживали карантинный катер: неумело приставая к пароходным трапам, они часто их ломали, чем вызывали насмешки, особенно у англичан, а нам было стыдно за них, часто мяли бока своему катеру и вообще показывали себя моряками неважными.

Пристав к пароходу, все мы поднимались на палубу и всегда первый вопрос у меня был: сколько людей в экипаже, есть ли пассажиры (которых было вообще всегда мало, или их вовсе не было), и есть ли почтовые голуби.

Последнему обстоятельству придавалось значение, потому что англичане — наши милые друзья теперь, тогда практиковали «на всякий пожарный случай» со всего нашего черноморского побережья сбор почтовых голубей в свое Константинопольское посольство. Обыкновенно они выпускали голубей, не доходя до берега, и на борту, если бывало оставались голуби, то оказывались не выпущенными по забывчивости. Все же за мою годичную службу в Керченском порту я, по приказанию командующего войсками Одесского военного округа, арестовал около сотни хороших почтовых голубей, которыми и обогатил тогда Керченскую крепостную почтовую голубятню. Если перевести на деньги, то это стоило, если считать по самой минимальной расценке — 25 рублей за пару голубей (бывали и дороже — 50 и даже 100 рублей за пару), то всего я обогатил названную голубятню на сумму приблизительно в 2—3 тысячи рублей. Правда, старые голуби никогда не остаются в новой голубятне, но запертые — они дают приплод и обыкновенно заведующий голубятней, один поручик, благодарный мне за доставку голубей, пользовался приплодом, а старых, чтобы они не улетели в Константинополь, он резал на жаркое.

Когда приступали к досмотру и вообще к исполнению таможенных формальностей, я спускался опять на катер, раздевался сам, раздевались все свободные матросы, кочегары и досмотрщики, мы бросались в море и купались. За это время кончался досмотр, я снова поднимался на пароход, где получал список всего экипажа; если спрашивали, давал разрешение сойти на берег; пассажиров, прибывающих в Керчь, тоже отпускал на берег, причем из паспорта отрывал 17-й листок, который затем отсылал в таможену, а на самом паспорте ставил штампель «явлен в Керченском пор-

ту такого то числа». Если пассажиры следовали дальше, давал им пропуск (осмотр багажа производился таможенными чинами); затем, обыкновенно, если пароходов было немного, мы садились завтракать и получать заграничные новости, а иногда новости о своих делах, о которых нельзя было печатать в русских газетах.

Так как пароходы шли разных национальностей, преимущественно английские и греческие, то пришлось познакомиться и с напитками всех национальностей. Превыше всего, конечно, был греческий коньяк с острова Потмоса. Что лучшие французские коньяки в сравнении с потмосским? Хорош, разумеется, и французский коньяк, но его можно сравнить с потмосским, как хорошенькую горничную с хорошенькой барышней, барышня — это греческий коньяк. Проходил он через горло, как бархат, ласкал вкус и давал легкое приятное опьянение. Только на греческих пароходах я его и пил и только однажды впоследствии, когда мне пришлось служить в Туркестане, один жандармский офицер, неведомо какими путями доставший одну такую бутылку греческого коньяка (в России нигде в продаже я его не видел), вздумал меня удивить и держал пари, что я не узнаю, какой это коньяк, и пари проиграл, потому что я сразу сказал, что это коньяк греческий. У меня и сейчас текут слюнки, когда я вспоминаю этот божественный напиток.

Пил я на пароходах чудесное сантуринское вино, английскую водку-виски, чистые итальянские асти и вермут, кокетливые французские вина, испанский портвейн, норвежский холодный пунш... Господи, чего я не пил! Кто не пьет и не понимает, тот меня осудит, но кто пьет, или вернее, кто пил в те прошлые времена, когда можно было выпить, тот позавидует мне. Сам я никогда не был пьяницей, не любил пьяных, презирал напивавшихся по-свински, но выпить, грешный человек, я любил, особенно в хорошей задушевной компании, или в приятном обществе в кабинете. Эх, испортили Россию наши добрые крестьяне, потому что не умели пить!

На следующих пароходах производились те же операции, а так как мне уже почти нечего было делать, потому что меня с успехом мог заменить унтер-офицер, то выкупив несколько сигар, выпив с лукумом кофе, который особенно был хорош у турок, я отправлялся домой и этим кончался мой служебный день.

По субботам я писал начальнику управления маленькие ведомости, что столько-то прошло через Керченский порт пароходов английских, столько-то греческих, итальянских и прочих, столько-то на них было экипажа, столько-то пассажиров, и сколько прошло тех же пароходов обратно — вот и все! В этом заключались все мои обязанности. Как видите, обязанности были не только нетрудными, но для меня даже приятными.

Раз только случилась для меня история, не совсем приятная. Дело в том, что однажды на Афон возвращалась с разными припасами: балыком, икрой, с винами, водками и другими вкусными и приятными подаяниями — парусная шхуна Ильинского Афонского монастыря, на которой и шкипер и все матросы были монахи и хотя все они были русские, но шхуна проходила под турецким флагом, так как Афон, как известно, находится в турецких владениях.

Случилось в это время в Керчи быть одному бывшему в этом монастыре монаху, выгнанному за пьянство, который, узнав, что эта шхуна «Св. Илия» возвращается обратно, уже после окончания всех формальностей, когда таможенные чины съехали на берег и судно должно было

уходить, отправился на шхуну и произвел там большой скандал. Еще Лермонтов говорил:

*«А кто два раза в день не пьян,  
Тот, извините, не улан».*

Этот монах оказался бывшим берейтером уланского Белгородского полка Вельчинским, который какими-то судьбами попал на Афон, десять лет там пропьянствовал и за это потребовал со шкипера «Св. Илии» по тысяче рублей в год, то есть всего 10 тысяч рублей, будто бы заработанных им в монастыре, но согласился на 5 тысяч. Очевидно, монастырь что-то был должен Вельчинскому, так как из оставшихся у шкипера 3 тысяч, он две тысячи отдал Вельчинскому, а одну тысячу оставил себе на дальнейшие расходы. Вельчинскому взять бы эти деньги и уйти, и если он считал себя правым, мог бы подождать до следующего раза, чтобы еще получить что-нибудь с монахов, но сделал он большую глупость. Взобравшись, вооруженный с ног до головы, на мачту, он стал угрожать, что если ему не отдадут всех пяти тысяч, он не только не позволит судну сняться, но еще перестреляет всех монахов. Какими-то хитростями шкиперу удалось, однако, съехать на берег и первому мне рассказать о случившемся.

Водворять на рейде порядок к моей компетенции не относилось, так как на это была портовая полиция, но ввиду того, что шкипер, вероятно, полагал, что я в порту значу больше, чем кто-либо другой, то стал усердно просить меня помочь ему, тем более, что начальника полиции он не застал дома, и я согласился ему помочь, да и посмотреть было интересно. Подошел в это время и помощник начальника портовой полиции, капитан II ранга Собецкий и мы, взяв таможенный катер, отправились на шхуну.

Не успели мы причалиться, как Вельчинский стал нас обстреливать из револьвера, выпустив, впрочем, одну или две пули. Попасть ему в нас было трудно, потому что ему, сидевшему на верхушке мачты, где его раскачивало, как маятник, стрелять было неудобно, тем не менее мы попрыгали и из-за своих укрытий вступили с ним в переговоры. Переговоры велись долго и, наконец, мне удалось убедить его в бесполезности сидеть на мачте и отчасти уговорить Вельчинского сойти вниз; говорю *«отчасти»*, потому что он потребовал, чтобы я влез на половину ванты (это лестница от борта на верхушку мачты), куда и он обещал спуститься, дав честное слово, что он меня не убьет. Я согласился на такой компромисс, и мы с ним сошлись на этой *«нейтральной почве»*.

Здесь он мне вручил кортик, пять лимонов от качки, револьвер, 200 к нему патронов и две тысячи рублей, взятые им у монахов.

Все отобранное я передал затем вместе с Вельчинским в городскую полицию, дело протоколировали, о случае я донес начальнику Управления. В ответ на это мое донесение, недели через две, он мне прислал вырезку из Одесской газеты, в которой сообщалось, что такого-то числа, такой-то Вельчинский, забравшись вооруженный в подворье Ильинского Афонского монастыря, потребовал уплаты какого-то долга, ранил настоятеля подворья отца такого-то и еще нескольких монахов, и затем в припадке иступления, выбежал на балкон и начал стрелять в проходившую публику, убив и ранив несколько человек, после чего сам был убит на том же балконе подоспевшей полицией.

На предписание по этому поводу дать объяснение, я донес, что Вельчинского и его оружие я сдал под расписку в Керченскую полицию, где это оружие и сейчас находится, и что каким образом Вельчинский поехал в Одессу и достал другой револьвер, мне неизвестно.

Спустя месяца полтора после этого события, я получил сперва одно письмо от настоятеля Ильинского монастыря на Афоне, а затем другое письмо от всех афонских монахов, в которых (то есть в письмах, конечно), они называли меня братом во Христе и величая полным моим именем и отчеством (как они так скоро узнали, как меня звать, я так и не разузнал), сердечно благодарили меня за оказанную им помощь, за возвращенные деньги и обещали за меня вечно молиться.

Мои отношения в городе были со всеми наилучшие, не ходил я только с ротмистром Шереметовым: он невозможно важничал, делал карьеру, товарищ был плохой и был жесток с обвиняемыми по политическим делам, за что и был убит в мае 1906 года. Впрочем, меня в Керчи уже не было. Убит он был вместе со своей женой у своей квартиры, когда возвращался с бульвара. Через неделю умер, пораженный горем, его тесть, еще через короткое время умерла его теща, а потом, как я слышал, и двое его детей. Так почти сразу сошла с лица земли целая семья.

17-го октября 1905 года, как и везде, в Керчи праздновали надувательский манифест о свободах, а вскоре так же, как и везде тогда, начались погромы. Начальства было и без меня много, в городе я никакой власти не имел, но все-таки из любопытства я ходил смотреть на погромы, которые продолжались несколько дней. Мне казалось тогда, что градоначальник, который был адмирал Клокачев, ротмистр Шереметов и другие начальствующие лица, хотя и уговаривали погромщиков не бесчинствовать, но решительных мер против них не принимали. Погромы шли как бы с их попустительства, что я и показал бывшему тогда полицмейстеру Янову, на что он мне ответил: «А что я поделаю, сами видите». На третий или четвертый день, уже к вечеру, когда на главной Воронцовской улице громили магазин драгоценностей Буквиля, где находилось и все начальство с несколькими ротами солдат, которые тоже безучастно смотрели на погром, Янов, видимо возмущенный окончательно «бездействием властей», вдруг выхватил шашку, крикнул: «Ах, вы е... в... м..., городские за мной!», бросился в толпу (побежал и я за ним), и сразу ее разогнал: не прошло и двух минут, как уже все улицы были чисты. Коротко и просто.

Волновались в то лето, то есть в 1905 году, керчане, когда бунтовал и «Потемкин», который два или три снаряда пустил по Феодосии, что недалеко от Керчи, но я успокаивал всех тем, что осадка броненосца была около 30 футов, а глубина канала в керченском проливе была всего 26 футов, значит подойти он к городу никак не мог. Все же на разведку послали в море пограничный катеришко, громко именовавшийся крейсерам «Коршун», потому что на носу еще имел маленькую пушчонку а командиром его был целый капитан I ранга, но все страхи милых керчан прошли благополучно.

Между прочим, тогда же от местных татар я слышал, что владелец Ай-Тодора, что около Ялты, Великий князь Александр Михайлович, желая охранить свое имение, стал притеснять татар, которые, не имея сил и средств бороться с ним, эмигрировали в Турцию. И хотя с Великим князем ничего не могли поделать, тем не менее власть командира Корпуса жандармов оказалась сильнее власти великокняжеской.

Надо заметить, что тогдашний помощник начальника Управления в Ялтинском уезде, подполковник Кормилев, был в больших контрах с начальником Управления полковником Загоскиным и несмотря на дружбу и покровительство Великих князей Александра Михайловича и Ксении Александровны, у которых Кормилев со своей женой бывали запросто, его все-таки из Ялты вытурили. Впрочем, в феврале или марте 1906 года Штаб корпуса разогнал все наше управление, не исключая и самого Загоскина, и вот по какому делу.

В Штабе были получены какие-то доносы, конечно, от того же Кормилева, что Загоскин не выдает жалование унтер-офицерам, злоупотребляет казенными деньгами, приписали еще какие-то вины, с упоминанием о том, что Загоскин послал для какой-то барыни унтер-офицера за ишаком в Константинополь, пожаловались на его дурное отношение к офицерам, словом, донос был обычный, чем в Корпусе жандармов вообще отличались. Для расследования этого дела был тогда командирован из штаба генерал Залесский. Объехав все офицерские штаб-квартиры, он всем нам предложил вопросные листы, кажется, по 42 пунктам, по которым обвинялся Загоскин, и приказал написать на них ответы. Так как я о «преступлениях» Загоскина решительно ничего не знал, то и на все вопросные пункты дал чистосердечный ответ, что о Загоскине ничего дурного мне не известно и только на один вопрос — «Сколько офицеров переменилось на вашем месте за время (за 3 года) командования Загоскина управлением?» — я ответил, что на моем месте переменилось семь офицеров. Это был факт<sup>15</sup>.

Какие дали ответы другие офицеры, я не знаю, тем не менее управление решено было раскассировать, и за компанию с другими, меня турнули «под надзор начальства» в губернское Жандармское управление, опять на подлую «политику» в Тулу, куда я уехал в марте 1906 года. Остальных офицеров и самого Загоскина разогнали по другим городам.

Так как для моего перевода в Тулу Загоскин все-таки не был причиной, то нашли причину и для меня, именно вот какую: когда генерал Залесский, покончив все опросы в Керчи, сидел на вокзале в ожидании поезда, до которого оставалось еще добрых 5—6 часов, делать было уже нечего, а мы, то есть Шереметов, Кременецкий и я, около него только томилась. Мне вздумалось отпроситься у него домой, потому что в пять часов вечера у меня были назначены крестины родившейся дочери, на что Залесский и дал свое любезное, как мне показалось, согласие, а потом и в Петербурге, и в Туле, мне сказали, что я «не умею держать себя с начальством». Вероятно, от скуки генерал пожелал быть приглашенным ко мне на крестины, а я, право, не догадался позвать его, вот и вышло, что я не умею держать себя с начальством, за это я и был наказан.

Залесский тогда занимал должность помощника начальника штаба, значит, был в Корпусе персоной большой, и что если бы он был моим кумом, ведь, может быть, и служба моя в жандармах была бы иная. Но что было, то прошло и жалеть нечего: теперь и сам Корпус жандармов погребен на веки.

А я в Крыму «политики» все-таки не избежал. Как известно, знаменитая вторая железнодорожная забастовка 1905 года началась по всей России в один день, именно 9-го декабря, но телеграммы все же посылались было можно<sup>16</sup>. Загоскин в это время был уже отчислен от должности, и за него вступил во временное командование управлением, калифом на час,

Кравченко, который и надумал меня вызвать «по делам службы» в Симферополь. От Керчи до Симферополя 350 верст и мне тогда приехать было решительно не на чем: поезда не ходили, стали и пароходы, грунтового сообщения тоже не было. Я ему так и ответил, что выехать никак не могу, ввиду указанных обстоятельств. Тем не менее, чтобы показать свою власть, Кравченко мне вторично телеграфировал: «*Выехать безо всяких рассуждений*». Что мне оставалось делать? Несмотря на то, что в приказе по Корпусу тогда было объявлено, что «никакие заболевания во внимание приниматься не будут» и что за всякое заболевание угрожал самым страшным наказанием, я все-таки отправился в местный военный лазарет, показал врачам несуразное требование Кравченко; заявил, что я совершенно здоров и просил выдать мне свидетельство на то, что я болен и выехать не могу. Врачи оказались добрые, вошли в мое положение и свидетельство мне выдали. Тем не менее и это свидетельство меня не спасло. Официально я опять телеграфировал Кравченко, что «болен, выехать не могу, свидетельство представлю дополнительно», а конфиденциально в другой телеграмме написал: «*Пришли воздушный шар, через два часа буду в Симферополе*». Аэропланы тогда еще не летали. Что ж вы думаете? Кравченко все эти телеграммы (и служебные, и приятельские) предоставил в штаб, который и учел их для меня большим минусом.

Вот как Кравченко мне отомстил за то, когда я посмеялся, что он не умеет пить!

После, когда меня отчислили от должности в Туле и послали служить в Сибирь, бывший командир Корпуса генерал Таубе\* мне припомнил этот случай и на мое заявление, что я никак действительно не мог исполнить приказание Кравченко, ответил мне: «Вы — казак, пошли бы в крепость, взяли бы лошадь и верхом явились бы в Симферополь. Проехали бы 10—15 дней, но приказание вы бы исполнили, — вот как надо было сделать!»

Во время забастовки навигация почти кончилась, то есть заграничные пароходы уже не шли, это же было в декабре, когда навигация фактически прекращается сама собой, но она все еще считалась не прекращенной, потому что бранд-вахта, старое, бывшее турецкое судно «Редут-Кале», хотя уже и подошло к берегу, оставалось только перебросить сходни, но мачты ленты, указывающей, что судно находится в плавании, не спускали. Это было сделано на бранд-вахте для того, чтобы получать морское довольствие, которое значительно разнилось от берегового. Мне было решительно нечего делать, и вот, чтобы я зря не болтался, Кравченко и вызвал меня сперва в Симферополь, а потом это распоряжение отменил и послал по окончании забастовки в Феодосию в распоряжение военного губернатора, каковым сам себя объявил командир 52 пехотного Виленского полка, он же начальник местного гарнизона, полковник Герцык.

В Феодосии толпа сожгла тогда местный театр и городскую управу. Виленский полк волновался, какой-то солдат даже стрелял в Герцыка, за что был повешен, и, хотя Феодосия, которую Герцык объявил на военном положении, относилась к Шереметову, Кравченко все-таки послал меня.

На запрос Департамента полиции, почему и кто объявил город на военном положении, мне, естественно, пришлось донести, что ввиду указанных обстоятельств, сделал это Герцык, который этим своим распоряжением

\* Бывший затем Войсковым наказным атаманом. Что могло быть общего между Донским казачьим войском и бароном Федором Федоровичем фон Таубе?<sup>17</sup>

обратил на себя внимание и сделал блестящую карьеру: он был произведен в генералы, стал командиром лейб-гвардии Павловского полка, а затем командовал 2-й гвардейской пехотной дивизией.

Пробыл я в Феодосии два месяца, произвел дознание о забастовке, произвел по предписанию несколько обысков у лиц, которые подозревались в устройстве забастовки, арестовал их, пятнадцать, помню, человек, но убедившись после допросов, что арестованные по забастовке были повинны в ней также, как я сам, так как и им и другим железнодорожным служащим пришлось бастовать по неволе, то я их из-под стражи всех освободил, что мне тоже поставили в вину. Дознание у меня отобрали и передали Шереметову, а мне приказали ехать в Тулу, потому что уже состоялся приказ о моем переводе туда, и я с грустью покинул мою милую Керчь.

За время моей службы в Керчи, мне случайно довелось познакомиться с героем крейсера «Очаков» лейтенантом Шмидтом, сестра которого была замужем за местным агентом Русского общества пароходства и торговли, но так как тогда он был просто обыкновенный морской офицер, еще не был известен, то и личность его у меня из памяти как-то изгладилась. Зато хорошо помню Гвоздевича, который в Керчи был приставом, а затем в Ялте полицмейстером, когда был сподвижником знаменитого Думбадзе.

6

Что мне сказать о Туле? Я и сейчас не могу ее вспомнить без отвращения. Город скверный, грязный, лежит он в какой-то яме. Люди там не симпатичные, по крайней мере, казались мне таковыми, когда я служил там. Все мне в этом городе показалось скверным (какое впечатление у меня осталось и до сих пор) после яркой, радостной Керчи.

Опять пришлось приниматься за «политику», за розыски, за дознание, которых у меня иногда набиралось зараз штук до 80, опять пришлось арестовывать, мучиться и служить, потому что возврата в Войско Донское уже не было.

Положение мое ухудшилось еще потому, что начальник управления, полковник Шафалович, его помощник ротмистр Павлов, который, в сущности командовал управлением, губернатор Арцимович, вице-губернатор Лопухин, тот знаменитый, что судился со столяром из-за мебели, прокурор Федоров — все они относились ко мне очень недоброжелательно<sup>18</sup>. Только с товарищами прокурора я был в сердечных дружеских отношениях: Пузыревский, Казанский, Городецкий, Снежинский, Субботин и «важнейший» следователь Коренков были хорошие, чудесные люди. Будучи «товарищами» прокурора, они были отличнейшими товарищами и на самом деле.

Из всех политических дел за мою короткую службу в Туле у меня самым большим и замечательным было дознание о студенте графе Доррере, Курешетской, Кальян, Перловской и других, которые обвинялись по 129 ст. Уголовного Уложения<sup>19</sup>. Много это дознание наделало мне неприятностей и испортило крови! Помню, когда мы с Казанским поехали в село Куркино, которое было центром этого дознания, чтобы арестовывать вышеназванных лиц и произвести вообще все следственные действия, крестьяне не только не выдали нам студента и курсисток, но еще

грозили побить нас и нас же арестовать! Так как Казанскому, наблюдавшему за дознанием, делать было нечего, то он уехал обратно в Тулу, а мне пришлось в Куркине оставаться, чтобы не подумали, что я струсил.

В это время революция была в полном разгаре, аграрное движение было огромное, крестьяне жгли помещиков и бесчинствовали. В данном случае, когда я поехал в Куркино, куда подевались тогда губернатор, вице-губернатор, ротмистр Павлов и другие лица администрации, я не знаю. Только их в Туле не оказалось. Оставался один Шафалович, да и тот сказался больным. В Куркине я один ничего поделывать не мог. Потом пришла вызванная мною сотня казаков, под охраной которой я потом арестовал обвиняемых и произвел допрос. В ожидании прибытия казаков, я прожил в Куркине около станции под скирдой сена, как бездомная собака на вольном воздухе. Спасибо, дело было летом! И прожил я так целых восемь дней, ничего не имея кроме полотенца и мыла. Помню, как набросились на меня Шафалович и Арцимович за то, что я, кажется, на пятый день моего собачьего проживания на сене, поехал в Тулу, чтобы переменить белье и захватить некоторые другие принадлежности удобства. Оказывается, по их мнению, я погубил дело, уехавши на один день из Куркина, тем более, что я вздумал еще тогда собирать крестьян со всей волости, чтобы уговорить их больше не бесчинствовать и ждать решения Государственной думы, которая в то время только что собралась в первый раз и приступила к разрешению земельного вопроса.

— Разве, — заметил мне Арцимович, — можно было разговаривать с этими скотами? Их надо драть! Бить палками!

Лопухин и вовсе предлагал их расстреливать.

По другому делу, когда крестьяне потребовали от Лихвинской узкоколейной железной дороги уплаты за отчужденную землю и возмещения убытков за сожженные паровозными искрами свои избы, Лопухин прямо приказал тогда сотнику Карташеву перестрелять всех недовольных. Только Карташев, к счастью, его не послушал.

Куркинские крестьяне, действительно, сперва хотели было дать мне общую подписку в том, что они беспорядков производить больше не будут, но так как между ними оказалось несколько провокаторов, которые подстрекали крестьян, говорили: «Не верьте жандарму! Он вас обманывает!», то крестьяне всем «миром» дали только честное слово в том, что до того времени, когда Дума скажет свое слово относительно земли, они будут вести себя добропорядочно и никаких выступлений делать не будут. Однако слова своего они не сдержали, беспорядки не только возобновились, но перебросились и в соседние уезды, и Арцимович по этому поводу мне сказал: «Какой вы наивный!»

Судебной Палатой по этому делу обвиняемые Доррер, Кальян, Перловская и другие были приговорены к заключению в крепости на два года с лишением некоторых прав, причем Доррер лишился и своего графского достоинства. Впрочем, Доррер потом получил обратно все свои права, в том числе и графство, и когда мы с ним впоследствии встретились в Туркестане, где служили вместе на Средне-Азиатской железной дороге, я в качестве начальника Чарджуйского жандармского отделения, а он в юридической части дороги, то стали даже друзьями, над прошлым только посмеялись и подтрунивали друг над другом. Так судьба играет человеком!

Помню, во время разбирательства на суде этого дела известный московский присяжный поверенный Варшавский, защищавший обвиняемых,



придравшись к тому, что один свидетель на все задаваемые вопросы отвечал, что он ничего не знает, ничего показать не может, что подпись под его письменным показанием хотя и его, но как он это сделал, тоже не помнит, сказал:

— Вот вам, господа судьи, лучшее доказательство того, что жандармское дознание не есть следствие, а какой-то сыск, на который свидетель шел, крестясь от страха, и крестясь уехал, что сам остался не привлеченный.

Положим, в данном случае адвокат врал, потому что я, хотя и был учеником Масальского, но никогда в своих дознаниях «пристрастия не проявлял», к тому же в этом деле никто из вышеперечисляемых лиц прокурорского надзора (а им всем по очереди пришлось наблюдать за моим дознанием о Доррере), никто вследствие своей порядочности не позволил бы мне каких-либо отступлений от Устава Уголовного судопроизводства. Упоминаемый же свидетель просто оказался свиной без гражданского мужества и, испугавшись суда, отказался показать то, что показывал мне при допросе в присутствии товарища прокурора Снежинского, с которым мы по этому же делу тоже жестоко пострадали.

Дело в том, что когда дознание было уже закончено, все обстоятельства были выяснены и нужды уже не было обвиняемых содержать под стражей (кому приятно сидеть в тюрьме!), мы с Снежинским решили, на что имели полное юридическое право привлеченных из-под стражи освободить и отдать Доррера под денежный залог, а других под надзор полиции. Как за это на нас окрысились Арцимович, Шафалович и прокурор Федоров! Привлеченных из тюрьмы нам не позволили освободить, а меня и Снежинского отчислили от наших должностей — его вовсе без жалованья с причислением к министерству, а меня, оставив мне только жалованье по чину ротмистра, то есть 90 рублей, с прикомандированием к тому же управлению.

Что обо мне Шафалович написал в штаб, я не знаю, но только это был единственный случай, когда, чтобы подсластить горькое лекарство, сам командир Корпуса жандармов, генерал барон фон Таубе прислал мне собственноручное письмо, сладенький сахар, в котором, называя меня по имени и отчеству, писал мне, что вот де из донесения начальника управления видно, что будто бы я легкомысленно отношусь к делам, а относительно обвиняемых принял слабые меры пресечения, посему он, господин фон Таубе, счел за благо меня отчислить от должности с предупреждением, что если я не исправлюсь впредь, то он вовсе меня выгонит со службы в Корпусе жандармов

Это был сюрприз! Отчисляли от должностей жандармских офицеров довольно часто, били, значит, по карману, деваться нам было некуда, и обыкновенно держали в таком состоянии полтора-два года, когда отчисляемые бедствовали ужасно.

Я оказался счастливее других и почему-то пробыл отчисленным от должности всего четыре месяца, когда получил назначение в Сибирь, в Тобольское управление, на такую же должность, опять по производству политических дознаний в Тюмени. На железную дорогу попасть не удалось. Спустя некоторое время получил назначение и Снежинский, разжалованный «из попов в дьяки»: с должности товарища прокурора его перевели в город Лукьянов Нижегородской губернии судебным следователем.

Так по одному делу пострадали и привлеченные, и мы со Снежинским, которые и привлекали.

Еще до приезда моего в Тулу, аресты шли бешено и в каком-то хаосе. Тогда уже началась предвыборная компания в Государственную думу и вот, чтобы могли пройти в нее более удобные элементы, все, что считалось вредным и нежелательным для нее, все пряталось в тюрьму. Когда я приехал в Тулу, за управлением числилось арестованных около 300 человек, дела о которых сейчас же дали разбирать мне. Никаких дел, впрочем, о них не оказалось, а просто на почти каждого из арестованных было найдено постановление, что «по имеющимся в управлении агентурным сведениям такой-то изобличается в принадлежности к такой преступной организации и подлежит на основании положения о Государственной охране содержанию под стражей», вот и все.

На мой вопрос, какие же для этого все-таки имеются фактические данные, ни начальник Управления, ни адъютант указать не могли и сослались на вахмистра (забыл, теперь, как его фамилия), который исполнял тогда филерские обязанности\* и ходил в штатском платье, но и вахмистр никаких сведений мне тоже не дал.

Помню я тогда в течение месяца освободил двести человек, на что, впрочем, никто в управлении и губернатор в претензии не были, но остальных арестованных мне освободить не позволили, а почему, и до сих пор я не знаю.

Эсеры, социал-демократы и другие «преступные» организации в Туле были довольно свирепые. От их руки погибли председатель суда Ремезов, директор гимназии Радецкий (кажется, так, точно фамилию забыл), которого убил ученик Коморский, бежавший после преступления в Париж, где сразу попал в Центральный комитет эсеров. Интересно, что Коморский был на похоронах Радецкого, за ним следили, а он после похорон все-таки сумел исчезнуть. Убивали и других и били больше надрезанными пулями, чтобы вернее было, бросали бомбы — вообще политических убийств было много. Как я и никто из офицеров управления не пострадали, ведает один Господь! По крайней мере, я не получал даже угрожающих писем.

Однажды бросили бомбу (в чем подозревался рабочий Мельников и то — по агентурным сведениям, прямых же улик на него не было) в квартиру пристава в селе Ясеньки, что при станции Щекино Курской железной дороги в 5—6 верстах от Ясной Поляны, и вот сам Лев Николаевич Толстой пешком из Ясной Поляны пришел выразить этому приставу свое сочувствие.

Пусть насильники над чужой жизнью поймут, что единственное благо — наша жизнь, благо, второй раз не повторяющееся, нельзя отнимать ее от другого, как какую-либо вещь, как бы она ни была им нужна. Кто смеет отнимать чужую жизнь, каких бы убеждений он ни был? Кто смеет распорядиться ею, кроме самого ее прямого владельца? Пусть проявляются в людях животные инстинкты в самых последних крайностях, даже когда они кажутся неуправляемыми, я думаю, с ними можно всегда справиться, потому что ведь мы же люди, одаренные разумом, волей, мышлением, логикой. Отнимать чужую жизнь, по крайней мере, я считаю тягчайшим преступлением и как бы я посмел это сделать, я себе не представляю, — это не укладывается в рамки моих понятий. Я военный с ног

\* Никаких профессиональных филеров тогда еще не было, их завели после, в 1909 году.

до головы, военный до мозга костей, пишу эти записки на войне, где раз в конце атаки на немцев, которых я очень не люблю, я, упоенный каким-то порывом, дойдя до немецких цепей, увлекая за собой целый полк, который я и повел в атаку, я, имея возможность срубить более десятка немецких голов, я, представьте, не зарубил ни одного.

Даже в этом порыве я вспомнил, что чужая, хоть и немецкая, жизнь все-таки не моя, и я ее губить не смею. Странно устроен человек: мне не было жаль немцев: ведь я же пошел на войну добровольно, но когда я замахнулся шашкой на первого же какого-то здоровенного «германа», у меня руки невольно опустились. Я еще допускаю убийство в состоянии самообороны, мирюсь, конечно, с тем, что убивают на войне, — это еще понятно, но убивать так: в разбоях, в драках, в ссорах, по приговорам, от кого бы они ни исходили, от законного суда или по постановлению, теперь уже бывших революционных организаций, все равно, это позор человечества, это сравнение себя нынешнего культурного человека с тем его отдаленным предком, который мало чем отличался от животного.

Факт выраженного сочувствия великим Толстым какому-то полуизвестному приставу, меня растрогал и умилил. Самого Льва Николаевича мне так и не пришлось видеть, хотя много раз я проезжал мимо Ясной Поляны, много раз хотел заехать к нему поисповедываться, да так и не заехал: побоялся, что Толстому не понравится мой жандармский мундир. Однажды я зашел в парикмахерскую, где постоянно стрижся и Толстой, хозяин ее, Каменов, сказал мне, что от него только что вышел Лев Николаевич. Даже чернила на книге «Круг чтения», подаренный Толстым этому парикмахеру «*На память от автора*» еще не успели высохнуть, но когда я выбежал на улицу, его уже нигде видно не было.

Изю всей его семьи я знал двух его сыновей: Михаила Львовича, который состоял чиновником для поручений при Тульском губернаторе Арцимовиче, и который, будучи большим кутилой, говорил про себя: «Я самое неудачное произведение у моего отца», и другого его сына, Илью Львовича, с которым я случайно познакомился в 1914 году на войне во Львове. Илья Львович по наружности показался мне точной копией своего великого отца, по крайней мере таким, как рисуют его на всех портретах<sup>20</sup>.

Что мне еще сказать о Туле?

На знаменитом его оружейном заводе шло такое воровство, начиная с самого начальника завода, немца генерала Куна, брат которого в эту последнюю войну был каким-то генералом в Турецкой армии, и кончая последним рабочим, что когда я по распоряжению Департамента полиции собрал огромный материал по этому поводу и представил его Шафаловичу, последний сказал мне: «Вы хотите оскандалить на всю Россию», и представил в Департамент какое-то маленькое донесение, уничтожив весь остальной материал.

И в Туле у меня был маленький роман, только один и в жизни моей последний, который кончился очень печально. Рассказывать об этом тоже не буду. То, что я после развелся с женой и женился во второй раз, в счет не идет. На этот раз я нашел свое постоянное счастье.

Вспоминаю еще, как однажды в Туле производил «ночной осмотр» всем жандармам и железнодорожным и губернным временно командированным тогда Корпусом полковник Саввич (теперь давно генерал), человек весьма важный и сердитый. Захотелось ему нас посмотреть не днем,

как это всегда и везде делается, а в два часа ночи, при огнях, в каком-то помещении продовольственного пункта, где-то на задворках вокзала, куда не знали дороги даже сами железнодорожные жандармы и куда Саввич потребовал, чтобы его провел при фонарях наш Шафалович. Разумеется, Шафалович провести Саввича не сумел, за что и получил строжайший выговор. Получил на том же смотру выговор и я. Купил я к смотру новую портупею и, когда я ее надел, получившийся крест на груди от портупеи и перевязи оказался разный: портупея была новенькая, свежая, а перевязь, хотя тоже новая, но чуть-чуть потемневшая, потому что долго лежала без употребления, — вот за эту разницу Саввич и назвал меня оборванцем и закатил мне выговор, который объявил в приказе по Корпусу.

Счастлив я был расстаться с Тулой и, хоть огорченный тем, что мне не удалось попасть на железную дорогу, все же радостный поехал в Тюмень.

7

По дороге в Тюмень мне случайно пришлось ехать в одном купе с членом Второй думы Владимиром Петровичем Наливкиным, который возвращался к себе домой, в Ташкент, после разгона этой Думы<sup>21</sup>.

Есть на свете много хороших людей, но такие, как Владимир Петрович встречаются редко. Как известно, дорога во многом сблизает людей совершенно незнакомых, вызывает на откровенность, и часто даже враги по убеждениям расстаются друзьями. То же было и с нами. Сердечная доброта, вся его наружность с ясными глазами и одухотворенным лицом располагали к нему каждого. По убеждениям он был отчаянный социал-демократ. Я полагаю, что члены Второй Думы вполне согласятся со мной во взгляде на В. П. Наливкина.

Мы много говорили, спорили. Я ему рассказал, что было у меня на душе, как хотел рассказать о том же Толстому. Мы расставались друзьями в Самаре, он просил меня не быть строгим в моей службе. Насколько мне позволяли мой мундир, условия, в которых мне пришлось служить в Тюмени и моя совесть, я сдержал свое обещание Наливкину. Мы с ним были даже в переписке, но так как он в Ташкенте состоял под негласным наблюдением, а перлюстрация писем тогда процветала по всей России, то, чтобы не навлечь на себя неприятностей, мы переписку прекратили.

Маленький «черный кабинет» был и у меня в Тюмени, что заставили меня сделать из Пермской охранки, но по совести скажу, что я пользовался им очень редко: за мою трехлетнюю службу в Тюмени у меня, вероятно, было не более пяти чужих писем. Помню по этому поводу курьезный случай: одна местная барышня, дочь инженера, которая воспитывалась в Париже и была несомненно эсдечкой, известная по всей Тюмени под именем «Ниточки», получила однажды из Парижа письмо, которое, в числе вышеуказанных пяти, попало ко мне. В письме оказалась просто газетка, кажется, эсдековская «Искра», где в «почтовом ящике», вероятно, в ответе на посланную «Ниточкой» какую-либо статью, было напечатано: «*Тюмень. Ниточке. Ваша статья не пойдет*». Что бы на моем месте сделал другой жандармский офицер? Я, вернее, даже не я, а вахмистр, который был мастер распечатывать и заклеивать чужие письма, опять запечатал письмо и таковое я велел ему отнести туда, откуда его получили. После, при встрече на улице, я потихоньку сказал ей: «Ниточка, не пишите

статей в "Искру", а то попадетесь»<sup>22</sup>. Разумеется, я ее никак не привлек, даже в охранном порядке.

Подлый был этот порядок. Дознания, которые шли в порядке 1035 статьи Устава Уголовного судопроизводства, всегда были под наблюдением прокурорского надзора и разбирались Судебной Палатой на номер выше, чем дела уголовные; дознания же, которые проходили в охранном порядке, всегда основывались на агентурных данных. Редко, когда они требовались на дознания в порядке 1035 ст. для того, чтоб не «провалить» агентов, или, как их называли, «сотрудников», и обыкновенно эти охранные дела решались, как и раньше, властью министра внутренних дел обычно с высылкой привлеченных в Нармыский и иные края.

Много было политических ссыльных в Тюмени, где я с ними жил довольно в ладах. За месяц до моего приезда в Тюмень, оказывается, приезжала Великая княгиня Милица Николаевна, которая прямо с вагона, сев на тройку, укатила в село Покровское, за 75 верст от Тюмени, к Распутину<sup>23</sup>. Также через неделю она уехала обратно в Петербург.

Теперь о Распутине так много написано, так хорошо он всем известен, что мне о нем что-либо написать уже нечего.

Из того же села был у меня унгер-офицер Федор Важенин, который мне несколько раз предлагал съездить в Покровское к Распутину. «Он, — говорил Важенин, — будет очень рад Вам, примет Вас, напоит, накормит вот как! Если надо, и денег даст. У него там целый дворец». Любопытно было, но унижать себя я не хотел. Я даже несколько раз проезжал мимо Покровского, которое лежат по пути в Тобольск, куда я ездил к начальнику управления генералу Андрею Карловичу Вельке. Но у Распутина я так и не был, и ни разу его самого видеть мне не пришлось, о чем теперь сожалею. Ведь какая он был знаменитость! Теперь в синематографах деньги платят, за то, чтобы посмотреть на экране актера, который изображает Распутина, а я мог его видеть даром и в натуре, разве не досадно?

Губернатор в то время был Н. Л. Гондатти, впоследствии Приморский генерал-губернатор, умный человек и отличный администратор, но имевший тот недостаток, что как пойдет бывало говорить, так уж остановить его не было никакой возможности<sup>24</sup>. Говорить он мог целый день, не позволяя другим подавать свои реплики. Впрочем, при мне губернатором он был недолго, и после него был назначен некто Гагман. Ах, какие выпивохи были этот Гагман, его «вице» Гаврилов, мой Велькер и архиерей, знаменитый Варнава, тот Варнава, о котором до сих пор так много пишут в газетах<sup>25</sup>.

Это был великолепный распивочный квартал! Пусть на меня не обижается Андрей Карлович (я его от души люблю и уважаю), но из песни слова не выкинешь. Что ж, когда-то я и сам был такой же. Я даже снискал к себе за это уважение именитых граждан Тюмени.

В первый же день моего приезда в Тюмень пошел я пообедать в местный клуб. Выпил я, как полагалось, водочки, пообедал уже и сидел за пивом. Вижу, входит компания, — настоящие сибиряки, румяные, крепкие, здоровые и вид добродушный. Покосились на меня и сели. Потом вдруг один из них встает, подходит ко мне и говорит: «Извольте быть новым жандармский начальник»?

— Новый, — говорю.

— Очень приятно познакомиться, Машаров.

— И мне, говорю, очень приятно, я — Поляков.

— Разделите с нами компанию.

— Да я, говорю, уже пообедал, вот пиво пью.

— А Вы, — отвечает, — снова начните!

Как я ни отговаривался, пришлось уступить, и пошло у нас тут разливное море! Началось, конечно, с водок и закусок, потом пошли разные вина на шампанским включительно, впрочем, не исключалось и пиво и даже последнее шло предпочтительнее. Дело затянулось, стали являться новые лица и присаживаться к нашей компании; каждый начинал с водочки и каждый просил меня, чтобы его не обидеть, тоже выпить водки, и как я ни отказывался, должен был пить — это после вин, шампанского, пива и опять водку!

«Я же не могу», говорил я каждому, вновь пришедшему лицу, которых к первоначальной компании в пять человек прибавилось еще человек пятнадцать, так как с каждым приходилось после всего выпитого, еще выпивать по меньшей мере рюмку водки.

«Нет, вы уже меня не обижайте! У нас так: уважьте для первого знакомства!» — Приходилось уважить. Мой организм обладал удивительным свойством не поддаваться сильному опьянению: мог я выпить, сколько угодно. И в этом отношении я пошел в моего отца, которого я никогда не видал пьяным, хотя на своем веку он выпил целое море. Я пьянел только слегка.

Компания была крепкая. Помню, из клуба мы поехали на дрожжевой завод, хозяин которого был с нами. Там мы разошлись окончательно, и почти вся компания полегла костью. Осталось на ногах только двое: трое, в том числе и я, выпивший больше всех. Сразу же я стал со всеми в приятельских отношениях и завоевал такое расположение, что потом даже был выбран старшиной клуба, где я построил сцену и написал декорации.

Умели пить в Тюмени и пили здорово, даже с некоторыми фокусами. Например, местный торговец Андреев, сразу, без закуски, или как их там называют «заедки», мог выпивать «аршин» водки, то есть 16 рюмок подряд, поставленные по линии в границах одного аршина; закусывал он уже после последней рюмки. Мне такие фокусы не нравились, и я называл их свинством. Прodelьвали когда-то и мы в Маньчжурии подобные же глупости, но только иного рода: разливали в комнате большую лужу воды, разбрасывали в ней кильки или сардинки, по «берегу» расстилали ковры и бурки, вооружались удочками и таким образом «удили рыбу». Поймавший на крючок кильку или сардинку, выпивал рюмку водки, закусывал «свеженькой рыбкой» и сосредоточенно продолжал занятие. Мало ли что с тоски и скуки не приходилось делать в Маньчжурии!

Я уже сказал, что с политическими ссыльными жил я довольно в ладах. Почти всех их я знал в лицо и по фамилиям, и многие из них на редкость были хорошие люди: присяжный поверенный Анисимов, студент Скаткин и другие; я даже с некоторыми был в дружеских отношениях (здесь же я встретился с Козловой, которая была выслана из Костромы). Кому тогда я сделал неприятности, прошу извинить, такой был режим, а я был представителем его.

Так как служба моя была совершенно самостоятельная, даже с Департаментом полиции я сносился непосредственно, а не через начальника управления, то и дел старался не разводять. Были, конечно, у меня дела, были и последствия, приходилось и в тюрьму сажать, но все это было не то, что в Туле. Была и у меня своя агентура, которой меня снабжала

Пермская охранка, но больше одного-двух месяцев у меня никто служить не мог, так как к концу этого срока каждый агент обыкновенно «проваживался», и его охранка убирала в другое место. Два таких агента у меня были из знаменитой шайки уральского разбойника Лбова, который, между прочим, лихо ограбил на Каме пароход «Анна Степановна»<sup>26</sup>.

На агентуру я всегда получал авансом 100 рублей в месяц, и, клянусь честью моего офицерского звания, которое я ставлю превыше всего, я не украл ни копейки, хотя мог писать какие угодно счета и аванс мог бы получать в большем размере. Единственно, что я себе иногда позволял, это расходование из агентурных денег, под каким-либо предлогом, когда я помогал семьям политических, списывая эти расходы на сотрудников. Полагаю, что это не был грех, и нельзя назвать меня за это провокаторм. Заключенным в тюрьмах я разрешал (разумеется, по секрету) ходить домой, конечно, под конвоем унтер-офицеров. Делал и другие послабления. Спасибо, тогда все это никто не знал и сходило благополучно, а ведь как рисковал! Хорошие тогда у меня были унтер-офицеры.

Помню такой случай: однажды я получил из Харьковского жандармского управления какое-то отдельное требование о запросе и привлечении в качестве обвиняемого какого-то анархиста-бомбиста, который находился тогда в административной ссылке в одном из сел Туринского уезда, причем мера пресечения предлагалась на мое усмотрение. Не помню теперь, как фамилия этого «бомбиста», но только он мне показался не только не свирепым, но даже симпатичным, и по окончании допроса я его спрашиваю:

— Ну, господин бомбист, какую же относительно Вас принять меру пресечения?

Вдруг он мне отвечает:

— Господин ротмистр, я уже пять весен (дело было ранней весной) сижу по тюрьмам. Смотрите, как оживает природа! И неужели в такое время опять мне надо томиться в тюрьме? Оставьте меня на свободе. А я даю Вам честное слово, что никуда не скроюсь.

Я поверил и оставил его на свободе, за что он был мне бесконечно благодарен.

Из всех случаев, когда я входил в подобные компромиссы, только в одном случае один политический оказался свиньей, который сбежал, нарушив свое слово.

По своей снисходительности к нашим «врагам» — политическим я не составлял исключения и таких либеральных, как я, офицеров было много. В это время уже царствовали Столыпин и Курлов<sup>27</sup>, которые охранкам уделяли особое внимание. Я уже говорил, что в охранки шли любители, и вот при Курлове и Столыпине какое им было раздолье! Даже порядочные офицеры, прослужив некоторое время в охранке, становились такими, что за них делалось стыдно: они развращались там окончательно.

Я охранников не переносил органически, особенно же их не переносили железнодорожные офицеры, каковым был и я в последние годы моей службы в Корпусе жандармов.

Бывший адъютант нашего Тобольского управления поручик Шатковский, красивый, обаятельный мужчина, всеми любимый, особенно женщинами, относительно которых, он был большой жулик, прельщенный служебными преимуществами охранных, с позволения сказать, офицеров, хотел было, пойти по охранке, но, пробыв там некоторое время, так разочаровался в ней, потому что был порядочный человек, такие расска-

зал мне ужасы, такие гадости о приемах охранников, что не хотелось верить. Мало того, что они ходили на обыски со своей литературой, которую подбрасывали и «находили», они не стеснялись залезать в ящики письменных столов своих коллег, чтобы выкрасть желательные документы. Они «создавали» дела, писали фантастические доносы, представляли фиктивные счета и вообще ни в чем не стеснялись. По своей специальности они постоянно ходили в статском платье, переодевались в чиновников, купцов, рабочих и прочих. Охранник Кужицкий мне даже похвалился, что его однажды побили, как партнера в вагоне-теплушке, когда он проезжал «филером» и со своими объектами наблюдения играл в карты.

Самым отталкивающим из всех этих типов, которых я знал, был несомненно, охранник Огневич, человек с темным прошлым, даже необразованный, но большой ловкач. Офицером он никогда не был, в списках Корпуса жандармов он не состоял, но почему-то любил говорить: «У нас в Корпусе жандармов». Такие-то господа и пакостили Корпус. Про него рассказывали, что с целью отличиться, он устроил в Одессе провокаторский взрыв, взвалив, конечно, дело на злоумышленников. При этом взрыве ему обожгло руки, отчего он постоянно ходил в перчатках, опалило лицо, глаза, обгорели уши; ходил он всегда в темном пенсне. Впрочем, я никогда не любил людей, носящих темные очки: мне всегда казалось, что за темными стеклами очков непременно должна скрываться и темная душа. Огневич был такой бесстыжий, что однажды он, приехав в Тюмень для ликвидации какой-то партии, предложил произвести мне обыски, как вы думаете, когда? В самый торжественный момент Божественной пасхальной заутрени!

Когда я с негодованием отказался, он ничтоже сумняшеся, тут же сфабриковал подложную телеграмму, которую сам подписал именем Бобчинского, начальника Пермской охранки (что я потом узнал), о безотлагательности обысков, но я все-таки на обыски не пошел и помню, мы начали их на второй день Пасхи, за что, конечно, мне тогда влетело.

Он же однажды укорял меня за то, что тюменскую эсдековскую типографию открыл не я, а помощник исправника Вишнеvский, за что получил «Анну» в петлицу и 200 рублей награды, а я не только не был в претензии на Вишнеvского, но всю честь открытия типографии всецело приписал ему, так как, по справедливости, он выслеживал, он старался, он ее заарестовал и передал, как вещественное доказательство, вместе с обвиняемым судебному следователю.

Хоть Вишнеvский и действовал под моим руководством и что за это я мог бы получить «Владимира», как вам это покажется? Правда, за всю мою службу в Корпусе жандармов я всего-то получил Станислашку 3-й степени и то потому, что Вельке был добрый человек. Отлично, что теперь не будет мирных орденов: не будет несправедливо награжденных, не будет обиженных и некому будет завидовать.

За время же моей службы в Тюмени были сформированы «специальные» филеры. Много крови мне портили охранники и филеры, приезжавшие из Перми, а тут еще завелись свои под носом, постоянные, которые даже за мной следили! Это были такие, с позволения сказать, прохвосты, что даже мои унтер-офицеры избегали с ними встречаться, а при встречах не подавали им руки.

Как это ни удивительно, но за всю мою службу в жандармах ни в одной охранке я ни разу не был. Исключение составляют разве те случаи,

когда я еще на курсах был однажды в Петербургской охранке и то потому, что она помешалась на Мойке в доме, где жил некогда Пушкин.

Бедный Пушкин! И в России допускалось такое святотатство! В другой раз был в Ташкентской охранке, когда уже никакого касательства я не имел не только к охранкам, но даже и к Корпусу жандармов, потому что был уже в строю в Действующей Армии, когда, попрощав отпуском в Туркестан, проезжал в 1915 году через Ташкент, где Охранкой заведовал мой товарищ по Корпусу и по училищу подполковник Энгбрехт, которого я пожелал видеть<sup>28</sup>. Даже извозчика мне было неловко громко спросить, на какой улице находится охранное отделение, и когда он подвез меня к нему, я как вор, соскочил с фазтона, чтобы меня не видели прохожие и проскользнул в двери охранки, что и рассказал Энгбрехту. Как ни рад я был нашей встрече (ведь сколько юношеских лет мы вместе были кадетами и юнкерами!), а все же моя радость омрачилась тем, что он — охранник. Когда я его упрекнул, зачем он пошел по охранке, Энгбрехт ответил мне: «Ну, брат, где ж бы я получал такое содержание, как ни здесь! А потом я накануне производства в полковники». Каждый по-своему считает себя правым!

Насколько их служба была провокаторской, судите по такому случаю. Помню 7 декабря 1907 года утром являются ко мне три филера из Петербургского Охранного Отделения, которым тогда заведывал известный генерал Герасимов. Филеры предъявили мне свои удостоверения и требование Герасимова об оказании им содействия по наблюдению за неким, кличка коего «Малый», которого, как значилось в требовании, по установлению всех данных, надо было обыскать, арестовать и о последующем ему, Герасимову, телеграфировать, при этом никаких примет о «Малом» не указывалось<sup>29</sup>. На мой вопрос, кто же этот «Малый», филеры ответили: «Не знаем», но один из них, старший, описал некоторые общие приметы, которые могли подходить ко многим лицам. Так как по таким приметам было трудно найти указанное лицо, то я послал Герасимову срочную зашифрованную телеграмму с просьбой дать более точные приметы и другие указания относительно «Малого», а сам поехал в командировку в 164 верстах от Тюмени по своему делу и вернулся обратно 9 декабря и только 10 утром на мою срочную телеграмму я получил срочный же ответ, что «Малый» — это политический ссыльный, известный Бакай-Михайловский, служивший раньше в Варшавской охранке и, кажется, в Киевской. Казалось бы, что для сношения срочно по телеграфу между Тюменью и Петербургом при необходимом и, по-видимому, важном деле достаточно было одного дня, а тут прошло почти четыре, что показалось мне странным.

Знаете, что за это время случилось? Бакай благополучно бежал 9 декабря вечером и очутился в Париже. После я даже слышал, что в побеге Бакаю способствовал исправник. Вот и поймите, как все это вышло! Накануне приезда филеров, т. е. 6 декабря, я видел Бакаю на балу в Общественном собрании. Между прочим, у него красивая и шикарная жена, а около 20 декабря у меня уже были точные сведения, что он отлично устроился в Париже<sup>30</sup>.

Вся Тобольская губерния тогда была на положении усиленной охраны, почему все большие просто уголовные и уголовно-политические дела передавались на рассмотрение военных судов. К числу таких дел было отнесено и «Дело в ограблении железнодорожного артельщика 17-го сен-

тября 1907 года группой с-р», во главе которой стояла женщина, «товарищ Паша». Как велика была группа — неизвестно, но привлечено было семь человек, в том числе и сама Паша. Приговором военного суда трое, и как это ни удивительно, Паша в том же числе, были оправданы, а четверо других были приговорены к смертной казни через повешение. И вдруг вечером в тот же день я узнаю от своего агента, что в числе осужденных на смерть оказался некто Мартемьянов, осужденный невинно, так как он не только не участвовал в ограблении, но даже не принадлежал к эсерам, потому что был эсдеком и попался только потому, что в момент ограбления выехал с казенного винного склада, недалеко от которого произошло ограбление, и куда он заносил эсдековскую литературу.

Немедленно же об этом я срочно телеграфировал в Департамент полиции и просил об отмене казни и о новом пересмотрении дела. Другим составом суда все семеро были оправданы, а главное я спас ни в чем неповинного Мартемьянова.

Охранка сейчас же воспользовалась этим случаем и предложила мне завлечь Мартемьянова в сотрудники. То, что я сделал, не стало секретом. Когда я, пригласив Мартемьянова, сказал ему:

— Вот, Мартемьянов, я вас вытащил из петли, послужите за это правительству — и предложил ему быть у меня агентом, Мартемьянов ответил:

— Вам, разумеется, я бесконечно благодарен. Лично вас я высоко ценю и уважаю, но мундир ваш, господин ротмистр, я ненавижу и поэтому на службу к вам я не пойду.

Молодец, правильно ответил! Мужчина оказался с характером.

Пришлось мне в Тюмени присутствовать и при казнях. Чтение рассказа Леонида Андреева «О семи повешенных» на меня произвело большее впечатление, чем это было на самом деле. Я больше переволновался днем перед казнью, чем во время самой казни, которая была произведена на задворках тюремного двора в 12 часов ночи, при факелах.

На этот раз был повешен некто Мехоношин, типичный каторжанин, который на своем коротком веку убил 28 человек. В 20 убийствах он был избалован. Последнее убийство он совершил, сидя в тюрьме, когда убил шилом своего товарища. В убийствах остальных 8 человек он сознался после окончательного приговора, перед самой казнью.

Когда пришли за ним в камеру, он со страху бросился под нары, но когда его вывели на двор, он настолько оправился, что даже запел какую-то каторжанскую песню и на эшафот взошел спокойно. Еще спокойнее, даже стоически умерли той же смертью пять местных крестьян, повешенных за убийство и ограбление одного купца-татарина. Один из них, Пустовойтов, даже сказал: «Ну, за правду и умереть можно!»

Жуткая была картина, когда их вешали: ночь была темная, ветреная, факелы злоежили освещали тюремный двор и когда один из них уже висел в петле, вдруг во всех церквях стали бить 12 часов ночи. Это вышел какой-то погребальный перезвон! Я никогда не был черствым человеком и, представьте, мне все-таки не было страшно.

Желая проверить себя, я спросил мнение других, тут же присутствовавших. Они мне ответили то же: «Неприятно, но не страшно». Возмущительно себя при этом вели исправник Белоносос и его зять пристав Островский. Когда один из приговоренных, обращаясь ко всем присутствующим на казнь, сказал: «Прошайте, православные», на что солдаты и



тюремные надзиратели ответили: «Прощай, царство тебе небесное», знаете, что сказал Белоносов? — «Такую сволочь в рай не пускают», а достойный его зятек Островский, когда повешенный корчился в судорогах, заметил: «Ишь, как танцует мазурку!» Их бы повесить за это, хотя я против смертных казней!»

Палачами были какие-то замаскированные каторжане, про которых говорили, что один из них бывший повар губернатора Лаппо-Данилевского, а другой бывший солдат лейб-гвардии Волынского полка. Оба они с каждой головы получали по 100 рублей. Эти палачи «работали» за деньги, а в Туркестане оказался палач, который своей работой хотел заслужить себе милость начальства.

Я, впрочем, на казнях больше не присутствовал, а этого палача я случайно встретил по дороге из Туринска, куда его гнали на гастроли под конвоем из Тобольской каторжной тюрьмы. Это был стройный, красивый мужчина, как мне показалось, похожий на Гюи де Мопасана. На мой вопрос, кто он, откуда и что его заставило пойти в палачи, ответил, что он крестьянин Воронежской губернии, по фамилии, кажется, Трофименко, служил лейб-гвардейцем в Финляндском полку и (о ужас!) что он бывший жандармский унтер-офицер Петербургского жандармского управления. Откуда и пошел на каторгу за какое-то ограбление и что в данном случае он идет вешать для того, чтобы заслужить снисхождение и милость начальства. Я чуть не плюнул ему в физиономию, — таким при своей красоте показался он мне отвратительным!

Я всегда любил поиграть в винт, и вот, чтобы мне повезло, от первого же повешенного, от Мехоношина, взял я себе кусочек веревки на счастье. Куда! Еще хуже стал проигрывать, а играю я вовсе не сапогом. Примета для меня оказалась неверной.

Помню зато сравнительно недавний случай, уже на последней войне, когда другая казнь через расстреляние, в феврале 1915 года на меня произвела тяжелое впечатление. Один кубанский казак Михаил Курок был приговорен за ограбление (и всего-то по русскому счету на 79 рублей разных австрийских геялеров!) военно-полевым судом к смертной казни. Приговор в исполнение приводил командир штаба 3-й армии полковник Корсаков, который приказал мне к назначенному времени выкопать яму, поставить около нее столб для осужденного, привести взвод драгун для конвоя и выделить из него 8 драгун, которым было объявлено что они будут расстреливать австрийского шпиона (и тут дело не обошлось без обмана). Казак вел себя удивительно спокойно, во всем покался, причастился и, помню, особенно звонко он поцеловал крест. Но когда драгуны увидели, что им приходится расстреливать своего казака, а не шпиона, у них так затряслись руки, что на расстоянии 10 шагов они не могли сразу убить человека. Они дали один залп, другой — казак все еще оставался живым. После третьего залпа я почувствовал, что по моей спине снизу вверх к голове идет какая-то нудная волна, от которой мне показалось, что вот-вот я упаду в обморок (чего со мной в жизни моей ни разу ни случалось). Я отошел в сторону, сел на пригорок и в такой трагический момент закурил папироску. Вероятно, вид у меня был очень неважный,

\* После Белоносова был назначен исправником Николай Ефимович Скачков. Это был идеально честный и высоко порядочный человек, светлый, чистый луч на темном фоне прежней общей полиции.

потому что командир эскадрона, ротмистр Васловский, мне заметил, что я был такой же зеленый, как окружавшие нас елки, на что я ему ответил, что и у него вид не лучше моего: он был такой же зеленый.

Комендант волновался, что драгуны плохо стреляют, и приказал лучше целиться: в грудь и голову. Когда солдаты дали третий залп, казак все еще был живой и только после четвертого залпа он оказался мертвым. Взглянув на остальных драгун, оставшихся на конях, я заметил, что по их лицам текли слезы. Когда казака отвязали от столба, то оказалось, что часть спины в области поясницы была пулями вырвана, обе кисти рук, связанных сзади, тоже были оторваны. Вообще вид расстрелянного сзади был ужасный! Когда вся эта процедура кончилась, казака закопали в яму, куда положили и столб, к которому он был привязан. Комендант, обращаясь к драгунам, сказал: «Спасибо, братцы, за службу!» (Вот так служба!), на что последние, как тогда полагалось, конечно, отвечали: «Рады стараться!» Как разгадать психологию человека? Там, в Тюмени, я не ощущал при казнях никаких чувств, кроме чувства какой-то подавленной неприязни, а здесь на войне, когда каждому из нас приходилось видеть тысячи смертей и горы изуродованных трупов, когда каждому приходилось десятки, а может быть и сотни раз рисковать быть убитым, я, да и все присутствовавшие при расстрелянии казака, кроме коменданта и корнета Мельчакова, который подавал команды, мы все раскисли, как бабы. Те восемь драгун, выпустившие 32 пули в несчастного казака, а ведь каждый из них, может быть, убил по несколько человек противника, так были удручены, так калялись, что вызвались расстреливать, что потом долго не могли успокоиться и говорили, что им стыдно.

Однако, рассказом о казненном казаке я немного отвлекся в сторону. Что вам сказать еще о Тюмени? Уж под конец моей службы в ней по всей Сибири разъезжал известный композитор Гартевельт, который записывал и переключивал на ноты песни каторжан, попутно читая лекции о своих впечатлениях и давая концерты<sup>31</sup>. Был он и в Тобольских каторжных тюрьмах и своими впечатлениями о них поделился с публикой в печати, что и сыграло роковую роль в судьбе начальника одной из этих тюрем Могилянского. Ходившие на месте о его жестокостях слухи подтвердились в печати заявлением такого популярного, и, видимо, беспристрастного свидетеля, как Гартевельт. На основании этого заявления, как значилось в выпущенных прокламациях Уральской группы партии эсеров и по постановлению последних, Могилянский и был убит, или, как значилось в прокламациях, он был «казнен». Очевидно, эти прокламации были отпечатаны заранее, потому что не более, как через час после убийства, когда никакого сообщения об этом еще не было, в Тюмени уже были разбросаны по улицам прокламации с точным указанием, что в таком-то часу, такого-то числа, в Тобольске «казнен» начальник тюрьмы Могилянский по постановлению легучей боевой дружины Уральской группы партии эсеров.

Мне так опротивела моя «политическая» служба в Тюмени, тем более, что трехлетний срок моей «ссылки» в ней кончился, а охранники так много делали мне неприятностей, из коих последней, переполнившей чашу моего терпения, та, что они заставили меня арестовать даже ни в чем неповинного железнодорожного унтер-офицера Печенкина, который показался им подозрительным только потому, что, пользуясь отсутствием своего начальства, он часто передевался в статское платье и с одним

политическим вместе кутили, не зная, что один из них — жандарм, а другой — политический ссыльный. От всех этих гадостей я так испортил себе нервы, что решил написать частного характера слезное письмо, что строжайше воспрещалось, к начальнику штаба Гершельману с убедительнейшей просьбой меня из Тюмени убрать и перевести куда-либо на железную дорогу.

Гершельман внял моей просьбе и к великой моей радости в марте 1909 года я был, наконец, назначен в Оренбург начальником Илецкого жандармского отделения Ташкентской железной дороги. Когда я уезжал в Оренбург, мой товарищ Татаринев, железнодорожный офицер в Тюмени, мне сказал: «Вот, брат, как поступишь ты на железную дорогу, ты уж вернуться никогда не захочешь: у нас, брат, другой климат». Это я и без него знал, что на железной дороге воздух был чистый.

Интересно заметить, что начальник штаба Гершельман, который вскоре умер, был в чине генерал-лейтенанта, а командир корпуса Джунковский был только генерал-майор. Это теперь неувидительно, что поручики назначаются командующими войсковых округов, но когда Гершельман умер, то был похоронен уже в чине генерал-от-инфантерии<sup>32</sup>.

В Корпусе жандармов все было возможно.

## 8

Хотя Оренбург и показался мне пыльным и довольно грязным городом, тем не менее я был рад безмерно своему новому назначению. Ничего решительно общего не было, кроме общего мундира, в службе между жандармами железнодорожными и губернскими, и было обидно, что в обществе смешивали в одно обе эти категории.

Функции железнодорожных жандармов были чисто полицейские, а если и случалась на железных дорогах какая-либо «политика», то это было уже дело губернских жандармов. Одно время, когда еще я был в Туле, хотели было железнодорожным офицерам навязать производство дознаний политического характера, но из этого ничего не вышло. Были иногда у нас дознания по 108 статье Уголовного Уложения, когда кто-нибудь спьяна оскорблял особу бывшего царя, но только этим дело и ограничилось.

Никаких агентов, филеров и шпииков у нас на Ташкентской железной дороге не было, да и незачем их было держать, так как если и была на ней «политика», то ее выносили за полосу отчуждения. На самой железной дороге ею, вероятно, никто не занимался; по крайней мере даже и частным образом я о ней никогда не слыхал.

Отношения у нас, как между своими офицерами, так и со всеми служащими, были самые наилучшие; никаких недоразумений у нас почти не было; в случае, если таковые возникали, они улаживались взаимными уступками и компромиссами.

Наш начальник управления был чудесный человек, полковник Александр Александрович Бабкин, который начальником считался, так сказать, больше номинально, так как фактически управлением командовала его супруга, милая Евгения Федоровна, но на это у нас никто в претензии не был. Бабкин был человек вспыльчивый и горячий, но отходчивый и большой хлебосол.

Насколько он был добрый и порядочный, судите по такому факту: был у нас унтер-офицер Толстых, исполнявший обязанности каптенармуса, большой пьяница и скандалист. И вот однажды он так напился, что заперся в цейхгаузе, который вместе с канцелярией находился при квартире Бабкина, и стал дебоширить. На приказание Бабкина открыть дверь Толстых послал его к черту, а потом еще дальше, Бабкин вскипятился, хотел было ломать двери, и Толстых тоже не унимался, но в дело вступила Евгения Федоровна: обоих успокоила, мужа увела в комнаты, а Толстых дала возможность в запертом цейхгаузе выспаться. Тем кончилось. Со стороны Толстых в те времена это было большим преступлением и будь на месте Бабкина другой начальник управления, не миновать Толстых каторги, но благодаря мягкому сердцу Бабкина и уменью Евгении Федоровны понимать людей и обстоятельства, Толстых не только не был изгнан со службы, но как ни в чем не бывало продолжал служить и пьянствовать<sup>33</sup>.

Офицером на железных дорогах служить было легко, хотя Бабкин и любил говорить, что мы делами завалены. Это неправда: однажды мне помимо дел своего отделения пришлось две недели вести еще управление и отделением Оренбургским, моего коллеги справа (слева у меня было Актюбинское отделение, которым командовал бывший гусар подполковник Похалович), и я легко справлялся во всех трех канцеляриях, кончая все дела к двум часам дня.

Бабкин любил, как он выражался, чтобы «бумажка у него вылежалась, пропотела и получила глянecь», оттого и переписка у него затягивалась невозможно. Труднее было унтер-офицерам, которые от своих губернских коллег резко отличались и видом, и выправкой и даже, можно сказать, более облагороженным типом.

Кто не помнит молодцов унтер-офицеров на всех станциях российских железных дорог? Помимо их прямых обязанностей, им предъявлялось много еще других требований. Они должны были дополнительно знать весь свой участок и особенно путь, не хуже машиниста: уклоны, подъемы, площадки, все путевые знаки, для чего раз в неделю должны были обходить свой участок пешком; они должны были уметь телеграфировать и уметь управлять паровозом, вполне заменяя машиниста, то есть, придя в депо разогреть паровоз, развести пары, вывести паровоз из депо, подвести к крану и набрать воды, проделать все маневры, взять состав и вести поезд — безразлично какой, пассажирский или товарный.

Со всеми этими требованиями, на случай забастовок, унтер-офицеры справлялись отлично.

Те же требования, конечно, предъявлялись и офицерам, но они хуже с ними справлялись, чем простые унтер-офицеры. Я, например, вовсе не умел телеграфировать, каковое искусство достигается практикой, и испортил бесконечное число лент, телеграфировать я так и не научился. Зато я в совершенстве знал паровоз, даже сдал экзамен на звание машиниста; часто я водил поезда, причем пассажиры, замечая меня на паровозе, с удивлением смотрели на меня и, может быть думали — не погублю ли я их? Вводя поезд, я всегда был исправнее и внимательнее многих настоящих машинистов.

Разумеется, и путь в пределах своего участка я также знал в совершенстве, для чего изучал его не только на плане, но несколько раз для этого объезжал его на дрезине, на что всегда у меня уходило три-четыре дня.

Мое отделение начиналось от Оренбургского вокзала. Версты четыре до моста через реку Урал оно шло, так сказать, по Европе, а остальные 250 верст находились в Азии. Таким образом, я, живя в Европе, служил в Азии, за что получал на 15 рублей больше моего оренбургского коллеги, хотя дела у меня было менее, чем у него\*.

В район моего же отделения входили еще и главные мастерские Ташкентской железной дороги, которые настолько были хорошо оборудованы, что могли строить и выпускать не только новые вагоны, но даже и паровозы, построенные исключительно своими средствами. Эти мастерские находятся около Оренбурга, вероятно, на одной из прежних батарей Пугачева, который отсюда бомбардировал Оренбург, так как при закладке фундамента одного нового цеха были найдены артиллерийские тех времен бомбы, которые я частью пожертвовал в местный музей, частью раздарил, а три оставил на память себе.

Я любил бывать в мастерских, потому что всегда было интересно смотреть на работы, но еще больше любви к ним проявлял мой сынишка Костя. Однажды, когда я читал (признаться больше на ночь, чтобы лучше заснуть) скучную «паровую механику», мой Костя, которому тогда было только девять лет, нашел в чертежах этой книги тормоз «Нью-Йорк». Тормоз «Вестингауза» мы знали с ним отлично, а тут и я удивился, что есть еще какой-то другой воздушный тормоз «Нью-Йорк». Пришлось отправиться в мастерские и так как этот тормоз применяется очень редко, то долго искать его среди вагонов, но все-таки мы его нашли, осмотрели, и наша любознательность была удовлетворена. При этих же мастерских впервые был составлен опытный поезд, который под личным управлением на паровозе бывшего начальника тяги профессора Ломоносова, очень известного в инженерном мире, делал по Ташкентской железной дороге более 100 километров в час. Это было в свое время всероссийским рекордом скорости на наших железных дорогах<sup>34</sup>.

Мастера и рабочие этих мастерских в числе около 2800 человек жили со своими семьями тут же рядом, в поселке Нахаловка, захватив самовольно огромный кусок земли, на что город долго не обращал внимания. Рабочие жили, старились, плодились, но никаких налогов в городскую управу не платили. И вот надумали они построить свою церковь, для чего за содействием обратились ко мне, вероятно, потому, что я ладил с ними особенно хорошо. Мне было всегда жалко смотреть на их ребятишек, которым приходилось бегать в школу и в грязь и в стужу версты за четыре в город. Собрав вскоре всех рабочих для обсуждения вопроса о постройке церкви, я сказал им приблизительно такую речь:

— Господа, то, что задумали вы построить церковь, — дело, конечно, хорошее, но мне жалко ваших детей, которые бегают в школу за четыре версты, что особенно неудобно в грязь и холод. Не лучше ли будет, если соединить приятное с полезным и построить по этому случаю церковную школу? Инженеров у нас много. За проект постройки они, наверно, ничего не возьмут, а на счет места мы как-нибудь постараемся. Городская управа обратила теперь на вас внимание (действительно, по вопросу о постройке церкви управа вздумала упрямыться и не только не отвела было просимый участок, но потребовала даже уплаты налогов за прежние годы) и участок

\* Мое отделение называлось «Илецким», потому что в районе его находится известная Илецкая Защита, где добывается каменная соль.

земли под церковь не отводит. Мы, господа хорошие, давайте вот что сделаем: Нахаловок в России много: в Ростове-на-Дону, в Екатеринославе и в других городах, поэтому давайте напишем царю прошение о переименовании Нахаловки в поселок Алексеевский; это ему будет приятно. А главное, если мы построим церковь-школу во имя святителя Алексея и в честь наследника-цесаревича, то это ему еще более понравится, а так как средств у нас пока никаких нет, то, может быть, он и даст нам денег.

Мысль рабочим понравилась, прошение написали и начало было сделано. Первые 5 рублей в золотой валюте внес я, и пожертвования потекли рекой. Но пожертвования от бывшего царя так и не последовало: кажется, что наше прошение до него не дошло: высоко было!

Составился строительный комитет, куда вошли начальник мастерских, инженер Залесский в качестве товарища председателя; казначеем был выбран инженер Поморцев, делопроизводителем мастер кузнечного цеха В. В. Кобелев и другие, всего в числе девяти человек. Председателем был выбран я. Я, конечно, был польщен тем, что меня выбрали председателем, но еще больше был удивлен тому, что меня, жандармского офицера, все рабочие единогласно выбрали на эту должность!

Разумеется, я приложил все мои силы и старания, чтобы оправдать этот выбор и в первые же два месяца я один собрал около 6 тысяч рублей, что для начала было достаточно. Постройка была закончена уже без меня, так как я был переведен на Средне-Азиатскую железную дорогу. И вот в 1917 году, когда я из действующей армии проезжал во второй раз в отпуск через Оренбург в Туркестан, я задержался, чтобы посмотреть на выстроенную в Нахаловке церковь-школу. Это вышло большое, красивое здание, просторное, теплое, светлое, и учащихся в нем оказалось 170 ребятишек, мальчиков и девочек. Верьте мне, это был один из самых радостных дней моей жизни, когда я увидел осуществление моей идеи! Это было в марте, когда в Оренбурге справляли праздник полученной «свободы», и меня, бывшего жандармского офицера, с почетом встречали в школе, и дети радовались и благодарили меня за выстроенную школу. Когда у меня спросили мой портрет, чтобы повесить его в школе, разумеется, я дал его с большим удовольствием.

Никогда у меня за всю мою службу на железной дороге ни с кем никаких недоразумений не было. Служба наша была у всех на виду, и все железнодорожные служащие нас знали отлично. Воздух на железной дороге, действительно, был чистый. Только однажды я потребовал увольнения из мастерских четырех рабочих за кражу материалов, даже без предания их суду, да в другой раз я проявил некоторую жесткость вот по какому случаю. Илецкая защита когда-то была местом каторжан, потомки которых остались там же, населяя пригород под названием Ташкент, прилегающем к железной дороге. Потомки эти оказались достойными своих предков, и все были на подбор хулиганами, особенно мальчишки-подростки. Одно время ни один поезд не проехал в Оренбург без побитых стекол, за что всегда платились бедняги кондуктора, а виновниками всегда были упомянутые мальчишки, которые бросали в проходящие поезда камни. Сколько ни писали мы по этому поводу протоколов, ничего не выходило. Мировой судья каждый раз отдавал мальчишек под надзор их родителей, а самим родителям объявлял выговор. Только и всего! И вот однажды я сам поехал в Илецк, чтобы принять против битых стекол решительные меры: ведь могли случайно кому-нибудь из пассажиров и голову проломить! Пропустив поезд, в котором оказалось несколько стекол

побитых мальчишками, я взял дрезину и с дорожным мастером, несколькими рабочими и с одним унтер-офицером отправился к месту, где по указанию кондукторов оставались три мальчика в возрасте от 15 до 17 лет. Ах, как я им надрал уши! Бить их я не приказал — это было бы истязанием, да и вообще кулачной расправы у нас никогда не было, так как она в Корпусе жандармов строго преследовалась, но в данном случае я позволил себе сделать исключение, и мера эта оказалась самой благотворной.

Никаких жалоб на меня не последовало, надранные уши надлежащее впечатление произвели и на других, и с тех пор битые стекла в вагонах прекратилось навсегда.

К обязанностям нашей службы, между прочим, относилось при проезде министров сопровождать их, впрочем, не всех, а только военного, внутренних дел и путей сообщения. Остальных должны были только встречать на вокзале. Должны были мы также сопровождать лиц бывшей царской фамилии и иностранных государей и принцев.

Раз один мне пришлось сопровождать Рухлова, бывшего министра путей сообщения, который, как ни писали плохо про него после, мне очень понравился своей простотой и доступностью<sup>35</sup>. И один раз сопровождал печальной памяти военного министра Сухомлинова<sup>36</sup>. Помню, когда он проезжал через Оренбург, то его родной брат, который был наказным атаманом Оренбургского казачьего войска и губернатором, в виде почетного караула для Сухомлинова-министра выставил при хоре трубачей целую сотню маленьких оренбургских казачат в возрасте 9—10 лет, это был оригинальный почетный караул.

Несколько раз мне также пришлось сопровождать эмира Бухарского, от которого имею золотую звезду! Известно, что Эмир раздавал звезды (это покойный, нынешний оказался скупее), без разбора направо и налево щедрой рукой. О нынешнем Эмире скажу еще несколько слов ниже, когда я стану описывать службу на Средне-Азиатской железной дороге, где также мне пришлось встречать и сопровождать ездившего на «Романовские торжества» и Хана Хивинского<sup>37</sup>, который «пожаловал» меня парчевым халатом, довольно неважным, так как, красивый и оригинальный с виду, в носке он оказался никуда негодный, и двумя кусками крученого шелка хивинского производства. Вот шелк оказался отличного качества.

Однажды, в одну из своих очередных поездок в Петербург нынешний эмир вез Николаю II разные подарки, которых видеть мне не пришлось, хотя говорили, что они были богатые, но в числе этих подарков было и 20 великолепнейших лошадей бухарской породы «корабоиров», которые по экстерьеру почти ничем не отличаются от арабских. Ах, какие это были чудесные кони! Вот, когда я позавидовал царю!

Эх, царь, царь, что ты, поганец, наделал? Что бы ему было осуществить свой манифест 17 октября, дать ответственных министров и вообще пойти на уступки, которых так грозно требовал народ. Ведь его народ благословил бы, а история назвала бы его, недалекого и ограниченного, пожалуй, еще «Мудрым» или «Великим»?

\* Мне кажется, что Николай II, отрекаясь от престола, не смел отречься и за сына, которому принадлежало бесспорное право занять престол, а регентом мог быть Великий Князь Михаил Александрович, или кто-либо другой по указанию Николая II или народных представителей. Тогда бы история России была бы другая, а пока, Господи, сколько бед ожидает Россию!

Эмир Бухарский оказался умнее его, этот азиатский царек прошел в Николаевском кадетском корпусе сокращенный курс наук всего за четыре учебных года! А вот же догадался дать своему народу полную конституцию и остался сидеть на троне!

Раза два пришлось мне сопровождать Великого князя Константина Константиновича, известного поэта К. Р. Вот он, действительно был личностью обаятельной. Какой он был добрый, хороший, сердечный человек, и как любили его все юнкера и кадеты, которых он, кажется, знал всех в лицо и по фамилиям во всех корпусах и училищах — такая обширная у него была память на лица и фамилии<sup>38</sup>.

Прослужив два с половиной года в Оренбурге, где я часто и ужасно страдал лихорадкой, я, по климатическим условиям, был переведен в Чарджоу Ханства Бухарского на Средне-Азиатскую железную дорогу, и хотя Туркестан считается местностью малярийной, но там лихорадкой я никогда не хворал.

В Чарджоу мне было служить лучше, чем в Оренбурге. Городишко это небольшой, довольно приличный, как и все русские города в Туркестане. Улицы там широкие, прямые с арыками текучей воды, обсажены деревьями и везде множество садов, что летом, которое продолжается там почти 6 месяцев, значительно умеряет духоту. Чарджоу, собственно, даже не город, а русское поселение в Ханстве Бухарском, но имеет городское управление, во главе которого стоит воинский начальник, свою полицию (ныне милиция) и прочее городское хозяйство. Население там смешанное: русские, евреи, армяне, сарты, текины, афганы, персы, дагестанские горцы, грузины, в 1875 году сосланные уральские казаки — вернее, уж их потомки — толпа очень пестрая<sup>39</sup>. Проживали там и люди европейских национальностей, но этих было немного, преимущественно — служащие на железной дороге: поляки, несколько немцев, два англичанина, один француз, кажется, все. Сарты проживают там преимущественно бухарские подданные, но есть и русские подданные из Самаркандской и других Туркестанских областей.

Откуда пошло название сартов «сартами»? Бог его знает! Но сарты, живущие по левую сторону Аму-Дарья, называют себя «узбеками», а по правой, до самого Ташкента, — «таджиками».

Большая, величественная река Аму-Дарья: мост в Чарджоу через эту реку имеет отверстие ровно 750 сажен и с береговыми пролетами — 826 сажен — длина моста почтенная, значит, какова ширина реки. Вода в Дарье быстрая, мутная, но здоровая и скоро отстаивается, через полчаса ведро воды становится совершенно чистым. Фарватер реки постоянно меняется, и там, где сегодня была мель, завтра будет глубокое место и наоборот. Дно в Дарье такое илистое, что когда строился нынешний железный мост\* и две фермы целиком свалились в воду, то уже через три дня от них и следа не осталось! Так быстро их засосала тина! Может быть, не всякий знает, что когда-то Аму-Дарья впадала в Каспийское море и,

\* После деревянного, который прослужил десять лет, построенного генералом Анненковым, что в свое время вызвало удивление у всех инженеров.

говорят, что из боязни нашествия в Индию из Европы по этому естественному пути, она была отведена в Аральское море. Великий Петр, который видел на много лет вперед, хотел опять направить Дарью в Каспийское море, по более природному руслу, и это его распоряжение вырезано на медной дощечке под его портретом в Ташкентском музее. Это распоряжение, написанное слогом того времени, приблизительно (точно не помню) гласит так: «*Понеже Аму-Дарья текла раньше в Каспийское море и представляла натуральный и кратчайший путь в Индию, то направить ее опять по прежнему руслу, дабы нам иметь сообщение с Индией*», и еще упоминается что-то о Бековиче, который, как известно, погиб где-то на походе в Индию<sup>40</sup>.

Петр I, если бы жил больше, вероятно, осуществил бы эту идею, но в наше время его идея так и осталась только идейным пожеланием, хотя какие-то изыскания по этому поводу были и какой-то гидротехник, с которым я случайно познакомился, бывший на этих изысканиях, говорил мне, что проведение Аму-Дарьи обратно в Каспийское море вполне осуществимо и даже стоило бы это, сравнительно недорого, тем более, что старое русло Дарьи существует и в данное время.

Как бы ожил и расцвел этот кусок Закаспийской области, который сейчас представляет из себя унылую пустыню! Весь Туркестан богатый и оригинальный край и, Бог даст, новый государственный строй использует его богатства и разовьет его культуру. Недаром этот край когда-то завоевывал Александр Македонский, постройки которого и до сих пор остались большею частью в виде развалин, но есть и такие, как например, мост у станции Таш-Кепри, где в 1884 году был Кушкинский бой, служивший прочно и поныне. Недаром и в позднейшие времена ценили Туркестан, когда, например, Тамерлан, выйдя из каких-то Монгольских степей, где-то в глубине Азии избрал Самарканд своей столицей, где построил такой дивный дворец, такой изумительной красоты, сохранившийся до нашего времени, что вызывает удивление и восхищение всех, даже тех, кто ничего не понимает в красоте и в строительном искусстве.

Много всегда проезжало путешественников по Средне-Азиатской железной дороге, особенно англичан, которые также пользовались этим сухим путем для проезда в Индию и обратно. Только наши русские, кроме едущих по своим делам; офицеры, чиновники и коммерсанты, никогда не интересовались Туркестаном. Я, не предполагая, что когда-либо буду служить здесь, заинтересовавшись Туркестаном, за несколько лет до моего назначения в Чарджоу, нарочно проехал его, чтобы посмотреть этот дивный край.

Мое отделение начиналось от выходного семафора в Мерве, с 842-й версты и кончалось на 1128-й версте за станцией Кара-Кул, что значит «Черное озеро», где находится бывший винный завод Анненкова (теперь принадлежащий французскому акционерному обществу) который выделяет отменной портвейн, идущий во Францию, откуда мы получаем его уже с заграничной маркой. По каким-то условиям этот портвейн не может продаваться ни в России, ни на месте, и, когда я в первый раз был на этом заводе и просил управляющего уступить мне несколько бутылок, то ни за деньги, ни бесплатно он не согласился мне уступить ни одной бутылки, а там, в подземных галереях, портвейну было, вероятно, несколько тысяч сороковедерных бочек. «Тут, — сказал он мне, по-французски, — пейте, сколько угодно», и хоть считать количество выпитого,

по-моему, неприлично, все же должен сказать, что выпил я тогда с наслаждением более двух бутылок. Этот управляющий, запасной французский офицер Пинс, бедняга, убит в эту последнюю войну, у себя, на французском фронте.

Таким образом, мое отделение шло на расстоянии 286 верст, большую часть по Меровскому уезду, а около станции Караул-Кую, где стоял пограничный столб с громкой надписью «*Российская Империя — Бухарское Ханство*», переходило в Бухарские владения. Штаб-квартира моя, как сказал я выше, была в Чарджоу. Как видите, служил я, как будто бы, «заграницей».

Молодецкий народ текинцы: высокие, стройные, с красивым типом, удивительно преданные России, но большие разбойники, зато и лихие наездники. Текинский конный полк, переформированный из Туркменского дивизиона, на последней войне оказался лучшим из всех кавалерийских частей, и много чудес личной отваги показал этот славный полк. Даже по конскому составу едва ли это был не первый полк во всей русской коннице, по крайней мере, по экстерьеру. Помню на случайной коношне в Ашхабаде на выводке, когда заведующий конюшней ротмистр Мазон показывал мне жеребцов (кстати заметить, что текинцы все ездят исключительно на жеребцах; даже сесть на кобылу считается у них предосудительным), и показал мне, так сказать, разницу в натуре между чистокровным текинским конем помудской породы и чистокровным англичанином, то сравнение получилось не в пользу последнего. англичанин показался перед текином, как мужик перед барином.

Особенно хорош там был жеребец «Сапархан», красоты неопишущей! Пусть на меня не обижаются друзья англичане (не кони, а люди, конечно), но факт остается фактом. Недаром же англичане-люди, оценив текинскую породу, стали было вывозить к себе текинских жеребцов и кобыл, но последовавший затем закон воспретил вывоз этих лошадей.

Еще до войны текинские кони были в большой цене, а теперь, вероятно, к ним до войны приступились. Конь до войны стоил не менее 500—600 рублей. Странное дело, при высокой цене на жеребцов, кобыла стоила до войны в 3—4 раза дешевле жеребцов: за 150—200 рублей можно было купить отличнейшую кобылу. Когда в Ашхабаде я хотел было купить себе задолго до войны у одного текина коня, мне, между прочим, привели и годовалого жеребенка от самого «Сапархана», как с гордостью заявил его хозяин, и спросил за жеребенка 500 рублей.

То, что я люблю лошадей, это понятно: я по рождению казак тоже чистокровный, родился с лошадьми, жил, рос и воспитывался с ними, служил на коне, перерыв был только на службе в Корпусе жандармов — тоже «табуретная» кавалерия (представьте, сколько я знаю, ни один жандармский офицер, служивший раньше в пехоте, не хотел сознаться, что он «пехотный»), служу на коне сейчас и, вероятно, с лошадьми и умру. Впрочем, в том, что я был железнодорожным жандармским офицером, я не каюсь, и службу на железной дороге я вспоминаю с удовольствием. Будучи жандармским офицером, я в душе всегда оставался офицером-кавалеристом, вот, почему, когда бывала возможность, я всегда имел свою лошадиную конюшню.

Такая же лошадица оказалась и моя вторая жена, в которой я нашел искреннего друга и товарища. Слишком поздно я ее встретил, когда мне было уже 40 лет, и если этот возраст называется «второй молодостью», то,



ей Богу, вторая молодость тут не причем: довольно я намучился с первой женой, а мы с Евгений Петровной так живем вот уже много лет как дай Бог каждому!

Желаю каждому, кто думает жениться, иметь по душевным качествам такую жену, как моя Евгения Петровна. Она и стрелок замечательный: на 25 шагов из «нагана» попадает в туза, а на 40 шагов дальше второго номера офицерской мишени она никогда не выходит<sup>41</sup>. Изю всей моей команды в 24 унтер-офицера и 20 стражников она была первым стрелком; вторым за ней был унтер-офицер Шевчук, который в последнюю войну, когда был командирован на Галицийские железные дороги, за боевые отличия получил два георгиевских креста.

Часто мы с женой бывали на охоте, которую в Туркестане можно назвать богатейшей. Кабаны, джейраны (это степные козы, необыкновенно красивые и грациозные), горные козлы и бараны, рыси, барсы, волки и прочие, — все это водится там в бесчисленном количестве! Я сам видел стада горных баранов в 800—900 голов. Всяких пород болотной и степной птицы там еще больше, особенно зимой, когда гуси, лебеди и утки с северных стран прилетают в Туркестан, чтобы зимовать там.

В бывшем Мургабском государевом имении, при станции Байрам-Али, в котором, кстати, ни Александр III, ни Николай II ни разу не были за все существование имения, фазаны водятся буквально, как в хорошем курятнике. Бывал я на разных охотах, до барсов включительно, но чаще всего, почти каждое воскресенье, я ездил на охоту в Мургабское имение и привозил каждый раз оттуда десятка два-три фазанов-петухов (потому что фазанок бить воспрещается).

Обыкновенно в субботу с вечера мы садились в железнодорожном собрании играть в винт: я, начальник участка пути инженер Пузына, заведующий закреплением берегов Аму-Дарьи, инженер Бенцелевич, наш врач Карбутт, кто-нибудь еще. Играли до 1—2 часов ночи, потом ужинали. Партнеры расходились по домам, а я забирался в свой служебный вагон (какое удобство!), прицеплялся к ночному скорому поезду и утром был в Байрам-Али.

На охоту выезжали на тройках, там становились на номера, загонщики-текины гнали фазанов, и мы их влет били, подбирай только. На эту охоту допускались и дамы, но когда там бывала пульная охота, обыкновенно на кабанов, то дамы уже не допускались. Помню, на такой пульной охоте однажды я убил огромного волка. Когда мы перешли на новое место, чтобы бить кабанов, которые сгруппировались у одной плотины в камышах по реке Мургабе, откуда их никак нельзя было выгнать, то, чтобы заставить их выйти, зажгли камыш. Камыш там необыкновенно густой и высокий, выше всадника с пикой, а густой такой, что пролезать через него человеку никак невозможно, только кабаны устраивают в нем для себя во всех направлениях длинные ходы.

Когда огонь достиг стада кабанов, часть их бросилась в воду, а другая выбежала на чистое место и, как бы сговорившись, кинулись в разные стороны. Я был верхом на отличном текинском коне, около меня было еще несколько джигитов-текинов. Заметив одного кабана, я гикнул, сорвался с места в карьер и пошел за кабаном; со мной поскакал один текин. Долго мы гоняли кабана и, наконец, угодяли. Когда он стал и принял оборонительное положение, мы одновременно: текин справа, а я слева — прыгнули кабану на спину, я на него навалился и текин мгно-

венно спутал ему ноги. Кабана мы взяли живым, который оказался пудов на восемь-девять!

Хорошо жилось в Чарджоу! Хорошие там были все люди, особенно наше железнодорожное общество, не большое, но удивительное дружное: инженеры Пузына, Бенцелевич, Иноземцев, капитан Чечелев, наш батюшка отец Иордан Ломтадзе с его добрейшей матушкой, заведующий насаждениями на Средне-Азиатской железной дороге Палецкий, который за укрепление песков, когда проезжал Рухлов, был из какого-то маленького чина сразу произведен в действительные статские, за что мы стали называть его «наш генерал», затем подполковник геодезист Максимович, заведовавший какой-то особенной метеорологической, единственной в России, станцией, каких всего во всем свете имеется, кажется, пять или шесть; помощник Пузыны — Волков, контролер Зыкус, наш милый доктор Корбутт и другие. Все это были на редкость хорошие люди. Таковыми же хорошими людьми были все мои товарищи, сослуживцы на линии Средне-Азиатской железной дороги, из коих Руденко, Шлихтинг, Хенгне (всех не перечислить!) могли бы быть украшением любой воинской части: это были правильные офицеры!

Все мы в Чарджоу страдали «ковроманией». Редко кто из приезжающих в Туркестан не заражается этой болезнью. Не избежал ее и я, и за мою трехлетнюю службу там приобрел несколько очень хороших ковров керкинских, марвских и афганских.

Жили мы тихо, скромно, никого не обижали, и нас никто не трогал. Хорошо живут на окраинах: люди там всегда добрее и сердечнее, чем внутри России. Дружно жили и мы — все офицеры Управления и всегда были рады видеть друг друга, съезжались по 20-ым числам в Ашхабад. Только один из нас, ротмистр Морозов, с душой охранника, влекомый преимущественно охранки и неудовлетворенный службой на железной дороге, ушел спустя некоторое время в Нижний Новгород и хорошо сделал: он портил чистый воздух на железной дороге.

С удовольствием теперь вспоминаю эти дружеские отношения и с грустью должен засвидетельствовать, что на войне в некоторых строевых частях офицеры не жили так дружно, как жили мы, жандармские офицеры, на Ташкентской и Средне-Азиатской железных дорогах. Казалось бы, что на войне, всегда перед лицом смерти, в невзгодах и опасностях, офицерская семья должна была бы сплотиться дружнее, стать крепче, а между тем приходилось замечать обратное: сплетни, интриги, даже наушничество были постоянными явлениями и все это на почве погони за наградами в виде чинов, орденов, получении хорошей должности.

Как чины жандармские, так и государственный контроль на железных дорогах были совершенно независимы от железнодорожной администрации, но железнодорожными преимуществами пользовались на общем основании со всеми служащими. Мы пользовались бесплатным правом двух поездок в год по всем российским железным дорогам лично для себя и для семьи. Это право даже было оставлено для всех ушедших на войну, каковым правом и я воспользовался, когда на войне я никакого отношения ни к Корпусу Жандармов, ни к железной дороге уже вовсе не имел. Помимо этого, дети наши могли приезжать на все каникулы на Рождество, на Пасху, на лето также бесплатно; я и мои дети ездили в вагоне 1-го класса; врачебная помощь, лекарства, топливо и прочее отпускались или бесплатно, или на льготных условиях, как и другим железнодорожным

служащим. Кроме того, нам, начальникам жандармских отделений, приходилось ездить иногда в суд в качестве обвинителей по тому или иному делу, за что нам платили еще и прогонные деньги, а ездили все равно бесплатно по годовому билету, только в таком случае платили не все прогоны, а за вычетом стоимости билета 1-го класса. Мне на Средне-Азиатской железной дороге приходилось ездить и в Ашхабад, и в Самарканд, где в суде вся моя роль сводилась к тому, чтобы сказать: «Поддерживая обвинение против такого-то, прошу применить к нему такую-то меру наказания», — вот и все! За поездку в Ашхабад мне причиталось прогонных около 82 рублей, а за вычетом стоимости билета 1-го класса 18 рублей, на руки выдавали около 64 рублей. За поездку в Самарканд получал около 45 рублей. Справедливо это было или нет, но эти поездки считались законными, и мне они давали лишних 600—700 рублей в год.

Мы все-таки были служащие железнодорожные, но почему теми же преимуществами пользовались и по Ташкентской и по Средне-Азиатской железным дорогам ташкентские охранники, понять не могу. Хотя Ташкентская охранка была учреждением самостоятельным, но так как только три охранки (Петербургская, Московская и Варшавская) существовали законно, а остальные, как были намечены властью Столыпина, так почти все они, доказав свою несостоятельность, затем были уничтожены властью Джунковского, то и Ташкентское охранное отделение, оставленное Джунковским в числе очень немногих в том виде, как было оно при Столыпине, считалось как бы нелегальным, и офицеры для получения жалования считались к нашему Управлению прикомандированными, что некоторых из них ужасно шокировало. На этом основании, вероятно, они и пользовались теми же железнодорожными привилегиями, как мы, что уже было дико и несправедливо. Делая свои темные дела, они, в сущности, были совершенно бесправные.

Для иллюстрации приведу такой случай. Вскоре после известных Ленских событий, героем которых был печальной памяти ротмистр Трещенков (нехороший человек при жизни, я его знал лично, но смерть своей на войне искупивший свои земные грехи)<sup>42</sup>, появились в Чарджоу подписные листы в пользу вдов и сирот, оставшихся от погибших на Ленских приисках, с печатью «Чарджуйской группы партии социалистов-революционеров». «Откуда, подумал я, в Чарджоу, в такой мировой дыре, могли появиться эсеры и что им здесь было бы надо? Как водится, об этих подписных листах сейчас же узнала охранка, и в Чарджоу был командирован для расследования дела охранный офицер, полковник Иванов, который и начал производить обыски и арестовывать направо и налево, для чего привлек не только меня, местную полицию, но даже просил прислать еще одного офицера из Самарканда, моего коллегу, ротмистра Жуковского.

Обыски никаких результатов не дали, но наарестовал тогда Иванов человек восемнадцать, постановления же об аресте их дал подписать мне, так как сам подписывать их права не имел, как «нештатный» жандармский офицер. Не правда ли, удивительно! Я подписываю постановление об аресте, не зная, за что и по какому-то чуждому мне делу.

К нашему несчастью, мы, офицеры на Средне-Азиатской ж. д., за именем офицеров губернских для производства подобных расследований и ведения политических дознаний, должны были подчиняться иногда требованиям охранки. И вот Иванов, запрятав в тюрьму за моей подписью восемнадцать человек, начал дело «О Чарджуйской группе

Туркестанской партии с-р», но дальше его вести не пожелал и таковое сдал мне, зарегистрировав его как крупное политическое явление в Чарджоу, настолько крупное, что оно даже попало в «историю революционного движения в России», а сам уехал домой. Что же потом оказалось? Разумеется, на другой же день ко мне явились все обиженные и огорченные, с плачем, с вопросом, за что арестованы эти восемнадцать человек, — все их родные и близкие. На вопрос, за что арестованы, я только разводил руками и честью уверял, что не знаю. Мне не верили, потому что ведь я же подписывал постановления об аресте? Я, ей Богу, не знал, за что именно, так как постановления были печатные и гласили по шаблону: «По имеющимся в Ташкентском охранном Отделении агентурным сведениям, такой-то подозревается в принадлежности к Туркестанской группе партии социалистов-революционеров, а потому на основании положения об усиленной охране подлежит заключению под стражу», — и только.

Стал я разбираться в том «деле», и представьте, узнаю, что два жулика-гастролера, некто Козличин и Нестеренко сами отпечатали на тектографе эти самые подписные листы, сфабриковали печать «Чарджуйской группы Туркестанской партии с-р» и под этой печатью пошли обирать доверчивых обывателей в свою пользу, прикрываясь ленскими вдовами и сиротами. История вышла и грустная, и смешная. Мало того, что эти жулики обокрали даже меня, в моей собственной квартире, что послужило потом предметом издевательств надо мной туркестанских газет.

Вышло это вот как: одно из 20-х чисел приходилось на воскресенье и я, вместо того, чтобы поехать в Ашхабад за жалованьем, поехал на охоту в Байрам-Али (где на этот раз, помню, мы с женой были у бывшей Мервской ханши Польшжи, почтенной и уважаемой старухи, которая присоединила Мерве к России; она и сейчас жива, имея, вероятно, уже более 100 лет), а в Ашхабад послали вахмистра. Эти жулики, полагая, что я привезу жалованье свое и унтер-офицерам, всего на сумму около трех тысяч рублей, забрались ко мне ночью, по возвращении моем из Байрам-Али. Я жил довольно «доверчиво», то есть наружные двери не запирали, так как во дворе у меня ночевали два унтер-офицера и была еще злющая текинская собака, и говорил: «Как это ко мне, к жандармскому офицеру залезут воры? Не посмеют!» А вот же посмели и залезли и обчистили на совесть! Хорошо, что денег не было, но унесли все, что было ценного и для них необходимого: золотые часы, столовое серебро, серебряные кинжалы и прочее, даже мои сапоги и ботинки (женины оставили). Если бы я проснулся ночью, мне достаточно было бы только протянуть левую руку, чтобы взять браунинг, но и браунинг тоже украли, слава Богу, что не убили! Как мы не проснулись ночью, когда воры ходили кругом наших кроватей, мы до сих пор не понимаем: должно быть, чтобы закрепить наш сон, господа жулики дали нам понюхать что-нибудь снотворное.

И вот эти два жулика попали в «Историю революционного движения в России», как революционеры.

Примерно через год после этого случая, я, как старший офицер по всей линии Средне-Азиатской железной дороги, временно принял в Ашхабаде наше Управление, так как начальник Управления, полковник Максимов (бывший Белгородский улан) получил назначение в Москву, а новый — фон Франкенштейн (бывший Нарвский гусар; не любил я его, потому что он был человек не совсем чистоплотный в отношении некоторых офицеров, и к тому же он был чистокровным немцем), еще не приехал<sup>43</sup>.

За время моего командования Управлением, Джунковский писал бывшему Туркестанскому генерал-губернатору Самсонову конфиденциальное письмо, в котором сообщал, что «задумав преобразовать Ташкентское охранное отделение в Туркестанское краевое Жандармское Управление», он Джунковский, полагал бы это сделать вот так-то, и просил его, Самсонова, высказать по этому поводу свое мнение<sup>44</sup>. Самсонов тогда это письмо в копии разослал на заключение всем губернаторам Туркестанского края и в том числе и мне как начальнику Жандармского Полицейского Управления Средне-Азиатской железной дороги и так как я был только калиф на час, а на самом деле я все же оставался только начальником Чарджуйского отделения и, видя, что Чарджоу в проекте вовсе не упоминается, то, чтобы оградить себя в будущем от всякой «политики» и от случаев вроде «ленских подписных листов», написал в заключении, что «соглашаясь с мнением Вашего Высоко-Превосходительства и т. д... полагал бы к будущему краевому жандармскому управлению добавить еще одного офицера и шесть унтер-офицеров для обслуживания Ханства Бухарского со штаб-квартирой в Новой Бухаре», там где находится Российский резидент при Бухарском Эмире, — это хоть рядом, но не вместе.

Так бы оно, вероятно, и было, но пока шла переписка, потом случилась война, а потом и вовсе уничтожили Корпус Жандармов, так Ташкентская охранка и скончалась в своем естественном виде.

Как и на Ташкентской железной дороге, у нас на Средне-Азиатской дороге никаких агентов или «сотрудников» тоже не было, что очень возмущало Ташкентскую охранку, и вот, чтобы иметь от нас сведения о настроении служащих, о каких-либо революционных проявлениях и прочее, начальник охранки, кажется, подполковник Сизых, написал в Департамент полиции о необходимости завести нам на железной дороге своих агентов, для чего даже был командирован из Петрограда подполковник Долгов, чтобы проверить нашу агентуру. Дня за два до его приезда полковник Максимов приказал всем нам, во что бы то ни стало, чтобы агенты у нас были. Стал я бросаться во все стороны, точно в водевиле «Жена на прокат», в поисках агента и наконец, за несколько часов до приезда Долгова, нашел какого-то безобидного рабочего, который из сострадания ко мне согласился быть у меня «агентом на показ». Научил я его, как надо говорить, что отвечать и, слава Богу, «агент» оказался не глупый: «на смотру» все сошло благополучно.

Если в моих бывших делах по Чарджоускому отделению попадет псевдоним агента «Мельница», прошу не считать его провокатором. Клянусь честью, он не только никого не выдал, да и выдавать-то некого было, никого не скомпрометировал, потому что пошел ко мне в агенты из личной симпатии ко мне, чтобы выручить меня из неприятного положения. Наоборот, он о всех лицах давал сведения самые благоприятные. Он у меня даже жалованье не получал, и остался при мне «на всякий случай», если бы спросили его в другой раз. Какой же он провокатор?

Мой товарищ и сосед, начальник Мервского Отделения, большой комик, тоже нашел себе агента: какого-то доброго смазчика, и на требование указать его, ответил: «А вон под колесом сидит», — агент, когда проходила комиссия, смазывал колеса вагонов.

Бывали у нас розыски и военных шпионов, которые иногда появлялись в Туркестане с целью различных военных разведок в пользу своих государств. Один такой австрийский шпион, граф Скаръек, по профессии горный ин-

женер, прожил в Чаджоу девять месяцев и вошел в соглашение с одним рабочим на Аму-Дарьинском мосту, чтобы как-нибудь получать чертежи моста, когда под ним строилась подвесная тележка для постоянного осмотра и ремонта моста снизу. Скаръек часто встречался около него и настолько назойливо (а этот мост имеет еще и большое стратегическое значение), что я предупредил Его Сиятельство: если он будет близко подходить к мосту, то мои стражники (коих было на мосту в мирное время шесть человек, кроме четырех мостовых сторожей; когда же началась война, то мост охраняла целая рота) будут стрелять по нему, по графу Скаръеку. Ровно за месяц до войны он скрылся, и тогда из контрразведывательного отделения, два-три месяца спустя после его отъезда, пришло официальное распоряжение его арестовать — у нас всегда все делалось поздно! Представьте мое удивление, когда в средних числах ноября 1914 года, в бытность мою во Львове, я узнал, что тамошний городской театр принадлежит этому самому графу Скаръеку! Вот какие люди в Австрии шли в военные шпионы!

Был у меня случай и с одним афганским шпионом. По требованию того же контрразведывательного отделения я его арестовал и обыскал. Явно предосудительного у него ничего не нашел, зато обнаружил у него чертежи разной посуды до самовара включительно (может быть, в линиях этих чертежей скрывались другие чертежи, все ведь бывает)\* и образцы удивительно изящной и нежной чайной посуды для афганского эмира по заказу последнего у известной московской фирмы Кузнецова. Это меня тоже удивило: наш московский Кузнецов делает стильную восточную посуду для афганского эмира! Впрочем для Эмира Бухарского почти все необходимое ему готовится в России, даже его звезды сделаны ювелиром Ганом в Петрограде.

Пожалуй, тут уместно добавить несколько слов об Эмире Бухарском, которые я обещал выше<sup>45</sup>. Эмир у себя на родине больше торгаш, чем государь. Всеми его делами заправлял его куш-беки, первый министр, а в провинции во главе каждой стояли беки, по нашему генерал-губернаторы, они же первые грабители Чарджоуским бекством управлял бек Магоманус-Бей-Додхо, почтенный старик, имеющий русскую ленту Станислава 1-й степени. Бухарское население бедное, жалкое, забитое, трудолюбивое, а насколько его обирают туземные власти, судите по такому факту. У нашего генерала Палецкого служил в поварях один сарт, бухарский подданный. Лет двенадцать он пробыл у Палецкого, скопил 2—3 тысячи рублей, мечтал завести свой кишлак (усадьбу). Мечты осуществил, кишлак завел себе, женился, стал богачом, но всякие джевачи и прочие чиновники в два-три года его разорили настолько, что опять он пошел служить поваром к Палецкому, проклиная свое бухарское подданство.

Можно было бы много написать интересного о Бухаре, но это не входит в мою задачу. Теперь, вероятно, с дарованием конституции Бухара быстро пойдет по пути прогресса. Вероятно, народное просвещение пойдет наравне с русским.

Смешно, что обе гимназии в Чарджоу, мужская и женская, построенные Эмиром за его собственный счет, были недоступны сартам.

В числе депутатов, ездивших в Бухару благодарить «Его Высочество» за постройку этих гимназий, был и я. Эмир порадовался нашим льстивым

\* Однажды я взял невинный рисунок, который изображал из себя пейзаж, по расшифровке он оказался чертежом форта.

речам, но бухарским детям учиться в гимназиях все же не позволил. Наш чарджойский бек был его любимцем, и Эмир (имея, уж не знаю, сколько жен), хотел еще жениться на его дочери. Приехав в Чарджоу, Эмир устроил разные празднества, но, видимо, дочь бека, хорошенькая четырнадцатилетняя девочка, ему не понравилась и свадьба не состоялась. Я думал, зачем ему еще одну лишнюю жену, когда кроме своих туземных, он привез тогда в Чарджоу еще десять русских наложниц и несколько мальчиков — «бачей» — это едучи-то свататься! Второстепенных жен, когда они надоедают, Эмир раздавал своим сановникам, поэтому бек (и я за него) порадовался, что его единственная дочь осталась при отце.

Все же этого бека пришлось мне однажды «цукнуть». Дело было в том, что наш уважаемый инженер Пузына построил для бухарского правительства в Чарджоу караван-сарай, попросту нечто вроде гостиницы двора, не выходя из проекта и сметы за 84 тысячи рублей. Работы он произвел на совесть, все в порядке сдал, как следует, честь честью, а когда Пузына должен был получить свой гонорар, то бек стал про него рассказывать, что он поступил нечестно, что работы не так исполнил и платить поэтому гонорар не желает. Это была обычная азиатская манера — как-нибудь не заплатить следуемые деньги. Пузына пожаловался мне. Я за него вступился, сцепился с беком, доказывая, что если бы Пузына был несчастный человек, то не служил бы и на железной дороге, и, реабилитируя Пузыну, пожаловался на бека генерал-губернатору.

За то время, пока шли споры, бек ухаживал за мной. Особенно юлил его переводчик Зариф, большой шельма, из уфимских татар, и в конце концов бек извинился перед Пузыной и заплатил весь гонорар сполна.

Помню 23 апреля 1913 года через Чарджоу проезжала, делая кавалерийский пробег, небезызвестная в спортсменском мире Кудашева, которая делала испытание на выносливость английской лошади при дальних расстояниях. Эта Кудашева, подобно своему предшественнику Пешкову, на коне монгольской породы Монголик проехала верхом из Харбина в Петербург и, когда она по этому случаю представлялась бывшему царю, то Николай II дал ей для испытания своего английского жеребца Крит, который оценивался, по словам Кудашевой, в 36 тысяч рублей с тем, чтобы она объехала на нем всю Сибирь, Алтай, Туркестан и вернулась бы в Петербург<sup>46</sup>.

Я думал увидеть лихую наездницу, чудесного коня, услышать от нее много интересного, почему даже квартиру предложил ей у себя, но представьте наше с женой разочарование, когда мы увидели старую, корявую бабу, поддурманенную, с подведенными глазами, но с грязными ногтями, которая делала перехода в сутки от 8 до 15 верст со всеми удобствами, то есть попросту каталась в свое удовольствие, а ее Крит был похож на раскормленного кабана, даже с раздвоенным крупом. Все ее ухаживание за ним состояло в том, что она его целовала в морду и около него спала, а кормили его, поили, смотрели, седлали и расседлывали посторонние люди. При мне она делала пробеги: от станции Фараб до Чарджоу — 8 верст (я ей тогда разрешил переехать через Аму-Дарьинский мост) — это в один день, 22-го апреля; 23-го она сделала у меня дневку, а 24-го она проехала из русского Чарджоу в туземный — 9 верст и того в три дня всего 17 верст! Ее вещи и фураж везли по железной дороге.

Боже мой, какой разврат допускался при Николае Романове! Что же стоил ее пробег правительству и обществу (городским, сельским и дру-

гим), если ее переход через Бухарские владения в несколько дней, по словам бека, стоил бухарскому правительству более 800 рублей?

Когда Кудашева ночевала у меня, то для коня сделали специальную палатку, а ей, Кудашевой, особую в ней загородку из местных ковров, и в таких удобствах конь, по брюхо в сене, а она в шикарную постели отдыхала от переходов. Вот так кавалерийский пробег!

Чего же, впрочем, удивляться, когда она сама мне рассказывала, что все это ей устроил Распутин. Через год она была опять в Чарджоу, но на этот раз она ехала уже в своем естественном виде, то есть в женском платье, по какому-то секретному поручению правительства сперва в Хиву, потом в Афганистан и затем в Персию. После «кавалерийского пробега» попала в секретные дипломаты. Бедная Россия, что только в ней не творилось?..

Кому неизвестно, что из всех великих князей «Константиновичи» милостями у бывших царей не пользовались? Как, за что и почему был изгнан из Петербурга когда-то Великий князь Николай Константинович, я не знаю, но он давно уже проживал в Ташкенте, где имел свой дворец, окрашенный в красный цвет<sup>47</sup>. Часто он ходил в красной рубахе или в пестром сартовском халате; он был популярен среди населения, делал много добра.

Кажется, создание Романовского канала, орошающего теперь всю Голодную степь, дело его рук, но вместе с этим, несмотря на свой уже почтенный возраст (ему далеко за 60 лет), он до сих любит увлекаться интересными женщинами. Говорят, у него было множество романов, но один такой роман у него случился в Катта-Кургане, где он увлекся одной барышней, та увлеклась им, и задумали они куда-то бежать. В погоню были пущены наши унтер-офицеры, которые их и перехватили, причем мой унтер-офицер Шевко, добрейшей души человек, поймал его самого, Великого князя! Как Николай Константинович ни сердился, как ни возмущался, но беглецов водворили на места: его — в Ташкент, в свой красный дворец, ее — к отцу в Катта-Курган.

Казалось бы, что за эту поимку Николай Константинович должен был возненавидеть железнодорожных жандармов. Однако он продолжал быть с ними не только приветливым, но даже с одним унтер-офицером на станции Драгомирово (по Маргеланской ветке) свел такую дружбу, что гостил у него иногда по несколько дней, что вконец испортило этого унтер-офицера.

Хотя Николай Константинович был в опале, но с ним, как с Великим князем, все же приходилось считаться, и вот этот унтер-офицер (забыл, как его фамилия), пользуясь дружбой и покровительством Николая Константиновича, стал таким нахалом, что и начальник Управления ничего поделаться с ним не мог. Зазнался хам.

18 июля 1914 года началась беспримерная в истории всесветная война. Какой был в России подъем, какое воодушевление, как отнеслись к ней все граждане — это все знают. Я был захвачен той же волной зачисления в Действующую Армию. Удобнее всего мне было попасть в Текинский конный полк, который в мирное время стоял в Ашхабаде, но так как я был уже подполковник, то в этот полк меня, как штаб-офицера не приняли, хотя я соглашался на должность не только эскадронного командира, но даже младшего обер-офицера. Несмотря на то, что я природный казак, ни в одно казачье войско по той же причине, я тоже не попал. Кроме

того, всем желающим пойти на войну Джунковский ставил всевозможные препятствия — до содержания на гауптвахте под арестом включительно. Тем не менее я на войну прошел, изложив в моем слезном рапорте такие веские причины, что Джунковский нашел возможным для меня сделать исключение. Стоило запрещать тогда, когда теперь почти весь Корпус жандармов по своему расформированию оказался на войне?

Сколько было желающих пойти на войну, я не знаю, но я был восемнадцатым ушедшим из Корпуса на войну добровольно. После меня, кажется, прошло еще двое. Таким образом, из всего офицерского состава Корпуса жандармов в 930 офицеров нас ушло на войну добровольно не более 20 человек. Из этого числа семеро пошли в пехоту, человек пять в кавалерию, человек пять в казачьи войска и человека три в артиллерию. Как это ни странно, три бывших кавалерийских офицера (Приморского Драгунского полка Иолшин, Крымского конного — Адамович и Уланского Петроградского — Жуковский) — все они как ротмистры попали в казачьи полки, а я, подполковник, бывший казачий офицер, попал в кавалерию и 16 октября 1914 года был зачислен в лихой полк желтых Кинбурнских драгун. 27 ноября я был уже в Действующей Армии и с тех пор все время нахожусь в строю.

С Средне-Азиатской железной дороги нас пошло четверо: я и мои товарищи: ротмистр Ханьже в пехоту погиб славною смертью героя. Царство ему Небесное и вечный покой! Ротмистр Кейль, который, отсидев месяц в гауптвахте, все же на войну ушел, тоже в пехоту, и был тяжело ранен, и четвертый упомянутый выше, ротмистр Жуковский, попал в Уральское казачье войско. Его судьбу я не знаю.

Из Чарджоу меня проводили очень сердечно все железнодорожные служащие и кроме того, что со всеми пришлось сниматься в фотографии, мне поднесли великолепную серебряную шашку, которую я берегу, как дорогую память. Худо ли, хорошо ли, но шашка эта еще ничьей кровью у меня не обогрилась, хотя имел возможность рубить ею несколько раз.

Самые добрые, самые сердечные воспоминания оставил во мне Чарджоу. Жалею, что там мне больше и жить, и служить не придется. Пришлось проститься и с Байрам-Али, где управляющий имением предложил мне уступить своего красивого коня, чистокровного текина, всего за 600 рублей (это были все мои сбережения за службу в Корпусе жандармов), но так как из далекого Туркестана я должен был сделать большой путь один, пройдя разные мытарства в Киеве, Львове, Тарнополе, и не знал, когда и где я доберусь до своего полка, то я побоялся его взять, да и конь был слишком нежный, больше парадный, чем боевой. Этого коня, между прочим, хотел взять князь Васильчиков для бывшего царя. Поэтому его я так и не купил. В данное время я ездю на отличном венгерском коне, которого взяли наши драгуны из-под убитого мадыарского лейтенанта. В шутку у нас в полку говорили, что мой конь, хоть и достался мне без аттестата, но что он без сомнения «Завода Франца-Иосифа».

10

Что мне еще прибавить к этим запискам?

Никогда я писателем не был, судить о том, как я их написал, я сам, конечно, не могу, так как это мой первый и, вероятно, последний литера-

турный труд, и если открыл читателю часть изнанки службы бывшего Корпуса жандармов и заинтересовал читателя, то и слава Богу, очень рад, а меня прошу строго не судить. Если в этих записках ошибочны мои впечатления и определения, зато уж факты безусловно верны. Я не скрыл ни одной фамилии, не прикрываюсь и сам псевдонимом. Записывая эти строки, я не пользовался никакими документами и материалами, потому что у меня их под рукой нет и все изложенное здесь записано исключительно на память. Эти записки я писал частью сидя в окопах, когда война принимала позиционный характер (больше всего пришлось писать их на верхушках Лесистых Карпат, где я в окопах просидел 51 день) частью писал, когда находился в резерве.

Все-таки должен сказать, что едва ли новое Временное правительство поступило правильно, уничтожив железнодорожную Жандармскую полицию. Как служила она преданно Николаю II, так же могла бы она служить, еще и лучше, новому правительству, потому что своим отречением от престола Николай II всех освободил от принудительной присяги, принятие же новой присяги для всех, не исключая и железнодорожных жандармов, было бы событием радостным.

Сколько было беспорядков после переворота на железных дорогах и там, где раньше справлялся один унтер-офицер, часто не может теперь справиться целая команда милиционеров.

В марте месяце 1917 года я из действующей армии ездил во второй раз за всю войну в отпуск. Господи, что творилось на железных дорогах! Пришлось быть и в Петрограде\* и видеть, как на улицах били офицеров и отнимали у них оружие. Тогда каждого офицера солдаты и рабочие считали врагом и буржуем, не верили им, видя в них крепких сторонников старого режима. Дикое заблуждение. Бедные, славные офицеры! Поперек горла стала им нынешняя свобода! И все же не только все офицеры радовались обновлению нашей Великой Родины. Я, когда проезжал по Ташкентской и по Средне-Азиатской железным дорогам, где я знал всех жандармов, я не видел ни одного недовольного лица между ними, и никто из жандармских чинов на этих дорогах во время переворота арестован не был.

Вероятно, в октябре 1916 года я случайно узнал в Коломые (в Галиции), что среди железнодорожных жандармов образовалась большая группа недовольных правительством, которая ждала только случая перейти на сторону народа, а когда народ победил старое гнусное правительство с Николаем II во главе, то разогнал и всех жандармов, в том числе и железнодорожных, не считаясь ни с их личными качествами, ни с прошлым каждого из них, ни с их часто добрым и гуманным отношением к служащим, ни с тем, насколько именно железнодорожные жандармы были бы необходимы во время переворота на железных дорогах. Про охранников и губернских говорить не приходится: их песня спета навсегда. Им теперь делать больше нечего. А железнодорожных жандармов следовало бы переименовать, хотя бы в железнодорожную милицию и, поверьте, они продолжали бы также служить отлично и по совести, как и раньше. Нашли

\* Так как я не знал, куда мне деваться (это было 4, 5 и 6 марта), то я отправился в свое родное Константиновское артиллерийское училище, где меня приняли и приютили именно, как родного. Я патриот своего Аракчеевского кадетского корпуса и своего училища, люблю их и горжусь ими.



же возможность оставить крепостные жандармские команды, переименовав их в «Крепостные охранные (?) команды». Нашли также возможным Петроградский и Московский жандармский дивизионы переименовать в милиционеров с изменением им формы одежды! Надо было оставить жандармов и на железной дороге\*.

Все это народ был опытный, знающий свое дело. Например, у нас на Средне-Азиатской железной дороге каждый унтер-офицер знал Уставы Мировых судей и российских железных дорог (а в каждом из них около 185 статей) и необходимые статьи (около 200) из Устава Уголовного суда. Я говорю — каждый унтер-офицер знал эти статьи на зубок лучше всякого студента-юриста! Занимаясь с ними (каюсь, занималась с ними по уставам моя жена), я спрашивал: «Самсонов (или кто другой), скажи-ка, брат, статью 42 Устава Мировых судей», и Самсонов сознательно, почти наизусть жарил всю статью. Ни один унтер-офицер в этом отношении не составлял исключения. Помню, за последний мой отпуск в Чарджуу был я на вокзале, когда поймали в вагоне какого-то жулика. Милиционеры, гимназисты и солдаты привели его к начальнику станции для допроса, и как они все растерялись! Я случился тут же. «Помогите, господин полковник (в этот чин я был произведен на войне) по старой памяти допросить его», — обратился ко мне начальник станции. Я допросил, составил протокол, написал постановление, все дело оформил, указал статьи, и все дело закончил в полчаса; начальник станции и свидетели подписали только свои фамилии, и тут же начальник станции высказал сожаление, что напрасно уничтожена жандармская железнодорожная полиция. Моя бывшая команда искренно высказывала свою радость по случаю перемены государственного строя и говорили: «Слава Богу, что это случилось; старики пойдут в отставку, а мы, молодые, пойдем на фронт». Пусть, — говорили они, — на нас плюют, нас ошельмовали, а мы еще послужим Родине, да уже не за страх, а по чистой совести». Что было, то прошло, а и бывшие железнодорожные жандармы такие же теперь вольные граждане Державы Российской, как и все прочее ее население.

Часто в газетах проскальзывали сообщения, что войска мutilи бывшие жандармы и городовые. Не знаю, может быть, но я лично сомневаюсь: если они очутились в загоне, разосланы теперь по разным частям то стало быть не могли составить какой-либо партии. Не думаю также, чтобы они все без исключения отрицательно отнеслись к войне и к полученной гражданской свободе, а если и найдутся, как и везде, среди них несколько негодяев, то кто их будет слушать при общем враждебном отношении к жандармам?

И к нам в дивизию попало несколько жандармов, но они были ниже травы, тише воды. Мutilи воду большевики и анархисты\*\*. Впрочем, в нашей славной боевой 7-й кавалерийской дивизии никаких смутьянов не было, и она честно всю войну исполняла свои прямые боевые задачи, получив при новом правительстве звание «бессмертной».

\* Кажется, железнодорожных жандармских управлений было два. Если считать в среднем на каждое управление по 15 офицеров и по 200 унтер-офицеров (на Ташкентской и Средне-Азиатской железных дорогах было всего 21 офицер и около 360 унтер-офицеров), то во всей России было железнодорожных жандармов: офицеров около 330, унтер-офицеров около 5000. Не так-то уж много! Всего же в Корпусе жандармов было около 930 офицеров и около 11 500 нижних чинов.

Про себя должен сказать, что когда я прибыл в полк, то сначала офицеры отнесли ко мне не то, что бы недоброжелательно, а как бы с некоторым недоверием, что меня смутило и удивило. Потом, недели через две дело выяснилось: офицеры думали, что старое правительство пришло меня, как жандармского офицера следить за их поведением, но когда я разъяснил, какие чувства мной руководили, что я пошел на войну добровольно, как я счастлив, что я снова в строю и что они глубоко на мой счет заблуждаются, то был принят в их среду, как равноправный товарищ.

Будем же хранить нашу Родину-Мать, будем служить ей, свободной и обновленной, еще лучше, еще крепче, чем при старом строе, будем лелеять полученную свободу, будем все братьями.

Да здравствует во веки наша Великая и могучая, единая и неделимая наша Мать-Россия!

А. Поляков  
Август 1917 года  
Действующая Армия

#### Краткое послесловие автора

Настоящие «Записки» я начал писать вскоре после государственного переворота и окончил их в августе 1917 года. Поэтому по настроению они отвечают этому периоду времени.

В сентябре они были приняты в редакцию журнала «Утро России» к напечатанию, но в последовавшие затем события, когда Советская власть одержала верх, я узнал, что типография «Утра России» была конфискована. Поэтому и эти мои «Записки» не были напечатаны своевременно.

1919 год  
А. Поляков

#### Примечания

<sup>1</sup> Поляков Александр Минаевич (1.04.1868—?). Закончил нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус и 2-е военное Константиновское училище в 1888 году. С 1890 года служил в Донском казачьем полку. В Отдельном корпусе жандармов с 21.01.1903 года. Должности: адъютант Ярославского ГЖУ, Костромского ГЖУ (с 3.09.1903 г.), пом. начальника Таврического ГЖУ в Керченском порту (с 6.04.1905 г.), пом. начальника

\*\* Насколько добропорядочно вели себя бывшие жандармы в одном запасном кавалерийском полку, составляя в нем отдельный эскадрон, судите по такому факту, за который ручался мне прибывший в нашу дивизию прапорщик Гончаров, бывший студент Петровско-Разумовской Академии. Когда в полку праздновали дни свободы, то солдаты, забыв, что «сперва дело и служба, а потом уже праздники», в течение 10 дней не потрудились заглянуть в конюшни, и бедные кони стояли голодные, не поенные и нечищенные. За эти 10 дней их много заболело и от голода несколько лошадей подохло, и трупы их выволокли из конюшен в укор этим гражданам-солдатам. В эскадроне же жандармов все было в порядке, а кони там по телам и содержанию оказались в блестящем порядке.

Тульского ГЖУ в Богородицком, Крапивенском и Алексинском уездах (с 17.12.1905 г.), прикомандирован к Тульскому ГЖУ (с 4.01.1907 года), пом. начальника Тобольского ГЖУ в Тюменском, Туринском и Ялutorовском уездах (с 3.05.1907 года), начальник Илецкого отделения жандармского полицейского управления (ЖПУ) Ташкентской железной дороги (с 4.04.1910 года). Чины в армии: хорунжий (с 10.08.1889), сотник (с 10.08.1893), подесаул (с 15.04.1896), подполковник (с 6.05.1914). Ордена: Св. Станислава 3-й степ. (13.04.1908).

<sup>2</sup> Имеется в виду участие русских войск вместе с войсками Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, США, Франции и Японии в подавлении так называемого «боксерского восстания» в Китае в 1900 году. Русские войска были введены в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию) и Пекин.

<sup>3</sup> По воинскому уставу 1876 года ради экономии средств часть казачьих офицеров в Донском, Уральском и Оренбургском казачьих войсках находилась на так называемой «льготе», получая до 1890 года 50 % денежного оклада (12—16 руб. в месяц). С 1890 года — полный оклад, но без дополнительных выплат. Обычно через три года «льготные офицеры» возвращались в строевую часть, а такое же число строевых офицеров переводилось «на льготу».

<sup>4</sup> Фон Валь В. В. (1840—1915) — петербургский градоначальник (1892—1895), виленский губернатор (1901—1902), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1902—1904), член Государственного совета. Не раз зло высмеивался выдающимся сатириком клоуном В. Л. Дуровым на аренах цирков.

<sup>5</sup> Мясоедов С. Н. (1865—1915) — полковник. В Отдельном корпусе жандармов с 1892 года. С 1901 года — начальник Вержболовского отделения С.-Петербургского — Варшавского жандармского полицейского управления (ЖПУ) железных дорог. В 1909 году познакомился с военным министром В. А. Сухомлиновым и его женой. Перешел в распоряжение военного министра. В 1912 году появилось заявление А. И. Гучкова комиссии государственной обороны Государственной думы, что во главе контрразведки военного министра стоит «подозрительный полковник, удаленный из корпуса жандармов». На эту тему появились статьи в печати. Военно-полевой суд при Варшавской крепости 8 марта 1915 года приговорил Мясоедова к повешению по обвинению в шпионаже. Ряд историков отрицает доказанность вины Мясоедова, считая это проявлением «шпиономании».

<sup>6</sup> Еремин А. М. (1872—?). Образование — Оренбургский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Казачий отдел Офицерской стрелковой школы. В военной службе с 30.08.1891 года. В Отдельном корпусе жандармов с 21.01.1903 года. Служил в Киевском ГЖУ, начальник Тифлисского ГЖУ (с 12.01.1908), начальник Особого отдела ДП (с 21.01.1910), начальник Финляндского ЖУ (с 11.06.1913). Чины: сотник (с 4.08.1896), подполковник (с 17.09.1906), полковник (с 8.02.1908), генерал-майор (с 6.12.1915). Эмигрант.

Гершуни Г. А. (1870—1908) — один из организаторов партии эсеров, создатель Боевой организации. Арестован в мае 1903 года. В октябре 1906 года бежал с каторги в Акагуе, умер в Цюрихе.

<sup>7</sup> Каляев И. П. (1877—1905) — эсер, член Боевой организации. Убит 4.02.1905 года в Москве Великого князя Сергея Александровича. Повешен в Шлиссельбургской крепости.

<sup>8</sup> Бекнев А. Н. (1852—?). В Отдельном корпусе жандармов с 13.03.1882 года. С 1894 года начальник ряда ГЖУ. С 1903 года — генерал-майор. С 25.08.1906 года прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов.

<sup>9</sup> Масальский-Кошуро П. Н. (1860—?) — товарищ прокурора, впоследствии вице-губернатор в Тамбове, в Таврической области, в Харькове. Акмолинский губернатор (XII.1915—VII.1916). С 19.07.1916 года член Совета министра внутренних дел.

<sup>10</sup> Михеев Василий Михайлович (1859—7.05.1908, Ярославль) — драматург, прозаик, поэт художественный критик. Жил в Ярославле с 1896 года. Его пьесы подолгу шли в провинции. С 1905 года редактор ярославской газеты «Северный край», считавшейся одной из лучших провинциальных газет либерального толка. Имел репутацию «политически неблагонадежного».

<sup>11</sup> Вольноопределяющийся — военнотружущий, имевший высшее или среднее образование. Служил в армии один год. Через 6 месяцев производился в унтер-офицеры, через год — в офицеры. Имел право жить на частной квартире или в особом помещении в казарме.

<sup>12</sup> Автор упоминает здесь об очень популярных в революционной пропаганде тоненьких брошюрах, предназначенных для малограмотных людей. Вильгельм Либкнехт (1826—1900) — один из организаторов и руководителей социал-демократической партии Германии. Его книжечка «Пауки и мухи» нередко издавалась с подзаголовком «Капиталисты и пролетарии». Автором брошюры «Хитрая механика» был не Г. В. Плеханов, а В. Е. Варзар. Василий Егорович Варзар (1851—1940) в 1875 году закончил Технологический институт, был корреспондентом нелегального журнала «Вперед» и газеты «Вперед», издававшихся за границей П. Л. Лавровым. Впервые его брошюры с подзаголовком «Правдивый рассказ откуда и куда идут деньги» и под псевдонимом «Андрей Иванов» была опубликована нелегально в 1874 году. Затем она неоднократно переиздавалась, вплоть до 1917 года и первых послереволюционных лет. Сам В. Е. Варзар с 1894 года служил в Министерстве финансов, отойдя от революционной деятельности и сохранив либеральные взгляды. Считается основоположником промышленной статистики в России, Руководил обследованием российской промышленности в 1900 и 1908 годов. С 1924 года преподавал в Москве.

<sup>13</sup> Гучковы — известные общественные деятели, выходцы из московского купечества, братья Александр (1862—1936) и Николай (1860—1935) Ивановичи. А. И. — один из основателей и руководителей партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы (03.1910—04.1911), член Государственного совета (1915—1917), военный и морской министр Временного правительства (03—04.1917). Н. И. — московский городской голова в 1905—1913 годы.

<sup>14</sup> Шереметов И. В. (1872—1906) — помощник начальника Таврического ГЖУ в Керчь-Еникальском градоначальстве и Феодосийском уезде с 10.03.1903 года. В Отдельном корпусе жандармов с 8.01.1898 года. Штаб-ротмистр с 6.12.1901 года. Убит 22 мая 1906 года.

<sup>15</sup> Загоскин М. Д. (1857—?). Окончил Тверское кавалерийское училище в 1877 году. В Отдельном корпусе жандармов с 1879 года. Начальник Таврического ГЖУ (с 20.11.1902), Олонцкого ГЖУ (с 11.10.1907), Витебского ГЖУ (с 2.09.1908). Полковник (с 16.12.1902), генерал-майор (с 18.04.1910). Шестеро детей.

Залесский И. П. (1854—?). Окончил одесское пехотное юнкерское училище. В Отдельном корпусе жандармов с 13.06.1894 года. Помощник начальника штаба Отдельного корпуса жандармов (с 31.07.1905), в распоряжении министра внутренних дел (с 30.06.1913). Полковник (с 14.05.1896), генерал-майор (с 6.12.1904), генерал-лейтенант (с 14.04.1913). Семеро детей.

<sup>16</sup> Конференция представителей 29 железных дорог и Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза 7 декабря 1905 года поддержали решение Советов рабочих депутатов Москвы и Петербурга о всеобщей политической забастовке. В первые 3—4 дня остановились почти все железные дороги, кроме Николаевской. Одновременно проходила стачка почтово-телеграфных служащих. Во второй половине декабря движение поездов и работа почты, в основном, возобновились.

<sup>17</sup> Фон Таубе Ф. Ф., барон (1857—?) Окончил 1-е Павловское военное училище (1877) и Николаевскую академию Генерального штаба (1884). Генерал-лейтенант с 1907 года. Войсковой наказной атаман Войска Донского.

<sup>18</sup> Шафалович В. Н. (1849—?) В Отдельном корпусе жандармов с 1876 года. Начальник Тульского ГЖУ с 13.01.1906 года. Полковник.

Павлов А. А. (1871—?). В Отдельном корпусе жандармов с 23.09.1903 года. Помощник начальника Тульского ГЖУ с 9.08.1906 года. Ротмистр с 6.12.1903 года.

Логухин В. А. (1865—?). Вице-губернатор с 1904 года в Екатеринославе, Туле. С 1910 года — губернатор в Перми, Новгороде, Туле, Вологде.

Арцимович М. В. — действительный статский советник, камергер.

<sup>19</sup> Статья 129 Уголовного Уложения предусматривала ссылку на поселение, заключение или каторгу до 8 лет за произнесение публичных речей, сочинение или распространение литературы, призывающей к ниспровержению существующего строя, неповиновению закону и т. п. действия.

<sup>20</sup> И. Л. и М. Л. Толстые — сыновья Л. Н. Толстого, И. Л. (1866—1933) — второй сын писателя, служащий земского банка. В 1916 году уехал в США. М. Л. (1879—1944). Всего у Л. Н. было 9 сыновей, из них четверо умерло в младенчестве.

<sup>21</sup> Наливкин В. П. (1852—1918) — общественный деятель, писатель, автор трудов по истории Кокандского Ханства. Директор народных училищ Туркестанского края, помощник военного губернатора Ферганской области. Действительный статский советник. Депутат II Государственной думы от города Ташкента, член социал-демократической фракции. В 1917 году — комиссар Временного правительства в Туркестане. Покончил жизнь самоубийством, не приняв Октябрьский переворот.

<sup>22</sup> Автор путаёт. Газета «Искра» издавалась за границей с декабря 1900 года по октябрь 1905 года.

<sup>23</sup> Милица Николаевна (1866—1951, Египет) — Великая княгиня, дочь черногорского князя Николая Негоша, жена Великого князя Петра Николаевича.

<sup>24</sup> Гондатти Н. Л. (1863—?) — шталмейстер Высочайшего двора. Тобольский губернатор, с 1911 года — Приамурский генерал-губернатор.

<sup>25</sup> Варнава (Василий Накропин) — один из приближенных Г. Распутина. В переписке царицы Александры Федоровны упоминался под прозвищем «Суслик». Архиепископ Тобольский и Сибирский.

<sup>26</sup> Лбов А. М. (псевдонимы: Семен Лещ, Длинный) [11.03.1876—2.05.1908] — командир боевой дружины во время восстания в Мотовилихе (Пермь) 12—13 декабря 1905 года. После подавления восстания с группой боевиков ушел в лес. Действовали под именем «лесные братья», «коммунисты-анархисты». Занимались реквизицией денег, взрывчатки, убивали отдельных представителей власти. Среди наиболее громких дел ограбление парохода «Анна Степановна Любимова» на Каме в ночь на 3.07.1907 года, склада Нобеля и т. д. Лбов был схвачен 17 февраля 1908 года в г. Ноллинске и повешен в ночь на 2 мая 1908 года во дворе тюрьмы в г. Вятке.

<sup>27</sup> Курлов П. Г. (1860—1923) — минский губернатор (1905—1906), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909—1911). Считался главным виновником гибели П. А. Столыпина.

<sup>28</sup> Энгбрехт В. Э. (1868—?). Закончил Константиновское военное училище в 1889 году. В Отдельном корпусе жандармов с 19.03.1896 года. С 11.12.1914 года начальник Охранного пункта на Средне-Азиатской железной дороге. Полковник.

<sup>29</sup> Герасимов А. В. (1861 — после 1933) — генерал-лейтенант, начальник С.-Петербургского охранного отделения (3.02.1905—25.10.1909), генерал для особых поручений при МВД (до 1914). С 1914 года в отставке. Эмигрант. Автор мемуаров «На лезвии с террористами».

<sup>30</sup> Бакай М. Е. (1878 — после 1931). В мае 1902 года был арестован по обвинению в принадлежности к социал-демократам. Был завербован на службу в Охранное отделение. С декабря 1903 года служил в Охранном отделении в Варшаве. В 1905 году вышел в отставку, связался с известным разоблачителем политических провокаторов В. Л. Бурцевым, дав ему обширную информацию. В 1907 году был арестован, сослан. Из ссылки бежал. Опубликовал в Париже записки о «черных кабинетах» в России. В 20-е годы служил инженером во Французском Конго.

<sup>31</sup> Гартвельд (правильно «Хартвельд») Вильгельм Наполеонович (Юлиус Наполеон Вильгельм) (5.04.1859, Стокгольм — 1.10.1927, там же). Швед. В 1882—1918 годы жил в России. Автор опер, романсов. В 1908 году посетил Сибирь. В 1909 году организовал концерты-лекции во многих городах, пропагандируя музыкальный фольклор сибирской каторги. Издал несколько песенных сборников («Песни каторги. Песни сибирских бродяг и каторжников. СПб., 1908»). 12 песен в его обработке были записаны на грампластинках и изданы в 1909 году. С 1919 года — в Константинополе, с 1920 года — в Швеции.

<sup>32</sup> Гершельман Д. К. (1859—1913). Окончил Пажеский корпус (1877), Николаевскую академию Генерального штаба (1884). В 1903—1904 годы — командир 145-го Новочеркасского и 148-го Каспийского пехотных полков. С 1904 года в Главном штабе. С октября 1907 года — начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. Генерал от инфантерии (1913).

<sup>33</sup> Бабкин А. А. (1865—?). Окончил Чугуевское юнкерское пехотное училище (1877). В Отдельном Корпусе Жандармов с 31.01.1881 года. Начальник жандармского полицейского управления Ташкентской железной дороги (с 1.10.1907). Полковник (с 2.04.1906).

<sup>34</sup> Ломоносов Ю. В. (1876—1952) — крупный специалист железнодорожного дела. Закончил институт инженеров путей сообщения (1898). Занимал административные и научные посты, профессор. После Февральской революции 1917 года некоторое время управлял министерством

путей сообщения. С апреля 1917 года — в заграничной командировке. В сентябре 1919 года вернулся в Советскую Россию. Занимал руководящие посты в наркомате путей сообщения, член президиума ВСНХ. В 1922 году во главе Российской железнодорожной миссии направлен в Германию. С 1927 года — невозвращенец.

<sup>35</sup> Рухлов С. В. (1852—1918) — действительный тайный советник, министр путей сообщения (1909—1915).

<sup>36</sup> Сухомлинов В. А. (1848—1926) — генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии. Военный министр (1909—13.06.1915). Арестован 29.04.1916 года по обвинению в государственной измене. Находился в Петропавловской крепости. Суд проходил в августе-сентябре 1917 года. Признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне. Приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением. По амнистии 1 мая 1918 года освобожден по возрасту. Эмигрировал в Германию.

<sup>37</sup> Абдулахад (?—22.12.1910) — Эмир Бухарский.

Сеид Асфендиар Багадур-хан — Хан Хивинский.

<sup>38</sup> Константин Константинович (1858—1915) — Великий князь, сын Константина Николаевича и внук Николая I. Президент Академии наук (1889—1915). В 1900—1910 годы — главный начальник военно-учебных заведений, затем генеральный инспектор. Поэт и драматург.

<sup>39</sup> В апреле 1875 года указом Александра II уральские казаки-старообрядцы были в административном порядке исключены из казачьего сословия и сосланы в район реки Аму-Дарья.

<sup>40</sup> Бекович-Черкасский А. (?—1717). Кабардинский князь. С начала XVIII века на русской службе. В 1717 году по приказу Петра I возглавил русскую военную экспедицию в Хиву. Убит по приказу Хивинского Хана.

<sup>41</sup> Офицерская мишень — круглая мишень, диаметром 280 см для офицерской стрельбы из винтовок и револьверов. Расчерчивалась на 14 кругов радиусами по 10 см.

<sup>42</sup> Трещенков Н. В. (1875—1915). Окончил Александровское военное училище (1896). В Отдельном корпусе жандармов с 12.05.1902 года. Пом. начальника Тобольского ГЖУ с 4.04.1910 года. Штаб-ротмистр. Командовал расстрелом рабочей манифестации на Ленских приисках 5 апреля 1912 года. Погиб во время Первой мировой войны.

<sup>43</sup> Максимов С. А. (1862—?). В Отдельном корпусе жандармов с 9.03.1893 года. Начальник жандармского полицейского управления Средне-Азиатской железной дороги (с 11.07.1908), Московского ЖПУ железных дорог (с 11.06.1913). Полковник.

Фон Франкенштейн Е. В. (1875—?). В Отдельном корпусе жандармов с 15.05.1887 года. Начальник ЖПУ Средне-Азиатской железной дороги с 24.07.1914 года. Генерал-майор (с 6.12.1914).

<sup>44</sup> Самсонов А. В. (1859—1914) — начальник штаба Варшавского военного округа (с 1906), наказной атаман Донского казачьего войска (с 1907), Туркестанский генерал-губернатор и командующий Туркестанским военным округом, атаман Семиреченского казачьего войска (с 1909). Генерал от кавалерии (1910). С началом Первой мировой войны командующий 2-й армией. Руководил наступлением в Восточной Пруссии. Застрелился, будучи в окружении.

<sup>45</sup> Саид Алимхан (?—30.04.1944, Афганистан) — Эмир Бухарский в 1911—1920 годы. В течение трех лет обучался в С.-Петербурге. В 1896 году сдал экзамены за курс кадетского корпуса. В августе 1920 года свергнут с

престола так называемыми «младобухарцами» при поддержке Красной Армии. В марте 1921 года со своими сторонниками бежал в Афганистан.

<sup>46</sup> Карташева А. Г. Вдова войскового старшины Оренбургского казачьего войска. Совершила пробег длиной 12060 верст (около 12865 км) верхом по маршруту Харбин (Северо-Восточный Китай) — Петербург с мая 1910 года по август 1911 года. Подарила коня цесаревичу Алексею. Второй поход провела в 1913 году по маршруту Владивосток — Петербург на жеребце Крит.

<sup>47</sup> Николай Константинович (1850—14.01.1918) — Великий князь, сын Константина Николаевича, внук Николая I. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В апреле 1874 года совершил кражу бриллиантового украшения со свадебной иконы родителей. Был признан душевнобольным. В последующие годы жил под наблюдением полиции в различных районах империи (Крым, Оренбург, Самара и т. д.). С лета 1881 года — в Ташкенте. Организовал и провел ряд экспедиций по изучению Арала, начал строительство канала с целью орошения так называемой «Голодной степи», вел благоустройство Ташкента (мошное улиц, открытие зверинца и т. п.). Был торжественно похоронен большевиками в центре Ташкента.

«Ника»<sup>1</sup>

## ВОСПОМИНАНИЯ ЖАНДАРМСКОГО ОФИЦЕРА

### Предисловие

Приступая к печатанию своих воспоминаний я имел цель ознакомить читателей с жандармской службой в России до 1916 года; о корпусе жандармов слишком много ходило различных, ни на чем не основанных слухов, обвиняли в чем угодно, говорили, что чины корпуса жандармов безответственны, называя их «Государством в государстве». Здесь, в своих воспоминаниях, я не скрываю отрицательных сторон корпуса, пускай же беспристрастный читатель судит сам — нужен ли был в России корпус жандармов и укажет страну, где бы не было политической полиции под различными наименованиями, не забывая только, что по отдельным случаям, вроде приводимых мной ниже, нельзя строить общее обвинение. Много теперь говорят, что большая часть жандармов перешла к большевикам — это ни на чем не основанное обвинение: из 1000 человек бывших офицеров корпуса свыше 500 человек было расстреляно большевиками еще после первого покушения на Ленина, свыше 200 с лишним — эвакуировались за границу, и я мог бы назвать их по фамилиям, часть убита в гражданскую войну, перейдя в строй, и часть пропала без вести. Я думаю, что человек 50 и служат, хотя по фамилиям знаю лишь генерала Комиссарова; что правда — это то, что к большевикам перешло много бывших унтер-офицеров и филеров — и все же это небольшой процент, однако о нас кричит вся заграничная печать, замалчивая совершенно о 90% офицеров генерального штаба, перешедших на службу к большевикам<sup>2</sup>.

### Подробности последнего ареста «бабушки» русской революции Брешко-Брешковской<sup>3</sup>

Пролетевшая почти по всей России в 1905—1906 годах гроза революционного движения заставила правительство серьезно задуматься над опасностью этого движения и необходимостью энергичной борьбы с ним, тем более, что хотя, после первоначальных арестов виновников, почти все главари и ушли в подполье или эмигрировали за границу, но лишь на короткое время, и с начала 1907 года вновь начали проявлять свою деятельность.

Во многих губернских городах были смещены или вовсе уволены в отставку начальники губернских жандармских управлений, в руках которых был сосредоточен политический розыск; на их места начали назначать более молодых и энергичных офицеров, проходивших специальные юридические курсы и дело политического розыска.

Весной 1907 года и я попал в число таких лиц и был назначен в Симбирское губернское жандармское управление со специальным поручением; там я застал начальником полковника Дубельта<sup>4</sup> — племянника знаменитого когда-то начальника III-го отделения генерала Дубельта, племянник был совершенно не похож на своего родственника полным непониманием дела и потому месяца через 3—4 был уволен в отставку и заменен энергичным и опытным полковником Шабельским<sup>5</sup>.

В Симбирской губернии в это время довольно успешно работали социалисты-революционеры и их детище: «крестьянский союз». Террористическая группа этой организации свила себе крепкое гнездышко на Поволжье, и, в частности, в Симбирской губернии. Убийство симбирского губернатора Старкевича на глазах многочисленной публики и полиции, постоянные поджоги и разгромы помещичьих усадеб, экспроприация, убийства и покушения на мелких чинов полиции — все эти выступления ясно говорили об энергичной работе социалистов-революционеров. Напротив, социал-демократы ни в чем себя не проявляли. Надо было принимать сильные меры, и вот, под руководством полковника Шабельского, я приступил к делу, хотя и побаивался за успех, так как был еще тогда мало опытен.

Вскоре, благодаря удачной ликвидации деятельности социал-революционеров, мне удалось приобрести дельных агентов-сотрудников, и почти 1/3 местного комитета партии С.-Р была у меня в агентуре.

Правда, местный комитет был с нашей точки зрения очень не высокого качества: он состоял преимущественно из молодежи от 18 до 30 лет, полуграмотных фабричных рабочих и учащихся.

Сотрудники оплачивались до смешного мизерно: от 10 до 50 рублей в месяц.

К лету 1907 года наступило затишье, и это обстоятельство видимо начало тревожить областной Поволжский комитет партии, заседавший в то время в Самаре.

Стали поступать сведения, что комитет этот для поднятия работы организации созывает в Симбирске съезд работников «крестьянского союза», и что на съезде будет также и член поволжского областного комитета.

Мы насторожились. В это время один из сотрудников (их всегда было по несколько человек одной и той же организации, чтобы можно было проверять сведения одного через другого) на конспиративном свидании

со мной сообщил, что съезд приурочивается ко дню празднования местной чтимой иконы Божьей Матери, что в местном комитете обсуждается вопрос, куда поместить приезжающего члена областного комитета, что первоначально решено было у доктора Соколова, но после долгих споров, ввиду того, что Соколов был хорошо известен жандармскому управлению (он раз пять обыскивался и арестовывался, был привлечен к дознанию по 132 ст. Уголовного Уложения за хранение нелегальной литературы, но потом выпущен под залог)<sup>6</sup>, остановились на одном известном учителе, который по нашим сведениям неоднократно оказывал услуги революционерам, но сам в организации не состоял. О том, что учитель этот нам был известен, в организации ничего не знали.

Получив эти сведения, я и виду не подал сотруднику, что они меня заинтересовали, стал с ним говорить о посторонних предметах и вскоре прекратил свидание. Сотрудник этот был молодой человек двадцати двух лет, служил в уездной управе, был малоинтеллигентен, правдив, говорил мало, но очень любил выпить, после чего у него можно было выпытать все. И все-же я ему не поверил, а потому после свидания поехал к начальнику управления и доложил все подробно. Начальник Управления посоветовал мне на время бросить этого сотрудника и путем разговора с другими проверить сведения первого. Я так и сделал. При первом же вопросе новому сотруднику: «Ну что слышно о съезде?», он почти слово в слово повторил сведения первого. Ясно было, что тот не лгал и, только благодаря конспиративности местного комитета я узнал о такой важной вещи. Я снова связался с первым сотрудником и примерно через неделю он в спешном порядке вызвал меня на конспиративную квартиру и взволнованно заявил, что на другой день приезжает из Саратова вместе с членом областного комитета «Бабушка».

Сообщение это было настолько маловероятно, что я опять не поверил и сказал сотруднику: «Ну, это пустяки». Да и как можно было верить, когда «Бабушка», по розыскным циркулярам Департамента полиции, в это время должна была проживать за границей. На деле же, как потом выяснилось, она уже порядочное время проживала в Саратове, под самым носом у охранного отделения, и чуть ли не на той же даче, где жил и начальник этого отделения. Я был ошеломлен. Считаясь с тем, что выпускать теперь сотрудника опасно, так как были случаи, когда сотрудник, давши серьезные показания и испугавшись за последствия, старался предупредить организацию, я, выйдя под благовидным предлогом, приказал хозяину квартиры напоить сотрудника и не выпускать его до моего распоряжения (хозяин конспиративной квартиры был «свой человек»), а сам немедленно отправился в управление, где мы с полковником Шабельским обсудили дело, вызвали филеров, раздали им фотографии карточки «Бабушки», назначили их на пароходные пристани и железнодорожный вокзал, взяли в наблюдение всех наличных членов С.-Р. партии, проживавших в это время в Симбирске, и, в том числе, квартиру вышеупомянутого учителя. Ночь и следующий день я сильно нервничал, но все шло хорошо. К вечеру возвратились с пристаней филеры и доложили, что действительно с одним из пароходов прибыла похожая на изображенную на фотографии старушка (ни фамилий, ни кличек выслеживаемых лиц никогда агентам наружного наблюдения, во избежание провала, не говорилось), остановилась в доме на одной из поперечных улиц около Почтамтской — это и был адрес этого учителя. Послав туда дополнительный



наряд филеров, я несколько успокоился, но все же еще не был уверен, что приехала именно «Бабушка», и около 11 часов вечера, с нарядом полиции и жандармов, лично отправился в этот дом, чего прежде никогда не делал.

Окружив дом, я вошел туда с полицейским приставом и тремя жандармами: это была небольшая квартирка из двух маленьких комнат и кухни. Хозяин-учитель — невзрачный человек, и его болезненная на вид жена, встретили нас очень взволнованно. Произведя личный и на квартире обыск, я сделал сначала вид, что совершенно не обращаю внимания на сидевшую в углу второй комнаты старушку, которая все время крестилась и что-то шептала себе под нос. Наконец я обратился к ней:

— А вы кто?

«Бабушка», не смутившись, тоном старушки-богомолки ответила: «Да вот, батюшка, не знаю, как Вас величать, приехала в Симбирск из Ардатов на богомолье — чай завтра Престол Владычицы».

— А есть ли у Вас паспорт, и кто Вы? — снова спросил я.

— Есть, сударь! Я ардатовская мещанка Екатерина Кочеткова, — ответила она и, достав паспортную книжку из-за пазухи, подала мне. Я не стал ее более допрашивать, а приказав бывшей с нами женщине произвести личный обыск старушки, заявил «Бабушке», что для удостоверения личности она задерживается и будет отправлена в полицию. Затем, отозвав в сторону полицейского пристава, я приказал ему отвезти арестованную в полицейскую часть, а позже ночью — перевезти ее под конвоем оставленных в его распоряжении двух жандармов в женскую тюрьму, причем иметь самое тщательное наблюдение, ибо арестованная «очень важная».

При обыске у «Бабушки» обнаружено было несколько расписок Саратовской почтовой конторы, по которым впоследствии были арестованы весьма видные члены социал-революционной организации, и чуть ли не Чайковский<sup>7</sup>. В эту же ночь была произведена ликвидация всей местной организации социалистов-революционеров, причем найдено было много нелегальной литературы, переписка и печать местного комитета, а также были арестованы почти все съехавшиеся работники «крестьянского союза» и, таким образом, работа этой организации надолго заглохла в Симбирской губернии. На другой день я стал допрашивать «Бабушку» в порядке формального дознания, но она на все вопросы отказывалась отвечать и подписывать протокол. В Ардатове (Симбирской губернии) был произведен обыск у мещанки Кочетковой, которая оказалась налицо, ничего компрометирующего у нее найдено не было, и она при допросе сказала, что паспорт ею был утерян еще год тому назад, о чем она заявила полиции; это подтвердилось и Кочеткова была оставлена на свободе.

В сущности, мы поторопились, не дав состояться съезду и лишь тогда арестовать «Бабушку» вместе со съездом, пока же ей ничего не грозило: она не была установлена как Брешко-Брешковская, и потому ей можно было инкриминировать лишь проживание по ложному паспорту. Жандармское Управление конечно, не сомневалось, что Кочеткова — это Брешко-Брешковская, но для суда этого было мало. Вот почему Департамент полиции телеграфно приказал мне доставить лично «Бабушку» в Петербург, где легче было установить ее личность и предъявить обвинения в бегстве из ссылки, что впоследствии и случилось, и бедная «Бабушка» снова была сослана в Сибирь, где и пробыла до последней революции.

Через несколько дней я повез «Бабушку» в арестантском вагоне под конвоем. Между прочим, мне необходимо было к дознанию иметь для сличения обнаруженных по обыскам в Саратове у различных лиц писем «Бабушки», ее почерк, но так как «Бабушка», как уже сказано, отказывалась писать и подписывать протоколы, то я придумал следующее: арестованной полагалось 25 коп. кормовых денег, а потому, подъезжая к Петербургу, я послал через бывшего со мной вахмистра в купе арестованной деньги с расходной книжкой и приказал дать арестованной расписаться в книжке в получении денег. Если бы это удалось, я совершенно законно получил бы несомненный почерк госпожи Брешко-Брешковской, а следовательно и улики против нее, но хитрость моя не удалась. Вахмистру я, конечно, не говорил о своем плане. Вскоре он вернулся, видимо, чем-то смущенный, и на мой вопрос: «Ну что, подписалась?», ответил: «Никак нет». — «Но почему? Говори, а не мнись!» — сказал я строго. Покраснев, старый служака ответил: «Она сказала, передай своему офицеру, что он молод еще ловить меня на этом». Можно себе представить мое положение. Неопытность моя натолкнулась на опыт старой революционерки. Я очень заинтересовался «Бабушкой» и, войдя к ней в купе, просидел у нее до прихода поезда в Петербург, все время беседуя с ней. «Бабушка» встретила меня с насмешливой улыбкой, но вежливо; когда я сказал, что ее осторожность вряд ли ей поможет, она ответила: «Ну, а Вы-то чего стараетесь, вот приедем в Питер — все выяснится» и прибавила: «Стыдно Вам, молодому человеку, было идти в жандармы»? На это я мог лишь ответить, что в каждом благоустроенном государстве есть политическая полиция, иначе оно существовать не может, и что лично меня несколько не шокирует моя служба — это дело убеждения, а вот у меня не укладывается в голове убийство революционерами мелких чинов администрации... — «Мы ведем с правительством войну, а на войне все средства хороши», — ответила «Бабушка».

Приехав в Петербург, я сдал «Бабушку» в охранное отделение неизвестному генералу Комиссарову, ныне перешедшему в большевистский стан и ставшему и мне, и «Бабушке» общим врагом.

Маленькая подробность: сотрудник, выдавший «Бабушку», был выпущен на другой день после ее ареста, и ему было выдано вознаграждение 100 рублей. Он вскоре спился, и я его потерял из виду.

#### Моя служба при генерале Комиссарове<sup>8</sup>

В 1909 году я был переведен из Симбирска сначала в Пинск, Минской губернии, а затем через год в Пермь. К своей службе в Пинске я еще вернусь в своих воспоминаниях, теперь же я хочу остановиться на некоторых случаях служебной деятельности в Перми, ярко характеризующих ныне известного «сменовеховца»<sup>9</sup> генерала Комиссарова.

Ко времени моего приезда в Пермь, Жандармское губернское управление, называвшееся и районным Охранным Отделением, кроме чисто местных обязанностей, главным образом вело агентурное освещение трех губерний — Вятской, Пермской и Тобольской, то есть у нас сконцентрировались все сведения о революционной работе этого громадного района, по площади превосходящего всю Западную Европу. наших офицеров на этот район было очень мало, и потому наша борьба с революционерами велась довольно слабо, хотя работа революционных организаций сильно

понизилась. Успешно работали под различными флагами лишь бандитские шайки, преимущественно ссыльных кавказцев, но наиболее энергично и неуловимо шайка известного в то время разбойника Лбова<sup>10</sup>. После долгих и неудачных выступлений с нашей стороны, наконец удалось ликвидировать и эту шайку, путем вкрапливания в нее своих людей из местных рабочих, которых Лбов охотно принимал, так как его шайка почти вся состояла из таких же рабочих. Причина первоначальных наших неудач заключалась в том, что помогали и укрывали его крестьяне и рабочие, так как он их никогда не трогал, а иногда даже раздавал деньги наиболее бедным.

Как известно, в круг обязанностей Жандармского управления не входила борьба с уголовным элементом, и чтобы не показалось странным, что мы занимались преследованием бандитов вроде Лбова, не нужно забывать, что они работали, как уже сказано, прикрываясь революционными лозунгами. Лбовцы, называя себя максималистами, делали это для того, чтобы снискать себе до известной степени симпатии народа. Почти всегда при дознаниях выяснялась полная их неприкосновенность к революционным организациям.

Вскоре до сведения Управления дошли слухи, что к нам назначается из Красноярска начальником Управления полковник Комиссаров, о котором уже и тогда говорили мало лестного. На личности полковника Комиссарова я должен несколько остановиться: по происхождению казак, он молодым офицером перешел из артиллерии в корпус жандармов, совершенно беспринципный человек, способный на что угодно, вплоть до убийства мешавшего ему по каким-либо причинам человека, пьяница, развратник, наглец и провокатор; но он умел импонировать начальству, почему и быстро делал карьеру — уже к 30 годам он был произведен в полковники. Наружности отталкивающей: высокий, полный, с красным лицом и серыми глазами, бегающими под синеватыми очками. Женился он также не по-человечески: воспользовавшись отсутствием своего начальника — он увез его жену, предварительно взломав его письменный стол и вытащив 10 000 рублей, а также сняв в гостиную тяжелую дорожную люстру, когда-то бывшую во дворце принца Ольденбургского, — все это он проделал, будучи помощником начальника Петербургского охранного отделения, начальником которого был расстрелянный большевиками генерал Герасимов<sup>11</sup>. «Это называется, — говорил нам Комиссаров, — взять жену с приданным».

Нет сомнения, что уже тогда Комиссаров держал в своих руках Департамент полиции, коему был подчинен, и только этим обстоятельством объясняется, что его не выгнали тогда со службы, а лишь выслали в глухую провинцию — Красноярск. Он должен был на это согласиться, ибо все же эта высылка сопровождалась назначением на должность начальника управления, что для него, молодого человека, в 30 лет, хотя и не было карьерой, но все же было лестно. Если вспомнить печатание Комиссаровым в стенах Департамента полиции погромных прокламаций от имени Союза Русского Народа, то станет отчасти понятна зависимость Департамента полиции от полковника Комиссарова, но это, конечно, не все. Ясно, что он знал много тайн этого учреждения, да он и не скрывал этого и не раз, подвыпивши, хвастался перед нами, что владеет важными документами, за которые Департамент полиции ему простит все — это так и было, и все мы в этом убедились впоследствии.

Приехав к нам, полковник Комиссаров вскоре увидел, что Пермь для него мала, ему нужна была шумиха, а здесь было тихо, революционеры же как назло почти совсем замолкли. При таких обстоятельствах карьеры не сделаешь. Нужно было что-нибудь придумывать, и он придумал.

Однажды, месяца через два после своего назначения, полковник Комиссаров собрал всех нас, офицеров, вечером в управлении и стал жестоко критиковать нашу работу, говоря, что агентура наша никуда не годится, что мы ее не умеем вести, что мало еще знать, что делается в неприятельском лагере, а нужно уметь, если он себя не проявляет, вызвать его на это проявление, и он покажет, как надо делать, и действительно впоследствии показал, так что мы рты разинули от удивления.

— Так вот господа, — сказал Комиссаров, — Вы сами видите, что дело идет плохо, а потому с этого момента агентуру по региону я беру на себя, и Вы увидите, что я сделаю.

Нам это показалось хоть и странным, но все мы думали, что ведь о Комиссарове говорили, что он «Бог розыска». Почем знать, быть может он действительно покажет нам такие приемы, о которых мы, провинциальные офицеры, понятия не имеем.

Чтобы было более понятно, почему нам показалось странным новое распоряжение Комиссарова, я должен разъяснить инструкцию тогдашнего нашего управления: между всеми офицерами роли были распределены так, что меньшая часть ведала агентурой в городе и уезде, а остальная, большая часть, по району — причем, каждый имел определенную революционную организацию. Так я, например, ведал социал-демократической, а следовательно все сведения по ней сконцентрированы были по всему району у меня. Отнимая у нас агентуру, полковник Комиссаров тем самым убивал сразу двух зайцев: во-первых, мог ездить постоянно по всему громадному региону и получать за это большие прогонные деньги (ему полагалось на 6 лошадей по 3 копейки с версты и лошади, так что каждая поездка давала 200—300 рублей); во-вторых, он ставил нас всех в такое положение, что мы делали при управлении простыми писцами и потому в любой момент он мог всех нас обвинить перед Департаментом полиции (все служащие охранных отделений подчинялись непосредственно Департаменту полиции) в бездеятельности и, по его представлению, Департамент полиции мог каждого сменить с должности, то есть с 350—400 руб. посадить на 100 рублей в месяц. Комиссарову это нужно было для того, чтобы на наши места посадить своих офицеров, для него более подходящих, что он в конце концов и сделал.

Вскоре Комиссаров призвал меня и сказал, что я должен буду ехать в Тюмень, где социал-демократы стали интенсивно работать, и в доказательство своих слов, он показал мне, якобы выпущенные там в последнее время листовки, напечатанные на типографской машине, в которых Российская социал-демократическая рабочая партия призывает рабочих к забастовкам, так как де капиталисты, несколько спустив вожжи после революции 1905 года, вновь теперь стали сильно эксплуатировать рабочих. На листовке этой был оттиск печати: «Тюменский комитет Российской социал-демократической рабочей партии». Тут же он меня ознакомил со всеми поступившими к нему по этому делу сведениями.

— Ну, а теперь вы завтра же, взяв с собой отряд филеров, отправляйтесь в Тюмень, где войдете в связь с местным жандармским офицером, а потом, по окончании работы наружного наблюдения (филеров) — ликвидируйте

организацию, — сказал он мне. О том, что в Тюмени был у него районный сотрудник по кличке «Американец», он мне ничего не говорил.

На другой день отправив утром филеров вперед, я сам вечером в штатском костюме поехал в Тюмень, обдумывая по дороге, под каким в сущности соусом мне явиться в маленький городок, где, как новое лицо я, конечно, обращаю на себя внимание, и, наконец, решил назваться горным инженером. Это было наиболее удачное разрешение вопроса, так как в Тюмень приезжало много таких лиц и на них мало обращали внимания, избавляя от расспросов местного общества, состоявшего из купцов, мещан и мелких чиновников. Остановился я в одной из гостиниц под чужой фамилией и немедленно же дал знать о себе шифрованным письмом местному жандармскому офицеру. Приблизительно месяц работы наружного наблюдения привел все нити к одной квартире, в которой, как выяснилось, проживал молодой человек без определенных занятий, видимо, не особенно стеснявшийся в средствах. Все установки и выяснение лиц я делал через местного жандармского офицера, очень медлительного человека, явно неохотно исполнявшего мои поручения. Это для меня было понятно: он был старше меня и в чине и по службе, и потому эти поручения его как бы унижали. Кроме того, он выполнял их грубо, требуя не через полицию, а непосредственно от себя домовые книги. Я принужден был, боясь провала, сначала предостерегать, а затем даже припугнуть его доношением по начальству. Как ни странно, но провала, видимо, не было, ибо все наблюдаемые, по докладам филеров, сидели на местах.

Итак, через месяц я решил приступить к ликвидации и только тогда попросил местного офицера пригласить представителей полиции, то есть исправника, полицмейстера, всех наличных приставов и городских с таким расчетом, чтобы хватило наряда на 25 обысков. Он тут же сделал распоряжение, и я остался у него ожидать прибытия нарядов. Я нарочно до сего времени не знакомился с представителями полиции, чтобы заранее не раскрывать свое инкогнито и тем избежать возможности провала, но каково было мое удивление, когда полицмейстер, при представлении, сказал мне: «Я давно уже знаю о Вашем приезде — мне говорил М. И., и указал на местного жандармского офицера». Мне это совсем не понравилось, но что было делать; я видел, что и хозяин мой сильно сконфузился.

Около 12 часов ночи наряд полиции отправился на обыски, а я остался у офицера ожидать результата. К утру в полицию доставили около 20 арестованных, то есть таких, у которых по обыскам находили что-либо компрометирующее их в политическом отношении. Казалось, дело прошло блестяще, но при первых же допросах выяснилось, что дело-то далеко не блестяще, а скорее скандально: один из арестованных, к которому, как я уже говорил, вели все нити, вдруг заявил мне: «Ну, Вы меня, вероятно, сегодня же отпустите, хоть у меня и найдено кое-что; короче говоря, — я сотрудник Вашего Управления «Американец»». «Вот так штука! — подумал я, — почему же меня не предупредил Комиссаров?» Выпускать «Американца» было уже поздно, так как один из ранее допрошенных заявил, что найденный у него типографский станок дан ему этим сотрудником (к сожалению, я не помню теперь фамилию этого молодца; знаю только, что он был привезен Комиссаровым из Сибири) и освободи я его теперь, он конечно, был бы окончательно провален и к дальнейшей работе непригоден.

Не так посмотрел на дело полковник Комиссаров, которому я сейчас же шифрованной телеграммой дал знать о случившемся. Ответной теле-

граммой он приказал мне сотрудника «Американца» освободить. При дальнейших допросах вполне было установлено, что «Дело о Тюменской организации Российской социал-демократической партии», как громко оно было озаглавлено, спровоцировано было «Американцем», с согласия полковника Комиссарова. Ясно, что на суд его ставить было невозможно, и тогда оно было направлено в административном порядке: часть арестованных была выслана в отдаленнейшие местности Сибири, а другая, после месячного сидения в тюрьме, выпущена под надзор полиции. Конечно, после этого Комиссарову надо было избавиться от меня, чего он и добился, написав в Департамент полиции, что я умышленно провалил сотрудника; после этого никакие мои оправдания не помогли, и меня перевели начальником жандармского отделения сибирской железной дороги. Это было еще хорошо. В этом мне помог бывший тогда начальником штаба корпуса жандармов генерал Гершельман<sup>12</sup>, ненавидевший Комиссарова.

Как мне потом объяснили, полковник Комиссаров был уверен, что я сам пойду на обыск к «Американцу» (он отлично понимал, что все нити поведут к нему) и там, по заявлению сотрудника, я устрою ему побег на месте же, но так как его расчет не оправдался, и нити провокации скрыть не удалось, то меня надо было убрать, что он и сделал. За мной при такой же обстановке ушел из Управления ротмистр Н., но без назначения на штатную должность.

Продолжая, правда, недолгую службу в Перми, полковник Комиссаров не раз прибегал к провокации при помощи нового сотрудника по кличке «Племянник», которого также выписал из Красноярска. Сейчас я не могу, к сожалению, припомнить конкретных данных о его провокационной деятельности, но, между прочим, знаю, что для того, чтобы взять в руки тогдашнего губернатора Болотова, милейшего человека, Комиссаров пугал его несуществующими заговорами на его жизнь.

Все сходило с рук Комиссарову. Так, например, он однажды, будучи приглашен Болотовым на какой-то званый не то обед, не то ужин, там так напился, что не помня что делает, полез в спальню губернатора, там ему стало дурно и он запакостил кровать губернаторши. Тут даже добрейший Болотов не выдержал и кажется написал в Департамент полиции. Другому, конечно, не сошло бы это с рук, ну а Комиссаров отделался выговором и вскоре переведен был в Петербург, то есть куда он и сам хотел, и он был даже произведен в генералы. Там он состоял офицером для поручений при Департаменте полиции, охраняя Распутина и провоцируя и его, и правительство.

Уже после большевистского переворота я как-то был в Москве, проходя по Тверской, увидел автомобиль, в котором ехали два штатских человека, и в одном из них я узнал Комиссарова. Это меня очень поразило, так как в то время жандармские офицеры усиленно скрывались, совершенно основательно боясь начавшегося уже красного террора, ибо на них он обрушился в первую очередь, и вдруг такая величина, как Комиссаров, разъезжает открыто в автомобиле — уж его-то не могли не знать большевики! Впрочем, для меня все стало ясно, когда я прочел в одной, тогда еще почему-то не закрытой, меньшевистской газете статью «генерал Комиссаров среди комиссаров». Я сделал вырезку из газеты и долго хранил ее, но потом пришлось сжечь вместе с другими документами, — слишком опасно, да и я уже собирался бежать на Украину, куда и прибыл благополучно в конце июля 1918 года.

Из Симбирска я был переведен на самостоятельную должность в Пинск, Минской губернии. В район моих действий входили: Пинский, Речицкий и Мозырский уезды.

Здесь я натолкнулся на целые залежи неоконченных формальных дознаний в порядке 1035<sup>13</sup> ст. Устава Уголовного судопроизводства, которые велись годами. Объясняется это тем, что почти все обвиняемые по этим дознаниям были евреи, у которых по обыскам находилась масса писем сородичей (евреи вообще любят писать письма по самым ничтожным поводам — ни у одного народа вы не встретите этой любви к писанию ненужных писем). Все эти письма указывали, что обвиняемые имели политические связи почти со всем миром, а потому у авторов приходилось своим порядком производить обыски, допрашивать, а подчас и арестовывать их и, таким образом, как снеговой катящийся ком, дознания все нарастали и нарастали и в конце концов получались целые громадные тома, которым не предвиделось конца, а, между тем, обвиняемые сидели по тюрьмам, не видя просвета. Кроме того, зачастую письма писались на еврейском языке, приходилось делать переводы через двух переводчиков (одному не доверялось), что отнимало много времени.

По этим дознаниям я детально ознакомился с программами еврейских политических партий, так как к каждому формальному признанию требовалось прикладывать протоколы осмотра программ как обвинительный материал. Все дознания производились в присутствии особо назначенного товарища прокурора, а потому рассказы публики о том, что жандармские власти при дознании допускали полный произвол, не имеют под собой никакой почвы.

В Минской губернии в то время интенсивно работали следующие политические организации: сионисты-социалисты, бундовцы, максималисты и другие<sup>14</sup>.

По моему мнению, «сионисты-социалисты» не представляли опасности для государства, так как конечной их целью было возрождение еврейского народа и восстановление государства в Палестине, и меня, откровенно говоря, очень удивляло, почему наше правительство этому начинанию препятствует.

Пропаганда этих идей в Палестине — вот «преступная деятельность» этих организаций.

Бундовцы — те хоть признавали террор и вообще круг своих политических выступлений не ограничивали Палестиной, а как и все политические организации, шли против русского правительства — это уже, конечно, было недопустимо!

Борьба жандармских властей со всеми этими организациями в Пинске была очень трудна, так как наружное наблюдение здесь, в маленьком городке, почти совсем не могло работать: каждый человек был на счету, а при еврейской любознательности, — в особенности, и потому мне приходилось постоянно переводить филеров, обмениваясь с соседними жандармскими офицерами.

Теперь, кстати, я объясню технику нашего розыскного дела: всякий жандармский офицер обязан был иметь свою агентуру, то есть, во-первых, не менее двух сотрудников по каждой политической организации.

Сотрудниками назывались лица, состоявшие в организации и одновременно дававшие нам сведения. Наша задача по отношению к ним была — взять от них все и ничего, кроме денег, не давать им, иначе говоря, дело жандармского офицера суметь получить от сотрудника все сведения по организации, направляя его в этой работе и указывая нужные пути, ему же никогда не говорить о своих планах и о том, что уже известно. Абсолютно доверять сотруднику никогда не рекомендовалось, ибо это был «обоюдоострый меч» и излишнее доверие приводило к таким печальным результатам, как, например, убийство министра внутренних дел Столыпина, убийство начальника Петербургского охранного отделения полковника Карпова<sup>15</sup>, и много других.

Кроме постоянных сотрудников, у нас были «осведомители», то есть такие лица, которые хотя и не состояли в организации, но тем или иным путем к ней прикосновенных, как, например, хозяева квартир, швейцары, дворники и т. п., и «штучники»: лица, дававшие отдельные сведения и получавшие поштучно за каждое данное сведение, если только таковое подтверждалось. Все сотрудники, штучники и осведомители были под кличками.

Для свидания с сотрудниками мы имели конспиративные квартиры (по большей части не менее двух). На эти свидания офицер всегда ходил сам, не доверяясь никому и должен сказать, что каждый раз, когда приходилось идти на свидание с сотрудниками боевых организаций, как например, максималисты, сердце невольно сжималось! Не знаешь, вернешься ли живым домой... Квартиры эти содержались всегда своими людьми, то есть кем-либо из служащих, преимущественно филеров.

Дабы установить указываемые агентурой лица, их местожительство и связи, кроме сотрудников, или говоря иначе — внутреннего освещения, при каждом из нас состоял отряд филеров, численностью в зависимости от местных условий. Набирались эти люди преимущественно из бывших жандармских унтер-офицеров, городских и других воинских чинов. Они должны были быть здоровы, смелы и находчивы, обладать отличным зрением и крепкими ногами. В их обязанность входило слежка за указанными им лицами, фамилий которых не сообщалось, а сами филеры должны были давать им таковые, сообразно особенностям наблюдаемых. Конечно, филеры в организациях не состояли и именовались по фамилиям, хотя проживали по большей части под чужими именами.

Взяв в наблюдение данное лицо, филер обязан был вести слежку неотступно, если же наблюдаемый встречал кого-либо, то и это новое лицо попадало под его наблюдение, для чего почти всегда ходили по два филера вместе; бывало что попадались такие «стреляные воробьи» из числа наблюдаемых, что буквально загоняли филера и тот зачастую терял такого субъекта из вида, что для филера было весьма неприятно в служебном отношении, так как если такие случаи повторялись часто, то уже такой филер не мог рассчитывать на денежные награды, чем мы обыкновенно их подбадривали, а подчас и рисковали своей службой. Если же попадались наблюдаемые из числа боевых партий, то тут уж держи филер ухо остро, а не то и подстрелят, такие случаи бывали не раз. Ежедневно филеры собирались вечером в управлении и докладывали обо все случившемся за день, причем, о каждом наблюдении писали рапортчики, в которых буквально шаг за шагом описывалось, как провел день наблюдаемый, с кем встречался, где был, что нес, указывалось точно время всего

происходящего. Иногда наблюдаемый долго не выходил из квартиры, а иногда и вовсе — тут филеру совсем приходилось плохо, следовало выжить, несмотря ни на какую погоду, на улице: хорошо, если поблизости какой-нибудь ресторан или кондитерская, тогда он мог переждать там, лишь бы видеть дом наблюдаемого, а то стой на улице! Вообще служба филера была очень тяжела и небезопасна. Более легкая служба была у филеров-извозчиков, велосипедистов и разносчиков.

Как я уже говорил выше, приходилось постоянно менять филеров, но и это мало помогало. Я помню, как однажды ко мне днем прибежал один из филеров и испугано рассказал следующее: ему приказано было неотступно наблюдать за приехавшим в Пинск студентом-максималистом; филер ходил за ним уже с неделю и, видимо, наблюдаемый заметил за собой слежку. Остановившись на пороге кондитерской, он дал поравняться филеру и сказал: «Послушайте, вы обождите здесь с полчаса, а я выпью чайку». Филер, конечно, ничего ему не ответил, прибежал ко мне. Что я мог сказать ему... Пришлось перевести в Минск.

В другой раз был такой случай. Один из наблюдаемых, также заметив за собой слежку, прямо подошел ко мне и в повышенном тоне стал говорить, что ему надоело быть всегда под колпаком, что его всюду преследуют сыщики, что это его нервирует, и он просит меня прекратить это тяжелое для него положение. Я его стал успокаивать, тогда он, взглянув в окно, сказал: «Посмотрите, ваш сыщик еще и теперь меня ожидает!» Действительно, я увидел против моего дома стоявшего на панели моего филера. Конечно, пришлось и этого убрать, но каков наблюдаемый!!! Нахал или действительно человек, доведенный мной до нервного состояния, я так и не разобрал.

С агентурой тоже обстояло не совсем ладно — сотрудников хоть было и много (евреи всегда охотно шли в агентуру, так как, с одной стороны, были жидки на расправу, а с другой — очень уж любили деньги), но между ними слишком много было шантажистов и провокаторов; не прошло и месяца, чтобы я не доносил в Департамент полиции о таких субъектах, после чего их фамилии отпечатывались в циркулярах и рассылались по всей России с предупреждением не пользоваться их услугами. Кроме того, мой предшественник ротмистр Ш. очевидно пользовался бесплатными услугами местных властей до духовенства включительно, почему они считали себя вправе вмешиваться в дела жандармского управления, давая свои советы, основанные якобы на имеющихся у них неопровержимых данных о революционной деятельности местной еврейской молодежи, что на деле не всегда подтверждалось.

Уездный предводитель дворянства Папа-Афанасопуло, полицмейстер Черноглазов (расстрелян большевиками в Одессе в 1920 году), местный архимандрит (в Пинске был православный монастырь) и представители Союза Русского Народа буквально осаждали меня, в особенности последние, а когда я стал доказывать, что их сведения по большей части проблематического характера, основаны лишь на слухах, они обиделись и пытались подложить мне «свинью», натравливая на меня тогдашнего Минского губернатора Курлова<sup>16</sup>, которому я хотя и не был подчинен, но который всегда мог наделать мне неприятностей. К чести Курлова должен сказать, что он не обращал внимания на эти доносы. После этого Союз Русского Народа пытался привлечь меня на свою сторону, прислав мне свой значок и предлагая вступить в члены, но после моего категори-

ческого отказа, основанного на том, что я по своему служебному положению не мог быть ни в правых, ни в левых организациях, они как будто оставили меня в покое, но на самом деле, впоследствии, когда я освободил одну еврейку из-под стражи за недостатком улик, жаловались в Департамент полиции, обвиняя меня в потворстве евреям. Оттуда приезжал чиновник для расследования, но, конечно, донос ни в чем не подтвердился — считаться же с ним приходилось, ибо тогда Союз Русского Народа был в силе.

В мое время в Минской губернии особенно энергично работали максималисты (молодежь сильно увлекалась этой организацией), и мне с ними пришлось порядочно повозиться. Скверно было только то, что в организацию эту шло много учащейся молодежи — «майбридовщина» их увлекала, и образом для них был тогда ученик одного из реальных училищ Савицкий, сумевший собрать шайку головорезов, которая довольно долго просуществовала, совершая налеты и грабя винные лавки, уездные казначейства, железнодорожные станции и богатых помещиков. Районом ее действия была граница Киевской губернии, Гомельский уезд Могилевской губернии и соседний Мозырский уезд Минской губернии. Почти полгода с этой шайкой нельзя было ничего сделать! Савицкий был неуловим. Как всегда о нем шло много легендарных рассказов, окружавших его ореолом, что привлекало к нему молодежь, так что на место пойманных его соратников являлось много новых. Несомненно, что Савицкий был незаурядная личность, и получи он иное направление, из него бы вышел крупный общественный деятель. В противоположность другим разбойникам он никогда не был жаден до денег и не кутил — это привлекало к нему симпатии народа.

Уездная полиция, которой вначале было поручено ликвидировать шайку Савицкого, боялась его, как огня, и не он скрывался от нее, а наоборот скрывались от него становые пристава и урядники, и они отчасти были правы, так как с ними он поступал круто. Из страха некоторые из них даже переходили к Савицкому или в лучшем случае ему помогали, предупреждая об опасности, но на этом он и подался, как только инициатива борьбы с шайкой перешла в руки жандармского офицера в Гомеле, он сейчас же обратил внимание на то, что в шайке есть полицейские, и тогда же, вызвав меня к себе в Гомель, рассказал мне об этом. Мы решили к Савицкому подослать еще несколько стражников, якобы перешедших к нему, и вскоре нам удалось окружить стоявший в поле сарай, где скрывался в этот день Савицкий со своими двумя товарищами. Гомельский исправник повел форменную атаку на Савицкого, но тот долго отстреливался, ранив нескольких полицейских, и наконец удалось получить лишь три трупа — все грабители были убиты. За Савицким последовал полный разгром его шайки, остальных переловили поодиночке.

В Пинске также еще оставались максималисты, по большей части учащиеся, и одним из деятельных членов ее был сын подчиненного мне жандармского унтер-офицера, работающего у меня в канцелярии. Первоначально я даже думал его увольнять со службы, но потом оказалось, что он вне всякого подозрения и даже за год до моего приезда в Пинск был подстрелен: он не раз просил меня избавить его от сына.

Сотрудником по этой организации у меня была молодая еврейка, сожительница казненного в Пинске максималиста, по кличке «Смелая». Она действительно оправдывала свою кличку, ее можно было послать на



самое рискованное дело, и она бы не отказалась. Перешла она в агентуру после того, когда убедилась, что жить ей нечем; организация, первоначально поддерживавшая ее, сама была без гроша — с каждым днем все труднее и труднее было устраивать экспроприации. Я дал «Смелой» 50 рублей ежемесячного жалования и одновременно с этим устроил ее на службу на спичечную фабрику с помощью владельца, с которым был в хороших отношениях. Сделал я это для того, чтобы в организации не удивлялись, на какие средства она живет. Ее несчастье заключалось в ее горячности, благодаря чему она вскоре провалилась в организации при следующих обстоятельствах: однажды она мне заявила, что организация для дальнейшего своего существования принуждена устроить экспроприацию, так как денег больше нет ни копейки; решено ограбить кассу станции железной дороги Пинск после того, как артельщики привезут с линии деньги и сдадут начальнику станции. День ограбления держится в секрете и будет объявлен участникам перед самым нападением. Участвовать должны были восемь человек, в том числе и сын моего жандарма. Сотрудница должна была участвовать как наблюдательница за нами, то есть во время нападения смотреть за тем, не появятся ли жандармы и полиция и во время предупредить нападающих. При сообщении этих сведений «Смелая» все волновалась, что не успеет предупредить меня о дне нападения, но я ее успокоил, посоветовав об этом не думать, так как я знал, что артельщики свозят деньги с линии всегда по субботам, и, кроме того, предложил ей пока прекратить со мной свидания, чтобы в последние дни ее как-нибудь не заметили соучастники. Сам же я, предупредив начальника жандармского железнодорожного отделения ротмистра С., просил его в ближайшую субботу усилить наряд жандармов и стражников совместно с моими людьми и расположить наряд скрытно в пустых вагонах, поленицах дров и в конторе начальника станции, причем в качестве наружного наблюдения он должен был выбрать из числа смазчиков и стрелочников четырех человек, на которых можно было бы положиться. Ротмистр С. должен был заранее прийти в свой служебный кабинет на станции и ожидать там событий. Его присутствие на станции не могло ничуть вызвать подозрений, ибо это было место его постоянной службы. Грабители рассчитывали после отхода поезда совершенно спокойно войти в контору начальника станции и, угрожая револьверами и бомбами забрать все наличные деньги, каковых, приблизительно, к этому дню скапливалось 15—20 тысяч рублей, причем на станцию решили собираться по одиночке и по сигналу начать действовать. Мы, со своей стороны, рассчитывали как только грабители начнут собираться, по выстрелу из револьвера, поданному спрятавшимся в одном из вагонов вахмистром, окружить их и, скомандовав «руки вверх», сначала обезоружить, а потом обыскать и арестовать. Почти всех участников предполагаемого ограбления мы знали в лицо.

Ближайшая суббота прошла спокойно, очевидно максималисты еще не совсем приготовились, да и, как потом оказалось, на этот день артельщики привезли сравнительно малую сумму в 5—6 тысяч рублей, так что игра не стоила свеч, но это указывало, что максималисты имеют связь с железнодорожниками, что впоследствии и подтвердилось — один из артельщиков еще утром предупредил, что денег будет мало.

На следующую субботу сразу же стало ясно, что попытка ограбления состоится. Сотрудница появилась на станции еще до прихода поезда, ста-

ла прогуливаться по перрону и осталась там после ухода поезда. Было часов шесть вечера, и дело происходило осенью, так что уже стало смеркаться. Вдруг «Смелая» зашла в контору начальника станции и спросила бывшего там дежурного помощника, нет ли здесь кого-либо из жандармов, а после отрицательного ответа вышла снова на перрон. Это была с ее стороны большая ошибка, хотя, как она потом мне говорила, что, не видя жандармов, она боялась, что мы упустим грабителей, но, видно, ее тогда же заметили уже начавшие подходить к станции участники ограбления, но не обратили еще тогда на это внимания. Пока все шло как по писанному: максималисты вдруг с разных сторон стали подходить к станции. Дав им сойтись, вахмистр выстрелил, и их окружили жандармы и стражники с наведенными револьверами и винтовками. Грабители были так ошеломлены, что несмотря на имевшиеся у них бомбы и револьверы, без сопротивления подняли руки вверх и сдались, да им и не выгодно было сопротивляться, так как сделай они хоть один выстрел, — их бы застрелили, да и отвечать бы по суду пришлось гораздо строже, и многие несомненно были бы приговорены к смертной казни. Выскочил ротмистр С., разоружили неудачных грабителей и повели в жандармскую комнату. Сейчас же дали знать мне и товарищу прокурора. Мы с ним прибыли на станцию почти одновременно и стали допрашивать грабителей, те не сознавались в желании ограбить, а, как они говорили, «хотели лишь погулять». Все участники были переданы военному суду и приговорены к более или менее серьезным наказаниям, сотрудница же, исполнявшая второстепенную роль, оправдана.

Но тогда же среди максималистов, как бывших в тюрьме, так и оставшихся на свободе, стали ходить слухи, что их выдала моя сотрудница. Конечно «Смелой» больше оставаться сотрудницей было невозможно, слухи пошли уже по городу и ее стали травить. Как всегда в таких случаях, организация предложила «Смелой» или быть убитой, или самой, выдав мой конспиративные квартиры, убить меня. Она предпочла второе. Но в тот же день второй сотрудник по этой организации сообщил мне обо всем, и ночью «Смелая» была по моему ордеру арестована. Через несколько дней я снабдил ее приличной суммой денег и отправил под конвоем в Киевскую губернию, где она была освобождена и затерялась в еврейской массе.

В конце концов она не была виновата, не согласиться же ей было на свое убийство — излишняя горячность погубила ее. Я лишь переменял конспиративные квартиры, а также вскоре ликвидировал всех максималистов — все они были в административном порядке, или, как тогда говорили, «В порядке положения о государственной охране» высланы в Туруханский край<sup>17</sup>.

#### Дальнейшая служба в Сибири на железной дороге, война...

Итак, из Перми я попал в Мариинск Томской губернии с назначением начальником железнодорожного отделения.

Боялся я туда ехать порядочно: глушь, холод и другие «прелести», о которых слышал, — все это меня пугало. На самом же деле ничего страшного не оказалось, напротив, в Сибири, как мне казалось, люди были проще и отзывчивее, отношение начальства такое, что лучшего нельзя

было и желать, и, наконец, сама служба жандармского офицера была куда более спокойнее и чище. Здесь я не казался таким страшным для других, я был обыкновенным сослуживцем железнодорожников, представителем порядка и законности в полосе отчуждения своего района. Политические функции почти отошли, и за все время, то есть почти за шесть лет, мне пришлось лишь вести дело дознания в порядке 1035 ст. уголовного уложения, да и то самого невинного свойства (по 3 п. 103 ст. Уложения о Наказаниях) «Оскорбление Величества на словах в пьяном виде», что грозило обвиняемому тюремной отсидкой до трех месяцев. Остальные политические обязанности ограничивались лишь собиранием сведений о политических благонадежных служащих своего района, или вообще поступавших на службу железной дороги. Никакой агентуры у нас не было, хотя Департамент полиции и Штаб корпуса предписывали заводить такую, но мы, то есть железнодорожные офицеры, под разными благовидными предложениями старались избавиться от этой напасти и лишь изредка доносили о «настроении служащих». Во всяком случае я не жалел о том, что хотя и не по своему желанию, но бросил службу губернского жандармского офицера, и если и было на что жаловаться, то лишь на сравнительно небольшой оклад содержания (около 250 рублей), но это вполне компенсировалось отличной казенной квартирой из пяти комнат, отоплением, освещением, огородом, цветником, бесплатным проездом по всей Российской железной дороге в I классе, не исключая и курьерских поездов, и даже своим маленьким служебным вагоном, который имел право прицеплять в любое время и ко всем поездам, так что о лишних 100 рублях даже не приходилось вспоминать.

Кроме того, здесь я вошел в круг инженеров, которые никогда не чуждались нас, и это культурное общество давало возможность жить по-человечески, так что я нравственно и физически отдохнул вполне. За шесть лет службы на железной дороге у меня ни разу не было никаких столкновений с сослуживцами-железнодорожниками: взаимное понимание и уступки делало службу легкой и приятной.

Унтер-офицерский состав был значительно развитее и, я бы сказал, образованнее своих коллег губернских жандармских управлений, да и ничего удивительного в этом не было: выбирались самые лучшие строевые унтер-офицеры гвардейских пехотных и кавалерийских полков, хорошо грамотные и развитые, их обучали всему, и железнодорожному и телеграфному делу, каждый должен был уметь управлять паровозом, быть телеграфистом, знать на зубок весь устав Российских железных дорог и не только теоретически, но и практически уметь разбираться в железнодорожной отчетности и, наконец, наизусть знать устав уголовного судопроизводства и уголовное уложение. Прокурорский надзор часто говорил, что дознания железнодорожного жандармского унтер-офицера не уступали любому дознанию судебного следователя. Этому удивляться также нечего, так как всякий унтер-офицер самостоятельно производил дознание, а начальник отделения представлял лишь для просмотра копии.

Когда я приехал в Мариинск, где была моя штаб-квартира, я стал учиться железнодорожному делу у своего вахмистра Якова Григорьевича Хоркина, честнейшего служаки, большого знатока своего дела, прослужившего свыше тридцати лет, и должен сказать, что благодаря его знаниям, а также и умению обучать других, я вскоре знал железнодорожное дело. Помню, как однажды, встречая какой-то поезд, я стоял на перроне

станции, и в это время ко мне подошла прилично одетая дама и со слезами стала просить разрешить довести тело скончавшегося в дороге ее мужа в Томск, где у нее были родные. Войдя в ее положение, я конечно, разрешил ей, но в это время стоявший около меня вахмистр, не вмешиваясь в разговор, сказал мне: «Ваше Высокоблагородие, пожалуйста в кабинет, есть доклад». Я пошел и здесь в деликатной форме он доложил, что я не имею права давать разрешения на перевоз мертвого в поездах и что это — дело местного губернатора. Видя, что я попал в неприятное положение, он мне сказал далее: «Позвольте, я скажу этой даме, что хотя везти тело умершего и можно, но здесь в Мариинске, нет цинкового гроба для перевозки тела, а потому ей временно придется похоронить здесь». Я был тронут его тактом. Уезжая часто по линии для инструктирования подчиненных мне стражников и жандармов и, оставляя за себя вахмистра, я был всегда спокоен, что он все сделает не только не хуже, но и лучше меня. И таких служак у нас было немало, при этом они все умели поставить себя среди железнодорожников так, что они пользовались большим авторитетом, хотя их и побаивались, зная, что никакое преступление даром не пройдет.

Единственно, что доставляло нам на железной дороге неприятности, так это постоянные проезды высокопоставленных лиц по Сибирской железной дороге и обязанность сопровождать их. Особенно часто стали ездить за год или два до войны, и кто только не ездил: различные экзотические принцы, вроде Чакробана<sup>18</sup>, монгольского князя и т. п. Однажды пришлось мне сопровождать ехавшего на Дальний Восток брата императора Вильгельма II — принца Генриха Прусского<sup>19</sup>. Принц это время от времени выходил на паровоз с «кодаком» и делал фотографические снимки. Положение мое было весьма шекотливое: сказать ему, что делать снимки воспрещено, нельзя: еще обидится и тогда не оберешься неприятностей, не сказать, будет нарушение с моей стороны служебных обязанностей. Тогда я стал делать так: как только он переходил на паровоз, я сейчас же шел туда же и становился около него. Заметив это, он ушел в свой вагон и больше не показывался. В моем районе около станции Тайга были Анжерские каменноугольные копи, питавшие углем все Сибирскую железную дорогу от Красноярска до Челябинска и далее до Перми. Обслуживались эти копи такими рабочими, которых на другую службу не принимали за их отчаянный характер и беспробудное пьянство — ни один праздник не обходился без убийства, и это доставляло моим унтер-офицерам всегда много хлопот. Эти же рабочие комплектовали и небольшие бандитские шайки, которые, ограбив какую-то глухую станцию, скрывались в тайгу и поодиночке нами вылавливались, как только выходили за покупкой продовольствия. Такие шайки иногда отваживались нападать на артельщиков, перевозивших деньги по линии, для расплаты. Вот почему вскоре после 1905 года на всех железных дорогах были заведены отряды стражников, вооруженных винтовками и шашками и подчиненных жандармской полиции. Стражники эти были по несколько человек расположены по станциям, главный же резерв — при штаб-квартире начальника жандармского отделения. При сопровождении артельщиков назначалось несколько стражников под командой жандармского унтер-офицера. С этих пор всякие нападения прекратились. Кроме того, по всей Сибири все мосты и важные технические сооружения охранялись теми же стражниками.

Вот приблизительная схема всей нашей жандармской службы на казенных железных дорогах и, смело могу сказать, что порядок у нас был образцовый.

Все мы, то есть жандармские офицеры, мечтали попасть на службу частной железной дороги, так как там, помимо всего казенного содержания, дорога доплачивала около 200 рублей, плюс бесплатная квартира, отопление и освещение. Конечно, такое содержание по тогдашнему времени было верхом благополучия, в особенности в Сибири, где все было значительно дешевле, чем в Европейской России.

В 1912 году акционерное общество начало строить Алтайскую железную дорогу, и я был назначен в Барнаул на эту постройку. Здесь, помимо указанных уже обязанностей, я являлся посредником между подрядчиком и рабочими, соблюдая также интересы акционерного общества.

Приходилось изворачиваться, но никогда нами не допускались какие-либо неправильности денежных расчетов с рабочими, плохая пища или скверное жилье. Из-за этого зачастую с подрядчиками приходилось ссориться. Заметив какие-либо неправильности или желание прижать рабочих со стороны подрядчиков, я просто за счет виновного подрядчика просил начальника постройки инженера Будагова расплачиваться с рабочими самой дороги непосредственно, и это очень помогало; в другой раз с таким подрядчиком уже ничего подобного не случалось. Инженер Будагов был очень справедливый, милый человек, всегда шедший навстречу законным моим просьбам. Почти все подрядчики были инженеры и, надо сказать, что случаи подобно вышеприведенным бывали редко. Единственно, с кем часто сталкивался я на этой почве, это с инженером Лапицким: скверная пища и шалаши вместо барачных, а зачастую и обсчитывание рабочих были постоянными причинами недовольства. Это особенно было странно, ибо Лапицкий был человек крайне левого направления и народником, за какового он себя выдавал, и который, по сведениям Департамента полиции, будучи в Москве, держал явочную квартиру партии С.-Р., у него скрывался известный эсер Савинков и убийца Великого князя Сергея Александровича — Каляев<sup>20</sup>.

К началу войны с Германией Алтайская железная дорога была готова и перешла в эксплуатацию. Дорога вышла очень хороша: прекрасные вагоны, чистенькие и красивые постройки, дивный мост через Обь и около Барнаула, красивая местность Алтайских гор по дороге на Бийск — все это делало приятным путешествие по этой дороге.

Как только была объявлена война, я стал проситься в строй, но меня, как и многих других, не пустили, а назначили в Галицию, где к тому времени наши войска заняли почти всю территорию до Тарнова (около Кракова) включительно. Здесь я был сначала назначен начальником железнодорожного отделения в Бережаны, а потом в Тарнов, в трех верстах от позиции, так что зачастую станция подвергалась обстрелу неприятеля из всевозможных орудий до 42 сантиметровых мортир включительно. Между прочим, когда в первый раз станцию стали обстреливать «Бертами» (так назывались 42 сантиметровые орудия), я, как и всегда, о всех таких важных случаях донес шифрованной телеграммой в Штаб Корпуса. Через несколько дней начальник управления вызвал меня во Львов и дал прочесть полученный ответ на мою телеграмму следующего комического содержания: «Видимо, ротмистр К. настолько растерялся при бомбардировке, что даже не указал, откуда велся обстрел и т. д. ...», как будто это я

мог знать, сидя в Тарнове на станции. Как я потом узнал, германцы поставили свои «Берты» в десяти верстах от Тарнова и так аккуратно били по станции, что ни один снаряд не вышел из полосы отчуждения, то есть ширину, примерно в 20 сажень<sup>21</sup>.

Исправляя должность начальника жандармского отделения, я вместе с тем был и военным цензором 3-й армии, и, Боже мой, каких только писем я не начитался, в начале войны это были письма преимущественно любовного характера, где изливали тоску по своим женам, невестам и любовницам, и никогда ни слова о трудностях войны. Далее в письмах стала проявляться усталость войны, отчужденность от близких людей и жажда попасть в тыл, а уже в начале 1915 года начали попадаться письма революционного характера, в которых авторы ругали, как только могли все начальство, и даже Царствовавшего Императора.

После же отступления под натиском армии Макензена<sup>22</sup> войска стали бомбардироваться из тыла революционной литературой и надо сказать, что такие учреждения, как Союз городов (Согор) и Земский городской союз (Земгор)<sup>23</sup> к этому приложили свою руку. Все такие письма отправлялись в Штаб армии, и частью в корпус жандармов, а потому там не могли не знать о столь грозных признаках начинающегося разложения армии и готовившейся революции.

В наших же кругах открыто и даже довольно спокойно говорили о том, что без революции не обойтись. В одном только ошибались, предполагая, что революция начнется после войны, к этому мы были готовы, и многие из наших офицеров, попав в Галицию, думали там просто остаться и не возвращаться в Россию, так как прекрасно знали, что первые же удары обрушатся на нас. Чем дальше, тем становилось хуже: революционная пропаганда уже стала вестись открыто после отхода наших войск до линии станции Броды — Волочиск. Здесь я заболел и был снова назначен в Барнаул на железную дорогу, где и оставался до «великой, бескровной» русской революции.

1905—1920

#### Примечания

<sup>1</sup> Нам удалось установить, что под псевдонимом «Ника» скрывался офицер Отдельного корпуса жандармов Кравец Николай Антонович. Он родился 9 мая 1875 года. Получил домашнее образование и выдержал экзамен на офицерский чин при Одесском пехотном юнкерском училище. В 1900 году был зачислен в 23-й Низовский полк. В Отдельный корпус жандармов вступил в марте 1907 года в чине поручика. В декабре 1907 года получил звание штаб-ротмистра.

За время службы получил следующие награды: орден Св. Станислава 3-й степени 14 апреля 1913 года, орден Св. Анны 3-й степени 11 мая 1915 года. За время службы в Отдельном корпусе жандармов занимал следующие должности: и. д. адъютанта Сибирского ГЖУ, помощник начальника Минского ГЖУ по Пинскому, Мозырскому и Речицкому уездам (с 8.07.1908 года), помощник начальника Пермского ГЖУ (с 24.04.1909 года), прикомандирован к ЖПУ Сибирской железной дороги (с 5.11.1910 года), начальник Мариинского отделения ЖПУ Сиб. ж. д. (с 2.06.1911 года), начальник отделения временного ЖПУ ж. д. в Галиции (с 18 мая 1915 года).

<sup>2</sup> Цифры, которые приводит автор, конечно, далеки от реальных и отражают соперничество различных структур с взаимными обвинениями и стремлением доказать свою «непорочность».

<sup>3</sup> Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934, около Праги) — деятель революционного движения. Была известна под прозвищем «Бабушка русской революции». В 1873 году, оставив мужа и детей, примкнула к народникам. С 1874 по 1896 годы на каторге и на поселении. С 1901 года член ЦК партии социалистов-революционеров. После ареста в сентябре 1907 года в Симбирской губернии содержалась в Петропавловской крепости и на поселении в Иркутской губернии и в Якутске. В 1917 году поддерживала А. Ф. Керенского, противник большевиков. С 1919 года в эмиграции.

<sup>4</sup> Дубельт Михаил Иванович (р. 1854—?), закончил Виленское пехотное юнкерское училище в 1873 году, в Отдельном корпусе жандармов с 1885 г. С 1902 года полковник и начальник ряда ГЖУ.

<sup>5</sup> Шабельский Сергей Петрович (р. 1860), закончил Николаевское кавалерийское училище в 1881 году, в Отдельном корпусе жандармов с 1898 года. С 1902 года служил помощником начальника Кутаисского ГЖУ Батумской области. 26 июня 1907 года назначен начальником Симбирского ГЖУ. 20 июля 1907 года присвоен чин полковника. С августа 1916 г. начальник Ломжинского ГЖУ.

<sup>6</sup> Уголовное Уложение было утверждено Николаем II 22 марта 1903 года и вводилось в действие постепенно с июня 1904 года по март 1911 года. Статья 132 предусматривала наказание до трех лет заключения в крепость за составление, размножение, хранение или провоз из-за границы сочинений или рисунков, порицающих верховную власть или образ правления в Российской империи.

<sup>7</sup> Чайковский Николай Васильевич (26.12.1850, Вятка — 30.04.1926, Лондон). Потомственный дворянин. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1872). С 1869 года член народного кружка, известного как кружок «чайковцев». С 1904 года эсер. В 1874—1907 годы в эмиграции. После возвращения в Россию арестован, около года повел в Петропавловской крепости. После февраля 1917 года член Исполкома Петросовета, член ЦК Народно-социалистической партии. Активный противник большевиков. С августа 1918 года до февраля 1920 года — председатель правительства Северной области. В эмиграции сторонник интервенции против СССР.

<sup>8</sup> Комиссаров Михаил Степанович (1870 — после 1927). закончил Второе Александровское военное училище в 1890 году. В Отдельном корпусе жандармов с мая 1904 года в С.-Петербургском ГЖУ и СПб Охранном отделении. Выполнял ряд «деликатных» поручений (контрразведка, перлюстрация, печатание погромных антисемитских прокламаций и т. п.). С 1909 года начальник ряда ГЖУ: Енисейского, Пермского (с апреля 1910 года), Саратовского (с июля 1912 года), Вятского, Варшавского. Генерал-майор. По некоторым сведениям, после 1917 года агент ВЧК—ОГПУ в среде российской эмиграции.

<sup>9</sup> «Сменовеховцы» — общественно-политическое течение значительной части российской интеллигенции, существовавшее легально за рубежом в 20-е годы и имевшее немало сторонников в СССР. Получило название по сборнику «Смена вех» (1921). Отражало надежды на постепенную либерализацию советской власти в условиях нэпа и призывало к сотрудничеству с коммунистами ради восстановления и развития страны.

<sup>10</sup> Лбов А. М. (псевдонимы Семен Лещ, Длинный) [11.03.1876—2.05.1908] — командир боевой дружины во время восстания в Мотовилихе (Пермь) 12—13 декабря 1905 года. После поражения восстания с группой боевиков ушел в лес. Именовали себя «лесные братья», «коммунисты-анархисты». Нападали на государственные учреждения, частные предприятия. Повешен в 1908 г. в Вятке.

<sup>11</sup> Автор ошибается относительно судьбы генерала Герасимова. Александр Васильевич Герасимов (1861 — после 1933), генерал-лейтенант. Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения (3.02.1905—25.10.1909). Генерал для особых поручений при МВД до 1914 года. С 1914 года в отставке. Автор мемуаров «На лезвии с террористами».

<sup>12</sup> Гершельман Д. К. (1859—1913). Окончил Пажеский корпус (1877), Николаевскую академию Генерального штаба (1884). В. 1903—1904 годы — командир 145-го Новочеркасского и 148-го Каспийского пехотных полков. С 1904 года в Главном штабе. С октября 1907 года — начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. Генерал от инфантерии (1913).

<sup>13</sup> Устав Уголовного судопроизводства подписан Александром II 20 ноября 1864 года. Статья 1035 требовала «о всяком злоумышлении, заключающем в себе признаки государственного преступления», сообщать прокурору судебной палаты.

<sup>14</sup> Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП) была образована в 1904 году. На учредительной конференции в Одессе, открывшейся 23 декабря 1904 года, главной задачей еврейского пролетариата была определена борьба за создание еврейского государства в Палестине или временно на какой-либо другой территории. Первый съезд ССРП в феврале 1906 года высказался за «широкую неустанную агитацию в целях подготовки всеобщего вооруженного восстания», признал возможность террористических актов в целях самообороны. Партия резко отрицательно относилась к Бунду.

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская социал-демократическая партия, образованная в сентябре 1897 года. Выступал противником сионизма, призывая к разрешению еврейского вопроса в странах, где жили евреи. Входил в РСДРП в 1898—1903, 1906—1917 годы. В 1921 году самоликвидировался в связи с расколом на сторонников и противников советской власти.

Максималисты — группа, выделившаяся из партии эсеров в 1904 году и принявшая название «Союз социалистов-революционеров-максималистов» в октябре 1906 года. Решающую роль в социалистическом перевороте отводили «инициативному меньшинству». Основными методами борьбы за уничтожение капитализма признавали индивидуальный террор и экспроприацию. Из наиболее известных терактов: взрыв дачи П. А. Столыпина на Аптекарьском острове, неудачная попытка взрыва Государственного совета и т. п. К концу 1908 года организация почти распалась. В октябре 1917 года — союзники большевиков, противники Брестского мира в марте 1918 года. Раскололись в апреле 1919 года по проблеме отношения к советскому государству. В апреле 1920 года просоветская часть максималистов приняла решение о самороспуске и вступлении в РКП(б).

Сионисты-социалисты — сокращенное название Сионистской социалистической рабочей партии (ССРП).

<sup>15</sup> Председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин был смертельно ранен 1 сентября 1911 года в Киевском оперном

театре анархистом и агентом охраны Д. Г. Богровым. Начальник С.-Петербургского охранного отделения С. Г. Карпов погиб 17 декабря 1909 года на конспиративной квартире (Астраханская ул., д. 25) в результате взрыва. Взрывчатое устройство («адская машина») была установлена членом партии эсеров и агентом охраны А. И. Петровым.

<sup>16</sup> Курлов Павел Григорьевич (1860—1923) — минский губернатор (1905—1906), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909—1911). Генерал-лейтенант. Отстранен после гибели П. А. Столыпина. В годы Первой мировой войны генерал-губернатор Восточной Пруссии, Остзейских губерний, с сентября 1916 года фактически товарищ министра внутренних дел (без публикации указа). После 1917 года в эмиграции.

<sup>17</sup> «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» утверждено Александром III 14 августа 1881 года. Предусматривало три степени борьбы с политической оппозицией административными мерами: арест и ссылка без суда на срок до пяти лет, введение в отдельных губерниях «усиленной охраны» и «чрезвычайной охраны» с правом закрывать учебные, торговые и промышленные заведения, приостанавливать деятельность земств и городских дум, периодических изданий и т. п.

<sup>18</sup> Чакробан (1883—?), сын короля Сиама (Таиланда), принц. В 1898 году прибыл в Россию для учебы в Пажеском корпусе. Закончил его в 1902 году. Произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка.

<sup>19</sup> Генрих-Альберт-Вильгельм (14.08.1862—20.04.1929), принц прусский, младший брат императора Германии Вильгельма II. С 1888 года женат на принцессе Гессенской и Рейнской Ирене, сестре Александры Федоровны. С 1880 года в военно-морском флоте: адмирал (1901), гросс-адмирал и инспектор морского ведомства (1909). В Первую мировую войну Главнокомандующий германскими морскими силами в Балтийском море. 15 марта 1918 года назначен правителем Курляндского герцогства, созданного 8 марта 1918 года. Уволен из армии в ноябре 1918 года.

<sup>20</sup> Савинков Борис Викторович (литературный псевдоним — В. Ропшин) (19.01.1879, Харьков — 7.05.1925, Москва). Исключен из СПб Университета за участие в беспорядках. С 1898 года член социал-демократической группы «Рабочее знамя». В 1901 году арестован, сослан в Вологду. В 1903 году бежал за границу. Вступил в партию эсеров, член Боевой организации и один из ее руководителей. В 1906 году арестован в Севастополе, приговорен к смертной казни, бежал в Румынию. С 1909 года выступает как литератор («Воспоминания террориста», повесть «Конь бледный»). В первую мировую войну вступил во французскую армию. После Февраля 1917 года вернулся в Россию. Назначен комиссаром 8-й армии Юго-Западного фронта. С 19 июля по 30 августа 1917 года — товарищ (заместитель) военного министра. Участник похода Керенского—Краснова на Петроград 26—31 октября 1917 года. В феврале 1918 года создал в Москве тайный «Союз защиты Родины и Свободы» для борьбы с большевиками. После разгрома восстания в Ярославле в июле 1918 года уехал в Казань, затем в Уфу. Направлен Уфимской Директорией во Францию. В 1920 году один из организаторов отрядов С. Н. Булак-Булаховича, совершавших рейды на советскую территорию. Автор повести «Конь вороной» (1923). В ходе проводимой ОГПУ операции «Синдикат-2» решил поехать

в Москву для встречи с руководством якобы созданной «либерально-демократической организации». 16 августа 1924 года арестован в Минске. На суде дал откровенные показания. 29 августа 1924 года приговорен к смертной казни, замененной 10-летним заключением. По официальной версии, 7 мая 1925 года после прогулки по городу выбросился из окна пятого этажа во внутренний двор здания ОГПУ.

Каляев Иван Платонович (24.06.1877, Варшава — 10.05.1905, Шлиссельбургская крепость). Сын околоточного надзирателя. В 1897—1899 годы учился в Московском и Петербургском университетах, сотрудник ряда газет. Арестован за участие в студенческих волнениях, выслан на 2 года в Екатеринослав. С 1902 года — студент Львовского университета. При попытке связаться с издателями газеты «Искра» арестован в Германии, выдан русским властям, после заключения в Варшавской цитадели выслан в Ярославль. Установил связи с эсерами, встретился с Е. К. Брешко-Брешковской. Осенью 1903 года вступил в партию эсеров и в ее Боевую организацию. Участник покушения на министра внутренних дел В. К. Плеве в июле 1904 года в Петербурге. На Сенатской площади Кремля 4 февраля 1905 года убил бомбой генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Повешен в Шлиссельбургской крепости.

<sup>21</sup> Верста (русская мера длины) = 500 сажений = 1,0668 км; сажень = 3 аршина = 148 вершков = 2,133 м.

<sup>22</sup> Макензен Август фон (6.12.1849—8.11.1945) немецкий военный деятель. С 1908 года командир 17 армейского корпуса, с ноября 1914 года командующий 9-й армией, 22 июня 1915 года произведен в генерал-фельдмаршалы. Будучи командующим 11-й армией с 16 апреля по 15 сентября 1915 года руководил прорывом русского фронта на линии Горлице—Тарнов в мае 1915 года. Автор мемуаров.

<sup>23</sup> Земский союз помощи больным и раненым воинам создан 30 июля 1914 года на съезде уполномоченных губернских земств. Главноуполномоченный — князь Г. Е. Львов. Всероссийский Союз городов основан на съезде городских голов в Москве 8—9 августа 1914 года. Главноуполномоченный — московский городской голова М. В. Челноков. В июле 1915 года создали объединенный комитет для координации действий — Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов (т. н. Земгор). Выступали с лета 1915 года как либеральная оппозиция, требуя расширения прав Государственной думы и критикуя деятельность правительства.



## РАЗДЕЛ 4. ДОКУМЕНТЫ

№ 1

### ЧЕЛОБИТНАЯ ИВАНА ЯГАНОВА НА ИМЯ ИВАНА IV (начало 1534 г. (?))

Бьет челом государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии Иванец Еганов. Наперед сего служил есми, государь, отцу твоему, Великому князю Василью: что слышев о лихе и о добре, и яз государю сказывал, а которые дети боярские княж Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все дела государю доносил. И отец твой меня за то ялся жаловати своим жалованьем: а ведома, государь, моа служба князю Михаилу Львовичу (Глинскому. — *Асм.*) да Ивану Юрьевичу Поджогину. А ковати меня государь и мучивати про то не веливал, и велел ими государь своего дела везде искати. И яз, государь, ищучи государева дела и земсково, да з дмитровцы неколко своего животишка истерял. И ныне, государь, приказал ко мне княж Юрьев Иванович(а) сын боарской Яков Мещеринов, которой наперед того некоторыми делы отцу твоему служил, чтобы яз ехал к нему в деревню, некоторого для твоего государева дела. И яз, государь, то сказал Ивану Юрьевичу Шигоне, и Шигона молвил: «поедь к Якову, нешто будет у него которое дело государево поновилось, и ты и сь Яковом ранее езди к Москве. И яз Якова и его службу скажу государю». И приехал есми к Якову, и Яков мне которое дело сказал, и яз, государь, часа того послал ко князю к Михаилу и к Шигоне своего человека з грамотою, а велел тебе, государю, сказати, а сам есми поостался у Якова побыти — доведатись про то дело полных вестей. Иван Шигона моего человека к нам отпустил, а велел нам быти к Москве, и мы часа того нарядились к Москве ехати, и ты, государь, по нас прислал своих детей боярских, а велел нас к Москве взяти. И здесь, государь, перед твоими боары Яков то дело с меня снял, что он мне сказывал, а слышел, сказывает, у княж Юрьевых детей боарских. А которые речи Яков мне сказывал о дмитровских делех, и яз тех речей список дал твоим боаром. И Яков и те речи с меня снял. А что яз, государь, слышел у тех же детей боарских, пьючи, жестоку речь с Яковом вместе, и яз и Яков ту речь сказали твоим боаром. Того, государь, не ведаю, со пьяна говорили, или вздурясь: мне было, государь, в те поры уши свои не смолою забить. Яз, государь, что слышел — то сказал; по тому же как есми, государь, отцу твоему служил и сказывал. А не сказати было мне тех речей, жестоких речей, тебе, государю, и кто б те речи тебе, государю, мимо меня сказал, и мне было быти кажнени от тебя, от государя. Не сказали жестоких речей на Якова на Дмитреева отцу твоему Башмак Литомин да Губа Дедков, и отец твой хотел их казнити. А в записи, государь, в твоей целовальной написано:

слышев о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим боаром. Ино, государь, тот ли добр, которой что слышев да не скажет?

И ныне, государь, того сына боарского Якова Мещеринова, и меня, и моего человека велели поковати и в заточенье посадити и муку учинили железную, как над лихими изменники и над разбойники. Ести и пити не велели нам давати и нашему человеку никакому сь ествою к нам не велели ходити. И буду, государь, виноват про то, что тебе, государю, служу и земле твоей добра хочу, и ты, государь, вели нас всех казнити, которые отцу твоему служили, да и тебе служат. Только б, государь, у приставов от их железной муки живота своего от своих рук без покаянья не кончал. А сижу, государь, у третьего пристава, в великой нужной крепости, и животишка есмя своего поостали. А не хотел бы яз тебе, государю, служить, и яз бы, государь, и у князя у Юрья (Дмитровского. — *М.К.*) выслужил.

Государь князь великий! Умилосердись, обыщи, о чем есмя, государь, загибли, служачи тебе, государю. Мы же, государь, тебе служили; мы ж ныне живот свой кончаем нужною смертию. Вели, государь, дати на поруку, чтоб есми в твоем государеве деле не загиб, и вперед бы, государь, тебе, государю, всякой что слышел о твоем деле, о лихе и о добре сказывали. А сказывал есми твои дела не от пени избываа, служачи тебе, государю — по тому ж, как есми отцу твоему служил. А вперед, государь, кто что слышит о твоем деле, о лихе и о добре, ино сказати не мочно.

Государь князь Великий! Отец твой, какову речь кто ему скажет, будет сойдетца, и он ее ставил в дело, а будет не сойдетца на дело, и он пушал мимо уши. А хто скажет, тому пени не чинил и суда ему не давал в своем деле. Яз же, государь, тебя, государя, и твою мать, благоверную Великую княгиню Елену, от неколких смертоносных пакостей избавлял; яз же нынеча в тебе кончаю нужною мукою живот свой.

Помета на обороте: Ивана Яганова запись да жалобница и Великой княгине чтена.

№ 2

### ИЗ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА<sup>1</sup>

Генваря 29. — В лето 7156, июля в 16 день, Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руссии самодержец в двадцатое лето возраста своего, в третье лето Богом хранимая Своя державы, советовал с отцом своим и Богомольцом, Святейшим Иосифом, Патриархом Московским и всея Руссии, и с Митрополиты, и со Архиепископы, и с Епископом, и со всем освященным Собором, и говорил со своими Государевыми Бояры, и с Окольничьими, и с Думными людьми: ...<sup>2</sup>

#### Глава I

#### О богохульниках и о церковных мятежниках.

А в ней 9 статей

1) Будет кто иноверцы какия ни буди веры или и Русский человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на родившею его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на Святых его угодников, и про то сыскивать всякими сысками накрепко. А если сыщутся на него улики, то того богохульника, обличив, казнить, сжечь.

2) А если какой бесчинник, придя в церковь божию во время святой литургии, каким-либо образом божественной литургии совершить не даст, то его взять, допросу подвергнуть и казнить смертью безо всякой пощады.

3) А если кто во время святой литургии или во время иного церковного пения, войдя в церковь божию, начнет говорить непристойные речи патриарху, или митрополиту, или архиепископу и епископу, или архимандриту, или игумену и священническому чину и тем самым в церкви божественному пению учинит мятеж, а Государю про то станет ведомо и улики подтвердятся, то тому бесчиннику за его вину учинить торговую казнь<sup>3</sup>.

4) А ежели кто, войдя в церковь божию, начнет бить кого-либо и убьет кого-нибудь до смерти, то того убийцу после сыска самого казнить смертью же.

5) А если ранит, а не до смерти убьет, то учинить ему торговую казнь без пощады и бросить в тюрьму на месяц да и на нем же взять раненому за увечье бесчестье вдвое<sup>4</sup>.

6) А если такой бесчинник кого-нибудь в церкви божьей ударит, а не ранит, то его за такое бесчиние бить батогами да на нем же взять тому, кого он ударит, бесчестье.

7) А если кто кого обесчестит словом, а не ударит, то его за бесчинство посадить в тюрьму на месяц. А того, кого он обесчестил, тому доправить [взыскать] на нем бесчестье, чтобы на то смотря в церкви божьей никакого бесчинства не было.

8) А в церкви во время церковного пения Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси и великому господину Святейшему Иосифу патриарху Московскому и всея Руси, и митрополитам, и архиепископам, и епископам и никому ни о каких своих делах не бить челом, чтобы от того в церкви божьей церковному пению смятения не было, потому как церковь божия устроена приходить на молитву, и православным христианам подобает в церкви божьей стоять и молиться со страхом, а не земное мыслить.

9) А будет кто, забыв страх божий, и презрев Царское повеление, учнет ему, Государю или Патриарху, или иным властям в церкви божьей во время церковного пения о каких-либо своих делах бить челом, то того челобитчика за то кинуть в тюрьму, на сколько Государь укажет.

## Глава II

### О Государской чести и как его Государское здоровье оберегать.

А в ней 22 статьи.

1) Будет кто каким умышлением мыслить на Государское здоровье злое дело и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление улика будет, что он на Царское Величество злое дело мыслил и сделать хотел, то такого после сыска казнить смертью.

2) Также будет кто при державе Царского Величества захочет Московским государством завладеть и Государем стать и для того своего злого умышления начнет рать собирать или кто с недругами его Царского Величества дружить станет и советными грамотами обмениваться начнет, и помощь им всяческую наобещает, чтобы тем Государевым недругам по его ссылке Московским государством завладеть или какое дурно учинить и про то кто на него известит, и по тому извету сыщется на него измена, то такого изменника также казнить смертью.

3) А будет кто Царского Величества недругу город сдаст изменою или кто в Царского Величества города примет из иных государств зарубежных людей для измены же, и это подтвердится, то таких изменников казнить смертью же.

4) А если кто умышлением или изменою город подожжет или дворы и в то время или после того поджигатель пойман будет, и воровство его подтвердится, то его самого сжечь безо всякого милосердия.

5) А поместья и вотчины и животы [имушество] изменничьи отдать Государю.

6) А если жены и дети таких изменников про ту их измену ведали, то их так же казнить смертью.

7) А если которая жена про измену мужа своего или дети про измену отца своего не ведали, и это будет подтверждено, что они той измены не ведали и их не за что казнить, то никакого наказания им не чинить, а на прожиток из вотчины и из поместий дать то, что Государь пожалует.

8) А если после которого изменника останутся дети, а жили те его дети до измены его от него в разделе, а не с ним вместе и про измену его те его дети не ведали и животы у них и вотчины были свои особые, то у тех его детей животов и вотчин не отнимать.

9) А если кто изменит, а после него в Московском государстве останутся отец или мать или братья родные или неродные или дядья, или иной кто по роду, а жил он с ними вместе, и животы и вотчины у них были общие, то про такого изменника сыскивать всякими сысками накрепко, дабы узнать, про ту его измену ведали ли отец и мать и род его. А если будет доказано, что они про измену того изменника ведали, то их казнить смертью же, а вотчины их и поместья отдать Государю.

10) А если будет доказано, что они про измену того изменника не ведали, то их смертью не казнить и поместья и вотчины и животов у них не отнимать.

11) А если какой изменник, побывав в каком-либо государстве, выедет в Московское государство и Государь пожалует его, вину его простит, то ему поместий своих дослуживать вновь. В вотчинах его Государь волен, и прежних его поместий ему не отдавать.

12) А если кто на кого начнет извещать великое Государево дело, а свидетелей на тот свой извест никого не поставит и ничем не уличит и сыскать про такое Государево великое дело будет нечем, то про такое великое дело указ сочинить по рассмотрению, как Государь скажет.

13) А если станут извещать про Государское здоровье или какое-нибудь изменное дело чьи-нибудь люди на тех, у кого они служат, или крестьяне, за кем они живут во крестьянстве, а в том деле ни в чем их не уличат, то тому их извету не верить. И, учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдать тем, чьи они люди и крестьяне. И после тех великих дел ни в каких делах таким известчикам не верить.

14) А которые всяких чинов люди учнут за собою сказывать Государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними Государева дела или слова нет, а сказывали они за собою Государево дело или слово, избывая от кого побой или пьяным обычаем, то их за то, бив кнутом, отдать тому, чей он человек.

15) А если кто, изменника догнав, на дороге убьет или, поймав, приведет к Государю, то того изменника казнить смертью, а тому, кто его приведет или убьет, дать государево жалование из его животов, что Государь укажет.

16) А если кто учнет извещать Государево великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает в то время налицо не будет, то того, на кого тот извет будет, сыскать и поставить с изветчиком с очей на очи. И против извету про Государево дело и про измену сыскивать всякими сысками накрепко, и по сыску указ учинить, как о том писано выше сего сказанного.

17) А будет кто на кого доводил Государево великое дело или измену, а не довел и сыщется про то улика, что он такое дело затеял на кого напрасно, то тому изветчику то же учинить, чего бы довелся тот, на кого он доводил.

18) А кто из Московского государства всяких чинов люди сведают или услышат на Царское Величество, в каких людях скоп<sup>5</sup> и заговор или иной какой злой умысел, то им про то извещать Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу всея Руси или его государевым боярам и ближним людям или в городах воеводам и приказным людям.

19) А если кто узнает или услышит, на Царское Величество в каких людях скоп и заговор или иной какой злой умысел, а Государю и его государевым боярам и ближним людям, а в городах воеводам и приказным людям про то не известит, а Государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил и сыщется про то улика, то его за то казнить смертью безо всякой пощады.

20) Также самовольством, скопом и заговором к Царскому Величеству и на его государевых бояр и окольных, и на думных, и на ближних людей, а в городах и в полках на воевод и на приказных людей, и ни на кого никому не приходиться и никого не грабить и не побивать.

21) А кто учнет к Царскому Величеству или на его государевых бояр и окольных и думных, и ближних людей, а в городах и в полках на воевод и на приказных людей, или на кого-нибудь приходиться скопом или заговором, и учнут кого грабить или побивать, то тех людей, кто такое учинил, за то казнить смертью безо всякой пощады.

22) А если из какого-нибудь города или из полков воеводы и приказные люди отпишут к Государю, на кого на служилых или иных чинов каких людей, что он приходили к ним скопом и с заговором и хотели их убить, а те люди, на кого они отпишут, учнут бить челом Государю на воевод и на приказных людей, отрицая, что они скопом и с заговором к ним прихаживали, а приходили к ним немного людей для челобития, то по тому челобитию про них в городах сыск вести по всему городу, а в полках — по всем ратным людям. А если подтвердится, что они в городах и в полках к воеводам приходили для челобития, а не для воровства, то их после сыска смертью не казнить, а воеводам и приказным людям, которые на них отпишут к Государю ложно, за то учинить жестокое наказание, какое Государь укажет.

### Глава III

#### О государевом дворе, чтоб на Государев двор ни от кого никакого бесчинства и брани не было

А в ней 9 статей.

1) Будет кто при Царском Величестве в его государевом дворе и в его государевых палатах не уважая чести Царского Величества, кого-либо обесчестит словом, а тот, кого он обесчестил, начнет на него Государю бить челом об управе на него, и будет то доказано, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил, то по сыску за честь Государева двора того, кто на Государевом дворе кого обесчестил, посадить в тюрьму на две недели, чтобы на то смотря неповадно было впредь так делать. А кого он обесчестил, тому указать, какое на нем бесчестие.

2) А ежели кто на Государевом дворе кого задерет и по дерзости своей ударит рукой, то его тут же поймать и, не отпуская, про тот его бой сыск провести, а подтвердив в сыске его вину, за честь Государева двора посадить в тюрьму на месяц. А тому, кого он ударит, выправить на нем

бесчестие. А ежели кого ударят до крови, то тому, кого он окровавил, бесчестия доправить вдвойне да виновника за честь Государева двора посадить в тюрьму на шесть недель.

3) А ежели кто при Царском Величестве вынет на кого-либо саблю или какое-либо другое оружие и тем оружием кого-нибудь ранит, а тот от раны этой умрет или сразу убитым будет, то того убийцу за это злодеяние казнить смертью же.

Но даже если тот, кого убийца ранит, не умрет, то все равно того преступника казнить смертью а из животов [имущества] его взять убитого кабальные долги.

4) А ежели кто при Государе обнажит на кого-либо оружие, хоть и не ранит и не убьет, то отсечь преступнику руку.

5) А ежели кто в Государевом дворе хотя и не при государе на кого-либо оружие вынет, но не ранит, то того посадить на три месяца в тюрьму. А ежели ранит, то раненому доправить бесчестие и увечье вдвойне, а виновнику без указа из того города, где он кого ранил, не съезжать до тех пор, пока раненый либо не поправится, либо не умрет. Ежели раненый поправится, то тому, кто его ранил, отсечь руку. А если тот раненый от раны умрет, то того, кто его ранил, казнить смертью.

6) Так же у Царского Величества во дворе на Москве или, где изволят Царское Величество в пути быть, из пищалей и из луков и из любого другого оружия никому без Государева указа не стрелять и с таким оружием в Государев двор не ходить. А ежели кто в Государевом дворе на Москве или в пути кого-либо ранит или кого-либо убьет до смерти, то того казнить смертью же.

7) А ежели кто на Государевом дворе и в Москве или в пути примется ходить с пищалями и с луками хотя бы и не для стрельбы и из того оружия никого не ранит и не убьет, то и тем за вину учинить наказание — бить батогами и кинуть на неделю в тюрьму.

8) А кому случится стоять в Государевых, во дворцовых селах, то там в Государевых прудах и в озерах рыбы для себя не ловить. А ежели кто без Государева повеления во дворцовых селах учнет в Государевых прудах и озерах рыбу ловить, то это Государевым именем пресечь, оштрафовать или другое какое наказание учинить, как Государь укажет.

9) А ежели кто во дворе Царского Величества украдет что-нибудь впервые и это доказано будет, то того бить кнутом. А ежели того же тать поймают в другой раз, то бить кнутом же да кинуть на полгода в тюрьму. А ежели тот же тать пойман будет с краденым в Государевом дворе в третий раз, то ему за это отсечь руку, чтобы на то смотря иным неповадно было воровать, в Государевом дворе красть.

### Глава IV

#### О денежных мастерах, которые учнут делать воровские деньги

А в ней 2 статьи.

1) Которые денежные мастера учнут делать медные или оловянные, или укладные [деньги из стали] деньги или в денежное дело, в серебро учнут прибавлять медь или олово, или свинец и тем государевой казне учнут убыль чинить, то тех денежных мастеров за такое дело казнить смертью, залить горло<sup>6</sup>.

2) А ежели золотых или серебряных дел мастера возьмут у кого золотой или серебряный заказ делать и станут в золото и серебро мешать медь же и олово, и свинец, то их по сыску за то бить кнутом. А ежели они кому

учинят убыток тем, что в золото или в серебро подмешают медь или олово, или свинец, то на них доправу отдать тому, кому они такой ущерб принесли.

#### Глава V

##### О поддельщиках и тех, которые печати подделывают.

А в ней 4 статьи.

1) А ежели кто грамоту от Государя напишет сам себе воровски или в подлинной Государевой грамоте и в иных каких приказных письмах что-то переправит по своему умыслу помимо Государева указа и боярского приговора или думных и приказных людей и подъяческие подписи подделает или сделает у себя печать такову, какова Государева печать, то такого за такие вины после сыска казнить смертью.

2) А ежели кто воровством же учнет отделять Государевы печати от Государевых грамот или от иных каких-нибудь приказных писем и те Государевы печати учнет к иным каким-то воровским письмам прикладывать или же кто учнет какие-либо письма воровством облекать и приказные письма переправлять против Государева указа, то того казнить смертью, а письмам его притворным ни в чем не верить.

3) А ежели кто умрет, сделав такие письма, а после его смерти те письма объявятся у родственников или у доверенных лиц будут и те учнут по тем письмам о каком-либо деле Государю бить челом, то про них сыск вести, каким образом те письма им достались, где они их взяли, ведали ли они про то, что те письма поддельные. А ежели они при сыске скажут или сами повинятся, что сами про то ведали, что те письма воровские, поддельные, а держали их у себя корысти ради, то тех людей тоже казнить смертью.

4) А ежели в сыске доказано будет, что они те письма поддельные держали у себя, не ведая того, что они сделаны воровски, то их за то смертью не казнить, а только тем поддельным письмам ни в чем не верить и суда на их основании ни на кого не давать.

#### Примечания

<sup>1</sup> Земский собор, принявший этот документ, открылся 1 сентября 1648 года. Обсуждение текста Уложения, подготовленного комиссией из пяти человек, началось 3 октября. Принятый текст имел 25 глав и 969 статей и являлся Основным законом Русского государства до 30-х годов XIX века. Его подписало 315 человек. Было окончательно оформлено крепостное право и впервые введено юридическое понятие государственного преступления. Уже в 1649 году Соборное уложение было напечатано двумя изданиями общим тиражом 2400 экземпляров. Здесь текст публикуется в современной русской орфографии и в частичном переводе на современный русский язык.

<sup>2</sup> Составление Уложения было закончено 29 января 1649 года. Но до 1700 года летосчисление велось от «сотворения мира», которое произошло за 5508 лет до Рождества Христова. Календарный год с середины XV века начинался с 1 сентября. Поэтому 16 июля 7156 года соответствует 29 января 1649 года.

<sup>3</sup> Торговая казнь — наказание кнутом на торгах, площади, вообще в местах скопления людей. В Москве до 1685 г. проводилась на Красной площади, затем перед Спасскими воротами Кремля. В обряд торговой казни, кроме битья кнутом, входило также нанесение «повеленных» или

«стемпельных» знаков. При помощи железного штампа на лбу наносилась буква «В», на щеках — «О» (на правой) и «Р» (на левой). Эти знаки натирались порошком, «дабы невозможно было вытравить их и чтобы они остались явственны на всю жизнь преступника» (См.: Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841). Сам термин «торговая казнь» равнозначен с «жестоким наказанием», «жестким истязанием», «бить кнутом». Термин существовал с XV в. до 1845 г.

<sup>4</sup> Бесчестье — поругание чести, позор. Бесчестьем могло быть избиение, нанесение ран, ложные обвинения и показания, оскорбление словом и т.п. Одновременно «бесчестьем» называлось и денежное удовлетворение за оскорбление. Оно зависело от сословного положения оскорбленного и размер его равнялся денежному окладу, получаемому им от Государя, или определялся Уложением. За оскорбление «непригожим словом» женщин штраф составлял двойной размер оклада или бесчестья мужа, а дочери — в четыре раза выше оклада или бесчестья отца.

<sup>5</sup> Скоп — скопление кого-либо; форма участия в совершении преступления без предварительного сговора.

<sup>6</sup> «Залить горло» — казнь путем вливания в горло расплавленного металла.

#### № 3

### МАНИФЕСТ ОТ 2 АПРЕЛЯ 1801 ГОДА ОБ УПРАЗДНЕНИИ ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Нравы века и особенные обстоятельства времен протекших побудили Государей Предков наших между прочими временными постановлениями учредить Тайную розыскных дел Канцелярию, которая под разными именами и на разных правилах даже до времен вселюбезнейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины II существовала. Признав судилище сие установленному в России образу Правления несвойственным и собственным правилам ее толика противным, в 1762 году изданным манифестом она торжественно его уничтожила и отвергла. Таким образом имя сей Канцелярии было уже в положениях закона изглажено: между тем однако же по уважению обстоятельств признано было нужным продолжить ее действие под названием Тайной Экспедиции, со всевозможным умерением правил ее личною мудростию и собственным высочайшим всех дел рассмотрением. Но как с одной стороны в последствии времени открылось, что личные правила, по самому существу своему перемене подлежащие, не могли положить надежного оплота злоупотреблению, и потребна была сила закона, чтобы присвоить положениям им надлежашую непоколебимость, а с другой рассуждая, что в благоустроенном Государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона: Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной Экспедиции навсегда упразднить и уничтожить, повелевая все дела в оной бывшие отдать в Государственный архив к вечному забвению: на будущее же время ведать их в 1 и 5 Департаментов Сената и во всех тех присутственных местах, где ведаются дела уголовные. Сердцу Нашему приятно верить, что сливая пользы наши с пользами наших верноподданных и поручая единому действию закона охранение имени нашего и Государственной целостности от всех прикосновений невежества или злобы. Мы даем им новое доказательство, колико удовлетворены Мы в верности их к Нам и Престолу Нашему, и что польза

Наших никогда не разделяем Мы от их благосостояния, которое едино составлять будет все существо мыслей наших и воли. В прочем предоставляем Сенату постановить и пополнить порядок производства дел сего рода в местах, до коих они принадлежат.

#### № 4

### НАСТАВЛЕНИЕ КОМИТЕТУ ВЫСШЕЙ ПОЛИЦИИ. 1805 Г.

В верхнем углу надпись «Быть по сему  
С.П.бурге Сентября 5-го дня 1805-го Года».

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО обращая всегда особенное внимание на ту часть высшей полиции, которая имеет целью своею сохранение всеобщего спокойствия и тишины граждан и облегчение народного продовольствия: Соизволил признать за нужное чтоб во время Высочайшего Его Величества отсутствия из С.-Петербурга Господа Министры Военных Сухопутных Сил, Юстиции и Внутренних дел: первый и в лице Главнокомандующего в Столице,<sup>1</sup> составили Комитет для общего советования по делам к вышеозначенным предметам относящимся: и по сему

1.

Комитет имеет попечение

- а) о сохранении общественного Спокойствия и Тишины
- б) об отвращении недостатка и дороговизны жизненных припасов в Столице.

2.

Для исполнения первой обязанности Комитет должен получать немедленно и исправно сведения, посредством обер-полицеймейстера

1е. о проживающих в Столице подозрительных людях, о коих вовсе неизвестно, каким делом они занимаются.

2е. о приезжающих в Столицу из-за границы или из внутри государства таких же подозрительных людях.

3е. о разглашаемых в городе слухах и известиях, опасения и тревогу наводящих.

4е. о источниках, откуда таковые разглашения происходят.

5е. о скопищах и собраниях подозрительных.

3.

Через сношение с Дирекциею Почт. Комитет должен получить немедленные и верные сведения о подозрительных переписках.<sup>2</sup>

4.

В таковых случаях, буде Комитет усмотрит, что спокойствие общественное встревожено быть может, то приемлет благоразумные меры к восстановлению безопасности: пресекает разглашение приличными известиями со своей стороны о предмете развеваемых слухов, и буде откроет виновных, то поступает по Законам на основании 272-й Статьи Устава

благочиния, стараясь при том избирать удобнейшие пути к отдалению от граждан всякой неприязненной и тревожной мысли.

5.

Министр Внутренних дел старается также получать сведения от начальников губерний, или другим образом, не беспокоившись ли в оных общество о новых налогах на нужды военные и другими огорчительными известиями, предлагает о том в Комитете и совокупно избирают меры, чтоб отвратить опасение и успокоить общество.

6.

Во всех сих случаях, опытность и препинание особ, составляющих Комитет, покажет им разность между маловажными и обыкновенными слухами, кои внимания не заслуживают, и теми которые проистекают от Злых Намерений и вредными впечатлениями угрожают, а потому к предупреждению оных требуют осторожности.

7.

По Сему обер-Полицеймейстер обязан доставлять Комитету все сведения, которые от него требуются будут и исполнять данные ему от оного предписания.

8.

О том, что заслуживает внимания ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА или требует ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения, комитет немедленно доносит ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ: в случаях же не терпящих ни малейшего отлагательства, оные разрешаются в Комитете Министров, на основании 8-го пункта данного оному наставления.<sup>3</sup>

9.

Само собою разумеется, что существование сего Комитета, равно и советования его по вышеуказанным предметам и сношения с Полициею и Дирекциею Почт, должны сохраняемы быть в совершенной тайне: дабы не возродить в обществе напрасного опасения, что предстоит какое зло, и через то не нарушить его спокойствия. А по сему для письменводства, по делам в Комитете производящимся, не назначать особых чиновников, а исправлять оные в департаменте Министра Внутренних дел.

10.

В рассуждение второй обязанности Комитета об отвращении недостатка и дороговизны припасов, которые главнейше происходят

а) от скупок и перекупок

б) от притеснений торгующим и доставляющим в город припасы

Комитет потребует от обер-полицеймейстера сведения, какие меры полиция приемлет к отвращению сих двояких злоупотреблений: и буде признает их недостаточными или ненаблюдаемыми. то вникнув во все обстоятельства дела и в причины, производящие зло. Комитет избирает удобнейшие и вернейшие средства к отвращению оного.



Все предписания, которые Комитет за нужное признает сделать, даются от лица того министра, до которого оно касаться будет, по вверенным управлению их делам.

## № 5

**ЗАПИСКА Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ КОМИТЕТА ОХРАНЕНИЯ ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

На поле вверху надпись «*Быть по сему. Александр.*»

*В С.П.бурге, Января 20-го дня. 1807 Года.*

Государь Император, признавая сколь много во время настоящей войны общественное спокойствие и личная безопасность каждого, зависят от деятельных и благоразумных мер, какие по части высшей полиции приняты быть могут для предупреждения пагубных замыслов внешних врагов Государства, и для точнейшего изыскания и открытия способов и лиц которые могут быть ими употребляемы, как в самих Столицах, так и внутри Государства: и обращая Высочайшее свое внимание на право следствий по сему роду дел, тем более что всякая погрешность и упущение производителей обратиться может или к притеснению невинности или к сокрытию преступления: Высочайше соизволили учредить Комитет охранения общей безопасности составив оный из Министра Юстиции Князя Лопухина<sup>4</sup> и Тайных Советников и Сенаторов Макарова и Новосильцова<sup>5</sup> повелевая сверх того присутствовать в сном, когда нужда того потребует. Министру Внутренних дел и Главнокомандующему в Столице. Министру Военных Сухопутных Сил.<sup>6</sup>

Обязанности сего Комитета означаются в следующих пунктах:

1<sup>е</sup>

Коварное Правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей повсеместных разрушений и дезорганизацию, между прочим, как известно, покровительствует рассеянным во всех Землях остаткам тайных обществ под названием Иллюминатов, Мартинистов и других тому подобных: и через то имеет во всех Европейских Государствах, исключая тех Зловредных Людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся и таких еще тайных сообщников, которые так сказать побочным образом содействуют французскому правительству и посредством коих преуспевает оно в своих злонамерениях. Обращая особенно бдительное внимание на сей предмет Комитет стараться должен:

1<sup>е</sup>. Предусматривать все то что могут произвести враги Государства сими путями ко вреду оною; принимать сообразные обстоятельствам меры к открытию Лиц, посредством коих могут они вознамериться завести внутри Государства вредные связи и отвращать или искоренять благовременно такое зло.

2<sup>е</sup>. Предписывать порядок следствия и наблюдать за производством по делам сего рода.

Комитет избирать должен для сего деятельнейшие средства, к получению скорых и вернейших сведений о проживающих в Столице и вновь приезжающих подозрительных людях; о разглашаемых слухах, сочинениях и известиях вредные последствия иметь могущих и о скопищах и собраниях подозрительных.

3<sup>е</sup>

Для получения таковых сведений. Комитет дает нужные предписания обер полиции мейстеру. и буде нужно употребит к тому по своему усмотрению и другие лица. Министр внутренних дел сообщать оному будет известия через губернаторов из губерний получаемые и открываемые по Дирекции почт о подозрительных переписках.

4<sup>е</sup>

Коль скоро Главнокомандующий в Столице или обер полиции мейстер откроют преступление, в коем подозреваются шпионство и измена, то немедленно сообщают о том Комитету, который по соображению обстоятельств предписывает оберполицимейстеру или кому следует, порядок каким поступать при задержании подозреваемых людей, при изыскании соучастников и открытии всех отношений и связей преступления.

5<sup>е</sup>

Естьли Комитет получит сведение о таком преступлении другим каким образом, то немедленно даст кому следует нужное предписание о произведении надлежащего изследования.

6<sup>е</sup>

Вообще дела касающиеся до измены Государству и тайных заговоров противу общей безопасности, которые должны быть сохраняемы в величайшей тайне поступают при самом своем начале в сей Комитет и оным производятся.

7<sup>е</sup>

Для исполнения сих обязанностей Комитет дает немедленно обер полиции мейстеру и другим лицам нужные секретные предписания как им поступать во всех вышеуказанных случаях.

Н. Новосильцов

### ПРОЕКТ ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА ОБ УСТРОЙСТВЕ ВЫСШЕЙ ПОЛИЦИИ<sup>7</sup>

События 14 декабря и страшный заговор, подготавливавший уже более 10 лет эти события, вполне доказывают ничтожность нашей полиции и необходимость и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение.

Тайная полиция почти немислима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею.

Вскрытие корреспонденции составляет одно из средств тайной полиции и при том самое лучшее, так как оно действует постоянно и обнимает все пункты империи. Для этого нужно иметь лишь в некоторых городах почтмейстеров, известных своею честностью и усердием. Такими пунктами являются Петербург, Москва, Киев, Вильна, Рига, Харьков, Одесса, Казань, Тобольск.

Для того, чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника.

Он должен бы носить звание министра полиции и инспектора корпуса жандармов в столице и в провинции. Одно это звание дало бы ему возможность пользоваться мнениями честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить какие-нибудь интересные новости. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться. К этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармских офицеров, рассеянных во всех городах России и во всех частях войска: это дало бы возможность заместить на эти места людей честных и способных, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но, нося мундир как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарность служат для офицера лучшим поощрением, нежели денежные награды, но для тайных агентов не имеют такого значения, и они нередко служат шпионами за и против правительства. Министру полиции придется путешествовать ежегодно, бывать время от времени на больших ярмарках, при заключении контрактов, где ему легче приобрести нужные связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся к наживе.

Его проникательность подскажет ему, что не следует особенно доверять кому бы то ни было. Даже правитель канцелярии его не должен знать всех служащих у него агентов.

Личная выгода и опасение лишиться чрезвычайно доходного места будут ручательством в верности этого правителя канцелярии относительно тех дел, которые должны быть известны ему.

Гражданские и военные министры и даже частные лица встретят поддержку и помощь со стороны полиции, организованной в этом смысле.

Полиция эта должна употребить всевозможные старания, чтобы приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха. Всякий порядочный человек сознает необходимость бдительной полиции, охраняющей спокойствие общества и предупреждающей беспорядки и преступления. Но всякий опасается полиции, опирающейся на доносы и интриги.

Первая внушает честным людям безопасность, вторая же — пугает их и удаляет от престола.

Итак, первое и важнейшее впечатление, произведенное на публику этой полицией, будет зависеть от выбора министра и организации самого министерства: судя по ним общество составит себе понятие о самой полиции.

Решив это дело в принципе, нужно будет составить проект, которые по всей важности не может быть составлен успешно, но должен быть результатом зрелого обсуждения, многих попыток и даже результатом самой практики.

#### Примечания

<sup>1</sup> В 1805 года военный министр и главнокомандующий в столице — С. К. Вязмитинов, министр юстиции — П. В. Лопухин, министр внутренних дел — В. П. Кочубей.

<sup>2</sup> Этот пункт отчеркнут карандашом Александром I.

<sup>3</sup> Этот пункт отчеркнут карандашом Александром I.

<sup>4</sup> П. В. Лопухин.

<sup>5</sup> Александр Семенович Макаров, сенатор с 1800 года. В 1794-1801 годы — обер-секретарь Тайной экспедиции. Николай Николаевич Новосильцев — в описываемый период — один из ближайших советников Александра I, автор проекта.

<sup>6</sup> В этот период военный министр и главнокомандующий в столице — С. К. Вязмитинов, министр внутренних дел — В. П. Кочубей, затем — А. Б. Куракин. Вскоре Комитет фактически возглавит фельдмаршал Н. И. Салтыков.

<sup>7</sup> Эта записка была представлена Бенкендорфом императору Николаю I весной 1826 года.

#### № 7

### УКАЗ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I № 449 ОТ ИЮЛЯ 3 1826 ГОДА

Именной, данный Управляющему Министерством Внутренних дел  
О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии

Признавая нужным устроить под начальством генерала-адъютанта Бенкендорфа третье Отделение при Собственной Моей канцелярии, Я повелеваю: Особенную Канцелярию Министерства Внутренних дел уничтожить, обратя по выбору генерал-адъютанта Бенкендорфа часть чиновников оной под управлением действительного статского советника фон Фока в состав сего Отделения.

Предметами занятий сего 3 Отделения Собственной моей Канцелярии назначаются:

1) Все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции.

2) Сведения о числе существующих в государстве разных сект и расколов.

3) Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости министерств финансов и внутренних дел.

4) Сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5) Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

6) Заведование наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются государственные преступники.

7) Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из одного выезжающих.

8) Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9) Статистические сведения, до полиции относящиеся.

На основании сих начал предписываю вам:

1) Преобразовать тотчас по вышеописанному Особенную канцелярию Министерства Внутренних дел в состав 3 Отделения Собственной Моей Канцелярии.

2) Распределить все производившиеся в сей Канцелярии дела, кои выше не обозначены и кои оставаться должны в заведывании Министерства Внутренних дел, по другим департаментам сего министерства.

3) Предписать всем начальникам губерний и сообщить другим лицам, до которых сие касаться может, дабы они о всех вышеизложенных предметах, входящих в состав 3 Отделения Собственной Моей Канцелярии, доносили прямо на имя Мое с надписанием по 3 Отделению сей Моей Канцелярии.

Наконец, 4) войти в надлежащее сношение с генерал-адъютантом Бенкендорфом о всех предствах, кои представляются успешнейшими к исполнению сего устройства.

## № 8

### УКАЗ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I № 1062 ОТ АПРЕЛЯ 23 1827 ГОДА

Именной, данный Управляющему Главным Штабом.  
Об учреждении пяти округов Жандармского Корпуса.  
(С приложением положения, росписей и штата)

Находя нужным учредить по прилагаемому расписанию пять Округов Жандармского Корпуса, повелеваю вам ныне же привести оное в исполнение.

1) Округам сим именоваться по номерам. Каждый Округ делится на отделения, которые имеют свои номера в оных.

2) Для замещения мест, по сему расписанию назначенных, нужное число генералов, штаб- и обер-офицеров избрать из состоящих ныне на службе или в отставке чиновников, известных отличною службою, расторопностью, усердием и особенно хорошей нравственностью, которых и представить Мне на утверждение.

3) Жалованье всем генералам, штаб- и обер-офицерам отпускать со дня определения их в Корпус Жандармов по армейскому Кирасирскому окладу<sup>1</sup>.

4) Конфирмация [утверждение приговоров] следственных и военных дел над всеми чинами Жандармского Корпуса предоставляются отныне начальникам оного, по мере власти, каждому данной, на основании доклада, конфирмованного 1806 года октября 18 дня<sup>2</sup>.

5) Назначенных по сим штатам писарей выбрать по усмотрению вашему.

6) Сумму, определенную штатами, которая будет следовать в течение сего 1827 года, отпустить Военному министерству из Государственного

Казначейства, а с 1 января 1828 года вносить оную в смету Военного Министерства по примеру прочих войск.

7) Назначенные с 1 января 1827 года на содержание Управления Корпуса Жандармов из Государственного Казначейства 17252 рубля 50 копеек ассигнациями включены в штат оному Управлению, а потому продолжение отпуска сей суммы прекратить.

### ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1) Жандармские команды разделить на пять Округов по прилагаемому при сем расписанию под литерою А.

2) Гвардейский полуэскадрон и армейский полк в состав Округов не входят, а остаются на нынешнем положении.

3) Шефу жандармов дается власть командира Отдельного корпуса и положение по штату В.

4) Корпус Жандармов состоит под командою Шефа, при котором полагается для управления корпусное дежурство по тому же штату.

5) Округ состоит под начальством генерала Жандармского Корпуса, который называется Округным начальником и имеет власть дивизионных начальников, а для управления Округа имеет дежурство по штату С и D.

6) Округ делится на отделения под командою штаб-офицеров, которые имеют власть полковых командиров и во всем относятся к Округному начальнику. В тех же округах, где начальник оного еще не назначен, штаб-офицеры относятся прямо к Шефу. Оных полагается 26, которым штат под литерою Е.

7) По сим штатам предполагается жалование господам генералам, штаб- и обер-офицерам по чинам.

8) Как дивизионы обеих столиц получают все довольствие от Градских Дум, то сверх-комплектные офицеры (если будут) получают жалование и проч. от военного ведомства.

9) По всем сим штатам писаря и сторожа назначаются из военного ведомства и получают назначенное по штату В обмундирование и содержание.

### Примечания

<sup>1</sup> Штаб-офицеры — звание старшего офицера, от майора до полковника включительно; обер-офицеры — офицерский чин до капитана или ротмистра включительно.

Табель о новых окладах жалованья офицерам и генералам был введен с 1817 г. указом Александра I от 12 декабря 1816 года. Согласно ему в кавалерии было установлено четыре разряда: а) Вся кавалерия старой гвардии (Конный полк), гвардейская конная артиллерия, гвардейский жандармский полуэскадрон; б) Кавалерия новой гвардии (Кирасирский, Конно-егерский полки) и армейский жандармский полк; в) Армейская кавалерия (кирасирские полки), Свиты Е. И. В. квартирмейстерской части, учебный кавалерийский эскадрон, майоры армейского жандармского полка; г) Армейская кавалерия (драгунские, конно-егерские, гусарские, уланские полки), армейская конная артиллерия, жандармы внутренней стражи. Различия в окладах начинались с 7 класса, ибо по «Табелю о рангах» ротмистр в гвардейской кавалерии соответствовал подполковнику в других родах войск, а поручик гвардии был на класс выше поручика армии. Таким образом, жалованье жандармским чинам было установлено по третьему разряду, ниже гвардии, но выше армейской кавалерии и пехоты.

<sup>2</sup> 18 октября 1806 г. Александр I утвердил доклад министра военных сухопутных сил «О решении дел о преступлениях нижних воинских чинов,

не из дворян». В отношении лиц, совершивших побег из части, воровство, было дано право утверждать решение суда бригадным, дивизионным и главным начальникам в зависимости от тяжести проступка. В высший военно-судебный орган, генерал-аудиториат, полагалось представлять лишь те дела, по которым предусматривалась смертная казнь или тяжкое наказание, а также в случае многократных проступков (более пяти побегов из части и т.п.).

## № 9

Секретно

### О ПЕРЛЮСТРАЦИИ

Перлюстрация или тайный досмотр частной корреспонденции, существующий во всех европейских государствах, учрежден в России в царствование императрицы Екатерины II. Главная цель перлюстрационной деятельности — извлечение из частной корреспонденции таких сведений о государственных событиях, таких заявлений общественного мнения, относительно хода дел в Империи и такой оценки действий правительственных лиц, какие официально путем почти никогда не могли бы быть высказываемы.

Кроме того, на обязанности перлюстрационной части лежит также задержание пересылаемых по почте прокламаций и листов противоположительного и революционного содержания, а равно старание раскрывать деятельность и замыслы революционеров и других подозрительных в политическом отношении личностей, и вообще доставление Департаменту полиции сведений, дающих ему возможность успешно бороться с революционным движением в России.

В царствование императора Павла I и особенно, как видно из дела С.-Петербургской Перлюстрационной Экспедиции, императоров: Александра I, Николая I и Александра II, на монаршее воззрение представлялись все извлечения из частной корреспонденции, могущие осветить перед монархом те случаи и обстоятельства, которые, по каким-либо соображениям правительственных или частных лиц, могли бы быть затемнены или скрыты от Его Величества, за какую деятельность чины перлюстрационной части неоднократно удостоивались монаршей благодарности.

В царствование в Бозе почивающего императора Александра III на монаршее воззрение были представляемы ежегодные всеподданейшие отчеты о деятельности перлюстрационной части в империи, о чем гласят следующие надписи на оных рукою господина министра внутренних дел: на отчете за 1886 года «рассмотрено Его Величеством 7 июня 1887 г.», на отчете за 1887 год в 3-х томах: на 1-м томе «Возвращено от Его Величества 14 марта», на 2-м томе «Возвращено от Его Величества. 25 марта 1888 г.» и на 3-м томе — «Возвращено от Его Величества. 28 марта 1888 г.».

Такие отчеты составляются ежегодно и хранятся в архиве перлюстрационной части; они содержат в себе свод всех наиболее выдающихся извлечений из частной корреспонденции, представляя собою обзор внутреннего и внешнего положения империи и деятельности всех министерств за данный год.

За последние 15 лет из наиболее крупных событий в деятельности перлюстрационной части в империи были: открытие в зародыше военного заговора в Киеве (благодарственное письмо генерал-губернатора Дрентельна); открытие целых правильно организованных шаек иностранных военных шпионов в Западном Крае; предупреждение имевшегося в виду крушения пассажирского поезда (дело Турчанинова), и наконец, самое выдающееся и удостоверенное бывшим товарищем министра внутренних дел Тайным со-

ветником Плеве — открытие заговора и предупреждение покушения на жизнь Покойного Государя Императора Александра III 1 марта 1887 года.

Производство перлюстрации, не допускающее никаких, в чью бы то ни было пользу, изъятий, при составлении извлечений из писем и поэтому представляющее важную государственную тайну, поручается весьма ограниченному числу чиновников, в коих положительно дознаны: безграничная преданность Особе Государя Императора и Отечеству, полное беспристрастие, постоянная готовность к труду, нравственность, скромность и умственное развитие, словом, качества, дающие им право на неограниченное доверие.

Сообразно с обстоятельствами и необходимостью, в империи были учреждены, по Высочайшим повелениям, до 1881 года, 7 перлюстрационных пунктов: в С.-Петербурге, Москве, Варшаве, Вильне, Одессе, Киеве и Харькове.

В царствование же императора Александра III признано было необходимым учредить еще новые три пункта: в Тифлисе, Казани и Нижнем Новгороде. Перлюстрационные чиновники, независимо от небольшого содержания, производимого им по штатным гласным должностям почтовой цензуры иностранных газет и журналов, занимаемым ими для сокрытия действительных, более важных обязанностей, получают за перлюстрационные занятия негласное жалованье из суммы в 107 000 рублей, отпускаемой ежегодно из государственного казначейства, в распоряжение министра внутренних дел, на известное Государю Императору употребление. Эта сумма, как равно и 8000 рублей, отпускаемых с прошлого 1894 года на тот же предмет, по Высочайшему повелению, из сумм Департамента полиции, расходуются по ежегодно утвержденному министром внутренних дел бюджету.

Статс-секретарь Дурново. 5-го января 1895 года»

На этом докладе имеется пометка: «Доложено Его Величеству. В С.-Петербурге 5-го января 1895 года. Ив. Дурново.»

## № 10

Из книги: «Свод знаний обязательных для каждого унтер-офицера губернских, областных и уездных жандармских управлений, а также дополнительного штата губернских жандармских управлений по наблюдательной их деятельности».

Составил Отдельного Корпуса Жандармов подполковник Померанцев. По распоряжению начальника Харьковского Губернского Жандармского Управления настоящее издание принято к руководству унтер-офицерами дополнительного штата означенного Управления.

Гриф «Не подлежит оглашению».

Харьков 1897 год.

### Глава 5-я

Обязанности жандармских унтер-офицеров по предупреждению и пресечению преступлений

Сведения, изложенные в предыдущей главе, с достаточной ясностью указывают, что всестороннее расследование и рассмотрение преступных деяний, а также назначение, определенных за эти деяния, наказаний

законом всецело возложено на чинов судебного ведомства. Но расследованию и рассмотрению того или другого преступного деяния, обыкновенно предшествует обнаружение его, что с успехом может быть выполнено только при всестороннем негласном наблюдении за населением вообще и за отдельными, вредными членами общества, в частности. Этот путь дает возможность не только обнаружить совершившееся уже преступление, но предупредить и пресечь его. Вот эти-то обязанности законом и возложены на полицию и чинов Отдельного Корпуса Жандармов. Причем полиция обязанности эти несет по отношению могущих проявиться общеуголовных преступлений, а чины Корпуса Жандармов — государственных и политических.

Таким образом, наблюдение представляет собою одну из важнейших и труднейших отраслей служебной деятельности. Важность его вытекает уже из того, что результаты наблюдения служат основанием или к предупреждению и пресечению нарушений закона или являются руководящею нитью при расследовании совершившегося уже преступления.

Такое важное значение наблюдения указывает, насколько оно должно вестись тщательно и беспристрастно. В основании наблюдательной деятельности должны быть положены безусловные честность и благоразумие. Без этих качеств оно будет по меньшей мере бесполезно, если только не вредно для дела.

Трудность наблюдения обуславливается прежде всего тем, что оно должно быть негласным, то есть должно вестись так, чтобы лицо, обратившее на себя чем-либо внимание, не должно и подозревать, что за ним имеется наблюдение, а это делается тем труднее, что несмотря на особую важность наблюдательных обязанностей, нет никакой возможности дать какую-либо точно определенную инструкцию для их выполнения: безусловно невозможно перечислить все жизненные проявления, вызывающие наблюдение. Так что в деле наблюдения руководящею нитью для наблюдающего должны служить его собственный смысл, внимание и любовь к делу, опыт и отсюда умение оценивать факты.

Предупреждение и пресечение государственных и политических преступлений, а равно наблюдательные обязанности в этом отношении возложены, как сказано выше, на гг. офицеров Отдельного Корпуса Жандармов. Ближайшими помощниками их в этом деле являются унтер-офицеры того же Корпуса, ввиду чего эти последние размещаются в городах и более населенных слободах и местечках, по 2 человека на каждом пункте.

Жандармские унтер-офицеры, находясь на отдельных пунктах, иногда отстоящих от штаб-квартиры ближайших их начальников на несколько десятков верст, далеко не всегда в наблюдательной их деятельности имеют возможность воспользоваться соответствующими указаниями своих начальников: заочное определение значения того или другого факта, без достаточных о нем сведений, а тем более указание на тот или другой способ наблюдения — немислимы. Сверх того бывают случаи, когда в интересах дела является необходимость безотлагательно предпринять то или другое действие.

Такое положение требует, чтобы жандармский унтер-офицер был не только сметлив и благоразумен, но и имел бы достаточное понятие как о лицах, проявляющих политические преступные деяния, так и способах проявления последних, а равно и о той среде, на которую стараются воздействовать названные лица. Познания эти должны служить для каждого унтер-офицера руководящею нитью при выборе лиц и мест, на которых главным образом должна сосредоточиться наблюдательная его деятельность.

Лица, отвергающие религию, отрицающие всякую власть, злоумышляющие против Государя Императора и Членов царствующего Дома, стремящиеся ниспровергнуть правительство и изменить существующий у нас порядок правления, — называются социалистами-революционерами и представляют собой государственных и политических преступников. Они требуют равенства прав и имущества всех и каждого. По их учению, управление государством должно быть народное, а крупные имущества, земля, капиталы и прочее должны быть отняты у теперешних владельцев и разделены между всеми. Для достижения всего этого социалисты-революционеры распространяют между народом враждебные для правительства толки, сеют убеждения, противные существующему порядку и все это делают с целью вызвать в народе недовольство существующим у нас порядком управления.

Главное свое внимание социалисты-революционеры обращают на недоучившуюся молодежь, учеников, исключенных из разных учебных заведений, бедняков, не имеющих определенного способа пропитания и на молодых фабричных и ремесленников, оторванных от семей и привыкших к разгульной жизни.

Проповедуя между ними свободу и равенство и действуя на них приманкой своеволия и разврата или надеждой на разжигу при разделе крупных имуществ, социалисты-революционеры легко образуют из них людей, озлобленных против настоящего порядка и мало-помалу увеличивают ими ряды своих последователей.

Дознаниями установлено, что социалисты-революционеры при достижении своей цели не стесняются никакими средствами и даже общеуголовными преступлениями.

Именуя себя «друзьями бедного народа» и «защитниками честного труда», социалисты-революционеры пользуются народными бедствиями: голодом, повальными болезнями, поджогами и т. п. для того, чтобы, разжигая страсти и без того ожесточенного народа, возбудить его к мятежу и беспорядкам.

Революционеры вербуют своих соумышленников между преступниками, научают детей обкрадывать своих родителей, возбуждают между фабричными огульные забастовки или стачки и развращают молодых женщин и девиц, которые потеряв свою честь и имя, делаются впоследствии ревностными распространительницами учения социалистов-революционеров.

Социалисты-революционеры главным образом ютятся в больших городах и более населенных местностях, где стуженность населения дает им большую возможность скрывать, как самих себя, так и преступную их деятельность, а масса фабричной [и] учащейся молодежи представляет для них среду, в которой они легко могут сеять свои преступные убеждения и таким образом увеличивать число своих последователей.

Группируясь в больших городах, социалисты-революционеры составляют из себя тайные сообщества и кружки. Каждый в отдельности из входящих в состав сообщества или кружка называется членом его.

Для осуществления своих преступных замыслов социалисты-революционеры устраивают тайные типографии, динамитные мастерские, приобретают паспортные бланки, делают снимки с печатей и подписей и т. п. Потребные на это материальные средства, то есть деньги они собирают между сочувствующими их стремлениям, устраивают лотереи и платные вечеринки, а иногда прибегают к грабегам, кражам и другим хищничествам, как например, поступают служителями в банки и разные конторы и обкрадывают их.



Чтобы скрыть себя от взоров правительства, социалисты-революционеры живут по подложным паспортам, часто меняют свои имена, а между собою сносятся шифрованными, то есть писанными цифрами или условными буквами, письмами.

Преступные убеждения свои социалисты-революционеры распространяют или путем устных речей и бесед или же путем раздачи преступных сочинений, отпечатанных в вышеупомянутых тайных типографиях или заграницей.

Находясь в городах, социалисты-революционеры знакомятся с молодежью, преимущественно с учениками разных учебных заведений, составляют из них кружки, сами читают и дают им для чтения различные преступного содержания сочинения, направленные к порицанию Верховной власти и существующего у нас порядка правления.

Чтобы распространить свои преступные убеждения между простым народом, то есть рабочими и крестьянами, социалисты-революционеры, во 1-х, стараются занять места сельских и домашних учителей, фельдшеров, акушеров и вообще те должности, которые дают им возможность стать ближе к народу.

2. Поступают управляющими и приказчиками в имения; кассирами, винокурами и конторщиками на фабрики и заводы и т. п.

3. Открывают разные рабочие артели, столярные, слесарные и кузнечные мастерские, пивные лавочки, постоянные дворы и вообще разные заведения, посещаемые простым людом.

4. Устраивают бесплатные сельские школы, собирают к себе учеников, или сами ходят давать уроки по домам.

5. Одеваясь простыми рабочими и ремесленниками, работают под чужими именами на фабриках, заводах, пристанях; поступают в артели плотников, штукатуров и т. п.

6. Посещают ярмарки в виде странников, сборщиков на церкви, переходят из села в село разносчиками мелких товаров, пристают к артелям землекопов, косарей и т. п.

7. Поступают вольноопределяющимися в войска и сводят дружбу с новобранцами.

8. Посещают кабаки, трактиры, ночлежные дома.

9. Живут в странноприимных домах и поселяются между раскольниками и т. д. и т. д.

Проникнув таким образом в среду крестьян и рабочих и заручившись их доверием, социалисты-революционеры, под видом дружеских бесед, рассказывают им про правительство разные возмутительные повествования, возбуждают в них вражду против существующего порядка и высших сословий, научают петь бунтовские песни и проповедуют о необходимости раздела земли и имущества, истребления властей и т. п.

Посещая трактиры, харчевни и кабаки, социалисты-революционеры, задобив предварительно посещающий эти заведения простой люд путем подпайвания, заводят беседы о якобы угнетенном положении крестьян и рабочих, распространяют слухи о переделах земли, доказывая, что земля не должна принадлежать помещикам, а всецело представлять собою собственность крестьян. Возбуждают крестьян против властей и подстрекают их к сопротивлению и неповиновению распоряжениям правительства, как например, по уплате податей и т. п.

То же самое социалисты-революционеры делают, поселяясь на фабриках, заводах и в разных мастерских. Распространяют между рабочими противоправительственные убеждения, стараются восстановить их против существующего порядка правления, доказывают, что все сословия должны

быть равны, а все имущество должно быть разделено поровну. Убеждают ремесленников, что бедность их происходит от угнетения богатыми, что фабрики и заводы должны быть собственностью их, ремесленников; вызывают этих последних ко вражде против состоятельных классов, возбуждают их против их хозяев или управляющих фабриками и заводами и т. д. Результатом такой деятельности социалистов-революционеров являются стачки, забастовки и вообще всякие смуты и беспорядки.

Грамотных крестьян, а равно заводских и фабричных рабочих социалисты-революционеры нередко снабжают разными возмутительными воззваниями и книжками, в которых под видом песен, сказок и повестей описывают мрачными красками положение крестьян и рабочих и тем стараются возбудить в последних вражду к правительству и высшим сословиям и вызвать со стороны рабочих поголовное восстание против правительства.

Такого же содержания воззвания и книжки социалисты-революционеры иногда разбрасывают, а иногда расклеивают по заборам в местах, где в известное время скопляется народ, как например: на ярмарочных и базарных площадях и т. п., или прямо раздают собравшимся по какому-либо случаю крестьянам. Снабжают ими также и школьных учеников.

Проявляя вышеописанным способом свою деятельность, социалисты-революционеры преследуют исключительно одну только цель: вызвать в населении недовольство существующим порядком правления и возбудить в народе стремление путем всеобщего восстания ниспровергнуть правительство.

Вот в общих чертах цель, стремления и главнейшие способы проявления преступной деятельности со стороны социалистов-революционеров.

Приведенные сведения являются достаточным указанием, как на лиц, так и места, на которых главным образом должно быть сосредоточено внимание жандармских унтер-офицеров.

Сведения эти вменяют в обязанность каждого жандармского унтер-офицера:

1. Знать вверенный ему в наблюдательном отношении участок во всех подробностях, что им может быть достигнуто путем возможно частых объездов. Имеющиеся на участке имения, фабрики, заводы, разного рода мастерские, а в селах — странноприимные дома, трактиры, харчевни, постоянные дворы, кабаки и т. п. заведения хорошо должны быть известны жандарму.

2. На своем участке жандармский унтер-офицер обязан знать не только начальствующих и отдельных более или менее имеющих влияние лиц, но и все население участка. Мало того, он должен заслужить доверие и расположение этого населения. По отношению к последнему он должен поставить себя так, чтоб всякий был уверен, что в случае надобности всегда получит от жандарма дельный совет и встретит участие.

3. О лицах, имеющих влияние на народ, а равно занимающих какие-либо должности, как-то: народных учителей и учительницах, фельдшерах, акушерках; находящихся в имениях: приказчиках, слесарях, машинистах и т. п., каждый жандармский унтер-офицер должен иметь самые подробные сведения. Семейная жизнь, поведение, круг знакомых и отношение к населению этих лиц хорошо должны быть ему известны.

4. На лиц, временно прибывающих на участок, как-то: странников, книгонош, сборщиков на церкви, послушников, черничек [монашек], мелких торговцев, а также приезжающих на каникулы: студентов, гимназистов и семинаристов — должно быть обращено особенное внимание жандармского унтер-офицера. Ему хорошо должно быть известно: у кого,

какой срок и зачем находилось то или другое лицо, а также не имело ли оно каких-либо сношений с народом.

5. По отношению находящихся на участке фабрик, заводов, а также кузнечных и слесарных мастерских жандармский унтер-офицер обязан знать: владельцев и администрацию этих заведений, количество рабочих, принадлежат ли последние к местному населению или пришлые; каковы отношения между рабочими и администрацией и нет ли в числе рабочих, так называемых коноводов, подчиняющих своему влиянию остальных своих товарищей. На все проявления на этих заведениях со стороны жандармского унтер-офицера должно быть обращено самое тщательное внимание.

6. По отношению странноприимных, постоянных и ночлежных домов, а также трактиров, харчевен и кабаков внимание жандарма должно быть направлено на то, не служат ли эти заведения местом сборища для лиц сомнительной благонадежности; не появляются ли в них время от времени политически неблагонадежные лица и не устраивают ли беседы с посетителями. Наконец, что представляют собою сами содержатели этих заведений: не представляют ли собою принятые ими на себя обязанности корчмаря, кабагчика и т. п. только средство для сближения с народом.

7. Ярмарки, торжки и вообще места народных сборищ безусловно должны быть посещаемы жандармами. Могут быть случаи, что злонамеренные лица, пользуясь скоплением из разных деревень народа, позволяют себе распространять между ними зловерные, противоправительственные учения или раздавать вышеупомянутые воззвания и книжки преступного содержания. Да кроме того, находясь в этих местах, внимание жандармского унтер-офицера могут обратить на себя разные толки и слухи, которыми обмениваются между собой съехавшиеся из разных мест крестьяне. Эти слухи и толки, иной раз кажущиеся нелепыми, при проверке их, нередко служат указанием на проявление той или другой, если не преступной, то предосудительной деятельности того или другого лица. Жандармский унтер-офицер должен быть чуток ко всему и ничего не оставлять без должного внимания.

8. Вращающиеся между крестьянами, а равно фабричными и заводскими рабочими, печатные и писанные издания, как-то: картины, воззвания и книжки — должны сосредоточивать на себя особенное внимание жандарма. В этом отношении на обязанности жандармского унтер-офицера лежит: а) знать, какие именно издания читаются народом, нет ли между ними подобных вышеупомянутым преступных по своему содержанию и б) каким путем приобретаются народом эти издания: не раздают ли их крестьянам и рабочим какие-либо лица, время от времени появляющиеся в деревнях, или не снабжают ли ими крестьян проживающие в деревнях: писаря, народные учителя, фельдшеры и т. п. лица, или не наделяют ли ими рабочих и крестьян приезжающие на каникулы: студенты, семинаристы, гимназисты и другие воспитанники разных учебных заведений.

9. Об образе жизни, поведении, занятиях и сношениях поднадзорных, проживающих на участке того или другого жандармского унтер-офицера, этот последний обязан иметь самые подробные сведения. Вот общий перечень всего того, на чем главным образом должно сосредоточиваться внимание жандармских унтер-офицеров и что должно служить предметом наблюдательной их деятельности.

Приступая к практическому осуществлению своего назначения, каждый жандармский унтер-офицер прежде всего обязан помнить и вполне сознавать, что он по отношению жителей, населяющих его участок, не

представляет собою какого-либо начальника и что он поставлен исключительно с целью ограждения этого населения от злонамеренных людей, стремящихся поколебать веками освященную веру русского народа в Бога, Царя и Отечество.

Жандармским унтер-офицерам при выполнении ими наблюдательных обязанностей законом не предоставлено никаких полномочий, то есть никаких прав, в силу которых они могли бы самостоятельно предпринять то или другое действие. В этом отношении жандарм — беспрекословный исполнитель приказаний и указаний своего непосредственного начальника и, как ближайшему помощнику последнего ему вменяется в обязанность обо всех происходящих на его участке и по характеру своему могущих быть отнесенными к которому-либо из вышеприведенных пунктов проявлениях докладывать лично или доносить своему начальнику. Обратит ли на себя внимание жандарма появившееся на его участке какое-либо новое лицо, старающееся войти в сношения с рабочими или крестьянами; заметит ли он, что у народного учителя, писаря, фельдшера или какого-либо другого лица собираются крестьяне, ведут беседы и неодобрительно отзываются о правительстве или о каких-либо правительственных распоряжениях; дойдут ли до жандарма слухи, что на фабрику или на завод поступил в качестве рабочего какой-то человек, который рассказывает что-то своим товарищам про правительство и дает им читать какие-то книжки; узнает ли он, что на такой-то постоянный двор временами наезжает какой-то молодой человек, который и читает там собирающимся к его приезду крестьянам какие-то книжки и т. д. и т. д., словом обо всем, представляющем собою попытку к распространению вредных учений, клонящихся к колебанию коренных основ государственной, общественной и семейной жизни, жандармский унтер-офицер, собрав предварительно точные и обстоятельные сведения, обязан доносить своему начальнику.

При собирании о том или другом событии сведений со стороны жандарма должны быть проявлены полное благоразумие, беспристрастие, сметливость и находчивость. Все сведения он обязан собирать совершенно негласно. Настоячивые и неумелые расспросы со стороны жандарма лиц, могущих удостоверить тот или другой факт, могут только повредить делу, тем более, что простонародье, а иногда люди и среднего класса, часто из боязни быть причастными к делу, частью же из-за того, что их впоследствии могут вызывать на допросы и таким образом отрывать от личных их занятий, весьма неохотно сообщают известные им сведения о том или другом событии. Поэтому при собирании сведений жандармский унтер-офицер должен быть крайне осторожен и осмотрителен. Изучив хорошо население своего участка, жандарм обязан знать, с кем и как он должен говорить. Находя необходимым собрать обстоятельные сведения о том или другом событии и зная лиц, от которых можно получить таковые, жандармский унтер-офицер под видом случайной встречи с этими лицами может завести с ними беседу сначала о совершенно посторонних предметах, а затем постепенно перейти к интересующему его событию и, не давая понять своему собеседнику, что он, жандарм, главным образом разузнает об этом событии, получать от него все необходимые сведения. Очевидно, что без сметливости, сообразительности и умения вести подобного рода беседу жандармский унтер-офицер ничего не достигнет.

Донесения жандармских унтер-офицеров должны быть беспристрастны, толковы и обстоятельны и заключать в себе только одну правду. Так, возвращаясь к вышеприведенным примерам, возьмем хотя бы первый из них: внимание жандарма обратило на себя появившееся в его участке

новое лицо, старающееся войти в сношения с крестьянами. В этом случае жандарм как путем личного наблюдения, так и путем бесед с лицами, имевшими сношение с вновь прибывшим лицом, обязан дознать: когда и откуда прибыло это лицо, у кого поселилось, как оно именуется, то есть узнать его имя, отчество и фамилию, приблизительный возраст, с кем именно из крестьян лицо это вошло в сношения и наконец сущность бесед его с крестьянами.

Второй пример: жандарм заметил, что у народного учителя собираются молодые крестьянские парни, из них некоторые, побывав несколько раз у учителя, высказывали, что он беседовал с ними про правительство и про те порядки, какие существуют в других странах. Тем же порядком, то есть путем личного наблюдения и бесед жандарм обязан дознать: какие именно крестьяне собирались и собираются у учителя и что именно этот последний рассказывает про правительство и как относятся к его рассказам собирающиеся у него крестьяне. Независимо сего путем личного наблюдения жандарм обязан дознать: не посещают ли учителя какие-либо другие лица, кроме крестьян, и где именно бывает сам учитель. Ответы на изложенные в приведенных примерах вопросы и должны представлять собою содержание донесения жандармского унтер-офицера своему начальнику. (Образцы донесений см. вкладка. — Прим. составителя.)

Выше было упомянуто, что могут представиться случаи, когда обстоятельства дела сами собой требуют принятий немедленных решительных мер со стороны наблюдающего жандарма. К этого рода случаям должны быть отнесены такие, когда, во-первых, преступное деяние совершается, так сказать, на глазах жандарма, например: прибыв на ярмарку, жандарм увидел, что какой-то человек, собрав вокруг себя крестьян, держит с ними речь: порицает правительство, призывает крестьян к восстанию, для ниспровержения правительства и т. п.; или выйдя на улицу, жандарм заметил на заборе только что наклеенное воззвание, в котором порицается Особа Его Величества Государя Императора, а впереди себя он видит человека, продолжающего наклеивать и разбрасывать точно такие же воззвания; и во-вторых, — когда жандармом с одной стороны будут добыты или получены несомненные и неоспоримые указания на проявления в том или другом месте государственного преступления, а с другой, что следы этого преступления в самом непродолжительном времени будут скрыты и сами виновники исчезнут, например: к жандарму зашел знакомый ему крестьянин, в руках которого находились маленькие наподобие дешевых сказок или песенников книжки. Рассмотрев их, жандарм убедился, что книжки эти преступного, противоправительственного содержания. От крестьянина он узнает, что он получил их от только что приехавшего и остановившегося на таком-то постоялом дворе «барина», что таких книжек у этого барина целая связка и что он безвозмездно раздаст их крестьянам.

В случаях, подобных приведенным в первом пункте, то есть когда преступление совершается на глазах жандарма, этот последний, если на месте есть полиция, то при содействии ее, а в противном случае непосредственно сам обязан задержать преступника, в приведенных примерах говорившего речь и расклеивавшего воззвания, затем принять все меры к тому, чтобы задержанное лицо ничего из находящегося при нем не могло уничтожить, записать всех лиц, бывших свидетелями преступного деяния задержанного и немедленно по телеграфу или с нарочным дать знать об этом событии своему начальнику: впредь же до прибытия его, задержанного доставить в полицейское управление и сдать под охрану полицейских властей или же содержать его при волостном правлении, если происшествие случилось в каком-либо селении.

Во втором случае, то есть когда на преступное деяние имеются несомненные указания и есть опасение, что в непродолжительном времени следы этого преступления будут скрыты, жандармский унтер-офицер, дав немедленно знать об этом своему начальнику, лично сообщает о полученных им сведениях местным полицейским властям (становому приставу, исправнику или приглашает урядника) и вместе с ними и приглашенными понятиями немедленно производят у лица, по имеющимся указаниям, совершающего преступное деяние, обыск и задерживают его. При этом об обыске составляется протокол, который подписывается всеми находившимися при нем, в том числе и жандармом. Составление в этом случае протокола лежит на обязанности приглашенного жандармом для производства обыска полицейского чиновника.

Если бы при приведенном случае и подобных ему полицейских чинов на месте не оказалось, то жандарм сам лично обязан задержать то лицо, о преступной деятельности которого у него имеются несомненные улики, и принять все меры к сохранению всего находящегося при этом лице. Приступая к задержанию подобного лица, жандармский унтер-офицер должен пригласить не менее двух посторонних лиц в качестве понятых, в присутствии которых и произвести как задержание, так и принятие мер к охранению всего принадлежащего задержанному.

Выше было сказано, что к числу государственных преступлений относятся: произнесение дерзких, оскорбительных слов и суждений против Особы Государя Императора и Членов царствующего Дома, а также уничтожение и оскорбление Их изображений, то есть портретов и бюстов Их Императорских Величеств и Высочеств. Преступления эти, как показывает практика, преимущественно совершаются простонародьем, причем совершая таковые преступные деяния, большая часть этих лиц не имеет даже представления о преступном учении социалистов-революционеров, совершает же таковые преступления, благодаря исключительно своей глупости, невежеству и пьянству. В подобных случаях на обязанности жандарма лежит собрать точные сведения: когда и какое именно совершено преступление, кем: звание, имя, отчество, фамилия или кличка, лета от роду, занятия, образ жизни и семейное положение совершившего преступления, а также, какую репутацией он пользуется в своем обществе, затем, в каком виде (пьян или трезв) он находился при совершении преступления и, наконец, какие именно лица находились при совершении преступления. Все сведения по приведенным вопросам жандармский унтер-офицер без замедления должен представить на усмотрение своего начальника. Если при совершении такого рода преступного деяния были порваны портреты или побиты бюсты Особ Императорского Дома, то остатки эти предметов должны быть приложены к донесению.

## № 11

### ИНСТРУКЦИЯ

#### Начальникам Охранных Отделений по организации наружного наблюдения

§ 1. Одним из средств негласного расследования является наружное наблюдение за лицами, прикосновенными к революционному движению, для каковой цели назначаются особые лица (филеры).

§ 2. Наружное наблюдение представляется средством, большею частью вспомогательным, а потому, при отсутствии освещения со стороны внутренней агентуры, оно лишь в исключительных случаях может дать

самостоятельный материал для выяснения сообществ. Поэтому наибольшую выгоду из наружного наблюдения можно получить только при строгом сообразовании его с указаниями внутренней агентуры на значение наблюдаемых лиц и намеченных филерами событий.

§ 3. При отсутствии попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, непонятный материал, крайне затрудняющий работу филеров и Отделения.

§ 4. Подробные правила для деятельности филеров изложены в особой инструкции.

§ 5. В видах более успешного наблюдения, филеры должны быть приучены к возможно тщательному запоминанию лиц наблюдаемых, а не к определению их по одной одежде.

§ 6. Начальники Охранных Отделений, кроме денег, назначаемых по их усмотрению и выдаваемых только за дни действительной службы, возмещают филерам также и расходы, вызываемые осуществлением наблюдения (трактиры, извозчики, квартиры и т. под.) по представляемым ими счетам, по мере действительной надобности. Расходы эти покрываются из отпускаемых на каждого филера 15 рублей «суточных» денег.

§ 7. В отношении предоставления филеров для допроса в качестве свидетелей при дознании, надлежит в точности руководствоваться правилами, изложенными в циркулярном предписании Начальникам Губернских и Областных Жандармских Управлений от 20 Марта 1903 года № 2821.

§ 8. Заведывающий наружным наблюдением в Охранном Отделении разрабатывает все поступившие сведения по наблюдению, выбирает из них наиболее серьезные и заслуживающие внимания и представляет таковые через Начальника Отделения в Районное Охранное Отделение, по каждой организации отдельно, один раз в неделю. Никаких переписок помимо Начальника Отделения с другими учреждениями и лицами, а также Департаментом заведывающие наблюдением вести не имеют права.

§ 9. Все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом записываются филерами ежедневно в вечерние рапортчики.

В дальнейшем сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенный период времени (Форма Б.). При этом, прежде внесения в дневник, сведения выверяются соответственно позднейшим данным, делаются установки лиц и домов, которые в день наблюдения не были выяснены.

Независимо сего по каждой организации отдельно составляются сводки лиц и домов, проходящих по наблюдению (Форма Б.).

§ 10. Для более быстрого ориентирования в домах, проходящих по наблюдению, в Отделении должен иметься листковый алфавит сведений о домах, так называемая «дуга домов», на которую нанизываются листки трех цветов в порядке номеров домов по каждой улице особо.

Первый — красный (Форма Г.-I), на который заносятся вкратце все сведения о данном доме по агентуре, делам и проч. (например: «живет социалист-революционер» «Артур» см. Регистр. С.Р. № 1; собираются сходки социал-демократов в квартире № 6 (Агент. № 4); входящий № 108, исходящий № 379 и т. под.). Если дом проходит по наблюдению, то на красном листке ставится штампель того месяца, когда дом проходил по наблюдению: «Наблюдение Январь 1906 г.». Взяв соответствующую сводку можно видеть, кто посещал этот дом.

Второй лист — зеленый (Форма Г.-II) является сводкой наружного наблюдения по этому дому. На нем, в соответствующих графах, по каж-

дой организации отдельно, отмечается: кто, когда и кого посетил в данном доме. В верхней части этого листка (где нет граф) выписываются фамилии, имена, отчества и звания лиц, к которым, по предположению, могло относиться посещение. Зеленые листы, если дом проходит в данное время по наблюдению, находятся у Заведывающего наблюдением и представляют из себя черновую сводку домов текущего наблюдения. По окончании же наблюдения за домом, зеленые листы помещаются на дугу для справок.

Третий лист — белый (Форма Г.-III), представляет из себя выписку из домовых книг лиц, живущих в означенном доме, к квартирам которых, по предположению, могли относиться посещения, агентурное сведение или сведение по переписке. Все три листа на один дом кладутся по порядку один под другой.

§ 11. Сводки к дневникам наблюдения (без дневников) к 5-му числу каждого месяца Начальники Охранных Отделений представляют в Районные Охранные Отделения, в Департамент же Полиции представляются ими ежемесячно к 5-му числу следующего за отчетным месяца списки лиц, проходивших по наблюдению в этом месяце, по каждой организации отдельно, с полной установкой наблюдаемых (фамилия, имя, отчество, звание, лета, вероисповедание, занятие, кличка по наблюдению и в организации) и кратким указанием причин, вызвавших наблюдение. Наиболее серьезным (центральным) лицам следует давать вкратце характеристику в особом примечании к этому списку.

§ 12. Заведывающий наблюдением в районах и старшие филеры в Отделениях должны знать адреса таковых же всех других Охранных Отделений и пунктов для посылки условных телеграмм и писем. Адреса эти и все перемены их сообщаются Начальникам всех Охранных Отделений и Заведывающему Особым Отделом Департамента Полиции.

§ 13. Филерам должны быть заранее отданы приказания о том, кого из наблюдаемых надлежит сопровождать в случае выезда их из города.

§ 14. Сопровождать наблюдением в иногородних поездках следует только лиц: а) в отношении коих имеются специальные на этот предмет распоряжения Департамента полиции, б) заведомо нелегальных, в) основательно подозреваемых в террористических злоумышлениях, и г) относительно которых доподлинно известно, что поездка их имеет революционную цель.

§ 15. Для сопровождения наблюдаемых в иногородних поездках командированы не менее двух агентов, так как только в этом случае может быть обеспечен успех наблюдения и устранены нежелательные случайности (потеря, провал и т. под.).

§ 16. Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует Заведывающему наблюдением в районе и своему Начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например: «Товар Черного везу Тулу» или другую установленную Районными Отделениями форму.

§ 17. В случае выбытия наблюдаемого в сопровождении филеров в район ведения другого Охранного Отделения или Управления Начальнику последних надлежит немедленно телеграфировать о том шифром, с обязательным указанием: какого числа, каким поездом и какой дорогой, в вагоне какого класса и за каким номером, до какого пункта выехал наблюдаемый, как его фамилия, или, если он не установлен, кличка; кто именно его сопровождает; к какой организации он принадлежит; какое значение он имеет для розыска и что требуется в отношении его предпринять (неотступное наблюдение, установка личности, задержание). В этих

телеграммах желательно указывать условные признаки, по которым можно узнать сопровождающего филера.

§ 18. В случаях переездов лиц, причастных к преступной деятельности, наблюдательные агенты передают наблюдаемого, для дальнейшей проследки, тотчас по прибытии в район первого же на пути Охранного Отделения или Жандармского Управления филерам сих учреждений. Если же лицо остановилось на более или менее продолжительное время в местности, где филерских отрядов не имеется, то старшему из прибывших филеров вменяется в обязанность явиться к подлежащему Жандармскому Начальству, если таковое есть в данной местности, и, доложив о цели своего прибытия, продолжать наблюдение силами своего Отделения до получения распоряжения своего Начальника.

В то же время Начальник Отделения сообщает Начальнику Управления, в район коего проведен наблюдаемый, необходимые о последнем сведения, входит с Начальником Управления в соглашение относительно дальнейшего наблюдения, т. е. или о передаче наблюдаемого местным органам или о продолжении наблюдения филерами Отделения, причем последнее, если это возможно по состоянию сил Отделения, должно предпочитаться.

§ 19. О выезде всякого наблюдаемого в сопровождении филеров безотлагательно сообщается Начальнику Районного Охранного Отделения с подробными сведениями о личности выехавшего и основаниях, послуживших к сопровождению его.

Если наблюдаемый не будет в дальнейшем передан на ответственность розыскных органов другого района, то о результатах проследок, а равно о прекращении таковых, сообщается дополнительно.

§ 20. О принятии в наблюдение приезжего лица, доставленного иногородними филерами, в течение суток уведомляется соответствующий Начальник Охранного отделения и одновременно сообщается в Районное Отделение, а после того, дополнительно, сообщается о результатах последующего наблюдения.

§ 21. Расходы по разъездам филеров по делам службы вне постоянного местопребывания их покрываются Департаментом полиции, которому и представляются счета по этому поводу с отметкой на представлении и конверте: «по 11-му Делопроизводству».

§ 22. О каждой иногородней командировке надлежит представлять в Департамент Полиции по Особому Отделу, по окончании командировки, сведения о причинах, вызвавших сопровождение наблюдаемого, результатах, достигнутых наблюдением, числе дней командировки и количестве израсходованных денег на командировку, со ссылкой на-\*\*\* представления счетов в III-е Делопроизводство.

## № 12

Совершенно секретно

### ИНСТРУКЦИЯ по организации наружного (филерского) наблюдения

§ 1. Для несения наружной наблюдательной (филерской) службы выбираются строевые запасные нижние чины, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше 30 лет. Преимущество, при удовлетворении условиям, изложенным в последующих §§, отдается окончившим военную службу в год поступления на филерскую службу, а также кавалери-

стам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена.

§ 2. Филер должен быть политически и нравственно благонадежен, твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям, крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такою внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемыми.

§ 3. Филерами не могут быть лица польской и еврейской национальности. Вновь поступившему филеру должно быть разъяснено:

- 1) О том, что такое Государственное преступление.
- 2) Что такое революционер.
- 3) Как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей.
- 4) Несостоятельность учений революционных партий.
- 5) Задачи филерского наблюдения и связь его с внутренней агентурой.
- 6) Серьезность принятых филером на себя обязанностей и необходимость безусловно-правдивого отношения к службе вообще, а к даваемым сведениям в особенности.

7) Вред от утайки, преувеличения и вообще ложных показаний, причем ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемых им сведений ведет к успеху наблюдения, тогда как искажение истины в докладах и, в особенности, стремление скрыть неудачи в его работе, наводят на ложный след и лишают филера возможности отличиться.

§ 4. Когда молодых филеров наберется несколько, то желательно попросить в Отделение священника и привести их к присяге на верность службе.

§ 5. Принимать филеров нужно с большой осторожностью, и, в случаях сомнений, надлежит новичка испытать, для чего выдержать его при Отделении недели две без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер, на основании данных общения его с другими служащими. Бывает, что филер, при всех своих достоинствах, обладает также чрезмерной нежностью к семье или непростительной слабостью к женщинам, — эти качества с филерской службой несовместимы и вредно отражаются на службе.

Филеру в первый же день службы должно быть внушено, что все, что он слышал в Отделении, составляет служебную тайну и ни в каком случае не может быть известно кому бы то ни было.

Во время испытания новичка нужно посылать для детального изучения города. Он должен знать части города, улицы, площади, полицейские участки, проходные дворы, трактиры, пивные, общественные сады, скверы, сколько последние имеют входов, выходов; отход и приход поездов, пути трамвая, конки, места стоянки извозчиков, таксу последних, учебные заведения, государственные и частные учреждения, время занятий в таковых; фабрики, заводы, время начала и окончания в последних работы; формы чиновников, служащих в различных учреждениях и заведениях, техников, учащихся.

Полученные филером в этой области познания он должен представлять ежедневно в письменном виде заведующему наблюдением. По этим письменным ответам можно судить до некоторой степени о пригодности его к филерской службе.



§ 6. При удостоверении в наличии требуемых от филера качеств, можно его посылать и в наблюдение за своими служащими, показав ему некоторые приемы наблюдения; в дальнейшем можно уже будет переходить на настоящее наблюдение, для чего назначать новичка в помощь к старому, опытному филеру, который дает ему соответствующие практические указания и поправляет его ошибки. До этого же о служебных приемах, составляющих тайну, говорить не следует.

§ 7. Так как филер полезен для службы только тогда, когда его мало знают в лицо и не знают его профессии, то филер должен держать себя конспиративно, избегать знакомства, в особенности в месте его квартирования, чтобы там не знали, что он служит в Охранном Отделении. Отнюдь никому не следует говорить о приемах филерской службы, и каждому филеру должно быть внушено, что чем меньше посторонние знают приемы филерской службы, тем успешнее розыск. Квартиру следует избирать в таком доме, где нет учащейся молодежи. Если филер живет одиноко, то комнату подыскивает в таком семействе, где меньше интересовались бы его службой и поздним возвращением домой. Род занятий нужно указать такой, при котором можно поздно возвращаться домой (служба на железной дороге, в товарной конторе, трамвае, гостинице и т. под.), дав филеру возможность иметь у себя дома и некоторые доказательства этого рода занятий.

§ 8. Одеваться филер должен соглашаясь с условиями службы; обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом вообще, и отдельными его частями (шапка, пальто, ботинки и пр.) в частности, из общей массы жителей.

§ 9. Филеры ни под каким условием не должны знать лиц, состоящих секретными сотрудниками, и — наоборот.

§ 10. Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Вследствие этого недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснять лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних.

§ 11. Дабы приобрести навык быстро (с первого же взгляда) запоминать наблюдаемого, филер должен пользоваться всяким удобным случаем для практики в запоминании на лицах не наблюдаемых. Посмотрев на такое, филер, отвернувшись в другую сторону или закрыв на минуту глаза, должен представить себе все приметы этого лица и проверить, таким ли является лицо в действительности.

§ 12. Приметы должны быть замечаемы в следующем порядке: летб, рост, телосложение, лицо (глаза, нос, уши, рот, лоб), растительность на голове и проч., цвет и длина волос, особенности в одежде, походке или манерах.

Примечание. При описании цвета волос рекомендуется не употреблять малопонятных для филеров и не точно определяющих цвет выражений: «брюнет», «шатен», «блондин», а определять цвет так: 1) черный («брюнет»), 2) темный («шатен»), темно-русый, русый («блондин»), светло-русый, седой. Рыжие цвета: темно-рыжий, рыжий, светло-рыжий.

Для более точного определения цвета волос филерам должно показать примеры на живых лицах.

§ 13. При сообщении сведений о каждом наблюдаемом в самом начале должно указывать, где он живет, если же в адресе нет уверенности, то писать: «по предположению в доме № по ...улице». Если местожительство не установлено, то писать: «местожительство не установлено».

§ 14. При посещении наблюдаемыми домов следует точно указывать, помимо улиц, еще номер владения, и фамилию владельца, если нет №, а равно, по возможности, и квартиру (ход, этаж, флигель, окна, балкон и т. под.).

§ 15. Если в одном доме наблюдаемые посещают два или несколько разных помещений, то надлежит каждый раз указывать, куда именно они ходят.

§ 16. Каждому лицу, вошедшему в наблюдение, дается кличка, как равно и лицам, кои, по мнению филеров, будут представляться интересными, или часто встречаются ими по наблюдению.

§ 17. Кличку должно давать краткую (из одного слова). Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.

§ 18. Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится она к мужчине или женщине.

§ 19. Не следует давать одинаковых кличек нескольким лицам. Каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.

§ 20. Упомянув новое лицо под кличкой, должно в вечерней рапортке сообщать подробно, когда, как и где оно почвилось, описать его приметы, а также кто из филеров его лучше знает (Например: Минский мешанин Лейба Инков Фридман (кличка «Худой»), проживающий в доме № 29, квартира 3 по Златоустовской улице. 20-го Сентября «Худой» вышел из дому в 9 часов утра и направился на Спасскую улицу в д. № 26 (по предположению в квар. 5), откуда вышел с неизвестным, по виду рабочим (лет 20—23, среднего роста, плотного телосложения, рябой, русый, с маленькими рыжеватыми усиками, без бороды, коротко остриженный, одет в сероватый пиджак, такие же брюки, высокие сапоги, черная фуражка; при походке прихрамывает на левую ногу), коему дана кличка «Хромой». Наблюдаемый вместе с «Хромым» сели в вагон трамвая и поехали к Гостиному двору, где зашли в писчебумажный магазин Петрова и т.д. Подписи: Фролов, Сидоров, Зорин.)

§ 21. Определенное число филеров, назначенных для наблюдения за определенной личностью или домом, называется наблюдательным постом.

На каждый наблюдательный пост назначается не менее 2 филеров, причем один посильнее, другой послабее.

§ 22. Необходимо менять филеров при назначении на посты, с той целью, чтобы, во-первых, наблюдаемые не замечали одних и тех же наблюдающих за ними филеров, и, во-вторых, чтобы все филеры ознакомились со всей наблюдаемой группой и имели бы понятие о важности того или другого лица в наблюдении. Последнее важно для того, чтобы стоящие ни посту филеры, видя серьезного наблюдаемого без наблюдения, следовательно утерянного, могли оставить свой пост, как менее важный, и взять его в наблюдение для передачи потерявшим филерам. Дабы не оставлять свой пост без наблюдения, можно отделиться только одному. Знать всех наблюдаемых нужно также и для того, чтобы своевременно скрыть себя от случайно проходящего одного из наблюдаемых, так как он может невольно обратить внимание на стоящих филеров, а последним, может быть, завтра же придется за ним наблюдать.

§ 23. Филеру, назначенному на пост, указывается место, откуда нужно взять наблюдаемое лицо, описываются приметы последнего, дается (если есть) фотографическая карточка; сообщается, если известно, время выхода или прихода; вообще дается вся сумма имеющихся данных, по которым можно узнать лицо, подлежащее наблюдению.

§ 24. Во избежание провалов и вообще для конспиративного наблюдения рекомендуется иногда одевать филеров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т. под., смотря по местности и надобности.

§ 25. На пост филер должен прийти не более как за час до известного времени выхода наблюдаемого; если же время неизвестно, то нужно быть на посту ко времени начала общего движения в данной местности.

§ 26. При осуществлении наблюдения необходимо действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться.

§ 27. В ожидании выхода наблюдаемого лица филер становится на таком расстоянии от места выхода, чтобы только видеть последний (на сколько хватает зрения) с тем, чтобы по выходе безошибочно определить по приметам данное для наблюдения лицо.

§ 28. Позиция филера должна быть по возможности закрыта, т. е. чтобы филер не бросался в глаза наблюдаемому лицу. Для этого нужно применяться к местности, пользуясь для прикрытия калитками, углублениями в воротах, бульварами, скверами, парадными ходами, общественными и публичными зданиями и т. под. Удобными местами прикрытия являются находящиеся поблизости: трактир, или чайная, пивная, кофейная и т. под., заведения, где, усевшись у окна, из которого видно место выхода, можно спокойно ожидать наблюдаемого.

§ 29. Во время стоянки на посту, в ожидании выхода наблюдаемого, филеры становятся таким образом, чтобы один был к месту выхода лицом, а другой — спиной; при этом они стараются по возможности изобразить из себя лиц очень занятых деловым разговором, обращая в то же время внимание на окружающее; один из филеров смотрит к месту выхода, а другой отдыхает глазами. Если нельзя стоять, то филер фланирует около места жительства наблюдаемого таким образом, чтобы как можно меньше оставалось места без присмотра, останавливаясь в пути под различными благовидными предлогами: рассматривая витрины, разговаривая с извозчиками, лавочниками, женщинами и проч. В случае совершенно неудобной стоянки и невозможности фланировать, — надлежит занять концы улицы и брать наблюдаемого по пути.

§ 30. При выходе наблюдаемого филер должен держать себя спокойно, не теряться, не срываться с места. Если наблюдаемый еще не увидел наблюдающего за ним филера, то последнему лучше укрыться, но если наблюдаемый заметил, то лучше оставаться, не изменяя положения и трогаться лишь тогда, когда наблюдаемый далеко отойдет или завернет за угол.

§ 31. Заметив выход наблюдаемого и его направление в их сторону, филеры должны быстро сообразить, по условиям местности, как избежать встречи с наблюдаемым; последнее необходимо достигнуть всеми способами, но без суеты и торопливости. Для этого филеры, зная проходные дворы, лавочку, калитку, скрываются туда и, давши время пройти мимо них наблюдаемому, следуют за ним по одной с ним стороне или по противоположной, что зависит от условий местности.

§ 32. Следуя за наблюдаемым, филер должен изучить его походку, характерные движения, обращает внимание на то, как наблюдаемый держит голову, руки, как ступает ногами и проч. Чтобы посмотреть в лицо наблюдаемого, нужно пользоваться людными улицами, базарами, перекрестками улиц, трамваем, конкой и проч., так как в этих местах можно видеть лицо наблюдаемого незаметно для последнего. На глухих улицах и переулках совершенно нельзя смотреть в лицо наблюдаемому.

§ 33. Если встреча наблюдаемого с филерами неизбежна, то не следует ни в каком случае встречаться взорами (не показывать своих глаз), так как глаза легче всего запоминаются.

§ 34. Дистанция, которую нужно держать при следовании за наблюдаемым, зависит от многих причин. Например, если улица прямая, длин-

ная, мало оживленная, — филеры держатся сзади на таком расстоянии, чтобы только видеть наблюдаемого. При следовании по оживленной улице дистанция сокращается; в толпе же нужно держаться близко.

§ 35. Если наблюдаемый начинает оглядываться, то филер должен определить, почему именно он начал оглядываться: потому ли, что намеревается посетить какое-либо конспиративное место и боится, чтобы его не заметили, или потому, что сам заметил наблюдение. В первом случае нужно продолжать наблюдение с большей осторожностью (если место позволяет, то в обход или в объезд), если же есть основание предполагать, что наблюдаемый может заметить даже осторожное наблюдение, то лучше прекратить таковое. Если есть основание предполагать, что серьезный наблюдаемый может уехать из города, то нужно обеспечить железнодорожный вокзал.

Если наблюдаемый вообще очень «строг» (оглядывается, конспирирует), то нужно чаще меняться филерами и вообще вести наблюдение осторожней.

§ 36. Проведя наблюдаемого в дом, филер должен обследовать двор, т. е. узнать, не проходной ли он, и если проходной, то обеспечить все выходы. Проходные дворы в городе, где филер имеет постоянное жительство, он должен знать все наизусть.

§ 37. Все места, куда заходил наблюдаемый, нужно твердо запоминать и, при первом удобном случае, — записывать: время пребывания, прихода и выхода, улицу, № дома, парадное; если на последнем есть карточка, то запомнить ее и записать.

§ 38. Если дом угловой, надлежит обязательно указать под какими №№ он значится с обеих улиц и с какой улицы существует вход в таковой дом.

§ 39. В сведениях не следует писать: «пошел к такому-то», а «пошел в дом такой-то к такому-то».

§ 40. В сведениях должно указывать на те места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники и т. под.), если это уже ранее выяснено.

§ 41. При посещении наблюдаемыми магазинов и мастерских, следует обязательно указывать фамилию владельцев их и улицы, на которых эти заведения находятся.

§ 42. При посещении наблюдаемым какого-либо дома желательно установить квартиру, в которую он зашел, что сразу удается сравнительно редко, почему на первых порах филер ограничивается тем, что узнает, какие №№ квартир в том парадном, куда зашел наблюдаемый, и кто там живет (по дверным карточкам); при дальнейшем наблюдении можно иногда зайти несколько вперед наблюдаемого и пройти на самый верхний этаж, и когда наблюдаемый войдет, то, спускаясь, заметить квартиру, в которую он зашел. С той же целью можно заранее приготовить филера, одетого посылным, или одному из филеров где-нибудь поблизости снять пальто, шапку, даже сюртук, выпустив цветную рубашку навывпуск, и зайти в парадное как бы здесь живущему человеку.

§ 43. Если наблюдаемый завернул за угол, нужно ускорить шаги, дабы видеть, как бы за углом наблюдаемый не зашел куда-либо. Если наблюдаемый будет утерян за углом, значит, он зашел в место, находящееся недалеко от угла. Рассчитав по времени место, куда мог приблизительно зайти наблюдаемый, нужно вновь избрать место стоянки и стать так, чтобы видно было несколько парадных выходов и ворот.

§ 44. В местностях, недоступных для стоянки пешеходов филеров (где они очень заметны), а также к наиболее важным наблюдаемым, для успешности

наблюдения назначается конное наблюдение через филера, переодетого извозчиком.

В извозчики избирается филер более находчивый, знакомый с управлением лошадей, а также с правилами езды извозчиков. Если такового в Отделении нет, то нужно его подготовить (без наблюдения). Без выучки в наблюдение пускать нельзя, так как неумелый извозчик быстро «провалится». Филер-извозчик по внешности, костюму, равно как и его экипаж, ничем не должен отличаться от извозчиков-профессионалов или кучеров собственных экипажей, если употребляется последний. Извозчику-филеру нужно всегда помнить, что по внешности он прежде всего извозчик, а потому он должен исполнять беспрекословно требования полиции, не вступая ни в какие пререкания. Если требования чина полиции приносят вред наблюдению, то оно все равно должно быть выполнено, а потом, незаметно от других извозчиков, филеру нужно переговорить с чином полиции или старшим над ним, сказав ему, кто он есть в действительности. Если этих переговоров можно избежать, не нанося особого ущерба делу, то последнее предпочтительнее.

При появлении среди других извозчиков извозчику-филеру нужно прежде всего бояться «провала», так как появление нового извозчика сразу заинтересует его коллег; поэтому с посторонними извозчиками надлежит поменьше разговаривать. Появление извозчика вне места обычной их стоянки обращает внимание дворников и сторожей, которые обыкновенно гонят их, чтобы не «гадили лошади». В этом случае продолжительность стоянки филера-извозчика на одном месте зависит всецело от находчивости филера. Он всегда должен быть готовым к ответам и быстро схватывать тип дворника. Судя по типу дворника, извозчик одному говорит, что выжидает доктора, приехавшего к больному, другому «по секрету» сообщает, что ожидает «барина», который находится у чужой жены и для поездок по этому делу всегда берет его, или рассказывает басню про такую же барыню, третьему предлагает угостить «по-хорошему», чтобы не гнал с «выгодного» места и т. под.; все это зависит от находчивости извозчика. На вопросы публики филер-извозчик отвечает: «занят». Возить наблюдаемого, во избежание провала, не считается удобным, но иногда, вечером, или в дождливую погоду, или близко к ликвидации, или, если нет другого извозчика и филеру неудобно сказать, что он «занят», — это делается, но извозчик торгуется с наблюдаемым так же, как со всяким пассажиром.

§ 45. Обязанности филера-извозчика те же, что и пешего. Он также должен выбрать позицию и отсюда наблюдать выход наблюдаемого. Пешие же, назначенные в помощь конному, обыкновенно скрываются в ближайшем прикрытии (трактир, чайная), расположение которого извозчик должен знать. По выходе наблюдаемого извозчик незаметно для наблюдаемого и посторонних трогается с места, сажает пеших филеров, если они на улице, с такими же приемами, как обыкновенных седоков, и едет за наблюдаемым, если тот также поехал на извозчике; или едет один, а пешие ведут пешком извозчика, если наблюдаемый идет пешком. Если пешие находятся в трактире, то извозчик, заметив направление наблюдаемого, быстро дает знать пешим посредством условного между ними сигнала, если они сидят у окна; или входит вовнутрь трактира и говорит пешим что-нибудь вроде следующего: «Что же, господа, деньги давайте, или поедем?» Пешие спокойно, но быстро выходят, садятся на извозчика, и последний догоняет наблюдаемого. Если наблюдаемый идет пешком, то пешие оставляют извозчика и следуют обыкновенным порядком за наблюдаемым непосредственно, или за извозчиком, а последний ведет

уже наблюдаемого, следуя тихо за ним. При приближении к углам извозчик подъезжает ближе, дабы при повороте за угол видеть, куда пойдет наблюдаемый. Вообще извозчик может держаться ближе к наблюдаемому, что и делает там, где этого нельзя пешим.

§ 46. Когда наблюдаемый поехал на извозчике, пешие филеры должны также брать извозчика (хотя бы и не филера) и ехать за наблюдаемым. Извозчику нужно только указать, куда ехать. Заметив, что наблюдаемый оставил извозчика и зашел в дом или пошел дальше, пешком, нужно также оставить извозчика, свернув для этого за первый попавшийся угол для того, чтобы наблюдаемый не заметил, что ехавшие сзади его также оставили извозчика. После этого, рассчитав извозчика подальше от места стоянки, надлежит продолжать наблюдение пешком. Иногда (например, когда близко нет угла), дабы не упустить наблюдаемого из виду, один из филеров оставляет извозчика на ходу и занимает позицию, а другой едет для расчета дальше и затем возвращается. Необходимо всегда запоминать и записывать № извозчика, на котором едет наблюдаемый, дабы в случае утери можно было навести справку у извозчика, куда он возил пассажира.

Если наблюдаемый часто ездит на извозчиках и представляет интерес, полезнее назначать за ним своего филера-извозчика.

§ 47. Если наблюдаемый садится в трамвай или конку, то филер может также сесть с ним, но должен обратить внимание на то, — не наблюдает ли наблюдаемый за тем, кто после него садится и слезает. Если наблюдаемый обращает на это внимание, то в следующий раз садиться в трамвай не следует, а нужно ехать на извозчике. Так как извозчик не всегда успевает за трамваем и поэтому можно потерять наблюдаемого, то одному из филеров можно сесть на извозчика, а другому в трамвай.

§ 48. Если наблюдаемый отправился в театр, сад и т. под. места, то одному из филеров следует отправиться за наблюдаемым, а другому остаться оберегать выход на случай, если филер, вошедший внутрь, утерит там наблюдаемого. Нужно иметь в виду, что наблюдаемые вообще редко заходят в увеселительные места для развлечения, а в большинстве случаев они пользуются этими местами для конспиративных свиданий; а потому, если в театре наблюдаемый с кем-либо виделся, имея продолжительный разговор или избирал для разговора укромные места, и вообще, судя по конспиративным приемам, имел деловое свидание, то лицо, видевшееся с наблюдаемым, по выходе следует брать под наблюдение для установки.

Находясь в театре, филер ведет наблюдение так же, как и на улице, и так же старается не встречаться с наблюдаемым лицом к лицу.

Если нет возможности быть в одном отделении с наблюдаемым (партер, балкон, галерея), то филеру надлежит поместиться так, чтобы все-таки видеть наблюдаемого. Надлежит также заметить вешалку, на которой оставил наблюдаемый пальто.

Если филер почему-либо найдет неудобным для себя дальнейшее пребывание в театре, то, заметив хорошо приметыв лица, с которым виделся наблюдаемый, выходит наружу, присоединяется к своему товарищу, и вместе ожидают выходов наблюдаемых.

§ 49. При входе наблюдаемого в трактир или другое подобное заведение, нужно проникнуть туда и посмотреть, что делает там наблюдаемый. При этом нужно держаться очень осторожно: войти вместе с другими посетителями и под их прикрытием быстро сообразить расположение помещения, дабы занять удобный пункт для наблюдения и, заняв таковой, наблюдать. Если заметно, что наблюдаемый зашел не на свидание с кем-нибудь, а просто поесть, выпить чаю и пр., то тогда лучше всего поскорее уйти из трактира, если же заметно, что наблюдаемый кого-то

ждет, то непременно нужно ожидать (заказав себе что-либо в трактире), кто к нему явится, и затем, если пункт для наблюдения удобный, можно ожидать его выхода там же; если же почему-либо наблюдать неудобно, то выйти на улицу и ожидать там. Если наблюдаемых несколько и они выйдут порознь, то один из филеров ведет первого, а другой остается в ожидании выхода второго и ведет его.

§ 50. Если филеры осуществляют наблюдение сидя в пивной, трактире и проч., то должны садиться у окна таким образом, чтобы видно было, когда войдет или выйдет наблюдаемый. Деньги за пиво, чай и т. под. должны быть всегда наготове. Разговоров с посторонними нужно избегать. Заметив наблюдаемого, нужно спокойно кончить чаепитие, спокойно встать и также спокойно выйти. Если наблюдаемый сам находится в трактире, чайной и проч., то особенно важно не срываться с места вслед за ним. Не говорить вслух фраз, относящихся к наблюдению, вроде следующих: «вышел, — пойдём». Собираясь уходить, нужно спокойно сказать: «не пора ли?», «пойдём», чтобы и окружающая публика не имела ни малейшего подозрения, что филеры за кем-нибудь наблюдают.

§ 51. При встрече наблюдаемого с другими лицами нужно запоминать их приметы (лицо, костюм), обращать внимание на характер встречи (условный, случайный, сердечный, товарищеский, формальный и пр.), продолжительность разговора, передачу чего-либо и проч., и все это потом записать, а также записать, в какой час встретились, в каком месте, сколько времени говорили.

§ 52. Если при наблюдении за одним лицом будет замечено свидание его с несколькими при конспиративной обстановке (в трактире, саду, сквере и т. под.) или сходка, то в этом случае один из филеров должен немедленно дать знать в Отделение, которое распорядится послать подкрепление, для чего в случае недостатка филеров последние снимаются с менее важных постов. Присутствовавшие на свидании или сходке устанавливаются, т. е. их нужно водить до того места, где они, по признакам, живут (нужно «положить» наблюдаемого). Признаками возвращения домой могут служить: уверенная походка, вход в парадное без звонка, со своим ключом, выход на балкон, к окну одетым по-домашнему, зажигание огня в темной квартире, выход за покупкой съестных припасов и т. под. Если же подобных признаков нет, то иногда можно под благовидным предлогом завести осторожный разговор с дворником или прислугой и навести у них в разговоре справки (Не доктор ли возвратился? Кажется, акушерка пришла? А, вот, наконец, и сапожник пришел... и т. под.)

§ 53. При наблюдении за домом, куда зашел наблюдаемый, филер должен обращать внимание на то, нет ли около дома патруля, не проходят ли туда через короткие промежутки времени лица, знакомые наблюдению, или вообще подозрительные, которые ищут дом, не заходят в него сразу, а сначала проходят мимо, оглядываются и проч. Такое поведение заходящих указывает, что в означенном доме происходит сходка, о чем филер должен немедленно дать знать в Отделение.

§ 54. Если филеру нельзя оставить поста, а нужно дать знать о чем-нибудь в Отделение (сходка, необходимость увеличить наблюдательные силы и проч.), то он пишет записку заведующему наблюдением и посылает ее с посыльным или извозчиком в Отделение, заголовком № извозчика или посыльного. Записку надлежит писать условно («В таком-то доме гости ждут Вас», «Пришлите столько-то приказчиков туда-то», «Мы ждем Вас с товарищами там-то» и т. под.).

§ 55. Если при наблюдении за конспиративным свиданием или сходкой число наблюдаемых будет больше, чем число филеров, несмотря на

присланное подкрепление, то под наблюдение, для установки, берутся наиболее серьезные, преимущество отдается более пожилым и тем, которые при выходе конспирируют, т. е. оглядываются, осматриваются, прячут лицо и т. под., или тем, которые имеют при себе какую-нибудь подозрительную ношу.

§ 56. Если несколько наблюдаемых приведены в одно место и вследствие этого произошло в данном месте скопление филеров, то последние не должны группироваться, а должны немедленно же распределить роли и оставить необходимый пост; остальные удаляются в ближайшее укрытое место (пивную, чайную и т. под.), где ожидают сигнала о выходе.

Если оставшимся на посту неудобно зайти в трактир, чтобы предупредить о выходе наблюдаемых, то можно филерам, сидящим у окна трактира, показать условный знак, например, пальцы, число коих означает выход первого, второго и т. д. наблюдаемых; по этому сигналу подлежащий филер выходит и ведет своего наблюдаемого.

§ 57. Находясь в продолжительном наблюдении у дома, где живет наблюдаемый, филер должен изучать живущих в наблюдаемом доме, чтобы отличать живущих от случайно приходящих и интересующую личность взять под наблюдение.

§ 58. Наблюдение за местами, где предполагается, что имеется лаборатория, типография, склад оружия и т. под., ведется с крайней осторожностью. В таких случаях обыкновенное пешее наблюдение часто ведет к провалу, а потому нужно наблюдать или из квартиры (снимается напротив или поблизости квартиры) или ставить конное наблюдение, если есть близко извозчики, или же, если на бойкой улице, то передеться торговцем, посыльным и проч., в помощь которым даются пешие филеры. Последние не становятся близко около наблюдаемого дома, а загораживают выходы из улиц и берут наблюдаемых по пути, ведут с большой осторожностью, остерегаясь малейшего провала. При возвращении таких наблюдаемых домой, нужно идти как можно дальше от наблюдаемого. Входить во двор или дом для установки квартиры можно только в бойких дворах и очень больших домах.

§ 59. Если приходится арестовать наблюдаемого на улице, то филеры должны «отвести» наблюдаемого подальше от его квартиры и указать наблюдаемого чину полиции для ареста. Если наблюдаемый идет по направлению к полицейскому участку, то лучше «подвести» его ближе к последнему.

§ 60. В случае потери наблюдаемого филеры должны возвратиться к месту жительства наблюдаемого и ожидать вторичного его выхода или возвращения, а также установить наблюдение в местах наиболее частых его посещений.

§ 61. Вечером, на общем собрании в Отделении, филеры обмениваются приметами новых лиц, вошедших в отчетный день в сферу наблюдения, и этим путем удостоверяются, не было ли данное лицо в этот же день в сфере наблюдения другого поста; в то же время сообщается о новых местах, посещаемых наблюдаемыми, дабы общими силами наметить квартиру, которую посещает наблюдаемый. Дома, посещаемые наблюдаемыми, в тот же день отмечаются заведующим наблюдением или самими филерами на «дуге домов», имеющейся в Отделении (на красном листе дома ставится штампель: например, «Наблюдение Март») и одновременно наводятся справки (на листе посещенного дома), имеющиеся о нем в Отделении.

§ 62. Если филер находится на службе на вокзале или пристани для наблюдения за приходящими и отходящими поездами и пароходами, то

он должен приходиться за 1 час до отхода поезда и за 15 минут до прихода, чтобы иметь возможность оглядеться в публике.

§ 63. Если наблюдаемый явился на вокзал или пароходную пристань и имеет там свидание с отъезжающим пассажиром и, может быть, что-нибудь ему передает, то надлежит немедленно дать знать об этом (по телефону или лично) в Отделение и спросить, нужно ли ехать за этим пассажиром.

Относительно сопровождения наблюдаемых при выездах из города нужно заранее дать указания филерам, дабы они имели возможность всегда ехать с наблюдаемым, так как последние весьма часто являются для отъезда или свидания в момент отхода поезда.

На случай отъезда наблюдаемых должно иметь на вокзале, у состоящих при вокзале филеров, аванс, из которого отъезжающие филеры берут себе на дорогу. Этот же аванс может храниться в жандармской канцелярии на вокзале или же иметься у филеров (рублей по 25 на каждого), которые наблюдают за лицами, подлежащими сопровождению при выездах.

Если наблюдаемый намеревается брать билет, то нужно постараться стать непосредственно за ним, чтобы узнать, куда он берет билет, если же это не удастся, то заблаговременно предупредить жандармского унтер-офицера, который может всегда узнать, куда наблюдаемый берет билет. Если не удалось узнать таким способом, то можно всегда спросить у носильщика, который прислуживает наблюдаемому. На больших вокзалах можно узнать по кассе, какой взял билет наблюдаемый: пригородный или дальний. Если не удалось узнать, куда взял билет наблюдаемый, то филер берет билет до первой большой станции. В пути филер старается узнать, куда взят билет у наблюдаемого. Это можно узнать путем наблюдения за кондуктором, контролером, которые при проверке билетов имеют обыкновение говорить вслух конечную станцию пассажира. Спрашивать кондукторов и контролеров нужно избегать, так как они могут сообщить наблюдаемому; во всяком случае спрашивать нужно под благовидным предлогом, если наблюдаемый держится спокойно, то филеру можно поместиться в одном с ним вагоне (в другом отделении), заняв верхнее место, откуда и следить за наблюдаемым. Установку места следования наблюдаемого надлежит делать весьма осторожно и в случае неудачи — брать билет до следующей узловой станции.

В пути один филер всегда бодрствует, другой отдыхает. При приближении к каждой остановке необходимо посмотреть, не приготовляется ли наблюдаемый к оставлению поезда.

§ 64. В случае неуказания, что за наблюдаемым надлежит следить и после его выбытия из города, наблюдение должно производиться только в сем последнем. Если, однако, есть агентурные сведения о том, что выезд делается с нелегальными целями (съезд, серьезное конспиративное поручение и проч.), надлежит продолжать за ним наблюдение и по выбытии его из города. При этом филеры передают наблюдаемого для дальнейшей за ним проследки тотчас по прибытии в район первого же по пути Охранного пункт, Охранного Отделения или Жандармского Управления филерам сих Отделений или Управлений. О выбытии наблюдаемого делается предупреждение условной телеграммой для организации встречи.

§ 65. В случаях переездов лиц, состоящих под наблюдением, в район другого Отделения, наблюдение передается местным филерам, о чем филер, начавший наблюдение, докладывает Начальнику местного Отделения. Если же лицо прибыло в местность, где Охранного Отделения или

филерских отрядов не имеется, то наблюдение за ним продолжается прежними филерами, причем старшему из них вменяется в обязанность явиться к подлежащему Жандармскому Начальству, если таковое в данной местности имеется, и доложить о цели прибытия.

§ 66. При неожиданном, внезапном выезде с наблюдаемым филеры обязаны при первой же возможности телеграфировать своему заведующему наблюдением условным языком о том, каким поездом они следуют, кого сопровождают, куда направляются, а также указать станцию (узловую), куда можно послать ему телеграмму «до востребования», если потребуется дать какие-либо распоряжения относительно наблюдаемого. Если место следования наблюдаемого известно филерам, то они телеграфируют кроме того заведующему наблюдением соответствующего Охранного Отделения, сообщая иносказательно, сколько наблюдаемых едет, каким поездом, кто именно сопровождает. Если после этого наблюдаемый избежит почему-либо иное направление или переседает в другой поезд, филер о происшедших переменах дополнительно и своевременно телеграфирует в пункт встречи во избежание напрасного там ожидания.

Если расстояние между местом следования и пунктом направления слишком кратко, то извещение о необходимости встречи должно делаться срочной телеграммой, дабы было время для необходимых распоряжений.

§ 67. Если наблюдаемый направится с какой-либо железнодорожной станции лошадьми в имение или деревню, то в большинстве случаев ехать за наблюдаемым не представляется возможным. В этом случае нужно заметить № извозчика, нанятого наблюдаемым, а если нет №, то спросить других извозчиков, как зовут того, который повез наблюдаемого. Наняв после этого извозчика, в разговоре спросить его, куда он отвез седока.

§ 68. При прибытии филеров и наблюдаемого из места постоянного жительства в другой город филеры немедленно сдают свои вещи (если таковые имеются) на хранение носильщику и продолжают вести наблюдение.

В это время наблюдение нужно вести особенно энергично, дабы не упустить наблюдаемого, и непрерывно до тех пор, пока не явится возможность определить, где именно поселился наблюдаемый.

Если представится возможность, то филерам полезно занять квартиру такую (в гостинице, меблированных комнатах и пр.), чтобы можно было видеть выход наблюдаемого.

В первые же свободные часы филеры должны заняться изучением города, т. е. узнать улицы, общественные места, конечные пути, узнать проходы и отходы поездов, переменить головные уборы, если таковые не соответствуют уборам, которые носят в данное время в этой местности.

Если не удалось поселиться около наблюдаемого, то полезно останавливаться в гостинице около вокзала. Это необходимо потому, что часто приходится уезжать из города вслед за наблюдаемым, а потому, если филер живет близко к вокзалу, то он, при отъезде наблюдаемого, успеет захватить свои вещи.

В случае потери наблюдаемого, необходимо одному из филеров являться на вокзал к отходу поездов, дабы не пропустить отъезда наблюдаемого, а в городе производить розыск около того места, где наблюдаемый утерян, а также около тех мест, которые он часто посещал, и в пунктах гуляния публики.

§ 69. Если наблюдаемый привезен в другой город и приезжих филеров встретили филеры местного Охранного Отделения, то приезжим надлежит немедленно же передать местным филерам наблюдаемого и отнюдь



не ехать вместе с ними в наблюдение, так как наблюдаемый мог при отъезде или в пути запомнить филеров, и тогда наблюдение будет испорчено. Приехавшие филеры, сдав наблюдаемого, должны немедленно с вокзала явиться в местное Охранное Отделение и доложить имеющиеся у них сведения о наблюдаемом, и, если не будет особого приказа, возвратиться назад.

§ 70. По прибытии в какой-либо другой город, вне своего постоянного местожительства, филер немедленно телеграфирует свой адрес своему Начальнику и письменно сообщает подробно результаты наблюдения ежедневно.

О всех выездах наблюдаемых лиц Начальник Охранного Отделения письменно сообщает в Особый Отдел Департамента Полиции, с краткой характеристикой лица, указывающей на причину сопровождения наблюдаемого.

§ 71. В небольших провинциальных городах, где улицы пусты и филер, близко идущий к наблюдаемому, замечен последнему, практикуется способ «параллельного» наблюдения (по смежной улице). При таком способе наблюдения один из филеров идет по улице, параллельной той, по которой идет наблюдаемый и притом со скоростью движения наблюдаемого, а другой сзади наблюдаемого, но настолько далеко от последнего, чтобы его было только видно. Первый филер равняется с наблюдаемым на перекрестках, где филеры непременно должны зорко проверять проход наблюдаемого через пересекающую улицу. Таким образом можно всегда (при ровных улицах) наблюдать «без провала» и видеть, куда заходит наблюдаемый. При наблюдении за очень серьезной личностью по параллельным улицам идут два филера: один с правой, другой с левой стороны наблюдаемого, а третий на далеком расстоянии сзади, по одной улице с наблюдаемым.

§ 72. При осуществлении наблюдения в небольшом городе нельзя долго оставаться на одном месте на улице, не обратив на себя внимания жителей, поэтому наблюдаемые берутся на ходу, т. е. не прямо от дома, а на пути его из последнего, а также из наблюдательных квартир, с мест прогулок и проч.

§ 73. В продолжительной командировке, в маленьком городе, удобнее жить с семьей, так как меньше шансов на провал, и кроме того, прогулки с женой или ребенком часто могут замаскировать наблюдение.

§ 74. Письма по наблюдению посылаются заказными, в двух конвертах, запечатанных сургучной печатью; причем в верхнем (большем) конверте на месте печати делается прорезь, чтобы сургуч, при запечатании проник до внутреннего конверта и припечатал его к наружному. Письма рекомендуются сдавать на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов.

§ 75. Все письма из одной какой-нибудь местности должны иметь общую порядковую нумерацию и указание, когда и где они составлены, в конце — подпись.

1907 год

Предъявлению и передаче не подлежит  
Совершенно секретно  
Службная тайна

## ИНСТРУКЦИЯ по организации и ведению внутренней агентуры

Составлена при Московском Охранном Отделении

### I

Единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа, является внутренняя агентура.

Состав агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими в какие-либо преступные организации, или прикосновенными к последним, или же лицами, косвенно осведомленными о внутренней деятельности и жизни, хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры, называются — «агентами внутреннего наблюдения» или «секретными сотрудниками». Лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии, в отличие от первых носят название «вспомогательных агентов». Лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату, за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества, называются «штучниками».

В правильно составленном деле последние — явление не нормальное и вообще «штучники» нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа.

В деле розыска не следует пренебрегать никакими лицами и исходящими от них сведениями, не взирая ни на форму, ни на способ их доставки.

Откровенные показания, заявления, анонимы и проч. должны быть приняты, надлежаще оценены и подвергнуты тщательной и всесторонней проверке. К откровенникам и заявителям следует относиться с большой осторожностью, проверяя как лицо, дающее сведения, так и самые сведения, дабы избежать умышленного направления ими розыска на ложный путь.

Личности заявителей, именующих себя «бывшими сотрудниками», надлежит проверять путем сношений по телеграфу с Начальником подлежащего Управления или Отделения, прежде чем вступать с ними в постоянные деловые сношения; к сведениям их должно относиться весьма осмотрительно.

О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавшими себя с отрицательной стороны, немедленно сообщать в Департамент Полиции (циркуляр Д-та Пол. 8 июля 1908 г. № 135007). Секретные сотрудники должны быть постоянными, должны своевременно удовлетворяться определенным ежемесячным жалованьем, размер коего находится в прямой зависимости от ценности даваемых ими агентурных сведений и того положения, которое каждый из них занимает в организации. Весьма полезно поощрять денежными наградами тех сотрудников, которые дают определенные и верные сведения, способствующие удачам ликвидаций.

Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует, ради обнаружения какой-либо типографии или мертволежащего на сохранении склада оружия, «срывать» дело розыска. Изъятие этих предметов только тогда приобретает ценность, если они могут послужить изобличительным материалом против видных революционеров, дающим полные основания для привлечения их к дознаниям или следствиям, чем и будет достигнута конечная цель розыска — уничтожение организации.

Только в отношении террористов и грабителей по ликвидации их не должно допускать излишнего промедления.

Лучшим показателем успешной и плодотворной работы лиц, ведающих розыском, является отсутствие в местности вверенной их надзору бомб, различных складов, типографий и пропаганды. Результаты эти могут быть достигнуты только при серьезной осведомленности и при умении систематически и разумно пользоваться этими знаниями.

Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на места, но не в розыскных учреждениях. До приискания ими мест, их надо поддерживать как нравственно, так и материально. Необходимо помнить, что сотрудники, дававшие ценные сведения и не тронутые ликвидациями, рискуют провалиться и, таким образом, стать совершенно бесполезными. В случае провала они бывают вынуждены вести скитальческую жизнь по нелегальным документам и находятся под постоянным страхом мести. Во избежание провала можно с их согласия включить их в ликвидацию и тем дать им возможность нести наравне с товарищами судебную ответственность, но при условии сохранения за ними права на получение жалованья за все время судебного процесса и отбывания наказания. Этим путем не только можно предупредить их провал, но возможно еще больше усилить к ним доверие со стороны партийных деятелей, благодаря чему в дальнейшем они будут в состоянии оказывать делу розыска крупные услуги.

Расставаясь с сотрудником, не следует обострять отношения с ним, но и нельзя ставить его в такое положение, которое давало бы ему возможность в дальнейшем эксплуатировать заведующего розыском различными требованиями.

## II

Приобретение секретной агентуры является постоянной заботой заведующего розыском и всех его помощников. В силу этого нельзя упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение сотрудника или вспомогательного агента.

Каждое лицо, подающее надежду в смысле возможности приобретения в нем секретного сотрудника, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, не забывая, однако, что дело приобретения сотрудников очень шекотливое, требующее большого терпения, такта и осторожности. Малейшая резкость, неосторожность, поспешность или неосмотрительность часто вызывают решительный отказ.

Одним из наиболее практикуемых способов приобретения сотрудников является постоянное общение и собеседование с арестованными по политическим преступлениям.

Наиболее подходящими для склонения в работу по агентуре можно считать лиц следующих категорий: подозревавшиеся или уже привлекавшиеся к политическим делам, слабохарактерные революционеры, разо-

чарованные или обиженные партией, нуждающиеся материально, бежавшие из мест высылки, а также и предназначенные в ссылку.

Наметив из них наиболее склоняющихся на путь убеждения и, строго считаясь с наиболее заметными слабостями их характеров, все свои усилия должно направить на этих отмеченных, дабы расположить их к себе, склонить в свою сторону, вызвать их доверие и, наконец, обратить их в преданных себе людей.

В этих же целях и для распознавания слабых сторон арестованных следует не упускать случаев для собеседований с родственниками и знакомыми их и вообще с лицами, приходящими по разным случаям в Управление, Охранные и Железнодорожные Отделения.

Каждый повод (дознание, расследование, заявление, жалобы и т. д.), дающий возможность заведывающему розыском войти в близкое соприкосновение с рабочей массой или со служащими какого-либо более или менее обширного учреждения, должен быть лично им использован в смысле подыскания в этой среде секретной агентуры.

В случае получения о каком-нибудь лице посторонним путем (секретные сведения или через агентуру) сведений о возможности приобретения его в секретную агентуру, таковое, под благовидным предлогом, с соблюдением проверки и осмотрительности, может быть приглашено для собеседования.

Приобретение сотрудников возможно из числа обвиняемых, раскаивающихся и дающих откровенные показания во время производства дознания или следствия. В таких случаях необходимо принять меры против оглашения этих показаний и занесения их в протоколы.

Могут быть использованы и материально нуждающиеся революционеры, которые, не изменяя своих убеждений, соглашаются доставлять агентурные сведения исключительно только за денежное вознаграждение.

Способ «подсаживания» в камеры к арестованным своего человека, но не сотрудника, неоднократно дававший крупные результаты, применяется как в целях склонения арестованных к откровенным показаниям, так и для приобретения среди них сотрудников.

Лицо, намеченное к приобретению в качестве сотрудника, рекомендуется секретно задерживать на улице и немедленно доставлять для собеседования непосредственно к заведующему розыском. Способ этот наиболее применим тогда, когда имеются в наличии достаточные улики для дальнейшего задержания этого лица в случае его отказа от предложения сотрудничать. В последнем случае следует ликвидировать ту группу, в которую входит задержанный, и, непременно — до освобождения его, ибо в противном случае группа эта будет им провалена.

Также могут быть приглашены для собеседования под каким-либо благовидным предлогом, но по предварительной проверке и с соблюдением необходимой осмотрительности, те лица, сведения о возможности приобретения которых в секретную агентуру были получены при посредстве агентуры или же путем совершенно секретных сведений.

Собеседование, в виде внимательного расспроса и серьезного разговора по различным вопросам, без запугивания, без излишних обещаний и откровенностей, всегда должны происходить с глазу на глаз.

При наличии несомненных улик обвинения, добытых по обыскам или по агентуре, склоняемое лицо можно заинтересовать материально или обещанием освобождения из-под стражи и, при возможности, даже от угрожающего ему наказания.

Действуя убеждениями, — для достижения цели по приобретению сотрудника, — можно воспользоваться известными партийными неладными, ссорами и неблагоприятными поступками отдельных членов организации.

Лицу, склоняемому к работе по агентуре, следует убедительно разъяснить, что работа его будет совершенно секретной, что каждое данное им сведение будет подвергнуто строгой проверке, и что за дачу ложных сведений, кроме прекращения с ним работы, против него будет возбуждено законное преследование.

Обещания склоняемых лиц, что сведения ими будут доставляться впоследствии, не могут служить основанием к их освобождению из-под стражи.

Пока лицо окончательно не склонено к работе, не следует знакомить его с приемами и способами предупреждения провала и прикрытия внутренней агентуры.

Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и, по возможности, по несколько в одной и той же (но не в одной и той же группе), чтобы организовать проверочную — «перекрестную агентуру».

Весьма полезно заинтересовать приобретением секретной агентуры чинов полиции, начальников тюрем, жандармских унтер-офицеров и других лиц, которым, по роду их служебной деятельности, приходится сталкиваться с разнообразным элементом населения.

Чины полиции, тюремного ведомства и др. с готовностью помогают делу розыска, если дела, получаемые при их содействии, приписываются им и служат основанием для поощрительных представлений о них начальству.

Наличность хороших отношений у заведывающего розыском с офицерами Корпуса Жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, в значительной мере облегчает трудное дело приобретения и сохранения секретных сотрудников.

### III

Для успешного руководства делом политического розыска, ведения и развития внутренней агентуры, необходимо знание программ революционных партий, знакомство с историей революционного движения, осведомленность о положении этого движения в данный момент и постоянное чтение вновь выходящей революционной литературы, дабы следить и за дальнейшим ходом его.

Ведение внутренней агентуры определенным шаблоном не подчиняется: в зависимости от местных условий, обстоятельств и сопоставления всех имеющихся в наличии данных, изменяются общепрактикуемые приемы и вырабатываются новые.

Во всяком случае, заведующий агентурой должен руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних, а тем более подчиняться их авторитету.

Рекомендуется относиться весьма осторожно к сведениям об отсутствии революционных организаций в данном месте, так как нередко таковые являются или результатом добросовестного заблуждения со стороны сообщавшего их, или же намерения отвести розыск на ложный путь.

Составив себе план расследования, заведующий для осуществления его стремится путем расспросов и поручений извлечь из агентуры все необходимое, не разоблачая в то же время перед нею ничего со своей стороны. В противном случае, можно быстро и незаметно для себя оказаться в руках сотрудников, а при разрыве отношений с кем-либо из них, делу розыска и лицам, ведущим его, будет угрожать опасность.

Вообще излишняя откровенность с сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Новому и еще неиспытанному сотруднику необхо-

димо предоставлять самому высказываться о преступной деятельности как отдельных лиц, так и сообществ.

К числу вопросов, по ответам на которые можно судить о степени партийной осведомленности нового сотрудника, относятся следующие:

1) В чем заключается программа той партии, в которую он входит и о которой он будет давать сведения?

2) Как сформирована местная организация и из каких отделов состоит она?

3) Какая литература этой партии распространялась и распространяется в данное время?

4) Кто был арестован из членов этой партии, кто остался на свободе и т. п.

Приступая к работе с сотрудником, надлежит и объявить, и внушить ему следующее:

1) Безусловная необходимость полнейшей откровенности и правдивости с заведующим агентурой, как по деловым, так и по личным вопросам;

2) Решительно никто, кроме заведующего агентурой, не должен знать о его работе по розыску. Принадлежность его к составу агентуры не может быть им обнаружена никому, ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае;

3) Что размер ежемесячного содержания, ему, как сотруднику, определяется «такой-то» и время получения его «такое-то»;

4) С поступлением на службу в агентуру сотрудник не должен изменять ни образа своей жизни, ни обстановки, чтобы этими переменами и новыми даже мелкими расходами не вызвать зависти и подозрений товарищей по поводу источника денежных поступлений;

5) Сотрудник не должен иметь ни при себе, ни в своей квартире, ничего такого, что при обнаружении могло бы послужить, хотя бы даже косвенным, указанием на принадлежность его к составу агентуры;

6) Партийная работа сотрудника, по возможности, должна быть сведена к посреднической и исполнительской, отнюдь не созидательной, но в то же время к такой работе, чтобы при ликвидации членов группы, им обслуживаемой, в случае даже дачи откровенных показаний последними, сам сотрудник не мог бы быть изобличен в преступной деятельности;

7) Без ведома заведующего агентурой сотрудник не должен принимать к себе на хранение литературы, оружия, бомб, взрывчатых веществ и проч., а также предоставлять свою квартиру для сходок, собраний, и давать свой адрес для явок;

8) На каждую активную работу и поручения, возлагаемые на сотрудника сообществом, он, каждый раз и до исполнения их, обязан испрашивать разрешения заведывающего агентурой;

9) Сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению;

10) Все сведения должны доставляться им заведывающему агентурой, по возможности, немедленно по получении и обязательно с таким расчетом, чтобы по ним можно было принять предупредительные меры;

11) В доставляемых сведениях необходимо должен быть точно указан источник их получения; кроме того, сотрудник должен всегда делать строжайшее разделение между слухами, различными передачами, почерпнутым им из газет или партийной литературы и теми событиями, очевидцем которых он сам лично являлся;

12) Партийная литература, письма, печати и другие документы и предметы, доверенные сотруднику на хранение, должны быть принесены им на первое же свидание с заведующим, для обозрения их;

13) Приходить сотруднику в учреждение, ведающее розыском, ни в коем случае не разрешается;

14) В целях усиления своей осведомленности сотрудник не должен вести проследок, расспрашивать и угощать товарищей, а также переодеваться и гримироваться;

15) Ложное заявление, искажение в ту или иную сторону добываемых сотрудником сведений и умышленное создание обстановки преступления в видах получения вознаграждения, из мести или по иным соображениям личного характера является тяжким уголовным преступлением и наказуется на общем основании, согласно существующих на сей предмет законов.

Главнейшие вопросы, на которые сотрудник должен всегда стремиться иметь обстоятельные ответы, следующие:

1) Какие лица являются самыми серьезными, активными и интересными работниками данного момента в обслуживаемой сотрудником организации или партии, где с ними можно встретиться и как, не возбуждая их подозрений, учредить за ними наблюдение;

2) Как построена обслуживаемая сотрудником организация и партия вообще, начиная от «верхов» и кончая «низями»; каким организациям высшего порядка она подчинена, на какие низшие группы и ячейки распадается и с какими партийными учреждениями находится в непосредственных сношениях;

3) Какие образцы партийной литературы известны сотруднику: издания повременные и периодические, революционно-подпольные и легальные, заграничные, местные и из других районов Империи; что составляет «злобу дня» и о чем вообще говорится в партийной литературе (легальной и нелегальной) данного момента;

4) Положение партии и партийных организаций в настоящее время: к чему сводится активная работа текущего момента;

5) В чем может и должна в обследуемый период непосредственно проявиться преступная деятельность отдельных лиц, групп к организаций; особенное внимание должно быть обращено на готовящиеся террористические акты, экспроприации, забастовочное движение и массовые выступления вообще, сведения о коих и видах их предупреждения должны быть заблаговременно сообщаемы, даже в форме маловероятных, общих и непроверенных слухов;

6) Кто из партийных и вообще интересных для розыска лиц приехал или выехал: когда, куда, с какою целью, на какой срок и по каким явкам, связям и адресам, места их ночевки, свиданий и т. п.;

7) Какие сотруднику известны организации и группы, а равно и представители таковых, среди учащейся молодежи высших, средних и низших учебных заведений; каков характер этих учреждений (академический или с примесью политических тенденций); не имеют ли эти организации непосредственных сношений с чисто революционной активной средой и не готовятся ли к каким-либо самостоятельным или в связи с последней выступлениям и действиям;

8) Какие имеются у сотрудника сведения о деятельности других партий (революционных, оппозиционных и крайних правых) и лиц, принадлежащих к таковым;

9) Кого из вообще неблагонадежных лиц знает и может указать сотрудник;

10) Кто в настоящее время подозревается или обвиняется партийной средой в сношениях с розыскными органами и чем эти подозрения и обвинения вызваны;

11) Что известно сотруднику о предполагаемом употреблении и местах хранения кассы, библиотек, паспортов, типографий, разрывных снарядов, взрывчатых и ядовитых веществ, оружия, огнестрельных и боевых припасов, кинжалов, финских ножей, кастетов и т. п.;

12) Каково настроение и к чему стремится в данный момент не революционная, но соприкасающаяся с ним среда;

13) Какие имеются у сотрудника случайные сведения о деятельности и замыслах преступного элемента общеуголовного порядка: возможные грабежи, убийства, разбои и т. д.;

14) Все сведения, добытые и сообщаемые сотрудником должны строго распределяться по следующим категориям: а) что известно ему как очевидцу и носит вполне достоверный характер; б) что известно от лиц, определенно партийных и заслуживающих в своих сообщениях доверия; в) что почерпнуто из литературы, и г) что носит предположительный характер и стало известно из случайных разговоров, по непроверенным слухам и от мало осведомленных лиц и источников;

15) На всех, указываемых сотрудником лиц, по мере возможности, должны быть даны следующие сведения: а) имя, отчество и фамилия и партийная кличка или прозвище; б) место жительства, род и место занятий или службы и родственные связи; и) приметы: возраст (от 33 до 35, примерно), рост (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий), телосложение (полный, плотный, среднее, худощавый), наружность и ее особенности (видный, представительный, невзрачный, сутуловатый, безрукий, горбатый, косой; знаки, порезы и следы ран на лице и теле вообще); лицо (продолговатое, круглое, заостренное вверх или вниз, полное, худощавое, с выдающимися скулами, бледное, смуглое, румяное), цвет, размеры и форма волос на голове, бороде и усах (светло-русый, темно-русый, брюнет, рыжий, черный как жук, длинные волосы зачесаны вверх, назад, с пробором, бобриком; борода брита, подстрижена, клинышком, лопатой, окладистой), походка (быстрая, медленная, «семенит», «с подпрыгиванием»), манера говорить (тенорком, отрывисто, шепелявя, с инородческим акцентом, картавя), тип (русский, поляк, кавказец, еврейский, рабочий, приказчик, купец), костюм (подробное описание головного убора, верхнего и нижнего платья, обуви), носит ли очки, пенсне, трость, портфель; привычки (вертляв, осторожен, оглядывается и проверяет себя, относится ко всему безразлично); г) с кем встречается и где чаще всего бывает; д) настоящая и прошлая роль в организации или преступная деятельность указываемого лица вообще (подробный и без, совершенно недопустимых, лаконических определений: «агитатор», «видный работник» и т. п.);

16) Образцы попадающей в руки сотрудника партийной переписки и нелегальной литературы должны быть доставляемы им руководящему его лицу обязательно; экземпляры легальных партийных изданий — по мере возможности.

17) За две недели перед 9 января, 19 февраля, 18 апреля (1 мая) и другими днями, отмечаемыми постоянными революционными выступлениями, все сотрудники должны стремиться заблаговременно собрать полные сведения о предположенных и готовящихся беспорядках, а заведующий агентурой в подобные периоды времени обязан иметь свидания с сотрудниками, по возможности, ежедневно.

Вновь принятого сотрудника следует с полной осторожностью, незаметно для него, основательно выверить опытным наружным наблюдением и постараться поставить его под перекрестную агентуру.

Сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками.

Сотрудник должен быть поставлен заведывающим розыском в такое положение, чтоб он не имел возможности не только заподозрить, но даже и предположить, кто именно, кроме него, принимает участие в работе по агентуре.

С особой осторожностью следует относиться к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, с деятельностью учреждения и с его личным составом, если в последнем, по местным условиям, является неизбежная необходимость.

Необходимо заниматься с сотрудниками и направлять их внимание и память на такие обстоятельства, которые, при производстве дознаний, могли бы быть подтверждены доказательствами, не затрагивающими самого сотрудника и в то же время могли бы быть использованы как явно уличающие то или иное лицо.

В сотруднике, начавшем работу лишь по материальным расчетам, необходимо создавать и поддерживать интерес к розыску как оружию борьбы с вредом революционного движения.

Необходимо всегда иметь в виду, что роль сотрудника нравственно крайне тяжела и, считаясь с этим, следует поставить его по отношению к себе в такое положение, чтобы он не чувствовал угрызений совести, шел бы охотно на свидания с заведующим агентурой, находя во время последних душевный отдых, внимание, сочувствие и нравственную поддержку.

Сотрудник, стоящий в «низах» организации, постепенно может быть продвинут выше, путем последовательных арестов более сильных, окружающих его, работников.

#### IV

Свидания с секретными сотрудниками, уже достаточно выяснившимися и вполне заслуживающими доверия, должны происходить на конспиративных квартирах.

Последние должны быть выбраны в частях города, наименее населенных революционными деятелями, и в таких местах, где трудно установить за ними наблюдение.

Квартира должна состоять из нескольких комнат, так расположенных, чтобы было возможно разделить в них случайно сошедшихся нескольких сотрудников, без встречи их между собою.

Хозяином квартиры может быть надежный, семейный служащий, состоящий на такой должности, по которой обыватели города его не знают.

Желательно, чтобы при квартирах, в которых происходят частые свидания, не было бы швейцаров.

Хозяину конспиративной квартиры должно быть внушено следующее:

- 1) У него не должны бывать гости и вообще частые посетители, хотя бы даже и его родные.
- 2) Прислуга не должна открывать дверей проходящим на квартиру.
- 3) Он не должен допускать встречи между сотрудниками.
- 4) Он не должен вступать в какие бы то ни было разговоры с сотрудниками, спрашивать их фамилии и вглядываться в их лица.
- 5) Он должен немедленно запирать за сотрудником двери и удаляться от дверей комнаты, в которой последний принимается.
- 6) Он не должен допускать в квартиру новых лиц, не имея на то предупреждения и разрешения заведующего.

7) Он не должен выпускать сотрудника, не проверив, что последнему, по выходе, не угрожает встреча с кем бы то ни было.

8) По уходе сотрудника и заведующего, он должен осмотреть комнату и, если бы в ней оказались, случайно ими оставленные какие-нибудь вещи, а в особенности рукописи и записки, то таковые он должен сохранить и обязательно передать их заведующему.

9) Нарушение выше приведенных требований лишит его права на дальнейшее держание квартиры.

Конспиративных квартир, сообразно с числом сотрудников, следует иметь, по возможности, больше, дабы избежать посещений одной и той же несколькими сотрудниками одной организации.

Полезно иметь одну из них, специально предназначенную для свиданий с наиболее серьезными и ценными сотрудниками, которая не должна быть известна остальным.

Не следует назначать свиданий нескольким сотрудникам в один и тот же день и час, на одной и той же квартире, во избежание возможности встречи их друг с другом.

Если же после одного свидания необходимо иметь в той же квартире свидание с другим сотрудником, то после ухода первого необходимо проверить, не остановился ли он где-либо поблизости, с целью установить своего соратника. Большинство сотрудников, не взирая на их надежность, стремится к этому.

Свидания с сотрудниками в квартире заведующего агентурой производить не следует; в квартире же сотрудников они совершенно недопустимы.

В прихожей квартиры отнюдь никаких вещей, а тем более одежды сотрудника оставлять не следует.

В комнате, в которой происходит свидание, или где ожидает сотрудник, следует закрывать дверь на ключ.

У окон и зеркала сажать сотрудника нельзя; в сумерки следует закрывать ставни и спускать занавеси.

В комнатах, посещаемых сотрудниками, не должно оставлять никаких документов и записок, имеющих отношение к делу розыска.

По окончании свидания, первым из квартиры выходит заведующий агентурой, чтобы предупредить встречу сотрудников.

Для проверки квартиры следует время от времени ставить за нею наблюдение, но людьми вполне надежными.

В случае подозрения в провале ее, необходимо немедленно прекратить свидания в ней и, в случае подтверждения подозрений, оставить квартиру совершенно.

Сотрудникам, начинающим работать, показывать квартиру нельзя. С ними свидания возможны в гостинице и т. п. местах, но каждый раз с соблюдением полной предосторожности, и с обязательной проверкой за собою, как со стороны заведующего агентурой, так и сотрудников. Всякое подозрение должно быть тщательно, спокойно и лично проверено, хотя бы и с пропуском назначенного свидания.

Следует иметь в виду, чтобы при свидании в номерах гостиниц, прислуга не видала бы в лицо сотрудника.

Для облегчения сношений между заведывающим агентурой и сотрудниками необходим взаимный между ними обмен условными или частными адресами и указанием друг другу мест, возможных для ежедневных встреч на улице, в проходных дворах или на лестницах.

Для вызова на экстренные свидания также должны быть выработаны условные сообщения, посылаемые по заранее намеченным адресам.



Показателем необходимости свидания может быть и как бы случайная встреча.

Свои письма и сообщения сотрудник должен составлять в третьем лице, с упоминанием в равной мере, среди перечисляемых лиц, и своей фамилии или клички, если только он в действительности прикосновенен к описываемому им событию. Почерк должен быть совершенно изменен, а подпись заранее условленная.

Письма и записки заведующего агентурой к сотруднику должны быть строго конспиративного содержания, написаны также измененным почерком и с условною подписью.

Рекомендуется выбирать для писем бумагу и конверты сообразно со средой, в которой вращается сотрудник, а также и способ изложения их.

Деловую часть письма следует воспроизводить химическими чернилами, в качестве каковых могут служить насыщенный раствор обыкновенной свинцовой примочки, щавелевая кислота, лимон и т. п. Проявление этих чернил достигается посредством нагревания (утюгом) или же смачивания 5% раствором хлористого железа.

По прочтении писем, они должны быть вместе с конвертами лично и немедленно сожжены самим сотрудником.

Свои письма сотрудник должен лично опускать в почтовый ящик.

Условный адрес и пароли следует помнить наизусть, не внося их в памятную книжку.

## V

Заведующий розыском, направляя все усилия к предупреждению задуманных революционерами преступлений, в то же время должен заботиться о сохранении и прикрытии своих сотрудников.

Каждое агентурное сведение, даже маловажное по первому впечатлению, должно быть сохранено в строгой тайне.

Вообще агентурные сведения не могут служить темой для беседы даже с избранными сослуживцами раньше, чем они не будут окончательно разработаны и ликвидированы.

Все материалы, имеющие отношение к делу розыска и к сотрудникам, должны сохраняться в совершенном секрете и с наивозможной бережливостью и осмотрительностью.

Откровенные показания, заявления и анонимы, — если есть возможность авторов их склонить в агентуру, — оглашению и предъявлению не подлежат, а первые в протоколы не заносятся.

Необходимо, чтобы сотрудник работал в революционной среде или под псевдонимом, или под нелегальной фамилией, но отнюдь не под своей настоящей.

Надо иметь в виду, что иногда строго-конспиративные организации время от времени проверяют некоторых своих членов; для этого ими ложно указываются места и время для явок или собраний, а затем устанавливается наблюдение за появлением филеров и полиции. Поэтому надо быть осмотрительным при постановке наружного наблюдения в таких местах, имея в виду, не производится ли организацией в данном случае розыск сотрудника.

Приобретая сотрудника из числа арестованных, необходимо обставить его освобождение так, чтобы оно не могло вызвать подозрений. При этом надо иметь в виду, что «побеги» арестованных вызывают в революционной среде недоверие.

В каждом случае при возложении сообществом на сотрудника какой-либо активной работы или поручения следует строго оценить действительную надобность принятия им последнего на себя, как в смысле прикрытия своего положения, так и в целях получения новых данных для розыска, причем следует иметь в виду, что постоянные уклонения сотрудника от поручаемой ему организацией работы, могут неблагоприятно отразиться на его репутации.

Перед ликвидацией следует, — не знакомя сотрудника со временем производства ее, — установить, путем расспроса его, какие лица не могут быть ликвидированы в целях прикрытия и сохранения его положения в революционной среде.

В этих же целях, следует не вводить в ликвидацию нескольких, наиболее близких лиц к сотруднику из числа менее вредных по своей деятельности, дабы не оставить нетронутым в организации одного сотрудника.

В случае крайней необходимости возможен и арест самого сотрудника, но по предварительному с ним соглашению. Освобождение его в таком случае возможно, но уже после освобождения группы лиц, равного с ним партийного положения.

В ликвидационных записках не следует называть даже псевдонимов сотрудников, употребляя взамен их выражение — «по имеющимся агентурным сведениям».

Сведения, известные лишь одному сотруднику или строго ограниченному кругу лиц, в записку вовсе не помещаются и являются достоянием исключительно лица, ведущего данного сотрудника, которое знакомит с частями этих сведений тех служащих розыска органа, содействие которых по таковому необходимо для дальнейшей работы.

Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, должны иметь какой-нибудь легальный заработок.

Устраиваться на службу сотруднику следует без явного посредства заведующего розыском.

Фамилию и адрес сотрудника должен знать только заведующий агентурой; остальные же чины учреждения, имеющие дело с его сведениями, могут знать его номер или псевдоним.

Наружное наблюдение и чины канцелярии совершенно не должны знать сотрудника. Им он должен быть известен, но лишь по кличке как действительный революционер и только в том случае, если он вошел в сферу наблюдения.

**ОСНОВНЫЕ ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА В РОССИИ  
И ИХ РУКОВОДИТЕЛИ В XVI — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

№	Название	Время существования	Руководители
1.	Особо доверенные лица и временные следственные комиссии	1-я половина XVI в.	И. Ю. Шигона-Поджогин, Ю. Д. Траханиот, М. Ю. Захарьин и другие
2.	Боярские комиссии	50-е — начало 60-х гг. XVI в.	И. Ф. Мстиславский
3.	Опричный двор	1564—1572 гг.	А. Д. Басманов-Плещеев, Г. Л. Малюта Скуратов-Бельский, В. Г. Грязной
4.	Государев удел (Особый двор)	70-е гг. XVI в.	Б. Я. Бельский
5.	Временные боярские комиссии, создаваемые Боярской думой	1584—1605 гг.	С. Н. Годунов в 1598—1605 гг.
6.	Отдельные приказы: Разрядный, Стрелецкий, Сибирский и др. Временные следственные боярские комиссии	1613—1698 гг.	
	Приказ Тайных дел или Тайный приказ	1658—1676 гг.	Дьяки Д. М. Башмаков, Л. Иванов
	Приказ Разбойный или Разбойный Сыскной приказ (с 15.11.1682), или Сыскной приказ (с 6.11.1683), или Приказ Сыскных дел (с 1687), или Разбойный приказ (с 1689)	1639—1694 гг.	Боярин Т. Н. Стрешнев в 1689—1694 гг.
7.	Преображенский приказ	1698—1729 гг.	Ф. Ю. Ромодановский в 1698—1717 гг. И. Ф. Ромодановский в 1717—1729 гг.
8.	Первая Тайная Канцелярия	1718—1726 гг.	П. А. Толстой в 1718—1726 гг.
9.	Временные следственные комиссии или розыскные («майорские») канцелярии	1713—1724 гг.	И. И. Дмитриев-Мамонов, М. И. Волконский, С. А. Салтыков, А. И. Ушаков и др.
10.	Верховный Тайный совет	1726—1730 гг.	А. Д. Меншиков 1726—1727 гг., А. И. Остерман и А. Г. Долгоруков в 1727—1730 гг.
11.	Вторая Тайная канцелярия (Походная канцелярия тайных розыскных дел, Канцелярия тайных розыскных дел)	1731—22.02.1762	А. И. Ушаков в 1731—1747 гг., А. И. Шувалов в 1747—1761 гг.
12.	Кантора Тайной канцелярии в Москве	1731—1796 (по некоторым данным — 1801 год)	Московские главнокомандующие и генерал-губернаторы: Г. П. Чернышев 1731—1732, граф С.А.Салтыков 1732—1739, князь И. Ю. Трубецкой 1739—1743, А. Б. Бутурлин 1743—1764,

		граф П.С.Салтыков 1764—1771, князь М. Н. Волконский 1771—1780, князь В. М. Долгорукий 1780—1782, граф З. Г. Чернышев 5.02.1782—29.08.1784, граф Я. А. Брюс, 4.09.1784—28.06.1786 годы, П. Д. Еропкин 28.06.1786—19.02.1790, князь А. А. Прозоровский 19.02.1790—21.03.1795, М. М. Измайлов 21.03.1795—2.05.1797, князь Ю. В. Долгоруков, 2.05.—2.11.1797, граф И. П. Салтыков 2.11.1797—04.1804	
13.	Тайная экспедиция	1762—2.04.1801	Управляющие: С. И. Шешковский 1762—1794, А. С. Макаров 1794—1801 Высший надзор осуществляли Генерал-прокуроры Сената: А. И. Глебов и Н. И. Панин в 1762—1764 годы, А. А. Вяземский в 1764—1794
14.	Тайная полицейская экспедиция при Санкт-Петербургском генерал-губернаторе	6.11.1800—?	И. Гагельстром в 1800—1802
15.	Комитет высшей полиции	5.09.1805—?	Присутствовали министры: П. В. Лопухин (юстиции), С. К. Вязмитинов (военный), В. П. Кочубей (внутренних дел)
16.	Тайная полицейская экспедиция при Московском генерал-губернаторе	1807—?	?
17.	Комитет охранения общей безопасности (Комитет 13 января)	13.01.1807— 19.01.1829	Члены его в разное время: А. А. Аракчеев, А. Д. Балашов, С. К. Вязмитинов, И. И. Дмитриев, П. В. Лопухин, А. С. Макаров, Н. Н. Новосильцев, Н. И. Салтыков и др.
18.	Министерство внутренних дел (до 1880 г. занималось делами политического розыска лишь частично. Это не являлось его главной задачей)	1802—1917	В. П. Кочубей (8.09.1802—24.11.1807), А. Б. Куракин (24.11.1807—31.03.1810), О. П. Козодавлев (31.03.1810—24.07.1819), А. Н. Голицын (5.08—4.11.1819), В. П. Кочубей (4.11.1819—26.06.1823), Б. Ф. Кампенгаузен (28.06.—29.08.1823), В. С. Ланской (29.08.1823—19.04.1828), А. С. Закревский (19.04.1828—19.11.1831), Д. Н. Блудов

		(19.11.1831—10.03.1839), А. Г. Строганов (10.03.1839— 21.10.1841), Л. А. Перовский (21.10.1841—30.08.1852), Д. Г. Бибииков (30.08.1852— 20.08.1855), С. С. Ланской (20.08.1855—23.04.1861), П. А. Валуев (23.04.1861— 9.03.1868), А. Е. Тимашев (9.03.1868—27.11.1878), Л. С. Маков (27.11.1878— 6.08.1880), М. Т. Лорис-Мели- ков (6.08.1880—4.05.1881), Н. П. Игнатъев (4.05.1881— 30.05.1882), Д. А. Толстой (30.05.1882—25.04.1889), И. Н. Дурново (6.05.1889— 15.10.1895), И. Л. Горемыкин (15.10.1895—20.10.1899), Д. С. Сипягин (20.10.1899— 2.04.1902), В. К. Плеве (4.04.1902—26.08.1904), П. Д. Святополк-Мирский (26.08.1904—18.01.1905), А. Г. Булыгин (20.01.1905— 22.10.1905), П. Н. Дурново (23.10.1905—22.04.1906), П. А. Столыпин (25.04.1906— 5.09.1911), А. А. Макаров (20.09.1911—16.12.1912), Н. А. Маклаков (26.12.1912— 5.07.1915), Н. Б. Щербатов (5.07.1915—26.09.1915), А. Н. Хвостов (27.09.1915— 3.03.1916), Б. В. Штурмер (3.03.1916—7.07.1916), А. А. Хвостов (7.07.1916— 16.09.1916), А. Д. Протопопов (18.09.1916—27.02.1917)
19. Особенная канцелярия Министерства полиции (с 1819 года — МВД)	1811—1826	Я. И. де Санглен 1811—1812 М. Я. фон Фок 1812—1826
20. Третье отделение собственной Его императорского Величества канцелярии	3.07.1826— 6.08.1880	А. Х. Бенкендорф 1826—1844, А. Ф. Орлов 1844—1856, В. А. Долгоруков 1856—1866, П. А. Шувалов 1866—1874, А. Л. Потапов 1874—1876, Н. В. Мезенцов 1876—1878, Н. Д. Селиверстов 08.—09.1878, А. Р. Дрентельн 1878—1880
20. Департамент полиции (первоначально — Депар- тамент государственной полиции) МВД	6.08.1880— 10.03.1917	барон И. О. Велио (17.08.1880— 12.04.1881), В. К. фон Плеве (15.04.1881—20.07.1884), П. Н. Дурново (21.07.1884— 3.02.1893), Н. И. Петров (10.02.1893—22.07.1895),

Н. Н. Сабуров (22.07.1895—  
17.04.1896), С. Э. Зволянский  
(17.04.—22.05.1896, 14.08.1897—  
9.05.1902), А. Ф. Добржинский  
(23.05.1896—14.08.1897),  
А. А. Лопухин (9.05.1902—  
4.03.1905), С. Г. Коваленский  
(6.03.—29.06.1905), Н. П. Гарин  
(29.06.—9.11.1905), Э. И. Вуич  
(9.11.1905—13.06.1906),  
М. И. Трусевич (13.06.1906—  
29.03.1909), Н. П. Зуев  
(29.03.1909—21.02.1912),  
С. П. Белецкий (21.02.1912—  
28.01.1914), В. А. Брюн-  
де-Сент-Ипполит (3.02.1914—  
4.09.1915), Р.(Г). Г. Моллов  
(6.09.—23.11.1915), К. Д. Ка-  
фафов (23.11.1915—14.02.1916),  
Е. К. Климович (14.02.—  
15.09.1916), А. Т. Васильев  
(28.09.1916—28.02.1917)

#### ДЕЯТЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА В РОССИИ ДО 1917 ГОДА

**Басманов-Плецев** Алексей Данилович (? — около 1570) — военный и государственный деятель. Отличился в Казанских походах 1551—1552 годов, при отражении крымского набега 1555 года и в Ливонской войне. Окольный с 1552 года, боярин с 1555 или 1556 года. Вдохновитель опричнины. Убит по приказу Ивана IV собственным сыном Федором.

**Башмаков** Дементий Минич (?—1705). Дьяк приказа Тайных дел. Думный дьяк (1663), печатник (1668). Пользовался особым доверием царя Алексея Михайловича. Руководил следствием по делу патриарха Никона и другим.

**Белецкий** Степан Петрович (1872, Черниговская губ. — 5.09.1918, Москва). Из мещан. Окончил юридический факультет Киевского университета (1894). Служил в канцеляриях ряда губернаторов (киевского, виленского, ковевского). С 02.1907 года самарский вице-губернатор. С 07.1909 года вице-директор ДП. С 02.1912 года директор ДП. С 01.1914 года сенатор. С 09.1915 года товарищ министра внутренних дел. Уволен в отставку в 02.1916 года. С марта 1917 года в заключении в Петропавловской крепости. Расстрелян 5.09.1918 года.

**Бельский** Богдан Яковлевич (?—7.03.1611, Казань). Из дворян. Племянник Г.Л. Малюты Скуратова — Бельского. Выдвинулся в период опричнины. Оружничий с 1578 года, окольный с 09.1598. С Х1.1601 года руководил одним из Судных приказов. Сослан в начале 1602 года Возвратился в Москву после смерти Б.Годунова в мае 1605 года. Получил боярство от Лжедмитрия I. С 1606 года воевода в Казани. Убит горожанами.

**Бенкендорф** Александр Христофорович (23.06.1781 или 1783—23.09.1844, СПб.). Генерал от кавалерии (1829), граф (1832), почетный член СПб. АН (1827). Окончил иезуитский пансион (1798). С 1798 года на военной службе. Участник войн с Турцией, Францией. Командир дивизии. С 1819 года начальник штаба Гвардейского корпуса. С 1824 года губернатор Васильевского

о-ва в СПб. Член Верховной следственной комиссии по делу декабристов. С июля 1826 года начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов, командующий Императорской Главной квартирой (часть Военного министерства, находящаяся при императоре для принятия его личных приказаний). С 1831 года член Кабинета министров.

**Брюн де Сент Ипполит** Валентин Анатольевич (31.05.1871—1918). Директор ДП (3.02.1914—4.09.1915). Француз по происхождению. Православного вероисповедания. Тайный советник. Из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1893). Служил в Министерстве юстиции: товарищ прокурора Нижегородского окружного суда, С.-Петербургского окружного суда; прокурор Екатеринодарского окружного суда, Московского окружного суда; Омской судебной палаты. Сенатор с сентября 1915 года.

**Васильев** Алексей Тихонович (1869—?). Директор ДП (28.09.1916—27.02.1917). Сын чиновника. Окончил Киевский университет. С 1891 года служил по судебному ведомству: товарищ прокурора Луцкого, Киевского, Сибирского окружных судов. С 1906 года чиновник особых поручений при ДП. С июля 1906 года заведующий Особым отделом ДП. В 1909 года ушел из ДП на прежнюю должность товарища прокурора Сибирского окружного суда. В 1913 года вновь в ДП: чиновник особых поручений при министре внутренних дел, вице-директор ДП. Действительный статский советник. По некоторым отзывам, картежник, пьяница и друг П. Г. Курлова.

**Велио** Иван Осипович (6.01.1830, Царское Село — 30.01.1899, СПб.). Из дворян, барон. Сын коменданта Царского Села. Окончил Александровский лицей (1847). Служил в МИД. С 1861 года в МВД: херсонский вице-губернатор, бессарабский гражданский губернатор, одесский градоначальник, симбирский губернатор. С декабря 1866 года директор Департамента полиции исполнительной. С июня 1868 года директор Почтового департамента МВД. С 08.1880 года директор ДП МВД. С 04.1881 года сенатор. С 05.1896 года член Государственного совета.

**Волковский** Михаил Никитич (9.10.1731—8.12.1789), князь. Генерал-аншеф, сенатор. Его мать была сестрой канцлера А. П. Бестужева. С ноября 1756 года посол в Варшаве. С августа 1758 года участник Семилетней войны (1756—1763). Командир отряда, корпуса. В 1768—1771 годы вновь посол в Варшаве. Главнокомандующий в Москве в 1771—1780 годы. С 1780 года в отставке.

**Вунч** Эммануил Иванович (25.11.1849—?). Из дворян. Окончил юридический факультет СПб. Университета (1871). Служил в Министерстве юстиции: при Сенате, товарищ прокурора и прокурор ряда окружных судов (Московского, СПб., Тульского). Директор ДП (9.11.1905—13.06.1906). Сенатор.

**Вяземский** Александр Алексеевич (3.08.1727—8.01.1793, СПб.). Из дворян, князь. Действительный тайный советник (1774). Окончил Кадетский корпус (1747). Исполнял секретные поручения за границей. С 1764 года генерал-прокурор Сената. Одновременно руководил Межевой экспедицией (с 1765 г.). Комиссией по составлению Уложения (1767—1768), строительными работами в СПб. и его окрестностях, Экспедицией государственных доходов (с 1789). В 80-е годы фактический руководитель юстиции, внутренних дел и финансов. Член Совета при Высочайшем Дворе (с 1769). С 1789 года тяжело болен.

**Гавельстром** Иван (?—?). В конце XVIII в. вступил на русскую службу, очевидно не поменяв подданства. С ноября 1800 года до осени 1802 года возглавлял Тайную подпольную экспедицию при Санкт-Петербургском военном губернаторе. С конца 1802 года до 1812 года жил в своем имении под Могилевом. Во время Отечественной войны 1812 года выслан по рас-

поряжению министра полиции А. Д. Балашова в Оренбург. Летом 1814 года по ходатайству жены возвращен в могилевское имение. До декабря 1815 года находился на положении высланного на жительство.

**Гарин** Николай Павлович (12.02.1861—?). Из потомственных дворян. Окончил училище правоведения (1882). Служил в министерстве юстиции: при Сенате, Государственном совете, Государственной канцелярии. Директор ДП (19.07—9.11.1905). Сенатор. Член Госсовета с ноября 1915 года. С 04.1916 года помощник военного министра. Тайный советник. В конце февраля 1935 года был выслан с семьей из Ленинграда в Уфу.

**Гартинг** Аркадий Михайлович (Гекельман или Гекельман Авраам-Аарон Мойшевич) (20.10.1861, г. Пинск—?). Из потомственных почетных граждан. Действительный статский советник (1910). Студентом СПб. Горного института в начале 80-х гг. участвовал в революционном движении. С марта 1883 года агент СПб. охранного отделения. После переезда в Дерпт (Юрьев, Тарту) продолжал сотрудничество с охранкой. Действовал под фамилиями Ландезен, Миллер, псевдонимом Мишель. С 1890 года под началом П. И. Рачковского. В 1890 года в целях провокации организовал в Париже мастерскую бомб. В 1892 года принял православие. Руководил охраной Александра III в Копенгагене (1894), Николая II в Бреслау и т. д. С разрешения Александра III 23.03.1894 года получил фамилию Гартинг. С августа 1905 года зав. Заграничной агентуры ДП с центром в Париже. Его роль была открыта в июле 1909 года. С 1910 года в отставке. В годы 1 мировой войны сотрудник русской контрразведки во Франции. После 1917 года жил в Бельгии.

**Герасимов** Александр Васильевич (1861 — после 1933). Генерал-лейтенант. Начальник СПб. охранного отделения (3.02.1905—25.10.1909). Генерал для особых поручений при МВД до 1914 года. С 1914 года в отставке. Эмигрант. Автор мемуаров «На лезвии с террористами».

**Глебов** Александр Иванович (26.08.1722—2.06.1790). Из семьи священников. Генерал-аншеф (1773). С 1737 года в армии. С 1749 года на гражданской службе. Жена — М. С. Чоглокова, племянница Екатерины I. Обер-прокурор Сената (с 12.1755), генерал-прокурор Сената (с 12.1761). Активный сторонник переворота Екатерины II. С 12.1763 года поручены «Тайные дела». 3.02.1764 года снят с поста генерал-прокурора из-за получения крупных взяток и участия в торговых махинациях. С 1775 года генерал-губернатор в Белгороде и Смоленске. В июле 1776 года отстранен за хищения. Указом Е.П. 19.09.1784 года исключен со службы, запрещено жительство в столицах.

**Годунов** Семен Никитич (? — после 05.1605). Возглавлял политический розыск при Борисе Годунове. С 1602 года боярин. Один из руководителей военных действий против Лжедмитрия I. После падения Годуновых убит в тюрьме.

**Грязной** Василий Григорьевич (до 1551 — после 1577). Начал службу при князе В. А. Старицком, двоюродном брате Ивана IV. Один из активнейших деятелей опричнины. В 1569 года участвовал в следствии о «заговоре» своего бывшего господина. С 1570 года думный дворянин. В 1573 году попал в плен к крымским татарам. В Россию не вернулся.

**Дмитриев-Мамонов** Иван Ильич (1680—1730). Участник Северной войны. В 1709 году — майор гвардии. Один из руководителей политического розыска. В 1719 году советник Военной коллегии, составил «Воинский регламент». Женился морганатическим браком на царевне Прасковье (дочери Ивана Алексеевича). Один из первых кавалеров ордена св. Александра Невского (1725). С 1726 года — сенатор. Генерал-аншеф (1730).

**Джунковский** Владимир Федорович (7.09.1865, С.-Петербург — 21.02.1938, Москва). Из дворян Полтавской губ. Окончил Пажеский корпус

в 1882 году. В 1882—1891 годы служил в гвардии. С 23.12.1891 года по 4.02.1905 года адъютант Великого князя Сергея Александровича. С 12.08.1905 года московский вице-губернатор; с 11.11.1905 года — московский губернатор. Товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (25.01.1913—19.08. 1915). Командир бригады, дивизии, 3-го Сибирского корпуса в 1915—1917 годы. Арестовывался в ноябре 1917 года, в сентябре 1918 года, в 1921 году. В 20-е годы консультировал органы советской власти по вопросам, связанным с обеспечением государственной безопасности. Последний раз арестован в 1937 году и расстрелян по приговору судебной тройки при Управлении НКВД по Московской области 21 февраля 1938 года. Оставил мемуары.

**Добржинский** Антон Францевич (1844—8.08.1897). Из потомственных дворян. Окончил юридический факультет Киевского университета (1868). Служил в Министерстве юстиции: следователь, товарищ прокурора, прокурор. Директор ДП (23.05.1896—14.08.1897).

**Долгоруков** Алексей Григорьевич (?—30.09.1734, Березов Тобольской провинции). Светлейший князь (1729). Из рода Долгоруковых. С 1713 года — смоленский губернатор, с 1723 года — президент Главного магистрата. С 1727 года воспитатель Великого князя Петра (будущего Петра II). С 02.1728 года — член Верховного тайного совета. После смерти П. II пытался добиться престола для своей дочери Екатерины — невесты Петра II. Сослан в 04.1730 года.

**Долгоруков** Василий Андреевич (24.02.1804—6.01.1868, СПб.). Князь. Генерал от кавалерии (1856). Член Государственного совета (1853). Получил домашнее образование. С 1821 года служил в армии. Товарищ военного министра (с 1848), и.д. военного министра (с 1852), военный министр (с 04.1853). Начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов (06.1856—04.1866). Обер-камергер Двора.

**Дренгель** Александр Романович (7.03.1820, Киев — 15.07.1888, Киев). Из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1838). Служил в армии. Командир дивизии (с 1862 года). С 1872 года командующий Киевским ВО. Генерал от инфантерии (1878). С 15.09.1878 года начальник III Отделения и шеф Отдельного корпуса жандармов. 13.03.1879 года на него совершил покушение Л. Мирский. Оставил пост 28.02.1880 года после взрыва в Зимнем дворце. С мая 1880 года Одесский генерал-губернатор, с января 1881 года — киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского ВО.

**Дурново** Петр Николаевич (24.03.1842, Москва — 11.09.1915, СПб.). Из дворян. Внучатый племянник адмирала М. П. Лазарева. Окончил Морской кадетский корпус (1860) и Александровскую военно-юридическую академию (1870). В 1860—70 годах. — на флоте. С 1870 года на юридической работе: товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов. С октября 1881 года в ДП МВД. С 23.08.1884 года директор ДП. Уволен 3.02.1893 года за обыск квартиры бразильского дипломата по личным соображениям (поиск доказательств, что его любовница изменила ему с дипломатом). Сенатор. Товарищ министра внутренних дел (с 25.02.1900 г.), управляющий МВД (23.10.1905—22. 04.1906). Член Государственного совета (с 30.10.1905). Действительный тайный советник (с 1.01.1906). Один из наиболее активных противников курса П. А. Столыпина в Государственном совете. В феврале 1914 года направил записку Николаю II, доказывая, что война с Германией неизбежно приведет к революции.

**Еремин** Александр Михайлович (1872—?). Окончил Оренбургский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Казачий отдел Офицерской стрелковой школы. На военной службе с 1891 года в От-

дельном корпусе жандармов с 21.01.1903 года Начальник Тифлиского ГЖУ, Особого отдела ДП (с 21.01.1910), Финляндского ЖУ (с 11.06.1913). Генерал-майор (с 6.12.1915). В 1919 года в штабе Оренбургской армии, возможно начальник разведывательного отделения. Эмигрант.

**Заварзин** Павел Павлович (1868—?). Окончил реальное училище, Одесское пехотное юнкерское училище (1888). С 1898 года в Отдельном корпусе жандармов. С 1909 года занимал высокие посты: начальник Одесского и Варшавского ГЖУ, начальник Московского охранного отделения. Генерал-майор. В эмиграции опубликовал книгу «Жандармы и революционеры».

**Захарьин** Михаил Юрьевич (?—16.10.1539). С 1514 г окольничий, затем боярин. После смерти Василия III (1533) был назван в числе трех ближайших советников Елены Глинской. Руководил расследованием ряда политических дел.

**Зволянский** Сергей Эрастович (1854—2.03.1912). Из дворян. Окончил Училище правоведения. Участвовал в войне 1877—1878 годов. С апреля 1881 года в Департаменте государственной полиции МВД. С февраля 1893 года вице-директор ДП. Директор ДП (17.04—22.05.1896, 6.06.1896—14.08.1897 как и. о.; 14.08.1897—9.05.1902). Сенатор.

**Зубатов** Сергей Васильевич (26.03.1864, Москва — 2.03.1917, Москва). Из обер-полицейских детей. Не закончил гимназию. Канцелярский служитель в Московской дворянской опеке с 1884 года, с 1886 года телеграфист III разряда на Московской центральной станции. Арестован в 1883 года за революционную деятельность. В 1885 года дал согласие на сотрудничество с охранным отделением. С июня 1886 года платный агент. С 1889 года чиновник для поручений Московского охранного отделения. С 1894 года — помощник начальника Московского охранного отделения. С 1896 года его начальник. Зав. Особым отделом ДП (с 10.1902). В августе 1903 года выслан из СПб. 17.11.1903 года уволен со службы с запрещением участвовать в политической деятельности, жить в столицах. 30 ноября 1904 года восстановлен в правах, пенсия увеличена до 5 тыс. рублей в год. Работал экспертом в ДП. Узнав об отречении Николая II, покончил с собой.

**Зуев** Нил Петрович (9.03.1857—?). Из дворян. Окончил училище правоведения в 1878 года. Служил по министерству юстиции. С 1894 года в Департаменте полиции. Вице-директор ДП (с 7.02.1903), директор ДП (29.03.1909—21.02.1912), сенатор.

**Кафафов** Константин Дмитриевич (1863—?). Исполнял дела директора ДП (23.11.1915—14.02.1916). Армянин, сын надворного советника (чиновник VII класса). Окончил СПб. университет, юридический факультет. Служил с 1888 года: в канцелярии Сената, прокурор ряда окружных судов (Елец, Орел), товарищ прокурора Московской судебной палаты. Со 2 апреля 1912 года вице-директор ДП.

**Климович** Евгений Константинович (1871—1930). Из дворян Витебской губернии. Окончил Полоцкий кадетский корпус и 1-е Павловское юнкерское училище. С 1890 года служил в 69 пехотном Рязанском полку. С 1898 года в Отдельном корпусе жандармов: адъютант Волынского ГЖУ, помощник начальника Петроковского ГЖУ, начальник ЖУ Бендинского уезда (Польша), начальник Виленского охранного отделения, и. д. виленского полицмейстера (с 06.1905), и. д. начальника Московского охранного отделения (с 01.1906), и. о. помощника московского градоначальника (с 6.04.1907), зав. Особым отделом ДП (22.06.1908—26.12.1909). Ранен при покушении на него 27.10.1905 года в Вильно. Градоначальник в городах Керчь-Еникале, Ростов-на-Дону, Москва (с 06.1915). Директор ДП (14.02—15.09.1916). Сенатор. Генерал-лейтенант по армейской пехоте. В 1919—



1920 годы служил в Добровольческой армии. В марте 1920 года эвакуировался из Новороссийска в Югославию.

**Коваленский** Сергей Григорьевич (1862—?). Из потомственных дворян. Окончил Училище правоведения (1879). Служил в Министерстве юстиции: товарищ прокурора ряда окружных судов (Баку, Новочеркасск, СПб.), областной прокурор, помощник начальника Главного тюремного управления, прокурор ряда судебных палат (Иркутск, Тифлис, Варшава). Директор ДП (6.03.1905 года — 29.06.1905). Сенатор.

**Комиссаров** Михаил Степанович (1870 — после 1927). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. С 1904 года руководитель контрразведки при СПб. ГЖУ. С 15.09.1906 года помощник начальника СПб. охранного отделения. С 29.05.1909 года по март 1916 года начальник Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского, Варшавского жандармских управлений. Прославился неразборчивостью средств с целью продвижения по службе. После 1917 года, по некоторым сведениям, агент ВЧК—ОГПУ в среде российской эмиграции.

**Кочубей** Виктор Павлович (1768—1834), князь. Племянник князя А. А. Безбородко. В 7 лет записан в гвардию капралом. На дипломатической работе в Швеции, Англии. В 1792—1797 годах русский посланник в Турции. С 1798 года вице-канцлер Коллегии иностранных дел. С 1801 года сенатор. В 1801—1803 годах член Негласного комитета или «кружка молодых друзей» Александра I. В 1801—1802 годы управлял Коллегией иностранных дел. В 1802—1807 и 1819—1823 годах — министр внутренних дел. С 1827 года председатель Государственного совета и Комитета министров.

**Красильников** Александр Александрович (1864—?). Из дворян. Окончил Николаевское кавалерийское училище. С 1884 года корнет лейб-гвардии конногвардейского полка. Товарищ П. Г. Курлова по полку. С 1901 года в отставке. С апреля 1909 года служит в МВД. С ноября 1909 года направлен в Париж заведующим заграничной агентурой. В его распоряжении находилась группа опытных жандармских офицеров (Долгов, Лиховский, Люстих, Эргардт). С осени 1913 года его статус в Париже был легализован как официального представителя МВД.

**Курлов** Павел Григорьевич (1860—1923). Из дворян. Минский губернатор (1905—1906), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909—1911). Один из виновников гибели П. А. Столыпина. После 1917 года эмигрант.

**Липранди** Иван Петрович (1790—1880). Отец приехал в Россию из Пьемонта (Италия). Участник войны 1812—1814 годов. В 20-е годы военный разведчик. С 1840 года чиновник особых поручений при министре внутренних дел, с 1856 года при удельном ведомстве. Вел тайный розыск по делу о кружке М. В. Петрашевского. Историк. Среди его трудов: «Бородинское сражение» (1861), «Болгария» (1877) и другие.

**Лопухин** Алексей Александрович (1862—1.03.1928, Париж). Из древнего дворянского рода, ведущего родословную от касожского князя Редеди (X—XI века). Окончил юридический факультет Московского университета (1886). Служил в Министерстве юстиции: судебный следователь, товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов (Москва, Тверь, СПб., Харьков). Директор ДП (9.05.1902—4.03.1905 годы). Эстляндский губернатор (4.03—27.10.1905). После выхода в отставку написал книгу «Настоящее и будущее русской полиции» (М; 1907). Сотрудничал в ряде коммерческих предприятий. В 1908 года подтвердил В. Л. Бурцеву данные о провокаторстве Е. Азефа. Арестован 19.01.1909 года. Был судим Особым присутствием Сената и 1.05.1909 года приговорен к каторжным работам на 5 лет и лишен всех прав

состояния. Общее собрание Сената заменило каторгу ссылкой на поселение в Сибирь. Отбывал ее в Красноярске. Помилован 4.12.1912 года, восстановлен в правах. Вернулся в Москву в 1913 г., сотрудничал в ряде банков (вице-директор Сибирского торгового банка). До 1923 года жил в Москве. Затем выехал за границу. Член правления международного коммерческого банка в Париже.

**Макаров** Александр Семенович (1750—26.01.1809 или 1810). Служил секретарем при рижском генерал-губернаторе, затем в Санкт-Петербурге при генерал-прокуроре Сената. После смерти С. И. Шешковского стал в июле 1794 года обер-секретарем Тайной экспедиции. На этом посту активно занимался тюремным делом: ревизовал Алексеевский рavelин, Кексгольмскую крепость и др. С 1800 года тайный советник и сенатор. С января 1807 года член «Комитета охранения общей безопасности». О нем сохранилось много доброжелательных отзывов подследственных.

**Мардарьев** Михаил Георгиевич (25.04.1858 — около 1918, Петроград). Из личных дворян. Окончил 6 классов реального училища (1876). С 1880 года в МВД с прикомандированием к СПб. почтамту. С 1884 года служил по перлюстрации. С 11.09.1914 года, будучи старшим цензором СПб. цензуры иностранных газет и журналов, стал руководителем всей службы перлюстрации в Российской империи. Тайный советник.

**Медников** Евстратий Павлович (1853 — 2.12.1914). Из крестьян. Закончил церковно-приходскую школу. В 1878—1881 годы на военной службе. Уволен в запас старшим унтер-офицером. С 1881 года околоточный надзиратель Московской городской полиции, филер. В 1883 году получил чин коллежского регистратора. В 1888 году назначен заведующим наблюдательным составом Московского охранного отделения. Руководитель Летучего отряда филеров. В связи с пожалованием ордена Св. Владимира 4-й степени в 1901 году стал потомственным дворянином. С апреля 1906 года в отставке. С 1910 года психически болен.

**Мезенцов** Николай Владимирович (11.04.1827—4.08.1878). Из дворян. Правнук А. В. Суворова. С 1845 года на военной службе. Участник Крымской войны 1853—1856 годов. До 1861 года адъютант князя М. Д. Горчакова, главнокомандующего Дунайской армией. С 1864 года начальник штаба корпуса жандармов. Генерал-адъютант (1871). С 1874 года товарищ шефа жандармов и начальник III Отделения. С декабря 1876 года шеф Отдельного корпуса жандармов. Член Государственного совета (с 01.1877). Заколот кинжалом на Манежной площади революционером С. М. Кравчинским в ответ на казнь И. М. Ковальского.

**Меншиков** Александр Данилович (1670 или 1673—12.11.1729, Березов). По одной из версий, сын придворного конюха. Денщик Петра I. С 1697 года неразлучен с П. I. Занимал множество высоких должностей. Светлейший князь Ижорский (1707). Фельдмаршал (1709). Прославился также взяточничеством и казнокрадством. С 1714 года находился под следствием. Президент военной коллегии (с 1719). При Екатерине I (1725—1727) истинный правитель государства. Генералиссимус (1727). После смерти Е. I 8.09.1727 года арестован и сослан.

**Моллов** Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867—1925). Директор ДП (6.09.—23.11.1915). Болгарин. Из дворян. Землевладелец Полтавской губернии. Окончил Училище правоведения. С 1889 года служил в Министерстве юстиции: товарищ прокурора ряда окружных судов (Полтава, Ярославль, Москва), прокурор Полтавского окружного суда, председатель Виленского окружного суда, прокурор Одесской судебной палаты. С 1915 года в МВД. Действительный статский советник. В 1918 году на Украине при гетмане Скоропадском занимал правительственный пост в ранге министра.

**Мстиславский Иван Федорович** (?—1586). Его отец поступил на службу Василию III в 1526 году И. Ф. с 1548 года боярин. Первый воевода при взятии Казани в 1552 году. При учреждении опричнины — второе лицо в земщине. В 1571 году обвинен в измене, но не казнен. С 1572 года новгородский наместник. В 1581 году новая опала. При Федоре Иоанновиче в 1586 году сослан в Кирилловский монастырь.

**Орлов Алексей Федорович** (1787—1862). Из дворян. Обучался в частном пансионе. С 1804 года на военной службе. Участник всех войн с Францией начала XIX в. С 1819 года командир лейб-гвардии Конного полка. С 1820 года генерал-адъютант. Сыграл важную роль в подавлении восстания 14.12.1825 года. Пользовался особым доверием Николая I. Граф (1826). Неоднократно исполнял важнейшие дипломатические поручения: подписание мира с Турцией в 1829 г., чрезвычайный посол в Константинополе (1833), глава русской делегации на Парижском конгрессе (1856). Член Государственного совета (1836). В 1844—1856 годы начальник III Отделения и шеф корпуса жандармов. Князь (1855). Председатель Государственного совета и Кабинета министров (1856—январь 1861).

**Остерман Андрей Иванович** (Генрих-Иоганн) (1686—1747, Березов). Из семьи пастора в Вестфалии. Учился в Иенском университете. Бежал из-за дуэли, в 1704 году приехал в Россию. С 1707 года переводчик Посольского приказа, с 1710 года — секретарь приказа. С 1723 года вице-президент Коллегии иностранных дел. При Екатерине I член Верховного Тайного совета. В 1730 году поддержал Анну Иоанновну. Граф (1730). При Анне Леопольдовне генерал-адмирал (1740). При Елизавете Петровне отдан под суд, приговорен к колесованию. Казнь заменена вечным заточением в Березове.

**Панин Никита Иванович** (1718—1783). Из дворян. Граф. С 1747 года посланник в Дании, Швеции. Участник переворота 1762 года в пользу Екатерины II. Воспитатель будущего Павла I. В 1763—1781 годах руководил Коллегией иностранных дел. Автор ряда конституционных проектов.

**Прозоровский Александр Алексеевич** (1732—7.08.1809). Из старинного княжеского рода. Генерал-фельдмаршал (1807). Зачислен в гвардию с 10 лет. Окончил Сухопутный кадетский шляхетский корпус. Участник войн с Пруссией, Турцией, раздела Польши. Был несколько раз ранен. В 29 лет полковник. Орловский и курский генерал-губернатор (1781—1783). Главнокомандующий в Москве (1790—1795). Главнокомандующий русскими войсками в Молдавии (1807—1809).

**Петров Николай Иванович** (20.10.1841—24.12.1905). Из дворян Саратовской губ. Окончил Константиновское военное училище (1860) и Николаевскую академию Генерального штаба (1864). Служил в Главном (Генеральном) штабе (до 1880), начальником штаба Восточно-Сибирского округа, астраханским губернатором и наказным атаманом Астраханского казачьего войска. Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов (с 01.1884). Директор ДП (10.02.1893—22.07.1895). Начальник Главного управления почт и телеграфов (22.07.1895—1902). Член Государственного совета (с 1903). Генерал от инфантерии (1901).

**Плеве Вячеслав Константинович, фон** (1846—15.07.1904). Из остзейских дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1867). Служил в Министерстве юстиции: товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов (Владимир, Тула, Вологда, Варшава, СПб.). Директор ДП в 1881—1884 годах. С 1884 года сенатор, товарищ министра внутренних дел. Действительный тайный советник (с мая 1896 г.). После убийства Д. С. Сипягина в апреле 1902 года министр внутренних дел. Убит Егором Сазоновым бомбой на Измайловском проспекте.

**Потапов Александр Львович** (1818—1886). Из дворян. С 1835 года на военной службе. Участник Крымской войны 1853—1856 годов, начальник штаба пехотной дивизии. С 1860 года обер-полицмейстер Москвы. С октября 1861 года начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III Отделением. С мая 1864 года помощник виленского генерал-губернатора. Генерал-лейтенант и генерал-адъютант (1866). Наказной атаман Войска Донского, начальник Северо-Западного края, командующий войсками Виленского военного округа. Шеф Отдельного корпуса жандармов и главный начальник III Отделения (07.1874—12.1876). Член Государственного совета.

**Ратаев Леонид Александрович** (4.01.1857—1917, Париж). Из потомственных дворян. Отец — управляющий императорской охотой. Закончил Николаевское кавалерийское училище (1878). В 1882 году вышел в отставку и в июне 1882 года причислен к МВД, определен в ДП. С 1894 года по 1902 год возглавлял Особый отдел ДП. Автор пьес «Облачко», «Дон Жуан Австрийский» и других под псевдонимом «Берников». Играл в спектаклях Петербургского драматического кружка. С сентября 1902 года заведующий заграничной агентурой. После ухода в отставку в июле 1905 года остался жить в Париже под фамилией Рихтер. Выполнял отдельные поручения ДП. С 1911 года собирал материалы по масонству.

**Рачковский Петр Иванович** (1851—19.10.1911). Из потомственных дворян. Получил домашнее образование. С 1867 года служил в почтовом ведомстве, в канцеляриях одесского градоначальника, варшавского губернатора, судебным следователем. Был арестован весной 1879 года на короткое время. В 1879 года разоблачен Н. В. Клеточниковым как тайный агент Третьего отделения. С мая 1883 года в ДП МВД. Помощник Г. П. Судейкина. После убийства Судейкина в 1884 году направлен в Париж для розыска жены С. П. Дегаева. С 1885 года руководитель зарубежной агентуры ДП. Организовал 21.11.1886 года налет на народовольческую типографию в Женеве (было уничтожено около 6 тыс. книг и брошюр, около 6 пудов шрифта разбросано по улицам). Поддерживал близкие отношения с рядом политических деятелей Франции (президентом Э. Лубэ и др.), деятелями католической церкви. В 1901 году получил аудиенцию у Льва XIII, папы римского. Действительный статский советник (1901). 15 октября 1902 года уволен в отставку. С 25 января 1905 года снова в ДП, вице-директор ДП (с 4 июля 1905 года до 11 января 1906 года). В июне 1906 года вновь уволен в отставку. Умер на станции Режица от сердечного приступа. Подозревался в изготовлении фальшивки — «Протоколы сионских мудрецов», но твердые доказательства в его причастности к этому отсутствуют. Вместе с тем несомненно его участие в передаче этой фальшивки из Франции в Россию.

**Ромодановский Иван Федорович** (?—15.03.1730). Сын Ф. Ю. Ромодановского. В сентябре 1698 года вместе с отцом вел допросы по делу о восстании стрельцов. После смерти отца управлял Преображенским приказом (1717—1729). Получил титул князя-кесаря (1718). Одновременно главный начальник в Москве (май 1719 — июль 1724), генерал-губернатор Москвы (с 1724). Пользовался уважением Петра I. Нередко письма царя к нему заканчивались словами: «Вашего Величества низжайший слуга Петр». С 1725 года действительный тайный советник. В 1726 году стал кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. Вышел в отставку 4.04.1729 года.

**Ромодановский Федор Юрьевич** (около 1640—17.09.1717). Князь. В 1672 году один из ближних дворян при Дворе Алексея Михайловича. Имел с 1672 года чин комнатного стольника. Участник походов против Турции. В 1689 году ему поручен надзор за царевной Софьей, заключенной в Новодевичий монастырь. Глава Преображенского приказа в 1698 — 1717 годы.

Активный участник петровских забав: потешный генералиссимус с 1691 года. Во время первого Азовского похода (1695) оставлен управлять Москвой. Во время отъезда Петра за границу в составе «Великого посольства» (1697—1698) председатель Совета для управления страной и наместник Москвы. Получил титул «князя-кесаря» и «Величества». Руководил сыском по делу стрельцов в 1698 году. Все отмечали его жестокость. В одном из писем писал Петру на упреки в пьянстве: «Некогда мне с Ивашкою (Хмельничком — символ пьянства) знаться — всегда в крови омываемся». Одновременно выполнял массу других поручений царя: отстраивал Москву после пожара 1701 года, смотрел за торговлей табаком, занимался снабжением армии. Держал в доме ручных медведей. Один из них подносил гостям чарку перцовки. Если гость отказывался, то медведь его царапал.

**Сабуров Николай Николаевич** (1845—17.04.1896). Из мещан. Окончил юридический факультет Московского университета (1867). Служил по Министерству юстиции: товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов (Тула, Москва, Пенза, СПб.), обер-прокурор департамента Сената. Вице-директор ДП МВД (с 14.02.1885), директор ДП (22.07.1895—17.04.1896). Тайный советник (1.01.1896).

**Салтыков Петр Семенович** (?—1772). Граф. Генерал-фельдмаршал (1759). Начал службу в 1714 году солдатом гвардии. Учился во Франции морскому делу. В 1759 году главнокомандующий русской армией в Семилетней войне. В 1760 году отставлен по болезни. С 1763 года главнокомандующий в Москве. В 1771 году во время эпидемии чумы уехал из Москвы, вызвав гнев Екатерины II.

**Салтыков Семен Андреевич** (?—1742). Из рода Салтыковых. Начал службу в Преображенском полку. С 1719 года бригадир, член Военной коллегии. Активный участник отстранения Меншикова в 1727 году. В 1730 году сторонник Анны Иоанновны. С 1730 года член Сената. Граф (1733). С 1732 года московский генерал-губернатор и главнокомандующий.

**Санглен Яков Иванович**, де (1776—1.04.1864). Сын выходца из Франции. Окончил 6 классов Ревельской гимназии. Начал службу в 1793 году переводчиком при штабе вице-адмирала Спиридова. Получив отпуск за границу, прослушал курс лекций по философии в Лейпциге и курс астрономии в Берлине. Вернувшись в Россию, лектор немецкого языка в Московском университете (с 1804). Читал также курс публичных лекций по военным наукам. С 1806 года адъюнкт-профессор. С 1807 года при штабе князя П. М. Волконского. В 1812 году начальник канцелярии Министерства полиции. Доверенный человек Александра I. С 1816 года в отставке. В 1831 году по поручению Николая I расследовал донос князя А. Б. Голицына «О иллюминатстве». Занимался активно литературным трудом. В 1805—1806 годы издавал в Москве журнал «Аврора». Написал «Записки», опубликованные в 1882—1883 годы.

**Селиверстов Николай Дмитриевич** (?—1890). Генерал-лейтенант. После убийства Н. В. Мезенцова революционерами исполнял обязанности начальника Третьего отделения и шефа корпуса жандармов в августе-сентябре 1878 года. В 1890 году был направлен во Францию для ревизии деятельности П. И. Рачковского. Убит в Париже в номере гостиницы. Его убийца, С. Падлевский, покончил с собой. В ряде книг фамилию пишут Селивестров или Сильвестров.

**Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович** (Малюта) (?—1572, Ливония). Вел род от польского шляхтича, выехавшего на Москву при Василии II Темном (XV век). Думный дворянин. Любимец Ивана IV. Задушил в 1569 году митрополита Филиппа. Одну дочь выдал за Б. Годунова, другую — за Д. И. Шуйского. Погиб в ходе Ливонской войны.

**Стрешнев Тихон Никитич** (1644—1719). Сын боярина. С 1686 года боярин. С 1689 года пользовался особым доверием Петра I. При отъезде Петра I за границу в 1697 году оставлен вместе с Ф. Ромодановским управлять государством. С 1701 года во главе Приказа военных дел, затем Разрядного. С 1708 года московский губернатор. С 1711 года сенатор. Петр I называл его в письмах «отцом».

**Судейкин Георгий Порфирьевич** (1850—16.12.1883). Подполковник корпуса жандармов. С 1882 года инспектор Петербургского охранного отделения. Завербовал одного из руководителей «Народной воли» Сергея Дегаева, надеясь с его помощью сделать карьеру, держа революционеров под своим контролем. Убит народовольцами Конашевичем и Стародворским на конспиративной квартире (Садовая ул., 114).

**Толстой Петр Андреевич** (1645—1729, Соловецкий монастырь). Сын окольного. При Дворе с 1682 г., стольник. Во время восстания стрельцов в мае 1682 года решительный сторонник Милославских и противник кандидатуры Петра I на престол. В 1697 году вызвался ехать на учебу за границу. С конца 1701 года посланник в Константинополе. Вернулся в Россию в 1714 году. Сенатор. В 1717 году сумел разыскать бежавшего царевича Алексея и уговорил его вернуться в Россию. Стал начальником Тайной канцелярии. Содействовал воцарению Екатерины I. Член Верховного Тайного совета. После ссоры с Меншиковым сослан в Соловецкий монастырь.

**Траханиот (Траханиотов) Юрий Дмитриевич**. (?—начало XVI в.). Грек. Любимец Ивана III. Боярин. В 1472 году привез из Италии невесту Ивана III — Софью Палеолог.

**Трусевич Максимилиан Иванович** (3.07.1863—?). Из дворян. Окончил Училище правоведения (1885). Служил по министерству юстиции: товарищ прокурора, прокурор ряда окружных судов (Рига, СПб., Новгород). Директор ДП 13.06.1906—29.03.1909). Сенатор. Руководил расследованием действий Киевского охранного отделения после убийства П. А. Столыпина. С 1.01.1917 года член Государственного совета.

**Ушаков Андрей Иванович** (1670—26.03.1747). Сын бедного дворянина. С 1714 года тайный фискал. Один из руководителей временных следственных комиссий. Умел быть нужным каждому новому правителю. В 1730 году поддержал Анну Иоанновну. Сенатор (с 1730). С 1731 года начальник Тайной канцелярии розыскных дел. Вел следствие по делу А. П. Волынского. При Елизавете Петровне участник комиссии по делу А. И. Остермана. Граф (1744).

**Фок Максим** (Магнус Готфрид) Яковлевич, фон (1774 или 1.04.1777 — 27.08. 1831). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. В 1793—1799 годы — в лейб-гвардии Конном полку. С 1802 года — в министерстве коммерции, с 1804 года — ревизор в Москве. С 1806 года служил в милиции (ополчении) Московской губернии. С 1811 года помощник правителя Особенной канцелярии при Министерстве полиции, с 1813 года — ее управляющий. В 1817—1826 годы — директор Особой канцелярии при МВД. Действительный статский советник (апрель 1826). С июля 1826 года управляющий Третьим отделением. Почетный член Вольного общества любителей российской словесности (1816).

**Фомин Александр Дмитриевич** (8.06.1845 — до июня 1917 г.). Из дворян. Окончил Училище правоведения (1864). Служил при Сенате, Святейшем Синоде. С декабря 1884 года в МВД. Определен в цензуру иностранных газет и журналов для занятий перлюстрацией. С 6.12.1891 года руководитель службы перлюстрации в Российской империи. Уволен в отставку 2.06.1914 года в чине действительного тайного советника.

**Шешковский** Степан Иванович (1720 или 1727—1793). Сын полицмейстера города Коломна. Получил домашнее образование. С 1738 года на службе. С 1740 года в Тайной канцелярии в Москве. Затем в Московской конторе тайных розыскных дел. Переведен графом А. И. Шуваловым в СПб. С 1754 года — протоколист в Сенате. С 1757 года секретарь Тайной канцелярии. Затем в Тайной экспедиции. С 1767 года обер-секретарь. Вел все крупные политические и уголовные дела. В ходе пыток читал молитвы.

**Шигона-Поджогин** Иван Юрьевич (?—1530). Боярин (1517). Доверенный человек Василия III. Вел переговоры о принятии русского подданства князьями Глинскими (1508). Руководил следствием по политическим делам.

**Шувалов** Александр Иванович (1710—1771). Из рода Шуваловых. В 1746 году возведен в графское достоинство. Указом Петра III 28.12.1761 года произведен в генерал-фельдмаршалы. Глава Тайной канцелярии.

**Шувалов** Петр Андреевич (1827—1889). Из рода Шуваловых. Граф. СПб. обер-полицмейстер, директор ДП общих дел МВД. Управляющий III Отделением. Генерал-губернатор Остзейского края. Шеф жандармов (1866—1874). Посол в Лондоне (1874—1879).

## КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА

**Агент полиции** (лат. Agege — действовать, двигать, править, управлять) — лицо, действующее по поручению администрации «распорядительной или исполнительной власти» внутри и вне государства для открытия следов политического или уголовного преступления и для розыска или преследования скрывающегося от суда. Также «тайный агент», так как все поручения даются им негласно.

**Агентура** — служба, организованная для сбора секретных сведений политического, военного, экономического характера.

**Агентурные сведения** — данные, полученные от агентов.

**Боярские комиссии** — органы политического розыска, создававшиеся в Русском государстве как временные учреждения для расследования конкретных дел в XVI—XVII веках.

**Вербовка** — пополнение, расширение агентуры путем привлечения на службу.

**Временные следственные комиссии** — комиссия, создаваемая для расследования конкретного дела или комплекса дел, связанных между собой.

**Вспомогательный агент** — агент, систематически информирующий органы политического розыска и получающий регулярные денежные награды за ценную информацию. Но не является непосредственно членом «преступного сообщества» и свои сведения получает косвенным путем.

**Департамент полиции** — центральный орган политического розыска и управления полицией в 1880—1917 годы. Образован указом императора Александра II 6.08. 1880 года в составе Министерства внутренних дел как Департамент государственной полиции. Указом Александра II 15.11.1880 года слит с Департаментом полиции исполнительной. Указом Александра III 15.2.1883 года соединен с Судебным отделом Министерства внутренних дел и стал называться Департаментом Полиции. Упразднен постановлением Временного правительства 10 марта 1917 года.

**Донос** — тайное сообщение властям, начальству сведений, содержащих обвинение кого-либо в действиях, нарушающих закон или умыслах на это.

**Дознание** — собирание официальными органами сведений об определенном факте или собрание доказательств, что такой факт состоялся. Уголовное дознание — подготовка материала для судебного расследования.

Средствами дознания по закону (статья 254) являлись «розыски, словесные расспросы, негласное наблюдение». При дознании обычно запрещалось производство обысков, «но если следы преступления могли исчезнуть», то ведущие дознание могли проводить обыски и выемки.

**Жандармское управление** — основные территориальные подразделения Корпуса жандармов. С 1867 года создавались во всех губерниях и областях империи. В шести северо-западных губерниях существовали также уездные управления. С 1867 года также существовали жандармские полицейские управления железных дорог. Последние до 1905 года ведали лишь делами обще полицейского характера, затем и политическим розыском в полосе отчуждения железных дорог.

**Жандармы** — франц. «Gendarmes» — в средние века дворяне, служившие в лейб-гвардии французских королей. В 1445 году при Карле VII было создано 15 рот по 100 тяжелооруженных конных дворян в каждой под именем «жандармы». До 1789 года это имя носили некоторые полки тяжелооруженной французской кавалерии. С 1791 года во Франции подразделения жандармов использовались для наблюдения за поддержанием порядка в армии и внутри государства. В России первые команды жандармов были созданы в Гатчине при дворе наследника Павла Петровича (будущего Павла I) как части военной полиции. С 1827 года особый род государственной полиции, имеющей военную организацию и предназначенной, прежде всего, для борьбы с политическими преступлениями.

**Затейный извetchик** — в XVII веке — ложный доносчик.

**Извет** — в XVI—XVIII веках на Руси означал донос. Извет без подписи назывался подметным письмом.

**Источник** — в сфере политического розыска человек, дающий информацию секретного характера.

**Канцелярия тайных розыскных дел** — центральное государственное учреждение для ведения политического розыска. Образована 6.04.1731 года в Москве из Канцелярии генерала А. И. Ушакова. С января 1732 года находилась в Петербурге. Упразднена манифестом Петра III 21.02.1762 года. Это распоряжение подтвердил указ Екатерины II 19.10.1762 года.

**Конспирация** — в сфере политического розыска методы, применяемые нелегальными организациями и спецслужбами для сохранения в тайне их деятельности, источников информации, членов и т.п.

**Корпус жандармов** — был образован из жандармских подразделений, несших военно-полицейскую службу в армии (с 10.06.1815 года) и существовавших в корпусе внутренней стражи (с 1817 года), указом Николая I 28.04.1827 года. Согласно указу Александра II от 4.01.1875 года был переименован в Отдельный корпус жандармов. До 6.08.1880 года начальник III Отделения являлся одновременно шефом корпуса жандармов. С 6.08.1880 года шефом Отдельного корпуса жандармов стал министр внутренних дел. Указом Александра III 25.06.1882 года была введена должность командира Отдельного корпуса жандармов, которым являлся один из товарищей министра внутренних дел. Корпус жандармов был упразднен указом Временного правительства 4.03.1917 года.

**«Михрютка»** — агент наружного наблюдения очень низкой квалификации; преследуемый объект наблюдения практически открыто.

**Наружное наблюдение** — в сфере политического розыска постоянное или временное сопровождение агентами спецслужб (филерами) всех передвижений определенных лиц для выявления их связей, установления возможных контактов и т. п.

**Негласные расходы** — в сфере политического розыска денежные суммы, отпускавшиеся на работу с секретными сотрудниками, перлюстрацию,

проведение тайных операций и другие нужды, не подлежавшие оглашению. В середине XIX — начале XX веков можно выделить три основных канала, через которые проводились негласные расходы: 1) выделение определенных сумм царем по докладу министра внутренних дел на традиционные или чрезвычайные расходы (перлюстрацию, награды и т. п.). В этом случае отпуск денег сопровождался формулой: «*На известное Императорскому Величеству употребление*»; 2) Особый фонд Департамента полиции МВД; 3) Средства, составлявшие часть жалования или пенсий сотрудников спецслужб. Целый ряд руководителей спецслужб имели свои собственные негласные фонды для работы с агентами.

**Осведомитель** — в сфере политического розыска человек, доставляющий органам спецслужб интересующие их сведения о настроениях, поведении, действиях отдельных лиц, групп или организаций.

**Особый отдел** — в политическом розыске дореволюционной России отдел Департамента полиции, созданный в январе 1898 года для надзора и борьбы с политическими партиями, общественными движениями, охраны императора и высших сановников, руководства агентурой. Здесь была собрана картотека данных о революционных и общественных деятелях России с их фотографиями, библиотека нелегальных изданий. В марте 1914 года переименован в 9-е делопроизводство Департамента полиции, в марте 1915 года включено в 6-е делопроизводство, которое в сентябре 1916 года вновь получило название Особого отдела. Структура Особого отдела в это время состояла из 9 отделений: 1-е ведало «теоретическими вопросами» революционного движения, 2-е — партиями эсеров и анархистов, 3-е — социал-демократами, 4-е — национальными партиями, 5-е — чтением шифров, 6-е — охраной и дознанием, 7-е — выдачей справок о политической благонадежности, 8-е — организацией слежки, 9-е — секретной агентурой.

**«Откровенники»** — арестованные, дававшие на допросах искренние и подробные показания.

**Охранка** — см. охранное отделение.

**Охранное отделение** — органы политического розыска на местах в системе Департамента полиции, существовавшие отдельно от жандармских управлений. Впервые были созданы в Санкт-Петербурге (1866), Москве и Варшаве (1880). С 1902 года имелись во всех крупных городах империи под названием «Розыскные отделения». В 1903 года получили название «Охранные отделения» (Полное название «Отделение по охране общественной безопасности и порядка»). К 1914 году насчитывалось около 60 охранных отделений. Возглавлялись чинами Корпуса жандармов.

**Первая тайная канцелярия** — орган политического розыска, существовавший в 1718—1726 годы. Первоначально был создан для расследования дела царевича Алексея. Возглавлялся П. А. Толстым.

**Перлюстрация** (от лат. «perlustro» — обозрение) — вскрытие частной корреспонденции без ведома авторов писем и их адресатов, в большинстве случаев с нарушением официального законодательства. В Западной Европе существовала с XV века. В 1628 году по распоряжению кардинала Ришелье на парижском почтамте была отведена специальная комната для ведения перлюстрации — так называемый «черный кабинет». В России перлюстрация началась при Петре I, но регулярный характер приобрела при Елизавете Петровне. Секретным указом Екатерины II в 1779 году была организована постоянная служба перлюстрации, существовавшая до 16 марта 1917 года.

**Преображенский приказ** — орган политического розыска, существовавший в 1698—1729 годы.

**Приказ розыскных дел** — орган политического розыска, существовавший в 1689—1694 годы.

**Провокатор** — агент правительственных спецслужб, который не только сообщает какие-то сведения, но и побуждает, подстрекает участников тайной организации к практическим действиям с целью их скорейшего ареста и сурового наказания.

**Провокация** (от лат. «provocatio») — операция, разрабатываемая сотрудниками политического розыска с помощью своего агента, состоящего членом антиправительственного сообщества, и имеющая целью подтолкнуть членов данной организации на какие-то действия, дающие основания для их более полного выявления, скорейшего ареста и сурового наказания.

**Разработка** — операция, проводимая сотрудниками политического розыска для выявления возможно более широкого круга лиц, их связей, а также конкретных доказательств антиправительственной деятельности.

**Розыскной пункт** — первичный орган, в основном, уголовного розыска, но также занимавшийся и политическими делами в конце XIX — начале XX веках.

**Секретный сотрудник (сексот)** — агент органов политического розыска, являющийся непосредственно членом одной из антиправительственных организаций.

**«Слово и дело»** — термин, применявшийся в делах политического розыска в XVII — первой половине XVIII веков. Первоначально означало *дело о словесном оскорблении монарха*. Постепенно приобрело характер заявления о любом государственном преступлении. С этих слов или одного из них начинался любой донос. Манифест Петра III 21 февраля 1762 года отменил формулу «слово и дело». Указ Екатерины II от 19 октября 1762 года запрещал употреблять выражение «слово и дело» и за его использование предлагал органам правопорядка наказывать так же, как «наказываются озорники и безчинники».

**Соглядатай** — в XVIII—XIX веках человек, тайно наблюдающий за кем-либо; сыщик, шпион.

**Сыскной приказ** — орган уголовного и политического сыска. С 1539 года известен под названием Разбойный приказ. Впоследствии несколько раз менял название: Разбойный Сыскной приказ (с 1682), Сыскной приказ (с 1683), Разбойный приказ (с 1689). Прекратил свою деятельность в 1694 году.

**Тайная канцелярия** — руководящий орган политического розыска в России в XVIII веке. Существовало несколько Тайных канцелярий: Первая Тайная канцелярия (1718—1726), Вторая Тайная канцелярия (1731—1762), Контора Тайной канцелярии в Москве (1731—1801).

**Тайная экспедиция** — руководящий орган политического розыска в 1762—1801 годы.

**Третье отделение** Его собственной императорского Величества канцелярии — основной орган политического розыска, созданный указом Николая I 3 июля 1826 года и ликвидированный указом Александра II 6 августа 1880 года.

**Филер** (фр. слово) — с конца XIX века агент наружного наблюдения.

**«Черные кабинеты»** — помещения, где проводилась перлюстрация. Термин возник в 1628 году, когда по приказу кардинала Ришелье на парижском почтамте было выделено специальное помещение для тайного вскрытия дипломатической и частной корреспонденции.

**«Штучники»** — в сфере политического розыска лица, случайно узнавшие какие-то сведения, представляющие интерес для органов розыска и сообщившие об этом властям.



## КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА В РОССИИ XV — НАЧАЛА XX ВЕКА

1. Агафонов В. К. Заграничная охранка. Пг., 1918.
2. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: НЛО, 1999.
3. Борисов А. В. Руководители карательных органов в дореволюционной России. Вып. 1. М., 1979.
4. Брачев В. С. Заграничная агентура Департамента полиции (1883—1917). СПб., 2001.
5. Веретенников В. И. Из истории Тайной канцелярии 1731—1762 гг. Очерки. Харьков, 1915.
6. Веретенников В. М. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
7. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Публикация А. И. Рейтבלата. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
8. Воронцов С. А. Правоохранительные органы. Спецслужбы. История и современность. Ростов на Дону, 1998.
9. Галвазин С. Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.
10. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991.
11. Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. М., 1957.
12. Гурлянд И. Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902.
13. Гурлянд И. Я. Приказ сыскных дел // Сб. статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимировскому-Буданову. Киев, 1904.
14. Джанибеян В. Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М.: Гей, 2000.
15. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1, 2. М., 1997.
16. Жилинский В. Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. Пг., 1918.
17. Жухрай В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991.
18. За кулисами Охранного отделения. Берлин, 1910.
19. Заварзин П. П. Жандармы и революционеры. Париж, 1930.
20. Кобахидзе М. К. К вопросу о возникновении и развитии тайного политического сыска в России // Труды Тбилисского университета. Т. 193. Право, психология, политэкономия. Тбилиси, 1977.
21. Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты. М.-Л., 1928.
22. Колпакиди А. И., Серяков М. Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.: Нева, М.: Олма-Пресс, 2002.
23. Кошель П. А. История сыска в России. Т. 1. Минск, 1996.
24. Кравцев И. Н. Тайные службы империи. М.: РАГС, 1999.
25. Курлов П. Г. Гибель императорской России. Российский империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.: Нева, М.: Олма-Пресс, 2002.
26. Курлов П. Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.-Пг., 1923.
27. Лонге Ж., Зильберт Г. Терроризм и охранка. М., 1924.
28. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. СПб., 1992.
29. Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора. Пг., 1922.
30. Мартынов А. П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов. Воспоминания. Stanford, 1972.
31. Меньщиков Л. П. Охранка и революция. Ч. 1. М., 1925.
32. Нечаев и нечаевцы. М.-Л., 1931.
33. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929.
34. Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906.
35. Новомбергский Н. Слово и дело государево. (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Т. 1. М., 1911.
36. Новомбергский Н. Слово и дело государевы Т. II. Томск, 1909.
37. Оккультные силы России. СПб.: Северо-Запад, 1998.
38. Осоргин М. А. Охранное отделение и его секреты. Б. м., 1917.
39. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917). М.: РОССПЭН, 2000.
40. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сб. документов. М., 2001.
41. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVII вв. М., 1995.
42. Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993.
43. Рябиков В. В. Шпики. М., 1925.
44. Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции). Ростов на Дону, 1918.
45. Семецкий М. И. Тайный сыск Петра I. Смоленск: Русич, 2001.
46. Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России. XVIII — начало XX вв.). М.: Международные отношения, 1994.
47. Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991.
48. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912.
49. Троцкий И. Третье отделение при Николае I. Л., 1990.
50. Членов С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919.
51. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.
52. Ярмыш А. Наблюдать неотступно. Административно-полицейский аппарат царизма и органы политического сыска на Украине в конце XIX — начале XX веков. Киев, 1992.
53. Daly W. Jonathan. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905. Northern Illinois University Press, 1998.
54. Hingley R. The Russian Secret Policy: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations: 1565-1970. L., 1970.
55. Schneiderman I. Sergej Zubatov and Revolutionary Marxism. The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. N.Y., 1976.
56. Schleifman N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement. The SR Party. 1902-1914. London, 1988.
57. Squire P. S. The Third Department: The Establishment and Practice of the Political Police in the Russia of Nicholas I. L., 1968.
58. Zukerman F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880—1917. New York, 1996.

# СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	3
<b>РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ</b> .....	<b>7</b>
<i>Михаил Кром.</i> Зарождение политического розыска в России (конец XV — первая половина XVI века) .....	7
<i>Андрей Павлов.</i> Политический розыск на Руси во второй половине XVI века .....	25
<i>Владлен Измозик.</i> Политический розыск в XVII веке .....	69
<i>Евгений Анисимов.</i> Политический розыск и тайная полиция в XVIII веке .....	89
<i>Федор Севастьянов.</i> Развитие «высшей полиции» при Александре I .....	201
<i>Владлен Измозик.</i> Политический розыск ведет Третье Отделение (1826—1880 годы) .....	248
<i>Зинаида Перегудова.</i> Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880—1917) .....	278
<i>Зинаида Перегудова.</i> Деятельность русской политической полиции за рубежом (Заграничная охранка 1883—1917 годов) .....	314
<i>Владлен Измозик.</i> «Черные кабинеты» в России (XVIII — начало XX веков) .....	333
<i>Анатолий Фомушкин.</i> Страницы истории филерской службы политической полиции (1880—1917 годы) .....	355
<i>Зинаида Перегудова.</i> Организация службы секретной агентуры .....	394
Примечания .....	408
<b>РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ</b> .....	<b>411</b>
<i>Федор Севастьянов.</i> Александр Христофорович Бенкендорф .....	411
<i>Анатолий Фомушкин.</i> Главный филер Российской Империи Е. П. Медников .....	420
<i>Анатолий Куканов.</i> Сергей Васильевич Зубатов .....	426
<i>Анатолий Куканов.</i> А. А. Лопухин — жертва обстоятельств или сознательный диссидент? .....	437
<i>Александр Калмыков.</i> С. П. Белецкий — «поэт политического ремесла» .....	446
<i>Зинаида Перегудова.</i> Был ли Сталин агентом охранки? .....	456
Примечания .....	474

<b>РАЗДЕЛ 3. МЕМУАРЫ</b> .....	<b>482</b>
<i>Александр Поляков.</i> Записки жандармского офицера .....	482
«Ника». Воспоминания жандармского офицера .....	543
<b>РАЗДЕЛ 4. ДОКУМЕНТЫ</b> .....	<b>566</b>
Основные органы политического розыска в России и их руководители в XVI — начале XX веков .....	618
Деятели политического розыска в России до 1917 года .....	621
Краткий словарь терминов политического розыска .....	632
Краткая библиография по истории политического розыска в России XV — начала XX века .....	636